

И 85

А. А. ИСАЕВЪ.

1957

БІбліотека

НАЧАЛА

ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ.

1902
РЕДАКЦІЯ

изданіе седьмое, дополненное.

1909 р.
Інвентарна №

ПЕРЕВІРЕНО
2007

18684

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книжный Магазинъ А. Ф. ШІЗЕРЛІНГА,
бывшій Мельє и
20. Невскій проспектъ. 20.

1908.

ПЕРЕВІРЕНО
2005

Інвентарна №

Это изданіе, по сравненію съ пятымъ, подвергнуто значительной переработкѣ. Кроме указаний на экономическую литературу послѣднихъ лѣтъ и сообщенія новыхъ данныхъ относительно разныхъ явлений хозяйственной жизни, я сдѣлалъ существенныя дополненія по слѣдующимъ вопросамъ: о методахъ политической экономіи (стр. 23—26, 34—37), о размѣрахъ производства (122—29, 132—35), объ общинѣ (176—77), о синдикатахъ (213—23), о прибыли (305—09, 312), о рентѣ (223—32, 335—36), о страхованиі отъ безработицы и установленіи низшаго размѣра заработной платы (372—80), о фабричномъ законодательствѣ и страхованиі рабочихъ въ Россіи (398—400), о цѣнности (425—33), о рыночныхъ цѣнахъ (440—42), о деньгахъ (452—56), о политикѣ внѣшней торговли (574—78, 601—02, 606—07), о кризисахъ (672—76, 679—80), о воздействиі государства на общественное хозяйство (757—64).

Къ семи отдѣламъ книги я пріобщилъ впервые и восьмой—о міровомъ хозяйстве (766—96). Сношенія между народами расширяются и упрочиваются съ каждымъ днемъ. Человѣчество все болѣе приближается къ тому состоянію, когда общественное хозяйство страны становится частью міроваго. Поставивъ себѣ задачу посвятить изслѣдованію міроваго хозяйства особый трудъ, я считаю нужнымъ отметить и въ общемъ курсѣ то вліяніе, которое оказываютъ сношенія между народами на экономический бытъ отдѣльныхъ странъ.

A. Исаевъ.

Кисловодскъ,
26 июля 1904.

Въ настоящемъ, седьмомъ, изданиѣ я отмѣтилъ эко-
номическую литературу послѣднихъ лѣтъ, сообщить новые
данныя о разныx явленіяхъ общественного хозяйства и
сделалъ дополненія, главнымъ образомъ, по слѣдующимъ
вопросамъ: о самолюбіи въ общественной жизни (стра-
ницы 16—21), объ опасности, грозящей Россіи со сто-
роны Японіи (83—84), о способахъ решенія земельного
вопроса въ Россіи (145—49), о новыхъ законахъ отно-
сительно обицны (188—91), о существѣ тарифныхъ до-
говоровъ (300—02), о забастовкахъ (364—66), о союзахъ
работниковъ (375 и 377), о новѣйшихъ завоеваніяхъ
русскихъ работниковъ (421—27), о взаимоотношеніи
цѣнъ золота и серебра (488—90), о способахъ возста-
новленія вексельного курса (522—23), о торговомъ и пла-
тежномъ балансе (604—06), объ усиленіи протекціонизма
на Западѣ (634—38), о страхованиі жизни и перевозокъ
(665—68), о колоніяхъ (752—58).

A. Исаевъ.

Имѣніе Дыкторашви
Ковенской губ.
2 сентября 1907 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
Введение.	1—52
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Основания изложения.	1—25
Потребность. Благо. Полезность. Ценность. Имущество. Хозяйство. Наука о хозяйствѣ. Примѣчанія.	
ГЛАВА ВТОРАЯ. Составные части и методы политической экономии.	25—52
Составные части политической экономии. Индуктивная, дедуктивная и статистическая методы. Экономические законы. Степень точности предсказаний. Примѣчанія.	
ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ. — Производство	53—251
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Общее понятие о труде	53—61
Трудъ производительный и непроизводительный. Примѣчанія.	
ГЛАВА ВТОРАЯ. Масса труда въ обществѣ.	61—68
Зависимость массы труда отъ возрастного состава населения, раздѣленія по поламъ, санитарного состоянія народа.	
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Трудъ въ зависимости отъ естественной природы.	68—80
Производительность труда зависитъ отъ климата, почвы, минеральныхъ богатствъ, внутреннихъ водъ. Измѣненія во вѣковой природѣ.	
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Трудъ въ зависимости отъ политико-географического положенія государства.	80—85
ГЛАВА ПЯТАЯ. Производительность труда въ зависимости отъ качества работы.	85—92
Условія, увеличивающія приложеніе. Развитіе рабочаго искусства.	
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Капиталъ.	92—101
Капиталъ въ частномъ и народномъ хозяйствахъ. Виды капитала. Сущность капиталистического производства. Образование капитала.	
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Сотрудничество.	102—110
Простое и сложное сотрудничество. Выгоды раздѣленія труда.	
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Системы хозяйства.	110—126
I. Системы земледѣлія. Выгодности отдельныхъ системъ. II. Ремесло, мануфактура и фабрика. Вліяніе машинъ. Примѣчанія.	
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Размѣры производства.	127—152
Мелкое, среднее и крупное производство въ промышленности и земледѣліи. Недостаточность крестьянскихъ надѣловъ. Борьба съ малоземельемъ. Примѣчанія.	

	СТРАН.
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Общее понятие о формахъ производства.	152—156
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. Общее землевладение . . .	156—194
I. Возникновение земельной общины. II. Виды общинъ въ Россіи. Способы пользованія землею. III. О связи общинного землевладѣнія съ условиями сельского хозяйства. IV. Законы объ общинѣ. V. Живучесть русской общины. Примѣчанія.	
ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ. Семейное или кустарное производство.	195—211
I. Семейный трудъ въ сельскомъ хозяйстве. II. Кустарничество въ деревнѣ и городѣ. Выгоды и недостатки кустарного производства. Кустарная промышленность въ Россіи. Примѣчанія.	
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. Артельное производство.	211—223
Строй артелей. Выгоды, доставляемыя артелями. Условія развитія артелей. Артели на Западѣ и въ Россіи.	
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. Хозяйственное производство	223—246
Частно-капиталистическое производство. Единоличные и многоличные предприятия. Синдикаты. Государственное и общипное производство.	
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. Размыкание системъ и отраслей производства.	247—251
Уединенное государство Тюнена и двѣйствительная жизнь.	
ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.—Распределеніе.	252—428
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Доходъ.	252—263
Валовой доходъ, издержки производства и чистый доходъ съ точки зреія частнаго и народнаго хозяйства. Примѣчанія.	
ГЛАВА ВТОРАЯ. Избытки въ хозяйствахъ и основы распределенія дохода.	263—274
Необходимыя и избыточныя цѣнности. Право собственности.	
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Заработка плата.	274—303
Низшій, средній и высшій уровень заработной платы. Формы заработной платы. Группы рабочаго класса. Естественная заработка плата. Способы вычислениія платы. О платѣ въ различныхъ занятіяхъ. Тарифные договоры. Примѣчанія.	
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Прибыль.	303—329
Теорія происхожденія прибыли. Составная части прибыли. Измененія прибыли съ развитіемъ общественнаго хозяйства. Объективное значеніе прибыли.	
ГЛАВА ПЯТАЯ. Рента.	329—361
Ученія о рентѣ. Определеніе ренты. Условія, способствующія повышению и понижению ренты. Рента въ зависимости отъ права собственности на землю. Рента въ Россіи. Будущее ренты.	
ГЛАВА ШЕСТАЯ. О некоторыхъ мѣрахъ къ улучшенію быта рабочихъ.	361—402
Стачки. Статистика труда. Союзы рабочихъ. Шалаты посредниковъ. Фабричное законодательство. Страхование рабочихъ. Установление низшаго размѣра заработной платы. Примѣчанія.	

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Семьи о положении рабочего класса въ Россіи.	402—428
I. Сельские рабочие. II. Фабричные работники. Русское фабричное законодательство. Страхование рабочих. III. Стачки.	
ОТДѢЛЪ ТРЕТИЙ.—Обмѣнъ.	429—648
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Цѣнность.	429—465
Ученія о цѣнности. Основаніе и мѣрило цѣнности. Общественно-необходимое рабочее время. Цѣна производства. Три теоремы. Примѣчанія.	
ГЛАВА ВТОРАЯ. Рыночная цѣнность.	466—475
Законъ спроса и предложения. Цѣны въ зависимости отъ обычая. Искусственная цѣнность.	
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Деньги.	476—494
Функции денегъ. Условія, опредѣляющія количество денегъ, необходимое для страны. Дѣйствующія монетныя системы. Моно- и биметаллизмъ.	
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Бумажные деньги.	494—509
Обращаемость бумажныхъ денегъ. Лажа. Количество бумажныхъ денегъ и цѣны товаровъ. Способы возстановленія цѣнности бумажныхъ денегъ. Бумажные деньги въ Россіи.	
ГЛАВА ПЯТАЯ. Кредитъ.	509—529
Существо кредитта. Виды кредитта. Кредитные знаки. Условія развитія кредитта. Вліяніе кредитта на обмѣнъ, производство, потребление и распределеніе. Примѣчанія.	
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Банки.	530—541
Обороты банковъ. Виды банковъ краткосрочного и долгосрочного кредитта. Примѣчанія.	
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Кредитъ въ Россіи.	542—568
Государственный банкъ. Городскіе общественные банки. Ссудосберегательныя артели. Земельные банки. Недостатки русскихъ кредитныхъ учрежденій. Ростовщицкий кредитъ.	
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Пути и средства сообщенія.	568—585
Вліяніе путей и средствъ сообщенія на народное хозяйство. Желѣзодорожные тарифы. Пути сообщенія въ Россіи.	
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Торговля.	585—601
Виды торговли. Торговые обычаи. Ирмарки и биржа. Биржевые обороты. Значеніе торговли для народного хозяйства. Соглашеніе торговцевъ. Начала внутренней торговой политики.	
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Политика иностраннѣй торговли.	601—643
I. Понятіе о торговомъ и расчетномъ балансѣ. Доказы протекціонистовъ. II. Воззрѣнія Наттена, Соммера, Уэльса и Джорджа на таможенную политику. III. О вліяніи таможенной политики. IV. Охранительные тарифы не увеличиваютъ производительности труда. V. Развитіе промышленности безъ таможенного покровительства. VI. Торговые договоры. VII и VIII. Таможенная политика на Западѣ и въ Россіи.	
ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.—Потребленіе.	644—682
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Потребленіе въ собственномъ смыслѣ.	644—662
Разряды индивидуальныхъ потребностей. Роскошь и борьба съ нею. Потребительная артели. Общественные потребности. Перемѣны въ потребностяхъ. Примѣчанія.	

	СТРАН.
ГЛАВА ВТОРАЯ. Страхование.	682—682
Виды страхования. Страхование взаимное, промышленное и государственное. Страховое дело въ Россіи и за границей. II. Существо народного продовольствія. Продовольственное дѣло въ Россіи. Условія, препятствующія устройству народного продовольствія. Примѣчанія.	
ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.—Кризисы въ общественномъ хозяйстве.	683—722
ГЛАВА ПЕРВАЯ	683—696
I. Учебія о причинахъ кризисовъ. II. Критика этихъ ученій.	
ГЛАВА ВТОРАЯ	696—722
I. Причины кризисовъ связанны со всемъ строемъ новѣйшей экономической жизни. Острые кризисы. II. Условія, способствующія развитию хроническихъ кризисовъ. III. О коренныхъ средствахъ къ устраненію бѣдствій, связанныхъ съ кризисами. О мѣрахъ борьбы съ кризисами при вынѣшнемъ общественномъ строѣ. Примѣчанія.	
ОТДѢЛЪ ШЕСТОЙ.—Населеніе.	723—77
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Населеніе и средства продовольствія	723—751
Предшественники Мальтуса. Его учение. Причины его ошибокъ. Напрасныя опасенія за будущность человѣческаго рода. Слабый приrostъ населенія не всегда связанъ съ невыгодами для общественной жизни.	
ГЛАВА ВТОРАЯ. Колоніи и переселенія.	751—778
I. Колоніи. II. Условія, вызывающія переселенія. Эмиграція изъ Западной Европы. Переселенія въ Россіи. III. Зависимость переселеній отъ плотности населения. Вліяніе переселеній на государственное и народное хозяйство. IV. Отношеніе государства къ переселеніямъ на Западѣ и въ Россіи.	
ОТДѢЛЪ СЕДЬМОЙ.—Государство и общественное хозяйство	779—811
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Ученія о вмѣшательствѣ государства въ хозяйственную жизнь.	779—785
ГЛАВА ВТОРАЯ	785—811
I. О томъ, что значитъ обязанность государства обеспечивать безопасность, охранять свободу и собственность. II. Важнейшая задача государства въ области народного хозяйства. III. Въ существѣ государства нѣть особенностей, которыя дѣлаются для него невозможнымъ благотворно вліять на общественное хозяйство. IV. Чьими интересами служитъ вмѣшательство государства въ хозяйственную жизнь?	
ОТДѢЛЪ ВОСЬМОЙ.—Вліяніе мироваго хозяйства на экономический бытъ народовъ.	812—842
ГЛАВА ПЕРВАЯ	
I. Развитіе мировой торговли за послѣднія десятилѣтія. II. Вліяніе мировой торговли на раздѣленіе труда между народами, на ростъ и расширение потребностей, на устойчивость цѣнъ, на перемѣщеніе капиталовъ, на ростъ большихъ городовъ, на прибыль, ренту, заработную плату. Возрастаніе взаимной зависимости между народами ускоряетъ прогрессированіе людей. Мировое хозяйство современного типа не является краткимъ періодомъ экономической исторіи.	

ВВЕДЕНИЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Основные понятия.

Пособія. *Іванюковъ*. Політическая Экономія. 3 изд. 1891. *Чупровъ*. Політическая Экономія. 1892. *Скворцовъ*. Основанія политической экономіи. 1898. *Жельзновъ*. Очерки политической экономіи. 1902. *Lotz*. Staatswirtschaftslehre 2 изд. 1887. *Hermann*. Staatswirtschaftliche Untersuchungen. 2 изд. 1870. *v. Mangoldt*. Grundriss der Volkswirtschaftslehre. 1871. *Menger*. Grundsätze der Volkswirtschaftslehre. 1871. *Roscher*. System der Volkswirtschaft. I, и въ русскомъ перевѣдѣ. *Wagner*. Lehrbuch der politischen Oekonomie. I, Grundlagen. 1893. Theoretische Nationalökonomie. 1907. *Schmoller*. Ueber einige Fragen des Rechts u. d. Volkswirtschaft. 1875. *Бло-же*. Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre, I. 1900. *Sidgwick*. The principles of political economy. 1883. *Cohn*. Grundlegung der Nationaloekonomie, 1885. *Jerons*. Theory of Political Economy. 1888. *Marshall*. Principles of Economics I 2 ed. 1891. *Gide*. Principes d'économie politique. 1894. *Walras*. Eléments d'économie politique. 1889. *Schönberg*. Handbuch d. politischen Oekonomie, I, 4 изд. 1896. *Laveleye*. Eléments d'économie politique. 3 изд. 1890. *Caenüs*. Cours d'économie politique. 3 éd. 1893. *Lehr*. Grundbegriffe u. Grundlagen der Volkswirtschaft. 1893. *Philipovich*. Grundriss der politischen Oekonomie, I, 6 Aufl. 1904. *Platter*. Grundlehren der Nationalökonomie. 1903. *Исаевъ*. О себялюбіи, какъ единств. двигатель въ обществ. жизни. Съб. Власти. 1894, IV. *Исаевъ*. Индивидуальность и социализмъ. 1907. *Staudinger*. Wirtschaftliche Grundlagen der Moral. 1907.

Всю жизнь, съ самаго рожденія, человѣкъ ощущаетъ зависимость отъ виѣшней природы и людей. Онъ нуждается въ пищѣ, одѣждѣ, жилищѣ, въ разнообразныхъ личныхъ услугахъ; онъ хочетъ и долженъ удовлетворить эти нужды: только при такомъ условіи и возможно продолженіе жизни. Ощущеніе нужды и связанное съ нимъ стремленіе удовлетворить ее называется *потребностью*¹⁾.

Потребности людей не представляютъ чего-либо неподвижнаго; они различны въ разныхъ странахъ и разныхъ эпохи; въ каждой странѣ потребности одного общественного класса отличны отъ потребностей другого. Житель тропическихъ поясовъ удовлетворяетъ свою потребность въ пищѣ немногими

шриорицами рите или манса, а потребности из одеялъ де-
серткомъ листьевъ, мѣстами прикрывающими погоду. Обитатель
поларныхъ странъ потребляетъ огромныя количества мяса и
жира, чтобы поддержать температуру своего тѣла; онъ нуждается
въ топливе и шкурахъ звѣрей. На низкой ступени граждан-
ственности человѣку известны только потребности тѣла; но
чѣмъ болѣе живетъ человѣчество, тѣмъ болѣе развиваются и
потребности духа. Духовная пища, произведения науки и искус-
ства являются для нѣкоторыхъ слоевъ современаго европей-
скаго общества почти столь же необходимыми, какъ многіе
предметы, удовлетворяющіе потребности тѣла. Исторія человѣ-
чества представляетъ не что иное, какъ исторію роста по-
требностей.

Все, что способно удовлетворить потребности человѣка,
называется *благомъ*. Дабы вещь стала благомъ, необходима на-
личность такихъ условій. 1) Должна быть потребность, которой
соответствуетъ данная вещь. 2) Вещь должна имѣть свойства,
которыя отвѣчаютъ на данную потребность; эти свойства назы-
ваются *полезностью*. 3) Человѣкъ долженъ познать эти свойства
и 4) долженъ имѣть возможность получить эту вещь въ свое
распоряженіе. Если нѣтъ одного изъ этихъ условій, то вещь
не можетъ быть признана благомъ. Возьмемъ для примѣра
силу электричества; она уже получила широкое примѣненіе, а
впередъ будетъ оказывать людамъ еще большія услуги. Эта сила
является благомъ лишь потому, что 1) цивилизованные народы
нуждаются въ средствахъ для быстрого сообщенія извѣстій,
освѣщенія зданій, улицъ, площадей; 2) что сила электричества
въ высокой степени обладаетъ свойствами удовлетворять эти
потребности; 3) что свойства электричества познаны человѣкомъ;
4) что люди могутъ подчинить силу электричества своей власти.
Внѣ цивилизованнаго міра, среди людей, занимающихъ низшія
ступени общежитія, сила электричества не служить благомъ,
ибо на лицо нѣтъ указанныхъ условій. Вещь перестаетъ быть
благомъ и въ цивилизованномъ обществѣ, какъ скоро исче-
заетъ одно изъ 4 условій. Такъ бываетъ обыкновенно съ двумя
первymi: исчезаетъ потребность въ извѣстныхъ вещахъ или
вещи утрачиваютъ полезность. Примѣромъ первого могутъ
служить талисманы, амулеты, удовлетворяющіе потребности
суевѣрнаго человѣка и вовсе ненужные въ обществѣ просвѣщен-
номъ, откуда исчезли послѣдніе остатки суевѣрія. Примѣромъ
втораго могутъ служить старинные самострѣлы, стѣнобитныя
орудія: хотя и теперь ощущается потребность въ предметахъ
этого рода, но ее удовлетворяютъ новѣйшія ружья, пушки, а
названныя вещи обладаютъ столь малою полезностью въ срав-
неніи съ потребностями военнаго дѣла нашего времени, что
перестали быть благами. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ вещь

испростаєтъ быти благомъ. Болѣе часты случаи, когда уменьшается значеніе блага за утратой имъ иныхъ свойствъ, полезныхъ для человѣка: участокъ истощенной земли еще можетъ быть пригоденъ для возведенія зданій, проложенія дороги, но уже не отвѣчаетъ на потребности сельского хозяйства; обмелѣвшая рѣка служитъ для водопоя, но теряетъ значеніе для судоходства ²⁾.

Блага могутъ быть сведены къ тремъ разрядамъ: 1) *Вещественные* — предметы внѣшней природы, какъ существующіе независимо отъ воли человѣка, такъ и созданные его трудомъ. 2) *Дѣйствія людей и животныхъ*. Имѣя всѣ свойства благъ, они отличаются отъ благъ первой группы только тѣмъ, что не могутъ быть сберегаемы и часто не оставляютъ послѣ себя вещественного следа. 3) *Отношенія*, которыхъ могутъ быть отчуждаемы: фирма (репутація предпріятія, основывающаяся на его мѣстѣ среди другихъ предпріятій и на отношеніи къ нему лицъ, которыхъ пользуются его услугами), монополія (отношеніе, установленное между владѣльцемъ исключительного права и лицами, которыхъ пользуются его услугами), издательское право (также можетъ быть причислено къ монополіи) и т. д. Блага третьего разряда являются таковыми только съ точки зрѣнія отдѣльныхъ лицъ. Лицо А можетъ разбогатѣть отъ монополіи, дающей ему исключительное право производить карты, спички, но монополія ничего не прибавляетъ къ запасу благъ, которымъ располагаетъ все общество: избытку на сторонѣ одного соотвѣтствуетъ уменьшеніе благъ въ рукахъ другихъ членовъ общества ³⁾.

По способности удовлетворять нужды людей, блага могутъ быть раздѣлены на нѣсколько классовъ. Одни непосредственно удовлетворяютъ потребности: хлѣбъ, мясо, дома, одежда, лѣкарства; они могутъ быть названы *благами первого рода*. Другія только косвенно служатъ этой цѣли: хлѣбъ въ зернѣ, строевой материалъ, ткани, хлопокъ, металлы. Человѣку нужны эти предметы только какъ средства для полученія благъ первого рода. По степени удаленности предмета отъ потребности, эти блага могутъ быть разбиты на нѣсколько классовъ. Ткань принадлежитъ къ ближайшей группѣ, чѣмъ пряжа; послѣдняя отстоитъ менѣе далеко, чѣмъ машины или зданія, въ которыхъ ведутся промыслы и т. д.

Это дѣленіе помогаетъ намъ уяснить тѣсную связь между благами различныхъ рядовъ. 1) Разъ исчезаетъ какая-нибудь потребность, то становятся ненужными не только предметы, которые прямо удовлетворяютъ ее, но и многія блага удаленныхъ рядовъ. Предположимъ, что исчезла потребность въ табакѣ. Всегда за этимъ не только утратить полезность всѣ наличные запасы табаку, но и будуть исключены изъ ряда

благъ тибетской плащаницы, зданий для сушки табаку, фабрик, на которыхъ они изготавливаются, личные услуги, необходимыя при производствѣ и продажѣ этого предмета. 2) На каждую потребность отвѣчаютъ многія блага; они образуютъ цѣпь, въ которой отдѣльные блага, по степени своей отдаленности отъ нуждъ человѣка, являются послѣдовательными звеньями. Стоить вырвать одно звено — и порвется вся цѣпь, потребность не будетъ удовлетворена. Потребности въ суконной одеждѣ соответствуетъ длинная цѣпь благъ, звеньями которой служатъ: 1) сукно, 2) прижа и краски, 3) шерсть, машины, фабричныя зданія, 4) стада овецъ, 5) пастбища. Можно образовать и еще много звеньевъ изъ вещей, необходимыхъ для получения суконной одежды: металловъ, различныхъ дѣйствій по производству этихъ предметовъ, ихъ перемѣщенію. Если вырвано одно звено, напримѣръ, погибло много овецъ отъ падежа, то хотя бы былъ большой избытокъ въ благахъ, соответствующихъ другимъ звеньямъ цѣпи, потребность въ суконной одеждѣ не можетъ быть удовлетворена.—Въ этомъ сказывается тѣсная связь между благами; она позволяетъ говорить о совокупности благъ, принадлежащихъ данному народу, какъ о системѣ благъ. Части этой системы находятся въ строгомъ соотношении.

Человѣкъ нуждается въ предметахъ, которые непосредственно удовлетворяютъ его потребности. Для получения благъ первого ряда онъ измѣняетъ блага отдаленныхъ рядовъ; при этомъ положеніе человѣка бываетъ не одно и то же. Можно безошибочно предсказать относительно многихъ благъ, что, будучи измѣнены известнымъ образомъ, они дадутъ въ результатѣ определенную сумму полезностей: мясомъ быка въ 25 куловъ можно накормить известное число людей, сотнею аршинъ ситца можно одѣть столько-то лицъ. Но есть области, гдѣ человѣческое предвѣданіе очень ограничено: некоторые законы природы еще мало известны; съ тѣмъ вмѣстѣ еще не довольно развито умѣніе предупреждать неблагопріятныя условія, въ которыхъ человѣкъ нерѣдко ставить природа. Чтобы имѣть хлѣбъ, человѣкъ сѣть пшеницу; но онъ не можетъ предсказать, сколько четвертей дастъ десятина; онъ ловить рыбу, но не знаетъ, какъ велика будетъ уловъ въ предстоящемъ году; онъ начинаетъ разрабатывать пріиски золота и не знаетъ, какимъ успѣхомъ увѣнчается его трудъ. Въ такихъ областахъ человѣческой дѣятельности часто случаются крупныя ошибки; по тѣсной связи между благами всѣхъ рядовъ, они облегчаютъ или затрудняютъ удовлетвореніе разныхъ потребностей и нерѣдко причиняютъ большое разстройство въ материальной жизни народа.

Въ наукѣ уже давно упрочилось дѣленіе благъ на даровыя и

хозяйственныя. Подъ первыми разумѣются тѣ, которые дасть природа бить всякаго воздействиа на нее человѣка; вторую группу образуютъ тѣ, которые созданы человѣческимъ трудомъ. Такъ дѣлать блага съ точки зрѣнія всего человѣчества или единичнаго народа; но нужно измѣнить это дѣленіе, когда блага классифицируются съ точки зрѣнія отдѣльного лица. Говоря о *естественныхъ* богатствахъ страны, мы разумѣемъ не только тѣ дары природы, которые (солнечный свѣтъ, воздухъ, свойства климата) не могутъ быть предметомъ завладѣнія, но и тѣ, которые (участки земли съ дикорастущими плодами, животными, минералами, воды съ рыбами) могутъ быть предметомъ захвата. Словомъ, мы называемъ естественными благами все то, чѣмъ располагаетъ страна независимо отъ труда ея населенія ⁴⁾). Съ точки зрѣнія отдѣльныхъ людей, даровыми благами являются только тѣ изъ даровъ природы, которыми человѣкъ можетъ свободно располагать, или безъ всякаго труда, или съ затратой самыхъ простыхъ усилий (срываніе плодовъ, наполненіе сосуда водою и т. д.). Изученіе свойствъ виѣшнихъ предметовъ убѣждаетъ, что для отдѣльного человѣка только очень немногіе изъ нихъ могутъ быть признаны даровыми благами; таковы—солнечный свѣтъ и теплота, воздухъ и, въ значительной степени, вода. Эти дары природы находятся въ такомъ изобиліи, что пользованіе ими не регулируется, и они являются даровыми благами предпочтительно предъ всѣми другими вещами. Не таковы свойства другихъ даровъ природы; ихъ количество ограничено; съ ростомъ народонаселенія въ нихъ ощущается недостатокъ, и пользованіе ими упорядочивается уже на раннихъ ступеняхъ общественнаго быта. Это—блага, по своей природѣ, даровыя; но *положительное право* дѣлаетъ ихъ хозяйственными. Земля съ дикорастущими плодами и минералами, съ точки зрѣнія человѣчества или отдѣльного народа, есть даровое благо, ибо трудъ не былъ приложенъ къ созданію этихъ вещей; но положительное право дѣлаетъ ихъ хозяйственными: оно требуетъ, чтобы человѣкъ, дабы получить право распоряженія участкомъ земли, затратилъ известное количество денегъ (иначе труда), напримѣръ, купилъ данный участокъ.

Нѣть нужды объяснять, почему признаются хозяйственными блага, созданныя человѣческимъ трудомъ. Но почему признаются таковыми блага, сами по себѣ даровыя? Не есть ли это произволъ законодателя, выражаяющійся въ постановленіяхъ положительного права?

Заботясь объ удовлетвореніи потребностей, человѣкъ раздѣляетъ всѣ блага на два разряда. Одинъ образуютъ тѣ, *запасъ которыхъ превышаетъ размѣры потребностей*. Такими благами можно пользоваться неограниченно, не вносить въ свои

отношения къ нимъ никакого разчета. Соперничество между людьми относительно пользования такими благами невозможно, ибо ни одинъ пользователь не исключаетъ другихъ, не лишаетъ ихъ удобствъ, которыя могутъ быть доставлены этими благами. Кроме воздуха, света, естественныхъ водъ, въ странахъ съ рѣдкимъ населенiemъ сюда относится и земля. Здѣсь каждый завладѣваетъ участкомъ, который ему нравится. Ко второму разряду относится тѣ блага, запасъ которыхъ меньше, нежели потребности человѣка. Ограниченнostь запаса побуждаетъ людей относиться къ этимъ благамъ съ разсчетомъ, дорожить каждой долей запаса. Недостаточность этихъ благъ ведетъ къ тому, что произвольное пользованіе ими однихъ людей причиняетъ неудобства для другихъ. Здѣсь между людьми возникаетъ соперничество; оно и побуждаетъ упорядочить пользованіе этими благами. Упорядоченіе выражается въ томъ, что людямъ даютъ право пользоваться этими благами только подъ условиемъ затраты извѣстного количества труда. Относительно вещей, создаваемыхъ человѣческой работой, такой порядокъ устанавливается самъ собой еще въ эпохи, лежащія за предѣлами исторіи. Обмѣнъ между людьми возникаетъ очень рано; что произведено трудомъ, то обмѣнивается также на трудъ или предметы, которые онъ создалъ. Но, по мѣрѣ роста населенія, такой же порядокъ устанавливается и относительно земли со всѣми ея богатствами. Человѣкъ сознаетъ, что земля ограничена, что она—важнѣйшее благо, что пользованіе ею должно быть упорядочено, т.-е. она не должна быть ничьей, должна сдѣлаться предметомъ права собственности.

Исторія свидѣтельствуетъ, повидимому, что такое объясненіе искусственно, что произволъ, часто дѣлавшій землю хозяйственнымъ благомъ, только прикрывается ссылкою на характеръ потребностей человѣка. Исторія знакомитъ насъ съ обширными поземельными владѣніями частныхъ лицъ, которыя, не нуждаясь даже въ тысячной долѣ своей территории для удовлетворенія потребностей, пользовались и пользуются своимъ правомъ собственности, чтобы допускать другихъ къ этому даровому благу цѣною упорнаго, непосильнаго труда. Таковы нерѣдко отношенія между съемщиками земли и владѣльцами при гражданской свободѣ всего населенія; таковы отношенія—это наиболѣе рѣзкая форма—между господами и ихъ рабами или крѣпостными. На пространствѣ исторіи мы видимъ много формъ права собственности, которая противорѣчить интересамъ большинства населенія. Но дѣло не въ формѣ, а въ *основаніи*, которымъ объясняется право собственности на землю. А основаніе только одно: ограниченность земли и, съ ростомъ населенія, все большая возможность того, что земельныхъ богатствъ будетъ недостаточно. Земля является хозяйственнымъ

благомъ не только при тѣхъ формахъ землевладѣнія, которымъ сопряжены съ новыгодами для многихъ членовъ общества, но и при общинной или государственной земельной собственности, доступной для многочисленныхъ группъ или для всего народа. Древне-германская община-марка не допускала чужеродцевъ къ поселенію въ своихъ предѣлахъ; то же встречаемъ мы и въ швейцарской альмендѣ. Правительство Соединенныхъ Штатовъ уступаетъ переселенцамъ земли не безвозмездно, а за извѣстную плату, хотя владѣть громадными пространствами. Въ Россіи казенные земли продаются или сдаются въ аренду; они уступаются даромъ лишь въ тѣхъ областяхъ, которыя правительство хочетъ заселить изъ видовъ политическихъ. Каковы-бы ни были формы права собственности на землю, послѣдняя перестаетъ быть даровымъ благомъ, при извѣстномъ отношеніи между ея запасомъ и потребностью въ ней. То же слѣдуетъ сказать о внутреннихъ водахъ съ ихъ богатствами. Добавимъ, наконецъ, что въ городахъ, при скученности населенія, и солнечный светъ перестаетъ быть даровымъ благомъ: въ одномъ и томъ же домѣ и при однихъ и тѣхъ же качествахъ жилища, послѣднее цѣлится тѣмъ дороже, чѣмъ больше его оконъ выходить на солнечную сторону.

Итакъ, ростъ потребностей объясняетъ, почему даровые блага переходятъ въ хозяйственныя. Потребность въ данномъ благѣ увеличивается вслѣдствіе трехъ причинъ: 1) возрастаетъ населеніе; 2) увеличиваются потребности; 3) познаются новые свойства вещей, вслѣдствіе чего благо удовлетворяетъ не одну, а вѣсомъ несколько потребностей⁵). Обыкновенно эти три условія развиваются совмѣстно. Съ ростомъ населенія трудъ людей становится болѣе успѣшнымъ и развиваются новые потребности; одновремѣнно съ этимъ большій досугъ и большее накопленіе знаній ведутъ къ новымъ открытиямъ: изучаются свойства вицѣнной природы, которая не были извѣстны предыдущимъ поколѣніямъ. Все это содѣйствуетъ переходу благъ изъ даровыхъ въ хозяйственныя. Число первыхъ все болѣе ограничивается; для современной эпохи въ первый разрядъ можно отнести только светъ и теплоту солнца, воздухъ, силу вѣтра и нѣкоторыя естественные воды, преимущественно, океаны. Все же осталъное—блага хозяйственныя; именно они и вызываютъ между людьми отношенія, которая изучаетъ политическая экономія.

Есть два главныхъ способа приобрѣтенія благъ. 1) *Прямое*, посредствомъ труда, направленного на добываніе, обработку, перемѣщеніе предметовъ; трудящійся совершаеть всѣ эти дѣйствія для удовлетворенія собственныхъ потребностей. 2) *Приобрѣтеніе косвенное*, посредствомъ *обмѣна*; въ послѣднемъ случаѣ потребность удовлетворяется не тѣми благами, которые произ-

ведены лицомъ, имѣющими потребности, по тѣмъ, которые получены за нихъ въ обмѣнъ. Къ этимъ двумъ формамъ примыкаетъ и 3) приобрѣтеніе безмездное, чрезъ насилование, благотвореніе и т. п. Послѣдняя форма приобрѣтения имѣеть немаловажное значение, однако, она не играетъ такой роли, какъ двѣ первыя. Наибольшая часть потребностей удовлетворяется двумя первыми способами ⁶⁾.

Первый способъ приобрѣтенія благъ не нуждается въ объясненіи. Возможность же второго становится понятною только по ознакомленіи съ тѣмъ свойствомъ благъ, которое называется цѣнностью.

Цѣнность есть способность блага обмѣниваться на другія блага. Всѣ обмѣниваемыя вещи имѣютъ двѣ особенности. 1) Всѣ онѣ полезны, т.-е., обладаютъ способностью удовлетворять потребности цѣлаго народа, извѣстныхъ классовъ или хотя немногихъ членовъ общества. 2) Всѣ онѣ являются хозяйственными благами. Отсутствие этихъ обоихъ свойствъ или одного изъ нихъ лишаетъ блага возможности имѣть цѣнность. Такимъ образомъ, тѣ блага, которыхъ являются плодомъ труда, но не могутъ удовлетворять чью-либо потребность, не имѣютъ и цѣнности: таковы, напримѣръ, лѣкарства, которыя, съ дальнѣйшимъ развитиемъ знаній и медицинского искусства, признаются бесполезными; таковы произведенія науки и искусства въ средѣ, которая не можетъ ими пользоваться. Воздухъ, солнечный свѣтъ, какъ даровыя блага, также не имѣютъ цѣнности.

Отъ цѣнности нужно отличать *цѣну*. Первая есть только способность блага обмѣниваться на другія блага. Какъ скоро эта способность получила вѣнчаное выраженіе въ совершившемся обмѣнѣ, мы имѣемъ новое понятіе—*цѣну*. Цѣна есть то отношеніе, въ которомъ блага обмѣниваются другъ на друга. Тѣсная связь между обоими понятіями выражается въ томъ, что второе необходимо предполагаетъ первое (обмѣнъ благами совершился, получилась *цѣна*, если эти блага были способны къ обмѣну, т. е. имѣли *ценность*); первое же не всегда влечетъ за собой второе. Но между ними есть и крупное различие: цѣнность постоянно присуща хозяйственнымъ благамъ и не подлежитъ рѣзкимъ и частымъ измѣненіямъ. Цѣну же блага имѣютъ не всегда, и она часто испытываетъ рѣзкія колебанія. Поэтому, изъ способности блага къ обмѣну нельзя безошибочно заключить ни то, когда совершился обмѣнъ, ни то, *въ какомъ отношеніи* онъ совершился.

Отлагая до другого мѣста полное ученіе о цѣнности и цѣнѣ, мы можемъ перейти къ опредѣленію *имущества*. Подъ нимъ разумѣютъ совокупность хозяйственныхъ благъ, принадлежащихъ физическому или юридическому лицу. Это опредѣленіе

можетъ быть примѣнено къ имуществу отдельного лица, общины, города, государства. Для того, чтобы можно было распространить его на народъ, какъ коллективное цѣлое, нужно измѣнить его: *народное имущество* есть совокупность находящихся въ странѣ имуществъ физическихъ и юридическихъ лицъ (какъ подданныхъ, такъ и иностранцевъ), входящихъ въ составъ данного народа. *Богатствомъ* называемъ мы большое имущество сравнительно со многими другими.

Имущество представляется въ двоякомъ видѣ: 1) предметы, которые непосредственно удовлетворяютъ потребности и 2) предметы, служащіе для дальнѣйшаго производства. Хлѣбъ, мясо, рубашка, книга, картина, домашняя утварь предназначены для того, чтобы удовлетворять потребности людей въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ, въ наслажденіи художественнымъ творчествомъ. Всѣ предметы этого рода образуютъ *потребительные запасы*. Топоръ, пила, ткацкій станъ, прядильная машина, паровой молотъ, зданіе, въ которомъ помѣщается писчебумажная фабрика, на-возное или фосфоритное удобрение земли не могутъ прямъ удовлетворять человѣческія потребности; эти предметы не даютъ человѣку непосредственно возможности утолить голодъ или жажду, прикрыть наготу тѣла. Предназначенные по самому существу своему служить для изготошенія, какъ потребительныхъ запасовъ, такъ и подобныхъ себѣ вещей, эти предметы называются *капиталами*.

Имущество не представляетъ неизмѣнной величины; оно увеличивается вслѣдствіе поступленія различныхъ благъ и уменьшается подъ вліяніемъ затратъ, которая совершаеться владѣльцемъ. Поступленія въ имущество физического или юридического лица бываютъ двоякаго рода. Одни не отличаются правильностью и постоянствомъ; нельзя точно опредѣлить ни ихъ размѣры, ни время ихъ получения; они не стоятъ въ необходимости связи съ лицомъ, которое получаетъ ихъ. Большая часть этихъ неопределенныхъ и случайныхъ поступленій имѣеть ту особенность, что составляютъ приrostъ не къ народному имуществу, а только къ имуществу частныхъ лицъ. Таковы, напримѣръ, поступленіе наслѣдства, приданаго, выигрышъ въ карты, лотерею. Эти неожиданныя поступленія въ имущество называются *приходомъ*. Другую группу образуютъ тѣ поступленія, которые отличаются правильностью, периодичностью. Ихъ общимъ источникомъ служитъ трудъ. Одни изъ нихъ являются плодомъ труда лицъ, которая получаютъ ихъ. Крестьянинъ, совершивъ цѣлый рядъ сельско-хозяйственныхъ работъ, ежегодно собираеть на своемъ участкѣ определенное количество хлѣба, сѣна; ремесленникъ ежегодно изготавливаетъ такое-то количество одежды, обуви, утвари. Правильность этихъ поступленій не измѣняется отъ того, имѣютъ-ли они форму предметовъ въ на-

турѣ или сразу привинмаютьъ денежную форму. Ценожизніи форма служить первоначальнымъ видомъ такихъ поступлений, какъ плата сельскихъ и фабричныхъ работниковъ, жалованіе яицъ, состоящихъ на государственной и частной службѣ. Другимъ основаніемъ періодически правильныхъ поступлений служить владѣніе имуществомъ: владѣлецъ земли получаетъ отъ съемщика ренту или арендную плату; владѣлецъ денежного капитала, отдавая его въ долгъ, получаетъ отъ должника процентъ за пользованіе этимъ капиталомъ; собственникъ дома получаетъ отъ жильцовъ квартирную плату; хозяинъ прядильни получаетъ отъ своего промысла прибыль. Всѣ періодически-правильныя поступленія въ имущество называются *доходомъ*. Доходъ отличается гораздо болѣею правильностью, нежели приходъ: онъ колеблется изъ года въ годъ, но все же можетъ быть опредѣляемъ съ приблизительною точностью для довольно долгихъ періодовъ времени. Взявши лотерейный билетъ не знаетъ, какъ великъ будетъ его приходъ изъ этого источника; лицо, ожидающее наслѣдства, часто не знаетъ, насколько оно увеличить его имущество. Но столяръ, сапожникъ, ткачъ, прядильщикъ обыкновенно знаютъ, какой ежегодный доходъ они будутъ иметь отъ своего промысла; землевладѣлецъ, капиталистъ, чиновникъ могутъ или вполнѣ точно, или довольно близко къ дѣйствительности опредѣлить свои ежегодные доходы.

Различіе между приходомъ и доходомъ устанавливаетъ и различные точки зрѣнія на пользованіе тѣмъ и другимъ. Доходъ, вслѣдствіе періодической правильности своего поступленія, можетъ быть затрачиваемъ цѣликомъ; такая затрата не грозить имуществу уменьшеніемъ. Приходъ же, будучи нерѣдко формой перенесенія имущества отъ одного лица къ другому (такъ бываетъ при полученіи наслѣдства, приданаго), какъ единовременное поступление, уже самъ по себѣ образуетъ имущество и служитъ источникомъ будущихъ доходовъ. Можно подмѣтить эти различія въ жизни и цѣлыхъ народовъ. Доходами государства являются тѣ періодическія поступленія, которыя граждане доставляютъ государству въ видѣ налоговъ, предметовъ натурой и личныхъ услугъ (дорожной, подводной повинности). Приходомъ же слѣдуетъ назвать такое единовременное и обыкновенно крупное поступление, какъ новая территорія, приобрѣтенная войною или мирными сношеніями, военная контрибуція.

Доходъ раздѣляется на *валовой* и *чистый*. Первый состоитъ изъ всѣхъ благъ, которыя періодически поступаютъ въ данное имущество: все количество хлѣба, скота, огородныхъ овощей, молочныхъ продуктовъ, которые ежегодно получаетъ сельскій хозяинъ, образуетъ его валовой доходъ. Изъ него должны быть также періодически правильно совершамы расходы, которые не отвѣчаютъ прямо на потребности хозяина и его семьи; эти

расходы, именуемые *издержками производства*, должны быть совершаомы для того, чтобы доходъ имѣлъ определенную высоту и поступалъ правильно, въ известные сроки. Извѣстное количество сѣна должно быть употребляемо на кормъ рабочему и молочному скоту, для получения навознаго удобренія, поддержанія плодородія въ почвѣ и доставленія данного количества молочныхъ продуктовъ; часть валового дохода должна быть затрачиваема на покупку земледѣльческихъ орудій, исправление построекъ, изгородей. Къ этимъ издержкамъ производства присоединяется и вторая группа расходовъ,—затраты, которые дѣлаются изъ валового дохода для вознагражденія всѣхъ лицъ, прямо или косвенно участвующихъ въ процессѣ данного сельскаго хозяйства: работники получаютъ плату за свой трудъ, владѣлецъ земли—арендную плату, если хозяйство ведется на арендуемомъ участкѣ. Доля же валового дохода, остающаяся для лично-семейныхъ потребностей хозяина, образуетъ чистый доходъ.

Стремленіе человѣка къ удовлетворенію потребностей выражается въ различныхъ видахъ труда, направленного на приобрѣтеніе имущества. Человѣкъ отыскиваетъ блага, дарованныя природой, соединяетъ ихъ, раздѣляетъ, изготавливаетъ изъ нихъ разнообразные предметы, обмѣнивается ими. Совокупность дѣйствій этого рода образуетъ *техническую* сторону дѣятельности человѣка. Она состоитъ въ приготовленіи всѣхъ нужныхъ для жизни предметовъ определенного качества, въ извѣстное время и извѣстномъ мѣстѣ. Такъ, напримѣръ, работы по проведению шахтъ, отыскиваніе минераловъ въ недрахъ земли, извлеченіе этихъ минераловъ на поверхность, отдѣленіе металловъ изъ руды образуютъ техническую сторону горнаго промысла.

Но въ дѣятельности человѣка есть и другая сторона. Онъ заботится о *массѣ* предметовъ, необходимыхъ для удовлетворенія каждой потребности. Такъ какъ удовлетвореніе каждой требуетъ труда, затраты части жизни, то, при всѣхъ дѣйствіяхъ человѣка, имъ руководить разсчетъ. Разсчетъ принимаетъ двѣ формы: 1) Онъ направленъ на опредѣленіе *массы благъ*, которая необходима для удовлетворенія каждой потребности. 2) Такъ какъ широкое удовлетвореніе второстепенныхъ потребностей и недостаточное—важнѣйшихъ можетъ затруднить жизнь человѣка, то разсчетъ направленъ на *группированіе потребностей*, дѣленіе ихъ на важнѣйшія и второстепенные. Это есть *хозяйственная* сторона дѣятельности человѣка. Она состоитъ въ классификации потребностей и опредѣленіи количества труда, необходимаго для удовлетворенія каждой. Разсчетъ, лежащий въ основаніи хозяйственной дѣятельности, всегда руководить техникой и даетъ ей направленіе: гдѣ нѣть расчета, тамъ затруд-

появляется удовлетворение публичных потребностей, и жизнь отдельных лицъ и цѣнныхъ народовъ ставится въ новыгодную уловкію. Такъ, напримѣръ, вслѣдствіе сложившихся техническихъ пріомовъ (привычка населения рубить и пилить лѣсъ), потребность данной мѣстности въ топливѣ можетъ быть всего проще удовлетворена дровами; но хозяйственный разсчетъ говорить, что лѣсовъ мало, что истребленіе ихъ на топливо можетъ содѣйствовать ухудшенію климата, можетъ быть вредно для сельскаго хозяйства. Этотъ разсчетъ и побуждаетъ населеніе усвоить новые техническіе пріемы, добывать торфъ, каменный уголь. Указывая на разсчетъ, какъ отличительную черту хозяйственной дѣятельности человѣка, мы можемъ дать хозяйству слѣдующее опредѣленіе: *оно есть совокупность основанныхъ на разсчетѣ дѣйствій, направленныхъ къ поддержанію, умноженію и расходованію имущества.*

Съ точки зрѣнія единства воли и предѣловъ дѣятельности, хозяйства могутъ быть раздѣлены на два обширные класса: 1) *Хозяйства частныхъ*; сюда относятся хозяйства семьи, общины, города, государства. Каждое изъ нихъ является частнымъ хозяйствомъ, поскольку мы разсматриваемъ его жизнь только въ его предѣлахъ, независимо отъ его отношений къ другимъ хозяйствамъ. 2) Вторую группу образуетъ *общественное хозяйство*. Въ немъ нѣтъ единой воли; оно состоитъ изъ совокупности частныхъ хозяйствъ, находящихся во взаимныхъ отношеніяхъ. Въ общественномъ хозяйстве есть черты, которые отличаютъ частное хозяйство и, сверхъ того, особенности, вовсе неизвѣстныя послѣднему. Онѣ вытекаютъ изъ взаимныхъ отношений частныхъ хозяйствъ: все явленія обмѣна, отъ простѣйшихъ до самыхъ сложныхъ, отличающихъ современную эпоху, развитое раздѣленіе труда, страхование въ своихъ разнообразныхъ формахъ и многое другое составляютъ принадлежность только общественного хозяйства. Но и общественное хозяйство представляется намъ въ двухъ видахъ: а) *Хозяйство народное*, обнимающее совокупность частныхъ хозяйствъ одного народа, какъ политического цѣлаго. Въ этомъ хозяйстве нѣтъ единой воли, которая руководила бы всѣми отношениями между частными хозяйствами. Но есть воля — ея органомъ служитъ государственная власть — упорядочивающая нѣкоторыя отношения (между заемодавцами и должниками, нанимателями и наемниками и т. п.). Посередствомъ такъ называемаго экономического законодательства государственная власть вносить въ народное хозяйство элементъ единства воли. б) *Хозяйство міровое* есть совокупность частныхъ хозяйствъ, находящихся во взаимныхъ отношеніяхъ и принадлежащихъ къ разнымъ народамъ. Здѣсь вовсе нѣтъ единой воли (за изключеніемъ тѣхъ сторонъ, которые одиночно регулируются соглашеніемъ многихъ государствъ):

почтовое дѣло, телеграфное и тѣлеграфы другія), и одно и то же хозяйственное отношение упорядочивается въ каждой странѣ по своему. Возьмемъ простѣйшій случай: частное хозяйство А изготавливает товары для вывоза за границу. Въ зависимости отъ того, что эти товары ввозятся безпошлино въ одно государство и оплачиваются пошлинами при ввозѣ въ другія, А получаетъ различные выгоды отъ ввоза товаровъ въ страны Б, В, Г. Но, при различіяхъ между народнымъ и міровымъ хозяйствами, они имѣютъ много общихъ чертъ, которыхъ сближаютъ ихъ и отличаютъ отъ частнаго.

Хозяйственный разсчетъ, какъ говорить намъ внутренній опытъ, вытекаетъ изъ нашего чувства самосохраненія; это чувство выражается въ стремлениіи человѣка увеличивать имущество и бережно расходовать его; это чувство побуждаетъ человѣка напрягать силы для получения наибольшихъ материальныхъ выгодъ. Это движущее начало преобладаетъ въ хозяйственной жизни, и въ наукѣ, со временемъ Адама Смита, большую частію, исходитъ изъ посылки, что человѣкъ действуетъ въ хозяйствѣ подъ вліяніемъ только самолюбія. Ни Адамъ Смитъ и другие первоклассные мыслители, ни даже второстепенные писатели не думали, чтобы въ мірѣ хозяйства не было места для другихъ мотивовъ. Но соображеніе о выгодности такого приема въ интересахъ методологическихъ и преобладающее значение этого мотива въ хозяйствѣ побуждали ихъ устранить всѣ другіе мотивы человѣческой души, обнаруживающіеся во многихъ хозяйственныхъ отношеніяхъ. Дабы болѣе полно изучить хозяйственныя явленія, нужно, признавая начало самолюбія господствующимъ, указать и на другую силу: начало общественности. Оно столь тѣсно связано съ общественной жизнью людей, что мы встрѣчаемъ его уже въ самые ранніе періоды исторіи. Его источникомъ служить сознаніе людей, что, при неограниченномъ стремлении каждого только къ своимъ личнымъ цѣлямъ, общественная жизнь становится невозможна. Это начало проявляется въ двухъ формахъ.

1) Въ формѣ *свободнаго чувства дружелюбія*, выражающагося въ дѣлахъ благотворенія. Можно спорить о томъ, есть-ли это прирожденное чувство, или оно постепенно развилось въ людяхъ подъ вліяніемъ общежитія. Несомнѣнно одно: это чувство можетъ быть подмѣчено уже въ самомъ далекомъ прошломъ. Движимый этимъ чувствомъ, человѣкъ удѣляетъ близкимъ долю своихъ материальныхъ благъ и не стремится къ получению отъ нихъ равнознанности. И безпорядочная подача милостины въ недовольно культурныхъ обществахъ или слояхъ населенія, и организованная частными лицами помощь престарѣлымъ, больнымъ, увѣчнымъ, и безвозмездное отправленіе разныхъ обязанностей (почетные мировые судьи, санитарные

попечители, сестры милосердія и т. д.), и разные другие акты могут быть порядко сводены к этому началу. Но мѣрѣ общественного прогресса, это чувство, оставаясь однимъ и тѣмъ же по существу, измѣняется въ своихъ проявленіяхъ: они также все болѣе проникаются хозяйственнымъ разсчетомъ. Совершая дѣла благотворенія, люди стараются придать имъ такую организацію, при которой, съ данной затратой средствъ, можно удовлетворить возможно большее число слабыхъ членовъ общества. Но, кромѣ лучшей организованности, это чувство, по мѣрѣ развитія людей, расширяется въ пространствѣ. Первоначально оно ограничивается тѣсными предѣлами семьи⁷⁾ (сфера господства любви), рода, общины, союзовъ, гдѣ связь между членами устанавливается единствомъ религіи. Позднѣе же оно обнимаетъ все государство и даже все человѣчество⁸⁾; чувство это космополитизируется.

2) Другой формой проявленія этого чувства служать тѣ хозяйственныя отношенія, которыхъ вытекаютъ не изъ свободнаго влечения людей, а вынуждаются господствующими обычаями, всѣмъ уровнемъ нравственности данного народа или класса, или же закономъ. Подчиняясь всей совокупности нравственныхъ возврѣній своей среды, человѣкъ самъ сдерживаетъ иногда порывы самолюбія. Онъ боится порицанія со стороны общественного мнѣнія и часто задаетъ себѣ вопросъ, что скажутъ при томъ или другомъ образѣ его дѣйствій? Даже многіе честные люди, слѣдя обычаю или модѣ, совершаютъ акты, подобные проявленіямъ свободнаго чувства дружелюбія⁹⁾. Конечно, такие акты, поскольку они не вызываются обычаями, прочно коренившимися въ народной жизни¹⁰⁾, не могутъ внести крупныхъ измѣненій въ хозяйственный бытъ. Но разъ общественная власть ограничиваетъ эгоистическое начало посредствомъ законовъ, то хозяйственныя отношенія могутъ существенно измѣняться. Вмѣшательство общественной власти въ хозяйственную дѣятельность гражданъ проявляется въ двухъ формахъ: чисто юридической и хозяйственно-полицейской. Первая состоить въ созданіи, поддержаніи и измѣненіи правового порядка внутри страны. Поддерживая правовой порядокъ, власть даетъ прочность отношеніямъ между гражданами и устраняетъ произволъ, который препятствуетъ развитию хозяйства. Измѣння же правовой порядокъ подъ влияниемъ борьбы общественныхъ группъ и соответственно съ требованиями развивающейся научной мысли, государственная власть создаетъ нормы права, которые ограничиваютъ эгоистическое начало. Отмѣна крѣпостного состоянія, определеніе отношений нанимателей къ наемникамъ, регулированіе отраслей промышленности, способныхъ приносить населенію значительный вредъ, и многіе другие акты юридической дѣятельности государства вносятъ общество

ственное начало въ хозяйственныхъ отношенияхъ. Хозяйственно-полицейская дѣятельность государства выражается въ удовлетвореніи нѣкоторыхъ потребностей общества дѣятельностью не частныхъ хозяйствъ, а государства, центральныхъ и мѣстныхъ органовъ управления. Однѣ изъ этихъ потребностей признаются настолько важными, что удовлетворяются общественно съ полнымъ отстраненіемъ частныхъ хозяйствъ (защита страны извнѣ, правосудіе внутри страны, почта, нѣкоторые пути сообщенія). Другія потребности удовлетворяются частными хозяйствами, но общественная власть приходитъ къ нимъ на помощь, когда силы ихъ оказываются недостаточными (осушеніе, орошеніе, сооруженіе путей). Въ интересахъ населенія, нѣкоторая нематериальная потребности (обученіе народа) удовлетворяются, главнымъ образомъ, также общественною властью.

Для дѣятельности государства въ этихъ направленихъ нужны большиe запасы материальныхъ благъ и разнообразныя личныя услуги. На частныя хозяйства возлагается обязанность удѣлять для этихъ цѣлей государству извѣстную долю ихъ доходовъ. Все, взятое вмѣстѣ, образуетъ особый механизмъ, *государственное* или *финансовое хозяйство*. Начало себялюбія можетъ быть ослаблено въ сферахъ, которые затрагиваютъ хозяйственную дѣятельность государства (за исключеніемъ той, которую обнимаетъ частное хозяйство государства). Если государство исключительно удовлетворяетъ извѣстную потребность гражданъ, то полагается преграда ихъ дѣятельности, а следовательно, и проявленію эгоистического начала. Если оно работаетъ наряду съ частными хозяйствами, то, уже по своему хозяйственному могуществу, можетъ направлять всю дѣятельность и ослаблять начало эгоизма. Какъ съ ростомъ прогресса свободная благотворительность получаетъ лучшую организацію, а само чувство дружелюбія выходитъ за тѣсные предѣлы исконныхъ и простѣйшихъ союзовъ, такъ измѣняются и формы общественного начала, вносимаго государствомъ въ хозяйственныя отношенія. Его юридическая и хозяйственно-полицейская дѣятельность все чаще примѣняется тамъ, где усиливается частныхъ хозяйствъ или недостаточны, или, служа личнымъ интересамъ, препятствуютъ достижению общаго блага; крѣпнетъ убѣжденіе, что дѣятельность государства должна служить ко благу всего населенія и, особенно, слабѣйшихъ гражданъ. Современное государство слабо выражаетъ общественное начало, однако, его дѣятельность нѣсколько ограничиваетъ эгоизмъ въ сферѣ хозяйства.

Но и до сихъ порь самолюбіе является настолько преобладающимъ мотивомъ человѣческихъ дѣйствій, что началу дружелюбія принадлежитъ очень скромная роль. Многочисленность формъ, въ которыхъ облекается эгоизмъ, способна вводить въ

заблужденію: она заставляетъ думать, будто самолюбіе ослабло и теперь существо.

Современная жизнь даетъ людямъ имущихъ классовъ столь широкий кругъ занятій, полузавятій и развлечений, что желаніе охранить свое „я“, порадовать себя и близкихъ принимаетъ много несходныхъ формъ. Человѣкъ состоятельный прибѣгаеть къ разнымъ мѣрамъ, дабы сохранить въ цѣлости и умножить разнообразныя составныя части своего имущества—сельскую и городскую недвижимость, зданія, деньги и цѣнныя бумаги; онъ заботится о воспитаніи своихъ дѣтей въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ и прилагаетъ старанія, дабы облегчить имъ самостоятельную дѣятельность по окончаніи учебнаго періода; онъ стремится создать обстановку, которая окружаетъ его особенно благопріятными условіями при занятіи и наслажденіи наукой и искусствомъ; онъ путешествуетъ во многихъ странахъ; онъ составляетъ программу разнообразныхъ развлечений для каждого времени года. — Его вниманіе и заботы дробятся между многочисленными предметами и дѣйствіями, которые онъ считаетъ нужными для своего благополучія. Онъ не сосредоточивается весь на одномъ или немногихъ предметахъ, не выражаетъ своихъ чувствъ такъ рѣзко, какъ въ обществѣ низкой культуры. А потому и кажется, будто, человѣкъ нашего времени относится къ своимъ лично-семейнымъ интересамъ менѣе страстно, готовъ сдѣлать въ пользу ближнихъ гораздо больше уступокъ, нежели то было раньше.

Но едва что либо становится на пути современнаго человѣка и грозить лишить его выгодъ, которыхъ онъ считаетъ сколько нибудь существенными — и чувство самосохраненія обнаруживается съ полною силой. Въ старину за тяжкія преступленія повсюду карали смертью; теперь дѣлаются то же самое, а гдѣ смертная казнь отмѣнена, тамъ человѣка подвергаютъ пожизненному заключенію, т. е. погребаютъ заживо. Въ старину люди служилаго класса, стремясь получить хорошее мѣсто, не останавливались ни передъ какими кознями, дабы свалить соперниковъ или обойти ихъ. И теперь погоня за мѣстами принимаетъ очень рѣзкую форму даже у высоко культурныхъ народовъ: американцы продаются на выборахъ свои голоса той партіи, которая обѣщаетъ доставить выгодное служебное положеніе. Въ глубинѣ Среднихъ Вѣковъ промышленники установляли монополіи, дабы оттеснить соперниковъ и извлекать наибольшія выгоды изъ своего промысла. Теперь промышленные и торговые классы достигаютъ тѣхъ же цѣлей посредствомъ повышенія таможенныхъ податей и образованія синдикатовъ. При всѣхъ такихъ начинаніяхъ не хотятъ и думать, что огромное большинство населенія несетъ тяжелое бремя монопольно завицненныхъ цѣнъ. Дѣвѣсти лѣты тому на-

задъ голландцы скапали и бросали въ море цѣнныя пріянности, продукты своихъ тропическихъ колоній, чтобы уменьшить запасы и имиграть на продажѣ остатка по высокой цѣнѣ. Торговыи классы нашего времени достигаетъ тѣхъ же цѣлей менѣе грубыми способами: синдикатъ или сокращаетъ производство данного товара на нѣкоторое время, или же хранить большие запасы въ складахъ, не выпускаетъ на рынокъ. Тотъ и другой образъ дѣйствій обеспечиваетъ участникамъ синдиката огромные барыши.

Можно предположить, что эгоизмъ проникаетъ только богатые и средніе классы, испорченные довольствомъ, которое выпало на ихъ долю. Ни чуть не бывало: мы наблюдаемъ то же и въ группахъ населенія, которая живутъ трудами своихъ рукъ. При цеховомъ строѣ мастера образовали одинъ лагерь, подмастерья — другой. Въ обоихъ лагеряхъ царствовала солидарность, ибо члены группы были увѣрены, что, при дружной дѣятельности совмѣстно съ товарищами, каждый можетъ всего вѣрнѣе достигнуть своихъ личныхъ цѣлей. А разъ явился соперникъ со стороны, то принимались рѣшительныя мѣры, чтобы устранить его. Не то ли же видимъ теперь? Въ союзахъ рабочихъ поддерживается солидарность между членами, такъ какъ каждый сознаетъ, что въ одиночку онъ не можетъ дать хозяевамъ даже слабый отпоръ. Но коль скоро явился соперникъ извѣнѣ, то стараются удалить его. Это наблюдаются всего чаще во время стачекъ. Англійскіе и американскіе работники негодуютъ, когда хозяева беруть китайцевъ на ихъ мѣсто, и требуютъ, чтобы государство ограничило ввозъ цвѣтной рабочей силы. Германскій и австрійскій сельскій пролетаріатъ живетъ въ состояніи непрерывнаго раздраженія противъ тѣхъ помѣщиковъ, которые замѣняютъ его членовъ итальянскими или польскими работниками. И даже въ предѣлахъ страны союзы рабочихъ нерѣдко обнаруживаются большой эгоизмъ относительно своихъ товарищѣй по профессіи. Мы встрѣчаемъ это всего чаще въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ: вступленіе въ члены союзовъ связано иной разъ съ такими условіями, что множество работниковъ остается за флагомъ.

Словомъ, стремленіе обеспечить себѣ и своимъ близкимъ наиболѣе прочное существованіе проникаетъ все населеніе любой страны и нерѣдко выражается въ самой рѣзкой формѣ. Если бы это не было такъ, то многимъ приходилось бы наблюдать явленія, которыхъ, вообще, не извѣстны. Многимъ были бы знакомы случаи, что капиталисты, намѣтивъ для покупки землю, домъ, товаръ, отказался отъ своего намѣренія только потому, что сосѣдъ находить для себя выгоднымъ купить тѣ же предметы; что родители, помѣщаая своихъ дѣтей въ учебное заведеніе, которое переполнено учениками, рѣшаются

жидти годы, такъ какъ ихъ соседу или даже старинному добруму никому необходимо помѣстить дѣтей въ то же заведеніе и ить средствъ учить дома до слѣдующей осени; что должностное лицо отклоняетъ предлагаемое ему повышеніе въ должности, такъ какъ у него есть товарищъ, для котораго, вслѣдствіе многочленности семьи, движеніе по службѣ и увеличеніе жалованья особено необходимы; что крестьяне отказываются отъ арендованія земельного участка, разъ онъ имѣетъ особенную важность для населенія другой деревни. Если такие случаи и бываютъ, то какъ единичны исключенія. Крайне рѣдко наблюдаешь отказъ человѣка даже отъ тѣхъ удобствъ, которыя имѣютъ очень мало жизненнаго значенія: изъ 100 человѣкъ, толпящихся у кассы театра, чтобы получить билеты на оперу съ известными пѣвцами, не найдется ни одного, готоваго уступить место 101-му, хотя бы послѣдній имѣлъ истинно художественный вкусъ и могъ гораздо лучше наслаждаться музыкой и пѣнiemъ, чѣмъ 95%, пришедшихъ раньше его къ дверямъ кассы.

Этихъ положеній не опровергаютъ безчисленные акты дружелюбія, которые совершаются на нашихъ глазахъ чуть не ежедневно.

Если бы оказалось, что въ наше время пожертвованія для близкихъ опредѣляются цифрами въ десятки и сотни разъ болѣе крупными, чѣмъ 300—200 лѣтъ назадъ, то еще не получилось бы основанія говорить о чрезвычайномъ ростѣ альтруизма: не забудемъ, что состоянія частныхъ лицъ представлены теперь безконечно болѣе крупными цифрами, чѣмъ прежде, и что миллионное пожертвованіе является теперь въ культурной странѣ гораздо менѣе выдающимся фактомъ, чѣмъ было добровольное даяніе въ десятки тысячъ 200 лѣтъ назадъ. Если будемъ имѣть въ виду, главнымъ образомъ, затрату рабочей силы съ цѣлями альтруистическими—на уходъ за больными, престарѣлыми, дѣтьми, на ихъ прокормленіе, обученіе—прежде и теперь, то не придемъ къ какимъ либо положительнымъ выводамъ: теперь работаетъ множество добровольцевъ въ разныхъ сферахъ благотворительности; я допускаю, что многие изъ нихъ дѣйствуютъ только по свободному влечению; однако, монастыри, прежде столь многочисленные, были центрами, куда сходились нити отъ актовъ дружелюбія; при населеніи культурныхъ странъ въ 5—6 разъ меньшемъ, чѣмъ вѣнѣ, они производили большое количество такой работы.

Признаемъ, однако, что въ настоящее время акты дружелюбія многочисленны и разнообразны; допустимъ даже, что, относительно всѣхъ дѣйствій, совершающихся среди людей, они превосходятъ то, что было извѣстно прошлому и, все таки, остается подоказаннымъ, что въ основаніи большинства этихъ

Американскіе миллионеры жертвуютъ огромные капиталы на общеполезныя дѣла. Тамъ насчитаемъ не мало людей, которые въ теченіе своей жизни пожертвовали десятки миллионовъ рублей на эти цѣли, а иные—даже больше сотни миллионовъ. Стало избитымъ мѣстомъ, что американскіе богачи гораздо болѣе чутки къ общественнымъ интересамъ, чѣмъ миллионеры въ Европѣ, что первые заслужили свои миллионы, ибо удѣляютъ значительную ихъ часть на общее благо.

Все это вѣрно; однако, при столь щедрыхъ пожертвованіяхъ, шитризмъ играетъ ничтожную роль.

Эти благотворители, начавъ съ маленькими средствами или и совсѣмъ безъ средствъ, наживаются огромными состояніями потому, что считаютъ совершенно правдами вопросы о томъ, въ какія рамки втиснуть себя при занятіи данными дѣломъ, что въ этой профессіи хорошо и что неблаговидно. Избирается данное дѣло потому, что оно прибыльно, а затѣмъ считаются дозволенными всѣ средства, которыя дѣлаются его еще болѣе выгоднымъ: хлоноты о возвышениіи таможенныхъ налоговъ, образование монопольныхъ цѣнъ посредствомъ трестовъ, давленіе на малокапитальныхъ соперниковъ, которое пускаетъ ихъ по миру, закрытие многихъ предпріятій и выталкиваніе работниковъ на улицу, распространеніе ложныхъ слуховъ, способныхъ вліять на биржу, подкупы многочисленныхъ газетъ и политиковъ съ всомъ.

Два десятка лѣтъ напряженного труда въ этомъ направлении, труда, запечатлѣнаго талантомъ и безтрепетнымъ себялюбіемъ—и смѣлый флибустьеръ получаетъ въ свое распоряженіе все, что дѣлается жизнь красивой, разнообразной, радостной, а главное — власть надъ огромнымъ числомъ людей. Десятки и сотни тысячъ, прямо или косвенно, зависятъ въ своихъ судьбахъ отъ такого миллиона. Онъ не безъ основанія считаетъ себя однимъ изъ первыхъ людей страны. Ему недостаетъ только одного—короны. Въ наше время трудно найти свободный королевскій или хотя бы княжескій престолъ. Но остается выходъ: можно сдѣлать такъ, что миллионы людей провозгласятъ его благодѣтелемъ родной страны, что тысячи и тысячи американскихъ и иностранныхъ газетъ будутъ кричать о его безсмертныхъ заслугахъ на пользу науки, искусства, народнаго образования, о приютахъ, больницахъ, богадѣльняхъ, гдѣ тысячи бѣдняковъ находить пристанище. Американскій миллионеръ знаетъ, что немногіе рождаются съ тѣми душевными силами, которыя дѣлаются людей истинными дружелюбцами; но онъ увѣренъ, что можно и даже не трудно заставить множество людей называть его благодѣтелемъ. Стоитъ только не пожалѣть денегъ. И, вотъ, удовлетворяя свое тщеславіе, онъ сыплетъ миллионами. Если богатый человѣкъ любить ежедневно видѣть за своимъ столомъ и угощать полукулоновски десятки

знакомыхъ, то, при доходѣ въ какихъ-нибудь 15 миллионахъ рублей, можно сть величайшимъ удовольствиемъ затрачивать на общеполезныя дѣла 2—3 миллиона ежегодно. При этомъ сохраняется сознаніе, что щедрая благотворительность не лишаетъ человѣка всей той роскоши, которую онъ привыкъ окружать себя, не умаляетъ его средствъ для расширенія производства и—если это нужно—дѣлаетъ его положеніе еще болѣе прочнымъ. Въ разныхъ концахъ страны настраиваются хоры, которые воспѣваютъ великаго благодѣтеля и уподобляютъ его самимъ доблестнымъ мужамъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ.—Словомъ, миллионы и миллионы, которые затрачиваются на дѣла благотворенія въ странахъ культурнаго мѣра, почти вовсе не связаны съ альтруизмомъ.

Спускаясь съ вершинъ имущественной пирамиды къ слоямъ, которые совершаютъ скромныя затраты на дѣла благотворенія, мы находимъ, большую частью, такие же мотивы: человѣкъ жертвуетъ сотни и тысячи рублей, дабы заслужить одобрение того круга, въ которомъ живетъ, области, города, деревни, людей своей профессіи.

Среди неимущихъ чаще наблюдаемъ проявленія настоящаго альтруизма. Однако, не слѣдуетъ объяснять имъ всѣ поступки этихъ людей, если они даже имѣютъ большое общественное значеніе и съ первого взгляда выдаютъ альтруистическое чувство. Въ томъ, напримѣръ, что союзъ рабочихъ посыпаетъ значительную сумму для поддержанія стачечниковъ заграницей, слѣдуетъ видѣть правильно понятый классовый разсчетъ, т. е. эгоизмъ, который изъ лично семейнаго сталъ эгоизмомъ класса. Современный пролетаріатъ проникся сознаніемъ, что улучшеніе его судѣбъ возможно лишь въ томъ случаѣ, если онъ будетъ двигаться большими массами и сокрушимъ строемъ. Хорошо, когда въ этомъ строю участвуютъ сотни тысячъ и миллионы работниковъ, принадлежащихъ къ одной странѣ; еще лучше, если поддерживается единство между работниками разныхъ народовъ. Союзъ рабочихъ, посыпая заграницу деньги, для поддержанія стачечниковъ, знаетъ, что, въ случаѣ стачки его членовъ, онъ встрѣтитъ такое же отношеніе со стороны иноземныхъ работниковъ. Пояснимъ на примѣрѣ, что въ этихъ актахъ альтруизмъ занимаетъ очень мало мѣста. Предположимъ, что изъ страны А работники посыпали деньги для вспоможенія стачечникамъ въ странѣ Б. Если позднѣе въ первой странѣ начнется стачка, а изъ второй явятся работники, чтобы заступить мѣсто забастовщиковъ, то послѣдніе встрѣтятъ ихъ очень сурово. Если пришельцы даже докажутъ, что въ ихъ отечествѣ тяжелая безработица, что стачечники имѣютъ сбереженія и могутъ держаться довольно долго, а они совсѣмъ лишиены средствъ, то не смягчать отношенія къ себѣ со стороны первыхъ: имъ

предоставлять прошить милостию, голодать, но не извинять, что они выступили соперниками первыхъ.

Когда общественная жизнь рѣзко отклоняется оть среднаго течения, любовь къ себѣ и близкимъ замираетъ, и человѣкъ совершаєтъ акты, въ которыхъ обнаруживается сильное дружелюбіе. Офицеръ, не думающій ни о чёмъ, кроме вина, женщины, карти и биліарда, отрывается оть обычныхъ развлечений и мужественно умираетъ на полѣ битвы. При опустошительныхъ пожарахъ, наводненіяхъ, тяжкихъ поваленныхъ болѣзняхъ, люди, имѣющіе репутацію сухихъ и черствыхъ, обнаруживаютъ сочувствіе общему горю и нерѣдко, безъ колебаній, идутъ на помощь. Во время революціонныхъ движений это обозначается особенно ярко: многіе проявляютъ большое самоотреченіе, жертвуютъ собою тамъ, где ихъ личные интересы вовсе не затронуты или задѣты лишь въ слабой мѣрѣ. Но если исключительныя условія длиятся долго, цѣлые года, то люди привыкаютъ къ нимъ, замыкаются въ своихъ ближайшихъ интересахъ и проявляютъ уже гораздо меньшую готовность жертвовать для общаго дѣла своимъ имуществомъ и рабочей силой.

Но было бы ошибочно отрицать значеніе частной благотворительности. Среди ея разнообразныхъ формъ и многочисленныхъ учрежденій, которыя она созидаетъ, мы находимъ и людей богатыхъ, отдающихихъ дѣлу съ полнымъ самоотверженіемъ. Не будемъ ссылаться только на Оуена, Годена, Говарда, Пинбоди и другихъ, приобрѣвшихъ на этомъ поприщѣ всемирную известность. Въ сферѣ благотворительности, среди множества шарлатановъ, ничтожныхъ честолюбцевъ и высокочекъ, встречаются и люди, относящіе къ дѣлу съ неподдельной душевной теплотой. Какъ разнообразны цѣли благотворительности, такъ различны и формы, въ которыхъ эти люди даютъ просторъ своему альтруистическому чувству. И человѣкъ скромнаго достатка, который открываетъ въ медвѣжьемъ углу столовую для голодающихъ, и бывшій профессоръ, оставляющій въ цѣлѣтъ лѣтъ свою аудиторію, чтобы вносить въ убогую хижину грамотность и начатки знанія, и одушевленные дѣятелями окефордскаго и кембриджскаго университетовъ, которые съ профессоромъ Стюартомъ во главѣ, не щади времени и силъ, двинули въ народъ цѣлую системы высшаго образования, и основатели нѣкоторыхъ крупныхъ благотворительныхъ обществъ,—всѣ должны быть отнесены къ этой группѣ. Правда, эти мѣры, исходя оть отдельныхъ лицъ, могутъ поднять материальное благосостояніе и духовное развитіе только горсти бѣдняковъ. Но слѣдуетъ оцѣнивать эту дѣятельность не только по непосредственному вліянію, но и по косвеннымъ результатамъ. Она имѣть значеніе для благотворимыхъ тѣмъ, что измѣняетъ къ лучшему ихъ жизненную обстановку; она важна для

благотворителей, такъ какъ напоминаетъ имъ быть огромныхъ размѣрахъ тѣлесной и духовной ницеты, которая насть окружаетъ; она имѣеть еще большую цѣну потому, что побуждается лучшими, наиболѣе даровитыхъ, гуманныхъ и безкорыстныхъ не ограничиваться только наплативными мѣрами для устраненія немногихъ, наиболѣе рѣзкихъ признаковъ нужды, но и восходитъ къ познанію ея причинъ. Я не вѣрю, чтобы человѣкъ, сколько-нибудь мыслящій и съ чуткой душой, чувствовалъ себя удовлетвореннымъ, если доставилъ босоногому населенію подваловъ нѣсколько паръ сапогъ или раздалъ въ теченіе года нѣсколько сотъ билетовъ на бесплатные обѣды. Нѣть, или не отступно, или хотя судорожно имъ овладѣваютъ вопросы о томъ, какая причина этой обездоленности, что порождаетъ эту чудовищную неравномѣрность въ распределеніи имуществъ, почему такъ много нужды не заслуженной, не вызванной порокомъ, ни даже внезапными ударами судьбы, обессиливающими и мощныхъ людей, а нужды хронической, сѣрой, безпросвѣтной? При свѣтѣ знанія на все эти вопросы можно отвѣтить безъ труда. Но и для тѣхъ, лучшихъ изъ благотворителей, которые стоять далеко отъ научнаго знанія, при постоянномъ упражненіи въ благотворительности и общеніи, многое становится понятнымъ; если не познаются основныя силы, которыми идутъ далеко въ глубь общественнаго строя, то уясняются хотя ближайшія непосредственные причины, которымъ порождаются эти явленія. Въ частной благотворительности многое за-служиваетъ насмѣшки, но не все. Въ этомъ обширномъ кругѣ есть элементы, которые поддерживаютъ наклонность къ добру, возбуждаютъ дремлющую любознательность, направляютъ умы на изученіе причинъ общественныхъ бѣдствій. И съ каждымъ поколѣніемъ частная благотворительность накапливаетъ все больше материала, который переживаетъ благотворителей. Я говорю не о тѣхъ болѣе или менѣе прочныхъ вещественныхъ памятникахъ, которые, въ видѣ монументальныхъ приютовъ, больницъ, богадѣлень, почлежныхъ домовъ, навсегда сохраняютъ имена жертвователей, но о томъ духовномъ материаѣ, который выражается въ сознаніи долга имущими классами по отношенію къ неимущимъ, въ искреннемъ и дѣятельномъ желаніи улучшить его быть, въ уваженіи его личности. Благодаря росту этого духовнаго материала, часть того, что богато, именито, чemu открыть доступъ ко всѣмъ усладамъ жизни, получаетъ наклонность къ истинно-доброй, полезной, широко общественной работе не только при народныхъ бѣдствіяхъ, въ дни тяжелыхъ испытаній и при общемъ подъемѣ духа, но правильно, спокойно, настойчиво, изо дня въ день; ростъ этого материала вносить въ законодательную работу новѣйшаго времени такія черты, которыя не могутъ быть связаны съ эгоистическимъ разсчетомъ богатыхъ и влиятельныхъ классовъ.

Въ какой мѣрѣ начальство дружелюбія отражается на законоподательствѣ, я покажу въ одной изъ послѣднихъ главъ этого труда.

Итакъ, въ общественномъ хозяйствѣ господствуютъ два начала—личное и общественное. Первое даетъ товъ большинству хозяйственныхъ отношеній; но второе ограничиваетъ его и—тѣмъ сильнѣе, чѣмъ выше уровень общественной нравственности и чѣмъ болѣе государственная власть проникается сознаніемъ общаго блага.

Хозяйственные явленія образуютъ особый классъ явленій и могутъ быть предметомъ самостоятельной науки. Во всѣхъ техническихъ дѣйствіяхъ есть общія черты, которыя и составляютъ хозяйство. Наука о хозяйствѣ не имѣть своимъ предметомъ, какъ нерѣдко говорять, производство благъ, ихъ распределеніе и т. д. Всѣ эти дѣйствія разсматриваются отдѣльными техническими науками,—о горномъ дѣлѣ, земледѣліи, скотоводствѣ и другими. Наука о хозяйствѣ интересуется этими отдѣльными дѣйствіями и разными видами благъ лишь настолько, насколько они служатъ средствомъ для удовлетворенія потребностей и требуютъ труда для поступленія во власть человѣка. Такимъ образомъ, въ массѣ техническихъ дѣйствій ея вниманіе привлекаютъ только общія всѣмъ имъ формы приспособленія благъ для человѣческихъ потребностей. „Наука о хозяйствѣ, по справедливому замѣчанію Германна, отвлекаетъ эти формы приспособленія (Zuratthehaltung) благъ, обнаруживаетъ ихъ всеобщность и показываетъ, какъ изъ стремленія къ самосохраненію вытекаютъ явленія и дѣйствія съ такой правильностью и несомнѣнностью, что они должны быть признаны законами, и какъ отсюда исходятъ положенія, которыя должны быть соблюданы, какъ правила, при затратѣ средствъ на удовлетвореніе потребностей“¹¹). Явленія этого класса относятся или къ частному хозяйству, или къ общественному. Поскольку они относятся къ первому, они составляютъ предметъ *частной экономіи* или ученія о домоводствѣ. Простота строя даже самыхъ общирныхъ частныхъ хозяйствъ ведетъ къ тому, что частная экономика состоять изъ совокупности правилъ, установленныхъ отдѣльными техническими науками. Въ ней можно найти лишь немногихъ положеній, выходящихъ за эти предѣлы. Явленія, относящіяся до общественного хозяйства, составляютъ предметъ особой науки. Эти явленія сложны и разнообразны; они зависятъ отъ душевныхъ свойствъ человѣка, особенностей вицѣшней природы и правового строя данного общества. Но эти явленія, какъ и многочисленны и разнообразны условія, отъ которыхъ они зависятъ, могутъ быть приведены въ систему; можно подмѣтить законы, которые управляютъ ими. Гдѣ же есть законы явленій, тамъ есть и наука. Такимъ образомъ, *политическая экономія*¹² есть наука

о явленихъ общественаго ¹³⁾ хозяйства и законахъ, управляющихъ этими явлениями.

ПРИМЕЧАНИЯ КЪ ПЕРВОЙ ГЛАВѢ.

1) Въ литературѣ можно найти разныя исходныя точки при изложениіи политической экономіи. Нѣкоторые (напр., *Рау*) исходить отъ понятія о благѣ; другіе (*Линдсурмъ*) отъ понятія о хозяйстѣ. Хотя выборъ того или другого понятія за точку отправленія не есть дѣло первостепенной важности, однако, подобно *Германну* и *Вагнеру*, я считаю наиболѣе цѣлесообразнымъ поставить въ начальѣ изложениія понятіе о потребности, ибо сознаніе человѣкомъ своей зависимости отъ вѣнчаной природы и людей и обусловливаетъ хозяйственную дѣятельность.

2) Исключению предмета изъ категоріи благъ, за отсутствіемъ двухъ послѣднихъ условій, едва ли возможно въ цивилизованномъ обществѣ. Разъ свойства предмета были познаны, они и остаются извѣстными уже потому, что есть много разныхъ способовъ сберегать приобрѣтенный знанія.--- Разъ человѣчество получило власть надъ вещью, оно и сохраняетъ ее.

3) Многіе писатели чрезмѣрно расширяютъ понятіе о благѣ. Германнъ считаетъ вѣнчаними благами такія человѣческія отношенія, какъ дружбу, семейную связь; Ропперъ и Вагнеръ относятъ къ благамъ государство. Я считаю цѣлесообразнымъ не расширять понятія о благѣ до такихъ предѣловъ, ибо это расширеніе логически ведетъ къ курьезамъ выводамъ. *Благство* есть большая масса благъ... Можно ли назвать человѣка богатымъ только потому, что онъ пользуется семейнымъ счастьемъ, любить своими знакомыми и живеть въ благоустроенному государствѣ? Если слѣдовать названнымъ писателямъ, то нужно назвать такого человѣка богатымъ. Поэтому, я совершенно исключаю изъ категоріи благъ, какъ неотъемлемыя свойства человѣческой природы (здоровье, красота, знаніе и т. п.), такъ и не отчуждаемыя отношенія (семейный, узы дружбы, отношенія, вытекающія изъ принадлежности къ государству и т. д.) и считаю все это лишь условіями, которымъ оказываются вліяніе на сумму благъ, могутъ быть въ распоряженіи данного народа.

4) При группировaniи благъ на даровыя и хозяйственныя, можно различать, какъ то дѣлаетъ Вагнеръ, точки зреія человѣчества и отдельного народа. Земля, съ первой точки зреія, есть даровое благо; со второй — она можетъ быть благомъ хозяйственнымъ, когда данная площадь земли приобрѣтается отдельнымъ народомъ посредствомъ завоеванія или покуки. Но это различие не имѣть существенной важности; если слѣдовать ему, то нужно признать хозяйственнымъ благомъ территорію всѣхъ современныхъ европейскихъ народовъ (тоже и въ другихъ частяхъ свѣта), ибо она была приобрѣтена путемъ завоеванія, вытѣсненія туземныхъ имѣній. Можно вести группированіе благъ еще дальше: признавать даровыми, съ точки зреія отдельного лица, тѣ хозяйственныя блага, которымъ оно получаетъ безъ труда (чрезъ наслѣдованіе). Но такое мелочное группированіе совершенно излишне: предпочтительнее говорить въ этихъ случаяхъ о даровомъ приобрѣтеніи хозяйственныхъ благъ.

5) Теперь можъ употребляется только для конопаченія стѣнъ, и землевладѣльцы (по крайней мѣрѣ, не особенно корыстолюбивые) позволяютъ окрестному населенію пользоваться имъ даромъ или за ничтожную плату, таіъ что его можно назвать даровыми благами. Если бы опыты приготовленія спирта изъ моха были удачны, то, вѣроятно, землевладѣльцы дорожили бы этимъ предметомъ.

6) Вагнеръ, но присущей ему, какъ и многимъ другимъ немецкимъ писателямъ, наклонности къ составлению рубрикъ, насчитываетъ еще не сколько способовъ приобрѣтеній. Онь образуетъ особую рубрику изъ приобрѣтенія гражданами благъ отъ правительственной дѣятельности государства. Но эти блага соотвѣтствуютъ налогамъ и другимъ сборамъ, которые несутъ на себѣ граждане. Хотя адѣль неѣть того рода обмѣна, который совершаются между частными хозяйствами, но въ общемъ и для простоты классификаціи можно и этотъ способъ приобрѣтеній отнести къ обмѣну.

7) Въ отношеніяхъ членовъ семьи другъ къ другу настолько отсутствуетъ эгоизмъ, что есть достаточное основаніе признавать (такъ дѣлаютъ Шеффле и неѣкоторые другие) семью пизней хозяйственной единицей и говорить не о личномъ, а о лично-семейномъ эгоизмѣ, какъ главномъ движущемъ началѣ въ хозяйственныхъ отношеніяхъ.

8) Англійскія и немецкія женщины исполнили обязанности сестеръ милосердія въ послѣднюю русско-японскую войну; пожертвованіе американцами хлѣба въ пользу населения Россіи, пострадавшаго отъ неурожая.

9) Характеръ вынужденности посягъ на себѣ многія пожертвованія въ пользу голодающихъ, погорѣльцевъ и т. п.

10) Таковъ, напримѣръ, обычай среди нашихъ крестьянъ оказывать пострадавшимъ отъ пожара содѣйтіе въ формѣ доставленія подводъ для возки лѣса. Въ великороссійскихъ губерніяхъ этотъ обычай настолько силенъ, что ему подчиняются даже вовсе не гуманные крестьяне, мотивируя свое дѣйствіе тѣмъ, что, изъ случаѣ отказа, „прохода не дадутъ“.

11) *Hermann. Sozialwirtschaftliche Untersuchungen.* 2 изд. 1874, 67.

12) Терминъ „политическая экономія“ былъ, сколько извѣстно, впервые употребленъ французскимъ писателемъ *de Batemaisse*, издавшимъ въ 1615 году сочиненіе подъ заглавиемъ „*Traité de l'économie politique*“.

13) Мы считаемъ болѣе цѣлесообразнымъ употреблять терминъ *общественное, искаженное народное хозяйство*. Первый терминъ болѣе широкъ; онъ обнимаетъ явленія хозяйства и въ международныхъ отношеніяхъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Составные части и методы политической экономіи.

Пособія. Mill. Система логики. 1866. Серышевичъ. Задачи и методы государственныхъ наукъ. 1870. Зиберъ. Общество, экономія и право. Юр. Вѣсти. 1883. V, IX, X. Исаевъ. Составные части и методы политической экономіи. 1887. Левитскій. Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ. 1892. Чупровъ. Полит. Экономія. Янсонъ. Теорія статистики, 3 изд. 1891. Rümelin. Zur Theorie der Statistik. Reden und Aufsätze. 1873. Cairnes. The character and logical method of political economy. 2 ed. 1875. Mayr. Die Gesetzmässigkeit im Gesellschaftsleben. 1877. Lexis. Zur Theorie der Massenerscheinungen in der menschlichen Gesellschaft. 1877. Knies. Die politische Oekonomie vom Standpunkte der geschichtlich. Methode. 2 изд. 1883. Menger. Untersuchungen über die Methode der Socialwissenschaften. 1883 въ русскій переводѣ 1894 г. Schmoller. Zur Methodologie der Staats- und Soziawissenschaften. Jahrbücher für Gesetzgebung, Verwaltung und Volks-wirthschaft. 1883. Dilthey. Einleitung in die Geisteswissenschaften, I, 1883. Philippovich. Ueber Aufgabe u. Methode der politischen Oekonomie. 1886. Cliffe Leslie. Essays in moral and political philosophy. 1888. Sux. Die

neuesten Fortschritte der nationalökonomischen Theorie. 1889. *Keynes*. The scope and method of political economy, 1891. *Mayr*. Statistik u. Gesellschaftslehre, I, 1895. *Durkheim*. Les règles de la méthode sociologique. 1895. *Dietzel*. Theoretische Socialökonomik. I. 1896. *Stammler*. Wirthschaft u. Recht. 1896. *Wodon*. Sur quelques erreurs de méthode. 1906. *Nordenholz*. Normalität und Abnormalität in der Socialökonomie. Archiv f. Rassen-u.-Gesellsch. Biologie. 1907. I.

Всѣ явленія могутъ быть изслѣдуемы двоякимъ образомъ. Мысль останавливается или на изученіи конкретныхъ фактъ и отношеній между фактами въ опредѣленномъ времени и пространствѣ, или, отвлекаясь отъ отдѣльныхъ фактъ и индивидуальныхъ дѣйствующихъ на нихъ силь, отъ времени и пространства, ограничивается общими свойствами всѣхъ фактъ данного рода и отношеніями между цѣлыми группами явленій данного порядка. Въ первомъ случаѣ изслѣдованіе имѣть характеръ историческій, во второмъ—теоретической. Наука государственного права можетъ дѣлать предметомъ своего изученія государственное право данного народа въ известную эпоху; она выясняетъ содержаніе въ то время государственной власти, понятіе о подданныхъ, территорії, показываетъ, какія послѣдствія вело за собой данное отношеніе государственной власти къ подданнымъ и территорії, характеръ раздѣленія властей и т. д. Но она можетъ, не останавливаясь на какомъ-либо народѣ или періодѣ, указать и опредѣлить свойства, присущія всѣмъ общественнымъ союзамъ, образующимъ государство, дать общее ученіе о власти, раздѣленіи властей, территоріи, подданствѣ. Наука уголовнаго права, направляясь на изученіе отдѣльного періода въ исторіи какого-либо народа, можетъ выяснить понятіе о преступлении, покушеніи, умыслѣ, господствовавшее въ то время, о родахъ наказаній; она можетъ раскрыть, какъ положенія обычного права и закона вліяли на число преступлений и другія стороны общественнаго быта. Но она даетъ и общее ученіе объ умыслѣ, покушеніи, преступлениі, наказаніи, причемъ оставляетъ въ сторонѣ разновидности въ оцѣнкѣ этихъ явленій отдѣльными народами и въ разныя эпохи и ограничивается сведеніемъ воедино только наиболѣе общихъ, родовыхъ признаковъ явленій, составляющихъ предметъ ея изслѣдованія. То же приложимо и къ политической экономіи. Экономистъ можетъ поставить себѣ задачею изученіе кредита въ древнихъ Греціи, Римѣ, землевладѣнія и землемѣдѣлія въ Средніе Вѣка, торговли, денегъ, цѣнъ, заработной платы, ренты въ какой-либо одной странѣ или многихъ; онъ можетъ показать, какъ высота ренты или заработной платы въ данное время вліяла на состояніе промышленности, какъ изобилие денежнѣй или недостаточное развитіе кредита отражались на цѣнахъ, на положеніи внутренней или вѣтчинной торговли, какъ

налоги и пошлины действуют на развитие промышленности, какое значение для хозяйства данного народа иметь привадлежность государству обширныхъ площадей земли. Но экономистъ можетъ ограничиться изученiemъ родовъ явленiй и отношений между этими родами. Въ послѣднемъ случаѣ онъ даетъ намъ общее понятіе о цѣнности, деньгахъ, кредитѣ, рентѣ, налогахъ; онъ опредѣляетъ признаки, отличающіе каждый родъ хозяйственныхъ явленiй отъ всѣхъ другихъ родовъ; онъ показываетъ, какъ измѣненiя въ этихъ фактахъ, и притомъ наиболѣе общiя и наиболѣе часто совершающiяся, влияютъ на хозяйственную жизнь. Выдѣливъ, напримѣръ, кредитъ въ особый типъ хозяйственныхъ явленiй, онъ объясняетъ его влиянiе на сумму денегъ, необходимую странѣ для обмѣна, на уровень цѣнъ, на торговлю, на развитiе производства. Изучая налоги, какъ особую категорiю хозяйственной жизни, онъ показываетъ влиянiе податей на разныя стороны хозяйственнаго быта и тѣмъ устанавливаетъ экономические законы налоговъ. Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что историческое и теоретическое изслѣдованiя, въ равной мѣрѣ важная для цѣлей познанiя и практической дѣятельности, имѣютъ различныя задачи и неоднородный матерiалъ. Историкъ изучаетъ конкретныя явленiя со всей совокупностью причинъ, которыя производятъ ихъ, и со всей суммой послѣдствiй, которыя они влекутъ съ собой; теоретикъ беретъ только самыя общiя свойства явленiй и изслѣдуетъ самыя общiя отношенiя между ними, устанавливаетъ законы не отдельныхъ явленiй, а родовъ. Какъ предъ антропологiей, въ общемъ, родовомъ понятiи о человѣкѣ, сглаживаются особенности индо-европейскаго, монгольскаго, малайскаго племенъ, какъ наука государственного права сводить къ государству и скованные властью десцота солозы древняго востока и покоющiяся на широко развитой личной свободѣ страны современного европейскаго запада, — такъ экономистъ-теоретикъ обобщаетъ явленiя кредита, денегъ въ зародышихъ разvятiя, у народовъ, давно сшедшiхъ со сцены исторiи, и въ современной Европѣ съ ея законченной денежной системой и разнообразными кредитными сдѣлками и учрежденiями. Такимъ образомъ, мы получаемъ двѣ отрасли знанiя, входящiя въ составъ политической экономiи: *исторiю экономического быта и теорiю хозяйственныхъ явленiй*. Къ послѣдней относится также часть науки о финансахъ, содержащая въ себѣ теорiю государственныхъ доходовъ и государственного кредита. Экономистъ можетъ быть историкомъ и теоретикомъ; онъ можетъ соединять изъ разныхъ побужденiй теорiю и исторiю, но плодотворность его работы оставляется тамъ, гдѣ онъ намѣренiется пополнить теорiю изъ исторiи или вдвинуть исторический элементъ въ рамки, которыхъ ставитъ теорiя. Работа его перестаетъ

быть плодотворной — потому, что здесь начинается соединение разнородных величин, родовъ съ особями, отвлеченнаго съ конкретнымъ. Экономисты только тогда идутъ вѣрнымъ путемъ, когда вносятъ въ свои труды то строгое разделеніе материала, примѣръ котораго данъ еще Адамомъ Смитомъ¹⁾.

Историкъ хозяйственного быта работаетъ плодотворно подъ условиемъ, что изучаетъ экономическихъ явленій въ связи съ другими областями общественной жизни. Пока онъ ограничивается экономическими фактами, какъ основаніемъ для своихъ выводовъ, до тѣхъ поръ его заключенія односторонни. Такое изслѣдованіе не можетъ пролить яркий свѣтъ и на хозяйственныя явленія со всѣми причинами, которые вызвали ихъ, и послѣдствіями, которые они породили.

Представимъ себѣ, что экономистъ захотѣлъ изобразить во всей полнотѣ положеніе рабочаго класса Германіи за послѣднюю четверть вѣка. Только свѣдѣнія о материальномъ положеніи рабочихъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ относятся къ исторіи хозяйственного быта въ тѣсномъ смыслѣ слова. Однако, отдельно взятыя, они еще не достаточны; какъ бы ни были они подробны, они являются только описаніемъ быта рабочихъ, но не изслѣдованіемъ. Эти свѣдѣнія еще не даютъ полнаго отвѣта на вопросы: почему отъ начала 70-хъ годовъ 19 вѣка заработка плата въ Германіи значительно повысилась? чѣмъ объяснить стойкость работниковъ въ поддержкѣ платы на уровнеѣ, ею достигнутомъ? что способствовало развитию страхованія, которое, при всѣхъ своихъ недочетахъ, даетъ германскому работнику большее обеспеченіе, нежели то имѣеть пролетариатъ во многихъ другихъ странахъ? Дабы объяснить все это, нужно ознакомиться съ фактами, которые имѣютъ влияніе на развитіе хозяйства, но не относятся къ кругу экономическихъ явленій. Взять за отправную точку состояніе народного хозяйства Германіи въ 60-хъ годахъ 19 вѣка, нужно отмѣтить, какъ самостоятельность многихъ мелкихъ государствъ мѣшала большому размаху экономической жизни и какъ политическое объединеніе, совершившееся послѣ войны съ Австріей и Франціей, создало внутри Германіи условія, которыми способствовали быстрому развитію всѣхъ отраслей промышленности и возрастанію спроса на рабочія руки. Такое изслѣдованіе, насыщено политической исторіей, уже можетъ выяснить причины, которая подняли заработную плату въ Германіи. Дабы ярче освѣтить поставленные вопросы, нужно было бы показать, какъ, послѣ объединенія Германіи, правительство было вынуждено ввести всеобщее избирательное право и построить народное представительство на основахъ демократическихъ; какъ правительство, заинтересованное въ приобрѣтеніи возможно болѣйшей

популярности среди исчезающихъ, облегчило условія образованія союзовъ вообще, и въ частности—всѣхъ организацій, созидаемыхъ работниками. Знаніе этихъ фактовъ политической исторіи подготавливаетъ уясненію того, что прямо относится къ быту рабочихъ классовъ: становится понятнымъ, какъ работники, соединяясь въ союзы, образуютъ устойчивую среду, гораздо болѣе способную удержать разъ достигнутыя условія существования членовъ, нежели то возможно для отдельныхъ лицъ при обособленіи. Однимъ изъ способовъ сохраненія размѣровъ зарплатной платы и приобрѣтенія болѣе выгодныхъ условій труда служатъ стачки; обыкновенно онѣ протекаютъ мирно, бѣть, нарушенія общественного порядка. Извѣдovатель, желающій выяснить, почему онѣ своимъ течениемъ такъ рѣзко отличаются отъ забастовокъ въ предыдущія столѣтія или отъ современныхъ стачекъ въ менѣе культурныхъ государствахъ, пойметъ это только по ознакомлѣніи съ духовной атмосферой, которая окружаетъ германского работника. Атмосферой служатъ демократическая ученія; они даютъ работнику цѣльное міросозерцаніе, содержащее начала для всѣхъ его отношеній къ частной и общественной жизни. Ознакомляясь съ этими ученіями, извелѣдователь также выходитъ за предѣлы чисто экономической исторіи: онъ вступаетъ въ область идей, которыя захватываютъ всѣ стороны культуры. Это знаніе уясняетъ, почему германский рабочій классъ вылился въ тотъ типъ, который мы наблюдаемъ; оно объясняетъ также, почему германское правительство было вынуждено, съ начала 80-хъ годовъ, работать надъ законами о страхованиі и создать систему, которая извѣстна другимъ культурнымъ государствамъ только въ зародыши. Для полнаго освѣщенія этого необходимо обратиться къ исторіи парламентской борьбы и иѣкоторымъ другимъ особенностямъ политической жизни Германіи въ 70-хъ и 80-хъ годахъ прошлаго вѣка. Словомъ, исторія германского рабочаго класса за послѣднія 30 лѣтъ, какъ самая обширная глава въ экономической исторіи этой страны, будетъ отличаться высокими научными достоинствами лишь при условіи, что принятъ въ расчетъ общекультурная обстановка, въ которой германскіе работники прожили это время.

Знакомство съ прошлымъ необходимо для уясненія настоящаго. Удовлетворяя любознательность, изученіе прошедшаго имѣеть высокую цѣну и для начертанія мѣроцрѣтій, которыхъ должны пойти на какую-либо сторону общественной жизни. Для решенія вопроса, напримѣръ, о томъ, возможно ли ввести страхование рабочихъ на случай болѣзни,увѣчья, старости, смерти, отъ безработицы, необходимо изучить условія, среди которыхъ живетъ рабочій классъ данной страны. Если изученіе ограничивается только самыми послѣдними годами, то не даетъ права дѣлать общіе

выводы, которые и служат прочнымъ основаниемъ для крупныхъ мѣрпрыятій. Изслѣдованіе должно захватывать цѣлый рядъ лѣтъ; за 15—20 лѣтъ, на которые въ подобномъ случаѣ распространялось бы наблюденіе, были бы года съ высокой платой и низкой, съ ожиденнымъ ходомъ промышленности и состояніемъ угнетенія. За такой періодъ было бы много данныхъ о сбереженіяхъ работниковъ, напримѣръ, о вкладахъ въ сберегательные кассы, о нѣкоторомъ расширениіи потребностей, о высотѣ прибылей, о размѣрахъ той части прибыли, которая была затрачена на расширение производства. Наконецъ, изслѣдованіе въ предѣлахъ довольно большаго числа лѣтъ позволило бы ознакомиться со всѣми начаточными формами страхования, со всѣми попытками, которыхъ дѣлали въ этомъ направленіи отдельные предприниматели и группы рабочихъ. Оно позволило бы припомнить все то, что было сказано по вопросу о страховании въ научной литературѣ и журналистикѣ. Совокупность этихъ свѣдѣній выяснила бы, въ какой пропорціи государство, хозяева и работники должны покрывать расходы по страхованию и какъ должно быть организовано это дѣло. Или, напримѣръ, былъ бы поставленъ вопросъ объ измѣненіяхъ, которыми желательны въ законѣ, упорядочивающемъ земельную общину. Виновники такихъ перемѣнъ не заслуживали бы упрека въ легкомысліи лишь подъ условіемъ, что они опирались на точные данные о жизни сельской общины въ теченіе десятковъ лѣтъ. Только такое изученіе и позволило бы судить, какъ невыгодныя особенности общинного землевладѣнія изъ года въ годъ съ неизмѣнною правильностью дѣйствуютъ на хозяйство и другія стороны сельскаго быта.

Итакъ, знаніе прошлаго необходимо, дабы обеспечить цѣлесообразность мѣръ, которыхъ входять въ составъ экономической политики. Но не слѣдуетъ думать, что это знаніе должно идти до самыхъ отдаленныхъ временъ въ жизни данной страны или охватывать изучаемое явление во всѣхъ отг҃никахъ и разновидностяхъ, съ которыми оно выступаетъ въ исторіи разныхъ народовъ и на разныхъ ступеняхъ гражданственности. Для построенія германской системы страхования рабочихъ, какъ она сложилась за 80 и 90-ые года прошлаго столѣтія, нужно было знать положеніе рабочихъ въ Германіи и изучить всѣ условія промышленной жизни въ годы, предшествовавши введенію страхованія; но вовсе не было надобности въ свѣдѣніяхъ о ремеслѣ въ Средніе Вѣка, о положеніи рабочихъ при господствѣ идей меркантилизма. Равнымъ образомъ, при изданіи закона, имѣющаго сельскую общину своимъ предметомъ, нѣть необходимости въ знакомствѣ со строемъ общинного землевладѣнія у древнихъ римлянъ, у полудикихъ племенъ нашего времени или даже въ Россіи 16—17 вѣка. Какъ бы ни были многосто-

ропии таїв знаній, они не способны сдѣлать законодательную работу болѣе своевременної и цѣлесообразной.

Но все это не уменьшает важности историческихъ изысканий, направляемыхъ на отдаленные отъ насъ періоды и на быть элементъ, которымъ занимаютъ самыи низкія ступени культуры. Такія изслѣдованія не имѣютъ ближайшаго практическаго приложенія; но они дѣйны потому, что удовлетворяютъ потребность въ знаніи, которая, съ ростомъ культуры, пріобрѣтаетъ все болѣшую самостоятельность. Каждое поколѣніе является свидѣтелемъ того, что возникаютъ новые потребности — относительно пищи, одежды, жилища, домашней обстановки, удобствъ жизни, развлечений — и въ общедѣ поступаютъ новые предметы, способные удовлетворить ихъ. Можно сътвовать, что такое расширение потребностей составляетъ удѣль не всѣхъ, а только меньшинства. Но въ самомъ фактѣ наростанія потребностей оказывается только успѣхи культуры. И если не приходится возражать на то, что число предметовъ, отвѣчающихъ на разные запросы людей, безконечно возросло сравнительно съ началомъ 19-го вѣка, то нужно только радоваться, что любознательность играетъ въ жизни людей все болѣе важную роль, пролагаетъ все новые пути, захватываетъ такія области, которыя были совсѣмъ недоступны даже нашимъ ближайшимъ предкамъ. Чѣмъ больше способовъ удовлетворять любознательность, чѣмъ большие запасы знаній, чѣмъ болѣе они разнообразны, тѣмъ большая сумма доступныхъ людямъ духовныхъ наслажденій. А потому, самыя детальныя изслѣдованія по истории экономического быта народовъ, исчезнувшихъ съ лица земли, какихъ-нибудь древнихъ мексиканцевъ, или же дикихъ и слабыхъ числомъ племенъ, еще населяющихъ Африку, Австралию, сохраняютъ все свое значение.

Не оправдывая смышенія теоріи съ исторіей, мы не можемъ одобрить и переплетеніе ихъ съ политикой. Богатый запасъ знаній и обширная опытность часто дѣлаютъ экономиста способнымъ подавать голосъ по экономическимъ мѣропріятіямъ, исходящимъ отъ государственной власти или отдельныхъ общественныхъ группъ. Онъ лучше, чѣмъ кто-либо другой, можетъ указать тѣ сферы хозяйственной дѣятельности, въ которыхъ свободное соперничество частныхъ хозяйствъ должно подлежать ограниченію, тѣ отрасли промышленности, которая наиболѣе требуютъ государственного вмѣшательства, тѣ разряды благъ, которые не должны быть предметомъ права частной собственности, тѣ мѣры, которая полезно принять относительно денежнаго кредита, переселеній. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ выходитъ за предѣлы круга, въ который включена наука политической экономіи; онъ дѣйствуетъ не въ качествѣ экономиста-теоретика или экономиста-историка, а въ качествѣ политика, для

котораго главной опорой служатъ знанія, почерпнутыя изъ теоріи экономіи и изъ исторіи хозяйственаго быта. Какъ химикъ, изслѣдуя свойства тѣлъ, законы ихъ соединений и дѣйствія, не подаетъ совѣтовъ относительно устройства химическихъ заводовъ, какъ механикъ, изучая законы движенія, не высказываетъ мнѣнія относительно системы производства, относительно примѣненія въ промышленности того или другого двигателя, такъ и экономистъ только познаетъ отдѣльныя явленія или типы и соотношенія между типами съ одной стороны, и фактами—съ другой. Задача науки—изученіе въ настоящемъ и прошедшемъ единицъ и родовъ, законовъ, связующихъ, отдѣльныя явленія, и соотношеній между типами — не должна быть смѣшиваема съ задачами политики. Задачи первой решаются въ границахъ, отдѣляющихъ ее отъ другихъ самостоятельныхъ отраслей знанія; задачи второй гораздо сложнѣе: она познаетъ нужды общества, выясняетъ цѣли, къ которымъ нужно стремиться, и намѣчаеть средства для ихъ достиженія при помощи данныхъ, добытыхъ всѣми науками объ обществѣ. Смѣщеніе этихъ областей, какъ разнородныхъ величинъ, является крупной логической ошибкой; но оно, кромѣ того, можетъ препятствовать развитию одной или другой. Получая точки опоры отъ теоріи и исторіи, это ученіе даетъ совокупность правилъ о дѣятельности общественныхъ силъ для измѣненія и улучшенія экономического быта. Отвѣчая на вопросъ, что должно быть, это ученіе не изслѣдуетъ существующаго; оно не входитъ въ составъ политической экономіи, какъ науки, а образуетъ осо-бую систему—*ученіе объ экономическомъ искусстве или хозяйственной политикѣ.*

Къ познанію явленій можно прийти двумя путями, индуктивнымъ и дедуктивнымъ, но цѣнность добытыхъ выводовъ и возможность заключать отъ прошедшаго и настоящаго къ будущему въ обоихъ случаяхъ не одинъ и тѣ же.

Положенія теоріи политической экономіи могутъ быть добыты путемъ индукціи. Въ этомъ случаѣ задача теоріи сводится къ построенію типовъ явленій и отношеній между типами, какъ ихъ даетъ дѣятельность. Индуктивная метода не въ равной степени содѣйствуетъ решенію этихъ обѣихъ задачъ. Прежде всего—познаніе типовъ. Оно дается только продолжительнымъ наблюденіемъ явленій, опредѣленіемъ ихъ признаковъ и классификацией. Дабы деньги, напримѣръ, могли быть выдѣлены въ особый типъ явленій, дабы можно было утверждать, что онѣ исполняютъ такія-то функции—служить орудиемъ обмена, мѣриломъ цѣнностей, платежнымъ средствомъ,—умъ долженъ наблюдать за фактами денежнаго обращенія и изъ нихъ отвлекать свойства, всегда сопровождающія деньги. Дабы сложилось ученіе о формахъ производства, необходимо наблю-

дение самостоятельныхъ въ производствѣ единицъ и указаніе на семейную связь (кустарничество), господство и подчиненіе (рабочеклѣбъческое хозяйство), свободный договоръ (предпріятіе съ наемными работниками), какъ начала, соединяющія участниковъ. Наблюденіе, приводящее къ обобщеніямъ и созданию типовъ, можетъ быть многообъемлюще или ограничено въ предѣлахъ, охватывать множество случаевъ прошедшаго и настоящаго или единичныя явленія, окружающія наблюдателя, вѣрно или ошибочно,— для построенія типовъ нѣтъ пути, кроме индуктивной методы. Типы политической экономіи могутъ быть уподоблены аксіомамъ геометріи: какъ одни, такъ и другія опираются на широкое наблюденіе; оно и позволяетъ отмѣтить отличительные признаки родовъ. Геометръ, опредѣляя прямую линію, какъ кратчайшее разстояніе между двумя точками, основывается на безчисленныхъ наблюденіяхъ, которые всегда убѣждали въ неотъемлемости этого свойства прямой линіи. И экономистъ, опредѣляя деньги, какъ орудіе обмѣна и мѣрило цѣвности, сводитъ къ этимъ немногимъ словамъ результаты миллионовъ наблюденій надъ деньгами. Чѣмъ шире основанія, на которыхъ экономистъ строить типы, чѣмъ обильнѣе свѣдѣнія о прошломъ и настоящемъ, тѣмъ больше вѣроятія, что типы классифицированы соответственно съ важнѣйшими признаками, и дальнѣйшія изслѣдованія внесутъ въ лѣстницу типовъ немного измѣненій²).

Иное дѣло—установленіе законовъ, т. е. отношеній между типами. Какъ бы далеко ни распространялось статистическое наблюденіе, какъ бы много ни охватывало оно силъ, дѣйствующихъ въ общественной жизни, съ какою бы тщательностью оно ни производилось, оно даетъ намъ только эмпирические законы; а таковые отражаются въ себѣ дѣйствительность лишь въ предѣлахъ пространства и времени, въ которыхъ были совершены наблюденія... Нельзя быть увѣреннымъ, что въ мѣстахъ, незатронутыхъ статистическими наблюденіями, не дѣйствуютъ особыя, еще неизвестныя силы. Тѣмъ болѣе нельзя ручаться, что законы, добытые этимъ путемъ для послѣдней четверти XIX вѣка, будутъ тождественны эмпирическимъ законамъ XX столѣтія. Можно-ли посредствомъ индукціи, вооруженной многочисленными данными, установить законъ, что налогъ, падающій на товары, привозимые изъ-за границы, удорожаетъ ихъ на внутреннемъ рынке? Можно-ли считать такой законъ, добытый для ряда лѣтъ, истиннымъ и для каждого момента въ будущемъ? Очевидно, нѣтъ: точно отражая въ себѣ настоящее или какой-либо періодъ въ прошедшемъ, онъ можетъ быть совершенно непригоденъ для того или другого момента въ будущемъ. Установленіе на заграничный товаръ нового налога или возвышеніе стараго можетъ совпасть съ такимъ усовершенствова-

ваніємъ въ производствѣ этого товара или такимъ изобиліемъ сырыхъ матеріаловъ, что послѣ возвышенія налога цѣна товара понизится. Можно-ли, слѣдя за возвышеніемъ арендныхъ цѣнъ на землю въ теченіе десятковъ лѣтъ въ одной или многихъ странахъ, установить законъ, всегда способный и въ будущемъ вѣрно отражать въ себѣ дѣйствительность, что ростъ населенія и увеличивающейся запроць на пищу ведетъ къ повышенню ренты? Такое утвержденіе легко можетъ быть ошибочно. Несколько новыхъ и крупныхъ открытій въ земледѣльческой химії, успѣхи въ сельско-хозяйственной технологіи, замѣна экстензивного хозяйства интензивнымъ, болѣе цѣлесообразное размѣщеніе людей по данной территории легко могутъ дать въ XX столѣтіи періодъ, когда ростъ народонаселенія будетъ сопровождаться пониженіемъ ренты. Такимъ образомъ, индуктивная метода не ведетъ къ установленію въ политической экономіи законовъ, которые всегда соотвѣтствовали бы дѣйствительности. Установляя ихъ, она должна пріобщать къ нимъ оговорки: "они истины, если ихъ не измѣняютъ тѣ или другія условія". Но и слѣдя дедуктивной методѣ, наука устанавливаетъ положенія, которые, съ приведенными оговорками, могутъ быть перенесены въ дѣйствительность и способствовать истолкованію явленій дѣйствительной жизни. Однако, ограниченная примѣнимость положеній, добытыхъ индуктивно, не лишаетъ этихъ эмпирическихъ законовъ, какъ будетъ показано ниже, важнаго значенія для науки о хозяйствѣ.

Дедуктивная метода, какъ она примѣняется въ геометріи, оказываетъ и политической экономіи ту важную услугу, что ведетъ къ установленію законовъ явленій, которые имѣютъ всеобщее значеніе, независимое отъ пространства и времени. Это не означаетъ, чтобы законы, добытые дедуктивно, съ полной точностью отражали въ себѣ дѣйствительность; теорія и не стремится къ этому. Но, предполагая въ дѣйствіи только какую-нибудь одну силу, она изучаетъ ее на явленіяхъ разныхъ типовъ и раскрываетъ намъ постоянное соотношеніе между ними. Иаслѣдователь, пользуясь дедукціей, исходить изъ положенія, что явленіе, совершившееся извѣстнымъ образомъ, при наличии такихъ-то условій, всегда и вездѣ совершается тождественно, насколько не измѣнились окружающія его условія. Экономистъ, признавая разсчетъ, самолюбіе главной силой, управляющей человѣкомъ въ хозяйственной дѣятельности, раскрываетъ отношенія между типами хозяйственныхъ явленій, какъ они слагаются подъ влияниемъ только этой силы. Утверждая, что подъ влияниемъ только этой силы прибываю разныхъ производствъ стремятся къ одному уровню, разногороднаго налога на товары

ствительности всегда оправдывают эти положения, но лишь то, что, насколько факты совершаются подъ вліяніемъ одного самолюбія, они строго подтверждают добытые законы. Этотъ характеръ утверждений теоріи позволяетъ намъ признавать за ними полную точность. Невозможность проверить ихъ на единичныхъ фактахъ доказываетъ отнюдь не ихъ неточность, а тѣмъ менѣе ихъ противорѣчіе даннымъ дѣйствительной жизни: она указываетъ только на ихъ односторонность, на изученіе одной силы, руководящей людьми, а не всѣхъ разнообразныхъ силъ, изъ столкновенія которыхъ должны быть объясняемы отдѣльные явленія дѣйствительности. Умѣстно припомнить по этому поводу слова Гельфераха, которыми онъ доказываетъ правильность методологическихъ пріемовъ Тюнена въ его *Уединенномъ государствѣ*. „Идеальная политическая экономія Тюнена не противорѣчить условіямъ дѣйствительной жизни, какъ это часто бываетъ съ идеалами философовъ права и государства. Напротивъ, здѣсь люди изображаются такими, каковы они въ дѣйствительности; какъ здѣсь, такъ и тамъ хозяйственный разсчетъ побуждаетъ ихъ стремиться къ полученію наибольшаго дохода. Одинаковы и вѣнчанія условія, почва, плодородіе, удобства сбыта. Въ *Уединенномъ государствѣ* есть все тѣ моменты, которые даетъ дѣйствительная жизнь. Но они упорядочены такимъ образомъ, что каждый въ своемъ значеніи для хозяйства можетъ быть наблюдаемъ отдельно отъ другихъ, а не является соединеннымъ съ ними, какъ въ дѣйствительной жизни“³⁾.

Если положенія, добытые въ политической экономіи дедуктивно, не противорѣчать дѣйствительности, то и гипотетичными—какъ часто злоупотребляютъ этимъ терминомъ!—нужно признавать ихъ въ тѣсномъ, ограниченномъ смыслѣ. Положенія математики гипотетичны по отношенію и къ посылкамъ, и къ выводамъ: точка, не имѣющая измѣреній, линія, имѣющая только одно измѣреніе,—эти посыпки для геометріи — гипотетичны, ибо въ природѣ нѣть такихъ точекъ и линій; гипотетичны и выводы геометріи, извлекаемые изъ этихъ условныхъ положеній. Не то представляютъ намъ химія и механика: первая изслѣдуетъ законы соединеній веществъ въ чистомъ видѣ, вторая — законы движенія въ безвоздушномъ пространствѣ; если многія вещества въ чистомъ видѣ и безвоздушномъ пространствѣ не даются или не часто даются природою, то могутъ быть получены путемъ искусственного опыта. Такимъ образомъ дѣйствительность можетъ дать эти посыпки, и гипотетичными являются только выводы. Положенія политической экономіи идентичны въ этомъ отношеніи не геометрическимъ теоремамъ, а законамъ химіи или механики. Для точной отирания посылку о наличности въ человѣкѣ самолюбія, о

больше благъ съ затратою наименьшаго труда, экономистъ опирается не на предположенія, а на несомнѣнныя факты, наблюдавшіеся каждымъ изъ насы ежедневно въ окружающей средѣ, подтверждаемыя и подкрепляемыя нашимъ самосознаніемъ. Поэтому гипотетичны только выводы; они совпадаютъ съ данными жизни, когда нѣтъ налицо противодѣйствующихъ условий⁴).

Для теоріи преимущества дедуктивной методы предъ индуктивною обнаруживается въ томъ, что послѣдняя, поставляя себѣ болѣе широкую задачу—раскрыть законы во всей полнотѣ ихъ существованія, — не рѣшаетъ ея и не можетъ решить и ограничивается построениемъ эмпирическихъ законовъ, истинность которыхъ сомнительна вкѣ круга произведенныхъ наблюдений. Первая же, ограничивая свою задачу изученіемъ законовъ, какъ они слагаются подъ вліяніемъ одной силы, даетъ положенія, не обнимающія явлений дѣйствительности во всей полнотѣ, но всегда истинныя, независимо отъ времени и места. Но къ такому пріему обращаются и естественные науки: химія не изслѣдуетъ реальнаго золота или реальнаго кислорода, какъ они встречаются въ дѣйствительности: она отдѣляетъ отъ веществъ, сопровождающихъ ихъ въ природѣ, и дѣлаетъ ихъ въ чистомъ видѣ предметомъ своего изученія⁵).

Теорія политической экономіи, построенная дедуктивно, даетъ точныя, но условно вѣрныя положенія. Нѣтъ надобности провѣрять ихъ на фактахъ или отношеніяхъ дѣйствительной жизни, ибо такое сравненіе никогда не можетъ дать полное сходство, вслѣдствіе вліянія въ каждомъ отдельномъ случаѣ силь, которая не послужили посылками для теоріи. Пользованіе конкретной дедуктивной методой (которую Дж. Ст. Милль считаетъ наиболѣе пригодною для науки объ обществѣ) можетъ измѣнить теорію, построенную съ помощью простой дедукціи, но не можетъ увеличить точность ея положеній, ибо не можетъ быть не только вычислено напряженіе всѣхъ силь, влияющихъ на каждый фактъ или реальное отношеніе между предметами, но не могутъ быть даже обнаружены всѣ силы, которая когда-либо въ будущемъ способны оказывать вліяніе на извѣстный кругъ общественныхъ явлений. Возьмемъ, напримѣръ, законъ, что во всѣхъ производствахъ прибыль тяготѣеть къ одному уровню. Анализъ техническихъ особенностей различныхъ производствъ, душевныхъ силь, которые, помимо хозяйственнаго расчета, руководятъ предпринимателями въ ихъ отношеніяхъ къ производству, вмѣнательство государственной власти—позволитъ намъ внести много ограничений въ этотъ гипотетический законъ прибыли. Мы можемъ сказать, что это стремленіе парализуется различіями въ степени риска, связанного съ предпринятіемъ въ разныхъ производствахъ, различіями соотношеніями между постоянными и обратными

капиталами, привычкою предпринимателей къ своему занятию, привилегиями, которая даеть государство, строгимъ храненiemъ промышленныхъ тайнъ во многихъ предпріятіяхъ, возможностью стачекъ между производителями, возможностью установлять монопольныя цѣны и т. д. Ссылаясь на дѣйствіе всѣхъ этихъ силъ, мы ставимъ ограниченіе закону прибыли и измѣняемъ теорію. Но даемъ ли мы сї большую точность? Нѣтъ, наоборотъ: мы лишаемъ ее той опредѣленности, съ которой она является предъ нами у экономистовъ-классиковъ. Положеніе „прибыль во всѣхъ производствахъ стремится къ одному уровню“ мы замѣняемъ положеніемъ: „прибыли въ разныхъ производствахъ иногда стремятся къ одному уровню, иногда же нѣтъ“. Послѣднее положеніе неопределено не только потому, что даеть двоякій отвѣтъ на вопросъ, но и потому, что въ перечисленіи силъ, которыя ограничиваютъ стремленіе прибылей къ одному уровню, мы не можемъ обнять всѣ, способные оказывать влияніе на результатъ. Вотъ почему, для цѣлей чисто теоретического познанія, нѣть надобности обращаться къ конкретнодедуктивной методѣ⁶). Тѣмъ болѣе не слѣдуетъ опровергать теорію ссылкой на ея неполное соотвѣтствіе фактамъ или реальнымъ законамъ. Одинъ глубокомысленный экономистъ новѣйшаго времени такъ говорить объ утвержденіи и отрицаніи положеній политической экономіи: „Экономическая истина, не будучи утвержденіемъ, касающимся порядка явленій, не можетъ быть ни установлена, ни отринута занесеніемъ въ протоколъ такихъ явленій, т. е. статистическими и документальными свѣдѣніями о ходѣ промышленныхъ и торговыхъ дѣлъ; но, выражая стремленіе, выведенное изъ извѣстныхъ началъ человѣческой природы, которая она прошаводитъ при извѣстныхъ физическихъ условіяхъ, она (экономическая истина) можетъ быть установлена только доказательствомъ существованія такихъ началъ и условій и разъясненіемъ, что указанное стремленіе есть необходимое слѣдствіе этихъ данныхъ; равнымъ образомъ, она можетъ быть отринута только указаніемъ, что предположенные начала и условія не существуютъ или что стремленіе, которое законъ устанавливаетъ, не вытекаетъ изъ этого предположенія, какъ необходимое слѣдствіе“⁷).

Если, такимъ образомъ, теорія политической экономіи, исходящая изъ немногихъ посылокъ, даеть точныя положенія, во всей полнотѣ раскрывающія передъ нами дѣйствіе иѣкоторыхъ причинъ, даеть даже точку опоры для политики, то для чего изучать хозяйственную жизнь во всей ея реальности? для чего пользоваться матеріаломъ, который даеть индукцію, опирающуюся на статистическую наблюденіе?

Статистическое наблюденіе, идя рука обь руку съ изученіемъ исторіи, составляетъ главное орудіе для познанія хозяй-

ственной жизни во всей ея действительности и для обнаружения связи между явлениями въ пространстве и времени. Оно есть самый надежный путь къ познанию исторіи хозяйственного быта. Задача историка—воспроизведеніе фактовъ прошлаго и установление связи между группами фактовъ — сводится къ познанію всѣхъ действующихъ въ общественной жизни силъ и оцѣнкѣ ихъ результатовъ. Имѣя дѣло со временами, давно минувшими, относительно которыхъ нѣть наблюдений надъ массами случаевъ, историкъ-экономистъ или утрачиваетъ связь между хозяйственными явленіями, или устанавливаетъ ее при помощи археологии и филологии (ихъ услуги часто подобны тѣмъ, которая оказываетъ статистику), или же заключаетъ о ней по аналогіи съ тѣми положеніями, которая добыты для позднѣйшихъ эпохъ на основаніи обильного и тщательно собраннаго материала. По мѣрѣ приближенія ко времени, когда производятся правильныя статистическія наблюденія, историкъ хозяйственного быта вычитываетъ изъ цифръ связь между явленіями, какъ ее дасть дѣйствительность; среднія числа обнаруживаются предъ статистикомъ дѣйствіе наиболѣе общихъ причинъ; отклоненія показываютъ вліяніе силъ второстепенныхъ. Захвативъ въ свое вѣдѣніе все случаи данного рода въ предѣлахъ извѣстнаго пространства и времени, онъ видѣтъ, какъ главная сила въ экономической жизни — хозяйственный разсчетъ—ослабляется вмѣшательствомъ государства, чувствомъ дружелюбія, измѣненіями техники и т. д. Не къ наукѣ политической экономіи вообще, а къ этой составной ея части — исторіи^(*))—должно быть относено положеніе Кэрнса, что, установивъ законы хозяйственныхъ явленій съ помощью важнѣйшихъ посылокъ, экономистъ „удостовѣряется относительно характера второстепенныхъ причинъ, физическихъ или духовныхъ, политическихъ или общественныхъ, которая имѣютъ вліяніе на поведеніе людей въ ихъ стремленіи къ богатству“^(**)). Принятіе въ разсчетъ этихъ силъ теоретикомъ является только блѣднымъ и невыразительнымъ ихъ перечисленіемъ. Онъ этимъ не измѣняетъ и не исправляетъ теоріи, а, приспособляя къ цѣлямъ практическимъ, только отклоняетъ ее отъ истиннаго назначенія. Но это — важнѣйшая задача экономиста-историка: только принимая въ разсчетъ всѣ дѣйствующія силы и отмѣчая ихъ вліяніе, онъ даетъ истинную исторію хозяйственного быта. Такимъ образомъ, геометрическія дедуктивная метода есть главное орудіе теоріи, а статистико-индуктивная —исторіи.

Постараемся выяснить, какое значеніе имѣеть для экономиста *историческая аналогія*. И въ повседневной жизни, и въ наукѣ охотно прибегаютъ къ аналогіямъ; надѣются съ ихъ помощью пролить свѣтъ на прошедшее, не допускающее точнаго изслѣдованія, и предсказать будущее. Пользованіе аналогіей

ведеть къ правильному выводу только въ тѣхъ случаяхъ, когда, кроме сходства сравниваемыхъ явлений, можно найти много общаго и въ обстановкѣ, среди которой они происходятъ. Если условія, окружающія явленіе въ одной странѣ и въ данный исторический періодъ, рѣзко отличны отъ обстановки сходнаго явленія у другого народа и въ другое время, то сравненіе не можетъ увеличить сумму нашихъ знакій; въ лучшемъ случаѣ оно приведетъ къ остроумной, но поверхностной догадкѣ. Пояснимъ это двумя примѣрами.

Поставимъ себя на мѣсто изслѣдователя, желающаго определить послѣдствія, которыхъ повлечетъ за собой разложеніе земельной общины для русскаго народнаго хозяйства. Предсказаніе можетъ быть сдѣлано въ общихъ чертахъ съ помощью дедукціи. Разрушеніе общины, скажемъ мы, сдѣлаетъ земельную собственность болѣе подвижною; развитіе народнаго хозяйства увеличиваетъ запасъ свободныхъ капиталовъ, которые направляются на покупку земли; а потому упадокъ общины будетъ способствовать еще большему росту крупнаго землевладѣнія. Строго держась дедукціи, можно предсказать и то, что разрушеніе общины, облегченное разрѣшеніемъ закона продавать общинную землю любому покупателю, увеличитъ предложеніе рабочихъ рукъ и поведетъ къ понижению заработной платы во многихъ мѣстахъ Россіи. Положимъ, что изслѣдователь, не ограничиваясь этими выводами,—при всей своей сжатости они даютъ цѣнное руководящее начало для экономической политики — захочетъ начертать полную картину послѣдствій, которыхъ наступятъ по разрушеніи общины; положимъ, что, пользуясь аналогіей, онъ будетъ предсказывать для Россіи послѣдствія, вполнѣ сходныя съ тѣмъ, что пережила Англія. Такое примѣненіе аналогіи будетъ тяжелой методологической ошибкой. 400 лѣтъ тому назадъ, когда община разлагалась въ Англіи, народное хозяйство этой страны стояло гораздо ниже, чѣмъ экономической бытъ современной Россіи. Большее совершенство техники нашего времени, болѣе высокая организація хозяйства, большая многосторонность программъ, которыми кладутъ въ основаніе экономической политики, позволяютъ отклонить послѣдствія разрушенія общины отъ типа, въ который они должны были выльиться три столѣтія тому назадъ. Въ то время пути сообщенія были первобытны; передвиженіе людей даже въ предѣлахъ одной страны было не легко; переселенія въ далекія страны, тѣмъ болѣе отдаленные моремъ, были мало извѣстны; государственной власти было чуждо сознаніе, что такія передвиженія могутъ быть благотворны для лицъ, потерявшихъ землю, а потому и не было средствъ для проведения такой мѣры хотя бы по скромному масштабу. Не сходна съ этимъ обстановка, въ которой мы живемъ. Пути и средства сообще-

нія позволяютъ людямъ легко передвигаться во всѣ концы земного шара. Вся атмосфера насыщена сознаніемъ, что государство имѣть разнообразныя обязанности относительно народнаго хозяйства, среди нихъ и относительно переселенія людей туда, где они могутъ найти болѣе благопріятныя условія для приложенія рабочей силы; развитіе государственного кредита даетъ даже малокультурнымъ странамъ возможность собирать миллионы и миллионы для любой задачи управления. А потому въ 16 вѣкѣ вся масса потерявшихъ отъ огораживанія общинныхъ земель была вынуждена остататься на мѣстѣ и приспособляться къ новымъ, менѣе благопріятнымъ условіямъ. Теперь же, вслѣдъ за разложеніемъ общины, могло бы восторжествовать мнѣніе, что нужно передвинуть нѣсколько миллионовъ людей изъ Европейской Россіи въ Азіатскую и тѣмъ задержать тенденцію заработной платы къ пониженію.

Возьмемъ другой примѣръ. Представимъ себѣ сторонника высокихъ таможенныхъ налоговъ, утверждающаго по аналогіи, что усиленное таможенное покровительство способно привести въ Россіи къ столь же пышному расцвѣту промышленности, какъ то наблюдается въ Соединенныхъ Штатахъ. При поверхности оцѣнкѣ такая аналогія можетъ казаться правильной: кромѣ усиленного таможенного покровительства, мы находимъ между обѣими странами и то общее, что обѣ имѣютъ обширную территорію, рѣдкое населеніе и изобиліе естественныхъ богатствъ. Однако, въ исторіи обоихъ государствъ и въ условіяхъ современной жизни такъ много важныхъ различій, что таможенные законы Россіи падаютъ въ среду, вовсе не сходную съ тою, какую таможенное законодательство встрѣчаетъ въ Сѣверной Америкѣ. Исторія великаго американского государства даетъ намъ изначала картину притока лучшихъ элементовъ изъ странъ старой культуры. Люди, стойкіе въ своихъ бѣрованіяхъ, политическихъ убѣжденіяхъ, не склонявши гордой головы передъ порядкомъ, который господствовалъ въ ихъ отечествѣ, оставляли его и переплывали океанъ, чтобы тамъ, въ лѣсной чащѣ, среди хищныхъ звѣрей и кровожадныхъ племенъ создать себѣ новую родину. Къ этимъ людямъ съ волей, которая выдерживала всѣ испытанія, съ умомъ, который уже въ силу необходимости научился читать и глубоко изучать книгу жизни, притекали позднѣйшіе переселенцы. Работники, направлявшіеся позднѣѣ въ Америку изъ промышленныхъ округовъ Англіи, и младшіе сыновья крестьянъ, передвигавшіеся туда изъ Вюртемберга и Баваріи, быть можетъ, личными качествами, въ среднемъ, уступали первымъ пionерамъ. Но они знали, что ожидало ихъ на новой родинѣ: много даровъ природы и безлюдье; широкая свобода и полное отсутствіе исполнительного начальства. Они знали, что стойкость и продирим-

чивость творять за моремъ чудеса и что неизбѣжно падеть въ неспособной борьбѣ тотъ, кто не можетъ полагаться, главнѣйше, на собственные силы. Люди такого закала стали неутомимо работать надъ созданиемъ тѣхъ условій общественной жизни, которых особенно благопріятны и для роста промышленности: вкусили прелесть личной свободы, они оберегали ее отъ всѣхъ ограничений; зная по опыту, какъ могущественъ человѣкъ, если умѣло обращается съ естественными богатствами, они заботились о широкомъ доступѣ ко всѣмъ дарамъ природы и о нахождении общаго и техническаго образованія, которое и ускоряетъ успѣхи промышленности. Высокие таможенные налоги, введенные въ Соединенныхъ Штатахъ, встрѣтили среду, которая уже сама по себѣ представила всѣ важнѣйшия данные для безграничного роста хозяйственной жизни. Даже признавъ таможенное покровительство способнымъ влиять на ростъ народнаго богатства, мы должны считать его факторомъ, гораздо менѣе могущественнымъ, нежели личные качества средняго американца, какъ ихъ выработала история. Не таково прошлое Россіи. За послѣднія 2 столѣтія, когда весь складъ жизни воспитывалъ въ американцѣ сильную волю и развивалъ наклонность къ смѣлой личной инициативѣ, населеніе Россіи жило при условіяхъ, прецѣптирующихъ образованію стойкихъ и предпріимчивыхъ характеровъ. Всѣдѣствіе этого русскіе вяло пользовались естественными богатствами страны, медленно развивали общее и техническое образованіе, дѣлали меныше успѣховъ въ экономической жизни. А потому среда, на которую дѣйствуютъ въ Россіи покровительственные таможенные налоги, рѣзко отличается отъ американского общества. Возвышеная прибыль американскихъ промышленниковъ, они не усыпляютъ ихъ энергіи въ стремлениі къ усовершенствованію производства; налоги ослабляютъ соперничество иностранныхъ товаровъ съ американскими на американскомъ рынке, но соперничество туземныхъ производителей остается во всей своей силѣ. Въ Россіи же высокія таможенные подати, сводя соперничество иностранныхъ производителей къ самымъ тѣснѣмъ предѣламъ, убаюкиваютъ русскихъ промышленниковъ; обеспечивая имъ высокіе барыші, они понижаютъ и безъ того вялую предпріимчивость и замедляютъ улучшеніе производства. Данныя о движении таможенного законодательства и цѣнъ въ Россіи и Соединенныхъ Штатахъ подтверждаютъ эти выводы.

Но аналогія вполнѣ умѣстна, когда предметомъ сопоставленія служатъ страны, близкія по уровню культуры, по типу людей, какъ его выработала исторія. Наблюдая результаты, достигнутые высокими таможенными налогами въ Германіи, можно было бы дѣлать цѣнныя выводы относительно послѣдствій такой же таможенной политики во Франціи. Не было бы

основанія возражать противъ сравненія для той же цѣли Ита-
ліи и Испаніи, Бельгіи и Голландіи, Сербіи и Болгарії.

Все сказанное объясняетъ значение индуктивной методы для учения объ экономической политикѣ. Это учение, насколько оно изслѣдуетъ экономическую политику прошедшаго, цѣлью которой входитъ въ составъ исторіи хозяйственного быта. Историкъ-экономистъ не спрашиваетъ, могутъ ли быть извлечены практическія выгоды изъ представленной имъ картины хозяйственной жизни во всей ея реальной полнотѣ: изучая всѣ силы, обнаруживающіяся въ общежитіи и опредѣляя ихъ влияніе на хозяйство, онъ показываетъ, какъ различныя мѣропріятія государственной власти въ данное время и среди данного народа действовали на экономической бытѣ; онъ стремится только къ одной цѣли—увеліченію знаній о прошлыхъ судьбахъ человѣчества. Познаніе слѣдствій, которымъ производила экономическая политика въ прошломъ, можетъ дать точку опоры для политики настоящаго, можетъ вызвать одобрение однихъ мѣръ и настойчивое воздержаніе отъ другихъ; но давать эти точки опоры не есть обязанность экономиста-историка. Такимъ образомъ, учение объ экономической политикѣ, всегда болѣе или менѣе опирающееся на исторію, имѣть и другую сторону: оно обнимаетъ совокупность мѣръ, которыхъ *должны* исходить отъ государственной власти и другихъ общественныхъ силъ для воздействиія на хозяйственную жизнь народа: *оно является подробной и мотивированной программой экономическихъ мѣропріятій*. Достиженіе цѣли лежитъ въ будущемъ; оцѣнка влиянія отдѣльныхъ мѣръ и цѣлой системы также принадлежитъ будущему, а потому и все учение выходитъ за предѣлы исторіи.

Экономистъ - политикъ — будь то правитель, общественный деятель, частный человѣкъ—спрашиваетъ себя, *что нужно дѣлать?* и *какъ нужно дѣлать?* Общий отвѣтъ на первый вопросъ дается всѣмъ уровнемъ гражданственности каждого народа или, какъ принято говорить, „духомъ времени“; мы почерпаемъ этотъ отвѣтъ изъ духовной атмосферы, въ которой живемъ, усвоиваемъ его готовымъ изъ господствующихъ мнѣній, даже при маломъ знакомствѣ съ общественной жизнью. Если общественный бытъ поконется на рабствѣ или строгомъ раздѣленіи сословій, то отвѣтъ будетъ одинъ; если нечезли юридический различія между гражданами — отвѣтъ будетъ совсѣмъ иной. При современномъ уровнѣ гражданственности европейско-американского міра, можетъ быть данъ только одинъ отвѣтъ: „наибольшее накопленіе народнаго богатства и, особенно, наиболѣе равномѣрное его распределеніе“. Такою представляется цѣль экономической политики нашего времени.

По политикѣ, даже изъ простой любознательности, не можетъ довольствоваться общими отвѣтами: онъ хочетъ знать тѣ

соціальнія групи, які вони найбільше медленно приближаються до цілей економічної життя—успішному накопиченню багатства та рівномірному яхъ распредѣленію. Онь знаєтъ, що рента зростає і, поступаючи въ частину собственность, сильно препятствує рівномірному распредѣленію имуществъ; але ему неизвестны тѣ мѣста страны, где возрастаніе идетъ особливо быстро, где населеніе особенно скучено и откуда переселенія найбільше необходимы или где улучшеніе земледельческої культури могло бы принести наибільшія выгоды. Онь знаєтъ, що заробітна плата держится на уроці только необхідимыхъ потребностей работника, но ему неизвестны отрасли, где она стоить особливо низко и поднимается найбільше медленно. Знайши теорії дѣйствіе только важнѣйшої сили—самолюбія—онъ приобрѣтає чрезъ статистику знаніество щодо впливомъ другихъ силъ и такимъ образомъ съ помощью індуктивної методы получаетъ подробный отвѣтъ на первый вопросъ; статистика точно опредѣляетъ ему и качественно, и територіально тѣ общественныя групи, якія найбільше нуждаются во виїщемъ содѣйствії для правильного движенія хозяйственной жизни.

Но, при начертаніи цѣльної системи хозяйственої політики, виникає і другої вопросъ: какъ? въ какой гармонії должны сочетаться общественныя силы для воздействія на економіческій бытъ народа? Эти силы могутъ быть сведены къ тремъ групамъ: центральное правительство, мѣстное управление во всѣхъ своихъ развѣтвленіяхъ и свободная—единоличная і собирательная—дѣятельность гражданъ. Ученіе объ управлѣніи, исходя изъ различія между рядами интересовъ всего народа, можетъ въ общемъ установить предѣлы для дѣятельности каждой групки. Оно можетъ сказать, что интересы, общіе всѣмъ членамъ даннаго класса или всій странѣ, должны быть предметомъ вѣдѣнія центрального правительства, что другія нужды должны быть предметомъ заботъ мѣстного управлѣнія или свободной дѣятельности гражданъ. Такое дѣленіе, достаточное для цѣлей теорії, не можетъ удовлетворить экономиста-політика. Такъ разграничивая весь кругъ хозяйственныхъ мѣропріятій, можно сдѣлать въ однихъ случаяхъ довольно, въ другихъ мало, а въ третьихъ—и вовсе ничего. Не можетъ быть спора о томъ, есть-ли дѣло центрального правительства контролъ надъ исполненіемъ законовъ о фабричныхъ работникахъ. Но воздействіе, напримѣръ, на правильное распредѣленіе гражданъ по территорії, політика переселеній служила и до сихъ поръ служить предметомъ спора. Чѣо предоставить въ этой політицѣ общивамъ, земствамъ, частной благотворительности? Чѣо должна взять на себя центральная власть? А въ такихъ вопросахъ, какъ улучшеніе жилищъ бѣдныхъ классовъ,

поднятіе ремесленного искусства, содѣйствіе развитію сельскохозяйственной техники, споровъ можетъ быть гораздо больше. Экономисту-политику важно знать это теоретическое раздѣленіе обязанностей, но еще важнѣе определить степень напряженія, съ которой дѣствуютъ силы трехъ названныхъ нами группъ и отсюда заключить обь уклоненіяхъ отъ теоріи, которая, во имя цѣлесообразности, должны быть сдѣланы, при распределеніи между ними функций на ближайшее будущее. Если за послѣднія десятилѣтія въ этомъ направлениі слабо обнаруживалась дѣятельность частныхъ лицъ, если органы самоуправления не несли обязанностей, которая должны лежать на нихъ, то правительство должно взять на себя задачи, которые теоретически не должны бы подлежать его вѣдѣнію. Что же обнаруживаетъ степень напряженій этихъ силъ? Только индукція, только статистическое наблюденіе. Оно показываетъ, напримѣръ, что частная благотворительность не удовлетворяетъ и небольшого меньшинства нуждающихся въ призрѣніи, что органы мѣстного управления не оказываютъ замѣтной поддержки земледѣлію и другимъ отраслямъ промышленности, что нѣкоторые классы населенія не имѣютъ выгоднаго кредита; но оно же показываетъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свободная предпріимчивость дѣлаетъ многое для развитія ремесленного образованія, что она искусно регулируетъ нѣкоторая стороны переселеній. Итакъ, изученіе громаднаго фактическаго материала, цѣнное и для одного познанія, еще болѣе важно для экономии силъ, направленныхъ на улучшеніе народнаго хозяйства: это изученіе указываетъ, куда должна быть направлена дѣятельность общественныхъ силъ, что и сколько можетъ быть возложено на каждую изъ силъ для полученія наибольшихъ результатовъ съ наименьшими затратами.

Все изложенное позволяетъ намъ заключить о необходимости обѣихъ методъ для политической экономіи: дедуктивной — для теоріи и индуктивной — для исторіи хозяйственнаго быта и ученія обь экономической политикѣ.

Выяснимъ особенности типовъ и законовъ, съ которыми насъ знакомитъ теорія политической экономіи.

Посылки, служащиа точками отправления для политической экономіи, почерпаются ею изъ наукъ о виѣшней природѣ и о человѣкѣ. Зная зависимость, въ которой находится хозяйство отъ климата, почвы, геометрическаго разрѣза земли, распределенія воды и суши, словомъ, физико-географическихъ условій, а также особенностей техники, наука опредѣляетъ связь этихъ фактовъ съ явленіями хозяйства и устанавливаетъ нѣкоторые законы. Дальнѣйшими точками отправления теоріи служатъ свойства тѣлесной природы человѣка: потребность во виѣшнихъ благахъ, способность людей къ размноженію. На этихъ

свойствахъ она также строитъ свои положенія. Наконецъ, она даетъ намъ типы и законы, которые опираются на особенности духовной природы человѣка, проявляющейся въ общежитіи. Къ первой группѣ положеній относится, напримѣръ, всѣ утвержденія теоріи, что особенности климата, почвы, орудій и машинъ вліають на успѣшность труда; сюда относится всѣ утвержденія относительно сотрудничества, капитала, законовъ ренты. Изъ посылокъ второй группы выводятся положенія о благѣ, какъ экономической категоріи, о соотношеніяхъ между благами и ихъ взаимной зависимости, о законѣ населенія. На основаніи посылокъ третьаго ряда теорія даетъ намъ явленія и законы обмѣна, заработной платы, денегъ и т. д.

Не трудно подмѣтить различія между посылками этихъ трехъ родовъ и между типами и законами, которые на нихъ созидаются. Внѣшняя природа подчиняется власти человѣка и въ извѣстной степени измѣняется ею. Орудія и техническія приспособленія создаются человѣкомъ. Но, при всѣхъ измѣненіяхъ, которая претерпѣваетъ общественная жизнь, тѣ и другія существуютъ всегда и даютъ рядъ типовъ и законовъ, пригодныхъ во всякое время, на всѣхъ ступеняхъ культуры, вѣчныхъ. Законы производительности труда, выраженные въ положеніяхъ, что успѣшность труда возрастаетъ по мѣрѣ усилій раздѣленія труда, по мѣрѣ увеличенія постоянного капитала на счетъ оборотнаго, по мѣрѣ замѣны человѣка, какъ двигателя, механическими двигателями, или законы массы труда, выраженные въ положеніяхъ, что на массу труда имѣть вліяніе распределеніе народонаселенія по возрастамъ, или законъ движенія ренты,—что рента возрастаетъ по мѣрѣ увеличенія различій между частями внѣшней природы, къ которымъ прилагается человѣческий трудъ,—эти и многія другія положенія выражаютъ истины *вѣчно реальные*; они *никогда не могутъ представлять только исторический интересъ, но всегда и вездѣ отражаютъ въ себѣ жизнь действительную*. Слѣдуетъ сказать то же и о положеніяхъ, основанныхъ на посылкахъ второго ряда: опредѣленіе блага, какъ типа, всегда соответствуетъ дѣятельности; отношенія между рядами благъ, образующихъ одну систему, между народонаселеніемъ и средствами продовольствія всегда и вездѣ представляютъ законы типовъ данныхъ явленій.

Иными характеромъ отличаются выводы изъ посылокъ третьаго рода. Духовныи силы человѣка, проявляющіяся въ общежитіи, сознательно или безотчетно творять формы хозяйства. На сценѣ исторіи выступаютъ, подъ вліяніемъ этой творческой дѣятельности, такие типы, которые обусловливаются характеромъ духовныхъ силъ, преобладающихъ въ данномъ періодѣ. Долго или коротко существуютъ эти типы и законы,

выражающіе отношенія между ними, — тѣ и другіе исчезаютъ, какъ скоро въ общественной жизни обнаруживается преобладаніе другихъ силъ. Пониманіе наше положеніе на примѣрѣ денегъ. Появленіе денегъ можетъ быть объяснено безотчетнымъ влечениемъ людей къ достижению извѣстныхъ экономическихъ выгодъ; нѣть основанія приписывать происхожденіе денегъ договору: гораздо правильнѣе объяснять ихъ проявленіемъ у многихъ людей, при достаточномъ развитіи обмѣна, одной и той же потребности—потребности въ орудіяхъ обращенія. Эта потребность, все болѣе выяснявшаяся изъ отдѣльныхъ мѣновыхъ сдѣлокъ, заставила отдать предпочтеніе благороднымъ металламъ, какъ матеріалу для денегъ, и сообщила постѣднимъ извѣстныя функции. Выступая въ теченіе долгихъ историческихъ periodовъ съ этими функциями, деньги образовали опредѣленный типъ. Ихъ тѣсная связь съ другими явленіями общественного хозяйства позволяетъ теоріи установить законы денежного обращенія: взаимную зависимость между количествомъ и быстротой обращенія денегъ съ одной стороны и суммою цѣнъ товаровъ съ другой,—вліяніе увеличенія запаса денегъ на цѣны товаровъ, связь между усиленіемъ одной функции денегъ и ослабленіемъ ихъ другихъ функций, вліяніе кредита на денежный рынокъ. Возьмемъ, далѣе, законъ тяготѣнія заработной платы къ уровню необходимыхъ потребностей работника или законъ зависимости высоты заработной платы отъ особенностей труда, которыя подробно перечислены еще Адамомъ Смитомъ. Можно ли координировать эти типы и законы положенійъ, добытымъ изъ посылокъ двухъ первыхъ разрядовъ? Нѣтъ, ибо и самыя посылки не могутъ быть координированы. Въ первомъ случаѣ посылками служатъ факты, уничтожить которые человѣкъ не властенъ, во второмъ — такие, которые могутъ быть устраниены измѣненнымъ сочетаніемъ силъ, дѣйствующихъ въ общественной жизни. Законы денегъ и заработной платы зиждутся на обмѣнѣ, какъ отличительной чертѣ хозяйственнаго быта, и правѣ частной собственности, какъ краеугольномъ камнѣ всего юридического порядка. Обратимся въ отдаленное прошлое, на границы доисторическаго быта, посмотримъ на жизнь многихъ современныхъ дикихъ племенъ, проходящихъ periodъ натурального хозяйства,— и мы скажемъ, что все, установленное наукой относительно тища денегъ и законовъ, связанныхъ съ этимъ типомъ, не отражаетъ въ себѣ дѣйствительности, ибо для этихъ обществъ не было и нѣть денегъ. Приподнимемъ завѣсу, отдѣляющую отъ насъ отдаленное будущее; представимъ себѣ производство сосредоточеніемъ въ отдѣльныхъ общинахъ, распоряженіе общинныхъ властей всѣми добытыми продуктами, и полное развитіе кредита между отдаленными общинами (нельзя утверждать, что такой порядокъ

невозможенъ и не наступить никогда) — и деньги должны быть вычеркнуты изъ фактовъ хозяйственной жизни. Мы скажемъ то же о законахъ заработной платы. При отсутствіи наемнаго труда въ древнійшихъ общинахъ не могутъ обнаруживаться эти законы, ибо изъ всей массы продуктовъ, составлявшихъ общее достояніе, отдѣльнымъ членамъ выдавалось натурою по ихъ надобности, а удовлетвореніе многихъ потребностей сообща еще болѣе препятствовало обнаруженню этихъ законовъ. Представимъ себѣ положеннымъ въ основу распределенія общественнаго дохода лозунгъ Л. Блана: „каждому по его потребностямъ“, и все учение теоріи о заработной платѣ будетъ представлять только историческій интересъ.

Такимъ образомъ, установляя положенія послѣдняго ряда, теорія не должна упускать изъ вида, что эти положенія относительно первыхъ, имѣющихъ неизмѣнно реальное значеніе, являются субординированными.

Мы не настаивали бы на такомъ раздѣленіи всего матеріала, если бы у экономистовъ, вѣрныхъ пріемамъ англійской классической школы, не было привычки сравнивать политическую экономію съ астрономіей или механикой,— науками, за которыми, по преимуществу, упрочилось наименование „точныхъ“. Дѣлая такое уподобленіе, экономисты обращаются, однако, со всѣмъ матеріаломъ, подлежащимъ вѣдѣнію теоріи, такъ, что обнаруживаются несостоятельность этого сравненія. Механикъ, установляя законы движения, открываетъ истины, столь же вѣчныя, какъ вѣчно вещество; то же можно сказать о законахъ физики и химіи: положенія этихъ наукъ всегда отражали, отражаютъ и будутъ отражать въ себѣ дѣйствительность. Иными представляются положенія теоріи политической экономіи: одни изъ нихъ могутъ быть вполнѣ приравнены законамъ движения, вліянію теплоты на объемъ тѣлъ и т. п.; другія, отражая въ себѣ дѣйствіе только силъ, наиболѣе могущественныхъ въ данный періодъ исторіи, не заслуживаютъ этого признанія. А потому, вся совокупность положеній образуетъ двѣ группы, согласно съ характеромъ посылокъ, которыми пользуется теорія. Стремленіе во что бы ни стало отстоять не только всѣ положенія, но и всю систему англійской школы, ведетъ одного даровитаго экономиста къ невѣрнымъ заключеніямъ. Утверждая, что дедуктивнопостроенная теорія отрѣшается отъ юридического порядка, создаваемаго государствомъ, и рассматриваетъ только „хозяйственное общество“, Дитцель говорить, что это общество не состоитъ изъ разсѣянныхъ, че связанныхъ другъ съ другомъ атомовъ. Организмъ хозяйства представляетъ изъ себя одно тѣсно сплоченное тѣло; оно имѣеть свои органы и свои учрежденія. „Властители — всемогущій долларъ“; аристократы биржи,магнаты-землевладѣльцы, „желѣзодорожные короли“ — его высшіе

сановники; фабриканть и купець, маклеръ и лавочникъ — его органы; контора, рынокъ, биржа — его учрежденія¹⁰). Все это вѣрно; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы англійская школа и даже Рикардо не исходили, для построенія теоріи, изъ условій, которыя даетъ именно современная жизнь. Чтобы говорить о землевладѣльцахъ магнатахъ, маклерахъ, биржахъ, — мало имѣть въ виду эгоизмъ или хозяйственный разсчетъ, который, при всѣхъ измѣненіяхъ въ формѣ, неотъемлемо связанъ съ природою человѣка: нужно имѣть передъ собой еще посылки о правѣ частной собственности на значительную часть вѣшней природы, о самостоятельности отдельныхъ производителей, обѣ обмѣнѣ, — а все это — признаки общественного быта именно нового времени. Еслибы экономисты-теоретики вовсе не исходили изъ порядка современного общества, то что же мѣшало бы имъ взять совершенно иной фонъ картины? Что мѣшало бы взять такой хозяйственный организмъ, отвлеченный отъ юридического порядка, гдѣ бы органами служили общинный сходъ, старѣйшины общинъ, главы семей, а учрежденіями — мѣста собравія общинниковъ для обсужденія хозяйственныхъ дѣлъ, общинные амбары, куда поступаютъ и откуда распредѣляются всѣ добытые продукты, или — взять владѣльца земли съ его рабами, лѣствицей надемотриковъ и учрежденіями, при землѣ, откуда удовлетворялись всѣ потребности рабовладѣльческаго хозяйства? Что мѣшало бы сдѣлать фономъ картины бытъ прошлаго, извѣстный, частію, даже въ мелкихъ подробностяхъ, или далекаго будущаго, рисующагося въ неясныхъ очертаніяхъ? Нѣть, цѣнныя выводы, сдѣланныя англійскою школой, опираются на устои, которые даетъ новое время, современный общественный бытъ, какъ его творить право. Наконецъ, если бы господствующая теорія имѣла своимъ предметомъ только хозяйственное общество, не связанное съ государственнымъ строемъ, то ея положенія всегда имѣли бы и практическое значеніе, которое мы придаемъ теоріи; но это не такъ. И самъ Дитцель говорить въ другомъ мѣстѣ, что общественному хозяйству грядущихъ поколѣній будетъ соответствовать не нынѣшняя, а какая-либо иная теорія¹¹). Это замѣчаніе справедливо, но только относительно второй группы положеній, входящихъ въ составъ теоріи.

Такимъ образомъ теорія получаетъ въ свое вѣдѣніе двоякій материалъ: одинъ обнимаетъ ученіе о постоянныхъ, естественно-экономическихъ типахъ и законахъ хозяйственныхъ явлений; къ другому относятся исторически измѣняющіеся типы и законы. Первая часть можетъ быть вполнѣ уподоблена точнымъ наукамъ о вѣшней природѣ, вторая не можетъ получить этого признанія. Къ положеніямъ первой группы должны быть отнесены общіе вопросы о потребности, благѣ, полезности, цѣнно-

ети, трудъ, производствъ, рентъ, народонаселеніи. Ко второй отходитъ учение о распределеніи, обмѣнѣ, иѣкоторые отдельны учения о производствѣ (о формахъ производства). Сюда же относится цѣлкомъ учение о государственныхъ доходахъ и о кредитѣ. Изъ всей области, подлежащей вѣдѣнію науки о финансахъ, въ первой части теоріи могутъ быть установлены только немногія общія положенія, въ родѣ, напримѣръ, того, что есть, кромѣ индивидуальныхъ, и потребности, удовлетворяемыя кол-лективно, или что, при данномъ запасѣ благъ, расширение коллективныхъ потребностей сопровождается суженіемъ инди-видуальныхъ. Способы же удовлетворенія государственныхъ, потребностей, доходы и кредитъ, представляютъ, какъ извѣстство, типы и законы, измѣняющіеся въ исторіи ¹²⁾.

Вопросъ о предѣлахъ развитія политической экономіи однороденъ съ вопросомъ о границахъ, у которыхъ должно остановиться развитіе и всякой другой науки. Различие между составными частями политической экономіи позволяетъ сдѣлать такое предсказаніе. Исторія хозяйственного быта и учение о хозяйственной политикѣ будутъ развиваться и пополняться параллельно съ жизнью человѣка на землѣ. Развитіе второй части теоріи будетъ идти скачками. Время наибольшаго обнаруженія въ обществѣ извѣстныхъ силъ будетъ и временемъ наиболѣе цѣнныхъ приобрѣтеній для учения объ исторически измѣняющихся типахъ и законахъ хозяйства. Время накопленія новыхъ силъ въ борьбѣ съ прежними (таковъ переживаемый нами пе-ріодъ) будетъ давать теоріи, главнымъ образомъ, частности: оно будетъ давать новые типы, нарастающіе подъ вліяніемъ силъ, которыя нынѣ господствуютъ, съ тѣмъ вмѣстѣ намеки на типы и законы, которымъ принадлежитъ будущее.—Первая же часть теоріи и теперь представляется довольно законченою. Но какъ астрономія, физика и химія получаютъ непрерывно приростъ отъ работы научной мысли, такъ и эта часть будетъ еще долгое время пополняться получениемъ новыхъ посылокъ отъ наукъ о вѣнѣніи природѣ и индивидуальной жизни человѣка.

Я полагаю, что заглавіе моей книги соответствуетъ ея со-держанию, а послѣднее не противорѣчитъ требованіямъ, которыя поставлены въ этой главѣ. Если бы книга носила название „Теорія политической экономіи“, то было бы уместно ограничиться теоретическимъ изученіемъ предмета. Давая заглавіе „Начала политической экономіи“, я имѣлъ въ виду прежде всего теоретическое изслѣдованіе, но удержалъ за собою право отвести значительное мѣсто и тому, что выходитъ за предѣлы теоріи. Сдѣланнія мною отступлениія относятся, главнымъ образомъ, къ учению объ экономической политикѣ. Выдѣливъ ихъ въ особую часть труда, слѣдовало бы изложить гораздо болѣе

подробно то, что сдѣлано у главныхъ культурныхъ народовъ для воздействиія на разныя стороны хозяйственной жизни, и начертать полную программу экономическихъ мѣропріятій. Я не ставилъ себѣ такой задачи, но хотѣль высказать мои воззрѣнія на мѣропріятія государства, заслуживающія особеннаго вниманія со стороны изслѣдователя хозяйственного быта и политика. Съ тѣмъ вмѣстѣ я намѣренno выходить за предѣлы теоретического изложенія по вопросамъ, которые особенно важны для русской жизни и могутъ заинтересовать именно русского читателя. Руководимый этимъ побужденіемъ, я отвѣтъ въ книгѣ мѣсто для очерка фабричныхъ законовъ, таможеной и переселенческой политики, синдикатовъ, кризисовъ, для свѣдѣній по исторіи бумажныхъ денегъ, для данныхъ о земельной общинѣ, о кредитѣ въ Россіи. Все это не служить прямымъ дополненіемъ теоретического изслѣдовавія: образуютъ ли эти отступленія особыя главы или же входять въ составъ главъ, отведенныхъ для теоріи, они намѣчаются въ общихъ чертахъ вмініе, которое оказывается государство на важнѣйшія стороны экономической жизни.

Закончимъ эту главу указаніемъ на то, какого рода вычислениія можетъ дѣлать политическая экономія. Ея вычислениія бываютъ математически точны только въ самыхъ рѣдкихъ и простыхъ случаяхъ; зная, напримѣръ, цѣну извѣстнаго товара, экономистъ можетъ довольно точно опредѣлить, какъ измѣнится она съ проведениемъ желѣзной дороги или съ устраниеніемъ таможенъ. Въ случаяхъ же болѣе сложныхъ вычислениія ограничиваются только приблизительными указаніями. Каждое хозяйственное явленіе есть результатъ множества совмѣстно дѣйствующихъ причинъ. Точное, выраженное въ числахъ положеніе или предсказаніе не можетъ быть дано потому, что нельзя ни опредѣлить степень участія каждой изъ этихъ силъ въ произведеніи результата, ни охватить всѣ силы, которыхъ еще могутъ обнаружиться. Изслѣдуя хозяйственный бытъ прошедшаго, экономистъ знаетъ, напримѣръ, что разложеніе земельной общинѣ было вызвано измѣненіями въ сельскохозяйственной техникѣ, и въ густотѣ населенія, и въ положительномъ правѣ. Мы знаемъ, что результатъ былъ произведенъ совмѣстнымъ дѣйствіемъ всѣхъ этихъ силъ; въ какой же мѣрѣ онъ обязанъ каждой изъ нихъ,— мы вычислить не можемъ. Тамъ, где наша наука предсказываетъ, она не всегда можетъ точно опредѣлить время наступленія какого-нибудь общественного явленія или блестро-ту его развитія. Вѣковое наблюденіе, подкрепляемое дедукціями, говорить намъ, что рента возрастаетъ съ увеличеніемъ населенія, что крупное производство поглощаетъ мелкое и т. д. Но мы не можемъ сказать, въ какомъ отношеніи будетъ стоять возникненіе ренты юь увеличенію населенія, или когда васту-

шить время поїнаго исчезновенія мелкаго производства.—Я полагаю, что никогда нельзя будетъ выражать экономические законы точными формулами математики. Слишкомъ трудно вычислить дѣйствіе всѣхъ силъ, управляющихъ хозяйственной жизнью. Но невозможность достигнуть математической точности не умаляетъ значенія нашей науки. Она обладаетъ достаточной степенью совершенства, чтобы указывать направление хозяйственной жизни и служить путеводной нитью для законодателя. А для послѣдняго должно быть все равно, въ какую математическую формулу облекаются страданія и слезы людей. Если строй хозяйственной жизни ставить въ тягостныя условія многочисленныя массы населения, если экономистъ предсказываетъ умноженіе невзгодъ отъ дальнѣйшаго развитія этого строя, то законодатель обязанъ, опираясь на выводы науки, пролагать для общественнаго хозяйства новое русло.

ПРИМѢЧАНІЯ КО ВТОРОЙ ГЛАВѢ.

1) Первая двѣ книги своего *изслѣдованія о богатствѣ народовъ* Адамъ Смітъ посвятилъ теоріи, а третью и четвертую—исторіи.

2) О значеніи индуктивной методы для установления типовъ не говорить ни Корнель, ни Менгеръ; послѣдній, расширяя задачу теоріи политической экономіи до познанія типовъ и законовъ, даетъ право думать, что дедуктивная метода въ равной мѣрѣ приложима къ установлению однихъ и другихъ.—Неясное различеніе индукціи отъ дедукціи мы находимъ у англійскаго экономиста Сиджуика (Siswick. The principles of political economy 1893, 33—4). Признаная за индуктивную методу пользованіе „результатами, которые получены путемъ анализа и систематизированія нашихъ обычныхъ эмпирическихъ знаній объ явленіяхъ промышленности“, и, находя примѣненіе этой методы въ ученіи Дж. Ст. Милля о производствѣ, о вліяніи на него природы, труда, капитала, Сиджуикъ смыкаетъ индукцію, лежащую въ основаніи первоначальныхъ посылокъ для дедуктивнаго мышленія, съ индуктивною методою. Индукція въ первомъ смыслѣ всегда лежитъ въ основаніи дедуктивнаго мышленія, и главная посылка экономистовъ дедуктивного направлениія—о самолюбіи, какъ главной силѣ хозяйственной жизни,—добыта путемъ самоанаблюденія и наблюденія другихъ людей. То же примѣнено къ посылкамъ и въ другихъ наукахъ.

3) Helferich. Thünen u. s. Gesetz. Tübing. Zeitschr. 1852. 412.

4) Cp. Cairnes. The character and logical method of Political Economy. 2 ed. 1875, 2 гл.

5) Cp. Menger. Untersuchungen über die Methode der Socialwissenschaften. 1883.

6) Иное возврѣніе было высказано въ моей брошюрѣ: „Задачи и методъ политической экономіи“, 1879.

7) Cairnes. Названное сочиненіе, 99.

8) Считая статистику методомъ, а не наукой, мы не образуемъ изъ экономической статистики самостоятельной части политической экономіи, и цѣлѣюю относимъ ея материальную исторію хозяйственнаго быта.

9) Cairnes. Названіе сочин., 42.

10) Dietzel. Beiträge zur Methodik der Wirtschaftswissenschaft. Jahrbüch. für Nationalökon. u. Statist., 1884, IX, 3 Heft, 235.

11) Тамъ же.

12) Наука о финансахъ, являющаяся самостоятельнымъ предметомъ преподаванія, не можетъ быть отнесена ни къ наукѣ, ни къ искусству въ тѣсномъ смыслѣ этихъ словъ. Исторія финансовъ образуетъ составную часть исторіи народного хозяйства или хозяйственнаго быта. Все же, что изъ этой науки относится обыкновенно къ теоріи, представляеть памъ разнородный матеріалъ. Почти все ученіе о государственныхъ расходахъ и финансовой управлениі, ставитъ на вопросы, какіе расходы должны быть совершаляемы общественною властью и какъ должно быть упорядочено отношеніе между доходами и расходами, входить въ составъ ученія обѣ управлениі, содержитъ совокупность идеаловъ и юридическихъ правилъ, дѣлить свой матеріалъ между науками государственного и полицейскаго права. Сюда же относятся всѣ положенія, касающіяся политики доходовъ. Такимъ образомъ, наука о финансахъ въ этихъ частяхъ должна быть признана наукой прикладной, ученіемъ о финансовой политикѣ.—На ряду съ ними есть часть, которая составляетъ предметъ теоріи политической экономіи, и именно второй ея части,—ученіе о доходахъ и кредитѣ и ихъ влияніи на общественное хозяйство. Связь этихъ явлений государственного хозяйства съ явленіями хозяйства общественного настолько тѣсна, что полное познаніе послѣднихъ невозможно безъ изученія первыхъ: механизмъ распределенія и обмѣна цѣнностей выясняется во всей полнотѣ только отъ принятіемъ въ разсчетъ вліянія, которое имѣютъ на хозяйство налоги и государственный кредитъ. Несамостоятельности науки о финансахъ въ философскомъ смыслѣ и разнородность ея частей вполнѣ оправдываютъ установившуюся въ англійской и, частью, французской экономической литературѣ привычку вводить часть этой науки въ составъ политической экономіи. — Конечно, этимъ я не хочу сказать, что безполезно и нецѣлесообразно выдѣлять науку о финансахъ въ самостоятельный предметъ преподаванія.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ПРОИЗВОДСТВО.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общее понятіе о труде.

Пособія: *Ад. Смінга*. Исследование о природѣ и причинахъ богатства народовъ, З тома, 1866. *Д. С. Міллі*. Основанія. *Marshall. Principles of Economics*, I. 1891. *Schönberg. Handbuch*, I. *Nordenholz. Allgemeine Theorie der gesellschaftlichen Production*, 1902. *Oppel. Natur u Arbeit*, 2B. 1904.

Знакомство съ ранними ступенями общественности показываетъ, какъ бессиленъ человѣкъ, пользующійся лишь тѣми предметами, которые ему непосредственно даетъ природа. Вода, воздухъ, теплота, естественные пещеры и дупла деревьевъ, грибы и ягоды—вотъ блага, которыхъ природа въ готовомъ видѣ ставитъ къ услугамъ человѣка. Эти вещи важны для удовлетворенія человѣческихъ потребностей, но недостаточны. Дабы человѣкъ могъ удовлетворить потребности, онъ долженъ затрачивать силу своихъ мышцъ и нервовъ. Къ веществу человѣкъ не можетъ прибавить ни одного атома; но почти все, что даетъ природа, только тогда служить цѣлию человѣка, когда потерпѣть съ его стороны значительныя измѣненія, преобразованія. Они часто идутъ такъ далеко, что почти лишаютъ возможности различить въ готовомъ произведеніи вещество, которое послужило человѣку материаломъ: дубовый шкафъ мало похожъ на вѣковой дубъ, который доставилъ для него материалъ; еще меньшее сходства между каменнымъ зданіемъ и глиной, изъ которой сдѣланъ кирпичъ. *Всъ преобразованія вещества, обращеніе его въ тотъ видъ, въ которомъ оно можетъ удовлетворять потребности человѣка, называется производствомъ.*

Преобразуя вещество, человѣкъ, можетъ затрачивать свою работу двояко: или измѣнять вещество, не преслѣдуя никакой цѣли, не держась определенного плана, или же руководствоваться въ своей работе известнымъ разсчетомъ. Многочисленность нуждъ и ограниченность силъ побуждаютъ человѣ-

вѣка избрать ибо лѣдній путь. Онъ начертываетъ планъ своей дѣятельности, ищетъ въ потребностяхъ цѣли, которая должна быть достигнута; онъ разсчитывается, хозяйствуетъ. *Основанная на расчетѣ затрата человѣческихъ силъ и называется хозяйственнымъ трудомъ.*

Для цѣлой школы экономистовъ—физіократовъ—вѣра въ самостоятельную производительность природы была однимъ изъ основныхъ положеній. Возникаетъ поэтому вопросъ, одинъ ли трудъ производить богатство и въ какомъ отношеніи стоять къ нему силы природы? Производя вещество, силы природы, даже въ самой благодатной мѣстности, даютъ человѣку слишкомъ мало для удовлетворенія его нуждъ: поэтому, природа имѣеть значеніе лишь настолько, насколько она ставить человѣка при работѣ въ болѣе или менѣе благопріятныя условія, насколько она дѣлаетъ успѣшнымъ его трудъ. Воды, богатыя рыбой, не даютъ ея прибрежному жителю даромъ; человѣкъ долженъ выполнить цѣлый рядъ особыхъ техническихъ премоў, чтобы воспользоваться рыбнымъ богатствомъ. Силы природы создаютъ вещество, а трудъ, и только онъ одинъ, создаетъ богатство. Силы природы косвенно принимаютъ участіе въ созданіи богатства, опредѣляя степень успѣшности человѣческаго труда.

Трудъ, производящий богатство, есть трудъ производительный.

Такъ какъ подъ богатствомъ принято разумѣть всю совокупность предметовъ, которые удовлетворяютъ человѣческія потребности, то не можетъ быть названъ производительнымъ трудъ, который не служитъ этой цѣли. Въ обществѣ, вышедшемъ изъ состоянія суевѣрій и предразсудковъ, трудъ, затраченный на изготавленіе талисмановъ (если они не предназначаются для вывоза въ страны, сохранившія суевѣрія), есть не производительный трудъ, такъ какъ, не удовлетворяя никакой потребности, онъ не создаетъ богатства.

Ад. Смітъ установилъ раздѣленіе труда, полезнаго для общества, на *производительный и непроизводительный*. — Многіе позднѣйшіе экономисты, среди нихъ и Дж. Ст. Милль¹), усвоили это дѣленіе. Согласно съ нимъ, производителенъ тотъ трудъ, плодомъ котораго является вещественная цѣнность; непроизводительнымъ считаются тотъ, который не оставляетъ вещественнаго слѣда. Примѣромъ первого служитъ трудъ столяра, преобразующаго дерево; примѣромъ второго—трудъ врача. Такое дѣленіе неудобно.

1) Экономисты, принимая это дѣленіе, спѣшасть оговориться, что не слѣдуетъ считать непроизводительный трудъ безполезнымъ, такъ какъ въ эту группу относятся многія почтенные и важные занятія, необходимыя для общества на извѣстной ступени его развитія; но все оговорки недостаточны. Въ теченіе

иъкою умъ человѣка привыкаетъ соединять со словомъ извѣстное понятіе, и ему почти невозможно разорвать эту связь; со словомъ же *непроизводительный* привыкли связывать понятіе о безполезномъ. Въ такомъ смыслѣ употребляютъ это слово, когда говорить о непроизводительномъ потреблѣніи, непроизводительныхъ классахъ, непроизводительномъ трудѣ, если онъ изготавливаетъ талисманы, ненужные для общества. Невольно такое же значеніе придаетъ человѣкъ слову *непроизводительный*, когда онъ обозначается трудъ, полезный для общежитія, но не оставляющій вещественного слѣда.

2) Другое неудобство этого дѣленія болѣе существенно, ибо оно касается непослѣдовательности въ классификації. Мы опредѣлили производство, какъ дѣятельность человѣка, направленную на измѣненіе и преобразованіе вещества и умноженіе богатства. Это измѣненіе можно понимать двояко: а) въ широкомъ смыслѣ, какъ всякую дѣятельность, прямо или косвенно содѣйствующую производству, и б) въ смыслѣ болѣе узкомъ, какъ дѣятельность, которая непосредственно измѣняетъ вещество. Единство классификації требуетъ, чтобы и производительность труда понималась такъ, какъ понимается производство. Если понимать слово „производство“ во второмъ смыслѣ, то производителенъ только тотъ трудъ, результатомъ которого является измѣненіе вещества и умноженіе богатства, напримѣръ, трудъ столяра, пекаря, портного. Если понимать этотъ терминъ въ первомъ смыслѣ, то нужно считать производительную всякую работу, которая прямо или косвенно служитъ этой цѣли. Тогда производителенъ трудъ и столяра, и учителя рисованія, который научилъ его дѣлать рисунки для мебели, и врача, который исцѣлилъ его отъ болѣзни и сдѣлалъ способнымъ къ продолженію работы, и ученаго, который, открывая законы механики, содѣйствовалъ изобрѣтенію болѣе совершенныхъ орудій, и судью или полицейскаго чиновника, которые поддерживали правовой порядокъ, словомъ, всѣ тѣ виды труда, которые экономисты считаютъ полезными, но непроизводительными. Мы не находимъ единства классификаціи у писателей, которые держатся указанного дѣленія. Раздѣляя производительный трудъ на иѣсколько видовъ, экономисты различаютъ: 1) трудъ, затраченный на производство самой полезности, напримѣръ, работу пекаря, приготовляющаго хлѣбъ, 2) трудъ кузнеца, изготавлившаго орудія для производства данного предмета, 3) трудъ лицъ, изготавлившихъ предметы, на которые содержится работница при производствѣ данного продукта, и 4) трудъ торговца, передающаго сырье лицу, которое занимается его обработкой. Трудъ первыхъ трехъ видовъ измѣняетъ вещество; трудъ торговца не оставляетъ такихъ материальныхъ слѣдовъ; онъ косвенно содѣйствуетъ преобразованію вещества и содѣй-

ствуетъ ему отнюдь не въ большей мѣрѣ, чѣмъ трудъ врача, ученаго, судьи и т. п. Такъ какъ функции всѣхъ этихъ лицъ необходимы для успѣшнаго производства, то непослѣдовательно считать производительнымъ трудъ торговца и непроизводительную работу врача, учителя, судьи. Указанные недостатки вовсе не искушаются какими-либо цѣлями, которыхъ достигались бы съ помощью раздѣленія полезнаго труда на производительный и непроизводительный. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что экономистъ хочетъ сравнить нѣсколько нардовъ относительно богатства и пытается решить вопросъ на основаніи того, какъ раздѣляется населеніе данныхъ странъ на производительныхъ и просто полезныхъ работниковъ. Относительное число представителей обоихъ видовъ труда не даетъ права на какіе-либо выводы. Если экономистъ заключить, что общество тѣмъ богаче, чѣмъ большее число лицъ занимается материальнымъ трудомъ, то выводъ будетъ опровергнутъ историческимъ опытомъ: на раннихъ ступеняхъ общественности вся жизнь каждого человѣка затрачивается на преобразованіе вещества, приготовленіе топора изъ камня и челна изъ ствола дерева, а при этихъ условіяхъ общественного быта потребности всѣхъ людей удовлетворяются очень скучно, и богатство наименѣе значительно. Если экономистъ признаетъ наиболѣе богатою ту страну, въ которой наименѣшее число людей занимается преобразованіемъ вещества, то и такое заключеніе будетъ противорѣчить историческому опыту: Испанія послѣдніхъ столѣтій имѣла относительно больше чиновниковъ и монаховъ, чѣмъ какая-либо другая страна, и потребности населенія удовлетворялись гораздо болѣе скучно, нежели въ другихъ государствахъ Европы. Экономическое процвѣтаніе страны не измѣряется только отношеніемъ между той частью населенія, которая производитъ материальныя цѣнности и тою, которая посвящаетъ себя непроизводительному труду. Богатство народа есть слѣдствіе многихъ причинъ. Страну можно признать тѣмъ богаче, чѣмъ разнообразнѣе и сложнѣе ея потребности, чѣмъ шире разлиты они во всемъ населеніи, чѣмъ больше труда посвящается умственной работѣ и чѣмъ болѣшій запросъ на этотъ трудъ предъявляютъ всѣ общественные слои.

Отказываясь отъ такого раздѣленія труда на два вида, мы признаемъ производительныя всѣкій трудъ, прямо или косвенно содѣйствующій созданію материальнаго богатства. Или оно спосбствуетъ преобразованію вещества (столяръ, изготавляющій мебель, кузнецъ, производящій для него орудія, торговецъ, перемѣщающій издѣлія столяра, технологъ-практикъ, усовершенствующій орудія, и даже химикъ-теоретикъ, открытия котораго косвенно вызываютъ улучшенія въ горнозаводскомъ дѣлѣ, и т. п.), или предупреждастъ наступленіе такихъ условій, ко-

торыя задерживаютъ возрастаніе материальныхъ богатствъ: врачъ, излѣчивающій болѣзнь, санитаръ, оздоровляющій улицы и жилыя помѣщенія, пожарная команда, которая уменьшаетъ опасность отъ огня, полицейская стража, предупреждающая воровство, и т. д. *Непроизводительныи*¹⁾ же мы считаемъ всякий бесполезный трудъ. Таковъ можетъ быть и материальный трудъ, вовсе не достигающій цѣли: занятіе рыбнымъ промысломъ въ водахъ, очень бѣдныхъ рыбою, разработка рудниковъ съ очень малымъ запасомъ минераловъ. Таковы, наконецъ; всѣ виды нематериальнаго труда, на который нѣтъ запроса: трудъ ученаго, преподавателя, поэта можетъ быть непроизводителенъ или потому, что данная общественная среда вовсе не имѣетъ потребности въ продуктахъ подобной работы, а эти продукты не получаютъ доступа въ другую среду, где могли бы встрѣтить запросъ, или же по своему невысокому достоинству.

Все сказанное позволяетъ намъ отвѣтить на вопросъ о томъ, какое соотношеніе между различными видами труда наиболѣе благопріятно для быстраго возрастанія богатства. Пріобрѣтеніе богатства идетъ чѣмъ болѣе успѣшно, чѣмъ болѣе гармонично сочетаніе отдѣльныхъ видовъ труда, чѣмъ ближе общественный строй къ тому порядку, при которомъ не затрачивается лишнихъ силъ на удовлетвореніе какой-либо потребности. Это примѣнительно въ равной мѣрѣ и къ труду, производящему материальныя цѣнности, и къ умственному труду. Если потребности общества въ столярныхъ издѣліяхъ удовлетворяются трудомъ 1.000 человѣкъ, а всѣхъ столяровъ 1.100, то 100 человѣкъ излиши; общество выиграло бы отъ перехода ихъ къ занятію, которое имѣть менѣе представителей, нежели то вызывается общественными потребностями. Согласно съ воззрѣніями современного общества, духовное сословіе необходимо, и трудъ его полезенъ; но если оно слишкомъ многочисленно въ странѣ, и его представители затрачиваютъ слишкомъ мало времени на удовлетвореніе потребности общества въ служителяхъ церкви, то нарушается гармоническое сочетаніе отдѣльныхъ видовъ труда, удѣляется слишкомъ много личныхъ силъ для работы, которая могла бы быть исполнена и съ меньшей ихъ затратой. Слѣдуетъ сказать тоже обѣ излишествѣ чиновниковъ, врачей и другихъ.

Мнѣніе гр. Л. Н. Толстаго о *недѣланіи*²⁾ обратило на себя вниманіе за послѣднее время. Сопоставляя рѣчи Золя и Дюма о средствахъ, способныхъ устранить недовольство, которыми помыслившіе люди нашего времени, Толстой становится на сторону Дюма. Онъ считаетъ слишкомъ узкимъ воззрѣніе, будто бы трудъ, всегда имѣя нравственное значеніе, можетъ спасать людей отъ чувства тоски предъ сознаніемъ невозможности рѣшить важнѣйшіе вопросы жизни. И Толстой правъ,

когда указывает ошибочность оценки Золя, выражющейся въ следующихъ словахъ: „Юноши, молодые люди, беритесь же за дѣло. Пусть каждый изъ васъ берется за свой урокъ, который долженъ наполнить его жизнь. Какъ ни скромно бы было это дѣло, оно тѣмъ не менѣе будетъ полезно; въ чемъ бы оно ни состояло, только бы оно поднимало всѣхъ... Человѣкъ, который работаетъ, всегда бываетъ добръ. И потому я убежденъ, что единственная вѣра, которая можетъ спасти наше, есть вѣра въ совершенное усиление“. Толстой разбиваетъ это положеніе ссылкою на то, что многие виды физического и умственного труда вовсе не улучшаютъ человѣческой природы, не приближаютъ ея къ идеалу: „Биржевой игрокъ, банкиръ возвращается съ биржи, гдѣ онъ усердно работалъ; фабриканть—изъ своего заведенія, гдѣ тысяча людей губятъ свои жизни надъ работой зеркаль, табаку, водки. Всѣ эти люди работаютъ; но неужели можно поощрять ихъ работу?“ И, наконецъ, Толстой вѣрно замѣчаетъ, что трудъ самъ по себѣ еще не дѣлаетъ человѣка добрымъ: „величайшіе злодѣи человѣчества всегда были особенно заняты и озабочены, и на минуту не оставались сами съ собою, безъ занятій или увеселеній“. Такая оценка труда побуждаетъ Толстаго вспомнить объ ученикѣ китайского мыслителя Лаодзе, который совѣтуетъ людямъ практиковать „недѣланіе“: личная и, особенно, общественные бѣдствія являются, по мнѣнію Лаодзе, следствіемъ не столько того, что люди не сдѣлали того, что нужно было сдѣлать, сколько того, что они дѣлаютъ то, чего не нужно дѣлать. Постоянная и непрерывная работа, лишая человѣка досуга, не даетъ ему времени подумать, часокъ-другой и кому нужна его дѣятельность. А такъ какъ великия перемѣны и въ жизни отдельныхъ людей, и въ жизни всего человѣчества совершаются прежде всего въ мысли, то необходимо, чтобы человѣкъ остановился и обратилъ вниманіе на то, что ему нужно понять. Большинство людей христіанского міра живеть языческой жизнью, главнымъ образомъ, потому, что неудовлетворительное устройство жизни „поддерживается постоянной суетой людей, не дающей имъ времени опомниться и измѣнить его соответственно своему сознанію“.

Эти мысли вѣрны: превозносить нравственное значеніе труда во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда трудящійся служитъ одной изъ пружинъ, необходимыхъ для общественнаго механизма, какимъ онъ является въ данное время — значитъ отказаться отъ идеаловъ, которые вдохновляютъ людей на все истиинно прекрасное, значитъ поддикаться подъ положеніемъ: „все существующее разумно“. Въ комъ даже слабо чувство неудовлетворенности настоящимъ и хотя временами пробуждается влечение къ лучшему общественному строю, тотъ

сказъетъ, что многие виды труда могли бы, къ благополучію людей, навсегда исчезнуть и изгладиться изъ нашего воспоминанія. Человѣчество выиграло бы, если бы рабочіе на табачныхъ фабрикахъ и плантацияхъ табаку вовсе перестали работать и если бы, на ряду съ этимъ, исчезла потребность въ табакѣ. Человѣчество выиграло бы, если бы свелось до наименьшихъ размѣровъ употребленіе рабочей силы въ производствѣ предметовъ роскоши и если бы пропорціально этому уменьшилась роскошь, которая, доставляя грубымъ наслажденія немногимъ, имѣть развращающее влияніе на всю общественную среду. Получился бы выигрышъ, если бы исчезли съ лица земли всѣ виды труда, которые затрачиваются на пѣніе и музыку въ опереткахъ, другихъ увеселительныхъ мѣстахъ низшаго разбора, на репортерскую часть, которая имѣть своимъ предметомъ ничтожныя мелочи повседневной жизни и, удовлетворяя любопытство праздныхъ людей, только питаетъ наклонность къ сплетнѣ. Нужно крайнее недомысліе, дабы утверждать, будто люди, занятые этими и многими подобными имъ видами труда, стоять у дѣла, которое возвышаетъ и облагораживаетъ человѣка. Правъ Толстой и тогда, когда напоминаетъ, что люди очень занятые, часто бываютъ жестоки. Все, что намъ навѣстно обѣ Аттилѣ, Чингисханѣ, Людовикѣ XI, Иоаннѣ Грозномъ, заставляетъ признать ихъ дѣятельными людьми. Этого признания заслуживаютъ, конечно, и Аракчеевъ, и Фуше и каждый администраторъ, который, будучи одержимъ страстью къ слыску, повсюду отыскиваетъ зловредныхъ людей и не даетъ покоя мирнымъ гражданамъ. Правъ Толстой и относительно того, что множество бесплодной и вредной работы производится именно потому, что шумъ повседневной жизни не даетъ человѣку времени одуматься и выяснить смыслъ и значеніе труда. Это обнаруживается особенно рѣзко въ сферѣ законодательства и управления. Нигдѣ не производится такъ много ненужной и вредной работы, какъ въ этой области. Есть бытописатели (особенно авторы газетныхъ и журнальныхъ обозрѣй за истекшій годъ), которые съ удовольствиемъ отмѣчаютъ, что въ теченіе года издано столько-то тысячъ законовъ и распоряженій. И въ этомъ хаосѣ, где созданному вчера мѣшаетъ то, что узаконено сегодня, огромное количество ненужнаго дѣла не есть результатъ только незнаніства съ истинными потребностями народа, но и слѣдствіе того, что развивается особый бюрократический спортъ: онъ выражается въ стремлѣніи произвести возможно большее количество работы.

Несомнѣнно, досугъ отъ работы позволяетъ сосредоточиться, подумать, отдать въ своеемъ трудѣ полезное отъ излишнаго и вреднаго. Но само по себѣ „недѣланіе“ является только средствомъ; оно помогаетъ предпочесть полезный трудъ не-

нужному и избрать путь, который наилучшимъ образомъ соотвѣтствуетъ самымъ высокимъ влеченіямъ, коренящимся въ душѣ человѣка. Само по себѣ недѣланіе — праздность, — не можетъ наполнить жизнь. И если вышею моралью является мораль христіанства, то нужна не свобода отъ труда, а наполненіе жизни трудомъ, въ которомъ чувство дружелюбія отъснило бы назадъ побужденія эгоизма. Свобода же отъ работы необходима лишь настолько, насколько она нужна для оскѣженія тѣла и для того отчёта передъ самимъ собой, который позволяетъ людямъ, не принужденнымъ къ непрерывному труду материальными условіями жизни, лучше использовать время и прицоровить свою дѣятельность къ истиннымъ потребностямъ общества.

А потому, признавая производительнымъ всякий трудъ, прямо или косвенно способствующій созданію материальнаго богатства, мы вовсе не хотимъ сказать, что всякий трудъ этого рода удовлетворяетъ желательныя потребности; мы не хотимъ сказать, что всякий трудъ этого рода долженъ быть оправданъ съ точки зрѣнія высокихъ идеаловъ, которые можно предъявить индивидуальной природѣ человѣка или общежитію. Потребности могутъ быть грубыми, вредными для здоровья, унизительными для достоинства человѣка, но разъ трудъ удовлетворяетъ ихъ, то онъ создаетъ богатство и является производительнымъ. Одинъ часъ труда наборщика имѣеть одно и то же значеніе въ смыслѣ хозяйственномъ, набираетъ ли онъ строки изъ Фауста или стихотворенія Баркова. Но общекультурное значеніе его труда не одно и то же: продуктъ труда первого воспринимается смыслъ человѣка, а вышедшее изъ рамокъ втораго только тѣшитъ дурной вкусъ и развращаетъ воображеніе. Съ точки зрѣнія хозяйства въ тѣнномъ смыслѣ имѣеть значеніе производительный трудъ, какъ таковой; въ смыслѣ же общекультурномъ важно, чтобы наибольшая масса труда, производимаго въ обществѣ, удовлетворяла тѣ потребности, которымъ физически и духовно поднимаютъ наибольшее число людей, входящихъ въ составъ данного народааго хозяйства.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЕРВОЙ ГЛАВѢ.

1) Ученіе Дж. Ст. Милля о производительномъ и непроизводительномъ труде далеко не отличается ясностью и посвѣдовательностью, которыя мы обыкновенно встречаемъ у этого мыслителя. Въ одномъ мѣстѣ онъ относитъ къ производительному труду и чисто теоретическое мышленіе, которое имѣеть возрастаніе богатства только отдаленнымъ и косвеннымъ послѣдовательствомъ (Основ. полит. экон., I, 54 и 55). Въ другомъ мѣстѣ онъ считаетъ производительнымъ труда миссіонера или проповѣдника только

тогда, когда они, кроме религиозного учения, преподают искусство цивилизованных странъ (63). Мы назовемъ этотъ трудъ прямъ содѣйствующимъ возрастанію материальныхъ богатствъ даже въ томъ случаѣ, если миссіонеръ только смягчаетъ нравы дикарей, ослабляетъ наклонность къ безпрерывнымъ войнамъ и тѣмъ способствуетъ успѣхамъ мирныхъ занятій.

2) Статья „Не дѣланіе“ въ сочиненіяхъ Л. Н. Толстаго (произведенія сихъ послѣдніхъ лѣтъ, 1895).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Масса труда въ обществѣ.

Пособія: Чумровъ. Курсы статистики. 1886. *Его же. Поясн. акони Quetelet. Sur l'homme*, 1835. *Schönberg. I. Sohn. Grundzüge*, I. *Schmoller. Grundriss*. I. Много матеріала содержатъ изданія по статистикѣ населенія государственныхъ и городскія переписи.

Производство обставлено многочисленными условіями: въ нихъ нужно искать причину богатства однихъ обществъ и бѣдности другихъ. Приспособленіе вещества для цѣлей человѣка требуетъ известныхъ условій. Для того, чтобы вспахать землю и засѣять зерно, нужно употребить известное количество работы, выражающееся, напримѣръ, въ двадцати дняхъ. При данныхъ почвѣ и климатѣ, затраты опредѣленного числа дней труда даетъ намъ такую-то массу хлѣба и, наоборотъ, получение определенного количества хлѣба позволяетъ вычислить массу затраченного труда. Между количествомъ труда и его результатами есть определенное соотношеніе: мы говоримъ, что трудъ тѣмъ болѣе усилѣнъ, чѣмъ больше плодовъ приносить работа. Законы отношенія между количествомъ труда и количествомъ произведеній могутъ быть названы *законами производительности труда*. Но количество труда, которое можетъ быть затрачено на производство недѣлимымъ и цѣлимъ обществомъ, не представляетъ величины, способной къ безграничному расширению. Она зависитъ отъ обстановки, въ которой живетъ населеніе. Законъ соотношенія между обществомъ и количествомъ труда, которое оно можетъ поставить, называется *закономъ массы труда*. Рассмотримъ условія, которыми опредѣляется масса труда, поставляемаго обществомъ.

Какой единицей будемъ мы измѣрять трудъ? Затрачиваемый на производство, онъ принимаетъ столь разнообразныя формы, что, повидимому, трудно отыскать между ними что-нибудь общее. Скотоводъ воспитываетъ разныя породы скота; ткачъ производитъ ткань, ваятель — статую. Какъ различны предметы, являющіеся результатами этихъ трудовъ, такъ раз-

личны и приемы, съ помощью которыхъ они производятся. Уходъ за скотомъ, движаніе члнока и рѣзца—весьма несходные работы. Но разнообразные виды труда имѣютъ толь общий признакъ, что все они требуютъ известныхъ усилий, затраты вещества человѣческаго тѣла. Количество затраченного труда измѣряется продолжительностью работы и можетъ быть выражено въ доляхъ времени, днахъ, часахъ. Отсюда—все количество труда, которое можетъ быть поставлено даннымъ обществомъ выражается числомъ дней или часовъ, которые оно посвящаетъ работе. Но здѣсь возникаютъ новыя недоразумѣнія. Повидимому, рабочій день ткача представляетъ совсѣмъ иную величину, чѣмъ день преподавателя. Эти величины неодинаковы уже потому, что первая работа требуетъ для своего исполненія гораздо меньшей подготовки, чѣмъ вторая; первая состоитъ изъ одной текущей затраты вещества, тогда какъ вторая слагается и изъ текущей затраты, и изъ той, которой была необходима, дабы подготовить человѣка къ исполненію обязанностей преподаванія. Это обстоятельство позволяетъ намъ признать, что рабочій день преподавателя содержитъ въ себѣ большую затрату вещества, чѣмъ день ткача, что онъ равенъ, напримѣръ, двумъ или тремъ днямъ послѣдняго. Различая, такимъ образомъ, рабочій день въ разныхъ отрасляхъ труда, мы можемъ сводить его къ единицѣ, къ такому рабочему дню, который соотвѣтствуетъ простѣйшимъ видамъ труда, требующимъ, наименшей подготовки.

Современное общество создаетъ для многихъ людей столь неблагопріятную обстановку, что они въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ выполняютъ огромное количество работы и удѣляютъ отдыху очень мало времени. Зная, что трудъ длится иногда по 16—18 часовъ въ сутки, мы въ правѣ, повидимому, допустить, что онъ не имѣетъ точныхъ предѣловъ, что человѣкъ, при желаніи, можетъ продлить рабочій день и выполнить количество работы, значительно большее того, какое принятъ считать среднимъ. Конечно, урывая время отъ необходимаго отдыха, человѣкъ можетъ работать очень много въ теченіе известнаго периода времени. Но чрезмѣрное напряженіе не проходитъ бесследно: тѣлесныя силы преждевременно истощаются, и наступаетъ временная или даже постоянная неспособность къ работе. Итакъ, есть естественный предѣлъ рабочаго дня, который человѣкъ не можетъ преступить безнаказанно.

Цифры статистики слишкомъ недостаточны, чтобы опредѣлить тѣлесную силу средняго человѣка и вычислить количество труда, которое онъ можетъ поставить въ теченіе рабочаго дня. Котил приводить данные относительно силы руки мужчинъ и женщинъ посредствомъ гигрометромъ. Но эти данные, не

опредѣлить количество работы, которую можетъ исполнить средній человѣкъ. Неоднократно пытались опредѣлить количество работы, которое можетъ человѣкъ исполнять изо-дня-въ-день безъ истощенія, напримѣръ, поднимать опредѣленную тяжесть на известную высоту. Эти данные не отличаются точностью. Если бы они были вполнѣ точны, и тогда оставались бы неодолимыя препятствія для вычислений средняго количества работы въ разнѣхъ отрасляхъ труда, которая всѣ должны бы быть приведены къ единицѣ—поднятю тяжести на опредѣленную высоту. Однако, не подлежитъ сомнѣнію, что размѣръ силы стоять въ связи съ возрастомъ. Кэтлэ¹), измѣряя силу на динамометрѣ, вычислилъ, что сила мужчины въ 25 лѣтъ превосходитъ силу 15-лѣтняго мальчика въ $1\frac{1}{2}$, а 10-лѣтняго въ $3\frac{1}{2}$ раза. Позднѣйшѣе статистики, различая населеніе по возрастамъ, раздѣлили его, съ точки зреінія хозяйственной, на нѣсколько группъ. До 15-лѣтняго возраста человѣкъ не считается способнымъ къ какой либо правильной работѣ. Этому не противорѣчитъ употребленіе дѣтей въ промышленности ед. 10-ти лѣтъ и раньше: столь раннее занятіе работой препятствуетъ полному развитію человѣка; кто началь трудиться слишкомъ рано, тотъ никогда не достигнетъ силы, какой бы онъ достигъ при болѣе бережномъ къ нему отношеніи. Возрастъ отъ 15 до 20 лѣтъ не даетъ полной рабочей силы, а, можетъ быть, только половину; можно сказать то же про возрастъ въ 60—70 лѣтъ. Полная рабочая сила сохраняется среднимъ человѣкомъ между 20 и 60 годами. Держась такой классификаціи, мы признаемъ страну поставленную чѣмъ болѣе выгодно, чѣмъ большее число ея жителей принадлежитъ къ возрасту полной рабочей силы. Для всей Европы мы имѣемъ такія цифры: въ возрастѣ полной рабочей силы находится 48,62%, т. е. около половины населенія, въ полурабочемъ—15,08%—^{1/7} и въ нерабочемъ—36,30%.

Но въ отдѣльныхъ европейскихъ государствахъ распределеніе по возрастамъ значительно отличается отъ средняго числа. Образуя изъ всѣхъ жителей обоего пола двѣ группы—одну отъ 15 до 60 лѣтъ и другую—изъ людей недостигшихъ этого возраста и переступившихъ его, мы получаемъ на каждую 1000 для:

Франції	615 и 385 (въ 1896 году)
Соединенныхъ Штатовъ .	591 и 409 („ 1900 —)
Англіи и Уэльса	575 и 425 („ 1891 —)
Германіи.	574 и 426 („ 1900 —)

Мы видимъ изъ этого сопоставленія, что, относительно возрастающего состава, наиболѣе выгодно положеніе Франціи, въ которой самое значительное число жителей приходится на возрастъ полной и половинной рабочей силы.

2) *Разделение населения по поламъ* также вліяетъ на производство. По вычислениямъ Кэтлэ, сила женщины равна только $\frac{2}{3}$ силы мужчины. Но составъ населения по поламъ имѣть особенное значеніе не потому, что мужчина обладаетъ большою тѣлесною силой: такъ какъ большая часть женщинъ не занимаетъ въ народномъ хозяйствѣ самостоятельного положенія, то на мужчину ложится содержаніе большаго числа независимыхъ членовъ общества въ тѣхъ странахъ, которымъ имѣютъ относительно большее число женщинъ. Европейскіи страны различаются между собой по относительному числу мужчинъ и женщинъ. На 1000 мужчинъ въ Россіи приходится 1011 женщинъ (1897), Великобританіи и Ирландіи—1063 (1901), Германіи—1032 (1900), Франціи—1022 (1896), Италии—995 (1881), Греции—921 (1896).

3) Количество труда, поставляемаго даннымъ обществомъ, зависитъ еще отъ того, какъ часто прерывается работа. Причины перерыва лежать частью въ свойствахъ человѣческаго тѣла, частью въ условіяхъ общественія.

а) Первая причина, прерывающая работу, есть болѣзни. Статистическія свѣдѣнія по этому предмету такъ малоочислены, что трудно придти къ сколько-нибудь точнымъ выводамъ относительно потери, которую несетъ общество вслѣдствіе болѣзни своихъ рабочихъ членовъ. Но апріорно мы въ правѣ заключить, что частота болѣзней прямо соразмѣрна съ силой смертности. Гдѣ неблагопріятны условія вѣшней природы или общественной жизни, тамъ болѣзни чаще оканчиваются смертью; тамъ больные и преходящіе заболѣваній. Будь точными числовыя данные, они, навѣрно, показали бы, что, относительно заболеваемости, наше отечество находится въ неблагопріятныхъ условіяхъ. Въ Англіи уже издавна существуютъ общества, выдающія способія тѣмъ рабочимъ, которые не могутъ содержать себя своимъ трудомъ; кассы этихъ обществъ позволяютъ опредѣлять перерывы въ работѣ вслѣдствіе болѣзни членовъ. Валпенеусъ вычисляетъ, что по болѣзни каждый человѣкъ теряетъ въ среднемъ 2% рабочаго времени. Англичанинъ хвораетъ въ среднемъ 11 дней ежегодно, нѣмецъ—13, итальянецъ—15, австріецъ— 17^2). Конечно, эти, цифры не вполнѣ точно отражаютъ действительныя отношенія: если человѣкъ по болѣзни не работаетъ 2% дней, то, вѣроятно, сюда нужно пріобщить тѣ дни, когда онъ, вслѣдствіе недомоганья, работаетъ менѣе усердно. Такъ какъ болѣзненность и смертность населенія идутъ рука объ руку, то данные о смертности могутъ до извѣстной степени служить показателемъ и болѣзненности, т.е. болѣе или менѣе частыхъ перерывовъ въ работѣ. А смертность въ Европѣ выражалась для конца 19 вѣка такими цифрами. На 1000 живущихъ умирало ежегодно: въ Россіи 36,7,

въ Италии 29,8, въ Германии 26,9, во Франции 23,9, въ Англии и Шотландии 21,9, въ Норвегии 17.—Мы заключаемъ отсюда, что если Россія имѣть слишкомъ вдвое большую смертность, чѣмъ Норвегія, то и болѣзненность, вліающая на перерывы въ работѣ, также должна быть болѣе велика въ нашемъ отечествѣ.

б) Условія, прерывающія работу, коренятся въ обычаяхъ страны. Между ними первое мѣсто занимаютъ церковные праздники, а затѣмъ и другіе дни, отнимаемые отъ работы. Выгодно положеніе протестантскихъ странъ, гдѣ число праздничныхъ дней не превышаетъ 75 въ годъ; мы находимъ почти то же и въ болѣе развитыхъ католическихъ,—Бельгіи и сѣверной Франціи. Менѣе развитыя католическія и страны греко-рussiйскаго исповѣданія поставлены менѣе благопріятно. Въ нѣкоторыхъ промышленныхъ мѣстностяхъ московского района, напримѣръ, насчитывается 135 праздничныхъ дней, такъ что на работу остается 230. Число рабочихъ дней опредѣляются для Франціи въ 300—306 (Парижъ и департаментъ Сены) и 293 для остальныхъ мѣстностей ³⁾.

в) На количество работы развитыхъ людей, занимающихся умственнымъ трудомъ, вліяетъ и весь складъ данного общества: общественный строй часто порождаетъ такое сильное чувство неудовлетворенности, что умаляетъ силы человѣка и даже лишаетъ его всякой охоты заниматься привычнымъ трудомъ.

4) Количество труда связано также съ тѣлесной силой народа. По динамометрическимъ измѣреніямъ Кэтла, сила руки француза среднихъ лѣтъ = 69,2 килограмма, новозеландца—только 51,8, малайца—58,7; сила же француза меньше силы англичанина. Въ 70-хъ годахъ 19 вѣка одинъ желѣзодорожный предприниматель, при постройкѣ дорогъ во Франціи, имѣлъ неоднократно случай убѣдиться, что англичанинъ можетъ исполнять тѣ работы, которыя не по силамъ французу: 25 англичанъ могутъ исполнить столько работы, сколько 42 француза ⁴⁾; 4 плотника англичанина замѣняютъ 5 плотниковъ-голландцевъ. Тѣлесная сила зависитъ отъ обстановки, въ которой проходить жизнь человѣка. Худшее питаніе производить меньшую силу; одно поколѣніе передаетъ ее въ наслѣдство другому, и постепенно одинъ народъ воспитываетъ большую силу мышцъ, нежели другой.

5) Распределеніе народа на классы является также важнымъ условіемъ. Только немногіе виды труда могутъ считаться абсолютно непроизводительными. Но исторія представляеть много примѣровъ дисгармоничнаго отношенія между отдѣльными родами работы. Представители нѣкоторыхъ отраслей труда тиць многочисленны, что далеко превышаютъ запросъ, предъявляемый обществомъ на данную отрасль занятій: судей гораздо болѣе,

чѣмъ тяжѣй, писателей,—чѣмъ читающихъ, священнослужителей,—чѣмъ молящихся. Вмѣстѣ съ тѣмъ развивается презрительное отношеніе къ некоторымъ родамъ полезной, а потому и почтенней работы: ручной трудъ считается унизительнымъ. Такой порядокъ вещей поддерживается неравномѣрнымъ распределеніемъ имущества. обиліемъ праздныхъ людей, неограниченнымъ и мало просвѣщеннымъ правительствомъ, которое выше мѣры увеличиваетъ число чиновниковъ, окружаетъ эти занятія ореоломъ и искусственно привлекаетъ къ нимъ слишкомъ много соискателей. Представители этихъ званій работаютъ очень мало, а для другихъ родовъ труда недостаетъ рабочихъ рукъ. Подобное общество поставляетъ очень малое количество работы. Такой страной была, напримѣръ, Испанія 18 вѣка: по переписи 1788 года, въ ней было 3.800.000 жителей; изъ нихъ около $\frac{1}{3}$ (1.221.000) приходилось на духовенство, чиновниковъ, служь, монаховъ и т. д.

Современные государства Европы представляютъ другую картину распределенія народа по занятіямъ.

Въ Германіи, по переписи 1895 года, изъ 100 жителей приходилось на:

сельское хозяйство и промышленность	78,08
торговлю и перевозку	12,15
домашнюю прислугу	1,65
государствен. службу и свободныя профессіи. .	4,43
неимѣющихъ занятія	3,69

Въ Австріи, по переписи 1900 года, на 100 жителей посвящали себя:

сельскому хозяйству и промышленности	80,2
торговль и перевозкѣ	7,3
государств. службѣ и свободнымъ профессіямъ. .	0,3
жили доходомъ и не имѣли занятій	12,2

Для Россіи мы не имѣемъ подобныхъ свѣдѣній, такъ какъ наши переписи не задавались вопросомъ о распределеніи населения по занятіямъ. Данные относительно Германіи и Австріи свидѣтельствуютъ о болѣе гармоничномъ сочетаніи занятій, чѣмъ было въ Испаніи 100 лѣтъ тому назадъ; уже благодаря этому, культурная страна нашего времени могутъ дать гораздо большую массу труда, нежели Испанія прошлаго вѣка.

6) Законодательные ограничения являются также важнымъ условиемъ. Если законодательная власть не препятствуетъ работѣ дѣтей въ самомъ раннемъ возрастѣ, то, повидимому, должно быть поставлено наибольшее количество работы; Россія находилась еще недавно въ такомъ положеніи. Не нужно, однако, забывать, что напряженный трудъ въ очень юномъ возрастѣ

истоцаетъ людей и умаляетъ тѣлесныя силы народа, а потому разумныя законодательныя ограничения, запрещающія дѣтямъ работать ранѣе опредѣленнаго возраста, должны быть поставлены въ рядъ условій, которыя содѣйствуютъ увеличенію массы народнаго труда.

7) Отмѣтимъ, наконецъ, вліяніе, которое оказываетъ положеніе женщины. Въ первобытныхъ обществахъ на женщины лежалъ цѣлый рядъ работъ по приготовленію пищи, тканей, одежды и другихъ предметовъ. Съ развитіемъ ремесль, и, особенно, цехового строя, область женской дѣятельности значительно съузилась. Въ сферахъ такъ-называемаго умственнаго труда мужчина, пользуясь преимуществомъ своего общественнаго положенія, а слѣдовательно своей силой, и понынѣ неохотно терпить соперничество женщинъ. Въ области же ручного труда, по мѣрѣ развитія фабрикъ, работа женщинъ стала получать все большее примѣненіе. Возникаетъ вопросъ, увеличится ли масса труда въ обществѣ, если женская работа будетъ получать все болѣе широкое приложеніе? Удачное и неодностороннее разрѣшеніе такъ называемаго женскаго вопроса имѣть большую важность для всего общественнаго хозяйства. Рѣшеніе будетъ односторонне, если признать желательнымъ наиболѣе широкое примѣненіе женскаго труда во всѣхъ сферахъ дѣятельности. Съ возрастаніемъ числа женщинъ во всѣхъ отрасляхъ, быть можетъ, на нѣкоторое время масса труда увеличится и облегчится накопленіе богатства; но уже въ близкомъ будущемъ неизбѣжно уменьшится масса труда или, по крайней мѣрѣ, нарушится гармоническое сочетаніе между его отдельными видами. Большинство женщинъ, какъ матери, жены и хозяйки, имѣютъ въ домѣ многочисленныя обязанности; разъ эти обязанности (предполагая современный хозяйственный строй неизмѣннымъ), не будутъ исполнены ими, то онѣ и вовсе не будутъ исполнены. Семья будетъ разлагаться; дѣти, получая худшее воспитаніе, будутъ худшими работниками. Это неопровергимо доказывается примѣромъ многочисленныхъ семей, гдѣ матери, жены и дочери занимаются фабричной работой. Но участіе женщинъ въ свободныхъ профессіяхъ и, вообще, ихъ занятіе болѣе высокими видами труда имѣть важное общественное значеніе. Доступъ женщинъ въ эти области необходимо тѣмъ болѣе, что, кромѣ женщинъ, обремененныхъ многочисленными семейными и частно-хозяйственными обязанностями, каждое общество имѣть и вдовъ, дѣвицъ, бездѣтныхъ замужнихъ женщинъ. Открытие ихъ духовнымъ силамъ широкаго поля дѣятельности благотворно вліяетъ и на увеличеніе массы работы, которую поставляетъ данное общество. Въ этомъ отношеніи Австралия и Соединенные Штаты занимаютъ особенно выгодное мѣсто: женщинамъ открыта широкая дорога, и всѣ

дарованія этого пола получаютъ приложеніе. Россія, допустившая женщинъ къ преподаванію въ училищахъ, извлекаетъ изъ этого крупныя выгоды; еслибы они не были допущены въ эту область дѣятельности, то мвожество народныхъ школъ стояли бы пустыми. Русскія женщины-врачи также наполнили много пробѣловъ во врачебной профессіи и оказали нашему обществу большія услуги.

Вотъ главныя условія, которыя опредѣляютъ количество рабочей силы въ данномъ обществѣ. Къ этому примыкаютъ и многія другія: сознаніе долга въ работающихъ, ихъ трезвость или склонность къ пьянству и т. д. Всѣ эти условія измѣняются въ зависимости отъ времени и мѣста, а потому масса труда въ обществѣ не можетъ быть признана величиной постоянной. Лучшее санитарное состояніе, уменьшающая смертность, увеличиваетъ тѣлесную силу человѣка, дѣлаетъ болѣзни менѣе частыми, а потому содѣствуетъ уменьшенію перерывовъ въ работѣ. Больѣе широкое просвѣщеніе заставляетъ общество относиться съ большимъ уваженіемъ ко всѣмъ видамъ труда, уменьшаетъ число праздничныхъ и другихъ прогулочныхъ дней. Исторія хозяйственнаго быта показываетъ, что человѣчество все болѣе приближается къ условіямъ, которыя увеличиваютъ массу народнаго труда.

ПРИМЪЧАНІЯ КО ВТОРОЙ ГЛАВѢ.

- 1) *Quetelet*. II. Сила 25-лѣтнаго мужчины равна 88,7 килогр., 15-лѣтнаго — 57,1, 10-лѣтнаго — 26,0.
- 2) *Muthall*. History of prices, 1885, 99.
- 3) *Journal de la societé de statistique de Paris*, 1890, 8, 232.
- 4) *Brassey*. Foreign work and english wages, 1879, 157—97.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Трудъ въ зависимости отъ виѣшней природы.

Пособія: *Д. С. Миль*. Основанія. I. Янсонъ. Сравнительная статистика 1, 1878. *Roscher*, I. *Schönberg*, I. *Gide*. Principes. *Felix*. Der Einfluss der Natur auf die Entwicklung des Eigenthums. 1883. *Peschel*. Neue Probleme der vergleichenden Erdkunde. 1867. *Götz*. Wirtschafts geographie. 1891. *Lehnert*. Die Seehäfen des Weltverkehrs. 1891. *Мечниковъ*. Цивилизація и великія историческія рѣки. 1898. *Ratzel*. Anthropogeographie. I. 2 Aufl. 1899. *Oppel*. Natur u. Arbeit. 1904. *Беноковъ*. О физико-географ. услов. разселенія русск. народа. Русск. Мысль, 1881, 1.

Размѣръ рабочей силы въ обществѣ и количество труда, которое оно можетъ поставить, измѣняются. Но эти измѣненія совершаются медленно и не могутъ быть очень значительны. Европейскія государства занимаютъ разныя ступени культуры;

условія ихъ, виѣшней природы неодинаковы; а между тѣмъ, распредѣлѣніе населенія по возрастамъ въ одной странѣ не представляетъ рѣзкихъ отклоненій отъ того, что мы находимъ въ другихъ. Еслибы мы имѣли числовыя данныя объ обществахъ, занимающихъ низшія ступени гражданственности, то, вѣроятно, и тамъ распредѣлѣніе по возрастамъ и поламъ дало бы намъ картину, сходную съ той, которую представляютъ государства Европы. Но, при небольшихъ различіяхъ относительно количества рабочей силы, которою владѣютъ разныя общества, мы находимъ большое несходство въ результатахъ труда. Рабочій день русскаго можетъ содержать такое же число часовъ, какъ рабочій день гентента, а между тѣмъ онъ производить гораздо больше продуктовъ. На отношеніе между количествомъ труда и его произведеній, кромѣ количества рабочей силы, влияетъ еще цѣлый рядъ другихъ условій; мы уже называли ихъ *условіями производительности труда*. Среди нихъ одно изъ главныхъ мѣстъ занимаютъ условія виѣшней природы.

Виѣшная природа даетъ человѣку вещества, которымъ онъ пользуется для своихъ цѣлей. Мы не раздѣляемъ воззрѣнія физіократовъ, которые считали природу единственнымъ источникомъ богатства; такимъ источникомъ служить только трудъ. Но всѣ виды труда имѣютъ дѣло лишь съ переработкой веществъ, дарованныхъ природою. Разъ природа даетъ вещества, то очевидно, что человѣкъ, при своей работе, зависитъ отъ виѣшней природы. Зависимость проявляется всего рѣзче въ тѣхъ частяхъ земного шара, которыхъ вовсе не имѣютъ веществъ, необходимыхъ для человѣка. Крайній холодъ у полюсовъ служить и, вѣроятно, всегда будетъ служить препятствиемъ для успѣховъ гражданственности среди мелкихъ обществъ, населяющихъ эти области; хозяйствованіе ограничивается тамъ простейшими формами и едва-ли когда-нибудь достигнетъ большаго развитія. Такую же обстановку находимъ мы, напримѣрь, и въ Сахарѣ: отсутствіе влаги и сыпучіе пески препятствуютъ хозяйствованію, и почти вся Сахара остается пустынею съ тѣхъ поръ, какъ географія начала повѣствовать о ней. Нашему положенію не противорѣчить то обстоятельство, что некоторые народы, занимающіе почетное мѣсто въ исторіи, были скучно надѣлены дарами природы. Финикия, при всемъ бесплодіи своей почвы, играла видную роль въ хозяйственной жизни древняго востока; въ новой исторіи можно указать на Голландію, Швецію. Но, лишенныя плодородной почвы, эти страны имѣютъ удобный доступъ къ морю, а потому и нельзѧ считать ихъ совсѣмъ обижденными природою. Не забудемъ и того, что общественная жизнь слагается подъ совокупнымъ влияніемъ многихъ дѣятелей. Природа — важный дѣятель, но далеко не единственный. Она оказываетъ влияніе на хозяйствен-

ственную жизнь, но, какъ свидѣтельствуетъ исторический опытъ, вліяніе постепенно ослабѣваетъ. Успѣхи знаній не научаютъ человѣка создавать вещества, но позволяютъ лучше приспособляться къ виѣшней обстановкѣ, направлять главныя силы на ту отрасль дѣятельности, которая можетъ быть въ странѣ особенно успѣшна, ставить трудъ и капиталъ въ тѣ условія, при которыхъ имъ наиболѣе содѣйствуетъ природа и, наконецъ, перемѣщать вещества. Примѣромъ послѣдняго образа дѣйствій можетъ служить искусственное отклоненіе русла рѣкъ посредствомъ каналовъ, задерживаніе воды плотинами, вырываніе торфа изъ болотъ и наполненіе ихъ плодородной землей, осушеніе и орошеніе. Однако, какъ бы далеко ни подвинулось изученіе законовъ природы, человѣкъ никогда не освободится вполнѣ отъ этой зависимости. Сошлемся для примѣра на рискъ, сопровождающій въ современномъ обществѣ трудъ земледѣльца: участокъ земли, принесшій въ прошломъ году обильную жатву, не далъ въ настоящемъ ничего, кроме сѣмянъ. Причина этого лежитъ въ такомъ распределеніи влаги и тепла по временамъ года, которое не согласуется съ хозяйственными выгодами. Несомнѣнно, люди научатся болѣе точно предсказывать это распределеніе; но трудно вѣрить, что они когда-либо будутъ въ состояніи измѣнить его и вполнѣ согласовать со своими цѣлями.

Природа въ двухъ направленіяхъ оказываетъ общее вліяніе на народное хозяйство. А) Качественно вещества неравномѣрно распределено по земной поверхности. Одна мѣстность представляеть степь, покрытую сочной травой; другая щедро наѣдлена лѣсомъ; третья имѣеть удобный доступъ къ морю и обширныя внутреннимъ водамъ. Качественные различія условій виѣшней природы даютъ извѣстное направление хозяйственной дѣятельности и образуютъ качественно несходныя общественно-хозяйственные единицы. Обилие воды побуждаетъ населеніе къ занятію рыболовствомъ, пастбищъ—скотоводствомъ, лѣса—охотой, а позднѣе—лѣсными промыслами и обработкой дерева. Поэтому и нельзя вдвинуть всю исторію хозяйственного быта въ точно определенные рамки; нельзя сказать, что рыболовство необходимо предшествуетъ охотѣ, или наоборотъ: виѣшняя природа ставить одни общества въ такія условія, что они промышляютъ, преимущественно, охотой, другія—рыбной ловлей, трети начинаютъ рано заниматься скотоводствомъ. Качественные различія въ направленіи хозяйственной дѣятельности не ограничиваются ранними ступенями общежитія. Съ теченіемъ времени они мѣняютъ формы; по существу же, остаются неизмѣнными до тѣхъ поръ, пока сохраняются вызвавшія ихъ условія виѣшней природы. Населеніе острововъ Атлантическаго океана занималось рыболовствомъ 2000 лѣтъ тому назадъ, при первичныхъ формахъ гражданственности; оно дер-

жится и донынѣ этого занятія, хотя общественный строй рѣзко измѣнился. На ряду съ рыболовствомъ развилось судоходство, но и эта отрасль дѣятельности обусловливается близостью моря. Населеніе нашихъ лѣсныхъ губерній занималось въ древности преимущественно охотой; теперь оно посвящаетъ себя лѣснымъ промысламъ. Измѣнилась форма дѣятельности, но материалъ даётся тѣмъ же лѣсомъ, т. е. веществомъ, которымъ природа щедро надѣлила эту область. Сохраненіе качественныхъ различий объясняется и особенностями человѣческой природы. Человѣкъ стремится къ наибольшимъ выгодамъ, а такъ какъ выгоды получаются всего легче тамъ, где работа сопряжена съ наименьшими препятствіями, то человѣкъ и пользуется веществомъ, которое находится подъ рукой. Имѣя дѣло съ однимъ и тѣмъ же материаломъ и давая своей работе опредѣленное направление, люди воспитываютъ въ себѣ известные навыки. Каждое поколѣніе улучшаетъ приемы, необходимые для данной дѣятельности и передаетъ потомкамъ наследственную наклонность къ этимъ приемамъ. Въ теченіе столѣтій вырабатывается типъ людей, наиболѣе способныхъ именно къ тому труду, которому благопріятствуетъ вицѣальная природа. Привычка и способность къ известнымъ техническимъ приемамъ служатъ силу, которая заставляетъ людей цѣлко держаться за унаследованное отъ предковъ занятіе не только до тѣхъ поръ, пока ему благопріятна вицѣальная обстановка, но даже тогда, когда окружающая условія становятся менѣе выгодны: населеніе многихъ уѣздовъ Нижегородской губерніи продолжаетъ заниматься производствомъ деревянныхъ издѣлій, хотя лѣса рѣдѣютъ и промыселъ даетъ ничтожный доходъ.

Б) Другое общее влияніе природы на хозяйство людей есть слѣдствіе того, что она распредѣлила вещество на земной поверхности не въ однаковомъ количествѣ. Возьмемъ для сравненія двѣ любыя страны или мѣстности одной страны, не получившія отъ природы въ изобилии какихъ-либо силъ, но надѣленныя разными видами вещества, — и мы всегда найдемъ количественные различія. Въ одной и той же странѣ количество лѣса мѣняется изъ мѣста въ мѣсто, а слѣдовательно мѣняется и затраты силъ на добываніе топлива и строеваго материала. Въ Россіи много воды, но рѣки одной мѣстности имѣютъ быстрое, а другой — слабое теченіе; въ одной — рѣки могутъ служить двигателями большаго числа промышленныхъ заведеній, чѣмъ въ другой. Очевидно, что, ceteris paribus, первая находится въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, природа болѣе содѣйствуетъ труду ея населенія. Вицѣальная природа влияетъ на хозяйственную жизнь современныхъ обществъ въ этихъ обоихъ направленихъ, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ на жизнь предыдущихъ поколѣній.

Изучая влияние отдельных факторов природы на хозяйственную жизнь человека, мы находимъ, что имѣть большое значение: 1) географический характеръ страны, *распределение горъ и низменностей*. Горы служатъ естественными границами, раздѣляющими народы. Чемъ ниже ступень развитія, тѣмъ сильнѣе влияние возвышенной мѣстности. Природа про-лагаетъ черезъ горы только узкія и неудобныя тропы, а человѣческое искусство, при низкой гражданственности, еще не довольно развито, чтобы восполнить эту пробѣлъ. Поэтому, затрудняется общеніе между народами, которыхъ раздѣляютъ горы. Чрезъ это выигрываютъ культурные народы и проигрываютъ—занимающіе болѣе низкую ступень: горы защищаютъ первыхъ отъ разрушительныхъ набѣговъ послѣднихъ и препятствуютъ болѣе высокой гражданственности первыхъ проникать къ полудикимъ соцѣдямъ. Альпы защищали Римъ отъ сѣверныхъ дикарей: для нихъ Альпы были непроходимы. Если бы не было Альпъ, то, вѣроятно, исторія Рима была бы совсѣмъ иная: набѣги соцѣднихъ варварскихъ племенъ помѣшали бы развитію государства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и хозяйственной жизни. Съ другой стороны, Альпы препятствовали проникновенію на сѣверъ римской гражданственности; не будь ихъ, римская цивилизациѣ, вѣроятно, проникла бы раньше къ кельто-германскимъ племенамъ. Мы видимъ изъ исторіи нашего отечества, въ какой мѣрѣ отсутствіе горъ на границѣ можетъ быть пагубно для болѣе высокой гражданственности: беззащитность восточной окраины открывала широкій просторъ для нашествія кочевниковъ, которые задержали хозяйственное развитіе Россіи. Тамъ, где горы узкимъ кольцомъ замыкаютъ небольшое племя, отдѣляя его отъ общенія съ соцѣдями, онѣ также ставятъ преграды хозяйственному развитію; въ малочисленномъ населеніи нѣтъ достаточнаго разнообразія способностей; а отрѣзанность отъ соцѣдей препятствуетъ улучшить формы жизни посредствомъ заимствованія. Наконецъ, обитатели самихъ горъ поставлены неблагопріятно уже потому, что хозяйственная жизнь не можетъ достигнуть значительной сложности. Земледѣліе ограничивается долинами; обрабатывающая промышленность не можетъ замѣтно развиться потому, что затруднена доставка сырья на горы и фабрикатовъ въ долины; неровность же мѣстности замедляетъ возрастаніе населенія. Въ этомъ отношеніи Швейцарія представляетъ любопытный примѣръ. Ея общественный строй благопріятенъ для успѣшности труда; отлично воздѣланные участки земли свидѣтельствуютъ о трудолюбіи населенія; распределеніе богатствъ отличается большою равномѣрностью, чѣмъ въ другихъ европейскихъ странахъ; ей гарантированъ нейтралитетъ, а потому ея расходъ на войско не-значителенъ. Однако, Швейцарія уступаетъ многимъ странамъ

по массѣ богатствъ. Главной причиной этого служатъ условія природы: гористость вынуждаетъ значительную часть населенія заниматься преимущественно скотоводствомъ. Сравненіе разныхъ мѣстностей Швейцаріи еще болѣе подкрѣпляетъ нашъ выводъ: болѣльшимъ благосостояніемъ пользуются сѣверные и западные кантоны, имѣющіе довольно обширныя равнины; въ этихъ же кантонахъ мы находимъ болѣшее разнообразіе отраслей труда, которымъ посвящаетъ себя населеніе.

2. *Распределеніе воды и суши* является вторымъ важнымъ условиемъ. Моря и внутренняя воды даютъ человѣку пищу, но, кромѣ того, имѣютъ большое значеніе, какъ пути, по которымъ сообщаются народы. Эти пути тѣмъ болѣе важны, чѣмъ дальше заглянемъ въ глубь исторіи: малая производительность труда непозволяла тратить силы на проложеніе дорогъ, и единственными дорогами были рѣки, озера и моря. Чѣмъ ближе эти пути, тѣмъ раньше начинается общеніе народовъ и заимствованіе мало культурными у болѣе развитыхъ сосѣдей. Количество моря, которымъ владѣетъ страна, измѣряется отношеніемъ береговой линіи ко всей площасти государства. Чѣмъ относительно больше береговая линія, тѣмъ благопріятнѣе положеніе страны, такъ какъ тѣмъ большая ея часть имѣеть доступъ къ морю. Въ древнемъ мірѣ такое выгодное положеніе занимали Финикія и Греція. Теперь Европѣ принадлежитъ первое мѣсто между частями свѣта. Въ ней 1 верста берега приходится на 39 квадратныхъ верстъ пространства, въ Австраліи—1 на 73, Америкѣ—1 на 75, Азіи—1 на 99, Африкѣ—1 на 151. Но европейскія государства находятся не въ одинаковыхъ условіяхъ. Въ Соединенномъ Королевствѣ на 1 версту береговой линіи приходится 6,5 \square м. площасти, во Франціи 14,6, а въ Россіи 35,6. Такимъ образомъ положеніе Россіи неблагопріятно. Внутренняя воды служать естественными путями сообщенія между отдѣльными областями страны. Мы знаемъ, что историческая жизнь развивается прежде всего по течению рѣкъ. Римское государство было основано на Тибрѣ. Русская исторія началась по Днѣпру и Волхову; гражданскаяность стала распространяться всего ранѣе по Волгѣ, Двинѣ и другимъ рѣкамъ. Число и длина рѣкъ, отдѣльно взятыхъ, еще не имѣютъ решающаго значенія. Чтобы выяснить, въ какой мѣрѣ рѣки данной страны выгодны для ея хозяйства, нужно отвѣтить на цѣлый рядъ вопросовъ. а) По какимъ мѣстностямъ протекаетъ рѣка и куда впадаетъ? Если она течетъ по области, населенной довольно густо, впадаетъ въ море, которое можетъ служить путемъ сообщенія, то она приносить странѣ болѣе выгодъ, нежели въ тѣхъ случаяхъ, когда течетъ въ мѣстности съ суровымъ климатомъ, рѣдко населенной, и впадаетъ въ море, отрѣзанное отъ всего міра. б) Какова быстрота теченія рѣки? Быстрота теченія зависитъ отъ высоты паденія въ связи съ

длиной рѣки. Слишкомъ быстрое теченіе позволяетъ пользоваться рѣкой только по теченію, а не противъ него, что уменьшаетъ значеніе рѣчного пути. в) Судоходна-ли рѣка вообще или нетъ? г) Если судоходна, то прерывается-ли на ней плаваніе частыми мелями или порогами? д) Продолжительно-ли время, въ теченіе которого рѣка бываетъ покрыта льдомъ? е) Наконецъ, должно быть принято во вниманіе количество притоковъ рѣки, разстояніе бассейна одной рѣки отъ бассейновъ другихъ, удобство сообщенія между бассейнами и многія другія обстоятельства.

Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ Россія поставлена менѣе выгодно, чѣмъ западно-европейскія государства. Огромныя рѣки Сибири почти лишены значенія для страны, такъ какъ впадаютъ въ Сѣверный океанъ, мало доступный для торговли; притомъ же она большою частью своего теченія принадлежать мѣстности безлюдной, съ суровымъ климатомъ, где и въ будущемъ нельзя ожидать расцвѣта хозяйственной жизни. Даже Европейская Россія поставлена гораздо менѣе благопріятно, чѣмъ западная Европа. На 100 квадратныхъ миль площади приходится судоходныхъ рѣкъ и каналовъ: во Франції—125 верстъ, въ Англіи—120, въ Германіи—119, въ Италіи—60, въ Европейской Россіи—41 верста. Такія большия рѣки, какъ Сѣверная Двина, Печора, Мезень, впадая въ отдаленное и мало доступное море, имѣютъ очень мало значенія для судоходства. Даже наша главная рѣка—Волга—впадаетъ въ Каспійское море, отдѣляющее Россію отъ полудикихъ азіатскихъ странъ. Хотя большія рѣки судоходны вверхъ и внизъ по теченію, но судоходство по Днѣпру и Дону замедляется порогами. Обмелѣніе русскихъ рѣкъ съ каждымъ годомъ быстро идетъ впередъ: даже Волга мельетъ у Саратова, т. е. въ нижней части теченія. Замѣтимъ также, что наши рѣки покрыты льдомъ въ теченіе длиннаго периода: Сѣверная Двина—186 дней въ году, Волга 143, тогда какъ Рейнъ 16, Эльба 62 дня и даже Висла 86 дней. Нельзя не обратить вниманія и на то обстоятельство, что положеніе русскихъ рѣкъ относительно промышленныхъ областей страны не вполнѣ благопріятно. Страна заинтересована въ томъ, чтобы богатѣйшія мѣстности, которыя снабжаютъ своими произведеніями другія части государства, лежали по верхнему течению рѣкъ: тогда распределеніе товаровъ по странѣ совершается наиболѣе удобно, съ наименьшою затратой времени. Въ Россіи мы видимъ какъ разъ обратное: южная Россія, снабжающая сѣверную произведеніями земледѣлія и скотоводства, лежитъ по нижнему теченію Волги, Дона и Днѣпра.

3) *Климатъ* въ отношеніи *теплоты и влажности* служить важнымъ условіемъ, влияющимъ на производительность труда. Относительно теплоты имѣютъ значеніе два обстоятельства: а)

сюднее годовое количество теплоты, и б) распределение теплоты по временамъ года. Количество теплоты влияетъ на растительность: въ Европѣ пшеница обыкновенно не растетъ на сѣверъ отъ 60°, ячмень—далѣе 70°, гдѣ и кончается хлѣбопашество. Растительность зависитъ также отъ распределенія теплоты по временамъ года. Яровая пшеница, напримѣръ, требуетъ жаркаго лѣта: поэтому около Якутска, гдѣ средняя годовая температура не превышаетъ—5 по Реомюру, яровая пшеница даетъ иногда очень хороший урожай, но она не дозрѣваетъ въ Исландіи, имѣющей болѣе высокую среднюю годовую температуру, но менѣе жаркое лѣто. Чѣмъ ближе къ экватору, тѣмъ больше теплоты, тѣмъ роскошнѣе растительность, тѣмъ выше въ горахъ поднимается область хлѣбопашства. Полоса вѣчнаго снѣга начинается въ Исландіи на высотѣ 2,900 футовъ, Уралъ—4,500, Альпахъ—8,200, а въ Китаѣ—14,850; следовательно, чѣмъ южнѣе, тѣмъ больше земли отвоевываетъ человѣкъ для своихъ цѣлей. Большая теплота позволяетъ растеніямъ созревать раньше и даетъ возможность собирать жатву не сколько разъ въ годъ. Въ Россіи собирается одна жатва въ годъ, въ южной Германіи 2, а въ Аравіи 3. Наконецъ, въ тепломъ климатѣ и жатва болѣе обильна: пшеница даетъ во Франціи самъ 8, въ Мексикѣ самъ 17 до самъ 35. Качество произведеній въ южныхъ странахъ лучше, чѣмъ въ сѣверныхъ: испанское зерно даетъ при размолѣ на $\frac{1}{2}$ меньше отрубей, чѣмъ зерно балтійского побережья. Важно и то обстоятельство, что земледѣльческія работы могутъ быть исполнены въ теченіе болѣе долгаго времени: въ Европѣ съ каждымъ градусомъ на сѣверъ цвѣть распускается четырьмя днями позднѣе. Въ средней Германіи полевые работы распредѣляются на 7 мѣсяцевъ въ году, тогда какъ въ Россіи они должны быть закончены въ 4 мѣсяца. Въ связи съ этимъ находится и количество корма, которое должно быть заготовлено для скота на зиму, и размѣры хозяйственныхъ построекъ.

Другое важное климатическое условіе—влажность. Она зависитъ отъ близости данной мѣстности къ водѣ и, особенно, къ морю. Влажность измѣряется количествомъ воды, выпадающей въ теченіе года. Насколько различны въ этомъ отношеніи разные мѣстности, видно изъ того, что въ средней и сѣверной Россіи выпадаетъ въ теченіе года 500—700 миллиметровъ воды (Петербургъ—529,9, Псковъ—535,4, Тамбовъ—559,8, Ревель—531,9, Петрозаводскъ—645,9), въ южной Россіи только 200—300 (Баку—237,2, Карсъ 232,2, Херсонъ—298,1, Астрахань—175,1), а въ некоторыхъ прибрежныхъ полосахъ Кавказа около 1000 и болѣе (Владикавказъ—837,1, Кутаисъ—1970,7). Недостатокъ влажности даетъ чувствовать себя въ нашихъ степяхъ имѣи плодородную почву, отъ часто страдаютъ отъ засухи.

4) Большое значеніе имѣютъ свойства почвы. Участки земли

разнятся между собою по способности почвы удерживать воду и поглощать влагу изъ атмосферы, принимать теплоту и удерживать ее. Плодородие почвы зависит отъ количества содержащихъ ею минеральныхъ веществъ. Хотя вещества, которыя растенія извлекаютъ изъ почвы, и могутъ быть возвращаемы ей въ видѣ удобренія, но, при прочихъ разныхъ условіяхъ, та почва дѣлаетъ трудъ болѣе производительнымъ, которая содержитъ больше веществъ, питающихъ растенія. Въ этомъ отношеніи Россія представляетъ чрезвычайное разнообразіе: въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Киевской, Курской и Полтавской губерній черноземъ превышаетъ $1\frac{1}{2}$ аршина глубины, и иногда собирается чрезвычайно обильная жатва; а въ Астраханской, Ставропольской губерніяхъ, мѣстами въ Таврической, преобладаніе солончаковъ и песковъ ставить земледѣліе въ самыя тягостныя условія.—Другимъ свойствомъ почвы является геологическое строеніе земной коры и обиліе тѣхъ веществъ, которыя служить разнымъ хозяйственнымъ цѣлямъ: таковы соль, извѣсть, каменный уголь, металлы. Разные народы владѣютъ неоднаковыми запасами этихъ веществъ. Богатство стравы каменнымъ углемъ позволяетъ обойтись безъ древесного топлива и дѣлаетъ возможнымъ сосредоточеніе многочисленнаго населенія и развитой промышленности въ тѣхъ мѣстахъ, которыя изобилиуютъ каменнымъ углемъ. Промышленность Англіи, Бельгіи, Германіи, Соединенныхъ Штатовъ основывается именно на богатствѣ углемъ. До недавнаго времени наше отечество, благодаря обилію лѣсовъ, повидимому, вовсе не нуждалось въ минеральномъ топливѣ. Но уничтоженіе ихъ въ средней полосѣ, наиболѣе промышленной, дѣлаетъ съ каждымъ годомъ обращеніе къ углю все болѣе необходимымъ. Главными мѣстами добыванія угля служатъ донецкій, подмосковный, польскій и уральскій раіоны. Второй и третій раіоны близки къ центрамъ нашей фабричной промышленности. Но обширныя залежи каменного угля по нижнему теченію Дона и Днѣпра уже болѣе отдалены отъ этихъ центровъ; подвозъ его на сѣверъ требуетъ большихъ затратъ; при нахожденіи угля близъ промышленныхъ мѣстностей Россіи, расходы на перевозку были бы значительно меньше.

Можетъ-ли измѣняться природа, окружающая человѣка? Если подъ измѣненіями разумѣть тѣ, которыя сопряжены съ увеличеніемъ или уменьшеніемъ вещества, то на вопросъ нужно отвѣтить отрицательно: всѣ такія измѣненія не зависятъ отъ воли человѣка. Но человѣкъ уменьшаетъ свою зависимость отъ природы посредствомъ цѣлаго ряда приспособленій, которыми заставляетъ природу лучше служить своимъ цѣлямъ. При помощи разнообразныхъ сооруженій человѣкъ обходитъ препятствія, которыя природа ставитъ ему на пути. Предположимъ,

напримѣръ, что горы отрѣзываютъ страну отъ народовъ, съ которыми ей было бы выгодно поддерживать оживленныя сношения. Пока уровень общественного развитія низокъ, такое препятствіе непреодолимо. Но, по мѣрѣ улучшенія орудій производства, человѣкъ научается побѣждать эти преграды: чрезъ горы прокладываются удобныя дороги. Лучшимъ примѣромъ могутъ служить швейцарскіе пути сообщенія: въ Швейцаріи отличная шоссе проходятъ въ полосѣ вѣчныхъ снѣговъ, на высотѣ слишкомъ 8,000 футовъ надъ уровнемъ моря. Съ проведениемъ желѣзныхъ дорогъ горы стали еще меньшею преградой: они прорѣзываются тоннелями. Въ Альпахъ просверлены самые большие тоннели; С. Готардскій имѣть въ длину около 14 верстъ. Стоимость этихъ сооруженій достигаетъ многихъ миллионовъ рублей. Такимъ же способами облегчаются препятствія, которые ставить рѣки. Гдѣ волоки между ними неудобны, тамъ прорываются каналы или устраиваются дороги. Волго-донская желѣзная дорога соединила Волгу и Донъ и устранила неудобство волока. Бассейны Волги и Оби связаны уральской дорогой.

Отмѣтимъ измѣненія, которыхъ природа и человѣкъ производятъ въ почвѣ. Уровень воды въ рѣкахъ и моряхъ, какъ показываетъ исторія Европы, имѣть наклонность къ пониженію. Германскіе лѣтописцы упоминаютъ о нахожденіи воды въ такихъ мѣстахъ, гдѣ теперь цвѣтущія поля. Такимъ образомъ, сама природа отнимаетъ у воды значительныя пространства и дѣлаетъ ихъ способными къ обработкѣ. Эта часть земли, богатая перегнившими растеніями и остатками животныхъ, оказывается обыкновенно наиболѣе плодородною. Но и самъ человѣкъ можетъ отвоевывать у воды большія пространства. Во всѣхъ европейскихъ странахъ уже издавна производятся общирные работы по осушенію болотъ и озеръ. Решерь сообщаетъ много примѣровъ такого отнятія земли у воды. Голландцы затратили 200 миллионовъ гульденовъ на осушеніе: въ началѣ 17 вѣка въ сѣверной Голландіи было осушено 5 озеръ, которые дали земледѣлію болѣе 6,000 десятинъ земли; въ 40-хъ годахъ 19 вѣка въ Голландіи было осушено большое Гарлемское озеро; теперь на днѣ его находятся селенія со многими тысячами жителей и прекрасно воздѣланныя поля. Сходные результаты дали осушительные работы въ Пинскомъ Полѣсіѣ, начатыя съ 1874 года. Къ 1894 году, изъ всей площади болотъ въ 8 миллионовъ десятинъ, было осушено до $2\frac{1}{2}$ миллионовъ. На мѣстахъ непроходимыхъ тощей появились луга и поля, и цѣнность десятины возросла въ среднемъ на нѣсколько десятковъ рублей.

Съ другой стороны человѣкъ заставляетъ природу лучше служить себѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда измѣняетъ земледѣли-

ческія системы. Статика земледѣлія требуетъ, чтобы, при пользованіи почвой, держались приемовъ, способныхъ сохранять равновѣсіе между богатствомъ почвы и тѣми сельско-хозяйственными операциями, которые истощаютъ ее и улучшаютъ. Растенія извлекаютъ изъ земли опредѣленное количество вещества. Если человѣкъ не отдаетъ землѣ ничего, то она съ течениемъ времени истощается. Истощенію препятствуютъ тѣ земледѣльческія системы, при которыхъ строго поддерживается соотвѣтствіе между пространствомъ земли, находящимся подъ хлѣбопашествомъ, и участками, отведенными для скотоводства въ видѣ луговъ, выгоновъ, полей, засѣянныхъ кормовыми травами. Участки послѣдняго рода производятъ кормъ для скота, и возвѣзъ, удобряя поля, возвращаетъ имъ тѣ питательныя вещества, которые были взяты у нихъ растеніями. Вычисленія показываютъ, что при трехпольной системѣ, только $\frac{1}{3}$ площади можетъ служить для воздѣлыванія хлѣба, а при плодосеменной — $\frac{2}{3}$.

Наконецъ, человѣкъ заставляетъ природу лучше служить своимъ цѣлямъ, когда вводить новые виды растеній, которые позволяютъ извлекать пользу изъ земли, бывшей до того времени бесплодною. На сѣверномъ берегу Германіи и въ нѣкоторыхъ округахъ Франціи принесло большую пользу воздѣлываніе желтаго люпина, который сдѣлалъ песчаную почву довольно плодородною. Сюда же слѣдуетъ отнести все, что сдѣлано для орошенія земли, проведения влаги на участки, которые ранѣе были бесплодны по чрезвычайной сухости. Орошеніе, дающее возможность извлекать пользу изъ участковъ, прежде непригодныхъ, уже давно известно людямъ; только благодаря искусственноому орошенію получаются обильныя жатвы во многихъ областяхъ средней Азіи, гдѣ очень мало количества атмосферныхъ осадковъ.

Всѣ эти приспособленія дѣлаютъ для человѣка болѣе благопріятными условія виѣшней обстановки. Но мы замѣчаемъ и другой процессъ:—ухудшеніе естественныхъ условій. Виновень въ этомъ, большую частью, самъ человѣкъ.

Истребленіе лѣсовъ занимаетъ выдающееся мѣсто въ этомъ процессѣ. Если вѣть каменнаго угля, торфа или нефти, то съ уменьшеніемъ лѣсовъ затрудняется добываніе топлива, и обстановка труда становится менѣе благопріятна. Лѣсоистребленіе ведеть также къ обмелѣнію рекъ, затрудняетъ судоходство, учащаетъ засухи. Небрежное веденіе сельского хозяйства содѣйствуетъ полному истощенію почвы; если земля не получаетъ обратно того, что отдаетъ растеніямъ, то можетъ на долгое время утратить производительную силу. Въ южныхъ черноземныхъ губерніяхъ Россіи краткосрочная аренда влияетъ на ухудшеніе почвы: арендаторъ не заботится о сохраненіи плодородія; онъ старается за короткое время извлечь изъ почвы, какъ

можно больше, и истощаетъ ее. Земскія статистическія изслѣдованія накопили много фактовъ этого рода для самыхъ плодородныхъ областей Россіи. Приростъ населенія также можетъ ставить людей въ менѣе благопріятныя условія. Возрастающее населеніе требуетъ большей массы земледѣльческихъ произведеній. Если въ странѣ взяты подъ обработку всѣ плодородныя земли, то люди вынуждены обращаться къ участкамъ худшаго качества, на которыхъ трудъ менѣе производителенъ. Если уже неѣть земель, пригодныхъ для заселенія, то люди охотно стали бы увеличивать посѣвъ на прежнихъ участкахъ, но это не будетъ сопровождаться соотвѣтствующимъ увеличеніемъ жатвы. Каждое растеніе требуетъ, чтобы на участокъ земли извѣстныхъ размѣровъ падало опредѣленное количество свѣта; а такъ какъ оно ограничено, то ограничено и количество растеній, способныхъ произрастать на немъ. Слѣдовательно, этотъ путь не можетъ привести къ желанной цѣли.—Минеральныя богатства также истощаются; мы видимъ это на исторіи различныхъ рудниковъ. Чѣмъ дальше въ глубь подвигается разработка, тѣмъ менѣе плодовъ приноситъ трудъ. Конечно, наступить время, когда будутъ взяты подъ обработку всѣ существующія на земномъ шарѣ мѣстонахожденія минераловъ и чѣмъ больше будетъ прилагаться къ nimъ труда, тѣмъ менѣе будетъ онъ производителенъ. Такимъ образомъ, ростъ населенія за извѣстные предѣлы имѣеть наклонность умалять успѣшность производства.

Человѣкъ можетъ бороться съ условіями, которыя ухудшаютъ вѣнчшую обстановку. Подвижность людей позволяетъ имъ распредѣляться по земному шару: они могутъ оставлять мѣста съ бесплодной почвой и занимать земли, болѣе производительныя. Исторія повѣствуетъ намъ о переселеніяхъ людей въ поискахъ за болѣе благопріятной обстановкой. Съ каждымъ поколѣніемъ переселенія становятся болѣе цѣлесообразны. И впредь человѣчество еще долго будетъ имѣть въ переселеніи могущественное орудіе для получевія доступа къ благодатнымъ условіямъ вѣнчшой природы.

Надежными средствами служатъ также всѣ тѣ пріемы, съ помощью которыхъ человѣкъ лучше приспособляется ко вѣнчшой природѣ, сосредоточиваетъ свои силы на отрасляхъ дѣятельности, которыя могутъ быть ведены въ данномъ мѣстѣ наиболѣе успѣшно, и, улучшая способы передвиженія, приближаетъ къ себѣ матеріаль, котораго неѣть подъ рукой. Широкое развитіе международныхъ сношеній позволяетъ каждой странѣ специализироваться на тѣхъ отрасляхъ, которыя для нея болѣе выгодны, а улучшенные пути позволяютъ перемѣщать сырье въ тѣ мѣста, которыя наиболѣе припособлены къ его обработкѣ. Сельское хозяйство представляетъ самый выдающійся

примѣръ перемѣщенія отраслей промышленности изъ одной страны въ другую. Въ 40-хъ годахъ 19 вѣка въ Англію ежегодно ввозилось 20.665,645 центнеровъ хлѣба въ зернѣ и мукѣ, въ 80-хъ годахъ уже больше 130 миллионовъ центнеровъ, а въ 1900—1902 годахъ—190—200 миллионовъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ площасть земли подъ хлѣбами сократилась въ Соединенномъ Королевствѣ отъ 11.332,998 акровъ въ 1874 году до 9.339,015 въ 1894 и до 8.325,882 въ 1905 году. Движеніе же цѣна на сельскохозяйственные продукты показываетъ, что уменьшеніе собственнаго землеводства и получение большей массы хлѣба изъ-за границы было выгодно для англичанъ: средняя цѣна одного квартера пшеницы составляла 64 шиллинга 2 пенса въ 1801—50 годахъ, 52 шиллинга 5 пенсовъ—въ 1850—80 и 30 шиллинговъ—въ 80-хъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Трудъ въ зависимости отъ политico-географического положенія государства.

Географическое и политическое положеніе страны среди сосѣднихъ народовъ имѣть очень большое вліяніе на производительность труда и ростъ народнаго богатства. Чѣмъ большую безопасность отъ иностраннѣхъ враговъ обезпечиваетъ народу его географическое положеніе, чѣмъ менѣе вынужденъ онъ затрачивать материальныхъ и духовныхъ силъ для охраненія своей политической цѣлости, тѣмъ болѣе выгодно онъ поставленъ для развитія своего хозяйства. При такихъ условіяхъ народъ можетъ работать безостановочно, въ увѣренности, что плоды его трудовъ не будутъ уничтожены иностраннimi врагами. Внѣшняя безопасность зависитъ, прежде всего отъ географического положенія страны. Островное государство и государство, окруженнное горами, уже самой природой гораздо болѣе защищены отъ нападенія извнѣ, нежели страна, занимающая равнину съ длинной и легко доступной сухопутной границей. Вторымъ опредѣляющимъ условиемъ служитъ сосѣдство: если народъ, сдѣлавший успѣхи по пути гражданственности, имѣть близкайшими сосѣдями мирныя племена, мелкія, лишенныя политическаго единства, то можетъ быть гораздо болѣе увѣренъ въ своей безопасности, нежели государство, которое имѣть въ недалекомъ сосѣдствѣ племена воинственные, тяготѣющія къ одному центру, способные образовывать отъ времени до времени несмѣтныя полчища и производить опустошительные набѣги на сосѣднія страны. Эти оба условія заявляютъ о себѣ, какъ среди народовъ мало развитыхъ, такъ и для обществъ высокой культуры.

тури. Сравнимъ, напримѣръ, Англію съ материковыми государствами Западной Европы въ теченіе ихъ исторіи, и мы поймемъ различіе между условіями общественаго развитія англичанъ и другихъ европейскихъ народовъ. Число непріятельскихъ вторженій въ Англію, заканчивающееся нашествіемъ Вильгельма Завоевателя, не трудно пересчитать по пальцамъ. Съ тѣхъ порь англичане вели много войнъ во всѣхъ частяхъ свѣта, но, какъ ни были велики расходы деньгами и людьми на эти войны, сама Англія не была ихъ ареной, и англійскій народъ, удѣляя на содержаніе войска даже значительную часть своихъ доходовъ, могъ въ своемъ отечествѣ безъ помѣхи предаваться мирнымъ занятіямъ. Всѣ же страны европейскаго материка, вплоть до самого послѣдняго времени, были много разъ театромъ войны и подвергались опустошеніямъ виѣшнихъ враговъ. Еще болѣе ясно положеніе Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Послѣ освобожденія отъ англійского владычества вся исторія обширнаго американскаго государства сложилась такъ, что оборонительная война съ виѣшними врагами являлась и теперь является положительно невозможна. Отдаленное океаномъ отъ воинственныхъ европейскихъ народовъ, оно имѣеть въ Америкѣ соѣдей, сравнительно столь слабыхъ, что они не могутъ угрожать его независимости или цѣлости его предѣловъ.

На исторіи Россіи можно во всѣхъ подробностяхъ прослѣдить влияніе, которое оказываютъ географическое положеніе страны и характеръ соѣдей. Полное отсутствіе трудно проходимыхъ естественныхъ границъ на западѣ и востокѣ дѣлали и дѣлаютъ доступъ въ Россію для виѣшнаго врага очень легкимъ. Къ этому присоединяется и воинственность соѣдей, отъ которой прежде страдало наше отечество. Пока приходилось защищаться отъ печенѣговъ, половцевъ и другихъ мелкихъ враждебныхъ племенъ, до тѣхъ порь Россія не испытывала такихъ тяжелыхъ послѣдствій этого сосѣдства, какъ въ XIII вѣкѣ, со времени первого столкновенія съ монголами. Въ домонгольскій періодъ многочисленныя враждебныя племена, беспокоявшія Россію, производили мелкие набѣги, опустошали отдѣльныя области страны, нерѣдко были отражаемы и побѣждаемы русскими князьями, а потому ихъ нашествія не были полнымъ разгромомъ для народнаго хозяйства. Въ лицѣ монголовъ появился такой врагъ, котораго можно сравнить съ тяжелымъ хроническимъ недугомъ: онъ подтачиваетъ силы больного и оставляетъ мало надежды на исцѣленіе. Кто припомнить безъ искусственныхъ, но выразительныхъ страницы нашихъ лѣтописей, говорящія объ опустошеніяхъ Русской земли татарами, о полномъ разрушеніи многихъ городовъ и уничтоженіи всякихъ слѣдовъ гражданственности, тотъ пойметъ, что двухъ есть половиною вѣковъ, которые Россія находилась подъ непрерывнымъ страхомъ татарскихъ

нашествій, было достаточно, дабы дать западной Европѣ возможность далеко опередить наше въ хозяйственномъ развитіи. Сравнивая страны Запада съ Россіей, мы видимъ на сторонѣ нашего отечества одно особенно невыгодное условіе: какъ ни часты были войны на Западѣ, онѣ не сопровождались такими опустошеніями, какія приносили съ собою монголы. Страны западной Европы не имѣли такихъ свирѣпыхъ союзей, и Россіи приходилось выносить на себѣ всѣ удары монгольскихъ завоевателей. Обширная русская равнина своими дремучими лѣсами и непроходимыми болотами препятствовала монголамъ проникать въ западную Европу; она ослабляла ихъ силу; но, принимая на себя ихъ удары отъ начала 13 до конца 15 вѣка, она должна была далеко отстать отъ западныхъ союзей въ развитіи хозяйственной жизни.

Насколько, при низкомъ уровне культуры, силы людей недостаточны для борьбы съ невыгодными условіями виѣшией природы, настолько же могущественно вліяетъ и союзство полудикихъ воинственныхъ племенъ; однако, и въ государствахъ высокой гражданственности эти условія оказываютъ большое вліяніе. Въ томъ періодѣ, когда Россію почти ежегодно опустошали татарскія полчища, правильный трудъ населенія былъ почти невозможенъ: одной рукой человѣкъ направлялъ плугъ, а въ другой держалъ мечъ. Въ настоящее время воинственные наклонности ослабѣли, состояніе почти непрерывныхъ войнъ уступило мѣсто вооруженному миру, но различие во виѣшией безопасности отдельныхъ государствъ выражается въ неодинаковыхъ усиленіяхъ, которыя они дѣлаютъ для поддержания вооруженного мира. Вооруженный миръ потому имѣеть вліяніе на производительность труда, что войско притягиваетъ къ себѣ самую здоровую часть населенія и отвлекаетъ отъ промышленной дѣятельности лучшихъ работниковъ; съ тѣмъ вмѣсть вооруженный миръ заставляетъ народъ растрачивать очень большую массу труда на изготавленіе оружія, крѣпостей и другихъ принадлежностей военного дѣла и лишаетъ огромные капиталы производительного назначенія. Многіе писатели (изъ экономистовъ назовемъ Адольфа Вагнера) считаютъ войну необходимостью и признаютъ производительными затраты, которыя совершаются на содержаніе войска; однако, подобный взглядъ на войну всегда имѣеть своимъ источникомъ дурную привычку преклоняться предъ существующимъ порядкомъ вещей. Пусть политическій дѣятель признаетъ для данной страны необходимымъ содержать подъ ружьемъ такое-то число солдатъ; экономисты же, говоря отъ лица науки, всегда должны считать непроизводительными затраты, которыя дѣлаетъ государство на содержаніе военной силы. Страны цивилизованнаго міра поставлены въ этомъ отношеніи неодинаково; различіе между

ними измѣряется разницей въ относительной численности войска и въ долгъ государственныхъ доходовъ, которая затрачивается на содержаніе солдатъ. Въ настоящее время на размѣры этихъ расходовъ имѣть вліяніе также та роль, которую государство хочетъ играть во вѣнчайшей политикѣ. Выходъ къ Великому океану и завладѣніе Манчжуріей поставили Россію лицомъ къ лицу съ Японіей, уже притязающей участвовать въ решеніи міровыхъ вопросовъ, и съ пробуждающимся Китаемъ.

Еще до войны 1904—905 годовъ такое положеніе дѣлъ создавало для Россіи необходимость крупныхъ расходовъ на военную силу, которая была бы способна охранять русскую границу на Дальнемъ Востокѣ. Это выразилось въ затратахъ на укрѣпленіе Портъ-Артура, на увеличеніе тихоокеанскаго флота и численности войска въ Манчжуріи. Война унесла у нашего отечества вѣсколько сотъ тысяч жизней и вѣсколько миллиардовъ рублей и поставила Россію въ еще болѣе тяжелыя условія относительно расходовъ на войско. Уступка лучшей части Сахалина, очищеніе Манчжуріи и безповоротный отказъ отъ первенствующей роли на Тихомъ океанѣ вовсе не предохраняютъ нашего отечества отъ дальнѣйшихъ невзгодъ на восточной окраинѣ. Народъ, проявившій столь великое военное могущество, какъ японцы, не удовольствуется тѣми пріобрѣтѣніями, которыя доставилъ ему Портсмутскій договоръ. Онь тѣмъ болѣе не ограничится ими, что Японія населена очень густо и выселеніе изъ нея даже въ обширныхъ размѣрахъ, при сохраненіи эмигрантами тѣсной связи съ родиной, доставило бы метрополіи очень большія выгоды. Для расширенія Японіи представляются четыре заманчивыхъ перспективы: 1) завладѣть колоніями Голландіи, 2) колоніями Франціи, 3) упрочить господство въ Кореѣ и захватить значительную часть китайской территории, 4) продолжать наступленіе на Россію. Каждое изъ этихъ направленій обѣщаетъ Японіи очень много, и неѣть возможности предсказать, что сдѣлаютъ японцы всего рапѣе предметомъ своей завоевательной политики. Не слѣдуетъ забывать только одного: расширение на счетъ Россіи представляеть для Японіи выгоды, которыхъ не обѣщаетъ избраніе ею одного изъ первыхъ трехъ направлений. Рѣшаясь на захватъ голландскихъ или французскихъ колоній, японцы не могутъ быть увѣрены, что имъ предстоитъ единоборство: своимъ климатомъ, плодородiemъ почвы, обиліемъ минеральныхъ богатствъ, разнообразiemъ растительного царства эти колоніи такъ соблазнительны, что легко можетъ быть вызвано соревнованіе другихъ государствъ,—Германіи, Англіи, Соединенныхъ Штатовъ; отъ соревнованія же недалеко и до коалиціи державъ противъ Японіи. Отъ обогащенія на счетъ Китая японцевъ можетъ удерживать политический разчетъ: добрыя отношенія между япон-

цами и китайцами облегчать совместную деятельность обоих народовъ и позволять имъ современеть, когда военное могущество Китая возрастетъ, освобождениемъ Индии отъ англичанъ, осуществить завѣтную мечту, что Азія должна принадлежать азіатамъ.—Направивъ свои силы противъ Россіи, Японія не встрѣтить коалиції: доселѣшнее политическое значение нашего отечества, вызывая зависть повсюду, было причиною того, что Россія всегда оставалась одинокою; притомъ же Сибирь гораздо менѣе привлекательна, нежели Ява, Индо-Китай и многія части китайской территории. Но, уступая качественно, Сибирь соблазняетъ огромностью добычи, которая выпала бы на долю Японіи въ случаѣ новой успешной войны съ Россіей. Стоитъ Россіи потерять Владивостокъ—и врагу будутъ открыты необъятныя пространства, вплоть до Байкала и даже дальше. Онъ можетъ идти такъ далеко, какъ найдеть для себя выгоднымъ.—Японцы легче рѣшатся направить свои силы туда, где они имѣли блестящіе успѣхи. Имъ хорошо известны слабыя стороны русскихъ; они знаютъ, что эти недостатки могутъ быть устраниены, но не скоро. Они знаютъ, что революція можетъ только уменьшить способность Россіи къ сопротивленію: разъ революціонное движение связано съ проповѣдью, чтобы солдаты не исполняли своихъ служебныхъ обязанностей, разъ национальная и политическая точки зрѣнія не занимаютъ въ немъ сколько-нибудь замѣтнаго мѣста, то нечего надѣяться на качественное поднятіе русской военной силы. Столкновеніе же Японіи съ другими державами было бы борьбою съ неизвѣстными противниками, а потому японцамъ было бы труднѣе рѣшиться на нее. Все это, заставляя дѣлать очень крупныя затраты для охраны русскихъ границъ на Дальнемъ Востокѣ, поведѣть къ увеличенію расходовъ Россіи на войско и флотъ.

Званіе „великой“ державы и притязаніе участвовать въ рѣшеніи крупныхъ задачъ международной политики обходится народамъ очень дорого. Напротивъ, выгодно положеніе небольшихъ странъ, которая, въ силу ли нейтралитета (таковы Бельгія, Швейцарія), или по своимъ незначительнымъ размѣрамъ (Швеція, Данія), не вмѣшиваются въ спорные вопросы международной политики: такія государства имѣютъ относительно немногочисленное войско и отвлекаютъ немного силъ отъ производительного труда. За 1902—03 года численность офицеровъ и солдатъ въ войскѣ и флотѣ по составу мирнаго времени опредѣлялась такими цифрами: въ Россіи 1.100,000, Франціи 685,000, Германіи 540,000, Австріи 380,000, Англіи 355,000, Бельгіи 52,000, Соединенныхъ Штатахъ 150,000. Стоимость содержанія войска на 1 жителя составляетъ копѣекъ: 318 въ Россіи, 311 въ Австро-Венгрии, 540 въ Германіи, 905 во Франціи, 2,238 въ Великобританіи и только 422 въ Соединенныхъ Штатахъ, 320 въ Бельгіи.

Расходы Россіи, абсолютно меньшіе, должны быть признаны очень тяжелыми вслѣдствіе низкаго уровня благосостоянія въ нашемъ отечествѣ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Производительность труда въ зависимости отъ качества работы.

Пособія: *Мілл, Ротеръ, Cohn, Schönberg, Чупровъ.* Народ. богат. и знаніе. *Миръ Божій*, 1893, IV. *Bücher. Arbeit u. Rhythmus.* 2 Aufl. 1890. *Stehr. Alkoholgenuss u. wirtschaftliche Arbeit.* 1904. *Shadwell. Industrial efficiency.* 1906.

На одномъ и томъ же полѣ англичанинъ добудетъ несравненно больше хлѣба, нежели южно-африканскій туземецъ; на одномъ и томъ же ткацкомъ станкѣ, въ одно и то-же время, сѣверо-американецъ сотчеть больше аршинъ, нежели индусскій ткачъ такой же физической силы. Значить, въ самой рабочей силѣ заключаются причины большей или меньшей производительности труда.

А) Прилежаніе составляетъ существенное условіе производительности труда. Каждому по опыту знакомо различіе между вялой и энергической работой. Каждый знаетъ, что въ 3 часа лѣнивой работы будетъ сдѣлано меньше, нежели въ одинъ часъ энергической. Это условіе имѣть важное значеніе въ народномъ хозяйствѣ. Всякое общество имѣть определенный запасъ рабочей силы, выражающейся въ числѣ рабочихъ дней. Рабочая сила пополняется непрерывно въ связи съ приемомъ пищи. По свойству организма, трудъ, какъ проявленіе рабочей силы, не можетъ быть сохраняемъ. Изъ дня въ день человѣкъ способенъ произвести известное количество работы; если онъ пынче не воспользовался этимъ запасомъ силы, то не можетъ располагать имъ завтра. Человѣкъ, трудившійся лѣниво, не въ состояніи наверстать другой разъ. Итакъ, по самому устройству организма, человѣкъ не можетъ произвольно распредѣлять свою рабочую силу во времени: ему необходимо затрачивать образующейся запасъ силъ въ теченіе известного срока. Отношеніе между количествомъ затрачиваемой мускульной и нервной силы и временемъ затраты называется напряженностью труда. Она измѣряется суммой работы, выполненной въ известный періодъ времени. Кто въ теченіе дня вытчеть два аршина ткани, тотъ трудится вдвое болѣе напряженно, нежели тотъ, кто произвелъ только одинъ аршинъ. Кто въ одинъ часъ прочитываетъ 10 страницъ данной книги, тотъ работаетъ вдвое болѣе усердно, нежели

тотъ, кто прочитываетъ 5. Напряженность труда зависитъ отъ силы побуждений, влекущихъ къ работѣ.

1) Нашъ организмъ имѣеть естественное стремление къ дѣятельности. Если наши нервы и мускулы не получаютъ достаточной работы, то мы чувствуемъ вялость, изъ которой можемъ выйти лишь упражнениемъ тѣла. Стремление къ работѣ парализуется только на время чрезмѣрною тягостью труда. Это стремление всего рѣзче выражено у дѣтей и у тѣхъ взрослыхъ людей, которые работаютъ въ сферѣ своего призвания: въ служении наукѣ и искусству люди нерѣдко проявляютъ столько усердія, что даже доходятъ до полного истощенія силъ. Въ этомъ отношеніи отдѣльные люди и цѣлые народы неодинаковы. Сѣверная природа и умѣренный климатъ болѣе способствуютъ напряженію рабочей силы, нежели солнце тропическихъ странъ. Природное стремление къ труду можетъ парализоваться иногда общественными учрежденіями. Распределеніе производительныхъ работъ соответственно наклонности людей есть одно изъ вѣрныхъ средствъ увеличить напряженность труда. Этому способствуетъ индивидуальная свобода.

2) Недостатокъ естественного стремленія къ дѣятельности восполняется давленіемъ необходимости. Сюда должно отнести *внѣшнее принужденіе*, страхъ наказанія, который заставляетъ работать раба и крѣпостного. Внѣшнимъ же принужденіемъ для огромнаго большинства людей во всѣхъ обществахъ служить стремление *удовлетворить потребности*. На низшихъ ступеняхъ культуры потребности развиты такъ мало, что, по удовлетвореніи основныхъ нуждъ, голода и холода, человѣкъ неохотно принимается за работу. Богатая природа тропическихъ странъ также уменьшаетъ стремленіе къ работѣ. Историки справедливо считаютъ изобиліе даровъ природы одною изъ важныхъ причинъ низкаго уровня, на которомъ стоять многія племена жаркихъ поясовъ. Исторія свидѣтельствуетъ, что высшей культуры достигли народы умѣреннаго климата, непрерывно напрягавшіе свои силы въ борьбѣ съ природой.

3) Напряженность труда зависитъ отъ увѣренности, что плоды работы приведутъ къ удовлетворенію потребностей, и что результаты работы будутъ увеличиваться по мѣрѣ возрастанія труда. Въ первобытныхъ обществахъ, среди постоянной борьбы, человѣку грозитъ опасность лишиться всего, что онъ пріобрѣлъ: поэтому, тамъ производятъ лишь столько, сколько нужно для поддержанія жизни. Европейскія страны достигли нынѣшняго, сравнительно мирнаго, состоянія послѣ длиннаго ряда посредствующихъ ступеней. Произвольные поборы чиновниковъ въ московской Руси заставляли многихъ людей разбѣгаться, богатыхъ—прикладываться бѣдище. То же часто наблюдается и въ современной Персіи. Рабство есть

наиболѣе выдающійся примѣръ того состоянія, когда человѣкъ работаетъ съ наименьшей напряженностью. Завися отъ произвола своего господина, рабъ сознаетъ, что никакая энергія съ его стороны не принесеть ему ни малѣйшей выгоды. Затрачивать какъ можно меныше силы,—вотъ въ чёмъ состоить все искусство раба: негръ-невольникъ въ Вестъ-Индіи вырабатывалъ только одну третью того, что могъ сдѣлать англичанинъ. Но тотъ же негръ, работая на самого себя, въ теченіе немногихъ послѣбѣденныхъ часовъ, которые давались ему разъ въ недѣлю въ собственное распоряженіе, успѣвалъ сдѣлать столько же, сколько въ цѣлый день для своего господина. Подобное же вліяніе оказывало крѣпостное состояніе: и тѣ же крѣпостные умѣли хорошо работать на себя. „Два англійскіе косца,—говорить Д. С. Милль,—косить въ день столько же, какъ шестеро русскихъ крѣпостныхъ, такъ что, несмотря на дороживизну продовольствія въ Англіи и на его дешевизну въ Россіи, русскому помѣщику стоитъ трехъ или четырехъ копѣекъ скосить то количество сена, скосить которое англійскому фермеру стоитъ лишь половину копѣйки“¹⁾). Однородныя же наблюденія были неоднократно сдѣланы нашими земскими статистиками, при сравненіи труда сельскихъ рабочихъ, нанимаемыхъ за деньги, и тѣхъ, которые своей работой уплачиваютъ за арендуемые участки земли: вторые работаютъ менѣе усердно. Ясно, поэтому, что рабство и крѣпостное право не могутъ держаться въ странѣ, какъ скоро ея возрастающее населеніе требуетъ напряженного труда. Въ противоположность вялости рабовъ и крѣпостныхъ можно указать на энергію, съ которой работаетъ человѣкъ, когда увѣренъ, что самъ непосредственно воспользуется плодами своего труда. Вотъ интересный отрывокъ изъ записокъ одного ученаго путешественника: „Гуляя по окрестностямъ Цюриха,—говорить Инглісъ,—вы, куда бы ни взглянули и направо, и налево, бываете поражены чрезвычайнымъ трудолюбиемъ жителей, и слыша, что собственникъ получаетъ здѣсь 10 процентовъ дохода, вы скажете: онъ стоитъ такого вознагражденія. Я говорю теперь о земледѣльческомъ труде. Цюрихскій народъ отличается трудолюбиемъ во всѣхъ другихъ отрасляхъ промышленности, но по неусыпности въ обработкѣ земли онъ едва ли имѣеть себѣ соперниковъ. Открывая въ пятомъ часу утра свое окно, чтобы взглянуть на озеро и на далекія Альпы, я видѣлъ земледѣльцевъ въ полѣ, а возвращаясь съ вечерней прогулки, долго спустя по закатѣ солнца, часу уже въ восьмомъ, я видѣлъ, что земледѣльцы все еще посеять сѣно или подвязывать виноградныя лозы. Взгляните на поле, на садъ, изгородь,—на всемъ непремѣнно увидите вы следы чрезвычайной трудолюбивой заботливости населяніна, увидите ихъ, можно сказать, на каждомъ дюймѣ, каждомъ

пътекѣ, каждой травкѣ. Если, напримѣръ, вдѣть черезъ извиу или подѣль нивы тропинка, хлѣбу не даютъ, какъ въ Англіи, наклониться надъ нею, такъ что каждый прохожій можетъ сорвать или стоптать его,—иѣтъ, нива по всей тропинкѣ огорожена: вбиты колыа фута на три одинъ отъ другого, и вдоль между ними, на высотѣ двухъ или трехъ футовъ отъ земли, проложены ѿѣтки. Взглянувъ вечеромъ на поле, засаженное капустою, вы увидите, что каждое растеніе полито. Въ огородахъ, которые около Цюриха очень велики, на каждомъ растеніи видны слѣды самаго заботливаго ухода. Они разсажены съ математическою акуратностью, нѣтъ между ними ни одной сорной травинки, ни одного камня^{“”}).

Наемный рабочій занимаетъ среднее положеніе. Пользуясь вознагражденіемъ за свой трудъ, онъ поставленъ лучше раба и крѣпостного, но, въ отличіе отъ собственника, не получаетъ всего изготовленнаго продукта. Страхъ остаться безъ занятія—вотъ что особенно побуждаетъ наемнаго рабочаго къ энергическому труду; но это условіе дѣйствуетъ лишь при строгомъ надзорѣ. Прилежаніе наемныхъ рабочихъ зависитъ отъ способа вознагражденія. Рабочій, оплачиваемый поштучно, трудится прилежище, чѣмъ при оплатѣ по времени. Въ послѣднемъ случаѣ онъ не можетъ увеличить заработокъ, какъ бы ни напрягалъ своихъ силъ; при поштучной платѣ заработокъ прямо пропорціоналенъ количеству исполненнаго труда. Мы покажемъ въ другомъ мѣстѣ, что, при поштучной платѣ, рабочіе часто напрягаютъ свои силы до полнаго истощенія.

Перечисленныя побужденія вытекаютъ изъ чувственной природы человѣка. Но, по мѣрѣ возвышенія уровня образованія и нравственности, является ^{“”} сознаніе долга передъ собой и обществомъ. Этотъ мотивъ и побуждаетъ къ усердной работѣ. Эта сила имѣеть особенно важное значеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда работа, по самому своему характеру, недоступна строгой проверкѣ и допускаетъ разныя степени совершенства. Врачъ, учитель, чиновникъ, адвокатъ, при чисто формальномъ отношеніи къ дѣлу, могутъ казаться большинству людей хорошо исполняющими свои обязанности. Сплошь и рядомъ они получаютъ высокое вознагражденіе за трудъ и пріобрѣтаютъ громкую репутацію, только при сохраненіи приличнаго decorum'a. И только сознаніе долга передъ обществомъ побуждаетъ ихъ не ограничиваться поверхностнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Поэтому, развитіе въ обществѣ нравственного чувства, воспитаніе чувства долга, помимо своего высокаго значенія вообще, имѣеть первостепенную важность и для хозяйства.

Трудолюбіе людей увеличивается съ ростомъ культуры: потребности возрастаютъ; работникъ получаетъ большую личную свободу, и уровень нравственности поднимается. Но для цѣ-

лькихъ народовъ эти перемѣны требуютъ довольно долгихъ пе-
ріодовъ времени. По отмѣнѣ рабства или крѣпостного состоянія,
нужно 2—3 поколѣнія, чтобы въ народѣ воспитался навыкъ къ
напряженному труду.

Б) Рабочее искусство. Одной разницей въ прилежаніи рабо-
тающихъ нельзя объяснить себѣ неодинаковость результатовъ
труда. Важнымъ моментомъ служить рабочее искусство, умѣніе
преобразовывать предметы вѣнцей природы съ наименьшою
затратой рабочей силы. Вещество можетъ быть преобразуемо
только въ строгомъ соотвѣтствіи съ законами природы. Чело-
вѣкъ не можетъ измѣнить ихъ, но все лучше научается поль-
зоваться ими. Внимательное разсмотрѣніе всѣхъ дѣйствій, ко-
торые производитъ человѣкъ, показываетъ, что все они могутъ
быть сведены къ движенію. „Человѣкъ только придвигаетъ одну
вещь къ другой. Онъ вдвигаетъ зерно въ землю, и естествен-
ные растительныя силы постепенно производятъ корень, стебель,
листья, цветы и плоды. Онъ продвигаетъ топоръ черезъ
дерево и оно падаетъ естественною силою тяжести; онъ осо-
беннымъ манеромъ продвигаетъ чрезъ него шилу и оно раздѣ-
ляется на доски по физическимъ силамъ, заставляющимъ болѣе
мягкую вещь выѣсниться отъ напора болѣе твердой; онъ рас-
полагаетъ доски въ извѣстномъ порядкѣ, продвигаетъ сквозь
нихъ гвозди или кладетъ между ними склеивающую матерію и
производить столъ или стѣну. Движеніе и сопротивленіе дви-
женію — вотъ единственная вещь, для которыхъ годятся его
мускулы. Сжатіемъ мускуловъ онъ можетъ производить давле-
ніе на виѣшний предметъ; если оно довольно сильно, оно при-
водить предметъ въ движеніе; а если предметъ уже двигался,
то замедляетъ, или измѣняетъ, или вовсе останавливаетъ дви-
женіе. Кромѣ этого, человѣкъ ничего не можетъ сдѣлать; но,
этого довольно для доставленія людямъ той власти, которую
они пріобрѣли надъ силами природы, неизмѣримо сильнейшими
самихъ людей; той власти, которая велика уже и теперь, но
безъ сомнѣнія, должна съ теченіемъ времени увеличиться до
размѣровъ, которымъ нельзя опредѣлить границъ. Искусство и
изобрѣтательность людей направлены главнымъ образомъ къ
тому, чтобы совершать такія удобоуполномочия человѣческими
силами движенія, которыми производили бы желаемые людьми
результаты“³).

Для повышенія рабочаго искусства необходимо развитіе
знаній и органовъ нашего тѣла такъ, чтобы они производили
наиболѣе цѣлесообразныя движенія. Знаніе есть важнѣйшее
условіе хозяйственныхъ успѣховъ. Законы природы постоянны;
природа человѣка измѣняется медленно, и только росту знанія
человѣчество обязано главными успѣхами промышленности.
Хозяйственнымъ цѣлямъ служитъ въ особенности техническое

жаніс, обнимающее собой пріемы, посредствомъ которыхъ предметы могутъ быть приспособлены къ нуждамъ человѣка. Рабочее искусство опредѣляется размѣромъ техническихъ знаній; ихъ развитіе позволяетъ, при прежнемъ количествѣ труда и прежней его напряженности, получать больше продуктовъ. Успѣхи техники выражаются въ изобрѣтеніи новыхъ способовъ преобразовывать предметы природы и въ отысканіи орудій, которыхъ могли бы уменьшить или замѣнить трудъ человѣка. Возьмемъ для примѣра земледѣліе. На низшихъ ступеняхъ развитія человѣкъ бросаетъ хлѣбный зерна на землю безъ всякой ея подготовки; позднѣе онъ передъ каждымъ посѣвомъ разрыхляетъ почву простыми кольями. Постепенно они уступаютъ мѣсто сохѣ и, наконецъ, глубококонасающимъ плугамъ. Замѣтивъ съ течениемъ времени, что почва истощается, если долго сѣять на ней хлѣбъ, человѣкъ перемѣняетъ мѣсто посѣва. Когда наблюденіе показало, что и эта система не обеспечиваетъ почвы отъ истощенія, онъ начинаетъ удобрять ее навозомъ, а затѣмъ—разными минеральными веществами. Такія усовершенствованія позволяютъ данному участку земли прокормить большее число людей: 40 квадратныхъ верстъ при киргизскомъ хозяйствѣ могутъ прокормить только 40 человѣкъ, а при белорусскомъ—6,000 и болѣе. Усовершенствуй пріемы труда и орудія, человѣкъ дополняетъ свою силу, заставляетъ дѣйствовать химическая и физическая свойства одиныхъ вещей на другія, согласно со своими цѣлями. Могущество человѣка чрезвычайно возрастаетъ отъ употребленія машинъ и пользованія силами природы: вѣтромъ, водой, паромъ. Все это даетъ людямъ возможность осуществлять такія работы, которыхъ были немыслимы еще въ недавнемъ прошломъ. Успѣхи техники имѣютъ своимъ фундаментомъ развитіе наукъ вообще: примѣненіе пара и электричества есть результатъ давнишнихъ изслѣдований теоретиковъ. Слѣдовательно, теоретическая знанія, на которыхъ зиждутся прикладныя, составляютъ необходимое условіе для роста производительности труда. Главнымъ источникомъ всякаго знанія служатъ наблюденія надъ предметами вѣнчайшей природы. Должно быть сдѣлано много наблюденій для познанія свойствъ природы и приоровлевія ихъ къ хозяйственнымъ цѣлямъ; но, разъ сдѣланное, открытие быстро распространяется и уже ничего не стоитъ людямъ. Примѣръ есть лучшій способъ распространенія: стоитъ одному человѣку изобрѣсти орудіе, употребить его въ дѣло, и у него всегда найдутся подражатели. Исторія русскихъ кустарныхъ промысловъ даетъ много доказательствъ этого рода. Въ концѣ 18 и началѣ 19 вѣка одиночные мастера заходили изъ Москвы въ деревни, начинали изготавливать мебель, мѣдные издѣлія, фарфоровую посуду; подъ этимъ вліяніемъ постепенно

образовались цѣлые округа, производящіе мебель, металлическія, гончарныя издѣлія.

Кромѣ примѣра, распространенію знаній способствуетъ обученіе: если человѣкъ правильно учится, то, при незначительныхъ усиленіяхъ, усвоиваетъ изобрѣтенія длиннаго ряда поколѣній. Поэтому, школы, въ которыхъ пріобрѣтаются техническія знанія, составляютъ важное условіе промышленныхъ успѣховъ. Знаніе, разъ пріобрѣтенное, устно и посредствомъ печати переходитъ къ потомству. Можно указать только очень немногого знаній, которыхъ потеряны; но, взамѣнъ нѣкоторыхъ свѣдѣній, известныхъ древнимъ, новые народы располагаютъ неизмѣримо болѣшимъ запасомъ; онъ безостановочно возрастаетъ и увеличивается рабочее искусство. Оно тѣмъ болѣе развивается, чѣмъ болѣе человѣкъ приспособляетъ движеніе своихъ мускуловъ къ особенностямъ предметовъ, съ которыми имѣеть дѣло. Приспособленіе совершается посредствомъ упражненія организма, посредствомъ частыхъ повтореній одной и той же работы.

Наблюденіе различныхъ работъ показываетъ, что люди стремятся къ *ритмичности* движеній. Она обнаруживается наиболѣе ясно, когда орудіе, касаясь обработываемаго материала, издаетъ звуки. Удары кузнецкаго молота слѣдуютъ одинъ за другимъ послѣ равныхъ промежутковъ; звуки, издаваемые рубанкомъ столяра, также отдѣлены другъ отъ друга равными промежутками. Ритмъ тоновъ есть слѣдствіе ритма движеній, изъ которыхъ слагается работа; онъ ободряетъ работающихъ и подчињаетъ ихъ трудъ собственному контролю. Ритмичность движеній имѣть особенную важность тогда, когда совмѣстно работаетъ довольно много людей. Привычное ухо, по такту, въ которомъ ударяютъ цѣны при молотьбѣ, поздѣли можетъ различить, хорошо ли идетъ работа. Но ритмичность движеній бываетъ не только тамъ, где слышны звуки отъ производимой работы: можно наблюдать ритмъ и при беззвучномъ труде, при копаніи земли, разбрасываніи сѣянья сѣятелемъ и т. д.

Эта особенность труда ведетъ на самыхъ ранніхъ ступеняхъ культуры къ тому, что люди, работая, издаютъ звуки съ сближеніемъ ритма; отсюда развиваются пѣсни и музыка, которыхъ въ эту пору тѣснѣйшимъ образомъ прымкаютъ къ труду. Извѣстно, что народный эпосъ содержитъ множество пѣсней, которые пріурочены къ разнымъ занятіямъ: земледѣльцы, настуки, винодѣлы, кузнецы, лодочники, ткачи и другие имѣютъ свои пѣсни, направленныя на предметъ ихъ труда. А первоначальные музикальные инструменты, какъ то можно наблюдать у дикарей, имѣютъ сходство съ орудіями: барабанъ и старинные струнные инструменты сходны съ ударными орудіями; таковы же и разныя трещотки и колотушки, которыми, издавая звуки, забавляются дикари.

Если перенесемся къ тому времени, когда хозяйственная дѣятельность отличается простотой, если подумаемъ о неразвитости ума нашихъ предковъ, о малой привычкѣ къ правильному труду, о несовершенствѣ орудій, то скажемъ, что ритмичность работы и постепенно сложившіяся пѣсни и начатки музыки являются сильнымъ возбудителемъ къ труду. Изображенія, сохранившіяся на памятникахъ древнаго Египта, свидѣтельствуютъ о крайнемъ несовершенствѣ орудій даже въ это время, при, сравнительно, высокой культурѣ: въ плуги впряженіи людей; борона не была извѣстна; комья земли измельчались деревянными мотыками; обязанность рубанка исполняло лопатообразное орудіе, широкой стороной котораго стлаживались неровности дерева, пилы были только съ одной ручкой. И если, при такихъ первобытныхъ способахъ производства, египтяне создали памятники, вызывающіе удивленіе потомства, то, главнѣйше, потому, что ритмичность труда, сопровождаемаго пѣснями и музыкой, ободряла тысячи людей, совмѣстно работавшихъ надъ исполненіями сооруженіями, вносила въ ихъ дѣйствие единство и порядокъ. Какъ ни однообразны простѣйшия виды труда, работающій является, при ручныхъ орудіяхъ, господиномъ своихъ дѣйствій, и ритмъ вносить въ его занятіе свѣтлую струю ⁴⁾). Это вліяніе сохранилось донынѣ: пѣніе ободряетъ жницъ въ полуденный зной; плотники, вбивая сваи, работаютъ особенно дружно подъ звуки пѣсни; пѣсни и музыка облегчаютъ солдатамъ утомительность длинныхъ переходовъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЯТОЙ ГЛАВѢ.

1) М и лль. Основанія, I, 299.

2) Т. ж., 306—7.

3) Т. ж., 174.

4) *Bücher. Arbeit u. Rhythmus.*

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Капиталъ.

Пособія: *Миль. Основанія*, I. Чупровъ. Полит. Экон. *Маркса. Капиталъ I*, 1872, II, 1885, III, 1894. *Rodbertus. Zur Beleuchtung der socialen Frage*, 1875. *Ею-же. Das Kapital*, 1894. *Wagner. Lehrbuch*, I. *Schönberg. Handbuch*, I. *Вѣйт Bauwerk. Kapital u. Kapitalzins*, 2 т. 1884 и 89.

Для всякаго производительного процесса нужна совокупность материальныхъ средствъ, при помощи которыхъ прилагается трудъ. Эти средства частію даются природой готовыми, но въ большинствѣ случаевъ являются продуктами предше-

стнующаго труда. Эти продукты, какъ было замѣчено, образуютъ двѣ основныя группы: 1) предметы для непосредственнаго удовлетворенія потребностей — потребительные запасы и 2) продукты для дальнѣйшаго производства — *капиталы*.

Ученіе о капиталѣ принадлежитъ къ числу тѣхъ, относительно которыхъ политическая экономія представляетъ особенно много разногласій. Одинъ новѣйшій писатель насчитываетъ болѣе 30 опредѣлений капитала, но далеко не исчерпываетъ всего, чѣмъ даетъ экономическая литература за послѣднее столѣтіе ¹⁾. Всѣ опредѣленія могутъ быть сведены къ двумъ основнымъ группамъ: 1) опредѣленіе капитала, какъ понятія чисто экономического. Решеръ выражаетъ это въ немногихъ словахъ: „капиталомъ называется всякий продуктъ, предназначенный для дальнѣйшаго производства“; 2) Вторую группу образуютъ тѣ писатели, которые вносятъ историко-юридический элементъ въ опредѣленіе капитала. Марксъ выражаетъ это слѣдующей формулой. Въ современномъ хозяйственномъ оборотѣ мы находимъ обращеніе денегъ въ товаръ для того, чтобы товаръ былъ снова обращенъ въ деньги; покупаютъ для того, чтобы продавать. Деньги, которая совершаютъ это движение, обращаются въ капиталъ и служатъ капиталомъ уже по первоначальному своему назначению ²⁾). Родбертусъ способствовалъ примиренію этихъ разногласій. Онъ установилъ три различныхъ точки зрѣнія на капиталъ: 1) Капиталъ въ обособленномъ хозяйстве; подъ нимъ нужно разумѣть только тѣ орудія и материалы, при помощи которыхъ получается доходъ, служацій для удовлетворенія потребностей. 2) Национальный капиталъ въ обществѣ, гдѣ земля и движимость не составляютъ предметовъ частной собственности, также состоятъ изъ принадлежащихъ народу орудій и сырыхъ материаловъ. При такомъ состояніи общества ни одна частица дохода не можетъ быть отнесена къ капиталу. 3) Наконецъ, въ обществѣ, гдѣ есть право частной собственности, кънациональному капиталу относится также частный капиталъ, т.-е. доля частнаго собственника въ национальномъ продуктѣ, потребная для веденія производительнаго предпріятія ³⁾).

Мы можемъ совокупить въ одно цѣлое два первыхъ определенія Родбертуса и считать капиталомъ въ общественномъ смыслѣ всѣ тѣ продукты человѣческаго труда, которые, по самому своему характеру, предназначены для дальнѣйшаго производства. Капиталъ же въ смыслѣ частно-хозяйственномъ образуютъ всѣ предметы, которые служатъ для частнаго хозяйства источникомъ дохода. Съ точки зрѣнія рабовладѣльческаго хозяйства рабы являются одной изъ составныхъ частей капитала. Съ точки зрѣнія частнаго хозяйства, зиждущагося на наемномъ труде, къ капиталу относится тѣ жизненные припасы, которые

производятся только для выдачи рабочимъ въ уплату за ихъ трудъ. Какія же части народнаго имущества причисляются къ капиталу въ настоящее время?

Чтобы считаться капиталомъ, предметъ долженъ имѣть три признака: 1) быть продуктомъ труда, 2) продуктомъ труда предварительного, 3) долженъ служить средствомъ для дальнѣйшаго производства. Этими признаками предметы, составляющіе капиталъ, отличаются отъ всѣхъ остальныхъ. Земельные участки, хотя и служатъ средствомъ для производства, не должны быть относимы къ капиталамъ, ибо они не созданы трудомъ человѣка. Средства продовольствія, назначаемыя для потребленія людей праздныхъ, не составляютъ капитала, хотя и произведены предшествующимъ трудомъ: эти продукты труда служить не для дальнѣйшаго производства, а для потребленія. Но капиталомъ должны считаться: а) Сырые материалы для труда; они добыты трудомъ человѣка, но человѣкъ не хотѣлъ или не могъ истратить ихъ на непосредственное употребленіе, а предназначилъ на дальнѣйшее производство. б) Сюда же относятся всѣ орудія, изобрѣтенные человѣкомъ для восполненія его мускульной силы. Всѣ эти орудія суть продукты предварительного труда и назначены для служенія производству. в) Капиталъ составляютъ улучшенія, произведенные человѣкомъ въ земельныхъ участкахъ; земля есть даръ природы, по сдѣланіи въ ней человѣкомъ улучшенія являются капиталомъ. г) Всѣ зданія, которыя предназначены для храненія материаловъ и производства работы; а также искусственные дороги и средства сообщенія, корабли, вагоны и т. п.

Всѣ эти предметы образуютъ капиталъ по своей природѣ. Они не могутъ непосредственно удовлетворять потребности человѣка, а изготавляются для того, чтобы содѣйствовать производству. Вотъ почему они являются капиталами, каковъ бы ни былъ общественный строй. Но при современномъ юридическомъ порядкѣ капиталами служать также д) средства продовольствія рабочихъ. Средства продовольствія сами по себѣ непосредственно удовлетворяютъ потребности. Поэтому они являются капиталомъ лишь въ томъ общественномъ строѣ, когда существуетъ отдельный классъ капиталистовъ. Они образуютъ капиталъ частныхъ лицъ; въ современномъ обществѣ эти капиталы составляютъ весьма значительную массу. е) Всѣ предметы потребленія, находящіеся у торговцевъ и предназначенные для сбыта. ж) Наконецъ, къ капиталу должны быть отнесены и деньги: денежныя суммы, которыя участвуютъ въ оборотѣ, содѣйствуютъ производству. По почину Ад. Смита, въ наукѣ было установлено положеніе, что деньги не должны быть относимы къ капиталамъ, такъ какъ прямо не содѣйствуютъ производству. Это—недостаточное основаніе для исключ-

чения денегъ изъ разряда капиталовъ: рассматривая процессъ производства въ цѣломъ, мы видимъ, что деньги занимаютъ очень важное мѣсто въ ряду орудій, которыхъ облегчаютъ этотъ процессъ. При натуральномъ хозяйствѣ деньги не нужны для производства. Но, какъ скоро между частными хозяйствами возникаетъ раздѣленіе труда и обмѣнъ, деньги, будучи орудіемъ обмѣна, закрѣпляютъ связь между производителями сырья матеріаловъ и окончательныхъ продуктовъ и тѣмъ не въ меньшей мѣрѣ способствуютъ производству, пежели улицы, дороги, корабли, также служащіе для поддержанія обмѣна между частными хозяйствами. По сравненію съ другими видами капиталовъ, деньги представляютъ и ту выгоду, что служатъ всеобщую формою капитала; паровой молотъ, ткацкій станъ, корабль имѣютъ, каждый, свои, точно определенные задачи; разъ они не нужны для своей специальной цѣли, то можно лишь съ большими трудомъ измѣнить ихъ назначение, а иногда и вовсе нельзя измѣнить его. Деньги же, будучи общею формой капитала, всегда могутъ быть обращены въ такой видъ орудій производства, который въ данное время наиболѣе соответствуетъ хозяйственнымъ цѣлямъ ихъ владѣльца.

Остановимся нѣсколько подробнѣе на капиталистическомъ способѣ производства.

Мы уже говорили, что цѣлью производства служить создание благъ, которыхъ прямо удовлетворяютъ человѣческія потребности. Разложенный на простѣйшіе элементы, всякий человѣческій трудъ представляется приложеніемъ рабочей силы къ веществу, которое даровала природа. При этомъ можетъ быть избранъ одинъ изъ двухъ путей. Или человѣкъ прилагаетъ съ силамъ природы свой трудъ такимъ образомъ, что получаетъ въ непосредственномъ результатаѣ известные предметы потребленія. Или же человѣкъ можетъ избрать болѣе долгій путь: онъ не стремится немедленно получить какіе-либо предметы потребленія, а первоначально создаетъ посредствующія звенья, съ помощью которыхъ и будутъ произведены потребительные запасы. Примѣромъ первого можетъ служить сельскій хозяинъ, который, для веденія молочного хозяйства, пріобрѣтаетъ скотъ и выкармливаетъ его травой и сѣномъ съ естественныхъ выгоновъ и луговъ. По второму пути идетъ тотъ сельскій хозяинъ, который прежде, чѣмъ устроить молочную ферму, осушаетъ болотные луга и выгоны, вводить трапосѣяніе, словомъ, выполняетъ цѣлый рядъ предварительныхъ работъ, служащихъ основой для молочного хозяйства. Или возьмемъ работу портного: одинъ шьетъ руками, пользуется только простой иглой и получаетъ одежду, какъ непосредственный плодъ своего труда; другой, изготавливающій одежду съ помощью швейной машины, избираетъ болѣе длинный путь: онъ долженъ

затратить известную сумму денегъ (известное количество труда) на приобрѣтеніе швейной машины; эта ступень и служить посредникомъ между началомъ его промысла и готовымъ продуктомъ. Послѣдній способъ производства и есть способъ капиталистический. Чемъ длиннѣе этотъ путь, тѣмъ болѣе производителенъ трудъ, ибо продолжительный срокъ, раздѣляющій начало работъ, предпринятыхъ въ известномъ направлѣніи, и окончаніе продукта, обыкновенно позволяетъ примѣнить къ дѣлу такие орудія и пріемы производства, которые даютъ человѣку наибольшую власть надъ силами природы и вознаграждаютъ его наибольшимъ количествомъ произведеній. Возвратимся къ приведенному примѣру. Владѣлецъ первой фермы можетъ доставлять на рынокъ молочные продукты немедленно по приобрѣтеніи земельного участка. Второй можетъ приступить къ этому только по истеченіи довольно продолжительного времени, котораго потребуютъ осушеніе луговъ, культура кормовыхъ травъ и другія подготительныя работы. Но различіе на предшествующихъ ступеняхъ, склонявшееся къ выгодѣ первого хозяина, рѣзко обнаружится на конечной ступени производства уже къ выгодѣ втораго: первый будетъ получать отъ средней коровы только 60—80 ведеръ молока въ годъ, а второй, быть можетъ, 150 или 200.

Дабы достигнуть наибольшей простоты въ объясненіи дѣла, мы противополагаемъ производство, совершающееся почти безъ участія капитала, такому процессу, гдѣ есть налицо очень крупный капиталъ. Дѣйствительная жизнь даетъ иную картину: здѣсь мы находимъ длинный рядъ ступеней въ развитіи капитализма: отъ ремесленника, который изготавливаетъ, напримѣръ, ружье съ помощью первобытныхъ орудій, до ружейныхъ заводовъ, гдѣ тысячи работниковъ производятъ ружья съ помощью сложныхъ и дорогихъ машинъ. Трудъ производить тѣмъ больше продуктовъ, чемъ больше звеньевъ создаетъ онъ до окончанія продукта, чемъ болѣшій прилагается къ дѣлу капиталъ. Это положеніе истинно какъ по отношенію къ капиталу въ смыслѣ экономическому, такъ и по отношенію къ капиталу съ точки зрѣнія частнаго хозяйства. Возьмемъ для примѣра производство гвоздей. Кустарь, изготавливающій гвозди ручнымъ способомъ, производить ежедневно отъ 300 до 500 гвоздей известного сорта. Ему служить капиталомъ кузница, наковальня, молоты, незначительные запасы желѣза и угля, представляющіе въ совокупности очень небольшое количество предварительного труда. Тотъ же самый кузнецъ можетъ изготавливать ежедневно тысячи и даже десятки тысячъ гвоздей, если опирается на большое количество предварительного труда, если прямо и косвенно пользуется содѣйствиемъ большой массы разнообразныхъ капиталовъ. Такой успешности достигаетъ трудъ ра-

ботника при производствѣ гвоздей паровымъ молотомъ. Паровой молотъ, представляя изъ себя значительный капиталъ, быть, вѣроятно, изготовленъ на машиностроительномъ заводѣ, который также является крупнымъ капиталомъ въ экономическомъ смыслѣ. А дѣятельность машиностроительного завода и изготовление парового молота были возможны только при наличности большого запаса капиталовъ въ частнохозяйственномъ смыслѣ, — предметовъ потребленія для работниковъ, которые были заняты изготавленіемъ парового молота и материаловъ для него, а также при наличности денегъ, посредствомъ которыхъ производитель парового молота поддерживалъ сношенія со многими частными хозяйствами.

Обращаясь отъ этихъ примѣровъ къ состоянію народнаго хозяйства въ какой-либо странѣ, мы видимъ, что каждый народъ ежегодно беретъ въ свое распоряженіе новый запасъ вещества, которымъ его надѣлила природа — силь почвы, растительныхъ и минеральныхъ богатствъ. Если народъ не располагаетъ большимъ запасомъ капиталовъ, то большая часть сырья, взятаго у природы, та часть же перерабатывается въ предметы, служащіе для потребленія, и потребляется въ ближайшемъ будущемъ; народъ, бѣдный капиталами, ведеть преимущественно тѣ отрасли промышленности, которыя изготавливаютъ пищу, одежду, предметы жилища, утварь, и затрачиваетъ очень мало труда на изготавленіе машинъ, орудій, средствъ передвиженія и другихъ капиталовъ. Напротивъ, народъ, поднявшийся на уровень капиталистического производства, потребляетъ каждогодно сравнительно меньшую долю взятыхъ имъ отъ вицѣней природы производительныхъ силъ и затрачиваетъ сравнительно большую долю на предварительный трудъ, создаетъ капиталы, съ помощью которыхъ только въ послѣдующіе годы будутъ изготавлены предметы потребленія. Народное хозяйство Россіи относится къ первому разряду: у нея на изготавленіе капиталовъ затрачивается сравнительно небольшая доля народнаго труда. Въ Англіи же и Бельгії огромное количество труда затрачивается на производство капиталовъ, которые даютъ предметы потребленія въ послѣдующіе годы.

Капиталъ не только увеличиваетъ производительность труда но, при извѣстномъ состояніи общества, составляетъ необходимое условіе работы. Есть, напримѣръ, физическая возможность производить ткани на первобытномъ индусскомъ ткацкомъ станкѣ; но разъ изобрѣтенъ паровой станкъ и потребность общества въ тканяхъ достигла извѣстныхъ размѣровъ, то ручное ткачество становится экономически невозможнымъ: человѣку нельзя приняться за эту работу, такъ какъ у него не останется времени для удовлетворенія другихъ потребностей. Поэтому,

при известныхъ общественныхъ условіяхъ примѣненіе капиталовъ необходимо.

Если мы обратимъ внимание на совокупность предметовъ, составляющихъ капиталъ, то безъ труда образуемъ изъ нихъ двѣ категоріи, согласно съ ихъ техническимъ значеніемъ для производства. Нѣкоторые капиталы служатъ промышленности тѣмъ, что совсѣмъ уничтожаются въ производствѣ или же видоизмѣняются. Дрова, уголь и торфъ сгораютъ; хлопокъ переходитъ въ пряжу и ткани. Въ обоихъ случаяхъ предметъ перестаетъ существовать въ своемъ первоначальномъ видѣ; онъ, какъ бы, переходитъ во вновь созданный продуктъ. Одни средства производства переходятъ въ продуктъ цѣликомъ: краски, топливо, смазочное масло; другіе—дерево—оставляютъ стружки и опилки, почти не имѣющія цѣны; наконецъ, третыи — таковы металлы—даютъ отбросы, которые (желѣзныи и мѣдныи стружки и опилки) подвергаются переработкѣ и вновь поступаютъ въ производство, какъ матеріалъ. Однако, всѣ эти предметы имѣютъ то общее свойство, что, разъ вступивъ въ процессъ труда, перестаютъ существовать самостоительно. Капиталъ, служацій только одному производительному процессу и переходящій цѣликомъ въ новый продуктъ, называется *оборотнымъ*. Другую часть капитала составляютъ предметы болѣе или менѣе прочные; они служатъ производству долгое время и достигаютъ своей цѣли тѣмъ, что остаются цѣлыи: таковы орудія производства. Возьмемъ прядильную машину. Работа на ней способствуетъ медленному ея уничтоженію; съ теченіемъ времени, напримѣръ, черезъ десять лѣтъ она становится негодною для производства. Если мы въ теченіе 10 лѣтъ можемъ изготовить при ея помощи 10,000 пудъ пряжи, то, слѣдовательно, въ каждый пудъ перешла $\frac{1}{1000}$ часть машины. Однако, постепенно изнашиваясь, она должна ежедневно вступать въ производство со всѣми индивидуальными свойствами, которыя отличаютъ ее въ первые дни ея участія въ промышленномъ процессѣ. Такой же характеръ имѣютъ зданія, предназначенные для производства, осушительныи канавы на земельныхъ участкахъ. Капиталъ, который служить цѣлому ряду производительныхъ процессовъ и медленно, по частямъ, переходитъ въ изготовленный продуктъ, называется *постояннымъ*. Независимо отъ различій техническаго свойства, между постояннымъ и оборотнымъ капиталами можно подмѣтить и экономическое различіе. Оборотный капиталъ цѣликомъ передаетъ свою цѣнность товару, въ производствѣ котораго участвуетъ; постоянный же капиталъ передаетъ произведеному товару только частицу своей цѣнности, соотвѣтственно величинѣ, на которую, вслѣдствіе изнашиванія, уменьшилась его цѣнность. Въ цѣнность 100 аршинъ сукна цѣликомъ переходитъ цѣнность того количества пряжи, красокъ, мыла, дровъ

и угля, которое было потреблено при производствѣ этого сукна. Ткацкій же станъ, если въ теченіе его жизни на немъ можетъ быть соткано 100,000 аршинъ, переносить на изготовленные 100 аршинъ только $\frac{1}{10000}$ своей цѣнности. Въ различныхъ производствахъ и въ разныя эпохи наблюдается не одно и то же отношеніе между постоянными и оборотными капиталами. Рыболовство и охота почти не требуютъ постоянного капитала; напротивъ, въ винокуреніи и сахаровареніи преобладаютъ постоянные капиталы ⁴). Но и въ каждой отрасли производства, въ разныя эпохи ея развитія, отношеніе постоянного капитала къ оборотному не одно и то же. Успѣхи промышленности и выражаются въ томъ, что увеличивается доля постоянного капитала. Киргизскому скотоводству, при огромномъ количествѣ скота, вовсе неизвѣстенъ постоянный капиталъ, а на небольшой современной фермѣ западной Европы скотъ содержится въ дорогостоящихъ и специальнѣ для того устроенныхъ зданіяхъ, т.-е. затрачивается большой постоянный капиталъ.

Постоянный и оборотный капиталы неодинаково влияютъ на производительность труда. Увеличеніе послѣдней съ помощью постоянного капитала происходитъ лишь при томъ условіи, что количество предварительного труда, затраченного на производство, меньше, нежели количество текущаго труда, сберегаемаго постояннымъ капиталомъ. Прядильную машину, которая стоитъ, положимъ, 50 дней труда и можетъ служить для производства въ теченіе 5 лѣтъ, выгодно устроить только въ томъ случаѣ, если она сбережетъ при производствѣ за все время своей службы больше, нежели 500 дней. Положимъ, до устройства машины въ 1 рабочій день производилось два пуда пряжи, при помощи же машины человѣкъ способенъ произвести въ день 20 пудъ, т.-е. вдвадцатеро больше. Какъ ни велико, повидимому, сбереженіе текущаго труда, машина будетъ выгодна лишь при извѣстномъ размѣрѣ производства. Если, напримѣръ, общество нуждается ежегодно не болѣе, какъ въ 200 пудахъ, стоящихъ при ручномъ производствѣ 100 рабочихъ дней, то ему нѣть выгоды тратить свой трудъ на устройство машины: въ 5 лѣтъ потребуется 1000 пудъ пряжи, которые, при ручномъ способѣ, обошлись бы въ 500 рабочихъ дней, при машинномъ же потребовалось бы 500 рабочихъ дней на машину и 50 дней на приготовленіе пряжи, а всего 550 рабочихъ дней. Если же потребность общества въ пряжѣ составляетъ 2,000 пудъ, а въ 5 лѣтъ 10,000, то машина будетъ выгодна, ибо, при ея помощи, производство 10,000 потребуетъ всего 1,000 дней (500 на машину и 500 на пряжу), тогда какъ при ручномъ труде для этого нужно было бы 5,000 дней.

И такъ, затрата постоянного капитала увеличиваетъ успѣшность труда лишь тогда, когда производство достигаетъ извѣст-

ныхъ размѣровъ. Послѣдніе часто измѣняются. Если размѣры производства, въ которое вложенъ постоянный капиталъ, уменьшаются, то уменьшается и производительность труда. Можно устраниить это только уменьшеніемъ затраченного капитала. Съ оборотными капиталами это осуществимо безъ большихъ трудностей: если сократится спросъ на ситецъ, то фабрика можетъ уменьшить потребленіе бумажной пряжи. Но постоянные капиталы часто отличаются неподвижностью. Капиталъ, вложенный въ строенія, вовсе не можетъ быть изъятъ; капиталъ, затраченный въ машины, можетъ измѣнить назначеніе лишь съ большимъ убыткомъ для владельца. А потому, затрата постоянныхъ капиталовъ связана со значительнымъ рискомъ пониженія производительности труда, если уменьшится размѣръ производства.

Возникновеніе капиталовъ начинается съ того времени, когда производительная сила труда возрастаетъ настолько, что, за удовлетвореніемъ необходимыхъ потребностей, у человѣка остается еще запасъ свободного рабочаго времени. Какъ скоро ловкость труда достигла такого уровня, что, за удовлетвореніемъ голода, остается еще свободное время, то охотникъ затрачиваетъ часть своего труда на устройство лука, который впослѣдствіи уменьшаетъ текущій трудъ. Для возникновенія капитала необходимо, чтобы производство имѣло размѣръ, превышающій необходимое потребленіе и чтобы часть произведенныхъ продуктовъ была назначена на дальнѣйшее производство. Совпаденіе этихъ двухъ условій и даетъ происхожденіе капиталу. Капиталъ, разъ образовавшійся, сохраняется. Но сохраненіе состоить не въ томъ, что онъ остается безъ употребленія; капиталъ, служа производству, истребляется. Въ обратномъ капиталъ истребленіе происходитъ сразу: шерсть, служащая сырьемъ материаломъ для ткани, исчезаетъ, какъ скоро произведено сукно. Но то же испытываетъ и постоянный капиталъ. Самая прочная машина не можетъ служить вѣчно. Если прядильная машина способна служить 5 лѣтъ и въ теченіе этого времени сработать 10,000 пудовъ пряжи, то, при производствѣ каждого пуда, уничтожается $\frac{1}{10000}$, ея часть. Въ этомъ отношеніи продуктъ труда, употребляемый, какъ капиталъ, съ цѣлью дальнѣйшаго производства, не отличается отъ предметовъ, предназначенныхъ для непосредственнаго потребленія. Но ихъ дальнѣйшая судьба не одна и та же. При непосредственномъ потребленіи продукты исчезаютъ и отъ нихъ не остается ничего; послѣ же потребленія капиталовъ является запасъ материальныхъ продуктовъ; капиталъ не уничтожился чрезъ потребленіе, а только перешелъ въ другіе предметы. Воспроизведеніе капитала и сохраняетъ его въ цѣлости; если прекратилось воспроизведеніе, то капиталъ погибаетъ. „Всякая машина, не служащая для какого-нибудь процесса труда, — бесполезна;

кромъ того, она подвергается непрерывно разрушительному изяню естественного обмѣна веществъ: желѣзо ржавѣеть, дерево гниеть... Живой трудъ долженъ обхватить эти вещи, пробудить ихъ изъ мертвыхъ... Пламя труда лижетъ ихъ со всѣхъ сторонъ своимъ огненнымъ языкомъ... хотя они и пожираются трудомъ въ этомъ процессѣ, но пожираются цѣлесообразно, какъ элементы образования новыхъ потребительныхъ стоимостей⁵). „Было бы неправильно думать, говоритъ Милль, что главную массу народного имущества въ данное время образуютъ богатства, унаследованныя отъ предковъ: большая часть приобрѣтена трудомъ людей за послѣдніе годы. Очень мала та часть этого огромнаго богатства которая существовала лѣтъ десять тому назадъ: изъ нынѣшняго производительного капитала страны сдавали существовало тогда что-нибудь, кромъ домовъ на фермахъ и фабричныхъ зданій, да немногихъ изъ нынѣшнихъ кораблей и машинъ; да и изъ этихъ домовъ, кораблей и машинъ развѣ очень немногіе просуществовали бы десять лѣтъ, еслибы не употреблялся въ это время новый трудъ на ихъ поправку... За исключеніемъ мостовъ, водопроводовъ, почти неѣтъ сооружений для промышленности, которыхъ существовали бы доиго⁶).

Все сказанное объясняетъ, какія условія способствуютъ возрастанію капитала. Оно зависитъ отъ двухъ обстоятельствъ: отъ массы вещей, изъ которой дѣлаются сбереженія, и отъ склонности людей сберегать капиталъ. Величина излишка, изъ которого дѣлаются сбереженія, зависитъ отъ степени производительности труда и отъ степени развитія потребленія. Чѣмъ большее производительность труда и чѣмъ меньше потребленіе, тѣмъ больше запасъ, изъ которого можно сберегать капиталъ. Нобужденіемъ къ образованію капитала служитъ надежда воспользоваться въ будущемъ его плодами. Увѣренность въ этомъ предполагаетъ уже довольно высокую степень гражданственности.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ШЕСТОЙ ГЛАВѢ.

1) См. въ курсѣ *Schönberg'a* глава V.

2) *Марксъ*. Капиталъ, I, стр. 94.

3) *Rodbertus. Zur Beleuchtung...* 67 и дал.

4) Въ хлопчатобумажной промышленности Соединенныхъ Штатовъ на 1 работника приходилось 652,85 доллар. капитала въ 1880 году, 1207,17 доллар. въ 1880 и 1547—въ 1900.

5) *Марксъ*. Капиталъ, I, 128.

6) *Милль*. Основанія, I, 98.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Сотрудничество.

*Пособія: Ад. Смітъ. О богатствѣ народовъ. Миль. Основанія, I
Маркса. Капиталъ, I. Schönberg. Handbuch. I. Bücher. Die Entstehung der
Volkswirthschaft. 2 Aufl. 1898. Главы VI, VII и VIII. Schmoller. Grundriss
der Volkswirtschaftslehre. I. Durkheim. La division du travail social. 1902.
В. В. Раціл. труда землед. и промышлен. въ Россіи. Вѣстн. Евр., 1884. VII.*

До сихъ поръ мы изучали хозяйственную дѣятельность людей такъ, какъ будто они обособленно преслѣдуютъ свои хозяйственныя цѣли. Однако, какъ бы далеко ни заглянули мы въ исторію, мы нигдѣ не находимъ человѣка въ состояніи обособленія. На низшихъ ступеняхъ культуры, среди бродачихъ племенъ, приобрѣтающихъ средства къ существованію звѣроловствомъ и рыболовствомъ, мы не находимъ человѣка одиночкъ. Звѣроловъ или рыболовъ являются въ семье и въ союзѣ съ другими товарищами. Съ успѣхами же цивилизаціи общеніе между людьми принимаетъ все болѣе разнообразныя формы.

Подъ *сотрудничествомъ* мы разумѣемъ соединеніе нѣсколькихъ людей для какой-либо одной хозяйственной цѣли. Соединеніе можетъ заключаться или въ томъ, что нѣсколько человѣкъ *одновременно* выполняютъ какую-либо работу, напримѣръ, вмѣстѣ строятъ зданіе, или же въ томъ, что люди работаютъ надъ однимъ и тѣмъ же дѣломъ *одинъ послѣ другаго*: храмы и другія общественные зданія строятся иногда трудомъ двухъ-трехъ поколѣній. Въ области хозяйства люди могутъ соединяться или для совокупнаго производства, или для совокупнаго потребленія, или же для обѣихъ цѣлей.

Подъ *сотрудничествомъ въ производствѣ* разумѣется такой порядокъ человѣческой дѣятельности, когда нѣсколько лицъ одновременно заняты или въ одномъ и томъ же производительномъ процессѣ (*сотрудничество простое*), или въ различныхъ, но связанныхъ между собой (*сотрудничество сложное*) процес- сахъ.

1) Благодаря сотрудничеству, та же масса труда можетъ дать больший результатъ. Соприкосновеніе работающихъ развиваетъ энергию, вызываетъ возбужденіе духа, которые увеличиваютъ трудовое напряженіе каждого участника. Лѣнивый среди прилежныхъ становится прилежнымъ: поэтому, 10 работниковъ, трудящихся вмѣстѣ, производятъ въ теченіе общаго 10-ти часоваго дня больше 10 работниковъ, которые трудятся врозь, въ продолженіе тѣхъ же самыхъ 10-ти часовъ, или болѣе одного работника, трудящагося 10 дней сряду. 2) Сотрудничество способствуетъ накопленію знаній и опыта; оно дѣлаетъ опытъ

каждаго человѣка достоиніемъ всѣхъ. Каждое новое открытие, сдѣланное однимъ членомъ общества, распространяется среди другихъ. Успѣхи человѣческихъ знаній были бы рѣшительно невозможны, еслибы каждому приходилось изобрѣтать все съ изнова. 3) Область примѣненія силъ отдѣльного человѣка весьма ограничена; прилагая свой трудъ единолично, онъ не былъ бы въ состояніи предпринять многія работы. Многія изъ нихъ такъ тяжелы, что превосходить силу отдѣльного человѣка; человѣкъ въ одиночку не въ состояніи устроить домъ изъ бревенъ, хотя бы лѣсъ былъ подъ рукой, ибо онъ не можетъ передвинуть дерево изъ лѣса къ мѣсту постройки. Слѣдуетъ сказать то же и о большинствѣ другихъ занятій. Безъ сотрудничества не могутъ быть выполнены работы, которые превышаютъ предѣлы человѣческой жизни: регулированіе рекъ, осушеніе обширныхъ болотъ, прорытіе каналовъ. 4) Во многихъ областяхъ производства существуетъ такъ называемая горячая пора, т. е. опредѣленные природою данного труда періоды времени, въ теченіе которыхъ должно быть достигнуто результатъ. Когда нужно убрать большое количество сѣна и хлѣба, то качество и количество продукта зависятъ отъ того, будетъ ли каждая работа начата и окончена своевременно. Если она не приведена своевременно къ концу, то продуктъ погибнетъ. Въ странахъ, где населеніе рѣдко, а сотрудничество слабо, множество земледѣльческихъ продуктовъ пропадаетъ даромъ. Это нерѣдко наблюдается въ южной Америкѣ, при обильной жатвѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, сотрудничество, вообще, сокращаетъ трудъ, такъ какъ дѣлается излишними нѣкоторыя работы. Чтобы испечь хлѣбъ для 100 человѣкъ вмѣстѣ, нужно гораздо меньше труда, нежели для 100 человѣкъ порознь: нужно одинъ разъ истопить печь, приготовить посуду и т. д.

Сложнымъ сотрудничествомъ называется такое соединеніе, при которомъ каждый человѣкъ или каждая группа людей, работающихъ вмѣстѣ съ остальными, занимается не однимъ и тѣмъ же дѣломъ, а выполняетъ различныя работы. Эта форма доставляетъ выгоды, которая зависятъ отъ *раздѣленія труда*.

Свойства человѣческаго организма служатъ естественной основой для раздѣленія занятій. Различія возраста и пола даютъ первое основаніе для раздѣленія труда между людьми. Слабость женщинъ и дѣтей, уже при первыхъ зачаткахъ общества, побуждаетъ возлагать на нихъ болѣе простыя и легкія работы и оставлять занятія, требующія сильнаго мускульного напряженія, на обязанности мужчины. Другимъ основаніемъ служатъ различія въ природныхъ способностяхъ, побуждающія многихъ избирать занятіе, въ которомъ они могутъ имѣть успѣхъ. Раздѣленію труда способствуютъ и различія въ условіяхъ природы, среди которыхъ живутъ люди. Принужденный

извлекать средства къ существованию изъ окружающей обстановки, человѣкъ останавливается на тѣхъ видахъ труда, для которыхъ внѣшняя природа наиболѣе благопріятна. Промыслы, обрабатывающіе дерево, развиваются вблизи мѣстностей, богатыхъ лѣсомъ; по берегамъ морей и рекъ рыболовство служить населенію главнымъ занятіемъ.

Вотъ первоначальные причины, которые вызываютъ раздѣленіе занятій. Но вскорѣ сюда присоединяется хозяйственный разсчетъ. Опытъ показываетъ, что сосредоточеніе силъ на какомъ-либо одномъ занятіи позволяетъ лучше удовлетворить нуждамъ, нежели забота о всѣхъ необходимыхъ предметахъ. Выгоды раздѣленія труда уже давно были замѣчены политической экономіей. Мы встрѣчаемъ указанія на нихъ даже у писателей древности, а А. Смитъ далъ этому ученію окончательную обработку. Раздѣленіе труда доставляетъ слѣдующія выгоды:

1) Оно позволяетъ привлечь къ производству такія силы, которыхъ въ отдельности не имѣли бы приложенія. Если въ производствѣ на долю каждого выпадаютъ какъ тяжелыя, такъ и легкія работы, то многіе люди, силы которыхъ недостаточны для тяжелыхъ работъ, не могли бы посвящать себя никакому занятію. По мѣрѣ отдѣленія легкихъ работъ отъ тяжелыхъ получаютъ мѣсто въ производствѣ даже слабѣйшіе члены общества: женщины, старики, дѣти. Рабочая сила народа увеличивается всею суммою этихъ лицъ. 2) Раздѣленіе занятій увеличиваетъ напряженность труда. Если человѣкъ исполняетъ различные работы, то постоянно переходитъ отъ одного дѣла къ другому. При перемѣнѣ дѣятельности, неизбѣжна иѣкоторая потеря рабочей силы: человѣкъ въ самомъ началѣ новаго дѣла рѣдко бываетъ усерденъ. Потеря еще болѣе значительна, если внѣшнія условія новой работы иныхъ, нежели въ предыдущей, если приходится работать другими инструментами и на новомъ мѣстѣ; тогда неизбѣжна трата времени на перемѣщеніе и на приспособленіе къ орудіямъ. Сосредоточеніе же труда на одномъ процессѣ устраняетъ потерю времени, связанную съ перерывами работы, уничтожаетъ пробѣлы, которые образуются въ рабочемъ днѣ. 3) Раздѣленіе занятій имѣть влияніе на рабочее искусство. Вслѣдствіе постояннаго повторенія однихъ и тѣхъ же дѣйствій и сосредоточиванія всего вниманія на этихъ дѣйствіяхъ, работникъ скоро научается достигать предположеннаго результата съ наименьшою затратою силы; приемы труда испытываютъ значительныя усовершенствованія. Кромѣ того, раздѣленіе занятій сокращаетъ періодъ обучения. Ограничива задачу человѣка однимъ видомъ труда, оно освобождаетъ его отъ необходимости изучать другія; въ то же время, разлагая на составные части каждое отдельное занятіе, оно естественно дѣлаетъ его болѣе легкимъ для изученія. От-

дѣльныя операціи дѣлаются постепенно настолько простыми, что, для ознакомленія съ ними, требуется немнога дней и даже часовъ. 4) Раздѣленіе занятій помогаетъ нашему организму приспособляться къ процессамъ труда. Повтореніе однихъ и тѣхъ же дѣйствій образуетъ навыкъ къnimъ. Органы чувствъ, которые принимаютъ участіе въ работе, приобрѣтаютъ особенную остроту. Движеніе, стоявшее въ началѣ большихъ усилий, дѣлается впослѣдствіи легко. Искусство, съ которымъ стрѣлокъ владѣетъ своимъ оружіемъ и музыкантъ играетъ на своемъ инструментѣ, доказываетъ сильное вліяніе привычки на воспитаніе нашихъ органовъ въ извѣстномъ направлениі. 5) Раздѣленіе занятій позволяетъ извлекать выгоды изъ личныхъ особенностей каждого работника. Отдѣльные процессы требуютъ отъ исполнителя различныхъ качествъ: въ одномъ случаѣ нужна сила, въ другомъ—быстрота движений, въ третьемъ—внимательность. Эти качества рѣдко соединяются въ одномъ и томъ же лицѣ. Раздѣленіе труда позволяетъ каждому взять на себя такую работу, которая соответствуетъ его дарованіямъ. Вслѣдствіе этого каждый успѣшно ведетъ дѣло, къ которому онъ наиболѣе способенъ; высшая дарованія могутъ не тратить силъ на работы, доступныя людямъ съ меньшими способностями. 6) Раздѣленіе труда даетъ людямъ возможность наилучшимъ образомъ пользоваться тѣми условіями вѣнчайшей природы, которыхъ ихъ окружаютъ. Мѣстности, пригодныя для развитія горнаго дѣла, могутъ вовсе не производить хлѣба, а покупать его у народовъ, которые имѣютъ для земледѣлія болѣе благопріятныя условія. На этомъ основываются огромныя выгоды, которыхъ доставляетъ людямъ раздѣленіе труда между странами или областями одного государства. 7) Раздѣленіе занятій не остается безъ вліянія и на капиталъ. Когда человѣкъ сосредоточивается на какомъ либо видѣ труда, ему требуется сравнительно меньше предварительныхъ затратъ. Если бы каждое семейство само приготовляло все, необходимое для его потребностей, то, при каждомъ занятіи, были бы нужны различные инструменты; въ каждую данную минуту большая часть ихъ лежала бы безъ употребленія. При одномъ занятіи человѣку достаточно имѣть орудія только для своей работы. Раздѣленіе занятій позволяетъ тратить меньше вспомогательныхъ материаловъ: для того, чтобы спечь 100 фунтовъ хлѣба, нужно отъ 60—70 ф. дровъ. Если же печь хлѣбъ 2—3 раза въ день, то на 100 фунтовъ достаточно всего 30—35 ф. дровъ.

Раздѣленіе труда вызвало за послѣднее время єдкую критику графа Л. Н. Толстаго.

Возставилъ въ своей статьѣ, „Такъ что же намъ дѣлать?“ противъ полнаго обособленія умственнаго труда отъ тѣлеснаго, Толстой требуетъ такого распределенія времени, чтобы люди,

отдающіе свою жизнь исключительно умственному труду, посвящали физической работе значительную часть своего дня. Крайняя специализація занятій вредна человѣку: она уродуетъ его. Всѣ виды человѣческаго труда, — говоритъ онъ, — могутъ быть сведены къ 4 разрядамъ: земледѣльческій трудъ, ремесленный, умственный и установление общенія между людьми. Къ земледѣльческому труду сводятся всѣ, такъ называемыя, тяжелыя занятія, плодами которыхъ являются продукты земледѣлія и скотоводства. Предметы, изготавляемые обрабатывающею промышленностью, являются плодами ремесленнаго труда. Умственный трудъ выражается въ занятіи наукой и искусствомъ. Общеніе между людьми, обнимая разнообразныя формы взаимныхъ сношеній, также должно занимать значительную часть времени каждого человѣка. Соответственно съ этимъ день долженъ быть раздѣленъ на 4 упражнки. „Птица такъ устроена, что ей необходимо летать, ходить, клевать, соображать, и когда она все это дѣлаетъ, тогда она удовлетворена, счастлива—тогда она птица. Точно также и человѣкъ, когда онъ ходить, ворочаетъ, поднимаетъ, таскаетъ, работаетъ пальцами, глазами, ушами, языкомъ, мозгомъ, тогда только онъ удовлетворенъ, тогда только онъ—человѣкъ... Но раздѣленіе труда выгоднѣе. Для кого выгоднѣе? Выгоднѣе поскорѣе надѣлать какъ можно больше сапогъ и сиццевъ. Но кто будетъ дѣлать эти сапоги и сиццы? Люди, поколѣніями дѣлающіе только булавочные головки. Такъ какъ же это можетъ быть выгоднѣе для людей? Если дѣло въ томъ, чтобы надѣлать какъ можно больше сиццевъ и булавокъ, то это — такъ; но дѣло вѣдь въ людяхъ, въ благѣ ихъ. А. благо людей въ жизни. А жизнь въ работѣ. Такъ какъ же можетъ необходимость мучительной, угнетающей работы быть выгоднѣе для людей? Выгоднѣе для всѣхъ людей одно, то самое, чего я уже себѣ желаю,—наибольшаго блага и удовлетворенія всѣхъ тѣхъ потребностей, и тѣлесныхъ, и душевныхъ, и совѣсти, и разума, которая въ меня вложены“. Нужно, чтобы лица достаточныхъ классовъ, посвящающія себя исключительно умственной работѣ, удѣляли время и физическому труду. Если даже десятокъ—другой людей этого круга такъ построить свою жизнь, то получатся очень важныя послѣдствія. Эти люди станутъ бодрѣе, веселѣе; наполненная жизнь, кроме умственного труда, и физическимъ, они не будутъ нуждаться въ дорогой пищѣ и дорогихъ развлеченіяхъ. Развивая всѣ органы своего тѣла и тѣмъ приобрѣтая настоящую и неотъемлемую собственность, эти люди станутъ менѣе корыстолюбивы, менѣе жадны на внѣшнія блага. Примѣру немногихъ людей послѣдуютъ и многіе другіе, и сгладится рознь, которая отдѣляетъ теперь богатыхъ отъ бѣдныхъ, всю жизнь занятыхъ какой-либо специальной грубой работой.

Можно вполнѣ согласиться съ Толстымъ, что крайняя специализація занятій, при долгомъ рабочемъ днѣ, дѣлаетъ человѣка одностороннимъ и даже уродуетъ его. Можно утверждать это не только относительно крайне детальныхъ работъ въ области физического труда, но и относительно узкихъ специальныхъ занятій въ наукѣ и искусствѣ. Всегда полезно напоминать объ этихъ недостаткахъ и съ удареніемъ говорить о разнообразіи занятій, какъ условіи, которое смягчаетъ дурное вліяніе крайняго раздѣленія труда. Какъ ремесленный и фабричный работники, если они имѣютъ досугъ для самообразованія, достигаютъ многосторонняго развитія своихъ силъ и способностей, такъ и писатель или художникъ можетъ извлечь большую пользу изъ физического труда, не только для тѣлеснаго здравья, но даже для всеобщаго освѣженія, которое такъ благотворно дѣйствуетъ на людей, усиленно предающихся умственнымъ занятіямъ. Однако, я не вѣрю, чтобы физический трудъ, занимая видное мѣсто въ распределеніи времени людей богатыхъ классовъ, могъ имѣть такое животворящее вліяніе на весь общественный бытъ. Наблюдение знакомить настъ съ фактами двухъ разрядовъ. 1) Многіе члены имущаго класса занимались и занимаются физическимъ трудомъ; зная его тягость и будучи въ состояніи оцѣнить, какъ дѣйствуетъ на человѣка чрезмѣрный трудъ этого рода, они вовсе не обнаруживаютъ склонности не только сближаться съ людьми бѣдныхъ классовъ, которые зарабатываютъ себѣ средства къ жизни этимъ трудомъ, но даже ввести въ отношенія къ нимъ некоторую мягкость. При крѣпостномъ правѣ среди русскихъ помѣщиковъ были хороши садоводы, посвящавшіе цвѣтводству или плодоводству много времени и труда, а между тѣмъ знакомство съ работами садовника вовсе не удерживало ихъ отъ такого же суроваго обращенія съ садовниками, какъ и съ другими крѣпостными. Мы видимъ на каждомъ шагу, какъ ремесленникъ или богатый крестьянинъ, достигнувъ благосостоянія многолѣтнимъ упорнымъ физическимъ трудомъ, относится къ своимъ наемнымъ рабочимъ крайне черство, хотя знаетъ по собственному опыту всю тяготу ихъ жизни. 2) Мы знаемъ также, что исключительно умственный трудъ и полная отрѣщенность отъ физической работы нерѣдко уживаются въ человѣкѣ съ мягкимъ, истинно дружескимъ отношеніемъ къ бѣднымъ людямъ, вся жизнь которыхъ посвящена самимъ простымъ и грубымъ занятіямъ. Земской врачъ, народный учитель, по роду дѣятельности, имѣютъ очень мало общаго съ тѣмъ населеніемъ, среди котораго живутъ. Но, даже вовсе не участвуя въ физическомъ труде, они часто являются примѣры полнаго пониманія потребностей крестьянскаго населения и крайней отзывчивости на эти потребности. Дѣло не въ томъ, какъ раздѣлить свой день между

различными занятиями и сколько отдать своего времени и силъ физическому труду: дѣло въ томъ, чтобы и въ трудѣ, и въ досугѣ сдерживать свои эгоистическія побужденія и открывать дружелюбію полный просторъ. А чувство дружелюбія можетъ быть воспитываемо и въ томъ случаѣ, если все время человѣка принадлежитъ одному умственному труду. Мы находимъ въ романѣ Золя „Лурдъ“ краснорѣчивое описание того, какъ усердно и даже самоотверженно богатые и именитые парижане ухаживаютъ за больными и увѣчными, которые стремятся къ цѣлебному источнику, чтобы уврачевать свои недуги. И какъ время, проведенное около этихъ больныхъ, и исполненіе самыхъ непріятныхъ обязанностей, связанныхъ съ уходомъ за ними, не заставляетъ этихъ людей забывать, что Сентъ-Жерменское предмѣстье отдалено глубокой пропастью отъ Сентъ-Антуанскаго, такъ работа богатаго человѣка въ полѣ или за токарнымъ станкомъ сама по себѣ не служить даже слабымъ ручательствомъ за то, что имъ восприняты и стали близки его душѣ невзгоды, которыя обрушаются на пахаря или ремесленника.

Раздѣленіе занятій принимаетъ два вида: а) Раздѣленіе операций въ предѣлахъ одной хозяйственной единицы. Даже въ простѣйшемъ хозяйствѣ на долю мужчины выпадаютъ одни занятія, а на долю женщинъ—другія. Высшей ступени достигаетъ раздѣленіе труда на фабрикахъ и мануфактурахъ, гдѣ производство одного товара раздроблено на множество отдѣльныхъ операций. б) Вторая форма раздѣленія труда состоить въ томъ, что отдѣльные частные хозяйства или цѣлые области страны сосредоточиваются на иѣкоторыхъ производствахъ. Одни хозяйства занимаются земледѣліемъ, другія—горнымъ дѣломъ, третьи—торговлею. Однѣ области страны сосредоточиваются, главнымъ образомъ, на добывающей, другія—на обрабатывающей промышленности. Можно назвать первое *техническимъ* раздѣленіемъ труда, а второе—*общественнымъ*.

Между этими видами есть то сходство, что въ обоихъ случаяхъ человѣкъ специализируется на простѣйшихъ процессахъ. Но есть и крупное различіе. Внутри предприятія никто не производить цѣлаго товара; только общій продуктъ всѣхъ сотрудниковъ превращается въ товаръ. При общественномъ раздѣленіи труда каждое частное хозяйство производить особый товаръ. Связь между работниками въ одномъ хозяйствѣ поддерживается распределеніемъ занятій, построеннымъ по извѣстному плану; связь между хозяйствами, изъ которыхъ слагается общество, поддерживается обмѣномъ. Техническое раздѣленіе труда древнѣе общественнаго. Мы находимъ первое даже въ первобытныхъ общинахъ и древніхъ семьяхъ, гдѣ оно зависитъ на различіяхъ возраста, пола, физическихъ силъ. Общественное раздѣленіе труда возникаетъ подъ вліяніемъ различій въ при-

родныхъ условіяхъ. Первобытныя общины находить въ окружности ихъ обстановкѣ разные материа́лы для производст́ва; этимъ и обусловливается складъ жизни каждой хозяйственной группы. Позднѣе городъ отдѣляется оть деревни, а внутри горо́довъ обособляются отдельные виды занятій.

Дабы развилось сотрудничество, люди должны находиться въ близкомъ соприкосновеніи между собою. Значеніе пространственной близости для простаго сотрудничества видно само собою. Но необходимы вѣкоторыя разъясненія, чтобы понять важность этого условія для сложнаго сотрудничества. Выгоды раздѣленія труда значительны; но человѣкъ можетъ остановиться на какомъ-либо одномъ занятіи лишь при условіи, что обеспечить себѣ этимъ способомъ всѣ необходимые предметы потребленія. Для этого онъ долженъ имѣть возможность сбыть столько предметовъ своего труда, сколько нужно для полученія взамѣнъ ихъ всего, что необходимо.

Размѣръ сбыта не зависитъ оть воли производителя. Каждый продуктъ имѣеть определенный районъ сбыта, который опредѣляется прежде всего физическими свойствами предмета. Большая часть предметовъ сохраняетъ свою годность для человѣка въ теченіе определенного времени; тѣ, которые скоро портятся, сохраняютъ ее лишь немнога дней. Поэтому районъ сбыта опредѣляется разстояніемъ, на которое могутъ быть перемѣщены продукты въ теченіе того времени, пока они годны для потребленія. Чѣмъ больше разстоянія, раздѣляющія людей, тѣмъ меньшее населеніе въ районѣ сбыта каждого предмета, и тѣмъ труднѣе специализировать трудъ. Когда небольшія деревни отдалены другъ оть друга на десятки верстъ, какъ въ Сибири, то размѣръ сбыта каждого продукта настолько ограниченъ, что специализація труда невозможна. Итакъ, развитіе сотрудничества зависитъ оть разстояній, раздѣляющихъ людей. Разстояніе зависитъ оть *частоты населенія*. Чѣмъ больше людей въ данной мѣстности, тѣмъ ближе они другъ къ другу. Отсюда слѣдуетъ, что сотрудничество тѣмъ значительнѣе, чѣмъ болѣе скучено населеніе. Дѣйствительно, въ большихъ городахъ специализація занятій доводится до предѣловъ, неизвѣстныхъ деревнямъ и небольшимъ городамъ. Въ послѣднихъ одинъ портной занимается шитьемъ платья всѣхъ родовъ; а въ Петербургѣ изготавленіе платья образуетъ несколько специальностей. Отсюда вытекаетъ и то, что, съ возрастаніемъ плотности населенія, въ странѣ все болѣе развивается сотрудничество.

Разстояніе между людьми опредѣляется также *путями сообщенія*. Если перемѣщеніе человѣка и его произведеній можетъ быть совершено съ затратой въ 5 разъ меньшаго количества времени, то плотность населенія, какъ бы, увеличивается въ 5 разъ. Это и объясняетъ, почему сотрудничество развилось

прежде всего въ тѣхъ мѣстахъ, которыя имѣли удобные естественные пути сообщенія: доступъ къ морю, судоходныя рѣки. Въ XIX вѣкѣ желѣзныя дороги доставили эти же выгоды и странамъ, которыя лишены водныхъ путей.

Сознаніе людьми *общихъ интересовъ* служить необходимымъ условиемъ развитія сотрудничества. Выгоды сотрудничества выяснялись очень медленно. Всего ранѣе поводомъ къ соединенію людей послужилъ не хозяйственный разсчетъ; старѣйшия союзы были основаны на кровномъ родствѣ и сосѣдствѣ. Къ нимъ-то и примкнуло хозяйственное сотрудничество. Мы находимъ древнѣйшую форму въ семейномъ хозяйствѣ и хозяйствѣ общинъ, но въ обоихъ союзахъ соединяются самая разнообразная цѣли; хозяйственныя выгоды нерѣдко заслоняются разными другими соображеніями. Сотрудничество, основанное исключительно на экономическомъ разсчетѣ, есть плодъ новаго времени.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Системы хозяйства.

Пособія: 1) Для системъ земледѣлія. *Людоевскій*. Основы сельскохозяйственной экономіи. 1875. *Земельные сборы, статистика* сопѣд. содержитъ богатый матеріалъ о системахъ земледѣлія въ отдельныхъ губерніяхъ. *Koscher*. Nationalökonomie des Ackerbaues, 10 изд. 1882 г. *Goltz*. Handbuch der landwirthschaftl. Betriebslehre. 1886. *Schönberg*. Handbuch, II. *Баблюковъ*. Лекціи по экономіи сельского хозяйства. 1897. *Скворцовъ*. Основанія экономіи земледѣлія. 2 ч. 1902—3. *Dettweiler*. Die Handarbeit in der Landwirtschaft. 1905. 2) Для системъ промышленности см. гл. обр. *Миль*. Основанія. *Марксъ*, Капиталъ, I. *Орловъ*. Эконом. значен. машинъ. 1879. *Иванюковъ*. Курсъ. *Passy*. Les machines et leur influence sur le dÃ©veloppement de l'humanitÃ©. *Reuleaux*. Die Maschine In der Arbeiterfrage. 1885. *Roscher*. System, III, *Schönberg*, II. *Samuelson*. Labour-saving machinery. 1893. *Hobson*. The evolution of Modern Capitalism. 1894. *Losch*. Nationale Production u. nationale Berufsgliederung. 1895. *Atlanticus*. Production u. Konsum im Sozialstaat. 1898. *Petreus*. Die Entwicklung der Arbeitsteilung im Leipziger Gewerbe von 1751 bis 1901—1901. *Mauss*. Der Einfluss der Maschine auf das Schreinergewerbe in Deutschland. 1901. *Carroll D. Wright*. L'évolution industrielle des Etats-Unis. 1901. *Füger*. Die wirtschaftliche u. technische Entwicklung der Seeschiffahrt. 1902. *West*. The revival of handicrafts in America. *Bulletin of the Bureau of Labor*. 1904, XI. *Cochrane*. Modern industrial progress. 1905. *Müller*. Handwerkzeug u. Handwerkmaschine. 1906. *Pape*. Beiträge zur Lösung der Frage, Handwerk oder Fabrik. 1906.

Ученіе о системахъ производства имѣть своимъ предметомъ всѣ тѣ дѣйствія, посредствомъ которыхъ человѣкъ прилагаетъ трудъ и капиталъ къ силамъ природы, для достиженія своихъ хозяйственныхъ цѣлей. Такъ какъ въ земледѣліи есть много особенностей, отличающихъ его отъ другихъ промысловъ,

то выработалась особая отрасль знанія, именуемая ученіемъ о системахъ земледѣлія. Онъ обнимаютъ всѣ тѣ дѣйствія, посредствомъ которыхъ человѣкъ пользуется для своихъ хозяйственныхъ цѣлей производительными силами почвы. Дабы облегчить ознакомленіе съ системами земледѣлія, мы должны дать нѣсколько указаній относительно основной задачи, которую ставить людямъ сельское хозяйство.

Въ землѣ только 1—10% веществъ могутъ питать растенія. Ученый агрономъ 18 вѣка Тэерь установилъ теорію, согласно съ которой плодородіе почвы опредѣляется количествомъ перегнойныхъ веществъ (*humus*). Онъ подмѣтилъ, что одни растенія—кормовые травы — увеличиваютъ количество перегноя, другія—стручковые—сохраняютъ его въ неизмѣнномъ состояніи, а третыи—корнеплодные—истощаютъ почву. Поэтому онъ назвалъ растенія первой группы *обогащающими*, второй—*сохраняющими*, а корнеплодные и зерновые—*истощающими*. Отсюда Тэерь вывелъ положеніе, что хозяйство должно возмѣщать количество перегноя, взятаго изъ почвы. На этомъ основаніи постепенно развилось ученіе о статикѣ земледѣлія, т.-е. о сохраненіи равновѣсія въ плодородіи почвы. Либихъ кореннымъ образомъ измѣнилъ это ученіе: онъ доказалъ, что каждое растеніе отнимаетъ у почвы опредѣленное количество питательныхъ минеральныхъ веществъ.

Главными веществами, питающими растенія, служатъ кали и фосфорная кислота. Абсолютный запасъ этихъ веществъ въ почвѣ часто бываетъ такъ великъ, что его можетъ достать на многія сотни лѣтъ. Но питательные вещества находятся въ двоякомъ состояніи: *основный запасъ* образуетъ та часть, которая находится въ состояніи трудно растворимомъ; *оборотнымъ запасомъ* называется та, которая находится въ состояніи легкой растворимости. Общею массою питательныхъ веществъ (основнымъ и оборотнымъ запасами) обусловливается продолжительность времени, въ теченіе которого можно собирать урожай безъ обогащенія почвы. А такъ какъ растенія извлекаютъ пищу только изъ оборотного запаса, то количествомъ веществъ, которая находится въ состояніи удоборастворимости, и опредѣляется высота данного урожая.

Достаточный оборотный запасъ поддерживается въ почвѣ 1) *выметриваніемъ*. При этомъ обрабатывается небольшая часть всей площади; большая часть земли, оставаясь въ залежи, испытываетъ вліяніе вѣтра и атмосферныхъ осадковъ, которые обращаютъ часть основного запаса въ оборотный. 2) Процессъ вывѣтривания ускоряется *спахиваніемъ* земли, остающейся подъ паромъ. 3) *Снабженіе почвы органическими веществами* еще лучше содѣйствуетъ переходу основного запаса въ оборотный. Воздѣлываніе корнеплодныхъ растеній и кормовыхъ травъ оказываетъ

такое же влияние. Во всех перечисленных случаях почва не обогащается, а только часть основного запаса переходит въ оборотный. Абсолютное богатство почвы увеличивается только посредствомъ прямого внесения въ нее питательныхъ веществъ, посредствомъ удобрений костями, фосфоритами, гипсомъ.

Системы земледѣлія принято называть *экстензивными* и *интензивными*. Подъ первыми разумѣются, обыкновенно, тѣ, при которыхъ влагаютъ въ землю очень мало труда и капитала; при этомъ количество получаемыхъ продуктовъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ естественныхъ особенностей почвы и другихъ условій вѣнчайшей природы. Интензивные системы отличаются противоположными признаками. Но эти термины выражаютъ относительные понятія: системы земледѣлія, господствующія въ средне-русскихъ губерніяхъ, являются крайне экстензивными сравнительно съ английскими или бельгийскими хозяйствомъ и высоко интензивными по отношенію къ хозяйству киргизовъ или сибирскихъ инородцевъ. Не будучи въ состояніи точно определить, где оканчиваются экстензивные системы и начинаются интензивные, мы можемъ только намѣтить условія, съ измѣненіемъ которыхъ хозяйство становится болѣе или менѣе интензивнымъ. Системы тѣмъ болѣе интензивны, 1) чѣмъ менѣе пространство земель, вовсе не воздѣланныхъ или же находящихся подъ выгономъ и паромъ, 2) чѣмъ больше земли подъ плугомъ, 3) чѣмъ больше воздѣлывается корнеплодныхъ и промышленно-торговыхъ растеній, 4) чѣмъ больше добывается и покупается навоза или иныхъ удобрительныхъ веществъ, 5) чѣмъ болѣе совершены орудія, 6) чѣмъ лучше скотъ и чѣмъ тщательнѣе уходъ за нимъ.

Системы земледѣлія могутъ быть сведены къ слѣдующимъ классамъ:

1) *Пастбищная дико-травяная*. При этой системѣ скотоводство составляетъ главный промыселъ населения, и почти вся земля служить выгономъ. Производство хлѣба незначительно; обыкновенно оно не удовлетворяетъ даже собственныхъ потребностей. Эта система господствуетъ у бурятъ и киргизовъ, а также у туземцевъ Австралии и южной Америки. Какъ ни груба эта система, она имѣть рациональные приемы. Киргизы такъ искусно пользуются своими пастбищами, что перегоняютъ скотъ съ одного участка на другой въ зависимости отъ времени года; они всегда выбираютъ тѣ участки, которые доставляютъ въ данное время наиболѣе обильный кормъ.

2) По мѣрѣ роста населения эта система уступаетъ мѣсто *переложной*. а) Въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ она называется *огневой, подсѣчной, ладинной, лесопольной*. Изъ всѣхъ европейскихъ странъ послѣдняя сохранилась только въ сѣверныхъ русскихъ

губерніяхъ (Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Новгородской, Вятской и Пермской), а потому мы и познакомимся съ нею изъ наблюдений, которыхъ сдѣланы изслѣдователями русского земледѣлія. На нашемъ сѣверѣ почва, большою частью, бесплодна. Для воздѣлыванія хлѣба наиболѣе пригодны тѣ мѣста, гдѣ отъ листьевъ и хвои, падавшихъ цѣлые вѣка, образовался значительный слой перегноя. Земледѣлецъ вырубаетъ и сжигаетъ участокъ мелкаго лѣса. Отъ горѣнія деревьевъ и перегноя получается масса золы, которая, вмѣстѣ съ развивающейся теплотой, хорошо дѣйствуетъ на оплодотвореніе почвы. На выжженномъ участкѣ снимаются обыкновенно не болѣе 3-хъ жатвъ; затѣмъ поле запускается подъ лѣсъ, и черезъ 25—30 лѣтъ на него снова вступаетъ земледѣлецъ для вторичной расчистки, при которой употребляются тѣ же пріемы. Привыкнувъ къ условіямъ сѣверной природы, земледѣлецъ дѣйствуетъ при расчисткѣ полей изъ-подъ лѣса съ большой споровкой. Онъ выбираетъ возвышенный мѣстъ, гдѣ подпочвенная вода не достигаетъ поверхности земли. Засѣваетъ новину разными растеніями, онъ выбираетъ наиболѣе пригодный участокъ; при одномъ взглядѣ на лѣсъ, опытный земледѣлецъ угадываетъ, чего можно ждать отъ почвы. Такую же споровку вносить земледѣлецъ и въ технику расчистки новинъ. Выбирается наиболѣе подходящее время для вырубки и сожиганія лѣса. Новину передъ посѣвомъ боронуютъ смыковками—орудія въ видѣ боронъ изъ суковатыхъ дубинокъ—и въ то же лѣто засѣваютъ озимою рожью. Посѣвъ производятъ рѣдкій: на 1 десятину идетъ не болѣе $\frac{1}{2}$ четверти, т.-е. половины количества, засѣваемаго при трехпольномъ хозяйствѣ. Почва чиста, сорныхъ травъ нѣтъ, а потому и возможна такая разрѣженность посѣва. Урожай въ самъ 20 и болѣе составляютъ обычное явленіе; бываютъ урожаи ржи и въ самъ 40. Мѣстами, вмѣсто ржи, на новинахъ сѣютъ яровую пшеницу, ленъ, ячмень. Работы по воздѣлыванію 1 десятины новинъ для уборки хлѣба Гомилевскій¹) вычисляетъ примѣрно въ 100 рублей, иногда и болѣе, причемъ $\frac{2}{3}$ расходовъ падаютъ на вырубку, сожиганіе и уборку лѣса.

Противъ этой системы хозяйства дѣлаютъ то главное возраженіе, что она истребляетъ много лѣса. Но это неосновательно: для выжиганія избираются участки мелкаго лѣса, крупный не страдаетъ; да вырубка крупнаго, способная увеличить и безъ того значительные расходы, невыгодна для земледѣльца. Наконецъ, самые цѣнныя строевые лѣса сѣверныхъ губерній—сосновые, а земля изъ-подъ нихъ всего менѣе пригодна для расчистки новинъ.

Какъ ни первобытенъ этотъ способъ веденія хозяйства, онъ соответствуетъ естественнымъ условіямъ лѣсистыхъ и рѣдко населенныхъ мѣстностей. При трехпольномъ хозяйстве только

очень большое количество удобрений могло бы давать такие обильные урожаи, какие получает земледелец путем расчистки новин; а тучное удобрение предполагает очень большое развитие скотоводства, недоступное для крестьянин нашего далекого севера при нынешнем уровне их благосостояния. Удовлетворяя выгоды крестьянства, лесопольная система не нарушает интересов лесного хозяйства: леса много; они не иметь ценных, нельзя говорить о его истреблении, так как новина разрабатывается несколько лет, а затем снова запускается под лес. Вычисления для Выского края, занимающего северо-западную часть Архангельской губернии, показывают, какъ незначительны размѣры лесоистребления. Среднимъ числомъ каждый дворъ занимаетъ тамъ ежегодно 3,3 десятины нови, а все 3,100 дворовъ — 10,230 десятинъ. Если при расчисткахъ держатся 30-летнаго оборота, то оказывается, что подъ лесопольное хозяйство взято только 306,900 десятинъ. Это составляетъ 7,7% всей площади лесовъ Выского края (до 4 миллионовъ десятинъ). При такихъ условіяхъ, слѣдуетъ признать эту систему не вреднымъ, а лучшимъ способомъ ведения хозяйства на нашемъ отдаленномъ северѣ.

б) *Залежное хозяйство*, ведомое въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ, представляетъ въ своемъ основаніи сходство съ лесопольнымъ. Участокъ земли обрабатывается несколько летъ подъ рядъ, затѣмъ запускается, поростаетъ травой и черезъ 15—20 летъ снова поступаетъ въ обработку. Эта система преобладаетъ въ плодородныхъ и мало населенныхъ губерніяхъ: Уфимской, Оренбургской, Астраханской, восточной части Самарской, областяхъ войска Донского и Кубанского и мѣстами (особенно у частныхъ владѣльцевъ) въ Таврической, Херсонской и Екатеринославской. Въ Германіи она господствовала до IX вѣка.

3) *Двухпольная зерновая система* была известна древней Греции; Франція и Англія сохранили ее мѣстами еще и въ 18 вѣкѣ. Господствующая въ Россіи трехпольная образуетъ типъ, однородный съ двухпольной. Вся площадь пахотной земли раздѣляется въ первомъ случаѣ на два поля, изъ коихъ одно заѣваются озимыми хлѣбами, а другое оставляются подъ паромъ; во второмъ же случаѣ пашня раздѣляется на 3 равныхъ поля: озимое, яровое и паровое. Ростъ населения побуждаетъ все болѣе ограничивать пространство земли, находящейся подъ паромъ, а потому 3-хпольная система постепенно переходитъ въ 4—5-польную (паръ, озимое, яровое, яровое, яровое). Первоначально зерновая система не знаетъ навоза. Отчасти мы и теперь находимъ это въ нашихъ южныхъ черноземныхъ губерніяхъ. Въ Германіи, при 3-хпольной системѣ, еще въ концѣ 18 вѣка очень рѣдко примѣнялось удобрение; большую частью, скотъ, былъ на выгонѣ. Когда затѣмъ начинаютъ правильно

удобрять навозомъ, то особенное значение имѣеть навозъ, получаемый изъ лугового сѣна: онъ какъ бы добывается извнѣ и служить къ обогащению пашни.

4) *Улучшенная зерновая система* развивается по мѣрѣ того, какъ оказывается недостаточнымъ количество сѣна, доставляемое лугами; поля получаютъ мало навоза, и становится необходимымъ увеличить запасъ кормовыхъ средствъ. Для этого вводятъ травосѣяніе на паровыхъ поляхъ, что доставляетъ хозяйству большое количество удобрений. Травосѣяніе, даже въ небольшихъ размѣрахъ, служить естественнымъ переходомъ къ плодосмѣнной системѣ; при ней оно становится уже систематическимъ.

5) При *плодосмѣнной системѣ* уничтожаются выгоны, такъ какъ они даютъ только незначительный доходъ; ихъ обращаютъ въ поля для воздѣлыванія травы. Суходольные луга также упраздняются; заливные иногда остаются. Скотъ содержится въ стойлѣ круглый годъ. Нерѣдко упраздняютъ паровые поля, и вся площадь имѣнія представляетъ одну пашню. Но, при всѣхъ разновидностяхъ, плодосмѣнная система проникнута однимъ и тѣмъ же принципомъ,—правильного чередованія въ полѣ зерновыхъ хлѣбовъ и другихъ растеній—торгово-промышленныхъ, кормовыхъ. Хозяйство достигаетъ высшей степени интенсивности: засѣвается до 70% земли; содержаніе скота въ стойлѣ и обработка почвы требуютъ огромныхъ расходовъ. При упорядоченіи плодосмѣнного хозяйства особенно важенъ вопросъ о томъ, какое количество навоза необходимо для производства хлѣба. Рѣшеніе этого вопроса опредѣляетъ размѣръ площади, отводимой для травосѣянія, и размѣръ пашни для хлѣба. Плодосмѣнная система способствуетъ увеличенію урожаевъ. Съ конца 18 столѣтія урожай въ Германіи возросли на 50%. Въ 1813 году 1 акръ давалъ въ Англіи 32 бушеля, а теперь—до 50. Эта система, господствующая нынѣ въ западной Европѣ, известна въ Бельгіи съ 12—13 вѣка, во Франціи и Германіи съ конца 18-го. У насъ она преобладаетъ въ Остзейскомъ краѣ и, частично, въ привислянскихъ губерніяхъ. Въ плодосмѣнныхъ хозяйствахъ употребляются разнообразныя искусственные удобрения.

6) *Выгонная система* развилась въ мѣстностяхъ съ влажнымъ климатомъ и песчаной почвой. Она образовалась въ Мекленбургѣ изъ З-хпольной системы, когда выяснилась надобность увеличить запасъ удобрений: оказалось болѣе выгоднымъ запускать на время часть земли подъ выгонъ, чѣмъ сѣять кормовые растенія. Эта система распространена въ Европѣ по берегамъ Нѣмецкаго моря и Атлантическаго океана. Она встречается также кое-гдѣ въ горахъ.

7) При травяной системѣ хлѣбъ не производится. Особыи условія мѣстности дѣлаютъ выгоднымъ луговое хозяйство; вся земля служить выгономъ или сѣнокосомъ. Эта система встрѣчается въ единичныхъ хозяйствахъ Англіи и Лимбурга; она способствует преуспѣянію молочного скотоводства. Десятина естественныхъ луговъ даетъ до 300 пудъ сѣна и болѣе.

Отличительнымъ признакомъ 8) вольной системы служить широкое примѣненіе искусственныхъ туковъ, которые прямо обогащаютъ почву. При этой системѣ хозяйство меныше зависитъ отъ естественныхъ условій, нежели отъ состоянія рынка. Большиe расходы на удобреніе позволяютъ воздѣлывать различныя растенія и на бѣдной почвѣ. Хозяинъ сообразуется съ требованиями рынка и стремится все къ большей интензивности. Хозяйство достигаетъ крайняго предѣла, когда данный участокъ эксплуатированъ всѣ солнечные лучи, которые падаютъ на него. Вольная система развивается всего ранѣе въ окрестностяхъ большихъ городовъ. Подъ Мондономъ есть ягодные сады, доставляющіе жатву каждыя 2 недѣли; во Франціи, въ Монтрэйль есть сады цѣною въ 30,000 франковъ за 1 гектаръ. Раздѣленіе труда идетъ при этой системѣ такъ далеко, что, напримѣръ, въ окрестностяхъ Парижа нѣкоторые садовники занимаются разведеніемъ только фіалокъ. Россіи неизвѣстно хозяйство столь высокой интензивности; но и у насъ, вблизи столицъ и другихъ большихъ городовъ, господствуетъ вольная система. Располагая большими массами навоза изъ городовъ, хозяева, даже при бѣдной почвѣ, воздѣлываютъ растенія, на которыхъ въ данное время есть запроcтъ. Окружающая Москву селенія Ногатинской, Царицынской и Выхинской волостей высеиваютъ самыя малыя количества ржи, не болѣе 3 четвериковъ на душу, не сѣютъ яровыхъ хлѣбовъ, производятъ много картофеля (10—20 четвериковъ на душу). Поля заняты цѣнными огородными растеніями: огурцами, капустой, сахарнымъ горошкомъ, ромашкой; есть много фруктовыхъ садовъ. Земля не оставляется подъ паромъ. Искусственное удобрение почти не примѣняется; но Москва доставляетъ навозъ въ изобилии. Доходность этого хозяйства не идетъ въ сравненіе съ доходностью зерноваго: десятина подъ капустой даетъ 645 рублей валового дохода и 440 чистаго, подъ огурцами—до 980 и 740. Мы находимъ огородничество и садоводство и въ разныхъ другихъ мѣстностяхъ Россіи, даже вдали отъ крупныхъ центровъ: въ Ростовскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи, въ Симбирской, въ Крыму, на Кавказѣ и т. д.

Кромѣ указанныхъ системъ, можно насчитать и много разновидностей. Выгодность каждой системы опредѣляется высотой экономического развитія, котораго достигла данная мѣстность. Цѣна земледѣльческихъ продуктовъ имѣть въ конечномъ

итогѣ решающее значение. Предположимъ для примѣра, что получается четвертей при системахъ:

	перевозки.	трехпол.	многоп.	плодосм.
расходъ рублей:	100	200	500	1,000
	50	300	1,000	3,000
	<i>Если 1 четверть стоитъ 2 рубля</i>			
чист. дохода рублей:	+ 150	+ 100	+ 0	- 1,000
	<i>Если 1 четверть стоитъ 3 рубля</i>			
чист. дохода рублей:	+ 250	+ 300	+ 500	0
	<i>Если 1 четверть стоитъ 6 рублей</i>			
чист. дохода рублей:	+ 550	+ 900	+ 2,000	+ 3,000

Такимъ образомъ, переходъ къ болѣе интенсивнымъ системамъ становится выгоднымъ съ возвышенiemъ цѣнъ на земледельческие продукты.

II.

Системы промышленности могутъ быть сведены къ тремъ группамъ:

I. *Ремесленное* производство отличается тѣмъ, что, какъ показываетъ само название (рукомесло), капиталомъ служать орудія, приводимыя въ движение рукою человѣка. Эта особенность капитала оказываетъ вліяніе и на характеръ труда въ ремеслѣ. Самостоятельное управление человѣка орудіями требуетъ отъ ремесленника значительной ловкости, нерѣдко большаго искусства и часто—физической силы. Пока ремесло ведется въ мелкихъ размѣрахъ и не переходитъ въ мануфактуру, раздѣленіе труда не можетъ быть значительно: если работаютъ и не производятъ товара сполна, то, все-таки, исполняетъ цѣлый рядъ частичныхъ операций. Возможность производить весь товаръ или значительную его часть предполагаетъ продолжительное обученіе ремеслу, или практическіе въ мастерскихъ ремесленниковъ или—что отличаетъ уже высокій уровень культуры—въ специальныхъ ремесленныхъ школахъ. Всегдѣствіе примѣненій только ручныхъ орудій и слабаго раздѣленія труда работа мало производительна. Такимъ образомъ, господство ремесла служить признакомъ низкаго уровня хозяйства или объясняется техническими особенностями нѣкоторыхъ производствъ, препятствующими развитому раздѣленію труда и замѣнѣ орудій машинами.

II. Развитіе техники и хозяйственной жизни содѣйствуетъ переходу ремесла въ *мануфактуру*. Послѣдняя имѣть съ ремесломъ то общее свойство, что пользуется также орудіями, которые приводятся въ движение рукою человѣка и зависятъ отъ

его силы и ловкости; но ее отличают от ремесла большие размѣры промышленныхъ заведеній и широко развитое раздѣление труда. Можно опредѣлить мануфактуру, какъ систему производства, которая, исчерпая изъ ремесла всѣ свои элементы, доводить ихъ до высшей ступени техническаго развитія и полезности для хозяйства. Развитіе мануфактуры изъ ремесла идетъ двумя путями. 1) Она является соединеніемъ многихъ самостоятельныхъ разнородныхъ ремесленниковъ, работающихъ отдельно другъ отъ друга, но надъ производствомъ одного товара: такъ, напримѣръ, мануфактура экипажей образуется изъ соединенія прежде самостоятельныхъ портныхъ, сѣдельниковъ, мѣдниковъ, кузнецовъ, столяровъ. 2) Она обнимаетъ однородныхъ ремесленниковъ: столяры, изготавливающіе мебель, образуютъ мануфактуру мебели. Въ обоихъ случаяхъ предприниматель служитъ соединительнымъ звеномъ между работниками; онъ стоитъ во главѣ мануфактуры и направляетъ всѣ работы къ одной цѣли. Единственнымъ отличиемъ мануфактуры отъ ремесла служатъ первоначально размѣры промышленныхъ заведеній. Но въ мануфактурѣ вспрерывно развиваются техническія особенности ремесла. Предприниматель стремится увеличить производительности труда, и съ этою цѣлью слабо раздѣленный трудъ расчленяется на многочисленныя операциі; каждая изъ нихъ становится исключительной специальностью отдельныхъ работниковъ, и уже никому изъ участниковъ не поручаются изготавленія товара въ цѣломъ или даже многихъ его частей. Раздѣленіе труда въ мануфактурѣ булавокъ, описанное еще Адамомъ Смитомъ, и до сихъ поръ можетъ служить подхodящимъ примѣромъ. Необходимы два условія, дабы раздѣленіе труда могло достигнуть такого уровня. 1) При слабомъ раздѣленіи труда въ ремеслѣ, каждое орудіе можетъ имѣть немногихъ разновидностей. Мануфактура предъявляетъ запросъ на многочисленныя разновидности: она требуетъ различныхъ орудій для операций, которые отличаются одна отъ другой только немногими подробностями. Производители орудій отвѣчаютъ на этотъ запросъ: вотъ почему, напримѣръ, въ Бирмингамѣ изготавливались въ 50-хъ годахъ 19 вѣка до 500 разновидностей молотковъ. 2) Необходимо группировать работниковъ по ихъ природнымъ свойствамъ и принаравлять отдельные операциі къ этимъ особенностямъ. Людямъ съ большой тѣлесной силой поручаютъ работы, требующія большого напряженія; люди съ гибкими членами сосредоточиваются на операцияхъ, которые требуютъ значительной ловкости; гдѣ нужна быстрота въ движеніяхъ, тамъ выборъ предпринимателя останавливается на работникахъ, наиболѣе подвижныхъ. Естественные свойства организма развиваются непрерывнымъ упражненіемъ, передаются по наслѣдству и образуютъ группы работниковъ, приспособленіе

ленныхъ только къ частичнымъ операциямъ. Эти оба процесса безостановочно увеличиваютъ производительность труда и содѣствуютъ быстрому росту общественнаго дохода. Но крайнее раздѣление труда и наибольшее утилизированіе только нѣкоторыхъ свойствъ работника сопряжено съ препятствіями полному тѣлесному и духовному развитію человѣка и содержать въ себѣ условія его вырожденія. Это вредное вліяніе усиливается еще тѣмъ, что обособленіе многихъ простѣйшихъ дѣйствій (напримѣръ, простое передвиженіе материаловъ по отдѣленіямъ мануфактуры) въ функции отдѣльныхъ работниковъ дѣлаетъ для многихъ излишнимъ прохожденіе правильнаго ученичества; послѣднее связано съ ремесленнымъ производствомъ, которое болѣе способствуетъ тѣлесному развитію человѣка, чѣмъ сосредоточеніе на какой-либо частичной работе въ теченіе цѣлой жизни.

III. *Фабричное* производство есть третья и наиболѣе совершенная система. Фабрика сходна съ мануфактурой тѣмъ, что является болѣе или менѣе крупнымъ промышленнымъ заведеніемъ; но ее отличаетъ отъ послѣдней примѣненіе машинъ. Подъ машиной слѣдуетъ разумѣть орудія производства, сполна или отчасти освобожденное отъ силы работника. Дабы совокупность машинъ образовала фабрику, какъ особую систему производства, это освобожденіе должно выразиться въ нѣкоторыхъ специфическихъ формахъ. Не слѣдуетъ считать важнѣйшимъ признакомъ, отличающимъ машины отъ орудій, родъ движущей силы и видѣтъ орудіе тамъ, гдѣ движущей силой является человѣкъ, а машину,—гдѣ двигателями служатъ животныя, силы воды, пара или электричества. Такое различеніе привело бы къ признанію машиной сохи, движимой одной лошадью, а орудіемъ—кругового станка Клауссена, дѣлающаго 96,000 петель въ минуту и приводимаго въ движение рукой работника. всякая развитая машина состоитъ изъ 3 частей. 1) Пріемникъ, аппаратъ, который получаетъ толчки отъ движущей силы и приводить въ движение весь механизмъ; таковы паровая машина, турбина, кругъ, вокругъ котораго ходятъ животныя. 2) Передаточный механизмъ—тѣ колеса, ремни, цѣпи, которые распредѣляютъ силы двигателя и передаютъ ее рабочей машинѣ, и 3) рабочая машина, измѣняющая обрабатываемый предметъ. Промышленное преобразованіе 18 вѣка, замѣнившіе мануфактуру фабрикой, вытекло изъ измѣненій рабочей машины. Многія рабочія машины представляютъ намъ, при внимательномъ разсмотрѣніи, полное сходство съ орудіями ремесленника. Спицы въ чулочно-вязальной машинѣ напоминаютъ спицы женщинъ, вязущихъ чулки. Веретена въ сложной прядильной машинѣ—родныя сестры веретенъ въ прялкахъ нашихъ крестьянокъ и т. д. Эти орудія стали машинами только тогда, когда ихъ

взяли у человѣка и образовали изъ нихъ особый, самостоятельный механизмъ. Работа орудіями стоитъ въ тѣсной зависимости отъ предѣловъ силы человѣка: нельзя присть на двухъ прялкахъ или вязать одновременно 2 чулка. Число же орудій, соединенныхъ въ одну машину, не зависитъ отъ рабочей силы человѣка. Но человѣкъ, какъ рабочая сила, играетъ въ ремесленномъ и мануфактурномъ способѣ производства двоякую роль: во-первыхъ, онъ является просто двигательной силой: такъ дѣйствуетъ, напримѣръ, нога при работѣ на прялкѣ; затѣмъ онъ исполняетъ извѣстныя специальныя обязанности: при той же работѣ рука дѣйствуетъ веретеномъ, щиплетъ и сучить волну, т. е. исполняетъ операцию собственно пряденія. Вторая работа всецѣло поглощаетъ силу человѣка; работа же первого рода часто требуетъ только небольшой части его силы. Отсюда и проистекаетъ стремленіе технологии изъять изъ рукъ работника *выполнение специальныхъ операций* и свести его трудъ къ движению машины, надзору надъ ней и исправленію сдѣланныхъ сло ошибокъ. Только при такомъ измѣненіи нечеловѣческіе двигатели могутъ получить широкое приложеніе. Разъ работникъ освобожденъ отъ исполненія операций, то его роль, какъ двигателя, остается совершенно случайной: онъ можетъ быть легко замѣненъ водою, вѣтромъ, паромъ.

Преобразованіе орудія въ машину сдѣлало необходимымъ введеніе въ промышленность болѣе совершенного двигателя, нежели силы человѣка или животныхъ. Эти обѣ силы и слишкомъ дороги, и не могутъ, по условіямъ организма, дѣйствовать со строгой правильностью. Водяная спирь—двигатель случайный; ее нельзя имѣть вездѣ, ни увеличить по произволу. Такая сила была дана только по изобрѣтеніи Уаттомъ паровой машины двойнаго дѣйствія. Этотъ двигатель, потребляя воду и топливо, самъ родить свою силу и находится подъ непрерывнымъ надзоромъ работника. Будучи почти въ половину дешевле конной, сила пара дала производству возможность не сосредоточиваться въ мѣстностяхъ съ проточной водой, по рѣкамъ: она позволяла ему распространяться повсемѣстно. Деревни были мѣстами возникновенія крупной промышленности. Позднѣе стали отдавать предпочтеніе городамъ.

На мануфактурѣ трудъ раздѣленъ между работниками, исполняющими частичные операции; машинное же производство старается соединять обязанности многихъ отдельныхъ работниковъ, и сдѣлать ихъ всѣ специальностью одной машины. Такъ, на мануфактурѣ, приготавляющей конверты, одинъ работникъ перегибаетъ (фальцуєтъ) бумагу, другой—намазываетъ края клапановъ kleemъ, третій—отгибаетъ клапанъ, на которомъ оттискивается виньетка, четвертый—выбиваетъ виньетку и т. д.; каждый конвертъ переходитъ изъ рукъ въ руки. Машина

для изготовления конвертовъ дѣлаеть всѣ эти операциіи съ одного удара и приготавляетъ въ 1 часъ нѣсколько тысячъ конвертовъ.

Мы встрѣчаемъ на фабрикахъ два явленія, параллельныя тѣмъ, которыя были подмѣчены въ мануфактурѣ: 1) сотрудничество многихъ одинаковыхъ машинъ и 2) систему машинъ. Въ первомъ случаѣ однородно и одновременно дѣйствующія машины соединены въ пространствѣ: ткацкая фабрика состоитъ изъ многихъ ткацкихъ станковъ; всѣ они получаютъ толчокъ отъ общаго двигателя. Фабрика является системой машинъ, если предметъ проходитъ въ производствѣ цѣлый рядъ процессовъ, если каждому служить особая машина; здѣсь трудъ раздѣленъ между машинами. Это раздѣленіе труда рѣзко отличается отъ раздѣленія въ мануфактурѣ: въ послѣдней процессъ труда приспособляется къ работнику; трудъ раздѣленъ такъ, что каждый работникъ можетъ исполнять известную операцию; эта возможность дается свойствами человѣческаго организма. Въ машинномъ раздѣленіи труда *личное* начало исчезаетъ: весь процессъ, взятый въ цѣломъ, разсматривается *предметно*, независимо отъ работника; онъ разлагается на отдельныя части съ помощью механики, химіи. Каждая изъ этихъ разнородныхъ машинъ доставляетъ сырой матеріалъ другимъ машинамъ, а потому между ними должно быть установлено строгое соотношеніе, какъ въ мануфактурѣ — соотношеніе между группами работниковъ.

Изобрѣтенія Уатта, Аркрайта, Харгривса²⁾ и другихъ могли получить приложеніе въ промышленности только потому, что нашли цѣлый рядъ искусственныхъ работниковъ, умѣвшихъ изготавливать машины. Развитіе одной отрасли производства обыкновенно вызываетъ развитіе и многихъ другихъ³⁾. Изготовленіе машинъ ремесленнымъ способомъ было какъ бы противорѣчіемъ; оно должно было усовершенствоваться въ связи съ другими звенями цѣнн., и вотъ, съ первыхъ десятилѣтій 19 вѣка начали вводить машины и въ промышленные заведенія, изготавливающія машины. Это стало возможно только по изобрѣтеніи такихъ машинъ, которая были способны къ разнообразнымъ операциямъ, къ развитію напряженія въ разныхъ степеняхъ⁴⁾.

Законы природы, будучи разъ открыты, ничего не стоятъ людямъ; но приложеніе этихъ законовъ, требуя сложныхъ и дорогихъ аппаратовъ, не дается человѣку безвозмездно. Машины удорожаютъ предметы, такъ какъ переносятъ на нихъ часть своей стоимости. Чѣмъ менѣе эта часть, тѣмъ менѣе удорожается товаръ. Размѣры этой части зависятъ отъ 1) прочности машины, опредѣляющей быстроту ея изнашиванія, и 2) отъ объема предмета, на который она дѣйствуетъ. Чѣмъ прочнѣе машина и чѣмъ значительнѣе предметъ, надъ которымъ она

работаетъ, тѣмъ менѣе удорожается издѣліе; чѣмъ менѣе удорожается издѣліе, тѣмъ болѣе возрастаетъ производительность труда. Исторія крупной промышленности показываетъ, что машины совершаются въ этихъ обоихъ отношеніяхъ; ихъ дѣлаютъ все болѣе прочно, и размѣръ предметовъ, надъ которыми они дѣйствуютъ, все болѣе возрастаетъ⁵⁾.

Влияние машинъ сказывается въ тѣхъ крупныхъ выгодахъ, которыхъ онъ доставляютъ производству сами по себѣ, и въ бѣдствіяхъ, которыхъ, при извѣстныхъ формахъ общественнаго быта, следуютъ за ихъ примѣненіемъ. 1) Онъ увеличиваетъ быстроту работы и въ высокой степени поднимаютъ производительность труда. Въ то время, какъ самая искусственная швея, работая непрерывно, можетъ сдѣлать не болѣе 50 стежковъ въ минуту, швейная машина съ челнокомъ можетъ сдѣлать 480—720, а машина Уиллеръ и Вильсонъ, приводимая въ движение паромъ, — 1,200—1,500 стежковъ. Во времена А. Смита 10 прилежныхъ работниковъ могли изготовить 48,000 булавокъ въ день. Теперь же одна женщина, наблюдала за 4 машинами (каждая производить въ теченіе 11 часовъ 145,000 булавокъ), изготавливаетъ до 600,000 штукъ въ день. При помощи машинъ 1 работникъ изготавливаетъ столько пряжи, сколько могутъ произвести 95—100 пряхъ въ Индіи ручной работой. Для Соединенныхъ Штатовъ исчислено, что употребленіе машинъ въ главныхъ промыслахъ по обработкѣ дерева и желѣза позволяетъ замѣнить трудъ 1,030 человѣкъ работой 295. Разгрузка судна, содержащаго 400 тоннъ зерна, и сыпка этого зерна въ амбаръ требовали 40 лѣтъ тому назадъ труда 108 рабочихъ и расхода около $24\frac{1}{2}$ фунтовъ стерлинговъ, теперь же это исполняется трудомъ 36 человѣкъ съ расходомъ немного болѣе $10\frac{1}{2}$ фунтовъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ употребленіе машинъ при косьбѣ сѣна позволяетъ 5 работникамъ сдѣлать столько, сколько исполняютъ 24 при ручномъ труде. 2) Ростъ производительности труда понижаетъ цѣнность товаровъ, изготавляемыхъ машинами, и дѣляетъ предметами общаго распространенія товары, которые были ранѣе доступны только состоятельнымъ классамъ. Фунтъ бумажной пряжи № 100, стоявший въ Англіи въ 1756 г. 39 шиллинговъ, стоилъ въ 1835 г. менѣе 3 шиллинговъ, а 1 ярдъ ситца, продававшійся въ 1810 г. по 26 пенсовъ, стоилъ въ 1849 г. $1\frac{1}{2}$ — $3\frac{1}{2}$ пенса. Первый 12 дюжинъ стальныхъ перьевъ, изготовленныхъ въ Англіи ремесленнымъ способомъ, стоили въ 1820 г. 7 ф. 4 шил. (72 рубля); въ 1830 году, приготовленный мануфактурнымъ способомъ, онъ стоили только 8 шиллинговъ, а теперь, приготовленный на фабрикахъ, стоятъ только 2—6 пенсовъ. 3) Слѣдуетъ замѣтить, вопреки распространенному предразсудку, что издѣлія машинъ отличаются и болѣею прочностью. Правильность, съ которой дѣйствуетъ

машина, способствует и прочности работы. Многочисленные опыты, произведенные, по словам Рашера ⁹), над льняной пряжей, показывают, что въ машинной слабѣйшія мѣста относятся къ прочнѣйшимъ, какъ 1 : 2, въ ручной же, какъ 2 : 7.

На ряду съ перечисленными выгодами, машины оказываютъ и неблагопріятное влияніе: 1) Ихъ введеніе, по крайней мѣрѣ, на некоторое время сокращаетъ число рабочихъ въ данной отрасли производства и лишаетъ многихъ людей средствъ существованія. Если 1.000 человѣкъ, работая на простыхъ станкахъ, производили 1.000.000 аршинъ холста и удовлетворяли потребность общества въ этомъ товарѣ, то введеніе машинаго ткачества, позволяя тому же числу работниковъ изготавливать 2.000.000 аршинъ, что превышаетъ существующій запросъ, заставитъ сократить приложеніе рабочей силы. Чѣмъ быстрѣе стѣдуетъ изобрѣтеніе машинъ одно за другимъ и чѣмъ скорѣе усвоивается производство эти новинки, тѣмъ рѣзче процессъ вытѣсненія работниковъ изъ данной отрасли. Исторія хлопчатобумажной промышленности въ Англіи и Остъ-Индіи въ 30-хъ годахъ 19 вѣка представляется наиболѣе примѣръю такого влиянія машинъ; можно найти подобные же факты и въ исторіи льно-прядильной и полотно-ткацкой промышленности Фландріи, Силезіи и другихъ мѣстностей. Хотя введеніе машинъ, уменьшающая запросъ на работниковъ въ данной отрасли, увеличиваетъ запросъ въ другихъ производствахъ и даже вызываетъ къ жизни новые отрасли промышленности ⁷), однако, за трудностью перехода къ новымъ видамъ труда, это не облегчаетъ участія работниковъ, вытѣсненныхъ машинами изъ области ихъ специальныхъ занятій. 2) Введеніе машинъ упрощаетъ трудъ; но количество труда, которое должно быть выполнено работникомъ при машинѣ, нѣрѣдко увеличивается. Въ 1844 г. лордъ Эшли сообщилъ Палатѣ Общинъ факты, доказывающіе утомительность труда на фабрикахъ: въ 1815 г. трудъ слѣдованія за 2 прядильными машинами, для полученія пряжи № 40, требовалъ 8 миль ходьбы; въ 1821 г., при изготавленіи того же № пряжи, ходьба составляла, въ теченіе 12 часовъ, 20 миль и даже больше; въ 1825 г. каждый прядильщикъ долженъ былъ ездѣтъ, въ теченіе 12 часовъ, 1640 выдергиваний на машинахъ, а въ 1844—4800. 3) Упрощая трудъ и сводя всю работу къ наблюдению за дѣйствиемъ машины и къ исправленію погрѣшностей, которыя она дѣлаетъ, фабрічное производство не избѣжается въ систематической и продолжительной подготовкѣ работниковъ, а для многихъ операций—и въ значительной тѣлесной силѣ. Вотъ почему введеніе машинъ открываетъ широкое поле для пользованія трудомъ женщинъ и дѣтей. Исторія промышленности за прошлое столѣтіе знакомить насъ съ обширнымъ приложениемъ женской и дѣтской силы въ фабрич-

номъ производствъ ⁸⁾). Привлеченіе женщинъ и дѣтей къ производству имѣть неблагопріятное вліяніе на здоровье, особенно подрастающаго поколѣнія, препитствуетъ получению дѣтьми школьнаго образованія и ведеть къ разложенію семьи, какъ то доказано многочисленными изслѣдованіями почти во всѣхъ странахъ Европы. 4) Стремленіе увеличить быстроту дѣйствія машинъ и многочисленность работающихъ дѣтей, уже по самому возрасту неспособныхъ къ осторожному обращенію съ машинами, ведутъ къ частымъ случаямъ смерти или увѣчья. Особенно велика опасность отъ взрыва паровыхъ котловъ, обыкновенно стоящаго многихъ жертвъ ⁹⁾). 5) Введеніе машинъ и связанное съ нимъ расширение промышленныхъ предприятій все болѣе отдаляетъ производителей отъ потребителей. Фабрика работаетъ для цѣлой страны и даже для всемирнаго рынка, запросъ котораго не можетъ быть точно опредѣленъ: а потому, избытокъ производства, затрудненія въ сбытѣ товаровъ, паденіе цѣнъ, раззореніе многихъ предпринимателей и потеря заработковъ десятками и сотнями тысячъ работниковъ, словомъ, явленія, именуемыя хозяйственными кризисами, гораздо болѣе свойственны періоду преобладающаго фабричнаго производства, чѣмъ мануфактурнаго, а тѣмъ болѣе ремесленнаго. Кризисъ всегда нарушаетъ интересы и многихъ лицъ состоятельныхъ классовъ; рабочихъ же онъ повергаетъ въ крайнюю нищету, съ усиленіемъ заболѣваемости и смертности, которыхъ обыкновенно ей сопутствуютъ ¹⁰⁾).

Вредное вліяніе машинъ вызываетъ многочисленные протесты, которые и теперь слышатся иногда противъ фабричнаго производства. Въ былое время протесты принимали очень грубую форму. Въ концѣ 16 вѣка, когда вновь изобрѣтенная ленточная машина угрожала изумительному ремеслу, дума города Данцига запретила употреблять ее и повелѣла утопить изобрѣтателя. Гамбургскій сенатъ велѣлъ сжечь ее рукою палача. Въ теченіе всего 17 столѣтія эта машина подвергалась гоненіямъ въ Англіи, Германіи, Швейцаріи, Голландіи. Предметомъ ненависти была также чулковязальная машина, изобрѣтенная въ концѣ 16 вѣка. Въ Англіи, скрываясь отъ преслѣдований, на этихъ машинахъ долгое время работали въ подвалахъ. Вѣтряная лѣсопилка, устроенная въ 1633 году близъ Лондона, была разрушена народомъ. Эти взрывы знакомы и 19 столѣтію: жизнь Жаккарда, изобрѣтателя ткацкаго станка, неоднократно подвергалась опасности.

Грубы или мягки формы, въ которыхъ машины подвергаются осужденію и преслѣдованію,—только неразвитой умъ можетъ приписывать машинамъ самимъ по себѣ тѣ невыгоды, съ которыми часто связано ихъ примѣненіе. Сами по себѣ машины, какъ болѣе совершенныя орудія, увеличиваютъ власть человѣка

наць природой и позволяютъ, по мѣрѣ своего улучшения, добывать определенную сумму продуктовъ съ затратой все меньшаго количества труда. Такимъ образомъ, сами по себѣ, машины не оказываютъ вредныхъ вліяній. Но общественный строй связанъ съ условіями, вслѣдствіе которыхъ машины причиняютъ многочисленныя невыгоды. Раздѣленіе между трудомъ и капиталомъ, извлеченіе главныхъ выгодъ изъ роста производительности труда владѣльцами капиталовъ, свободное соперничество между работниками, стремленіе заработной платы къ уровню необходимыхъ потребностей — вотъ особенности современной хозяйственной жизни, вслѣдствіе которыхъ введеніе машинъ наносить вредъ бѣднѣйшимъ классамъ. А потому, протестъ долженъ быть направленъ не противъ машинъ, а противъ господствующаго юридического порядка, какъ основы распределенія народнаго дохода. Уже и теперь есть условія, ослабляющія вредное вліяніе машинъ на рабочіе классы. Фабричное законодательство ограничиваетъ трудъ женщинъ и дѣтей, требуетъ приватія мѣръ для предупрежденія несчастныхъ случаевъ. Союзы рабочихъ служать страховыми учрежденіями, поддерживающими членовъ во время безработицы. Страхование рабочихъ, обнимающее всю страну и организованное государствомъ, можетъ еще вѣryѣ облегчать нужды рабочихъ, вытесненныхъ машинами. При томъ же правовомъ порядке, где орудія производства принадлежать государству, каждое техническое улучшеніе только облегчало бы трудъ, и доля общественного дохода, предназначенная на поддержание людей, которые не имѣютъ работы, служила бы для нихъ обеспечениемъ до перехода ихъ къ другимъ занятіямъ.

Машины технически болѣе совершенны, чѣмъ орудія; но пользованіе ими можетъ быть и убыточно: онѣ выгодны только тогда, когда сберегаютъ народному хозяйству больше работы, нежели количество труда, котораго стоитъ ихъ производство. Отношеніе между массой затрачиваемаго на нихъ труда и трудомъ, который онѣ сберегаютъ, опредѣляется многими условіями хозяйственной жизни: обширностью рынка для давнинъ товаровъ, высотой заработной платы, цѣнностью матеріаловъ, изъ которыхъ изготавливаются машины, ихъ прочностью, различиемъ въ степени производительности между ручнымъ и машиннымъ трудомъ¹¹).

Машины всего легче примѣнимы въ производствахъ, где отдельные операции могутъ быть сведены къ простейшимъ движениямъ и не требуютъ разнообразныхъ, сложныхъ и часто изменяющихся приспособленій работника.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВОСЬМОЙ ГЛАВѢ.

1) Журн. Сел. хоз. и льсостр., 1879. Вероятно, расходы несколько преувеличены.

2) Джемс Уаттъ (1734 — 1819) усовершенствовалъ паровую машину Ньюкомена устройствомъ холодильника, отдѣльного отъ парового цилиндра, что даетъ огромную экономію въ расходѣ пара. Онъ первый началъ строить машины двойнаго дѣйствія. Впервые привилегія на машину была имъ взята въ 1775 году. Харрисъ устроилъ въ 1767 году приливную машину со многими веретенами (названная *Ленду* по имени дочери изобрѣтателя). Въ 1769 году Аркрайтъ усовершенствовалъ приливную машину.

3) Интересно разлитіе пароходства и желѣзныхъ дорогъ по мѣрѣ замѣны ремесла и мануфактуры фабричными производствами; первый пароходъ (Фултона) открылъ рейсы между Нью-Йоркомъ и Албани въ 1807 г.; первая желѣзная дорога (между Манчестеромъ и Ливерпулемъ) была открыта въ 1830 г.

4) Первымъ въ ряду рѣшителей этой задачи былъ Генрихъ Маудсли (Maudslay). Онъ изобрѣлъ аппаратъ (*selfactor*), съ помощью которого можно, прикладывая острѣ машины, проводить разнообразныя геометрическія фигуры такъ правильно и быстро, какъ то не можетъ «дѣлать» искуснейший ремесленникъ. Это изобрѣтеніе, предназначеннѣе для токарного станка, стало примѣняться и къ другимъ машинамъ и повело къ быстрому переходу ручнаго изготавленія машинъ въ машинное. Совершенствуясь, машины становились все болѣе гибки. Паровой молотъ Насмита вѣситъ 6 тоннъ, падаетъ съ высоты 7 футовъ на наковальню въ 36 тоннъ, дробить огромныя гранитныя глыбы и можетъ рядомъ последовательныхъ слабыхъ ударовъ ногать въ дерево маленький гвоздь.

5) По вычисленіямъ *Бейнеса*, каждая механическая лощадина сила приводить въ движение 15 ткацкихъ ствновъ для 40 дюймовыхъ тканей. Стоимость ежедневнаго содержанія и изнашиванія этой силы распредѣляется между всѣмъ ежедневнымъ продуктомъ 15 становъ; на каждый фунтъ хлопка падаетъ лишь ничтожная доля цѣнности машины.

6) *Roscher*, 566.

7) Введеніе въ Цюрихѣ машиннаго бумагопряденія вызвало образованіе многочисленныхъ кузницъ, литейныхъ, токарныхъ и др. заведеній. Ср. *Roscher*, 570.

8) Въ 1874 г. на всѣхъ фабрикахъ Соединеннаго Королевства, обрабатывавшихъ волокнистые вещества, было 1,005,685 рабочихъ, изъ коихъ женщины составляли 61%; дѣтей моложе 13 лѣтъ насчитывалось 125,886 (12%). Во многихъ фабричныхъ производствахъ Московской губерніи малолѣтніе 10—12 лѣтъ составляютъ 8, 10, 12% общаго числа работниковъ.

9) Не смотря на все новѣйшія усовершенствованія для охраненія жизни и здоровья работающихъ, въ англійскихъ каменноугольныхъ копяхъ ежегодно погибаетъ болѣе 1,000 человѣкъ и столько же лицъ получаютъ увечья. *Орловъ*, 82.

10) Англійская хлопчато-бумажная промышленность переживала тяжелый кризисъ въ 1819, 1829, 1841, 1862 гг. Съ половины 70-хъ и до половины 80-хъ годовъ страдали отъ кризиса многія отрасли промышленности во всѣхъ странахъ Европы. То же повторилось у всѣхъ культурныхъ народовъ Старого и Нового Свѣта въ 1900—902 годахъ.

11) Вотъ почему многія французскія изобрѣтенія 18 вѣка были впервые примѣнены въ Англіи; теперь многія англійскія ранѣе примѣняются въ Америкѣ. Этимъ объясняется также, почему машины, вводимыя русскими помѣщиками въ сельское хозяйство при крѣпостномъ правѣ, часто приносили только убытки.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Размѣры производства.

Пособія: *Миль*. Основанія, I. *Иванюковъ*. Курсъ полит. экон. *Маркса*. *Капиталъ*, I, II и III. *Волскій*. Истор. и народ. хоз. обработки крестьянами-собственниками. 1865. *В. В.* Судьбы капитализма въ Россіи. 1882. *Н-овъ*. очерки нашего пореформенного хозяйства. 1898. *Roscher*. System II и III. *Passy*. Des systèmes de culture. 1876. *Levasseur*. L'agriculture aux Etats-Unis. 1894. г. рус. переп. *Destree et Vandervelde*. Le socialisme en Belgique. 1898. *Kauksky*. Die Agrarfrage. 1899. *Буцаковъ*. Капитализмъ и земледѣліе. 1900. *Масловъ*. Условія развитія сельского хозяйства въ Россіи. 1903. *Levy*. Entstehung und Rückgang des landwirth. Grossbetriebes in England. 1904. *Hollmann*. Die Entwicklung der dänischen Landwirtschaft unter dem Drucke der international. Concurrenz. 1904. *Чупровъ*. Мелкое земледѣліе и его основныя нужды. Сборникъ: *Русская Высшая Школа*. 1905. *Кржижницкій*. Аграрный вопросъ 1906. Small Holdings in Great Britain. 1906. *Храневичъ*. очерки эконом. быта крестьян. въ Царствѣ Польскомъ. 1906. Аграрный вопросъ. Тт. I и II. 1905—07. *Hermes*. Der Teilbau in Frankreich. 1907. *Schulze-Gävernitz*. Der Grossbetrieb ein wirthschaftl. u. sozialer Fortschritt. 1892. *Sinzheimer*. Ueber die Grenzen der Weiterbildung des fabrik-mässigen Grossbetriebes in Deutschland. 1893. *Тукач-Барановскій*. Русская фабрика. 1900. *Sombart*. Der moderne Kapitalismus. 1901. *Heymann*. Die gemischten Werke im deutschen Grossseisengewerbe. 1904. *Mannstdt*. Die Konzentration in der Eisenindustrie. 1906. *Astalion*. Le dveloppement de la fabrique et le travail à domicile dans les industries de l'habillement. 1906. *Lochmller*. Die Entwicklung der Baumwollindustrie in Deutschland. 1907. *Laughlin*. Industrial America. 1907. По вопросу о малоземельѣ смотри: *Васильчиковъ* и др. Землевладѣніе и земледѣліе, 2 т. 1881. *Иисонъ*. Опытъ статистич. изслѣдов. о крестьян. надѣлѣ и иматежѣ, 2 изд. 1884. *Статист. Времен. Россійск. Импер.* Поземельн. собствен. Европ. Россіи 1877—78 гг. 1886. *Ходскій*. Земля и земледѣлецъ, 2 т. 1891. *Исаевъ*. Неурожай и голодъ 1892. *Его же*. Смута и земельный вопросъ. 1906. Богатый материалъ въ земскихъ статист. сборникахъ. *Сводъ стат. материала* кас. эконом. положен. сел. населен. Европ. Россіи. 1894. Изъ журн. статей назовемъ: *Чаславскій*. По вопросу о крестьян. надѣлахъ. *Отеч. Зап.*, 1878. *V. Воропомъевъ*. По вопросу о вліяніи земельн. надѣла на благосостояніе. *Вѣсти Евр.* 1880, XI. *Его же*. Теорія достаточн. крестьян. надѣлъ. *Вѣсти Евр.* 1881, II. *Южаковъ*. Нормы народн. землевлад. *Русск. Мисль*. 1885, IX. *Фортунатовъ*. Распредел. земельн. собствен. въ Европ. Россіи. *Русск. Мисль*. 1886, VII. *Шмидтъ*. Къ вопросу о крестьян. семеин. надѣлахъ. *Русская Мисль*. 1886, I. *Кузнецовъ*. Наши земельные дѣла. *Съв. Вѣсти*, 1895, IV. *Закъ*. Земля и капитализмъ. *Рус. Бюлл.* 1898, X и XII. *Красноперовъ*. Сельскохозяйственные симптомы современной деревни. *Миръ Божій*. 1902, 4.

По размѣрамъ производство можетъ быть раздѣлено на *мелкое, среднее и крупное*. Понятіе о мелкости и крупности производства относительное; оно не можетъ быть выражено въ точныхъ числахъ. Развитіе техники и пользованіе машинами дѣлаютъ единицы производства все болѣе крупными и низводятъ въ разрядъ среднихъ и даже мелкихъ тѣ, которыхъ въ другое время и въ иномъ мѣстѣ могутъ быть отнесены къ крупнымъ¹). Изъ невозможности точнаго опредѣленія, мы ограничимся ука-

заниемъ признаковъ, позволяющихъ отнести данную единицу производства къ крупнымъ, среднимъ или мелкимъ.

Такими признаками служатъ: 1) число работающихъ; 2) величина капитала, затраченаго въ производствѣ; 3) цѣнность производимыхъ товаровъ. Такъ какъ техническія и экономическая условия различныхъ производствъ весьма несходны, то указанные признаки получаютъ для разныхъ отраслей въ данномъ народномъ хозяйствѣ не одно и тоже числовое выраженіе: промышленное заведеніе, изготавливающее вещи изъ золота и драгоценныхъ каменьевъ, составляетъ, уже при 50 работникахъ, крупную единицу; бумагопрядильня же, имѣющая 100—200 работниковъ, есть мелкое заведеніе; хозяйство, ведомое по перепложной системѣ на 100 десятинахъ гдѣ-нибудь въ Уфимской губерніи, должно быть отнесено къ мелкому производству, а тѣ же размѣры хозяйства, при англійской или бельгійской системѣ земледѣлія, образуютъ крупную единицу.

Многіе экономисты²⁾ устанавливаютъ еще одинъ вицѣшній признакъ: положеніе хозяина въ производствѣ. Въ мелкомъ — онъ работаетъ наравнѣ съ наемниками; въ среднемъ — наблюдаетъ за работами и только изрѣдка, урывками, прилагаетъ руки къ дѣлу; въ крупномъ — только направляетъ предпріятіе, вовсе не участвуя въ работахъ. Этотъ признакъ, отличающій частно-капиталистическія предпріятія, не можетъ быть названъ всеобщимъ: производительная артель, изготавливая товары на десятки или оказывая личныя услуги на сотни тысячъ рублей, не даетъ этого признака: всѣ участники являются въ артели хозяевами, и всѣ они, за исключеніемъ членовъ, выбранныхъ для управления и надзора, принимаютъ участіе въ работахъ.

Крупныя предпріятія обладаютъ многочисленными средствами лучше удовлетворять спросъ покупателей, чѣмъ мелкія.

Если крупный заказъ долженъ быть исполненъ очень быстро, то хозяинъ, располагающій сотнями наемныхъ рабочихъ, является гораздо болѣе надежнымъ подрядчикомъ, чѣмъ мелкие ремесленники, хотя бы они были истинными мастерами своего дѣла. Это наблюдается особенно часто при постройкѣ обширныхъ зданій. Нужно за немногого мѣсяцевъ выстроить вокзалъ желѣзной дороги, театръ на мѣстѣ сгорѣвшаго, зданія всемирной выставки — и мелкимъ предпринимателямъ такая задача оказывается не по силамъ. Въ Новомъ Свѣтѣ и даже Западной Европѣ быстрота стала неотъемлемымъ элементомъ хозяйственной жизни, а потому при всѣхъ такихъ заказахъ отдаютъ предпочтеніе крупнымъ подрядчикамъ. То же наблюдается и въ другихъ отрасляхъ производства. Крупному торговцу нужны черезъ 10—15 дней 10—20 тысячъ бутылокъ. Обширный стекольный заводъ представляетъ больше ручательства, что заказъ будетъ исполненъ безъ промедленія, нежели 10 мелкихъ

заводовъ, еще не разставшихся съ первобытными орудіями и пріемами труда.

По лишена значенія и разница въ условіяхъ, при которыхъ товары и услуги предлагаются крупными производителями и мелкими. Многіе потребители, покупая предметы роскоши, удобства и даже первой необходимости, охотно идутъ въ большой магазинъ, залитой солнечнымъ свѣтомъ и электричествомъ. Образцы товаровъ, расположенные за окнами въ изящномъ беспорядкѣ, даютъ покупателямъ понятіе о разнообразіи предметовъ, которые предлагаются магазиномъ. Потребители придаютъ значение ловкости приказчика, его манерамъ, чистотѣ бѣлизны и покрою платья. Многихъ отталкиваетъ обстановка, въ которой мелкій производитель или торговецъ продаетъ свои изделия: отталкивается и грязный входъ, черезъ который проѣзжаешься въ мелочную лавку и мелкую мастерскую, и нечистота стѣнъ, пола и одежды продавца. Если товары, предлагаемые въ такой обстановкѣ, не дешевле, чѣмъ въ парядныхъ магазинахъ, то мелкій производитель не можетъ сохранить клиентовъ въ вышнихъ и даже среднихъ кругахъ общества.

Далѣе, важно различіе въ качествѣ товаровъ, приготовляемыхъ крупными и мелкими производителями. Первые могутъ дороже оплачивать наемный трудъ, а потому имѣютъ къ своимъ услугамъ всѣхъ квалифицированныхъ работниковъ данной страны. Крупный подрядчикъ въ строительномъ промыслѣ близокъ къ лучшимъ архитекторамъ; онъ знаетъ, который всего лучше отвѣчаетъ на запросы публики. Искусные инженеры, рисовальщики, механики, красильщики, бухгалтеры, садоводы, высоко цѣнятъ свой трудъ, идуть поголовно въ крупные промышленные заведенія. Съ распространениемъ общихъ и специальныхъ школъ число этихъ людей быстро возрастаетъ. Въ Германіи, по переписи 1895 года, насчитывали 267962 человека въ группѣ техниковъ, надемотриковъ и приказчиковъ, и въ 1882 году ихъ было только 118020. За 13 лѣтъ ихъ число увеличилось слишкомъ вдвое. Почти $\frac{4}{5}$ всего числа были заняты въ предпріятіяхъ, имѣвшихъ болѣе 20 рабочихъ. Лучшіе изъ простыхъ работниковъ также устраиваются въ крупномъ производствѣ. Среди ремесленниковъ всѣхъ странъ уже давно расходятся жалобы на недостатокъ искусственныхъ мастеровъ; обыкновенно объясняютъ это упадкомъ рабочаго искусства. Истинная же причина — та, что хорошия столяры, слесари, токари отыскаютъ занятіе на фабрикахъ и заводахъ, а для мелкихъ производствъ остаются менѣе искусные ремесленники. Крупное производство притягиваетъ къ себѣ лучшихъ, такъ какъ можетъ лучше оплачивать ихъ трудъ, чѣмъ мелкое. Въ лейпцигскомъ производствѣ обуви изъ работниковъ мелкихъ заведений 75,3% получаютъ меньшіе 14 марокъ въ недѣлю и только 24,7% больше

14; въ крупныхъ же заведеніяхъ первыхъ было 21,6%; а вторыхъ 78,4%. Перемѣны въ міровоззрѣніи пролетаріата Западной Европы также ведутъ къ тому, что лучшій работникъ направляется въ крупное производство; искусные работники и относительно развитія стоять выше своихъ менѣе искусственныхъ товарищѣй. Первые знаютъ по опыту, что хозяинъ фабрики можетъ платить за трудъ дороже, чѣмъ владѣлецъ мастерской; они часто слышать и читаютъ, что ремесло отжило свой вѣкъ, что будущность принадлежитъ крупной промышленности. Это побуждаетъ лучшихъ покидать мелкихъ хозяевъ, двигаетъ ихъ къ обширнымъ предпріятіямъ.

Приближеніе искусства къ промышленности, думаютъ многіе, даетъ мелкому производству новую жизнь. Въ основѣ такихъ предсказаній лежать факты, хорошо известные, но слишкомъ поспѣшно обобщенные. Приводятъ Бенвенуто Челлини и другихъ знаменитыхъ художниковъ Италии, Франціи, Германіи, бывшихъ въ то же время ремесленниками. Дѣлаютъ выводъ, что и новѣйшие художники, обращаясь къ промышленности, вольются струю искусства въ мелкія мастерскія и оживятъ ремесло. Подъ вліяніемъ такихъ побужденій правительства многихъ странъ, города, благотворительныя общества устраиваютъ школы рисованія, моделированія; эти школы, обучая дѣтей ремесленниковъ, какъ бы дѣлаютъ ихъ сразу болѣе подготовленными къ воспріятію всѣхъ началь, которыя искусство внесеть въ промышленность. Эти мѣры могутъ вліять на отдельныя заведенія, но не способны дать результаты, которыхъ ожидаются отъ нихъ. Въ 16 и 17 вѣкахъ художникъ, вступавший въ область промышленности, становился ремесленникомъ, потому что только ремесленный способъ былъ знакомъ производству того времени. Теперь же многіе предметы художественной промышленности могутъ быть изготовлены при помощи широко раздѣленаго труда и всѣхъ пріобрѣтеній новѣйшей технологіи. Во многихъ отрасляхъ художественной промышленности фабричный способъ гораздо болѣе пригоденъ, чѣмъ ремесленный: таково производство стеклянныхъ и гончарныхъ издѣлій, бумаги, особенно обоевъ и другія. Складъ современного рынка объясняетъ, почему художественная промышленность лучше примиряется съ крупными размѣрами, нежели съ мелкими. Триста лѣтъ тому назадъ было немногого людей, которые имѣли вкусы къ издѣліямъ первоклассныхъ мастеровъ и могли дорого платить за нихъ. Ремесленный способъ того времени сполна удовлетворялъ запросы этого тѣснаго круга. Теперь число такихъ покупателей очень велико: десятки тысячъ людей хотятъ имѣть изящную мебель, художественно-исполненную посуду и красивые предметы домашней обстановки. Многочисленность покупателей доказывается тѣмъ, что

даже мелкие стариныя бедыушки продаются на аукционахъ по очень высокой ценѣ. Если бы современные художники, посыпавши свои дарования на изготовление такихъ предметовъ, хотели сами, вмѣстѣ со своими учениками, отыскать на вѣсѣ запросъ; то были бы не въ силахъ сдѣлать это: а потому они изготавливаютъ рисунки, образцы, поступающіе въ распоряженіе фабрики или мастерской; обыкновенно механическимъ способомъ производятъ по данному образцу сотни и тысячи однородныхъ предметовъ. Промышленность становится художественной не въ томъ смыслѣ, что художникъ собственными руками изготавливаетъ предметы, поступающіе покупателямъ: онъ создаетъ образъ, а простые работники воспроизводятъ его много разъ. Такое положеніе позволяетъ художнику идеино руководить промышленностью и даетъ обширному кругу возможностей приобрѣтать товары съ печатью истиннаго искусства. Художники рисуютъ образцы открытыхъ писемъ — и типографіи воспроизводятъ каждый образецъ сотнями и тысячами; первые даютъ рисунки посуды, мебели — и промышленность заведенія приготовляютъ много предметовъ по этимъ рисункамъ. Это объясняетъ, почему крупное производство можетъ легче мелкаго пользоваться услугами художниковъ, которые служатъ промышленности.

Крупное производство побѣждаетъ мелкое дешевизной издѣлій. Понижению цѣны способствуетъ замѣна издавна употребляемыхъ матеріаловъ болѣе дешевыми, и прежнихъ формъ — новыми, которыя нѣмного отличаются отъ старыхъ, но воспроизводятся съ болѣшою легкостью: слоновая кость и рогъ, какъ матеріалъ для гребней, замѣняются целилоидомъ, другими массами, кожа — искусственной кожей, коленкоромъ, конский волосъ — морской травой; вмѣсто кованыхъ металлическихъ издѣлій производится прессованный. Иногда только въ крупныхъ заведеніяхъ могутъ быть производимы эти товары. Ихъ дешевизна уменьшаетъ сбытъ товаровъ, которые изготавливаются издавно известныхъ матеріаловъ и согласно со стариными формами, а это причиняетъ мелкому производству большой ущербъ.

Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что повышеніе земельной ренты въ городахъ ложится тяжелымъ бременемъ на мелкихъ хозяевъ. Ремесленникъ можетъ расширить сбытъ, если имѣть лавку для продажи своихъ издѣлій. Въ большихъ городахъ это становится для него недоступною роскошью: наемная плата за помещеніе, подати ложатся на небольшую массу товаровъ, и удирожаютъ ихъ, а потому мелкій промышленникъ выселается изъ бойкихъ улицъ, водворяется въ отдаленныхъ переулкахъ и уступаетъ самыхъ выгодныхъ покупателей большими магазинамъ, которые распредѣляютъ высокую наемную плату на множество товаровъ. Въ процессѣ производства выгоданость

крупныхъ предпріятій обнаруживается еще болѣе рѣзко. Вычислениа, сдѣланныя въ Нью-Йоркѣ, опредѣляютъ расходы на паровыхъ двигателей въ зависимости отъ числа силъ. Оказывается, что въ заведеніяхъ, работающихъ 309 дней въ году при 10-часовомъ днѣ, годовой расходъ на одну конную силу понижается отъ 354 рублей при 5-сильныхъ паровыхъ машинахъ, до 105 рублей при 50-сильныхъ и 36 рублей при машинахъ въ 3000 силъ. Почти столь же велико различіе въ расходахъ на газовыхъ двигателей. Двигатель въ 1 конную силу стоитъ на фабрикѣ 470 рублей, а въ 10 силъ — 1.690 рублей. Пользованіе газовыми двигателями стоитъ 210 рублей въ годъ, если двигатель имѣетъ 2 силы, и 106 рублей при 8—10 силахъ. Употребленіе электрическихъ двигателей даетъ различія менѣе рѣзкія, но, всетаки, значительныя: годовой расходъ на одну конную силу составляетъ 122—200 рублей при 2-сильныхъ машинахъ и 107 рублей при 8—10-сильныхъ. Сбереженія на другихъ статьяхъ также очень велики. Въ крупныхъ бумагопрядильняхъ Ольдгема, при числѣ веретенъ не менѣе 70.000, на каждого работника приходится 1.111 веретенъ, а въ Богозахъ, въ мелкихъ заведеніяхъ—только 140. Уменьшаются также расходы на топливо, освѣщеніе и другія статьи.

Въ крупныхъ заведеніяхъ заработка плата выше, чѣмъ въ мелкихъ. Однако, первыя привлекаютъ къ работѣ самыя дешевыя руки и такъ раздѣляютъ между ними трудъ, что средняя рабочая сила стоитъ имъ дешевле, чѣмъ мелкимъ хозяевамъ. Въ послѣднихъ годахъ 19 вѣка въ Соединенныхъ Штатахъ былъ сдѣланъ цѣлый рядъ вычислений этого рода. Въ башмачномъ заведеніи, где работаютъ двое, средняя рабочая сила стоитъ, при 10-часовомъ днѣ, $2\frac{1}{2}$ доллара; а на фабрикѣ обуви 151 работникъ разбиты на 14 группъ; ихъ обязанности различны; плата, неодинаковая по группамъ, составляетъ отъ 6 долларовъ до 50 центовъ въ день, и цѣна средней рабочей силы не превышаетъ 2,24 доллара. Въ мелкомъ производствѣ бочекъ для сахара трудъ бочаровъ не дифференцированъ, дневная стоимость средней рабочей силы достигаетъ $2\frac{1}{2}$ долларовъ. На фабрикѣ бочекъ 413 работниковъ образуютъ 8 группъ; различія въ платѣ по группамъ — отъ 3 до 0,87 долларовъ — понижаютъ дневную стоимость средняго работника до 1,90 доллара.

Побѣда крупной промышленности надъ мелкой оказывается также въ развитіи домашней системы. Она сдѣлала за послѣднія десятилѣтія большие успѣхи, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ. При насажденіи новыхъ отраслей нерѣдко предпочитаютъ именно эту форму; съ тѣмъ вмѣстѣ фабрики расширяются посредствомъ пріобщенія къ нимъ многочисленныхъ мастеровъ, работающихъ за дому или въ мелкихъ мастерскихъ.

Эти мелкие заведения выполняют для фабрики, отъ которой зависят, подготовительные или окончательные работы. Такъ, въ производствѣ тканей, ткачество нѣрѣдко еще сохраняетъ характеръ домашнаго производства, а бѣленье, крашенье и отѣлка тканей совершаются на фабрикѣ.

Хозяинъ, занимающій работниковъ по домамъ, имѣть значительныи выгодаы по сравненію съ самостоятельнымъ ремесленникомъ старого типа и даже съ фабрикантомъ. Переходя къ домашней системѣ, хозяинъ сберегаетъ на расходахъ по найму помѣщенія, отопленію и освѣщенію. Это уменьшаетъ капиталъ, который онъ долженъ вносить въ производство. Многіе хозяева не даютъ домашнимъ рабочимъ даже орудій и сырыхъ матеріаловъ. Портной, работающій для хозяевъ у себя на дому, имѣетъ свои швейныи машины и самъ приобрѣтаетъ нитки и иглы. Многіе токари имѣютъ собственные инструменты. Если работникъ, какъ то часто бываетъ въ деревнѣ, живетъ въ своеи домикѣ, то вовсе не считается расходомъ на квартиру.

Хозяинъ такихъ работниковъ имѣть, по сравненію съ фабрикантомъ, ту выгоду, что не знаетъ тратъ на сооруженіе или плаемъ фабричнаго зданія, на его ремонтъ, страхование. Ему нѣть надобности въ паровомъ или газовомъ двигателяхъ, а потому и нѣть расходовъ на присмотръ. Такому хозяину не нужно дѣлать затраты на рабочія машины, а потому онъ можетъ вложить свой капиталъ только въ готовый издѣлія. Сбереженіе на основномъ капиталѣ особенно важно для тѣхъ отраслей, которые часто испытываютъ застой, или имѣютъ такой незначительный себѣть, что усиленное производство вынуждало бы простоянливать работу на иѣсколько мѣсяцевъ ежегодно. При такихъ условіяхъ, хозяинъ работниковъ, разбѣянныхъ по домамъ, легче ограждаетъ себя отъ убытковъ, чѣмъ хозяинъ промышленнаго заведенія: онъ сразу уменьшаетъ количество сырья, раздаваемаго для обработки, или совсѣмъ прекращаетъ раздачу.

Такой предприниматель пользуется еще и другими выгодами. Если его работники обязаны получать отъ него матеріалъ, то обращаются съ нимъ осторожно, а при бережномъ обращеніи становится пригоденъ даже матеріалъ дурнаго качества. Такой хозяинъ можетъ легче обходить всѣ требования государства, ограждающія работниковъ: мастеръ, трудящійся у себя на дому, можетъ оставаться глухъ къ предписаніямъ закона о наиболѣйшей длини рабочаго дня, воскресномъ досугѣ, трудѣ женщинъ и дѣтей.

Домашняя система получила особенно большое распространение въ производствѣ одежды и бѣлья. Соцредоточенное крупное производство, вооруженное новѣйшими двигателями и машинами, въ конечномъ итогѣ, побѣгдастъ домашнюю систему,

такъ какъ быстро увеличиваєтъ успешность труда. Но эта система можетъ держаться очень долго. Она обладаетъ тѣмъ большою силой сопротивленія, чѣмъ больше удастся хозяину привлекать дешевыхъ рабочихъ изъ сельского пролетариата, чѣмъ больше замѣняетъ онъ трудъ мужчинъ работой женщинъ и дѣтей. Всѣ эти производители, еще и на половину не вышедши изъ убогой обстановки деревни, довольствуются очень низкой заработной платой; они служатъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ предпринимателей, изъявляютъ готовность напрягать свою силу выше всякой мѣры.

Выгоды крупныхъ предпринимателей при покупкѣ сырыхъ матеріаловъ увеличиваются по мѣрѣ того, какъ мѣсто добыванія сырья отдалается отъ мѣста переработки. Древообрабатывающая промышленность Западной Европы пользуется русскимъ, шведскимъ, американскимъ деревомъ. Введеніе въ оборотъ новыхъ матеріаловъ растительного, животнаго, минеральнаго царства разбрасывается по всему земному шару мѣста, откуда должны добывать себѣ сырье разныя отрасли производства. Африка не имѣетъ обрабатывающей промышленности; въ Южной Америкѣ и Австралии фабрики только что зарождаются; но эти части свѣта доставляютъ главнымъ средоточіямъ промышленности разнообразные матеріалы для переработки. Скупка сырья по мелочамъ, соединеніе въ большія массы, упаковка, перевозка на дальняя разстоянія требуютъ большихъ расходовъ и вѣдаются особыми предпріятіями. Они ведутъ дѣло оптомъ: только крупные промышленники получаютъ непосредственно отъ нихъ. Мелкие запасаются у розничныхъ торговцевъ, а это увеличиваетъ цѣну сырыхъ матеріаловъ. Въ Германіи ремесленники, покупая сырые матеріалы небольшими партіями, приобрѣтаютъ ихъ на 25—30% дороже сравнительно съ цѣнами при оптовыхъ покупкахъ. Въ подмосковномъ мебельномъ округѣ, гдѣ 10—12 работниковъ обрашаютъ уже крупную мастерскую, замѣчается рѣзкое различіе между производителями въ способахъ и выгодахъ покупки матеріала: въ половинѣ 70-хъ годовъ прошлаго вѣка самыми крупными, покупавшимъ тесь въ лѣсу, при самой его заготовкѣ, онъ обходился на дому въ 13 рублей за 100 штукъ, среднимъ и мелкимъ, приобрѣставшимъ его отъ торговцевъ на мѣстѣ, онъ стоилъ 15—20 рублей. Гвоздари Нижегородской губерніи, покупающіе желѣзо на Нижегородской ярмаркѣ, приобрѣтаютъ его не дороже 2 рублей за пудъ; самые мелкие, покупая на мѣстѣ, платить за пудъ 2 р. 80 коп. Кустари-сапожники Вятской губерніи покупаютъ казансскую подошвенную кожу значительными партіями по 18—20 рублей за пудъ; самые мелкие, покупая въ розницу, платить не дешевле 25—27 рублей.

Не менѣе велико различіе въ условіяхъ сбыта издѣлій. Мел-

тій производитель пріуроченъ къ ближайшему рынку; не имѣя запасного капитала и дешеваго кредита, онъ вынужденъ торопиться съ продажей товара; высоки цѣны или низки—онъ проѣаетъ свои издѣлія, чтобы не подрывать промысла. Крупный предприниматель обладаетъ не только возможностью отыскать новые рынки (приобрѣтеніе европейскими государствами колоній въ Европѣ исходитъ, главнымъ образомъ, отъ крупной промышленности), но и держать товары при паденіи цѣнъ, ожидать повышенія ³).

Перечисленные выгоды тѣсно связаны съ размѣрами и системами производства; независимо отъ формъ предпріятій, онъ берегаютъ трудъ и служатъ интересамъ всего народнаго хозяйства. Если крупное производство принимаетъ форму артели, то въ немъ нельзя отыскать темныя стороны, позволяющія, въ какомъ-либо отношеніи, предпочесть ему мелкое производство. Но крупное частно-капиталистическое производство съ наемными работниками имѣеть ту невыгоду, что между предпринимателями и работниками лежитъ глубокая пропасть. Первые, по своимъ имущественнымъ средствамъ, воспитанію и, часто, рожденію, образуютъ классъ, отличный отъ работниковъ; первые рѣдко принимаютъ въ разсчетъ самые важные интересы послѣднихъ. Вотъ почему въ мелкомъ производствѣ, гдѣ хозяинъ — только старшій между равными, — работаетъ, есть и отдыхаетъ вмѣстѣ со своими наемниками, нѣть того недовольства, которое такъ часто наблюдается среди рабочихъ крупныхъ промышленныхъ заведеній. Рознь, недовольство и вражда поддерживаются особенно тѣмъ, что въ мелкомъ производствѣ, гдѣ на 10 хозяевъ приходится 7—8 мастеровъ, каждому работнику гораздо легче приобрѣти столь желанную экономическую самостоятельность, нежели въ крупномъ, гдѣ 1 хозяинъ приходится на 50—100—300 работниковъ ⁴). Соблазнительна надежда стать хозяиномъ побуждаетъ мастера видѣть въ хозяинѣ - ремесленнике ту ступень, которой можетъ достигнуть и онъ; вслѣдствіе этого онъ смотритъ на свое положеніе, какъ на временное, переходное. Въ крупномъ же производствѣ вѣроятность стать предпринимателемъ совершенно ничтожна; при высокомъ уровнѣ профессіонального образования въ странѣ, работники не всегда разсчитываютъ подняться даже на ступень привилегированныхъ наемниковъ: механика, руководителя части и т. д. А отсюда — еще большее обостреніе классовой вражды. Недовольство исчезаетъ въ артели и смягчается въ тѣхъ предпріятіяхъ, гдѣ работники получаютъ долю прибыли.

Накопилось много свѣдѣній объ ударахъ, которые крупная промышленность наносить мелкой. Въ Рейнской Пруссіи на фабрикахъ Бергской области все болѣе увеличивается число работниковъ, которые были еще недавно самостоятельными

кузнецами. Въ одномъ Ремшайдѣ такихъ насчитываютъ болѣе 300. Причиной этого явленія служить, большою частію, невозможность для мастеровъ соперничать съ фабрикантами. Почти каждый, поступивъ работать на фабрику, получаетъ больше дохода, чѣмъ имѣлъ раньше при самостоятельномъ занятіи промысломъ. Такимъ образомъ, со средоточеніе производство всасываетъ въ себя самостоятельныхъ мелкихъ мастеровъ. Мелкая желѣзодѣлательная промышленность теряетъ свои лучшіи силы; традиціонное искусство тоже становится рѣдкимъ исключениемъ.

Въ сельскихъ округахъ мастерскія болѣе стойко сохраняютъ хотя признакъ самостоятельности, такъ какъ имѣютъ въ землѣдѣліи побочный источникъ дохода. Однако, мелкая промышленность надаетъ и здесь. Ей переходъ въ фабрику сказался, напримѣръ, въ общинѣ Радеформвальдѣ такимъ обѣденіемъ жителей, что на лучшихъ улицахъ городка многие дома продавались за 1.000 талеровъ, тогда какъ на постройку было затрачено 10.000. Но и тѣ мастера, которые еще держатся, все болѣе теряютъ бодрость духа. Они сознаютъ, что фабричное производство приведетъ къ полному уничтоженію ихъ самостоятельности. Это отбиваетъ у нихъ охоту дѣлать что либо для улучшенія обстановки ихъ промысла.

Сошлиемся также на производство деревянныхъ издѣлій. Въ 80-хъ годахъ 19 вѣка въ разныхъ мѣстахъ Германіи, особенно южной, возникли фабрики для изготавленія паркета. За 2—3 года они овладѣли всѣмъ рынкомъ и вытѣснили мелкихъ мастеровъ. Въ 1888 году была основана берлинско-пассауская фабрика паркета съ капиталомъ въ 3 миллиона марокъ. Она такъ удешевила товаръ, что многія мелкія фабрики должны были прекратить производство. Не менѣе тяжело соперничество, которое нужно выдерживать мелкимъ производителямъ оконныхъ рамъ и дверей съ крупными. Столляръ въ Аугсбургѣ платитъ за изготавленіе 2 оконныхъ рамъ, лѣтней и зимней, 10 марокъ, а въ столярной мастерской, снабженной машинами, издержки производства 2 рамъ не превышаютъ 2,76 марки. При машинномъ производствѣ 100 дверей обходятся, кромѣ материала, 225 марокъ, а при ручномъ, по цѣнамъ въ Берлинѣ, такія же 100 дверей стоятъ 725 марокъ. Расходы по изготавленію буфета ручнымъ способомъ достигаютъ въ Карлсруэ 330,20 марокъ, а машинами на берлинскихъ фабрикахъ—только 88,50 марокъ.

Крупное производство, обладая всѣми преимуществами предъ мелкимъ и среднимъ, стремится захватить все больше отраслей промышленности. Однако, для его примѣненія, необходимы, главнымъ образомъ, слѣдующія условія: 1) *Родъ изготавляемыхъ товаровъ.* Производство массы товаровъ по немногимъ образцамъ дѣлаетъ выгоднымъ примѣненіе дорогихъ машинъ и облег-

чтобы побѣду крупного производства над мелкимъ. При изгото-
влении же товаровъ, гдѣ мода, прихоть потребителей имѣютъ
наибольшее значеніе, гдѣ каждая разновидность производится
въ сравнительно небольшомъ числѣ экземпляровъ и гдѣ необходи-
мы ловкость и разнообразная подвижность руки работника,
крупное производство, вооруженное машинами, не представляетъ
выгоды: нужно очень много разныхъ машинъ, а это увеличи-
ваетъ основной капиталъ предпріятія къ невыгодѣ для его вла-
дѣльца. Такимъ образомъ, въ бумагопряденіи, сукнодѣліи, сыро-
пареніи, воздѣлываніи кормовыхъ травъ или зерновыхъ хлѣ-
бовъ, крупное производство легче вытесняетъ мелкое, чѣмъ въ
отрасляхъ такъ-называемаго художественнаго ремесла, въ садо-
водствѣ, цветоводствѣ, огородничествѣ: въ послѣднихъ искус-
ство работающаго имѣть большее значеніе. 2) Населеність
есть также одно изъ важныхъ условій. Большая густота
населенія открываетъ для всѣхъ товаровъ обширный рынокъ
сбыта и облегчаетъ побѣду крупного производства. Мы можемъ
наблюдать это при сравненіи города съ деревней. Въ городахъ,
представляющихъ уже обширный мѣстный рынокъ, даже произ-
водства, гдѣ не примѣняются машины, стремится принимать
большіе размѣры. 3) Большое значеніе имѣютъ *пути*. Усовер-
шенствованіе путей, замѣна гужевой перевозки товаровъ же-
лѣзодорожною оказываютъ такое же влияніе, какъ и увеличеніе
густоты населенія, ибо они расширяютъ рынокъ сбыта⁷⁾. 4) На-
конецъ, имѣть влияніе и *уровень техники* въ странѣ, развитіе
машиностроенія. Полученіе машинъ изъ-за границы стоитъ до-
рого; неумѣніе туземныхъ промышленниковъ исправлять по-
ломки въ машинахъ замедляетъ развитіе фабричнаго производ-
ства, именно той системы, которая особенно легко побѣждастъ
мелкую промышленность.

Все сказанное примѣнимо къ промышленности, какъ обра-
ботывающей, такъ и добывающей. Но, по отношенію къ сель-
скому хозяйству, въ литературѣ очень распространено мнѣніе
о выгодности мелкаго производства сравнительно съ крупнымъ
и о возможности для первого успѣшно соперничать со вторымъ.
Многіе писатели (назовемъ Сисмонди, Рау, Лэнга) указываютъ
на болѣе высокую культуру земли у мелкихъ поселанъ, чѣмъ
у крупныхъ владѣльцевъ, на большую высоту урожая въ упер-
выхъ: Торntonъ напоминаетъ, что, при одинаковой урожайно-
сти почвы, въ крупныхъ хозяйствахъ Англіи неизвѣстны уро-
жай выше 30 бушелей съ акра, а на британскихъ островахъ, у
мелкихъ хозяевъ—40 бушелей. По вычисленіямъ, которыхъ Ди-
терци сдѣлалъ въ 40-хъ годахъ 19 вѣка для Пруссіи, количе-
ство скота чѣмъ болѣе велико, чѣмъ мельче землевладѣніе. Въ
концѣ прошлаго вѣка статистикъ де-Фовилль получиль такія же
данныя для Франціи. Этотъ вопросъ, многократно обсужда-

вшійся въ литературѣ съ половины 18 вѣка ⁸), часто ставится неправильно: размѣры сельского хозяйства отожествляются съ размѣрами владѣнія землей; говорить о выгодности мелкаго землевладѣнія и думаютъ, доказавъ ее, доказать съ тѣмъ вмѣстѣ и выгодность веденія сельского хозяйства въ малыхъ размѣрахъ. Однако, эти явленія не параллельны.

Крупными хозяйствами завѣдываютъ сами владѣльцы или арендаторы. Первые прямо заинтересованы въ улучшении земли и хозяйства, но всѣдко ихъ отвлекаютъ государственная служба, разныя другія занятія, и они поручаются весь надзоръ наемнымъ людямъ, которые не влагаютъ въ дѣло большой энергіи. Арендаторы также рѣдко относятся къ хозяйству съ тѣмъ неослабнѣмъ напряженіемъ, которое отличаетъ собственника. А рабочее искусство и прилежаніе поселянъ, которые воздѣлываютъ свои участки, далеко превосходятъ качество труда наемныхъ рабочихъ. Припомните слова А. Юнга: „Дайте человѣку въ прочное владѣніе черную скалу, и онъ обратить ее въ садъ; дайте ему по десятилѣтнему контракту садъ, — онъ обратить его въ пустыню“. Эти явленія подмѣчены уже давно. Особенности сельскохозяйственной техники, какою она была до послѣднихъ десятилѣтій, облегчали борьбу мелкаго производства съ крупнымъ. Мануфактурный способъ производства съ его далеко идущимъ раздѣленіемъ труда мало примѣнимъ въ сельскомъ хозяйстве уже по периодичности, съ которою работы слѣдуютъ одна за другой: сѣянье, пахота, косьба, молотьба производятся неодновременно и не представляютъ такихъ обособленныхъ операций, какъ приготовленіе частей булавки или часовъ. Одно и то же лицо можетъ безъ ущерба для дѣла неходить отъ одной работы къ другой. Поэтому, пока машины не примѣняются, крупное сельское хозяйство имѣть, сравнительно съ мелкимъ, выгоды на постройкахъ, на скотѣ, на пропорціи рабочихъ силь къ площасти земли ⁹), на условіяхъ сбыта продуктовъ. Мелкое же противопоставляетъ этимъ преимуществамъ высокое качество труда; при интензивной культурѣ, оно имѣть въ некоторыхъ отрасляхъ самое главное значеніе.

Сторонники крупного и мелкаго хозяйства имѣли передъ собой только эти явленія. Машины стали пролагать себѣ путь въ сельское хозяйство только за послѣднія 40 лѣтъ. Сельскохозяйственная техника быстро идетъ впередъ. Каждый годъ приноситъ много новинокъ для усовершенствованія земледѣлія. Но въ этой области улучшенія не могутъ примѣниться такъ быстро, какъ прогрессируетъ техника обрабатывающей промышленности. Обстановка сельско-хозяйственного предприятия по сравненію съ условіями, среди которыхъ возникаетъ промышленное заведеніе, отличается, главнѣйше, слѣдующими особеностями: 1) Капиталъ, влагаемый въ обрабатывающую про-

мышленность, можетъ быть обставлена въ разныхъ мѣстностяхъ одинаковыми или, по крайней мѣрѣ, весьма сходными условіями. Сходство оказывается прежде всего относительно материала. Хлопчатобумажная фабрика въ Стокгольмѣ и Константинопольѣ, Петербургѣ и Бомбѣ имѣть дѣло съ однимъ и тѣмъ же основнымъ материаломъ. Краски и другие вспомогательные материалы, независимо отъ однороднаго качества, могутъ быть передвигаемы въ разныя мѣста земного шара приблизительно по одной и той же цѣнѣ. Топливо можетъ быть также доставляемо промышленности разныхъ странъ приблизительно одного качества и по цѣнамъ, лишь немного отклоняющими другъ отъ друга. Каменнымъ углемъ изобилуютъ manyя мѣстности, а гдѣ его нѣтъ по близости, туда онъ можетъ быть доставляемъ все болѣе дешево, вслѣдствіе улучшения способовъ перевозки и ея удешевленія. Главный же материалъ сельскаго хозяйства — земля — представляетъ чрезвычайное разнообразіе не только изъ страны въ страну, но и изъ одного края обширной страны въ другой край, но и въ предѣлахъ немногихъ сотенъ десятинъ. Земельный участокъ, богатый или бѣдный перегноемъ, глинистый или песчаный, ровный или холмистый, представляетъ, каждый, свои особенности, которые то облегчаютъ примѣненіе машинъ, то дѣлаютъ его затруднительнымъ. 2) Фабрика или заводъ зависятъ отъ условій климата: въ суровомъ климатѣ фабричныя зданія должны быть устроены болѣе прочно, что увеличиваетъ затраты; расходы на топливо также возрастаютъ. Однако, эта зависимость совершенно неизначительна по сравненію съ влияніемъ климата на земледѣліе. Зависимость земледѣлія отъ климата ведетъ къ такимъ посѣдѣствіямъ: теплый или умбрейный климатъ позволяетъ сельскому хозяйству избирать одно изъ многихъ направлений, предпочитать одну изъ многихъ отраслей, комбинировать разныя отрасли и съ тѣмъ вмѣстѣ пользоваться техническими усовершенствованіями, которыхъ прилагаются во всѣхъ этихъ областяхъ. Суровый климатъ оставляетъ передъ сельскимъ хозяйствомъ гораздо болѣе тѣсные предѣлы для выбора; съ тѣмъ вмѣстѣ дѣлаются примѣнимы только тѣ техническія усовершенствованія, которыхъ проложили себѣ дорогу въ немногія отрасли, возможныя при данномъ климатѣ. 3) Надзоръ за машинами и предохраненіе ихъ отъ порчи гораздо легче въ обрабатывающей промышленности, нежели въ сельскомъ хозяйствѣ. Въ первомъ случаѣ машины работаютъ надъ однороднымъ материаломъ; общирное промышленное предпріятіе, представляющее одну изъ наиболѣе крупныхъ единицъ въ своей отрасли, занимаетъ небольшое пространство. Это облегчаетъ организованіе надзора. Въ земледѣліи же материалъ часто поодиорденъ (кочки на лугу или камни въ полѣ), а съ тѣмъ вмѣстѣ маши-

на дѣйствуетъ на большой площади, по крайней мѣрѣ, въ не-
сколько десятковъ десятинъ. Эти оба условія затрудняютъ пре-
дупрежденіе порчи машинъ. Частый ремонтъ уменьшаетъ
выгодность примѣненія машинъ, а тамъ, где нѣтъ мастеровъ,
умѣющихъ чинить ихъ, дѣлаетъ пользованіе машинами совсѣмъ
невозможнымъ. 4) Есть еще одно условіе, которое задержи-
ваетъ успѣхи земледѣльческой техники. Въ началѣ второй
половины 19 столѣтія, когда въ обрабатывающей промышлен-
ности машины уже достигли большой сложности и разнообра-
зія, стала развиваться міровая торговля сельскохозяйственными
продуктами. Она поставила передъ странами старой культуры
счастливыхъ соперниковъ въ лицѣ новыхъ малонаселенныхъ
странъ, съ обширными площадями плодородной дѣственной
земли. Производительная сила этихъ земель была такъ велика,
а рента столь ничтожна, что европейское земледѣліе не могло
успѣшно развиваться въ направлѣніи культуры (особенно хлѣба),
которая работаютъ преимущественно для массового потребле-
нія и где машины могутъ быть примѣнены съ наибольшимъ
успѣхомъ. Соперничество Нового Свѣта, все болѣе усиливавшееся
отъ 60-хъ годовъ, было связано съ возрастающимъ примѣненіемъ
многихъ машинъ въ сельскохозяйственныхъ предпріяті-
яхъ Америки, Австралії, отчасти — Венгрии, Россіи. Въ стра-
нахъ же старой культуры соперничество Нового Свѣта по-
влекло за собой то послѣдствіе, что значительныя территории
перешли отъ земледѣлія къ скотоводству, къ болѣе экстенсив-
нымъ системамъ хозяйства или же сосредоточились на отрас-
ляхъ, которая, какъ садоводство, винодѣліе, птицеводство, про-
изводятъ продукты не массового потребленія, а такие, которые
удовлетворяютъ потребности отдаленныхъ группъ и где техни-
ческая изобрѣтательность сдѣлала гораздо меныше успѣховъ.
Вотъ условія, которые замедляютъ усовершенствованія техники
сельскаго хозяйства и вытѣсненіе мелкихъ единицъ крупными
въ Европѣ, а частью и въ Новомъ Свѣтѣ. Не забудемъ и о
томъ, что разныя улучшенія пролагаютъ себѣ дорогу въ мел-
кое сельское хозяйство.

Однимъ изъ доказательствъ того, что крестьянская собствен-
ность устойчива, можетъ служить борьба французскихъ вино-
дѣловъ съ опустошеніями, которыя произвела филоксера.

Подсчитываютъ, что потери Франціи отъ филоксеры состав-
ляютъ не меныше 10 миллиардовъ франковъ. Во всей исторіи
земледѣлія трудно найти другой случай, когда бы столь тяже-
лые удары поразили одну страну въ теченіе немногихъ лѣтъ.
Подъ влияніемъ филоксеры площадь виноградниковъ отъ 2,421,000
гаектаровъ въ 1870 году сократилась до 1,815,544 въ 1890 году,
и количество добываемаго вина уменьшилось съ 83 миллионовъ
гаектолитровъ на 31 миллионъ. Французское земледѣліе перенесло

потери и проявило необыкновенную энергию въ борьбѣ съ отимъ бѣдствіемъ: сотни тысячъ гектаровъ подъ виноградниками вновь засажены и обновлены, и достоинство вина поднято на прежнюю высоту. Всѣ эти факты заставляютъ насъ признать отзывъ Маркса о мелкихъ сельскихъ хозяевахъ слишкомъ рѣзкимъ. Впервые Марксъ сдѣлалъ такую ошибку искъ въ „Коммунистическомъ Манифестѣ“. Его ошибка была правильна, но она была примѣнена почти въ такой же мѣрѣ и къ городскому пролетариату. Стоитъ припомнить описание быта аинглийскихъ фабрічныхъ работниковъ, столь мастерски сдѣланное Энгельсомъ въ 40-хъ годахъ, чтобы признать отзывъ Маркса о крестьянахъ-собственникахъ, какъ о жалкихъ, невѣжественныхъ дикаряхъ, примѣнимымъ и къ фабрічному пролетариату. Крупные перемѣны въ общемъ строѣ экономической жизни преобразовали пролетарія промышленности, сдѣлали его новымъ человѣкомъ; эти факты ясно сказались деревни гораздо слабѣе, но все же измѣнили къ лучшему положеніе крестьянъ-собственниковъ.

Кто наблюдаетъ движенія, происходящія въ современномъ обществѣ, тотъ пойметъ, что мелкие сельские хозяева, сохранивъ старинные особенности промысла, которыя помогаютъ имъ, удерживаться на ряду съ крупными хозяйствами, получаютъ отъ общественной жизни и кое-что новое. Форма, въ которой распространяются агрономическія знанія, дѣлаетъ ихъ доступными и самымъ маленькимъ людямъ. Возрастающее богатство населения и умноженіе городовъ увеличиваются запросъ на отрасли культуры, которая легче примиряется съ самыми мелкими хозяйствами. Еще большее значеніе имѣетъ ассоціаціонное начало въ земледѣліи. Кредитныя, сырьевыя, складочныя артели, маслодѣльни и сыроварни не ставятъ мелкихъ хозяевъ въ такія выгодныя условія производства, какими пользуются крупные, однако, служатъ для нихъ существеннымъ подспорьемъ. Вотъ нѣкоторыя данные о развитіи артелей. Въ 1890 году въ Германіи было учреждено 526 сельскохозяйственныхъ товариществъ, а за 1897 годъ—1185. Въ одномъ декабре 1899 года—79. Къ 1900 году въ Германіи было 13,037 сельскохозяйственныхъ товариществъ, въ томъ числѣ 9,404 кредитныхъ, 1,052 сырьевыхъ и складочныхъ, 1,824 молочныхъ, 757 для самыхъ разнообразныхъ цѣлей. Въ концѣ 1898 года во Франціи было больше 2,000 сельскохозяйственныхъ синдикатовъ. Въ Бельгіи это движеніе сдѣлало также очень большие успѣхи.

Эти факты не должны, однако, затуманивать передъ нами успѣхи, которые дѣлаетъ сельское хозяйство въ смыслѣ улучшеній техники, примѣнныхъ прежде всего въ крупныхъ предпріятіяхъ. Царской плугъ, получившій въ 1849 году премію въ Лондонѣ, потреблялъ въ 1 часъ 11^{1/2} килограммовъ угла

на 1 конную силу, въ 1853 году — $3\frac{3}{4}$ килограмма, а въ 1887 году — только $1\frac{1}{5}$. Параллельно съ усовершенствованиемъ земледѣльческихъ машинъ все болѣе расширяется и пользованіе ими. Если мы возьмемъ даже Францію, страну преимущественно мелкихъ хозяйствъ, то увидимъ, что распространеніе сельскохозяйственныхъ машинъ сдѣлало за 30 лѣтъ, отъ 1861 до 1892 года, очень большиe успѣхи. Оставивъ въ сторонѣ машины, которыя могутъ быть успѣшно прилагаемыи въ крестьянскомъ хозяйстѣ, мы получимъ такія цифры: число косилокъ возраело отъ 9,442 до 38,753, число паровыхъ машинъ — отъ 2849 до 12,037. По переписи за 1895 годъ мы имѣемъ для Германіи такія данныя: на каждыя 100 сельскохозяйственныхъ предпріятій въ 100 гектаровъ и крупнѣе — 94,16% имѣли вообще машины, 61,22% имѣли паровыя молотилки, 31,75% — жатвенные машины и 5,29% паровые плуги. Среди же болѣе мелкихъ предпріятій машины встрѣчаются рѣдко и тѣмъ рѣже, чѣмъ хоایство меныше. Если возьмемъ хоایства въ 5—20 гектаровъ, то найдемъ машины только въ 45,80%, паровыя молотилки въ 10,95% и паровые плуги — въ 0,01% всѣхъ хоایствъ.

Примѣненіе крупныхъ техническихъ улучшений въ земледѣліи и скотоводствѣ еще не такъ угрожаетъ мелкому хоایству, какъ выдающіеся успѣхи техники въ отрасляхъ, которыя считаются теперь неотъемлемой отчиной крестьянъ-собственниковъ. Садоводство Калифорніи даетъ интересный примѣръ того, какія улучшения могутъ быть примѣнены и въ этой области и какъ выгодно веденіе этихъ отраслей въ большихъ размѣрахъ. Сады занимаютъ пространство въ сотни десятинъ. Посадка и надзоръ за садами, наблюденіе за плодами на деревьяхъ, сборъ, упаковка, перевязка, храненіе, истребленіе въ садахъ вредныхъ паразитовъ посредствомъ газовъ или жидкостей — все это совершенствуется ежедневно. Такими же опасностями грозятъ мелкимъ хоایствамъ крупные предпріятія съ механической выводкой щипать, все болѣе распространяющейся въ Америкѣ.

Мелкое сельское хоایство ведеть къ тяжелымъ послѣдствіямъ *при недостаточности крестьянскихъ надѣловъ*. Не слѣдуетъ называть „достаточнымъ“ только тотъ надѣль, доходы съ которого покрываютъ всѣ потребности крестьянской семьи. Многія условія препятствуютъ земледѣльцу повсюду извлекать изъ земли достаточныя средства къ жизни. Таковы, прежде всего 1) условія климата: при суровомъ климатѣ сельскохозяйственные работы должны быть заканчиваемы въ 3—4 мѣсяца, и если земледѣльецъ не покрываетъ всѣхъ расходовъ изъ своего надѣла, то остаются $\frac{2}{3}$ года, въ теченіе которыхъ крестьянская семья, занимаясь какими-либо промыслами, можетъ имѣти дополнительный заработокъ. 2) Сельское хоایство на малыхъ

плодородной почвѣ нерѣдко поглощаетъ всю рабочую силу крестьянской семьи, а земля не даетъ того, что нужно для удовлетворенія потребностей. 3) Наконецъ, важно состояніе техники: при простѣйшихъ системахъ хозяйства, силы крестьянской семьи достаточны для покрытия всѣхъ потребностей только тамъ, где очень благопріятны естественные условія. Все это заставляетъ считать вполнѣ нормальнымъ, что крестьянская семья, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ 3—4 мѣсяца, часто не можетъ покрыть всѣ свои потребности доходами отъ земли. Гораздо важнѣе сообразованіе земельного надѣла съ рабочею силою крестьянской семьи. Необходимо, чтобы та часть года, въ теченіе которой производятся сельскія работы, могла быть исключительно посвящена земледѣльческому труду: только наполняясь это время заботами о сельскомъ хозяйстве, крестьянинъ работаетъ усердно и разумно. При ничтожныхъ размѣрахъ надѣла, крестьянинъ теряетъ значительную часть сельскохозяйственного периода, которую могъ бы посвятить производительному труду на своей землѣ; онъ наполняетъ ее или разными подсобными занятіями, которая часто создаютъ товары для рынка въ излишнемъ количествѣ и понижаютъ цѣны, или же гораздо менѣе производительнымъ земледѣльческимъ трудомъ въ качествѣ наемнаго работника. При томъ же крестьянинъ не можетъ помириться съ мыслью, что его клочокъ земли даетъ слишкомъ малый доходъ. Такъ какъ невозможенъ рѣзкій переходъ отъ первобытнаго сельскаго хозяйства къ плодоемѣнамъ или огородной культурѣ, то поселянину остается только одно: использовать до полнаго истощенія всѣ естественные богатства. Мелкое производство въ обрабатывающей промышленности обращаетъ самостоятельнаго ремесленника въ фабричнаго работника. Недостаточный же земельный надѣль не только облегчаетъ побѣду крупнаго сельскаго хозяйства надъ мелкимъ, но уменьшаетъ естественные богатства страны и ослабляетъ производительность даже крупнаго хозяйства, какъ скоро оно становится на мѣсто мелкаго.

Крестьянское хозяйство, вообще, страдаетъ отъ недостаточности земельныхъ надѣловъ. Это примѣнительно къ хозяйству и поселянъ-собственниковъ, и тѣхъ, которые сидятъ на арендуемой землѣ. Какъ ни висока сельско-хозяйственная культура во Франціи, надѣль меньше 2 гектаровъ на семью долженъ быть признанъ слишкомъ мелкимъ, а менѣе 1 гектара — безусловно недостаточнымъ. А между тѣмъ, по даннымъ за 1884 годъ изъ общаго числа (14,071,081) земельныхъ владѣній 74,09% (10,246,368) составляли владѣнія менѣе 2 гектаровъ, а 61,02% даже менѣе 1 гектара. Въ Соединенномъ Королевствѣ число мелкихъ собственниковъ незначительно; Ирландія даетъ яркую картину ничтожно-малыхъ арендныхъ участковъ: въ

1901 году, изъ общаго числа хозяйствъ (преимущественно арендаторскихъ) до 60% приходилось на хозяйства меньше 15 земель.

Наша печать оказала Россіи очень большія услуги, настойчиво отмѣчая малоземелье крестьянъ, какъ одно изъ крупныхъ золь русской общественной жизни. Опредѣляя нормальныи, поглощающими всю рабочую силу семьи надѣль въ 10—12 десятинъ на семью съ 1 взрослымъ работникомъ или 5—6 десятинъ на 1 ревизскую душу для средней Россіи и до 15 десятинъ — около $7\frac{1}{2}$ на ревизскую душу — для южной, мы находимъ, что огромное большинство крестьянъ имѣть недостаточный надѣль: въ концѣ 70-хъ годовъ прошлаго вѣка изъ 20,594,292 ревизскихъ душъ только 4,240,541 душа — 20,6% всего крестьянскаго населенія — имѣли надѣль выше 6 десятинъ на 1 ревизскую душу. Надѣлы огромнаго большинства не только не достигали этой нормы, но представлялись ничтожными даже при гораздо болѣе интенсивномъ хозяйствѣ, нежели системы, повсемѣстно господствующія въ нашемъ отечествѣ. Надѣль отъ 4 до 6 десятинъ на ревизскую душу, т.-е. недалеко отъ нормы, имѣли 5,818,060 душъ, т.-е. 28,1%, отъ 2 до 4 десятинъ, т.-е. $1\frac{1}{2}$ — $1\frac{2}{3}$ нормы, имѣли 8,230,010 душъ, т.-е. 40% и, наконецъ, менѣе 2 десятинъ 2,305,681, т.-е. 11,3%, а изъ нихъ 640,000 имѣли менѣе 1 десятины. А для 1900 года мы имѣемъ такія цифры: въ Европейской Россіи (кромѣ Царства Польскаго и Кавказа) мужское крестьянское населеніе состояло изъ 43,176,000 душъ. Изъ нихъ 33,920,327 имѣли душевой надѣль болѣе 3 десятинъ, а 9,255,673 — менѣе 3-хъ. Среди посѣдѣній 1,273,000 имѣли только по 1 десятинѣ на душу или менѣе.

Столь малый надѣль, покрывающій едва 15—20% скучныхъ потребностей крестьянской семьи, ведетъ къ тому, что 1) земледѣльческій трудъ населенія ставится въ ненормальныи условія. Милліонныя массы бродятъ по всей странѣ въ поискахъ за сельскохозяйственной работой. Испытывая на себѣ все колебанія урожая, нерѣдко питалась въ дорогѣ Христовымъ именемъ, онѣ, даже въ лучшемъ случаѣ, теряютъ на передвиженіе очень много силъ; при достаточномъ земельномъ надѣльѣ, онѣ могли бы съ пользою провести въ собственномъ хозяйствѣ эти миллионы и миллионы потерянныхъ дней. 2) Малоземелье вызвало столь хищническое пользованіе почвой, что истощеніе естественныхъ богатствъ приняло въ Россіи угрожающіе размѣры. Высокая арендная плата частновладѣльческихъ земель еще въ 70-хъ годахъ оставляла крестьянину только ничтожныи крохи за его трудъ. Онъ могъ дойти до арендованія земли по столь высокой цѣнѣ только послѣ того, какъ извлекъ наибольшую пользу изъ производительныхъ силъ своего надѣла. А это выражалось въ распашкѣ всѣхъ удобій, которыхъ можно распахать. Во всей черноземной Россіи и даже далеко за ея пре-

дѣлами (напримѣръ, во многихъ волостяхъ Вятской губерніи) распахано 80—90% крестьянской надѣльной земли, т.-е., по крайней мѣрѣ, въ 1½ раза больше, нежели то можетъ быть допущено при правильномъ веденіи трехпольной системы хозяйства, господствующей въ нашемъ отечествѣ. Итакъ, недостаточность надѣловъ побуждаетъ земледѣльца не только расходовать проценты, но и быстро проживать земельный капиталъ. Эти прискорбныя послѣдствія малоземелья выражаются въ пониженіи урожайности на обширныхъ пространствахъ; многие участки земли становятся непригодны для культуры.

Въ Россіи легче бороться съ малоzemельемъ нежели въ Западной Европѣ, при ея густомъ населеніи. Но борьба увенчается успехомъ лишь въ томъ случаѣ, если крестьянамъ будетъ открыть широкій доступъ къ землямъ не только казны и уѣзда (начало этому положено въ 1906 году), но и частныхъ владѣльцевъ.

Государство освящаетъ экспропрацію, когда общественные пользы и нужды требуютъ изъ имущества изъ частной собственности: проводить желѣзную дорогу — и выкупаютъ у владѣльца землю, по которой она пролегаетъ; сооружаютъ крѣпость, устроиваютъ портъ — и отчуждаютъ обширныя площасти. Обеспеченіе нормальныхъ условій жизни десяткамъ миллионовъ крестьянъ еще болѣе важно, чѣмъ проведение желѣзныхъ дорогъ, устройство портовъ, крѣпостей. А потому, законъ долженъ санкционировать принудительное отчужденіе земель у частныхъ владѣльцевъ.

Отчужденіе должно быть а) возмезднымъ; б) следуетъ связать его съ размѣрами владѣній.

а) Оно должно быть возмезднымъ; но было бы наивно, высказываясь за это начало, держаться тѣхъ продажныхъ цѣнъ, по которымъ теперь крестьяне приобрѣтаютъ землю отъ частныхъ владѣльцевъ. Напомнимъ, что въ основаніи нынѣшнихъ сдѣлокъ по купле-продажѣ недвижимости лежитъ искусственно извѣнченная арендная плата. Отчужденіе же должно быть совершаено по цѣнѣ, которая соответствуетъ доходности земли при современныхъ типичныхъ условіяхъ русского сельскаго хозяйства. За послѣднія 10 лѣтъ въ Киевской, Курской, Полтавской губерніяхъ крестьяне покупали землю по 250, 300, даже 400 рублей за десятину. Въ этой суммѣ, быть можетъ, только половина или иѣсколько больше должно быть признано естественной цѣной. Отыскавъ послѣднюю, нужно признать ее вышеї нормальной цѣной за десятину пашней и луговъ. Только для участковъ, обладающихъ исключительными плодородіемъ или же очень близкихъ отъ рынковъ сбыта, выкупная цѣна можетъ быть болѣе высока.

б) Имѣнія частныхъ владѣльцевъ представляютъ, по размѣ-

рамъ, чрезвычайное разнообразіе. Чѣмъ болѣе обширно владѣніе, тѣмъ менѣе связано хозяйство съ личностью собственника, тѣмъ больше преобладаетъ доходъ отъ сдачи земли въ аренду, тѣмъ менѣе рѣзкій переворотъ внесетъ отчужденіе въ жизнь владѣльца. При скромныхъ размѣрахъ помѣщичьяго владѣнія, на хозяйствѣ больше замѣтна печать личныхъ усилий собственника; въ этомъ случаѣ выкупъ, отрывая отъ земельной единицы значительную часть, можетъ больше затруднить владѣльца, нежели сокращеніе площади земли у крупнаго собственника. Вотъ почему было бы цѣлесообразно ввести принудительное отчужденіе только для владѣній, которыхъ превышаютъ 100 или даже 150 десятинъ.

Но и болѣе крупныя имѣнія не представляютъ чего - либо однороднаго. Въ хозяйствахъ, такъ называемыхъ, среднихъ помѣщиковъ, на пространствѣ въ не сколько сотъ десятинъ, личный трудъ собственника нерѣдко имѣть большое значеніе для процвѣтанія дѣла. Чѣмъ болѣе мы приближаемся къ огромнымъ имѣніямъ, въ 1000 десятинъ и больше, тѣмъ менѣе становится нуженъ владѣлецъ для успѣховъ хозяйства и тѣмъ рѣзче во всѣхъ поступленіяхъ, которыхъ онъ получаетъ отъ земли, выдѣляется характеръ незаслуженнаго дохода. Многія изъ такихъ владѣній получены нынѣшними собственниками отъ предковъ, которымъ они были пожалованы Елизаветою, Екатериною II, Павломъ I съ насильственнымъ прикрѣпленіемъ десятковъ тысячи крестьянъ къ этимъ землямъ. И какъ предки вступили во владѣніе огромными территоріями безъ всякихъ заслугъ общественного или частно-хозяйственного характера, такъ и потомки могутъ жить безъ всякаго личнаго труда и увеличивать свой доходъ только вслѣдствіе ухудшенія обстановки деревенскаго населенія и повышенія арендной платы безостановочно, изъ года въ годъ. Другіе владѣльцы обширныхъ имѣній приобрѣли ихъ съ цѣлью спекуляціи. Покупая дешево тамъ, гдѣ представился удобній случай, они имѣли въ виду огромную прибыль, или отъ сдачи земли въ аренду или отъ распродажи ея крестьянамъ мелкими участками. Не забудемъ, что только одніхъ имѣній княгини Гогенлоэ въ Бѣлоруссіи и Литвѣ было продано, и преимущественно спекулянтамъ, до 800,000 десятинъ. Во всей же Европейской Россіи площадь такихъ имѣній огромна. Спекуляція, во всѣхъ случаяхъ, является такимъ способомъ приобрѣтенія имущества, который всего менѣе заставляетъ признанія; а изъ разныхъ видовъ спекуляціи купля-продажа земли обыкновенно связана съ душевными движениями самаго низкаго разбора. Спекулянты хлѣбомъ, шерстью, дровами стремится къ наибольшей прибыли и руководствуется головнымъ личнымъ расчетомъ; но, по крайней мѣрѣ, онъ несетъ изнѣстный рискъ: на ряду съ его складомъ шерсти, дровъ, угля

можетъ оказаться складъ и другого спекулянта. А потому расчеты первого могутъ быть разбиты. Кто скупаетъ землю, тот не несетъ никакого риска. Населенію окрестныхъ деревень уидти некуда. Скупщикъ земли не имѣеть соперника и тот-чай же, сдавая участки въ аренду или продавая ихъ, можетъ получить вышую цѣну, которую установляетъ не свободное соперничество съемщиковъ или покупателей, а только жалкая обстановка деревни. Такимъ образомъ, спекулянтъ землею не только руководствуется алчностью и жаждою наживы безъ труда, но, въ отличе отъ другихъ спекулянтовъ, и не рискуетъ. Вотъ соображенія, въ силу которыхъ, упорядочивая принудительный выкупъ земли, нужно провести рѣзкую границу между средними владѣніями и крупными.

Есть еще основаніе, которое дѣлаетъ такую границу необходимой. Всѣ обязанности гражданина относительно государства должны быть построены на началѣ прогрессивности. Не слѣдуетъ ограничивать примѣненіе этого начала только налогами: оно справедливо во всѣхъ случаяхъ, когда обязанность гражданина допускаетъ хозяйственную оцѣнку. Чемъ крупнѣе имущество и доходъ лица, тѣмъ большая ихъ доля обязана своимъ происхожденіемъ самому существованію государства. Наслѣдственное право помѣщаетъ человѣка въ опредѣленную общественную группу: что гражданинъ получилъ посредствомъ наслѣдованія, тѣмъ обязанъ онъ государству, поддерживающему это порядокъ. Даже тамъ, где крупное имущество приобрѣтено дѣятельностью самого владѣльца, постепенно восходящаго по экономической лѣстнице, главнымъ условиемъ для приобрѣтенія является государственный бытъ. Земля можетъ находиться въ интензивной обработкѣ и давать высокій доходъ только при густомъ населеніи, усовершенствованныхъ путяхъ сообщенія, обширныхъ рынкахъ сбыта, а все это предполагаетъ развитую государственную жизнь. Промышленное заведеніе можетъ достичнуть большихъ размѣровъ только тамъ, где окрѣпла довольно высокая гражданственность. Даже крупные доходы отъ разныхъ отраслей личного труда — механиковъ, инженеровъ, врачей, адвокатовъ, литераторовъ, пѣвцовъ, музыкантовъ — въ большей степени обязаны своимъ происхожденіемъ имущественнымъ различіямъ между классами, распределенію общественнаго дохода, т. е. положительному праву, нежели дарованіямъ лицъ, которые получаютъ ихъ. Внѣ государственного быта люди самыхъ выдающихся талантовъ принуждены почти столь же скучно удовлетворять свои потребности, какъ и малоспособные. Наоборотъ, граждане, пользующіеся незначительными долями народнаго дохода, получаютъ ихъ при гораздо меньшемъ участіи въ выгодахъ развитаго общественного быта; эти люди гораздо ближе къ тому состоянію, котораго они могли бы до-

стигнуть и безъ государства. А потому, чѣмъ богаче гражданинъ, тѣмъ болѣе обязанъ онъ выгодами своего общественного положенія тому строю, который слагается подъ влияніемъ государства. Разъ для гражданина возникаетъ обязанность дѣлать государству имущественные уступки, то въ основѣ ихъ должна лежать принципъ прогрессивности.

Естественная цѣна, по которой должны быть выкупаемы земли у частныхъ владѣльцевъ, примѣняется въ силу установленного принципа только къ имѣніямъ среднихъ размѣровъ. Разъ имѣніе превосходить эту норму, достигаетъ, скажемъ для примѣра, 700, 800, 1.000 десятинъ, то выкупная цѣна должна прогрессивно понижаться: чѣмъ болѣе велико владѣніе, тѣмъ, относительно, цѣна должна быть ниже. Если, напримѣръ, у владѣльца 400 десятинъ земли выкуплена по 150 рублей за десятину, то, при имѣніи въ 1.200 десятинъ, совершенно такого же качества, какъ первое, цѣна должна быть не выше 130 рублей, а для имѣній въ 2.000 десятинъ, однороднаго съ первымъ и вторымъ,—быть можетъ, не выше 100 рублей за десятину и т. д.

Размѣры отчуждаемыхъ имѣній, возрастая, достигаютъ, наконецъ, предѣловъ цѣлыхъ княжествъ. Владѣнія отдельныхъ лицъ, во много тысячъ десятинъ являются крайнимъ абсурдомъ съ любой точки зрѣнія. Они экономически нелѣпы, ибо нѣтъ такой системы хозяйства, для наилучшаго веденія которой было бы нужно, напримѣръ, 20.000 десятинъ. Они нелѣпы и въ смыслѣ обще-культурномъ, ибо захватываются такую площадь, гдѣ могло бы сложиться много благоустроенныхъ среднихъ и мелкихъ хозяйствъ, дающихъ сотнямъ людей доступъ ко всѣмъ приобрѣтеніямъ культурной жизни. Эти обширныя владѣнія—разсадники паразитовъ, тѣмъ болѣе вредныхъ, что ихъ паразитизмъ опирается на прочную монополію, которая переживаетъ всѣ кризисы хозяйственныя и политические и съ каждымъ годомъ служить источникомъ все болѣшихъ доходовъ.

Такимъ образомъ, разъ частное владѣніе очень велико, то его площадь, превосходящая известную, высокую норму, должна отойти государству безвозмездно, какъ земли монастырей и удѣла.

Крупный общественный переворотъ не долженъ быть совершенъ по одному общему шаблону; необходимость дифференціаціи вызывается сложностью современной общественной жизни. Расчлененіе необходимо и при решеніи земельного вопроса. Оно выражается въ отступленіяхъ отъ среднихъ оценокъ. При средней цѣнѣ земли определенного качества для данного уѣзда, придется повышать оценки въ разныхъ мѣстахъ и разныхъ пропорціяхъ, если земля близко подходитъ къ городу, населенному мѣстечку, большому торговому селу, станціи желѣзной

дороги. Но и поэтому этого будутъ неизбѣжны разные отклю-

ионія отъ общихъ положеній о выкупѣ. Такъ, напримѣръ, мѣстами есть имѣнія, далеко превосходящія 150 десятинъ, гдѣ помѣщикъ ведетъ усовершенствованное хозяйство и оказывается полезное влияніе на цѣлую округу. Личный починъ, энергія, исключительное трудолюбіе всегда заслуживаютъ признанія, а потому значительная льготы такимъ людямъ могутъ быть вполнѣ оправданы: въ однихъ случаяхъ можетъ быть уместно уплатить за отчужденіе такой земли выше средней цѣны для данной мѣстности; въ другихъ—будетъ цѣлесообразно оставленіе за владѣльцемъ большей площади, нежели за сосѣдями при одинаковыхъ размѣрахъ имѣнія, если сосѣди ведутъ хозяйство, которое нельзя признать образцовымъ, особенно поучительнымъ для окрестнаго населенія. Могутъ встрѣтиться и иные случаи, когда будетъ цѣлесообразно отклониться отъ среднихъ нормъ, установленныхъ для выкупа. Во многихъ имѣніяхъ есть заводы: сахароваренные, винокуренные, крахмальные и другіе. Очень часто материалъ для нихъ доставляется соображеніями крестьянами, и необходимымъ дополненіемъ завода является только небольшая часть имѣнія. Бываетъ, однако, и такъ, что материалъ, перерабатываемый заводомъ—свекловица, картофель—воздѣлывается въ предѣлахъ имѣнія. Иной разъ для этой цѣли нужна площадь, превосходящая 150 десятинъ. Такъ какъ въ подобномъ случаѣ центромъ имѣнія является заводъ, а земля, въ которой онъ нуждается, имѣть служебное значеніе, то будетъ цѣлесообразно оставить владѣльцу всю ту площадь, которая снабжаетъ его материаломъ.

Собственникомъ земель, отчуждаемыхъ для надѣленія крестьянъ, у монастырей, удѣльного вѣдомства, частныхъ владѣльцевъ должно быть государство. Пусть земледѣльцы, которые водворятся на данной площади, устроиваютъ на ней хозяйство, согласно съ началами мѣрскаго или подворного владѣнія. При бесперочномъ арендованіи, какъ то примѣняется къ казеннымъ землямъ, куда двигаются переселенцы, всѣ интересы крестьянскаго хозяйства будутъ обеспечены въ полной мѣрѣ. Оставленіе же права собственности за государствомъ позволитъ ему легко распорядиться этими землями, когда представится надобность измѣнить ихъ назначеніе.

Только при этихъ условіяхъ и станетъ возможенъ переходъ крестьянъ къ интенсивнымъ системамъ сельского хозяйства. До сихъ поръ такие планы, большую частью, не шли дальше пріятныхъ разговоровъ. Бѣдность крестьянъ дѣлала интенсификацію невыполнимою, ибо она требуетъ денежныхъ затратъ, по крайней мѣрѣ, въ полторы — двѣ сотни рублей на каждое мелкое хозяйство. А бѣдность земствъ исключала возможность покрытия всей страны сельско-хозяйственными станціями и другими временными учрежденіями, которыхъ прѣобращали бы миллионы

людей къ техническому знанію и повсюду создавали бы образцы рационального крестьянского хозяйства. Съ поднятіемъ благосостоянія деревни эти преграды будуть устранины; понадобится немногого лѣть, дабы крестьяне усвоили новые пріемы труда и подняли его производительность.

Выгоды крупнаго производства сравнительно съ мелкимъ такъ велики, что логически можно допустить вытѣсненіе послѣдняго изъ всѣхъ отраслей добывающей и обрабатывающей промышленности. И изъ препятствій для крупнаго производства многія устраиваются съ ростомъ населенія и благосостоянія. Возрастающая населенность и расширение сѣти жилѣзныхъ дорогъ открываютъ новые рынки для сбыта товаровъ, производимыхъ въ странахъ или областяхъ страны, которымъ были ранѣе обособлены отъ большихъ промышленныхъ и торговыхъ средоточий. Успѣхи технологіи безостановочно ведутъ къ изобрѣтенію такихъ машинъ, которыя замѣняютъ самыя разнообразныя операциіи рукъ работника. Все это облегчаетъ побѣды крупнаго производства. Постепенно оно внѣдряется и въ тѣ отрасли, гдѣ теперь всецѣло господствуетъ мелкое; но послѣднее еще долго сохранитъ за собой почву въ разныхъ отрасляхъ художественной промышленности и наиболѣе интенсивнаго земледѣлія.

Этотъ процессъ, если онъ пойдетъ такъ далѣко, какъ можно допустить его въ мышленіи, потребуетъ для своего завершенія долгаго периода въ предѣлахъ даже одной Европы. Не слѣдуетъ думать, что введеніе машинъ въ данную отрасль можетъ за короткое время упразднить всѣ мелкія промышленныя единицы. Если машины не увеличиваютъ многократно производительности труда, то мелкое производство, усвоивъ иѣкоторыя особенности крупнаго, можетъ долго держаться наравнѣ съ послѣднимъ. Соединеніе мелкихъ производителей въ одно цѣлое на какомъ-либо пунктѣ ихъ промышленной дѣятельности—для закупки сырья сообща, для сбыта издѣлій, совмѣстнаго пользованія зданіями ¹²⁾ (не говоря уже о производительныхъ артельяхъ), — облегчаетъ имъ соперничество съ крупнымъ производствомъ. Какъ во внѣшней природѣ, на ряду съ господствующими чистыми типами, встрѣчаются и смѣшанные, такъ на ряду съ крупнымъ производствомъ во многихъ отрасляхъ могутъ существовать и мелкія промышленныя единицы, усвоившіи иѣкоторыя выгодныя особенности крупныхъ.

ПРИМЧАНИЯ КЪ ДЕВЯТОЙ ГЛАВѢ.

1) Законодательства, различая ремесло (мелкое и среднее производство) отъ фабрики (крупное производство), прилагаются различные мѣрки. Пограничную черту между ремесленными и фабричными заведеніями составляютъ: по английскому закону 1867 г.—50 работниковъ, по французскому (1841 г.) и австрійскому (1860) 20. Нашъ *уставъ о промышленности* (ст. 2) говоритъ: „Мануфактуры, фабрики и заводы отличаются отъ ремесла тѣмъ, что имѣютъ въ большомъ видѣ заведенія и машины; у ремесленниковъ же неѣтъ ихъ, кроме ручныхъ машинъ и инструментовъ“¹⁾. Положеніе 1898 года о государственномъ промысловомъ налогѣ дѣлить производленія предпріятія на 8 разрядовъ по разнымъ признакамъ и тѣмъ уничтожаетъ старую классификацію.

2) См. Иванковъ. Полит. эконом. 124. *Schönberg. Handbuch.* I, 779—80. Koscher. III, 524 и др.

3) Чѣмъ болѣе развиваются кредитные отношенія, связующія многочисленными цепями производителей, торговцевъ и потребителей, тѣмъ труднѣе и крунинъ производителямъ удерживать товаръ въ ожиданіи болѣе высокихъ цѣнъ. Послѣднее всегда легче для тѣхъ, которые пользуются въ производствѣ, преимущественно, собственными капиталами и умѣренно—кредитомъ.

4) Въ 1875 г. въ Пруссіи, въ заведеніяхъ, имѣвшихъ не болѣе 5 работниковъ, на 100 хозяевъ приходилось 37 рабочихъ и учениковъ. Въ заведеніяхъ же, имѣвшихъ болѣе 5 работниковъ, на 1 хозяина приходилось помощниковъ: на сахароваренныхъ заводахъ—151, въ льнодѣлальныхъ—143, фарфоровыхъ издѣлій—110, бумагопрядильныхъ—101, машиностроительнѣхъ—62. Въ Германіи средняя производительность сахарного завода составляла въ 1882 году 2,324 тонны, а въ 1892—2,840. Въ Россіи, по отчету Департ. Населенія. Сбор., на 1 сахароваренный заводъ приходится 400—620 рабочихъ.

5) Ziegler. Wesen u. Werth kleinindustrieller Arbeit. 1901. 446—450.

6) Maass. Der Einfluss der Maschine auf das Schreinergewerbe. 1901. 58 и дальше.

7) Стоимость желѣзодорожной перевозки пшеницы составляетъ только $\frac{1}{10}$ гужевой, каменного угля— $\frac{1}{11}$. См. Чупровъ. Желѣзодорожное хозяйство. 1875, I. 20—21.

8) Въ новое время первымъ проповѣдникомъ мелкихъ хозяйствъ выступилъ маркизъ Мирабо. Въ своемъ сочиненіи *L'Ami des hommes* (1755), онъ возвѣстаетъ противъ крупныхъ хозяйствъ, обрабатываемыхъ временными фермерами. Его книга выдержала 5 изданій, очень понравившись демократическому духу, который началъ тогда распространяться во Франціи.

9) Еще A. Юнъ вычислилъ отношеніе между площадью земли и рабочими силами людей и скота на фермахъ разныхъ размѣровъ. На 1 работника приходится земли: на фермахъ въ 30 экровъ—15, въ 55—18 $\frac{1}{3}$, въ 88—22. На 1 лошадь приходится въ первомъ случаѣ 10 экровъ, второмъ—11, третьемъ—14 $\frac{2}{3}$.

10) Насколько увеличивается примѣненіе машинъ даже въ русскомъ сельскомъ хозяйстве, видно изъ того, что въ 1869 г. было привезено машинъ изъ-за границы только на 711,000 руб., въ 1880 болѣе; чѣмъ на 5 $\frac{1}{2}$ миллиона, а въ 1900—на 11,425,000 рублей. Въ 1879 г. въ Россіи было изготовлено машинъ почти на 4 миллиона, а въ 1891—на 10 миллионовъ рублей.

11) Русское винокуреніе доказываетъ быстроту, съ какой совершаются этотъ процессъ. По отчету Департ. Населенія. Сбор. за 1864 годъ, въ 1864—65 г. машины заподи, выпаривающіе менѣе 25,000 ведеръ спирта въ

годъ, составивши 85,1% общаго числа и приготовивши 47,8% всего излияния спирта из Импери; средніе (25—10 т. ведеръ), 13,6% общаго числа и 40,9%; бояльшіе (болѣе 100 т. ведеръ) 1,3% и 11,9%. Въ 1883—84 году мы имѣемъ для заводовъ этихъ 3-хъ группъ такія цифры: 63,9 и 22,3; 28,6 и 39,6; 7,5 и 38,1. Слѣдовательно, самыя бояльшіе заводы побѣдили не только мелкіе, но и средніе. Мукомольная промышленность Поволжья предста-вляетъ такую же картину. Волжское мукомольное фло приняло довольно крупные размѣры еще въ 40-хъ годахъ, однако, только за послѣднее 25-ти-лѣтіе замѣчается окончательная побѣда исполнинскихъ паровыхъ мельницъ надъ средними и даже крупными водяными и паро-водяными. Въ 1893 году на Волгѣ было всего 186 мельницъ; изъ нихъ 40 крупныхъ, перемалывающихъ болѣе $\frac{1}{2}$ миллиона пуд. зерна каждая, могутъ перемолоть 39 миллиновъ пуд. (66% общаго количества), а 146 мелкихъ и среднихъ—19%, миллиновъ пуд.—34%. Въ Силезіи было въ 1849 году 84,286 ручныхъ прядильщиковъ льна, а въ 1861—только 14,557. Въ Соединенныхъ Штатахъ на 1 фабрику хлопчатобумажныхъ изделий приходилось въ 1830 году 62,20 рабочихъ, въ 1880—172,54, а въ 1900—306,2.

12) Для поддержания мелкаго производства важны попытки технологіи доставлять движущую силу самыми мелкими долями. Общество освѣщенія Берлина электричествомъ надѣется решить эту задачу, снабжая ремесленниковъ города небольшимъ количествомъ электрической силы для движенія столярныхъ, токарныхъ, слесарныхъ и другихъ машинъ. Этой же цѣли служатъ изобрѣтеніе и примѣненіе мелкихъ дешевыя машинъ. Мелкие газовые двигатели болѣе выгодны, чѣмъ паровые, такъ какъ потребляютъ только $\frac{1}{10}$ количества угли. Не слѣдуетъ, однако, преувеличивать значеніе этихъ попытокъ. Слабое распространеніе мелкихъ двигателей доказываетъ, что нельзя видѣть въ нихъ спасеніе для ремесленаго производства: по переписи 1895 года, въ Германіи насчитывали 809,043 мелкихъ предприятія, изъ нихъ только 3,291—0,4%—имѣли двигателей.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Общее понятіе о формахъ производства.

Ученіе о формахъ производства имѣетъ своимъ предметомъ строеніе единицъ, производящихъ цѣнности, взаимныя отношенія между членами такихъ единицъ и отношенія участниковъ къ капиталу, вложенному въ производство. Какъ во внешней природѣ не легко найти рѣзко ограниченные другъ отъ друга роды явлений, такъ и формы производства не всегда представляются въ чистомъ видѣ. Нерѣдко въ предѣлахъ одной и той же единицы производства мы находимъ сочетаніе признаковъ, отличающихъ предприятія различныхъ формъ. Взявъ за признаки дѣленія на группы связи участниковъ въ процессѣ производства и отношеніе ихъ къ землѣ и капиталу, мы можемъ намѣтить слѣдующія основныя формы.

1) *Рабовладельческое производство.* Отличительнымъ признакомъ этой формы служитъ то, что земля, всѣ орудія производ-

ства и работники образуют одно цѣлое, подчиненное волѣ домовладыки. Работникъ безправенъ; онъ принадлежитъ господину парави съ вещами и рабочимъ скотомъ. Такъ какъ въ этомъ производствѣ есть только одно лицо—господинъ, только одна воля—воля господина, одно имущество—имущество домовладыки, то всѣ материальныя цѣнности, создаваемыя рабовладельческимъ хозяйствомъ, поступаютъ въ полную собственность господина. Не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо правѣ раба на долю продукта: въ зависимости отъ соизволенія повелителя онъ получаетъ много или мало, или даже ничего. Крѣпостное состояніе не образуетъ самостоятельной формы: будучи смягченнымъ видомъ рабства, оно составляетъ переходъ къ хозяйственному, частнокапиталистическому производству.

2) *Общинное производство* основывается на общинномъ владѣніи землей. Существование общиннаго землевладѣнія состоитъ въ томъ, что земля принадлежитъ на правѣ собственности юридическому лицу—общинѣ, а каждое физическое лицо, входящее въ ея составъ, получаетъ изъ всей площади земли определенный участокъ съ такою совокупностью правъ, какая община предоставляетъ и другимъ своимъ членамъ. Послѣдніе не связаны другъ съ другомъ во всѣхъ процессахъ своего сельскохозяйственного и промышленного труда; общий трудъ представляется въ современныхъ общинахъ не правило, а исключение; однако, между членами поддерживается тѣсная связь: она вытекаетъ изъ принадлежности всѣхъ ихъ къ одной общинѣ и изъ необходимости сообразовать свое единоличное и семейное производство съ тѣми правилами, которыми она устанавливается для всѣхъ членовъ; эти правила освящаются обычаемъ и руководятъ главными проявлениями хозяйственной жизни каждого общинника. Общинникъ есть прежде всего сельскій хозяинъ; земля служить для него главнымъ орудіемъ производства. Въ отличіе отъ частныхъ собственниковъ земли онъ владѣеть участкомъ только временно. Но онъ отличается отъ арендатора: послѣдній обрабатываетъ землю въ теченіе известнаго срока; общинникъ же пользуется своимъ участкомъ безсрочно. Передѣлы общинныхъ земель производятся, большую частью, въ неопределенные сроки, согласно съ требованіями большинства; для арендатора же срокъ пользованія землею опредѣляется впередъ, при заключеніи арендаго договора. Итакъ, община устанавливаетъ между членами многочисленныя и разнообразныя связи; они возникаютъ въ силу лишь того факта, что лицо родилось въ предѣлахъ общины или принято ею въ свою среду. Въ производительныхъ процессахъ, которые совершаются члены общины, они занимаютъ не одно и то же положеніе относительно орудій производства и матеріаловъ. Есть производительные процессы, где общинный трудъ выступаетъ во всей

чистотѣ на землѣ, принадлежащей общинѣ, ея члены трудятся такимъ образомъ, что работа распредѣляется между ними пропорционально рабочей силѣ семейства, количеству скота, всѣ добытые продукты помѣщаются въ обширныхъ амбарамъ и затрачиваются на пользу всей общины. Возьмемъ для примѣра другой процессъ—настьбу скота: и здѣсь общинное начало проявляется во всей чистотѣ. Скотъ принадлежитъ домохозяевамъ на правѣ частной собственности; но настьба совершается на общинной землѣ шастухами, которыхъ нанимаютъ, оплачиваются и содержатъ вся община. Но въ общинѣ можно наблюдать и иное отношеніе къ орудіямъ производства. Усадебная сѣдлость, вся движимость—орудія, скотъ—принадлежитъ общинникамъ на правѣ частной собственности; трудъ производится домохозяевами безъ всякой связи съ сосѣдями, при содѣйствіи только членовъ семьи; все, добытое трудомъ, образуетъ достояніе отдельныхъ членовъ. Во всѣхъ такихъ проявленіяхъ хозяйственной жизни общинное начало обнаруживается очень слабо; но и здѣсь мы можемъ съ полнымъ правомъ говорить объ общинной формѣ производства или, по меньшей мѣрѣ, о формѣ производства, запечатлѣнной общиннымъ началомъ. Хотя орудія и скотъ принадлежать общиннику на правѣ частной собственности, однако, онъ не можетъ пользоваться ими въ производствѣ, какъ частный собственникъ, ибо система работы, сроки для ихъ выполненія устанавливаются всѣмъ строемъ общинной жизни. Отводя такимъ образомъ общинной формѣ производства самостоятельное мѣсто среди другихъ формъ, мы должны отмѣтить, что она является удобной почвой для развитія въ ся нѣдрахъ и другихъ формъ. И это понятно. Формы, о которыхъ говорится ниже, или захватываются участниковъ только въ процессѣ труда, или же подчиняютъ себѣ нѣкоторыхъ, но далеко не всѣ стороны ихъ жизни; они служатъ преимущественно хозяйственнымъ цѣлямъ. Община же—по тѣмъ историческимъ силамъ, которыя создали ее, представляеть маленький міръ; ея хозяйственное значеніе велико, но велико также ея финансовое и административное значеніе, а въ прошломъ—политическое и религіозное. Многосторонность и разнобразіе этого міра открываютъ внутри общины широкій просторъ для разныхъ формъ производства. Члены общины, насколько общинный трудъ не предъявляетъ запроса на ихъ силы, ведутъ производство или исключительно семьями, или артелями, или на началѣ хозяйствомъ, частнокапиталистическомъ.

3) Въ *семейномъ* производствѣ, которое принято называть также *кустарнымъ*, личные отношенія между производителями основываются на родственной связи, имѣющей принудительный характеръ. Нѣкоторые писатели считаютъ отличитель-

нимъ признакомъ этой формы также и то, что производители владѣютъ орудіями и материалами; мы думаемъ, что нельзя считать, этотъ признакъ существеннымъ. Семейная форма производства въ земледѣліи выражается или въ томъ, что земля, тѣмъ болѣе движимость, принадлежитъ семье на правѣ частной собственности, или же въ томъ, что земледѣлецъ со своей семьей работаетъ на арендуемомъ участкѣ. Хозяйственный и культурный послѣдствій одного и другаго не одинаковы; но форма производства должна быть въ обоихъ случаяхъ признана семейною, если рабочія силы, участвующія въ производствѣ, связаны между собою семейными узами. То же должно быть сказано обѣ этой формѣ въ обрабатывающей промышленности. При семейной организаціи промысла, орудія и материалы часто принадлежатъ производителямъ; но эта форма уживается и съ тѣмъ порядкомъ, при которомъ семья—производительница получаетъ отъ предпринимателей орудія и материалы и сдастъ имъ готовыя издѣлія. Родь сырья, мѣсто его добыванія, измѣнчивыя условія сбыта опредѣляютъ отношеніе, въ которомъ производящая семья стоитъ къ орудіямъ и материаламъ.

4) *Артельное производство* имѣть слѣдующія отличительныя особенности. 1) Члены артели связаны договоромъ. 2) Они принимаютъ участіе въ дѣлахъ артели, какъ лица равноправные. 3) Они отвѣтствуютъ круговою порукой по всѣмъ дѣламъ союза. 4) При веденіи промысла, они участвуютъ или только трудомъ, или трудомъ и капиталомъ.

5) *Хозяйское или частнокапиталистическое производство* принимаетъ форму единоличныхъ и многодличныхъ предпріятій. Всѣмъ имъ свойственъ одинъ общий признакъ: соединеніе труда и капитала на началахъ формально свободного договора. Капиталъ принадлежитъ одному лицу или многимъ. Нерѣдко хозяева вовсе не участвуютъ въ производствѣ личнымъ трудомъ, а поручаютъ наемнымъ людямъ руководство предпріятіемъ, подобно тому, какъ физической трудъ исполняется наемными работниками. Раздѣльность труда и капитала въ хозяйствѣ производствѣ ведетъ къ тому, что всѣ цѣнности, созданныя предпріятіемъ, составляютъ собственность его владѣльца, а работники получаютъ только заранѣе точно установленную наемную плату. Къ этой группѣ примыкаютъ также производства общественныхъ союзовъ — города, земства, государства. Подобно тому, какъ въ частныхъ предпріятіяхъ, и здесь мы находимъ раздѣленность труда и капитала, рѣзкую грань между хозяиномъ (казна, городъ) и работниками. Формальное сходство становится полнымъ тождествомъ, когда казна или городъ ведетъ предпріятіе для получения наибольшаго дохода. Но когда государство или единица самоуправлія ведетъ предпріятіе изъ соображеній общественной пользы и не стремится къ ба-

рышу (устроивает бездоходную желѣзную дорогу, образцовую фабрику, банкъ для выдачи частнымъ лицамъ ссудъ на исключительно выгодныхъ условіяхъ), тогда государственное или общественное производство по духу принципиально отличается отъ частнокапиталистического.

Эти предварительные замѣчанія облегчатъ намъ болѣе подробное ознакомленіе съ формами производства. Рабовладѣльческое хозяйство представляетъ только исторической интересъ. Не останавливаясь на немъ, мы начнемъ съ изученія общины,

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Общинное землевладѣніе.

Литература. а) Для общаго теоретического и исторического ознакомленія съ общиною: *Ковалевскій*. Общинное землевладѣніе. 1887. *Его же*. Первобытное право. 1886. *Зиберъ*. Очерки первобытной экономич. культуры. 1883. *Спенсеръ*. Основанія соціологии. 2 т. *Лестурно*. Эволюція собственности. 1889. *Иванюковъ*. Курсъ. *Lavelleye*. De la propri t  et de ses formes primitives. 4 изд. 1891. *Maurer*. Einleitung zur Geschichte der Mark-Hof-Dorf und Stadtverfassung. 1853. *Его же*. Geschichte der Markverfassung. 1856. *Jnama-Sternegg*. Deutsche Wirtschaftsgeschichte, 2 т., 1879—91. *Lamprecht*. Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter, 4 т., 1886. *Maine*. Village communities in the East and West. 1876. *Hanssen*. Agrarhistorische Abhandlungen, 219, 1880—84. *Нассе*. Сельская община въ Англіи. 1875. *Seelbom*. English Village community. 1883. *Mucke*. Urgeschichte des Ackerbaues u. der Viehzucht. 1898. *Miaskowski*. Die schweizerische Allmend in ihrer geschichtlich. Entwicklung. 1879. *Луцицкій*. Поземелья, община въ Пиринеяхъ, *Ом. Зап.*, 1883, IX, X, XI. *Wism ller*. Geschichte der Theilung der Gemeinl ndereien in Bayern. 1904. *Wimbersky*. Eine obersteirische Bauerngemeinde. I. 1907. б) По общенному землевладѣнію въ Россіи: *Якушкинъ*. Обычное право, I. 1875. *Носниковъ*. Общинное землевладѣніе, 2 в. 1878. *Соколовскій*. Очеркъ истории сельской общины на сѣверѣ Россіи. 1877. *Орловъ*. Формы крестьянского землевладѣнія. 1879. Сборникъ материаловъ для изученія сельской поземельной общины. 1880. *Тригоровъ*. Община и подать. 1872. Сельская община въ Архангельской губерніи, 1882. *Васильчиковъ* и др. Землевладѣніе и землемѣдѣліе. *Капустинъ*. Что такое поземельная община? 1882. *Ефименко*. Изслѣдованія народной жизни. 1884. *Keussler*. Zur Geschichte u. Kritik des b auerlich. Gemeindebes. in Russland, 3 т., 1882—87. *Капустинъ*. Обзоръ материаловъ по общенному землевладѣнію, хранящихся въ вольноэкономич. обществѣ. *Рус. Мысль*, 1890, III и IV. Огромный материалъ содержится въ земскихъ статист. сборникахъ. Онь сведенія въ книгѣ *В. В. Итоги экономич. изслѣдов. Россіи*, т. I. Крестьянская Община. 1882. Много данныхъ содержать также *Материалы для изучен. эконом. быта государств. крестьянъ и инородцевъ Западной Сибири*, 1889—94, особенно *Осиповъ*. Экономич. бытъ крестьянъ Курганскаго округа, II, 1894. *Носниковъ*. Южно-русское крестьянское хозяйство. 1891. *Бажаевъ*. Очерки крестьянск. сел. хозяйства и земскихъ мѣтрополит. изв. *Москов.* губ. 1892. *Карелинъ*. Общин. влад. въ Россіи. 1893. *Кауфманъ*.

Община и успехи сельского хозяйства въ Сибири. 1894. *Бачоровский*. Русская община. I. 1900. Въ *Сборнику материаловъ для изученія общины* содержится указатель журнальныхъ статей до мая 1880 года. За послѣднія 25 лѣтъ можно отметить, преимущественно, слѣдующія журнальные статьи; *Л.-и. Интензивн. культуры и общин. землевлад.* *Рус. Мысль*, 1881. IV. *В. В. Очерки общинного землевлад. въ Россіи. Отчеч. Зап* 1882, I, III и IV. *Исаевъ. Передѣлы общинн. полей въ Ярославской губ. Земство*, 1882. № 16. *Красноперовъ. Антошина община. Отчеч. Зап*. 1882. VI. О-въ. На Ильменѣ. Земледѣльч. община, *Рус. Мысль*, 1883, IV. *Щепотьевъ. Еж. исторіи разрушен. смѣжи. формъ общин землевлад. на Сѣверѣ. Рус. Мысль*, 1888, XII. *Исаевъ. Община и артель. Юрид. Вѣст.* 1884, I. *Добротворскій. Поземельная община въ Орловскомъ уѣздѣ Вятской губерніи. Рус. Мысль*, 1884, IX. *Пругавинъ. Къ вопросу о разруш. крестьян. общин. Рус. Мысль*, 1884. VII. *Рева. Городъ—община. Юрид. Вѣст.* 1884, IX. *Михайлова. Общинный бытъ у крестьянъ Забайкала, области. Рус. Мысль*, 1885, XП. *Личковъ. Къ вопросу о разлож. поземел. общинны. Юрид. Вѣст.* 1886, III и IV. *Личковъ. Круговая порука и общин. землевлад.* *Рус. Мысль*, 1886, X. С—кѣй. Упадокъ крестьянскихъ хозяйствъ при общинномъ землевладѣніи. *Сынъ. Вѣст.* 1886, III и V. *Щепотьевъ. Законодательство и старин. формы землевлад. на Сѣверѣ. Сынъ. Вѣст.*, II. 1886. *Его же. Круговая порука иъ бытовомъ и фискал. отнosi. Сынъ. Вѣст.*, VII и VIII. *Личковъ. Общество. запашки. Рус. Мысль*, 1887, III. *Пономаревъ. Семейная община на Уралѣ. Сынъ. Вѣст.*, 1887, I. *Пругавинъ. Къ вопросу объ общества. запашкахъ. Сынъ. Вѣст.*, 1887, I. *Благовѣщенскій. Формы землевлад.* *Вѣст. Евр.*, 1888, IX. *Билевскій. Сельскохоз. основы общинного землевлад.* *Юрид. Вѣст.*, 1888, IX. *В. В. Возвышен. сельскохоз. культуры и община. Сынъ. Вѣст.*, 1888, III и IV. *Дудкинъ. Распадается ли община въ Волжско-Камскомъ краѣ. Сынъ. Вѣст.*, VIII. *Чудновскій. Алтайская поземельная община. Сынъ. Вѣст.*, 1888, IX, X и XI. *Лучинскій. Сибры и сибиринное землевлад. въ Малороссіи. Сынъ. Вѣст.*, 1889, I и II. *Номикосовъ. Общин. владѣніе въ Донскомъ Краѣ. Сынъ. Вѣст.*, 1889, VII. *Бородинъ. Очеркъ общин. хозяйства уральскихъ казаковъ. Сынъ. Вѣст.*, 1890, II, III, IV и V. *В. В. Регрессивныя явленія въ общинахъ. Сынъ. Вѣст.*, 1890, IX. *Гуревичъ. Общинное землевлад. и интензивная культура. Юрид. Вѣст.*, 1890, I и IV. *Кауфманъ. Очеркъ общин. порадковъ Нилимского округа. Рус. Мысль*, 1890, XI. *Булгаковскій. Артельная и мірскія запашки, сѣнокосы и зданія въ Обонежѣ. Рус. Мысль*, 1890, V. А. А. Е. Хозяйственный и общинный бытъ крестьянъ. *Сынъ. Вѣст.*, 1891, VIII. IX и X. *Голубевъ. Землевладѣніе на Алтаѣ. Юрид. Вѣст.*, 1892, II. *Швецовъ. Формы пользов. общин. землею на Алтаѣ. Сборникъ Правовѣд.* III, 1894. *Киришевъ. Подворное и общинное хозяйство. Рус. Богат.*, 1894. *Его же. Крестьян. землевлад. и община въ Херсон. губерніи. Рус. Богат.*, 1895, II. *Тернеръ. Общинное владѣніе и частная собственность. Вѣст. Евр.* 1895, V. Попытка перехода отъ участковаго землевладѣнія къ общинному. *Русская Мысль*, 1898, XII. *В. В. Простая община удѣльныхъ крестьянъ. Рус. Мысль*, 1899, VII. *Его же. Межселенные передѣлы среди удѣльныхъ крестьянъ. Рус. Мысль*, 1900, 5, 1901, 12. *Семевскій. Очерки изъ исторіи крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ. Рус. Богатство*, 1901, I и II. *Былевскій. Аграрный вопросъ въ Якутской области. Рус. Богатство*, 1902. *Васютковъ. Русская община на Кавказско-Черноморскомъ побережье. Вѣст. Евр.*, 1905, XII

I.

Почти до половины 19 столѣтія въ литературѣ господствовало мнѣніе, что частная земельная собственность предшествовала общинному владѣнію землей. Но учению многихъ историковъ права, послѣднее возникло такимъ образомъ, что поселяне,

жившіе хуторами, при которыхъ они имѣли земельныя угодья въ одной окружной межѣ, переносили, для большей безопасности, свои постройки, селились деревнями и, взамѣнъ отдѣльныхъ участковъ, получали надѣлы пазъ общинной земли. Только около половины прошлаго вѣка изслѣдованія Маурера, Гансена и другихъ писателей поколебали это ученіе. Было доказано, что въ старину землею владѣли не отдѣльные лица, а роды и племена, что общинное землевладѣніе предшествовало частному. Было разсѣяно наивное заблужденіе славянофиловъ, будто земельная община составляетъ принадлежность исключительно русской жизни. Дальнѣйшія работы надъ строемъ жизни первобытныхъ обществъ привели къ убѣждѣнію, что общность имуществъ служить необходимымъ спутникомъ низшихъ ступеней культуры и что частная собственность явилась слѣдствиемъ очень медленного процесса, постепенно уменьшавшаго разрядъ вещей, который оставались въ общемъ владѣніи.

Въ Австраліи, Америкѣ и Африкѣ есть дикия племена, у которыхъ не только земли, но и все движимыя вещи принадлежать всемъ членамъ общины. Однородность труда, отсутствіе раздѣленія занятій ведетъ къ общности имуществъ и общему потребленію.

По мѣрѣ развитія техники и раздѣленія занятій начинаетъ возникать частная собственность; первоначально она захватывается движимыя вещи, но постепенно распространяется и на недвижимое имущество. По народнымъ возврѣніямъ, трудъ служить источникомъ права собственности. Поэтому, право собственности на движимыя вещи, созданныя человѣческимъ трудомъ, развивается очень рано, за предѣлами исторической жизни народовъ. Частная же собственность на землю есть продуктъ сравнительно нового времени: Европа вступила въ средневѣковый periodъ съ господствомъ общинного землевладѣнія.

Новѣйшіе историки права даютъ намъ такую картину общинного землевладѣнія въ германской и романской Европѣ. Въ равнинныхъ мѣстностяхъ, гдѣ многія семьи могли вести хозяйство рядомъ, люди селились деревнями. Въ деревнѣ каждый глава семьи получалъ дворовое мѣсто, на которомъ строилъ избу и другія зданія. Право распоряженія этимъ участкомъ очень скоро перешло въ право частной собственности. Пахотныя земли принадлежали общинѣ или маркѣ, и каждый общинникъ получалъ въ полѣ свой жребій. Общинники пользовались несколькия лѣть этими участками, а затѣмъ подвергали ихъ передѣлу. Луга также периодически передѣлялись между общинниками. Лѣса, выгоны и пустоши не дѣлились на участки, а были открыты для свободного пользованія всѣхъ членовъ общини. Тамъ же, гдѣ гористая или болотистая мѣстность препятствовала поселенію деревнями, члены рода селились хуто-

рами. Около каждого хутора, рядом съ усадебной землей и огородами, была и пашня, не поступавшая въ передѣль. Но общинно-земельная связь между хуторами выражалась въ общемъ владѣніи и пользованіи лѣсами, пастбищами, водами, дорогами. Въ общинныхъ поляхъ каждый полноправный членъ получалъ такую же долю, какъ и остальные члены. Такъ какъ поля были не равного достоинства, то, для соблюденія выгоды всѣхъ домохозяевъ, пахотную землю дѣлили на несколько кварталовъ, которые были во всѣхъ своихъ частяхъ однородными цѣлями. Каждый общинникъ получалъ полосу въ каждомъ кварталѣ и достигалось равенство всѣхъ членовъ въ пользованіи общинной землей. Родившіеся въ общинѣ были полноправными членами; таковыми становились и тѣ, кого избирали на общинныхъ сходахъ.

Общее владѣніе землей служило главною связью между членами марки. Община имѣла, по отношенію къ своей землѣ, широкія права, которыя ограничивали свободу членовъ. Она не только опредѣляла, которымъ жребіемъ можетъ владѣть каждый членъ, но и упорядочивала способы пользованія отдѣльными участками. Смѣна пахоты паромъ, время сѣва, жатвы, пастбибы—все совершалось по ея опредѣленію. Подъ ея надзоромъ огораживались отдѣльные участки.

Получая участки земли въ пользованіе, общинники имѣли и право захвата, земли въ неподѣленной части марки. На основаніи этого права общинникъ расчищалъ въ лѣсу марки новину и огораживалъ ее или окружалъ межевыми знаками. Никто не нарушалъ его владѣнія.

Поземельная община, разложившись въ романскихъ странахъ въ началѣ Среднихъ Вѣковъ, сохранилась въ германскихъ до IX—X столѣтія. Обломки же общинъ упѣлѣли въ Германии до новѣйшаго времени, а въ Швейцаріи удержались еще многія черты общиннаго строя; въ горныхъ контанонахъ—Швицѣ, Ури и Унтервалльденѣ—въ собственности общинъ сохранились лѣса и пастбища. Однако, духъ равенства, отличающій первобытную марку, уже не существуетъ въ швейцарскихъ общинахъ; одни члены общинныхъ товариществъ имѣютъ по 20—80 земельныхъ паевъ, другіе—только по $\frac{1}{2}$ — $\frac{1}{4}$. Поземельные общинны сохранились мѣстами также на сѣверѣ и сѣверо-западѣ Германіи. Въ ихъ составѣ входятъ члены одного рода, происходящіе отъ дѣйствительного или мнимаго общаго родоначальника. Крупные роды распались на части, и каждая часть образуетъ самостоятельную общину. Каждая семья единолично пользуется участкомъ земли, тѣмъ болѣшимъ, чѣмъ ближе связь этой семьи съ родоначальникомъ. Участки остаются во владѣніи отдѣльныхъ семей до тѣхъ поръ, пока не является надобность передѣлить ихъ, чтобы дать землю пародившимся членамъ.

намъ общины. Большею частью, передѣлы совершаются каждыя 5—7 лѣтъ. Лѣса и пустыри состоять въ общемъ пользованіи всѣхъ членовъ рода. Родовую же общину (ауку) мы находимъ на Суматрѣ. Ауку владѣетъ зарослями и пустошами, гдѣ каждый членъ можетъ охотиться и рубить дрова. Деревня, населенная членами разныхъ аук, владѣетъ дорогами, площадями, мечетями, водопроводами. Округу, состоящему изъ многихъ деревень, принадлежать крупные лѣса, рѣки, залежи сѣры. Съ согласія старѣйшинъ, члены рода допускаются къ пользованію этими участками. Дома, плодовыя деревья и обработанныя поля находятся въ собственности отдельныхъ членовъ.—Остатки общинного владѣнія землей сохранились также у балканскихъ славянъ, у кавказскихъ горцевъ и многихъ другихъ народовъ.

Послѣ этихъ краткихъ указаній мы перейдемъ къ болѣе подробному изученію поземельной общинѣ въ современной Россіи. Въ Западной Европѣ эта форма владѣнія землею уже давно уступила място праву частной собственности. Въ азіатскихъ странахъ она также съживается подъ напоромъ индивидуалистическихъ началъ. Однако, при ознакомлениі съ мірскимъ строемъ русской деревни, мы будемъ имѣть случай показать, что поземельная община не сопутствуетъ только низкому экономическому быту, что она уживается съ успѣхами сельского хозяйства.

II.

Мѣстные изслѣдованія, произведенныя въ послѣдней четверти 19 вѣка, обнаружили существованіе въ Россіи такихъ видовъ общинъ.

1) Составная община или общины-волости, обнимающія не сколько деревень. До послѣдняго времени думали, что общинъ этого типа встречаются исключительно въ сѣверной Россіи; но статистико-экономическая изслѣдованія, произведенныя земствами, показали, что общинь этого рода сохранились и въ среднихъ губерніяхъ. Въ Устюженскомъ уѣздѣ Новгородской губерніи есть Городищенская волость съ населеніемъ въ 2000 душъ; ей принадлежитъ площадь земли до 30 верстъ въ поперечникѣ. Жители всѣхъ селеній этой волости пользуются безразлично выгонами и лѣсами. Иногда 2—3 селенія соединяются пашни и пускаютъ ихъ въ общій передѣлъ. Въ Олонецкомъ уѣздѣ община Вагинской дачи состоитъ изъ 100 селеній, сообща владѣющихъ 200,000 десятинъ земли. Подобную же обширную общину представляетъ земля Уральскихъ казаковъ.

2) Наиболѣе распространенный типъ есть *община-деревня*. Предѣлы общинъ совпадаютъ съ предѣлами селенія; въ Могилевской губерніи таковыхъ насчитывается 94⁹¹

3) Наконецъ, третій типъ образуетъ *раздѣльные общины*, которая уже предѣловъ одного селенія; въ составѣ одного селенія входитъ нѣсколько земельныхъ общинъ; каждая имѣеть въ собственности особую площадь земли. Иногда, ради хозяйственныхъ удобствъ, общины соединяютъ выгоны для совмѣстнаго пользованія. Общины первыхъ двухъ типовъ выработались въ далекомъ прошломъ хозяйственной жизни Россіи; а 3-й типъ долженъ быть признанъ новымъ: онъ могъ возникнуть только по прикреплению крестьянъ, когда въ одномъ селеніи были крестьяне нѣсколькихъ владѣльцевъ или же помѣщичи имѣеть съ государственными или удѣльными. Каждая группа образовала при крѣпостномъ правѣ самостоятельное цѣлое, имѣла особую площадь земли и, по освобожденію, удерживалась, какъ самостоятельная община.

Связь между общиной и ея членами устанавливается прежде всего фактъмъ рожденія даннаго лица въ предѣлахъ общинъ. Всѣ законности рожденія относятся равнодушно. Община, большую частью, признаетъ своимъ членомъ каждого, родившагося въ ней, хотя бы и вѣнъ законнаго брака. Если данное лицо выросло въ семье одного изъ общинниковъ, то за нимъ признается право на землю со всѣми послѣдствіями, вытекающими изъ этого права. Помимо этого, связь устанавливается также приемомъ въ общину стороннихъ лицъ. „Приписка къ обществу“ совершается чаще или рѣже въ зависимости отъ доходности земли общинны, размѣра надѣла, суммы платежей и другихъ условій; она даетъ приписавшему или всѣ права общинника, въ томъ числѣ и право на пользованіе земельнымъ надѣломъ, или же ограниченныя права, только усадебную землю или имѣеть съ нею право на пользованіе выгономъ и т. д.

Три начала устанавливаютъ связь между общинной землей и отдельными членами.

А) *Захватъ, заемка*. На низшихъ ступеняхъ гражданственности захватъ является однимъ изъ обычныхъ способовъ приобрѣтенія. Право собственности на общинную землю не можетъ быть приобрѣтено; но захватъ обосновывается для захватившаго право болѣе или менѣе продолжительного пользованія, которое община можетъ пріостановить, какъ скоро нарушаются ея интересы. Распространенность захвата въ сѣверныхъ губерніяхъ объясняется рѣдкостью населенія. Въ общинахъ Яковлевской волости Архангельского уѣзда сохранился такой порядокъ: найденная кѣмъ-либо прогалина въ лѣсу, которая могутъ быть обращены въ сѣнокосъ или подъ нашину, оставляется въ пользованіи заемщика до первого раздѣла; если же онъ составляютъ лишь небольшой участокъ, то могутъ быть удержаны владѣльцемъ неопределеннное время¹⁾. Въ нѣкото-

зуются 40 лѣтъ. Въ Евдоимовской волости Ошекского уѣзда лица, разработавшія пустоши, пользуются ими 15 лѣтъ. Захватъ ветрѣчается и въ южныхъ многоземельныхъ губерніяхъ²⁾. Этотъ пріемъ не противорѣчитъ общинному землевладѣнію. Община, какъ свидѣтельствуютъ приведенные факты, не отказывается отъ права собственности на участки, поступившіе посредствомъ захвата въ распоряженіе отдѣльныхъ членовъ; она ограничиваетъ распоряженіе извѣстнымъ срокомъ. По истечениіи же срока, участокъ получаетъ отъ общины назначеніе, которое она считаетъ наиболѣе цѣлесообразнымъ.

Б) Передѣлы земли. Возрастоющее населеніе, переходъ къ болѣе интенсивному хозяйству, необходимость пользоваться всею площадью земли и отсутствіе свободныхъ участковъ, которые могли бы быть предметомъ захвата, естественно выдвигаютъ новое начало; это начало — *передѣлы* — установляетъ связи между членами и общинной землей. Признавая за каждымъ членомъ право на часть общинной земли, равное праву всѣхъ другихъ членовъ, сознавая, что податныи тигости, которыхъ община несетъ на пользу государства и единицъ самоуправления, должны быть пріурочены къ землѣ и въ равной мѣрѣ обременить отдѣльныхъ членовъ, община предпринимаетъ отъ времени до времени передѣлы своихъ угодий. Передѣлы примѣняются къ 1) пахотнымъ землямъ, 2) пріусадебнымъ, 3) огородамъ и 4) лѣсамъ. Мѣстами есть отклоненія, но они только въ небольшой степени измѣняютъ общую картину. Нужно различать передѣлы двоякаго рода: а) *коренные* (общіе, черные), обнимающіе всю площадь общинной земли, и б) *частные*; они распространяются только на часть площади и касаются только некоторыхъ домохозяевъ. Частнымъ передѣламъ подвергаются только пахотныи и пріусадебныи земли.

Община является самостоятельной финансовой единицей; она отвѣчаетъ круговой порукой за исправный взносъ платежей и отбываніе натуральныхъ повинностей. Единицей, при установлении платежей, служитъ *ревизская душа*; вся площадь земли, находящаяся во владѣніи общинъ, равна числу ревизскихъ душъ, помноженному на число десятинъ, составляющихъ душевой надѣль. Государство, какъ субъектъ финансовыхъ правъ, видѣть въ общинѣ только сумму ревизскихъ душъ, на которыхъ лежать извѣстные сборы. Въ силу этого для общины является, повидимому, необходимость предоставлять каждому домохозяину пользованіе участкомъ земли, соотвѣтствующимъ числу ревизскихъ душъ въ его дворѣ. Еслибы община не была самостоятельнымъ органомъ финансового управлѣнія, то, вѣроятно, господствовалъ бы именно такой порядокъ. Но, имѣя право по собственному усмотрѣнію раскладывать всю сумму платежей на своихъ членовъ, община держится, при распре-

дѣланий земли, различныхъ руководящихъ началь. 1) Ревизскыи душа, т. е. каждый мужчина, записанный при X-ой ревизіи, не имѣеть дѣйствительного существованія. Хозайственныи силы и платежная способность крестьянскаго двора выражаются членами семьи, находящимися въ возрастѣ полной рабочей силы. Такимъ образомъ получается первая единица при передѣлахъ — вадѣленіе дворовъ землею по *работникамъ* мужскаго пола. Сюда же примыкаетъ, сходное въ принципѣ, распределеніе *по тягламъ*. — Тягломъ при крѣпостномъ правѣ называлась рабочая сила, представляемая мужчиной и женщиной (иначе говоря, мужемъ и женой); мѣстами, при распределеніи земли, принимаются въ разсчетъ взрослые работники обоего пола. При такомъ порядкѣ финансовая тягость всѣхъ видовъ и наименованій — а всѣ онѣ, какъ было замѣчено, пріурочиваются къ землѣ — ложатся равномѣрно на все рабочее населеніе общины. Проводя этотъ принципъ, община считается съ естественными особенностями возраста, ограничиваетъ полную рабочую силу 18 и 55 или 60 годами и считаетъ лицъ моложе 18 и старше 55 или 60 неспособными къ работѣ, но взносу платежей, а, стало быть, неимѣющими права на пользованіе общинной землею. Мѣстами въ распределеніе земли и платежныхъ тягостей вносятся болѣе дробныя вычисления: мальчики 13, 14, 15 лѣтъ, старики 65, 70 лѣтъ признаются равными $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$ работника, получають соотвѣтственно съ этимъ количествомъ земли и несутъ финансовые тягости. Работникъ служить единицей при распределеніи въ тѣхъ мѣстахъ, где доходность земли ниже платежей: только тамъ выгоды всѣхъ домохозяевъ требуютъ старателынаго соразмѣренія участковъ съ рабочей силой семьи; только тамъ пользованіе землею является не правомъ, а преимущественно обязанностью; только тамъ лица, не достигшіи 18 лѣтъ, имѣютъ основаніе противиться наложенню на нихъ надѣла, а переступившія за 60 лѣтъ — требовать освобожденія ихъ отъ земли. Община, вадѣляя каждую семью такимъ количествомъ земли, какое соотвѣтствуетъ числу взрослыхъ работниковъ, безошибочно заключаетъ, что, где больше рабочихъ силъ, тамъ больше и средствъ для удовлетворенія потребностей, больше возможности пополнить сторонними заработками пробѣды, которые оставляетъ сельское хозяйство. Свѣдѣнія относительно неплодородной полосы подтверждаютъ это предположеніе. Въ Московской губерніи преобладаетъ распределеніе земли „по работникамъ“. Мы находимъ то же въ Петербургской, разныхъ мѣстахъ Ярославской, Рязанской, Костромской, Тверской губерній. 2) Въ тѣхъ общинахъ, где доходы отъ земли выше платежей, при передѣлахъ держатся, большую частью, другой единицы. Землей не тяготятся. Если въ семье и много ревизскихъ душъ, а число работниковъ незначительно,

то возможность уплатить подати доходами отъ земли побуждаетъ членовъ крѣпко держаться за надѣль и противиться стремлению общинъ взять у нихъ часть земли для передачи въ пользованіе другихъ домохозяевъ. Здѣсь земля распредѣляется по *ревизскимъ душамъ*: каждый дворъ получаетъ надѣль соотвѣтственно числу ревизскихъ душъ, которыя лежать на немъ. Такой порядокъ преобладаетъ въ черноземной полосѣ: въ Тамбовской губерніи земля распредѣляется по ревизскимъ душамъ, и только въ исключительныхъ случаяхъ міръ отбираетъ у общинниковъ надѣлы; то же въ разныхъ мѣстахъ Рязанской, Тульской губерній, въ тѣхъ общинахъ Московской губерніи, где доходы отъ земли превышаютъ платежи. 3) Принимается *смѣшанная единица*: число взрослыхъ работниковъ и другія условія, которыя свидѣтельствуютъ о степени благосостоянія крестьянского двора — количество скота, выгодность промысла, которымъ занимается семья. Въ 70-хъ годахъ прошлого вѣка эту систему примѣняли 21% всѣхъ общинъ Московской губерніи, преимущественно государственные и удѣльные крестьяне, где между доходами отъ земли и платежами нѣть такого рѣзкаго несоотвѣтствія, какъ у бывшихъ помѣщичьихъ. Мы находимъ эту систему и во многихъ селеніяхъ Петергофскаго уѣзда. Повидимому, она примѣняется въ тѣхъ общинахъ нечерноземной Россіи, где крестьяне умѣренно обременены платежами. 4) Есть, наконецъ, и распредѣленіе земли *по Ѣдокамъ*. Въ 1880 г. былъ произведенъ передѣлъ въ 6 общинахъ Тульскаго уѣзда по Ѣдокамъ: „основаніемъ для передѣла послужилъ всякий наличный мужской и женскій членъ семьи... безъ всякаго различія возраста... Всякій членъ семьи, по выраженію крестьянъ „ Ѣдокъ“, получилъ по поль-надѣла“ ³⁾). Въ Вятской и Смоленской губерніяхъ, при передѣлахъ, мѣстами примѣняется сходная система. Мы имѣемъ мало подобныхъ указаний и затрудняемся сдѣлать никакое обобщеніе; однако, есть основаніе предположить, что распредѣленіе земли по Ѣдокамъ требуетъ валичности двухъ условій: 1) дохода отъ земли, превышающаго платежи, и 2) преобладанія демократическихъ стремленій среди членовъ общинъ, т.-е. образованіе большинства голосовъ тѣми общинниками, которые находятся приблизительно въ одинаковыхъ экономическихъ условіяхъ. Отсутствие первого сдѣлало бы распредѣленіе земли по Ѣдокамъ крайне обременительнымъ для многихъ членовъ, отсутствие же втораго выдвинуло бы на первое мѣсто интересы болѣе состоятельныхъ домохозяевъ, выгоды которыхъ требуютъ распредѣленія земли по ревизскимъ душамъ.

Поля общинны не представляютъ однороднаго цѣлаго. Свойство почвы, разстояніе отъ селенія, вертикальный разрѣзъ и многія другія условія неодинаковы; при довольно обширной площаціи, общинныя поля всегда состоять изъ участковъ, да-

леко не равнозначныхъ въ хозяйственномъ отношеніи. Раздѣль полей между общинниками на равные участки быль бы крайне неравнозначнымъ распределеніемъ. Отводъ каждому общиннику только одного участка, размѣры котораго были бы приведены въ точное соответствие съ качествомъ почвы и другими особенностями, важными для сельского хозяйства, представляется практически неосуществимъ, такъ какъ требуетъ сложныхъ приемовъ оценки. Поэтому, община разбиваетъ свои поля на столько коренныхъ участковъ, что каждый въ отдельности представляетъ однородное цѣлое. Слѣдуетъ ⁴⁾ отмѣтить 7 главныхъ условій, которыхъ община имѣеть въ виду, при раздѣлѣ полей на основные участки. 1) Большая или меньшая удаленность участка отъ усадебной осѣдлости. 2) Качество почвы, заставляющее образовать особые коны изъ участковъ земли исключительно лучшаго или худшаго достоинства сравнительно съ остальными. 3) Доступность для потравъ, заставляющая выдѣлять въ особые коны участки земли, которые постоянно подвергаются потравѣ. 4) Неправильность очертанія нѣкоторыхъ обрѣзковъ, образующихъ не прямоугольныя фигуры. 5) Несмѣжность нѣкоторыхъ участковъ пахотной земли съ остальными полями. 6) Особое отношеніе крестьянъ къ какому-нибудь участку: такъ, напримѣръ, участокъ, купленный сверхъ надѣла, часто составляетъ особый конъ. 7) Мѣстоположеніе участка, его холмистость или низменность, а потому большая или меньшая легкость обработки ⁵⁾). Чѣмъ меньше община, тѣмъ меньше потребность дѣлить пашни на нѣсколько коренныхъ участковъ, ибо тѣмъ болѣе земля однородна. Коренные участки носятъ разныя наименования: *конъ, ярусъ, холстъ, столбъ, прясло* въ средней Россіи, *мыра, четъ, выть* — въ Архангельской губерніи и друггія. Число коновъ зависитъ отъ особенностей пахотной земли; отдельные общины представляютъ въ этомъ отношеніи чрезвычайное разнообразіе. Орловъ вычислилъ для 800 общинъ Московской губерніи по 11 коновъ въ каждомъ полѣ, т.-е. 33 во всѣхъ 3 поляхъ. Давая членамъ участки въ каждомъ изъ коновъ, община поддерживаетъ начало равенства ⁶⁾). Въ небольшихъ селеніяхъ каждый работникъ или душа образуетъ самостоятельную единицу, которой и нарѣзывается надѣль въ каждомъ кону. Въ большихъ селеніяхъ вся община разбивается на нѣсколько группъ съ равнымъ числомъ членовъ; каждая группа получаетъ часть кона, и раздѣль по душамъ или работникамъ производится самостоятельно въ предѣлахъ каждой группы. Группы обозначаются названіями *осьмакъ, десятина, третъ* и т. п. Образованіе осьмаковъ доставляетъ большимъ общинамъ значительныя выгоды. При отбываніи государственныхъ и мірскихъ повинностей можно вести счетъ не по дворамъ, что было бы крайне сложно, а по осьмакамъ,

которые сами вѣдаютъ разверстку между своими членами. 2) Иногда это устраиваетъ необходимость производить коренные передѣлы; при измѣненіи семейнаго состава въ какомъ-либо осьмакѣ, равенство можетъ быть восстановлено частнымъ передѣломъ, т.-е. между членами даннаго осьмака. 3) Иногда достигаются и хозяйственныя выгоды: коны нерѣдко бываютъ такої величины, что отдельными хлевами достаются очень узкія полосы, затрудняющія обработку; въ этомъ случаѣ всколько членовъ осьмака соединяютъ свои полосы и дѣлать ихъ поперекъ, причемъ надѣль каждаго становится шире. Наименьшая ширина полосы на ревизскую душу составляетъ 3 аршина, а такъ какъ въ среднемъ дворъ не менѣе 2 душъ, то почти никогда не приходится менѣе 6 аршинъ на 1 дворъ. Наибольшая ширина — 20 аршинъ на 1 душу. Есть указанія на очень мелкія полосы: въ Шелашеской общинѣ Шенкурскаго уѣзда площадь полосы составляетъ 8—40 квадратныхъ сажень. Передѣлы совершаются обыкновенно предъ вывозкой навоза въ зяровое поле, т.-е. въ іюнѣ, и всѣ 3 поля передѣляются въ теченіе 3 лѣтъ. — Таковы общераспространенные порядки. Но есть и исключенія: во многихъ общинахъ Кузнецкаго уѣзда сроки передѣловъ не одинаковы для пашней унавоженныхъ и неудобряемыхъ; послѣднія передѣляются ежегодно, а первыя — гораздо рѣже. *Передѣлы съ нокосомъ* въ принципѣ мало отличаются отъ передѣловъ цахотной земли: вся площадь луговъ дѣлится также на коны, а послѣдніе, въ зависимости отъ размѣровъ общинъ, распредѣляются по осьмакамъ или по домохозяевамъ. *Пріусадебныя земли*, составляющія наиболѣе цѣнную часть крестьянскаго надѣла, также поступаютъ въ передѣль. Домохозяинъ особенно дорожитъ пріусадебнымъ участкомъ, на которомъ разводить огородъ, коноплянникъ, садъ, а потому общины, большую частью (напримѣръ въ Московской губерніи), передѣляютъ пріусадебныя земли такимъ образомъ, что полоса, непосредственно прилегающая ко двору, остается за домохозяиномъ, а ему, соотвѣтственно съ измѣненіемъ въ числѣ душъ или работниковъ, дается прирѣзка въ другомъ мѣстѣ или же дѣлается отрѣзка окраины его пріусадебного участка. — *Если передѣлу подлежитъ крупный лѣсъ*, съ деревьями разнокачественными, то ихъ группируютъ, а затѣмъ уже каждамъ группѣ дѣлится по осьмакамъ и дворамъ; если раздѣлу подлежитъ мелкій лѣсъ или кустарникъ, то его разбиваются на полосы, дѣлинки, а полосы дѣлать по осьмакамъ и душамъ.

Такъ производятъ коренные передѣлы. Почти вездѣ замѣчается стремленіе производить ихъ не слишкомъ часто. Коренные передѣлы имѣютъ ту невыгоду, что между полосами ломаются борозды, поросшія травой; многія борозды послѣ такой ломки оказываются среди полей, а это препятствуетъ

работъ. Но очень рѣдкіе передѣлы въ двухъ отношеніяхъ нарушаютъ интересы отдельныхъ общинниковъ 1) Если доходы отъ земли ниже платежей, то отдельные дворы, съ уменьшениемъ числа работниковъ, являются чрезмѣрно обремененными; 2) если доходы земли выше платежей, то, при увеличеніи семьи и числа работниковъ, въ менѣе выгодномъ положеніи оказываются тѣ домохозяева, у которыхъ мало земли. Уравненію способствуютъ *частные передѣлы*; они распространяются только на часть общинной земли и касаются только группы домохозяевъ. Частные передѣлы примѣняются только къ пахотнымъ и пріусадебнымъ землямъ. Для луговъ они не нужны, ибо въ большинствѣ случаевъ луга дѣлятся ежегодно; лѣса же, по самому своему характеру, допускаютъ только коренные передѣлы. Способы частныхъ передѣловъ состоятъ въ слѣдующемъ. а) Если двору А нужно дополучить такое же количество земли, какое нужно, при измѣненіи въ семейномъ составѣ, сложить съ двора Б, то, въ случаѣ достаточной широты полосъ, отъ надѣла Б отрѣзываютъ соотвѣтствующее количество земли и передаютъ въ пользованіе А; если измѣненія въ семейномъ составѣ этихъ дворовъ совершились въ одинаковой степени, но въ обратномъ направлениѣ, то уравненіе достигается еще легче: А и Б меняются своими надѣлами. б) Надѣлы, остающіеся свободными, "упалыми", держатели которыхъ или вовсе вышли изъ лѣтъ, или умерли, поступаютъ въ міръ. Если земля доходна, то въ общинѣ всегда найдется охотникъ взять такой надѣль и уплачивать міру арендныя деньги. Въ случаѣ низкой доходности земли, міръ разбиваетъ эти надѣлы по осьма камъ, а затѣмъ по душамъ, равномѣрно раскладывая на всѣхъ домохозяевъ. Если освобожденіе надѣловъ совпадаетъ со временемъ, когда въ отдельныхъ семьяхъ подростаютъ новые члены, то на этихъ новыхъ работниковъ и налагаются свободные надѣлы. Такіе же способы примѣняются и къ передѣламъ пріусадебной земли.

Сроки коренныхъ передѣловъ различны. Это зависитъ отъ слѣдующихъ условій: 1) Отъ системы хозяйства. Хозяйство, гдѣ къ земль прилагается мало труда и въ почву вносится мало удобрений, легче доцускаетъ частные передѣлы, нежели хозяйство, болѣе интензивное. 2) Отъ состоянія хозяйства: при каждой системѣ выгодность хозяйства не одна и та же; населеніе, имѣя много или мало стороннихъ заработка, можетъ быть больше или менѣе связано съ интересами землевладѣлія; чѣмъ лучше ведется хозяйство на общинной землѣ, чѣмъ большую важность имѣеть оно въ бюджетѣ доходовъ поссѣнія, тѣмъ менѣе склонна община къ частнымъ передѣламъ, и наоборотъ. 3) Отъ живучести общинного начальства. Если въ общинѣ прочно держится убѣжденіе, что земля должна быть равномѣрно распределена между общинниками, то передѣлы

совершаются чаще, нежели въ общинахъ, гдѣ преобладаетъ противоположное направлениe. Послѣднее условіе можно применить, главнымъ образомъ, къ общинамъ въ плодородныхъ губерніяхъ, ибо тамъ интересы отдельныхъ домохозяевъ выигрываютъ отъ неравномѣрнаго распределенія общинной земли. Въ мѣстностяхъ же мало плодородныхъ личные интересы страдаютъ не отъ недостаточнаго, а отъ слишкомъ большаго надѣла семьи, ибо съ нимъ сопряжена и большая сумма платежей. Къ главнымъ условіямъ присоединяются и разныя другія, имѣющія мѣстное значеніе. Вотъ почему коренные передѣлы не одинаково часты въ разныхъ общинахъ. Наиболѣе частыми нужно считать передѣлы каждые 3 года при 3-хъ-польномъ хозяйствѣ¹⁾ и каждый годъ при залежномъ или же среднемъ между залежнымъ и 3-хъ-польнымъ, но безъ удобренія. По свѣдѣніямъ, собраннымъ для 2192 общинъ Ярославской губерніи, только въ 33—1.5% всѣхъ, подвергнутыхъ изслѣдованію — передѣлы совершаются каждые 3 года²⁾. Для Московской губерніи мы имѣемъ 456 общинъ (11% общаго числа), гдѣ поля поступали въ коренной передѣлъ каждые 3 года или чаще. Въ Кузнецкомъ уѣзда Саратовской губерніи многія общины передѣляютъ поля ежегодно. Но въ большинствѣ случаевъ передѣлы совершаются гораздо рѣже — черезъ 6, 9, 12 лѣтъ и болѣе. Въ 2703 общинахъ Московской губерніи (60% всѣхъ извѣстныхъ общинъ) передѣлы совершаются черезъ 13—20 лѣтъ. Орловъ вычислилъ средній промежутокъ между передѣлами въ $12\frac{1}{2}$ лѣтъ для Московской губерніи; я вычислилъ его въ $13\frac{1}{4}$ лѣтъ для Ярославской. Вѣроятно, и для другихъ мѣстностей нечерноземной Россіи промежутокъ составляетъ 12—15. Совсѣмъ иную картину даютъ черноземныя губерніи. Стремленіе удержать возможно большее количество земли настолько сильно, что очень рѣдко обращаются къ кореннымъ передѣламъ, и промежутки между двумя передѣлами становятся все болѣе значительны. Въ Борисоглѣбскомъ уѣзде коренные передѣлы совершаются только при ревизіяхъ. Мѣстные статистики утверждаютъ, что среди государственныхъ крестьянъ замѣчается стремленіе передѣлить землю; у крестьянъ же помѣщичьихъ рѣшительно незамѣтно этой наклонности. Во многихъ общинахъ Рязанской губерніи коренные передѣлы также крайне рѣдки; послѣдніе были произведены при выходѣ изъ крѣпостной зависимости или при X ревизіи. Рѣдки передѣлы и въ Курской губерніи. Въ большинствѣ селеній Курскаго уѣзда послѣдній былъ произведенъ при X ревизіи.—Такъ какъ кореннымъ передѣломъ стараются сгладить всѣ неравенства, которыхъ вкрадлись въ жизнь общинъ, то въ него поступаютъ поля и прусадебная земли. Вытекая изъ необходимости устранить чрезполосицу, которая увеличивается вслѣдствіе частныхъ пе-

редѣловъ, крестьяне приступаютъ къ кореннымъ передѣламъ только въ случаѣ надобности и не устанавливаютъ срока для ихъ совершения. Иногда же устанавливается срокъ. Въ Ярославской губерніи намъ известны 10 общинъ, гдѣ при передѣлахъ устанавливается срокъ будущаго передѣла. Въ Московской губерніи известны 483 общины, въ которыхъ установлены сроки для передѣловъ. Назначаютъ срокъ, главнымъ образомъ, въ тѣхъ общинахъ, гдѣ прежде передѣлы производились слишкомъ часто. Сѣнокосы поступаютъ въ передѣлье ежегодно — таковъ общераспространенный порядокъ. Такъ какъ трава растетъ безъ затратъ труда и капитала, то порядокъ этотъ понятенъ. Но есть и исключения: мѣстами лучшіе луга передѣляются чрезъ шѣсколько лѣтъ, а худшіе — ежегодно: въ Заозерской общинѣ Крестецкаго уѣзда Повгородской губерніи хорошия сѣнокосы, „степенные логи“, передѣляются только при ревизіи, а остальные — ежегодно. Во многихъ общинахъ Мезенскаго уѣзда сѣнокосы дѣлятся черезъ 10 лѣтъ. Сроки передѣла лѣсовъ и кустарниковыхъ зависятъ отъ обилія этихъ угодій во владѣніи общинъ и потребностей: послѣ пожаровъ передѣлье совершается немедленно.

Частные передѣлы возстановляютъ равенство между общинниками, нарушенное въ промежуткахъ между коренными передѣлами. Понятно, что для нихъ неѣть определенныхъ сроковъ: чѣмъ ниже доходность земли, тѣмъ охотнѣе обращаются къ частнымъ передѣламъ. Это ясно выражается въ слѣдующихъ словахъ одного жителя Ярославской губерніи, давшаго отвѣты на программу по общинному землевладѣнію: „послѣ X-й ревизіи было много мелкихъ передѣловъ пашни у домохозяевъ между собою, какъ-то: скидки и накладки душевыхъ надѣловъ; послѣ убыли или прибыли дѣлаются уравненіе между собой“ ²⁾). Наоборотъ, въ плодородныхъ мѣстностяхъ и частные передѣлы производятся очень рѣдко.

Б) Общему пользованію подлежатъ выгоны, а въ сѣверныхъ губерніяхъ, богатыхъ лѣсомъ — и лѣса. Раздѣлья выгоновъ для единоличного пользованія неудобенъ и даже почти невозможенъ, ибо онъ былъ бы соприженъ или съ необходимостью много-кратно увеличить надзоръ за скотомъ, или же съ огораживаніемъ участковъ: то и другое потребовало бы излишнихъ расходовъ. Въ общемъ пользованіи находятся также воды, служащія для рыбной ловли и другихъ цѣлей. Тамъ же, гдѣ водное богатство составляетъ главное имущество общинъ, гдѣ хлѣбопашество не ведется, относительно пользованія водами соблюдается известный порядокъ, напоминающій передѣлы земли. Въ Чусово-озерской волости Мезенскаго уѣзда неѣть хлѣбопашства: общины раздѣляются на группы, соответственно числу принадлежащихъ имъ озеръ, и поочередно въ теченіе года пользуются каждымъ озеромъ.

Г) Въ наследственномъ владніи общинниковъ находятся усадебныя мѣста, т. е. дворъ съ избой и другими строеніями. Общинное владѣніе не примѣняется къ этимъ угодьямъ; они передаются по наследству, и только при отчужденіи усадебной земли стороннимъ лицамъ община ставить извѣстныя преграды.

Связь членовъ общины по землѣ вызываетъ къ жизни такія хозяйственныя задачи, которыя могутъ быть наилучшимъ образомъ рѣшены не отдѣльными лицами, а всѣмъ міромъ. Для улучшенія общинной земли осушаютъ луга, болота; міръ беретъ на себя также рѣты прудовъ для водопоя и другихъ цѣлей, сооруженіе изгородей, предохраняющихъ поля и другія угодья отъ потравы. Орловъ приводить для Московской губерніи до 15 извѣстныхъ ему случаевъ осушенія луговъ и болотъ посредствомъ канавъ; прорытіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, имѣющихъ нѣсколько верстъ въ длину, стоило сотень рублей. Въ Ярославской губерніи извѣстны случаи работъ въ 266 сельскихъ обществахъ стоимостью до 10,000 рублей. Главныя работы состояли въ прорытіи осушительныхъ канавъ, которыхъ проведено слишкомъ 167 верстъ. Кромѣ канавъ, вырывались пруды, произошла расчистка кустарниковъ, поднимались нови. Къ расходу въ 10,000 рублей нужно прибавить работы, произведенія трудомъ самихъ общинниковъ; ихъ денежная цѣна не определена. Мы имѣемъ сиѣдѣнія о такихъ же работахъ для Олонецкой и другихъ губерній. Въ однихъ случаяхъ каждая община совершила работы единолично; въ другихъ, при смежности осушаемыхъ луговъ, работы предпринимались сообща цѣлой группой селеній: въ 1873 г. 14 селеній Острогожской волости Подольского уѣзда сообща осушили луга на Москвѣ-рѣкѣ. Работы были выполнены самими общинниками и наемными землекопами. Но въ обоихъ случаяхъ все затраты трудомъ или деньгами распредѣлялись равномѣрно по душамъ или работникамъ, какъ и земельные надѣлы. Тѣми же началами руководствуются и при огораживаніи участковъ: работаютъ отдѣльные хозяева съ соблюденіемъ очереди, а матеріаль доставляется міромъ. 2) Отмѣтимъ общественные запашки, какъ одинъ изъ самыхъ важныхъ видовъ общинного труда. Земскіе статистики изслѣдовали больше 600 случаевъ общинныхъ запашекъ въ губерніяхъ Екатеринославской, Таврической, Херсонской, Воронежской, Курской, Орловской, Симбирской и Саратовской. Общественные запашки вводятся всего чаще для пополненія хлѣбныхъ магазиновъ; но есть не мало случаевъ введенія ихъ и для другихъ цѣлей: сооруженія или исправленія церкви или колокольни, для выдачи жалованья священнику, содержанія училища, сиротъ или престарѣлыхъ общинниковъ. Обработка земли, отведенной для общественной запашки, производится иногда наемнымъ трудомъ, но чаще самими общинниками, причемъ работа или

правильно разверстывается между всеми домохозяевами, или исполняется каждымъ по мѣрѣ силы; послѣднее наблюдается преимущественно въ мелкихъ общинахъ или при небольшой напашкѣ. Тамъ, где общественные запашки были введены по предписанію мѣстной административной власти или земства, крестьяне часто относятся къ нимъ не сочувственно. Тамъ же, где населеніе ввело запашки по собственному побужденію или по совѣту со стороны, крестьяне считаютъ эту форму труда очень полезною. Какъ бы, однако, ни относилось населеніе къ общиннымъ запашкамъ, они представляются намъ необходимують будущемъ формою труда на общинной землѣ: дробленіе надѣловъ будетъ давать единоличный трудъ домохозяевъ все менѣе выгоднымъ. 3) Общинное начальство выражается также въ пріобрѣтеніи мѣромъ быковъ, молотилокъ. 4) Наемъ пастуха, по необходимости, есть дѣло общины, но отдельные члены покрываютъ расходъ на пастуха, строго соотвѣтственно числу головъ скота, которымъ владѣеть каждый домохозяинъ. Между родами скота устанавливается опредѣленное отношеніе (1 корова приравнивается опредѣленному числу овецъ, козъ, жеребятъ); каждый участвуетъ въ платѣ пастуху соотвѣтственно количеству своего скота и соразмѣрно же съ этимъ даетъ пастуху обѣдъ опредѣленное число разъ. Наконецъ, жизнь общинь выработала разныя формы взаимооществованія между общинниками при постройкѣ избъ послѣ пожаровъ, во время повальныхъ болѣзней и въ другихъ случаяхъ.

Укажемъ на мѣры, которыми принимаетъ община для огражденія 1) своихъ интересовъ и 2) выгодъ отдельныхъ членовъ.

1) Надѣль поступаетъ въ единоличное пользованіе домохозяина. Но земля есть достояніе общины; по истечениіи извѣстнаго срока, участокъ возвращается общинѣ, которая и можетъ, при передѣльѣ, дать его другому члену. Оберегая интересы цѣлаго, община нуждается въ мѣрахъ, которые охраняли бы ея землю отъ источенія. Эти мѣры примѣняются чаще въ неплодородныхъ мѣстностяхъ, ибо тамъ связь каждого домохозяина съ общинной землей менѣе прочна, чѣмъ въ плодородныхъ губерніяхъ. Къ числу такихъ мѣръ относятся: а) Обязательный вывозъ навоза на поля; иногда община запрещаетъ своимъ членамъ удобрять землю, купленную ими въ частную собственность, до тѣхъ поръ, пока не удобрѣнъ надѣль. Это примѣняется во многихъ общинахъ Московской губерніи. б) Такъ какъ пустыри представляютъ большія неудобства и служатъ источникомъ для распространенія сорныхъ травъ на обширной площади, то общины или а) обязываютъ всѣхъ членовъ обрабатывать полосы, или б) обрабатываютъ пустырь мѣромъ и въ наказаніе члена, занутившаго полосу, лишаютъ его какой-нибудь выгоды, напримѣръ, части сѣнокоса, или в) отводятъ такимъ членамъ надѣли

на болѣе отдаленныхъ участкахъ, которые постепенно обрашается въ выгоны и т. п.

2) Выгоды отдельныхъ общинниковъ также требуютъ охраненія. Гдѣ не весь домохозяева старательно воздѣлываютъ землю, гдѣ дворы рѣзко отличаются другъ отъ друга по степени благосостоянія, тамъ даже тщательное выполнение передѣла нарушаетъ интересы многихъ: одинъ, вмѣсто полосы, хорошо уваженной, получаетъ неудобренную землю; другой — вмѣсто земли, тщательно распаханной, — пустырь. Общинникамъ, чьи выгоды этимъ нарушены, община даетъ иногда денежную приплату и предоставляетъ получающему пользоваться ею по усмотрѣнію или же специально „на навозъ“. Во многихъ общинахъ Московской губерніи держатся такого порядка, что общинникъ, запустившій свой надѣль подъ пустырь, снова получаетъ его при передѣлѣ. Во многихъ деревняхъ Холмогорскаго уѣзда домохозяинъ получаетъ отъ мѣра по 5—10 конѣкъ за возъ, если отъ него отходить полосы съ навозомъ.

III.

Постараемся отвѣтить на вопросъ, препятствуетъ ли община развитію народнаго хозяйства?

Противники¹⁰⁾ общинного землевладѣнія дѣлаютъ ему, главнымъ образомъ, слѣдующіе упреки. 1) Общинникъ работаетъ вило и небрежно; частный собственникъ любить землю и старательно воздѣлываетъ ее. 2) Передѣлы полей отнимаются у общинниковъ охоту удобрять ихъ участки, такъ какъ въ близкомъ будущемъ они могутъ перейти въ пользованіе сосѣда. 3) Общинное владѣніе невыгодно вслѣдствіе черезполосности участковъ и принудительной обработки. 4) Связанная съ общиною круговая порука ложится тяжелымъ бременемъ на исправныхъ домозаевъ. 5) Община оказываетъ дурное краевественнное влияніе: давая каждому право на надѣль, она внушаетъ своимъ членамъ уверенность, что они не умрутъ съ голода, и темъ ослабляетъ ихъ заботы объ улучшеніи собственной доли. 6) Отмѣна общины не можетъ повести въ Россіи къ развитію пролетариата, такъ какъ земли много и каждый можетъ найти себѣ работу. 7) Удерживая у земли слишкомъ многочисленное населеніе, община препятствуетъ росту городовъ, развитію обрабатывающей промышленности и подъему народнаго благосостоянія.

Посниковъ въ своемъ превосходномъ труде „Общинное землевладѣніе“ отвѣтилъ на нѣкоторые упреки. Онъ сравнилъ положеніе общинника съ судбою фермера. Оба не владѣютъ обрабатываемой землей на правѣ собственности: одинъ пользуется землею частныхъ лицъ, другой — землей общины. Пере-

дѣлъ полей имѣеть для общинника такое же значеніе, какъ для фермера возобновленіе арендаго договора. Но общинникъ имѣеть ту выгоду, что можетъ во всякомъ случаѣ разсчитывать на получение отъ общины участка земли, тогда какъ фермеры не имѣютъ этой увѣренности. Въ Англіи и Бельгіи большая часть сельско - хозяйственныхъ улучшений выполнена фермерами. Склонность заботиться о землѣ поддерживается въ фермерѣ тѣмъ, что законъ даетъ ему право требовать отъ владѣльца вознагражденія за расходы на улучшеніе земли. Если же фермеръ можетъ быть главнымъ двигателемъ сельского хозяйства, то нѣтъ основанія думать, что успѣхи невозможны въ общинахъ. Крупные улучшения общинныхъ земель (осушеніе, орошеніе, устройство плотинъ, разведеніе лѣса) должны быть, по мнѣнію Посникова, производимы на общинный счетъ, такъ какъ въ нихъ заинтересовано все населеніе данной деревни. Раздѣль общинной земли между членами въ частную собственность помѣшать бы подобнымъ предпріятіямъ, ибо группа мелкихъ собственниковъ не столь быстро приходитъ къ соглашенію, какъ члены общины. Передѣль не оказываетъ влиянія на всѣ такія улучшения. Онъ не стоитъ въ связи и съ улучшеніемъ построекъ, орудій, скота, ибо общинникъ владѣеть этими вещами на правѣ частной собственности. Для того же, чтобы передѣлы полей не препятствовали крестьянамъ улучшать пашни, которыми они пользуются только временно, община должна вознаграждать ихъ при передѣльѣ, если они, взамѣнъ удобренаго, получаютъ тощій участокъ.

Принудительная обработка, по мнѣнію Посникова, не связана съ общиннымъ владѣніемъ; она является слѣдствиемъ недостатка въ выгонахъ и необходимости пасти скотъ на паровомъ полѣ. Въ тѣхъ же общинахъ, которые имѣютъ особые выгоны и гдѣ скотъ не пасется на паровомъ полѣ, принудительная обработка не существуетъ; отдельные домохозяева, болѣе энергичные и достаточные, могутъ не держаться той системы хозяйства, которой сидѣуетъ большинство членовъ общины.

И череззолосица не является неизбѣжнымъ спутникомъ только общинаго владѣнія землей: мы встрѣчаемъ ее въ разныхъ мѣстахъ Западной Европы, при правѣ частной собственности на землю. Чѣмъ болѣе дробится земельная собственность, тѣмъ болѣе развивается череззолосица. Но череззолосность участковъ въ общинныхъ поляхъ можетъ и не быть, связанный съ тѣми невыгодами, о которыхъ говорятъ противники общины. а) Если концы полевыхъ полосъ упираются въ дорогу, то общинники вѣзаются на свои надѣлы съ дороги и не затаптываютъ соѣдніихъ полосъ. б) Даже при значительной череззолосицѣ, полосы не такъ узки, чтобы было затруднено

тицательная ихъ обработка. в) Черезполосица не ведеть къ потерѣ большаго количества земли, такъ какъ между полосами часто воисе нѣтъ межниковъ, а только довольно широкія борозды. г) Наконецъ, не слѣдуетъ много говорить о потерѣ времени: крестьяне работаютъ на себя и стараются терять, какъ можно меньше времени при передвиженіи съ одной полосы на другую.

Соглашаясь съ доводами Песникова, мы признаемъ неубѣдительными и вѣкъ оставлія возраженія противъ общины. Нападающіе на круговую поруку забываютъ, что ея распространение на финансовая обязанности общинниковъ предъ государствомъ (именно здѣсь она всего чаще напоминаетъ о себѣ) не стоитъ въ связи съ общиннымъ владѣніемъ землей и что она ложится на неправныхъ домохозяевъ тяжелымъ бременемъ лишь тогда, когда чрезмѣрно велики податныя тягости, и средний членъ общины не въ силахъ нести ихъ. Круговая порука часто сопутствуетъ и подворному владѣнію: колонисты-немцы, устраивавшись въ Волынской и Подольской губерніяхъ на арендумой землѣ, часто обезпечиваются круговой порукой исправные взносы арендной платы; если плата невысока, то, какъ они утверждаютъ, круговая порука не служитъ тяжелымъ бременемъ. Нельзя считать вѣскимъ и пятое возраженіе: оно было бы убѣдительно, еслибы община содержала своихъ нерадивыхъ членовъ; но, открывая всѣмъ, входящимъ въ ея составъ, доступъ къ землѣ, она не избавляетъ никого отъ необходимости трудиться не только для удовлетворенія скучныхъ потребностей крестьянской семьи, но, даже для того, чтобы не умереть съ голоду.—Факты настоящаго и данныхъ исторіи опровергаютъ шестое возраженіе: они доказываютъ, что изобиліе земель вовсе не мѣшаетъ развитию пролетаріата, такъ какъ количество земли, которое предлагается къ продажѣ, еще не даетъ людямъ покупательныхъ средствъ, необходимыхъ для приобрѣтенія земли и устроенія хозяйства. Наконецъ, наблюденія, сдѣланныя во многихъ странахъ, убеждаютъ, что мелкая земельная собственность постепенно поглощается крупною въ силу большей выгодности крупнаго производства. Не имѣть твердаго основанія и седьмое возраженіе: община не можетъ препятствовать росту городскаго населенія тамъ, где она не прикрѣпляетъ своихъ членовъ къ землѣ, не мѣшаетъ имъ заниматься, помимо сельскаго хозяйства, и разными другими промыслами.

Таковы наши отвѣты на обще упреки, которымъ подвергается общинное владѣніе. Посмотримъ же, насколько община, въ ея нынѣшнемъ видѣ, препятствуетъ развитию русскаго народнаго хозяйства.

Свѣдѣнія, накопленныя въ литературѣ, позволяютъ оцѣнить влияніе поземельной общины съ двухъ точекъ зрѣнія. 1) За-

мѣчается ли въ сельскомъ хозяйствѣ на общинныхъ земляхъ прогрессъ, который вызываютъ другія условія общественной жизни, — ростъ народонаселенія, расширение рынковъ сбыта, улучшеніе путей и который считается несомнѣннымъ при правѣ частной собственности на землю? 2) Находится ли сельское хозяйство у русскихъ крестьянъ-общинниковъ въ худшемъ или лучшемъ состояніи, нежели на земляхъ полныхъ собственниковъ?

1) Слѣдуетъ отвѣтить утвердительно на первый вопросъ. Тамъ, гдѣ хозяйство находится въ благопріятныхъ условіяхъ, оно сдѣлало успѣхи и при общинномъ владѣніи. Хозяйство крестьянъ-общинниковъ достигло высокой степени интенсивности вблизи обѣихъ столицъ: воздѣлываніе овоцей, ягодъ, плодовъ, развитіе молочного скотоводства, усиленное удобреніе почвы, высокая производительность земли, травосѣяніе на общинныхъ поляхъ въ Московской, Тверской, Новгородской губерніяхъ — все это факты, добытые мѣстными изобрѣтателями. Въ Московской губерніи земскіе агрономы способствовали развитію травосѣянія; къ концу 1905 года тамъ было уже 1.170 селеній съ правильнымъ травопольнымъ хозяйствомъ. Сюда же относятся данные о работахъ, выполненныхъ общинами для улучшенія луговъ и полей, для осушенія. Такое же значеніе имѣютъ и факты пріобрѣтенія общинами усовершенствованныхъ орудій, въ особенности, молотилокъ. Одни изъ этихъ фактовъ доказываютъ, что община, какъ цѣлое, старается улучшать свое хозяйство, другіе убѣждаютъ въ существованіи такою стремленіемъ у отдельныхъ членовъ. 2) Станемъ на вторую точку зрѣнія. Ки. Васильчиковъ для доказательства, что общинное землевладѣніе не препятствуетъ развитію сельского хозяйства, сравнилъ бытъ крестьянъ Великороссіи съ бытомъ крестьянъ Западнаго края, живущихъ при подворномъ владѣніи землей: такъ какъ послѣдніе живутъ не лучше и даже хуже первыхъ, то онъ сдѣлалъ заключеніе въ пользу общинъ¹¹⁾. Но такое заключеніе не убѣдительно, ибо крестьяне обоихъ разрядовъ раздѣлены многими солями верстъ и хозяйствуютъ въ совершенно различныхъ условіяхъ. Гораздо большее право на выводы даетъ сравненіе крестьянъ-общинниковъ и крестьянъ-подворниковъ въ предѣлахъ Московской губерніи; такимъ пріемомъ воспользовался Орловъ. Независимо отъ того, что въ селеніяхъ, гдѣ установилось подворно-наслѣдственное владѣніе, замѣчается все большая неравномѣрность между отдельными домохозяевами и обезземеленіе многихъ, „во всѣхъ селеніяхъ“, искать говорить Орловъ¹²⁾, „представляющихъ собою переходную ступень отъ общинного землевладѣнія къ подворному, не замѣчается улучшенія земледѣльческаго хозяйства; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ состояніи хозяйства произошелъ даже значитель-

ный упадокъ". Эти факты, однако, недостаточны: они указываютъ, что было бы слишкомъ смѣло признавать въ общинномъ землевладѣніи крупный тормазъ развитію сельского хозяйства, но, по своей малочисленности, не даютъ права на выводъ противоположный. Такимъ образомъ, нужно избрать иной путь для аргументированія.

Противники общины исходятъ изъ предположенія, что только сознаніе возможности произвольно распоряжаться въ данной области развивается въ человѣкѣ ту энергию, которую и обильяются всѣ промышленные успѣхи; для доказательства ссылаются на высокое состояніе сельского хозяйства въ Западной Европѣ и приходятъ къ выводу, что право частной собственности на землю быстро подвинуло бы крестьянское хозяйство въ нашемъ отечествѣ. Такой способъ аргументированія неудовлетворителенъ.

1) Для сравненія берутся величины совершенно различныя: всѣ государства Западной Европы, по племенамъ особенностямъ населенія, его густотѣ, уровню знаній, высотѣ благосостоянія, наконецъ, по своей политической и хозяйственной исторіи такъ мало походить на Россію, что нужно объяснить различія въ сельскомъ хозяйстве не одной формой землевладѣнія, но и многими другими причинами. Если же мы, не выходя изъ предѣловъ нашего отечества, сравнимъ хозяйство частныхъ землевладѣльцевъ всѣхъ сословій и различной имущественной обеспеченности, въ ихъ совокупности, съ хозяйствомъ крестьянъ-общинниковъ, то не получимъ впечатлѣнія въ пользу права частной собственности на землю: хозяйство первыхъ стоитъ почти не выше хозяйства вторыхъ; и у первыхъ мы замѣчаемъ не только мало интенсивныя системы земледѣлія, но, въ большинствѣ случаевъ, и мало рациональное пользованіе каждой изъ существующихъ системъ. Не слѣдуетъ забывать при этомъ, сравненіи, что землевладѣльцы не крестьянского сословія болѣе обеспечены и менѣе обременены податными тягостями.

2) Мы думаемъ, что, при всѣхъ заключеніяхъ этого рода, праву частной собственности придается безусловное значеніе; а вѣдь нужно доказать его. Хозяйственная жизнь человѣка представляетъ двѣ стороны: сумму потребностей и стремление удовлетворить ихъ. Очевидно, первый не связанъ съ юридическимъ порядкомъ, съ тѣмъ или другимъ строемъ права собственности: при всякомъ юридическомъ порядкѣ потребности одинаково настоятельно требуютъ удовлетворенія и побуждаютъ людей къциальному труду. Успѣшность послѣдняго зависитъ отъ порядка, создаваемаго положительнымъ правомъ, отъ того, насколько отдельныя правовые нормыдвигаютъ или задерживаютъ производство. Примѣняя это къ общенному землевладѣнію, мы можемъ сказать, что оно только въ томъ случаѣ ста-

вило бы производству неодолимыя преграды, если бы имѣло поустранимья особенности, которая всегда препятствуютъ хозяйственной дѣятельности человѣка. Разъ мы не найдемъ такихъ особенностей, то будетъ опрометчивымъ признавать въ силомъ фактъ общинного землевладѣнія и отсутствіи права частной собственности на землю условіе, препятствующее развитію русского сельского хозяйства. Анализируя русское общинное землевладѣніе, мы видимъ, что оно имѣть черты, вполнѣ соответствующія особенностямъ и частнаго владѣнія землей. Сюда относится право подворной собственности на усадебную осѣдлость, избу съ ея принадлежностями, движимость, словомъ, на то имущество, исключительное право распоряженія которымъ особенно дорого человѣку¹³⁾. Сюда же примыкаетъ известное многимъ общинамъ сѣверной Россіи и освѣщенное вѣковымъ обычаемъ отношеніе отдѣльныхъ лицъ и общинъ къ участкамъ, захваченнымъ поселянами; начало труда цѣнится wysoko: кто первый приложилъ трудъ къ данному ключку земли, за тѣмъ и признается право продолжительного и безпрепятственного пользованія участкомъ. Наконецъ, общее пользованіе выгонами, при невозможности держать скотъ въ стойлѣ круглый годъ и при поселеніи деревнями, является также вполнѣ цѣлесообразнымъ. Остается пользованіе пахотными землями и именно тотъ типъ пользованія, который сводится къ передѣламъ полей. Эта особенность и служить для противниковъ общины главнымъ предметомъ нападокъ. Нельзя отрицать, что частные передѣлы земли, безъ всякаго уравновѣшиванія невыгодъ, которыя они причиняютъ наиболѣе рачительнымъ хозяевамъ, способны замедлять улучшенія культуры. Но множество фактовъ доказываетъ, что частные передѣлы не составляютъ отличительной особенности русской общины и что, наконецъ, — часто производятся передѣлы или рѣдко—община принимаетъ въ разсчетъ неудобства, которымъ подвергаются отдѣльные члены, и старается устранить ихъ. Выше было показано, что передѣлы совершаются черезъ нѣсколько сѣво-оборотовъ, въ теченіе которыхъ трудъ и капиталъ общинника, вложенные въ землю, могутъ быть возвращены, что общины чаще передѣляютъ землю неудобляемую, нежели унавоженную, что передѣлы примѣняются съ особеною осторожностью къ присадебнымъ землямъ, на которыхъ положено наиболѣе труда, что, наконецъ, хозяева, интересы которыхъ страдаютъ вслѣдствіе передѣловъ, получаютъ вознагражденіе отъ общины въ денежнай или натуральной формѣ. Такимъ образомъ, община старается поставить своихъ членовъ въ условія, которыя не препятствовали бы усердной работѣ.—А если такъ, то вопросъ о необходимости частнаго землевладѣнія для успѣховъ сельского хозяйства долженъ быть формулированъ слѣдующимъ образомъ: разъ

земельная община ставить своихъ членовъ въ положеніе, не препятствующее успѣшиности труда, то можетъ ли ослаблять энергию только одно отсутствие права частной собственности на воздѣлываемый участокъ?

Мы даемъ на это отрицательный отвѣтъ. 1) Потребности побуждаютъ человѣка къ напряженію рабочей силы; оно ослабѣваетъ только въ томъ случаѣ, когда человѣку мѣшаютъ пользоваться плодами его труда, что отнюдь не является общимъ правиломъ въ строѣ русской земельной общины. Такимъ образомъ, право частной собственности не связано съ производствомъ. Можно допустить, что общество, сроднившееся съ этимъ правомъ въ теченіе многихъ поколѣній, уменьшитъ энергию труда по его отмѣнѣ, но еще *нужно доказать*, что люди, привыкшіе вести хозяйство при господствѣ общинного начала, нуждаются въ правѣ частной собственности на землю для увеличенія энергіи своего труда. 2) Многочисленные примѣры (представляемые цѣлыми странами) успѣшнаго веденія хозяйства съемщиками на чужихъ земляхъ, при цѣлесообразныхъ арендныхъ договорахъ, помогаютъ проверить наше заключеніе, полученное съ помощью дедукціи.

Однако, для полнаго освѣщенія этой стороны дѣла, мы считаемъ долгомъ отмѣтить пунктъ, на которомъ община уступаетъ частному владѣнію землею. Вышеприведенные факты убѣжддаютъ, что общинники переходятъ къ травосѣянію, фосфоритному удобренію, молотилкамъ, лучшимъ сортамъ сѣмянъ, разъ въ ихъ ближайшемъ сосѣдствѣ обнаружилась польза такихъ нововведеній. Можетъ быть споръ не о томъ, слѣдуютъ ли крестьяне-общинники примѣрамъ, которые полезны для ихъ хозяйства, а лишь о томъ, насколько они склонны вводить новые, оригинальныя улучшенія, или вовсе неизвѣстныя или же незнакомыя въ данной странѣ. Такое направленіе въ хозяйствѣ предполагаетъ три условія: 1) изобрѣтательность ума, которая помогаетъ человѣку создать что-нибудь новое или же воспользоваться существующимъ, но неизвѣстнымъ въ данномъ окружѣ, и приспособить изобрѣтеніе къ мѣстнымъ условіямъ; 2) полную свободу производить опыты съ новыми приемами труда, выѣзжавшимости отъ установившихся обычаевъ, отъ направленія, которому слѣдуютъ всѣ, образующіе данную общественную группу, и 3) (часто) значительная денежная средства. Послѣдняя нужны, напримѣръ, для опытовъ съ малоизвѣстными удобрениями, машинами. Первое условіе — личные качества ума и воли — не стоитъ въ связи съ формой владѣнія землею; природа распредѣляетъ въ людяхъ творчество согласно съ законами, которые еще мало изслѣдованы. Третьяго условія обыкновенно нѣтъ на сторонѣ изобрѣтателей, принадлежащихъ къ бѣднѣшимъ классамъ, населенія; часто встречаешьъ человѣка, кото-

рому не достаетъ сотни-другой рублей, дабы испытать изобрѣтение, осуществить мысль, долгіе годы владѣющуя его умомъ. Такъ какъ крестьяне-собственники и крестьяне-общинники образуютъ бѣднѣйшій классъ, то одинаково неблагопріятно поставлены относительно этого условія. Есть основаніе думать, что относительно втораго условія общинники поставлены менѣе благопріятно, нежели частные собственники. Общинникъ вывозить на поле навозъ и старательно удобряетъ свою ниву; но онъ затрудняется произвести опытъ съ канинтомъ или люпиномъ въ виду того, что поле, потребовавшее значительной затраты, можетъ отойти отъ него при ближайшемъ передѣлѣ. Община—слишкомъ цѣнная форма народнаго быта, чтобы нужно было доказывать ея преимущество и въ этомъ отношеніи. Но это преимущество мелкой частной земельной собственности можетъ обнаруживаться въ совершенно исключительныхъ случаяхъ, въ одномъ изъ многихъ тысячъ хозяйствъ. При грубомъ состояніи техники, отличавшей хозяйство нашихъ предковъ, довольно было просто изобрѣтательного ума, дабы вносить въ-которая улучшения въ орудія, матеріалы и способы производства; тогда не было особаго класса людей, который специально работалъ бы надъ этимъ дѣломъ, и не было учрежденій, которые брали бы на себя трудъ по производству опытовъ. Но технологія сдѣлала столь большие успѣхи, во всѣхъ отрасляхъ промышленности примѣнено такъ много новыхъ орудій и приемовъ, что теперь недостаточно одной изобрѣтательности для открытия чеголибо новаго, вовсе неизвѣстнаго. Изобрѣтенія нашего времени рождаются только на почвѣ глубокой и многосторонней научной подготовки. Простой, мало образованный человѣкъ можетъ быть даровитымъ самоучкой, можетъ придумать маловажныя новинки въ данной сферѣ труда, но не въ состояніи сдѣлать крупное техническое изобрѣтеніе. Новое время представляетъ и ту особенность, что умножились способы проверять годность изобрѣтений. Борьба за рынки дѣлаетъ каждого предпріимчиваго промышленника производителемъ опытовъ надъ многими новостями технології. Ростъ просвѣщенія и любознательности побуждаетъ многихъ лицъ — и въ сельскомъ хозяйстве чаше, нежели въ другихъ отрасляхъ — совершиенно безкорыстно производить разные опыты. Наконецъ, правительство и земство устраиваютъ опытныя фермы, агрономическія станціи, лабораторіи, где производятся опыты надъ приемами труда и матеріалами, свойства которыхъ еще мало познаны. Результаты этихъ изслѣдований становятся общими достояніемъ. Такимъ образомъ, крестьянское хозяйство даже въ малой мѣрѣ не страдаетъ отъ того, что одинъ самородокъ изъ миллионовъ среднихъ людей, быть можетъ, затрудненъ въ производствѣ опытовъ надъ вещами или приемами труда, ко-

торые вовсе неизвестны: крестьянское хозяйство имѣть готовые образцы, которымъ часто можно слѣдовать съ большою пользою для народнаго благосостоянія. А если мѣстами и нѣтъ такихъ образцовъ, то они легко могутъ быть созданы развитіемъ грамотности, распространеніемъ сельско-хозяйственныхъ знаній и устройствомъ опытныхъ станцій.

Итакъ, есть одинъ пунктъ, на которомъ земельная община, въ производствѣ, уступаетъ частному владѣнію землей. Но изъ-за этой, маловажной невыгоды, забываютъ о преимуществахъ: община ослабляетъ процессъ расчлененія крестьянской массы, замедляетъ богатѣніе немногихъ и пролетаризованіе огромнаго большинства.—Доводомъ противъ общины служить нерѣдко ссылка и на то, что подворная собственность позволяетъ западно-европейскимъ крестьянамъ жить лучше, чѣмъ живутъ наши поселяне. Это правда; но при такомъ возраженіи упускаютъ изъ вида, что сельскіе классы Западной Европы, пользуясь личной свободой и значительнымъ запасомъ общихъ и техническихъ знаній, достигли бы гораздо большаго материальнаго довольства, еслибы сохранили земельную общину.

Приведемъ въ пользу общины и другой доводъ. Законъ развитія общества состоить въ томъ, что индивидуумъ, для достиженія своихъ хозяйственныхъ, государственныхъ и культурныхъ цѣлей, становится членомъ все большаго и большаго числа союзовъ. Чѣмъ болѣе разнообразны запросы частной и общественной жизни, тѣмъ острѣе потребность людей въ основаніи разныхъ союзовъ. Это влеченіе встрѣчается на своемъ пути много преградъ: рѣдкость населения, дурные пути, слабое развитіе политической жизни, суровое отношеніе законодательства и администраціи къ союзамъ и собраніямъ. Россія находится именно въ такомъ положеніи. При необычайномъ развитіи обществъ, союзовъ и ассоціаций, при легкости, съ какою любая задача находитъ людей, готовыхъ образовать особую группу и дѣйствовать во имя поставленной цѣли, Западная Европа можетъ равнодушно относиться къ исчезновенію старыхъ формъ; но мы, русскіе, должны смотрѣть на это совсѣмъ иначе. Мы должны дорожить исторически сложившимися союзами; мы должны помнить о трудностяхъ, съ которыми у насъ связано образование новыхъ общественныхъ группъ; мы должны знать, что если общеніе, окрѣпшее на русской почвѣ, несовершенно, не удовлетворяетъ многихъ потребностей, то оно важно, какъ готовая форма, привычная всѣмъ, освященная обычаемъ, за-воевавшая себѣ опредѣленное мѣсто предъ лицомъ закона и исполнительной власти. Такова именно община. Есть недостатки въ ея строеніи и дѣятельности; но развивающаяся умственная жизнь затронетъ общину; она станетъ богаче содержаніемъ, будетъ полно удовлетворять потребности членовъ. Возьмемъ

самый простой примѣръ. Нѣсколько десятковъ лицъ хотятъ образовать производительную артель. Входя въ составъ одной общины, они могутъ безъ всякихъ затрудненій приложить артельное начало къ веденію сельскаго хозяйства, чѣму и находимъ примѣры въ разныx мѣстахъ Россіи. А сколько нужно хлопотъ, заботъ, хожденій по дѣламъ, бумаги и черниль для группы ремесленниковъ, которые хотятъ образовать артель! Эта разница объясняется вовсе не особенностями того и другаго промысловъ, а только тѣмъ, что община образуетъ устойчивый и обширный союзъ, въ предѣлахъ котораго безпрепятственно возникаютъ союзы и для единичныхъ хозяйственныхъ или культурныхъ цѣлей. Во второмъ же случаѣ недостатокъ готовой организаціи побуждаетъ считать каждую форму общенія чѣмъ-то новымъ, необычайнымъ, преслѣдующимъ, помимо явныхъ, быть можетъ, какія-либо тайныя цѣли: а потому и кажется, будто, новое начинаніе требуетъ строгаго и неослабнаго надзора со стороны администраціи.

Итакъ, остаются въ силѣ доводы, высказанные еще въ 50-хъ годахъ прошлаго вѣка Самариномъ, Кавелиномъ, Кошелевымъ и другими,— что общинное землевладѣніе даетъ слабымъ хотя небольшую точку опоры и каждому, способному трудиться, открываетъ доступъ къ землѣ, — этому главному орудію производства.

Прочно-ли въ Россіи общинное землевладѣніе? Есть двѣ формы разложенія общины: 1) переходъ общинниковъ къ подворному владѣнію участками и 2) выходъ отдельныхъ членовъ изъ общины съ выдѣленіемъ выкупленныхъ ими участковъ. Продолжительное существование общины, старинная привычка къ этой формѣ объясняетъ, почему до конца 19 вѣка мы имѣемъ немного случаевъ полнаго нарушенія общинного начала въ великороссійскихъ губерніяхъ. Изъ 2192 общинъ Ярославской губерніи, о которыхъ есть свѣдѣнія, въ 98 (4,5% общаго числа) вовсе не бываетъ передѣловъ полей. Большая часть такихъ общинъ — 55 — падаетъ на Рыбинскій уѣздъ. Въ Московской губерніи отъ общинного землевладѣнія къ подворному перешло только 10 селеній, окончательно выкупившихъ надѣлы. Мы находимъ немного такихъ случаевъ и въ Петергофскомъ уѣздѣ. Словомъ, для нечерноземной Россіи переходъ этотъ является исключеніемъ; да и тамъ, гдѣ онъ совершился, выгоны находятся въ общемъ пользованіи, и сохраняются многіе порядки, вытекающіе изъ общинного землевладѣнія. Хотя для черноземной Россіи мы не имѣемъ данныхъ о числѣ случаевъ перехода отъ общинного владѣнія къ участковому, однако, мѣстные изслѣдователи выносятъ впечатлѣніе, что переходъ совершился въ ближайшемъ будущемъ. „Что же касается крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ (говорятъ тамбовскіе статистики), характеризуя большую крѣпость

общинныхъ началь у государственныхъ крестьянъ), то здѣсь замѣчаются признаки коренного измѣнения въ некоторыхъ существенныхъ сторонахъ мірскаго землевладѣнія. Мы полагаемъ даже, что здѣсь постепенно совершается переходъ отъ общиннаго мірскаго землевладѣнія къ подворно-наслѣдственному¹⁴⁾. Исследователи Курскаго уѣзда отмѣчаютъ фактъ, „что участки приняли тотъ же характеръ родовой собственности, какъ и у сосѣдей—четвертныхъ владѣльцевъ, мало того, переходъ ихъ по наслѣдству практикуется даже въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ у четвертниковъ¹⁵⁾. О степени привычки крестьянъ къ общинѣ можно судить также по отношенію къ землѣ тѣхъ общинниковъ, которые сполна выкупили свои надѣлы. Статья 165 Положенія о крестьянахъ гласитъ: „До уплаты выкупной есуды выдѣлятъ участковъ отдѣльнымъ домохозяевамъ изъ земли, пріобрѣтенной обществомъ, допускается не иначе, какъ съ согласія мѣра. Но если домохозяинъ, желающій выдѣлиться, впесеть въ казначейство всю причитающуюся на его участокъ выкупную есуду, то общество обязывается выдѣлить крестьянину, сдѣлавшему такой взносъ, соотвѣтственный оному участокъ, по возможности къ одному мѣсту, до усмотрѣнію самого общества; а впредь до выдѣла крестьянинъ продолжаетъ пользоваться пріобрѣтеною имъ частью земли въ составѣ мірскаго надѣла безъ взноса выкупныхъ платежей¹⁶⁾. Эта статья облегчаетъ переходъ отъ общиннаго землевладѣнія къ подворно-наслѣдственному. Факты свидѣтельствуютъ, что пользованіе этой статьей принимаетъ все болѣе размѣры. Данныя по отдѣльнымъ мѣстностямъ, повидимому, показываютъ, что статья 165 не играетъ замѣтной роли. Въ Московской губерніи 244 домохозяина выкупили 714 надѣловъ. Изъ нихъ 218 домохозяевъ пользуются своей землей на общинномъ началѣ, участки ихъ поступаютъ въ передѣль, 7 — на началѣ смѣшанномъ, причемъ ихъ усадебная и пахотная земля выдѣлена къ одному мѣсту, а другими угодьями они пользуются вмѣстѣ съ сообщинниками; только 19 хозяевъ, т.-е. 8% получили полный надѣль въ одной отрубной межѣ. Въ Петергофскомъ уѣздѣ изъ 50 домохозяевъ, выкупившихъ надѣлы, только 10 выдѣлили ихъ къ одному мѣсту. Тригоровъ, собравъ свѣдѣнія въ Саратовскомъ уѣздѣ о домохозяевахъ, выкупившихъ надѣлы, не указываетъ ни одного случая, гдѣ бы выкупленный участокъ былъ отведенъ къ одному мѣсту. Эти участки поступаютъ въ передѣль на раду со всѣми другими, и выкупившимъ хозяевамъ дается всегда одно и то же количество земли. Однако, нельзя закрывать глаза передъ тѣмъ фактомъ, что пользованіе статьей 165 примѣняется все чаще и чаще. Въ 24 года (1864—87) выкупная сумма за эти надѣлы превысила 8 миллионовъ; они распредѣляются по 6-лѣтіямъ неравномѣрно. Въ процентномъ отношеніи

поступило: 1864—69—6%, 1870—75—16%, 1876—81—30% и 1882—87—48%¹⁶). Наблюдения на мѣстахъ убеждаютъ, что отдѣльные домохозяева часто выкупаютъ надѣлы не для достижения какихъ-либо выгодъ въ хозяйствѣ, а лишь съ цѣлью освободиться отъ круговой поруки¹⁶).

Крѣпость общиннаго начала во многихъ мѣстностяхъ Россіи доказывается переходомъ отъ подворного владѣнія къ общинному. Орловъ отмѣчаетъ 2 деревни Московской губерніи: одна перешла отъ подворного владѣнія къ общинному въ 1859 году, другая — въ 1877. Владѣніе было тамъ исконо подворнымъ, но крайняя неравномѣрность во владѣніи отдѣльныхъ дворовъ побудила перейти къ общинному. То же наблюдается въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ колоніяхъ Россіи. Сила общиннаго духа доказывается также совершеніемъ коренныхъ передѣловъ во многихъ общинахъ, где уже нѣсколько десятковъ лѣтъ не было передѣла. Подобныя свѣдѣнія получаются изъ многихъ мѣстностей Россіи¹⁷). Наконецъ, общиннаго начала обыкновенно примѣняются также при арендованіи земель. Итакъ, общинное начало еще живуче, но многія условія способствуютъ его ослабленію.

IV.

Отъ послѣдняго десятилѣтія прошлаго вѣка изданъ рядъ законовъ объ общинѣ.

Таковъ, во-первыхъ, законъ 8-го іюня 1893 года о *передѣлахъ земли*. Согласно съ этимъ закономъ, передѣлы полей и другихъ угодій, переверстываемыхъ на одинаковомъ основаніи съ пахотными землями, производятся по приговору, постановляемому сельскимъ обществомъ. Въ приговорѣ должны быть обозначены: срокъ, на который совершается передѣлъ, разсчетъ, по которому земля распредѣляется между домохозяевами, и число отдѣльныхъ участковъ, которые, по этому разсчету, причитаются на каждого. Срокъ между двумя передѣлами не долженъ быть менѣе 12 лѣтъ. Приговоръ объ условіяхъ передѣла провѣряется на мѣстѣ земскимъ участковымъ начальникомъ и утверждается уѣзднымъ съѣздомъ; послѣдній отказываетъ въ утвержденіи, если находить, что приговоръ клонится къ явному ущербу для сельского общества. При всякомъ передѣлѣ, крестьянинъ, улучшившій надѣль какимъ-либо способомъ, или его правопреемники получаютъ надѣль на прежнемъ мѣстѣ. Если это невозможно, то такому лицу отводится надѣль, по качеству равный прежнему; въ случаѣ же отвода надѣла худшаго качества, назначается соответствующее вознагражденіе. Въ промежутки между передѣлами участки отдѣльныхъ домохозяевъ могутъ быть отбираемы обществомъ только въ случаѣ 1) смерти домохозяина, его увольненія изъ

общества, безвестной отлучки, оставлениі хозяйства бѣзъ по-
нечеія, если притомъ послѣ него нѣтъ членовъ семейства,
за которыми участокъ можетъ быть оставленъ; 2) при отказѣ
самого домохозяина отъ пользованія землею и 3) при его не-
исправности въ платежѣ повинностей. Сельское общество
имѣетъ право передавать отобранные участки другимъ домо-
хозяевамъ или же оставлять въ общественномъ пользованіи.
Лица, которые заинтересованы въ участкѣ, поступающемъ въ
распоряженіе общества, имѣютъ право, въ теченіе 30 дней со
времени объявленія приговора, обжаловать его земскому на-
чальнiku.

Уже этотъ законъ, направленный на упорядоченіе строя
общины, могъ имѣть на нее неблагопріятное влияніе. Кто вы-
сказываетъ за сохраненіе общины и требуетъ ограниченія
права сельскихъ обществъ производить передѣлы земли, тотъ
впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой. Передѣлы земли,
свободные отъ вышеаго воздействиія, согласованные съ мѣст-
ными условіями, и выражаютъ существо общиннаго владѣнія
землей. Регулированіе передѣловъ дѣлаетъ общинный строй
для многихъ миллионовъ крестьянъ искусственнымъ созданіемъ,
не соотвѣтствующимъ условіямъ мѣстной жизни. Земля имѣеть
для поселеній очень важное значеніе и къ передѣламъ, какъ
фактамъ, которые на нѣсколько лѣтъ устанавливаютъ связь
между землею и каждымъ общинникомъ, крестьянинъ отно-
сится съ болѣею обдуманностью, нежели ко многимъ другимъ
актамъ частной и общественной жизни. Нѣть основанія считать
въ общинномъ строѣ злоупотребленіями такие способы выпол-
ненія передѣловъ, которые отличаются отъ какой-то вообра-
жаемой средней нормы. Разнообразныя формы, которыхъ при-
нимаютъ передѣлы, являются необходимыми послѣдовательніями
мѣстныхъ условій. Нашъ общинный строй не представляетъ
однородной картины. Дѣлятся ли земли по ревизскимъ душамъ,
по работникамъ или тягламъ — вездѣ есть мѣстныя
условія, которыхъ заставляютъ предпочесть одно изъ этихъ
началь, какъ единицу при передѣлахъ. Спросите крестьянъ,
почему ихъ поля передѣляются слишкомъ часто, каждыя 6 лѣтъ
или даже каждые 3 года,—и они укажутъ на вскія побужденія,
заставляющія ихъ предпочитать такой порядокъ. И частные
передѣлы, какъ показано выше, вызваны къ жизни очень важ-
ными причинами. Большею частію, передѣлы производятся не
чаще, чѣмъ каждыя 12—15 лѣтъ. Правда, найдется не мало об-
щинъ, которыхъ передѣляютъ землю каждыя 3—6 лѣтъ. Но это
происходитъ въ деревняхъ, гдѣ хозяйство упало, гдѣ земля
считается бременемъ, гдѣ населеніе, оставаясь земледѣльческимъ
по имени, перешло къ разнымъ промысламъ и извлекаетъ боль-
шую часть своихъ доходовъ не изъ сельского хозяйства. Вни-

материальное изучение такихъ общинъ заставляетъ сказать, что причиною частыхъ передѣловъ служатъ не вредные элементы въ средѣ крестьянства, а упадокъ благосостоянія, слишкомъ малые надѣлы и крайняя бездоходность земледѣлія. Законъ ставить населеніе такихъ общинъ въ тяжелыя условія: онъ не улучшаетъ ихъ хозяйства, но, затрудняетъ совершение передѣловъ, препятствуетъ уравненію тѣгостей, которые лежать на отдѣльныхъ домохозяевахъ. Законъ имѣть влияніе и на тѣ сельскія общества, где рѣдко производятся передѣлы; онъ укрѣпляетъ это стремленіе. Ссылаясь на законъ, можно совсѣмъ устранить частные передѣлы и совершать общіе еще рѣже, нежели они совершаются въ настоящее время. А это увеличить неравенство относительно владѣнія землей — неравенство, которое въ черноземныхъ губерніяхъ уже достигло мѣстами очень большихъ размѣровъ. Если въ подобныхъ селеніяхъ и теперь дѣйствуютъ силы, ослабляющія общинное начало, то неблагосклонное отношеніе закона къ передѣламъ заставитъ эти силы дѣйствовать еще болѣе могущественно. А въ результатѣ — дальнѣйшее измельчаніе надѣловъ у тѣхъ дворовъ, которые имѣютъ мало земли, еще большамъ трудность веденія ими хозяйства, дальнѣйшее задолжаніе и назамѣтный, но неизбѣжный переходъ земли въ руки зажиточныхъ домохозяевъ, т. е. разложеніе общинъ.

Законъ 20 декабря 1893 года о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ содержитъ слѣдующія положенія: 1) допускается отчужденіе надѣльныхъ земель, приобрѣтенныхъ цѣлыми сельскими обществами, только съ разрѣшенія министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ; 2) разрѣшается отчужденіе надѣльныхъ участковъ, приобрѣтенныхъ отдѣльными домохозяевами или состоящихъ въ ихъ подворнонаследственномъ пользованіи, только членамъ того же общества; 3) воспрещается сельскимъ обществамъ и отдѣльнымъ крестьянамъ закладывать надѣльную землю; 4) на эти земли не обращаются частныя взысканія; 5) престанавливается дѣйствіе 166 статьи положенія о выкупѣ.

Вопреки распространенному мнѣнію, мы убѣждены, что этотъ законъ былъ не въ силахъ ни воспрепятствовать обезземеленію крестьянъ, ни помѣшать внутреннему разложению общинъ. Второй пунктъ касается порядка отчужденія надѣльныхъ земель, принадлежащихъ отдѣльнымъ домохозяевамъ. Припомнимъ, оцѣнивая эту мѣру, что законъ не ограничивалъ крестьянъ въ распоряженіи надѣльными участками, которые приобрѣтены въ личную собственность и не обременены выкупнымъ долгомъ. Но 33 статьѣ Общаго положенія, каждый крестьянинъ можетъ приобрѣтать въ собственность недвижимыя и движимыя имущество, а также отчуждать, отдавать ихъ въ залогъ. А статьи 166 и 169 положенія о выкупѣ предусматриваютъ продажу от-

дѣльными крестьянами надѣльныхъ участковъ, обремененныхъ долгомъ по выкупной ссудѣ. Въ указанныхъ правилахъ воспрещается продажа надѣльныхъ участковъ, приобрѣтенныхъ отдельными домохозяевами или состоящихъ въ подворно-наследственномъ ихъ пользованіи, кому-либо, кромѣ членовъ того же общества. Эта ограничительная мѣра не создавала достаточныхъ гарантій, что крестьяне не будутъ терять землю, и что земли, утрачиваемыя ими, не будутъ переходить въ руки лицъ, чуждыхъ интересамъ крестьянского хозяйства. Запрещая переходъ земель къ лицамъ не крестьянского сословія, руководствуются тою мыслью, что такія лица имѣютъ мало общаго съ крестьянскимъ сельско-хозяйственнымъ бытомъ. Эти люди покупаютъ крестьянскую землю, дабы устроить кабакъ, лавку, приблизиться къ крестьянской средѣ и заниматься ростовщичествомъ. Эти предположенія часто соотвѣтствуютъ дѣйствительности; но не слѣдуетъ думать, что все крестьяне представляютъ однородную массу, имѣютъ одни и тѣ же интересы. Земская статистика обнаружила въ деревняхъ три различныхъ слоя. Первую группу образуютъ средніе исправные крестьяне, ядро здороваго земледѣльческаго класса. Они работаютъ только силами семьи, безъ помощи наемнаго труда; покрывая свои скучные потребности, они не накопляютъ недоимокъ, но не имѣютъ и сбереженій, которыя позволили бы имъ расширить надѣль и хозяйство. Они крѣпко держатся за землю, не уступаютъ безъ крайней надобности ни одного вершка, но не имѣютъ средствъ для увеличенія надѣла. Вторую группу образуетъ зажиточное меньшинство, стоящее, по материальной обеспеченности, выше средняго уровня. Они не упускаютъ случая прикупить земли, чтобы расширить свое хозяйство. Третью группу образуютъ тѣ крестьяне-неудачники, которые потеряли равновѣсіе и неудержимо клонятся къ хозяйственному упадку. Первая группа охраняетъ сельско-хозяйственный обликъ деревни; третья составляетъ кадры, которые пополняютъ ряды сельского пролетариата, а вторая, расширяя земельный надѣль на счетъ третьихъ, содержитъ элементы, изъ которыхъ выростаютъ деревенскіе ростовщики. Эти люди только по внѣшности проникнуты общиными интересами; по существу же они — носители началь, которая разлагаютъ общину и поглощаютъ мелкое крестьянское землевладѣніе чистаго типа. Преграда этому течению можетъ быть положена вовсе не тѣмъ, что лица крестьянского сословія будутъ лишены права покупать надѣльную землю, а тѣмъ, что будетъ запрещено сосредоточеніе въ рукахъ одного двора больше извѣстной площади земли, напримѣръ, 2—3 надѣловъ. И при такомъ порядке неблагопріятное положеніе дѣлъ побуждало бы многихъ крестьянъ продавать надѣлы; но все же было бы ослаблено теченіе, которое стре-

мится выработать въ каждомъ сельскомъ обществѣ 1 — 2 — 3 самыхъ крупныхъ хозяйствъ, способныхъ постепенно поглотить всѣхъ самостоятельныхъ односельчанъ, первоначально — мелкихъ и неустойчивыхъ, а позднѣе — среднихъ и исправныхъ. Пункты 3 и 4 направлены на то, чтобы кредитъ не былъ источникомъ обезземеленія крестьянъ. Однако, жизнь вырабатываетъ формы, носредствомъ которыхъ можно обходить запрещеніе закона относительно обезпеченія долга залогомъ земельныхъ надѣловъ. Представимъ себѣ, что слабосильное крестьянское хозяйство потрясено неурожаемъ, падежомъ скота, уменьшениемъ рабочей силы семьи. Такое хозяйство вынуждено обращаться къ дорогому деревенскому кредиту, въ результатѣ которого, при неблагопріятныхъ условіяхъ, можетъ совершиться отчужденіе надѣльной земли. Невозможность продать землю должника за долги дѣлаетъ ростовщиковъ очень осторожными при выдачѣ ссудъ. А такъ какъ хозяйство, потерпѣвшее большую невзгоду, не можетъ обойдти безъ кредита, то, по обоюдному согласію деревенскихъ ростовщиковъ и массы крестьянъ, пользующихся кредитомъ изъ этого источника, развиваются формы обезпеченія долга, которая, по своему существу, являются отчужденіемъ надѣльной земли. Кредитная сдѣлка облекается въ форму арендованія земли, причемъ арендаторомъ служить ростовщики, арендною платой — сумма, взятая въ долгъ, арендуемою землей — надѣльная земля должника, арендныемъ срокомъ — срокъ, на который выдана ссуда. При такой сдѣлкѣ, отчужденіе надѣловъ совершается въ формѣ сдачи ихъ въ аренду ростовщикамъ, и самостоятельные хозяева, вслѣдствіе задолжанія, переходятъ въ разрядъ батраковъ, обрабатывающихъ за ничтожную плату собственные надѣлы въ пользу арендаторовъ — заимодавцевъ. Извѣстно не мало случаевъ такого отношения между заимодавцами и должниками. Напрасно надѣяться, что законъ въ состояніи воспрепятствовать всемъ сдѣлкамъ этого рода. Можно помѣшать совершению этихъ актовъ въ письменной формѣ, можно запретить волостному начальству и другимъ мѣстамъ и лицамъ утвержденіе договоровъ, которые содержать хотя бы только намекъ на залогъ надѣльной земли, но все это будетъ побуждать къ совершению преимущественно словесныхъ сдѣлокъ. Вѣковая зависимость бѣдѣйшихъ крестьянъ отъ болѣе зажиточныхъ и сильныхъ общинниковъ поведетъ къ точному исполненію словесныхъ сдѣлокъ и уменьшитъ случаи, когда наличность оформленной бумаги облегчаетъ преслѣдованіе людей, которые вырабатываютъ разнообразные способы обхода закона. Послѣдній пунктъ заключается въ пріостановкѣ дѣйствія 165 статьи положенія о выкупѣ. Эта мѣра могла замедлить разложение общины, но она не была въ состояніи остановить развитіе внутри общины неравенства, на которыхъ мы

указали.—Въ послѣднее время изданы законы, содѣйствующіе разрушенію общины.

Законъ 9 ноября 1906 года прямо направленъ на то, чтобы ускорить переходъ крестьянъ отъ общиннаго владѣнія къ подворному.

Согласно съ этимъ закономъ каждый общинникъ имѣеть право требовать, чтобы за нимъ была укрѣплена въ личную собственность та часть общинной земли, которая причитается ему. Если не было общаго передѣла въ теченіе 24 лѣтъ до заявленія общинника о желаніи перейти къ подворному владѣнію, то за нимъ укрѣпляются въ частную собственность его усадебное мѣсто, а также участки общинной земли, которые находятся въ его постоянномъ пользованіи. Если въ теченіе 24 лѣтъ былъ произведенъ общій передѣлъ, то за каждымъ домохозяиномъ, сдѣлавшимъ такое заявленіе, въ личную собственность укрѣпляются, сверхъ усадебного участка, все тѣ участки общинной земли, которые предоставлены ему въ постоянное пользованіе до слѣдующаго общаго передѣла. Буде въ пользованіи такого домохозяина состоять больше земли, нежели причиталось бы на его долю на основаніи послѣдней разверстки, то за нимъ укрѣпляется лишь столько, сколько онъ долженъ былъ бы получить по указанному разсчету. Излишнее же укрѣпляется только подъ условіемъ, что обществу будетъ уплачена стоимость излишка. Она опредѣляется по первоначальной средней выкупной цѣнѣ за десятину угодій, которая были отведены данному обществу въ надѣль и облагались выкупными платежами. Разъ за излишкомъ не уплачивается, то онъ поступаетъ цѣликомъ въ распоряженіе общества. Домохозяинъ, получивъ въ личную собственность участки общинной земли, находившіеся въ его постоянномъ пользованіи, сохраняетъ за собой право пользоваться въ неизмѣнной долѣ тѣми угодьями (сѣнокосами, лѣсами), которая передѣлывалась на особыхъ основаніяхъ, — по произведеніямъ почвы или же особо отъ общихъ передѣловъ. Выдѣлившійся домохозяинъ сохраняетъ также право участвовать въ пользованіи (на основаніяхъ, принятыхъ въ обществѣ) нонпередѣляемыми угодьями—мірскими усадебными землями, выгонами, пастищами. Въ мѣсячный срокъ со дня подачи такого заявленія однимъ изъ членовъ сельское общество обязано, приговоромъ простаго большинства голосовъ, указать участки, которые переходятъ въ личную собственность домохозяина. Если общество не исполнитъ въ мѣсячный срокъ, то дѣло решается постановленіемъ земскаго начальника. Разъ за общинникомъ укрѣплены участки надѣльной земли, то онъ во всякое время имѣеть право требовать, чтобы общество выдѣлило ему, взамѣнъ этихъ участковъ, соответствующій кусокъ, по возможности, къ одному мѣсту. Если

что требование не совпадает с общимъ передѣломъ, а выдѣль оказывается неудобнымъ или невозможнымъ, то община предстаиваетъ удовлетворить такого домохозяина деньгами по взаимному съ нимъ соглашению; не будетъ оно достигнуто, то — по оцѣнкѣ, установленной волостнымъ судомъ. Разъ же домохозяинъ найдетъ невыгодной для себя оцѣнку суда, то можетъ отказатьться отъ получения денегъ и владѣть укрѣпленнымъ за нимъ участкомъ въ прежнихъ границахъ. При общихъ же передѣлахъ, по требованію, какъ общества, такъ и домохозяевъ, желающихъ перейти къ личному владѣнію, обязательно выдѣлить для послѣднихъ участки къ одному мѣсту. Въ этихъ случаяхъ общество не имѣеть права удовлетворить выдѣляющимъ деньгами. По переходѣ домохозяина отъ общинного владѣнія къ личному, и онъ, и его правопреемники пользуются участками, укрѣпленными въ его личную собственность, даже до выдѣла къ одному мѣсту, на правахъ, тожественныхъ съ правами владѣльцевъ подворныхъ участковъ. — Если цѣлое сельское общество желаетъ перейти къ владѣнію подворному, въ отрубныхъ кускахъ, то имѣеть право совершить это приговоромъ двухъ третей крестьянъ, имѣющихъ голосъ на сходѣ.

Законъ 15 ноября 1906 года разрѣшилъ Крестьянскому Поземельному банку выдавать ссуды подъ залогъ надѣльныхъ земель: 1) сельскимъ и селеннымъ обществамъ, имѣющимъ отдельное владѣніе надѣльными землями, 2) отдельнымъ владѣльцамъ подворными участками и домохозяевамъ, выдѣлившимъ свои надѣлы изъ общихъ земель, а также совокупности владѣльцевъ со взаимнымъ ручательствомъ ихъ другъ за друга, 3) товариществамъ крестьянъ, которые сложились для приобрѣтения надѣльной земли. Предметомъ залога могутъ быть земли, и принадлежащія заемщику, и приобрѣтаемыя имъ. Сельское общество можетъ закладывать всю свою землю или часть ея; въ послѣднемъ случаѣ эта часть должна быть отведена къ одному мѣсту. Банкъ выдаетъ ссуды для такихъ цѣлей: 1) для уплаты за надѣлы, оставляемые крестьянами, которые переселяются на новые земли; 2) для пополненія той части покупной цѣны за земли, приобрѣтаемыя съ содѣйствиемъ Крестьянского Банка, которая не покрывается ссудою Банка подъ залогъ покупаемой земли, 3) для покрытия расходовъ, вызываемыхъ улучшенiemъ землепользованія: а) при переходѣ отъ общинного владѣнія къ подворному, б) при разселеніи общинниковъ въ отдельные поселки и хутора, в) при раздѣлѣ общинныхъ надѣльныхъ земель на отрубные участки, г) при отводѣ чрезнолосныхъ участковъ отдельныхъ домохозяевъ къ однимъ мѣстамъ.

Оба закона не замедлять оказать разлагающее влияніе на общину. Населеніе деревни, какъ было замѣчено, состоитъ изъ

трехъ основныхъ группъ — зажиточныхъ, среднихъ и неимущихъ. Первые и трети будуть пользоваться въ самыхъ широкихъ размѣрахъ правами, которыхъ даетъ законъ 9 ноября. Зажиточные крестьяне не довольствуются своими надѣлами. Они имѣютъ средства для пользованія наемнымъ трудомъ, а потому и стараются расширить свое землевладѣніе. Участки, покупаемые ими въ личную собственность, лежать иной разъ далеко отъ ихъ деревенской осѣдлости, а это затрудняетъ веденіе хозяйства. Покупка земли въ ближайшемъ соображеніи предста-вляетъ значительныя выгоды. Этому вполнѣ удовлетворяютъ участки общинной земли, которые будутъ предлагаться къ продажѣ, по выдаленіи въ личную собственность домохозяевъ. Пріобрѣтеніе этихъ участковъ будетъ связано и съ тѣмъ пре-имуществомъ, что, нерѣдко, можно будетъ купить ихъ дешевле, чѣмъ землю на сторонѣ: приобрѣтая землю отъ частнаго вла-дѣльца, крестьянинъ имѣть дѣло съ продавцомъ, который во многихъ случаяхъ не вынуждается къ продажѣ стѣсненнымъ положениемъ хозяйства; онъ продаетъ все имѣніе или его части, только потому, что можетъ выручить хорошую цѣну. Бѣд-нѣйшиѣ же общинники будутъ рады продать свои надѣлы, лишь бы стать свободными, лишь бы выйтти изъ общины, которая не обезпечиваетъ своимъ членамъ даже скромнаго достатка. Такимъ образомъ зажиточные явятся покупателями участковъ общинной земли, которые перейдутъ въ личную собственность, домохозяевъ. Они выдаливъ свои надѣлы изъ земель общины, а затѣмъ будутъ округлять владѣнія прикупкой участковъ одно-сельчанъ.

Бѣднѣйшиѣ хозяева, чуть не поголовно, будутъ стараться получить надѣлы въ личную собственность. Почти всѣ, имѣю-щие душевой надѣль въ 3 десятины и менѣе, и очень многіе съ надѣломъ болѣе 3 десятинъ будутъ рады продать свою землю и выйтти изъ общины. Не только въ нечерноземныхъ губер-нияхъ, но и въ черноземной полосѣ, огромное большинство малонадѣльныхъ поставлено такъ, что влечить жалкое суще-ствованіе. Одни, почти не имѣя рабочаго скота, не могутъ вести хозяйство; другіе выбиты изъ колеи неурожаями и иными невзгодами. Эти люди не знаютъ, что такое свободный рубль; ихъ будетъ соблазнять возможность получить сразу 2—3 сотни рублей, и въ нихъ какъ бы залогъ новой и лучшей жизни; почти каждый будетъ увѣренъ, что съ двумя-тремя сот-нями онъ обрѣтеть благополучіе въ любой сфере, къ которой прикроѣтъ его судьба; почти каждый будетъ увѣренъ, что его ждетъ удача или въ ремеслѣ, къ которому есть маленький на-выкъ, или среди чернорабочихъ большого города, или среди рабочихъ южнорусскаго сельскаго хозяйства, которые иногда, въ годы обильной жатви, получаютъ высокую плату. Не будетъ

опытчицами предположение, что добрая треть крестьянства, синийного общинныхъ начальствъ, постарается выдѣлить къ однѣмъ мѣстамъ надѣльные участки, а затѣмъ продать ихъ состоятельныймъ соѣдямъ.

Выдача ссудъ подъ залогъ надѣльной земли будетъ ускорять этотъ процессы. Зажиточное населеніе деревни будетъ охотнокладывать свои надѣлы, чтобы имѣть средства для приобрѣтенія участковъ отъ слабосильныхъ односельчанъ.

Въ селеніяхъ со многими сотнями дворовъ число участковъ, предлагаемыхъ къ продажѣ, будетъ иной разъ болѣе велико, нежели площадь, которую хотѣли бы или могли бы купить зажиточные односельчане. Но будутъ являться покупатели со стороны, крестьяне и члены другихъ общественныхъ группъ. Въ подобныхъ случаяхъ цѣна надѣльныхъ земель не будетъ высока; пришлые покупатели будутъ иной разъ приобрѣтать помимо для веденія сельскаго хозяйства; но гораздо чаще они будутъ видѣть въ участкахъ выдѣленныхъ общинниковъ только предметъ выгодной спекуляціи. При дешевизнѣ этихъ ключковъ въ покупателяхъ будетъ поддерживаться увѣренность, что черезъ 5—6—10 лѣтъ можно будетъ продать ихъ съ хорошимъ парашомъ. А потому и будетъ выгодно направлять сбереженія на покупку такихъ участковъ.

Средне-достаточные крестьяне меньше заинтересованы въ выдѣлениі своихъ участковъ изъ общины. Средніе креѣпко держатся за землю, такъ какъ получаютъ отъ нея маленькое обеспеченіе; но они не располагаютъ свободными средствами, а потому и затруднены въ приобрѣтеніи участковъ односельчанъ. Но и среднихъ захватить новое теченіе. Въ бѣдныхъ селеніяхъ, одѣ среднихъ мало, выдѣлъ зажиточныхъ и неимущихъ оставить въ общинѣ столь незначительную группу, что ея члены также предпочтутъ раздѣлиться. Мѣстами среднихъ будетъ соблазнять къ выходу изъ общины и надежда на ссуду подъ залогъ надѣльной земли для прикупки соѣдняго участка, и примѣръ зажиточныхъ крестьянъ, которые достигли довольства хозяйствованіемъ на участкахъ, приобрѣтенныхъ въ личную собственность. Нерѣдко крестьяне будутъ преувеличивать выгоды частнаго землевладѣнія; а такъ какъ именно въ бурное время, подобное тому, что теперь переживаетъ Россія, люди склонны кореннымъ образомъ измѣнить свой бытъ, то выгодныя стороны частной земельной собственности будутъ соблазнять нѣдѣлья селенія къ раздѣлу общинныхъ земель. Во многихъ мѣстахъ только пастбища останутся во владѣніи общинъ.

V.

Община разложилась на Западѣ. Не должна ли она рушиться и у насъ съ дальнѣйшими успѣхами общественной

жизни? Мы считаемъ неубѣдительнымъ положеніе, что русская община можетъ обратиться въ ассоціаціонное производство только послѣ окончательного разрушенія первобытнаго аграрнаго коммунизма. Мы вполнѣ присоединимся къ тѣмъ, кто съ удареніемъ говорить о силахъ, разлагающихъ русскую земельную общину; мы согласны, что этотъ процессъ совершается быстро. Но мы решительно не допускаемъ, что на всей огромной площади, где господствуетъ общинное владѣніе землей, оно должно перейти въ частное капиталистическое и только послѣ этого перехода созрѣть до возможнаго вступленія Россіи въ періодъ ассоціаціоннаго строя.

Увѣренность, противъ которой я высказываюсь, была бы обоснованной только въ томъ случаѣ, если бы общинное владѣніе землей повсюду соотвѣтствовало одинаковымъ условіямъ экономической жизни. Если бы можно было доказать, что земельная община разложилась на Западѣ при такой совокупности условій, какія уже наступили въ Россіи или наступятъ въ очень близкомъ будущемъ, то была бы получена довольно устойчивая основа для вышеотмѣченныхъ выводовъ. Именно этого мы и не видимъ. Общинное владѣніе землей рушилось въ Англіи очень давно, въ XV — XVI столѣтіи. Мѣстами на материкѣ Европы (въ Италіи, Франціи, въ юго-западномъ углу Германіи) оно отошло въ область преданій еще гораздо раньше. Швейцарія сохранила его остатки во многихъ кантонахъ; въ Россіи же община завѣщана XX-ому столѣтію XIX-ымъ и нельзѧ сказать, чтобы ея основы были окончательно расшатаны. Подумаемъ о совокупности экономическихъ и общекультурныхъ фактовъ, при которыхъ она существовала у разныхъ народовъ, и мы придемъ къ убѣжденію, что она примиряется съ весьма различными условіями общественной жизни. На западѣ Европы община держалась въ періодъ рѣдкаго населенія, непроездныхъ путей, ремесла, рѣзкихъ сословныхъ различій, при низкомъ умственномъ развитіи народной массы. Русскій же крестьянинъ-общинникъ работаетъ иногда въ машиностроительномъ заводѣ, строить желѣзную дорогу и близко стоитъ къ движению, направленному на то, чтобы всѣмъ открыть доступъ къ грамотѣ и начальному знанію. Можно согласиться, что русскій крестьянинъ-общинникъ стоитъ экономически и общекультурно ниже, чѣмъ французскій крестьянинъ нашего времени или даже 2—3 поколѣнія тому назадъ. Но было бы совершенно несообразнымъ утвержденіе, что онъ стоитъ ниже, чѣмъ французскій крестьянинъ XIV вѣка, когда во Франціи уже преобладала частная земельная собственность и оставались только обломки общиннаго владѣнія землей. Поэтому представляется умѣстнымъ дать такой отвѣтъ на вопросъ о будущности общиннаго владѣнія въ Россіи. Значительная часть общинной земли

перейдетъ въ частную собственность и послужить площадью для развитія капиталистического сельского хозяйства. Массы крестьянъ-общинниковъ цѣликомъ обратятся въ сельской пролетариатъ. Но, какъ скоро демократія, опираясь на развитую крупную обрабатывающую промышленность, сдѣлаетъ въ Россіи усилѣхъ, пересоадасть нѣкоторая отрасли этой промышленности изъ капиталистическихъ въ ассоціаціонныя и какъ скоро умственное развитіе русской деревни подвижется впередъ, то станетъ вполнѣ возможнымъ переходъ многихъ, еще уцѣльвшихъ общинъ непосредственно къ ассоціаціонному труду. Тринадцать лѣтъ тому назадъ въ Херсонской губерніи началось движение, имѣвшее цѣлью замѣнить единоличный трудъ крестьянъ-общинниковъ артельнымъ, съ обращеніемъ надѣловъ всѣхъ участниковъ въ одну хозяйственную площадь. Эти факты являются провозвѣстникомъ движения, которое будетъ происходить въ уцѣльвшихъ общинахъ, когда нѣкоторая отрасли производства вступятъ въ періодъ ассоціаціонного труда. Движение, начавшееся въ общинахъ Херсонской губерніи, наталкивается теперь на такія препятствія, что не можетъ дать крупные результаты. А черезъ нѣсколько поколѣй вся общественная среда будетъ поддерживать такое движение и противодѣйствовать пролетаризованію многихъ крестьянъ-собственниковъ.

Мы живемъ съ общиной, знаемъ и любимъ ее. Но идея государственной собственности на землю, пріобрѣтая все больше сторонниковъ, измѣнила воззрѣнія на общину и въ западно-европейской наукѣ. Адольфъ Вагнеръ написалъ въ началѣ 70-хъ годовъ сочиненіе, посвященное сравнительной оцѣнкѣ общины и частной земельной собственности; въ этой брошюрѣ община подвергается строгому и безоговорочному осужденію, какъ страшный тормазъ для успѣховъ народнаго хозяйства. И тотъ же Вагнеръ въ своемъ позднѣйшемъ сочиненіи — „Курсъ политической экономіи“ — относится къ общинѣ болѣе мягко, отмѣчаетъ ея выгодныя стороны. Другой нѣмецкій экономистъ, Міасковскій, въ своихъ трудахъ по исторіи землевладѣнія, даѣ яркую картину выгодъ, которыхъ доставляетъ сохраненіе общины горнымъ кантонамъ Швейцаріи. А бельгіецъ Лавелэ, въ своей книжѣ: „Первобытныя формы собственности“, заявляетъ себя горячимъ и убѣжденнымъ поклонникомъ общиннаго владѣнія землею. Въ Европѣ, какъ въ странѣ древней культуры, переходъ отъ частной собственности къ общинѣ затруднителенъ. Но въ Австраліи и Соединенныхъ Штатахъ общее землевладѣніе легко могло бы быть введено предпочтительно передъ частной собственностью. „Граждане Америки и Австраліи, — восклицаетъ Лавелэ, — не усвоивайте узкаго и жесткаго права, которое мы заимствовали у римлянъ, и которое ведетъ къ соціальной войнѣ. Возврати-

тесь къ первичнымъ преданіямъ вашихъ предковъ!“ Такъ говоритьъ бельгіецъ, гражданинъ страны, гдѣ каждый придорожный камень имѣть хозяина или старается найти его. А разъ мы вѣримъ, что община способна уживаться съ успѣхами земледѣлія, то мы должны беречь ее, какъ драгоцѣнную принадлежность русскаго народнаго хозяйства.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ОДИННАДЦАТОЙ ГЛАВѢ.

- 1) Сельск. позем. общ. въ Архангельск. г. 1882, 17.
- 2) Сборн. матер. о сельск. позем. общ. I, 1880, 263. *Триороговъ*. Община и подать, 362.
- 3) *Борисовъ*. Стат.-эконом. опис. семи вол. Тульск. у. 81
- 4) Сборн. матер. о сельск. общ. 111—12,
- 5) *Орловъ*. Формы крестьян. землевлад., 23.
- 6) Есть общины, гдѣ земля не разбивается на коны: такова Борковская община Порхов. у. Псков. г. „Миръ получившему плохую полосу никакой надбавки (надмету) не дѣлаетъ“, земля здѣсь не подраздѣляется на нѣсколько полей ни по качеству своему, ни по мѣрѣ отдаленности, равно не существуетъ дѣленій на коны или столбы. Тоже въ Любавской общинѣ Архангельской г. и у. „Ужъ это на счастливаго, какая земля придется“, говорять крестьяне. *Сборн.* 312. Полагаемъ, что это—крайне рѣдкое исключение.
- 7) Говорятъ: „каждый годъ“; это нужно понимать, какъ ежегодный передѣлъ одного изъ трехъ полей.
- 8) *Исаевъ*. Передѣлы общин. полей въ Ярослав. г. Земство, 1882, 16.
- 9) *Исаевъ*. Т. ж.
- 10) Главныя возраженія противъ общинъ были сдѣланы еще въ 50-хъ годахъ Бутовскимъ, Вернадскимъ, Нееловымъ, Я. Соловьевымъ. Позднѣйшіе противники общинъ только повторяли эти возраженія.
- 11) Землевлад. и землед. II, гл. XII.
- 12) Формы крест. землевлад., 307.
- 13) Въ Мезенскомъ у. существуетъ обычай, по которому начало захвата примѣняется къ тѣмъ лѣснымъ участкамъ, гдѣ обыкновенно охотятся отдельные общинники. Всѣ члены міра признаютъ право пользованія за тѣмъ, кто обыкновенно тамъ охотится, а самые участки переходятъ по наслѣдуству къ дѣтямъ и внукамъ захватившаго и передаются за плату.
- 14) Сборникъ статист. свѣд. по Тамбовск. губ., I, 21.
- 15) Сборникъ статист. свѣд. по Курской губ., I, 67.
- 16) *Сазоновъ*. Неотчуждаемость надѣловъ.
- 17) Интересно пробужденіе общинного духа въ 6 слободахъ—Подмонастырской, Покровской, Цушкарной, Пятицкой, Стрѣлецкой и Черкасской,—лежащихъ вблизи Орла; въ нихъ произведены коренные передѣлы въ самомъ концѣ 19 вѣка, частію въ 1894 г. Коренной передѣлъ въ Покровской слободѣ былъ связанъ съ упорной борьбой начальника и общественнаго. Крестьяне этой слободы со 112 селеніями и хуторами имѣютъ 11,810 десятинъ земли. Такъ какъ въ распределеніе земли вкрадалась большая неравномѣрность, то осенью 1892 года состоялся приговоръ о передѣлѣ, чтобы вместо прежнихъ 2431 ревизской души, земля была разбита на 4174 наличныхъ души обоего пола, не исключая вдовъ, сиротъ, пезаконнорожденныхъ и солдатъ. Миръ рѣшилъ, что никто не долженъ оставаться безъ земли.

ГЛАВА ДВЪНАДЦАТАЯ.

Семейное или кустарное производство.

Литература. а) Для ознакомления с семейным производствомъ мелкихъ поселеній, нужно обратиться къ литературѣ по землевладѣнію. Укажемъ: *Миль. Основанія, I. Вольский.* Обраб. земли. *Васильчиковъ, кн. Землевладѣніе.* Владѣн. и пользов. земл. въ разн. странахъ (перев. изд. Кобден. клуба) 1871. *Ходскій. Земля и земледѣльцъ, 1-ый томъ. Simonde de Sismondi.* Nouveaux principes d'économie politique. 2 vol. 1827. *Passy Des systèmes de culture. Bernhardi.* Ueber Gründe, die für das grosse и kleine Grundeigenthum angeführt werden, 1848. *Michelet.* Le peuple, 1866. *Cliffe Leslie.* Land Systems, 1870. *Stein L. v.* Die drei Fragen des Grundbesitzes, 1881. *Roscher.* System, II. *König.* Die Lage der englischen Landwirtschaft, 1896. *Souchon.* La propriét  paysanne, 1899. *Kautsky.* Die Agrarfrage. *Hertz.* Die agrarischen Fragen, 1900. *Vandervelde.* Essais sur la question agraire en Belgique, 1902. *Goltz.* Agrarwesen u. Agrarpolitik. 2 Aufl. 1904. б) По семейному производству въ обрабатывающей промышленности или по кустарнымъ промысламъ. *Корсакъ.* О формахъ промышленности, 1861. *Roscher.* System III. *Исаевъ.* Промыслы Москов. губ. 3 вып. 1876—7. *Его же.* Къ вопросу о кустарн. промышлен. въ Россіи. Рус. Мысль 1880. 11. *Его же.* О мѣрахъ къ поддержан. и развитію кустарн. производ. Рус. Мысль, 1890, II. *Его же.* О техническомъ образов., какъ мѣрѣ содѣйст. кустар. промысламъ. 1890. *Его же.* О кустарномъ комитетѣ. 1896. Статист. сборники многихъ земствъ, особенно Московскаго, Курскаго, Вятскаго, Полтавскаго и др. *Прилежаевъ.* Что такое кустарное производство? 1882. Труды комиссіи по изслѣдов. кустарн. промышл. въ Россіи. 17 вып. 1879—90. Записки отдѣл. по кустарн. и ремесл. промышлен. 1889 и 1895. Изслѣдованія кустарн. пром. Изд. мин. землед. 8 том. 1895—902. Обзоръ дѣятельности земствъ по кустар. промышлен. 1898. *Григорьевъ.* Замочно-ножевое производство Шавловскаго района. 1881. *Ефименко.* Кустарные промыслы въ Сумскомъ уѣздѣ. 1882. *Мартироффъ.* Очеркъ кустарныхъ промысл. Сѣвер. Кавказа, 1882. *Харизоменовъ.* Промыслы Влад. губ. 3 вып. 1882—84. *Прудниковъ.* Сельск. община и кустар. промыслы Юрьевскаго уѣзда. 1884. *В. В.* Очерки кустарной промышленности въ Россіи. 1886. *Его же.* Кустарные промыслы и организація ихъ въ Россіи. Вѣстн. Евр. 1902. III. Запревъ. Границын. промысль на Уралѣ. 1887. *Плотниковъ.* Кустарные промыслы Нижегородской губерніи. 1894. Труды съѣзда по кустарной промышленности 2 т. 1902. *Голубевъ.* Кустарные промыслы въ Казанской губ. Съв. Вѣстн. 1887, X. *Красноперовъ.* Кустарная промышлен. Пермск. губ. 1888—89. *Шрейдеръ.* Очерки кустарн. горной промышлен. Рус. Мысль 1889, X. *Крыловъ.* Вліян. русск. законод. на кустарную промышл. Наблюд. 1890, VI. Каменскій. О земск. суд. кустар. промысламъ. Съв. Вѣстн. 1891, III. *Штане.* Нужды кустарн. Павлов. района. Съв. Вѣстн. 1891, XI. *Белогоръ.* Картины кустарн. производ. въ селѣ Черкизовѣ Москов. у. *Миръ Бокситъ.* 1900, VI. *Thun.* Die Industrie am Niederrhein. 1879. *Bein.* Die Industrie des sachs. Voigtlandes. 1884. *Sax.* Die Hausindustrie in Thuringen. 1882—88. *Stieda.* Die deutsche Hausindustrie. 1889. *Ziegler.* Die socialpolitisch. Aufgab. auf dem Gebiete der Hausindustrie. 1890. *Его же.* Wesen u. Werth kleinindustrieller Arbeit. 1901. Schriften des Vereins für Socialpolitik. Bb. 84—87. 1899. *Schwiedland.* Ziele u. Wege einer Heimarbeitsgesetzgebung. 1903. *Brauns.* Der Uebergang von der Handcoeberei zum Fabrikbetrieb in der Niederrheinischen Samt- u. Seidenindustrie. 1906. *Hammerschmidt.* Geschichte der Baumwollindustrie in Russland vor der Bauernemancipation. 1906.

I.

Принадлежность земли *крестьянамъ-собственникамъ* представляет прямую противоположность состоянию рабства. При рабстве собственнику земли принадлежать и ея воздѣлывателъ; въ первомъ же случаѣ владѣлецъ собственоручно обрабатываетъ землю вмѣстѣ съ членами семьи; владѣніе орудіями производства и трудъ соединяются въ одномъ лицѣ. Земледѣліе обязано поселянамъ-собственникамъ многими изъ своихъ успѣховъ. Сисмонди является въ литературѣ однимъ изъ главныхъ защитниковъ мелкаго землевладѣнія и семейной обработки. Указывая на то, что мелкое землевладѣніе можетъ доставить многочисленному классу благосостояніе, Сисмонди обращается къ Швейцаріи и горячо говорить о довольствѣ, которое разлито тамъ среди поселянъ. Поселанинъ, по его мнѣнію, не боится потрясеній, ибо увѣренъ, что земля дасть ему кусокъ хлѣба. Онъ любить свою землю и расширяетъ свой надѣль прикупкой даже самыхъ незначительныхъ клочковъ¹⁾). Англійскій путешественникъ Лэнгъ, описывая уже болѣе 50 лѣтъ тому назадъ положеніе мелкихъ поселянъ въ Норвегіи, свидѣтельствуетъ о ихъ необыкновенномъ трудолюбіи и значительности сдѣланныхъ ими улучшеній. Производительный слой почвы не глубокъ, а потому крестьяне изстари искусственно орошаютъ землю. Изъ горныхъ родниковъ желоба проведены по всѣмъ участкамъ; мѣстами длина желобовъ достигаетъ 40 миль. Дороги и мосты превосходны. Сравнивая хозяйства поселянъ-собственниковъ въ Голландіи, Фландріи и Голландіи съ крупными хозяйствами Англіи, Лэнгъ отдаетъ первымъ предпочтеніе²⁾.

Кромѣ названныхъ писателей, можно указать еще многихъ экономистовъ³⁾), отдающихъ предпочтеніе мелкому землевладѣнію и крестьянскому семейному сельско-хозяйственному производству передъ крупнымъ не только въ бытовомъ, но и въ хозяйственномъ отношеніи.

Въ настоящее время типичною страной мелкой земельной собственности служить Франція. Мелкое землевладѣніе сохранилось также въ Норвегіи, Даніи, Италии, Швейцаріи, иѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи. Мелкое подворное землевладѣніе господствуетъ также въ западныхъ губерніяхъ Россіи.

За послѣднія десятилѣтія накопилось много фактовъ, которые доказываютъ, что поселянинъ—собственникъ зависитъ отъ рынка и не имѣть того обеспеченаго положенія, какъ въ доброе старое время. Когда писали Сисмонди и Лэнгъ, крестьянская земельная собственность не достигла такого дробленія, какъ въ настоящее время, а потому поселянинъ и его семья пользовались довольствомъ, котораго не знаютъ теперь самые

мелкіе земельные собственники. При крайней дробности земельныхъ владѣній, семейное производство не способно обнаружить всѣ свои выгодныя особенности уже потому, что семья въ цѣломъ составъ не можетъ оставаться у домашнаго очага: самые дѣятельные и сильные члены должны выходить изъ нея, чтобы искать себѣ болѣе благодарныхъ занятій. Тамъ же, где крестьянскія владѣнія еще сохранили достаточные размѣры, они нерѣдко даютъ высокіе образцы энергического труда и культуры.

Семейное производство крестьянъ-арендаторовъ не имѣть тѣхъ выгодныхъ сторонъ, которыхъ мы находимъ у крестьянъ-собственниковъ. Ограниченнотъ срока, въ теченіе котораго мелкие арендаторы пользуются землею, ихъ зависимость отъ владѣльцевъ, мѣшаютъ успѣшности семейнаго труда на арендованныхъ участкахъ. Но и мелкие съемщики земли не представляютъ однородной массы. Высшій разрядъ образуютъ наследственные арендаторы, сохранившіеся въ Голландіи и Португаліи, мѣстами въ Германіи. Попрочности своего хозяйственнаго и соціальнаго положенія, они близко подходятъ къ крестьянамъ-собственникамъ. Низшій разрядъ составляютъ мельчайшіе клочковые арендаторы, положеніе которыхъ въ высшей степени непрочно. Типичною страною мелкаго фермерства служить Ирландія. Большая часть какъ мельчайшихъ фермъ, такъ и болѣе крупныхъ, находится въ безсрочной арендѣ. Только въ 1881 году законъ ограничилъ землевладѣльцевъ въ правѣ произвольно отказать арендатору. А высота арендной платы за мелкие клочки, простирающаяся изъ оживленнаго соперничества между мелкими фермерами, едва оставляетъ крестьянской семье кусокъ хлѣба и не позволяетъ ей думать о какихъ-либо земельныхъ улучшѣніяхъ. Среднее положеніе занимаютъ тѣ арендаторы, которые пользуются землею въ теченіе довольно продолжительнаго срока, а также половники, уступающіе владѣльцу извѣстную часть произведеній земли. Ихъ положеніе болѣе прочно потому, что способъ раздѣла продуктовъ опредѣляется старинными обычаями. Половничество еще довольно распространено во Франціи (въ 70-хъ годахъ 319,450 хозяйствъ обрабатывались половниками) и особенно въ Италии, где ихъ насчитываютъ болѣе 1 миллиона.

Познакомимся же съ семейнымъ или кустарнымъ производствомъ въ обрабатывающей промышленности.

II.

Зерномъ кустарничества и переходной къ нему стадіи являемся одиночное производство. „Семейная ассоциація“, писали мы въ другомъ мѣстѣ, какъ показываетъ самое название, есть союзъ лицъ, связанныхъ между собою узами родства и имѣю-

шихъ цѣлью какую-либо общую производительную дѣятельность. Семейная ассоціація является необходимымъ продолженіемъ кустарной избы, и семейное производство—промышленною формой, непосредственно вытекающей изъ одиночнаго. Кустарникъ работаетъ одинъ только до тѣхъ поръ, пока не подростеть у него сынъ, могущій служить ему подопорьемъ⁴⁾.

Будучи древнѣйшею формой производства, семейная организація имѣеть такія особенности: 1) Договоръ, связующій работниковъ съ предпринимателемъ или членовъ артели, совершенно отсутствуетъ, и всеѣ отношенія участниковъ основываются на семейной связи: разъ лицо родилось въ семье, ведущей промыселъ, и не было отдано отъ нея или не вышло само, для отысканія другого занятія, оно сростается съ этой промышленной единицей безъ всякаго договора. 2) Руководящую силой служить глава семьи; установление его волею всего домашнаго распорядка выражается въ промыслѣ тѣмъ, что домохозяинъ распредѣляетъ трудъ между домочадцами, контролируетъ работы и представляетъ всю промысловую единицу во внѣшнихъ сношеніяхъ. Въ связи съ этимъ стоитъ нераздѣльность дохода семьи, какъ и всего семейнаго имущества. Въ этомъ доходѣ всегда есть заработка плата, часто есть прибыль, но эти доли не имѣютъ самостоятельного существованія; они образуютъ одно цѣлое, откуда и удовлетворяются потребности всего дома.

Принято считать кустарничество принадлежностью исключительно деревни. Но это невѣрно: и въ городахъ мы находимъ семейную организацію промышленности; правда, тамъ она имѣеть особенности, отличающія ее отъ кустарного производства деревни. Въ городѣ мелкіе производители, не занятые на фабрикахъ или мануфактурахъ, обыкновенно называются ремесленниками; это наименование основывается на техническихъ особенностяхъ производства. По формѣ же всѣ городскія ремесленныя единицы являются предпріятіями съ наемнымъ трудомъ, одиночными или семейными. Семейная форма встрѣчается и въ городскомъ ремеслѣ, но, вслѣдствіе особенностей послѣдняго, рѣже сохраняетъ чистый типъ, нежели въ деревнѣ.

1) Огромное большинство городскихъ производителей имѣеть въ своемъ промыслѣ исключительный источникъ дохода. Большая же часть кустарей въ деревняхъ, будучи земледѣльцами, видитъ въ своемъ промышленномъ занятіи подсобный, не главный или, по крайней мѣрѣ, не исключительный источникъ дохода. Напрасно было бы ограничивать это положеніе ссылкой на незначительность сельского хозяйства у многихъ кустарей, на ничтожность дохода, получаемаго отъ земли: значеніе промысла опредѣляется не только суммой дохода, отъ него получаемаго, но и прочностью обезспеченія, которую онъ доставляетъ кустарнику. А по прочности, даже самый незначительный зем-

маленький надѣль и первобытное сельское хозяйство нерѣдко могут имѣть большее значеніе, чѣмъ промыселъ. Во время переполненія рынка товарами, паденія цѣнъ, кризиса, деревенскій кустарь имѣеть, все-таки, точку опоры въ своемъ хозяйстве и можетъ избѣгнуть нѣкоторыхъ бѣдъ, грозящихъ въ подобныхъ случаяхъ безземельному работнику. Въ тѣхъ сельско-промышленныхъ округахъ Россіи, гдѣ крестьянское хозяйство не достигло крайней степени упадка, кустари считаютъ свой промыселъ второстепеннымъ занятіемъ, даже если изъ него покрываются большая часть потребностей семьи, и стараются улучшить свое сельское хозяйство на излишекъ доходовъ отъ промысла. 2) Большая часть мелкихъ городскихъ производителей имѣеть рынокъ для своихъ издѣлій въ ближайшемъ сосѣдствѣ, въ той же улицѣ, нерѣдко въ томъ же домѣ. Если издѣлія многихъ, даже мелкихъ промышленныхъ заведеній Парижа или Вѣны изготавливаются для всемірного рынка и неизвѣстныхъ потребителей, то мелкій сапожникъ, портной, столяръ работаютъ исключительно для своихъ сосѣдей. Отсюда—большее постоянство въ сбытѣ товаровъ и большая возможность предусмотѣть размѣры спроса.—Совсѣмъ иное представляется намъ промышленность деревни. Пока она считаетъ своихъ представителей единицами, пока перерабатываетъ сырой матеріалъ, добываемый на мѣстѣ, и приготовляетъ дешевыя и простыя издѣлія общенародного потребленія, кустари могутъ работать для своихъ сосѣдей или, по крайней мѣрѣ, для ближайшихъ сельскихъ базаровъ и ярмарокъ ⁵). При этомъ условіи размѣры ихъ сбыта могутъ быть опредѣляемы довольно точно, и самый сбытъ отличается постоянствомъ. При возникновеніи промысла, крестьянинъ старается избрать такое новое занятіе, для которого есть матеріалъ подъ рукой, и приготовлять издѣлія, легко находящія себѣ сбытъ. Выгодность нового занятія привлекаетъ къ нему многихъ; оно переходить изъ селенія въ селеніе, образуетъ цѣльные округа и считаетъ производителей тысячами. Ближайшіе къ мѣсту производства рынки оказываются недостаточными и начинаютъ отыскивать болѣе отдаленные. Постепенно обнаруживается невыгодность изготовления простѣйшихъ товаровъ, возникаютъ новыя разновидности, удовлетворяющія уже болѣе уточненный вкусъ городскаго населенія; для новыхъ же издѣлій вспомогательные, а нерѣдко и главные матеріалы не могутъ быть добываемы на мѣстѣ ⁶). Все это вызываетъ неудобства, ранѣе неизвѣстныя кустарю: отдаленіе рынка порываетъ его связь съ потребителями и заставляетъ ощущью идти на встрѣчу неизвѣстному запросу. Отдаленіе рынка дѣлаетъ размѣры спроса неопредѣлимыми и нарушаетъ устойчивость промысла. Это обстоятельство, нерѣдко вызывая рѣзкія колебанія въ доходахъ отъ промысла, лишаетъ кустарей значительной доли самостоя-

тельности: сношения съ далекимъ рынкомъ для сбыта товаровъ и закупки сырья дѣлаютъ неизбѣжнымъ посредничество скупщика, который становится между производителемъ и рынкомъ, постепенно распространяетъ свою власть на цѣлый промысловый округъ и начинаетъ руководить промысломъ. Этимъ объясняется и 3) третье различие между городской мелкой промышленностью и сельской. Первая можетъ, удерживая связь производителя съ потребителемъ и имѣя въ самомъ городѣ рынокъ для приобрѣтенія сырья материаловъ, долѣе сохранять свою хозяйственную самостоятельность⁷). 4) Не слѣдуетъ забывать также о различіяхъ въ складѣ городского и сельского быта, влияющихъ на крѣпость семьи. Городъ со своими разнообразными занятіями и источниками доходовъ открываетъ для семьи возможность пользоваться силами ея членовъ въ самомъ раннемъ возрастѣ. Небольшіе заработки 11—12 лѣтнихъ дѣтей уже служать для родителей замѣтнымъ подспорьемъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, городъ представляетъ большой выборъ занятій, къ которымъ могутъ быть пріурочены дѣти, и отецъ, сознавая невыгоды своего промысла, старается отыскать для дѣтей другой источникъ заработка. Создавая условія, которыхъ содѣйствуютъ подготовленію членовъ семьи къ различнымъ занятіямъ, городская жизнь ускоряетъ разложеніе семьи. Въ деревнѣ связь между членами семьи болѣе прочна. Однообразіе занятій всѣхъ членовъ зависитъ уже отъ того, что въ деревнѣ нѣть большаго выбора. Обыкновенно человѣкъ съ дѣтства приспособляется къ занятію, которое вели его отцы и дѣды. Тамъ же, где промышленники усердно занимаются сельскимъ хозяйствомъ, связь съ землею еще крѣпче держитъ юныхъ поколѣнія у промысла отцовъ.

Всѣ эти условія вліяютъ на чистоту семейной организаціи въ промыслѣ. Городской ремесленникъ, имѣя въ промыслѣ исключительный источникъ дохода, посвящаетъ данному занятію всѣ силы и все время; такъ какъ заказчики представляютъ ему довольно обеспеченный рынокъ сбыта, то онъ стремится къ наибольшему расширенію производства. Предѣлы семьи ограничены; часть ея силь нерѣдко направляется въ другія сферы труда, а потому производство расширяется чрезъ привлеченіе наемныхъ рабочихъ. Отклоненіе семейной организаціи въ эту сторону облегчается еще тѣмъ, что непрерывное веденіе промысла цѣлый годъ дѣлаетъ для наемнаго рабочаго выгоднымъ поступление къ ремесленнику, а городъ, изобилуя различными родами труда, всегда имѣть запасъ свободныхъ рабочихъ.—Нерѣдко отклоняясь въ эту сторону отъ чистаго типа семейной организаціи, городское мелкое производство имѣть болѣе сельскаго и наклонность не доразвиваться до семейной формы, а оставаться одиночнымъ: если ремесленникъ, по разнымъ при-

чинамъ, не нанимаетъ рабочихъ, то часто, не имѣя сотрудниковъ въ членахъ семьи, остается одиночнымъ производителемъ. Въ деревнѣ, и подсобность промысла, и отвлеченіе отъ него многихъ силъ и времени землею, и непостоянство сбыта не вызываютъ въ промышленникѣ такого напряженного желанія расширить производство, какъ въ городѣ. Расширенію посредствомъ наемныхъ рабочихъ мѣшаетъ и то, что въ членахъ семьи есть готовая рабочая сила, не отвлекаемая въ сторону другихъ занятій, и то, что недостаточный запасъ работниковъ въ деревнѣ и прерываемость работы въ теченіе несколькихъ мѣсяцевъ года затрудняютъ подысканіе рабочихъ. Большая же связь, сохраняемая всѣми членами семьи съ домомъ, рѣже и только временно удерживаетъ промышленное заведеніе на ступени одиночного производства; съ подростаніемъ сыновей, племянниковъ, она приводитъ его къ семейной организації.

Такимъ образомъ, семейная организація знакома и городской, и сельской промышленности. Но различія въ условіяхъ городского и сельскаго быта имѣютъ вліяніе на сохраненіе этой формы во всей ея чистотѣ: въ деревнѣ она легко удерживаетъ чистый типъ, въ городѣ же часто утрачиваетъ его.

Семейная форма производства имѣть крупныя достоинства, которыхъ не часто встрѣчаются даже въ артели: 1) Родственная связь между работающими, сознаніе тождества интересовъ, неравнѣльность общаго дохода дѣлаютъ надзоръ излишнимъ, ведутъ къ большому напряженію труда и бережливому пользованію материаломъ. Мы вспоминаемъ по этому поводу слышанное въ Московскомъ уѣздѣ въ кустарной избѣ мебельщиковъ Самсоновыхъ, которая состояла изъ 6 членовъ. „Одному хозяину имѣть работниковъ выгодно: ему самому работать не нужно,—довольно только надсматривать надъ работниками; но если одинъ изъ насъ будетъ наблюдать надъ работой мастеровъ и учениковъ, то остальные будутъ работать спустя рукава, не желая дѣлать больше, чѣмъ наблюдающій членъ семьи при чувствѣ своего равенства, какъ близкихъ родныхъ. Если мы все шестеро будемъ работать небрежно, то работа мастеровъ не дастъ намъ столько, сколько мы потеряемъ отъ своей нерадивой работы. Такъ какъ мы работаемъ одни, безъ мастеровъ, то намъ наблюдателя не нужно,—мы чувствуемъ нашу пользу, стараемся работать нацерерьвъ другъ передъ другомъ, а потому и успѣли составить себѣ хорошее положеніе, зашибить конійку“⁸⁾. 2) Пока ремесленное образованіе не со средоточивается въ школахъ, которыхъ даютъ производству вполнѣ подготовленныхъ работниковъ, промышленное искусство всего лучше воспитывается въ семье. Отецъ или другой близкій родственникъ прилагаетъ гораздо болѣе стараній для сообщенія подростающему работнику всего своего умѣнія и опыта, не-

жели мастеръ — чуждому ученику, который связанъ съ нимъ только временно ¹⁰). Съ тѣмъ вмѣстѣ семья служить и наилучшимъ хранилищемъ промышленныхъ тайнъ, которые содѣйствуютъ улучшению какой-либо стороны производства. Эти тайны не умираютъ съ изобрѣтателемъ; онѣ передаются изъ рода въ родъ и хранятся потомками, какъ драгоценное семейное достояніе и источникъ хозяйственныхъ выгодъ. При современномъ развитіи техники, при возможности для юнаго ремесленника въ школѣ воспитать и искусство и вкусъ, семейное производство не имѣть въ этомъ отношеніи той важности, какую оно представляетъ на низкомъ уровнѣ хозяйственного быта, когда еще неизвѣстно систематическое ремесленное воспитаніе ¹⁰). 3) Замѣтимъ, наконецъ, что кустарное производство въ высокой степени содѣйствуетъ чистотѣ нравовъ. Соработники, связанные крѣпкими семейными узами, живутъ и трудятся вмѣстѣ; мужъ не оставляетъ жены; дѣти не уходятъ отъ родителей. Распущенность однихъ можетъ быть сдерживаема въ тѣсныхъ предѣлахъ нравственными качествами другихъ.

На ряду съ этими достоинствами должна быть отмѣчена одна крупная невыгода семейного производства—возможность быстраго истощенія рабочей силы. Отсутствіе общности интересовъ между рабами и пасмными работниками съ одной стороны, и рабовладѣльцами и нанимателями съ другой,—ведеть къ тому, что даже крайне длинный рабочій день не можетъ въ такой мѣрѣ содѣйствовать истощенію рабочей силы, какъ въ семейномъ производствѣ: тамъ, помимо государственного вмѣшательства, противовѣсомъ служить и желаніе работающихъ щадить свою силу, не напрягать ее до вышихъ предѣловъ. Если трудъ оплачивается по времени, а не сдѣльно, то сила затрачивается бережно. Въ кустарномъ производствѣ сознаніе общности выгодъ побуждаетъ всѣхъ работающихъ, уже по родственной между ними связи, напрягать силы въ такой же мѣрѣ, какъ то дѣлаетъ и старшій, глава семьи, а потому изнуреніе работою взрослыхъ обыкновенно сопровождается истощеніемъ и малолѣтнихъ членовъ семьи. Государственная же власть, упорядочивая бытъ работниковъ на фабрикахъ и заводахъ, не подчиняетъ своему надзору семейного производства; да эта надзоръ, по мелкости и многочисленности кустарныхъ единицъ, и почти полной невозможности протеста членовъ семьи противъ домохозяина, представляется несравненно болѣе труднымъ, нежели наблюденіе за крупными промышленными заведеніями ¹⁰).

Кустарное производство сохраняетъ свой чистый типъ только въ мелкой промышленности: ограниченность личныхъ силъ семьи дѣлаетъ эту форму невозможной въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ уже

господствуетъ фабрика или соединенная мануфактура, основанная на широкомъ раздѣлении труда. Кустарничество можетъ примѣняться только тамъ, гдѣ преобладаетъ ремесленный способъ производства. Чѣмъ болѣе въ странѣ сохраняется обычай жить большими нераздѣльными семьями, тѣмъ болѣе крупны могутъ быть кустарно-промышленные единицы и тѣмъ болѣе широка область примѣненія этой формы. Чѣмъ чаще становятся сомойные раздѣлы, тѣмъ болѣе съживается поле кустарного труда^{11).}

О будущности этой формы слѣдуетъ сказать все то, что было говорено о будущности мелкаго производства. Насколько дальшеѣшіе успѣхи техники позволятъ удержаться производству въ мелкихъ размѣрахъ, настолько же вѣроятно существованіе въ будущемъ и кустарничества. Замѣтимъ, что стремление известной отрасли промышленности принять крупные размѣры гораздо ранѣе стираетъ семейную форму въ городѣ, нежели въ деревнѣ. 1) Большой индивидуализмъ, связанный со всѣмъ складомъ городской жизни, болѣшее стремленіе людей выѣзжаться изъ семей и посвящать свои силы другимъ занятіямъ противопоставляютъ въ городѣ крупному производству менышия кустарныхъ единицъ, чѣмъ въ деревнѣ. 2) Подсобность промысла въ деревнѣ дѣлаетъ для сельскаго кустарника менѣе труднымъ продолжать исконное занятіе и мириться съ уменьшеніемъ отъ него доходовъ подъ напоромъ крупнаго производства. 3) Къ этому присоединяется дешевизна жизни въ деревнѣ сравнительно съ городомъ, а иногда и возможность для сельскаго кустаря имѣть болѣе дешевый матеріалъ, чѣмъ въ городѣ.—Такимъ образомъ, съ каждымъ успѣхомъ техники семейное производство будетъ все болѣе и болѣе становиться принадлежностью только деревни.

Кустарная промышленность занимаетъ въ Россіи многіе миллионы рабочихъ рукъ. Точные свѣдѣнія собраны только въ немногихъ губерніяхъ, а потому было бы тщетною попыткой опредѣлить, даже приблизительно, общее число кустарей^{12).} Продолжительная зима и малая доходность хозяйства въ сѣверныхъ и среднихъ губерніяхъ служатъ причиной того, что именно тамъ кустарные промыслы болѣе развиты, нежели въ южной полосѣ.

Группируя сотни разновидностей нашей сельской обработы-ящей промышленности, мы можемъ свести ихъ къ такимъ основнымъ классамъ: 1) обработка дерева, 2) глины, 3) металловъ, 4) мѣховъ и кожъ, 5) волокнистыхъ веществъ.

Первое мѣсто занимаетъ обработка дерева, распространенная по всей Россіи и, особенно, въ губерніяхъ подмосковнаго района и сѣверныхъ. Эти промыслы, доставляя рынку какъ самыя грубыя изделия домашнаго обихода — бочарныя, колеса и

и плотничьи—такъ и цѣнныя товары (высокіе сорта орѣховой мебели въ Московской и Вятской губерніяхъ, разнообразныя галантерейныя вещи), имѣютъ еще потому особенное значение, что орудія и техническіе пріемы очень просты, материалы недороги и часто могутъ быть добываемы въ ближайшемъ соѣдствѣ. Вотъ причины, вслѣдствіе которыхъ эти промыслы могутъ дольше сохранить мелкіе размѣры и форму кустарничества, чѣмъ производства другихъ классовъ.

Промыслы по обработкѣ простой красной глины (горшечное производство) также распространены повсемѣстно: назовемъ въ особенности Московскую, Калужскую, Курскую, Полтавскую, Костромскую и Вятскую губерніи. Въ Московской губерніи изстари существующему горшечному промыслу присоединилась обработка фарфоровой глины. Производство фарфоровой и фаянсовой посуды сосредоточивается въ крупныхъ промышленныхъ заведеніяхъ, занимающихъ сотни рабочихъ рукъ. Обработка же красной глины и изготовление дешевой фаянсовой посуды сохранили мелкіе размѣры и форму кустарничества. Послѣднія имѣютъ съ обработкой дерева тѣ общія черты, что простота орудій и рабочихъ пріемовъ, дешевизна материаловъ облегчаютъ сохраненіе чистаго типа кустарного труда.

Мы находимъ обработку металловъ преимущественно въ Московской, Тульской, Нижегородской, Тверской, Ярославской, Новгородской, Вятской и Пермской губерніяхъ, гдѣ сосредоточены главные промыслы по обработкѣ желѣза и мѣди. Успѣхи машинного производства въ обработкѣ желѣза и мѣди, большая дороговизна орудій и материаловъ служатъ причиной того, что крупная промышленность становится на мѣсто кустарного производства.

Обработка мѣховъ и кожъ не представляетъ такихъ техническихъ особенностей, которыя затрудняли бы веденіе этихъ промысловъ небольшими семейными группами: орудія и процессы труда не сложны, материалы же довольно дороги. А потому мы находимъ здѣсь совмѣстное существование довольно крупныхъ заводовъ и мельчайшихъ семейныхъ промысловыхъ избъ. Эти промыслы распространены преимущественно въ Московской, Владимірской, Нижегородской, Казанской, Вятской, Курской, Полтавской, Могилевской губерніяхъ.

Въ обработкѣ волокнистыхъ веществъ фабричная промышленность сдѣлала наибольшіе успѣхи. Пряденіе приняло крупные размѣры. Къ этому стремится и ткачество; однако, на ряду съ механическими ткацкими станками, еще сохранилось ручное ткачество. Оно держится преимущественно въ изготошеніи линнныхъ и шелковыхъ тканей въ Московской, Владимірской, Нижегородской, Ярославской, Костромской губерніяхъ. Въ про-

изводствъ же бумажныхъ и шерстяныхъ тканей преобладаетъ крупная промышленность.

Главные кустарные промыслы образуютъ во многихъ мѣстахъ обширные округа, тяготѣющіе къ одному или 2—3 центрамъ. Производство фарфоровой и фаянсовой посуды, распространенное во многихъ селеніяхъ Бронницкаго уѣзда, имѣть центрами села Гжель и Рѣчицу. Павлово и Ворсма являются средоточіями ножеваго и замочнаго производства въ Горбатовскомъ уѣздѣ; село Великое служить центромъ полотно-ткацкаго промысла въ Ярославскомъ и Ростовскомъ уѣздахъ и т. д. Центры кустарно-промышленныхъ округовъ имѣютъ въ исторіи промысловъ то значеніе, что обыкновенно являются разсадниками, гдѣ зародился данный промыселъ. Въ настоящее время эти средоточія потому экономически важны для всего округа, что служать мѣстами еженедѣльныхъ базаровъ, а 2—3 раза въ годъ и ярмарокъ, на которыхъ кустари сбывають часть своихъ товаровъ.

Чѣмъ проще орудія, чѣмъ дешевле матеріаль, чѣмъ доступнѣе рынокъ сбыта, тѣмъ легче сохраняютъ кустари свою хозяйственную самостоятельность. Возможность приобрѣтать сырье матеріалы на мѣстѣ производства или въ недалекомъ сосѣдствѣ и близость значительного города, предъявляющаго запросъ на издѣлія кустарей, позволяютъ послѣднимъ работать самостоятельно, вѣдь зависимости отъ скупщиковъ. Горшечники изъ кельского гончарного округа, пользуясь тѣмъ, что Москва отстоитъ всего въ 50 верстахъ отъ центра гончарного производства, продаютъ свои издѣлія съ возовъ на московскихъ базарахъ. Ближайшиe сельскіе базары и ярмарки служатъ также мѣстами значительного сбыта этихъ товаровъ. А дешевизна простой красной глины и возможность почти всегда имѣть ее подъ руками позволяетъ горшечникамъ обойдтиесь безъ посредниковъ при добываніи матеріала. То же скажемъ о многихъ кустаряхъ, обрабатывающихъ дерево. Въ мебельномъ округѣ, занимающемъ нѣсколько десятковъ селеній Московскаго и Звенигородскаго уѣзовъ Московской губерніи, кустари, изготавливающіе простую березовую мебель (*блодеревиы*), покупаютъ березовое дерево въ ближайшемъ сосѣдствѣ, иногда рубить его въ своихъ надѣльныхъ лѣсахъ и, пользуясь тѣмъ, что Москва отстоитъ въ 40—50 верстахъ, продаютъ товаръ съ возовъ на московскихъ базарахъ.

Если же кустари обрабатываютъ довольно дорогой матеріаль, который не можетъ быть приобрѣтаемъ на мѣстѣ производства, а издѣлія не составляютъ предметовъ общаго потребленія, если рынокъ сбыта отстоитъ далеко отъ кустарного района, то кустарь не можетъ обойдтиесь безъ посредника-скупщика, который постепенно подчиняетъ себѣ весь кустарно-промышленный

округъ. Живеть ли скупщикъ въ самомъ кустарномъ округѣ и занимается тѣмъ же промысломъ, или онъ живеть въ городѣ и, не участвуя въ производствѣ, только продаетъ кустарный издѣлія,—во всѣхъ случаяхъ онъ сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ главные денежные капиталы, необходимые для поддержания кустарныхъ промысловъ, и подчиняетъ себѣ кустари до полной потери послѣднимъ его самостоятельности. Отдаленность рынковъ, на которыхъ добываются сырье матеріалы, дѣлаетъ скупщиковъ поставщиками сырья для кустарныхъ окружъ, а отдаленность потребителей и невозможность непосредственныхъ съ ними сношеній образуютъ изъ скупщика ту ступень, чрезъ которую необходимо проходить всѣ кустарные издѣлія. Скидки съ цѣнъ подъ разными предлогами, навязываніе товаровъ, вмѣсто денегъ—вотъ главные способы, посредствомъ которыхъ скупщики закабаляютъ кустарей. Мебельщики—кустари Московской губерніи всецѣло зависятъ отъ московскихъ торговцевъ мебелью. Послѣдніе принимаютъ отъ производителей мебель и расплачиваются за нее частью деньгами, частью же орѣховымъ деревомъ, лакомъ, kleemъ, чаемъ, сахаромъ. Это причиняетъ кустарю большія потери: 1 пудъ орѣхового дерева, приобрѣтаемый на нижегородской ярмаркѣ по 70 к., а въ Москвѣ, при вольной продажѣ, по 1 р. 25 к., ставится кустарямъ въ счетъ по 1 р. 50 к. То же слѣдуетъ сказать и о многихъ другихъ промыслахъ¹³⁾.

Кустари становятся все болѣе многочисленны по мѣрѣ того, какъ сокращается площадь душевыхъ земельныхъ надѣловъ и сельское хозяйство приносить крестьянину все меньшій доходъ. Соперничество между ними увеличивается; ихъ отрѣзанность отъ рынка сбыта, вторженіе машинъ и крупнаго производства въ нѣкоторыя отрасли, бывшия до послѣдняго времени достояніемъ исключительно мелкой промышленности, опускаютъ заработокъ кустарей до крайне низкаго уровня и дѣлаютъ затруднительнымъ существованіе миллионовъ семей. Недѣльный доходъ кустаря въ 2—2^{1/2} рубля считается удовлетворительнымъ. Есть промыслы (напримѣръ, гвоздарей, вязальщиковъ, рыболовныхъ сѣтей), где дневной заработка не превышаетъ 10—15 копѣекъ. Для Пермской губерніи высшій годовой доходъ кустара (печатно-гравийный, экипажный промыслы) опредѣленъ въ 72—75 рублей, а низшій составляетъ 27 р. 47 к., для мраморщиковъ, 26 р. 10 к. (гвоздари) и даже 17 р. 57 к. (гончары). Въ Западной Европѣ кустари находятся, большою частію, также въ очень жалкомъ положеніи. Силезскіе ткачи, работая на дому, получаютъ не больше 6 марокъ въ недѣлю. Семья, состоящая изъ родителей и 2—3 дѣтей въ игрушечномъ промыслѣ саксонскихъ Рудныхъ горъ, зарабатываетъ въ недѣлю не болѣе 7 марокъ. Въ Зоннебергскомъ округѣ игрушечного промысла

кустари, трудясь цѣлой семьей надъ изготошеніемъ куколъ, не прибатаютъ и 2 марокъ въ день. Стѣсненное положеніе кустарей особенно рѣзко обнаруживается тамъ, где въ ихъ ближайшемъ сосѣдствѣ возникаетъ крупное промышленное заведеніе, изготавляющее такие же товары, какіе производятся кустарями. Въ Туль и Тульскомъ уѣздѣ насчитываются до 40,000 кустарей, изготавлиющихъ мѣдныя, желѣзныя, стальныя издѣлія, между прочимъ, огнестрѣльное оружіе. Казенный оружейный заводъ, находящійся въ Туле, занимаетъ, въ связи съ потребностями военнаго вѣдомства, отъ 4—5,000 до 10,000 рабочихъ; всѣ эти рабочія руки поставляются заводу кустарнымъ производствомъ. Когда заводъ увеличиваетъ спросъ на рабочихъ, кустари радостно оставляютъ свои мастерскія и отвѣчаются на его призывъ; возбуждаются зависть тѣхъ, кого принимаютъ. Не трудно понять, почему кустарь охотно покидаетъ свой домашній очагъ и подчиняется строгой заводской дисциплинѣ: на дому, при 14-часовомъ рабочемъ днѣ и успешномъ сбытии товаровъ, хороший кустарь зарабатываетъ не больше 4—5 рублей въ недѣлю; заводъ же, при 11-часовомъ днѣ, оплачиваетъ среднихъ работниковъ 20—25 рублями въ мѣсяцъ и дороже. И въ селѣ Павловѣ можно наблюдать подобное явленіе. Заработокъ ножевщика-кустаря въ среднемъ не превышаетъ $2\frac{1}{2}$ —3 рублей въ недѣлю за 14—15 часовой трудъ; рабочіе же на фабрикахъ ножевыхъ издѣлій получаютъ 3— $3\frac{1}{2}$ —4 рубля въ недѣлю. Павловскіе замочки имѣютъ ничтожный заработокъ; на этомъ промыслѣ еще неѣтъ крупнаго производства, и кустари первѣко высказываютъ желаніе, чтобы скорѣе была основана фабрика замковъ: они ждутъ отъ нея увеличенія заработка.

Въ наукѣ и практикѣ часто ставится вопросъ о будущности русскихъ кустарныхъ промысловъ. Мы полагаемъ, что некоторые отрасли (обработка волокнистыхъ веществъ, частію, металловъ) перейдутъ въ близкомъ будущемъ въ крупное производство, которое не можетъ быть кустарнымъ уже потому, что даже большая семья не имѣть столько членовъ, сколько нужно для веденія средняго предпріятія. Обработка же дерева и простой глины можетъ еще долго сохранить ремесленный способъ производства и форму кустарничества. Развитіе ремесленныхъ училищъ и повсемѣстное распространеніе передвижныхъ мастерскихъ могутъ усовершенствовать технику кустарныхъ промысловъ. Газовые, керосиновые и другіе движущіе двигатели, пользованіе водной силой могутъ повысить производительность труда этихъ промышленниковъ. Но выгоды кустарей будутъ измѣряться, преимущественно, обширностью рынка для ихъ издѣлій. Нѣтъ основанія мечтать объ открытии этимъ издѣліямъ обширнаго заграничнаго рынка, ибо зарубежные госудади производятъ все то, что дѣлаютъ наши кустари, и при-

томъ—гораздо лучшаго достоинства. Расширение же внутренняго рынка зависить отъ покупательныхъ средствъ русскаго народа, для простѣйшихъ издѣлій—отъ платежныхъ силъ русскихъ крестьянъ. Расширение земельныхъ надѣловъ крестьянъ и развитіе ихъ сельскаго хозяйства могли бы увеличить ихъ покупательная средства и позволили бы кустарямъ сбывать всю массу производимыхъ ими издѣлій. Но и широкій рынокъ доставить кустарямъ значительныя выгоды только по освобожденіи ихъ отъ скупщиковъ. Это могло бы быть облегчено открытиемъ имъ дешеваго кредита и устройствомъ артельныхъ складовъ для совмѣстной продажи издѣлій многихъ кустарей. Наконецъ, не лишена значенія прямая передача кустарямъ подрядовъ на разные предметы, приобрѣтаемые казенными и общественными учрежденіями: одежды и обуви для войскъ, мебели, утвари, бѣлья для больницъ, присутственныхъ мѣстъ и т. п.

Частичныя мѣры на пользу единичныхъ кустарей и даже цѣлыхъ промысловъ имѣютъ очень мало значенія для поддержанія и развитія этой формы промышленности. Только со средоточенное вниманіе на какомъ-либо кустарно промышленномъ округѣ могло бы оказать замѣтное вліяніе. Такъ какъ семейное производство охватываетъ въ Россіи десятки губерній и миллионы кустарей, то мѣропріятія государства и земства, безсистемно направленныя въ отдѣльныя мѣстности и отдѣльныя отрасли, не могутъ оставить сколько-нибудь замѣтный слѣдъ. Безсиліе отдѣльныхъ, разрозненныхъ мѣропріятій должно быть приписано условіямъ двоякаго рода: 1) Всѣдѣствие тяжелой борьбы, которую самостоятельная кустарная промышленность должна вести, частію, съ крупнымъ производствомъ, мануфактурнымъ и даже фабричнымъ, а главное—съ кустарными же промыслами, всесилію подчиненными власти скупщиковъ, необходимы не отдѣльныя мѣры, а цѣлая совокупность мѣропріятій, тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ. Отдѣльные же способы воздействиія (воспитаніе рабочаго искусства кустарей посредствомъ учебныхъ мастерскихъ или доставленіе кустарямъ заказовъ или даже открытие имъ доступа къ кредиту) такъ мало укрѣпляютъ кустарные промыслы, что крупное производство, какъ со средоточенное въ мануфактурахъ и фабрикахъ, такъ и домашнее, объединенное волею скупщика и окончательно утратившее самостоятельность, съ каждымъ годомъ приобрѣтаетъ все большія преимущества предъ кустарными промыслами и быстро вытѣсняетъ ихъ изъ многихъ отраслей. 2) Кустари, по своей бѣдности и низкому умственному развитію, нуждаются болѣе, чѣмъ какая-либо другая группа производителей, въ поддержкѣ со стороны отдѣльныхъ лицъ образованного класса и общественныхъ учрежденій. Поддержка можетъ выражаться въ

различныхъ формахъ: доставленіе капиталовъ для выдачи ссудъ исключительно кустарямъ, обученіе кустарей улучшеннымиъ техническимъ приемамъ, открытие кустарнымъ издѣліямъ новыхъ рынковъ сбыта, управление артельными мастерскими, которые возникаютъ среди кустарей. Но частныя лица, земства и правительство проявлять тѣмъ большую готовность къ содѣйствію кустарямъ, чѣмъ больше будетъ доказательствъ жизненности кустарныхъ промысловъ, ихъ способности устоять среди крупнаго производства и даже выработать новые формы труда, соответствующія интересамъ всѣхъ производителей. Для судьбы кустарныхъ промысловъ не все равнѣ, найдутся ли тысячи русскихъ людей, готовыхъ послужить этому дѣлу техническими знаніями, или только десятки, будутъ ли оказывать небольшое содѣйствіе (и то больше для формы) 3—4 земства, или же всѣ земства губерній и уѣздовъ, где распространено кустарное производство, будетъ ли государственный банкъ, въ видѣ милости, выдавать ссуды наиболѣе „надежнымъ“ кустарямъ, или же онъ учредить свои агентства повсюду среди кустарно-промышленныхъ округовъ и сдѣлаетъ кредитъ доступнымъ для всѣхъ сельскихъ производителей. Дабы обеспечить многостороннюю отзывчивость разныхъ лицъ и учрежденій на нужды кустарныхъ промысловъ, необходимо такъ поддерживать кустарей, чтобы за короткое время было получено доказательство способности кустарныхъ промысловъ къ дальнѣйшему развитію; а эта цѣль можетъ быть достигнута только сосредоточеніемъ различныхъ мѣръ въ какомъ-либо кустарно-промышленномъ районѣ. 50—100,000 рублей, затрачиваемые на кустарей то здѣсь, то тамъ, совершенно исчезаютъ среди миллионовъ, занимающихся этими промыслами, и тѣ же 50—100,000 рублей могутъ принести замѣтные плоды, если они затрачиваются въ одномъ районѣ такъ, чтобы производство было поддержано на всѣхъ ступеняхъ промысловой жизни.

Система мѣропріятій, обнимая всѣ стороны кустарного промысла, можетъ отвѣтить на всѣ его нужды. Учебныя мастерскія, снабженіе сырьями материалами по дешевой цѣнѣ, упорядоченіе сбыта издѣлій, постановка паровыхъ или водяныхъ двигателей для раздачи силы мелкими долями, дешевый кредитъ, взысканія отъ казны, земствъ, городскихъ учрежденій, разъ эти мѣры почти одновременно прилагаются къ какому-либо району, могутъ измѣнить условія его хозяйственной жизни. Насколько еще въ промыслѣ преобладаетъ ручной трудъ, настолько эти мѣры, сохранивъ чистоту кустарного типа, помогутъ артельному организованію покупки сырья и сбыта издѣлій и удерживаютъ самое производство внутри семьи. Если же кругомъ ихъ вѣнчуряются машины, то перечисленные мѣры, не сохраняя семейного производства, будутъ способствовать переходу его

въ артельное; при такихъ условияхъ не частно-капиталистическое предпріятіе, а артель будетъ организовать промыселъ на новыхъ началахъ и вводить въ него техническія улучшения. Такое воздействиe на кустарные промыслы будетъ важно не только для производителей данного округа, но и для всей мелкой промышленности страны. Очевидная польза, принесенная одному округу, будетъ поддерживать во многихъ лицахъ и учрежденіяхъ готовность работать на этомъ поприщѣ. Мы убѣждены, что такой примѣръ многократно увеличитъ бы и личные силы, и денежныя средства, которыхъ со всѣхъ сторонъ будутъ направлены къ кустарямъ. Опытъ былъ бы важенъ и въ томъ отношеніи, что выяснилъ бы значение отдѣльныхъ мѣропріятій, частей системы, и облегчилъ бы трудъ всѣхъ, кто позднѣе вступить на этотъ путь.

Примѣненіе всѣхъ этихъ мѣръ наиболѣе цѣлесообразно въ тѣхъ мѣстахъ, где кустарный промыселъ, охватывая много тысячъ рукъ, занимаетъ небольшое пространство; уже близкое сосѣдство производителей и личное знакомство ихъ другъ съ другомъ позволяютъ легче установить между ними связь, спо собную усилить вліяніе всѣхъ мѣропріятій. Грамотность и довольно высокое умственное развитіе кустарей являются вторымъ условиемъ, которое поможетъ успѣху дѣла. Наконецъ, важно выбрать районъ, кустарные промыслы котораго занимаютъ видное мѣсто среди всѣхъ отраслей народного труда; при этомъ опытъ, произведенный въ одномъ такомъ округѣ, можетъ имѣть ближайшее примѣненіе ко многимъ другимъ мѣстностямъ. Мы считаемъ наиболѣе подходящими мѣстами для такого крупного опыта подмосковный мебельный округъ, сапожный промыселъ въ Кимрахъ и, особенно, павловскій кузнечно-слесарный районъ Нижегородской губерніи.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ДВѢНАДЦАТОЙ ГЛАВѢ.

1) *Sismonde de Sismonde. Nouveaux principes*, I, kn. 3.

2) *Миль. Основанія*, I, 309 и дальше.

3) Лавелз краснорѣчиво изображаетъ привлекательные стороны семейного земледѣльческаго труда у южныхъ славянъ. *Laveleye. De la propri t *, глава XIII.

4) *Исаевъ*. Промыслы Москов. губ., I, 41. Въ этомъ изслѣдованіи, держаща значенія слова „кустарникъ“ на языке у крестьянъ Московской губ., я называлъ такъ только одиночныхъ производителей. Преобладаніе семейного производства рѣзко обнаруживается во многихъ промыслахъ Московской губерніи: въ большинствѣ промысловъ изъ общаго числа работниковъ члены семействъ составляютъ 40—97%. См. сводъ данныхъ по промысламъ у *Прилежаева*, 64.

5) Таковъ былъ 50—60 лѣтъ тому назадъ характеръ полотно-ткацкаго промысла въ Ярославскомъ уѣздѣ. Мужчины и женщины ткали полотна изъ домашней пряжи; материаломъ служилъ ленъ, вырошенный изъ соб-

ственій землѣ. Ирославъ, Ростовъ, базары въ Великомъ и многихъ другихъ, менѣе крупныхъ селеніяхъ были главными рынками для сбыта поглота; туда приходили въ базарные дни крестьяне и крестьянки со своими изделиями и продавали ихъ. Таково же и до сихъ поръ положеніе многихъ горшечниковъ въ Гжель; они копаютъ глину въ 1—2 верстахъ отъ мѣста производства и везутъ съ горшками по окрестнымъ селеніямъ въ базарные и ярмарочные дни.

6) Можно прослѣдить за этими измѣненіями на исторіи мебельного и фарфоро-посудного промысловъ Московской губерніи. См. *Исаевъ*. Промыслы Москв. губ., вып. I и 3.

7) Развитіе въ городахъ магазинной системы за послѣднія 3—4 десятилѣтія повело къ тому, что многіе городскіе ремесленники работаютъ исключительно для магазиновъ, а не на заказъ. Магазины съ работающими на нихъ ремесленниками представляютъ особую разновидность расчлененной мануфактуры.

8) *Исаевъ*. Промыслы Моск. губ., I, 43.

9) „Мой отецъ былъ столяръ“ служитъ лучшую рекомендацией работнику, поступающему въ мастерскую. Т. ж. 41—42.

10) См. *Roscher*, III, 545.

11) Въ Россіи самыя крупныя кустарныя единицы состоятъ изъ 6—7 членовъ. Наклонность къ семейнымъ раздѣламъ, усилившаяся со времени освобожденія крестьянъ, способствуетъ тому, что эта форма утрачиваетъ чистый типъ.

12) По даннымъ для конца 19 вѣка, насчитывали кустарей: въ Московской губерніи 153,000, Тверской—до 324,000, Нижегородской—до 200,000, 7 уѣздахъ Костромской—до 131,000.

13) Мы имѣемъ такие примѣры для гранильного промысла Пермской губерніи: скунщику заказываютъ 15 мраморныхъ вазъ за 138 рублей: онъ передаетъ кустарю заказъ за 88 рублей и удвоиваетъ свой барышъ темъ, что уплачиваетъ мастеру деньгами не больше 10—15%, а остальное отпускаетъ изъ своей лавки товарами по высокой ценѣ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Артельное производство.

Литература. а) Для изученія артелей въ теоретическомъ и историческомъ отношеніяхъ. *Пфейферъ*. Объ ассоціаціи. 1866. *Михайловъ*. Ассоціаціи. 1873. *Исаевъ*. Промышленныя товарищества во Франціи и Германіи. 1879. *Его же*. Артели въ Россіи. 1881. *Cochut*. Les associations ouvrières. 1851. *Feugueray*. L'association ouvrière, industrielle et agricole. 1851. *Lemercier*. Etudes sur les associations ouvrières. 1857. *Schulze-Delitzsch*. Die arbeitenden Klassen u. d. Associationswesen in Deutschland. 1863. *Его же*. Die Genossenschaften in einzelnen Gewerbzweigen. 1873. *Engländer*. Geschichte der französischen Arbeiter-Associationen. 4. B. 1864. *Véron*. Les associations ouvrières. 1865. *Gierke*. Das dencsche Genossenschaftsrecht, 2. B. 1868. 73. *Birnbaum*. Das Genossenschaftsprinzip in Anwendung u. Anwendbarkeit in der Landwirtschaft. 1870. *Kraus*. Die Solidarhaft bei den Erwerbs- u. Wirtschaftsgenossenschaften. 1878. *Holyoake*. History of co-operation. 2 vol. 1870. *Его же*. The cooperation to-day. 1890. *Hubert-Valeroux*. Les associations coopératives en France et à l'étranger. 1884. *Grüger*. Die Erwerbs- u. Wirtschaftsgenossenschaften in den einzeln. Ländern. 1892.

Häntsche. Die gewerblichen Productionengenoss. in Deutschland. 1894. **Oppenheimer.** Die Siedlungsgenossenschaft. 1896. **Coulet.** Le mouvement syndical et coopératif de l'agriculture française. 1898. **Ertl u. Licht.** Das landwirthschaftl. Genossenschaftswesen in Deutschland. 1899. **Kudelka.** Das landwirthschaftliche Genossenschaftswesen in Frankreich. 1899. Almanach de la coopération française. 1898—1900. **Gide.** Les associations coopératives de production en France: *Révue d'Economie polit.* 1900. I. Болѣе подробныя указания на литературу въ книгѣ *Исаева*. Пром. товарищества. б) Для изученія русскихъ артелей. **Калачовъ.** Артели въ древней и нынѣшней Россіи 1864. Изслѣдование о состояніи рыболовства въ Россіи 1860—63. Сборники материаловъ объ артеляхъ въ Россіи, вв. 1 и 2 1874—75. **Немировъ.** Биржевая артель въ С.-Петербургѣ. 1876. **Пахманъ.** Обычное гражданское право въ Россіи. I. 1877. **Щербина.** Очерки южно-русскихъ артелей. 1880. **Исаевъ.** Артели въ Россіи. 1881. *Его же.* О мѣрахъ къ развит. артельн. производства. 1882. **Staehr.** Ueber Ursprung, Geschichte, Wesen u. Bedeutung d. russ. Artels. 2 В. 1890 и 91. В. В. Артель въ кустарномъ промыслѣ. 1895. Журн. статьи *Энциклардъ*. Артельн. сыроварни. *От. Зап.*, 1872, II и V. **Боборыкинъ.** Русскій Шеффильдъ. *От. Зап.*, 1877, III. Т—ъ. Бѣлоазерская рыболовная артель. *Слово*, 1879. IX. *Сазоновъ.* Рыболовные артели. *Рус. Мысль*. 1881, VII, 1884, III и VIII. 1886, VII и IX. *Его же.* Эксплуатация артелей. *Рус. Мысль*, VII, VIII и IX. *Его же.* Южн. морская рыболовн. артель. *Съверн. Вѣстн.* 1885, II. *Его же.* Рыболовные артели въ Средней Россіи. *Съв. Вѣстн.* 1887, III и IV. *Гольцовъ.* Тверская артель и земство. *Юрид. Вѣстн.* 1885, I. *Лазаревскій.* Артель подмансовъ. *Съв. Вѣстн.* 1886, IV. *Федоровъ.* Земледѣльческая артель въ Шадринск. уѣздѣ. *Сообщ. Спб. отдѣл. комит. о ссудосберег. товарищ.* VI, 1892. Статьи *Чарушина* и *Штаме* о павловской артели. См. *Сообщенія*, VII, 1894. *Левитскій.* Землед. артель Херсон. губерніи. *Рус. Мысль*, 1896, IX. Дальнѣйшая указания на литературу можно найти въ Указатѣ *Межкова*, доведенномъ до половины 1892 года.

Первымъ признакомъ артелей, проводящимъ рѣзкую границу между артелями и общинами, служить договоръ. Часто говорятъ, что договоръ не составляетъ основного признака, и ссылаются на артели, которые возникаютъ ненадолго, для цѣли, достигаемой въ немногихъ дней или даже часовъ. Но и въ такихъ артеляхъ всегда можно отыскать договорное начало. Возьмемъ артели для охоты въ сѣверныхъ губерніяхъ Европейской Россіи и Сибири. Если 15—20 человѣкъ охотятся вмѣстѣ и послѣ охоты дѣлать добычу поровну или въ извѣстной пропорції, то не нуждаются въ предварительномъ договорѣ, который опредѣлялъ бы всѣ подробности ихъ предпріятія. Эти артели существуютъ издавна; старинный обычай выработалъ форму общенія, которая знакома каждому охотнику съ ранніго дѣтства. Довольно, поэтому, если, на приглашеніе одного-двухъ, остальные соглашаются идти и назначаютъ для выхода извѣстный срокъ. Въ артеляхъ, не имѣющихъ за собой вѣковаго обычая, обыкновенно предусматриваются всѣ условія. Нерѣдко пишутся обширные уставы, утверждаемые нотаріальнымъ порядкомъ или вышею правительственною властью.

Вторымъ признакомъ артелей служить начало равноправности. Образованіе артелей изъ лицъ, сходныхъ между собою

по возрасту, тѣлесной силѣ и имущественными средствами, ведеть къ тому, что всѣ члены пользуются одинаковыми правами, всѣ равномѣрно участвуютъ въ материальныхъ выгодахъ, доставляемыхъ имъ общимъ заработкомъ; всѣ имѣютъ право координировать органы исполнительной власти, обыкновенно избираемые изъ среды самихъ же артельщиковъ. Отъ этого есть и дѣйствительная и—гораздо чаще,—только кажущаяся отклоненія: если, напримѣръ, члены многихъ артелей имѣютъ первое время по вступлению меньшія права сравнительно со старѣшими членами, которые уже хорошо ознакомились съ про мысломъ, то начало равенства не нарушается: всѣ проходятъ такой періодъ испытанія. Не нужно понимать „равноправность“ въ томъ смыслѣ, будто, всѣ члены получаютъ изъ общаго дохода непремѣнно поровну. Если артель допускаетъ неодинаковые имущественные взносы членовъ въ артельный капиталъ, то часть общаго дохода обыкновенно распредѣляется соразмѣрно со взносами участниковъ. Въ данномъ случаѣ начало равноправности не нарушается: артель, выдѣляя капиталу часть дохода, только освящаетъ права собственника со всѣми ихъ послѣдовательностями.

Предоставляя всѣмъ членамъ равные права, артель требуетъ отъ нихъ и равной ответственности. Круговая порука или обязанность каждого члена ручаться за всѣхъ своихъ товарищей доказываетъ, съ одной стороны, прочность связи между членами, съ другой—ведеть къ тому довѣрію, которымъ пользуются артели отъ заказчиковъ. *Круговая порука*, вытекающая изъ имущественныхъ условій, въ которыхъ стоятъ члены артели, изъ ихъ малой имущественной обеспеченности, составляетъ третій отличительный и неотъемлемый признакъ каждой артели.

Наконецъ, признакомъ артелей служить также участіе членовъ въ трудѣ и капиталѣ. Соединяя всѣ эти признаки, мы опредѣлимъ артель, какъ *основанный на договорѣ союза равноправныхъ лицъ, совмѣстно преслѣдующихъ хозяйственныхъ цѣли, связанныхъ круговою порукой и участвующихъ, при веденіи промысла, трудомъ или трудомъ и капиталомъ*.

Основаніемъ для классификаціи всего лучше можетъ служить родъ цѣли, преслѣдуемой артелью. Артели, имѣющія цѣлью производство цѣнностей, называются *промышленными*. Соединеніе людей для совмѣстного потребленія, для найма квартиры сообща, даѣтъ начало *потребительскимъ артелямъ*. Когда собственного имущества недостаточно для производства, то люди обращаются къ кредиту и основываютъ для этой цѣли *кредитныя артели*. Наконецъ, стремясь обезпечить себя въ будущемъ, люди организуютъ страхование; артели, преслѣдующія эту цѣль, известны подъ именемъ *страховыхъ*. Въ этой главѣ рѣчь идетъ о промышленныхъ артеляхъ. Они могутъ быть разбиты на: 1) сырьевыя,

которыя составляются для совмѣстнаго пріобрѣтенія сыраго матеріала, 2) *складочныя*, устраивающія склады для товаровъ на общий счетъ, 3) *производительно-подсобныя*, когда на общей счетъ пріобрѣтаются помѣщенія и орудія, и 4) *производительныя*, въ которыхъ все производство ведется общими силами членовъ артели.

Артельная форма доставляетъ участникамъ большія выгоды. 1) Такъ какъ члены влагаютъ въ предпринятіе и трудъ, и капиталъ, то въ ихъ пользу поступаютъ и всѣ доходы; здѣсь заработная плата всегда выше (по крайней мѣрѣ, въ $1\frac{1}{2}$ раза), чѣмъ плата лицъ, работающихъ по найму. 2) Участіе въ управлении и распоряженіи промысломъ содѣйствуетъ умственному развитію членовъ. Наконецъ, 3) въ артели исчезаетъ всякое противорѣчіе между трудомъ и капиталомъ. Вотъ особенности артелей, выгодно отличающія ихъ отъ предпріятій съ наемными работниками.

Многіе считаютъ артель примѣнімо только тамъ, гдѣ требуется добросовѣстный трудъ, гдѣ необходимъ очень внимательный надзоръ надъ наемниками при пользованіи матеріалами, орудіями и машинами. Многіе говорятъ, что предпріятія съ большимъ рискомъ и тажелою ответственностью, равно какъ и нуждающіяся въ значительномъ капиталѣ, не допускаютъ артельного строя. Такимъ образомъ, для артелей отводится область только мелкихъ промысловъ. Однако, при всей недостаточности нашихъ матеріаловъ, можно насчитать нѣсколько десятковъ отраслей промышленности, гдѣ примѣняется артельная организація. Прежде всего она можетъ быть съ успѣхомъ примѣняема въ тѣхъ промыслахъ, гдѣ требуется небольшой капиталъ: не нуждаясь въ большомъ капиталѣ, эти промыслы всегда найдутъ для себя лицъ, готовыхъ составить артель. Въ отрасляхъ, требующихъ значительныхъ средствъ, артельное начало не легко примѣнено по слѣдующимъ причинамъ: тѣ классы, изъ которыхъ, главнымъ образомъ, вербуются члены артелей, не обладаютъ большими капиталами; среди классовъ же богатыхъ преобладаютъ единоличные предпріятія, и все болѣе развивается акціонерная форма. Послѣдняя тѣмъ особенно и заманчива, что позволяетъ самымъ мелкимъ капиталамъ участвовать въ веденіи миллионныхъ оборотовъ и возлагаетъ на каждого только ограниченную ответственность; артель же предполагаетъ круговую поруку и связанный съ нею рискъ потерять все имущество. Такимъ образомъ, для артели остается обширная область мелкихъ и среднихъ предпріятій. Что обороты артели даже въ торговлѣ могутъ достигать иногда большихъ размѣровъ, доказывается примѣромъ московской артели половыхъ, которая содержитъ гостиницу съ оборотомъ болѣе миллиона рублей.

Когда говорят о будущности артелей, то обыкновенно сомневаются, чтобы они могли составлять капиталы, необходимые для крупного производства. При этом объясняют их малочисленность и медленность развития недостатком капитала у их учредителей. Это не всегда соответствует действительности: видеть слабые стороны артелей преимущественно в этом — значит забывать, что частные лица, основывая обширные предприятия, часто вовсе не имют капитала, начинают дело при помощи кредита; найти его тем легче, чем больше опытно данное лицо в торговых и промышленных делаах и тем больше значительны его связи в торгово-промышленном мире. А потому следует считать малую опытность артельщиков в коммерческих делаах, отсутствие связи съ этими сферами очень важной преградой при возникновении артелей и их развитии. Невыработанность приемов для ведения артельного предприятия служит также причиной того, что частные кредитные учреждения обыкновенно считают их малонадежными должниками. Однако, эти невыгоды, не представляя чего-либо неустранимаго и свойственного исключительно артелям, стоять на пути какъ новыхъ формъ производства, такъ даже новыхъ отраслей промышленности при ихъ возникновеніи. Въ XVII вѣкѣ, когда приемы ведения акционерныхъ предприятий еще не были выработаны, эти предприятия были недолговѣчны; но постепенно сложилась техника акционерного дѣла, которая позволяет успѣшно вести даже самыя обширныя предприятия этого рода. Железнодорожное дѣло наталкивалось въ началѣ своего развитія на многочисленныя и разнообразныя препятствія. Теперь же оно настолько извѣдано, что никому и въ голову не приходитъ жаловаться на трудность сооруженія желѣзной дороги и управлениія ею. Сопоставление артелей съ акционерными обществами позволяетъ отметить некоторые преимущества на сторонѣ первыхъ. Большинство акционеровъ относится равнодушно къ предприятию; разсѣянные по всей странѣ, они не принимаютъ никакого участія въ веденіи дѣла. Соблазняемые высокимъ дивидендомъ, многие приобрѣтаютъ акціи данного общества и не могутъ дать себѣ даже приблизительного отчета о родѣ предприятия, въ которое они вносятъ часть своего капитала. Артельщики живутъ на одномъ мѣстѣ и принимаютъ непосредственное участіе въ артельномъ труде. Чемъ больше будетъ развиваться техника артельного дѣла, темъ больше обдуманно будутъ действовать артели при выборѣ руководителей, управляющихъ; предпочтение будетъ отдаваться наиболѣе подходящимъ лицамъ, которые имѣютъ дарованія предпринимателя. Артель и потому еще можетъ соперничать съ частно-капиталистическими предприятиями, что для послѣднихъ необходима прибыль, которая покрываетъ личные расходы хозяина.

Артельщики живутъ на заработную плату; при застоѣ въ дѣлахъ, они могутъ обходиться безъ прибыли, сбывать свои издѣлія, понижать ихъ цѣну на всю сумму барыша.

Хотя и можно ожидать, что частныя лица будутъ въ отдѣльныхъ случаяхъ приходить артелямъ на помощь своими капиталами, однако, нужно требовать содѣйствія со стороны государства. Артели, поддерживаемыя кредитомъ, должны обладать полною свободой самоопредѣленія. Только при этой свободѣ мысль артельщиковъ будетъ неутомимо работать надъ созданиемъ условій, которыя позволяютъ вести дѣло наиболѣе выгодно. Что поручить въ артели отдѣльнымъ лицамъ и что должны вѣдьть многочленные органы? Какъ упорядочить надзоръ? Какими средствами и до какихъ предѣловъ должна быть поддерживаема въ артели дисциплина? — Вотъ нѣкоторые изъ вопросовъ, еще ожидающихъ рѣшенія. Будущее сложится для артелей тѣмъ болѣе благопріятно, чѣмъ больше будетъ сдѣлано для пріобрѣтенія знаній и навыковъ, которые обеспечиваютъ успѣхъ предпріятія. Ростъ народнаго образованія, какъ общаго, такъ и техническаго, можетъ облегчить воспитаніе качествъ, которыя важны для членовъ артелей.

Развитіе производительныхъ артелей во Франціи получило сильный толчокъ въ 1848 — 49 годахъ. Именно въ это время были основаны артели крестьянниковъ, стульниковъ, ламповщиковъ, фортепьянщиковъ, каменщииковъ, типографщиковъ и другія. Одушевленіе, охватившее работниковъ Франціи, отразилось и на уставахъ этихъ артелей: равное вознагражденіе участниковъ за трудъ, распределеніе прибыли поровну, отчисленіе доли прибыли во вспомогательную кассу и образование недѣлимаго фонда, предназначеннаго служить интересамъ всего рабочаго класса—вотъ особенности, которыя были усвоены этими артелями. Наемные рабочіе не принимались. Позднѣе артели отступили отъ этихъ началь, стали нанимать рабочихъ и приблизились къ типу хозяйственныхъ предпріятій. Въ 1900 году во Франціи насчитывалось до 200 артелей.

Развитіе артелей въ Германіи, начавшееся въ 1849 году, связано съ именемъ Шульце-Делича. Видное мѣсто занимаютъ сырьевыя артели, въ которыхъ членовъ связываетъ только общая закупка сырыхъ матеріаловъ. Къ апрѣлю 1903 года было 215 такихъ артелей. Тогда же были 94 складочные артели, 91 производительно-подсобная, 323 производительныхъ, распредѣлившихся по 22 отраслямъ промышленности. Среди сельскихъ хозяевъ артели получили большое распространеніе. Въ началѣ 1903 года было 1673 сырьевыхъ артели (въ 1880 году только 68), 244 складочныхъ и 3604 производительно-подсобныхъ и производительныхъ: сыроваренные, винодѣловъ и др. Успешно развились также строительныя артели (498 въ 1903 году), онѣ учреждаются

для постройки жилихъ домовъ; иѣкоторыя артели строють дома исключительно для рабочаго класса. Нѣмецкія производительныя артели не относятся къ наемному труду съ такимъ принципіальнымъ отрицаніемъ, какъ старыя французскія; когда оборотъ достаточно развился, онъ нанимаютъ рабочихъ. Многія германскія артели имѣютъ и ту особенность, что члены связанны ограниченнай круговой порукой, отвѣтственностью каждаго участника только въ извѣстной суммѣ, во столько-то разъ превышающей артельный пай. Залогомъ дальнѣйшаго развитія артелей въ Германіи служить тѣсная связь, соединяющая многія артели. Въ 1864 году былъ основанъ *Всеобщій союзъ германскихъ артелей*, оказывающей артелямъ поддержку совѣтами, ходатайствами. Въ 1903 году въ его составѣ входила 1651 артель. Въ полномъ единеніи съ союзомъ дѣйствуетъ германскій артельный банкъ; располагая капиталомъ въ 30 миллионовъ марокъ, онъ служить для артелей центральнымъ кредитнымъ учрежденіемъ. Артели, основанныя сельскими хозяевами, имѣютъ, съ 1890 года, особый центръ—*Всеобщій союзъ сельско-хозяйственныхъ артелей Германской имперіи*; въ 1900 году его членами состояли 13.037 артелей.

Русскія артели могутъ быть сведены къ тремъ разрядамъ. Первый образуютъ тѣ, которыя, будучи извѣстны еще съ древнѣйшихъ временъ, отличаются простотой строенія, патріархальными отношеніями между членами, руководствуются не законами, не писанными уставами, а обычаемъ. Таковы артели охотниковъ, рыболововъ, крючниковъ, плотниковъ, землекоповъ и многія другія. Обыкновенно эти артели составляются на короткое время, обнимающее періодъ данныхъ работъ (рыболовныя—на зимній или весенний ловъ рыбы, крючники—на время навигаціі), имѣютъ немного членовъ: на новоземельскихъ моржевыхъ промыслахъ—10, на озерахъ Новгородской и Псковской губерній до 20, въ артеляхъ крючниковъ 9—15. Артельщики выбираютъ изъ своей среды *старосту* (*батыря, карбасника, ватамана*); члены, обыкновенно земляки, близко знакомы другъ съ другомъ, и лицо, обладающее качествами, которыя необходимы для руководителя общимъ дѣломъ, изъ года въ годъ становится во главѣ возникающей артели. Староста пользуется большой властью: иногда ему предоставлено право подвергать членовъ за кражу или скору даже тѣлеснымъ наказаніямъ. Дѣятельность схода, обнимающаго всѣхъ членовъ, обнаруживается въ такихъ артеляхъ почти исключительно въ началѣ и по окончаніи предпріятія. При началѣ дѣла артель избираетъ себѣ вождя; по окончаніи—она или одобряетъ его распорядительность и изъявляетъ готовность примкнуть къ нему и въ будущемъ году, или же порицааетъ и тѣмъ выражаетъ нежеланіе имѣть его впредь своимъ руководителемъ. Многія изъ этихъ артелей (охотничихъ, бур-

лацкихъ, нѣкоторыхъ рыболовныхъ) дѣлять всю добычу поровну. Это объясняется тѣмъ, что участники дѣлаютъ равные имущественные взносы и, будучи людьми равной силы и искусства, работаютъ на артель одинаковое количество времени. Въ большинствѣ артелей староста получаетъ изъ добычи большую долю, нежели рядовые члены. Есть и такой способъ распределенія, что одна часть добычи поступаетъ капиталу („на запасъ“, какъ говорятъ многіе рыболовы Новгородской и Псковской губерній) и разверстывается между членами соразмѣрно съ долей, внесеній въ общій капиталъ, напримѣръ, соразмѣрно съ частью невода, которую доставилъ каждый членъ; другая же часть добычи служить вознагражденіемъ членовъ за ихъ трудъ. Эти союзы сохраняютъ чистоту артельного типа. Во многихъ наемный трудъ вовсе неизвѣстенъ; въ другихъ по временамъ называются работники, но пользованіе наемнымъ трудомъ не составляетъ правила. Многія артели этого разряда (покрученники на промыслахъ Бѣлого моря и Сѣверного океана) не ведутъ промысла самостотельно, а работаютъ изъ опредѣленной части добычи на предпринимателей, которые и доставляютъ артелямъ нужный капиталъ.

Ко второму разряду слѣдуетъ отнести тѣ артели, которые слагаются на долгое время, имѣютъ уставы, утвержденные патріархальнымъ порядкомъ или высшою административною властью и, отчасти, носятъ характеръ частно капиталистическихъ предприятий. Таковы биржевые, купорные, драгильскіе, балластные, таможенные. Они исполняются при биржахъ, торговыхъ заведеніяхъ, конторахъ и таможняхъ работы по упаковкѣ и отправкѣ товаровъ, приему и выдачѣ денегъ. Эти артели многочисленны: въ Петербургѣ и Москвѣ есть биржевые, имѣющія по 300—400 членовъ. Руководствуясь въ своей жизни подробными уставами, эти артели далеко ушли отъ патріархальной простоты, которая сохранилась въ артеляхъ первого разряда. Многія выбираютъ старосту только на 1 годъ или даже на 6 мѣсяцевъ. Старосты получаютъ довольно большое жалованье, но ихъ права ограничены: въ петербургскихъ биржевыхъ артеляхъ старостѣ предоставляется налагать на членовъ денежные пени до 5 рублей, но только подъ условіемъ дождѣть въ тотъ же день обѣ этомъ штрафъ на артельномъ собраніи у образа; а наказанный имѣеть право оправдываться предъ артелью. Нѣкоторыя артели имѣютъ особый органъ надзора. Въ биржевыхъ таковыми служитъ писарь; онъ ведетъ артельныя книги, приготовляетъ счета заказчикамъ, сопровождаетъ старосту,—иногда при этомъ есть и нѣсколько артельщиковъ,—когда тотъ закупаетъ что-нибудь для артельного хозяйства. Предъ общими собраніями избираются особыя ревизионныя комиссіи изъ 3—4 артельщиковъ, которые повѣряютъ денежныя суммы и докладываютъ общему

собранию. Наконецъ, органомъ надзора служать общія собрания (называемыи „собраниями у образа“); они бывають ежедневно на квартире артели, утромъ, передъ выходомъ членовъ на работу, и вечеромъ—по окончаніи работы. Здѣсь выслушиваются отчеты должностныхъ лицъ о всемъ, что случилось въ теченіе дня, и дѣлаются распоряженія о работахъ на слѣдующій день. Кромѣ того, 1—4 раза въ годъ бываютъ общія собрания для выбора должностныхъ лицъ, распределенія дохода, повѣрки денежныхъ отчетовъ. Такъ какъ большинство этихъ артелей требуетъ значительныхъ членскихъ взносовъ (въ биржевыхъ вступныя деньги составляютъ 1000 рублей и болѣе), то капиталъ имѣетъ самостоятельное значеніе: онъ не участвуетъ въ оборотахъ, и нарастающіе проценты распредѣляются между артельщиками соразмѣрно съ суммами, которыя они уплатили въ счетъ вкупныхъ взносовъ. Годовые же заработки дѣлятся между членами соотвѣтственно съ числомъ дней, которые каждый провелъ на работе отъ артели. Капиталистическая окраска большинства этихъ артелей выражается въ постоянномъ пользованіи наемнымъ трудомъ. Въ биржевыхъ, драгильскихъ и другихъ артеляхъ количество труда, поставленное наемными рабочими, нерѣдко въ 2—3 раза преисходитъ количество работы, исполненное членами. Въ Петербургѣ есть биржевые артели, къ которымъ, въ качествѣ рабочихъ, поступаютъ цѣлые артели. Такимъ образомъ, эти союзы уже нарушили чистый типъ артельного производства.

Мы относимъ къ особому разряду тѣ артели, которыхъ стали слагаться въ разныхъ отрасляхъ производства вслѣдствіе увлечения артельной формой съ конца 60-хъ годовъ. Большею частью, онѣ возникли подъ воздействиемъ извѣснѣ — со стороны представителей интеллигенціи, земскихъ управъ. Отмѣтимъ артельные сыроварни въ Тверской и Ярославской губерніяхъ, артели кузнецовыхъ и смолокуровъ въ Тверской, ножевщиковыхъ и замочниковъ въ Тулѣ и Павловѣ, нѣсколько артелей, изготавливающихъ чугунно-литейные изделия въ бывшемъ Мальцевскомъ раionѣ и другія. Нѣкоторыя изъ нихъ руководствуются уставами, которые утверждается высшая администрація, имѣютъ правленіе изъ 3—5 членовъ, а иногда и особый органъ надзора — повѣрочный совѣтъ. Артельщики получаютъ изъ дохода обычную плату за трудъ, а прибыль распредѣляется между ними соразмѣрно съ долей каждого въ артельномъ капиталѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ артелей получили помощь извѣснѣ. Въ Тверскомъ уѣздѣ была основана, подъ руководствомъ земства, 31 артель гвоздарей, которая получила отъ уѣздного земства денежныя ссуды для покупки желѣза; долгъ, оплачиваемый 3% годовыхъ, бывшъ разсроченъ на 6 лѣтъ; для гвоздарей же тверское земство устроило двѣ складочныхъ артели. Оно вы-

шюю суду также артелямъ сыровяровъ, смолокуровъ, и другимъ. Громкую известность приобрѣла складочная артель въ селѣ Павловѣ, открывшая свои дѣйствія въ 1873 году; министерство финансовъ дало ей 30,000 рублей взаймы. Всѣ эти попытки были неудачны. Большая часть артелей, возникшихъ при условіяхъ, повидимому, столь благопріятныхъ, держалась не долѣе 2—3 лѣтъ. Но, изучая причины, вслѣдствіе которыхъ рушились эти артели, мы убѣждаемся, что недолговѣчность многихъ изъ нихъ не должна быть приписана существу артельной формы, ни даже особенностямъ промысловъ, въ которыхъ они возникли, а стороннимъ обстоятельствамъ или разнымъ ошибкамъ при ихъ основаніи или въ первые годы ихъ жизни. Павловская артель рушилась потому, что ея основатель вышелъ въ концѣ первого года, и не было руководителя который могъ бы поддерживать согласіе между членами и наблюдать за исполненіемъ устава. Артели гвоздарей потому закрылись чрезъ 2—3 года по основаніи, что лица, завѣдывавшія артельнымъ складомъ, принимали товаръ безъ разбора: такъ какъ многие артельщики привозили негодные гвозди, то крупные торговцы постепенно перестали покупать въ артельномъ складѣ. Къ этому присоединилось и вліяніе машинного производства гвоздей: понизивъ цѣны, оно сдѣлало ручное изготавленіе гвоздей крайне невыгоднымъ. Многія артельныя сыроварни закрылись потому, что чума уничтожила большія массы скота и уменьшила количество молока, доставляемаго на сыроварни.

Обобщая ошибки, которыя были допущены при учрежденіи и развитіи артелей, мы скажемъ, что основатели дѣйствовали слишкомъ торопливо. Они забывали, что успѣхъ артелей, особенно въ тѣхъ отрасляхъ, где примѣненіе этой формы не было обычнымъ, зависитъ не столько отъ значительности денежныхъ средствъ, сколько отъ нравственныхъ качествъ участниковъ. Они забывали, что мелкій, безкапитальный людъ, выступая сооперникомъ болѣе крупныхъ и уже давно упрочившихся промышленныхъ предпріятій, можетъ привлечь къ себѣ покупателей только безусловной добросовѣстностью въ дѣловыхъ сношеніяхъ. А потому, мы признаемъ дѣятельность частныхъ лицъ и общественныхъ учрежденій на этомъ пути лишь въ томъ случаѣ плодотворной, если совершается подборъ честныхъ людей и искусныхъ работниковъ, и если руководители будительно следятъ за исполненіемъ устава. Основанная въ 1890 году павловская артель кустарей старается избѣгнуть ошибокъ своихъ предшественницъ строгимъ отношеніемъ къ издѣліямъ, которыхъ доставляются ея членами. За 1894 годъ павловская артель продала издѣлій почти на 20,000 рублей и получила прибыли 1,322 рубля. Въ началѣ 1895 года артель имѣла 51 члена. Въ 1903 году артель изготовила товаровъ на 112.000 рублей.

Среди попытокъ конца 19 вѣка слѣдуетъ отмѣтить заботы интеллигентіи поднять посредствомъ артелей сельское хозяйство въ Шадринскомъ уѣздѣ Пермской губерніи. За лѣто 1892 года было образовано 54 артели, каждая изъ 6 членовъ. Учредители артелей поставили себѣ цѣлью облегчить артель-опись приобрѣтеніе лошадей, улучшенныхъ сѣмянъ и орудій. Цѣль суммъ, пожертвованныхъ благотворителями, каждой артели выдана безпроцентная ссуда въ 80 — 140 рублей. Такъ какъ кюдамъ артель выдѣляетъ для артельного посѣва одну ниву, всего не менѣе $6\frac{1}{2}$ десятинъ, съ раздѣломъ урожая между членами, то устраняются невыгоды черезезполосицы. Весною 1894 года было 38 артелей. Площадь артельныхъ посѣвовъ занимала $267\frac{1}{2}$ десятинъ.

Съ осени 1894 года въ яѣкоторыхъ селеніяхъ Александрійскаго уѣзда Херсонской губерніи стало замѣтно обнаруживаться тяготѣніе къ образованію земледѣльческихъ артелей, изъ 5 семействъ каждая. Въ обширномъ артельномъ договорѣ, составленномъ при участіи лица изъ образованнаго класса, указывается на невозможность единоличнаго улучшения хозяйства, какъ на мотивъ, который побуждаетъ къ образованію артелей. „Одному при бѣдности нужно много затрачивать силы и здоровья, а хозяйство невозможно никакъ улучшить; очень трудно приобрѣтать хорошія земледѣльческія орудія и машины, хороший скотъ, лошадей и... хорошо обрабатывать землю, особенно при нашихъ узкихъ участкахъ, на которыхъ и поворачиваться трудно, а то и просто невозможно, при попечной обработкѣ поля, да и земли много пропадаетъ на „борозны“ да на „склады“ почти сажень, а то и больше на десятину, а это убыточно. На нашихъ узкихъ участкахъ не только пахать, но даже бороновать трудно, а то и совсѣмъ невозможно поперекъ нивы..., а потому и обработка поля плохая... При отдѣльномъ хозяйствѣ и при бѣдности нашей, мы невольно подчасъ дѣлаемся неаккуратными плательщиками лежащихъ на насъ денежныхъ повинностей; наконецъ, всякой изъ насъ въ отдѣльности не имѣть возможности занимать деньги на устройство и улучшеніе хозяйства вообще. Артель служить болѣе надежнымъ ручательствомъ въ уплатѣ занятыхъ денегъ, чѣмъ одинъ человѣкъ... Кромѣ того, мы убѣдились, что сами терпимъ много горя, потому, что между нами нечѣ любви, а много злобы, и что одно только дружеское соединеніе для общей работы въ добромъ согласіи и во взаимной братской любви можетъ помочь намъ лучше устроить наше хозяйство и жизнь вообще“.

Руководствуясь такими побужденіями, артели вводятъ общее владѣніе всей землей отдѣльныхъ членовъ, какъ надѣльной, такъ и арендной. Если же участки земли отдѣльныхъ товарищѣй не одинаковы, то вся площадь дѣлится на равные части между

всѣми товарищами, и тотъ, чей участокъ менѣе средней доли, доплачиваетъ артели часть цѣны изъ своей доли, а у кого болѣе—тотъ получаетъ приплату. Семья каждого артельщика живеть отдельно въ своемъ домѣ или на квартирѣ. Но избирается одинъ дворъ, въ которомъ и сосредоточиваются принадлежности артельного хозяйства: скотъ, орудія, машины, хлѣбъ, кормъ; всѣ эти принадлежности хозяйства находятся въ общемъ владѣніи и пользованіи артели. Члены артели сообща исполняютъ работу какъ въ полѣ, такъ и на артельномъ дворѣ, а гдѣ нужно—установляютъ между собой очередь по взаимному соглашенію. Изъ собранныхъ продуктовъ артель оставляетъ количество, необходимое для посѣва и покрытия всѣхъ государственныхъ, земскихъ и общественныхъ повинностей, а остатокъ урожая распредѣляется между всѣми участниками въ артельной работе, безъ различія пола, но въ зависимости отъ возраста. Стремясь къ улучшенню хозяйства, артель ставить себѣ цѣлью введеніе б-польного сѣвооборота, занятіе огородничествомъ, садоводствомъ и различными промыслами. Въ случаѣ болѣзни товарища, артель выдаетъ ему долю изъ урожая безъ уменьшенія. А по смерти артельщика его семья и земля остаются въ артели. Каждая артель имѣть старосту, а группа артелей выбираетъ попечителя, который заботится объ общихъ интересахъ всѣхъ артелей. Хотя артели возникаютъ безсрочно, однако, предусматривая трудности новой формы жизни, ст. 75 договора замѣчается, что нужно „стараться быть вмѣстѣ какъ можно дольше, во всякомъ случаѣ не менѣе пяти лѣтъ“, такъ какъ не стоитъ и заводить артельное хозяйство на очень короткій срокъ.

„Артели вырождаются“ — вотъ принципіальное возраженіе, которое часто дѣлаютъ противъ этихъ союзовъ. Ихъ члены, достигнувъ довольства, становятся въ ряды капиталистовъ, утрачиваютъ сознаніе своей связи съ рабочимъ классомъ и забываютъ о чувствахъ равенства, которыя одушевляли ихъ при основаніи артели. А потому, говорятъ намъ, артели только помогаютъ небольшому числу лицъ улучшить хозяйственный бытъ, но не имѣютъ всеобщаго значенія; не нужно прилагать особыхъ стараний къ ихъ развитію. Этотъ доводъ неубѣдителенъ. Можно было бы согласиться съ нимъ, если бы мы обладали волшебнымъ средствомъ, которое сразу поднимаетъ на высокій уровень благосостояніе многихъ миллионовъ. Но это невозможно, а потому нужно дорожить и отдельными случаями примѣненія артельного труда. Благотворно дѣйствующая на участниковъ, артели имѣютъ также значеніе образцовъ, возбуждающихъ подражаніе среди тѣхъ ремесленниковъ и работниковъ, на глазахъ которыхъ ихъ товарищи по ремеслу улучшаютъ въ артеляхъ свой экономический бытъ. А такъ какъ изъ всѣхъ

существующихъ формъ производства артельное б旤е полно осуществляетъ идею равенства, воспитываетъ умъ своихъ членовъ и охраняетъ ихъ нравственное достоинство, то и частныя лица, и общественные учрежденія, которые принимаютъ близко къ сердцу судьбы рабочихъ классовъ, должны способствовать возможно болѣе широкому приложению артельного труда.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Хозяйское производство.

Пособія. *Bredenb.* Курсъ полит. эконом. 1880. *Terpner.* Акціонерн. общ. *Сборн.* Госуд. Знаній, II, 1875. *Herrmann.* Staatswirthsch. Untersuch. *Schäffle.* Ueber die Anwendbarkeit der verschied. Unternehmungsformen. Tüb. Zeitschrift, 1869. *Schönberg.* I. *Emininghaus.* Allgemeine Gewerkslehre. *Renaud.* Recht der Aktiengesellschaften. 2 A. 1875. *Oechelhäuser.* Die Nachtheile des Aktienwesens. 1876. *Van der Borght.* Statistische Studien über die Bewährung der Aktiengesellschaften. 1883. *Пижно.* Торгопромышленные стачки. 1885. *Гулишамбаровъ.* Нефтяная промышленность Соединенныхъ Штатовъ Сѣв. Америки. 1894. *Инжуръ.* Промысловыя синдикаты. 1895. *Насевъ.* Къ вопросу о синдикатахъ. *Соль.* Вѣсти. 1895. *Гурьевъ.* Промышленные синдикаты. 1898. *Курчинскій.* Союзы предпринимателей. 1899. *V. Kleinwüchter.* Die Kartelle. 1883. *Baker.* Monopolies and the People. 1889. Report on the constitution attributes and legal states of trusts in the United States. 1890. *Grossmann.* Ueber industrielle Kartelle. Jahrbüch f. Gesetzgeb., Verwaltung. 1891. *Babled.* Les syndicats de producteurs et détenteurs de marchandise. 1893. *Stephen Jeans.* Trusts, pools and corners. 1894. Ueber wirthschaftl. Kartelle in Deutschland u. im Auslande. 15 Schil-
derungen. 1894. *Matern.* Die Industriekartelle. 1897. *Liebmann.* Die Unter-
nehmerverbände. 1897. *Pohle.* Die Kartelle der gewerblichen Unternehmer. 1898. *Berdrow.* Die Unternehmertekartelle. 1898. *Kulemann.* Die Gewerkschaftsbewegung. 1900. *Rousiers.* Les syndicats industriels de producteurs en France et à l'étranger. 1901. *Jenks.* The Trust Problem. 1901. *Grunzel.* Ueber Kartelle. 1902. *Huber.* Die Kartelle. 1903. Kontradictorische Verhandlungen über deutsche Kartelle. 4 Hefte. 1903. *Collier* Trusts, cartels. 1904. *Götske.* Das rheinisch-westfälische Kohlensyndicat u. seine wirtschaftliche Bedeutung. 1905. *Heimann.* Die neuere Entwicklung der Kaliindustrie u. d. Kalisyn-
dicates. *Jahrb. f. Gesetzg. u. Verwalt.* 1906, IV. *Pierce.* The Tariff and the Trusts. 1907. *Muffelmann.* Un Trust Européen du Pétrole. *Revue Econ. Internationale.* 1907, I.

Хозяйскія предпрыятія могутъ быть сведены къ двумъ основнымъ классамъ: единоличныя и многоличныя. Оба класса имѣютъ тотъ общий признакъ, что вокругъ владѣльца капитала группируются болѣе или менѣе значительное число рабо-
тихъ.

1) Во главѣ единоличнаго предпрыятія стоитъ одно лицо, которое всецѣло несетъ на себѣ юридическую и хозяйственную отвѣтственность. Въ мелкихъ предпрыятіяхъ хозяинъ прини-

маетъ участіе и своимъ трудомъ наравицъ съ небольшимъ числомъ наемныхъ рабочихъ. Въ среднихъ и крупныхъ предпріятіяхъ хозяинъ только руководитъ дѣломъ, а въ самыхъ крупныхъ — иногда даже завѣдываетъ не лично, а чрезъ посредство наемныхъ людей. Такъ какъ хозяинъ всесфѣро заинтересованъ въ успѣхахъ производства и единолично несетъ всѣ потери, то, руководя предпріятіемъ, старается дѣлать въ промыслѣ нововведенія, которыя обеспечиваютъ ему дальнѣйшее развитіе. Распоряжаясь независимо отъ всякаго вмѣшательства извнѣ, хозяинъ быстро измѣняетъ направление производства, если того требуетъ положеніе рынка. Замѣтимъ также, что въ единоличныхъ предпріятіяхъ нерѣдко наблюдается большая бережливость; хозяинъ затрачиваетъ сравнительно немного для личныхъ потребностей и откладываетъ большую часть дохода на расширение производства. А потому, многія единоличныя предпріятія, возникавъ въ небольшихъ размѣрахъ, достигаютъ значительного развитія. На ряду съ этимъ, единоличные предпріятія представляютъ и свои невыгоды: обыкновенно средства отдельного лица недостаточны для веденія самыхъ крупныхъ предпріятій; притомъ же, съ расширениемъ производства за извѣстные предѣлы, одинъ хозяинъ не можетъ обозрѣть все дѣло въ его цѣломъ, и исчезаетъ то благопріятное условіе, которое принято называть „хозяйскій глазъ“. Слабая сторона единоличныхъ предпріятій и та, что нерѣдко ихъ процвѣтаніе всесфѣро зависитъ отъ жизни и здоровья хозяина, а это мѣшаетъ имъ долговѣчности. Единоличныя предпріятія примѣнены во всѣхъ областяхъ промышленной и торговой дѣятельности: они служатъ лучшою формою для тѣхъ отраслей торговли, где нужно быстро рѣшать и быстро дѣйствовать, дабы выгодно измѣнить направление торговыхъ оборотовъ.

2) Многоличныя предпріятія могутъ быть сведены къ тремъ главнымъ видамъ:

а) *Полное товарищество* состоится изъ двухъ или большаго числа лицъ, которые ведутъ предпріятіе за общий счетъ я подъ общею фирмой. Всѣ участники отвѣчаютъ по обязательствамъ фирмы круговою порукой и всѣмъ своимъ имуществомъ. Содѣяніе несколькихъ лицъ для общей цѣли увеличиваетъ капиталъ предпріятія и позволяетъ такъ раздѣлить между участниками руководство товарищескими дѣлами, что каждый можетъ принимать на себя обязанности, наиболѣе соответствующія его наклонностямъ и способностямъ. Очень выгодно особенностью этой формы служить заинтересованность всѣхъ хозяевъ, несущихъ полную отвѣтственность. Но полное товарищество не отличается уже тою подвижностью, какъ единоличный предпріятія; здесь, при решеніи каждой задачи, должно быть достигнуто соглашеніе между участниками; несходство въ воз-

прѣніяхъ можетъ препятствовать быстрому решенію вопроса. Предприятія этой формы рѣдко достигаютъ самыхъ большихъ размѣровъ: не легко найти больше 3—4 лицъ, столь тѣсно связанныхъ между собою, чтобы начинать коммерческое дѣло и отвѣтить всѣмъ имуществомъ. Полное товарищество особенно пригодно для предприятій, которыхъ ведутся не въ одномъ мѣстѣ, когда для каждого отдельного ряда оборотовъ нуженъ хозяйствскій глазъ. Эта форма имѣть значеніе также и для тѣхъ предприятій, которыхъ требуютъ отъ хозяина различныхъ способностей и разнообразной подготовки, какія рѣдко совмѣщаются въ одномъ лицѣ (например, подготовка инженера, горно-заводчика, торговца).

б) Второй видъ образуютъ *товарищества на спрѣ*. Въ нихъ общая фирма связываетъ людей, которые участвуютъ только своимъ имущественными взносами (командитисты), и тѣхъ, ответственность которыхъ не ограничивается долею въ общемъ капиталѣ. Послѣдніе, неся личную ответственность, являются единственными руководителями предприятія; ихъ положеніе можетъ быть приравнено положенію членовъ полнаго товарищества. Эта форма производства позволяетъ капиталу достигнуть значительныхъ размѣровъ. Если лично ответственные участники обладаютъ способностями въ промышленныхъ и торговыхъ дѣлахъ, то ихъ право широко распоряжаться предприятіемъ часто служить залогомъ успѣха. Товарищества на вѣрѣ нерѣдко страдаютъ отъ того, что главные участники злоупотребляютъ своими полномочіями. Эта форма наиболѣе цѣлесообразна въ тѣхъ предприятіяхъ, которыхъ требуютъ большого капитала и гдѣ въ то же время, по характеру про мысла, необходима сильная и почти неограниченная власть руководителя. *Командитныя акціонерныя общества* образуютъ особую разновидность товариществъ на вѣрѣ. Въ нихъ капиталъ вѣрителей разбивается на паи, представляемые акціями; командитисты образуютъ общее собраніе и выбираютъ повѣрочный совѣтъ, который имѣть известныя права, признаваемыя за нимъ по закону. Товарищества на вѣрѣ, принимая эту форму, такъ приближаются къ акціонернымъ компаніямъ, что представляютъ выгодныя стороны и недостатки, которые свойственны послѣднимъ.

в) Отличительной особенностью *акціонерныхъ обществъ* служить ответственность каждого изъ участниковъ по всѣмъ дѣламъ предприятія только суммою, внесенною въ общий капиталъ. Отдельные акціонеры могутъ не принимать личнаго участія въ предприятіи, а ограничиваться только имущественнымъ участіемъ. Послѣднєе даетъ акціонеру право на часть прибыли, соответствующую его долѣ въ общемъ капиталѣ. Акціи бываютъ

именного и „на предъявителя“; онъ недѣлимъ, но свободно переходитъ изъ рукъ въ руки и передаются по наслѣдству. Акционерный капиталъ представляетъ точно опредѣленную величину, пока неѣть особаго постановленія измѣнить его. По заключеніи подписки на акціи и возникновеніи акционерного общества, права члена даются только пріобрѣтенiemъ акцій; членство утрачивается черезъ отчужденіе или потерю оныхъ. Основной капиталъ можетъ быть увеличенъ тремя способами. Во-первыхъ, выпускъ новыхъ акцій, которыхъ вполнѣ приравниваются старымъ. Во-вторыхъ, увеличеніе капитала совершается посредствомъ выпуска пріоритетныхъ акцій, которые доставляютъ своимъ владѣльцамъ большія имущественные выгоды (выдачу имъ дивиденда, передъ дивиденdomъ по основнымъ акціямъ); но владѣлецъ этихъ акцій ограничивается иногда въ правѣ голоса. Третьимъ средствомъ увеличенія капитала служить заключеніе займовъ тѣми способами, которые обычны при заключеніи общественныхъ займовъ (выпускъ пріоритетныхъ облигаций). Владѣльцы пріоритетныхъ облигаций тѣмъ отличаются отъ акционеровъ, что имѣютъ право на опредѣленный процентъ, который уплачивается имъ до выдачи прибыли (дивиденда), но не имѣютъ права голоса. Акционеры получаютъ тѣмъ большій доходъ, чѣмъ большую долю въ общемъ капиталѣ составляетъ заемный капиталъ, который пользуется только опредѣленными процентами. Это побуждаетъ многія акционерные общества предпочитать именно послѣдній способъ увеличенія капитала; а преобладаніе заемнаго капитала надъ собственнымъ уменьшаетъ прочность предпріятія и служить причиной крушения многихъ акционерныхъ обществъ.

Уменьшеніе капитала также совершается различными способами. Во-первыхъ, нарицательный капиталъ понижается до нормы, соответствующей долѣ капитала, уже взнесенной акционерами. Предположимъ, что нарицательный капиталъ акционерного общества опредѣленъ въ 2 миллиона рублей, акционеры же взнесли только половину: если обороты показываютъ, что для успешной дѣятельности довольно и одного миллиона, то можетъ быть постановлено о пониженіи нарицательного капитала, который сполна еще не былъ оплаченъ, 1 миллиона, т.-е. до суммы, уже взнесенной акционерами. Если акционерный капиталъ уменьшился вслѣдствіе убытковъ, то акционерное общество можетъ понизить его до уровня, на который онъ опустился. Дальнѣйшимъ способомъ уменьшенія капитала служить частичная по немъ выплата. Въ этихъ видахъ сполна уплачиваются по акціямъ одного или нѣсколькихъ выпусковъ или уплачиваются часть капитала по каждой акціи. Кромѣ того, пользуются сккупкой на биржѣ опредѣленного числа акцій въ известное время; эти акціи затѣмъ уничтожаются. Прибѣгаютъ также и

къ тиражу, посредствомъ котораго изъ оборота ежегодно изъемляется определенное число акцій.

Акционерные общества имѣютъ три органа. Распорядительная власть принадлежитъ общимъ собраниемъ акционеровъ. Уставъ опредѣляетъ функции общихъ собраний и права акционеровъ; право голоса стоитъ, большую частью, въ зависимости отъ числа акцій, которыми владѣетъ акционеръ. Исполнительная власть сосредоточивается въ рукахъ правленія (директоровъ); оно можетъ состоять и изъ стороннихъ лицъ. Обязанности правленія опредѣляются уставомъ, а потому его полномочія иногда очень широки, въ другихъ же случаяхъ ограничены. Контроль принадлежитъ повѣрочному совѣту; онъ состоитъ не менѣе, чѣмъ изъ трехъ акционеровъ, избранныхъ общимъ собраниемъ.

Акционерные общества возникаютъ 1) на основаніи общаго закона, устанавливающаго нормы, исполненіе которыхъ и даетъ жизнь акционерной компаний; это — порядокъ яечный, связанный съ небольшимъ числомъ формальностей и свободный отъ хлопотъ, которыми составляютъ неотъемлемую принадлежность 2) концессионнаго порядка; при концессионномъ порядкѣ каждое акционерное общество получаетъ особое разрѣшеніе отъ высшей административной власти. Въ Россіи уставы акционерныхъ обществъ утверждаются комитетомъ министровъ. Удержаніе концессионнаго порядка оправдывается обыкновенно тѣмъ, что онъ, будто бы, предотвращаетъ многія злоупотребленія, совершамыя акционерными обществами, и защищаетъ небогатый людъ отъ потерь, которыя угрожаютъ его сбереженіямъ, затраченнымъ на покупку акцій, если акционерное предпріятіе не было достаточно продумано. Полагаютъ, что, при концессионномъ порядкѣ, административное вѣдомство, которое разсматриваетъ уставъ и утверждаетъ его, можетъ быть судьею того, насколько солидно возникающее акционерное предпріятіе. Но это предположеніе не основательно: чиновники, одобряющіе уставы, не могутъ быть судьями того, каковы шансы успѣховъ или неудачи для новаго предпріятія. Если бы даже въ составъ административныхъ учрежденій, которыя высказываются о представляемыхъ уставахъ, входили лица съ техническимъ и коммерческимъ образованіемъ, то, относительно предпріятій скольконибудь сложныхъ, и они часто не могли бы решить, какъ будетъ развиваться новое дѣло. Припомнимъ, напримѣръ, какъ много разнообразныхъ маѣній было высказано по поводу Сибирской желѣзной дороги. Поэтому, при концессионномъ порядке, одобрение устава или отрицательное къ нему отношеніе зависѣтъ не отъ характера учреждаемаго предпріятія и не отъ вниманія, съ которымъ его оцѣниваетъ административное вѣдомство, а только отъ того, кто представляетъ уставъ. Все за-

висить отъ личного отношения, знакомства. Вотъ обстоятельства, которыя побуждаютъ отдать предпочтение явочному порядку предъ концессионнымъ.

Акционерные общества представляютъ въ особенности ту выгоду, что привлекаютъ къ предприятию имущественные средства даже такихъ лицъ, которыя, по возрасту, состоянию здоровья, общественному положению, стоять очень далеко отъ промышленной дѣятельности. Ограниченнай отвѣтственность акционеровъ, распределение риска мелкими долями на очень большую площадь составляетъ другое крупное преимущество. Это позволяетъ акционернымъ обществамъ составлять огромные капиталы быстро, безъ большихъ затруднений. Такъ какъ общество не зависитъ отъ лицъ, входящихъ въ его составъ, то неблагопріятная случайности, выпадающей на долю отдѣльныхъ акционеровъ, не мѣшаютъ развитию предприятия. Слабая сторона акционерныхъ обществъ — тяжеловѣсность управления, многочисленность участниковъ, необходимыхъ для веденія дѣла и часто — ограниченность ихъ полномочий. Сюда присоединяется и недостатокъ бережливости: отдѣльные акционеры знаютъ, что даже крупное увеличеніе издержекъ ложится на каждого изъ нихъ только небольшою долею, а потому легко даются свое согласіе на излишние расходы. Условія для возрастанія собственного капитала также мало благопріятны. Дивидендъ выходитъ изъ предприятия и поступаетъ въ личное распоряженіе акционеровъ. Напомнимъ также, какъ соблазнительно для акционерныхъ обществъ имѣть широкій кредитъ и, притомъ, на условіяхъ, болѣе выгодныхъ, нежели кредитъ единоличныхъ предпринимателей. Наконецъ, ограниченность риска легко побуждаетъ къ основанію совершенно химерическихъ предприятий и къ опустошенію кармановъ тѣхъ людей, которые стоять далеко отъ промышленныхъ и торговыхъ дѣлъ и не имѣютъ возможности даже въ общихъ чертахъ составить себѣ понятіе о зарождающемся предприятіи. Поэтому, акционерные общества служать наиболѣе цѣлесообразной формой для предприятий двоякаго рода: 1) для тѣхъ, гдѣ преобладаетъ постоянный капиталъ, гдѣ почти отсутствуетъ спекулятивное начало, требующее, чтобы руководители имѣли право широкаго распоряженія; 2) для тѣхъ, которыя не имѣютъ предшественниковъ, возникаютъ въ областяхъ, совершенно неизвѣданныхъ, и гдѣ значительный рискъ, связанный съ каждымъ новымъ дѣломъ, только потому и не страшенъ, что распределается мелкими долями между многими участниками. Развитіе дѣловитости, что мы наблюдаемъ повсюду, особенно же въ Соединенныхъ Штатахъ, ведеть къ быстрому расширенію области, гдѣ вполнѣ примѣнна акционерная форма.

Акционерные общества сдѣлались известны Италии еще въ

концѣ Среднихъ Вѣковъ. Старѣйшимъ акціонернымъ обществомъ приято считать генуэзскій банкъ, основанный въ 1407 году. Съ первыхъ годовъ 17 вѣка стали возникать большія акціонерные общества въ Голландіи (голландско-остзындское, голландско-суринаамское), въ Англіи (англо-остзындское, южно-океанское, виргинское) и Франціи (остзындское, вестзындское, канадское). Кромѣ названныхъ и другихъ акціонерныхъ обществъ для иностранной торговли, эту форму охотно принимаютъ и банки. Въ XIX-мъ же вѣкѣ акціонерная предпріятія получили огромное развитіе. Для Германіи мы имѣемъ такія данныя: въ концѣ 1887 года было 2,143 акціонерныхъ обществъ съ акціонернымъ капиталомъ въ 4,876,6 миллионовъ марокъ (всего болѣе въ банкахъ—1,598 миллионовъ), а въ 1896—3712 и 6845,76 миллионовъ. Въ годы оживленія промышленности возникаетъ много акціонерныхъ предпріятій; при застоѣ въ дѣлахъ учредительство ослабѣваетъ. Въ 1889 и 90 годахъ въ Германіи было учреждено 596 акціонерныхъ обществъ съ капиталомъ въ 673,53 миллиона марокъ, а въ 1893 и 94 годахъ эти цифры не превышали 187 и 165,60 миллионовъ марокъ. За послѣдніе годы прошлаго вѣка учредительство снова оживилось: для 1898 года оно составляетъ 329 обществъ съ капиталомъ въ 463,62 миллиона марокъ, а за 1899—364 и 544,39 миллионовъ. Первое мѣсто привадлежитъ машиностроенію, которое потребовало для обществъ, учрежденныхъ въ 1899 году, 109,22 миллиона марокъ. Въ Англіи за 5 лѣтъ (1890—94) было учреждено 13,669 акціонерныхъ обществъ съ капиталомъ въ 687,1 миллиона фунтовъ стерлинговъ. Къ 1 января 1903 года въ Россіи было 1292 акціонерныхъ общества, кромѣ желѣзодорожныхъ. Ихъ капиталъ достигалъ 2 миллиардовъ рублей. Изъ общаго числа предпріятій этой формы 779 были учреждены за послѣднія 10 лѣтъ (1893—1902). Наибольшій капиталъ принадлежалъ акціонернымъ предпріятіямъ въ слѣдующихъ отрасляхъ: 407.000.000 рублей въ обработкѣ волокнистыхъ веществъ, 250.000.000—въ механическихъ и производствѣ металлическихъ издѣлій, 197.000.000 въ коммерческихъ банкахъ, 181.000.000—въ горномъ дѣлѣ, металлургическомъ и золотопромышленности, 128.000.000—въ нефтяномъ, 105.000.000—въ сахаровареніи. Кромѣ того, 241 иностранное акціонерное общество имѣло разрѣшеніе дѣйствовать въ Россіи.

Къ послѣднимъ десятилѣтіямъ относится возникновеніе самыхъ крупныхъ частно-капиталистическихъ предпріятій. Эти предпріятія, именуемые *синдикатами*, образуютъ двѣ группы. Въ одной—предприниматели, ограничивъ свое соединеніе известнымъ срокомъ, сохраняютъ довольно большую самостоятельность. Отличительною особенностью второй группы,—*трѣстовъ*, распространившихся въ Соединенныхъ Штатахъ,—служить то,

что хозяева соединенныхъ предпріятій совѣтъмъ отказываются отъ веденія дѣла; управление всѣми частями нового обширнаго механизма возлагается на нѣсколько лицъ, довѣреныхъ, которые и становятся полновластными распорядителями.

Періоды застоя и низкихъ цѣнъ служатъ наиболѣе благоприятнымъ временемъ для образования синдикатовъ. И это понятно: вступленіе въ синдикатъ знаменуетъ для предпринимателя ограниченіе свободы дѣйствій, съуженіе хозяйственныхъ правъ. При оживленномъ состояніи промышленности и торговли, при высокихъ цѣнахъ, предприниматели, довольные положеніемъ дѣла, не такъ легко вступаютъ въ синдикаты, какъ при чрезмѣрномъ производствѣ, которое давить на цѣны и понижаетъ прибыль. Угнетенное состояніе захватывается, при общемъ кризисѣ, большинство отраслей производства; въ другое время оно поражаетъ отдѣльныя отрасли; и именно въ тѣхъ, которыхъ наиболѣе угнетены, развивается склонность къ образованію синдикатовъ.

Чѣмъ крупнѣе предпріятія, преобладающія въ данной отрасли, тѣмъ легче возникаютъ синдикаты: при такомъ положеніи дѣла, на вершинахъ промышленности и торговли стоитъ не очень много людей; соглашеніе можетъ быть скорѣе достигнуто, нежели въ отрасли, где господствуютъ мелкія единицы. Массовое производство товаровъ одного или немногихъ образцовъ—вотъ второе условіе, которое облегчаетъ учрежденіе синдикатовъ. Если товаръ имѣть много разновидностей, то хозяева нелегко приходятъ къ соглашенію. Извѣстно, что австрійскія предпріятія, изготавлиющія косы, долго не могли создать синдиката, такъ какъ косы, сходныя по внѣшности, весьма различны по качеству и цѣнѣ. Главныя отрасли горнаго и горнозаводскаго дѣла, сахароваренное производство, винокуренное, писчебумажное, служатъ очень удобнымъ полемъ для образования синдикатовъ; слѣдуетъ сказать то же о страховомъ дѣлѣ, банковомъ, желѣзнодорожномъ, пароходномъ. Дабы синдикатъ имѣлъ замѣтное влияніе на цѣны, онъ долженъ охватить столько предпріятій, чтобы въ его вѣдѣніи сосредоточивалась большая часть даннаго производства. Обыкновенно соглашеніе предпринимателей, предшествующее образованію синдиката, содержитъ оговорку, что союзъ считается учрежденнымъ, если въ предпріятіяхъ его членовъ сосредоточены 60, 70, 80% всего производства данной отрасли.

Хозяева, вступающіе въ синдикатъ, ограничиваютъ свое право распоряженія предпріятіемъ. Характеръ и степень ограниченія зависятъ отъ цѣлей, которыми задается союзъ. Основная цѣль почти каждого синдиката состоитъ въ томъ, чтобы регулировать предложеніе.

Большею частью синдикатъ старается воздѣйствовать

лиши, на некоторые моменты въ предложении товара. Иногда устанавливаютъ только общія условія продажи: продолжительность срока, на который члены синдиката имѣютъ право кредитовать покупателя, размѣры скидки при расчетѣ наличными, дѣление продаваемыхъ товаровъ на сорта, предѣлы, въ которыхъ допускается употребленіе красокъ, утяжеляющихъ ткани (особенно шелковые). — Гораздо чаще синдикаты стремятся установить одну цѣну для товаровъ, продаваемыхъ всѣми. Цѣна назначается для всѣхъ случаевъ продажи или же опредѣляется только для продажи товаровъ на внутреннемъ рынке. Синдикатъ вліяетъ на предложеніе товаровъ еще сильнѣе, когда ставить своей цѣлью сокращеніе производства. Это осуществляется разными способами. Или союзъ решаетъ, что въ теченіе извѣстного времени его члены не имѣютъ права увеличивать свое производство; стараясь же сократить производство, опредѣляютъ, что, напримѣръ, 15—20% рабочихъ машинъ во всѣхъ предприятияхъ, присоединившихся къ союзу, должна стоять безъ дѣла. Этого достигаютъ также сокращеніемъ рабочаго дня на 1—2 часа или постановленіемъ, что въ теченіе извѣстного срока работы не должны производиться одинъ день въ недѣлю, напримѣръ, по субботамъ. Количество производимыхъ издѣлій уменьшается обыкновенно въ меньшей пропорції, чѣмъ сокращается рабочее время: если рабочій день понижень съ 10 часовъ на 9, то количество продуктовъ сократится меньше, чѣмъ на $\frac{1}{10}$, такъ какъ работникъ, опасаясь дальнѣйшаго сокращенія рабочаго времени и платы, будетъ трудиться съ болѣшимъ напряженіемъ. Для осуществленія этого плана синдикаты пользуются иногда такимъ пріемомъ: арендуютъ или покупаютъ какую-либо фабрику своей отрасли и пріостанавливаютъ на ней работу. Особенно подходитъ для покупки такое заведеніе, которое поступаетъ въ продажу за долги. Чѣмъ большая часть производства страны объединена синдикатомъ, тѣмъ легче достигаетъ онъ сокращенія производства. Нѣкоторые союзы, дабы избѣгнуть чрезмѣрного производства, дѣлятъ весь рынокъ сбыта данного товара на области и пріурочиваютъ каждое примкнувшее предприятіе къ продажѣ въ предѣлахъ только данного района. Это ставить производителя въ непосредственное отношеніе къ рынку, менѣе обширному, чѣмъ до образования синдиката, и облегчаетъ опредѣленіе размѣровъ спроса. Сошлемся для примѣра на германскій синдикатъ солеварней. Онъ разбилъ Германію на 7 областей, раздѣлилъ снабженіе между своими членами, установилъ для каждой области особую цѣну и условія продажи. Мы находимъ со стороны синдикатовъ и тотъ пріемъ, что точно опредѣляютъ участіе каждого члена въ изготавленіи продуктовъ, которые, соотвѣтственно съ ожидаемымъ потребленіемъ, должны быть произведены въ

данной отрасли. При такомъ порядке каждый участникъ имъеть право продать не больше определенного количества товаровъ. Или же прибыль отъ предпріятія—вся или отчасти—поступаетъ въ общую кассу и распредѣляется между участниками въ извѣстной пропорціи; этимъ косвенно производять давление на всѣхъ членовъ синдиката; каждый старается произвести и сбыть количество товара, соотвѣтствующее долѣ прибыли, которая ассигнована для него. Такъ дѣйствуетъ, напримѣръ, германскій синдикатъ предпріятій, производящихъ калійный удобренія. Въ 1901 году въ немъ участвовало 17 хозяевъ. Изъ всего количества продуктовъ, которое должно было быть произведено, на долю участниковъ приходилось отъ 2,954% до 10,970%. Наконецъ, синдикатъ ведетъ торговлю даннымъ товаромъ. Бываютъ случаи, что обязанности по торговлѣ возлагаются на одного изъ членовъ; иногда дѣло организуется такъ, что торговля возлагается на какое-либо торговое предпріятіе, стоящее виѣ синдиката, но извѣстное своимъ искусствомъ именно въ данной отрасли. Однако, чаще синдикатъ устраиваетъ свое бюро для продажи; въ этой конторѣ соредоточивается руководство всѣми дѣлами союза. Нерѣдко члены синдиката образуютъ для торговли особое общество. Средства такого общества, большою частью, не велики по сравненію съ капиталами, вложеными въ предпріятія членовъ синдиката; это и понятно: расходы, связанные съ торговлей, несравненно меныше тѣхъ, которыхъ требуетъ производство. Такое общество обыкновенно принимаетъ всѣ поступающіе заказы и раздаетъ ихъ участникамъ сообразно съ правилами, которыи опредѣляютъ долю каждого. Сбыть товаровъ всего разче отдѣляется отъ производства въ тѣхъ случаяхъ, когда предпріятіе, завѣдующее торговлей, покупаетъ у каждого участника синдиката определенное количество товара по извѣстной цѣнѣ, а затѣмъ продаетъ по цѣнѣ, болѣе высокой.

Синдикаты для продажи товаровъ образуютъ высшую форму этихъ учрежденій. Въ такихъ союзахъ можетъ быть всего легче достигнута основная цѣль — упорядоченіе предложенія. При этомъ участники теряютъ большую долю своей самостоятельности. Она отчасти еще сохраняется въ производствѣ, но совсѣмъ утрачивается въ сбыте товаровъ. Покупатели имѣютъ дѣло не съ отдѣльными предпріятіями, а съ новымъ огромнымъ цѣлымъ—синдикатомъ.

Нерѣдко учреждаются эти союзы, главнѣйше, для вывоза товара за границу. Нѣкоторые синдикаты считаются, однако, вывозъ за границу только средствомъ для освобожденія внутренняго рынка отъ части товаровъ. Въ послѣднемъ случаѣ синдикатъ не упорядочиваетъ промышленности, но дѣлаетъ чрезмѣрное производство менѣе чувствительнымъ для страны, такъ

колько значительное количество товара устриается съ внутреннего рынка. Къ первому виду союзовъ нужно отнести учрежденный въ 1894 году синдикатъ русскихъ керосинозаводчиковъ; онъ поставилъ себѣ цѣлью вывозъ русского керосина за границу и соглашеніе съ американскимъ синдикатомъ нефтепромышленниковъ относительно распределенія заграничныхъ рынковъ. Интересныи примѣромъ втораго рода служить синдикатъ австрійскихъ бумагопрядильщиковъ, возникшій въ 1897 году. Онъ объединилъ владѣльцевъ предпріятій съ тремя четвертями всего числа веретенъ Австріи; дабы освободить австрійскій рынокъ отъ чрезмѣрныхъ запасовъ бумажной пряжи, синдикатъ образовалъ изъ взносовъ участниковъ особый вывозной фондъ и вывезъ за границу въ 1897 году почти въ 8 разъ больше прижи, чѣмъ было вывезено въ 1896.

Дѣятельность синдикатовъ можетъ быть успешна только подъ условіемъ ответственности участниковъ за нарушение установленныхъ правилъ. Дабы ответственность не была фиктивною, союзы наблюдаютъ за исполненіемъ своихъ правилъ. Синдикаты, которые распредѣляютъ въ известной пропорціи все производство между участниками, учреждаютъ особое бюро; въ известные сроки, обыкновенно, за каждый истекшій мѣсяцъ члены синдиката доставляютъ ему свѣдѣнія о количествѣ, качествѣ и цѣнѣ изготавляемыхъ товаровъ. Обработавъ эти данные, бюро получаетъ полную статистику производства и сбыта. Бюро имѣеть право провѣрять свѣдѣнія на мѣстахъ, что и выполняется особыми контролерами; они объѣзжаютъ фабрики и просматриваютъ книги. За каждое нарушеніе установленныхъ правилъ участники синдиката подлежатъ высокой денежной пенѣ.

Синдикаты достигаютъ значительныхъ сбереженій, такъ какъ съуживаются соперничество, которое увеличиваетъ расходы разныхъ категорій. 1) Уменьшаются расходы по перевозкѣ товаровъ. 2) Дѣлаются излишними многие посредники при сбытѣ. 3) Уменьшаются расходы, связанные со сбытомъ. Если синдикатъ раздѣляетъ рынокъ — внутренній или виѣшній — между своими участниками, то направляетъ въ каждый районъ только такое количество товара, какое соответствуетъ спросу; это устраиваетъ непроизводительную перевозку. Ослабленіе соперничества между предпріятіями уменьшаетъ расходы на ознакомленіе покупателей съ данными товарами. При современномъ складѣ хозяйственной жизни, нельзя избѣгнуть расходовъ на объявленія, на плакаты, на магазины въ бойкихъ улицахъ. Но въ этой области дѣлается много затратъ только для того, чтобы побѣдить соперниковъ: таковы расходы на помѣщенія для товаровъ, отѣланыя съ большой роскошью, на дорого стоющіе иллюстрированные каталоги. Есть предпріятія, которымъ тратить только на каталоги не одну тысячу рублей въ годъ. Промыш-

лонность нашего времени занимаетъ очень большое число разныx приказчиковъ; къ однимъ и тѣмъ же покупателямъ направляются приказчики и агенты разныхъ фирмъ; каждый хочетъ отнять заказчиковъ у своихъ соперниковъ. Синдикатъ, объединивъ многое предпріятій, берегаетъ на всѣхъ этихъ расходахъ. Американскій стальной трестъ заявилъ, что онъ могъ сократить на 25% число разныx приказчиковъ, которые были нужны для всѣхъ обществъ раньше, чѣмъ они вошли въ его составъ. Французская Comptoir de Longwy, послѣ централизованія продажи сырого жѣлѣза, сократила расходы по перевозкѣ, помѣщенію въ складахъ, сбыту и т. д.; сбереженія составили 3,30 франка на 1 тонну. Синдикаты уменьшаютъ расходы и на посредниковъ. Иногда союзы учреждаются именно для того, чтобы сберегать по этой статьѣ. Въ поискахъ за сбытомъ, отдѣльные предпріятія нерѣдко попадаютъ въ большую зависимость отъ торговцевъ и несутъ крупныя потери на цѣнѣ. Выдающимся примѣромъ того, какъ могутъ быть велики эти потери, служитъ австрійская промышленность по производству эмальированной посуды: до образованія синдиката, производители посуды, продавая оптомъ, нерѣдко скидывали больше 70% съ цѣны прейс-куранта. Синдикатъ не устраиваетъ всѣхъ посредниковъ, но многие изъ нихъ становятся лишними, разъ союзъ хорошо устроилъ сбытъ товаровъ. Вслѣдствіе этого уменьшаются скидки съ цѣны, которая такъ тяжела для производителей.

Заслуживаетъ особеннаго вниманія дѣятельность синдикатовъ по вывозу товаровъ на вѣнчайшій рынокъ. И здѣсь ихъ политика состоитъ въ томъ, чтобы облегчить сбытъ за границей понижениемъ цѣны даже до уровня, при которомъ не покрываются самыя издержки производства. Потери участниковъ синдиката за границей возмѣщаются повышенiemъ цѣнъ на внутреннемъ рынке. Синдикатъ германскихъ фабрикъ проволочныхъ гвоздей продалъ въ Германіи за вторую половину 1900 года 28,3 миллиона килограммовъ по 25 марокъ, а за границей—19,5 миллионовъ по 14 марокъ. За послѣднее время германскій угольный синдикатъ поставлялъ уголь въ Германіи по 17,5 марокъ за тонну, а за границей—по 12,5 марокъ; а германскій синдикатъ производителей шинъ продавалъ шины по 115 марокъ тонну въ Германіи и по 85—за границей. Такихъ же пріемовъ держатся и американские тресты. Вотъ цѣна нѣкоторыхъ американскихъ издѣлій на внутреннемъ рынке и при вывозѣ за границу: 1 килограммъ проволочныхъ гвоздей—2,25 и 1,30 доллара, 100 фунтовъ свинца—4 и 2 доллара, 1 дюжина лопатъ—7,50 и 5,80, 1 швейная машина—40 и 17, часы-будильникъ—0,60 и 0,30 доллара.

Возьмемъ для примѣра Рейнско-вестфальскій угольный син-

дикать; ознакомившись съ нимъ, мы дадимъ себѣ болѣе ясный отчетъ о задачахъ этихъ союзовъ.

Синдикатъ былъ учрежденъ въ 1893 году для оживленія каменноугольной промышленности, угнетенной низкими цѣнами. Въ его составѣ входитъ до 80 предприятій по добыванію каменного угля. Завѣдя только продажей, синдикатъ имѣть небольшой капиталъ: онъ не превышаетъ 900.000 марокъ. Въ 1902 году во всемъ рѣйско-вестфальскомъ каменноугольномъ округѣ было занято около 244.000 рабочихъ; они добывали болѣе 58 миллионовъ тоннъ угля; на предприятія, участвовавшія въ синдикатѣ, приходилось 203.528 рабочихъ, съ добычею угля болѣе $48\frac{1}{2}$ миллионовъ тоннъ. Такимъ образомъ, въ этомъ округѣ синдикатъ сосредоточилъ 87% угольного промысла.

Для упорядоченія сбыта синдикатъ устанавливаетъ цѣны трехъ родовъ. 1) Нормальная, опредѣляемая для всѣхъ нормальныхъ сортовъ угля; онъ служить основой для всѣхъ продажъ синдиката. 2) Разсчетная цѣны, по которымъ синдикатъ покупаетъ уголь у своихъ участниковъ и 3) продажныя, выручаемыя синдикатомъ при продажѣ товара. Въ тѣхъ случаяхъ, когда продажная цѣна ниже разсчетной, синдикатъ долженъ, для удовлетворенія участниковъ, покрыть разницу изъ процентныхъ отчисленій, которая онъ удерживаетъ ежемѣсячно при расчетѣ со своими членами.

Синдикатъ опредѣляетъ наибольшее количество угля, которое онъ обязанъ принять отъ каждого участника. Только въ исключительныхъ случаяхъ доставляемое количество достигаетъ этой цифры. Вслѣдствіе разныхъ причинъ — недостатка въ работникахъ, вагонахъ,—дѣйствительная добыча значительно ниже этой нормы: для 1902 года высшій размѣръ былъ опредѣленъ почти въ $60\frac{1}{2}$ миллионовъ тоннъ, а было доставлено лишь немногимъ больше $48\frac{1}{2}$ миллионовъ.

Когда положеніе рынка неблагопріятно, синдикатъ имѣть право сократить добычу угля въ рудникахъ своихъ членовъ. Принимая такую мѣру, онъ противодѣйствуетъ переполненію рынка и пониженію цѣны.

Регулируя сбытъ угля, синдикатъ пользуется разными мѣрами для ослабленія своихъ соперниковъ и поддержанія уровня цѣнъ. Право синдиката покупать уголь и у предприятій, которые не участвуютъ въ союзѣ, является однимъ изъ такихъ средствъ. Наклонность большихъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ приобрѣтать угольные коли образуетъ теченіе, невыгодное для синдиката. Коли, перешедшія въ собственность заводчиковъ, если онѣ были въ синдикатѣ, остаются участниками, но большая часть ихъ добычи, нужная для новыхъ владѣльцевъ, уже не поступаетъ къ прежнимъ потребителямъ и становится какъ бы связанный.

Въ виду значительного соперничества, союзъ стремится обезпечить себѣ постоянныхъ покупателей. Въ 1900 и 1901 годахъ изъ всего количества угля, проданного синдикатомъ, 55% поступили прямо потребителямъ, а 45%—черезъ посредство торговцевъ. Отношения синдиката къ торговцамъ углемъ строго упорядочены. Онъ ставить требование, чтобы торговцы безъ его разрѣшениія не продавали угля разнымъ крупнымъ предпріятіямъ: заводамъ, перерабатывающимъ жѣзо, сталь, известебжигательнымъ, иѣкоторымъ кирпичнымъ, жѣзнѣнымъ дорогамъ. Такъ какъ эти предпріятія закупаютъ много угля, то синдикатъ удерживаетъ за собой ихъ снабженіе. Съ тѣмъ вмѣстѣ союзъ отстраняетъ отъ себя непосредственную продажу покупателямъ, спросъ которыхъ не превышаетъ 6.000 тоннъ ежегодно; онъ уступаетъ торговцамъ всѣхъ такихъ потребителей. Торговцамъ, съ которыми синдикатъ поддерживаетъ сношенія, вмѣняется въ обязанность ни прямо, ни косвенно не покупать угля у предпріятій Рейнско-вестфальского округа, не участвующихъ въ союзѣ; въ случаѣ нарушенія этого правила, синдикатъ повышаетъ цѣну угля, продаваемаго нарушителю. Если торговецъ, въ теченіе лѣтнаго периода, отъ марта по августъ, не возьметъ всего количества, относительно котораго договорился, то въ зимнее полугодіе — сентябрь—февраль,—синдикатъ въ такой же пропорціи уменьшаетъ количество, подлежащее отпуску. Торговецъ обязуется взять у синдиката опредѣленное количество угля каждого сорта. Онъ можетъ получить всѣ разновидности только подъ условіемъ, что не останется въ ведомкѣ ни по одному изъ выговоренныхъ сортовъ. Оптовщики, покупающіе у синдиката, должны продавать уголь по такой цѣнѣ, чтобы прибыль не была въ несоответствіи съ ихъ хлопотами и рискомъ; отъ оптовыхъ торговцевъ это условіе распространяется и на продавцевъ второй руки. Путь судебнаго разбирательства исключенъ при отвѣтѣ на вопросъ, не получилъ ли торговецъ чрезмѣрнаго барыша: обѣ этомъ рѣшаеть безапелляціонно торговая палата въ Эссенѣ. Торговецъ, погрѣшившій противъ этого условія, подвергается высокой денежной пенѣ въ пользу союза; а синдикатъ имѣеть право отказаться отъ всѣхъ поставокъ, которыми онъ обязался передъ такимъ торговцемъ.

Образованіе обществъ продажи угля явилось также важнымъ средствомъ для упорядоченія торговли. Стараясь уменьшить соперничество между торговцами, синдикатъ побуждаетъ ихъ соединяться въ союзы. Каждый разъ они получаютъ такое монопольное положеніе только на одинъ годъ. Злоупотребляютъ они своей властью—и синдикатъ, порываетъ съ ними связь. Если бы не принимались въ разсчетъ интересы многихъ лицъ, которыхъ участвуютъ въ торговлѣ углемъ, то синдикатъ сдѣлалъ бы еще больше для развитія этихъ обществъ:

ихъ дѣятельность вполнѣ соответствуетъ выгодамъ синдиката.

Къ непосредственнымъ покупателямъ, стоящимъ въ намѣнного круга, угольный синдикатъ относится несочувственно. Въ разныхъ мѣстахъ образовались общества для покупки угля прямо отъ союза. Членами такихъ обществъ состоять лица и учрежденія, потребляющія немного угля. Синдикатъ обыкновенно уклоняется отъ прямыхъ сношеній съ такими покупателями и направляетъ ихъ къ торговцамъ. При этомъ онъ руководствуется соображеніемъ, что угольные предпріятія, пользующіеся торговцами, какъ посредниками, имѣютъ болѣе обеспеченный сбытъ. Если же синдикатъ поддерживаетъ непосредственными сношеніями съ потребителями, то сбытъ угля подвергается колебаніямъ: когда цѣны повышаются, эти союзы закупаютъ у синдиката много угля, ибо онъ поднимаетъ цѣну постепенно и не очень рѣзко; при паденіи же цѣнъ, спросъ этихъ обществъ на уголь синдиката ослабѣваетъ, такъ какъ предпріятія, стоящія въ союза, быстро и рѣзко понижаютъ цѣну. Артели Райфайзена встрѣчаютъ такое же отношеніе. Синдикатъ продаетъ имъ уголь нѣсколько дороже, чѣмъ оптовымъ торговцамъ. Эти артели обнимаютъ много членовъ и предъявляютъ большой запросъ на уголь, однако, синдикатъ находитъ, что онъ не обеспечиваетъ ему столь правильного и постоянного сбыта, какъ оптовые торговцы.

Упроченію сбыта служитъ и то правило, согласно съ которымъ синдикатъ продаетъ только подъ условіемъ, что покупатели обязываются брать у него уголь по установленной цѣнѣ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе 1 года. Ходатайства многихъ предпріятій, чтобы синдикатъ продавалъ уголь, если покупатель обязуется брать только короткій срокъ, напримѣръ, 3—4 мѣсяца, не имѣли успѣха.

Синдикатъ доставляетъ участникамъ большія выгоды. Въ 1893 году, при его учрежденіи, уголь былъ немного дороже 7 марокъ за 1 тонну, а въ 1900—1902 годахъ онъ стоилъ $10\frac{1}{2}$ —11 марокъ. Прибыль участниковъ синдиката поднялась за то же десятилѣтіе съ 8—10 на 12—15%.

Снабжая производство важнымъ сырьемъ материаломъ, синдикатъ оказываетъ большое влияніе на доходность предпріятій въ другихъ отрасляхъ. Изъ среды однихъ—особенно производителей сырого желѣза—слышатся голоса, что дѣятельность синдиката не противорѣчитъ ихъ интересамъ: онъ, де, повышаетъ цѣны умѣренно при высшемъ оживленіи промышленности (въ 1898—1900 годахъ), а потому и нѣть надобности въ рѣзкомъ удешевленіи угля, когда наступилъ періодъ застоя. Другихъ же отраслей—особенно изготавливающихъ желѣзо изъ полуобработанномъ видѣ и мелкія желѣзныя изделия—до-

носятся громкія жалобы, что политика синдиката причиняетъ большие убытки. Цѣны издѣлій, жалуются эти заводчики, понизились за послѣдніе годы на 25—30%, а уголь удешевленъ очень мало. Это заставляетъ многихъ вести предпріятія безъ всякаго барыша.

Синдикаты пріобрѣли особенное могущество въ Соединенныхъ Штатахъ; въ этой странѣ синдикаты торговцевъ, трѣсты (trusts) хлѣбомъ, скотомъ, спиртными напитками, свинцомъ, сахаромъ достигаютъ очень большихъ размѣровъ. Въ 1887 году 7 желѣзнодорожныхъ обществъ образовали союзъ по добыванію и продажѣ антрацита и развили торговлю на десятки миллионовъ долларовъ въ годъ. Но особенно успѣшно дѣйствуетъ союзъ нефтяниковъ въ Пенсильвании (standard oil trust), послужившій образцомъ для многихъ другихъ. Нѣкто Джонъ Рокфеллеръ положилъ начало дѣлу въ 1865 году. Изъ небольшого общества съ капиталомъ въ 1 миллионъ долларовъ предпріятіе, расширяясь безостановочно, преобразовалось въ 1882 году въ союзъ нефтяниковъ. Съ формальной стороны дѣло было обставлено такъ: 86 лицъ и корпораціи ввѣрили свои предпріятія девяти уполномоченнымъ (trustees), взамѣнъ того получили отъ нихъ обязательства союза и, ушедшіи отъ нефтяного дѣла, предоставили его безконтрольному вѣдѣнію своихъ избранныковъ. Первоначальный капиталъ союзниковъ составлялъ только 70 миллионовъ долларовъ, но союзъ выпустилъ акцій на 90 миллионовъ, а въ началѣ 1889 года ихъ биржевая цѣна достигла 148 миллионовъ. Захвативъ въ свои руки большую часть нефтяной промышленности по добыванію нефти, устройству нефтепроводовъ, торговлю нефтью внутри страны и за границей, этотъ союзъ, опираясь на огромный капиталъ и выгодныя для себя соглашенія съ желѣзными дорогами, сталъ угрожающимъ соперникомъ всѣхъ предпріятій по нефтяному дѣлу, которыхъ дерзнули не войти въ его составъ.

31 мая 1900 года въ Соединенныхъ Штатахъ насчитывали 183 трѣста; цѣна выпущенныхъ ими бумагъ достигала 3 миллиардовъ долларовъ. Въ распоряженіи трѣстовъ было 2029 предпріятій, работавшихъ полнымъ ходомъ, а 174 заведенія стояли безъ дѣла. Трѣсты занимали 400.000 рабочихъ съ платой въ 195 миллионовъ долларовъ. Цѣна товаровъ, производимыхъ трѣстами, опредѣляется суммой больше 1661 миллиона долларовъ. Особенныхъ размѣровъ достигли американскіе трѣсты въ лицахъ *United States Steel Corporation*. Возникнувъ 1 апрѣля 1901 года съ основнымъ капиталомъ въ 1,1 миллиарда долларовъ, этотъ исполніскій союзъ объединилъ 7 трѣстовъ, уже раньше образованныхъ въ этой отрасли. Считая своими участниками большинство хозяевъ по производству стали, трѣсть намѣревается захватить и большую часть предпріятій, добываю-

щихъ руду. Онь стремится также распространить свою дѣятельность на перевозку руды изъ рудниковъ къ местамъ переработки. Прежде каждый трестъ имѣть свой флотъ для этой цѣли; новый же союзъ достигъ слиянія всѣхъ флотовъ; общее управление перевозками сокращаетъ издержки на это дѣло.

Среди европейскихъ странъ Германія занимаетъ первое мѣсто по числу синдикатовъ: въ началѣ 1902 года ихъ насчитывалось 300: около 80 приходилось на торговлю, а 220—на производство. Послѣдніе распредѣляются такъ: 80 въ производствахъ по металламъ, 40 въ отрасляхъ, обрабатывающихъ стекло, камень и глину, 30 въ химической промышленности, 20 въ обработкѣ волокнистыхъ веществъ и т. д. Германское правительство опредѣляетъ число синдикатовъ до 450.

Синдикаты успѣшно развились также въ Австріи, Венгрии и некоторыхъ другихъ странахъ.

Въ обширной литературѣ о синдикатахъ часто указываютъ на выгоды, доставленныя народному хозяйству этими союзами; однако, мы не считаемъ возможнымъ приводить синдикаты въ причинную связь со всѣми успѣхами, которые сдѣлали отдельные отрасли промышленности послѣ образования въ нихъ синдикатовъ. Намъ говорять о нефтепроводахъ, которые послѣ образования нефтяного треста были проложены на тысячи верстъ, о примѣнѣ усовершенствованныхъ способовъ обработки нефти, о введеніи новыхъ способовъ очистки бумажного сѣмени и разныхъ другихъ новинкахъ техники, получившихъ приложеніе въ отдельныхъ отрасляхъ промышленности. Это движение, отличая крупное производство вообще, вовсе не служитъ характернымъ признакомъ синдикатовъ. Крупное производство, имѣя многочисленныя техническія и экономическія условія, которыя благопріятствуютъ приложению къ промышленности важнѣйшихъ пріобрѣтеній технологіи, именно тогда и торопится усвоивать болѣе совершенныя машины и техническіе пріемы, когда еще не занимаетъ монопольного положенія и напрягаетъ силы для окончательной победы надъ своими соперниками. Англія сдала въ архивъ свои монополіи гораздо ранѣе, чѣмъ другія страны Европы, и въ Англіи же мы наблюдаемъ, до послѣдней четверти 19 вѣка, наиболѣе быстрые успѣхи промышленности, неустанную погоню за приложениемъ къ ней послѣдняго слова прикладныхъ наукъ. Всѣ техническіе успѣхи были результатомъ преимущественно свободнаго соперничества. А каждая монополія склонна задерживать техническое улучшеніе производства, такъ какъ искусственно обезпечивается ей выгоды, достижимыя, при свободномъ соперничествѣ, только тѣсной связью промышленности съ завоеваніями научной мысли. Мы употребляемъ слово „искусственно“ въ самомъ широкомъ смыслѣ. Мы относимъ сюда и всѣ таможенные мѣропріятія,

которые насильственно развиваются однѣ отрасли промышленности и задерживаютъ другія, и систему желѣзнодорожныхъ тарифовъ, которая способна оказывать вліяніе, подобное дѣйствію таможенныхъ пошлинъ, и временныя соглашенія между промышленниками и постоянные — синдикаты. Стачки между промышленниками, имѣющія характеръ только временныхъ соглашеній, и синдикаты могутъ быть названы искусственными монополіями не въ томъ смыслѣ, чтобы они поддерживали отрасль промышленности, которая сама по себѣ не имѣетъ условій для успешнаго развитія, но въ томъ, что многія частныя хозяйства отказываются отъ свободы дѣйствій и занимаютъ подчиненное положеніе, какъ составная части новаго и огромнаго тѣла — синдиката. По этой причинѣ мы называемъ ихъ искусственно создаваемыми монополіями и отличаемъ отъ промышленныхъ предприятій, которыя, правильно развиваясь изъ года въ годъ, постепенно достигаютъ огромныхъ размѣровъ и завоевываютъ исключительно выгодное положеніе въ данной отрасли производства.

Не важны способы, которыми создается монополія, не важны особенности той отрасли, для которой слагается монополія: важенъ только фактъ образования монополіи. Оно ослабляетъ мотивы, которые побуждаютъ предпринимателей совершенствовать производство. Уменьшая соперничество извнѣ и закрѣпляя рынокъ за данной группой, монополія обезпечиваетъ предприятію большую доходность, нежели то было ранѣе. Весь строй общественной жизни опредѣляетъ степень вліянія, которое оказываетъ монополія. Если страна изображаетъ изъ себя солнце царство, какъ Россія, гдѣ личная иниціатива ничтожна, то монополія уничтожаетъ остатки предпріимчивости. Если гражданская свобода широко развита и народъ отличается могу-ческою личной иниціативой, то монополія не можетъ имѣть такого сильнаго вліянія: задерживая успѣхи промышленности, она не останавливаетъ ихъ. А потому, какъ благодаря высокимъ таможеннымъ налогамъ, промышленность, сохранившая въ Россіи допотопные приемы и орудія, въ Америкѣ, напримѣръ, только отстаетъ отъ англійской, такъ и синдикаты не могутъ имѣть въ Соединенныхъ Штатахъ или Германіи такого же задерживающаго вліянія на производство, какъ, напримѣръ, въ Россіи. Стимуломъ для усовершенствованія производства служить, прежде всего, боязнь соперниковъ. Она существуетъ до тѣхъ поръ, пока монополія не охватила огромнаго большинства производителей въ данной отрасли. Высшимъ выраженіемъ синдикатной монополіи являются тѣ союзы промышленниковъ, которые обнимаютъ большую часть предприятій во многихъ странахъ и уничтожаютъ соперничество на международномъ рынке. Въ настоящее время еще неѣтъ примѣра такого син-

диката. Когда подобный союзъ сложится (очень вѣроятно, что онъ возникнетъ всего ранѣе въ нефтяной промышленности), то въ данной отрасли производства боязнь соперниковъ уже не будетъ служить мотивомъ къ техническимъ улучшениямъ. При такомъ порядкѣ вещей, и производство товара, и перевозка, и сбытъ будутъ построены по масштабу, требующему многомиллионныхъ капиталовъ, а потому станетъ совершенно платоническимъ предположеніе, что могутъ явиться новые предпріятія, новые соперники синдиката. Хотя запасъ капиталовъ возродится, однако, возникновеніе новыхъ промышленныхъ и торговыхъ единицъ становится все болѣе затруднительнымъ; оно тѣмъ болѣе трудно, чѣмъ, въ среднемъ, предпріятіе крупнѣе. Трудность образовать новое предпріятіе достигаетъ высшей точки именно въ томъ производствѣ, которое цѣлкомъ захвачено синдикатомъ. Разъ они не имѣютъ международного характера, а обнимаютъ большую часть туземныхъ предпріятій, то боязнь соперничества не исчезаетъ: соперникъ грозить извѣѣ; онъ является особенно страшнымъ, если данное производство работаетъ не только для внутренняго, но и для вѣнчуряго рынка, который оно не можетъ удержать за собой съ помощью охранительныхъ тарифовъ. При такомъ положеніи дѣлъ, монополія не обнаруживаетъ своего влиянія во всей полнотѣ. Наконецъ, монополія, создаваемая синдикатомъ, дѣйствуетъ всего слабѣе, если, кроме соперничества иноземныхъ предпріятій, есть соперничество и внутри страны, если синдикату не удалось обнять всѣ предпріятія. До настоящаго времени синдикаты успѣвали достигать именно этой, неполной монополіи. И даже трѣсть въ американской нефтяной промышленности захватили только 85% общаго числа предпріятій. Такимъ образомъ, за его предѣлами остались промышленные единицы, которыхъ могутъ быть для него серьезными соперниками. Вотъ одно изъ важныхъ условій, въ силу которыхъ американскій нефтяной синдикатъ былъ вынужденъ дѣлать крупныя улучшения въ производствѣ.

Кромѣ соперничества со стороны однородныхъ предпріятій, мотивомъ къ улучшенію производства можетъ быть чувство неудовлетворенности, причиняемое низкой прибылью, которую давить высокая заработка плата. Въ подобныхъ случаяхъ, вообще, рѣдкихъ, синдикаты имѣютъ къ своимъ услугамъ гораздо болѣе простое средство, чѣмъ энергическое улучшеніе производства. Уже увеличеніе самихъ размѣровъ промышленнаго предпріятія, вслѣдствіе образованія синдиката, ведетъ къ увеличенію прибыли; сюда присоединяется влияніе среднихъ техническихъ улучшений,—они сопутствуютъ возрастанію размѣровъ производства,—которые освобождаютъ извѣстное число рабочихъ рукъ и препятствуютъ повышенню заработной платы. Наконецъ, такое же влияніе имѣть и неослабное стремленіе

синдикатовъ держать производство въ границахъ, которые опредѣляются спросомъ. Чѣмъ больше настойчиво будутъ проводить синдикаты эту политику, тѣмъ меньше будетъ относительное число занятыхъ рабочихъ, тѣмъ больше избытокъ свободныхъ рабочихъ рукъ и тѣмъ менѣе благопріятны условія для повышенія заработной платы.

Синдикаты способны удешевлять производство и тѣмъ приносить народному хозяйству существенные выгоды. Но перевѣшиваются ли этими выгодами опасности, которыми они могутъ угрожать всему населенію, а въ частности — рабочимъ? Синдикатъ дѣлаетъ излишними расходы на такое то число торговцевъ-посредниковъ, разъѣзжихъ приказчиковъ, сберегаетъ столько-то на рекламахъ; но всѣ эти сбереженія приростають къ дивиденду членамъ синдиката и увеличиваются ихъ хозяйственное могущество.

Оцѣнивая вліяніе синдикатовъ на хозяйство страны, не слѣдуетъ забывать вреда, который связанъ съ ихъ монопольнымъ положеніемъ: созданіе монополіи сообщає власть, а всегда и вездѣ на одинъ случай пользованія властью ко благу общему приходятся тысячи и миллионы случаевъ злоупотребленія властью. Это положеніе примѣнительно и къ отдельнымъ людямъ, къ частнымъ обществамъ и государству. Монетная, почтовая и другія монополіи государства даютъ намъ въ прошломъ картину сплошныхъ злоупотребленій. Всѣмъ извѣстно, напримѣръ, что исторія денегъ есть, преимущественно, исторія порчи денегъ правительствами, и что въ исторіи почтовой монополіи можно найти множество фактовъ, доказывающихъ, что государство пользовалось почтою совсѣмъ не такъ, какъ должно пользоваться ею. Правда, за новѣйшее время въ этомъ отношеніи совершился замѣтный поворотъ къ лучшему. Благодаря безчисленнымъ и непрерывнымъ напоминаніямъ со стороны науки и публицистики, что монета, почта, телеграфъ и пути имѣютъ значеніе для всего народнаго хозяйства, что государство выигрываетъ, если неустанно заботится объ усовершенствованіи этихъ отраслей управлениія и не дѣлаетъ ихъ источниками доходовъ, не только въ странахъ, где чиновники хорошо подготовлены и хотя немного проникнуты сознаніемъ долга, но даже въ государствахъ, которыхъ являются царствомъ хронического и самаго возмутительного беззаконія, казенная почта и телеграфъ, казенные желѣзныя дороги поставлены не совсѣмъ дурно. Но можно-ли сказать то же самое о промышленныхъ монополіяхъ, которыхъ служатъ для казны источникомъ значительныхъ доходовъ? Нѣтъ, экономическая литература изобилуетъ доказательствами того, что казенные монополіи (напримѣръ, табачная) даже въ такихъ культурныхъ странахъ, какъ Австрія и Франція, обнаруживаютъ много злоупотребленій и ошибокъ, а потому

контроль чиновниковъ надъ фактической монополієй синдикатовъ не можетъ устранить ихъ недостатки: чиновники, поставленные наблюдателями частныхъ предпріятій, не обнаружать опыта, усердія и сознанія долга, разъ они слабо развиты у нихъ при завѣдываніи казенной монополіей.

Не будемъ забывать и того, что есть синдикаты, которые считаются борьбу съ работниками одной изъ главныхъ задачъ. Въ составъ такихъ союзовъ входять предприниматели, принадлежащіе къ разнымъ отраслямъ промышленности: желаніе дать отпоръ требованіямъ работниковъ дѣлаетъ солидарными хозяевъ самыхъ разнообразныхъ предпріятій. Союзъ работодателей въ Гамбургѣ учрежденъ съ тою цѣлью, чтобы препятствовать празднованію работниками 1 мая. Въ 1897 году во Фленсбургѣ образованъ союзъ хозяевъ для борьбы со стачками. Членъ союза обязуется не принимать къ себѣ тѣхъ работниковъ, которые участвовали въ стачкѣ, разразившейся въ заведеніи другаго члена. Поэтому, какъ скоро началась стачка, хозяинъ заведенія, работники котораго забастовали, составляетъ списокъ участниковъ стачки и разсылаетъ его всѣмъ членамъ союза. Въ Билефельдѣ былъ учрежденъ въ 1895 году союзъ фабрикантовъ, внесшій въ свою программу охрану всѣхъ интересовъ мѣстныхъ предпринимателей, а главное, противодѣйствие стачкамъ, которыя не могутъ быть оправданы, и поддержаніе, нравственное и материальное, фабрикантовъ, пострадавшихъ отъ стачки. Подобные союзы есть и во многихъ другихъ мѣстахъ. Вѣнцомъ всѣхъ такихъ соединеній должно было служить общество застрахованія отъ стачекъ, основанное въ концѣ 1897 года въ Германіи подъ именемъ „Промышленность“ съ основнымъ капиталомъ въ 5 миллионовъ марокъ. Общество обязывалось покрывать въ теченіе 4 мѣсяцевъ убытки, причиненные стачкой кому-либо изъ членовъ. Это учрежденіе существовало только около года. — Синдикаты же, образованные для упорядоченія торговли или производства, являются готовой организацией, способной всесторонне воздѣйствовать на работниковъ: сошлемся на синдикатъ въ металлообрабатывающей промышленности Германіи.

Надзоръ надъ синдикатами со стороны государства не можетъ устранить ихъ вредное вліяніе на народное хозяйство. Соединенные Штаты даютъ въ этой области примѣръ, вовсе неспособный поддерживать оптимистическое настроеніе. Въ 1889 - 92 годахъ 24 штата Сѣверной Америки издали законы, направленные противъ синдикатовъ, а 2 июля 1890 года были изданъ федеральный законъ. Эти законы относятся къ трѣстамъ очень сурово: штрафъ за образование трѣста можетъ достигать и 15,000 долларовъ; въ случаѣ искусственного

повишенія цѣнъ, виновные подлежать тюремному заключенію срокомъ до 5 лѣтъ и т. д. Эти законы повели къ тому, что трѣсты официально не существуютъ: однако, синдикаты возникаютъ, окружаютъ свою дѣятельность тайною или же принимаютъ видъ обыкновенныхъ акціонерныхъ обществъ. Если такъ обходять законъ въ странѣ, гдѣ издаются тысячи газетъ, гдѣ подвижность и смѣтливость репортеровъ являются чѣмъ-то сказочнымъ, гдѣ трѣсты, какъ крупное явленіе экономической жизни, служатъ предметомъ всеобщаго любопытства, то еще меньшаго вліянія закона на синдикаты нужно ожидать у народа, гдѣ свободы печати не существуютъ, гдѣ гласность неизвѣстна и гдѣ органы управления отличаются крайнимъ несовершенствомъ. Но если ограничительныя мѣры со стороны закона не приводятъ къ цѣли, то синдикаты самимъ своимъ строеніемъ и дѣятельностью рекомендуютъ средство, которое можетъ служить для государства противовѣсомъ вредному вліянію этихъ союзовъ на потребителей и мелкихъ производителей. Будучи самой законченной формой сосредоточенія капиталовъ, синдикаты имѣютъ внутреннюю, именно имъ присущую силу дѣлать богатыхъ богаче, а бѣдныхъ, если не абсолютно, то относительно, бѣднѣе. Отсюда—такой естественный выводъ: государство должно *прямо брать въ свою пользу значительную часть этой силы посредствомъ очень крупного налога на доходы синдикатныхъ предприятий.* Эта сила и должна быть направлена государствомъ на то, чтобы хозяйственно и общекультурно поднимать самую многочисленную и бѣдную массу населенія.

Мы отнесли къ хозяйственному производству торговыя и промышленныя предприятия общинъ, городовъ и казны. Эти предприятия полезны и необходимы, если служатъ важными общественнымъ интересамъ, на которые частная предпріимчивость, стремящаяся къ барышу, вовсе не отвѣчаетъ или же не удовлетворяетъ ихъ сполна. Частная предпріимчивость не можетъ удовлетворить ихъ въ полномъ объемѣ потому, что они, самимъ своимъ характеромъ, исключаютъ барышъ, ради которого частные лица обыкновенно начинаютъ промышленный и торговыи дѣла. Въ подобныхъ случаяхъ умѣстно основаніе и веденіе производства органомъ общественной власти. Государство завѣдуетъ монетнымъ, почтовымъ, телеграфнымъ дѣломъ, не обращаетъ этихъ отраслей въ источники дохода, отстраняетъ отъ нихъ частныхъ лицъ изъ сознанія большої важности этихъ отраслей для всего населенія. Правительство строить желѣзную дорогу въ такой мѣстности страны, гдѣ новый путь долгое время не можетъ служить источникомъ значительного дохода, однако, имѣть общекультурное значеніе, развиваетъ хозяйственную дѣятельность на обширной площади и поднимаетъ благосостояніе населенія. Городъ завѣдуетъ водоснабженіемъ, освѣщеніемъ улицъ, строить

и содержитъ конножелѣзныя дороги, завѣдуетъ трамваями. Можно одобрить веденіе дѣла органами общественной власти во всѣхъ такихъ отрасляхъ. По формѣ, здѣсь—частно-капиталистическое производство. Но, по духу, оно прямо противоположно частнымъ предпріятіямъ, такъ какъ не разсчитано на получение барыша. Общественное значеніе такихъ предпріятій отодвигается на второстепенное мѣсто вопросъ о томъ, насколько экономически выгодно веденіе ихъ государствомъ, городомъ или земствомъ. Если такой способъ веденія этихъ отраслей даже увеличиваетъ издержки производства сравнительно съ расходами одвородныхъ частныхъ предпріятій, то основаніе и веденіе ихъ органами общественной власти должно быть оправдано. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ слѣдуетъ ставить вопросъ не о томъ, нужно-ли, напримѣръ, самому городу завѣдывать водоснабженіемъ и освѣщеніемъ или предоставить это дѣло частному обществу, а о томъ, слѣдуетъ-ли завѣдывать городу чрезъ своихъ служащихъ или, быть можетъ, чрезъ посредство частныхъ лицъ подъ неослабнымъ надзоромъ органовъ городского управления. Или, напримѣръ, въ дѣлѣ организованія и веденія нѣкоторыхъ отраслей почтовой части (перевозка пассажировъ на лошадяхъ) слѣдуетъ ставить вопросъ о томъ, полезно-ли завѣдывать этимъ дѣломъ исключительно чрезъ чиновниковъ или чрезъ частныхъ лицъ (сдача почтовой гоньбы съ подряда), но подъ надзоромъ правительственныхъ учрежденій. Вполнѣ умѣстно и такое правительственное, земское или городское предпріятіе, которое даетъ частнымъ лицамъ образецъ, достойный подражанія: фарфоровый заводъ, оружейная фабрика, сельскохозяйственная ферма. Каждое предпріятіе, создаваемое въ качествѣ образца для частныхъ производителей, только тогда и можетъ быть оправдано, когда обладаетъ крупными, исключительными техническими достоинствами, возвышающими его надъ среднимъ уровнемъ начинаній данного рода. Организованіе и веденіе такого предпріятія общественной властью приносить наибольшую пользу въ томъ случаѣ, когда промышленники данной отрасли (это особенно примѣнительно къ мелкимъ производителямъ) не имѣютъ доступа къ образцовымъ учрежденіямъ своей профессіи и затруднены въ улучшеніи своего производства. И здѣсь самая цѣль предпріятія заставляетъ выдвинуть на первое мѣсто вопросъ не о томъ, насколько великъ или малъ доходъ, а о томъ, насколько отрасль промышленности или группа лицъ, для которыхъ основано это учрежденіе, могутъ извлечь выгоды изъ нового примѣра, насколько, подъ его влияніемъ, можетъ усовершенствоваться данная область народного труда. Въ странѣ, где промышленное искусство стоитъ на низкомъ уровни, такія учрежденія должны быть содержимы казнью, городомъ, земствомъ. Кто организуетъ и

ведеть ихъ — органъ-ли общественной власти чрезъ своихъ чиновниковъ, или же частныя лица, хорошо подготовленныя и оплачиваемыя казною или городомъ, это—второстепенные вопросы; они должны быть рѣшаемы въ связи съ условіями даннаго времени и мѣста.

Но мы относимся отрицательно къ предпріятіямъ казны, города или земства, которая не только по *формѣ*, но и по *духу*, соотвѣтствуютъ частно-капиталистическому производству, т.-е. созидаются для доставленія барыша. Монополизирована-ли изъ этихъ побужденій отрасль промышленности — возьмемъ табачную, соляную монополію—или же общественная власть ведеть данное предпріятіе наряду съ частными лицами,—страна проигрываетъ, такъ какъ не могутъ быть соблюдены всѣ выгоды, доставляемыя частными предпріятіями. Сторонники промысловой дѣятельности государства выдвигаютъ такой аргументъ: если во многихъ отрасляхъ производства вполнѣ примѣнимы акціонерныя общества, то и государство можетъ хозяйствничать съ успѣхомъ: какъ въ его хозяйствѣ, такъ и въ акціонерныхъ предпріятіяхъ нѣть „хозайскаго глаза“, и управляющіе дѣломъ только отчасти заинтересованы въ успѣхѣ предпріятія. Разумѣдать такъ—значить забывать, что здѣсь нѣть полнаго сходства. Почти во всѣхъ отрасляхъ промышленной и торговой дѣятельности, гдѣ возникаютъ акціонерныя общества, ведутся и другія многоличныя и единоличныя предпріятія. Если одни изъ нихъ тяжеловѣсны, даютъ малый барышъ, то другія пользуются всѣми выгодами, которая представляеть данная отрасль. Если же казна монополизировала извѣстную отрасль, то въ ней установляется исключительно одинъ порядокъ, свойственный казенному производству, болѣе тяжеловѣсный, нежели порядокъ акціонерныхъ компаний. Такимъ образомъ, въ первомъ случаѣ, при наличности многихъ и разнообразныхъ предпріятій, цѣлая отрасль можетъ быть ведена болѣе хозяйственно. Казнѣ, городу, земству, какъ носителямъ финансовыхъ правъ, которая осуществляются въ требованіи налоговъ съ населенія, вовсе нѣть надобности вести промышленныя предпріятія для получения барыша. Всѣ эти предпріятія заслуживаютъ суроваго порицанія, если органы общественной власти относятся къ наемному люду недостаточно гуманно, если они, подобно частнымъ хозяевамъ, мало заботятся о работникахъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Размѣщеніе системъ и отраслей производства.

Пособія. *v. Thünen. Der isolirte Staat. 1842. Roscher. System, II и III. Becker. Der argentinische Weizen im Weltmarkte. 1908.*

Нѣмецкій экономистъ фонъ-Тюненъ поставилъ въ своеі сочиненіяхъ „Уединенное государство“ вопросъ о томъ, какъ размѣщаются въ странѣ отрасли сельского хозяйства и системы земледѣлія. Для упрощенія задачи онъ признаетъ всеѣ части своего государства однородными и считается только съ однимъ измѣняющимъ условиемъ—*отдаленностью отъ рынка*. Государство Тюнена есть равнина, лишенная водныхъ путей, съ однообразными условіями почвы и климата. Въ центрѣ равнины находится городъ, который служить единственнымъ рынкомъ для всѣхъ товаровъ, производимыхъ въ разныхъ мѣстахъ государства. Цѣна въ городѣ служить главнымъ условіемъ, съ которымъ должны сообразоваться производители. Чѣмъ больше мы удаляемся отъ города, тѣмъ ниже становится цѣна земледѣльческихъ произведеній, такъ какъ тѣмъ большую ея часть поглощаютъ расходы на перевозку. По мѣрѣ того, какъ цѣны на произведенія почвы поникаются, хозяйство должно становиться все болѣе экстензивнымъ. Системы земледѣлія и отрасли производства должны располагаться вокругъ города концентрическими поясами. Около города будутъ воздѣлываться тѣ произведенія, которыхъ не выносятъ дальней перевозки; таковы, во-первыхъ, предметы громоздкіе — сѣно, дрова и, во-вторыхъ, предметы, легко подвергающіеся порчу, напримѣръ, молочный скопъ. Поэтому, въ поясѣ, ближайшемъ къ городу, будетъ производствоватъ вольное хозяйство. Близость рынка сбыта, густое населеніе, обиліе въ городѣ удобрений, которое для него не нужно, позволяютъ довести подгородное хозяйство до высокой степени интензивности. Въ слѣдующемъ поясѣ будутъ производиться хлѣбъ и другіе продукты, довольно цѣнныя и способные выносить продолжительную перевозку. На большомъ разстояніи отъ города воздѣлываніе хлѣба перестаетъ быть выгоднымъ; земля будетъ служить только пастбищемъ: такъ какъ скотъ самъ переноситъ себя, то его можно выращивать вдали отъ города. Наконецъ, въ окраинныхъ поясахъ государства будутъ жить только немногочисленные охотники и рыболовы; изъ своихъ продуктовъ они будутъ доставлять городу цѣнныя мѣха, выносящіе далекую перевозку.

Дѣйствительная жизнь даетъ намъ картину, во многомъ несходную съ *уединеннымъ государствомъ*. 1) Каждая обширная страна имѣетъ несколько большихъ рынковъ сбыта, установ-

влияющихъ цѣны на земледѣльческія произведения. 2) Каждая страна имѣть естественные и искусственные пути сообщенія, каналы, рѣки, желѣзныя дороги; они удешевляютъ перевозку и, какъ бы, приближаютъ мѣсто производства къ рынку сбыта. Это немедленно отражается на цѣнахъ земледѣльческихъ производствъ. До 1868 г. цѣна ржи достигала въ нашихъ портахъ 11—12 рублей за четверть, тогда какъ въ Самарской и Оренбургской губерніяхъ не превышала 2 р. 70 к. Теперь такая разница неизвѣстна. Проведеніе желѣзной дороги въ далекую мѣстность поднимаетъ въ ней цѣну земледѣльческихъ производствъ и облегчаетъ переходъ къ болѣе интенсивному сельскому хозяйству. 3) Области каждой обширной страны различаются между собою по климату и почвѣ. 4) Наконецъ, имѣютъ большое влияніе и разныя второстепенные условія: обилие хорошихъ луговъ, личные качества сельскихъ хозяевъ. Но, перенося законы, открытые Тюненомъ, на действительную жизнь, можно въ общемъ установить то положеніе, что густо населенные и богатыя мѣстности соответствуютъ ближайшимъ къ городу поясамъ, рѣдко населенный и бѣдный — болѣе отдаленнымъ. Видъ земледѣльческой системы еще и потому обусловливается отдаленностью мѣстности отъ рынка сбыта, что, на основаніи законоовъ земледѣльческой статики, земля должна получать обратно все, что взято изъ нея. На подгородныхъ участкахъ можно брать много изъ почвы, такъ какъ все взятое возвращается ей въ видѣ удобренія, которое доставляетъ городъ. А потому, хозяйство можетъ быть интенсивно. Въ отдаленные мѣстности трудно и даже невозможно возить удобрение изъ города: слѣдовательно, нужно вести хозяйство болѣе экстенсивное. Все это объясняетъ, почему цветущее садоводство и огородничество встрѣчаются по преимуществу вблизи большихъ городовъ: многія овощи (рѣпа, морковь) и плоды не переносятъ дальней перевозки. Въ большихъ городахъ потребляется огромное количество молока. До проведенія желѣзныхъ дорогъ молоко не выносилъ перевозки болѣе, нежели на 25 верстъ въ большие города, съ высокими цѣнами, и 10 верстъ — въ малые; поясь производства молока былъ очень ограниченъ. Съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ молоко привозится въ большие города изъ-за 200 — 300 верстъ. Такимъ образомъ, окружъ скотоводства значительно расширился. Въ Парижъ молоко привозится изъ мѣсть, отстоящихъ на 5 часовъ Ѣзды по желѣзной дорогѣ, въ Нью-Йоркъ — изъ-за 200 верстъ и болѣе. Значительное молочное хозяйство подъ городами связано съ производствомъ большаго количества кормовыхъ травъ¹⁾.

Страны съ экстенсивнымъ хозяйствомъ, рѣдкимъ населениемъ, неразвитой обрабатывающей промышленностью играютъ въ международныхъ отношеніяхъ роль тѣхъ поясовъ государ-

сна Тюпона, которые производят хлебъ. Такъ какъ въ международной торговль страны обмѣниваются своими произведениями, то необходимо, чтобы страна, вывозящая хлебъ, имѣла потребность въ фабрикатахъ, доставляемыхъ ей страной, которая покупаетъ у нея хлебъ, т.-е. первая должна имѣть довольно развитыя потребности. Теперь Англія является страной, ввозящей всего больше хлеба; она покупаетъ $\frac{4}{5}$ всего потребляемаго количества. Всего больше хлеба вывозится изъ Россіи, Соединенныхъ Штатовъ и Индіи. Между 1838 и 40 годами Россія вывозила ежегодно по 4.100,000 четвертей, въ 1868—70 годахъ—до 15 миллионовъ, въ 1888—до 65 миллионовъ, а въ 1904—до 75 миллионовъ четвертей. Соединенные Штаты вывезли въ 1874—5 гг. 104 миллиона бушелей въ зернѣ и муку, а въ 1880-хъ годахъ по 180—190 миллионовъ ежегодно. На 1 жителя Англія потребляла привознаго хлеба: 136,76 фунта въ 1870—71 и 244,68 шв. 1899—900 годахъ. Хотя всѣ страны, за исключениемъ Англіи, производятъ сами большую часть необходимаго количества хлеба, однако, извѣстная густота населения и извѣстная степень развитія обрабатывающей промышленности дѣлаютъ ввозъ хлеба выгоднымъ для страны и даже необходимымъ; когда населеніе очень густо, то приростъ его, какъ бы сильно ни удобрялась земля, стремится обогнать увеличившееся производство хлеба.—Хлѣбныя растенія переносятъ тѣмъ больше далекую перевозку, чѣмъ больше освобождаются отъ дешевыхъ частицъ: муку и подкѣ можно перевозить дальше, чѣмъ зерно ²⁾.

Въ Россіи можно найти всѣ пояса „Уединенного государства“. Петербургъ, Москва, Кіевъ, Варшава и другіе значительные города служатъ рынками сбыта для произведеній довольно большой округи. Въ ихъ окрестностяхъ широко развились садоводство и огородничество. Окружающія Москву деревни получаютъ изъ столицы все удобрение, а это позволяетъ имъ усиленно заниматься разведеніемъ плодовыхъ деревьевъ, ягодъ и овощей. Здѣсь господствуетъ вольная система. Во многихъ помѣщицкихъ имѣніяхъ обращено особенное вниманіе на молочное скотоводство; ихъ владѣльцы содержать молочныя къ Москвѣ и ежедневно снабжаютъ столицу свѣжимъ молокомъ носредствомъ гужевой и желѣзнодорожной перевозки. Сѣно доставляется въ Москву изъ неотдаленныхъ поясовъ: изъ Серпуховскаго и Коломенскаго уѣздовъ, съ московрѣзкихъ и окскихъ луговъ. Введеніе въ оборотъ прессованнаго сѣна сдѣляло возможнымъ поставлять его на болѣе отдаленные рынки: теперь прессованное сѣно посыпается въ Петербургъ и Москву изъ минскаго Полѣсья. Дрова привозятся также изъ мѣстностей, сравнительно недалекихъ: изъ уѣздовъ Московской и близайшихъ уѣздовъ Смоленской губерній, не далѣе какъ за 250—300 верстъ при желѣзнодорожномъ сообщеніи. Зерновой хлебъ

выдерживаетъ сравнительно болѣе далекую перевозку: его поставляютъ Москвѣ Рязанская и болѣе южныя губерніи. Воздѣлываніемъ льна и конопли занимаются сѣверная и сѣверо-западная губерніи; свекловицей и табакомъ — Малороссія, Бессарабія, Низовье Волги и т. д. Окраины Россіи, ведущія вполнѣ экспензивное хозяйство, служатъ мѣстами производства мясного скота для нашихъ большихъ центровъ; таковы Ставропольская и Астраханская губерніи, Самарская, Оренбургская, Уфимская, Земля Войска Донскаго, Западная Сибирь. Скотъ собирается въ нѣкоторыхъ сборныхъ мѣстахъ (Нѣжинѣ, Изюмѣ, Ростовѣ на Дону и другихъ). Изъ этихъ мѣсть его перегоняютъ на зиму въ срединныя губерніи и ставятъ для откорма на винокуренныхъ и сахароваренныхъ заводахъ; уже оттуда его гонятъ въ столицы. За послѣднее время гурты скота стали перевозиться по желѣзнымъ дорогамъ. Овцеводство, дающее сырой матеріалъ суконнымъ фабрикамъ, распространено, главнымъ образомъ, въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ, Бессарабіи, Земль Войска Донскаго. Рыболовство составляетъ главное занятіе населенія на окраинахъ, еще болѣе отдаленныхъ: по берегамъ Бѣлаго, Каспійскаго, Азовскаго морей. Охота — въ сѣверо-восточной части Европейской Россіи, въ сѣверной и средней Сибири.

Проведеніе желѣзныхъ дорогъ оказываетъ очень большое влияніе на размѣщеніе отраслей промышленности. Страна имѣть возможность приобрѣтать изъ-за границы то, что прежде производила дома, а потому и измѣняется направление народнаго труда. Съ проведеніемъ американской и южнорусской сѣтей сталъ возможенъ усиленный привозъ хлѣба въ Великобританію, и мѣстное производство сократилось. Въ первой половинѣ 70-хъ годовъ изъ Индіи вывозилось ежегодно не болѣе $1\frac{1}{4}$ миллионовъ центнеровъ пшеницы, а въ концѣ 80-хъ годовъ — 17—18 миллионовъ центнеровъ. Изъ Аргентинской республики было вывезено хлѣба въ зернѣ и муке: въ 1881 году — 1873 тонны, въ 1884 — 113.478, а въ 1900 — 2.015.000 тоннъ. Овцеводство отѣсняется въ страны все болѣе отдаленные, дѣственныя: Австралия, Лаплата и Капская земля поставляютъ теперь Европѣ массу шерсти; за пятилѣтие 1897 — 1901 годовъ, въ среднемъ, ежегодно вывозилось шерсти: изъ Викторіи на 3—5.000.000 фунтовъ стерлинговъ, изъ Новой Зеландіи на $4\frac{1}{2}$ — $4\frac{3}{4}$ миллиона, изъ Нового Южнаго Уэльса — на $5\frac{1}{4}$ — $5\frac{3}{4}$ миллионовъ. Проведеніе сибирской желѣзной дороги позволило сибирскимъ сельскимъ хозяевамъ посыпать пшеницу и масло въ Западную Европу.

Законъ, открытый Тюненомъ относительно размѣщенія въ странѣ отраслей сельского хозяйства и системъ земледѣлія, не можетъ быть приложенъ къ другимъ отраслямъ промышлен-

ности во всей полнотѣ. Горючое дѣло, по самому характеру этого промысла, развивается вблизи мѣсторождений минераловъ; воды, богатыя рыбой, опредѣляютъ мѣстонахожденіе рыболовного промысла. Обрабатывающая промышленность почти не зависитъ отъ условий почвы и климата; ея продукты отличаются прочностью, а потому она свободна въ выборѣ мѣста. Возникающія предпріятія тяготѣютъ или къ областямъ добыванія сырья материаловъ, или къ мѣстамъ, где уже существуютъ однородные промыслы и гдѣ, поэтому, можно найти рабочихъ, привычныхъ къ данной отрасли труда. Новые фабрики по обработкѣ льна тяготѣютъ къ средоточіямъ этой промышленности въ Ярославской, Костромской и Нижегородской губерніяхъ; въ Шуѣ и Ивановѣ Вознесенскѣ всего легче возникаетъ ситцепищевая фабрика, въ Бѣлостокѣ — суконная. Зависимость же сельского хозяйства отъ почвы и климата, непрочность многихъ сельскохозяйственныхъ произведеній заставляютъ отдѣльные виды именно этой обширной вѣтви народнаго труда размѣщаться согласно съ законами, которые открыты Тюненъ. Эти законы оставляютъ для отдѣльныхъ сельскихъ хозяевъ довольно ограниченную свободу выбора.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЯТНАДЦАТОЙ ГЛАВѢ.

1) Кесцы окрестностей Лондона славятся своей ловкостью и силой.— Подгородное хозяйство и потому свободно въ выборѣ растеній, что получаетъ изъ города огромное количество удобрений. Земля есть лучшее дезинфицирующее средство для тѣхъ веществъ, вывоза которыхъ такъ же сильно желаетъ городъ, какъ привоза деревня (Roscher. II, 141). Изъ Лондона, напримѣръ, навозъ вывозится до графства Кентъ, нежалаго въ 120 verstахъ. Парижъ и многие города Бельгіи уже издавна продавали свой навозъ за значительныя суммы. Еще въ 1867 г. въ Англию было вывезено до 61/, миллионовъ центнеровъ удобрений, гуano, костей и др. Для Перу гуано служило въ концѣ прошлаго вѣка главнымъ предметомъ вывоза: въ 1866 г. оно вывезло его на 80 миллионовъ франковъ при стоимости всего навоза въ 199 миллионовъ.

2) 100 фунтовъ хлѣба можетъ быть превращено въ 19—23 фунта алкоголя, 100 фунтовъ картофеля — въ 7—8 фунтовъ алкоголя. При обращеніи хлѣба въ водку, на мѣстѣ производства остаются солома и барда (отъ 100 фунтовъ хлѣба она даетъ количество питательныхъ веществъ, равное 100 фунтамъ сѣна), питающія скотъ, который даетъ землѣ удобреніе. Водочные заводы все болѣе переходятъ изъ города въ деревню.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ. РАСПРЕДѢЛЕНИЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Доходъ.

Пособія: *Ад. Смітъ. Ricardo. Principles of political economy.* Рус. переводъ Зибера. *Herrmann. Staatswirthschaft. Unters.* *Марк. Das Kapital.* III. *Schmoller. Die Lehre vom Einkommen.* Tübing. Zeitschr. 1863. *Wagner. Lehrbuch. Guth.* Die Lehre vom Einkommen. 1869. *Weiss. Lehre vom Einkommen.* Tüb. Zeitschr., 1877 и 78. *Meyer. Das Wesen des Einkommens.* 1887.

Первые попытки научного определенія дохода были сдѣланы школой физіократовъ. Отводя сельскому хозяйству главное мѣсто среди отраслей производства, физіократы раздѣляютъ весь доходъ отъ земледѣлія на валовой и чистый. Только земледѣліе, говорятъ они, даетъ чистый доходъ; размѣрами этого дохода обусловливается возможность для народа платить подати, увеличивать благосостояніе, содержать лицъ, производящихъ нематериальныя цѣнности (чиновниковъ, врачей, ученыхъ и другихъ). Но физіократы не дали общаго ученія о доходѣ.

Ученіе физіократовъ послужило главной точкой отправленія для Адама Смита и многихъ послѣдующихъ писателей. Мы встрѣчаемъ существенные противорѣчія въ учени Смита о доходѣ. Въ однихъ случаяхъ онъ говоритъ, что чистый доходъ получается только отъ земледѣльческаго производства, и этимъ примыкаетъ къ физіократамъ; въ другомъ мѣстѣ онъ высказываетъ мысль, что чистый доходъ получается въ видѣ ренты и прибыли на капиталъ, что лица, живущія трудомъ своихъ рукъ, не имѣютъ чистаго дохода. Адамъ Смитъ стоитъ при этомъ на точкѣ зрѣнія предпринимателя. Утверждая, что народное богатство измѣряется не валовымъ, а чистымъ доходомъ, онъ оцѣниваетъ общественное хозяйство съ точки зрѣнія частнаго. Въ другомъ мѣстѣ Адамъ Смитъ становится, однако, на точку зрѣнія общественнаго хозяйства и, выясняя понятіе о доходѣ, имѣеть

и, виду уже валовой доходъ. Къ послѣднему, говорить онъ, относится все то, что страна получаетъ отъ земли и отъ труда населенія. Все населеніе,—добавляетъ онъ,—живеть на валовой доходъ, а не на чистый¹⁾. Онъ отдаетъ предпочтеніе сельскому хозяйству предъ всѣми другими отраслями производства потому, что „капиталъ, вложенный въ земледѣльческій промыселъ, приводить въ движение наибольшее количество производительного труда“.

Непослѣдовательность Адама Смита должна быть приписана тому, что онъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ физіократовъ; изслѣдуя экономическая явленія, онъ отожествлялъ интересы частнаго хозяйства съ интересами хозяйства общественнаго. Но его глубокій умъ, обогащенный историческими знаніями, не могъ быть послѣдовательнымъ, разъ за исходную точку было взято такое невѣрное положеніе. Отсюда его колебанія въ опредѣлениі дохода, неясное ограниченіе чистаго дохода отъ валового и неопределенность при уясненіи того, что составляетъ главную цѣль общественнаго хозяйства.

Противорѣчія въ ученіи Смита послужили предметомъ нападокъ для Рикардо. Въ небольшой главѣ, посвященной вопросу о доходѣ, Рикардо разсуждаетъ такъ: „Въ каждой странѣ всѣ произведенія земли и труда раздѣляются на три части: изъ нихъ одна—заработка плата, другая—прибыль, третья—рента. Только изъ двухъ послѣднихъ могутъ быть уплачены налоги и сдѣланы сбереженія; первая, если она умѣренна, образуетъ только необходимыя издержки производства. Для отдѣльного лица съ капиталомъ въ 20,000 фунтовъ и ежегодной прибылью въ 2,000 совершенно безразлично, занимаетъ его капиталъ сто или тысячу человѣкъ, продаются его товары за 10,000 или за 20,000 фунтовъ, предполагая, что во всѣхъ случаяхъ прибыль его не падаетъ ниже 2,000 фунтовъ. Не таковъ ли дѣйствительный интересъ и всего народа? Не важно, состоить народъ изъ десяти или двѣнадцати миллионовъ жителей, лишь бы его дѣйствительный чистый доходъ, его рента и прибыль были тѣ же самыя. Способность его содержать флотъ и войско и всѣ виды непроизводительного труда находится въ соответствіи съ чистымъ, но не валовымъ доходомъ“²⁾. Рикардо, какъ видно изъ этого отрывка, считаетъ чистымъ доходомъ только ренту и прибыль. Это и отличаетъ Рикардо отъ физіократовъ, признающихъ чистымъ доходомъ только ренту. Объявляя главную цѣлью хозяйства получение наибольшаго чистаго дохода, онъ въ концѣ-концовъ сводитъ ее къ производству благъ, а не къ ихъ распределенію и потребленію. Оцѣнивая выгоды народа съ точки зрѣнія землевладѣльца и капиталиста, Рикардо оставляетъ безъ вниманія интересы громадной массы населенія, живущаго личнымъ трудомъ: чѣмъ больше доли рентьеровъ и

капиталистовъ, тѣмъ лучше, и чѣмъ ниже заработка плата,—тѣмъ выгоднѣе. Рикардо послѣдователенъ, дѣлая выводъ, что, при большемъ чистомъ доходѣ, можно содержать болѣшій флотъ и болѣшее войско; но сомнительно, чтобы, при общественномъ порядкѣ, который направленъ на увеличеніе только прибыли и ренты, люди, наполняющіе флотъ и войско, были одушевлены горячою любовью къ родинѣ. Въ положеніи Рикардо есть еще одна крупная ошибка: онъ признаетъ число жителей безразличнымъ для интересовъ государства и общественного хозяйства. Дабы общественное хозяйство бестрансочно шло впередъ, необходимо развитое сотрудничество, которое возможно только при значительной плотности населения. Густое населеніе способствуетъ наибольшему развитію техники въ обширномъ смыслѣ; а все это ведеть и къ наибольшему росту народнаго благосостоянія. Если двѣ страны, при равно обширныхъ территоріяхъ, одинаковыхъ климатическихъ и другихъ условіяхъ, имѣютъ неодинаковое населеніе (положимъ, одна—пять, а другая—десять миллионовъ жителей), то, хотя бы онъ имѣли равные чистые доходы, несомнѣнно, вторая страна, обладая болѣшими данными для развитія сотрудничества, имѣть болѣе благопріятныхъ условій и для роста народнаго богатства.

Противорѣчія Адама Смита и послѣдовательность Рикардо объясняются ихъ индивидуальными особенностями. Рикардо—сильный логический умъ, далеко не обладавшій тѣмъ широкимъ историческимъ кругозоромъ, который отличалъ Адама Смита. Глубокія историческія знанія часто заставляли его быть виновнымъ передъ логикой. У Рикардо этихъ данныхъ не было, а несокрушимая сила логики, создавшая ему прочный авторитетъ, вела его къ конечнымъ заключеніямъ изъ принятыхъ посылокъ, какъ бы ни было трудно примирить эти выводы съ дѣйствительною жизнью.

Симондъ-ди-Сисмонди всего ранѣе отклонился отъ Рикардо въ ученіи о доходѣ. „Что-же! — восклицаетъ онъ: — богатство все, а человѣкъ ничего? Не лучше-ли, чтобы въ Англіи остался одинъ король, который приводилъ бы въ движение машины и производилъ ими всѣ блага?“ ²). Сисмонди замѣчаетъ, что все народонаселеніе живетъ на валовой доходѣ. Но, отклоняясь отъ Рикардо, Сисмонди не внесъ крупныхъ измѣненій въ ученіе о доходѣ и сбивался на почву, которую подготовилъ Рикардо.

Германъ и Вагнеръ сдѣлали много для разработки этого ученія. Первый оставилъ точку зренія частнаго хозяйства и усвоилъ точку зренія хозяйства народнаго. По его мнѣнію, доходѣ есть совокупность хозяйственныхъ благъ, которыя лицо можетъ затратить въ опредѣленное время, не разрушая источниковъ дохода. Всѣ члены общества, занимающіеся полезнымъ

трудомъ, живутъ на собственный доходъ, а не на доли прибыли и ренты. Доходъ поступаетъ изъ двухъ источниковъ: отъ труда и отъ пользованія имуществомъ. Послѣднее проявляется или а) въ извлечениі дохода посредствомъ отдачи капитала въ пользованіе другимъ, или б) въ самоличномъ пользованіи имуществомъ; таково, напримѣръ, положеніе лица, которое занимаетъ квартиру въ собственномъ домѣ. Равнымъ образомъ и доходъ отъ труда облекается въ двоякую форму: онъ выражается или въ суммѣ благъ—деньгахъ (учитель получаетъ денежную плату за обученіе) или въ видѣ натурального пользованія своей рабочей силой (обученіе грамотъ собственныхъ дѣтей). Германія задается вопросомъ о томъ, слѣдуетъ ли различать валовой и чистый доходы. Это различеніе,—говорить онъ,—повело только къ большой путаницѣ въ понятіяхъ, сопряженной и съ практическими неудобствами. По его мнѣнію, валовой доходъ обнимаетъ всю совокупность поступлений (*Erträge*); все же, что человѣкъ затрачиваетъ на удовлетвореніе своихъ потребностей, есть чистый доходъ (*Einkommen*). Каковъ бы ни былъ источникъ дохода (прибыль, рента, заработная плата), разъ доходъ затрачивается на удовлетвореніе личныхъ потребностей, онъ есть чистый доходъ. Народъ заинтересованъ въ увеличеніи всѣхъ видовъ дохода и возможно болѣе равномѣрномъ его распределеніи. Германія сдѣлалъ первую попытку систематического обозрѣнія дохода въ народномъ хозяйстве.—Послѣ этихъ историко-догматическихъ замѣчаній мы можемъ определить валовой доходъ, какъ совокупность хозяйственныхъ благъ, поступающихъ въ распоряженіе хозяйственной единицы. Понятіе о чистомъ доходѣ можетъ быть уяснено только ознакомленіемъ съ издержками производства, т.-е. вычетами изъ общей суммы поступлений, притекающихъ къ данному хозяйству.

Издержки производства должны быть разделены на два разряда:

А) Однѣ изъ нихъ могутъ быть названы *естественно-необходимыми*; каковъ бы ни былъ общественный строй, онъ должны быть сдѣланы, дабы сохранить въ цѣлости источники дохода.
 а) Чтобы получить жатву, необходимо высѣять известное количество сѣмянъ; для поддержанія различныхъ отраслей промышленности необходимо затратить определенное количество топлива и т. д. Словомъ, сюда относятся всѣ издержки, которые заставляютъ силы природы служить хозяйственнымъ цѣлямъ человѣка. б) Къ этому разряду издержекъ производства слѣдуетъ отнести также тѣ затраты, которые необходимы для содержанія всего работающаго населения страны. Масса бианъ, которая должна быть потреблена лицами, *прямо или косвенно участвующими въ производствѣ*, можетъ быть исчислена или по

низшему уровню физиологически необходимыхъ потребностей, безъ всякаго различія общественныхъ группъ и распространенныхъ среди нихъ расходовъ, или же съ принятіемъ въ разсчетъ этихъ различій: мы можемъ сказать, напримѣръ, что потребности каждой семьи изъ 5 душъ покрываются затратою 300 рублей въ годъ, или же признать необходимымъ для одной—300, для другой—700, для третьей—1,500 рублей и т. д. Первый способъ вычислениія подкупаетъ своей простотой, но имѣеть малое практическое значеніе; второй болѣе труденъ, но ведеть къ важному и для практическихъ цѣлей опредѣленію чистаго дохода. Такъ какъ сложившіяся потребности представляютъ общественно-физиологической фактъ, то удовлетвореніе ихъ въ размѣрахъ, необходимыхъ только для поддержанія жизни, воспрепятствовало бы народу получать всю совокупность хозяйственныхъ благъ, которыми онъ располагаетъ, и тѣмъ лишило бы его возможности поддерживать въ цѣлости источники его доходовъ. Въ этотъ разрядъ должны быть относимы какъ индивидуальные потребности, такъ и многія изъ удовлетворяемыхъ общественной властью ⁵⁾.

Второй способъ исчислениія ставить, повидимому, всѣ разсчеты на очень зыбкую почву. Если мы слышимъ отъ высокопоставленного чиновника, или управляющаго крупнымъ промышленнымъ предпріятіемъ, или моднаго врача, что на 15—20,000 рублей въ годъ едва можно удовлетворить потребности, ставшія обычными, то еще нѣтъ основанія относить всю эту сумму въ разрядъ необходимыхъ издержекъ, которыхъ должны быть сдѣланы, дабы эти лица исполняли свои обязанности и участвовали въ общественномъ процессѣ производства. Люди достаточныхъ классовъ считаются необходимыми многія потребности, которыхъ вовсе не заслуживаютъ этого признанія: если удовлетвореніе ихъ и пріятно, то неудовлетвореніе не можетъ умалять производительность труда. Высокопоставленный чиновникъ, въ силу сложившихся у него вкусовъ и привычекъ, можетъ, пожалуй, считать необходимой ежегодную затрату во столько-то тысячъ на балы, обѣды, приемы. Но было бы слишкомъ наивно считать этотъ расходъ необходимымъ для того, чтобы данное лицо съ успѣхомъ исполняло свои административныя или судебныя обязанности, важныя для правильнаго развитія народнаго хозяйства. Оставляя безъ вниманія всѣ эти требованія, поскольку ихъ источникомъ служатъ безконечно разнообразные вкусы и прихоти, мы, всетаки, предпочитаемъ второй способъ исчислениія: для него есть и твердые точки опоры. Сумма благъ, необходимая для успешнаго участія человѣка въ процессѣ производства, опредѣляется такими условіями: 1) Потребностями организма, какъ онъ сложились подъ воздействиемъ подготовки къ известной работе и какъ онъ поддер-

живаются особенностями даннаго труда. Возьмемъ, съ одной стороны, земледѣльца, ремесленника, чернорабочаго, съ другой— учителя и врача. Первые вели съ юныхъ лѣтъ подвижной образъ жизни; ихъ работа поддерживаетъ тѣло въ постояннѣмъ движениі, а потому они обладаютъ выносливыми пищеварительными органами. Вторые, и подготовляясь къ своему призванію, и исполняя обязанности учителя и врача, вели и ведутъ, сравнительно, сидячую жизнь и имѣютъ болѣе требовательный пищеварительный аппаратъ. А потому первые могутъ поддерживать свои силы болѣе простой и дешевой пищей, нежели вторые. 2) Обстановка при работѣ также вліяетъ на различіе необходимыхъ потребностей у людей, которые занимаются сходными работами. Возьмемъ, напримѣръ, сельскаго и фабричнаго работниковъ: первый проводить почти всю жизнь на свѣжемъ воздухѣ, а потому и можетъ довольствоваться болѣе скромнымъ и дешевымъ жилищемъ, нежели второй, который работаетъ въ закрытомъ помѣщеніи. Ученый агрономъ, также проводящій большую часть жизни на свѣжемъ воздухѣ, можетъ ограничиваться болѣе скромнымъ жилищемъ, нежели врачъ или учитель. 3) Самый родъ труда вызываетъ иные расходы. Дабы не быть распространителемъ заразныхъ болѣзней, врачъ долженъ имѣть болѣшій запасъ одѣжды, нежели учитель или чиновникъ. Учитель, врачъ, писатель нуждаются въ книгахъ, а ремесленникъ можетъ и безъ книгъ успѣшио выполнить свою работу. 4) Слѣдуетъ принимать въ разсчетъ различіе цѣнъ на главные предметы потребления въ городѣ и деревнѣ. 5) Отмѣтимъ, наконецъ, разницу въ расходахъ на воспитаніе дѣтей. Для поддержанія даннаго процесса общественнаго производства, подростающія поколѣнія должны быть подготовлены къ различнымъ занятіямъ. Воспитаніе дѣтей для дѣятельности учителя, врача, технologа требуетъ гораздо болѣшихъ расходовъ, нежели для какого-либо вида фабричнаго или ремесленного труда. А потому, въ семьяхъ, которыхъ принадлежатъ къ профессіямъ первого рода, расходы на воспитаніе дѣтей, какъ необходимая издержки производства, должны быть исчислены болѣе крупными суммами ⁸⁾.

Вотъ главныя условія, которыя опредѣляютъ, какъ велика сумма благъ, покрывающая необходимыя потребности человѣка при его участіи въ производствѣ. Теоретически это различіе правильно. Выполненіе же его затрудняется тѣмъ, что статистика еще не достигла высоты, которая позволила бы вычислить необходимые расходы различныхъ разрядовъ по отдельнымъ слоямъ населенія. Въ основаніе этихъ вычисленій должны быть полагаемы выводы гигіиены и техническія особенности отдельныхъ видовъ труда.

Поставивъ на исчисленіи необходимыхъ расходовъ по общ-

ственнымъ группамъ, мы не считаемъ возможнымъ отнести къ необходимымъ издержкамъ потребление хотя бы малъшаго количества благъ людьми, вовсе не участвующими въ общественномъ процессѣ производства. Если богатые люди не заѣдываютъ своими имѣніями, не управляютъ промышленными предпріятіями, то могутъ участвовать въ общественномъ процессѣ производства посредствомъ, напримѣръ, обученія своихъ дѣтей, или трудомъ на службѣ государству, земству, городу, или научными занятіями. Въ подобныхъ случаяхъ нужно исчислять необходимые на ихъ содержаніе расходы въ такой суммѣ, какая соотвѣтствуетъ избранному ими роду занятій. Не принимая же на себя никакихъ обязанностей въ широкой области общенородного труда, они безполезны для общества, и все, что они затрачиваютъ на свое содержаніе, не должно быть относимо къ необходимымъ расходамъ. Въ эту же группу слѣдуетъ помѣстить преступниковъ, бродагъ, нищихъ и т. п. Много или мало расходуетъ страна на содержаніе этихъ людей,—они вовсе не нужны для народного хозяйства.

в) Въ разрядѣ естественно-необходимыхъ издержекъ нужно отнести также большую часть государственныхъ, земскихъ, городскихъ расходовъ. Этими расходами обеспечивается существованіе такого порядка, при которомъ и производится народный трудъ. Но изъ общей массы благъ, которыхъ затрачиваются государствомъ и единицами самоуправлениія, нужно сдѣлать слѣдующіе вычеты: 1) Содержаніе всѣхъ тѣхъ лицъ, которыхъ только увеличиваютъ бумажную работу, но рѣшительно не нужны для удовлетворенія какой либо общественной потребности. Въ странахъ съ развитымъ бюрократическимъ строемъ не только отдельные чиновники, но даже большинство ихъ должны быть отнесены въ этотъ разрядъ. 2) Тѣ излишки, которые получаютъ чиновники и служащіе въ городскомъ, земскомъ и общинномъ управлениі, сверхъ суммъ, удовлетворяющихъ ихъ необходимыя потребности. 3) Тѣ полезные и важные расходы, которые совершаются государствомъ, земствомъ, городомъ для достижения обще-культурныхъ цѣлей (вновь учреждаемыя училища, библіотеки, театры) или для созданія новыхъ источниковъ дохода (проведеніе новыхъ дорогъ, устройство портовъ, элеваторовъ), но не нужны для поддержанія существующихъ. 4) Подлежать вычету также и расходы на войско и флотъ. Многіе писатели относятъ расходы на содержаніе войска и флота къ естественно-необходимымъ издержкамъ производства; они считаютъ неизбѣжнымъ этотъ расходъ, пока не осуществилась идея вѣчнаго мира. Мы не раздѣляемъ этого мнѣнія. Какъ бы ни было велико войско мирнаго состава, оно не обезпечиваетъ страны отъ нападенія вѣнчихъ враговъ и не служитъ залогомъ побѣдоносной войны, т.-е. залогомъ мир-

наго и безпрепятственного развитія народнаго труда. Болѣе правильно считать необходимыми издержками расходы на веденіе войны, если народъ вынужденъ защищать свою независимость и цѣлость предѣловъ государства. Признаніе расходовъ на войско и флотъ необходимыми издержками опасно потому, что поддерживаетъ въ правительстве склонность увеличивать составъ войска, отвлекать отъ народнаго хозяйства лучшія силы и уменьшать производительность народнаго труда. Вотъ почему мы и относимъ на чистый доходъ покрытие расходовъ по содержанію военной и морской силы.

Всѣ эти разряды издержекъ и составляютъ необходимые расходы съ точки зрењія народнаго хозяйства; они не зависятъ отъ господствующаго въ странѣ юридического порядка.

Б) Но можно рассматривать издержки производства и съ частнохозяйственной точки зрењія. Хозяйственные единицы связаны другъ съ другомъ различными отношениями: части валового дохода данной единицы должна быть выдѣлена другимъ въ видѣ процента, ренты или наемной платы за зданія. Предприниматель строить, напримѣръ, заводъ на арендуемой землѣ, занимаетъ въ банкѣ капиталъ для веденія предпріятія и нанимаетъ рабочихъ. Для опредѣленія чистаго дохода, онъ вычитаетъ и эти расходы изъ своего валового дохода.

Итакъ, съ точки зрењія общественнаго хозяйства, чистымъ доходомъ служатъ всѣ излишки, которые остаются за покрытиемъ естественно-необходимыхъ издержекъ производства. Въ частномъ же хозяйствѣ чистый доходъ получается за вычетомъ издержекъ обоихъ разрядовъ. Издержки первой категоріи зависятъ отъ уровня техники и склада потребностей; издержки же втораго разряда зависятъ отъ юридического порядка, господствующаго въ данной странѣ. Каковъ бы ни былъ послѣдній, уровень техники опредѣляетъ, сколько сѣмянъ должно быть вложено въ землю для поддержанія сельскаго хозяйства, сколько топлива должно быть потреблено для веденія фабрикъ и мануфактуръ; уровень и разнообразіе потребностей по общественнымъ группамъ показываютъ, какое количество хозяйственныхъ благъ поддерживаетъ въ населеніи способность къ труду даннаго качества и напряженія. Резервуары же, куда поступаютъ отдѣльныя части общественнаго дохода, опредѣляются положительнымъ правомъ. Гдѣ хозяйство построено на рабскомъ труде, тамъ иное распределеніе дохода, нежели въ странѣ, где хозяйство ведется съ помощью наемнаго труда. При слабомъ развитіи кредита немногіе предприниматели относятъ проценты на капиталъ къ издержкамъ производства. Сельскіе хозяева, обрабатывающіе собственную землю, иначе вычисляютъ издержки производства, нежели тѣ, которые работаютъ на арендуемыхъ участкахъ.

Вычисление частнохозяйственного дохода может быть сделано въ двойкой форме: натуральной и денежной. Какъ та, такъ и другая предполагаютъ хорошо организованную статистику отдельныхъ хозяйств.

Подобно частному доходу можетъ быть определенъ и народный доходъ. Валовой доходъ народа составляется изъ слѣдующихъ статей:

1) Совокупность материальныхъ и нематериальныхъ благъ, произведенныхъ въ данной странѣ за известный періодъ времени и подлежащихъ денежной оцѣнкѣ. 2) Доходъ въ формѣ пользованія капиталомъ и личнымъ трудомъ, не подвергающійся денежной оцѣнкѣ. Сюда относится натуральное пользованіе владѣльцевъ собственнымъ имуществомъ, зданіями, домашней утварью и т. д., и трудомъ,—всѣ работы въ домашнемъ быту, неоцѣнимые на деньги и т. п. 3) Совокупность благъ, получаемыхъ изъ-за границы. Эта группа можетъ быть разбита на нѣсколько разрядовъ: а) товары, б) деньги, в) суммы, которые уплачены судоходству данной страны, занимающейся посредничествомъ между другими странами (например, все, что уплачено английскими кораблями за перевозку товаровъ изъ Россіи въ Бельгію, составляетъ доходъ англійского народного хозяйства), г) совокупность благъ, которыхъ ввозятся иностранцами въ данное государство, д) контрибуція, поступающая изъ-за границы. Соответственно рубрикамъ, изъ которыхъ слагается валовой народный доходъ, для определенія чистаго дохода должны быть исключены слѣдующія издержки производства: 1) содержание всего работающаго населения, а также и другие расходы для поддержания хозяйства (сѣмена, кормъ скота, топливо и проч.); 2) стоимость изнашиванія имущества, которое служило для пользованія; 3) вывезенные за границу товары, деньги и т. д. соответственно третьей рубрикѣ валового дохода. Расходы подъ п. 2 не могутъ быть точно определены, однако, слѣдуетъ отмѣтить ихъ при исчислении издержекъ производства. Все же, что остается за вычетомъ перечисленныхъ издержекъ, составляетъ чистый доходъ народа.

Народное хозяйство выигрываетъ отъ увеличиванія валового дохода, при одновременномъ уменьшениі издержекъ первого вида первой категоріи. Если, для получения 100 пудовъ зерна, нужно высеять не 10, а 8 пудовъ, для получения 200 аршинъ сукна нужно сжечь не 1, а $\frac{1}{3}$ сажени дровъ, то понижаются тѣ издержки производства, которые составляютъ мертвый грузъ народного хозяйства ⁶). Уменьшеніе расходовъ на содержание работающаго населения невыгодно для народного хозяйства: оно свидѣтельствуетъ о понижениі уровня потребностей, т.-е. культуры. Напротивъ, желательно ихъ повышеніе. А такъ какъ возможность расширенія потребностей (особенно духовныхъ), удо-

влетворяемыхъ единолично и коллективно, зависить отъ высоты чистаго дохода, то страна заинтересована въ увеличениі послѣдняго. Цѣль хозяйства относительно массы дохода можетъ быть выражена въ четырехъ положеніяхъ: *большой валовой доходъ, малыя издержки производства первого вида первой категории, высокія издержки втораго вида первой категории и высокій чистый доходъ.*

Но мы односторонне опредѣлили бы цѣль хозяйства, если бы упустили изъ вида требованія, которыя должны быть поставлены распредѣленію дохода. Интересы народа требуютъ возможно болѣе равномѣрнаго распредѣленія между частными хозяйствами какъ той доли дохода, на которую содергится работающее населеніе страны, такъ и чистаго дохода. При господствѣ общественнаго порядка, покоющагося на правѣ частной собственности, народное хозяйство отстоитъ очень далеко отъ этого идеала.

Вычислениѣ дохода можетъ быть сдѣлано въ двоякой формѣ: въ натурѣ и на деньги. Слѣдуетъ предпочесть первый или второй способъ въ зависимости отъ поставленной цѣли. Изъ всѣхъ благъ, которыя производить частное хозяйство нашего времени, только незначительная часть потребляется внутри семьи; гораздо большая поступаетъ въ обмѣнъ. Такъ, мастеръ, изготавляющій одежду, обувь, домашнюю утварь, самъ потребляетъ небольшую часть этихъ продуктовъ, главную же массу передаетъ за деньги другимъ лицамъ. А потому, для него не такъ важно исчислить доходъ въ натурѣ, количествомъ издѣлій, которыя онъ изготовилъ, какъ опредѣлить сумму полезностей, которую онъ получить въ обмѣнъ за свои издѣлія; а эта сумма измѣряется суммою денегъ, которая можетъ быть выручена изъ сбыта его произведеній. Итакъ, разъ обмѣнъ развился, оцѣнка на деньги, при опредѣленіи дохода частно-хозяйственной единицѣ, имѣть первенствующее значеніе.

Иначе слѣдуетъ отнестиись къ вычислению народнаго дохода. Онъ обнимаетъ всѣ доходы единичныхъ хозяйствъ. Большая часть этого дохода потребляется внутри страны, а потому оцѣнка его на деньги и не имѣть такого значенія, какъ оцѣнка въ натурѣ: если мы знаемъ, сколько производится въ странѣ хлѣба, мяса, вина, тканей, и знаемъ среднее ихъ количество, которое необходимо для потребленія каждого человѣка, то можемъ опредѣлить, насколько доходы страны удовлетворяютъ потребностямъ всего ея населенія. Народъ въ этомъ случаѣ можетъ быть уподобленъ семье, ведущей натуральное хозяйство: какъ первобытная семья сама потребляетъ большую часть производимыхъ ею продуктовъ, такъ и народъ самъ потребляетъ главную массу своихъ произведеній. Съ развитіемъ международныхъ отношений государство вывозитъ за границу

известное количество туземныхъ произведений и получаетъ взамѣнъ ихъ соответствующую массу иностранныхъ товаровъ. Оцѣнка вывозимыхъ продуктовъ на деньги имѣеть болѣе важное значеніе, чѣмъ оцѣнка ихъ въ натурѣ: при всѣхъ сдѣлкахъ по внешней торговли народъ находится въ такомъ же положеніи, какъ частное хозяйство, при господствѣ мѣновыхъ оборотовъ.

Ни одна страна не имѣеть настолько развитую статистику, чтобы можно было въ натурѣ или деньгахъ точно опредѣлить ея народный доходъ. Въ нашемъ же отечествѣ материаль для оцѣнки народного дохода такъ недостаточенъ, что ошибки въ вычисленияхъ могутъ достигать очень большихъ размѣровъ. Это примѣнно и къ общему итогу доходовъ, и къ доходамъ по отдѣльнымъ отраслямъ хозяйственной дѣятельности.

Доходъ народного хозяйства состоить изъ трехъ частей: *заработной платы, прибыли и ренты*. Эти три части дохода съ особенною ясностью обнаруживаются въ обществѣ, гдѣ владельцы земли отдѣляются отъ владельцевъ капитала, и гдѣ масса людей живеть наемнымъ трудомъ. Но нѣть основанія утверждать, что эти три доли общественного дохода могутъ быть теоретически изслѣдованы только въ современномъ обществѣ: и въ обществѣ, гдѣ неравенство состояній было бы сглашено, и гдѣ земля и капиталы принадлежали бы государству, доходъ можетъ быть расчлененъ на эти три части.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЕРВОЙ ГЛАВѢ.

1) См. „О богатствѣ народовъ“, кн. II, главы 3 и 5.

2) Ricardo. Principles, 210—211.

3) „Nouveaux Principes“, I, 124.

4) Здѣсь мы расходимся съ Вагнеромъ. Онъ относитъ блага, потребляемыя отдѣльными лицами, къ чистому доходу, мы же, напротивъ, считаемъ болѣе правильнымъ отнесеніе значительной ихъ части къ издержкамъ производства. Если таковыми считать сѣмена, топливо, кормъ скота, то не будетъ-ли правильно отнести сюда и массу благъ, необходимо потребляемыхъ членами общества для поддержанія его производства? Наша точка зрѣнія не способствуетъ упроченію взгляда на рабочія руки, какъ на товаръ, ибо мы относимъ къ необходимымъ издержкамъ содержаніе не только рабочаго класса, въ тѣсномъ смыслѣ, но всѣхъ, прямо или косвенно участвующихъ въ производствѣ.

5) Вагнеръ (Lehrbuch, 3 изд., 1892, I, 409—10) говорить о двухъ способахъ вычисления свободного (чистаго, по нашей терминологии) дохода: посредствомъ определенія необходимыхъ расходовъ для каждого человѣка одной и той же суммой, согласно съ физиологическими потребностями, или же особо для каждой общественной группы, согласно съ уровнемъ потребностей, который сталъ для нея обычнымъ. Однако, онъ не развиваетъ этого положенія и не указываетъ главныхъ условій, которыми опредѣляется различие необходимыхъ расходовъ для отдѣльныхъ лицъ, участвующихъ въ общественномъ производствѣ.

6) Вагнер впадает въ серьезную ошибку при оценкѣ этого разряда издержекъ производства: онъ говорить, что эти расходы „не служать доходомъ для какого-либо хозяйства или лица“ (402). На самомъ дѣлѣ, и эти издержки составляют чай-либо доходъ. Предположимъ, что промышленникъ, для изготавления X аршинъ тканей, долженъ употребить 1000 саженъ дровъ. Значительная часть расхода, которую дѣлаетъ промышленникъ для приобрѣтенія дровъ, составляетъ плату за трудъ дровосѣкъ, возчиковъ, пильщиковъ, истолниковъ, образуетъ доходъ всѣхъ этихъ лицъ. Если открыты усовершенствованные способы отопленія и можно изготовить такое же количество тканей съ затратою 500 саженей дровъ, то сбереженіе на топливо составляетъ предъ общественнымъ хозяйствомъ заслугу не потому, что это сбереженіе не умаляетъ ничьего дохода, но потому, что, уменьшавъ количество труда, необходимаго для данной отрасли производства, дѣлаетъ часть рабочихъ силь свободными для разныхъ другихъ цѣлей.

7) Отсюда не слѣдуетъ дѣлать выводъ, будто мы одобляемъ кастовую замкнутость, прикрепленіе дѣтей къ занятіямъ отцовъ. Общество выигрываетъ всего болѣе, если самые даровитые его члены подготовляются къ профессіямъ, которые требуютъ значительныхъ духовныхъ силъ. Въ дѣйствительности дѣти, большою частію, избираютъ занятіе, сходное съ занятіемъ родителей. Для упрощенія задачи мы исходимъ также изъ этого предположенія.

8) *Pay, Wagner* и другіе вводятъ терминъ *свободный доходъ*, который соотвѣтствуетъ *чистому доходу* по нашей терминологіи. Мы тѣмъ болѣе отстаиваемъ ее и удерживаемся отъ введенія лишнаго термина, что наше опредѣленіе соотвѣтствуетъ общераспространенному понятію о доходѣ. Спросите торговца, ремесленника, заводчика о его доходѣ (*чистомъ*), и онъ укажетъ вамъ на сумму, остающуюся за расходомъ на содержаніе его и его семьи. Въ этомъ обнаруживается сознаніе, что потребленіе работающаго человѣка должно быть относимо къ издержкамъ производства.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Избытки въ хозяйстѣ и основы распределенія дохода.

Литература. *Милль*. Основанія. *Wagner. Lehrbuch*, I. *Rodbertus. Zur Beleuchtung der socialen Frage*. 1875. *Марксъ*. Капиталъ, I. *Lassalle. Kapital u. Arbeit*. Пособіями для уясненія теоріи Маркса могутъ служить: *Зиберъ*. Давидъ Рикардо и Карль Марксъ въ ихъ общественно-экономическихъ изслѣдованіяхъ. 1885. *К-жъ*. Точки зрѣнія политico-экономической критики у К. Маркса. *Вѣсти. Евр.*, 1872. *V. Жуковскій*. Карль Марксъ, его книга о капиталь. *Вѣсти. Евр.*, 1877, IX. *M. Карль* Марксъ передъ судомъ г. Жуковскаго, *Отеч. Зап.*, 1877. *X. Зиберъ*. Экономическая теорія Маркса. *Слово*. 1878, I, III, IV, XI и XII. *Струве*. Объ эконом. развитии Россіи. 1894. *Белотовъ*. Къ вопросу о развитіи монистического взгляда на исторію. 1895. *B. B.* Очерки теоретич. экономії. 1895. *Gross. Karl Marx*. 1885. *Kautsky. Karl Marx's ökonomische Lehren*. 1877. *Adler. Die Grundlagen der Karl Marx'schen Kritik d. bestehenden Volkswirthschaft*. 1887. *Aus Rusch's Nachlass. Der Irrtum von Karl Marx*. 1894. *Engels. Dühring's Umwälzung der Wissenschaft*. *Engels. Der Ursprung der Familie, des Privateigentums u. des Staats*. *Кауцкий*. Очерки и этюды. 1895. *Stammler*.

Wirthschaft und Recht von der materialist. Geschichtsauffassung. *Sombart*. Socialismus u. soc. Bewegung im 19 Jahrhundert. 1896. *Исаев*. Настоящее и будущее русс. общества. хозяйства. 1896. *George*. Progress and poverty. *Hertzka*. Gesetze d. social. Entwicklung. 1886. *Loria*. Les bases économiques de la constitution sociale. 1883. *Bücher*. Die Entstehung der Volks-wirthschaft. 1898. *Sombart*. Der moderne Kapitalismus. *Strieder*. Zur Genesis des modernen Kapitalismus. 1904. *Reynaud*. La question sociale et la civilisation païenne. 1906.

Высота общественного дохода зависит от степени производительности труда. Въ тѣхъ первобытныхъ обществахъ, гдѣ люди соединяются только въ небольшія группы, гдѣ орудіями служать предметы, доставляемые природою и мало измѣненные искусствомъ человѣка, гдѣ раздѣленіе труда находится въ зародышѣ, — человѣкъ долженъ затрачивать все свое время на удовлетвореніе только первыхъ потребностей. Наростаніе богатства невозможно; человѣкъ живеть изо дня въ день и напрягаетъ всѣ силы, чтобы обезпечить свое скучное существованіе. Въ этомъ періодѣ работа человѣка не даетъ избытокъ, способныхъ или обезпечить потребленіе въ будущемъ, или содержать лицъ, не принимающихъ участія въ материальномъ труде. Такимъ образомъ, весь доходъ на этой ступени есть непосредственный результатъ отдельныхъ лицъ; если употребить не совсѣмъ подходящее название, онъ можетъ быть названъ „заработной платой“.

Но общество идетъ впередъ. Раздѣленіе труда развивается все болѣе и болѣе; орудія и пріемы работы совершенствуются. Человѣкъ не ограничивается пріобрѣтеніемъ благъ для непосредственного потребленія; онъ научается сберегать запасы.

Излишки, которые остаются за покрытиемъ необходимыхъ потребностей трудящагося люда, могутъ быть названы *избыточными цѣнностями*. Часть изъ нихъ употребляется на содержаніе людей, посвящающихъ себя нематериальному труду — чиновниковъ, учителей, врачей. Только при довольно высокомъ уровнѣ гражданственности появляется запросъ на нематериальный трудъ, и только при достаточной производительности труда общественный доходъ даетъ избытки, покрывающіе содержаніе этихъ людей. Другая, небольшая часть избыточной цѣнности сохраняется въ хозяйствѣ работниковъ и улучшаетъ ихъ бытъ; главная же масса поступаетъ въ собственность людей, которые не принимаютъ участія въ материальномъ труде, а нерѣдко и во всемъ общественномъ процессѣ производства.

Экономисты охотно объясняютъ происхожденіе избытокъ трудомъ людей, которые получаютъ ихъ. Если заводчикъ имѣть прибыль отъ своего промышленного предприятия, то происхожденіе прибыли приписывается труду хозяина, и самая прибыль, говорятъ намъ, есть вознагражденіе за руководство промышленнымъ дѣломъ. Поземельная рента, которую получаетъ соб-

ственникъ земли, признается результатомъ улучшений, сдѣланыхъ землевладѣльцемъ въ его хозяйствѣ. Когда противъ этого возражаютъ ссылкою на огромныя земельныя владѣнія и миллионные капиталы частныхъ лицъ, то экономисты дѣлаютъ оговорку, что, хотя миллионныя имущества созданы не настоящими ихъ владѣльцами, однако, первоисточникомъ ихъ служилъ упорный трудъ отца, дѣда, прадѣда, положившихъ начало крупному состоянію, которое, благодаря наследственному праву, вытекающему изъ существа человѣческой природы, было передано потомкамъ¹). Но какъ ни изощряютъ экономисты свое остроуміе для приведенія къ личному труду всѣхъ видовъ народнаго дохода, системы, построенные съ этой цѣлью, такъ искусственны, такъ противорѣчать и даннымъ исторіи, и ежедневному опыту, что только совсѣмъ безсильная мысль поддается доводамъ Бастіа, Тьера и ихъ послѣдователей.

Наблюденіе частныхъ хозяйствъ убеждаетъ насъ, что личныя силы семьи, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, доставляютъ людямъ только скучное существованіе, при очень благопріятной обстановкѣ — скромное довольство и въ рѣдкихъ, исключительныхъ условіяхъ — и то въ привилегированныхъ видахъ труда — благосостояніе и даже богатство. Послѣднаго достигаютъ единичные врачи, адвокаты, художники, актеры. Если поближе присмотрѣться къ причинамъ, въ силу которыхъ трудъ знаменитаго живописца, музыканта, пѣвца, адвоката и даже врача даетъ въ итогѣ миллионы, то нужно будетъ приписать это не силѣ таланта, которая, вообще, не допускаетъ точной денежной оценки, а распределенію имуществъ, существованію въ странѣ огромныхъ, безъ труда приобрѣтенныхъ состояній, которыхъ позволяютъ своимъ владѣльцамъ платить баснословныя деньги за картину, за присутствіе на концертѣ, если творецъ картины и исполнители въ концертѣ пользуются громкою извѣстностью. Въ обществѣ, гдѣ нѣтъ рѣзкаго неравенства состояній, но средний уровень довольно высокъ, живописецъ, музыкантъ, актеръ или пѣвецъ не могли бы имѣть столь высокую заработную плату, какъ въ настоящее время. Представители этихъ видовъ труда могли бы получать значительные доходы, доставляя большому числу людей возможность пользоваться за скромную плату плодами своего научнаго или художественнаго творчества. Таково положеніе живописца, который, не продавая своей картины за огромную сумму денегъ, какъ въ настоящее время, предоставилъ бы всѣмъ желающимъ любоваться ею за 10-копѣчную входную плату. Таково было бы положеніе знаменитаго музыканта, актера, пѣвца, которые заставили бы публику очень скромными суммами оплачивать посѣщеніе концерта или театрального зрѣлища. Однако, подобный способъ извлеченія дохода далеко не доставилъ бы Маккарту, Листу, Патти тѣхъ

крупныхъ суммъ, которые получаются вслѣдствіе сбыта картины богачамъ, пріобрѣтающимъ предметы искусства изъ тицеславія, и вслѣдствіе проявленія своего таланта въ относительно небольшомъ кругу людей, могущихъ затрачивать на эстетическую наслажденія гораздо больше, чѣмъ то доступно для массы населенія. Единственнымъ исключениемъ служить литературный трудъ; его плоды и въ настоящее время отличаются обще-доступностью. При минимальномъ расходѣ каждаго, имѣющаго привычку покупать книги, труды Виктора Гюго, Диккенса, Бальзака, доставляли этимъ писателямъ огромные доходы. Всему причиной—печатный станокъ. Онъ позволяетъ писателямъ не только порвать всякую связь съ продуктами своего труда (что невозможно для музыканта, актера, пѣвца, получающихъ плату за дѣйствіе предъ публикой), но и извлекать изъ этого продукта тѣмъ большія выгоды, чѣмъ въ большемъ количествѣ экземпляровъ онъ представленъ (послѣднее невозможно, напримѣръ, для живописца). Итакъ, за этимъ единственнымъ исключениемъ, даже въ профессіяхъ, требующихъ много-лѣтней подготовки, а перѣдко и духовныхъ силъ высшаго порядка, личный трудъ даетъ огромные доходы не по самому своему характеру, а вслѣдствіе крайне неравномѣрнаго распределенія имущества. Въ области же промышленнаго труда это явленіе обнаруживается съ полной силой. Никто никогда не встрѣчалъ человѣка, работающаго всю свою, даже долгую жизнь на собственной землѣ, исключительно силами семьи и достигшаго богатства. Въ Россіи „исправный“ крестьянинъ, обработывая даже большой земельный надѣль, въ 15—20 десятинъ плодородной земли на дворъ—до тѣхъ поръ, пока работаетъ только семья съ членами семьи, пользуется скромнымъ достаткомъ, при которомъ можно быть свободнымъ отъ недоимокъ, не вносить лантей и имѣть мясную пищу даже въ будни. Большая производительность труда позволяетъ западно-европейскому самостоятельному поселенцу достигать большаго довольства. Но каждому известно, что владѣлецъ 2—3 десятинъ, на которыхъ хозяйство ведется, какъ садовая или огородная культура, получаетъ ежегодно не больше 1,000—1,500—2,000 рублей. Обратимся къ обрабатывающей промышленности, спросимъ самостоятельныхъ городскихъ и сельскихъ ремесленниковъ о размѣрѣ ихъ дохода—и они уже съ чувствомъ особенного самоудовлетворенія опредѣлять его 7—8 стами рублей въ годъ. Нечего и говорить, что доходъ рѣзко понижается, какъ скоро мы перейдемъ въ область наемнаго труда, къ сельскимъ или фабричнымъ работникамъ.

Кто получаетъ большой доходъ въ области сельско-хозяйственного или промышленнаго труда, тотъ получаетъ его не отъ своей единоличной работы. Крупный и средний замлевла-

дѣлъцы имѣютъ доходъ или отъ раздачи своихъ земель въ аренду, или же отъ веденія собственного хозяйства съ по-мощью наемныхъ работниковъ. Богатый заводчикъ и фабриканть стоять во главѣ сотень и тысячъ наемныхъ людей. Доходъ хозяевъ часто вовсе не связанъ съ ихъ личнымъ трудомъ: поручая управляющимъ веденіе предпріятія, владѣльцы получають на свою долю большую часть дохода, приносимаго промышленнымъ дѣломъ. Наконецъ, доходъ, доставляемый отдачею въ ростъ денежныхъ капиталовъ, очевидно, не стоитъ въ связи съ трудомъ лицъ, которымъ получаются этотъ доходъ.

Но, быть можетъ, слѣдуетъ объяснить происхожденіе доходовъ, не связанныхъ съ трудомъ, выгодами, которыхъ получаются при обмѣнѣ товаровъ? ²⁾). Если товары стоятъ 100 рублей, а продавецъ получаетъ, при продажѣ, 110 рублей, то имѣть доходъ отъ такого обмѣна. И это объясненіе неудовлетворительно. Разсматривая всю совокупность сдѣлокъ по куплѣ-продажѣ, мы видимъ, что каждый продавецъ извѣстныхъ товаровъ является въ то же время покупателемъ другихъ предметовъ. Выигрывая на цѣнѣ, какъ продавецъ, онъ проигрываетъ на цѣнѣ, какъ покупатель. А потому, изъ этого источника можно объяснить увеличеніе доходовъ отдѣльныхъ лицъ, но не слѣдуетъ считать обмѣнъ главнымъ и всеобщимъ источникомъ образованія крупныхъ имуществъ. Такимъ источникомъ служить въ большинствѣ случаевъ право собственности на плоды чужаго труда въ самомъ процессѣ производства.

Въ обществѣ, основанномъ на рабовладѣніи, этотъ источникъ обнаруживается особенно выпукло. Лукулль обладаетъ несметными богатствами; его жизнь представляетъ сплошную картину чувственныхъ наслажденій и политическихъ интригъ; онъ не принимаетъ никакого, даже самаго отдаленнаго участія въ той разнообразной промысловой дѣятельности, которая составляетъ его хозяйство. Управители и надемотрищики стоять во главѣ отдѣльныхъ группъ его рабовъ. Изъ всей массы благъ, которая въ теченіе года произведены въ его хозяйствѣ, дѣлаются затраты на содержаніе скота и рабовъ съ ихъ семьями, а все остальное, въ видѣ хлѣба, масла, вина, тканей, драгоценныхъ каменьевъ, произведеній искусства поступаетъ во власть господина. Несвободное состояніе работника служить характернымъ признакомъ рабовладѣльческаго хозяйства: въ зависимости отъ соизволенія господина труженики получаютъ худшее или лучшее содержаніе, обыкновенно не менѣе того, что нужно для сохраненія рабочей силы. Присвоеніе господиномъ плодовъ чужаго труда—образованіе ренты и прибыли—выступаетъ здѣсь въ особенно яркомъ свѣтѣ.

Не нужно большихъ напряженій ума, дабы открыть этотъ же источникъ образованія нетрудовыхъ доходовъ и при крѣ-

постномъ состояніи. Въ отличіе отъ раба, крѣпостной пользовался большей или меньшей личной свободой. Личная свобода выражалась въ сферѣ хозяйства тѣмъ, что крѣпостнымъ отводилась въ пользованіе часть господской земли, которую они обрабатывали для своихъ потребностей, причемъ физическая сила и трудолюбіе крѣпостного уже могли увеличивать его доходы. Но все, произведенное крѣпостными на землѣ, которую помѣщики отводили для своего хозяйства, все, сработанное въ барщинные дни, и было тѣми плодами чужаго труда, которые поступали во власть господина.

Въ современномъ хозяйственномъ строѣ, опирающемся на наемный трудъ, этотъ источникъ нѣсколько затмняется сложнымъ процессомъ раздѣленія труда и денежнымъ обмѣномъ. Но существу же онъ остается тѣмъ, чѣмъ былъ при господствѣ рабскаго и крѣпостного труда.

Возьмемъ для примѣра сельскаго хозяина, который ведеть свое хозяйство при помощи наемнаго труда. Положимъ, что въ данномъ имѣніи занято 50 рабочихъ, которые производять на 10,000 рублей ржи, овса и другихъ земледѣльческихъ продуктовъ. Изъ валового дохода 2,500 рублей покрываютъ издержки на сѣмена, содержаніе скота, ремонтъ орудій, страхование и налоги. Остающіеся 7,500 рублей не только покрываютъ расходы, необходимые на содержаніе работника, но и даютъ излишекъ. Всѣдѣствіе условій, которыя мы подробнѣе изложимъ въ слѣдующей главѣ, наемный работникъ получаетъ плату, не сполна покрывающую даже необходимыя потребности. Если содержаніе каждого изъ 50 работниковъ стоять только 100 рублей въ годъ, то 2,500 рублей составятъ долю землевладѣльца.

Дабы окончательно уяснить это явленіе, вужно помнить о различіи между количествомъ продуктовъ, которое можетъ быть произведено въ теченіе данной единицы времени, положимъ, года, и количествомъ продуктовъ, которое необходимо для содержанія работника и его семьи въ то время, когда они заняты производствомъ этихъ продуктовъ. По достижениіи трудомъ известной степени производительности, первая величина значительно больше второй: если первая составляетъ 100 единицъ, то вторая = 100—X. Казалось бы, что работникъ имѣть побужденіе работать лишь столько, сколько нужно для покрытія его необходимыхъ потребностей, только 5 часовъ въ день, если результаты 5 часового труда обезпечиваютъ существованіе его и его семьи. Обыкновенно мы наблюдаемъ, однако, не то: тамъ, где работникъ владѣетъ орудіями производства—крестьянинъ-собственникъ, самостоятельный ремесленникъ, артельщикъ,—онъ удлиняетъ свой рабочій день за предѣлы того, что даетъ minimum, необходимый для его содержанія; онъ производить,

сверхъ необходимой цѣнности, избыточную цѣнность, которая или сберегается имъ на черный день, или даетъ ему возможность обставить жизнь большими удобствами. Какое бы назначение ни получала избыточная цѣнность, въ этихъ случаяхъ она создается добровольно, ибо работникъ надѣется удержать ее въ своей власти ³⁾). При рабскомъ крѣпостномъ и наемномъ труде избыточная цѣнность создается недобровольно, а вынужденно, ибо работникъ не сохраняетъ ея въ своей власти, а уступаетъ своему господину въ первыхъ случаяхъ и нанимателю—въ послѣднемъ. Начало господства и подчиненія соединяетъ раба и крѣпостнаго съ господиномъ. Лично несвободные, они уступаютъ господину избыточную цѣнность; если бы они не захотѣли уступить, то рабовладѣльцы и помѣщики, пользуясь своей властью, могутъ принудить ихъ къ уступкѣ. Въ европейско-американскомъ мірѣ нанимателя и работника соединяетъ формально свободный договоръ. Формальная свобода договора позволяетъ работнику перемѣнить одного хозяина на другаго, но не даетъ ему возможности удерживать въ его власти больше той доли продукта, которая едва покрываетъ необходимые расходы. Лишенній орудій производства, наемный работникъ силою вещей принуждается уступить хозяину всю ту часть продукта своего труда, которую мы назвали избыточной цѣнностью.

Такимъ образомъ, экономическимъ условиемъ появленія избытокъ въ хозяйствѣ служить довольно высокая производительность труда, а юридический порядокъ опредѣляетъ, въ чье распоряженіе должны поступать эти избытки. Дабы лицо могло располагать вещью по своему усмотрѣнію, оно должно иметь на нее право собственности. А потому, мы лучше ознакомимся съ распределеніемъ общественного дохода, если остановимся на правѣ частной собственности, господствующемъ въ современномъ обществѣ и налагающемъ свою печать на весь экономической бытъ.

Есть пять главныхъ теорій права собственности.

1) *Естественная теорія*, господствующая въ философіи права. Она оставляетъ въ сторонѣ хозяйственную природу человѣка и основываетъ собственность на понятіи о личности и ея стремлениіи къ самосохраненію и саморасширенію. Личность, говоритъ Гегель, имѣеть право влагать свою волю въ каждую вещь, которая чрезъ это становится *мою* ⁴⁾). Эта теорія не можетъ обосновать право частной собственности на всѣ роды виѣшнихъ благъ. Личность для саморасширенія нуждается во виѣшнихъ благахъ: это могло бы быть обеспечено правомъ собственности только на тѣ вещи, которые непосредственно служатъ предметами потребления. Но и предметы потребленія, необходимые для полноты развитія личности, нужны человѣку въ довольно

ограниченномъ количествѣ. Право собственности на огромные доходы, получаемые отдельными лицами, превышаетъ нужное для полноты личности, а потому и не можетъ быть обосновано этой теоріей. Но если для человѣка необходимо право собственности на известный запасъ потребленія, то отнюдь нельзя доказать, чтобы оно было необходимо на орудія производства. Пользуются ли человѣкъ собственными или общественными орудіями производства, онъ можетъ въ равной мѣрѣ достигать своихъ жизненныхъ цѣлей. Вотъ почему этой теоріей могутъ съ одинаковымъ успѣхомъ пользоваться какъ сторонники, такъ и противники права частной собственности. Вторые могутъ, исходя изъ положенія о равенствѣ людей и обѣ ограниченноти виѣнныхъ благъ, требовать признанія ихъ общимъ достояніемъ, дабы ни одинъ человѣкъ, въ ущербъ другимъ людямъ³), не называлъ вещей „своими“.

2) *Естественно-хозяйственная* теорія распространена среди экономистовъ. Она приводить право частной собственности въ тѣсную связь съ хозяйственную дѣятельностью человѣка. Такъ, какъ себѧ любіе служитъ главнымъ двигателемъ въ хозяйстве, то она требуетъ признанія за человѣкомъ права собственности на плоды его труда. Предполагается, что ростъ богатства возможенъ только при широкомъ правѣ частной собственности. Эта теорія освѣщаетъ частную собственность того вида, который господствуетъ въ современномъ обществѣ; она признаетъ существующее разумнымъ. Но тѣмъ самымъ она приводить на память картины прошлаго; припоминаются формы общежитія, рѣзко отличающіяся отъ нашихъ, которыя, однако, считались въ свое время необходимыми для благодолучія человѣческаго рода. Мы знаемъ въ прошедшемъ рабскій и крѣпостной трудъ; мы знаемъ, что многие первоклассные мыслители считали такой порядокъ необходимымъ. А потому, мыслящаго человѣка неотвязчиво преслѣдуется вопросъ — не есть-ли исторически преходящая форма и тотъ правовой порядокъ, въ которомъ мы живемъ? Не есть-ли грубое и смѣшное самомнѣніе считать его столь же необходимымъ и вѣчнымъ, какъ законы природы? И въ современномъ обществѣ есть факты, которые не мирятся съ этой теоріей: таково общинное землевладѣніе. Оно характеризуется отсутствіемъ права частной собственности на землю, т.-е. на главное орудіе производства, а между тѣмъ, какъ было указано, во многихъ общинахъ хозяйство идетъ не менѣе успѣшно, чѣмъ у единоличныхъ владѣльцевъ той же мѣстности. Согласно съ этой теоріей, нужно открыть полный просторъ хозяйственному расчету человѣка, обеспечить ему всѣ плоды его труда. Какъ примирить съ этимъ, напримѣръ, крупное землевладѣніе? Владѣлецъ обширной площади земли сдается ее фермерамъ; не онъ, а они улучшаютъ почву. Не было-ли бы правильнѣе, еслибы

къ фермерамъ перешло и право собственности на арендуемую землю? Такимъ образомъ, эта теорія имѣеть два недостатка: пренебрегая историческимъ опытомъ, она придаетъ праву частной собственности слишкомъ большое значеніе для хозяйственныхъ успѣховъ и, во-вторыхъ, не даетъ оправданія всему праву частной собственности, какъ оно слагается въ известную эпоху.

3) *Теорія завладнія*, имѣющая наиболѣе сторонниковъ среди юристовъ, основываетъ право собственности на захватъ вещей, никому не принадлежащихъ. Въ первобытномъ состояніи совершаются единоличный захватъ дикорастущихъ плодовъ, лѣсныхъ звѣрей и птицъ. Не таково отношеніе къ землѣ. Ею завладѣваютъ не отдельные лица, а общины, и общинное землевладѣніе предшествуетъ частному. Община отводить своимъ членамъ участки земли въ пользованіе и признаетъ право члена на захваченный участокъ только подъ условиемъ затраты определенного количества труда. Такимъ образомъ, уже на раннихъ ступеняхъ общества захвату, какъ факту, обосновывающему право отдельныхъ лицъ, отведены очень тѣсныя границы. Въ странахъ съ густымъ населеніемъ, где нѣть вещей ничьихъ, безхозяйныхъ, захватъ поставленъ въ еще болѣе тѣсные предѣлы. Безхозяйные вещи обыкновенно поступаютъ въ собственность государства.

4) *Теорія труда*, которой держатся многие экономисты, основываетъ право частной собственности на трудѣ. Это односторонне. Возьмемъ первобытные общества; въ нихъ право собственности можетъ основываться только на трудѣ, соединенномъ съ завладѣніемъ: дабы произвести что-нибудь трудомъ, первобытный человѣкъ нуждается въ предметахъ, даруемыхъ природой; они служатъ ему орудіями и материаломъ, онъ приобрѣтаетъ ихъ посредствомъ захвата. При сложныхъ хозяйственныхъ отношеніяхъ, которыхъ отличаютъ современное общество, все право частной собственности не можетъ быть сведено къ труду. Вслѣдствіе раздѣленія труда и процесса обращенія цѣнностей, произведенія труда многихъ людей не поступаютъ въ ихъ распоряженіе. Является договорное начало, которое и опредѣляетъ, какую долю продукта получаетъ производитель; вслѣдствіе этого становится трудно уловимою связь между собственностью и трудомъ. Возникаетъ наследственное право; между правомъ наследника и трудомъ наследодателя часто нѣть никакой связи. Давность, какъ основаніе для права собственности, занимаетъ видное мѣсто. Замѣтимъ также, что завладѣніе и трудъ, какъ таковые, остаются фактами, и сами по себѣ не могутъ создать право. Дабы установилось послѣднее, необходимо, чтобы общественная власть признала эти факты силами, творящими право. Но обѣ теоріи имѣютъ то важное

значение, что указывают на моменты, съ которыми считается общественная власть.

Всего болѣе выдерживаетъ критику 5) теорія закона, какъ основанія для права собственности. Общественная власть устанавливаетъ извѣстныя нормы, опредѣляющія условія, при которыхъ возникаетъ право собственности. Освящая такія условія, государство принимаетъ въ разсчетъ и хозяйственную природу человѣка, и завладѣніе, и трудъ. Сочетая эти начала въ опредѣленномъ отношеніи и создавая нормы права, государство даетъ и юридическую защиту извѣстнымъ видамъ права собственности. Эти нормы измѣняются по мѣрѣ того, какъ измѣняются условія общественной жизни. Создавая право собственности, государство можетъ во всякое время измѣнить его; но при этомъ оно должно считаться съ послѣдствіями, которыя повлечетъ за собой измѣненіе; оно должно взвѣшивать выгоды и неудобства, которыя могутъ отсюда происходить. Чѣмъ ниже уровень общественного развитія, тѣмъ болѣе склонна государственная власть отожествлять выгоды отдельныхъ лицъ съ интересами цѣлой страны. Наоборотъ, чѣмъ уровень развитія выше, тѣмъ болѣе вѣроятія, что измѣненія въ правѣ собственности выгодны для всего народа.

Есть-ли основаніе считать право частной собственности священнымъ и неизмененнымъ? Конечно, да, если священны способы, которыми пріобрѣтается это право. Именно этими способами и должно быть посвящено особое вниманіе законодателя. Въ юридической жизни каждого общества мы находимъ черты, которыя доказываютъ намъ, что право собственности создается обычаемъ и закономъ, и открываютъ побужденія, которыми руководствуется общественная власть. Извѣстно юридическое значение давности. Давность, какъ основаніе для права, собственности, не можетъ быть приведена въ связь ни съ одной изъ первыхъ четырехъ теорій: это — созданіе положительного права, которое опредѣляетъ, что извѣстное отношеніе лица къ вещи въ теченіе такого-то срока установляетъ право собственности. Ясны и побужденія, въ силу которыхъ право собственности приводится въ связь съ временемъ: государство, заинтересованное въ правильномъ теченіи хозяйственной жизни, не можетъ навсегда оставить вещь ничьею. Другимъ поучительнымъ примѣромъ этого рода служить авторское право, сравнительно новаго происхожденія, право на изобрѣтенія и т. п. Приравнивая праву собственности на вещи право автора на плоды его духовнаго труда, законъ создалъ новый видъ права собственности, неизвѣстный нашимъ предкамъ. Этотъ новый видъ тѣсно связанъ съ техническими изобрѣтеніями, благодаря которымъ явились новые способы воспроизведенія научной мысли и художественного творчества. Сошлемся также на юри-

дическія лица. Почему акціонерная компанія имѣть право собственности на капиталы и недвижимое имущество? Потому, что законъ создаетъ ея право и обеспечиваетъ его защитой. Мысль объ измѣненіи права частной собственности и о созидающей дѣятельности государства въ этой сфере прекрасно выражена слѣдующими словами С. Симона: „Необходимъ законъ, установляющій право собственности, а не законъ, устанавливающій его тѣмъ или другимъ способомъ. Общество зависитъ отъ сохраненія права собственности; но оно не зависитъ отъ сохраненія закона, который первоначально освятилъ это право“ ⁶).

На протаженіи исторіи можно прослѣдить за многочисленными измѣненіями права частной собственности. Современный бытъ характеризуется свободой лица и правомъ частной собственности на все веши, за очень немногими изъятіями. Поддерживая такой юридический порядокъ, государственная власть исходить изъ убѣжденія, что онъ наиболѣе выгоденъ для народного хозяйства, содѣйствуетъ наибольшей производительности труда и наиболѣе быстрому накопленію богатства. Дабы такое убѣжденіе хотя въ слабой степени соотвѣтствовало дѣйствительности, собственники орудій производства должны смотрѣть на себя, какъ на носителей известныхъ общественныхъ обязанностей ⁷), налагаемыхъ на нихъ интересами всего народного хозяйства. Имѣя въ своей власти естественные богатства страны, они должны бережно пользоваться ими, не истощати, ради ближайшихъ выгодъ, а сохранять въ интересахъ послѣдующихъ поколѣній. Направляя производство и руководя имъ, они должны содѣйствовать возможно большему росту успѣшности труда, возможно бережному обращенію съ материаломъ, удешевленію продуктовъ. Только при исполненіи этихъ обязанностей, право частной собственности на землю и капиталъ, невыгодное для распределенія народного богатства, обеспечиваетъ, по крайней мѣрѣ, успѣхи производства. Конечно, это даже въ слабой степени не соотвѣтствуетъ общественнымъ идеаламъ, и государственная власть должна стремиться къ такимъ измѣненіямъ въ правѣ собственности, которыя служить интересамъ всего народа.

Въ современномъ европейско-американскомъ обществѣ доходъ распредѣляется между населеніемъ въ разныхъ формахъ и подъ разными наименованіями. Однако, все виды доходовъ могутъ быть свѣдены къ тремъ основнымъ типамъ: 1) *заработка*—плата есть вознагражденіе за продаваемый трудъ; 2) *прибыль*—доля, поступающая владѣльцу капитала и предпринимателю и 3) *рента*—доля дохода, основывающаяся на качественныхъ различіяхъ земель и водь, которыми пользуются люди. Напомнимъ въ заключеніе, что все эти три вида дохода имѣютъ

своимъ источникомъ трудъ; съ этой стороны все они—родныя сестры. Но каждая часть занимаетъ на ряду съ другими определенное мѣсто и подчиняется особымъ законамъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КО ВТОРОЙ ГЛАВѢ.

1) Ср. въ особенности воззрѣнія Бастіа въ его „Harmonies économiques“ и Тьера въ его книгѣ „De la propriété“.

2) Эта мысль высказывалась нѣкоторыми меркантилистами: ср. *Condillac. Le commerce et le Gouvernement.* 1847, 267. См. критику этого положенія у *Маркса*, Капиталъ, I, 101 и дал.

3) Родбертусъ впадаетъ въ ошибку, когда утверждаетъ, что „земля и капиталъ въ обществѣ съ раздѣленіемъ трудомъ никогда не принадлежать работнику“ (*Zur Beleuchtung der soec. Frage*, 79, 80 и дал.). Мы опровергаемъ это положеніе ссылкою на крестьянъ-собственниковъ, самостоятельныхъ кустарей и артели.

4) *Hegel. Grundlinien d. Philos. d. Rechts*, 50.

5) Изъ школы Гегеля вышли самые выдающіеся противники права частной собственности на орудія производства: *Маркс*, *Лассаль*, *Энгельс*. Смотри объясненіе этого у *Lange. Arbeiterfrage*, 3 изд. 259—62.

6) *S. Simon. Oeuvres.* 1841. 265.

7) Припомнимъ, что Пётръ Великій видѣлъ въ торговой и промышленной дѣятельности службу на пользу государства.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Заработка плата.

Пособія. *Ab. Smith.* О богатствѣ народовъ. *Ricardo. Principles. Дж. Ст. Милль.* Основація. *v. Thünen. Der isolirte Staat.* II. *Herrmann. Staatswirth. Untersnch.* *Thornton. On Labour.* 1870. *Маркс.* Капиталъ, I. *Scheel. Theorie der socialen Frage.* 1871. *Lassalle. Kapital u. Arbeit. Rödbertus.* Zur Beleuchtung der socialen Frage. *Ею же.* Der Normalarbeitsstag въ еро „Kleine Schriften“. 1890. *Lange. Die Arbeiterfrage* 4 изд. 1879 и въ русск. переводѣ. *Walker. The Wages question.* 1888. *George. Progress and poverty.* *Shönberg. Handbuch.* I. *Rösler. Die Lehre vom Arbeitslohn.* 1861. *Engel. Der Preis der Arbeit.* 1866. *Ею же.* Der Wert des Menschen. 1883. *Schramm. Die Arbeit.* 1870. *Brentano. Das Arbeitsverhältniss gemäss dem heutigen Recht.* 1877. *Ею же.* Ueber das Verhältniss von Arbeitslohn u. Arbeitszeit zur Arbeitsleistung. 1893 и въ русск. переводѣ. *Taussig. Wages and Capital,* 1896. *Buch. Intensität der Arbeit.* 1896. *Sinzheimer. Lohn und Aufrechnung.* 1902. *Bernhard. Die Akkordarbeit in Deutschland.* 1908. *Most. Der Nebenerwerb in seiner volkswirthschaftlichen Bedeutung.* 1903. *Rüdiger-Miltenberg. Der gerechte Lohn.* 1904. *Saltz. Beiträge zur Geschichte u. Kritik der Lohnfondstheorie.* 1905. *Wilbrandt. Die Frauenarbeit, ein Problem des Kapitalismus.* 1906. *Salomon. Die Ursachen der ungleichen Entlohnung von Männer-u-Frauenarbeit.* 1906. *Schnetzer. Tarifgemeinschaften.* 1906. *Oertmann. Zur Lehre vom Tarifvertrag.* *Zeitschr. f. Socialwissens.* 1907, I. *Böhmer. Die Gewinnbeteiligung.* 1878. *Stiel. Die Gewinnbeteiligung der Arbeit.* 1905. *Epstein. Die Autonome Fabrik.* 1907. *Heissner. Die Gewinnbeteiligung der Arbeiter in Deutschland.* *Annal.d. deutsch. Reiches.* 1907, I. *Schmidt.*

Dog natürliche Arbeitslohn. *Staatswissen-Studien*. I, 1887. Исаевъ. Участіе рабочихъ въ прибыли предпріятія. Юрид. Вѣсти., 1879, IX и X. Н—онъ. Къ вопросу о соотношениі между длиной рабочаго дна и высотой заработной платы. Юр. Вѣсти., 1889, III. Герценштейнъ. Ученіе о фондахъ рабочей платы. Рус. Мысль, 1890, VI.

Заработной платой принято называть доходъ, получаемый человѣкомъ отъ продажи труда, какъ проявленія рабочей силы. Обычай усвоилъ для этого вознагражденія разныя наименованія: оплата простѣйшаго труда называется *заработной* или *рабочей* платой, а болѣе сложнаго, при которомъ необходимо болѣе напряженіе духовныхъ силъ — таковъ трудъ учителя, судьи, врача, художника—*жалованіемъ, гонораромъ* и т. д. Доходы тружениковъ различныхъ общественныхъ группъ имѣютъ ту общую черту, что являются результатомъ только приложенія рабочей силы; капиталъ не участвуетъ въ произведеніи этого дохода. Политическая экономія отводить наиболѣе мѣста изученію платы за простѣйшій трудъ, такъ какъ онъ выдѣляется своей массой изъ трудовъ, болѣе сложныхъ, и такъ какъ тяжелое положеніе рабочаго класса требуетъ особенного вниманія науки и наиболѣшей заботливости государственной власти.

Многіе писатели, начиная отъ англійскихъ классиковъ, упоминаютъ трудъ товару: какъ предприниматель продаетъ свой товаръ, такъ и рабочій продаетъ проявленіе своей рабочей силы и получаетъ за него условленную цѣну. Есть основаніе относить трудъ къ числу товаровъ, ибо законы, управляющіе тѣмъ и другимъ, имѣютъ много общаго. Но писатели, отожествляющіе трудъ съ материальными товарами, дѣлаютъ одну крупную ошибку: они не характеризуютъ особенностей, отличающихъ трудъ отъ товара. Это упущеніе было подмѣчено Торнтономъ. Особенности, отличающія трудъ отъ товара, состоять въ томъ, что трудъ не можетъ быть отдѣленъ отъ своего владѣльца. Покупатель труда въ огромномъ большинствѣ случаевъ подчиняетъ себѣ не только самъ трудъ—товаръ, но и его владѣльца—рабочаго, чего не бываетъ при продажѣ другихъ товаровъ. Вотъ важная особенность, которая дѣлаетъ необходимыми специальные мѣры государства въ примѣненіи къ этому товару.

Заработка плата имѣеть известный уровень, который и называется ея *высотою*. Послѣдняя выражается, во-первыхъ, въ тѣхъ продуктахъ, которые рабочій или получаетъ непосредственно отъ покупателя труда, или же приобрѣтаетъ самъ на полученные отъ послѣдняго деньги; во-вторыхъ, она выражается въ формѣ денегъ, то-есть, въ суммѣ денегъ, которую рабочій получаетъ отъ нанимателя. Есть такимъ образомъ двѣ формы выражений заработной платы: *реальная* и *денежная*. Первая имѣеть, особенно важное значеніе. Зная денежную плату рабо-

чихъ, мы можемъ сказать, что изъ нихъ получаетъ больше, но не можемъ судить о степени благосостоянія, которую она доставляетъ работнику. Для этого необходимо знать реальную рабочую плату. Только зная цѣны предметовъ потребленія, мы можемъ судить о томъ, насколько удовлетворяются потребности работника. И понятно: чѣмъ выше его заработка плата, хотя бы, выраженная въ деньгахъ, она представляла и незначительную величину; и наоборотъ, чѣмъ болѣе рабочий стѣсненъ въ удовлетвореніи своихъ потребностей, тѣмъ ниже его плата, хотя бы ея денежная величина была очень значительна. Итакъ, заработка плата можетъ быть высока и низка; но, говоря о ея *maximum'ѣ* и *minimum'ѣ*, всегда слѣдуетъ имѣть въ виду реальную плату.

Определеніе низшаго размѣра заработной платы, всего ранѣе сдѣланное англійскими классиками, и до сихъ поръ удержалось въ наукѣ. Подъ низшимъ уровнемъ платы разумѣются ту сумму, которая необходима для покрытия издержекъ производства на рабочую силу, способную поставлять трудъ въ данномъ количествѣ и опредѣленного качества. Каждое проявленіе рабочей силы сопряжено съ тратой вещества, которое должно быть пополнено, дабы собственникъ труда могъ непрерывно поставлять свой товаръ. Размѣры необходимыхъ потребностей и способы ихъ удовлетворенія не представляютъ только естественнаго явленія, зависящаго отъ физиологическихъ особенностей человѣка: они образуютъ явленіе общественное, которое зависитъ отъ климата, отъ уровня культуры. Такъ какъ собственникъ рабочей силы смертенъ, а есть постоянная потребность въ товарѣ—трудѣ, то въ смѣну умершихъ должны выступать новые поколѣнія, способныя также продавать свой трудъ. Для этого должны быть сдѣланы расходы на воспитаніе дѣтей, на обученіе ихъ работѣ. Поэтому, *minimum* платы соотвѣтствуетъ цѣнности предметовъ потребленія, необходимыхъ для работника и его семьи. Низшій уровень не представляетъ чего-либо постояннаго, неподвижнаго, такъ какъ необходимы потребности, которыми онъ опредѣляется, обнимаютъ не только существенные для поддержанія жизни потребности, но и тѣ, которые въ данное время столь распространены, что должны быть признаны общими и обычными.—Сравненіе потребностей рабочихъ разныхъ странъ въ одно и то же время или среди одного народа въ разныя эпохи обнаруживаетъ большія различія. Миллионы русскаго рабочаго люда довольствуются лаптами, тогда какъ англійскій или бельгійскій работникъ носитъ исключительно кожаную обувь. Можно подмѣтить то же относительно пищи, жилища, домашней утвари¹). Потребности духа представляютъ также большое разнообразіе: въ однихъ странахъ начальное

обученіе дѣтей рабочихъ стало обычнымъ; въ другихъ—оно считается излишнею роскошью. Итакъ, мы получаемъ два элемента, которыми опредѣляется minimum заработной платы и издержекъ на производство и сохраненіе рабочей силы. Первый элементъ составляетъ та сумма, которая нужна для удовлетворенія необходимыхъ физиологическихъ потребностей, каковы minimum пищи, одежды и жилища. Другимъ элементомъ являются тѣ потребности, которая не могутъ быть признаны существенно необходимыми для поддержанія жизни, однако, сдѣлались необходимы въ силу господствующихъ обычаевъ.

Въ тѣснѣйшей связи съ учениемъ о низшемъ уровнѣ заработной платы стоитъ такъ-называемый „желѣзный законъ Лассалля“. Въ дѣйствительности этотъ законъ не съ болѣшіемъ правомъ можетъ называться „закономъ Лассалля“, чѣмъ теорія происхожденія видовъ—теоріей известнаго ея почитателя Бюхнера: Лассаль только познакомилъ обширный кругъ людей съ тѣмъ, что признавали Тюрга²⁾, Ад. Смить и съ особенной точностью формулировалъ Рикардо.

Заработка плата, согласно съ этимъ закономъ, держится на известномъ уровнѣ; рабочій классъ, получающій ее, пользуется известными удобствами, подъ влияніемъ которыхъ способность человѣка къ размноженію дѣйствуетъ съ полной силой; а потому населеніе быстро возрастаетъ. Вслѣдствіе этого увеличивается предложеніе рабочихъ рукъ. Тогда заработка плата падаетъ до того, что жизненные потребности рабочаго класса не могутъ быть удовлетворены. Положеніе становится затруднительнымъ; болѣзнь и смертность усиливаются, а съ тѣмъ вмѣстѣ уменьшается и предложеніе рабочихъ рукъ. Это поднимаетъ на время заработную плату. Затѣмъ снова слѣдуютъ болѣе частые браки, усиленное предложеніе рабочихъ рукъ, паденіе платы и т. д. въ томъ же порядкѣ. Такимъ образомъ, заработка плата часто подвергается колебаніямъ, которые мѣшаютъ прочному благосостоянію рабочаго класса.

Здѣсь же умѣстно напомнить о дополненіи, которое сдѣлалъ Марксъ къ закону Рикардо. Невыгодное отношеніе между спросомъ на рабочія руки и ихъ предложеніемъ вызывается, по мнѣнію Маркса, не однимъ размноженіемъ людей: сходные результаты могутъ быть вызваны и успѣхами техники. Изобрѣтеніе новыхъ машинъ, которая облегчаютъ трудъ и позволяютъ производить большую массу продуктовъ, оказываетъ такое же влияніе при современномъ хозяйственномъ строѣ. Каждое изобрѣтеніе дѣлаетъ излишнимъ известное количество рабочихъ рукъ, то есть машины вытѣсняютъ живой трудъ. Увеличеніе постоянного капитала на счетъ оборотшаго уменьшаетъ источникъ, откуда поступаетъ заработка плата. Марксъ

собрали много фактовъ этого рода изъ исторіи англійской крупной промышленности. Вотъ почему этотъ послѣдній законъ, основаніе для котораго починается изъ области техники, служить дополненіемъ закона Рикардо. Не трудно понять, что техническія изобрѣтенія могутъ причинять невыгоды отдѣльнымъ общественнымъ группамъ только при нынѣшнемъ порядкѣ вещей, вслѣдствіе рѣзкаго отграничения заработной платы отъ другихъ частей общественного дохода. Сами по себѣ, техническія усовершенствованія выгодны для общества, ибо увеличиваютъ производительность труда. Временный избытокъ рабочихъ рукъ при введеніи новыхъ машинъ не причинилъ бы невыгоды какому-либо общественному классу, если бы сумма благъ, поступающихъ въ заработную плату, могла значительно увеличиваться на счетъ другихъ частей народнаго дохода.

Хотя все эти положенія упрочились въ наукѣ, однако, они требуютъ поправокъ и дополненій. Мы считаемъ ошибочнымъ ученіе, будто средній уровень, къ которому тяготѣтъ заработка плата, соотвѣтствуетъ наименьшему размѣру средствъ продовольствія, необходимыхъ для существованія работника. Посѣтимъ жилища огромнаго большинства работниковъ, занятыхъ на обширныхъ фабрикахъ или въ самыхъ мелкихъ ремесленныхъ заведеніяхъ — и картина скученности жильцовъ, недостатокъ свѣта, воздуха, тепла, убогая мебель и домашняя утварь не позволятъ намъ сказать, положа руку на сердце, что эта обстановка даетъ человѣку то, что крайне необходимо для его существованія. Будемъ слѣдить за многолюдными толпами работниковъ, когда они рано утромъ направляются къ обычному труду или по вечерамъ возвращаются въ свое жилище — и мы скажемъ, что ихъ оборванная одежда, не соотвѣтствующая даже самымъ скромнымъ требованиямъ относительно опрятности, которая предъявляются современной культурой, обыкновенно не защищаетъ ихъ отъ дождя и стужи. Приядемъ къ работникамъ, когда они, въ своихъ ли семьяхъ или во многолюдныхъ артеляхъ принимаются за обѣдь, и сомнительная доброкачественность съѣстныхъ припасовъ убѣдить насъ, что для поддержанія здоровья пища должна быть лучше, нежели та, которая доступна работнику.

Кто смотритъ на окружающее непредубѣжденымъ взоромъ, кто не разучился мыслить и чувствовать, тотъ навсегда остается подъ впечатлѣніемъ этихъ картинъ; его не сбьютъ съ позиціи самая краснорѣчивая разсужденія о томъ, что низшую заработную платой служить величина, удовлетворяющая необходимыя потребности работника и его семьи. Но не будемъ долго останавливаться на впечатлѣніи, которое производятъ отдѣльные, хотя бы и многочисленные факты, доступные нашему наблюденію. Обратимся къ статистикѣ и спросимъ ее, насколько зар-

ботная плата удовлетворяетъ необходимыя потребности работника? Оставляя въ сторонѣ размѣры заработной платы въ различныхъ видахъ труда, качество пищи, размѣры жилища, мы спросимъ статистику только о продолжительности жизни людей въ зависимости отъ ихъ занятія. На это мы получаемъ такой ответъ: сапожники живутъ въ среднемъ 49 лѣтъ, книгопечатники—48,3, портные—46,6, столяры—44,7, кузнецы—41,8, токари—41,6, камнетесы—33. А средняя жизнь чиновниковъ, капиталистовъ, лицъ духовнаго званія, оптовыхъ торговцевъ составляетъ 60—69 лѣтъ³⁾) Возьмемъ данные о смертности въ зависимости отъ размѣровъ жилищъ и высоты квартирной платы по частямъ города—и мы найдемъ, что въ мѣстностяхъ города, населенныхъ бѣдными, преимущественно рабочими людьми, съ низкой квартирной платой, смертность гораздо выше, нежели въ частяхъ города съ относительно большимъ числомъ богатыхъ обитателей. Для Парижа эту связь установилъ Виллерме еще въ 20-хъ годахъ прошлого вѣка: онъ вычислилъ, что за пятилѣтие 1822—26 гг. во II округѣ Парижа, со средней годовой платой за квартиру въ 605 франковъ, 1 умершій приходился на 71 жителя, а въ XII, населенномъ работниками различныхъ разрядовъ, со средней квартирной платой въ 148 франковъ, умиралъ 1 изъ 44. Мы имѣемъ однородныя данныя и для многихъ другихъ городовъ, въ томъ числѣ для Петербурга. Въ 80-хъ годахъ 19 вѣка средняя смертность составляла въ участкахъ Адмиралтейской части 18,6—20,3 на 1000 живущихъ, Литейной—20,6—22,6, а въ Выборгской—34,1—45,9; въ 3-мъ участкѣ Рождественской части смертность доходила даже до 52,4 на 1000. Сопоставляя цѣны квартиръ по этимъ частямъ города, мы находимъ для Адмиралтейской годовую плату за 1 комнату въ 130,9 и 152,9 рублей, въ Литейной 104,8, 107,6 и 119,9 руб., а въ Выборгской и Рождественской частяхъ только 36—79 рублей.—Подобные же факты наблюдены во многихъ странахъ въ огромномъ, поразляющемъ количествѣ.

Итакъ, данные относительно быта рабочихъ заставляютъ сдѣлать выводъ первостепенной важности,—что средняя жизнь работниковъ гораздо короче средней жизни людей, незанимающихся материальными трудомъ и что смертность въ рабочемъ классѣ гораздо болѣе велика, нежели въ другихъ общественныхъ группахъ.

Дабы примирить съ этими точными и убѣдительными данными то положеніе политической экономіи, будто заработка плата, въ среднемъ, покрываетъ необходимыя потребности работника и его семьи, мы должны допустить одно изъ двухъ: 1) или нужно предположить, что сравнительно краткая средняя жизнь работниковъ различныхъ разрядовъ является следствиемъ низкой платы, а самаго характера многихъ промышленныхъ занятій, или же 2) что краткая средняя жизнь работника есть

достаточная величина, что можно говорить об удовлетвореніи необходимыхъ потребностей работника, если оно позволяет ему дожить только до 40 лѣтъ, тогда какъ члены состоятельныхъ классовъ доживаютъ до 60 лѣтъ и болѣе.

Есть виды труда, которые, повидимому, заставляютъ приписать болѣзnenность и смертность въ рабочемъ классѣ не скучной платѣ и невозможности покрывать изъ нея необходимыя потребности, а самому характеру производства. Таковъ, напримѣръ, спичечный промыселъ, при которомъ работающій постепенно подвергается отравлению, таковы химические заводы, таковъ отчасти горный промыселъ и иѣкоторые другіе. Однако, большинство промышленныхъ занятій вовсе не связано съ условіями, разрушающими здоровье работника; столярный, кузнецкий, сапожный и другіе промыслы, по роду движений тѣла и по материаламъ, не могутъ быть признаны вредными для здоровья. Слѣдуетъ сказать то же о трудахъ прядильщиковъ, ткачей и многихъ другихъ, разъ работа производится въ свѣтлыхъ, просторныхъ помѣщеніяхъ, что въ известной мѣрѣ обеспечивается фабричными законами. А потому, краткая средняя жизнь работниковъ должна быть приписана только недостаточному доходу, который не покрываетъ потребностей, необходимыхъ для поддержанія жизни и здоровья. Недостаточное содержаніе выражается въ различныхъ формахъ: или работникъ получаетъ плату, которую можно было бы признать довольно высокой при среднемъ количествѣ труда (напримѣръ, для 8-часового рабочаго дня), но исполняетъ чрезмѣрно большое количество работы; или продолжительность рабочаго дня можетъ быть признана нормальною, но плата не покрываетъ потребностей, или же—что бываетъ особенно часто—недостаточная плата соединяется съ чрезмѣрно длиннымъ рабочимъ днемъ. Въ какой бы, однако, формѣ ни выражалось недостаточное вознагражденіе за трудъ—основная причина всегда одна и та же: работникъ соглашается работать слишкомъ много сравнительно съ требованіями гигіиены и получать за это плату, едва покрывающую его потребности, только потому, что не можетъ добыть эту плату нормальнымъ количествомъ труда, которое не препятствуетъ сохраненію здоровья.

Остается второе предположеніе,—что средняя жизнь въ 35—40—45 лѣтъ есть достаточная величина. Если такъ, то нужно признать достаточной самую низкую плату, разъ она не мѣшаетъ работнику достигнуть этого невысокаго средняго возраста. Конечно, ни чувство гуманности, какъ бы оно ни было слабо, ни здравый смыслъ не позволяютъ принять такое предположеніе. Кто не считаетъ работника орудіемъ производства, а признаетъ въ немъ, какъ и въ каждомъ человѣкѣ, свободную и самоцѣльную личность, тотъ не можетъ считать нормальною

среднюю жизнь въ 40 лѣтъ, если люди зажиточныхъ классовъ доживаютъ въ среднемъ до 60—70. Эту, возможно долгую въ современныхъ общественныхъ условіяхъ, жизнь мы считаемъ нормальною. Всякое отклоненіе отъ этого уровня внизъ, если оно не можетъ быть объяснено особенностями данного занятія, должно быть приписано чрезмѣрному труду и недостаточному доходу, непозволяющему покрыть самыя необходимыя потребности, удовлетворить наименьшія требования гигиены относительно пищи, одежды, жилища.

Почему же въ наукѣ такъ прочно держится положеніе, что низший размѣръ заработной платы покрываетъ необходимыя потребности работника и его семьи? По нашему убѣжденію, прочность этой теоріи должна быть объяснена прежде всего особенностями приемовъ, которыми пользовались старые экономисты при оцѣнкѣ явлений общественного хозяйства. Преобладала точка зрѣнія частнаго хозяйства. Адамъ Смитъ, въ еще большей степени Рикардо и ихъ послѣдователи оцѣнивали народное хозяйство такъ, какъ то дѣлаетъ частный предприниматель. Посвящая главное вниманіе вопросамъ производства, Адамъ Смитъ и его продолжатели исходили изъ предположенія, что заработка плата должна быть признана покрывающею необходимыя потребности, если она обеспечиваетъ промышленности такое количество рабочихъ рукъ, какого въ данное время требуетъ производство. Еще не былъ поставленъ вопросъ, на сколько высота заработной платы, обеспечивающая для страны нужное ей число рабочихъ рукъ, соотвѣтствуетъ той массѣ благъ, которая удовлетворяетъ потребности человѣка, необходимыя съ точки зрѣнія гигиены. Быть рабочихъ классовъ еще не было предметомъ научнаго изслѣдованія. Многостороннія и точныя статистическія изысканія были еще дѣломъ будущаго. Но съ конца первой четверти 19-го вѣка общественный строй сдѣлался предметомъ особенно рѣзкой критики. Экономисты, моралисты, правительственные статистики собрали огромное количество данныхъ о бѣдности массы населенія. Начиная отъ французского экономиста Симонда-де-Сисмонди, тянется длинный рядъ писателей, посвятившихъ большое вниманіе вопросу о распределеніи народного дохода. Если, поэтому, у позднѣйшихъ писателей, даже такихъ, какъ Лассаль и Марксъ³⁾, мы встрѣчаемъ положеніе, что заработка плата покрываетъ необходимыя потребности работника, то должны признать въ немъ отголосокъ предыдущаго периода, неточное формулированіе мысли, вѣрной по существу, ибо данные изъ быта рабочихъ, на которых опиралось это положеніе, представляли мрачную картину и вовсе не способствовали оптимистическимъ заключеніямъ. Итакъ, скажемъ мы, средний уровень заработной платы достаточенъ для снабженія производства необходимымъ числомъ

рабочихъ рукъ, но стоитъ гораздо ниже величины, необходимой для работника согласно съ низшими требованиями жизни.

Нашему положению противорѣчить, повидимому, общепризнанный въ политической экономіи законъ, что, съ паденiemъ платы ниже уровня необходимыхъ потребностей, въ рабочемъ классѣ усиливается смертность, которая влечетъ за собою недостатокъ рабочихъ рукъ, ослабленіе между ними соперничества и повышеніе платы. Мы устранимъ это противорѣчіе замѣчаніемъ, что сохраненіе жизни и здоровья работника, какъ самоцѣльной личности, есть величина, вовсе не совпадающая съ сохраненіемъ рабочей силы для цѣлей производства. Согласно съ законами физіологии, первая величина выражается такою жизненной обстановкой, при которой человѣкъ можетъ прожить, по крайней мѣрѣ, 70 лѣтъ и сохранить свою полную силу до 55—60. Производство же всегда имѣеть къ своимъ услугамъ достаточный запасъ рабочихъ рукъ, если жизнь большинства людей сокращается на 10—15 лѣтъ, и человѣкъ сохраняетъ полную силу только до 40. Способность людей къ размноженію настолько велика, что, даже при высокой смертности въ большинствѣ населенія, число жителей возрастаетъ, и каждое послѣдующее поколѣніе располагаетъ большимъ числомъ работниковъ, нежели предыдущій періодъ. Это краснорѣчиво доказывается ростомъ населенія въ Россіи: оно удвоивается въ теченіе 65 лѣтъ, при огромной смертности, особенно въ деревняхъ, достигающей 40 на 1,000 живущихъ. А потому, господствующій въ политической экономіи законъ соотношенія между заработной платой и населеніемъ долженъ получить такое толкованіе: при средней платѣ, въ рабочихъ классахъ господствуетъ сильная смертность, далеко превосходящая смертность въ другихъ классахъ населенія; когда же плата опускается ниже этого уровня, то смертность начинаетъ превышать рождаемость. Результатомъ вымирания служитъ уменьшеніе числа рабочихъ рукъ, ихъ недостаточность для поддержания производства въ существующихъ размѣрахъ.

Мы считаемъ нужнымъ сдѣлать дополненіе къ вышеупомянутому закону, установленному Марксомъ. Каждое крупное техническое изобрѣтеніе, какъ справедливо говорить Марксъ, уменьшаетъ число рабочихъ рукъ, необходимыхъ для промышленности. Но это явленіе, обнаруживающееся въ острой формѣ послѣ крупныхъ промышленныхъ изобрѣтеній, хронически существуетъ всегда, во всѣ эпохи и при всѣхъ доселѣ гospодствовавшихъ формахъ хозяйственной жизни. Признакомъ избытка въ какомъ-либо благѣ служить небрежное къ нему отношеніе: непользованіе частью это блага и небережливое пользованіе тѣмъ запасомъ, который поступилъ въ хозяйственный оборотъ. Избытокъ рабочихъ рукъ выражается при рабовладѣль-

ческомъ хозяйствѣ во второй формѣ, въ томъ, что господинъ даетъ рабу недостаточное содержаніе и прежде временно истощаетъ его силу. То же наблюдается въ хозяйствѣ, основанномъ на труде крѣпостныхъ. При господствѣ наемнаго труда, избытокъ рабочихъ рукъ выражается въ томъ, что множество людей въ возрастѣ полной рабочей силы не находятъ себѣ занятія. Запасной арміей рабочихъ располагаетъ не только современное общество: ее образуютъ многочисленные бѣдняки и бродяги въ началѣ новаго времени, при господствѣ ремесла и мануфактуры, въ періоды, не отмѣченныя крупными техническими изобрѣтеніями. Наличность свободныхъ рабочихъ рукъ, знакомая предыдущимъ вѣкамъ, равно какъ и настоящему времени, есть результатъ слѣдующихъ, совмѣстно дѣйствующихъ причинъ: 1) Способность людей къ быстрому размноженію съ избыткомъ пополняетъ опустошенія, которые производить въ рабочихъ классахъ высокая смертность, а потому каждый предприниматель — рабовладѣлецъ, помѣщикъ, землевладѣлецъ — располагаетъ достаточнымъ запасомъ рабочихъ силъ. 2) Въ рабовладѣльческомъ и помѣщичьемъ хозяйствахъ право господина на личность рабовъ и крѣпостныхъ, возможность пользоваться благами жизни или съ очень малой затратой труда, или даже въ полной праздности парализуетъ развитіе правильнаго хозяйственнаго разсчета: послѣдній выражался бы въ бережномъ пользованіи силами рабовъ и крѣпостныхъ, въ лучшемъ содержаніи ихъ, въ охраненіи ихъ здоровья; все это служило бы средствомъ къ болѣе быстрому ихъ размноженію и увеличенію доходовъ господина. 3) Съ тѣхъ поръ, какъ наемный трудъ сталъ господствующимъ, развитіе правильнаго хозяйственнаго разсчета сдѣлало большия успѣхи. Предприниматель, стоящий во главѣ наемныхъ рабочихъ, ясно сознаетъ выгоды, которыя доставляется расширение предпріятія. Но преградой доставленію занятія всей запасной рабочей арміи служитъ малая доля народнаго дохода, поступающая въ заработную плату, слабая покупательная сила въ массахъ народа, а потому и невозможность найти сбыть для всего количества товаровъ, которое могло бы быть произведено всѣмъ рабочимъ населеніемъ данной страны.

Пояснимъ наше положеніе такимъ примѣромъ. Все рабочее населеніе страны состоять изъ 1.000.000 душъ; вслѣдствіе перевѣса рожденій надъ смертями число людей рабочаго возраста увеличивается єжегодно на 10,000 душъ; всѣ они могли бы получить работу лишь въ томъ случаѣ, если бы добавочное количество товаровъ, которое они произведутъ, могло найти себѣ сбыть. При достаточной производительности труда, какую даетъ не только фабричное, но и мануфактурное производство, потребности возрастающаго населенія могутъ быть удовлетво-

раемы трудомъ добавочныхъ 9,000 работниковъ. Такимъ образомъ изъ 10,000, на которыхъ увеличилось общее число работниковъ, 1,000 душъ не найдутъ занятія; образуя запасную рабочую армію, они станутъ въ ряды нищихъ, бродягъ, частію, преступниковъ.

Въ тѣсной связи съ воззрѣніями политической экономіи на средній уровень заработной платы стоять ученіе о такъ называемомъ *фондѣ заработной платы*. Это ученіе, развившись въ английской экономической литературѣ со временемъ Смита и, особенно, Рикардо, перешло оттуда на материкъ Европы. Согласно съ этимъ ученіемъ, вся совокупность благъ, изъ которыхъ выдается рабочая плата, есть величина, точно опредѣленная для данного времени, въ началѣ известнаго промышленного периода, положимъ, года. Если намъ известно, что эта сумма составляетъ 200 миллионовъ рублей, а число рабочихъ, между которыми она распредѣляется, равно одному миллиону, то, зная дѣлимо и дѣлителя, мы можемъ найти частное, то есть средній размѣръ заработной платы, въ данномъ случаѣ—200 рублей. Повышеніе заработной платы въ одной отрасли промышленности можетъ совершаться только одновременно съ пониженіемъ платы въ какой-либо другой отрасли, ибо размѣръ фонда не подлежитъ рѣакции измѣненіямъ.—Въ основаніи этой теоріи лежитъ оцѣнка народнаго хозяйства также съ точки зрѣнія предпринимателя. Хозяинъ предпріятія, составляя бюджетъ расходовъ, которыемъ требуетъ производство, считаетъ необходимымъ получить опредѣленную прибыль, соотвѣтствующую барышу въ другихъ однородныхъ предпріятіяхъ, и признаетъ возможнымъ уплатить рабочимъ такую-то сумму. Положимъ, что, при валовомъ доходѣ въ 100,000 рублей, изъ которыхъ 30,000 затрачено на покупку материаловъ, онъ считаетъ необходимымъ получить прибыль въ 35,000 и возможнымъ затратить 35,000 на заработную плату. Величина предпріятія зависитъ отъ размѣровъ постояннаго и оборотнаго капиталовъ, которыми располагаетъ предприниматель; а потому, при началѣ каждого промышленного периода, напримѣръ, года, онъ вносить въ смѣту то, что должно поступить въ заработную плату. Подобно этому и английскіе классики считали точно опредѣленной величиной всю сумму, которая въ началѣ каждого промышленного периода назначается на оплату рабочихъ во всѣхъ предпріятіяхъ данного народнаго хозяйства. Въ основѣ ученія о фондѣ заработной платы, какъ точно опредѣленной величинѣ, лежитъ мысль о неизмѣнности прибыли для известнаго промышленного периода.

Противъ этого ученія высказался еще Германнъ⁵). Онъ обратилъ вниманіе на то, что общественный доходъ, долюю котораго покрывается заработка плата, есть запасъ не всегда

одинаковый: а потому подвергается колебаніямъ и та сумма, которая поступаетъ въ уплату рабочимъ. Другое возраженіе сдѣлалъ англійскій экономистъ Торntonъ, а вслѣдъ за нимъ Брентано⁶). Повышение платы въ разныхъ отрасляхъ, вызванное удачными стачками рабочихъ въ однихъ случаяхъ и настоятельными требованиями союзовъ рабочихъ къ хозяевамъ въ другихъ—привело этихъ писателей къ заключенію, что прибыль не есть постоянная величина, что она можетъ уменьшаться, что часть прибыли можетъ поступать въ заработную плату и увеличивать вознагражденіе за трудъ. Отмѣченная Торntonомъ успешная борьба союзовъ рабочихъ съ предпринимателями изъ-за размѣровъ платы побудила и Дж. Стюарта Милля отказаться въ концѣ жизни отъ теоріи заработка фонда, которой онъ держался въ шести первыхъ изданіяхъ своей *Политической экономіи*.

Принципіальная, а потому и болѣе вѣсія возраженія были сдѣланы противъ этой теоріи Родбертусомъ, Уокеромъ и Джорджемъ⁷). Различаясь въ способахъ аргументированія, все трое сходятся относительно одного основнаго положенія,—что заработка плата поступаетъ не изъ капитала, уже существующаго въ началѣ даннаго промышленнаго периода, а изъ дохода. Познакомимся съ приемами, которыми пользуется Джорджъ для развитія этой мысли.

Джорджъ ссылается прежде всего на первобытное хозяйство, стоящее особнякомъ, въ связи съ другими частными хозяйствами. Въ такомъ хозяйствѣ работающій содержитъ себя не на запасы, предварительно накопленные, а на только что изготовленные продукты. Робинзонъ не потому можетъ работать надъ выдалбливаніемъ лодки изъ дерева, что имъ предварительно накоплены запасы пищи, которыми онъ и кормится при производствѣ члена: онъ можетъ спокойно работать часть дня надъ изготавленіемъ членка, если другая часть времени посвящена добыванію пищи. И въ современномъ обществѣ съ его раздѣленнымъ трудомъ есть формы вознагражденія работника, который ясно обнаруживаетъ, что плата поступаетъ не изъ капитала, а изъ продукта. Таково половничество: когда убрана жатва, то изъ нея получаются свою долю землевладѣлецъ и свою плату работникъ. Сходно съ этимъ положеніе рыболовнаго промысла, гдѣ платой работнику служить известная доля улова. Слѣдуетъ сказать то же о всѣхъ другихъ отрасляхъ производства, хотя во многихъ поступление заработной платы изъ продукта не обнаруживается съ такою очевидностью. Прослѣдимъ, говорить Джорджъ, за предпринимателемъ въ теченіе недѣли. Въ понедѣльникъ, когда начинается производство, капиталъ состоить изъ опредѣленныхъ запасовъ хлопка, шерсти или кожи, которые должны быть превращены въ одежду,

утварь и обувь. Предположимъ, что въ теченіе недѣли хозяинъ, ничего не покупалъ для производства, а въ субботу выдалъ плату своимъ рабочимъ. Если—какъ то обыкновенно и бываетъ—производство было выгодно, то въ концѣ недѣли его капиталъ, представляемый окончеными продуктами, имѣть большую цѣнность, нежели въ началѣ недѣли. „Очевидно, что цѣнность, которую онъ, въ видѣ платы, выдалъ своимъ работникамъ, была взята не изъ его капитала и не изъ чьего-либо капитала, а изъ цѣнности созданной именно этимъ трудомъ... Не имѣть существенного значенія тотъ моментъ, когда выдается заработка плата, несомнѣнно только одно,—что она выдается по окончаніи работы“ ⁸⁾). Не будемъ забывать, что производительные процессы совершаются одновременно въ разныхъ отрасляхъ промышленности и что для каждого работника въ то время, когда онъ занятъ изготавленіемъ, напримѣръ, обуви, другіе рабочие производятъ хлѣбъ, мясо, домашнюю утварь, одежду, которые онъ, черезъ посредство денегъ, вымѣниваетъ на долю продуктовъ своего труда, то есть, обуви, поступающую ему въ заработную плату. Уокеръ опровергаетъ теорію фонда заработной платы тѣмъ доводомъ, что предприниматель устанавливаетъ высоту заработной платы соразмѣрно съ барышами, которыхъ онъ ожидаетъ отъ производства, а не съ капиталомъ, которымъ онъ располагаетъ при началѣ промышленного года. Америка и другія молодыя страны, богатыя дарами природы, охотно принимаютъ даже тѣхъ переселенцевъ, которые не привозятъ съ собою капитала, то есть появленіе которыхъ въ странѣ, увеличивая дѣлителя (число рабочихъ) и оставляя безъ перемѣны дѣлимое (капиталъ), должно бы, согласно съ этой теоріей, понизить рабочую плату. Пониженія не замѣчается, такъ какъ ростъ населенія развиваетъ сотрудничество, увеличиваетъ производительность труда и содѣйствуетъ возрастанію заработной платы даже и при не измѣняющихся размѣрахъ капитала ⁹⁾.

Теорія фонда заработной платы, какъ она сложилась въ английской экономической литературѣ, не можетъ быть принята. Но нельзя согласиться вполнѣ и съ писателями, которые возражаютъ противъ этого ученія. Мы выяснимъ положеніе дѣла, если отвѣтимъ на два самостоятельныхъ вопроса: 1) изъ какого источника поступаетъ заработка плата? 2) представляетъ ли заработка плата неизмѣнную величину для данного промышленного периода?

Отвѣтная на первый вопросъ, мы скажемъ, что заработка плата поступаетъ изъ капитала и изъ дохода. Мы разумѣемъ подъ капиталомъ и денежныя суммы, которая облегчаютъ производство, и всѣ запасы хлѣба; одежды, обуви, топлива, домашней утвари, наличные при началѣ каждого промышлен-

шаго периода, положимъ, календарного года. Каждый предприниматель обладаетъ извѣстною частью этихъ продуктовъ или иль натурѣ, или же косвенно, чрезъ посредство денегъ и кредита; часть этихъ запасовъ и поступаетъ въ плату рабочимъ. Значительные для однихъ разрядовъ благъ и небольшие для другихъ, эти запасы безостановочно пополняются вновь создаваемыми продуктами, часть которыхъ также служитъ заработной платой. Можно доказать многочисленными примѣрами, что фондомъ заработной платы служить не одинъ доходъ, не продуктъ, создаваемый работникомъ непосредственно предъ получениемъ платы, но и капиталъ. Подрядчикъ, нанимая плотниковъ для постройки дома, нерѣдко даетъ имъ часть платы, въ видѣ задатковъ, за нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ до начала ихъ работъ. Землевладѣлецъ осушаетъ свои болота; работники, прорывающіе канавы, получаютъ плату изъ существующихъ запасовъ за много недѣль, мѣсяцевъ, а иногда и лѣтъ до того времени, когда возрастетъ цѣнность осушенного участка земли и обнаружится результатъ осушительныхъ работъ. Предприниматель нанимаетъ рабочихъ для добыванія золота; работники получаютъ свою плату, хотя бы золотые розыски оказались очень бѣдными и были брошены за бездоходностью. Рабочіе ведутъ просѣки и ставятъ вѣхи при изысканіи направлениія, которое должна принять желѣзная дорога. Изъ многихъ намѣченныхъ линій отдается предпочтеніе только одной; слѣдуетъ считать образователемъ цѣнности только тотъ трудъ, который былъ затраченъ для изученія именно этой линіи. Однако, плату получили и работники, проводивши линіи, которая позднѣе были заброшены. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ работники или вовсе не создаютъ цѣнности, которая могла бы покрыть заработную плату, или же создаютъ ее, но она входитъ въ составъ частнаго и народнаго имущества только чрезъ продолжительное время по окончаніи работы. Именно во всѣхъ такихъ случаяхъ очевидно поступление платы изъ капитала предпринимателя. И если Джорджъ ссылается¹⁰⁾ на большую часть предметовъ пищи, потребляемыхъ богачемъ и бѣднякомъ, какъ на результатъ труда за послѣднія недѣли, то мы противопоставимъ этому хлѣбъ въ зернѣ, заготовленный отъ послѣдней жатвы, т. е. 6—8—10 мѣсяцевъ тому назадъ, лѣсные материалы, домашнюю утварь, разные фабрикаты, произведенные за 2—3 послѣднихъ года. Замѣтимъ также, что сравненіе Робинзона, который ведетъ свое убогое хозяйство на необитаемомъ островѣ, со сложнымъ экономическимъ бытомъ нашего времени часто приводить къ невѣрнымъ заключеніямъ. Всегда нужно помнить, что въ общественномъ хозяйстве развиваются такие свойства, которые неизвѣстны первобытному частному хозяйству.

И такъ, фондомъ заработной платы служить капиталъ пред-

принимателя и продуктъ, производимый работникомъ. Смѣшанный фондъ вовсе не мѣшаеть заработной платѣ быть измѣнчивой величиной въ теченіе известнаго промышленного периода, положимъ, года. Она была бы точно опредѣленной величиной лишь въ томъ случаѣ, если бы вторая доля продукта—прибыль—представляла такую же неизмѣнную величину, а этого нѣть въ дѣйствительности. Возьмемъ напримѣръ, многія изъ русскихъ промышленныхъ предприятій съ ихъ чистымъ барышомъ въ 30, 40, 50%. Гдѣ, спрашивается, основаніе для того, чтобы барышъ достигалъ такой высоты и предприниматель удвоивалъ свой капиталъ въ 2—3 года? Какая необходимость въ томъ, чтобы барышъ составлялъ 40, а не 15%? Высокий барышъ и низкая заработка плата объясняются одной причиной—невыгоднымъ положеніемъ рабочихъ, ихъ невозможностью получить болѣе высокую плату, а отнюдь не какою-либо необходимостью съ точки зрења всего народнаго хозяйства. Если бы барышъ уменьшился на половину, составилъ не 30, а только 15%, то капиталистъ-предприниматель могъ бы удвоить свой капиталъ не въ 3—4 года, а въ 6—8 лѣтъ, а болѣй доходъ работниковъ, увеличивая ихъ покупательную силу, способствовалъ бы развитію производства. Словомъ, нѣть необходимости, чтобы въ прибыль поступала именно та доля продукта, которая поступаетъ; нѣть необходимости, чтобы известная доля прибыли не послужила добавкой къ рабочей платѣ. Смѣшанный характеръ фонда заработной платы не измѣняетъ положенія дѣль. Допустимъ, что изъ всего капитала, которымъ страна располагаетъ къ началу промышленного периода, 100,000,000 предназначены на поступление въ заработную плату, а 100,000,000 въ прибыль, и что изъ общей массы цѣнностей, которая производится въ теченіе года, въ прибыль и заработную плату поступаетъ также по 100 миллионовъ. Такъ какъ прибыль не представляетъ неизмѣнной величины, то заработка плата, при благопріятныхъ для рабочаго класса условіяхъ, можетъ повыситься до 150 миллионовъ изъ капитала и 150 миллионовъ изъ продукта и оставить на долю прибыли по 50 миллионовъ изъ каждого источника. Иначе говоря: при благопріятныхъ условіяхъ, рабочій классъ можетъ получить, какъ изъ существующихъ предметовъ потребленія, такъ и изъ производимыхъ въ данномъ промышленномъ периодѣ сумму, въ $1\frac{1}{2}$ раза большую. Заработка плата можетъ, однако, повышаться и не на счетъ прибыли. При низкомъ уровнѣ гражданственности орудія и пріемы труда измѣняются очень медленно; нужны цѣлыя поколѣнія даже для того, чтобы совершились частичные улучшенія техники. Но разъ промышленность достигла того высокаго развитія, которое отличаетъ европейско-американскій міръ, техническія изобрѣтенія быстро слѣдуютъ другъ за другомъ. Если предприниматель стоитъ на высотѣ

современной техники и внимательно следить за ся успехами, то даже такой краткий промышленный периодъ, какъ одинъ годъ, не проходитъ для его производства безъ существенныхъ улучшений: вводятся новые машины и приемы, которые увеличиваютъ успешность труда, или способы болѣе бережнаго пользованія главными и вспомогательными материалами. Каждое нововведеніе прямо или косвенно повышаетъ производительность труда: если въ началѣ промышленного периода цѣнность всѣхъ продуктовъ, которые должны были быть изготовлены за годъ, опредѣлялась въ 100,000 рублей, а издержки производства, включая и заработную плату, въ 70,000 рублей, то техническія усовершенствованія въ теченіе года или поднимаютъ цѣнность продуктовъ до 110,000 или же (сбереженія на сырьѣ, на топливѣ, краскахъ, смазочныхъ материалахъ) понижаютъ издержки до 60,000. Въ обоихъ случаяхъ прибыль поднимается съ 30,000 на 40,000. Добавочные 10,000 рублей могутъ лойдти на увеличеніе заработной платы безъ уменьшенія прибыли.

Наибольшая высота заработной платы опредѣляется степенью производительности труда. Первая прямо пропорциональна послѣдней. Плата, повышаясь, можетъ поглотить весь продуктъ, за исключеніемъ поземельной ренты, обычаго процента и небольшой части прибыли. Плата не можетъ поглотить всю прибыль, ибо это равносильно уничтоженію частно-капиталистического производства. Вслѣдствіе экономически-объективнаго значенія прибыли, которое будетъ указано ниже, работникъ не могъ бы получить весь продуктъ и при общественной формѣ производства. Тюненъ сдѣлалъ попытку вычислить maximum платы при частно-капиталистическомъ производствѣ. Онъ, по мнѣнію Тюнена, равняется излишку, который произведенъ послѣднимъ, принятымъ въ предпріятіе, работникомъ. Предприниматель расширяетъ производство, увеличиваетъ число рабочихъ въ надеждѣ на большія выгоды. Работники, принятые позднѣе, получаютъ увеличенную плату, которая становится нормой и для всѣхъ ранѣе поступившихъ работниковъ, одинаково искусственныхъ. Но расширение предпріятія имѣть свой предѣлъ: оно останавливается, когда плата послѣдняго работника, составляющая maximum, поглощаетъ всю избыточную цѣнность, которую онъ можетъ произвести. Здѣсь *полезность труда* для нанимателя достигаетъ высшаго уровня, за который не можетъ переступить заработка плата.

Предположимъ, что въ предпріятіи А 200 работниковъ производятъ ежегодно на 100,000 рублей, что на материалы расходуется 40,000 рублей, средняя заработка plata составляетъ 150 рублей, а годовая прибыль—30,000 р. Успешный сбытъ товаровъ побуждаетъ предпринимателя расширить производство: напр., еще 50 работниковъ, онъ увеличиваетъ плату до 200 руб-

лей каждому, въ итогѣ—до 50,000 р. Если теперь 250 работниковъ, при затратѣ 50,000 рублей на материалы, благодаря болѣе цѣлесообразной организаціи труда, произведутъ на 135,000 рублей, то прибыль составить только 35,000 рублей, т.-е. относительно менѣе, нежели до расширенія предпріятія. Хозяину будетъ, такимъ образомъ, невыгодно поднять заработную плату до 200 рублей; нужно искать *maxимум* платы между 150 и 200 рублей.

Резюмируя все сказанное, мы установимъ такое положеніе: низшій размѣръ платы соотвѣтствуетъ тѣмъ потребностямъ работника, удовлетвореніе которыхъ необходимо для обеспеченія производству достаточнаго числа рукъ; высшій—опредѣляется полезностью труда для нанимателя. Плата постоянно колеблется между двумя крайними предѣлами—*maxимумомъ* и *минимумомъ*. Это колебаніе обусловливается двойнымъ соперничествомъ: соперничествомъ въ средѣ рабочихъ и въ средѣ предпринимателей. Каждый членъ того и другаго ряда дѣйствуетъ подъ вліяніемъ личнаго интереса. Каждый рабочій желаетъ получить возможно большую плату; каждый предприниматель—дать самое низкое вознагражденіе за трудъ. Но каждый испытываетъ на себѣ давленіе всѣхъ членовъ своего ряда. Рабочій боится, чтобы другіе рабочіе не понизили своихъ требованій и не оставили его безъ занятія. Каждый предприниматель опасается, чтобы его товарищи не предложили нанимающимся болѣе выгодныхъ условій и не оставили его безъ рабочихъ. Отсюда и происходять колебанія заработной платы; она то возвышается (крайне рѣдко и не надолго поднимаясь въ единичныхъ отрасляхъ промышленности до *maxимум*а), то понижается, спускаясь къ *минимуму*. Такимъ образомъ, можно сказать о заработной платѣ, что она опредѣляется отношеніемъ между числомъ рабочихъ рукъ и запросомъ на трудъ со стороны всего общества чрезъ посредство предпринимателей.

Классическая политическая экономія разсматриваетъ всю массу рабочихъ, какъ одно безразличное цѣлое; она исходить изъ предположенія, что сила соперничества дѣйствуетъ внутри всей этой массы. Но это неправильно: соперничество между рабочими обнаруживается въ отдельныхъ кружкахъ, на которые могутъ быть разбиты всѣ рабочіе даннаго общества. Сводя къ возможному единству все разнообразіе ихъ услугъ, мы можемъ образовать нѣсколько обширныхъ круговъ, на которые распадаются трудящіеся члены общества; каждая группа имѣть свои отличительныя особенности. Первую самостоятельную группу образуютъ тѣ лица, которымъ или занимаются, по господствующему воззрѣнію, особенно высокое положеніе (высшіе государственные чиновники, управляющіе крупными частными предпріятіями), или обладаютъ выдающимися способностями въ разныхъ свободныхъ профессіяхъ (врачи, адво-

ката, актеры, литераторы). Соперничество действует въ этой сферѣ очень слабо; вознаграждение членовъ этого круга опредѣляется обычаемъ. Потребители такъ оплачиваютъ услуги этихъ лицъ, что они вѣнчимъ образомъ могутъ занимать высокое общественное положеніе; ихъ заработка плата много-кратно превосходитъ то, что нужно для покрытия физиологически необходимыхъ потребностей. Вторую группу образуютъ люди, которые оказываютъ услуги средняго качества, относящіяся къ видамъ квалифицированного труда. Соперничество между работниками этого круга рѣдко достигаетъ большаго напряженія: у всѣхъ, пользующихся услугами этихъ тружениковъ, прочно держится убѣжденіе, что они должны вести извѣстный образъ жизни, занимать извѣстное положеніе. Этимъ руководствуется государство, опредѣляя размѣры жалованья чиновниковъ; изъ этого же положенія исходятъ разныя общественные учрежденія и частныя лица, когда оплачиваютъ трудъ, болѣе или менѣе квалифицированный (трудъ служащихъ въ банкахъ, конторахъ, завѣдующихъ отдельными отраслями въ промышленныхъ заведеніяхъ). Однако, въ простѣйшихъ видахъ этого труда соперничество действуетъ съ большой силой, и плата (народнымъ учителямъ, самымъ мелкимъ чиновникамъ, низшимъ служащимъ въ торговыхъ и промышленныхъ заведеніяхъ) опускается на уровень необходимыхъ потребностей и даже ниже.

Послѣднюю, особенно многочленную группу образуютъ сельские и фабричные работники, частію, ремесленники; трудъ этихъ людей оплачивается наиболѣе низко. Соперничество проявляется здѣсь съ полной силой; пониженіе заработной платы не находить даже слабаго противовѣса въ господствующемъ убѣжденіи, что работники должны вести извѣстный образъ жизни. Успѣхи техники усиливаютъ соперничество, такъ какъ все большее число рукъ получаетъ доступъ къ промышленности. Если въ странѣ господствуетъ ремесленное производство, то отъ рабочаго требуютъ значительной тѣлесной силы; въ этомъ случаѣ соперничество между рабочими сводится къ соперничеству только взрослыхъ людей, физически развитыхъ. При фабричномъ производствѣ соперничество достигаетъ наибольшей степени: очень многіе виды труда могутъ быть исполнены дѣтьми десати-двѣнадцати лѣтъ и моложе. Въ соперничествѣ принимаютъ такимъ образомъ участіе и подростающія поколѣнія. Мы можемъ, поэтому, сказать, что съ развитiemъ техники и фабричного производства создаются условія для наиболѣшаго развитія соперничества между рабочими. Помимо этого, прямаго соперничества, ограниченаго предѣлами данной страны, оно бываетъ и косвеннымъ, исходить отъ другихъ народовъ; болѣе дешевые товары, ввозимые изъ за границы,

уменьшаютъ въ данной странѣ производство по нѣкоторымъ отраслямъ и, по крайней мѣрѣ, временно ослабляютъ спросъ на рабочія руки.

Упомянемъ о нѣкоторыхъ частныхъ причинахъ пониженія рабочей платы. Къ таковымъ относятся: 1) Соперничество обеспеченныхъ любителей, которые, имѣя постоянный источникъ дохода, изъ любви къ дѣлу посвящаютъ себя данному занятію. Джонъ Стюартъ Милль указываетъ на литературный трудъ, какъ на область, где соперничество любителей особенно значительно и где оно содѣйствуетъ пониженію платы. 2) Занятіе извѣстнымъ дѣломъ, какъ подсобнымъ, при наличности другаго источника дохода. Такіе работники цѣнятъ свой подсобный трудъ очень дешево, а потому и служатъ опасными соперниками для людей, которые исключительно предаются этому занятію: издѣлія кустарей, монаховъ, заключенныхъ въ темницы очень дешевы именно вслѣдствіе этой причины; они успѣшно соперничаютъ съ издѣліями городскихъ ремесленниковъ. 3) Замѣтимъ здѣсь же, что трудъ женщины, одинаковый съ трудомъ мужчины, оплачивается дешевле именно потому, что въ платѣ послѣднему содержится и доля на содержаніе семьи, чего нѣть въ платѣ первой.

Перечисленные условія дѣйствуютъ не обособленно, а совмѣстно, въ различныхъ сочетаніяхъ; они опредѣляютъ, какъ напряженность соперничества между рабочими, такъ и выгоды, извлекаемыя изъ него предпринимателями. Все изложенное позволяетъ сдѣлать о высотѣ заработной платы такое заключеніе: плата наиболѣе высока въ странахъ, где рѣдкое населеніе соединяется съ обилиемъ естественныхъ богатствъ и высоко развитой техникой старой цивилизациі (таковы колоніи европейцевъ въ другихъ частяхъ свѣта, такова отчасти и Сибирь)¹¹⁾. При состояніи противоположномъ, плата приближается къ своему низшему размѣру.

Тюненъ сдѣлалъ попытку опредѣлить *естественную* заработную плату, которая, по своей высотѣ, соотвѣтствовала бы требованіямъ справедливости. Для упрощенія задачи Тюненъ беретъ тѣ окраины обособленного государства, где удобная земля находится въ изобиліи и еще не приносить ренты. Онъ выдѣляетъ часть валового дохода для покрытия издержекъ на материалъ и долю прибыли въ вознагражденіе предпринимателя за его трудъ и рискъ; остатокъ долженъ быть распределенъ между процентами на капиталъ и заработной платой. Предположимъ, слѣдуй вычисленіямъ Тюнена, что человѣкъ, безъ помощи капитала, произвелъ въ годъ 110 единицъ; изъ нихъ онъ потребилъ 100, а 10 отложилъ для потребленія въ слѣдующемъ году, когда займется производствомъ капитала. Капиталъ, произведенный въ слѣдующемъ году, стоять также 110 единицъ. Естественная

доходность капитала измѣряется тѣмъ излишкомъ, который производить трудъ, вооруженный капиталомъ, надъ продуктомъ, который произвелъ трудъ безъ капитала. Если теперь, съ помощью капитала, произведены 150 единицъ, то 110 являются результатомъ текущаго труда, а 40 — излишкомъ, пристекающимъ отъ примѣненія капитала. Отсюда получается такая формула: капиталъ относится къ своему доходу такъ, какъ заработная плата къ доходу, который она произвела въ то время, когда трудъ былъ направленъ на производство капитала. Капиталъ здѣсь приводится къ труду и измѣряется количествомъ труда, затраченнымъ на его производство. Такимъ образомъ, естественная доля работника та, когда его плата за текущій трудъ (110 единицъ) равна платѣ за трудъ, направленный на производство капитала, съ помощью которого онъ работаетъ (110 единицъ), и только излишекъ (40 единицъ), образованный приложениемъ капитала, поступаетъ на долю процента. Если работникъ не имѣть этой платы, то, при обиліи свободныхъ и плодородныхъ земель, онъ оставитъ работу по найму и самостоительно займется земледѣлемъ. Тюненъ выражаетъ естественную плату формулой \sqrt{ap} , где p есть весь произведеній продуктъ, a — количество необходимыхъ для работника средствъ существованія, подъ условиемъ возможности для семьи работника воспитать двухъ дѣтей до возраста полной рабочей силы. Тюненъ не указываетъ на способы осуществленія своей теоріи, но считаетъ лучшимъ для этого средствомъ воздействиѳ государства на поднатіе народного образования. Большее духовное развитіе молодыхъ поколѣній будетъ удерживать ихъ отъ излишнаго размноженія, вселить въ нихъ уверенность, что лучше хорошо воспитать немногихъ людей, чѣмъ дурно — многихъ. Издержки на воспитаніе увеличиваются, а необходимость покрыть ихъ изъ заработной платы возвысить послѣднюю. Словомъ, Тюненъ ограничивается указаніемъ тѣхъ мѣръ воздействиѳя, которыя стали общимъ мѣстомъ во всѣхъ сочиненіяхъ по рабочему вопросу, а почитатель Тюнена Гельферихъ рѣшительно отказывается сдѣлать какіе-либо практическіе выводы изъ этой теоріи. Но заслуга Тюнена, по мнѣнію Гельфериха, состоить въ томъ, что онъ призналъ источникомъ зла отдаленіе работника отъ его произведеній и поставилъ требование, чтобы доля работника въ продуктѣ была приведена въ точное соотвѣтствіе съ его участіемъ въ производствѣ. „Новая истина, замѣчаетъ Гельферихъ, имѣть прежде всего цѣну сама по себѣ, по тому пріросту, который получаетъ отъ нея область, подчиненная господству разума. А кто можетъ напередъ ручаться, къ какимъ практическимъ результатамъ приведетъ наскѣ знаніе, въ началь чисто идеальное“ ¹²⁾.

Не слѣдуетъ упрекать какую-либо теорію за поприложи-

мость въ настоящее время или въ ближайшемъ будущемъ. Однако, теорія Тюнена и въ принципіальномъ отношеніи совершенно несостоятельна, такъ какъ затрудняетъ проведение границы между производствомъ безъ капитала и производствомъ, совершающимся при участіи капитала. Возьмемъ для примѣра мукомольную промышленность. Господствующимъ типомъ являются въ ней большія паровыя и водяныя мельницы, гдѣ трудъ одного работника производить въ сотни разъ больше, нежели то было въ сѣдую старину, при ручномъ размолѣ зерна. Считать ли въ этой промышленности „естественной“ заработной платой такое количество зерна, какое человѣкъ можетъ раздробить между двумя камнями, то есть безъ примѣненія капитала? Или, быть можетъ, мы возьмемъ за точку отправленія небольшую вѣтряную мельницу и признаемъ, что на ей трудъ прилагается почти безъ капитала? Работникъ, трудящійся безъ капитала, съ помощью первобытныхъ орудій, которыя даетъ природа, производить столь малое количество продуктовъ, что, слѣдя за теоріи Тюнена, нужно было бы не только не увеличить заработную плату въ Америкѣ, Австралии, Англіи, гдѣ она абсолютно высока, но даже отнять отъ нея значительную часть и отнести къ процентамъ на капиталъ.—Ошибка Тюнена есть необходимое слѣдствіе того, что за капиталомъ признается самостоятельная творческая сила. Если исходить изъ единствено вѣрного положенія, что капиталъ, въ какой бы мѣрѣ онъ ни увеличивалъ производительность труда, не обладаетъ творческой силой, пока къ нему не прикоснется рука работника, то нельзя прійті къ теоріи Тюнена, нельзя считать естественной заработной платой ту долю продукта, которая могла быть произведена безъ помощи капитала.

Объясняя ошибку Тюнена непригодностью его основнаго положенія, мы считаемъ необходимымъ связать естественную плату съ требованіями гигієны. Послѣдняя обеспечиваетъ каждой общественной группѣ наивысшую, возможную въ данное время среднюю жизнь и наименьшую смертность, если правильно удовлетворяются потребности въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ. А потому, естественная заработная плата начинается только тамъ, гдѣ доля продукта, получаемая работникомъ, удовлетворяетъ его физиологически-необходимыя потребности, приравниваетъ смертность и среднюю жизнь въ рабочихъ классахъ смертности и средней жизни въ болѣе обеспеченныхъ слояхъ населения. Если, поэтому, въ городскихъ кварталахъ, населенныхъ зажиточными семьями, ежегодно умираетъ 1 изъ 65, то можно считать требованіе о полученіи естественной платы удовлетвореннымъ, когда и въ кварталахъ, гдѣ живетъ рабочий людъ, смертность опустится на этотъ уровень. Таковъ низший размѣръ естественной платы. Онъ предполагаетъ не

только плату, превышающую ея среднюю высоту во всѣхъ странахъ, но и дальнѣйшее развитіе законодательства о рабочихъ, которое болѣе рѣшительно, нежели въ настоящее время, ограждало бы ихъ отъ чрезмѣрнаго пользованія ихъ трудомъ и отъ другихъ темныхъ сторонъ промышленной жизни. При господствѣ права частной собственности на капиталъ, высшимъ размѣромъ естественной платы должно быть признано такое вознагражденіе работника, которое освобождаетъ его семью отъ необходимости быть прикрепленной къ простѣйшимъ видамъ труда, которое позволяетъ ей выдѣлять наиболѣе даровитыхъ членовъ и воспитывать ихъ къ призваніямъ, требующимъ много-лѣтней подготовки и большихъ расходовъ. Словомъ, вышій размѣръ естественной платы, не давая работнику роскоши или комфорта, обеспечиваетъ ему личную свободу, и не на словахъ только, а на дѣлѣ пріобщаетъ къ дарамъ культуры, которыми пользуются состоятельные классы населенія.

Заработка плата выдается въ *натуральной и денежной* формѣ. Съ развитіемъ денежного обращенія первая все болѣе уступаетъ мѣсто второй. Хотя вторая болѣе проста и наиболѣе удовлетворяетъ требованіямъ личной свободы работника (свободы относительно мѣста, времени, количества, качества и способовъ приобрѣтенія нужныхъ предметовъ), однако, первая форма и до сихъ поръ имѣетъ значительное распространеніе: въ натуральной формѣ получаетъ большую часть своей платы домашняя прислуга; квартиры въ натурѣ отводятся многимъ государственнымъ и земскими чиновникамъ, рабочимъ на многихъ фабрикахъ и заводахъ; многие сельские учителя получаютъ плату деньгами и съѣстными припасами. Обезпеченіе работника квартирой въ натурѣ имѣть ту выгоду, что, вслѣдствіе почти монопольного положенія домовладѣльцевъ въ быстро развивающихся городахъ, удовлетвореніе потребности въ жилищѣ представляетъ крупный затрудненія для людей съ небольшими доходами. Насильственная расплата товарами (*trucksystem*), и именно товарами, въ которыхъ получающей ихъ работнику не имѣть надобности, образуетъ довольно распространенный видъ злоупотребленій, которымъ подвергаются работники со стороны предпринимателей.

Есть нѣсколько способовъ вычисленія заработной платы.

- 1) *Повременная* плата вычисляется по единицамъ времени, — столько-то въ годъ, мѣсяцъ, недѣлю, день. Этотъ способъ вычисленія имѣть ту выгоду, что наиболѣе обеспечиваетъ нанимателю удовлетворительное качество труда: рабочій вѣ имѣть побужденій торопиться съ окончаніемъ работы (ибо плата его чрезъ это не увеличивается), а потому и можетъ произвести товаръ хорошаго качества. Но именно отсутствіе интереса работать съ большими напряженіемъ часто дѣлаетъ нынѣшнюю

плату невыгодной для нанимателей, которые и стараются, при малѣйшей возможности, перейти къ 2) сдѣльной платѣ. Въ этомъ случаѣ трудъ оплачивается по количеству изготовленныхъ продуктовъ—отъ аршина, пуда, листа и т. д. На первый взглядъ кажется, что такой способъ вычислениія всего болѣе соответствуетъ интересамъ обѣихъ сторонъ: нанимателю выгодно, ибо работникъ трудится съ наибольшимъ напряженіемъ и поставляетъ наибольшее количество продуктовъ; наемнику выгодно, такъ какъ онъ извлекаетъ пользу изъ усиленнаго напряженія рабочей силы. Въ дѣйствительности же сдѣльная плата доставляетъ только хозяину очень крупныя выгоды, недостижимыя при платѣ по времени. Такъ какъ работникъ заинтересованъ въ изготавленіи наибольшаго количества товара, то хозяинъ приобрѣтаетъ отъ каждого работника высшую степень напряженія, какая, вообще, можетъ быть достигнута. Повидимому, наниматель долженъ установить бдительный надзоръ за тѣмъ, чтобы работникъ не увеличивалъ количества продуктовъ въ ущербъ ихъ качеству. Такъ и бываетъ въ промышленныхъ заведеніяхъ, которая, технически, не отличаются благоустройствомъ. Въ хорошо организованныхъ предприятияхъ качество труда работника, при сдѣльной платѣ, находится какъ бы подъ надзоромъ произведенаго продукта: путемъ опыта вырабатывается средній типъ добротности, которую долженъ обладать товаръ, дабы работникъ получилъ условленную плату; цѣлая система вычетовъ изъ платы всегда напоминаетъ работнику, что его товаръ долженъ имѣть тѣ качества, которыхъ принято считать средними въ данномъ промышленномъ заведеніи. Выполнѣ обезпечивая нанимателя, сдѣльная плата причиняетъ многимъ работникамъ непоправимый вредъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе способа, которымъ она вычисляется. Располагая работниками неодинаковыхъ силъ и искусства, наниматель, при установлениіи сдѣльной платы, всегда исходить отъ лучшихъ работниковъ; обязуясь платить x копѣекъ отъ аршина или пуда, хозяинъ даетъ лучшимъ работникамъ возможность приобрѣсти плату, которая считается достаточной для данной отрасли промышленности. Этотъ порядокъ обезпечиваетъ лучшихъ работниковъ, т. е. небольшое меньшинство. Средніе могутъ имѣть порядочный заработокъ только при крайнемъ напряженіи силъ, которое доводить ихъ до изнуренія. Особенно же пагубно оказывается сдѣльная плата для слабѣйшихъ, которые стараются не отстать отъ своихъ болѣе сильныхъ и ловкихъ товарищѣй. Вотъ почему союзы рабочихъ враждуютъ противъ сдѣльной платы. 3) Участіе въ прибыли обнимаетъ всѣ тѣ способы вознагражденія за трудъ, когда, сверхъ обычной повременной или сдѣльной платы, работники получаютъ добавки изъ прибыли предприятия ¹³⁾. При этомъ, за покрытіемъ всѣхъ издержекъ,

и всплағражданіемъ хозяина, какъ руководителя предпріятія, и от-
члененіемъ % на капиталъ, участвующій въ производствѣ, часть
прибыли распредѣляется между рабочими. Участіе рабочихъ
въ прибыли можетъ быть организовано трояко: а) Въ однихъ
предпріятіяхъ рабочіе получаютъ не только долю прибыли, но и владѣютъ паями—долями капитала, на который ведется пред-
пріятіе; въ этихъ случаяхъ предпріятіе изъ единоличнаго обра-
щается въ акціонерное. б) Въ другой группѣ предпріятій рабочіе получаютъ только долю прибыли, но не имѣютъ своего
пая и в) наконецъ, къ третьей — относится тѣ предпріятія, въ
которыхъ рабочіе получаютъ награды, не представляющія точно
опредѣленной доли прибыли: таковы, напримѣръ, преміи, кото-
рыи получаютъ служащіе на желѣзныхъ дорогахъ за сбереженіе
топлива, освѣтительного, смазочнаго матеріала. Послѣдняя
форма представляетъ только зародышъ участія рабочихъ въ
прибыли. Привлеченіе рабочихъ къ прибыли сопровождается
выгодными послѣдствіями. Оно улучшаетъ хозяйственныій бытъ
рабочихъ, дѣлаетъ его болѣе прочнымъ и опредѣленнымъ¹⁴⁾ и тѣснѣе сближаетъ ихъ съ предпріятіемъ и владѣльцемъ онаго.
Рабочій трудится бодро и не имѣть побужденій враждововать
съ предпринимателемъ. Производительность труда такъ воз-
растаетъ, что доля хозяина увеличивается¹⁵⁾. Недостатокъ въ
работникахъ, на который иногда жалуются хозяева, устраивается
введеніемъ этого порядка: рабочіе отовсюду притекаютъ къ
предпріятію, гдѣ имъ выдается часть прибыли. Наконецъ, благо-
даря тѣсному общенню и взаимному довѣрію, которое уста-
навливается между сторонами, предприниматель не нуждается
въ бдительному надзорѣ за рабочими. И общество, какъ ни
узка область примѣненія этой формы, извлекаетъ изъ неї
выгоды. Въ хозяйственномъ отношеніи общество выигрываетъ
потому, что участіе рабочихъ въ прибыли повышаетъ энергию
труда и производительность работы, а слѣдовательно умножаетъ
количество благъ. Въ нравственномъ же отношеніи общество
выигрываетъ потому, что между его отдельными членами,
занимающими разныя ступени общественной лѣстницы, уста-
навливается болѣе тѣсная связь. Но осуществленіе лучшей
разновидности этой формы связано со значительными препят-
ствіями; они коренятся, главнымъ образомъ, въ особенностяхъ
предпріятій. Если предпріятіе извѣдано, если хозяинъ, научен-
ный опытомъ другихъ, знаетъ, что его, при средне-благопріят-
ныхъ условіяхъ, ждетъ такая-то прибыль, то онъ можетъ при-
влечь рабочихъ къ участію въ ней. Если же предпріятіе
неизвѣдно, если оно длится много лѣтъ, если хозяинъ начинаетъ
его, руководствуясь только приблизительнымъ разсчетомъ, если онъ
не можетъ съ точностью опредѣлить размѣры прибыли и
даже время, когда начнется ея поступленіе, то участіе въ ней

рабочихъ само собой отерочивается до той поры, когда начнетъ поступать прибыль, быть можетъ, на много лѣтъ. Въ такихъ предпріятіяхъ привлеченіе къ прибыли едва-ли возможно, ибо часто будетъ случаться, что долю прибыли получать не тѣ лица, которыхъ трудились надъ созданиемъ и упроченіемъ предпріятія.

Вопросъ объ условіяхъ, оказывающихъ вліяніе на размѣръ заработной платы, былъ подробно изслѣдованъ еще Адамомъ Смитомъ¹⁶⁾. Позднѣйшіе писатели внесли нѣкоторыя измѣненія въ группировку этихъ условій.

Степень пріятности занятія служить первымъ условіемъ. Такъ какъ представленіе о пріятности занятія содержитъ много субъективнаго, то Адамъ Смитъ поясняетъ, что онъ разумѣеть подъ этимъ почетность занятія, его опрятность и легкость. Наоборотъ, подъ непріятностью труда онъ разумѣеть большую или меньшую трудность, нечистоту и пренебрежительное отношеніе общества къ данной работѣ. Трудъ прядильщика опрятнѣе работы кузнеца, и первый получаетъ меньшую плату, нежели второй. Если возьмемъ трактирный промыселъ, то увидимъ, что заработка трактирщика великъ, хотя его занятіе не требуетъ ни искусства, ни особенного умѣнія. Онъ великъ именно потому, что трактирщику приходится имѣть дѣло съ нетрезвой публикой и часто получать отъ нея оскорблѣнія. Мясникъ, палачъ и актеръ получаютъ довольно высокую плату или потому, что въ ихъ занятіяхъ много отталкивающаго—таковы занятія мясника и палача,—или потому, что общество относится къ занятію съ пренебреженіемъ, какъ, напримѣръ, оно относилось къ труду актера во времена Адама Смита. Второе условіе, вліяющее на высоту заработной платы,—*легкость и дешевизна или трудность и дорогоизна подготовки* къ извѣстному труду. Адамъ Смитъ сравниваетъ человѣка съ машиной. Одна машина,—разсуждаетъ онъ,—стоитъ дорого, а другая—дешево. Дабы расходы на изготавленіе машины были покрыты, необходимо, чтобы болѣе дорогая машина давала болѣшій доходъ. Можно сказать то же и о человѣкѣ. Онъ долженъ быть подготовленъ къ своей дѣятельности и необходимо, чтобы, впослѣдствіи, затраты на подготовку были покрыты доходами отъ его занятія. Такимъ образомъ, чѣмъ дороже воспитаніе, подготовкующее человѣка къ его занятію, тѣмъ выше должно быть и вознагражденіе за его трудъ. Третье условіе,—*прерываемость или непрерываемость занятія*. Если работа прерывается, и человѣкъ долго остается безъ дѣла, а слѣдовательно безъ заработка, то плата должна быть настолько высока, чтобы, получая ее, работникъ могъ содержать себя и въ промежутки бездѣятія. Таковъ, напримѣръ, трудъ каменщика; его работа оплачивается выше, чѣмъ трудъ простаго поденщика, хотя она не требуетъ, сравнительно

съ послѣднимъ, ни болѣшой подготовки, ни большаго искусства. Это объясняется невозможностью для каменщика работать постоянно: зимой работа прекращается, а въ другое время ей часто препятствуетъ погода; простой же поденщикъ можетъ работать непрерывно. Четвертое условіе заключается *въ степени довѣрія, съ которыемъ относится къ работнику.* Смитъ указываетъ на врача и золотыхъ дѣлъ мастера; второму мы довѣляемъ цѣнныя вещи, а первому—даже здоровье и жизнь. Вотъ почему и трудъ ихъ оплачивается сравнительно высоко. Пятое условіе—*вѣроятность успѣха и риска потери.* Кто отдаетъ сына учиться сапожному мастерству, тотъ можетъ быть увѣренъ, что сынъ его рано или поздно научится этому ремеслу. Кто же отдаетъ своего сына подготовиться къ адвокатурѣ, тотъ не можетъ быть положительно увѣренъ, что его сынъ непремѣнно будетъ хорошимъ адвокатомъ. Въ занятіяхъ второго разряда тотъ, кто достигаетъ цѣли, получаетъ высокую плату какъ бы и за всѣхъ тѣхъ, которые остановились на полудорогѣ.

Вотъ пять условій, вліающихъ на высоту заработной платы, какъ ихъ изложилъ Адамъ Смитъ. Принимая его ученіе, необходимо имѣть въ виду, что такія свойства труда, какъ почтность или презрѣнность, не связаны съ самими занятіями; а проис текаютъ изъ господствующихъ воззрѣній; воззрѣнія же измѣняются. Довольно сослаться на званіе актера: во времена Мольера и Шекспира общество относилось къ актерамъ съ полнымъ пренебреженіемъ, такъ же, какъ къ фокусникамъ и шутамъ. Воззрѣніе общества постепенно измѣнилось: въ сценическомъ искусствѣ стали видѣть необходимыя обществу услуги, и этотъ трудъ выигралъ въ почетѣ.

Не слѣдуетъ дѣлать изъ ученія Адама Смита выводъ, что въ обществѣ господствуетъ соперничество между всѣми людьми, посвящающими себя разнообразнымъ занятіямъ, и что свойства, которыя отличаютъ каждое отдѣльное занятіе, вліаютъ на высоту заработной платы во всѣхъ остальныхъ. Разныя занятія требуютъ неодинаковой подготовки и весьма различныхъ расходовъ. Врачъ, судья подготовляются къ своей профессіи до 23—25-ти лѣтняго возраста; ихъ воспитаніе стоитъ многихъ тысячъ; поденщикъ, пріурочиваясь къ простѣйшимъ видамъ труда, не нуждается въ обученіи. Такъ какъ не всѣ члены общества могутъ подготовить своихъ дѣтей къ любому занятію, то работники разбиваются на многочисленные кружки по степени имущественной обеспеченности отцовъ. Каждый желалъ бы сдѣлать своего сына ученымъ, юристомъ, врачомъ, но не всякий имѣеть для этого возможность. Такимъ образомъ, соперничество проявляется въ отдѣльныхъ кругахъ; свойства занятій внутри даннаго круга вліаютъ на плату только въ тѣхъ же предѣлахъ. Можно говорить, что свойства занятій врача, юриста, учителя

оказываютъ вліяніе на вознагражденіе этихъ лицъ за трудъ но ошибочно думатьъ, чтобы привлекательность труда литератора стояла въ какомъ-либо отношеніи къ тягости труда ночныхъ сторожа. Напротивъ, самыя непривлекательныя работы требуютъ наименѣе подготовки; въ нихъ мы замѣчаемъ большое соперничество и очень низкую плату.

Общественная власть создаетъ много условій, которыя опредѣляютъ высоту вознагражденія за трудъ. Въ однихъ случаяхъ государство стремится повысить плату, въ другихъ—оказываетъ противоположное вліяніе. Препятствія, которыя государство ставитъ передвиженію людей изъ одного мѣста въ другое (паспортная система) ведутъ къ тому, что въ разныхъ мѣстностяхъ страны одинъ и тотъ же трудъ оплачивается неодинаково. Равнымъ образомъ государство можетъ создавать такія условія для пѣкоторыхъ занятій, что въ нихъ заработка плата будетъ имѣть постоянную тенденцію понижаться. Адамъ Смитъ отмѣчаетъ распространенный въ Англіи обычай воспитывать на казенный счетъ молодыхъ людей, подготавливавшихся къ духовному званію: такъ какъ подготовка не требовала расходовъ, то всегда было много соискателей, и заработка плата лицамъ духовного званія опускалась несоответственно низко. Государство создаетъ различныя монополіи и привилегіи (авторское, издательское право, промышленные привилегіи), которыя возвышаются заработную плату. И прошлому, и настоящему знакомо установление таксы вознагражденія за разные виды труда; такса оказываетъ большое давленіе на размѣръ заработной платы. Подобное же вліяніе оказывали цѣховые учрежденія въ Средніе Вѣка; они втискивали каждое производство въ тѣсныя границы и, ограничивая число соперниковъ, действовали на заработную плату. До половины 19 вѣка законодательство о бѣдныхъ въ разныхъ странахъ Европы ставило многочисленныя преграды передвиженію людей изъ одной мѣстности въ другую, а потому и сильно стѣсняло соперничество. Во времена Адама Смита эти стѣсненія были такъ велики, что онъ съ полнымъ правомъ могъ сказать: „въ Англіи для бѣдного человѣка было нерѣдко труднѣе перейти искусственные границы прихода, нежели морской рукавъ или хребетъ высокихъ горъ¹⁷⁾. Многія изъ этихъ искусственныхъ ограниченій сдѣлались достояніемъ истории.

Подобное же значеніе имѣютъ *тарифные договоры*, занимающіе все болѣе видное мѣсто въ отношеніяхъ между хозяевами и работниками. Они соединяютъ одного или цѣлую группу предпринимателей съ болѣе или менѣе значительнымъ числомъ работниковъ. Плата за трудъ образуетъ главную составную часть такихъ договоровъ. Опредѣляется длина рабочаго дня, продолжительность перерывовъ на завтракъ, обѣдъ, полдникъ,

говорится о сверхурочных часахъ, о срокахъ расчета съ работниками. Иногда договоры содержатъ указания на то, что хозяинъ долженъ доставлять работникамъ доброкачественный материалъ, что онъ не имѣеть права затруднять работникамъ вступление въ какой-либо союзъ. Нерѣдко предусматриваются и способы, посредствомъ которыхъ должны быть улаживаемы недоразумѣнія между сторонами. Наконецъ, опредѣляется срокъ, на который заключенъ договоръ, и время, когда одна сторона обязана предварить другую о его прекращеніи.

Такой актъ не обязываетъ работниковъ поставлять известный трудъ, а хозяина—уплачивать определенное вознагражденіе. Эти обязанности устанавливаются послѣдующимъ самостоятельнымъ соглашеніемъ объ оказаніи услугъ и платѣ за оныя. Не слѣдуетъ также разматривать эти акты, какъ предварительные соглашенія для заключенія договоровъ объ оказаніи услугъ: они имѣютъ то значеніе, что хозяинъ, участвующій въ такомъ договорѣ, уже не въ правѣ нанимать работниковъ данной группы на условіяхъ, которыя ему не соответствуютъ. А потому, если хозяинъ установить въ своемъ заведеніи правила о работахъ, которыя противорѣчать тарифному договору, то союзъ рабочихъ, заключившій его, имѣть право жалобы.

Тарифный договоръ между однимъ или немногими хозяевами и группою неорганизованныхъ работниковъ не имѣть влиянія на рынокъ труда: если онъ и устраниетъ соперничество при установлении платы за данный видъ труда, то лишь въ немногихъ предпріятіяхъ.

Когда группа хозяевъ заключаетъ договоръ съ организованными работниками, но они составляютъ лишь небольшую часть людей, занятыхъ въ данной отрасли, то договоръ также не имѣть большого значенія. Хозяева, вступившіе въ соглашеніе, обязаны исполнять его только относительно союза рабочихъ, съ которымъ оно состоялось; но ничто не мѣшаетъ этимъ хозяевамъ нанимать работниковъ вида союза и создавать для нихъ такую обстановку, которая вовсе не соответствуетъ тарифному договору.

А потому, договоры этого рода только въ томъ случаѣ устраиваютъ соперничество при установлении высоты заработной платы, когда союзная организация охватываетъ многихъ людей, занятыхъ въ данной отрасли. При этомъ хозяева могутъ или пользоваться услугами членовъ союза, съ которыми заключенъ договоръ, и исполнять все, что имъ предусмотрено, или нанимать болѣе дешево среди тѣхъ группъ, которымъ не входитъ въ составъ союзовъ. Работники, не участвующіе въ союзахъ, качественно, уступаютъ тѣмъ, которые организованы. Опасность получить въ распоряженіе трудъ худшаго качества склоняетъ хозяевъ держаться договора и пользоваться услугами тѣхъ

работниковъ, относительно которыхъ обязательно его исполненіе.

Договоры хозяевъ съ большими группами работниковъ соответствуютъ массовому производству, которое кладетъ свою печать на экономическую жизнь нашего времени. Тарифный договоръ устраняетъ неудобства, съ которыми связано единоличное соглашеніе между сторонами. Договоръ предпринимателей съ обширной группой работниковъ, точно опредѣляя услуги и вознаграждение, дѣлаетъ положеніе нанимающихъ гораздо болѣе устойчивымъ, нежели оно было до сихъ поръ. Для хозяевъ такой договоръ особенно важенъ потому, что создаетъ на нѣсколько лѣтъ опредѣленную обстановку труда и предупреждаетъ многія стачки.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ТРЕТЬЕЙ ГЛАВѢ.

1) Проф. Янжулъ вычисляетъ въ своей книжѣ „Фабричный бытъ“, что заработка плата американскихъ и англійскихъ рабочихъ на 100—300% больше, нежели плата фабричныхъ Московской губерніи.

2) Плата работника, говорить Тюрго, ограничивается тѣмъ, что необходимо ему для существованія (*Turgot, Sur la format. et la distrib. § VI*).

3) *Haushofer. Lehrbuch der Statistik.*

4) „Дневная стоимость рабочей силы оцѣнивается по ея нормальной средней продолжительности, или по нормальному періоду жизни рабочаго, и по соответственному нормальному обмѣну жизненныхъ веществ, свойственному человѣческой природѣ“. *Капиталъ*, I, 457. Мы отпечатали курсивомъ тѣ слова этого періода, которыя изображаютъ въ превратномъ видѣ существующій порядокъ вещей.

5) *Hermann. Staatswirthschaftl. Untersuch.* 431—5.

6) *Thornton. On labour*, 104 и дал. *Brentano. Das Arbeitsverhältniss*, 232 и дал.

7) *Rodbertus. Zur Erkenntniss unserer staatswirthschaftl. Zustände*. 1842. 1 глава. *Walker. The wages question*, VIII и IX главы. *George. Progress and poverty*, кн. I главы 3 и 4.

8) *George*, т. ж., 40.

9) *Walker*, т. ж., 146—50.

10) *George*, т. ж., 52.

11) Переселенецъ изъ Европейской Россіи нерѣдко достигаетъ въ Сибири значительного благосостоянія въ теченіе 4—5 лѣтъ. Какъ ни низокъ уровень техники въ Европейской Россіи, но въ Сибири можно говорить о ней, какъ о техникѣ старой цивилизациі.

12) *Heffrich. Thünen u. sein Gesetz über die Theilung des Products unter die Arbeiter u. Kapitalisten*, Tüb. Zeitschr., VIII, 427.

13) Ведеть свое начало отъ Леклера, владѣльца маленькаго заведенія въ Парижѣ. Онъ установилъ этотъ порядокъ въ 1842 году. Въ Германіи попытку этого рода сдѣлала экономистъ фонъ Тюненъ въ своемъ имѣніи.

14) Нерѣдко возрастаніе дохода работника достигаетъ значительныхъ размѣровъ. У Бригтса, гдѣ рабочие извлекали еще мало пользы изъ участія въ прибыли, на ихъ долю выпадали суммы, составляющіе 7—10% ихъ заработка. На Драгсгольмѣ, при заработкѣ въ 600 кронъ, доля прибыли равнялась 100—200. У Леклера она превышала 40% заработка. На ферме

Изко заработанъ возвысился на 60%, а на фабрикѣ Маронъ-ЭКуберь онъ удвоился. См. Исаевъ, Уч. рабоч. въ приб.

15) Въ этомъ сознался самъ Леклеръ: въ 1848 году онъ говорилъ экономисту Шевелье, что „увеличенное усердіе его работниковъ вполнѣ вознаграждаетъ его за ту сумму, которую онъ уступилъ имъ.“

16) „О богатствѣ народовъ“, Г кн. 10 глава.

17) Т. ж., Г кн. 196.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Прибыль.

Литература. Ад. Смитъ. О богат. народ. Рикардо. Основ. полит. экон. Миль. Основ. пол. экон. Марксъ. Капиталь. Г и П. Schmidt. Die Durchschnittsprofitrate auf Grundlage des Marx'schen Werthgesetzes. 1889. Hermann. Staatswirthsch. Unter. Knies. Das Geld u. der Credit. Mangoldt. Die Lehre vom Unternehmergewinn. 1855. Pierstorff. Die Lehre vom Unternehmergewinn. 1875. Schönberg, I. Rodbertus. Zur Beleuchtung. George. Progress and poverty. Böhm-Bawerk. Geschichte u. Kritik der Kapitalzins-theorien, 2. В. 2 изд. 1901—1903. Mataji. Der Unternehmergewinn. 1884 Gross. Die Lehre von Unternehmergewinn. 1884. Würminghaus. Das Unternehmen, der Unternehmergewinn. 1886. Цитовичъ. Обзоръ учений о предприн. прибыли. 1889. Скворцовъ. Прибыль и процентъ. Юридовъ. Въстн. 1890, I. В. В. Очерки теоретич. экономіи. 1895 Platter. Grundzüge der Nationalökonomie.

Принято называть *прибылью* часть избыточной цѣнности, создаваемой трудомъ. Въ составъ прибыли входятъ чѣсколько различныхъ видовъ капиталистического дохода. Прежде чѣмъ изслѣдовать составные части прибыли, мы остановимся на возврѣніяхъ, господствующихъ въ экономической литературѣ.

Англійские экономисты видятъ въ прибыли ту часть дохода, которая остается капиталисту за покрытіемъ издержекъ производства. Они изучаютъ прибыль, какъ одно цѣлое, и не анализируютъ участія предпринимателя въ производствѣ. Сложившись подъ влияніемъ Адама Смита и Рикардо, такое возврѣніе на прибыль долго господствовало въ англійской литературѣ. Отклоненіе было сдѣлано Самуэлемъ Редомъ, который отдаляетъ въ прибыли процентъ отъ вознагражденія за трудъ предпринимателя.

Французскіе экономисты, начиная отъ Сэя, различаютъ въ прибыли: а) процентъ, какъ плату за пользованіе капиталомъ, и б) вознагражденіе предпринимателя за его трудъ и талантъ, необходимые для веденія предпріятія. Это возврѣніе такъ упирчилось во Франціи, что послѣдующіе писатели (Дюнуайе и другіе) посвящаютъ цѣлую страницы описанію талантовъ и нравственныхъ качествъ предпринимателей.

Въ немецкой литературѣ долгое время замѣчалось колебаніе между обоими направлѣніями и не было ничего оригинального. Мангольдтъ первый самостоительно разработалъ этотъ вопросъ. По его ученію, прибыль должна быть разбита на двѣ части: во-первыхъ, процентъ, т.-е. плата за пользованіе капиталомъ, и, во-вторыхъ, часть, которая поступаетъ предпринимателю въ вознагражденіе за рискъ и ответственность, связанные съ веденіемъ предпріятій. Это ученіе, съ болышию полнотой разработанное Мангольдтомъ въ 50-хъ годахъ 19 вѣка, принято многими писателями. Мангольдтъ старается, между прочимъ, объяснить причину различій въ воззрѣніяхъ на прибыль со стороны французскихъ и англійскихъ экономистовъ. Различія въ общемъ складѣ промышленности у французовъ и англичанъ—вотъ эта причина. У англичанъ производство направлено, главнымъ образомъ, на приготовленіе прочныхъ фабрикатовъ, требующихъ затраты значительныхъ капиталовъ, но не большаго таланта, а потому у нихъ установилось воззрѣніе на прибыль, какъ на вознагражденіе за капиталъ, безъ вниманія къ личности предпринимателя. Наоборотъ, у французовъ, где производство направлено, главнымъ образомъ, на изящные предметы, где нужны вкусъ, талантъ, искусство, изобрѣтательность, — писатели, излагая ученіе о прибыли, отводятъ предпринимателю очень видную роль и выдѣляютъ особую долю прибыли въ вознагражденіе за его искусство. Нельзя отказать этому объясненію въ остроуміи, но вѣрнымъ признать его невозможно. Возникаетъ вопросъ, почему же у немцевъ одни писатели держались французскаго опредѣленія прибыли, а другіе — англійскаго? Почему въ Германіи распространялось ученіе Мангольдта? Или рискъ, связанный съ веденіемъ предпріятій, есть отличительное свойство германской промышленности?

Отмѣтимъ также очень употребительно въ литературѣ оправданіе одной части прибыли — процента: процентъ есть вознагражденіе за то, что собственникъ капитала воздерживается отъ его потребленія. Эта мысль имѣть много сторонниковъ: назовемъ Сеніора¹), Ропера и другихъ. Сеніоръ идетъ въ развитіи этого положенія такъ далеко, что считаетъ воздержаніе однимъ изъ дѣятелей производства на ряду съ трудомъ и силами природы. Нечего удивляться, что такое воззрѣніе вызвало рѣзкую критику со стороны многихъ писателей, особенно, соціалистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, по меньшей мѣрѣ несообразно говорить о вознагражденіи человѣка за то, что онъ не растратываетъ своего капитала. Воздерживаясь отъ безпорядочнаго потребленія капитала, человѣкъ дѣйствуетъ подъ влияніемъ эгоистическихъ побужденій: онъ хочетъ обезпечить себѣ и своей семье удовлетвореніе потребностей въ будущемъ.

А потому слѣдуетъ признать безцѣльными всѣ краснорѣчивыя тирады о воздержаніи капиталистовъ и ихъ самоотреченіи.

Шеффле и Вагнеръ являются главными представителями новаго возврѣнія на прибыль: она служить, по ихъ мнѣнію, необходимымъ вознагражденіемъ предпринимателей за участіе въ производствѣ. Шеффле смотритъ на предпринимательство, какъ на особую обязанность, важную для народнаго хозяйства. Цѣнность товара опредѣляется не только количествомъ времени, необходимаго на его производство, но и степенью его полезности. Именно предприниматель и влагаетъ въ товары эту полезность. Согласно съ этой теоріей, предприниматели, затрачивая капиталъ въ производство, тѣмъ самымъ принимаютъ на себя предъ всѣмъ обществомъ отвѣтственность, что они организуютъ производство и будутъ вести его наиболѣе хозяйственно. Отсюда проис текаютъ сложныя и разнообразныя обязанности, которыя ложатся на предпринимателя: классифицировать работниковъ и наблюдать за ними, нести убытки, которые причиняются измѣненіями техники и паденіемъ цѣнъ, выдавать заработную плату и дѣлать цѣлый рядъ другихъ предварительныхъ расходовъ, направлять процессы производства товаровъ и ихъ перемѣщенія такъ, чтобы не мѣшать другимъ проявленіямъ общественной жизни. Если предприниматель удачно рѣшаетъ всѣ эти задачи, то прибыль составляетъ вполнѣ заслуженное вознагражденіе за его трудъ^{2).}

Доказывать, что хозяинъ обширнаго предпріятія несетъ на себѣ важныя обязанности и что его трудъ долженъ быть вознагражденъ, значитъ—ломиться въ отворенныя настежь двери. Никому никогда и въ голову не приходило утверждать, что производство не нуждается въ хозяинѣ, какъ направляющей силѣ, что трудъ по завѣдыванію обширнымъ предпріятіемъ не требуетъ значительныхъ умственныхъ способностей, знаний и опыта. Не трудно согласиться съ тѣмъ, что функции предпринимателя должны быть оплачиваемы выше, нежели простѣйшия виды работы, не требующіе продолжительной подготовки. Но всего этого недостаточно, чтобы оправдать поступление предпринимателю всей избыточной цѣнности, которая образуетъ прибыль. Въ обширныхъ промышленныхъ заведеніяхъ и крупныхъ торговыхъ предпріятіяхъ валовая прибыль составляетъ сотни тысячъ рублей и даже миллионы. Какъ бы Шеффле и его послѣдователи ни продлили списокъ обязанностей, лежащихъ на предпринимателяхъ, и списокъ ихъ заслугъ передъ согражданами, нельзя доказать, чтобы эти обязанности были столькие, нежели тѣ, которыя связаны съ должностю ministra финансовъ или внутреннихъ дѣлъ, и чтобы заслуги хозяина огромнаго машиностроительного или сахароваренного завода были болѣе важны, нежели заслуги выдающагося ministra

народного просвѣщенія. А если министерскій окладъ не превышаетъ 20—30,000 рублей въ годъ, то можно считать такую сумму вполнѣ достаточной оплатой труда самого крупнаго предпринимателя. Можно было бы говорить объ особенной привлекательности государственной службы, о почетѣ, окружающей высокопоставленныхъ чиновниковъ, о сознаніи ими важности дѣла, у котораго они стоять, какъ обѣ условіяхъ, позволяющихъ опредѣлить вознагражденіе за ихъ трудъ меньшою суммой. нежели предпринимателя, который не окруженъ такимъ ореоломъ; однако, сторонники возврѣній Шеффле сами отказываются отъ этой точки опоры: въ ихъ глазахъ предпринимательство перестаетъ быть частнымъ занятіемъ; оно становится важнымъ общественнымъ служеніемъ. Итакъ, мы готовы оправдать очень высокое вознагражденіе предпринимателя за его трудъ. Но даже самая высокая плата составить не болѣе $\frac{1}{10}$ — $\frac{1}{20}$ — $\frac{1}{50}$ части прибыли отъ крупныхъ промышленныхъ или торговыхъ предпріятій.

Нельзя признать удачнымъ объясненіе процента, которое мы находимъ въ книгѣ Джорджа „Прогрессъ и бѣдность“. По мнѣнию этого писателя, изъ прибыли слѣдуетъ выдѣлить страховую премію и плату предпринимателю за трудъ. Процентъ же есть вознагражденіе, получаемое заимодавцемъ за уступку должнику такихъ цѣнностей, которая съ теченіемъ времени, благодаря своимъ естественнымъ свойствамъ, или улучшаются качественно, или возрастаютъ количественно. Деньги, орудія, машины, зданія не обладаютъ этой внутренней силой. Но отъ скота получается приплодъ; изъ одного роя пчелъ образуются два роя; сѣма, брошенное въ землю, приносить несолько сѣмянъ. Во всѣхъ такихъ случаяхъ капиталъ возрастаетъ независимо отъ труда своего владѣльца. Можно наблюдать улучшеніе качества предметовъ, напримѣръ, вина: простоявъ несолько лѣтъ, оно приобрѣтаетъ большую добротность, нежели имѣло до помѣщенія въ подвалъ. Если человѣкъ даетъ въ ссуду подобныя вещи и черезъ годъ получаетъ обратно лишь то, что было дано, то терпить убытокъ, такъ какъ вещи, оставаясь въ его распоряженіи, возросли бы въ цѣнности или вслѣдствіе количественного прироста или вслѣдствіе улучшенія. „Если бы богатство состояло только изъ безжизненной матеріи, а производство было только переработкою безжизненнаго вещества въ различныя формы, то взятие процента было бы ограбленіемъ промышленности и не могло бы существовать долгое время“ ²⁾. Но такъ какъ, благодаря воспроизводительнымъ силамъ природы, некоторые изъ видовъ капитала обладаютъ способностью къ самовозрастанію и самоулучшенію, то процентъ необходимо связать съ дачею въ ссуду этихъ видовъ капитала. Хозяйственный оборотъ позволяетъ владѣльцу капитала прида-

вать ему любую форму, обращать его изъ безжизненного вещества (деньги, орудия) въ предметы одушевленные (скотъ) или же неодушевленные, но способные къ самовозрастанію (сѣмена). А потому, „кто даетъ въ ескудь деньги, доски, кирпичи, одежду, тотъ въ такой же мѣрѣ обладаетъ возможностью получить приrostъ, какъ если бы онъ ескужалъ капиталъ въ формѣ, при которой онъ имѣеть способность самовозрастанія“ (*).

Неудовлетворительность этой теоріи обнаружится съ особенной ясностью, когда мы припомнимъ, что Джорджъ возстаетъ противъ права частной собственности на землю; земля, говорить онъ, не будучи создана человѣческимъ трудомъ, не должна быть предметомъ завладѣнія. Это положеніе побуждаетъ сдѣлать выводъ, что не должны быть предметами завладѣнія и источникомъ процента всѣ вещи, дарованныя человѣку самой природой и обладающія естественною способностью къ самовозрастанію. Въ дѣственномъ лѣсу изъ кустарника выростаетъ огромное дерево, имѣющее высокую цѣнность; небольшое стадо дикихъ козъ можетъ въ немногомъ лѣтъ многократно увеличиться путемъ приплода. Процессъ увеличенія цѣнности происходитъ здѣсь безъ всякаго участія человѣческаго труда. Но, по мѣрѣ роста народонаселенія, уменьшается запасъ вещей, созданныхъ природою безъ участія человѣка; повсюду становится нужна большая затрата труда, дабы вызвать дѣйствие тѣхъ силъ природы, о которыхъ говорить Джорджъ. Каждый пудъ сѣмянъ ржи можетъ дать жатву въ нѣсколько пудовъ; но необходимъ значительный трудъ даже для того, чтобы получить ничтожный урожай въ самъ—3. Урожай въ самъ 10—15 на старинныхъ поляхъ, откуда уже извлеченъ запасъ питательныхъ веществъ, дарованныхъ самой природой, требуетъ большаго количества труда и значительного искусства. Владѣлецъ стада коровъ ежегодно получаетъ приплодъ; но ему обеспечено это возрастаніе капитала только подъ условiemъ, что на уходъ за скотомъ изо дня въ день затрачивается довольно большое количество работы. Вино, простоявшее 20 лѣтъ, продается за цѣну, въ 3 — 5 — 10 разъ большую, нежели молодое вино; однако, наивно думать, что оно можетъ дожить до 20 лѣтъ и получить высокую цѣнность безъ всякой затраты труда: присущія вину естественные силы дѣйствуютъ гораздо болѣе могущественно въ хорошо устроенныхъ каменныхъ подвалахъ, нежели на открытомъ воздухѣ и подъ легкимъ соломеннымъ навѣсомъ. Такимъ образомъ, попытка американского экономиста объяснить процентъ особыми силами, которыя природа вложила въ иѣкоторыя вещи и которыя могутъ дѣйствовать помимо затраты человѣческаго труда, является запоздалымъ отголоскомъ заблужденія физіократовъ. Напомнимъ Джорджу, что и среди видовъ капитала, относимыхъ имъ къ безжизненному веществу, дѣйствуютъ

сили природы, вполнѣ подобныя тѣмъ, которыя улучшаютъ вкусъ сохраняемаго вина. При окрашиваніи пряжи, человѣкъ сближаетъ красящее вещество и пряжу, и послѣдняя пріобрѣтаетъ цвѣтъ въ силу опредѣленныхъ химическихъ законовъ, которые дѣйствуютъ всегда, какъ скоро есть налицо извѣстныя условія. А винокуреніе? Развѣ въ процессахъ, обращающихъ картофель въ спиртъ, не обнаруживается дѣйствие самостоятельныхъ химическихъ законовъ, которые заслуживаютъ того, чтобы ихъ подвели подъ понятіе объ „особыхъ силахъ“, способствующихъ людямъ въ хозяйственной дѣятельности? Если необходимо трудъ человѣка, дабы совершилось воздействиѣ красящаго вещества на пряжу или дабы въ чанахъ винокуренного завода совершился процессъ образования спирта, то въ одинаковой мѣрѣ необходимо трудъ, дабы стадо скотовладѣльца непрерывно увеличивалось отъ приплода. Итакъ, учение Джорджа, съ точки зрѣнія народнаго хозяйства, не объясняетъ процента, а съ точки зрѣнія частнаго—даетъ ему искусственное, а потому и не нужное оправданіе.

Остановимся также на новѣйшей теоріи прибыли, принадлежащей австрійскому экономисту Бемъ-Баверку. Онъ исходить изъ того основнаго положенія, что все наличныя блага имѣютъ большую цѣнность, нежели будущія. Мы живемъ не однимъ настоящимъ: нашими поступками вообще, въ частности нашей хозяйственной дѣятельностью руководять представленія о будущемъ, ибо мы обладаемъ способностью сравнивать переживаемое нами съ тѣмъ, что ожидаетъ насъ透过 недѣлю, мѣсяцъ, годъ, десятки лѣтъ. Радости и страданія, которыхъ мы ожидаемъ, служатъ мотивами нашей дѣятельности въ настоящемъ. Однако, блага, которыми мы располагаемъ въ настоящее время, почти всегда имѣютъ для насъ большую цѣнность, чѣмъ однородныя блага въ будущемъ. Первой причиной этого служить возможность для благъ, которая теперь находятся въ нашемъ распоряженіи, удовлетворить какъ потребность настоящаго времени, такъ и потребность, которую мы будемъ ощущать въ будущемъ: 1000 рублей, которыми мы располагаемъ нынче, могутъ служить для нашихъ потребностей и нынче, и черезъ годъ, а 1000 рублей, которые мы получимъ черезъ полгода, не могутъ покрыть потребности нынѣшняго дня. Второй причиной этого служить распространенная среди людей наклонность цѣнить будущія потребности и средства къ ихъ удовлетворенію ниже, нежели настоящія. Это проистекаетъ какъ отъ недостаточной ясности, съ которой будущія нужды представляются нашему уму, такъ и отъ недостаточной твердости нашей воли; даже въ простѣйшихъ случаяхъ, когда не нужно прозорливости, чтобы видѣть будущее въ истинномъ свѣтѣ, мы предпочитаемъ удовольствіе въ настоящемъ, хотя оно и влечетъ

собою неблагоприятная для нась посльдствія. Есть и третье условіе, объясняющее такую оцѣнку: сознаніе краткости нашей жизни, неувѣренность прожить столько-то лѣтъ; мы считаемъ маловѣроятнымъ переживаніе такихъ радостей и лишеній, которые отдалены оть нась продолжительнымъ временемъ. Къ этому присоединяется и еще одна причина: техническія особенности вещей, позволяющая благамъ служить въ настоящее время лучшими средствами для удовлетворенія потребности, нежели въ будущемъ. Бѣмъ-Баверкъ связываетъ это условіе съ капиталистическимъ способомъ производства. Послѣдній состоитъ въ томъ, что трудъ не направленъ прямо на изготовление потребительныхъ запасовъ, а предварительно—на производство машинъ, орудій, приспособленій, конечными результатами которыхъ является готовый продуктъ. Чѣмъ сложнѣе капиталы, съ помощью которыхъ прилагается трудъ, тѣмъ болѣе велика производительность послѣдняго. Основнымъ признакомъ капиталистического производства служить продолжительность времени, въ теченіе котораго затрачивается трудъ. Такимъ образомъ, благо, возникши въ прошедшемъ, имѣть большую цѣнность, нежели благо, возникающее сегодня, а настоящее имѣть большую цѣнность, нежели то, которое будетъ создано чрезъ мѣсяцъ. Можно выразить это въ такой общей формѣ: существующія въ настоящее время средства производства имѣютъ большую цѣнность, нежели будущія. Бѣмъ-Баверкъ поясняетъ это положеніе примѣромъ, заимствованнымъ изъ жизни первобытныхъ обществъ. Полудикий рыболовъ, работая невооруженными руками, можетъ поймать ежедневно 3 рыбы; имѣй онъ лодку и неводъ, которые можно сдѣлать въ теченіе мѣсяца, онъ могъ бы поймать ежедневно 30 штукъ. Но онъ не можетъ посвятить свое время на изготовление орудій, такъ какъ не имѣть запасовъ пищи. Предположимъ, что кто-нибудь дастъ ему взаймы 90 рыбъ подъ условіемъ возвратить 180 штукъ чрезъ мѣсяцъ. Рыболовъ соглашается на такую сдѣлку, кормится въ теченіе мѣсяца рыбами, полученными въ ссуду, и изготавливаетъ лодку и сѣти, съ помощью которыхъ поймаетъ въ слѣдующій мѣсяцъ не 90, а 900 рыбъ. Уловъ не только даетъ ему возможность безъ труда уплатить долгъ, но и оставляетъ большой чистый барышъ. Этотъ примѣръ убѣдительно доказываетъ, что 90 рыбъ въ настоящемъ имѣютъ большую цѣнность, нежели 180 въ будущемъ. Всѣ перечисленныя условія дѣйствуютъ совмѣстно, то въ полной силѣ, то съ малымъ напряженіемъ. Однако, третье условіе имѣть всеобщее значеніе. „Бѣдняки и беззаботные люди цѣнятъ настоящія блага выше, нежели будущія, или потому, что особенно нуждаются въ благахъ, или же потому, что думаютъ только о нынѣшнемъ днѣ; состоятельные и бережливые люди оцѣниваютъ выше на-

личныхъ блага, таikъ какъ, съ ихъ помощью, они могутъ сдѣлать больше для будущаго: въ конечномъ итогѣ почти каждый, каковы бы ни были положеніе его хозяйства и его темпераментъ, имѣть основаніе выше цѣнить наличныя блага, нежели будущія⁵). Это обстоятельство и даетъ происхожденіе проценту. Процентъ, взимаемый по ссудамъ, есть дополнительная часть цѣны, которая платится въ будущихъ благахъ за наличное благо. Къ этому же источнику нужно свести и прибыль предпринимателя. Процессъ, вслѣдствіе котораго предприниматели получаютъ прибыль, состоитъ въ томъ, что они покупаютъ блага отдаленныхъ рядовъ—сырые материалы, орудія производства и трудъ—и обращаютъ все это въ блага первого разряда, готовые продукты. Покупая сырье и орудія, они приобрѣтаютъ предметы, которые могутъ быть названы будущимъ товаромъ; ибо въ настоящемъ они негодны для удовлетворенія потребностей. Работники же получаютъ плату готовыми продуктами. Такой обмѣнъ необходимо ведеть къ тому, что количество готовыхъ продуктовъ, которое (въ видѣ зарплатной платы) даетъ предприниматель, меныше количества, которое будетъ изготовлено при помощи приобрѣтенныхъ ямъ труда, материаловъ и орудій. Итакъ, прибыль имѣть своимъ источникомъ преимущества наличныхъ благъ предъ будущими.

Хотя Бёмъ-Баверкъ старается въ своемъ обширномъ сочиненіи до мелочей разработать теорію прибыли, однако, не приходитъ къ новымъ и полезнымъ результатамъ, способнымъ обогатить науку. Источникомъ прибыли не можетъ быть различіе для хозяйства моментовъ настоящаго и будущаго; это различіе несомнѣнно; опираясь на основные свойства человѣческой природы, оно всегда присуще людямъ; однако, оно не создаетъ прибыли на очень низкой ступени гражданственности, при малой производительности труда. Только ростъ производительности труда, какъ было указано выше, обусловливаетъ появление въ хозяйствѣ избытокъ сверхъ того, что необходимо для содержанія работника. Блага сами по себѣ, какъ бы ни предпочиталъ человѣкъ наличныя будущимъ, не создаютъ валовой прибыли, ни части ея—процента. Не объясняя происхожденія прибыли, ученіе Бёмъ-Баверка не приводить и къ другой цѣли—оправдать поступленіе процента и прибыли капиталисту и предпринимателю. Процессъ созданія прибыли, если мы даже станемъ на точку зрѣнія Бёмъ-Баверка, представляется въ такомъ видѣ. Сырье, орудія и трудъ приводятся въ тѣсную связь, результатомъ которой и является опредѣленное количество товаровъ, положимъ, 1000 аршинъ тканей. Эти товары будутъ готовы чрезъ годъ по началѣ производства; какъ товаръ въ будущемъ, они имѣютъ меньшую цѣнность, нежели 1000 аршинъ

тканой въ настоящемъ. Предприниматель, разсчитывая получить 1000 аршинъ тканей чрезъ годъ, можетъ дать рабочимъ только 700 аршинъ. Когда оконченъ процессъ производства, когда сырье материа́лы и трудъ обращены въ ткани, получается избытокъ въ 300 аршинъ. Этотъ избытокъ былъ возможенъ только потому, что работникъ воздѣствовалъ на материалъ орудіями производства; онъ есть виновникъ созданія добавочной цѣнности. А потому ему и принадлежитъ право на эту цѣнность. Предприниматель имѣть право на часть этой цѣнности лишь въ такой мѣрѣ, въ какой онъ своимъ руководствомъ способствовалъ движению предпріятія. Если же предприниматель не участвуетъ въ производствѣ личнымъ трудомъ, то, согласно съ этой теоріей, не имѣть права даже на малѣйшую долю прибыли; она должна распредѣляться между работниками и лицами, которые завѣдуютъ предпріятіемъ. — Пристально всматриваясь въ учение Бѣмъ-Баверка, мы находимъ въ немъ старую теорію, теорію самоотречения, составляющаго будто бы источникъ процента. По мнѣнію Сеніора и другихъ, владѣлецъ капитала получаетъ отъ должника проценты, какъ награду за отказъ отъ пользованія капиталомъ въ настоящее время, какъ награду за воздержаніе отъ пользованія наличными благами. Почему? Только потому, сказалъ бы Сеніоръ вмѣстѣ съ Бѣмъ-Баверкомъ, что настоящія потребности громче заявляются о себѣ, чѣмъ нужды, еще не наступившія, и что наличные блага, удовлетворяя уже обнаружившіяся потребности, имѣютъ большую цѣнность, нежели однородныя блага въ будущемъ. Тотъ же принципъ возмездія, во имя тѣхъ же началъ, служить основаніемъ теоріи Бѣмъ-Баверка.

Итакъ, это учение не удовлетворительно: оно не объясняетъ происхожденія прибыли, ни части его — процента; оно не оправдываетъ поступленія прибыли въ собственность предпринимателя.

Источникомъ прибыли служитъ трудъ, направленный на обработку вещества и создание материа́льныхъ цѣнностей. Весь остатокъ, сверхъ заработной платы, образуетъ, какъ уже было сказано, избыточную цѣнность, поступающую землевладѣльцамъ, капиталистамъ и другимъ членамъ общества, которые не создаются материа́льныхъ благъ. Послѣдніе получаютъ свою долю не прямо изъ процента, при его образованіи, а косвенно — изъ доли работниковъ, капиталистовъ, землевладѣльцевъ и, наконецъ, государства. Учитель, священникъ, врачъ, судья, солдатъ получаютъ долю народнаго дохода или отъ государства, города, общины, которые добываютъ для этого средства изъ налоговъ, падающихъ на землевладѣльцевъ, капиталистовъ и работниковъ, или же, оказывая услуги частнымъ хозяйствамъ (частная практика учителя, врача, исполненіе требъ духовен-

ствомъ), получаютъ вознаграждение за трудъ непосредственно изъ тѣхъ долей народного дохода, которыхъ достаются каждому частному хозяйству.

Доля капиталиста и предпринимателя носить наименование *прибыли*. При низкомъ уровнеѣ хозяйственного развитія запасы капиталовъ неизначительны; большинство людей, ведущихъ промысловую дѣятельность, создаетъ и развиваетъ предпріятія почти исключительно на собственные средства. При такомъ состояніи общества, прибыль является сплошною массой цѣнностей, которую не легко раздѣлить на составные части. Но по мѣрѣ развитія хозяйственной жизни и возрастанія народного богатства, владѣльцы капиталовъ все рѣзче отдѣляются отъ предпринимателей. Съ тѣмъ вмѣстѣ и въ прибыли можно все болѣе ясно различать нѣсколько составныхъ частей.

А) Первую часть образуетъ *процентъ*, — плата за пользованіе капиталомъ. Эта плата носить разныя названія: если она взносится за пользованіе денежнымъ капиталомъ, то называется процентомъ; если—за пользованіе землей, то носить название *арендной платы*, причемъ въ ея составъ входятъ какъ рента, такъ и плата за пользованіе капиталомъ въ видѣ надворныхъ построекъ, живаго и мертваго хозяйственного инвентаря и т. п.; плата за пользованіе зданіемъ называется *наемной*, за пользованіе движимостью—*прокатной* платой. Ни одинъ видъ этой платы не представляетъ чего-либо цѣльного: въ наемной платѣ за домъ есть доля, которая должна окупить изнашиваемость зданія; эта доля служить для погашенія затратъ, которые были сдѣланы на постройку дома; въ арендной, наемной, прокатной платѣ есть доля, покрывающая расходы на ремонтъ зданій, орудий, музикальныхъ инструментовъ. Отдача капитала въ пользованіе сопряжена съ известнымъ рискомъ потери, а потому въ составъ процента и другихъ видовъ платы входитъ и страховая премія. Необходимо откинуть всѣ эти доли, дабы выдѣлить изъ прибыли чистый процентъ.

Съ точки зрѣнія частнаго хозяйства правильно мнѣніе Книса, опредѣляющаго процентъ, какъ цѣну, которою оплачивается пользованіе капиталомъ: если справедливо, что владѣлецъ товара получаетъ за него цѣну, то нѣть основанія требовать, чтобы собственникъ капитала, уступая послѣдній въ пользованіе, не требовалъ платы. И такъ, процентъ есть плата за пользованіе предметомъ, имѣющимъ цѣну.

Процентъ имѣетъ опредѣленную высоту. Принято говорить о его высшемъ и низшемъ уровняѣ. Низшій уровеньъ опредѣляется самими владѣльцами капитала. Всѣ владѣльцы капиталовъ образуютъ двѣ естественные группы. Во-первыхъ, тѣ, которые, по неумѣнію или другимъ причинамъ, не могутъ лично вести предпріятіе. Во-вторыхъ, тѣ лица, которыхъ не склонны

вести предпріятіе, хотя обладаютъ для того и досугомъ, и умѣньемъ. Эти группы капиталистовъ неодинаково опредѣляютъ высоту процента. Первая, въ виду невозможности лично вести предпріятіе, готова уступить капиталъ за самый умѣренный процентъ, такъ что онъ можетъ опуститься очень низко. Вторая группа, располагая болѣе возможностью лично вести предпріятія, готова отдать капиталъ въ пользованіе за процентъ, сравнительно высокій. Такимъ образомъ, низшій уровень процента надо искать выше нуля, а действительный уровень опредѣляется отношеніемъ между первой и второй группами капиталистовъ. Если большими массами капитала располагаетъ первая группа, то процентъ будетъ ниже; если же, по складу общества, вторая группа располагаетъ болѣшимъ капиталомъ, то процентъ будетъ выше. Въ современномъ хозяйствѣ есть условіе, ослабляющее влияніе первой группы: это—распространенность акціонерныхъ предпріятій; они дѣлаются для капиталистовъ возможнымъ не вести предпріятій, но участвовать въ барышахъ. Эта форма позволяетъ быть предпринимателями и тѣмъ людямъ, которые не умѣютъ руководить промышленными и торговыми дѣлами. Распространенность акціонерныхъ обществъ препятствуетъ, по мнѣнію Родбертуса, понижению процента.

Высшій размѣръ процента опредѣляется должниками. Заемодавцы всегда желаютъ получить высокій процентъ; должники же стараются добыть капиталъ на болѣе выгодныхъ условіяхъ. Высота процента опредѣляется должниками въ зависимости отъ цѣлей, для которыхъ они покупаютъ пользованіе капиталомъ. Оно покупается или для веденія предпріятія, или для потребленія. Разъ занимаютъ капиталъ для веденія промысла, то высшій уровень процента опредѣляется болѣшимъ или меньшимъ доходомъ самого предпріятія. Если же занимаютъ капиталъ для потребленія, то должникъ сравниваетъ удовольствіе, которое онъ получить при помощи занимаемаго капитала, и лишеніе, которое понесеть, если не будетъ имѣть его. Подъ влияніемъ этихъ вычислений и сравнений должники и опредѣляютъ наибольшую высоту процента. Такъ какъ большую массу капиталовъ берутъ взаймы для производства, то первая группа должниковъ и установляетъ высоту процента: его высшій уровень опредѣляется въ большинствѣ случаевъ предполагаемою доходностью предпріятія. Въ конечномъ итогѣ высота опредѣляется отношеніемъ между предложеніемъ капитала и спросомъ на него, то опускаясь до низшаго уровня, то поднимаясь до высшаго. Ростъ населенія и богатства ведетъ къ тому, что высота процента понижается. Ближайшими причинами понижения служатъ: 1) увеличеніе числа людей, которые, располагая капиталомъ, лично не ведутъ предпріятія и тѣмъ увеличиваются

предложение капитала, и 2) возрастание массы капиталовъ. Но есть условия, которые задерживаютъ ростъ капиталовъ и препятствуютъ понижению процента. Таковы прежде всего войны; они уничтожаютъ массу капиталовъ и естественно ведутъ къ повышению процента. Другое, уже отмѣченное условіе—развитіе акціонерныхъ компаний, дающихъ капиталистамъ возможность безъ труда получать прибыль предпріятія. Отмѣтимъ также вліяніе, которое цѣна денегъ оказываетъ на высоту процента. Развь деньги хронически падаютъ въ цѣнѣ, процентъ ростетъ: если цѣнность денегъ понижается, то каждый, дающій деньги взаймы, знаетъ, что, по полученіи процента, будетъ располагать меньшою покупательною силой; а потому, при установлении высоты процента, принимаются въ разсчетъ колебанія цѣны денегъ.

Положеніе, что процентъ на всѣ капиталы, данные въ ссуду, стремится къ одному уровню, долго принималось въ политической экономіи безъ оговорокъ. Несомнѣнно, есть тяготѣніе процента къ одному уровню, но оно встрѣчаетъ много противодѣйствующихъ условій. Обыкновенно капиталы, суженные изъ низкаго процента, перемѣщаются туда, где онъ выше, вслѣдствіе чего и совершается уравненіе процента въ большинствѣ долговыхъ обязательствъ. Стремленіе процента къ одному уровню обнаруживается съ особеною ясностью въ большихъ торговыхъ городахъ, где многочисленныя кредитныя учрежденія, сосредоточивающія огромные запасы денежныхъ капиталовъ, почти одновременно повышаютъ или понижаютъ высоту процента. Однако, на пути къ уравненію есть большія препятствія. 1) Индивидуальные различія въ оцѣнкѣ полезности капиталовъ заимодавцами и должниками. Одни склонны давать свой капиталъ въ ссуду за низкій процентъ, другіе — за высокій. Одни должники преувеличиваютъ ожидаемую доходность своего предпріятія, другіе — оцѣниваютъ ее чрезмѣрно низко. 2) Оказываютъ вліяніе также различія условій, при которыхъ капиталы отдаются въ пользованіе. Таковы: стѣсненіе положеніе кредитующихся, отсутствіе учрежденій, которыя облегчаютъ кредитъ и т. п. Сюда же относится срокъ, на который берутъ взаймы: если капиталъ берутъ на долгій срокъ, то пользованіе имъ уступается за низшій процентъ, ибо заимодавецъ освобождается отъ необходимости часто разыскивать лицъ, желающихъ пользоваться его капиталомъ, оцѣнивать надежность должниковъ; если же занимаютъ капиталъ на короткій срокъ, то пользованіе уступается за болѣе высокій процентъ. Наконецъ, уравненію процента въ разныхъ странахъ препятствуютъ различія въ культурѣ. Высокимъ процентомъ считаются въ Англіи 5%, годовыхъ, въ Россіи — 10%, въ Персіи — 30%. Эти различія могутъ быть сведены къ разницѣ въ высотѣ культуры.

Съ ростомъ культуры измѣняется и процентъ. Въ нецивилизованныхъ странахъ процентъ высокъ, такъ какъ въ его составъ входитъ большая страховая премія: во многихъ азиатскихъ государствахъ платить 60% годовыхъ, главнымъ образомъ, потому, что общественный порядокъ слабо обеспечиваетъ заимодавцу возвратъ капитала. Въ странахъ же культурныхъ процентъ низокъ; заимодавецъ юридически обеспеченъ въ возвращеніи ему капитала, а потому и страховальная премія, вознаграждающая за рискъ, можетъ опуститься до низшаго уровня.

Все, что мы говорили до сихъ поръ о процентѣ, не можетъ быть примѣнено къ случаямъ такъ называемаго ростовщичьяго кредита. Если человѣкъ занимаетъ для удовлетворенія насущныхъ потребностей семьи или для приобрѣтенія такихъ вещей, безъ которыхъ невозможно поддержаніе хозяйства (таковы, напримѣръ, лошадь или волъ для пахоты, скѣмена для посѣва), или для безотлагательного исполненія требованій общественной власти (уплата налоговъ) и если заемщикъ принадлежитъ къ бѣднѣшимъ классамъ населенія, о которыхъ не заботится государство или частная благотворительность, то процентъ достигаетъ баснословной, почти невѣроятной высоты. Въ этихъ случаяхъ дающій взаймы руководствуется однимъ соображеніемъ: взять все, что должникъ, угнетаемый нуждою, готовъ дать, даже до послѣдней рубашки.

Выгодно ли для страны непрерывное пониженіе процента или нетъ? — вотъ вопросъ, на который въ литературѣ даютъ разные отвѣты. Англійскіе экономисты считаютъ невыгоднымъ для страны рѣзкое пониженіе процента, ибо оно уменьшаетъ въ людяхъ наклонность къ сбереженію. Мы же примикаемъ къ очень старому воззрѣнію — воззрѣнію Тюрго. Онъ уподобляетъ высоту процента морю, которое покрываетъ плодородныя равнины, цвѣтущіе острова; по мѣрѣ того, какъ уровень моря понижается, человѣку открываются новыя естественные богатства.. Точно такъ же и пониженіе процента расширяетъ сферу промышленной дѣятельности людей ⁸⁾.

Б) Вторую часть прибыли образуетъ *барышъ предпринимателя*. Въ немъ можно различать три доли: 1) вознагражденіе за трудъ предпринимателя, 2) плата за рискъ возможныхъ потерь, премія за рискъ и, наконецъ, 3) чистый барышъ. Барышъ предпринимателя представляетъ такія особенности: а) Если сравнимъ съ одной стороны процентъ, ренту и заработную плату, а съ другой — барышъ, то увидимъ, что высота первыхъ видовъ дохода устанавливается путемъ предварительного соглашенія, а барышъ заранѣе не опредѣляется; только окончаніе производства и сбытъ товаровъ выясняютъ ого размѣры. б) Если проанализируемъ большую часть предприятій, то увидимъ, что

рента, процентъ и заработка плата значительной своей долей поступаютъ изъ наличного капитала предпринимателей; а барышъ есть остатокъ, который обнаруживается по сбыту товара, когда производство закончено.

1) Первую составную часть барыша образуетъ *плата предпринимателю за его трудъ*. Предприниматель руководить предпріятіемъ, заботится о техническихъ усовершенствованіяхъ, наблюдаетъ за рабочими. Этотъ трудъ можетъ быть выполненъ или самимъ хозяиномъ—и тогда ему поступаетъ часть барыша, имѣющане значение заработной платы, или же эти обязанности — такъ бываетъ во всѣхъ колективныхъ предпріятіяхъ,—поручаются наемнымъ лицамъ; тогда имъ и поступаетъ заработная плата. Руководство предпріятіемъ образуетъ полезный трудъ, и выдѣление части барыша въ заработную плату предпринимателя получаетъ полное оправданіе.

2) Мы находимъ въ барышѣ и *страховую премію*. Каждое предпріятіе сопряжено съ рискомъ: всегда возможно стеченіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, которое влечетъ за собою полную неудачу и даже раззореніе предпринимателя. Банкротство наносить непосредственный и наибольшій ущербъ самому предпринимателю, косвенно же причиняетъ невыгоды всему народному хозяйству. Эти потери становятся менѣе чувствительны, когда известная доля дохода назначается на покрытие убытковъ. Въ крупныхъ и хорошо организованныхъ предпріятіяхъ изъ долей барыша, ежегодно отчисляемыхъ въ страховую премію, образуется запасной капиталъ, который и предназначается на покрытие убытковъ.

3) Третью и послѣднюю часть мы можемъ назвать *чистымъ барышомъ*; величина этой части далеко не одинакова въ различныхъ предпріятіяхъ. Особыя условія, частію связанныя съ личностью предпринимателя, частію находящіяся виѣ его, нерѣдко поднимаютъ чистый барышъ выше среднаго уровня. Одни предприниматели обладаютъ особынмъ искусствомъ въ пользованіи материаломъ и въ результатахъ получаютъ излишекъ, сравнительно со средней величиной; другіе продаютъ товары при особенно выгодныхъ условіяхъ; треты знаютъ какой-либо секретъ производства, увеличивающій выгоды предпріятія. Эти обстоятельства и служатъ причинами неодинаковой высоты чистаго барыша. Главнымъ же образомъ различія въ чистомъ барышѣ связаны съ размѣрами производства. Крупные производители всегда извлекаютъ большія выгоды изъ пользованія силами природы. Если въ данной отрасли преобладаетъ мелкая и средняя промышленность, то товары сбываются по цѣнамъ, установленнымъ мелкими и средними производителями, а крупные предприниматели, пользуясь выгодами обширныхъ размѣровъ производства, имѣютъ, сравнительно съ мелкими,

большій барышъ. На высоту послѣдняго дѣйствуютъ также привилегіи и монополіи, которыя даются отдельнымъ лицамъ и ограничиваютъ число предпринимателей въ извѣстной сферѣ производства.

Упомянемъ объ ошибкѣ, которую обыкновенно дѣлаютъ при исчислении высоты прибыли. Промышленники опредѣляютъ ее въ процентномъ отношеніи ко всему капиталу, который вложенъ въ предприятіе. Такъ, если изъ валового дохода предприятия въ 100,000 рублей 50,000 покрываютъ расходы на приобрѣтеніе сырого материала, 25,000 поступаютъ въ плату работникамъ и 25,000 образуютъ прибыль, то капиталистъ, относя свою долю ко всему капиталу, говорить о прибыли въ 25%. Такое исчисление не представляетъ ничего страннаго съ точки зренія частнаго хозяйства: каждый рубль, затраченный капиталистомъ на производствѣ, однороденъ со всѣми другими рублями; для капиталиста имѣть значение чистый доходъ, полученный отъ производства самъ по себѣ, а отнюдь не въ связи съ элементами производства. Но наука о народномъ хозяйстве не можетъ довольствоваться такими исчисленими. Предъ ней валовой доходъ предприятия, определенный нами въ 100,000 рублей, распадается на двѣ разнородныя доли: первую, мертвую долю, лишенную творческой силы, образуютъ сырые материалы, которыми соотвѣтствуютъ 50,000 рублей — половина валового дохода предприятия. Вторую долю, созидающую, образуютъ тѣ 25,000 рублей, которые уплачены работникамъ за ихъ трудъ. Только благодаря приложению труда, сырые материалы были преобразованы, и только благодаря затратѣ этихъ 25,000 рублей на покупку рабочей силы и получилась избыточная цѣнность, прибыль. Итакъ, въ предприятіи, которое послужило намъ примѣромъ, прибыль (25,000 изъ 50,000) составляетъ 50%. Такъ какъ въ суммѣ, затраченной на сырые материалы, заключается и прибыль, которая получена при ихъ добываніи (изъ 50,000 рублей въ нашемъ примѣрѣ, быть можетъ, 20,000 образуютъ прибыль), то принятый промышленниками способъ исчислениія дохода умаляетъ размѣры избыточной цѣнности, которая производится въ предѣлахъ народнаго хозяйства.

Общая высота прибыли зависитъ отъ слѣдующихъ условій: а) продолжительности рабочаго дня; б) степени напряженности труда; в) производительности труда, и г) доли, получаемой работникомъ изъ продукта. Эти условія могутъ сочетаться въ самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ. Не перечисляя всѣхъ возможныхъ сочетаній, мы установимъ такія положенія. 1) Прибыль возрастаетъ съ увеличеніемъ длины рабочаго дня, напряженности труда, его производительности и съ уменьшеніемъ доли продукта, поступающей работнику. 2) Прибыль уменьшается съ уменьшеніемъ длины рабочаго дня, напряженности

труда, его производительности и съ увеличениемъ доли продукта, поступающей работнику. Можно пояснить эти теоремы такимъ словеснымъ примѣромъ. 40 работниковъ, трудясь ежедневно по 10 часовъ, со степенью напряженія x и при изготавленіи въ каждый часъ $2^{1/2}$ единицъ товара, производятъ 1000 единицъ; изъ нихъ 500 единицъ поступаютъ въ заработную плату и 500 — въ прибыль. Если рабочій день будетъ удлиненъ на 1 часть, напряженность труда увеличится на $1/10 x$, применение усовершенствованныхъ машинъ дастъ возможность производить 5 единицъ товара въ часъ, вместо $2^{1/2}$ единицъ, изъ общей массы продуктовъ въ заработную плату поступить на $1/10$ меньше, то прибыль составить 1950, т.-е. увеличится почти въ 4 раза. Такие результаты получаются вслѣдствіе того, что, вместо 1000 единицъ товара, удвоенная производительность труда позволитъ изготовить 2000 единицъ, а удлиненіе рабочаго дня на 1 часть и ростъ напряженности труда на $1/10$ позволить, при удвоенной успѣшности труда, произвести еще 400 единицъ; уменьшеніе же заработной платы на $1/10$ (50 единицъ) оставить для прибыли 1950. Если, держась того же примѣра, предположить, что заработка плата абсолютно увеличилась въ 2 раза и только относительно уменьшилась, то, вслѣдствіе отмѣченного измѣненія остальныхъ трехъ условій, прибыль возрастетъ съ 500 на 1400 единицъ, т.-е. увеличится на 280%.

Успѣхи народнаго хозяйства безостановочно повышаютъ прибыль. Четыре условія, имѣющія вліяніе на высоту прибыли, измѣняются въ такомъ напряженіи: рабочій день сокращается, заработка плата абсолютно возрастаетъ; но эти перемѣны, неблагопріятныя для прибыли, съ избыткомъ перевѣшиваются увеличеніемъ напряженности труда и, особенно, ростомъ его производительности. Если перемѣны, касающіяся первого и втораго условій, имѣютъ тенденцію уменьшить прибыль на x , то измѣненіе двухъ послѣднихъ условій увеличиваетъ ее на $2 x$, $3 x$ и т. д. Эти перемѣны доказываются всего болѣе убѣдительно тѣмъ, что, по мѣрѣ развитія фабричнаго законодательства, сокращающаго рабочій день, сами промышленники выступаютъ иногда съ инициативой уменьшенія числа рабочихъ часовъ. Сошлемся на лодзинскихъ фабрикантовъ, которые въ 1893 году сократили рабочій день съ 13 на 12 часовъ и, при этомъ, не уменьшили заработной платы. Ихъ склонило къ этому сознаніе, что размѣры прибыли не уменьшаются, такъ какъ, при уменьшеніи количества работы, трудъ можетъ достигнуть большаго напряженія. Въ странахъ высокой культуры и прибыль высока; но величина доли, остающейся капиталистамъ, зависитъ отъ того, какая доля избыточной цѣнности поступаетъ землевладѣльцамъ въ видѣ ренты. Если населеніе рѣдко и рента

невысока (Америка), то въ распоряжении капиталиста остается очень большая доля избыточной цѣнности; такое состояніе народного хозяйства заставляетъ сказать, что прибыль высока. Если населеніе густо и рента высока (Англія), то капиталисту остается, сравнительно, малая часть избыточной цѣнности и, съ точки зрѣнія капиталиста, говорить о незначительныхъ размѣрахъ прибыли. Этимъ явлѣніемъ объясняется, напримѣръ, тотъ фактъ, что англійскіе или бельгійскіе капиталисты не рѣдко находять болѣе выгоднымъ основать промышленное предпріятіе въ Россіи, нежели въ Англіи и Бельгіи. Избыточная цѣнность, создаваемая фабричнымъ трудомъ, въ Англіи болѣе велика, чѣмъ въ Россіи; но въ первой странѣ несравненно большая доля поступаетъ въ ренту (наемная плата за участокъ земли, на которомъ стоитъ промышленное заведеніе, рента, рудниковъ, выдѣляемая изъ валового дохода горнаго промысла), а потому капиталисту остается меньше, нежели въ нашемъ отечествѣ.

Со времени Рикардо въ наукѣ установилось положеніе, что прибыли во всѣхъ отрасляхъ производства стремятся къ одному уровню. Эта теорія вызвала много возраженій, однако, она должна быть признана вѣрною. Прибыли никогда не равны, но таготьютъ къ одному уровню. Это выражается въ томъ, что къ отрасли производства, которая начинаетъ давать прибыль выше средней, направляются не только свободные капиталы, но и помѣщенные въ производствахъ, дающихъ малый доходъ. Большинство производителей ведутъ предпріятія съ помощью кредита; при уменьшениі прибыли, они сокращаютъ займы, и освобожденные ими капиталы берутся въ займы предпринимателями въ болѣе прибыльныхъ производствахъ. Вслѣдствіе такого перелива капиталовъ, въ болѣе выгодныхъ отрасляхъ производство расширяется, соперничество возрастаетъ и прибыль понижается, а въ первыхъ—наоборотъ; такимъ путемъ происходитъ уравненіе прибылей. Однако, есть много условій препятствующихъ уравненію. Равенству прибылей прежде всего препятствуетъ то, что въ различныхъ производствахъ составная части капиталовъ не однородны: въ однихъ главную долю капитала образуетъ его мертвая часть и затрачивается сравнительно немного на оплату текущаго труда; въ другихъ же наблюдается обратное явленіе. Возьмемъ три предпріятія. Предположимъ, что въ первомъ ежегодно затрачивается 80,000 рублей для приобрѣтенія сырыхъ материаловъ и покрытия расходовъ, которые причиняются потребленіемъ машинъ, зданій и орудій, и только 10,000 рублей поступаютъ въ заработную плату. Предположимъ, что во второмъ предпріятіи соответствующіе расходы составляютъ 60,000 и 20,000, а въ третьемъ 40,000 и 30,000. Такъ какъ только текущій трудъ создаетъ прибыль, то, при условіи, что во всѣхъ

трехъ предпріятіяхъ оплачивается половина рабочаго времени а половина образуетъ избыточную цѣнность, послѣдняя составить въ первомъ предпріятіи 10,000 рублей, во второмъ — 20,000 и въ третьемъ — 30,000. Цѣнность товаровъ, произведенныхъ за годъ въ каждомъ изъ трехъ предпріятій, будетъ равна 100,000 рублей; но относительно всѣхъ расходовъ предпринимателя первое получить 11,1% прибыли, второе — 25%, и третье — 42,8%.

Среди предпріятій—и прежде всего въ предѣлахъ одного и того же народнаго хозяйства—происходитъ уравнивающій процессъ. Отдельные предпріятія не являются совершенно обособленными; они составляютъ части одного цѣлага, и избыточная цѣнность, производимая въ каждомъ изъ нихъ, не связана съ нимъ цѣликомъ и исключительно. Если избыточная цѣнность относительно всего капитала очень велика, то часть ея посредствомъ обмѣна переносится въ другія предпріятія; если же избыточная цѣнность очень мала, то къ ней приростаетъ часть избыточной цѣнности другихъ предпріятій. Въ основаніи этихъ передвиженій лежитъ соперничество предпринимателей: оно побуждаетъ многихъ, еще до появленія товара на рынкѣ, уступать часть избыточной цѣнности; уступаемая часть переходитъ къ тѣмъ предпринимателямъ, въ сознаніи которыхъ прочно держится убѣжденіе, что нельзя довольствоваться очень низкой нормой прибыли, хотя бы трудъ былъ производителенъ, предпріятіе благоустроено и абсолютная высота прибыли велика. Мы можемъ пояснить это тремя вышеприведенными примѣрами. Если въ каждомъ изъ указанныхъ предпріятій производится 100,000 единицъ товара, то цѣнность единицы, принимая въ разсчетъ количество труда, перенесенного сырыми материалами, зданіями и машинами, а также всего текущаго труда (какъ оплаченного работнику, такъ и образующаго прибыль), будетъ равна одному рублю. Поступая на рынокъ по цѣнѣ, равной цѣнности, товары дадутъ своимъ хозяевамъ прибыль не одной и той же высоты. Такъ какъ прибыль послѣдняго (42,8%) и абсолютно, и относительно очень высока, то онъ (и другіе предприниматели, которые находятся въ однородныхъ условіяхъ), зная по опыту, насколько соблазнительна такая доходность, зная, какъ охотно направляются многие капиталы именно въ эту отрасль, устанавливаетъ фабричныя цѣны ниже цѣнности, напримѣръ, по 90 копѣекъ за единицу товара вместо 1 рубля: при этомъ его прибыль понизится абсолютно на 10,000 рублей, а относительно (20,000 на 70,000) съ 42,8% до 28,5%. Предприниматели первой группы, опираясь на сознаніе, что прибыль въ 10% невероятно низка, что она представляется для капиталистовъ мало соблазнительной, что она не можетъ привлечь много соперниковъ, устанавливаютъ фабричныя цѣны, по кото-

рымъ товары поступаютъ на рынокъ, значительно выше цѣнности. Если цѣна товара, соотвѣтствующая цѣнности, равна одному рублю, то она будетъ установлена. быть можетъ, на 1 рубль 10 копѣйкахъ, что подниметъ прибыль абсолютно съ 10,000 на 20,000 рублей, а относительно съ 11,1% на 22,2%. Установленіе такихъ цѣнъ, при самомъ выходѣ товаровъ изъ промышленныхъ заведеній и ранѣе, чѣмъ они будуть испытывать на себѣ вліяніе разнообразныхъ силъ, дѣйствующихъ на рынкѣ, повысить прибыль и относительпо, и абсолютно въ однихъ производствахъ и понизить въ другихъ. Если поверхности оцѣнивать явленія, то можно думать, что такое повышение прибыли есть результатъ обмѣна. На самомъ же дѣлѣ оно предшествуетъ обмѣну. Всматриваясь глубже въ эти явленія, мы видимъ, что при этомъ совершается процессъ сложенія избыточныхъ цѣнностей, производимыхъ во многихъ предприятияхъ данной страны, и распределеніе этихъ цѣнностей между многими предприятиями: тѣ, где избыточная цѣнность относительно всего капитала, затраченного въ производство, очень велика, вынуждены уступить часть этой цѣнности; тѣ же предприятия, которые имѣютъ относительно всего капитала малую избыточную цѣнность, поставлены такъ, что могутъ отвлечь въ свою пользу часть избыточной цѣнности другихъ предприятий. Этотъ процессъ смягчаетъ неравенство прибылей въ разныхъ производствахъ, но не можетъ устранить его. На ряду съ этимъ и многія другія особенности предприятій препятствуютъ тому, чтобы было достигнуто полное равенство.

Во-первыхъ, не всѣ производства связаны съ одинаковымъ рискомъ для предпринимателей; некоторые настолько просты, такъ соотвѣтствуютъ потребностямъ данного мѣста, что не сопряжены со значительнымъ рискомъ. Кто открываетъ, кирпичный заводъ около города, где постоянно ощущается нужда въ строительномъ матеріалѣ, тотъ, конечно, мало рискуетъ. Прибыль въ такихъ предприятияхъ несомнѣнна, а потому и страховая премія можетъ быть въ нихъ очень низка. Наоборотъ, кто начинаетъ новое производство, еще мало извѣданное, продукты котораго еще не имѣютъ широкаго круга потребителей, или же такое предприятіе, которое, по самому своему характеру, сопряжено съ большимъ рискомъ, тотъ всегда получаетъ большую прибыль. Обыкновенно излишекъ возвышаетъ ту часть прибыли, которую мы называемъ страховою преміей. Во-вторыхъ, оказывается вліяніе отношеніе между оборотнымъ и постояннымъ капиталами, затраченными въ предприятіе. Если великъ оборотный капиталъ, то не трудно измѣнить направление предприятия; но въ фабричной промышленности машины составляютъ такую крупную часть капитала, что перемѣна дается не легко, машины обезѣниваются и заставляютъ долгое время

держаться данного производства въ надеждѣ на возвышение прибыли. Равенству прибылей препятствуетъ также монопольное положеніе отдельныхъ предпріятій. Разъ предприниматели захватили отрасль, въ которой требуется затрата очень большихъ капиталовъ, доступъ въ нее уже закрывается для другихъ производителей. Вслѣдствіе этого на производимые ими продукты устанавливается очень высокая цѣна, которая можетъ поднять и прибыль далеко выше средняго уровня. Возьмемъ хотя бы такое предпріятіе, какъ желѣзная дорога. Для ея постройки необходима затрата громадныхъ капиталовъ, а потому строители получаютъ фактическую монополію, которую и могутъ пользоваться въ теченіе долгаго времени; эта монополія даетъ имъ большую прибыль, если по желѣзной дорогѣ движеніе оказывается съ самаго начала очень значительнымъ. Наоборотъ, если предварительные расчеты оказались, при сооруженіи, ошибочными, то, за невозможностью реализовать затраченный капиталъ, прибыль можетъ долгіе годы стоять ниже средняго уровня. Къ тому же разряду вицѣнныхъ условій слѣдуетъ отнести разныя мѣропріятія правительства. Такъ, если правительство, чтобы поддержать отечественное производство машинъ, запрещаетъ ввозъ машинъ изъ-за границы, то даетъ туземнымъ машиностроителямъ возможность извлекать изъ производства крупныя выгоды, ибо сами техническія особенности этого промысла затрудняютъ въ немъ соперничество многихъ предпринимателей. Уравненію препятствуютъ также условія, связанныя съ личностью хозяевъ: незнаніе высоты прибыли въ другихъ производствахъ, привычка къ данному занятію и т. п.

Какимъ измѣненіямъ подвергается прибыль съ развитіемъ общественного хозяйства?

По мнѣнію Маркса, ростъ производительности труда увеличиваетъ избыточную цѣнность, но уменьшаетъ норму прибыли, т. е. отношеніе прибыли къ всему капиталу предпріятія. Съ ростомъ успѣшности труда—такъ поясняютъ это положеніе—цѣнность матеріаловъ и орудій, которые причитаются на средняго работника, возрастаетъ въ большей степени, нежели цѣнность, вновь создаваемая работникомъ. А потому, какъ бы мало ни получалъ работникъ изъ созданного имъ продукта, избыточная цѣнность падаетъ на болѣшій капиталъ и, относительно, понижается.

Это положеніе не можетъ быть принято. Марксъ напоминаетъ, что успѣхи производительности труда въ отрасли промышленности, доставляющей орудія для другихъ, уменьшаютъ затраты въ послѣднихъ, понижаютъ въ нихъ цѣнность постоянного капитала и повышаютъ норму прибыли. Тому же способствуетъ и всякое, вообще, уменьшеніе затратъ на постоянный капиталъ:

группированиe работниковъ изъ большіи массы, сбереженія на постройкахъ, отоплениі, освѣщеніи зданій, примѣненіе новыхъ двигателей и рабочихъ машинъ. Цѣнность всѣхъ этихъ предметовъ, вмѣстѣ взятыхъ, можетъ абсолютно возрасти, но, относительно, она понижается, уменьшается въ сравненіи съ массой труда, который прилагаются при помощи этого капитала. Подробно перечисляя факты, которые препятствуютъ паденію нормы прибыли, Марксъ даетъ такую группировку: а) Усиленная эксплуатациа труда посредствомъ удлиненія рабочаго дня и увеличенія напряженности работы. Ускореніе хода машинъ, широкое пользованіе трудомъ женщинъ и дѣтей, улучшеніе методовъ работы, освобожденіе промышленныхъ предпріятій отъ разныхъ стѣсненій, которыя налагаетъ на нихъ государство, изобрѣтенія, пока они не вошли во всеобщее употребленіе— вотъ факты, благопріятствующіе возрастанію прибыли. б) Этому способствуетъ также пониженіе заработной платы, в) удешевленіе частей постоянного капитала и г) относительное перенаселеніе, доставляющее дешевый трудъ. Послѣднее замедляетъ примѣненіе машинъ; являются новыя отрасли производства, въ которыхъ рабочие многочисленны, а постоянный капиталъ не великъ. д) Такъ же дѣйствуетъ развитіе международной торговли, по скольку она удешевляетъ элементы постоянного капитала и средства продовольствія⁷).

Итакъ, есть цѣлый рядъ условій, которыя препятствуютъ пониженію нормы прибыли. Ихъ такъ много, что упраздняется и самый законъ.

Перечисленные факты, въ своей совокупности, образуютъ систему явлений, которая охватываетъ все производство. Она влияетъ не на единичные предпріятія, даже не на отдельныя отрасли промышленности, а на все народное хозяйство любой страны. Норма прибыли не понижается въ данной отрасли потому, что ростъ производительности труда въ другихъ областяхъ удешевляетъ для нея средства производства: успѣхи воздѣлыванія хлопка понижаютъ цѣнность матеріаловъ, перерабатываемыхъ въ хлопчато-бумажной промышленности, и препятствуютъ пониженію въ ней нормы прибыли. То же наблюдается во всѣхъ отрасляхъ. Можно сказать безошибочно, что сырье матеріалы и орудія, получаемые любою отраслью въ началѣ 20 вѣка, составляютъ плодъ болѣе производительного труда, чѣмъ были такие же матеріалы и орудія въ началѣ послѣдней четверти XIX столѣтія. Въ промышленности каждой развивающейся страны нелегко отыскать производство, которое не сдѣлало успѣховъ даже за одно десятилѣтіе. То же скажемъ и о сбереженіяхъ на постоянномъ капиталѣ. Отдельные факты, подробно перечисляемые Марксомъ, также не представляютъ чеголибо единичнаго, исключительнаго. Лучше ли пользуется предпри-

ниматель рабочей силой теперь, чѣмъ пользовался ею 30—40 лѣтъ тому назадъ? Объ этомъ не можетъ быть двухъ мнѣній. Фабрічные законы ограничили приложеніе женскаго и дѣтскаго труда; они сократили рабочее время и мужчинъ. Но количественное уменьшеніе труда далеко перевѣшивается приростомъ его интензивности; каждое усовершенствованіе машинъ дѣлаетъ трудъ болѣе интензивнымъ. Сравненіе народныхъ хозяйствъ подкрѣпляетъ это положеніе. Кто привыкъ работать на материкѣ Европы тотъ находитъ трудъ въ Англіи очень тяжелымъ, хотя рабочій день англичанъ короче, чѣмъ въ Австріи и Франціи; а англійскій работникъ, при одномъ и томъ же числѣ часовъ, считаетъ трудъ въ Соединенныхъ Штатахъ болѣе обременительнымъ, чѣмъ въ Англіи. Эти различія доказываютъ, что эксплуатациѣ рабочей силы тѣмъ сильнѣе, интензивность труда тѣмъ больше, чѣмъ успѣшнѣе развивается промышленность. Эти сопоставленія доказываютъ, что мѣропріятія государства, охраняющія работниковъ, въ меньшей степени сокращаютъ количество труда, чѣмъ успѣхи техники увеличиваютъ его напряженность. Скажемъ то же объ изобрѣтеніяхъ. Они становятся все болѣе многочисленны: по приблизительному подсчету, число изобрѣтеній, отъ крупныхъ до самыхъ мелкихъ, превосходитъ 100.000 въ годъ. Они образуютъ въ совокупности обширную и развѣтвленную сеть техническихъ улучшеній, которая охватываетъ всю промышленность передовыхъ народовъ; каждый годъ многія тысячи предпріятій въ разныхъ отрасляхъ примѣняютъ новыя изобрѣтенія и тѣмъ охраняютъ норму прибыли отъ пониженія. Давленіе на заработную плату, связанное съ усиленіемъ предложеніемъ рабочихъ рукъ, также должно быть признано общимъ явлѣніемъ. При какихъ бы обстоятельствахъ оно ни обнаруживалось, можно считать его слѣдствіемъ перенаселенія. Создается ли избыточное населеніе быстрыми успѣхами техники и распространениемъ машинъ, лежитъ ли въ его основаніи приливъ эмигрантовъ, которые навсегда остаются въ странѣ, вызывается ли оно тѣми работниками, которые все большими массами вѣзжаютъ въ страну на времія (такъ передвигаются европейскіе работники въ Южную Америку для уборки жатвы),—оно наблюдается вездѣ, то въ острой формѣ, то въ хронической, и вездѣ оно имѣетъ наклонность понижать рабочую плату. Наконецъ, въ нашъ вѣкъ нельзя говорить о международной торговлѣ, какъ явлѣніи, которое, только вмѣсть со многими другими, оказываетъ влияніе на промышленность. Торговыя сношенія между народами развились настолько, что уже пора говорить о міровомъ хозяйствѣ; оно могущественно дѣйствуетъ на экономическую жизнь странъ, которыхъ принимаютъ въ немъ участіе. Въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ земного шара возникаютъ предпріятія для того, чтобы снабжать міро-

вей рынок все больше дешевыми средствами продовольствия, сырьими материалами и орудиями. Таким образом, цепь системы причинъ действуетъ въ одномъ направлении: она увеличиваетъ размѣры предпріятія, уменьшаетъ цѣнность постояннаго капитала и мѣшаетъ пониженію нормы прибыли.

Можно провѣрить эти положенія съ помощью исторіи хозяйственного быта. Въ прошломъ, при слабомъ развитіи денежнаго оборота, прибыль достигала особенно высокаго уровня въ торговлѣ иностранными товарами. Однако, эти сдѣлки не занимаятъ выдающагося мѣста въ экономической жизни того времени и не даютъ права на общіе выводы. Соперничество не было развито; торговецъ, привозившій изъ за границы ткани, колоніальные товары, предметы роскоши, обыкновенно являлся монополистомъ и могъ назначать очень высокія цѣны. Прибыль отъ такой торговли гораздо больше сходна съ барышемъ ростовщиковъ, нежели съ прибылью отъ правильной торговли, какъ она развилась за послѣднія столѣтія. И теперь есть виды обмѣна, которые похожи, по огромности прибыли, на торговлю въ Европѣ 4—3 вѣка тому назадъ: когда европейскіе или американскіе купцы завязываютъ сношенія съ дикими племенами Азіи, Африки, то, пользуясь невѣжествомъ и довѣрчивостью покупателей, продаютъ имъ бездѣлушки по очень высокой цѣнѣ; обмѣнъ этихъ мелочей на золото, слоновую кость, каменья доставляетъ европейскимъ купцамъ барышъ въ сотни процентовъ.

Если забыть о всѣхъ такихъ сдѣлкахъ — онѣ почти незамѣтны въ общемъ оборотѣ любой страны,—и оцѣнить средніе, типичные случаи купли-продажи, то признаешь пониженіе нормы прибыли совсѣмъ невѣроятнымъ. Въ прошломъ прибыль на единицу товара могла быть велика; но рѣдкое населеніе, несовершенство путей, медленный темпъ хозяйственной жизни препятствовали быстрому обороту капитала, вложеннаго въ предпріятіе, а потому, теперь, при гораздо меньшей выгодности отдельныхъ слѣдовъ для продавца, прибыль на весь капиталъ можетъ быть значительно выше. Густое населеніе, быстрая сношенія между людьми позволяютъ капиталу совершить вѣсколько оборотовъ въ то время, въ которое прежде онъ обрашивался только одинъ разъ.

Противъ положенія Маркса говорить и то, что накопленіе капиталовъ, очень медленное въ прошломъ, совершается теперь съ изумительной быстротой. Роскошь предпринимателей чрезвычайно усилилась именно отъ половины 19 вѣка. При широкомъ личномъ потребленіи, хозяева предпріятій находятъ возможнымъ направлять большія доли прибыли въ резервуары, которые прежде были невелики. Главными участниками въ прибыли отъ промышленности и торговли являются владѣльцы земли въ городахъ. Эти люди получаютъ высокую ренту по-

тому, что въ центральныхъ улицахъ городовъ сосредоточиваются управлениі торговыми и промышленными предпріятіями, доставляющими огромные барыши; здѣсь помѣщаются банки, страховые общества, конторы крупныхъ торговыхъ домовъ. Эти же улицы служатъ мѣстомъ жительства богатыхъ людей, которые получаютъ, главнымъ образомъ, изъ прибыли средства для расходованія десятковъ и сотенъ тысячъ рублей ежегодно. Если земля на Невскомъ проспектѣ и Литейномъ приносить теперь въ 5 и 10 разъ больше, чѣмъ въ половинѣ 19 вѣка, то, главное, вслѣдствіе увеличенія прибыли. Ея возрастаніе позволяетъ отдѣлять миллиарды въ ренту городскихъ домовладѣльцевъ.

Высокая норма прибыли въ современномъ хозяйствѣ видна и изъ того, что торговля и промышленность покрываютъ расходы, которые, по существу, не нужны для ихъ развитія. Дабы сравнивать среднія нормы прибыли въ разные періоды, нужно принимать въ расчетъ средній капиталъ, который, по условіямъ даваго времени, долженъ быть затраченъ для производства товара до момента доставки его на рынокъ. Все же, что расходуется предпринимателемъ только для привлечения потребителей, образуетъ, съ точки зренія общественного хозяйства, ненужную затрату. Люди, живущіе на такой расходѣ, являются въ общественномъ смыслѣ дармоѣдами, если даже отличаются величайшей дѣловитостью, если даже ихъ дѣятельность обнаруживаетъ способности, знанія и связана съ материальными трудомъ. Къ такимъ издержкамъ принадлежать расходы промышленниковъ и торговцевъ на разыѣзжихъ приказчиковъ. Тѣ изъ нихъ — немногіе, — которые знакомятъ рынокъ съ образцами новыхъ товаровъ, могутъ быть признаны полезными и для общественного хозяйства. Огромное же большинство имѣеть только одно назначеніе: привлекать къ данному предпріятію наибольшее число покупателей. Если бы безъ разыѣзжихъ приказчиковъ каждое изъ предпріятій получило $\frac{1}{100}$ заказовъ, то теперь предпріятіе, имѣющее особенно энергичныхъ разыѣзжихъ приказчиковъ, можетъ получить 2, 3, 5 сотыхъ, а предпріятіе, которое не располагаетъ такими искусствами агентами, быть можетъ, только $\frac{1}{200}$. Для интересовъ народнаго хозяйства безразлично, какъ группируются покупатели вокругъ предпріятій данной отрасли производства. Группировка не имѣть никакого вліянія на ростъ народнаго богатства и раздѣлъ общественного дохода между владѣніемъ и трудомъ. А потому, расходы промышленности и торговли на разыѣзжихъ приказчиковъ должны быть разсматриваемы, какъ доли прибыли. Такъ какъ норма послѣдней высока, то значительная часть и можетъ быть затрачиваема на рекламу. Профессоръ Платтеръ вычисляетъ расходы Швейцаріи на эту статью: въ 1901 году тамъ было 27.349 разыѣзжихъ приказчиковъ; если принять, что средній расходъ

на одного не превышаетъ 4.000 франковъ въ годъ, то затрата на всѣхъ людей этого класса составить 109.396.000 франковъ. И что—въ странѣ съ трехмилліоннымъ населеніемъ. Для Баваріи насчитывали 6.723 разыѣзжихъ приказчика въ 1884 году и 16.712 — въ 1899. Для всѣхъ же странъ европейско-американскаго міра этотъ расходъ составляетъ миллиарды. Платтеръ остроумно замѣчаетъ, что 48% всѣхъ разыѣзжихъ приказчиковъ Швейцаріи торгуютъ средствами продовольствія, „которыя легко достать и безъ такихъ посредниковъ“ ⁸⁾). Къ этому же роду затратъ должна быть отнесена и большая часть расходовъ на рекламы посредствомъ газетъ, уличныхъ плакатовъ, каталоговъ съ гравюрами и т. п. Большия торговые дома, особенно товарные дворцы, затрачиваются на рекламы сотни тысяч рублей ежегодно.

Просматривая отчеты крупныхъ акціонерныхъ обществъ въ любой странѣ, мы сплошь и рядомъ находимъ прибыль въ 25, 30%, и больше. Если же причислить къ прибыли затраты на разыѣзжихъ приказчиковъ, рекламы, награды членамъ правления и совета, плату за наемъ зданій и участокъ земли, то норма прибыли значительно повысится. Не забудемъ также, что въ налогахъ на промышленныя и торговые предприятия государство предъявляетъ право на большую долю прибыли.

Ознакомление съ прибылью будетъ недостаточно, если не укажемъ на ея объективное значеніе. Право частной собственности на капиталъ ведеть къ поступлению и всѣхъ составныхъ частей прибыли въ собственность капиталистовъ и предпринимателей. Преслѣдуя свои личныя цѣли, они не заботятся объ интересахъ всего общества; однако, они даютъ долгъ прибыли такое назначеніе, какое соответствуетъ интересамъ пароднаго хозяйства. Возрастающее населеніе требуетъ съ каждымъ годомъ все большей массы продуктовъ; только при этомъ условіи возможно удовлетвореніе существующихъ потребностей въ привычныхъ размѣрахъ и возникновеніе новыхъ. А потому часть прибыли должна быть ежегодно затрачиваема на расширение производства. Въ современномъ обществѣ предприниматели исполняютъ эту обязанность. Влагая ежегодно часть прибыли въ предприятіе и увеличивая его размѣры, они стремятся къ личному обогащенію; съ тѣмъ вмѣстѣ они служатъ той задачѣ, которая связана съ безостановочнымъ ростомъ населенія. Общественное хозяйство ставить производству и другое требование,—изысканіе способовъ, которые обеспечиваютъ плавное развитіе отдельныхъ предприятій, ограждаютъ ихъ отъ крушения, предупреждаютъ убытки, которые прежде всего падаютъ на предпринимателей и капиталистовъ, а затѣмъ ощущаются и другими общественными группами. Этой цѣли служить доля барыша, которая образуетъ страховую премію и отчисляется

въ запасной капиталъ. Представимъ себѣ такой строй общественного хозяйства, гдѣ капиталы принадлежатъ государству: и тамъ предсмотрильная общественная власть отдавала бы часть прибыли на расширение производства, а другую, въ качествѣ страховой преміи—на покрытие потерь, связанныхъ съ веденiemъ предпріятій.

Крайне трудно опредѣлить для какого-либо народнаго хозяйства ту часть прибыли, которая имѣеть объективно-экономическое значеніе. Предприниматели въ своей совокупности склонны преувеличивать доли прибыли, которая сберегаются для обѣихъ поставленныхъ цѣлей. Они преувеличиваютъ потребность общества въ расширениі существующихъ предпріятій; это нерѣдко побуждаетъ ихъ къ чрезмѣрному производству, переполненію рынка товарами и влечетъ за собою кризисы. Затрачивая слишкомъ большую долю прибыли на расширение производства, они отчисляютъ много и въ страховую премію. При современномъ порядкѣ вещей, страховая премія можетъ быть разбита на двѣ доли: каждый, начиная предпріятіе, предполагаетъ возможность потерь; въ силу присущаго большинству людей старанія охранить собственные интересы, потери, предполагаемыя и ожидаeмыя всѣми предпринимателями, значительно превышаютъ потери, которые дѣйствительно могутъ понести предпріятія страны въ своей совокупности. Есть предпріимчивые люди, склонные не только не преувеличивать риска, связанныаго съ предпріятіемъ, но даже уменьшать его; большинство же должно быть отнесено въ первую группу. Если возможный рискъ выражается буквою x , то, подъ влияниемъ излишней осторожности, его оцѣниваютъ какой-нибудь величиной $x + a$. Страховую премію можно раздѣлить, такимъ образомъ, на двѣ части: одна имѣеть объективную необходимость; эта часть, не превышающая размѣровъ вѣроятныхъ потерь,—естественная страховная премія; другая зависить отъ субъективныхъ свойствъ предпринимателя и составляеть добавочную страховую премію.

Какую крупную долю прибыли мы ни считали бы связанною съ потребностями производства, остается еще очень большой излишекъ, который не имѣеть объективнаго экономического значенія и можетъ быть предназначаемъ на увеличеніе заработной платы. Припомнимъ, что крупный акционерный предпріятія, за отчисленіемъ большой доли барыша въ запасный капиталъ и щедрой оплатой труда директоровъ и другихъ высшихъ служащихъ, даютъ не менѣе 15—20%, на акционерный капиталъ. Если считать даже 6%, необходимыми на расширение туземнаго производства, то останется $\frac{1}{3}$ барыша, которая не имѣеть объективнаго экономического значенія ²⁾.

ПРИМЪЧАНІИ КЪ ЧЕТВЕРТОЙ ГЛАВѢ.

1) *Senior. Outlines of the Science of Political Economy.* 5 изд. 1863.
 2) *Schaeffle. Die Aussichtslosigkeit der Socialdemokratie.* 1885, 52 и дал.
 Желаніе, во что бы ни стало, объяснить прибыль трудомъ и дарованиемъ предпринимателя, диктуется, напримѣръ, такія строки: Деятельность предпринимателя состоять „прежде всего въ томъ, что онъ избираетъ дѣло, которое наиболѣе соответствуетъ условіямъ времени и мѣста и, по рыночнымъ соображеніямъ, обещаетъ наибольшій успѣхъ. Акционерная общества позволяютъ лучше всего прослѣдить за положеніемъ предпринимателя въ этомъ отношеніи. Въ нихъ, для завѣданія технической частью и коммерческой стороной предпріятія, могутъ быть назначены особы лица, специально къ тому подготовленныя. Но никто не можетъ отнять у акціонеровъ обязанность, во имя которой они и остаются предпринимателями, хотя бы стояли далеко отъ предпріятія: выбирать дѣло, обещающее успѣхъ, заботиться о томъ, чтобы соединить для выгодной дѣятельности всѣ элементы производства, отыскать среди конкретныхъ условій то, что нужно для наиболѣе хозяйственнаго употребленія средствъ производства (*Steinbrenner Die Gewinnbetheiligung...* 6—7). Нужно быть очень наивными, чтобы такъ возвеличивать дѣятельность акціонера: наблюденія, сдѣланныя безчисленное множество разъ и во всѣхъ странахъ, показываютъ, что небольшая кучка лицъ создаетъ акціонерное общество и управляетъ имъ въ качествѣ полновластныхъ хозяевъ. Огромное же большинство довольное, если получаетъ хороший дивидендъ. Изъ этого большинства многіе даже не посвѣщаются общихъ собраній. Кто же посвѣщается, тотъ покорно вторитъ голосамъ немногихъ заправильщиковъ. Изъ среды этого большинства слышатся громкіе крики только при маломъ барышѣ, тѣмъ болѣе, въ случаѣ убытковъ, понесенныхъ предпріятіемъ. Но протестующіе очень рѣдко выдвигаютъ новыя и полезныя руководящія начала: все сводится къ сѣтованіямъ, жалобамъ, упрекамъ по адресу людей, которымъ сильно вѣрили въ годы высокихъ дивидендовъ.

3) *George. Progress and poverty,* 127.

4) Тамъ же, 129.

5) *Böhm-Bawerk. Kapital u. Kapitalzins,* II, 248—294.

6) *Turgot, Réflexions sur la form. des richesses,* 116.

7) *Marx. Das Kapital.* III₁, 218—222.

8) *Platter. Grundlehren...* 586.

9) Если населеніе ежегодно возрастаетъ въ среднемъ на 1 проц., то употребление въ проц. на расширение производства достаточно для удовлетворенія существующихъ и вновь возникающихъ потребностей.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Р е н т а .

Пособія: *A. Смітъ.* О богат. народ. Рикардо. Основанія. *Лінсонъ.* Значеніе теоріи ренты Рикардо. 1864. *Д. С. Міллъ.* Основанія. *Корнъ.* Руководство къ соціальнѣй науцѣ. *Bastiat.* Harmonies économiques. *Schaeffle.* Die ausschliessend. Absatzverhältnisse. Tüb. Zeitschrift. 1867. *Мангольдтъ.* Grundriss. *Rodbertus.* Zur Beleuchtung. *Кніесъ.* Der Credit. *Schönberg.* Handbuch I. *George.* Progress and poverty. *Марксъ.* Капіталъ, III. *Behrens.* Ver-

such einer kritischl. Dogmengeschichte der Grundrente. 1868. *Воцциниъ*. Излож. и критич. разборъ важнейшихъ теорій ренты. 1882. См. также *Жуковский*. Кари и его теорія. *Вѣсты Евр.*, 1872. X. *Воцциниъ*. Карль Кніссъ о рентѣ. *Юрид. Вѣсты*, 1884. VII. *Головачевъ*. Теорія ренты. *Слав. Вѣсты*, 1890. XII. *Скворцовъ*. Ученіе о рентѣ. *Юрид. Вѣсты*, 1890, III и IV. *Wagner* Lehrbuch der politischen Oekonomie. II Th. Agrarwesen. 1893. *Meyer*. Das Sinken der Grundrente. 1894. *Макуиловъ*. Аренда земли въ Ирландіи. 1895. *Esslen*. Das Gesetz des abnehmenden Bodenertrages seit Liebig. 1905. *Bosenick*. Der Steinkohlenbergbau in Preußen u. das Gesetz des abnehmend. Ertrages. 1906. *Pabst*. Ist die Grundrente in der Peripherie der Stadt eine allgemeine Monopolrente? *Jahrbücher f. Nationalökonomie. u. Statistik*. 1907. I. Для изученія вопроса обт аренданії земель въ Россіи см., главнымъ образомъ, земескіе статистические сборники и сводъ данныхъ земской статистики въ книгѣ *Карышева*. Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды. 1892.

Рента образуетъ самостоятельную часть общественного дохода. Ад. Смитъ признаетъ рентой плату за пользованіе землей. Исходя изъ отношенія между землевладѣльцемъ и арендаторомъ, онъ считаетъ рентою излишекъ, который остается за покрытиемъ всѣхъ издержекъ арендатора и обычной прибыли на капиталъ; не слѣдуетъ видѣть въ рентѣ часть прибыли капитала, затраченного на улучшеніе земельныхъ участковъ. Всѣ земли, говорить Смитъ, могутъ быть раздѣлены на два разряда. Къ первому относятся тѣ, которые всегда приносятъ ренту: таковы участки, служащіе для воздѣлыванія пищи людямъ и корма скоту. Эти земли всегда даютъ излишекъ (ренту) сверхъ содержавія воздѣлывающаго ихъ работника и затраты капитала. Ко второму разряду относятся земли, которая не всегда даютъ ренту: таковы участки подъ лѣсомъ или содержащіе минералы. Въ однихъ случаяхъ такие участки доставляютъ ренту, а въ другихъ—нетъ. На раннихъ ступеняхъ общежитія, при рѣдкомъ населеніи, эти участки вовсе не приносятъ ренты. Два условія опредѣляютъ высоту ренты: 1) степень плодородія земли и 2) большее или меньшее разстояніе участка отъ рынка сбыта. Такъ какъ въ странѣ большая часть земель обрабатывается подъ хлѣбъ и другіе предметы пищи, то доходъ этихъ участковъ образуетъ наибольшую часть ренты и опредѣляетъ, вообще, доходъ земельныхъ участковъ. Мы встрѣчаемъ очень высокую ренту тамъ, где хозяйство интенсивно или земля особенно плодородна.—Это ученіе содержитъ крупныя ошибки. 1) По мнѣнію Ад. Смита, цѣна произведеній земли регулируется цѣной той массы произведеній, которыхъ добыты на болѣе плодородныхъ участкахъ. Послѣдующія изслѣдованія показали, что цѣна произведеній опредѣляется цѣнною той ихъ части, которая добыта при наименѣе выгодныхъ условіяхъ. Рикардо исправилъ эту ошибку Ад. Смита. 2) По мнѣнію Смита, улучшенія земель повышаютъ земельную ренту. Позднѣйшій анализъ показалъ, что въ дѣйствительности происходитъ обрат-

ное явление. 3) Смить проводить раздѣльную черту между участками, производящими пищу, и всѣми другими участками; первые, думаетъ онъ, всегда приносятъ ренту. Наблюденія показали, что рента всякаго рода земельныхъ участковъ подчиняется однимъ и тѣмъ же законамъ. 4) Адамъ Смить приводить ренту въ связь съ правомъ частной собственности на землю; мѣстами у него есть намекъ на то, что, не будь права частной собственности на землю, не было бы и ренты. Въ дѣйствительности же существованіе ренты не стоитъ въ такой тѣсной связи съ правомъ частной собственности на землю.

Рикардо, возражая Ад. Смиту, установилъ свою теорію ренты; въ деталяхъ она требуетъ поправокъ, въ основѣ же остается незыблемой. Рента, по учению Рикардо, есть плата владѣльцу земли за пользованіе первоначальными и неистощимыми силами почвы. Чтобы выяснить происхожденіе ренты, Рикардо рисуетъ картину постепенного заселенія земного шара. Первоначально занимались самые плодородные участки. Людей было мало, земли много, и для свободнаго выбора открывался полный просторъ. Доходъ отъ земли покрывалъ заработную плату и давалъ среднюю прибыль; вслѣдствіе же равнаго плодородія занимаемыхъ участковъ не было излишка, который поступалъ бы въ собственность владѣльца. Когда все лучшія земли были заняты, возрастающее населеніе было вынуждено перейти къ землямъ втораго разряда, менѣе плодороднымъ. Масса продуктовъ, добываемыхъ съ каждой десятины этой земли, меньше, чѣмъ количество, добываемое съ земель первого разряда: разница и составляетъ ренту. Если, напримѣръ, первоначально люди воздѣлывали участки, дающіе 10 четвертей хлѣба съ десятины, а потомъ принуждены были перейти къ обработкѣ участковъ, доставляющихъ, при одинаковыхъ затратахъ труда и капитала, только 9 четвертей, то лишній сборъ хлѣба съ перваго участка въ количествѣ 1 четверти и составляетъ ренту владѣльца. Съ дальнѣйшимъ развитиемъ культуры и ростомъ населенія люди переходятъ къ участкамъ третьаго разряда. Положимъ, одна десятина этой земли, при такой же обработкѣ, даетъ только 8 четвертей хлѣба: тогда излишекъ хлѣба, добытаго съ земель втораго качества, и составляетъ ренту ихъ владѣльцевъ. Такимъ образомъ, съ переходомъ къ обработкѣ участковъ третьаго разряда, участки втораго качества даютъ ренту въ количествѣ 1 четверти, а рента участковъ первого разряда возрастаетъ уже до 2 четвертей съ десятины. Отсюда ясно, говоритъ Рикардо, что земельная рента появляется и возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ люди обращаются къ участкамъ земли менѣе плодородной.—Отдаленность участковъ отъ рынка сбыта оказываетъ такое же вліяніе на возникновеніе и

возрастаніе ренты, какъ и различіе въ ступени плодородія. Тѣмъ ближе участокъ къ рынку сбыта, тѣмъ меньше издержки на доставку продуктовъ и тѣмъ большій излишекъ поступаетъ въ ренту. Не слѣдуетъ, по мнѣнію Рикардо, приводить земельную ренту въ связь съ правомъ частной собственности на землю: если даже собственникъ земли откажется отъ ренты, то она, все-таки, не исчезнетъ, а перейдетъ къ арендатору. Причина ренты — не въ правѣ собственности, а въ неодинаковомъ плодородіи земельныхъ участковъ, которыми пользуется человѣкъ, и въ различномъ разстояніи ихъ отъ рынковъ сбыта.

Подобно относительному плодородію, на ренту оказываетъ вліяніе и послѣдовательная затрата капиталовъ въ землю. При постепенномъ ростѣ населенія, люди могутъ переходить на худшіе участки, но могутъ, вмѣсто перехода, затрачивать на тѣхъ же участкахъ болѣе, чѣмъ прежде, капиталь для получения большаго количества продуктовъ. Оказывается, однако, что удвоеніе, напримѣръ, капитала не даетъ удвоенного количества продуктовъ; такимъ образомъ, первая половина капитала, затраченная ранѣе, дала болѣе продуктовъ; ихъ излишокъ и составляетъ ренту. Рента, говорить Рикардо, необходимо возрастаетъ съ ростомъ населенія. Не слѣдуетъ думать, что повышеніе ренты служитъ причиной увеличенія народного богатства. Нѣть,—это мнѣніе подобно тому, какъ если бы кто-нибудь сталъ утверждать, что, при переходѣ отъ лучшихъ машинъ къ худшимъ, ростетъ богатство народа; рента — не причина возрастанія богатства, а только его признакъ. Возрастанію ренты препятствуютъ всѣ сельско-хозяйственные улучшенія: они позволяютъ человѣку, не увеличивая воздѣлываемой площади, получать большее количество продуктовъ. Наоборотъ, застой въ земледѣльческой технике ведетъ къ увеличенію ренты.

Это ученіе стало прочнымъ достояніемъ науки; обыкновенно принимаютъ его въ томъ видѣ, какъ изложилъ Рикардо, и вносятъ лишь немного частичныхъ измѣненій. Трудно решить, открыль-ли Рикардо этотъ законъ: несомнѣнно, что элементы этого ученія были выдвинуты англійскимъ экономистомъ Андерсономъ въ 70-хъ годахъ 18 вѣка; почти одновременно съ Рикардо такое же ученіе изложили Мальтусъ и Уэстъ. Но такъ какъ Рикардо болѣе подробно разработалъ его, то оно и связано неразрывно съ его именемъ.

Противъ Рикардо было сдѣлано много возраженій.

Рента, по мнѣнію Бастіа, не есть особый видъ дохода отъ пользованія землею: она составляетъ прибыль на капиталъ, вложенный въ землю. „Смѣю утверждать“, говорить онъ, „что во Франціи нѣть ни одного поля, которое бы имѣло цѣну, равную тому количеству капитала, который на него затраченъ“...¹⁾ Подъ капиталомъ, который былъ вложенъ въ землю, Бастіа

разумѣть средства, внесенные въ землю непосредственно для улучшения ея производительныхъ силъ, а также дороги, мосты и разные другія сооруженія.—Понятно, разъ земля находилась долго подъ обработкой, то найдутся участки, на которые затрачены суммы, превышающія ихъ стоимость въ настоящее время. Возраженіе Бастіа имѣеть политическую окраску. Въ сороковыхъ годахъ 19 вѣка во французской литературѣ проходила упорная борьба между экономистами старой школы и социалистами. Послѣдніе, соглашаясь, что капиталъ можетъ быть предметомъ частной собственности, отрицали право частной собственности на землю; а потому и рента, по ихъ мнѣнію, не должна поступать частнымъ лицамъ. Дабы отстоять право частнаго землевладѣнія, Бастіа и проводить мысль, что сама земля, безъ затраты на нее капитала, не даетъ ничего. Этотъ аргументъ, думать онъ, можетъ опровергнуть учение социалистовъ.

Соглашаясь съ Бастіа, что многие участки земли приобрѣтаютъ цѣнность и даютъ доходъ вслѣдствіе того, что затраченъ капиталъ на ихъ улучшеніе, мы 1) соплемемся въ возраженіе ему и на такие участки, которые приносятъ доходъ помимо вложенного въ нихъ капитала (напримѣръ, участки съ минералами). 2) По Рикардо, ренту даютъ не только наиболѣе плодородные участки, но и тѣ, которые находятся ближе къ рынкамъ сбыта; ренту этихъ участковъ производить разница въ разстояніи, которое не зависитъ отъ улучшения почвы. 3) Бастіа правъ, напоминая, что во Франціи культура существуетъ цѣлый рядъ ивковъ и собственники вложили въ свои земли много капитала; но онъ забываетъ, что затраченный въ землю капиталъ возвращается ежегодно, небольшими долями въ цѣнѣ продуктовъ; и потому нынѣшняя рента отъ улучшенныхъ земель не предназначена покрывать затраты, которыхъ сдѣланы предками.

И до сихъ поръ многие французскіе экономисты держатся поверхностной критики Бастіа. Леруа-Больѣ, выбравъ изъ арсенала Бастіа и Кэри всѣ возраженія противъ Рикардо и торжествуя побѣду, дѣлаетъ, однако, замѣчаніе, которымъ призвается истинность теоріи Рикардо: „Быть можетъ, современемъ, когда весь міръ, всѣ обитаемыя мѣста земного шара будутъ имѣть столь плотное населеніе, какое имѣть теперь Западная Европа, когда будетъ воздѣланъ послѣдній акръ плодородной земли, когда окончательно остановится прогрессъ земледѣльческаго искусства,—теорія Рикардо можетъ сдѣлаться абсолютно истинной“ ²⁾.

Второе возраженіе принадлежитъ Рёсслеру. Рикардо называетъ ренту платой за пользованіе неистощимыми силами почвы; по мнѣнію же Рёсслера, силы почвы не могутъ быть признаны неистощимыми. Это возраженіе основывается на данныхъ зем-

ледъльческой хімії и, въ частности, опирается на учение Лібиха объ истощимости почвы. Истощимость земли складываетъ различія между участками, а тѣ атмосферные силы, которыми необходимы для питанія растеній, распространены повсемѣстно; онъ неистощимы, но не могутъ быть причиною возникновенія ренты.

Не вѣрно, отвѣтимъ мы Рёсслеру, будто истощимы всѣ свойства земли, которыми опредѣляется рента. Можно истощить запасъ минераловъ, но нельзя истощить виѣшнія выгодныя свойства участковъ, связанныя съ ихъ близостью къ рынкамъ сбыта. Существуютъ и другія неразрывно связанныя съ землею важные свойства, которые обусловливаютъ ренту и не могутъ быть истощены: высокое или низменное, равнинное или наклонное положеніе; гора не можетъ быть обработываема съ такимъ удобствомъ, какъ долина (участокъ, лежащий въ долинѣ, даетъ большую ренту). Эти свойства даруются природой, и человѣкъ не въ силахъ измѣнить ихъ. Такимъ образомъ, возраженіе Рёсслера, направленное не противъ теоріи ренты Рикардо, а только противъ определенія, которое Рикардо даетъ рентѣ, должно быть признано несущественнымъ.

Кэри и Родбертусъ сдѣлали третье возраженіе; оно направлено противъ порядка, въ которомъ Рикардо предполагалъ заселеніе земного шара. Первоначально, говорить Рикардо, ареной труда были лучшіе участки земли, и только позднѣе люди перешли къ худшимъ. Ссылаясь на исторію заселенія Сѣверо-Американскихъ штатовъ и нѣкоторыхъ другихъ странъ, Кэри утверждаетъ, что заселеніе земного шара совершилось въ обратномъ порядке. При появленіи первыхъ пionеровъ въ странѣ еще пустынной, лучшіе участки находятся подъ водой и лѣсомъ; завладѣніе ими требуетъ известнаго техническаго искусства и огромнаго труда. Поэтому, люди занимаютъ участки, которые поддаются культурѣ съ меньшими затратами труда и меньшими техническими приспособленіями. Позднѣе, съ ростомъ населенія, совершается переходъ отъ худшихъ участковъ къ лучшимъ: занимаются низменности, осушаются болота, вырубаются лѣса. Если въ области техники (въ обширномъ смыслѣ) человѣчество переходить отъ машинъ несовершенныхъ къ болѣе совершеннымъ, то оно не могло, по мнѣнію Кэри, переходить отъ лучшихъ участковъ къ худшимъ. „Какъ дикарь, не умѣя строить каменный домъ, вскорѣ складываетъ шалашъ изъ вѣтвей, такъ же и онъ, не имѣя средствъ для воздѣлыванія лучшей почвы, довольствуется худшою“³). Теорія Рикардо опровергается, по мнѣнію Кэри, возрастающей производительностью земледѣльческаго труда, улучшеніемъ пищи и расширениемъ другихъ потребностей въ бѣднѣйшихъ классахъ населения.

Критика Родбертуса отличается большею глубиною. Онъ представляет заселеніе земного шара иначе: въ разселеніи людей, говорить онъ, не замѣтно опредѣленнаго плана. Такъ какъ плодородныя земли не отграничены рѣзко отъ неплодородныхъ, то и однѣ и другія занимаются людьми одновременно: при выборѣ мѣста поселенія люди руководствуются не только хозяйственными, но и политическими соображеніями. Родбертусъ ссылается, въ видѣ примѣра, на порядокъ заселенія Германіи въ Средніе Вѣка. Земледѣльцы обыкновенно старались поселиться около замка барона, чтобы иайдти у него защиту отъ враговъ. Замки почти всегда строились на горѣ или холмѣ; земля у подошвы, въ долинѣ, часто могла быть не особенно плодородной; однако, поселенцы вынуждены были, для достиженія личной и имущественной безопасности, предпочитать ее землямъ, болѣе плодороднымъ.

Возраженія Кэри и Родбертуса заставляютъ прежде всего напомнить о значеніи методологическихъ пріемовъ, которыми слѣдуетъ писатель въ своихъ научныхъ изысканіяхъ. Метода Рикардо состоитъ въ томъ, что онъ, держась математической дедукціи, представляетъ намъ экономическую жизнь, какъ она слагается подъ влияніемъ только одной силы — хозяйственного расчета. Его примѣры имѣютъ чисто условное значеніе: они не противорѣчатъ дѣйствительности а только измѣняются ею. Кэри и Родбертусъ, забывая, что предположеніе Рикардо чисто гипотетическое, становятся на точку зрѣнія исторіи. Рикардо и его противники слѣдуютъ различнымъ методамъ, а потому научное положеніе и критика не соответствуютъ другъ другу. Въ общемъ же слѣдуетъ стать на сторону Рикардо, — соглашайтесь, что люди переходили отъ лучшихъ участковъ къ худшимъ. Что съ точки зрѣнія техники кажется совершеннымъ, то съ точки зрѣнія хозяйства можетъ быть неудовлетворительно: участокъ можетъ быть плодороднѣе всѣхъ, которые окружаютъ его, но обработка его иногда не соответствуетъ хозяйственному расчету; хороший, самъ по себѣ, участокъ требуетъ, быть можетъ, предварительного орошенія или осушенія, или же, въ силу политическихъ условій, не обеспечиваетъ поселенцу безопасности и спокойствія. Поэтому, при данномъ уровне культуры и данномъ юридическомъ порядкѣ, занятіе менѣе плодородныхъ участковъ нерѣдко можетъ наиболѣе полно соответствовать хозяйственнымъ выгодамъ. Если же и допустить, что Рикардо невѣрно изобразилъ порядокъ заселенія земли, то сущность его теоріи ренты останется непоколебленной: въ каждую данную эпоху различіе участковъ земли по качеству обусловливаетъ существование ренты и ея высоту. Такимъ образомъ, возраженія Кэри и Родбертуса неубѣдительны.

Отмѣтимъ также самостоятельную теорію ренты Родбертуса. Рента появляется, по его мнѣнію, вслѣдствіе наличности двухъ условій. Первое необходимое условіе—извѣстная степень производительности труда: рента возможна только тогда, когда занятые въ производствѣ работники создаютъ своимъ трудомъ болѣе того, что нужно для поддержанія ихъ жизни. Второе условіе—юридическое; оно состоитъ въ наличности извѣстнаго правового порядка, который опредѣляетъ, кому поступить излишекъ продуктовъ за покрытіемъ потребностей работающаго. При юридическомъ порядкѣ, который господствовалъ въ древнемъ мірѣ, не было ренты, какъ доли общественного дохода, поступающей отдѣльному классу населенія; она совершенно сливалась съ прибылью на капиталъ. Поземельный собственникъ и капиталисты соединялись въ лицѣ домовладыки, владѣльца землѣ; все, произведенное рабскимъ трудомъ, поступало въ одну казну; нѣть возможности отдѣлить въ этой массѣ прибыль на капиталъ отъ земельной ренты. Но, по мѣрѣ осложненія хозяйственной жизни и отдѣленія владѣльцевъ капитала отъ собственниковъ земли, весь избытокъ, произведенный трудомъ, сверхъ содержанія работающаго, распредѣляется между владѣльцами сырья (подъ которыми нужно разумѣть всю совокупность собственниковъ земли) и владѣльцами фабрикатовъ; весь избытокъ дѣлится между ними въ такомъ отношеніи, въ какомъ стоять цѣнности продуктовъ обѣихъ группъ другъ къ другу: если цѣнность сельско-хозяйственныхъ произведеній будетъ 100, цѣнность фабрикатовъ—150, сумма же дохода 25, то первый получить 10 единицъ дохода, а второй—15. Но, говорить Родбертусть, независимо отъ стремленія къ одному процентному уровню долей ренты, поступающихъ владѣльцамъ сырья и фабрикатовъ, первымъ, во всякомъ случаѣ, остается нѣкоторый излишекъ. Илишекъ этотъ и есть рента. Онъ про исходить отъ того, что доля прибыли владѣльца фабрикатовъ падаетъ на большую массу, на фабрикатъ вмѣстѣ съ сырьемъ, который послужилъ для него материаломъ; у землевладѣльца же нѣть сырого материала; если говорить о сырье материалѣ, то нужно разумѣть подъ нимъ землю, а она не требуетъ затратъ. Такимъ образомъ, у собственника земли доля излишка падаетъ на меньшую массу, и получается относительно большая прибыль. Эта разница и образуетъ земельную ренту.

Теорія ренты Родбертуса вызываетъ слѣдующія возраженія.
 1) Если допустить такое происхожденіе ренты, какъ рисуетъ Родбертусть, то теорія Рикардо остается непоколебленной: всегда этотъ излишекъ—рента—находится въ зависимости отъ плодородія земли, разстоянія отъ рынка сбыта, удобства пользованія участками и т. д. 2) Родбертусть вѣрно отмѣтилъ экономическія условія, отъ которыхъ зависитъ возникновеніе ренты.

Что же касается юридическихъ условій, то дальнѣйшее изложеніе покажетъ наличность ренты при всякому общественномъ порядке. Наконецъ, невѣрна и сама посылка Родбертуса, что только фабриканту приходится дѣлать затраты на приобрѣтеніе сырья; нѣтъ, и въ сельскомъ хозяйствѣ есть затраты, необходимыя для добыванія произведеній почвы: сѣмена, содержаніе скота и т. п. Слѣдовательно, объясненіе ренты независимо отъ различія участковъ земли должно быть признано совершенно произвольнымъ.

Помимо построенія новой теоріи, Родбертусъ дѣлаетъ Рикардо еще нѣсколько возраженій. Плодородіе, говорить онъ, есть такое свойство почвы, которое можетъ быть возвышаемо искусственно. Участки, ранѣе непригодные для культуры, становятся съ теченіемъ времени очень плодородными: въ сѣверной Германіи, благодаря осушенію, многія земли сдѣлались чрезвычайно плодородными.— Но и это возраженіе не опровергаетъ Рикардо: дѣло не въ томъ, отличается ли участокъ естественнымъ плодородіемъ, не зависящимъ отъ человѣческаго искусства, или плодородіе создано человѣческими руками: разъ существуетъ различіе въ выгодахъ, получаемыхъ отъ пользованія этими участками, существуетъ и рента. — Основываясь на данныхъ сельско-хозяйственной практики, Родбертусъ утверждаетъ, что доходность земли и возможность получения ренты зависятъ не столько отъ качества почвы, сколько отъ системы хозяйства, прилагаемой къ данному участку. Въ смыслѣ техники плодосмѣнная система болѣе совершенна, чѣмъ переложная или трехпольная; но первая не вездѣ выгодна; на многихъ участкахъ она можетъ быть убыточна. Если же примѣнить на такихъ участкахъ менѣе сложную систему, то начнетъ поступать доходъ, появится рента. Въ виду этого Родбертусъ отрицаєтъ положеніе Рикардо, что есть земли, которые не приносятъ ренты. Можетъ быть, говорить онъ, съ данного участка не получается ренты потому, что непригодна система хозяйства, которой держится его владѣлецъ; стоитъ перемѣнить систему, и участокъ будетъ давать болѣйший доходъ. Наконецъ, Родбертусъ отрицаєтъ и то положеніе Рикардо, что съ ростомъ населения земледѣльческие продукты возрастаютъ въ цѣнѣ. Пользуясь данными статистики, онъ проводитъ мысль, что земледѣльческій трудъ становится все болѣе производительнымъ и цѣна пищи, измѣряемая трудомъ, постоянно падаетъ. Дѣйствительно, данные статистики доказываютъ, что напримѣръ, въ Европѣ между 70-ми годами 18 и 20-ми 19 столѣтія населеніе значительно возрасло, а цѣна пищи была ниже, чѣмъ въ предшествующемъ periodѣ, когда населеніе было менѣе значительно. Высокая же цѣна сѣбестныхъ припасовъ въ странахъ, густо населенныхъ, зависитъ не отъ роста населения и не отъ труд-

ности добывать хлебъ, а отъ разныхъ мѣстныхъ условій: отъ того, напримѣръ, что въ странѣ многочислено городское населеніе, пользующееся привозными продуктами. Чѣмъ далѣе отстоять отъ городовъ мѣстности, производящія продукты, тѣмъ дороже обходится ихъ доставка въ города и тѣмъ выше цѣны на нихъ.—Всѣ эти возраженія не опровергаютъ сущности теоріи Рикардо. Они или только пополняютъ ее, или позволяютъ исправить ее въ нѣкоторыхъ частностяхъ.

Есть еще одно возраженіе, которое не отрицаетъ земельной ренты, какъ ее установилъ Рикардо, но не признаетъ ренты особымъ видомъ дохода, получаемымъ только отъ земли: согласно съ этимъ воззрѣніемъ, во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности можно найти излишокъ, подходящій подъ понятіе о рентѣ. Такое возраженіе дѣлаютъ Шеффле и Мангольдтъ, установившие теорію всеобщей ренты ²⁾). Большая часть хозяйственныхъ благъ, говорятъ они, производится и обмѣнивается при среднихъ условіяхъ, и результаты, получаемые владѣльцами этихъ благъ, въ большинствѣ случаевъ, мало отличаются отъ средней величины. Однако, относительно каждого разряда хозяйственныхъ благъ существуютъ условия, которымъ позволяютъ совершать производство ихъ и обмѣнъ съ выгодами выше среднихъ. Средний рабочій получаетъ, напримѣръ, 200 рублей въ годъ, но найдется рабочій, который, обладая большими способностями, заработаетъ 250 рублей при тѣхъ же условіяхъ. Сукно, сахаръ, ситецъ производятся по известной цѣнѣ и даютъ прибыль x ; но есть предприниматели, которые получаютъ большую прибыль, $a+x$, вслѣдствіе болѣе бережнаго пользованія сырьемъ, примѣненія лучшихъ техническихъ приемовъ. Большинство врачей, адвокатовъ получаютъ за свои услуги плату x , но есть и такие, которые, обладая большими познаніями и болѣшимъ искусствомъ, получаютъ за свой трудъ дороже— $x+y$. Земледѣлецъ тоже производить продуктъ по известной цѣнѣ x . Въ этомъ x часто есть излишекъ, который поступаетъ въ пользу владѣльца земельного участка и называется рентой. Почему же, разсуждаютъ Шеффле и Мангольдтъ, только излишекъ, поступающій владѣльцамъ земельныхъ участковъ, называется рентой, какъ доходъ sui generis, а не излишки вообще, получаемые людьми во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности? Мангольдтъ, сверхъ того, выдвигаетъ понятіе о недочетѣ, противоположное понятію о рентѣ. Многие, говорить онъ, не получаютъ даже средней заработной платы или прибыли. „Рентные доходы, по словамъ Шеффле ³⁾), проис текаютъ изъ каждого хозяйственнаго успѣха для того, кто былъ его виновникомъ, а недочетъ въ рентахъ—для тѣхъ, кто далъ себѣ обогнать“.

Слѣдуетъ согласиться съ тѣмъ, что указали Шеффле и Мангольдтъ относительно особенно выгодныхъ условій, въ которыхъ

стоять отдельные лица при производствѣ и обмѣнѣ благъ. Тѣмъ не менѣе излишки, получаемые людьми въ разныхъ отрасляхъ дѣятельности, не должны быть отожествляемы съ земельной рентой; она представляетъ особенности, какъ въ теоретическомъ, такъ и въ историческомъ отношеніи. Она имѣеть особенности, которая прямо зависятъ отъ свойствъ земельныхъ участковъ; различія свойствъ могутъ быть измѣняемы человѣкомъ, но способность къ измѣненію поставлена въ довольно тѣсные предѣлы: никакое искусство не въ состояніи уничтожить различія между богатыми и бѣдными залежами минераловъ, между участками земли, лежащими въ большихъ городахъ и на окраинахъ государства. Въ то же время большая часть „рентъ“, которая получаются изъ личного труда или даже руководства предпріятіемъ, оціруются на индивидуальную особенности людей. Распространеніе на ренту права частной собственности нерѣдко требуетъ особаго и сложнаго мотивированія. Вторые излишки кажутся гораздо болѣе заслуженными и естественно принадлежащими тому, кто ихъ пріобрѣлъ. Понятно, поэтому, что въ наукѣ ставить государству неодинаковыя требования относительно регулированія поземельной собственности и ренты и всѣхъ другихъ „рентъ“. Исторія народнаго хозяйства также раскрываетъ крупныя особенности, отличающія земельную ренту отъ излишковъ въ другихъ отрасляхъ дѣятельности. Съ ростомъ культуры сглаживаются многія индивидуальные особенности; сглаживаются и выгоды всѣхъ работниковъ съ одной стороны и предпринимателей—съ другой; различія же, вытекающія изъ нѣкоторыхъ свойствъ отдельныхъ участковъ, увеличиваются. А потому рента можетъ быть съ полнымъ правомъ выдѣлена въ особую категорію, отличную отъ другихъ видовъ общественнаго дохода.

Познакомившись достаточно подробно съ главными воззрѣніями на поземельную ренту, мы можемъ перейти къ краткому догматическому изложению. *Рента есть доходъ, получаемый собственникомъ отъ пользованія силами земли и воды.* Мы опускаемъ изъ этого опредѣленія два эпитета Рикардо—„первоначальными“ и „неистощимыми“, такъ какъ они съуживаютъ понятіе о земельной рентѣ. Свойства земли не всегда могутъ быть названы „первоначальными“: нерѣдко они создаются человѣкомъ; такъ, вслѣдствіе дренажированія, приносятъ ренту участки, которые прежде не приносили ея. Мы выкидываемъ эпитетъ, „неистощимыми“ потому, что многія свойства земли истощимы: таковы минеральныя богатства, способность земли питать растенія, удобство обработки. Силы земли могутъ быть полезны человѣку въ троекомъ отношеніи: 1) земля содержитъ минералы и многія другія богатства; 2) она обладаетъ способностью питать растенія; и 3) можетъ служить мѣстомъ для жизни и дѣятельности

человѣка. Главнымъ источникомъ ренты служить трудъ, прилагаемый къ участкамъ земли. Но то же можно сказать и о внутреннихъ водахъ, которыми человѣкъ пользуется для рыболовства или какъ двигательной силой въ промышленности. На однихъ озерахъ рабочій день даетъ въ два раза больше рыбы, нежели на другихъ; на одной рекѣ вода даетъ для промышленныхъ цѣлей втрое большую силу, нежели на другой. А потому можно съ полнымъ правомъ говорить о рентѣ, какъ доходѣ отъ пользованія силами не только земли, но и воды. И высота ренты опредѣляется не только качествомъ водъ, которыми человѣкъ пользуется для рыболовства или движенія машинъ, но и ихъ разстояніемъ отъ главныхъ рынковъ сбыта.

Условія возникновенія ренты сводятся къ тому, что земля есть благо ограниченное, дарованное природой. На ряду съ лучшими участками человѣкъ вынужденъ пользоваться и худшими; трудъ, прилагаемый къ обработкѣ послѣднихъ, менѣе производителенъ, чѣмъ работа на лучшихъ участкахъ. Вотъ главное условіе, вслѣдствіе котораго возникаетъ рента. Порядокъ заселенія земли не имѣеть значенія для теоріи ренты. Естественное плодородіе почвы и качество водной силы мало зависятъ, а положеніе данного участка земли и воды вовсе не зависитъ отъ человѣческаго труда. Эти условія, опредѣляющія высоту ренты, могутъ дѣйствовать въ противоположномъ направленіи. Участокъ земли можетъ отличаться высокимъ плодородіемъ; если же онъ находится въ глухи, то не приносить ренты. Или же его мѣстонахожденіе хорошо, но онъ не приносить ренты вслѣдствіе скучной почвы. Низкія цѣны и бездоходность сближаютъ многіе участки земли въ Петербургской губерніи и отдаленныхъ мѣстахъ Сибири. Первые, находясь неподалеку отъ столицы, не приносятъ ренты; они продаются по 8—10 рублей за десятину потому, что покрыты болотами или имѣютъ песчаную почву и подпочву; а вторые, при глубокомъ черноземѣ, дѣлаются невыгоднымъ приложеніе труда, такъ какъ лежать въ мѣстахъ безлюдныхъ, отдаленныхъ отъ путей сообщенія. Это обстоятельство объясняетъ, почему, при распространеніи культуры въ странѣ, люди переходятъ отъ лучшихъ участковъ къ худшимъ, въ смыслѣ естественного плодородія, и наоборотъ.

Независимо отъ свойствъ климата, столь важныхъ для сельскаго хозяйства, различіе въ естественномъ плодородіи сводится къ разницѣ въ химическомъ составѣ почвы. При полномъ тождествѣ двухъ участковъ относительно естественного плодородія, обиліе или скучность урожая зависитъ отъ того, какъ велика та часть запаса веществъ, питающихъ растеніе, которая можетъ быть уподобляема ими. А потому успѣхи земледѣльческой химіи и сельско-хозяйственной технологии объясня-

ютъ, насколько естественное плодородіе можетъ служить цѣлью человека. Тѣсно связанное съ успѣхами сельского хозяйства, естественное плодородіе представляетъ измѣнчивую величину. Химическое воздействиѣ на почву, примѣненіе искусственныхъ удобрений, лучшихъ орудій обработки, осушеніе или орошеніе могутъ устранить препятствія, которыя понижаютъ естественные производительныя силы участка земли. Эти способы воздействиѣа человѣка на землю ведутъ къ тому, что участки, дававшіе ничтожные урожаи, начинаютъ приносить обильную жатву. Нерѣдко участки съ песчаной почвой имѣютъ подпочву изъ глины; въ такихъ случаяхъ глубокая пахота извлекаетъ на поверхность подпочвенные слои, перемѣшиваетъ ихъ съ пескомъ и дѣлаетъ землю болѣе производительной.

Если обобщить всѣ способы воздействиѣа человѣка на землю, то слѣдуетъ признать большую важность за степенью производительности труда. Примѣнительно къ земледѣлію она выражается въ способности сельскихъ хозяевъ извлекать выгоды изъ естественного плодородія участка. А потому не слѣдуетъ считать это послѣднее чѣмъ-то абсолютнымъ, существующимъ въ воздействиѣа человѣка: нужно имѣть въ виду всѣ тѣ силы природы, которыя обнаруживаютъ свое влияние или уже при простѣйшихъ усиленіяхъ людей, при работѣ самыми несложными орудіями, или послѣ упорного труда надъ землею съ помощью сложныхъ и дорогихъ машинъ. Такъ, напримѣръ, луга представляютъ, въ смыслѣ урожайности, очень пеструю картину: заливные на большихъ рѣкахъ даютъ, безъ всякихъ предварительныхъ затратъ, нѣсколько сотъ пудовъ травы съ десятины; но сельские хозяева часто не пренебрегаютъ и тѣми сѣнокосами, где десятина приносить не больше 30—40 пудовъ. Предположимъ, что въ данномъ районѣ луга худшаго качества, находящіеся въ обработкѣ, даютъ 30 пудовъ сѣна съ десятины; они не приносятъ ренты, но ихъ выкашиваютъ ежегодно. Предположимъ, что тамъ же есть болота съ малымъ количествомъ травы и столь дурнаго качества, что нѣть охотниковъ косить ихъ даже безъ взноса арендной платы. Сплошь и рядомъ осушеніе не только обращаетъ такія болота въ луга, дающіе довольно обильные укосы, но и ставить ихъ, по количеству и качеству травы, на ряду съ лучшими сѣнокосными угодьями. Осушеніе десятины стоило, быть можетъ, только 15—20 рублей, а рента съ нея поднялась вслѣдствіе этого отъ 0 до 10—15—20 рублей. Такое увеличеніе доходности не можетъ быть приписано капиталу: если бы осушеніе создавало ренту только въ 2—3 рубля и тогда доходъ былъ бы достаточенъ для погашенія капитала. Полученіе же высокой ренты и мѣсто, которое осушеннное болото заняло среди луговъ, обысняются тѣмъ, что небольшія затраты произвели въ болотѣ перемѣны и поз-

волили естественнымъ силамъ дѣйствовать безпрепятственно. Именно такое воздействиѣ человѣка на землю наблюдается, напримѣръ, въ болотистыхъ уѣздахъ Минской губерніи; осушительные работы дали тамъ сельскому хозяйству миллионы десятинъ луговъ и полей и сдѣлали возможнымъ поступленіе ренты съ участковъ, которые до осушенія вовсе не имѣли цѣнности.

Обыкновенно исходить изъ предположенія, что сельскіе хозяева обращаются къ воздѣлыванію земель низшаго достоинства, нежели худшіе участки, уже поступившіе въ обработку. Однако, возможенъ переходъ и къ участкамъ, столь же хорошимъ, какъ тѣ, которые воздѣлываются, и даже къ лучшимъ.

Повышеніе цѣны хлѣба можетъ вызвать обработку плодородныхъ участковъ, которые раньше оставались въ соперничествѣ, вслѣдствіе своей отдаленности отъ рынка. Повышеніе цѣны дѣлаетъ также выгоднымъ воздѣлываніе участковъ, которые мало плодородны, но занимаютъ хорошее мѣстоположеніе. Безъ повышенія цѣны хлѣба плодородныя, но отдаленные земли могутъ быть привлечены къ сельскому хозяйству вслѣдствіе усовершенствованія путей. Эти условія способствуютъ тому, что соперниками земель, где издавна ведется хозяйство, выступаютъ участки одинакового достоинства, худшіе или лучше.

Съ развитіемъ естественныхъ наукъ и агрономіи измѣняется и способъ воздействиѣ на производительныя силы почвы. Около половины 19 вѣка многіе участки съ песчаной почвой во Франціи и Англіи поднялись на уровень лучшихъ земель. Въ хорошее состояніе обращаются также участки, обработка которыхъ встрѣчала известная механическія препятствія. Съ течениемъ времени изыскиваются средства къ устраненію этого недостатка.

Не слѣдуетъ также забывать, что во всѣхъ странахъ старой культуры обширныя площади принадлежать государству и общинамъ. Не плодородіе и мѣстоположеніе этихъ земель, а чисто вицѣнія условія опредѣляютъ порядокъ, въ которомъ сельское хозяйство распространяется на нихъ. Чины Министерства Земледѣлія нарѣзываютъ въ Сибири земли для переселенцевъ; не подвергая земель бонитировкѣ, должностныя лица заботятся лишь о томъ, чтобы въ округѣ, где начался отводъ участковъ, было образовано побольше надѣловъ. Среди послѣднихъ есть хорошія земли, а также и гораздо худшія, нежели участки, которые черезъ 5 — 10 лѣтъ будутъ отведены переселенцамъ. Вотъ, что мы читаемъ у Маркса: „Когда изучаешь исторію общинныхъ земель Англіи, какъ онѣ постепенно, посредствомъ огораживания, переходили въ частную собственность и поступали въ обработку, то становится смѣшнымъ фантастическое предположеніе, будто какой-нибудь знатокъ земледѣльческой

химії, напримѣръ, Либихъ, руководилъ выборомъ, пред назначеніемъ одни поля, вслѣдствіе ихъ химическихъ особенностей, для сельского хозяйства, а другія исключалъ. Случай, который дѣлаетъ человѣка воромъ, — вотъ что имѣло здѣсь рѣшающее значеніе; болѣе или менѣе подходящіе юридические предлоги для присвоенія, которые представлялись крупнымъ землевладѣльцамъ ⁶).

Распространеніе сельского хозяйства на новые участки зависитъ также отъ изобилия свободныхъ капиталовъ. Когда ихъ много, то они направляются къ сельскому хозяйству, если даже цена хлѣба не повысилась. Собственникъ земли всегда былъ бы радъ получить ренту, но необходимо известное сочетаніе экономическихъ условій, дабы капиталъ затрачивался на новыя земли, еще не бывшія въ обработкѣ.

Въ наукѣ прочно установлено положеніе, что капиталы, послѣдовательно влагаемые въ землю, даютъ относительно все меньше выгодъ. Если въ данный участокъ земли вложенъ капиталъ x , то собирается количество хлѣба y ; если вложенъ новый капиталъ, равный x , а всего $2x$, то будутъ собирать не $2y$ хлѣба, а, быть можетъ, $2y - z$. Если вложенъ въ землю еще капиталъ равный x , а, всего внесено $3x$, то урожай будетъ не $3y$ и не $3y - 2z$, а быть можетъ, $3y - 3z$ и т. д. Не будь законъ убывающаго плодородія земли истиннымъ, говорить Маршалль, арендаторы съумѣли бы сберегать на платежѣ ренты: они снимали бы небольшіе участки и затрачивали бы на нихъ очень большой капиталъ ⁷).

Законъ убывающаго плодородія земли есть только частичное выраженіе закона истощимости естественныхъ богатствъ, которая природа дала въ распоряженіе человѣка. Какъ ни великъ запасъ этихъ богатствъ, ихъ количество уменьшается по мѣрѣ роста населенія и пользованія дарами природы. Сколько бы ни было на земномъ шарѣ золотоносныхъ пріисковъ, залежей желѣза, каменнаго угля, нефти, по мѣрѣ того, какъ люди извлекаютъ часть этихъ богатствъ для своихъ цѣлей, запасы истощаются. Нужны геологические периоды, дабы эти запасы обновились вновь. Дѣлая расчеты даже относительно далекаго будущаго, человѣкъ не выходитъ за предѣлы 2 — 3 столѣтій; онъ имѣть въ виду только тѣ запасы, которые существуютъ на земномъ шарѣ теперь, и не интересуется предположеніями, что въ безконечно далекомъ будущемъ силы природы могутъ вновь образовать пріиски золота и залежи каменнаго угля.

Что примѣнimo къ золоту и желѣзу, то примѣнimo къ производительнымъ силамъ почвы и къ способности земли служить человѣку мѣстомъ жительства. Первые затраты капитала въ землю вызываютъ къ дѣятельности дремлющія естественные силы; дальнѣйшія затраты оказываютъ меньшее вліяніе и, на-

конецъ, вовсе перестаютъ дѣйствовать. 6000 пудовъ напоза, разбросанныхъ по десятинѣ, не производить вдвое большаго дѣйствія, чѣмъ 3000 пудовъ; удвоеніе количества минеральнаго удобренія не ведеть къ получению вдвое большаго урожая. Слѣдуетъ сказать то же объ использованіи участка земли для сооруженія зданій. Постройка 2-этажнаго дома менѣе выгодна, чѣмъ постройка 4-этажнаго. Шести-этажный домъ даетъ слишкомъ вдвое больше дохода, чѣмъ 3-этажный. Америкѣ уже знакомы 20-этажные дома; однако, нельзя утверждать, что нѣть предѣловъ, за которыми увеличеніе зданій въ вышину становится менѣе выгоднымъ. Чрезмѣрный шумъ въ такихъ зданіяхъ, частая порча машинъ, поднимающихъ людей на верхъ, затрудняли бы сдачу верхнихъ этажей въ наемъ по высокимъ цѣнамъ и уменьшили бы выгодность затраты капитала при постройкѣ, напримѣръ, 40-этажнаго дома.

Это положеніе, какъ общее, теоретическое, должно быть принято. Но оно еще не имѣетъ практичес资料а значенія.

Какую отправную точку мы бы ни взяли для оцѣнки запаса естественныхъ богатствъ, которыми располагаетъ человѣчество, мы должны признать, что этотъ запасъ возрастаетъ. Съ тѣхъ поръ, какъ началось добываніе золота, многие пріиски истощены; казалось бы, что, послѣ открытия калифорнійскихъ и австралійскихъ рудниковъ въ 50-хъ годахъ 19-го вѣка, нельзѧ было разсчитывать на новыхъ, столь же обильныхъ мѣсторожденія, а между тѣмъ пріиски въ Южной Африкѣ не уступаютъ богатѣйшимъ изъ ранѣе известныхъ. Залежи каменнаго угля въ Англіи еще недавно считались самыми обильными въ свѣтѣ; но за послѣднее время выяснилось, что богатство каменноугольного бассейна въ Соединенныхъ Штатахъ многократно превосходитъ богатство англійскаго. Поговариваютъ объ источеніи нефтяныхъ источниковъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Огромныя количества бакинской нефти каждый годъ погибаютъ безслѣдно. Но уже найдены новые богатѣйшіе нефтяные источники въ долинѣ Тигра и Евфрата, въ Киргизскихъ степяхъ, въ Абиссиніи, на Сахалинѣ. Словомъ, запасъ естественныхъ богатствъ, которыми надѣленъ земной шаръ, уменьшается абсолютно; но то количество, которымъ располагаетъ любое народное хозяйство, увеличивается. Повидимому, въ странахъ, недавно пріобщившихся къ мировому рынку, лѣса представляютъ рѣзкое исключеніе изъ этого правила: въ Россіи, на Балканскомъ полуостровѣ и нѣкоторыхъ другихъ странахъ лѣсной материалъ многократно вздорожалъ за послѣднія десятилѣтія. Однако, это исключеніе не колеблетъ общаго правила: въ обиходѣ вошло много новыхъ веществъ, съ успѣхомъ замѣняющихъ дерево, какъ топливо, строительный и посудочный материалъ. Истребленіе лѣсовъ въ странѣ не связано съ такими послѣдствіями, какъ источеніе залежей каменнаго

учас: первые могутъ быть израсходованы въ нѣсколько десятковъ лѣтъ, тогда какъ для послѣднихъ нужны безчисленные вѣка.

Мы скажемъ то же о способности земли служить хозяйственнымъ цѣлямъ человѣка. Во-первыхъ, на земномъ шарѣ есть огромныя площади, плодородныя и еще не затронутыя культурой. Еще есть такія пространства въ восточныхъ губерніяхъ Европейской Россіи, уже не говоря объ Америкѣ, Африкѣ, Австралии, Азіи. Эти площади далеко превосходятъ своимъ естественнымъ плодородіемъ многія земли, взятыя подъ обработку въ наиболѣе развитыхъ странахъ Западной Европы. Наличность такихъ пространствъ позволяетъ сельскимъ хозяевамъ воздерживаться отъ дальнѣйшей интензификаціи земледѣлія; предпочтитають брать подъ обработку некультурныя площади, способная щедро награждать людей за приложеніе труда. То же примѣнено и къ участкамъ земли, предназначаемымъ для постройки. Какъ ни велики размѣры міровыхъ городовъ, какъ ни застроены они, въ ихъ ближайшемъ сосѣдствѣ еще можно найти незастроенные участки; съ усовершенствованіемъ городскихъ способовъ передвиженія эти участки могутъ стать столь же удобными мѣстами жительства, какъ центральныя улицы городовъ. Сошлемся, въ видѣ примѣра, на Петербургъ. Сооруженіе Троицкаго моста черезъ Неву такъ увеличило удобства жизни на Петербургской Сторонѣ, что сдѣлало многія изъ ея улицъ не менѣе пригодными для заселенія, чѣмъ улицы Коломенской, Спасской, Рождественской частей. Вслѣдствіе этого къ частямъ города, которыя, по удобствамъ жизни, считаются лучшими, какъ бы присоединилась обширная площадь. Такой же процессъ расширенія площади, служащей удобнымъ мѣстомъ для постройки домовъ, наблюдается и въ другомъ направленіи: въ разныхъ мѣстностяхъ каждой страны создаются новыя городскія поселенія, которыя, по удобствамъ для жизни, приближаются даже къ лучшимъ изъ старинныхъ историческихъ центровъ: возникаютъ фабричные и торговые города, города съ административнымъ значеніемъ, лѣчебныя станціи и т. д. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ къ участкамъ земли въ данной странѣ, которые удобствами жизни составляли величину x , какъ бы приростаетъ площадь y , отличающаяся неменьшими достоинствами. Такъ, дачныя мѣстности въ окрестностяхъ большихъ русскихъ городовъ какъ бы расширились на всю площадь, которую занимаютъ недавно открытые для лѣченія и отдыха поселки на Кавказѣ и въ Крыму, привлекающіе за послѣдніе годы очень много посѣтителей.

Нельзя считать дары природы болѣе скучными и въ томъ смыслѣ, чтобы увеличеніе капиталовъ, затрачиваемыхъ въ землю, обещало давать относительно меныше выгодъ. Въ странахъ, на-

селенныхъ особенно густо, некоторые участки земли воздѣлываются съ величайшей интенсивностью. Но они образуютъ не большую площадь; не будетъ ошибочно утверждение, что они лежать только вблизи большихъ городовъ и почти не выходить за районъ, такъ называемаго, садового хозяйства. Внѣ его они встречаются только спорадически. И даже Маршалль⁸), часто высказывающійся за законъ убывающаго плодородія, говорить, что большая часть земли въ Англії обрабатывается очень искусно; она могла бы давать слишкомъ вдвое болѣйший доходъ, если бы въ нее съ умѣньемъ было вложено вдвое болѣе количество труда и капитала. Онъ считаетъ правыми тѣхъ, которые говорятъ, что, если бы все англійские фермеры были такъ способны, разумны и предпріимчивы, какъ лучшіе представители этого класса, то могли бы съ большою выгодою влагать въ землю вдвое больше труда и капитала. Принявъ такое положеніе относительно англійского сельского хозяйства, мы должны признать его примѣнимымъ къ русскому въ еще гораздо болѣе степени: вѣдь, у насъ средній урожай ржи и пшеницы на помѣщичьихъ земляхъ, будучи выше, чѣмъ на крестьянскихъ, не превосходитъ 50—60 пудовъ съ десятины. Только забываніе новыхъ условіяхъ, которыя ростъ культуры создаетъ для сельского хозяйства, можно думать, какъ было еще недавно, что законъ убывающаго плодородія почвы получить практическое значеніе уже въ недалекомъ будущемъ.

Когда капиталъ, вложенный въ земледѣліе, даетъ очень низкую прибыль, то хозяинъ измѣняетъ направленіе своей дѣятельности: онъ начинаетъ воздѣлывать другія растенія или же переходить къ болѣе интенсивному хозяйству. Эти перемѣны, болѣею частью, увеличиваютъ его доходы.

Во многихъ странахъ Европы часто встречаешь арендаторовъ и собственниковъ земли, которые не подвергаютъ своихъ доходовъ и затратъ точному учету. Нерѣдко они не имѣютъ яснаго понятія о капиталѣ и средней прибыли. Неопытность и недомыслѣ, которыя обнаруживаются въ хозяйственной дѣятельности, чрезвычайно разнообразны и не позволяютъ установить какія-либо общія правила.

Если капиталъ, затраченный въ сельскомъ хозяйстве, вслѣдствіе плодородія участка или его близости къ рынку, даетъ прибыль выше средней, то арендаторъ, по закону конкуренціи, который господствуетъ въ капиталистическомъ хозяйстве, не получаетъ излишка надъ среднимъ доходомъ: излишекъ поступаетъ собственнику земли.

Подвергая оцѣнкѣ весь получаемый доходъ, сельскій хозяинъ, какъ всякий другой предприниматель, относитъ часть его въ заработную плату самому себѣ; онъ исчисляетъ ее, пріемѣнительно къ уровню платы въ этомъ занятіи. Часть вало-

шаго дохода онъ относитъ къ прибыли, которую могъ бы имѣть отъ такого же капитала и въ разныхъ другихъ предпріятіяхъ. Остатокъ же образуетъ земельную ренту; на нее сельскій хозяинъ можетъ имѣть притязанія не какъ предприниматель, а лишь какъ собственникъ земли: этотъ излишекъ связанъ съ опредѣленнымъ участкомъ.

Земельная рента принципіально отличается отъ прибыли уже потому, что является единственнымъ разумнымъ основаніемъ цѣнности земли. Земля не создана человѣческимъ трудомъ и сама по себѣ не имѣть цѣнности. Ея цѣнность не есть составная часть народного богатства: когда цѣнность земли повышается, то народное богатство не возрастаетъ. Всѣ измѣненія въ цѣнности земли обусловливаются только перемѣны въ распределеніи народного дохода. Владѣніе же землею, при томъ условіи, что огромная масса населения безземельна, даетъ собственнику большое могущество и позволяетъ ему присвоивать часть народного дохода.

Земля имѣть цѣну не сама по себѣ, а потому, что земельная рента имѣть цѣнность. Вследствіе этого земельные участки являются предметомъ купли-продажи. При нормальныхъ сдѣлкахъ, на землю устанавливается такая цѣна, чтобы рента равнялась среднему проценту на уплаченный капиталъ. Если господствующій процентъ составляетъ 4 на 100 въ годъ, то за десятину земли, приносящую 10 руб. ренты, платить 250 руб.

Пока арендаторъ уплачиваетъ собственнику земли только ренту, до тѣхъ поръ онъ занимаетъ такое же положеніе, какъ другіе предприниматели. Но положеніе арендатора ненормально, разъ онъ платить землевладѣльцу за участокъ, который не приносить ренты, или же платить собственнику больше, нежели рента, доставляемая участкомъ. Въ обоихъ случаяхъ арендаторъ уступаетъ собственнику часть своей прибыли или зарплатной платы.

Слѣдуетъ распространить сказанное и на всѣ случаи покупки земли. Платя деньги за землю, покупщикъ имѣть въ виду доставляемую ею ренту или же ренту, которая еще не поступаетъ, но появится въ ближайшемъ будущемъ, вслѣдствіе проведения, напримѣръ, желѣзной дороги, или замѣны господствующей системы хозяйства системою, болѣе выгодной. Если участокъ не даетъ ренты и не обѣщаетъ приносить ее, то не можетъ быть предметомъ правильныхъ коммерческихъ сдѣлокъ; охотники покупать такие участки составляютъ рѣдкое исключеніе; ими могутъ руководить разныя побужденія, но только не хозяйственный расчетъ. Такое отношеніе покупателя къ приобрѣтаемой землѣ доказываетъ, что рента не есть процентъ капитала, уплаченного за землю: процентъ точно соответствуетъ величинѣ капитала; рента же вовсе не согласуется съ покупной

цѣнной земли. Если покупная цѣна не выше, чѣмъ рента, капитализированная изъ средняго, обычного въ странѣ процента, то приобрѣтатель земли, буде купилъ за наличныя, получаетъ въ рентѣ столько же, сколько получалъ въ процентахъ съ своего капитала. Хозяйственно онъ не выигралъ и не проигралъ; онъ только обмѣнялъ одинъ фондъ дохода на другой. Если покупатель уплатилъ за участокъ больше, чѣмъ капитализованную ренту, то поступилъ нехозяйственно; остался онъ долженъ часть покупной цѣны,—и онъ долженъ ежегодно уплачивать часть ренты прежнему владѣльцу земли или банку.

Во всѣхъ странахъ Европы большинство крестьянъ и многие крупные собственники земли не привыкли дѣлать правильный учетъ. Еще не освободившись отъ цѣпей натурального хозяйства, они не приспособились къ новому складу жизни; они далеки отъ типа истиннаго предпринимателя, который строго взвѣшиваетъ и учитываетъ всѣ частности своего производства: „Крестьянинъ не больше похожъ на современнаго предпринимателя, зорко слѣдящаго за всѣми условіями производства, чѣмъ стрѣлочки изъ лука—на канонира“⁹). Крестьянинъ становится собственникомъ земли черезъ покупку или наслѣдство. Въ послѣднемъ случаѣ онъ долженъ выплатить сонаслѣдникамъ большую часть цѣны земли. Не подготовленный къ точнымъ выкладкамъ относительно того, какая часть валового дохода земли составляетъ заработную плату и прибыль, сколько причитается на долю ренты, крестьянинъ-собственникъ дѣлаетъ только самыя общія соображенія: „проживу ли я, хотя въ проголодь, спрашиваетъ онъ, будетъ ли у меня столько выручки, чтобы заплатить подати и проценты на занятой капиталъ?“ Его веденіе хозяйства не имѣть никакого сходства съ настоящимъ промышленнымъ или торговымъ предпріятіемъ, а между тѣмъ къ нему относятся такъ, словно онъ—современный человѣкъ и производитель товаровъ.

При умѣренныхъ долгахъ собственникъ земли можетъ процвѣтать. При большихъ долгахъ онъ неудержимо катится подъ гору и доходитъ до полнаго крушения или же влечитъ существованіе болѣе жалкое, чѣмъ безземельный пролетарій. Мы считаемъ невозможнымъ, чтобы при 4%-ныхъ государственныхъ займахъ человѣкъ въ здравомъ умѣ заплатилъ 300 рублей за облигацию, приносящую 4 рубля годового дохода. А подобныя сдѣлки при покупкахъ мелкихъ земельныхъ участковъ совершаются на каждомъ шагу. Чѣмъ менѣе продаваемый участокъ, тѣмъ болѣе вѣроятнѣ получить за него цѣну гораздо выше капитализированной ренты.

Участки земли, на которыхъ ведется сельское хозяйство, вполнѣ схожи, какъ источники ренты, со всякими другими участками земли и вмѣстилищами воды. Если количество есте-

ственныхъ богатствъ велико, если разстояніе отъ рынка дѣлаетъ выгоднымъ пользованіе даннымъ участкомъ земли или воды, то онъ вполнѣ уподобляется участкамъ, взятымъ подъ сельское хозяйство. До открытия Америки въ горахъ Германіи и Австріи добывали серебро и золото. Съ 16-го столѣтія, когда Европа стала получать огромныя количества благородныхъ металловъ изъ рудниковъ Нового Свѣта, многія германскія и австрійскія мѣсторожденія золота и серебра были заброшены: паденіе цѣны обоихъ металловъ привело къ тому, что въ Европѣ многіе рудники перестали приносить не только ренту, но даже прибыль на капиталъ.

Тѣмъ же законамъ подчиняется земля, которая служитъ человѣку только мѣстомъ жительства. Разъ въ данной мѣстности совершаются очень выгодныя сдѣлки, то владѣльцы участковъ земли заставляютъ дорого платить себѣ за каждую квадратную сажень. Съ такимъ характеромъ выступаютъ земельные участки въ городахъ, особенно, въ центральныхъ улицахъ. Чѣмъ больше городъ, чѣмъ оживленіе въ немъ промышленность и торговля, тѣмъ болѣе ростуть продажныя и наемныя цѣны его земли. Большия города служатъ мѣстомъ сосредоточенія самыхъ крупныхъ торговыхъ, кредитныхъ и страховыхъ учрежденій; уже одни размѣры этихъ предпріятій позволяютъ получать очень высокую прибыль. Центральные улицы большихъ городовъ привлекаютъ и множество людей, не связанныхъ непосредственно съ производствомъ: высшіе и средніе чиновники, представители свободныхъ профессій, состоятельный празднолюбцы стараются найти квартиру поближе къ Невскому, и домовладѣльцы требуютъ высокой оплаты этого удовольствія. Здѣсь рента выступаетъ въ самомъ чистомъ видѣ: конечно, ни одинъ домовладѣлецъ Петербурга, Берлина или Парижа не ударилъ пальцемъ о палецъ, чтобы принадлежащая ему земля стоила 100—250—500 рублей за квадратную сажень. Это—дѣло всей исторіи даннаго народа: она постепенно выращивала крупныя средоточія культурной жизни и распредѣляла огромные выигрыши между немногими счастливцами.

Рента съ городской земли даетъ владѣльцу возможность такъ же угнетать нанимателей домовъ, какъ владѣлецъ сельской недвижимости умѣть давить на окрестное населеніе. Безземельный или малоземельный крестьянинъ вынужденъ платить неизвѣстно высокою ренту за арендуемый участокъ; такъ и бѣдные жители городовъ нерѣдко должны нанимать квартиру именно въ извѣстныхъ улицахъ. Они платятъ за жилище такъ дорого, что имъ остается очень немного для другихъ основныхъ потребностей. Извѣстно, что квартира тѣмъ, относительно, дороже, чѣмъ она меньше и хуже. Ночлежный домъ въ Петербургѣ, извѣстный подъ именемъ Вяземской Лавры, приноситъ

очень высокую ренту. Она не подчиняется законамъ конкуренціи. Вѣднѣшнее, бездомное, полуголодное населеніе столицы вынуждено размѣщаться по ночлежнымъ домамъ; ихъ число ограничено, и ихъ владѣльцы поставлены въ монопольное положеніе: спросъ на каждую комнату, каждый уголъ въ такомъ домѣ очень великъ; домовладѣлецъ получаетъ въ высокой наемной платѣ земельную ренту, гораздо болѣе крупную, чѣмъ она была бы, если бы многія тысячи городскаго пролетаріата не втискивались искусственно въ ночлежные дома.

Въ густонаселенныхъ странахъ не легко найти участокъ земли, вовсе не приносящей ренты; страны же, где только зарождается экономическая жизнь, представляютъ широкое поле для наблюденій этого рода. Такова, напримѣръ, Сибирь. Казна, владѣя сотнями миллионовъ десятинъ, уступаетъ переселенцамъ за очень низкую ренту, за немного копѣекъ съ десятины, тѣ участки, которые лежать недалеко отъ дорогъ и поселеній. Но, которые же переселенцы идутъ за 100—200 верстъ дальше, въ глубь тайги. Занимая участки плодородные, но, за *отдаленностью*, пренебрегаемые администрацией, они живутъ тамъ довольно долго, иногда много лѣтъ, упрочиваютъ свое хозяйство и не вносятъ никакихъ платежей собственнику земли — казнѣ. При рѣдкомъ населеніи Сибири и изобилии плодородныхъ земель, рента обусловливается различiemъ между участками по ихъ разстоянію отъ рынка сбыта. Участки въ глухихъ тайгахъ, отдаленные отъ дорогъ и поселеній, и являются тѣми окраинами, где земля еще не имѣть цѣнности и не приносить ренты.

Составляя часть избыточной цѣнности, опредѣляясь особенностями земель и водъ, которыми человѣкъ пользуется для своихъ хозяйственныхъ цѣлей, рента, въ своемъ происхожденіи, не зависитъ отъ характера права собственности на землю. Рента существовала и въ древности, при томъ правѣ частной собственности, которымъ характеризуется классический міръ. Онъ состоялъ изъ отдѣльныхъ частно-хозяйственныхъ единицъ, каждая подъ главенствомъ особаго домовладѣнія. Въ распоряженіи послѣдняго находились члены его семьи и рабы. Всѣ блага, добытыя ими, поступали въ распоряженіе господина; было бы крайне трудно выдѣлить ренту изъ общей массы дохода. Тѣмъ не менѣе и здѣсь существовала рента. Площадь земли, на которой велось хозяйство, состояла изъ различныхъ по качеству участковъ, и трудъ, прилагаемый къ ихъ обработкѣ, давалъ неодинаковые результаты. Именно эта разница результатовъ и образовала ренту. Теперь, при господствѣ частнаго землевладѣнія и личной свободѣ всѣхъ, рента поступаетъ въ собственность владѣльцевъ земли и рѣзко выдѣляется изъ другихъ частей общественного дохода. Однако, легко доказать, что

ильть необходимой связи между рентой и правомъ частной собственности на землю. Рента существовала бы, если бы вся земля принадлежала государству. Тогда отдельные лица были бы только съемщиками. Различія между участками препятствовали бы государству (во избѣжаніе привилегій для однихъ и стѣсненій для другихъ) уступать землю въ пользованіе даромъ или за одну и ту же плату: а потому была бы рента; какъ и теперь, ея размѣры опредѣлялись бы качествомъ участковъ и ихъ удаленностью отъ рынка сбыта. Наконецъ, можно наблюдать ренту и при мелкомъ землевладѣніи, гдѣ крестьянинъ, воздѣлывая свой участокъ только силами семьи, не выдѣляетъ арендной платы изъ своего валеваго дохода: въ такомъ хозяйствѣ рентой является часть избыточной цѣнности за отчислениемъ для семьи средней заработной платы и прибыли на маленький капиталъ, который эта семья влагаетъ въ землю.

Какъ же отвѣтить на вопросъ, существуютъ ли при правѣ частной собственности на землю такие участки, которые не приносятъ ренты? Это — вопросъ не праздный. Разъ земля находится во владѣніи собственника, онъ охотно требуетъ плату за пользованіе даже самыми невыгодными участками. Повидимому, нужно решить этотъ вопросъ утвердительно. Однако, действительная жизнь показываетъ, что всегда есть участки земли, которые еще не приносятъ ренты. Приведемъ слова Дж. Стюар. Милля: „Еслибы помѣстие состояло изъ одной такой земли или только изъ такой земли съ примѣсью еще худшей, то, вѣроятно, собственникъ не отдалъ бы ея въ пользованіе даромъ,— а предпочелъ бы (если онъ богатъ) оставить ее невоздѣланной, чтобы она служила ему для прогулки или составляла просто пейзажъ, или была охотничимъ паркомъ. Фермеръ не могъ бы дать ему ничего за нее, еслибы хотѣлъ воздѣлывать ее; но, вѣроятно, можно было бы получать съ нея что-нибудь, сдѣлавъ ее пастбищемъ, или собирая съ нея дикоростущіе продукты. Впрочемъ, даже и такая земля могла бы не оставаться невоздѣланной. Ее могъ бы воздѣлывать самъ собственникъ, что нерѣдко бываетъ даже въ Англіи. Онъ могъ бы дать участки ея во временное пользованіе семействамъ рабочаго класса, или изъ филантропіи, или для того, чтобы избавиться отъ налога для бѣдныхъ; наконецъ, онъ могъ бы безъ ренты отдать ее въ пользованіе поселенцамъ, въ надеждѣ, что ихъ трудъ придастъ ей цѣнность впослѣдствіи времени. Эти случаи очень нерѣдко встречаются. Такимъ образомъ, еслибы даже все помѣстие состояло изъ земли самого дурнаго сорта, какой можно воздѣлывать съ прибылью, оно могло бы не оставаться невоздѣланнымъ изъ-за того, что не могло бы давать ренты. Но обыкновенно земля низкаго качества не занимаетъ обширнаго круга сплошнымъ кускомъ; она лежитъ разбросанно между куеками болѣе хорошей земли, и

человѣкъ, снимающій болѣе хорошую землю, получаетъ вмѣстѣ съ нею куски низшаго качества, перемѣшаныаго съ нею. Онъ платить ренту на словаѣ за всю ферму, но рента эта разсчитана по продукту только тѣхъ частей, которыя могутъ давать больше обыкновенной прибыли (части эти могутъ составлять очень небольшую долю цѣлой фермы, но это все равно, такова бываетъ и рента). Такимъ образомъ, остается справедлива теорія, что прочія части фермы не даютъ ренты¹⁰). Сопоставимъ этотъ отрывокъ съ фактами русской жизни. Во многихъ среднихъ и западныхъ губерніяхъ Россіи арендная плата за довольно большія имѣнія не превышаетъ 5 рублей съ десятины. Изъ 2500 рублей, которые уплачиваетъ арендаторъ 500 десятинъ, нужно сдѣлать много вычетовъ, дабы получить ренту. Налоги и страховую премію обыкновенно уплачиваетъ собственникъ земли. Ремонтъ построекъ производить арендаторъ, но матеріальъ дается владѣльцемъ. Эти расходы легко достигаютъ 500 рублей. Если постройки въ такомъ имѣніи стоятъ 10,000 рублей, что отнюдь не преувеличено, то необходимо отчислить рублей 300 на ихъ погашеніе и проценты. Такимъ образомъ, на чистую ренту останется, вероятно, не больше 1700 рублей. Не слѣдуетъ думать, что за каждую изъ 500 десятинъ платится доля этой суммы. Обыкновенно въ такомъ имѣніи найдется 200 — 250 десятинъ довольно высокаго плодородія, которая выносить всю ренту или даже всю арендную плату, а остальная земля не даетъ ренты: она состоитъ или изъ порубовъ, которые могутъ служить пастищемъ для скота, или изъ тощихъ луговъ, на которыхъ собираются скудные укосы сѣна. Если сдѣлать точный подсчетъ, то окажется, что на этихъ земляхъ арендаторъ едва покрываетъ свои издержки. Добавимъ, что во многихъ мѣстахъ Россіи крестьяне, имѣя недостаточные надѣлы, платятъ за наемъ земли, которая не приноситъ ренты; лишенные свободы передвиженія, они вынуждены арендовать землю и уступать владѣльцу въ арендной платѣ часть заработка; обыкновенно въ продуктѣ, остающемся арендатору, трудъ его вознаграждается меныше, чѣмъ трудъ наемныхъ сельскихъ рабочихъ.

Обработка худшихъ участковъ безъ того, чтобы они приносили ренту, бываетъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда арендаторъ влагаетъ въ землю добавочный капиталъ, на который разсчитывается получить обычный процентъ, но безъ всякаго остатка для ренты. Такимъ образомъ, одна часть капитала, вложенного въ хозяйство, даетъ ему возможность платить ренту, другая же неѣтъ. Эти случаи являются только исключеніями.

Худшіе изъ воздѣлываемыхъ участковъ также могутъ приносить ренту. Въ этихъ случаяхъ право собственности на землю какъ бы само содѣйствуетъ появлению ренты. Собственникъ земли занимаетъ монопольное положеніе, и обработка худшихъ

участковъ начиняется только тогда, когда цена хлѣба поднялась настолько, что эти участки, кромѣ прибыли, могутъ приносить и ренту. Право собственности на землю само по себѣ не создаетъ ренты. Но собственникъ имѣть власть не пользоваться землей, пока участки, предназначенные для сельского хозяйства или подъ постройку, не оставляютъ ему излишка. Собственникъ не въ состояніи ни увеличить, ни уменьшить площадь земли, но можетъ уменьшить то ея количество, которое находится на рынке. Вотъ почему во всѣхъ культурныхъ странахъ значительная площадь земли остается въ хозяйственного оборота.

Предположимъ, что явилась потребность взять подъ культуру менѣе плодородные участки, нежели тѣ, которые находятся въ обработкѣ. Согласится ли собственникъ сдать эту землю въ аренду даромъ только потому, что рыночная цена хлѣба поднялась до возможности получать среднюю прибыль на капиталъ, вложенный въ эти участки? Собственникъ не согласится на это. Онъ сдается ихъ въ аренду лишь подъ условиемъ получения арендной платы. А потому рыночная цена хлѣба должна быть значительно выше издержекъ его производства на худшихъ участкахъ, чтобы оставлять некоторый излишекъ для ренты.

Какъ же объяснить, что рыночная цена продуктовъ сельского хозяйства можетъ подниматься надъ издержками производства?

Отношеніе цѣны товара къ цѣнности опредѣляется отношеніемъ перемѣнной части капитала, посредствомъ которой произведенъ товаръ, къ его постоянной части. Если перемѣнный капиталъ въ производствѣ, т. е. капиталъ, поступающій въ заработную плату, больше, нежели средній перемѣнный капиталъ во всемъ производствѣ данной страны, то цѣнность его продукта стоитъ выше его цѣны и наоборотъ. Каждая отрасль производства, по своимъ техническимъ особенностямъ, представляетъ своеобразное отношеніе между постоянными и переменными капиталами; живой трудъ занимаетъ въ однихъ отрасляхъ больше места, чѣмъ въ другихъ.

Въ сельскомъ хозяйстве сложеніе капитала ниже средненеобщественного; это доказывается, что въ странахъ развитой экономической жизни земледѣліе отстало отъ обрабатывающей промышленности. При такомъ состояніи сельского хозяйства цѣнность его продуктовъ выше ихъ цѣны, т. е. капиталъ, затраченный въ сельскомъ хозяйстве, создаетъ большую избыточную цѣнность, нежели капиталъ такой же величины средненеобщественного сложенія. Разъ капиталы свободно передвигаются изъ одной отрасли въ другую, то происходитъ уравненіе прибыли, вслѣдствіе того, что товары обмѣниваются по своей цѣнѣ, выше или ниже цѣнности. Обмѣнъ товаровъ по цѣнѣ производится совершенно безпрепятственно, пока неѣть постоянной

преграды, способной помешать ему, отклонить отъ закона уравненія прибылей, т. е. удержать въ нѣкоторыхъ отрасляхъ прибыль на уровнѣ выше средняго. Земельная собственность создаетъ такую преграду для капиталовъ, прилагаемыхъ къ сельскому хозяйству. Землевладѣніе препятствуетъ приложению капиталовъ къ новымъ участкамъ безъ взиманія ренты, хотя бы площадь участковъ была такова, что, будучи ничими, они позволили бы воздѣлывателю выручить цѣну производства. Всѣдѣствіе преграды, которую воздвигаетъ земельная собственность, рыночная цѣна произведеній сельского хозяйства должна подняться на такой уровеньъ, чтобы земля могла дать излишekъ надъ цѣною производства, т. е. ренту. Этотъ излишekъ можетъ составлять всю разницу между цѣнностью и цѣной производства, или только часть разницы. Въ обоихъ случаяхъ устанавливается монопольная цѣна сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. По сравненію съ другими товарами, цѣнность которыхъ превышаетъ среднюю цѣну производства, монополія сельско-хозяйственныхъ продуктовъ состоить въ томъ, что ихъ рыночная цѣна не опускается до цѣны производства. Власть собственниковъ земли ведетъ къ тому, что повышеніе цѣнности сельско-хозяйственныхъ продуктовъ надъ ихъ цѣною производства можетъ сдѣлаться опредѣляющимъ моментомъ ихъ рыночной цѣны. Въ этомъ случаѣ не вздорожаніе продукта—причина ренты, а рента—причина вздорожанія продукта.

Земельная собственность можетъ поднять цѣну произведеній сельского хозяйства выше ихъ цѣны производства. Въ другихъ отрасляхъ производства мы не находимъ столь могущественного фактора. Однако, въ конечномъ итогѣ не отъ собственниковъ земли, а отъ состоянія всего рынка зависитъ то, поднимется ли рыночная цѣна продуктовъ земли надъ цѣною производства, приблизится ли она къ цѣнности и въ какой мѣрѣ избыточная цѣнность, созданная въ сельскомъ хозяйстве сверхъ средней нормы прибыли, поступить въ ренту или же пойдетъ на уравненіе всеобщей избыточной цѣнности до средней прибыли.

Если бы въ странѣ вся земля, пригодная для сельского хозяйства, была сдана въ аренду, то не было бы участковъ, не приносящихъ ренты; но могли бы быть случаи помѣщенія въ землю капитала, который не давалъ бы ренты. Право собственности на землю служитъ преградой только до тѣхъ поръ, пока съемщикъ не допущенъ до земли. Разъ же участокъ сданъ въ аренду, то, до истеченія срока, арендаторъ свободно решаетъ относительно дальнѣйшихъ затратъ капитала въ своемъ хозяйстве; онъ можетъ влагать въ землю новые капиталы, которые даютъ среднюю прибыль, но не приносятъ ренты.

Возвышение ренты, какъ справедливо замѣтилъ Рикардо, зависитъ отъ роста населенія и отъ необходимости расширить

площади земли для ведения хозяйства. Въ малонаселенной странѣ рента низка или даже вовсе не существуетъ. По мѣрѣ же роста населения и необходимости прибѣгать къ худшимъ участкамъ, рента возрастаетъ все болѣе и болѣе. Слѣдующія условия особенно способствуютъ ея возрастанию: 1) Отсутствие сельско-хозяйственныхъ улучшений. Это условіе обнаруживается особенно рѣзко въ нашемъ отечествѣ: быстрое возрастаніе ренты въ 70-хъ годахъ XIX вѣка, при плотности населения не болѣе 2,500 человѣкъ на квадратную милю, нужно приписать, главнымъ образомъ, отсутствію интенсивнаго хозяйства. 2) Отсутствие усовершенствованныхъ путей сообщенія и 3) стѣсненіе ввозной торговли хлѣбомъ. Можно прослѣдить влияніе третьаго условія на Германіи: введеніе въ 1880 году пошлинъ на хлѣбъ, ввозимый изъ-за границы, ослабило въ этой странѣ наклонность ренты къ понижению.

Пониженію ренты способствуютъ слѣдующія условія: 1) Сельско-хозяйственные улучшения. Сюда относятся какъ замѣна простѣйшихъ земледѣльческихъ системъ болѣе сложными, такъ и введеніе усовершенствованныхъ орудій,—вообще переходъ отъ экстенсивнаго хозяйства къ интенсивному. Если улучшения вводятся въ единичныхъ хозяйствахъ, то, не имѣя всеобщаго значенія, только поднимаютъ ренту владѣльцевъ, такъ какъ передвигаются ихъ земли въ разрядъ лучшихъ участковъ. Разъ же улучшения распространяются на большое число хозяйствъ, то расширение площади обрабатываемой земли становится излишнимъ, а это задерживаетъ возрастаніе ренты. Болѣе интенсивное пользованіе землей примѣнительно не только въ сельскомъ хозяйстве, но и къ рудникамъ и участкамъ подъ строеніями. Въ городахъ, по мѣрѣ ихъ расширенія, рента возрастаетъ. Но болѣе интенсивное пользованіе городской землей (сооруженіе многоэтажныхъ зданій) задерживаетъ ростъ ренты. Успѣхи сельско-хозяйственного искусства, по справедливому замѣчанію Родбертуса, ведутъ къ тому, что многіе худшіе участки земли (всѣдѣствіе, напримѣръ, осушенія или орошенія) поднимаются почти до уровня лучшихъ. По французскому кадастру 1822 года, во многихъ общинахъ Эры и Уазы средній доходъ 1 гектара земли 1-го класса былъ 58 франковъ, 4-го—20, а 5-го 8 франковъ, а въ 1852 году доходъ поднялся до 80, 50 и 40 франковъ, т. е. для лучшихъ участковъ на 35%, а для худшихъ на 300%¹¹⁾. 2) Улучшеніе путей, которые даютъ возможность доставлять хлѣбъ изъ болѣе отдаленныхъ частей страны и такимъ образомъ задерживаютъ возрастаніе земельной ренты. 3) Свободная международная торговля: когда Америка (съ начала 70-хъ годовъ XIX столѣтія) стала вывозить въ Европу болѣйшія массы инопланеты, рента понизилась въ Англіи, главнѣмъ ринкомъ сбыта этихъ продуктовъ.

Земельная рента даетъ намъ изъ прошлого столѣтіе картину быстраго возрастанія во всѣхъ странахъ Европы; тотъ же процессъ можно прослѣдить и въ нашемъ отечествѣ. За 46 лѣтъ, протекшихъ со времени освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, арендная плата возросла въ Россіи, по крайней мѣрѣ, въ 3—4 раза. Это было вызвано ростомъ населенія, потребностью въ большемъ количествѣ земледѣльческихъ продуктовъ и проведениемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ. Онѣ связали съ международнымъ хлѣбнымъ рынкомъ многія отдаленные и глухія мѣстности Европейской Россіи и позволили имъ поставлять земледѣльческія произведенія не только нашимъ густонаселеннымъ и малоплодороднымъ губерніямъ, но и Западной Европѣ. Есть уѣзды—назовемъ, напримѣръ, Ростовскій на Дону и Бахмутскій Екатеринославской губерніи,—гдѣ за означенный пѣріодъ арендная плата возросла даже въ 5—10 разъ. Съ половины 80-хъ годовъ въ нашихъ черноземныхъ губерніяхъ замѣчалось мѣстами пониженіе арендной платы. Оно было вызвано проведениемъ желѣзныхъ дорогъ въ Остъ-Индіи, Бразиліи, Аргентинской республикѣ. Желѣзныя дороги приблизили миллионы десятинъ плодородной земли къ міровому рынку, открыли доступъ въ Европу продуктамъ этихъ обширныхъ площадей, понизили цѣну хлѣба, а вслѣдъ за нею земельную ренту. Въ настоящее время арендные цѣны сильно колеблются по районамъ. Если ограничиться тѣми губерніями, въ которыхъ были произведены земскія статистическія изслѣдованія, то мы найдемъ низшія арендныя цѣны, отъ 2 до 4 рублей за десятину при арендованіи земли на нѣсколько лѣтъ, въ нечерноземныхъ губерніяхъ, а также въ рѣдконаселенныхъ уѣздахъ нѣкоторыхъ черноземныхъ губерній—Екатеринославской, Черниговской, Самарской, Саратовской, Тамбовской. Среднюю плату, отъ 4 до 8 рублей за десятину, мы встрѣчаемъ въ болѣшей части черноземныхъ уѣзовъ. Наконецъ, высокая арендная плата, болѣе 8 рублей за десятину, падаетъ на большую часть Курской и нѣкоторые уѣзды Воронежской и Орловской губерній. Но такова плата при отдаче земли въ наемъ „на года“. При наймѣ же участковъ только подъ одинъ посѣѣ, арендная плата увеличивается на 50—100%. Она составляетъ, при многолѣтнихъ и однолѣтнихъ арендахъ, 1 р. 38 к. и 2 р. 73 к. за десятину въ Петергофскомъ уѣздѣ, 8 р. 69 к. и 16 р. 44 к. въ Старооскольскомъ, 7 р. 30 к. и 17 р. 7 к. въ Суджанскомъ, 10 р. 45 к. и 16 р. 26 к. въ Елецкомъ, 10 р. 23 к. и 28 р. 12 к. въ Тимскомъ. На высоту арендной платы, кромѣ сроковъ арендованія, оказываютъ влияніе и многія другія условія. Личность собственника земли имѣеть важное значеніе. Во многихъ уѣздахъ наблюдается такое явленіе: казенные земли сдаются въ аренду болѣе дешево, нежели частныя: во многоземельныхъ губерніяхъ — Самарской,

Екатеринославской, нѣкоторыхъ уѣздахъ Тамбовской—арендная плата за казенные земли составляетъ только 35, 50, 65% платы за земли частныхъ владѣльцевъ. Нужно приписать часть этой разницы несомнѣнно тому, что частные владѣльцы болѣе усердно пользуются выгодами своего положенія, нежели чиновники, раздающіе участки казенной земли въ аренду. Степень обезпеченности съемщиковъ земли оказывается еще болѣе вліяніемъ. Такъ какъ арендуютъ землю преимущественно крестьяне и только въ западныхъ губерніяхъ начинаетъ слагаться особый классъ фермеровъ, и такъ какъ наемъ земли служить крестьянину источникомъ дополнительныхъ заработковъ при его хозяйствѣ, то онъ готовъ тѣмъ дороже платить за арендуемую землю, чѣмъ менѣе обезпечены своимъ земельнымъ надѣломъ. Въ Саратовскомъ уѣздѣ за аренданіе десятины платятъ: бывшіе государственные крестьяне, съ 13,4-десятиннымъ надѣломъ на дворъ, 2,9 рублей, а бывшіе владѣльческие, съ 6,2-десятиннымъ надѣломъ,—3,8 рублей; въ Петровскомъ—первые, при 13,6-десятинномъ надѣлѣ, 3,5, вторые, при 8,1-десятинномъ—5,3 рублей; въ Путивльскомъ—первые, при 8,5-десятинномъ надѣлѣ, 17,6 рублей, а бывшіе владѣльческие дарственные, при надѣлѣ въ 1,7 десятины на дворъ, 20,4 рублей.

Только часть арендной платы должна быть признана рентой въ точномъ смыслѣ слова. Рента составляетъ въ арендной платѣ тѣмъ большую часть, чѣмъ менѣй капиталъ, въ видѣ строеній, орудій, машинъ и скота, связанъ съ участкомъ земли, чѣмъ большие размѣры арендуемыхъ участковъ, чѣмъ большими материальными достаткомъ пользуются арендаторы, чѣмъ болѣе они свободны въ выборѣ мѣста для веденія своего хозяйства. Большая часть крестьянъ-арендаторовъ поставлена въ Россіи такъ, что арендная плата искусственно поднимается до ѿна нынѣшняго, крайне высокаго уровня. Ничтожный земельный надѣль, не могущій обезпечить крестьянскую семью при нынѣ господствующихъ въ Россіи приемахъ веденія сельскаго хозяйства, ничтожные заработки отъ кустарныхъ промысловъ, а неудѣлко и полное отсутствіе такихъ заработковъ, неорганизованность переселеній въ многоземельныя губерніи Европейской Россіи и особенно въ Сибирь, трудности, съ которыми связано передвиженіе—все это прикрѣпляетъ крестьянъ къ ихъ осѣдлости. Личная свобода еще не обезпечиваетъ крестьянину свободного выбора мѣста, где можно было бы заниматься сельскимъ хозяйствомъ при благопріятныхъ условіяхъ. Остается одинъ исходъ—расширить свой надѣль аренданіемъсосѣднихъ земельныхъ участковъ. Аренданіе земли достигаетъ такихъ размѣровъ, что во многихъ уѣздахъ черноземной полосы арендуемая земли составляютъ 30, 40, 50% крестьянской надѣльной земли, а въ Обоянскомъ уѣзде—59,2%, Саратовскомъ—70,8,

Самарскомъ—даже 76,6%. Соперничество между съемщиками поднимаетъ арендную плату такъ высоко, что владѣлецъ земли получаетъ не только ренту, но всю прибыль, которую могъ бы имѣть крестьянинъ на свой убогій инвентарь, и значительную часть его заработной платы. Въ черноземныхъ губерніяхъ обработка и уборка 1 десятины ржи стоятъ владѣльцамъ 6—7 рублей, которые и составляютъ среднюю заработную плату. Уплачивая 22 рубля за арендованіе десятины подъ рожь, крестьянинъ имѣеть, при довольно высокой цѣнѣ въ 60 копѣекъ за 1 пудъ, не болѣе 3—4 рублей, т. е. половину того, что онъ можетъ получить за работу по найму. Мы не впадемъ въ ошибку, если скажемъ, что, при сдачѣ земли на 1 посѣвъ, рента составляетъ только $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$ арендной платы.

Явленія, однородныя этимъ, могутъ быть наблюдаемы и въ Западной Европѣ. Гдѣ преобладаетъ крупное арендованіе земли, тамъ арендная плата гораздо болѣе приближается къ рентѣ, нежели въ мѣстахъ, гдѣ господствуетъ мелкое фермерство. Таковы различія между Англіей и Шотландіей съ одной стороны и Ирландіей съ другой. Въ двухъ первыхъ странахъ господствующимъ типомъ были издавна крупная и средняя аренды. Въ Англіи и Шотландіи еще 100 лѣтъ тому назадъ арендатору нуженъ былъ значительный капиталъ, дабы успѣшно вести хозяйство: на каждый экръ обрабатываемой земли ему нужно было, по крайней мѣрѣ, 4—5 фунтовъ стерлинговъ. Снимая землю, такой арендаторъ всегда разсчитывалъ, за покрытиемъ всѣхъ расходовъ, получить на свой капиталъ прибыль, которая соотвѣтствовала бы доходности капитала и въ другихъ предпріятіяхъ. И по размѣрамъ фермъ, и по имущественной обезпеченности, и по образу жизни, англійскіе и шотландскіе фермеры принадлежали къ среднему классу. Въ Ирландіи же съемщикомъ земли почти всегда былъ тотъ, кто былъ готовъ платить за нее самую высокую цѣну. Съемщикомъ земли былъ обыкновенно поселенінъ, нанимавшій 8—10—12 экровъ, съ капиталомъ не болѣе 1 фунта на экръ. Соперничество между этими людьми было всегда такъ велико, что они нерѣдко обязывались платить большую цѣну, нежели то оправдывалось доходностью хозяйства. Кромѣ соперничества съемщиковъ, на высоту арендной платы вліяло и то, что Ирландія была изстари страчою гораздо болѣе крупнаго землевладѣнія, нежели Англія и Шотландія. Чѣмъ болѣе крупны владѣнія, тѣмъ меныше собственниковъ и тѣмъ, поэтому, меныше между ними соперничество, а только оно и могло бы понижать арендную плату. Крупный собственникъ занимаетъ на данной площади гораздо болѣе монопольное положеніе, чѣмъ десять среднихъ; онъ является господиномъ большаго числа людей, живущихъ въ данной округѣ и стремящихся арендовать землю небольшими

клотками. Наконецъ, арендная плата искусственно возицналаась въ Ирландіи и тѣмъ, что собственники земли оставляли въ обработки значительную часть площади, которая была вполнѣ пригодна къ культурѣ, и скучивали населеніе на небольшихъ пространствахъ. Отводя обширные участки подъ пастбища, землевладѣльцы уменьшали такимъ образомъ земельный фондъ страны. А такъ какъ огромныи массы населенія, хотя и пользуются личной свободой, которая на Западѣ уже давно стала ихъ удѣломъ, не имѣютъ средствъ для выселенія въ отдаленные страны, изобилующія свободными землями, то рента въ Ирландіи несообразно высока; она оставляетъ съемщику земли самый ничтожный доходъ, едва покрывающій его скучные потребности ¹²⁾.

Королевская комиссія, учрежденная въ 1893 году для изслѣдованія положенія англійскаго земледѣлія, собрала много данныхъ, которая доказываютъ, что и въ Англіи дробленіе фермъ удерживаетъ ренту на ненормально высокомъ уровнѣ. Съ конца 70-хъ годовъ 19 вѣка англійское сельское хозяйство испытываетъ угнетенное положеніе вслѣдствіе низкихъ цѣнъ на продукты земледѣлія и скотоводства: въ 70-хъ годахъ цѣна квартера пшеницы равнялась 47 — 53 шиллингамъ, въ концѣ 80-хъ годовъ она стояла на 37 шиллингахъ, а въ 92 — 93 уже на 26. Цѣны овса и ячменя упали за тотъ же періодъ на 30—35%, мясо на 20 — 25%. Пониженіе цѣнъ повело къ сокращенію посѣвовъ пшеницы, ухудшенію культуры, уменьшенію затратъ, которая улучшаютъ почву, и уменьшенію доходовъ отъ сельского хозяйства. Капиталъ фермеровъ уменьшился; многие изъ нихъ окончательно раззорились. Мѣстами нелегко найти арендатора для крупной или средней фермы; спросъ же на мелкіе участки остается въ полной силѣ; съемщики охотно платить за нихъ высокую цѣну. Подобно тому, какъ русскій крестьянинъ черноземныхъ губерній платить чрезмѣрно высокую плату, и въ Англіи мелкій фермеръ, мало пользуясь наемнымъ трудомъ и меныше завися отъ рынка, чѣмъ крупный арендаторъ, отдаетъ землевладѣльцу не только ренту, но и ту часть дохода, которая должна бы составить прибыль на скромный капиталъ, затрачиваемый съемщикомъ въ его промыслѣ.

Мы закончимъ изученіе ренты отвѣтомъ на вопросъ о возможности ея устраненія. Человѣкъ столь же бессиленъ устранить ее, какъ измѣнить какой-либо законъ природы. Но цѣлымъ рядомъ техническихъ улучшеній люди могутъ препятствовать ея быстрому возрастанію. Кто бы ни былъ собственникомъ земли, въ чье распоряженіе ни поступала бы рента, задержаніе ея роста лежитъ въ интересахъ всего населенія, коль скоро ея ростъ замедляется увеличеніемъ производительности труда.

Иное дѣло — право собственности на ренту. Измѣнить и регулировать это право есть дѣло рукъ человѣческихъ. Со временемъ сложится такой порядокъ, при которомъ распределение ренты будетъ наиболѣе соответствовать требованиямъ справедливости.

Какія же перемѣны могутъ быть отмѣчены въ исторіи распределенія народнаго дохода? Масса народнаго дохода опредѣляется производительностью труда; доходъ тѣмъ болѣе великъ, чѣмъ она выше. Величина же каждой части народнаго дохода — заработной платы, прибыли и ренты — зависитъ отъ величины двухъ другихъ частей. Каждая изъ нихъ возрастаетъ, если, при неизмѣняющейся производительности труда, уменьшаются двѣ другія части или уменьшается одна, въ то время какъ другая остается безъ перемѣны или же увеличивается, но въ меньшемъ размѣрѣ, нежели уменьшилась первая. Предположимъ, что весь народный доходъ равенъ 1000 единицамъ, изъ которыхъ въ заработную плату поступаетъ 400, а въ прибыль и ренту по 300. Очевидно, одна изъ трехъ частей дохода, положимъ, рента, можетъ возрасти или въ томъ случаѣ, когда при неизмѣнности двухъ другихъ частей, увеличится производительность труда, и доходъ достигнетъ, положимъ, 1100 единицъ, или когда, при такомъ возрастаніи производительности труда, заработка плата или прибыль, или обѣ вмѣстѣ увеличатся меньше, нежели на 100 единицъ, или же если, при неизмѣнной производительности труда, уменьшатся прибыль и заработка плата, или же одна изъ этихъ частей.

Развитіе народнаго хозяйства ведетъ къ относительному пониженію заработной платы и повышенію прибыли и ренты. Огромный ростъ производительности труда въ предѣлахъ европейско-американскаго міра повелъ за собою такія перемѣны въ распределеніи народнаго дохода: заработка плата абсолютно увеличилась, но далеко отстала отъ роста производительности труда; прибыль возросла абсолютно и не отстала отъ роста продуктовъ; въ наибольшихъ же размѣрахъ, какъ абсолютно, такъ и относительно возросла земельная рента. Эти перемѣны могутъ быть выражены примѣрно въ такой табличкѣ:

	Капиталъ.	Продуктъ 1 работы.	Зар. плата.	Прибыль.	Рента.
1-й періодъ .	500	200	100	80	20
2-й , .	4000	1000	200	400	400

Статистика еще не располагаетъ данными, которыя позволили бы во всѣхъ подробностяхъ доказать это положеніе ссылкою на какое-либо народное хозяйство. Но каждый согласится съ этимъ, если припомнить исполненій ростъ цѣнности и доходности земли во всѣхъ странахъ Европы. Этотъ ростъ такъ

вселись, что невольно вспоминаешь слова американского экономиста: „тотъ, кому принадлежитъ земля, является господиномъ и людей, которые населяютъ ее“.

ПРИМЪЧАНІЯ КЪ ПЯТОЙ ГЛАВѢ.

- 1) *Bastiat*. Harm. économ., 344.
- 2) *Leroy Beaulieu*. Essai sur la répartit. des rich., 1880, 90.
- 3) Руководство къ социальн. наукѣ, 107.
- 4) Это возврѣніе высказано еще Буханамомъ. Въ примѣчаніи къ 7 главѣ I книги Смита онъ говорить, что избытокъ дохода, проистекающій для предпріятія изъ промысловыхъ тайнъ, отличается отъ заработной платы и прибыли, имѣя свойства *rentы*.
- 5) Ausschlies. Absatzverhalt., 138.
- 6) *Marx*. Das Kapital, III/, 1894. Страв. 303.
- 7) *Marshall*. Principles of Economics, I, 1891. 27.
- 8) Тамъ же, 208.
- 9) *Platter*. Grundlehren, 287.
- 10) Основ. полит. экон. I, 477.
- 11) *Leroy Beaulieu*. Essai sur la répart., 97—98.
- 12) *Мануиловъ*. Аренда земли въ Ирландіи. 1895.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О НѢКОТОРЫХЪ МѢРАХЪ КЪ УЛУЧШЕНІЮ БЫТА РАБОЧИХЪ').

Пособія: Для ознакомленія съ бытомъ рабочихъ въ Западной Европѣ и Америкѣ. *Иванюковъ*. Полит. экон. *Его же*. Основныя положенія теоріи экономической политики. 1904. *Platter*. Grundlehren der Nationalökonomie. *Каблуковъ*. Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйстве. *Goltz*, v. d. Die ländliche Arbeiterfrage. 2 изд. 1874. *Kebbel*. The Agricultural labourer. 1887. Die Verhaltisse der Landarbeiter in Nordwestdeutschland. 1892. *Villermé*. Tableau de l'état physique et moral des ouvriers employés dans les manufact. 2 vol. 1840. *Марксъ*. Капиталъ. I. *Schöndberg*. Handbuch. II. *Engels*. Die Lage der arbeitenden Classe in England. 1892. *Levasseur*. Histoire des classes ouvrières en France. 1867. *Его же*. L'ouvrier américain. 2 v. 1898. *Young*. Labour in Europe and America. 1875. *Brassey*. Lectures on the labour question, 2 изд. 1878. *Le Play*. Les ouvriers européens 6 vol. 1879. *Lavollée*. Les classes ouvrières en Europe. 2 vol. 1884. *Ballin*. Der Haushalt der arbeitend. Klassen. 1883. *Booth*. Labour and Life of the People, 2 m. 1889. *Hobson*. Problems of Poverty. 1891. *Bowley*. Wages in the United Kingdom. 1900. Recueil de Rapports sur les conditions du travail dans les pays étrangers. 1890 и 91. *Frankenstein*. Der Arbeiterschutz. 1896. *Aveling*. The working-classmouvement in America. 1891. *Сидней Webbъ и Харолдъ Коксъ*. Восьмичасовой раб. день. 1893. *Rost*, Der achtstndige Normalarbeitsstag. 1896. XII. *Adler*. Aufgab. des Staats angesichts der Arbeitslosigkeit. 1894. *Herkner*. Die Arbeiterfrage. 1907. *Milhand*. Les questions ouvrières. 1894. *Béchaux*. Les revendications ouvrières en France. 1894. *Spyers*. The Labour Question. 1895. *Зотовъ*. очерки современ. положенія рабочихъ въ

Англія. *Рус. Всесм.* 1895, II. *Прокоповичъ.* Рабочее движение на Западѣ. I, 1899. *Nostiz.* Das Aufsteigen des Arbeiterstandes in England. 1900. *Pohle.* Frauenfabrikarbeit u. Frauenfrage. 1900. *Pelloutier.* La vie ouvrière en France. 1900. *Vigouroux.* L'évolution sociale en Australasie. 1902. *Reeves.* State Experiments in Australia and New-Zealand. 1902. 2 vol. *Cotelle.* Le Sweating System. 1904. *Commission industrielle Mosely.* Des conditions de la vie économique et sociale de l'ouvrier aux Etats Unis. 1904. Cost of living and retail prices of food. 18-th annual Report of the Commission of Labor. 1904. Wages and hours of labor. 19-th annual Report of the Commission of Labor. 1905. Wages and hours of labor in manufacturing industries. Bulletin of the Bureau of Labor. 1906 july. *Sombart.* Warum giebt es in den Vereinigten Staaten keinen Socialismus? 1906. *Clark.* Labor Conditions in Australia. Bulletin of the Bureau of Labor. 1905, I. *Boyson.* Das Land der sozialen Reformen. 1906. *Lux.* Arbeiterbewegung u. Arbeiterpolitik in Australasien von 1890—1905. Archiv f. Socialwissensch. u. Socialpolitik. 1907, I и II (т.-ж. указания на литерат. по рабочему вопросу въ Австралии). *Heiss* u. *Koppel.* Heimarbeit u. Hausindustrie in Deutschland. 1906. *Wilbrandt.* Die Weber in der Gegenwart. 1906. *Ehrenberg.* Die Eisenhüttentechnik u. der deutsche Hüttenarbeiter. 1906. *Denkschrift* über die Lage der Hüttenarbeiter Deutschlands. 1907. *Trzciński.* Russisch-polnische u. galizische Wanderarbeiter in Posen. 1906. Во многихъ изъ перечисленныхъ ниже сочиненій о мѣрахъ на пользу рабочихъ можно найти также свѣдѣнія о бытѣ рабочаго класса. Относительно стачекъ см. *Thornton.* On Labour. *Bevan.* The strikes of the past ten years, въ Journ. of the Statistic Society. 1880. *Meyer.* Der Emancipationskampf des vierten Standes. 1882. *Sartorius v. Waltershausen.* Die nordamerikanischen Gewerkschaften. *Turquan.* Les grèves en France depuis 1874. Journ. des Econom. 1889. Die Arbeitseinstellungen u. Aussperrungen in Oesterreich. 1898. *Liechti.* Die Verrufserklärungen. 1897. Handwörterbuch der Staatswissenschaften *Conrad'a* и *Elster'a*, I, 1890. Тамъ же дальниѣ указанія на литературу. *Bemis.* La grève de Chicago de 1894. *Revue d'Econ. polit.* 1895. *Uhry.* Les grèves en France. 1904. VII. *Исаевъ.* Забастовки. 1906. *Bernstein.* Der Streik. 1907. По статистикѣ труда: *Joachim.* Institute für Arbeitsstatistik. 1890. *Caroll Wright.* Die Organisation der arbeitsstatistischen Aemter. Archiv. f. sociale Gesetzgebung, 1888, I. *Scherrer.* Das schweizerische Arbeitersecretariat, 1888. *Pelloutier.* Histoire des bourses du travail. 1902. *Harms.* Deutsche Arbeitskammern. 1904. Для ознакомленія съ союзами рабочихъ см.: *Brentano.* Die Arbeitergilden der Gegenwart. 2 B. 1871—82. *Comte de Paris.* Les associations ouvrières en Angleterre. 7 изд. 1884. *Baernreither.* Die englischen Arbeiterverbände. B. I. 1886. *Lexis.* Gewerkvereine in Frankreich. 1879. *Sartorius v. Waltershausen.* Назв. сочин. *Hirsch.* Die Arbeiterfrage und die deutschen Gewerkvereine. 1893. *Sidney and Webb.* The history of Trade Unionism. 1894. *Hirsch.* Die Entwicklung der Arbeiterberufsvereine in Grossbritanien u. Deutschland. 1896. *Müller.* Die Stärkung der Gewerkschaftsbewegung durch Konsumgenossenschaft. 1896. *Schmöle.* Die socialdemokr. Gewerkschaft in Deutschland. 1896. *De Rousiers.* Le trade-unionisme en Angleterre. 1897. *Legien.* Das Koalitionsrecht der deutschen Arbeiter. 1899. *Smith.* The New trades combination movement. 1899. *Kulemann.* Die Gewerkschaftsbewegung. 1900. *Lieffmann.* Die Allianzen, gemeinsmonopolistische Vereinig. der Untern. u. Arbeiterin England. Jahrbüch. f. Nationalök. 1900. *Leener.* Les syndicats industriels en Belgique. 1904. *Trötsch* и *Hirschfeld.* Die deutschen socialdemokratisch. Gewerkschaften. 1905. *Paul Lonis.* Histoire du mouvement syndical en France. 1907. Относительно палатъ посредниковъ: *Brentano.* Die Arbeitergilden. Schriften des Vereins für Socialpolitik. Gutachten u. Verhandlungen, Bände 46 и 47. *Schönberg.* Handbuch. II. *Минилютъ.* Помеднич. въ столкнов. между предприн. и рабоч. *Рус. Мысль.* 1889, XII. *Клоор.*

Industrial Conciliation and Arbitration. 1906. Для изученія фабричного законодательства: *Марксъ. Капиталъ. I. Инжуръ.* Очерки и изслѣдованія. 2 т. 1882. *Федоровъ. Фабричное законодательство цивилизованныхъ государствъ. Иностранный фабр. законъ. 1878 и 80, п. 1 сост. Янжуль. в. 2 -- Гольмъ.* 1884. *Schaeffle. Zur Theorie u. Politik des Arbeiterschutzes. Tüb. Zeitschr.* 1890. *Taylor. Modern Factory System.* 1891. *Weyer. Die Englische Fabrikinspektion.* 1888. *Schuler. Die Fabrikinspektion: Archiv für sociale Gesetzgeb.* 1889. *Eine neue Aera englischer Socialgesetzgebung.* 1898. *Adler. Die Frage des internationalen Arbeiterschutzes.* 1888. *Boiley. La legislation internationale du travail.* 1892. *Блументаль. Международн. раб. законод.* С.шво, 1880. VIII. *Голлъсъ. Очерки законодат. о труде въ Германии. Рис. Ботам.* 1898. III, IV и XII. *Willougby. Essais sur la législation ouvrière aux Etats-Unis.* 1903. См. также *Handwörterbuch der Staatswissenschaften.* I. Богатый материалъ содержитъ отчеты фабричныхъ инспекторовъ. Для вопроса о страхованиі рабочихъ: *Гоуденвайзъ. Социальное законодательство Германии.* 1891. *Brentano. Die Arbeiterversicherung.* 1879. *Ею же. Der Arbeiterversicherungzwang.* 1881. *Bödiker. Die Arbeiterversicherung in den Europäischen Staaten.* 1895. *Голлъсъ. Страхов. рабочихъ. Рис. Мысли.* 1895. I, II, V и VI. *Popper. Gewerbliche Hilfskassen und Arbeiterversicherung.* 1880. *Schäffle. Der corporative Hilfskassenzwang.* 1882. *Hasback. Das englische Arbeitsversicherungswesen.* 1888. *Wilkinson. The Friendly - Societies - Movement.* 1886. *Ею же. Mutual Thrift.* 1891. *Schulze-Gävernitz. Zum sozialen Frieden.* 2 В-е 1890. *Adler. Die Versicherung der Arbeiter gegen Arbeitslosigkeit.* 1895. *Müller. Arbeitersecretariate u. Arbeiterversicherung in Deutschland.* 1904. *Schanz. Beiträge zur Arbeitslosenversicherung.* 1895, 1897 и 1901. Рядъ статей о страхованиі рабочихъ въ разныхъ странахъ въ *Handwörterbuch der Staatswissenschaften.* I. *Conrad. Die Organisation des Arbeitsnachweises in Deutschland.* 1904. *Ludwig. Der gewerbsmässige Arbeitsnachweis.* 1906. Относительно установленія низшаго размѣра платы см.: *Zwiedineck-Südenhorst. Lohnpolitik u. Lohntheorie.* 1900. *Klien. Minimallohn u. Arbeiterbeamtentum.* 1902. *Jastrow. Socialpolitik u. Verwaltungswissenschaft.* I. 1902.

Низкий уровень платы не даетъ рабочимъ классамъ возможности удовлетворять потребности согласно съ низшими требованиеами гигиены и дѣлать сбереженія на черный день. Юридически свободный, но фактически зависящій отъ хозяина, работникъ принужденъ подчиниться всѣмъ правиламъ, которыя устанавливаютъ предприниматель, если даже эти предписанія тягостны для него и оскорбительны для человѣческаго достоинства. Длинный рабочій день, проводимый въ грязныхъ, неопрятныхъ, дурно провѣтриваемыхъ помѣщеніяхъ, разрушительно дѣйствуетъ на здоровье работниковъ какъ самъ по себѣ, такъ и неблагопріятной обстановкою, въ которой производится работа. Однообразный трудъ, захвативъ всю жизнь работника, не оставляетъ досуга для самообразованія, не позволяетъ развить духовные силы и получить доступъ къ наслажденіямъ, которыя можно почерпнуть изъ области науки и искусства. Что же остается при этомъ умственному мракѣ, какъ не тѣ грубыя наслажденія, которыя доставляетъ вино? Все, вмѣстѣ взятое, угнетаетъ работника и мѣшає ему испытывать жизнерадостность, которая связана съ большими материальными довольствіемъ и боль-

шимъ разнообразіемъ духовной жизни. Вся жизнь лишаетъ его способности испытывать полноту счастья, которую могутъ переживать люди, принадлежащіе къ болѣе обеспеченнымъ слоямъ населенія ^{2).}

Тяжелое положеніе рабочихъ классовъ вызвало разнообразные попытки улучшить ихъ бытъ. Познакомимся съ мѣрами, которыя имѣютъ наиболѣе общее значеніе.

1) *Стачки* являются однимъ изъ средствъ, которыми работники стараются улучшить свое положеніе. Подъ стачкой разумѣютъ одновременное прекращеніе работы многими работниками по предварительному между ними соглашенію. Въ стачкѣ участвуютъ или работники только одного заведенія, или многихъ заведеній одной отрасли промышленности или даже разныхъ отраслей производства, стоящихъ во взаимной связи. Исследованія стачекъ, произведенныя въ Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ, показываютъ, что стакнувшіеся рабочіе всегдѣ чаще ставятъ цѣлью повышеніе рабочей платы. По статистическимъ даннымъ, которыя были собраны въ Соединенныхъ Штатахъ за 6 лѣтъ (1881 — 86 года) относительно 3.902 стачекъ, распространившихся на 22.304 промышленныхъ заведенія, въ 32,82% всѣхъ случаевъ стачки были предприняты для повышенія заработной платы, въ 12,48% для сокращенія рабочаго времени, въ 7,77% дабы воспрепятствовать понижению платы; относительно небольшое число случаевъ падаетъ на разныя другія побужденія, вызвавшія стачки.

Стачки, какъ показываютъ многочисленныя наблюденія, всего чаще возникаютъ при оживленіи промышленныхъ дѣлъ и во время застоя торговли. При среднемъ ходѣ промышленности, среднемъ сбытѣ товаровъ и среднихъ цѣнахъ, работники не могутъ разсчитывать на возвышение платы; съ тѣмъ вмѣстѣ удовлетворительное положеніе дѣлъ не внушаетъ имъ опасеній, что предприниматели постараются понизить ихъ заработокъ. При оживленіи промышленности, возросшемъ спросѣ на трудъ и возвышеніи товарныхъ цѣнъ, рабочіе надѣются улучшить свое положеніе: ихъ поддерживаетъ въ этомъ сознаніе, что успешный сбытъ товаровъ позволяетъ предпринимателямъ выше оплачивать трудъ. Промышленный застой вызываетъ въ работникахъ чувство страха; они боятся, что хозяева будутъ имѣть побужденія понизить плату. Организуя стачку съ требованіемъ повысить плату, работники не разсчитываютъ, что ихъ цѣль будетъ достигнута; они надѣются только удержать вознагражденіе за трудъ на томъ уровнѣ, при которомъ начинаютъ стачку.

Среди лучшихъ представителей пролетариата господствуетъ тотъ взглядъ, что стачки должны быть строго регулированы. Требованіе о ихъ упорядоченіи касается иной разъ только са-

мыхъ общихъ условій, среди которыхъ должна быть начинаяма стачка; напоминаютъ, что рабочие должны предъявлять, хозяинамъ требование лишь тогда, когда дѣла идутъ благопріятно напоминаютъ, что въ настоящее время слѣдуетъ начинать стачку съ болышио обдуманностью, такъ какъ введеніе каждой новой машины уменьшаетъ дѣйствіе забастовки; ставить на видъ, что стачки болѣе умѣстны въ мелкихъ городахъ, нежели въ крупныхъ, гдѣ трудъ поставлевъ въ сравнительно благопріятныя условія. Такіе совѣты особенно важны потому, что иногда начинаютъ забастовку необдуманно. Весною 1898 года германскіе башмачники, начавъ стачку, обнаружили большое легкомысліе. Она окончилась полнымъ пораженіемъ, такъ какъ были сдѣланы двѣ крупныя ошибки: 1) правленіе союза рабочихъ начало стачку, вовсе не имѣя денегъ; оно разсчитывало, что другіе союзы, изъ солидарности, поддержатъ башмачниковъ; 2) правленіе союза полагало, что 95% германскихъ башмачниковъ организованы; однако, организованными оказались только 15.000 изъ 150.000. Эта ошибка была слѣдствіемъ того, что союзъ башмачниковъ преувеличивалъ развитіе крупнаго производства въ своей отрасли. Дѣйствительно, всѣ башмачники, работавшия на фабрикахъ, входили въ составъ союза; но забыли о несравненно большей массѣ, о мастерахъ, разсѣянныхъ по мелкимъ заведеніямъ. Эти люди, не состоя членами союза башмачниковъ, представляли для фабрикъ запасную рабочую армію, готовую, при стачкѣ, заступить мѣсто работниковъ въ крупныхъ заведеніяхъ. Еще въ самомъ началѣ забастовки эти рабочіе и начали стекаться изъ мелкихъ заведеній на фабрики обуви.

Боязнь легкомысленного объявленія стачки побуждаетъ нѣкоторые союзы выработать для нихъ подробныя правила. Они установлены, напримѣръ, для союза рабочихъ по дереву. Со-гласно съ этими правилами, стачки, объявляемыя членами союза, находятся подъ руководствомъ его администрації. Поэтому, мѣстное отдѣленіе союза, находя нужнымъ начать стачку, со-общаетъ о томъ центральной власти союза, выясняетъ положеніе дѣлъ и даетъ правленію возможность провѣрить все эти сообщенія на мѣстѣ, гдѣ готовится стачка. Ходатайство о раз-рѣшеніи начать стачку принимается во вниманіе только тогда, когда о томъ постановлено тайной подачей голосовъ со сто-роны членовъ союза, готовящихся къ стачкѣ. Если предполо-жено объявить забастовку весною или лѣтомъ, то ходатайство о ней должно быть подано не позднѣе 1 февраля. Центральное управление союза, получивъ просьбу о дозволеніи начать стачку, испрашиваетъ мнѣніе агитационныхъ комиссій, въ раionѣ которыхъ затѣвается стачка; на основаніи отзыва комиссій стачка или разрѣшается или отклоняется. Намѣко-вающіеся начать стачку должны спокойно ожидать разрѣшенія.

Когда оно получено, то прежде, чѣмъ объявить его, руководители стачки обязаны сдѣлать все возможное для мирнаго соглашения съ хозяевами; и только при неуспѣшности этихъ попытокъ можетъ быть начата забастовка. Стачечники, исполнившіе всѣ формальности, имѣютъ право на пособіе изъ кассы союза; въ случаѣ надобности съ членовъ могутъ быть взимаемы особые сборы. Всѣ члены союза, одинокіе и не обязаны содержать семью, должны покинуть всѣ мѣста, въ которыхъ происходитъ стачка. Если забастовщики не подчиняются требованіямъ правленія союза, то имъ могутъ отказать въ пособіи.

Строгая обдуманность при объявлении забастовокъ становится тѣмъ болѣе необходимою, что хозяева усвоиваютъ привычку увольнять всѣхъ работниковъ, какъ скоро лишь въ некоторыхъ отдельахъ фабрики подготавливается стачка. Нерѣдко закрываютъ десятки и сотни заведеній данной отрасли, когда только немногія охвачены стачкой. При такомъ образѣ дѣйствій предприниматели руководствуются разсчетомъ, что забастовка оканчивается тѣмъ раньше, чѣмъ больше работниковъ остаются безъ занятія, чѣмъ больше людей нуждается въ пособіяхъ изъ скромныхъ средствъ пролетаріата. Соединеніе промышленниковъ въ синдикаты позволяетъ имъ увеличивать прибыль возвышеніемъ товарныхъ цѣнъ, а потому и легче решаться на закрытие заведеній при возникающей стачкѣ. Изъ суммъ, затраченныхъ германскими союзами рабочихъ на пособія безработнымъ въ 1905 году, больше $\frac{1}{3}$ было выдано тѣмъ, которые, вслѣдствіе закрытия фабрикъ, остались безъ занятій. Весною 1907 года, въ отрасляхъ по обработкѣ дерева, хозяева, при самомъ началѣ забастовки уволили, болѣе 20.000 работниковъ.

Западноевропейскія стачки вылились въ типичныя формы. Работники, получивъ разсчетъ въ субботу, не идутъ въ понедѣльникъ на фабрику. Всегда за тѣмъ одинокіе изъ среды забастовавшихъ отправляются искать работы за предѣлами даннаго промышленного округа, а семейные получаютъ со второй недѣли небольшія денежныя пособія или изъ суммъ, которыхъ собираются специально для поддержанія стачечниковъ уже во время стачки, или изъ особыхъ фондовъ, если стачку поддерживаетъ союзъ рабочихъ. Со второй же недѣли стачечники отправляются къ хозяевамъ депутациі для переговоровъ. Если хозяева чувствуютъ твердость своего положенія, а требованія забастовавшихъ чрезмѣрны, то они отказываются исполнить желаніе и часто даже не принимаютъ депутатовъ. Если требованія стачечниковъ умѣренны и состояніе промышленности позволяетъ исполнить ихъ цѣлкомъ или отчасти, а хозяева находятъ убыточнымъ дальнѣйшую простоянку работы, то начинаются переговоры, которые и ведутъ къ соглашенію. Въ

послѣдній десятилѣтія происходили очень большія стачки какъ по числу участниковъ, такъ и по продолжительности: отмѣтимъ дни 80-хъ годовъ 19-го вѣка стачки горнорабочихъ въ Анзенѣ и Деказевилль во Франціи (каждая имѣла болѣе 10,000 участниковъ) и германскія стачки въ маѣ 1889 года. Послѣднія начались среди рабочихъ въ каменноугольныхъ копяхъ Вестфаліи, распространились въ теченіе одной недѣли на нѣсколько горныхъ округовъ и захватили до 100,000 душъ. Стачечники требовали, чтобы время, употребляемое на спускъ въ шахты, было включено въ 8-часовой рабочій день, чтобы заработка плата была повышена на 15 — 25% и была ограничена работа въ сверхурочное время. Стачки продолжались около мѣсяца и закончились небольшими уступками со стороны хозяевъ. Осенью 1893 года происходила въ Англіи стачка рабочихъ, которая, по размѣрамъ, не имѣть ничего равнаго себѣ въ исторіи промышленности. Весною 1893 года цѣны угля стали понижаться, и владѣльцы копей рѣшились воспользоваться обстоятельствами, чтобы понизить заработную плату, которая за 1888—92 года была возвышена на 40%. А потому, рабочимъ было объявлено пониженіе платы на 25% подъ угрозой, что добываніе угля будетъ пріостановлено во всѣхъ копяхъ, где работники не согласятся на пониженіе. Въ Англіи числится болѣе 600,000 углекоповъ, изъ которыхъ до 160,000, преимущественно въ сѣверныхъ графствахъ Англіи и сѣверномъ Уэльсѣ, состоять членами великобританской федераціи горнорабочихъ. Кромѣ того, есть еще нѣсколько меньшихъ союзовъ углекоповъ. Члены федераціи не подчинились требованіямъ хозяевъ, склонили на свою сторону много тысячъ товарищѣй, и стачка, начавшись 28-го юля, распространялась въ началѣ августа на 300,000 работниковъ и ихъ семей. Помощь рабочимъ со стороны союзовъ поглотила сотни тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Стачка продолжалась 113 дней и окончилась согласіемъ рабочихъ на пониженіе платы въ размѣрѣ 15%. Отмѣтимъ также разразившуюся въ іюнѣ 1894 года очень большую стачку желѣзнодорожныхъ рабочихъ на всѣхъ линіяхъ желѣзныхъ дорогъ, которая оканчивается въ Чикаго. Наконецъ, слѣдуетъ припомнить всеобщую стачку французскихъ горнорабочихъ въ 1902 году. Въ ней участвовало 115,240 человѣкъ; число пропущенныхъ ими рабочихъ дней достигло 3,210,957. Въ 1905 году стачка вестфальскихъ горнорабочихъ имѣла 195,000 участниковъ.

Имѣютъ ли работники право вступать въ стачку и прекращать работу массами по предварительному соглашенію? Конечно, насильственный дѣйствія стачечниковъ надъ тѣми товарищами, которые продолжаютъ работать, разрушеніе орудій и машинъ не могутъ быть терпимы, и государство обязательно караетъ за такія насилия. Но стачка, проходящая мирно,

безъ нарушения общественного порядка, есть актъ, въ юридическомъ отношеніи, безразличный. Понятіе о личной свободѣ заключаетъ въ себѣ понятіе о правѣ пользоваться всѣми средствами къ улучшению хозяйственного быта, насколько эти способы не связаны съ насильственнымъ или обманнымъ нарушениемъ интересовъ третьихъ лицъ. Со стороны каждого работника, отдельно взятаго, это стремление выражается въ томъ, что, нанимаясь на работу, онъ старается выговорить отъ предпринимателей возможно болѣе выгодныя условія. Единичный работникъ никогда не можетъ настоять на принятіи хозяиномъ такихъ условій труда, которыхъ онъ считаетъ выгодными и справедливыми: его слабый голосъ всегда заглушается голосами тѣхъ, которые не имѣютъ работы и ищутъ занятія за самое скучное вознагражденіе. Дѣйствуя же совмѣстно со многими товарищами, работникъ получаетъ такую точку опоры, о которой не можетъ и мечтать въ состояніи обособленія. Стачка представляется ему однимъ изъ средствъ къ улучшению хозяйственного быта. Разъ она протекаетъ мирно, при строгомъ соблюденіи общественного порядка, нельзя считать преступнымъ одинъ фактъ простоянки работы. А нарушение закона при стачкахъ становится все болѣе рѣдкимъ явленіемъ: по даннымъ гамбургской генеральной комиссіи союзовъ рабочихъ, за 1892 годъ на 1.000 стачечниковъ были наказаны 24,5, за 1894—6,4, за 1896—2,0%. Собранный данныя касались 162,546 стачечниковъ. Мотивомъ къ запрещенію этихъ дѣйствій служитъ сознаніе, что единовременная массовая простоянка работы убыточна для предпринимателей. Этотъ мотивъ былъ бы достаточенъ, если бы было доказано, что та низкая заработка плата, ради повышенія которой и организуется стачка, не убыточна для работниковъ, или если бы могли быть принимаемы мѣры, препятствующія хозяевамъ вступать въ соглашеніе, для одновременного пониженія платы.

Какъ оцѣнить стачки и забастовки съ точки зреінія народного хозяйства? Исходъ стачекъ не одинъ и тотъ же. Въ Соединенныхъ Штатахъ за 13 лѣтъ—съ 1881 до июля 1894 года—было 14,930 стачекъ. Въ нихъ участвовало 69,000 предприятий и 3,7 миллионовъ рабочихъ. Потерю на заработной платѣ опредѣляютъ въ 246,4 миллиона долларовъ, а на прибыли—въ 39,9 миллиона. Сверхъ того, рабочіе союзы выплатили стачечникамъ, въ видѣ вспомоществованія, 5,3 миллиона долларовъ. Въ 45% всѣхъ предприятий стачки сопровождались полнымъ успѣхомъ, въ 12% успѣхъ быть только частичный.—Относительно стачекъ въ Англіи за послѣдніе годы 19 вѣка можетъ быть составлена такая таблица:

	1892 г.	1893 г.	1894 г.	1895 г.	1896 г.	1897 г.
Число стачек . .	700	783	1.061	876	1.021	965
Число участ. рабоч.	356.799	636.386	324.245	263.758	198.657	233.000
Число потерян. дней	17.381.936	41.205.062	9.322.096	5.542.652	3.748.525	10.400.000
Участвовало рабо- чихъ въ стачкахъ, которые окончи- лись:	%	%	%	%	%	%
въ пользу рабочихъ	27,5	62,9	22,1	24,1	39,5	30,5
въ пользу хозяевъ .	19,9	12,1	42,1	27,9	33,4	29,0
неопределено . . .	52,6	25,0	35,8	48,0	27,1	40,5

Въ 1905 году стачки захватили въ Англіи только 93.503 работниковъ, потерявшихъ до $2\frac{1}{2}$ миллионовъ рабочихъ дней. Для 16% стачечниковъ забастовки увѣнчались полнымъ успѣхомъ.

Во Франціи, по официальнымъ даннымъ, въ 1890 году была 161 стачка, неудачная для работниковъ, при 146 успешныхъ забастовкахъ. За 1891 и 92 года стачки съ тѣмъ и другимъ исходами распредѣлялись почти поровну. За 10 лѣтъ (1893—1902) средніе ежегодные результаты стачекъ во Франціи опредѣляются такими цифрами: на 100 стачекъ 22,92 увѣнчались полной победой работниковъ, 34,39 частичной, а 42,69 окончились неудачею. На каждыхъ 100 работниковъ, которые участвовали въ стачкахъ, 15,94 достигли цѣли въ полномъ объемѣ, 48,74—отчасти, а 35, 42—проиграли. За 1901 и 1902 года стачечники пропустили болѣе $6\frac{1}{2}$ миллионовъ рабочихъ дней³). Когда цѣль не достигается, то стачка связана съ потерей платы, которую забастовавшіе могли бы получить за свой трудъ, если бы не было стачки. Но потеря этимъ не ограничивается: она сказывается также недоборами въ прибыли предпринимателей и сокращеніемъ производства во всѣхъ отрасляхъ, которыя косвенно задѣты стачкою. Однако, не слѣдуетъ думать, что ущербъ, причиняемый стачками народному хозяйству, опредѣляется числомъ дней, въ теченіе которыхъ забастовавшіе оставались безъ работы. Вотъ примѣръ ошибочного разсчета: если средняя цѣнность, производимая рабочимъ въ 1 день, составляетъ 3 рубля, то стачка 10,000 работниковъ, дѣлающаяся 30 дней, причиняетъ народному хозяйству убытокъ въ размѣрѣ 900,000 рублей. Обыкновенно убытокъ не достигаетъ такой цифры. Въ каждой отрасли промышленности, кроме среднаго течения дѣйств., есть такъ называемое мертвое время года; оно характеризуется

уменьшениемъ числа рабочихъ, сокращенiemъ рабочаго дня, вялостью производства. Мертвое время падаетъ въ разныx отрасляхъ на различные періоды; нѣтъ также данныхъ, чтобы определить среднюю продолжительность мертваго сезона для отдѣльныхъ производствъ. Положимъ, что въ данной отрасли она составляетъ 2 мѣсяца въ годъ. Не будь стачки, мертвое время года длилось бы въ этой отрасли 2 мѣсяца: стачка же сокращаетъ этотъ періодъ, быть можетъ, до $1\frac{1}{2}$ или 1 мѣсяца. Наличность многихъ тысячъ незанятыхъ работниковъ, отличающая современный строй промышленности, всегда можетъ вести къ тому, что большая стачка, если она образовала въ производствѣ даже болѣйший пробѣгъ, нежели причиняетъ мертвое время года, можетъ быть заглажена усиленной работой въ данной отрасли съ привлечениемъ къ занятію части запасно-рабочей арміи. Въ итогѣ стачки не уменьшаютъ массы цѣнностей, производимыхъ въ народномъ хозяйстве. Онѣ имѣютъ влияніе только на распределеніе этихъ цѣнностей; годичный заработка стачечниковъ уменьшается, вслѣдствіе стачки, на x рублей, но на тѣ же x рублей увеличивается заработка людей, которые, не будь стачки, вовсе не имѣли бы занятія. То же совершается и съ прибылью: она уменьшается на x рублей для хозяевъ тѣхъ промышленныхъ заведеній, которыхъ были затронуты стачкой; но на часть этихъ x рублей позднѣе увеличивается прибыль тѣхъ же предпринимателей, а на другую часть x -прибыль тѣхъ предпріятій данной отрасли, куда не распространилась стачка. Словомъ, стачки, протекающія мирно, безъ разрушенія имущества, безъ политическихъ осложненій, не приносятъ вреда народному хозяйству, а вліаютъ только на доходы отдѣльныхъ группъ предпринимателей и работниковъ. Работники придаютъ стачкамъ важное значеніе; ихъ считаютъ особенно цѣлесообразнымъ средствомъ, пока нѣтъ постоянной союзной организаціи и шалатъ посредниковъ. Неудачный исходъ стачки, необходимость для забастовавшихъ снова приступить къ работе на прежнихъ условіяхъ, причиняя потери стачечникамъ, заставляетъ ихъ быть осмотрительными, прекращать работу только тогда, когда общее состояніе промышленности даетъ основательную надежду на повышеніе заработной платы. Когда же стачка приводить къ принятію хозяевами предложеній рабочихъ или къ соглашенію, выгодному для забастовавшихъ, то въ бытъ ихъ наступаетъ улучшеніе; постепенно оно можетъ распространиться и на всѣхъ рабочихъ данной отрасли производства: стачка германскихъ книгопечатниковъ въ 80-хъ годахъ 19 вѣка привела для всѣхъ книгопечатниковъ Германіи къ повышенню платы на 6%. Остановка работы, причиняя материальный ущербъ, можетъ имѣть и то значеніе, что напоминаетъ предпринимателямъ о необходимости, при благопріятномъ положеніи дѣлъ, торопиться съ

улучшениемъ быта рабочихъ, а при неблагопріятномъ — мириться съ убытками и не стараться тотчасъ же переложить ихъ на работниковъ посредствомъ пониженія платы.

2) *Статистика труда* даетъ прочное основаніе для принятія мѣръ къ улучшенію быта рабочихъ. Такая статистика, имѣя своимъ предметомъ число рабочихъ въ отдельныхъ отрасляхъ производства и предпріятіяхъ, съ раздѣленіемъ по полу, возрасту, семейному состоянію, размѣры заработной платы, способы ея исчисленія, ея колебанія, продолжительность рабочаго дня и года, работу въ воскресные и праздничные дни, разныя другія условія договора о наймѣ, даетъ точныя указанія относительно отраслей производства и сторонъ быта, которыхъ особенно нуждаются въ воздействиіи государственной власти. Какъ вообще статистика, изучая массы явлений, нуждается въ централизованіи рабочихъ силъ, такъ и статистика труда можетъ быть ведена съ наибольшою пользою для дѣла, если сосредоточивается въ вѣдѣніи государства, если мѣстныя учрежденія, которыхъ изучаются быть рабочаго класса, имѣютъ одно центральное статистическое бюро, объединяющее ихъ труды. Статистика труда получила наибольшее развитіе въ Сѣверной Америкѣ: по примѣру штата Массачусетсъ, устроившаго бюро статистики труда въ 1864 году, 20 другихъ штатовъ постепенно создали подобныя учрежденія. Эти бюро различаются, главнымъ образомъ, имущественными средствами, которыхъ государство выдаетъ на ихъ содержаніе. По плану же, положенному въ основаніе ихъ работъ, они совершенно сходны. Бюро, возникшія до 1883 года, имѣли полуофиціальное существованіе; имъ не было предоставлено право требовать отъ кого-либо отвѣтовъ на вопросные листы. Тѣмъ же бюро, которыхъ учреждены позднѣе, особенно въ Мичиганѣ, Калифорніи, предоставлено это право: подъ угрозою довольно высокой денежной пени законъ обязываетъ корпораціи, общества и частныхъ лицъ, работающихъ въ промышленныхъ заведеніяхъ или рудникахъ, давать отвѣты, которые предлагаютъ бюро труда относительно положенія рабочаго класса. Бюро труда производятъ статистическія изысканія по очень обширнымъ программамъ. Въ нихъ нашлись себѣ мѣсто не только вопросы, касающіеся положенія рабочихъ въ производствѣ и ихъ вознагражденія, но и такие, какъ вопросъ о семейной жизни работниковъ, о разводахъ, о преступленіяхъ, о пьянствѣ, о влияніи невоздержной жизни и проч. Благодаря этимъ учрежденіямъ, Соединенные Штаты имѣютъ такую статистику труда, какою не располагаетъ ни одно государство Европы. Съ 1888 года бюро труда въ Вашингтонѣ, преобразованное въ министерство труда, получило характеръ центрального статистического учрежденія для всѣхъ бюро труда. Съ 1887 года существуетъ и въ Швейцаріи подобное

учрежденіе подъ именемъ „швейцарскій секретариатъ труда“. Получая небольшую субсидію отъ правительства, онъ служить органомъ всеобщаго союза швейцарскихъ работниковъ, обнимающаго союзы рабочихъ, которые сложились въ отдѣльныхъ отрасляхъ производства. Дабы облегчить секретариату изученіе быта швейцарскихъ рабочихъ, правительство предоставило ему право обращаться къ частнымъ лицамъ, обществамъ и правительственнымъ учрежденіямъ и требовать у нихъ справокъ относительно положенія работниковъ. Съ послѣдняго десятилѣтія 19 вѣка такія же учрежденія стали возникать во многихъ городахъ Германии (*Arbeitsamter*, *Arbeitssecretariate*) и другихъ культурныхъ странъ.

3). Союзы рабочихъ могущественно вліяютъ на всѣ стороны жизни пролетаріата. Имѣя своими членами людей одной и той же отрасли производства, союзъ рабочихъ представляетъ крупную организованную силу, которая поднимаетъ весь строй жизни своихъ членовъ. а) Отдѣльный работникъ не въ состояніи обозрѣть всю площадь труда въ той отрасли, къ которой принадлежитъ: если даже онъ хорошо грамотенъ, любознателенъ, охотно читаетъ, то не имѣть столько досуга, чтобы подробно изучить положеніе данной отрасли промышленности и сдѣлать выводъ о томъ, представляетъ ли она благопріятныя условія для улучшенія быта рабочихъ. Союзъ располагаетъ всѣми условіями для решенія этой задачи. Въ его составѣ входятъ наиболѣе энергическіе и просвѣщеніе представители рабочаго класса. Пользуясь ими, какъ своими уполномоченными, секретарями, оплачивая ихъ трудъ, союзъ поручаетъ имъ следить за состояніемъ рынка труда, собирать всѣ свѣдѣнія относительно данной отрасли промышленности, взвѣшивать то, насколько извѣстный періодъ времени благопріятствуетъ полученію рабочими болѣе высокой платы или измѣненію быта къ лучшему въ другихъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ, единичнаго работника отличаетъ почти полное незнакомство съ тѣмъ, что происходитъ въ его отрасли производства, а союзъ можетъ знать положеніе дѣлъ во всѣхъ подробностяхъ. Мы находимъ еще болѣе различіе между отдѣльными работниками и союзами относительно возможности влиять на высоту заработной платы и на другія условія труда. Союзъ, обнимая довольно большую массу людей, можетъ договариваться съ хозяевами, какъ со стороной, приблизительно равной. Послѣдніе знаютъ, что, пріостанови работу значительное число людей, продолженіе производства станетъ на некоторое время невозможнымъ; поэтому, отказываясь даже выслушать заявленія отдѣльныхъ работниковъ, хозяева ведутъ переговоры съ союзами, нерѣдко съ большимъ вниманіемъ относятся къ ихъ требованиямъ, вступаютъ съ ними въ соглашеніе. б) Единичный работникъ, получая плату, которая не

покрываетъ даже необходимыхъ потребностей, почти не можетъ дѣлать сбереженія; пока страхование рабочихъ не организовано, болѣзни, безработица негружаютъ его въ безъисходную нужду. Союзъ служить для своихъ членовъ страховыемъ учрежденіемъ: небольшіе еженедѣльные взносы, которые дѣлаются члены въ общую кассу, образуютъ въ совокупности крупный капиталъ; изъ него выдаются пособія больнымъ, лишеннымъ занятія. Матеріальная помощь, согласно съ установленнѣемъ практикой англійскихъ союзовъ рабочихъ, столь значительна, что даже много мѣсяцевъ, проведенныхъ работникомъ въ болѣзни или безъ работы по какой бы то ни было причинѣ, не повергаютъ его въ крайнюю нищету. в) Отмѣтимъ, наконецъ, огромную важность общенія съ товарищами, важность нравственной поддержки, которую каждый членъ находитъ въ союзѣ. Единичный работникъ не имѣеть доступа ни къ источникамъ, откуда можетъ пополнить свое образованіе, ни къ учрежденіямъ, которые даютъ возможность развлечься во время досуга. Единственнымъ мѣстомъ развлеченія служитъ питейный домъ. Союзъ рабочихъ восполняетъ эти пробѣлы. Имѣя въ своей средѣ наиболѣе развитыхъ и энергическихъ представителей рабочаго класса, союзы заботятся о томъ, чтобы создать для своихъ членовъ библиотеки, воскресные и вечерніе классы, публичныя чтенія, клубы. А значительныя матеріальные средства позволяютъ союзамъ устраивать все это въ крупныхъ размѣрахъ. Вотъ условия, которыхъ заставляютъ насъ признать союзы очень важнымъ средствомъ ко всестороннему улучшенію быта рабочихъ.

Англія занимаетъ первое мѣсто по размѣрахъ, въ какихъ развились союзы рабочихъ. Стараясь устранить невыгоды, среди которыхъ проходитъ жизнь пролетарія, союзы стремятся захватить всѣхъ работниковъ данной отрасли. Каждый союзъ, какъ цѣлое, имѣеть своими членами мѣстные союзы, состоящіе только изъ работниковъ въ данномъ городѣ или окрестѣ. Многіе союзы (именно старѣйшия) принимаютъ членовъ съ болѣшою разборчивостью: они требуютъ, чтобы вступающій былъ хорошо подготовленъ къ своему занятію, чтобы онъ получалъ не менѣе средней платы, которая господствуетъ въ известномъ промыслѣ и данномъ мѣстѣ; они требуютъ также, чтобы вступающіе были людьми нравственного поведенія. Англійскіе союзы стремятся къ достижению слѣдующихъ цѣлей: 1) Полученіе ихъ членами достаточной заработной платы. Предоставляя каждому участнику заключать съ предпринимателемъ договоръ о заработной платѣ, союзъ выступаетъ со своими требованиями, охраняетъ интересы отдѣльныхъ членовъ, когда они не въ состояніи выговорить себѣ среднюю обычную плату. Съ этимъ связаны также старанія союзовъ препятствовать пониже-

нию платы, разъ оно не вытекает изъ общаго ухудшениј промышленныхъ и торговыхъ дѣлъ въ данной отрасли, а является только произволомъ отдельныхъ предпринимателей. Во многихъ отрасляхъ производства уже упрочился такой порядокъ, что договоръ о размѣрахъ и формахъ платы заключается между предпринимателями и союзами, а не отдельными работниками. Союзы охраняютъ интересы своихъ членовъ также стараніемъ 2) сократить рабочій день и 3) установить въ промышленныхъ заведеніяхъ порядокъ, который не бытъ бы вреденъ для работниковъ или оскорбителенъ для ихъ личнаго достоинства 4) Сюда же клонятся всѣ мѣры, посредствомъ которыхъ союзы стараются приравнять предложеніе рабочихъ рукъ спросу. Въ этихъ видахъ они ведутъ списки незанятыхъ работниковъ, отмѣчаютъ вакансіи въ промышленныхъ заведеніяхъ и указываютъ свободныя мѣста своимъ членамъ не имѣющимъ занятія. У кого совсѣмъ нѣтъ средствъ, тому даютъ денежное пособіе, которое и позволяетъ достигнуть мѣста, где есть работа 5) Союзы служатъ также кассами взаимопомощи, откуда выдаются пособія членамъ въ случаѣ невольной безработицы, болѣзни, дряхлости и на похороны. О значительныхъ размѣрахъ пособій свидѣтельствуютъ, напримѣръ суммы, которая выдается своимъ членамъ союзъ соединенныхъ машиностроителей: при безработицѣ членъ получаетъ по 10 шиллинговъ въ теченіе первыхъ 14 недѣль, по 7 шиллинговъ слѣдующія 10 недѣль и по 6 — за дальнѣйшія 10 недѣль; въ совокупности пособіе выдается цѣлыхъ 8 мѣсяцевъ. Отмѣтимъ, наконецъ, что англійскіе союзы рабочихъ организуютъ дешевыя столовыя, потребительныя и строительныя общества, библиотеки.

Развитіе союзовъ въ Англіи, начавшись съ 20-хъ годовъ 19 вѣка, когда было отмѣнено запрещеніе устроивать сходки и образовать общества, приняло за послѣднія десятилѣтія очень большия размѣры: на конгрессѣ 1890 года были представители 311 союзовъ съ общимъ числомъ членовъ до $1\frac{1}{2}$ миллиона. Въ 1903 году приходилось 507.000 членовъ на союзы горнорабочихъ, 336.000 — на союзы въ разныхъ отрасляхъ metallurgicheskoy промышленности и судостроенія, 219.000 въ обработкѣ волокнистыхъ веществъ. Въ 1905 году въ союзахъ насчитывали 1.866.755 членовъ. Къ концу 1901 года 10 наиболѣе крупныхъ союзовъ имѣли капиталъ въ 4.000 000 фунтовъ стерлинговъ, а въ 1905 году капиталъ союзовъ опредѣлился въ $4\frac{3}{4}$ миллиона фунтовъ. Въ нѣкоторыхъ округахъ и промыслахъ союзы считаются своими членами 50% рабочихъ. Самымъ старымъ и богатымъ является союзъ соединенныхъ машиностроителей.

Въ другихъ странахъ союзы рабочихъ стоять позади англійскихъ, какъ по числу членовъ, такъ по имущественнымъ средствамъ. Въ Германіи движение началось съ конца 60-хъ

годовъ. Въ 1892 году насчитывали 5,393 союзъ съ 682,938 членами. Кромѣ того, было больше 200 союзовъ, где число членовъ не было известно. Союзы рабочихъ по металламъ и книгопечатниковъ развились наиболѣе успѣшно. За послѣдніе годы это движеніе шло въ Германіи особенно быстро. Въ 1905 году германскіе союзы рабочихъ имѣли 1.822.343 члена и капиталъ въ 24½ миллиона марокъ. Они выдали 1.820.425 марокъ на образовательныя цѣли и 2.185.670—на пособія безработнымъ (англійскіе выдали на этотъ предметъ 13.213.529 марокъ). Во Франції союзы сдѣлали значительные успѣхи за послѣднія 18 лѣтъ. Въ началѣ 1903 года во французской промышленности дѣйствовали 3.934 союза съ 643.757 членами. Для 1905 года во французскихъ союзахъ рабочихъ число членовъ опредѣлялось почти въ 1½ миллиона. Однако, многіе союзы существовали только номинально.—Союзы сдѣлали большіе успѣхи въ Даніи; ихъ членами состоять 49,1% всѣхъ работниковъ промышленности (въ Англіи организовано 26% всѣхъ работниковъ, въ Швеціи—24%, въ Германіи—23,93%, въ Австріи—13%).

Союзы рабочихъ въ Европѣ, особенно въ Англіи, имѣютъ ту отличительную особенность, что стараются избѣгать стачекъ и направляютъ всѣ усилия къ мирному улучшенію быта своихъ членовъ: за первую половину 80-хъ годовъ 7 крупнейшихъ англійскихъ союзовъ израсходовали до 2 миллионовъ фунтовъ стерлинговъ на выдачу пособій членамъ, лишеннымъ работы, больнымъ,увѣчнымъ, пострадавшимъ отъ пожара, и только около 290.000 фунтовъ на стачки. Въ послѣдніе годы обширныя стачки потребовали крупныхъ расходовъ изъ союзныхъ касъ. За 1905 годъ англійскіе союзы израсходовали на это 2.579,498 марокъ, а германскіе—даже до 11½ миллионовъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ союзы организуются, главнымъ образомъ, для повышенія платы и сокращенія рабочаго дня; многіе изъ нихъ возникаютъ только на короткое время и стараются достигнуть своихъ цѣлей посредствомъ стачекъ (если предприниматели не соглашаются на ихъ требованія). Въ 1885 году въ Соединенныхъ Штатахъ насчитывалось до 40 союзовъ съ числомъ членовъ до 500.000; однако, многіе союзы имѣли временный характеръ. Въ 1904 году союзы имѣли 1.676.000 членовъ. Изъ нихъ было 257.000 горнорабочихъ и 155.000 плотниковъ.

Союзы проявляютъ большую энергию въ заключеніи тарифныхъ договоровъ. Насчитываютъ, что въ Германіи за послѣдніе десятилѣтіе таковыхъ заключено больше 3.000. Отмѣтимъ прежде всего союзъ книгопечатниковъ. Онъ началъ свою дѣятельность въ этомъ направленіи еще съ половины 80-хъ годовъ 19 вѣка. Въ 1886 году 1.083 типографіи приняли тарифъ;

въ началѣ 1898 года его стали держаться уже 1.492 типографіи въ 588 мѣстахъ Германіи; эти печатни имѣли больше 20.000 рабочихъ. А въ 1906 году тарифъ примѣнили 5.583 предпріятія, гдѣ были заняты 49.497 работниковъ,—около 90% общаго числа. Въ кругахъ, близкихъ къ печатному промыслу, держатся того взгляда, что работники этой отрасли достигли такого большого успѣха, какой за цѣлые десятки лѣтъ не было сдѣланъ въ области заработной платы.

Сдѣланы попытки связать синдикаты хозяевъ и союзы рабочихъ посредствомъ тарифныхъ договоровъ. Этому положилъ начало Смитъ, англійскій фабриканть желѣзныхъ кроватей. По плану Смита, хозяева данной отрасли соединяются въ синдикатъ и устанавливаютъ тѣсное общееніе съ союзомъ рабочихъ, который образовался въ той же отрасли. Синдикатъ обязуется не нанимать рабочихъ, стоящихъ въ союза, а работники признаются для себя обязательнымъ работать только на хозяевъ, участвующихъ въ синдикатѣ. Плата упорядочивается согласно движеніемъ цѣнъ. Когда предположено измѣнить плату, то синдикатъ представляетъ союзу рабочихъ всѣ свѣдѣнія относительно товарного рынка данной отрасли; это облегчаетъ союзу заключеніе, настолько ли измѣнилась цѣна товара, чтобы слѣдовало повысить или понизить плату. Въ октябрѣ 1893 года такой порядокъ былъ введенъ въ производствѣ желѣзныхъ кроватей въ Англіи. Первоначально изъ 50 хозяевъ только 12 вступили въ синдикатъ, но вскорѣ еще 30 стали его членами. Какъ только состоялось соглашеніе синдиката съ союзомъ, рабочіе получили 10%-ную прибавку къ платѣ; за послѣдніе же годы плата была повышена на 30%. Въ 1899 году членами организацій состояли до 500 хозяевъ съ капиталомъ въ 5 миллионовъ фунтовъ стерлинговъ и больше 30.000 рабочихъ. Это соглашеніе примѣняется, главныйше, въ слѣдующихъ отрасляхъ: изготавление металлическихъ кроватей, пружинныхъ матрацовъ, печныхъ приборовъ, разныхъ мѣдныхъ издѣлій, обработка фарфора. Это движеніе началось также въ разныхъ отрасляхъ гончарной промышленности. Обыкновенно инициатива тѣснѣйшей связи капитала и труда исходитъ отъ хозяевъ.

Такая организація выгодна для обѣихъ сторонъ. При обязательствѣ союза рабочихъ поставлять трудъ только на синдикатъ, хозяева чувствуютъ себя огражденными отъ соперниковъ: новые предпріятія, возникающія въ синдиката, находять уже менѣе искусныхъ рабочія руки. Однако, не слѣдуетъ преувеличивать значеніе этой формы: въ большей части отраслей производства нужно не много времени для ознакомленія съ пріемами труда, а потому вновь возникающія предпріятія съумѣютъ образовать для себя рабочую армію. Само же соглашеніе съ работниками стѣсняетъ синдикаты, и они только

тамъ будуть готовы идти на это, сдѣль безъ соглашеннія производство не даетъ значительныхъ выгодъ.

За послѣдніе годы установилось общеніе между союзами рабочихъ разныхъ странъ. Къ международному секретаріату, который учрежденъ въ Германіи, примыкаютъ союзы 15 государствъ: Германіи, Англіи, Франціи, Голландіи, Бельгіи, Швейцаріи, Норвегіи, Даніи, Австріи, Венгріи, Италии, Швейцаріи, Испаніи, Болгаріи и Сербіи. Международный секретаріатъ, приводя союзы въ тѣсную связь съ міровымъ рынкомъ, облегчаетъ единодушную дѣятельность промышленного пролетаріата въ разныхъ направленихъ. При стачкахъ, облегчается получение пособій стачечниками изъ-за границы. Въ 1905 году, для поддержанія рабочихъ, при большой стачкѣ въ германскомъ горномъ промыслѣ, заграничные союзы рабочихъ пожертвовали больше 17½, тысячи марокъ. Въ томъ же году Швеція пережила большую стачку въ металлообрабатывающей промышленности. Для поддержанія забастовщиковъ изъ-за границы поступило до 217½, тысячи кронъ.

4) Къ союзамъ рабочихъ примыкаетъ учрежденіе, которое сдѣлало за послѣднія 30 лѣтъ очень большое успѣхи: *трестовскіе суды или палаты посредниковъ*. Столкновенія между предпринимателями и рабочими бываютъ двоякаго рода. Въ однихъ случаяхъ рѣчь идетъ о правѣ: предметомъ этихъ столкновеній служатъ условія труда, вытекающія изъ договора между сторонами. Въ правѣ ли хозяинъ разсчитывать рабочихъ только одинъ разъ въ мѣсяцъ? Въ правѣ ли онъ подвергать ихъ дополнительной пенѣ за известные поступки? Въ правѣ ли рабочій оставить работу до истечения срока при наступлѣніи такихъ-то условій? Въ другихъ случаяхъ споръ между сторонами касается условій, на которыхъ долженъ быть заключенъ договоръ о работѣ; здѣсь между ними возникаетъ борьба интересовъ. Всѣ распри первого рода разбираются общими судами государства или специальными, промышленными; въ составъ послѣдніхъ часто входитъ поравну представители отъ хозяевъ и работниковъ. Рѣшеніе вопроса при всѣхъ этихъ разногласіяхъ потому не связано съ большими трудностями, что рѣчь идетъ объ отступлѣніи отъ того порядка, который установленъ закономъ или договоромъ сторонъ, который, поэтому, имѣть значеніе обязательной нормы и обыкновенно общеизвѣстенъ.

Недоразумѣнія втораго рода устраиваются не такъ легко: здѣсь дѣло идетъ не объ исполненіи известныхъ правилъ и по объ охраненіи ихъ отъ посягательствъ той или другой стороны, а о созданіи новаго порядка, не объ огражденіи уже существующихъ правъ, а о приобрѣтеніи новыхъ. Вмѣсто 12 часовъ, работники хотятъ работать 11 часовъ въ сутки, вмѣсто 5 рублей въ недѣлю, они хотятъ получать 6 рублей, вмѣсто 1 раза въ

мѣсяцъ, они хотятъ получать разсчетъ каждую недѣлю; хозяева, платившіе по 6 рублей въ недѣлю, хотятъ впредь платить 4. Когда споръ идетъ о правѣ, то обѣ стороны рѣдко склонны къ нарушенію порядка: они увѣрены, что судъ возстановитъ право потерпѣвшаго. Но судъ не призванъ дѣйствовать въ случаяхъ втораго рода: а потому именно здѣсь и есть на лицо многочисленныя условія, которыя вызываютъ стачки и забастовки— со стороны рабочихъ и закрытие промышленныхъ заведеній— со стороны хозяевъ. Эти разногласія могутъ быть улаживаемы третейскими судами, которые разбираютъ распри между сторонами и постановляютъ приговоръ о томъ, на чемъ должны сойдти спорящіе. Такими учрежденіями служатъ палаты посредниковъ, состоящія изъ представителей отъ хозяевъ и работниковъ. Палата можетъ быть учреждаема для отдѣльной отрасли промышленности или для многихъ отраслей въ данномъ городѣ или округѣ; здѣсь все зависитъ отъ того, насколько сходны или различны условія труда въ отдѣльныхъ отрасляхъ производства. Въ составѣ палаты входатъ хозяева и работники въ равномъ числѣ, причемъ каждая сторона самостотельно избираетъ своихъ представителей. Предсѣдателемъ же долженъ служить третейскій судья. Всего лучше, если третейскій судья избирается членами палаты посредниковъ: тогда можно разечитывать на выборъ лицъ, которыхъ заслуживаютъ довѣріе обѣихъ сторонъ. Это учрежденіе можетъ дѣйствовать съ наибольшимъ успѣхомъ, если члены избираются на сколько-нибудь продолжительное время, напримѣръ, 2—3 года: въ такомъ случаѣ они чувствуютъ себя тѣснѣе связанными съ учрежденіемъ и охотнѣе посвящають дѣлу свое время и силы. Не решенъ вопросъ о томъ, должны ли быть палаты посредниковъ организуемы принудительно, по велѣнію закона, или онѣ должны быть дѣломъ частной инициативы. Мы считаемъ цѣлесообразнымъ, чтобы государство приглашало промышленниковъ къ учрежденію палаты, предоставивъ выборъ членовъ исключительно усмотрѣнію ихъ и работниковъ. Государство можетъ оказывать палатамъ очень существенную поддержку, если обеспечиваетъ исполненіе ихъ приговоровъ.

Палаты развились съ 60-хъ годовъ 19 вѣка въ Англіи, благодаря двумъ общественнымъ дѣятелямъ — Мунделлѣ и Кеттле. По имени этихъ лицъ и называются двѣ системы палатъ. Въ палатахъ системы Кеттле есть третейскій судья, постановляющій приговоръ, который обязательно приводится въ исполненіе. Въ палатахъ Мунделлы нѣть третейскаго судью, а члены избираютъ предсѣдателя; исполненіе приговора этихъ палатъ не обязательно. Въ первомъ случаѣ, если приговоръ не противенъ закону, судебная власть заботится о его исполненіи; во второмъ случаѣ подчиненіе приговору палаты предста-

влияется на усмотрение сторонъ. Съ 80-хъ годовъ въ Англіи развились новая форма улаживанія разногласій между хозяевами и рабочими. Во всѣхъ случаяхъ, когда разногласіе имѣть общий характеръ, касается рабочаго времени или платы относительно цѣлой отрасли производства или, по крайней мѣрѣ, цѣлаго округа, правила служатъ предметомъ обсужденія, а затѣмъ и соглашенія между союзами хозяевъ и союзами рабочихъ. Разъ стороны не приходятъ къ соглашенію, то избирается третейскій судья, и передъ нимъ ведутъ дѣло уполномоченные отъ обоихъ союзовъ. Всѣ же дѣла, имѣющія, главнымъ образомъ, индивидуальное значеніе, разсматриваются предварительно секретарями союзовъ хозяевъ и рабочихъ, и, большею частію, приводятся ими къ окончательному решенію. За 8 лѣтъ (1894—1901) англійскія палаты посредниковъ способствовали примиренію сторонъ въ 327 стачкахъ со 190.989 участниками. Упорядоченныя палатами стачки составляютъ 5,3% всѣхъ стачекъ за эти 8 лѣтъ, а участники, подчинившіеся решенію палатъ,— 10,5% работниковъ, которые принимали участіе во всѣхъ стачкахъ.—Эти учрежденія проникаютъ постепенно и въ другія страны.

5) Свободный договоръ между предпринимателями и работниками не даетъ ручательства, что первые не будутъ злоупотреблять выгодами своего положенія, а вторые,—сторона болѣе слабая, — съумѣютъ отстоять свои существенные интересы. Наблюденіе показываетъ, что даже тамъ, где работники дѣйствуютъ не единолично, а идутъ сомнѣніемъ строемъ, въ союзахъ, они не могутъ обеспечить себѣ такія условія труда, которые необходимы для охраненія ихъ тѣлесныхъ силъ, тѣмъ болѣе для ихъ духовнаго развитія. Эти обязанности принимаются на себя государство. Основныя нормы, которыми государство упорядочиваетъ трудъ въ интересахъ болѣе слабой стороны—работниковъ, находятъ выраженіе въ законодательствѣ о рабочихъ; его главною составной частью является *фабричное законодательство*.

Фабричное законодательство можетъ быть изучаемо съ точки зренія интересовъ, которые оно охраняетъ. Передъ нами выступаютъ три группы такихъ интересовъ. 1) Тѣлесное здоровье работающихъ. Оно можетъ подвергаться вреднымъ влияніямъ вслѣдствіе общихъ условій, среди которыхъ трудятся работники въ данной отрасли промышленности или въ нѣкоторыхъ предприятияхъ, а также въ силу особыхъ условій труда, въ которыхъ находятся отдѣльныя лица. Рабочія или жилыя помѣщенія, вслѣдствіе недостаточнаго количества свѣта и воздуха, могутъ разрушительно дѣйствовать на здоровье работающихъ; эти особенности труда съ наибольшою силою заявляютъ о себѣ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ,—таковы химическое производство,

спичечное, — где работникъ имѣеть дѣло съ ядовитыми веществами и где только очень хорошее, просторное, тщательно провѣтриваемое помѣщеніе можетъ уменьшить причиняемый вредъ. Тѣлесное здоровье работниковъ нерѣдко несетъ ущербъ отъ машинъ, которые образуютъ совокупность сложныхъ, громоздкихъ, сильно и быстро дѣйствующихъ механизмовъ. Слишкомъ большая скученность машинъ, неосторожность при работе, во время чистки и поправки, служить причиною многочисленныхъ и тяжкихъувѣчий. Всѣ эти особенности крупнаго производства объясняютъ необходимость тѣхъ отдельовъ фабричнаго законодательства, которые охраняютъ здоровье всей массы работниковъ. — Вторымъ источникомъ неблагопріятныхъ влияний на здоровье служить продолжительность работы, слишкомъ большое число рабочихъ часовъ, или несвоевременность работы: таковъ ночной трудъ. Условія первого рода, связанныя или съ особенностями данного производства или съ известнымъ предпріятіемъ, могутъ быть названы объективными, ибо они вредны сами по себѣ, вредны для всѣхъ, кто работаетъ при этихъ условіяхъ. Особенности же втораго рода оказываютъ большее или меньшее влияніе въ зависимости отъ пола и возраста работающихъ. Восьмичасовой рабочій день для взрослого мужчины можетъ быть признанъ нормальнымъ, не обременительнымъ, но онъ чрезмѣрно длиненъ для 15-лѣтнихъ подростковъ. Во многихъ отрасляхъ хлопчатобумажной промышленности, при умѣренно долгомъ рабочемъ днѣ, трудъ не можетъ быть признанъ вреднымъ для женщинъ; но онъ вреденъ и даже опасенъ для женщинъ въ послѣднемъ періодѣ беременности или въ первыя недѣли послѣ родовъ. Ночной трудъ причиняетъ умѣренный вредъ мужчинамъ средняго возраста и здоровья; но онъ въ корень разрушаетъ здоровье дѣтей, подростковъ и даже женщинъ. Такимъ образомъ, фабричные законы содергать нормы, которые охраняютъ здоровье работниковъ примѣнительно къ ихъ индивидуальнымъ свойствамъ.

2) Кромѣ тѣлеснаго здоровья, законы имѣютъ въ виду и умственные интересы работающаго люда. Одно изъ самыхъ тяжелыхъ (быть можетъ, самое тяжкое) условій въ жизни работника — то, что онъ лишенъ досуга къ развитію своихъ умственныхъ силъ и достижению ступени, на которой могъ бы пользоваться умственными и эстетическими наслажденіями, доступными имущимъ классамъ. Въ виду этого фабричные законы содергать постановленія о такомъ порядкѣ работы малолѣтнихъ и подростковъ, при которомъ имъ оставалось бы время на посещеніе школы. Иногда есть требованія относительно устройства школъ для малолѣтнихъ рабочихъ при самомъ промышленномъ заведеніи.

3) Наконецъ, законы не относятся безучастно и къ чистотѣ нравовъ работниковъ. Нравственность можетъ страдать при ночной совмѣстной работе

лиць обоего пола и всіхъ возрастовъ. На нее оказываетъ неблагопріятное вліяніе совмѣстный трудъ лиць обоего пола въ тѣхъ производствахъ, где высокая температура позволяетъ работать только раздѣтыми или полуодѣтыми. Правственность работающихъ подвергается очень большимъ испытаніямъ, когда помѣщенія, въ которыхъ производится работа, служить также мѣстами ночлега, когда жилья помѣщенія неудовлетворительны. Поэтому фабричные законы содержать постановленія относительно и этихъ пунктовъ.

Нужно имѣть въ виду, при изученіи фабричнаго законодательства, что рабочій людъ представляется не одной сплошной массой. Естественные условія возраста и пола позволяютъ разбить рабочихъ на четыре самостоятельныхъ группы. Первую образуютъ дѣти въ возрастѣ, примѣрно, до 14 лѣтъ. Они лишены сознательного отношенія къ окружающему, не имѣютъ ни умственной, ни хозяйственной самостоятельности, а потому могутъ всего легче служить предметомъ эксплуатации, какъ со стороны хозяевъ, которые нанимаютъ ихъ на работу, такъ и со стороны родителей. Вотъ причины, которыя дѣлаютъ особенно важными постановленія фабричныхъ законовъ относительно дѣтей. Подростки послѣ 14, даже 13 лѣтъ и до 17 или 18 обладаютъ уже большими силами. Прошедши начальную школу, они иногда имѣютъ то элементарное образованіе, безъ которого въ современномъ обществѣ человѣкъ вовсе беспомощенъ; въ нѣкоихъ отрасляхъ производства подростки получаютъ довольно большую плату, а это кладетъ начало ихъ хозяйственной самостоятельности. Но, по условіямъ и возраста, и тѣлесной силы, они далѣко не обладаютъ способностью къ сознательной оцѣнкѣ окружающего и полной хозяйственной самостоятельностью. Они могутъ быть въ гораздо меньшей степени, нежели дѣти, предметомъ эксплуатации со стороны родителей, но, по отношенію къ нанимателямъ, они имѣютъ почти столь же малую силу сопротивленія, какъ дѣти. Поэтому, вслѣдъ за охраненіемъ малолѣтнихъ, государство имѣть столь же важныя обязанности относительно подростковъ. Женщины образуютъ третью группу. Взрослая женщина не имѣеть той устойчивости, какъ взрослый работникъ. Въковая подчиненность женщины мужчинѣ ведетъ къ тому, что отецъ, мужъ, братъ легко могутъ злоупотреблять выгодами своего положенія и принуждать своихъ дочерей, женъ, сестеръ къ работѣ, которая вредно отзывается и на тѣлесномъ здоровье женщинъ, и на ихъ нравственности. Женщины рабочаго класса и въ отношеніяхъ къ нанимателямъ не обладаютъ той силой сопротивленія, какъ мужчины: живущая, главнымъ образомъ, въ семье, зависящая отъ мужчины, женщина-работница и въ зрубломъ возрастѣ имѣть относительно данной сферы производства болѣе узкій кругозоръ, чѣмъ мужчина. Отгѣс-

няемая съ поприща общественной дѣятельности, она еще не воспитала въ себѣ навыка къ образованію союзовъ съ соработницами, а чрезъ то и къ улучшенню своего быта посредствомъ самопомощи. Вотъ условія, которыя возлагаются на государство важныя обязанности въ дѣлѣ охраненія интересовъ и взрослыхъ работницъ. Взрослые работники образуютъ четвертую группу, наиболѣе самостоятельную. Именно эта группа, какъ показываютъ предыдущія страницы, можетъ сдѣлать довольно много для улучшения своего быта и на началахъ самопомощи; но и она нуждается въ защитѣ законовъ. А потому, желательна такая организація фабричного законодательства, при которой самые слабые члены рабочаго класса пользуются наиболѣе охраной.

Родиной фабричного законодательства служить Англія. Крупное производство развилось въ ней ранѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, и раньше обнаружились невыгоды, которыя выпадаютъ на долю рабочаго класса, пока государство не регулируетъ его отношеній къ предпринимателямъ. Въ Англіи уже были достигнуты значительные результаты по охранѣ рабочихъ, когда государства европейскаго материка едва начинали вступать на этотъ путь. Въ настоящее время, кромѣ Англіи, Швейцарія, Австрія и Соединенные Штаты имѣютъ наиболѣе развитое фабричное законодательство.

Относительно фабричной работы дѣтей Швейцарія опередила другія государства: въ ней запрещено принимать на фабрики дѣтей до 14 лѣтъ. Въ Австріи дѣти до 14 лѣтъ не должны быть принимаемы для фабричной работы, а въ возрастѣ отъ 12 до 14 лѣтъ могутъ быть вообще употребляемы для правильныхъ промысловыхъ занятій, если это не вредить ихъ здоровью и, притомъ, не болѣе 8 часовъ въ сутки. Въ Германіи дѣти до 13 лѣтъ не могутъ быть принимаемы на фабрики. Тѣхъ-же, которые старше 13 лѣтъ, можно принимать на работу лишь подъ условіемъ, что они не обязаны посѣщать народную школу. Рабочій день дѣтей, не достигшихъ 14 лѣтъ, не долженъ превышать 6 часовъ. Въ Англіи мы находимъ подробную регламентацію дѣтскаго фабричнаго труда. Дѣти не принимаются на работу ранѣе 10 лѣтъ. Съ этого возраста они допускаются къ работѣ, но не должны работать ночью (отъ 7 вечера до 7 утра), въ воскресные и многие праздничные дни. Кромѣ полныхъ праздниковъ, законъ даетъ имъ 8 полуправдничныхъ дней въ году. Работа не должна продолжаться болѣе $4\frac{1}{2}$ часовъ безъ перерыва. При этомъ, дѣти, работающія на фабрикахъ, обязаны посѣщать школу. Отмѣтимъ также заботливость, съ которой относится къ дѣтямъ финляндскій фабричный законъ. Дѣти моложе 12 лѣтъ не принимаются въ промышленныя заведенія. Сверхъ того, запрещается работать и вѣньмъ дѣтямъ

старше этого возраста, при слабости здоровья; рабочее время не должно длиться более 7 часовъ, включая $\frac{1}{2}$ часовой перерывъ послѣ 4 часовъ работы.

Мы находимъ въ англійскомъ фабричномъ законодательствѣ наиболѣе постановлений относительно подростковъ. Считая подростками лицъ отъ 14 до 18 лѣтъ, оно запрещаетъ имъ работать ночью и въ воскресенья и, какъ и дѣтямъ, даетъ имъ свободу отъ занятій въ нѣкоторые праздники и 8 полуурядничныхъ дней въ году. Законъ опредѣляетъ 10 часами наибольшую длину рабочаго дня для пяти дней недѣли и 5 часами для субботы (до 2 часовъ пополудни). Почти столь же далеко ушла на этомъ пути и Швейцарія: для подростковъ до 16 лѣтъ предѣльная длина рабочаго дня (включая школьнія занятія) установлена въ 11 часовъ и въ 10 по субботамъ и наканунѣ праздниковъ. Австрійское законодательство запрещаетъ ночную работу подростковъ и ограничиваетъ ихъ рабочій день 11 часами, включая $1\frac{1}{2}$ часа на отдыхъ. Финляндское законодательство оказываетъ подросткамъ, не достигшимъ 15 лѣтъ, такую же защиту, какъ и дѣтямъ; къ ночной работѣ оно не допускаетъ также и подростковъ отъ 15 до 18 лѣтъ,

Взрослые работницы пользуются во многихъ отношеніяхъ такой же охраной закона, какъ и подростки. Французскій законъ 30 марта 1900 года ограничилъ рабочій день подростковъ, не достигшихъ 18 лѣтъ, и женщинъ, 11 часами въ теченіе 2-хъ лѣтъ по изданію, $10\frac{1}{2}$ часами въ теченіе 2 слѣдующихъ лѣтъ, а затѣмъ — 10 часами. Англійское законодательство приравниваетъ работницъ подросткамъ. Но англійское законодательство имѣетъ существенный пробѣлъ,—въ немъ нѣть особыхъ постановлений относительно беременныхъ работницъ, а также работницъ, какъ хозяекъ дома. Въ этихъ обоихъ отношеніяхъ швейцарскіе законы представляютъ крупныя преимущества: устанавлива для женщинъ 11 часовъ, а по субботамъ и наканунѣ праздниковъ 10 часовъ, какъ высший предѣль рабочаго дня, швейцарскій фабричный законъ запрещаетъ имъ работать ночью и въ воскресные дни, предписывается удлинять имъ на $\frac{1}{2}$ часа перерывъ для обѣда, если онъ завѣдуетъ хозяйствомъ и если перерывъ работы не достигаетъ $1\frac{1}{2}$ часа; беременные передъ родами и роженицы не должны работать въ совокупности цѣлыхъ 8 недѣль. Австрійское законодательство держится тѣхъ же принциповъ, хотя проводить ихъ не сть такою опредѣленностью; ночная работа женщинъ не допускается за немногими исключеніями; въ теченіе 4 недѣль послѣ родовъ женщины не должны быть употребляемы для работы. Охрану беременныхъ и роженицъ мы находимъ также въ германскомъ, голландскомъ, болгарскомъ фабричныхъ законахъ. Въ Сѣверной Америкѣ штатъ

Висконсинъ даетъ женщинамъ наибольшую охрану: высшій предѣлъ рабочаго дня ограниченъ 8 часами.

Сверхъ того, законы многихъ государствъ запрещаютъ или ограничиваютъ работу подростковъ и женщинъ въ отрасляхъ производства, где трудъ можетъ имѣть особенно вредное влияніе на здоровье или нравственность: въ рудникахъ, каменоломняхъ, стекольныхъ и кирпичныхъ заводахъ, на спичечныхъ фабрикахъ, въ нѣкоторыхъ отдельахъ metallurgическихъ заводовъ, а также въ типографіяхъ, при изготавленіи тѣхъ печатныхъ произведеній и рисунковъ, продажа или выставка которыхъ, какъ противныхъ добрымъ нравамъ, подлежить уголовному наказанію.

Законы не оставляютъ безъ вниманія и взрослыхъ работниковъ. Швейцарія еще съ 60-хъ годовъ имѣла для отдельныхъ кантоновъ законодательно определенный высшій предѣлъ рабочаго дня; въ 1877 году онъ ограниченъ для всего государства 11-ю, а для субботы и дней наканунѣ праздниковъ 10 часами. Въ тѣхъ же отрасляхъ промышленности, которая связана съ опасностью для здоровья, союзный совѣтъ можетъ сокращать рабочій день по мѣрѣ надобности. Наибольшій предѣлъ рабочаго дня ограниченъ въ Австріи 11 часами съ правомъ для высшей администраціи удлинять этотъ предѣлъ на 1 часъ въ производствахъ, которая въ томъ особенно нуждаются; списокъ такихъ производствъ подвергается пересмотру каждые 3 года. Въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки рабочій день ограничивается 10 часами. А 27 штатовъ и территорій имѣютъ законы, устанавливающіе 8-часовой рабочій день. Въ однихъ—эти нормы примѣняются только при работахъ, исполняемыхъ для штата и общинъ самой администрацией или подрядчиками; въ другихъ—8 часовъ составляютъ высшій предѣлъ рабочаго дня для рудниковъ, для трудовъ по орошенію и сооруженію дорогъ; въ 6 штатахъ (Иллинойсъ, Индіана, Коннектикутъ, Миссури, Нью-Горкъ, Пенсильванія) 8-часовой день признается нормальнымъ, если между сторонами не состоялось иного соглашенія.

Вопросъ о ночной и воскресной работѣ взрослыхъ мужчинъ еще мало разработанъ въ фабричныхъ законахъ. Большая часть государствъ не имѣютъ законодательныхъ ограниченій относительно этого пункта. Исключениемъ служитъ Швейцарія. Швейцарскій фабричный законъ допускаетъ ночную работу (отъ 8 часовъ вечера до 6 утра) взрослыхъ мужчинъ только въ исключительныхъ случаяхъ. Постояннаяочная работа разрѣшаются союзнымъ совѣтомъ только въ тѣхъ отрасляхъ, которая, по своей природѣ, требуютъ непрерывнаго дѣйствія, но подъ условіемъ, чтобы взрослый мужчина работалъ въ теченіе сутокъ не болѣе 11 часовъ. Мужчины, которые работаютъ по воскрес-

святыни, должны быть свободны чрезъ одно воскресеніе. Австрійскій фабричный законъ запрещаетъ также воскресную работу мужчинъ, за исключеніемъ тѣхъ отраслей производства, въ которыхъ необходимъ непрерывный трудъ.

Кромѣ этихъ ограниченій, относящихся до отдѣльныхъ группъ рабочаго класса, мы находимъ въ фабричныхъ законахъ санитарные предписанія. §§ 2 и 3 швейцарскаго фабричнаго закона предписываютъ: „На каждой фабрикѣ рабочія помѣщенія, машины и приспособленія должны быть устраиваемы и поддерживаемы такимъ образомъ, чтобы были наилучшимъ образомъ обеспечены жизнь и здоровье работниковъ. Слѣдуетъ заботиться именно о томъ, чтобы рабочія помѣщенія были хорошо освѣщены во время работы, чтобы атмосфера была свободна отъ пыли, чтобы воздухъ могъ быть освѣжаемъ соотвѣтственно съ числомъ работниковъ, съ родомъ освѣщенія, съ образованіемъ вредныхъ веществъ... Кто имѣеть намѣреніе устроить фабрику или передѣлать фабрику, уже существующую, тотъ долженъ довести объ этомъ до свѣдѣнія кантональнаго правительства и доказать представленіемъ плана, что фабрика, по своему устройству, будетъ вполнѣ соотвѣтствовать требованиямъ закона“. Подобныя же требованія, хотя не столь определенные, находимъ мы въ фабричныхъ законахъ и другихъ государствахъ.

Въ связи съ этими положеніями стоять и нормы, которыми законъ регулируетъ распорядокъ въ промышленныхъ заведеніяхъ. Этотъ распорядокъ касается начала и конца рабочаго дня, перерывовъ въ работе, времени расплаты, штрафовъ и т. д. Установленіе этого порядка одностороннею властью предпринимателя ведеть къ тягостной зависимости работниковъ отъ хозяина. Законъ смягчаетъ иногда эту зависимость. Такъ, въ Швейцаріи законъ требуетъ, чтобы каждый фабрикантъ составилъ фабричное положеніе, которое поступаетъ къ кантональному правительству и утверждается имъ только въ томъ случаѣ, если не содергитъ ничего, противнаго закону. Но, до утвержденія, работникамъ должна быть дана возможность высказаться по поводу фабричныхъ правилъ. Однородныя положенія находимъ мы въ Австріи и Германіи.

Отмѣтимъ, наконецъ, порядокъ, установленный государствомъ относительно выдачи заработной платы. Эти положенія находятся, большою частью, не въ фабричныхъ, а въ общегражданскихъ законахъ. Среди нихъ особенно важно требование, чтобы расплата производилась деньгами, а не товаромъ. Вотъ какъ постановляетъ объ этомъ германскій имперскій законъ. „Промышленники обязаны исчислять рабочую плату въ имперскихъ деньгахъ и выплачивать ее наличными. Они не имѣютъ права кредитовать рабочихъ товарами. Однако, разрѣшается, при раз-

счетѣ, выдавать работникамъ жизненные припасы по заготови-тельной цѣнѣ, давать жилище и землю въ пользованіе по обычной въ той мѣстности наемной и арендной платѣ, освѣ-щеніе, отопленіе, орудія и сырье материалы для переработки по среднимъ заготовительнымъ цѣнамъ. Допускается и болѣе высокая цѣна доставляемыхъ работникамъ орудій и материа-ловъ подъ условіемъ, чтобы она не превышала обычной въ данномъ мѣстѣ цѣны и была установлена предварительнымъ соглашеніемъ⁴.

Фабричные законы дѣйствительны лишь въ томъ случаѣ, когда есть особья должностная лица, наблюдающая за ихъ исполненіемъ. Таковы фабричные инспекторы. Правильное упорядоченіе фабричной инспекціи предполагаетъ въ лицахъ, которыхъ занимаются эти должности, знакомство съ техникой важнѣйшихъ производствъ и условіями хозяйственнаго быта, полную независимость отъ хозяевъ и работниковъ, доста-точное жалованье, позволяющее человѣку всецѣло посвятить себя этимъ важнымъ обязанностямъ. Дабы обеспечить ихъ дѣятельности успѣхъ, имъ должно быть предоставлено право посещать промышленныя заведенія во всякое время дня и ночи. Въ Англіи положеніе инспекторовъ наиболѣе соответствуетъ этимъ требованіямъ.

Когда въ Англіи вводились фабричные законы, то промыш-ленники ратовали противъ нихъ доводами, что они, лишая предпринимателей возможности пользоваться самыми деше-выми рабочими силами, увеличать издержки производства, удорожать товары и сдѣлаютъ Англію неспособной соперни-чать на всемирномъ рынке съ производителями тѣхъ странъ, которыхъ не ввели фабричныхъ законовъ. Многіе экономисты (назовемъ, напримѣръ, Сеніора) стояли на сторонѣ предприни-мателей. Факты показали, что опасенія были напрасны. Сокра-щеніе работы малолѣтнихъ и взрослыхъ увеличило ихъ рабочую энергію и повысило производительность труда: хлопчато-бу-мажная ткань, стоившая въ 1830 году 7½ пенсовъ за ярдъ, стоила въ 1860 году 3½ пенса. Ограничение работы малолѣт-нихъ оказалось благотворное вліяніе на ихъ здоровье. Въ 30-хъ годахъ 19 вѣка, вслѣдствіе раннаго поступленія на фаб-рику и долгаго однообразнаго труда стоя, фабричные работ-ники часто страдали искривленіемъ ногъ; къ 70-мъ годамъ это уродство было уже очень рѣдкимъ явленіемъ. Весь тѣла 10-лѣтнихъ дѣтей, работавшихъ на фабрикахъ, составляль въ 1835 году 57 англійскихъ фунтовъ, а въ 1874—62³/₄ фунта, т.-е. почти не отставалъ отъ вѣса дѣтей земледѣльческаго класса. Сокращеніе рабочаго дня малолѣтнихъ содѣствовало также успѣхамъ народнаго образования. Столь же благопріятныя послѣдствія могутъ быть подмѣчены и въ другихъ странахъ.

Съ 80-хъ годовъ стали все чаще раздаваться голоса въ пользу развитія фабричнаго законодательства путемъ международного соглашенія. Первый шагъ въ этомъ направлениі былъ сдѣланъ созваніемъ международной конференціи въ Берлинѣ въ началѣ 1890 года. Она не дала практическихъ послѣдствій; но нужно признать правильною мысль о необходимости международного соглашенія для дальнѣйшаго развитія фабричныхъ законовъ. Въ Англіи, при изданіи первыхъ фабричныхъ законовъ, слышались мрачныя предсказанія. Они не сбылись: 50 лѣтъ тому назадъ Англія пользовалась такими благопріятными условіями, какихъ не имѣли другія страны Европы: дешевый кредитъ, огромный торговый флотъ, господство англійскаго флага на всѣхъ моряхъ и высокое развитіе техники—вотъ въ чёмъ Англія далеко опередила материкъ Европы. Съ тѣхъ поръ многія условія хозяйственной жизни измѣнились къ лучшему и у другихъ народовъ. Введеніе фабричныхъ законовъ имѣло благопріятное вліяніе на здоровье работниковъ; колоніальная политика нѣмцевъ, французовъ и даже итальянцевъ открыла этимъ народамъ новые рынки сбыта; техника, укрѣпляемая профессиональнымъ образованіемъ, сдѣлала такие успѣхи, что во многихъ отрасляхъ производства преимущества Англіи стали совершенно незначительны, а въ нѣкоторыхъ ее догнали американцы, французы и нѣмцы. Въ развитіи торговаго флота другие народы сдѣлали также большиe успѣхи. Такимъ образомъ, современный международный рынокъ представляетъ много условій, вслѣдствіе которыхъ даже небольшія перемѣны въ производствѣ могутъ сильно вліять на состояніе цѣлой отрасли промышленности въ данной странѣ. Невыгоды, проистекающія изъ уменьшенія массы труда, не могутъ быть такъ легко, какъ прежде, уравновѣшены для страны повышеніемъ его производительности. Сокращеніе рабочаго дня въ Англіи и Швейцаріи, напримѣръ, на 1 часъ можетъ удорожить англійскій и швейцарскій товары только на 2—3%, но даже и такое относительное увеличеніе цѣнъ можетъ затруднить англійскимъ производителямъ соперничество съ нѣмцами, французами или американцами. Даже въ странахъ, наиболѣе развившихъ фабричное законодательство, оно служитъ для рабочихъ классовъ еще очень слабой охраной. Его дальнѣйшимъ успѣхамъ будетъ препятствовать боязнь, какъ бы государство, относящееся къ работникамъ наиболѣе благожелательно, не осталось позади, какъ бы оно не потеряло своего положенія на міровомъ рынке¹⁾. Международное же соглашеніе упростить эту задачу: оно побудить страны, отставшія въ развитіи фабричныхъ законовъ, сдѣлать шагъ впередъ, а въ государствахъ, гдѣ уже много сдѣлано въ этомъ отношеніи, поможетъ осуществиться завѣтной мечтѣ рабочихъ классовъ и всѣхъ ихъ искреннихъ друзей—

привести трудовой день къ тѣмъ предѣламъ, которые соотвѣтствуютъ требованиямъ гигиены.

6. Заработка плата такъ ничтожна, что изъ нея обыкновенно не могутъ быть сдѣланы сбереженія, которыхъ были бы достаточны для поддержанія работниковъ во время болѣзни, безработицы, неспособности къ труду и въ старости, которыхъ могли бы обеспечить ихъ семьи въ случаѣ ихъ преждевременной смерти. Остается одинъ исходѣ: обращеніе къ частной или общественной благотворительности. Эти неудобства могутъ быть нѣсколько смягчены *страхованіемъ рабочихъ*. Периодически правильные платежи — преміи, взносимые на работника, даютъ ему право получить, при наступленіи того обстоятельства, во имя которого и было предпринято страхование, известную сумму единовременно (похоронные деньги) или же периодически (въ болѣзни, безработицѣ, во время неспособности къ труду, за старостью или другими причинами).

Страхование рабочихъ выдвигаетъ прежде всего вопросъ объ источникахъ, откуда должны быть взносимы преміи. Такими источниками могутъ быть заработка плата, барышъ предпринимателя и средства государственной казны. Съ первого взгляда кажется, что заработка плата, въ виду своей незначительности, не можетъ покрывать преміи. Но это — не совсѣмъ такъ. Невозможность дѣлать сбереженія изъ заработка платы только въ томъ случаѣ стояла бы вѣнѣ спора, если бы былъ уровень, ниже которого не могутъ опускаться расходы работника и его семьи. Мы показали, что нѣть уровня, который устанавливается бы требованиями гигиены; какъ бы плата ни была низка, какъ бы ни были скучны потребности, которымъ она удовлетворяетъ, она можетъ быть уменьшена, и доля, на которую она можетъ быть уменьшена, могла бы служить преміей за страхование работника. Расходы работника и его семьи сводятся только къ недостаточному удовлетворенію важнѣйшихъ потребностей, а потому большинство работниковъ добровольно не дѣлаетъ сбереженій изъ своей скучной платы; добровольно они не вносили бы и страховой преміи. Но разъ государство устанавливаетъ эту обязанность, — доля платы можетъ быть удержана въ качествѣ страховой преміи⁵). Покрытие премій изъ средствъ предпринимателей также не повело бы, какъ думаютъ нѣкоторые писатели, къ переложенію этой тягости въ цѣнѣ товаровъ на всѣхъ потребителей. Нѣть необходимости нормы прибыли⁶) и если прибыль, вообще, довольно высока, а страховая премія за рабочихъ ложится на предпринимателей умѣренной тягостью, то, — такъ какъ соперничество между производителями побуждаетъ ихъ только въ крайнихъ случаяхъ повышать цѣну товаровъ — болѣе вѣроятнымъ послѣдствиемъ явилось бы стремление предпринимателей перело-

житъ на работниковъ, часть нового бремени, другую же часть принять на себя и постепенно уменьшить ее усовершенствованиемъ производства.—Мы скажемъ то же и о покрытии этихъ расходовъ изъ государственной казны. Десятки и сотни миллионовъ, на которые вслѣдствіе этого должны увеличиться государственные расходы, будутъ частями покрыты изъ всѣхъ отраслей народнаго дохода—ренты, прибыли и заработной платы. А потому можно комбинировать различными способами покрытие премій изъ этихъ трехъ источниковъ.

Но есть основаніе предпочесть вторые два—взносы премій изъ прибыли предпріятія съ доплатами изъ государственной казны. Такое покрытие этого расхода вполнѣ оправдывается съ точки зреінія экономической. Не слѣдуетъ забывать, что, удерживая изъ заработной платы 8—10 рублей въ годъ и давая работнику кое-какія крохи на случай болѣзни, старости, безработицы, государство ухудшаетъ и безъ того жалкія условія его жизни въ средніе трудовые годы: на эти 10 рублей онъ могъ бы или немного улучшить свою пищу, или обновить свою убогую домашнюю утварь. Непривлеченіе рабочихъ ко взносу премій можетъ быть оправдано и потому, что не весь расходъ, который понесутъ для этого предприниматели, будетъ возмѣщены уменьшеніемъ платы рабочимъ: нельзя, поэтому, сказать, что работникъ, номинально невзысающій страховой преміи, будетъ въ дѣйствительности нести ее. Освобожденіе работниковъ отъ обязанности уплачивать страховую премію имѣть и большое нравственное значеніе. Государство является охранителемъ такого общественного порядка, при которомъ рабочіе классы занимаютъ невыгодное положеніе, а предприниматели извлекаютъ главныя выгоды изъ условій пользованія наемнымъ трудомъ; а потому справедливо, чтобы обеспеченіе рабочихъ въ формѣ страхованія лежало исключительно на государствѣ и предпринимателяхъ. Такой порядокъ долженъ быть одобренъ и въ политическомъ отношеніи. Недостаточны мелкія улучшенія въ господствующихъ формахъ общежитія. Нужно неустанно и энергически работать надъ преобразованіемъ существующаго порядка въ виду одной конечной великой цѣли,—доставленія всѣмъ людямъ возможности широко и всесторонне развивать тѣлесныя и духовныя силы. Расходы государства и предпринимателей на страхованіе рабочихъ способны чаще напоминать о недостаткахъ существующаго порядка и побуждать къ его усовершенствованію. Намъ могутъ еще возразить, что подобный порядокъ лишаетъ страхованіе воспитательной силы, которую оно имѣть, какъ скоро работники дѣлаются бережливія, оплачивающія преміи. Предупреждая это возраженіе, мы скажемъ, что работники имѣютъ предъ собой очень широкое поле для воспитанія бережливости: таковы союзы рабочихъ. Съ

развитиемъ страхования союзы рабочихъ не становятся излишними. Разнообразіе цѣлей союзовъ дѣлаетъ необходимыми для нихъ и значительныя денежныя средства. Присоединеніе къ союзамъ и участіе въ правильныхъ денежныхъ взносахъ можетъ лучше воспитывать бережливость, нежели покрытие премій по страхованию, уже потому, что первое добровольно, тогда какъ второе принудительно.

Страхование на случай болѣзни упорядочено въ Германіи закономъ 15 іюня 1883 года и послѣдующими узаконеніями. Всѣ они объединены закономъ 25 мая 1903 года. Страхование распространяется на всѣхъ работниковъ, занятыхъ въ горномъ дѣлѣ, въ ремесленныхъ заведеніяхъ и на фабрикахъ, а также на надсмотрщиковъ (мастеровъ отдѣльныхъ частей въ промышленныхъ предприятияхъ), если ихъ заработка не превышаетъ $6\frac{2}{3}$ марокъ въ день. Каждый долженъ состоять членомъ одной изъ кассъ, которая по закону раздѣляется на 7 разрядовъ (фабричныя, общинныя, корпоративныя и т. д.). Начиная отъ третьаго дня болѣзни, работникъ получаетъ изъ кассы пособіе, равное половинѣ средней платы, или же помѣщается безвозмездно въ больницу; 26 недѣль - наиболѣе продолжительный срокъ, въ теченіе котораго ему выдаются пособія. Въ исключительныхъ случаяхъ пособіе можетъ быть выдаваемо даже цѣлый годъ. Взносы не должны превышать $1\frac{1}{2}-3\%$ заработка страхуемыхъ; послѣдніе платятъ $\frac{2}{3}$ этой суммы, а $\frac{1}{3}$ хозяева покрываютъ изъ собственныхъ средствъ.

Страхование на случай старости и неспособности къ труду упорядочено въ Германіи закономъ 22 іюня 1889 года Законъ 13 июля 1899 внесъ еще нѣкоторыя дополненія.

Согласно съ этими законами, обязательному страхованию подлежать лица обоего пола, достигшія 16 лѣтъ, какъ состоящія въ бракѣ, такъ и одинокія. Работа по найму - вотъ отличительная особенность всѣхъ этихъ людей. Такимъ образомъ эта обязанность распространяется на рабочихъ, подмастерьи, учениковъ, домашнюю прислугу, каковъ бы ни былъ ихъ заработка, на надсмотрщиковъ въ промышленныхъ заведеніяхъ, приказчиковъ (кромѣ служащихъ въ аптекахъ), учителей и другихъ съ годовымъ заработкомъ не болѣе 2000 марокъ. Должны быть застраховаными также рабочіе на германскихъ морскихъ судахъ и судахъ внутренняго плаванія. На шкиперовъ обязанность распространяется только въ томъ случаѣ, если ихъ жалованье не превышаетъ 2000 марокъ. Страхование охватываетъ также (это рѣшается въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ согласно съ обстоятельствами дѣла) рабочихъ, которые, не имѣя определеннаго мѣста, промышляютъ возмезднымъ оказаніемъ временныхъ услугъ: рабочие въ гавани, посыльные, носильщики, сидѣлки при больныхъ, прачки, швеи и т. п. Всѣ эти лица

должны страховать себя, если не быть основанием разматривать ихъ, какъ самостоятельныхъ промышленниковъ. Законъ предполагаетъ союзному совѣту распространять обязательное страхование и на слѣдующія группы: 1) мелкихъ торговцевъ и ремесленниковъ, которые по временамъ нанимаютъ одного работника, 2) хозяевъ-посредниковъ, которые, имѣя наемныхъ рабочихъ, производятъ въ собственныхъ мастерскихъ, но за счетъ другихъ промышленниковъ. Законъ примѣнимъ во всѣхъ случаяхъ только къ свободнымъ работникамъ: ему не подлежать заключенные въ тюрьмахъ и живущіе въ работныхъ домахъ. Къ заработной платѣ законъ относить все, получаемое работникомъ въ деньгахъ и натурой: квартиру, топливо, одежду, пользованіе садомъ, пастищемъ для коровы. Отъ обязательнаго страхованія свободны всѣ чиновники, имѣющіе право на пенсію, соответствующую, по крайней мѣрѣ, инвалидной рентѣ низшаго разряда, а также нѣкоторыя другія группы. Въ итогѣ получается болѣе 13 миллионовъ людей, подлежащихъ обязательному страхованию. Преміи уплачиваются въ равныхъ доляхъ работниками и хозяевами, а казна дѣлаетъ приплату въ размѣрѣ 50 марокъ къ каждой выдаваемой пенсіи, какъ въ случаѣ неспособности къ труду, такъ и по старости. Доходы и соответствующіе имъ взносы раздѣлены на 5 разрядовъ: I) менѣе 350 марокъ, II) 350—550, III) 550—850, IV) 850—1.150, V) выше 1.150 марокъ. Еженедѣльные взносы по этимъ классамъ составляютъ: 14 пфенниговъ, 20, 24, 30 и 36. При отнесеніи страхователя, по его доходу, къ одной изъ 5 группъ, принимается въ расчетъ его средній заработка: для однихъ за таковой берутъ среднюю въ данной мѣстности поденную плату обыкновенныхъ поденщиковъ и помножаютъ ее на 300; для другихъ среднимъ заработка считаютъ доходъ, по которому они дѣлаютъ взносы въ кассы для больныхъ. Стариковская рента составляетъ для 5 классовъ: 110, 140, 170, 200 и 230 марокъ. Платный годъ опредѣленъ въ 47 недѣль. Рента дается вслѣдствіе неспособности лица къ труду въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ въ своемъ занятіи не можетъ заработать и $\frac{1}{3}$ того, что считается среднимъ доходомъ для данныхъ промысла и мѣстности. Рента по неспособности къ труду можетъ быть получена во всякомъ возрастѣ, если застрахованный сдѣлалъ не менѣе 200 недѣльныхъ взносовъ. Право на стариковскую ренту дается достижениемъ 70 лѣтъ, если застрахованный уплатилъ недѣльный взносъ не менѣе 1.200 разъ (т. е. $25\frac{1}{2}$ лѣтъ). Въ видѣ исключения законъ допускаетъ возвратъ сдѣланныхъ взносовъ: женщинѣ, которая вступаетъ въ бракъ, вдовѣ застрахованного и сиротамъ моложе 15 лѣтъ, законнымъ и незаконнымъ дѣтямъ застрахованной женщины, если они не имѣютъ отца, вдовцу, если онъ неспособенъ къ работе и умершая жена была кормилицей семьи.

Германскій законъ доставляетъ работнику очень малое обеспеченіе: 110 марокъ для людей, получающихъ низшую плату за трудъ, т.-е. не больше того, что человѣкъ можетъ получить въ старости при сколько-нибудь правильно организованномъ общественномъ призрѣніи.

Съ 1884 года въ Германии развилось также страхование отъ несчастныхъ случаевъ въ промышленности. Законы 1885, 86, 1901 и 1903 годовъ дальше подвинули это дѣло. Въ основѣ этого страхования лежать два начала: 1) уплата всей страховой преміи одними предпринимателями съ устраниеніемъ рабочихъ и государства отъ участія во взносахъ и 2) упроченіе всего дѣла въ формѣ взаимного страхованія, посредствомъ образованія промышленныхъ товариществъ, страхующихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Въ составъ каждого товарищества входятъ предприниматели, занятые однимъ и тѣмъ же промысломъ. Законъ сдѣлалъ обязательнымъ страхование рабочихъ и служащихъ (съ годовымъ заработкомъ не больше 2.000 марокъ) въ горномъ дѣлѣ, соляныхъ копяхъ и варницахъ, каменоломняхъ, а также во всѣхъ промышленныхъ предприятияхъ, гдѣ есть паровые котлы и механизмы, приводимые въ движение стихійными силами (вѣтромъ, водою, газомъ, паромъ и т. д.). Обязательное страхование отъ несчастныхъ случаевъ распространено на рабочихъ и служащихъ въ перевозочной промышленности, во всѣхъ видахъ труда, относящихся къ строительному промыслу, а также во многихъ отрасляхъ казенного управления—въ военномъ, морскомъ, желѣзодорожномъ, почтовомъ и телеграфномъ дѣлѣ. Въ государственныхъ учрежденіяхъ страхование производится за счетъ имперіи или отдельныхъ государствъ, а не при помощи товариществъ. Обязательное страхование отъ несчастныхъ случаевъ распространено также на рабочихъ въ сельскомъ и лѣсномъ хозяйствахъ и, наконецъ, на заключенныхъ въ тюрьмахъ. Въ силу этого страхования, пострадавшій получаетъ пособіе, которымъ покрываются расходы на лѣченіе, а также пенсию до полнаго выздоровленія. Если заувѣчье слѣдуетъ полная потеря трудоспособности, то пострадавшему даютъ пожизненную пенсию; въ случаѣ смерти рабочаго отъ несчастнаго случая, остающіеся члены его семьи получаютъ пенсіи (онѣ не должны въ совокупности превышать 60% заработка умершаго), а также сумму на погребеніе пострадавшаго. За 20 лѣтъ (1885—904) по страхованию рабочихъ поступило 6.627.559.566 марокъ дохода. Выплаченная сумма составила 4.555.682.290 марокъ. Къ 1904 году число застрахованныхъ на старость возрасло до 13.756.400, на болѣзнь — до 11.418.466 и отъ несчастныхъ случаевъ — до 18.376.000. Въ 1905 году застрахованнымъ на старость было выдано 137.000.703 марки, а — отъ несчастныхъ случаевъ — 135.437.932 марки. Изъ общаго числа

несчастныхъ случаевъ 141.121, всего больше было среди горнорабочихъ: 15,53 на 1000. Общее число людей, получившихъ за это время пособіе, превышаетъ 60 миллионовъ. Съ конца 80-хъ годовъ, въ дѣлѣ страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ и болѣзни, Австрія слѣдуетъ за Германіей. Во Франціи пенсионныя кассы наиболѣе развиты среди горнорабочихъ. До послѣдняго времени участіе въ этихъ кассахъ было добровольнымъ. Но 29 іюня 1894 года изданъ законъ, установляющій обязательное страхованіе рабочихъ въ рудникахъ. Преміи составляются изъ заработной платы и взносовъ предпринимателей. Въ другихъ государствахъ господствуетъ принципъ свободнаго страхованія рабочихъ.

Страхование отъ безработицы является важной составной частью страхованія. Его техника представляетъ мало особенностей, которыхъ не было бы въ другихъ отрасляхъ. Трудности, при его упорядоченіи, сводятся, главнымъ образомъ, къ вопросу о томъ, кто долженъ нести расходы по обеспечению работниковъ, лишенныхъ занятія. Въ обширной странѣ, при угнетенномъ состояніи хозяйственной жизни, число безработныхъ достигаетъ многихъ сотенъ тысячъ; поддержка ихъ въ теченіе мѣсяцевъ можетъ потребовать десятковъ миллионовъ рублей. Изъ чьихъ же средствъ должны быть добываемы эти миллионы?

Заслуживаетъ вниманія попытка, сдѣланная въ кантонѣ С. Галленъ. Въ 1894 году тамъ было организовано обязательное страхованіе отъ безработицы. Оно держалось только 2 года. Страховой капиталъ составлялся изъ взносовъ работниковъ и хозяевъ и приплата изъ общинной и государственной казны. Отношеніе лучшихъ работниковъ къ страхованию препятствовало его успешному развитію. Разсчитывая, что безработица не постигнетъ ихъ, они были враждебно настроены противъ начинанія и неохотно дѣлали взносы. Затрудненіемъ служило и то, что не удалось организовать контроль надъ безработными, а только онъ и могъ выяснить, кто имѣеть работу и кто не имѣеть ея. За оба года дѣятельности кассы на плательщикахъ накоплялись недоимки; большую ихъ часть нельзя было взыскать.—Въ 1889 году въ кантонѣ Базель — городѣ былъ составленъ проектъ закона страхованія отъ безработицы. Проектъ распространяетъ дѣйствіе закона на всѣхъ работающихъ по найму гражданъ отъ 14-лѣтнаго возраста, если годовой заработка не превышаетъ 1800 франковъ. Средствами страховой кассы служатъ взносы работниковъ (по 10—20 сантимовъ въ недѣлю), хозяевъ, приплаты казны и пожертвованія. Застрахованные, въ связи съ размѣрами получаемой платы, дѣлятся на 4 разряда. Въ случаѣ безработицы застрахованный получаетъ пособіе; оно выдается не болѣе 70 дней въ году, отъ 80 сантимовъ и до 2 франковъ въ день. Опредѣляли цифрою

почти въ 10000 число людей, подлежащих обязательному страхованию. При всенародномъ голосовании проектъ былъ отклоненъ большинствомъ 576 голосовъ. Выяснилось, что большая часть работниковъ подала голосъ противъ проекта. Между ними поддерживалось убѣждение, что безработица можетъ грозить только тѣмъ, кто похоже, что исправнымъ работникамъ предстояло бы уплачивать взносы безъ всякой надежды извлекать изъ страховой кассы какія-либо выгоды. Крупные хозяева относились къ закону сочувственно, а мелкіе — съ боязнью. То же случилось и въ Цюрихѣ: проектъ закона о принудительномъ страхованиі рабочихъ былъ отклоненъ народомъ въ 1898 году.

Попытки организовать добровольное страхование отъ безработицы были сдѣланы въ кантонѣ Бернѣ, въ Кельнѣ, Страсбургѣ (съ января 1907-го года) и другихъ мѣстахъ.

Страхование этого рода можетъ быть правильно организовано лишь въ томъ случаѣ, если расходы будутъ сполна покрываться общинами, государствомъ и хозяевами. Работнику, взносящему даже часть преміи при страхованиі на случай старости, болѣзни, увѣчья, трудно удѣлить что-либо на застрахование отъ безработицы. Нужно имѣть въ виду и то, что такія жертвы вызывали бы во многихъ сильное раздраженіе. Старость и неспособность къ труду составляютъ удѣль вѣхъ. Болѣзнь поражаетъ многихъ. Увѣчье — такая несчастная случайность, отъ которой не всегда можетъ уберечься самый осторожный работникъ. Смерть главы семьи и слѣдующая за нею нужда вдовы и сиротъ также представляются фактами общаго значенія. А безработица, думаютъ многіе изъ пролетариата, грозить только работникамъ, искусство которыхъ не достигаетъ средняго уровня. Такая однінка не лишена основанія: въ самые тяжелые и продолжительные кризисы большинство работниковъ заняты и развѣ получаютъ плату нѣсколько ниже обычной. При среднемъ же теченіи дѣлъ и небольшомъ стѣсненіи производства остаются безъ занятія худшіе и только тѣ изъ лучшихъ, которые случайно, напримѣръ, продолжительной болѣзњю, политическими увлеченіями, выбиты изъ своей колеи. А потому, работники—объ этомъ свидѣтельствуетъ исторія союзовъ рабочихъ—охотнѣе выдаютъ пособія больнымъ, престарѣлымъ, нежели безработнымъ.

А между тѣмъ страхование отъ безработицы необходимо. Если государство принимаетъ мѣры для уменьшенія смертности, которая вызывается повальнымъ болѣзнями, то оно обязано смягчать и безработицу, также служащую причиной усиленной болѣзненности и смертности. И если къ расходамъ на канализацию, которая производится для оздоровленія города, не привлекаются бѣднѣйшіе слои городского населенія, особенно

страдающіе отъ отсутствія сточныхъ каналъ, то и расходы на смягченіе безработицы не должны быть несомы классами, на которыхъ она обрушивается всею своею тяжестью.

Затраты на этотъ предметъ должны быть покрываемы изъ общихъ средствъ государственной казны и изъ особаго налога на прибыль предпринимателей. Не трудно обосновать разумность именно такого решения вопроса. И государство, и предприниматели занимаютъ относительно страхования отъ безработицы иное мѣсто, чѣмъ при страхованиі отъ болѣзни, увѣчья, на случай старости и смерти. Если работникъ заболѣлъ или потерпѣлъ увѣчье, то причиной часто служить его неосторожность; не слѣдуетъ объяснять это во всѣхъ случаяхъ небрежностью или корыстолюбіемъ хозяевъ, тѣмъ болѣе, особенностями государственного строя. Въ еще большей мѣрѣ примѣнно это къ смерти работника. Если же человѣкъ, свободный отъ крупныхъ недостатковъ, не имѣть занятія, то слѣдуетъ отнести это всецѣло на счетъ особенностей общественного строя и наклонностей предпринимателей. Капиталистическому хозяйству всегда сопутствуетъ запасная рабочая армія. Эти люди не имѣютъ работы и средствъ къ жизни потому, что государство, охраняя капиталистический строй, освящаетъ и его особенности, невыгодныя для пролетариата. Какъ оно должно смягчать фабричными законами невыгоды, которая частнохозяйственное производство причиняетъ работнику, такъ страхование отъ безработицы оно обязано облегчать участъ тѣхъ, кто втянутъ въ механизмъ частнокапиталистического производства, но не имѣть занятія и средствъ къ жизни. Хозяева, какъ особая общественная группа, также отвѣтственны за безработицу. Можно не считать таковыми отдельныхъ членовъ группы; но весь классъ не можетъ быть освобожденъ отъ отвѣтственности. Безработица принимаетъ во время кризисовъ особенно грозные размѣры. А кризисы обостряются, главвѣйше, потому, что, стремясь къ увеличенію барышей, предприниматели расширяютъ производство безъ всякаго расчета. Такимъ образомъ, хозяева являются виновниками того, что кризисы обостряются и безработица становится удѣломъ большаго числа людей, нежели то было бы при меньшемъ желаніи предпринимателей обогатиться и большемъ вниманіи къ обязанностямъ относительно рабочихъ. Вотъ почему нужно безоговорочно оправдать покрытие расходовъ на содержаніе безработныхъ изъ государственной казны и особыхъ взносовъ предпринимателей.

Безработица развивается особенно сильно во время кризисовъ. При среднемъ состояніи народного хозяйства большинство безработныхъ не находить занятія потому, что предложеніе рабочихъ рукъ преобладаетъ надъ спросомъ. Однако, чисть свободной рабочей арміи можетъ быть помѣщена, если уста-

новлены правильные отношения между спросом на труд и работниками, которые ищут занятие. *Посреднические конторы* исполняют это назначение. До последнего времени учреждение таких контор было делом частных лиц; получая плату съ работниковъ, которые ищут занятия, и хозяевъ, имѣющихъ надобность въ наемномъ труде, эти бюро взимаютъ большие поборы съ народного хозяйства. Взносы въ бюро, пожалуй, не отягчаютъ хозяевъ, но ложатся серьезнымъ бременемъ на работниковъ. Въ Баваріи, по даннымъ за 1894 годъ, взносы въ 588 посредническихъ бюро составили больше 400.000 марокъ. За последние годы въ Западной Европѣ стали возникать посреднические бюро, содержимые на счетъ союзовъ, благотворительныхъ обществъ, городовъ и государства. Въ концѣ 1903 года во Франціи было 658 посредническихъ конторъ, не взимавшихъ платы за свой трудъ. Съ 1895 года въ городахъ Германіи начали учреждать общественные бюро; въ нѣкоторыхъ провинціяхъ бюро отдельныхъ городовъ образуютъ союзы, объединяющій дѣятельность этихъ учрежденій. Одно изъ бюро каждого округа служить центромъ. Каждое мѣстное бюро, насколько то возможно, устанавливаетъ равновѣсіе между спросомъ на трудъ и предложеніемъ;циальному бюро сообщаются о всѣхъ работникахъ, которые не получили занятія въ округѣ даннаго мѣстного бюро, а также о всѣхъ нанимателяхъ, запрошив которыхъ не было удовлетворенъ. Бюро содержится на счетъ государственной казны и городовъ и оказываютъ услуги безвозмездно. Членами бюро состоятъ хозяева и работники поравну. Въ Баваріи дѣло организовано всего лучше: 6 центральныхъ бюро объединяютъ дѣятельность городскихъ бюро всего королевства. Полезность этихъ учрежденій очевидна: они позволяютъ работникамъ искать занятія безъ всякихъ расходовъ. Кто отыскиваетъ мѣсто, тому нѣть надобности обѣгать фабрики, терять время; онъ поручаетъ это учрежденію, которое заслуживаетъ полнаго довѣрія. Превосходство общественныхъ посредническихъ бюро передъ частными настолько велико, что въ концѣ 1900 года французская палата депутатовъ постановила устранить всѣ частные посреднические конторы. Отъ времени издания закона не дается концессій на учрежденіе новыхъ конторъ; а черезъ 5 лѣтъ правительство имѣеть право закрыть всѣ существующія бюро безъ вознагражденія владельцевъ. Законъ постановляетъ, чтобы общины съ населеніемъ болѣе 10000 учреждали бесплатныя бюро. Въ 1903 году среди рабочихъ Франціи раздраженіе противъ частныхъ посредническихъ конторъ было чрезвычайно велико.

Цѣлесообразная организація этого дѣла устанавливаетъ непрерывную связь между тѣми, кто имѣеть надобность въ наемномъ труде, и работниками, отыскивающими занятіе. Если дѣятель-

ности посредническихъ бюро охватываетъ всю страну, то слѣдуетъ признавать страдающимъ отъ безработицы каждого, кто, но имѣя крупныхъ недостатковъ, не находить занятія.

7) Установленіе низшаго размѣра заработной платы можетъ оказывать небольшое вліяніе на бытъ рабочихъ классовъ. Если бы уровень опредѣлялся примѣнительно къ средней платѣ въ каждомъ промыслѣ, выведенной для цѣлаго ряда лѣтъ, и если бы онъ установлялся для всего пролетаріата страны, то могъ бы замѣтно вліять на жизнь работника. Такая мѣра общаго характера, проведенная законодательно, ставила бы преграды эксплуатированію рабочихъ классовъ дальше извѣстныхъ границъ. Она постепенно привила бы предпринимателямъ убѣжденіе, что работникъ долженъ получать не менѣе опредѣленной доли продукта, что оживленіе промышленныхъ дѣлъ, вызывая усиленный запросъ на рабочихъ, поднимаетъ плату, а застой въ сбытѣ и пониженіе цѣнъ могутъ ложиться только на прибыль и ту часть платы, которая составляетъ прибавку къ низшей величинѣ. Предприниматели приспособились бы къ такому требованію закона. Для огражденія своихъ интересовъ они держали бы только тѣхъ рабочихъ, которые трудолюбіемъ и умѣлостью не опускаются ниже извѣстнаго уровня. Первое время эта мѣра побуждала бы хозяевъ перелагать на потребителей излишекъ, который они выдавали бы работникамъ въ качествѣ платы. Повышеніе цѣнъ товаровъ только отчасти уменьшало бы выгоды, связанныя для работниковъ съ установленіемъ обязательного и довольно высокаго низшаго размѣра платы. Хозяева возмѣщали бы свой расходъ продажею товаровъ по болѣе высокой цѣнѣ не только рабочимъ классамъ, но всѣмъ потребителямъ, среди нихъ и предпринимателямъ. Постепенно соперничество производителей остановило бы повышеніе цѣнъ, способствовало бы ихъ пониженію, и работнику оставались бы всѣ выгоды, которая можетъ принести такая мѣра. Успѣхи производительности труда и наклонность заработной платы отставать, въ своемъ ростѣ, отъ другихъ вѣтвей народнаго дохода дѣлали бы цѣлесообразными периодические, напримѣръ, каждые 5—6 лѣтъ, пересмотръ и измѣненіе установленнаго minum'a.

Такой порядокъ вещей обеспечивалъ бы работникамъ не тотъ низшій размѣръ, до котораго нерѣдко опускается плата, но средний. Это не было бы обременительно и для хозяевъ: давать работникамъ не менѣе средней платы — значить отказаться отъ доли прибыли только въ годы большаго угнетенія промышленности, когда плата имѣть наклонность опускаться ниже средней величины. Наконецъ, эта мѣра не шла бы въ разрѣзъ и съ интересами всего народнаго хозяйства: хозяева сами отстранили бы работниковъ, качества которыхъ замѣтно ниже среднихъ; промышленность страны, гдѣ установленъ шапито-

платы, не страдала бы отъ соперничества производителей другихъ странъ: минимумъ, соотвѣтствуя только среднему уровню платы, не можетъ вести ко вздорожанію товаровъ; нѣсколько повысивъ требованія хозяевъ къ работникамъ, онъ оставлялъ бы въ запасной рабочей арміи только тѣхъ, кто не достигаетъ извѣстнаго прилежанія, тѣлесной силы и ловкости.

Такая мѣра, установленная закономъ для всѣхъ видовъ труда, не была бы чѣмъ-либо неизвѣстнымъ современному обществу; и теперь есть разнообразныя таксы: государства, города устанавливаютъ таксы на проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ, на трудъ нотаріусовъ, судебныхъ приставовъ, аптекарей, извозчиковъ. Союзы рабочихъ приходятъ къ соглашенію съ хозяевами относительно тарифа платы за трудъ. Эти обязательныя нормы становятся привычными. Мы находимъ въ порядкѣ вещей, что одинъ унцъ хинина стоитъ столько-то, фунтовой бѣлый хлѣбъ, удостовѣреніе нотаріусомъ довѣренности, провозъ дровъ или скота по желѣзной дорогѣ—столько-то. Нужно было-бы немногого времени, дабы привыкнуть къ мысли, что недѣльный заработка столяра, слесаря, ткача, прядильщика не долженъ опускаться ниже такого-то уровня. Въ странахъ, гдѣ развиты союзы рабочихъ, уже упрачились такие взгляды.

Однако, это можетъ осуществиться только при большомъ проникновеніи государства демократическими началами: подобная мѣра можетъ быть проведена лишь при условіи, что законодатель принимаетъ близко къ сердцу интересы рабочихъ и остается свободнымъ отъ предразсудковъ, которые часто мѣшаютъ упорядоченію заработной платы.

Теперь минимумъ, установленный закономъ, является реальнѣмъ исключеніемъ: онъ распространяется только на отдѣльные группы рабочихъ. Наиболѣе широки нормы, введенныя въ австралійской колоніи Викторіи закономъ 28 июля 1896 года. Этотъ законъ уполномочилъ правительство учреждать особыя комиссіи и предоставлять имъ опредѣленіе низшаго размѣра платы за трудъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности. Членами комиссій состоять хозяева и работники поравну. Въ 1897 году на основаніи этого закона были учреждены комиссіи для слѣдующихъ промысловъ: производства обуви, мужской одежды, мужскаго бѣлья, женской одежды, токарного и мебельнаго. Въ этихъ отрасляхъ, кроме послѣдней, установление низшаго размѣра платы совершилось безъ затрудненій. Въ производствѣ же мебели новая мѣра обходилась предпріятіями, которыхъ нанимаютъ китайцевъ: послѣдніе работаютъ за очень низкую плату, упорно скрываютъ размѣры своего заработка отъ фабричной инспекціи, а потому и являются опасными соперниками заведеній, которыхъ исполняютъ требованіе закона. За два года дѣйствія этого закона заработка платы повыси-

лась на 15—20%, а въ цѣнѣ товаровъ не было повышенія, кромѣ немногихъ сортовъ, да и тѣ подорожали только въ самой ничтожной пропорціи. Элементы такого же порядка находимъ въ Новозеландіи: законъ 21 октября 1899 года установилъ низшій уровень платы подросткамъ, не достигшимъ 18 лѣтъ: 5 шиллинговъ для мальчиковъ и 4 для девочекъ.

Къ этимъ же мѣрамъ относится требование, чтобы работники, занятые для исполненія подрядовъ или поставокъ государству или городу, получали плату не ниже извѣстныхъ размѣровъ. Мы находимъ это въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки. Въ Индіанѣ законъ опредѣляетъ низшій размѣръ платы для всѣхъ простыхъ работниковъ, нанимаемыхъ государствами округами и общинами. Законы штатовъ Канзаса и Нью-Йорка постановляютъ, что при всѣхъ работахъ, исполняемыхъ за счетъ государства, графствъ, городовъ, должна быть выдаваема плата не менѣе обычной для того же промысла въ данной мѣстности.

Чаще встречаемъ такія мѣропріятія, какъ составная части экономической политики городовъ. Во многихъ германскихъ городахъ—назовемъ Вормсъ, Оффенбургъ, Оsnабрюкъ—отказались отъ дурного обычая брать тѣхъ для исполненія подрядовъ, кто объявляетъ низшую цѣну на торгахъ. Городское управление само составляетъ смету. Соискатели, которые объявляютъ на торгахъ цѣну значительно ниже сметы, исключаются по принципу. Управление Вормса, при подрядахъ на разныя строительныя работы для города, установило плату за часъ труда. Во многихъ городахъ предприниматели, участвующіе въ торгахъ на подряды для города, обязаны представлять точныя данныя относительно платы, которую получаютъ ихъ работники. Нѣкоторые города устанавливаютъ низшій размѣръ платы при всѣхъ подрядахъ для города. Особенно выдѣляется Мюнхенъ. Коренное положеніе устава о рабочихъ Мюнхена состоять въ томъ, что плата, достигнутая работникомъ, не должна понижаться, если даже наступило уменьшеніе рабочей силы.

Еще болѣе развита такая политика въ городахъ Англіи. Англійскіе союзы рабочихъ, неослабно заботясь о повышеніи платы, оказали влияніе и на города: въ большей части послѣднихъ, при отдачѣ городскихъ работъ съ торговъ, устанавливается minimum платы. За послѣдніе годы хозяйство англійскихъ городовъ замѣтно расширилось. Для 1900 года опредѣляли въ 70^{1/2} миллионовъ фунтовъ стерлинговъ капиталъ, помѣщенный въ предпріятіяхъ городовъ Англіи, Уэльса и Шотландіи. Правила о низшемъ размѣрѣ платы для всѣхъ работниковъ, занятыхъ въ этихъ предпріятіяхъ, не мѣшаютъ имъ быть выгодными въ чисто финансовомъ отношеніи.

То же находимъ во многихъ городахъ Бельгіи, Франціи, Швейцаріи.

Эти мѣры не бесполезны для работниковъ, на которыхъ онѣ распространяются. Однако, не слѣдуетъ преувеличивать ихъ значеніе. Работники въ городахъ образуютъ только небольшую часть всего промышленного пролетариата. Хозяйственная дѣятельность городовъ расширяется, но еще не близко время, когда въ этихъ предприятияхъ будутъ заняты большія массы людей. Еще меньше основаній съ увлеченіемъ говорить о томъ, что работники, служащіе городу, образуютъ особый разрядъ чиновниковъ, который имѣть черты, общія всѣмъ членамъ бюрократіи — право на трудъ, на пенсію, известную прочность положенія: за городскимъ управлениемъ сохраняется право уволить работника черезъ 2 недѣли по предупрежденіи. Только 10-лѣтняя служба уменьшаетъ зависимость работника отъ ближайшаго начальства: на увольненіе нужно уже согласіе городскаго совѣта. А требованія, предъявляемыя работникамъ, служащимъ городу, такъ велики, что всегда могутъ быть найдены многочисленные поводы для увольненія. Наконецъ, выгоды, доставляемыя этой группѣ работниковъ, могутъ быть перевѣшены неблагопріятными перемѣнами въ ихъ взглядахъ, привычкахъ, отношеніяхъ къ интересамъ ихъ класса. Дорожа тѣми небольшими преимуществами, которыя доставляетъ служба городу, работникъ будетъ охладѣвать къ общимъ интересамъ пролетариата, будетъ становиться безучастенъ ко многому, что служить для работниковъ вѣрнымъ залогомъ культурныхъ успѣховъ.

А потому, на вопросъ, велико ли значеніе закона, который, въ качествѣ общей мѣры, постановляетъ о низшемъ размѣрѣ заработной платы, слѣдуетъ отвѣтить такъ: подобный законъ желателенъ; онъ служитъ дополнительнымъ средствомъ къ тому, что можетъ быть достигнуто союзами рабочихъ путемъ соглашеній съ хозяевами. Если же работники не пользуются широкимъ правомъ образованія союзовъ, то подобный законъ лишенъ значенія: въ странѣ, где союзы рабочихъ не существуютъ, законодатель всегда будетъ склоненъ, при установлениі наименьшаго размѣра платы, довольствоваться очень низкимъ уровнемъ, не дающимъ того, что необходимо для покрытія самыхъ настоящихъ потребностей работника. Подобный законъ лишенъ значенія въ такой странѣ значенія и потому, что нѣть органовъ, которые наблюдали бы за его исполненіемъ. Союзы рабочихъ охраняютъ все хозяйственные и юридические интересы своихъ членовъ. Разъ союзы признали бы такой законъ важнымъ для работниковъ, они ревниво наблюдали бы, чтобы отъ него не было отступлений. Въ странѣ, где нѣть свободы коалицій, работники не имѣютъ представительства: если бы даже законъ доставлялъ рабочему классу нѣкоторыя выгоды, то со стороны хозяевъ могли бы исходить теченія, способныя

склонить органы власти къ отступлению отъ закона въ однихъ, отраслихъ промышленности, и къ простоянокъ его дѣйствія въ другихъ.

Дѣлая заключительную оцѣнку всѣмъ указаннымъ мѣропріятіямъ, мы должны признать ихъ въ совокупности весьма существенными средствами для улучшения быта рабочихъ. Только по недоразумѣнію можно считать эти мѣры достаточными для того, чтобы вполнѣ удовлетворить работника и устранить всѣ темные стороны современного порядка вещей¹⁾). Даже при широкомъ проведеніи перечисленныхъ мѣръ, государство и общество сдѣлаются очень мало сравнительно съ тѣмъ, что желательно. Но беспристрастное изученіе убѣждаетъ, что эти мѣры, разумно и систематически проведенные, способны замѣтно вліять на судьбы рабочихъ классовъ. Эти мѣры, сокращая трудъ, охраняютъ тѣлесное здоровье работающихъ. Доставляя досугъ и создавая разнообразные способы къ воспитанію ума, они сдѣлаютъ рабочихъ людьми, сознательно относящимися къ своему положенію, пріучаютъ ихъ къ солидарной работе во всѣхъ случаяхъ, когда затронуты интересы цѣлаго класса, и отлично подготовляютъ къ широкой общественной дѣятельности. Наконецъ, они помогаютъ работнику въ улучшении его материальнаго быта. Повторяемъ, иѣть необходимой нормы прибыли; значительная ея часть можетъ быть предназначена на вознаграждение заработной платы. Если наука и текущая печать поддерживаютъ въ обществѣ убѣжденіе, что есть необходимая высота прибыли и что заработка плата имѣть свой почти неизмѣнныи уровень, если экономическое законодательство проникнуто такими же руководящими началами, то капиталисты и предприниматели находить отличную точку опоры для своихъ эгоистическихъ стремленій. Но разъ все эти силы настойчиво и непрерывно проводятъ мысль, что прибыль и рента несоразмѣрно велики, а заработка плата ничтожна, что обладатели прибыли и ренты должны дать работнику существование, болѣе достойное человѣка, то имущіе классы будутъ все болѣе привыкать къ убѣжденію, что огромныи доли общественнаго дохода, которыхъ они получаютъ, не есть что-либо необходимое, неизмѣнное. Въ нихъ постепенно будетъ воспитываться сознаніе обязанности относительно неимущихъ классовъ, а это способно хотя немного двинуть ихъ къ улучшенію общественной жизни.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ШЕСТОЙ ГЛАВѢ.

1) Мы не даемъ оторка быта рабочихъ классовъ въ Западной Европѣ, такъ какъ это можно бы наѣть слишкомъ далеко за предѣлы курса. Мѣсто не позволяетъ коснуться также иныхъ мѣропріятій, которыми пользуются

для улучшения быта рабочихъ; а потому, указавъ во главѣ о заработной платѣ значеніе, которое имѣеть участіе рабочихъ въ прибыли предпріятій, мы опускаемъ мѣри, исходящія отъ предпринимателей и частной благотворительности (улучшеніе жилищъ, устройство столовыхъ, яслей и проч.) и ограничиваемся главными мѣрами, которыя признаютъ государство и рабочіе на начальѣ самопомощи. Систематический обзоръ всѣхъ мѣропріятій сдѣланъ у Шёнберга (*Schönberg. Handbuch*, II), гдѣ можно найти подробнѣе указанія и на литературу вопроса.

2) См. *Lange. Die Arbeiterfrage*. Въ огромной литературѣ по рабочему вопросу книга Ланге занимаетъ выдающееся мѣсто глубокимъ изслѣдованиемъ душевнаго настроения работника въ связи съ его материальнымъ бытомъ.

3) *Bulletin de l'Office du travail*, 1903, VII.

4) Швейцарія имѣетъ лучшее фабричное законодательство; планъ международного соглашенія для дальнѣйшаго развитія фабричныхъ законовъ былъ предложенъ швейцарскимъ правительствомъ въ началѣ 1889 года.

5) Нельзя удерживать такую премію, которая давала бы работникамъ достаточное обеспеченіе во всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ жизни. Брендтъ вычислилъ, что только годовая премія въ 300 марокъ позволяетъ выдѣлать работнику стариковскую пенсію въ 360 марокъ, пенсії его вдочекъ и спротамъ, а также пособія во время безработицы и болѣзни.

6) Въ февралѣ 1893 года товарищество хлопчато-бумажныхъ мануфактуръ Шнейблера въ Лодзи сократило день съ 13 на 12 часовъ и увеличило сдѣльную плату на $\frac{1}{2}$, что уменьшаетъ прибыль на 100.000 рублей въ годъ.

7) Шёнбергъ говоритъ, что страхованіе рабочихъ заставляетъ ихъ бодро смотрѣть на будущее, лѣтъ увѣренности, что несчастныя случайности не повергнутъ ихъ семьи въ нищету (*Schönberg. Handbuch*, II, 749). Непростиительно говорить такія вещи, если работнику по достижениіи старости, обеспечена пенсія только въ 104 марки и то подъ условиемъ многолѣтнаго участія въ страхованиі.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Свѣдѣнія о положеніи рабочаго класса въ Россіи.

Литература. Главнымъ пособіемъ для 18 вѣка и первой половины прошлаго могутъ служить изслѣдованія *Семевскаго*. Крестьяне въ царств. Имп. Екатерины II, 1881 и Крестьянский вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка. 2 т. 1888. Съ положеніемъ сельскихъ рабочихъ за послѣднее время можно ознакомиться изъ земскихъ статистическихъ сборниковъ, посвященныхъ хозяйству частныхъ владельцевъ (по Московской, Орловской, Полтавской и другимъ губерніямъ). Сведеніе большой матеріалъ, въ изд. канцеляр. комитета министровъ: *Сводъ статистич. матеріал., касающихся эконом. пол. сел. населен. Европ. Россіи*. 1894. Значит. матер. сведеніе въ трудѣ *Бороденко. Сельско-хозяйств. и статист. свѣдѣнія по матер., полученн. отъ хозяевъ*, вып. V. 1892. Къ выводу автора нужно отнест. очень осторожно. См. *Иванюкова. Курсъ*. См. также *Чаславскій. Землемѣрч. отхож. промыслы. Сборн. Госуд. Зн.* II. *Фортунатовъ. Санитарн. услов. сельск. раб. въ Россіи. Рус. Мысль*. 1886, 11. *Махаренко. Отхож. и кабальн. рабочіе. Юр. Вѣст.* 1887, IV. *Герценштейнъ. Къ вопросу объ отхожихъ промыслахъ. Рус. Мысль*. 1887, IX. *Тезяковъ. Сельско-хозяйственные рабочіе и организаціи за ними санитарнаго надзора въ Херсон-*

ской губернії. 1896. *Варба.* Скитанія сельско - хозяйственнихъ рабочихъ. *Рус. Мысль.* 1898. VIII. *Кириловъ.* Къ вопросу о вѣзвемлед. отходѣ крестьян. насел. *Труды Волын.* Экон. Общ. 1899. IX. Есть полезн. указ. въ книжѣ *Лига тардна.* Письма изъ деревни.—Для ознакомл. съ бытомъ фабричн. и складск. рабочихъ см. Отчеты фабричн. инспекторовъ, которые печаталисъ съ 1883 до 86 года. Изданія моск. губ. земства по санит. статист. *Ноожевъ.* Кирпично - гончарв. производ. Моск. уѣзда. 1880. *Ею же.* Извѣд. фабр. завед. Верейск. и Рузск. уу. 1882. *Ею же.* Фабричн. быть Герм. и Россіи. 1884. *Эрисманъ.* Санит. изслѣд. фабр. завед. Клинскаго уѣзда, 1881 и Москов. у. 1882. *Псковъ.* Санитар. изслѣдов. фабр. по обраб. волокнист. веществъ. 1884. *Святловскій.* Фабричн. рабоч. 1889. Здѣсь же много ука-заний на литерат. о санитарн. полож. русскихъ рабочихъ. *Дементьевъ.* Фабрика, что она даетъ населенію и что она у него береть. 1893. Да же гр. *Исаевъ.* Несколько стран. въ фабр. хронику. *Отеч. Зап.* 1877. IX. *Благовещенскій.* На литейн. заводѣ, *Отч. Зап.* 1873, IV. *Ноповъ.* Горнозавод. Ураль. *Отч. Зап.* 1874, XII. Наша фабричн. литература. *Отч. Зап.* 1875, VIII. Рабочее семейство. *Отч. Зап.* 1875, XI. *Ядринцевъ.* Нужды и услов. жизни рабоч. насел. Сибпри. *Отч. Зап.* 1876, XII. *Ленскій.* Отхож. неземлед. производствъ въ Россіи. *Отч. Зап.* 1877, XIII. *Инженъль.* Дѣтск. и женск. фабричн. трудъ. *Ею же.* Очерки и изслѣдов. Р—въ. Наша золотопром. *Выст. Евр.* 1880, III. *Ник—онъ.* Очерки наш. по реформ. общ. хозяйства. *Слово.* 1880, X. М. Г. Спичечная фабрики. *Слово.* 1880. *Абрамовъ.* Изв. фабрично- завод. міра. *Отч. Зап.* 1882, III и IV. *Иванюковъ.* Фабричн. быть моск. района. *Рус. Мысль.* 1884, XI. *Ноожевъ.* Матер. для разраб. основн. вопрос. фабричн. законод. въ Россіи. *Рус. Мысль.* 1884, XII. *Ноожевъ.* Изв. жизни фабричн. люда въ столицѣ. *Русск. Мысль.* 1885, V и VI. *Сидоровъ.* Раменск. фабрика. Юр. *Выст.* 1886. III, IV и V. *Лазаревскій.* Ижорск. спичечн. фабрики. *Слово.* *Выст.* 1886, XIII. *Щепотьевъ.* Рабочіе на сахарн. заводѣ. *Рус. Мысль.* 1886, XIII. *Бирюковичъ.* Рабочіе на сахарн. заводѣ. *Рус. Мысль.* 1886, XIII. *Дементьевъ.* Сахар. произв. и націонал. трудъ. Экон. *Жур.*, 1886, д. XIX. *Тверитиновъ.* Наша каменноуголь. промышлен. *Рус. Мысль.* 1887, V и VII. *Янжуи.* Фабричн. рабочій въ среди. Россіи и царствѣ Польск. *Выст. Евр.* 1888, II. *Инкифорова.* Какъ живутъ рабочіе въ Волжско-Камск. краѣ. *Слово.* *Выст.* 1888, IV. *Руссовъ.* Донецкіе углекопы. *Выст. Евр.*, 1888, VI. *Дементьевъ.* Связь фабричн. раб. съ землед. Юр. *Выст.*, 1890, XI. *Радицъ.* Европ. пром. свеклов. сахара. Экон. *Жур.*, 1890, IX — X. *Ею же.* Хлопчатобум. пром. Россіи, Экон. *Жур.*, 1891, III—IV. *Святловскій.* Фабр. работа съ санитар. точкы зѣтнія. *Слово.* *Выст.*, 1891, IV. *Семевскій.* Очерки изъ исторіи быта рабочихъ на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. *Рус. Богат.*, начиная отъ декаб. 1892. *Тумскій.* Рабочіе на фабрикахъ и промыслахъ. *Рус. Мысль.* 1894, VI и VIII. *Семевскій.* Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ въ шестидесятыхъ годахъ. *Рус. Мысль.* 1894, X, XI и XII. *Барановскій.* Золотопромышленность въ восточной Сибири. *Выст. Евр.*, 1898, VII. *Покровская.* Петербургскіе рабочіе и ихъ, эконом. положеніе. *Выст. Евр.* 1899, III. Пособ. при ознакомл. съ русск. фабричи. законод. мог. служ. *Отчеты* фабр. инспекц., а также *Микулинъ.* Очерки изъ исторіи примѣн. закона 3 июня 1886 года о наймѣ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ Владимір. губер. 1893. *Литвиновъ-Фалинскій.* Фабричное законодательство и фабричная инспекція въ Россіи. 1900. *Ею же.* Новый законъ о вознагражденіи увѣчныхъ рабочихъ. 1904. Статьи: *Обнинскій.* Но-вый зак. обѣ організа. фабр. пайдора. Юрид. *Выст.* 1886, I, II, III, IV, XI и XII. Фабр. инспекція въ Россіи. Экон. *Жур.*, 1887, IV. *Озеровъ.* Фабричн. комитеты и коллективы, договоръ. *Рус. Мысль.* 1902, III. *З.* Практика и нужды русского фабричн. законодател. *Рус. Мысль.* 1903, XII. *Луши.* Раб. попрош. къ фабр. законодат. въ Россіи. *Рус. Богат.*, 1903, V. *Ратнеръ.* Оценк. отвѣтствен. предприн. за увѣчье и смерть рабоч. *Рус. Богат.* 1901, IX и XII.

I.

Обширность Россіи и разнообразіе ея частей въ отношеніи климата, почвы, густоты населенія, рынковъ сбыта и путей служатъ причинами различій въ способахъ веденія хозяйства. Укажемъ прежде всего на срединные черноземные губерніи. Ихъ отличаются: густое населеніе, избытокъ и крайняя дешевизна рабочихъ рукъ. А потому, крупные и средние хозяева этихъ губерній предпочитаютъ держать очень мало рабочаго скота, скучный запасъ земледѣльческихъ орудій и сдаватъ мѣстнымъ крестьянамъ землю подъ обработку. Заработка плата опредѣляется подсятинно. Простейшей формой отношеній между нанимателями и работниками служатъ денежныя ссуды со стороны первыхъ вторымъ еще осенью, когда крестьяне особенно нуждаются въ деньгахъ. Кредитъ обставляется со стороны заемщика обязательствомъ обработать въ пользу владѣльца столько-то десятины, за определенную плату, собственнымъ инвентаремъ. Крестьянина производить всѣ работы: пашть, сѣть, жнеть и свозить хлѣбъ въ амбаръ владѣльца. Въ этой полосѣ хозяева имѣютъ мало годовыхъ и даже поденныхъ сельскихъ рабочихъ. Наблюдение показываетъ, что работы исполняются небрежно и земля отличается очень малой производительностью. Но этотъ способъ потому благопріятенъ въ бытовомъ отношеніи, что работникъ живетъ въ своей семье и пользуется полной личной свободой.

Въ западной полосѣ — прибалтийскихъ, литовскихъ, привислинскихъ и юго-западныхъ губерніяхъ — хозяйство ведется, главнымъ образомъ, при помощи батрацкаго труда. Хозяевами принадлежитъ весь живой и мертвый инвентарь; рабочие нанимаются погодно, по полугодиямъ и поденино. Веденіе батрацкаго хозяйства облегчается темъ, что губерніи этой полосы, при довольно густотѣ населенія, имѣютъ большую массу безземельныхъ и бездомныхъ крестьянъ, поставляющихъ сельскимъ хозяевамъ рабочую силу.

Въ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ губерніяхъ лѣсоводство служитъ для землевладѣльцевъ главнымъ источникомъ доходовъ; сельское хозяйство ведется въ очень скромныхъ размѣрахъ. Со времени освобожденія крестьянъ среднія и крупные хозяйства этой полосы значительно сократили полеводство. Здѣсь рабочія руки сравнительно дороги, такъ какъ крестьяне занимаются разнообразными неземледѣльческими отхожими промыслами.

Въ южныхъ степныхъ губерніяхъ и на Нижнемъ Поволжьи средніе и крупные сельские хозяева оцѣниваютъ большой недостатокъ въ рабочихъ. Таковы, главнымъ образомъ, губерніи: Бессарабская, Херсонская, Таврическая, Екатеринославская,

Донская область, Самарская, Саратовская, Оренбургская и Кубанская. Рѣдкое населеніе этой области (отъ 11 душъ на 1 квадратную версту въ Ставропольской до 32 въ Екатеринославской губерніи) не позволяетъ влѣдѣльческимъ хозяйствамъ ни удовлетворить мѣстными силами потребность въ рабочихъ, ни раздать землю въ аренду, а плодородіе почвы, огромные урожаи въ благопріятное лѣто побуждаютъ обрабатывать очень большія площади земли. Запросъ хозяевъ удовлетворяется пришлыми рабочими, преимущественно, изъ черноземныхъ густонаселенныхъ губерній. Число губерній, которыхъ въ года въ годъ направляютъ свое населеніе на югъ и востокъ въ поиски за сельско - хозяйственными работами, достигаетъ 20; Нижегородская и Казанская губерніи образуютъ сѣверную границу полосы, населеніе которой правильно, изъ года въ годъ, передвигается въ южная губерніи для земледѣльческихъ работъ. Движеніе рабочихъ многотысячными массами представляется ненормальнымъ явленіемъ. Урожай въ нашихъ южныхъ и югоизточныхъ губерніяхъ не отличаются постоянствомъ. Въ концѣ апрѣля бродячие работники оставляютъ свои семьи, направляются на югъ и затрачиваются на дорогу послѣдніе гроши. Если выпадетъ урожайный годъ, то они могутъ найти работу за высокую плату. Но она рѣдко служить для работника источникомъ сбереженій на черный день. Жизнь вдали отъ семьи выбиваетъ людей изъ привычной колеи, нерѣдко заставляетъ ихъ предаваться сильному пьянству. Дѣвушки, принимающія участіе въ отхожихъ промыслахъ, часто привыкаютъ къ распутной жизни съ самыѣ юныхъ лѣтъ. Если лѣто неблагопріятно, если засуха уничтожила всѣ разсчеты на урожай, то голодные массы бродятъ по степямъ, переходятъ съ хутора на хуторь, ищутъ работать за одни харчи и возвращаются домой, питаясь милостыней.

Эти передвиженія рабочихъ приносятъ многомилліонныя потери всему народному хозяйству: какъ бы ни быть малъ расходъ каждого, участвующаго въ отхожихъ промыслахъ, онъ является въ народномъ хозяйстве мертвымъ грузомъ; его не было бы, еслибы весь этотъ людъ могъ отыскать работу вблизи отъ своей осѣдлости.—Въ нашей литературѣ неоднократно начертывались планы упорядоченія отхожаго промысла сельскихъ рабочихъ. Не разъ высказывалась мысль, что посредническія конторы, частныя общества и, особенно, земскія управы могли бы способствовать правильному распределенію всѣхъ этихъ рабочихъ между мѣстностями и хозяевами, которые нуждаются въ нихъ.

Всѣмъ известно, что именно въ сельскомъ хозяйстѣ разсчеты часто бываютъ ошибочны: благопріятная весна смѣняется сухимъ и знойнымъ лѣтомъ; позы, обещанныя обильный уро-

жай, опустошаются вредными насекомыми. Какъ бы ни была велика прозорливость земскихъ управъ или частныхъ посредническихъ конторъ, какъ бы ни были точны получаемые ими отвѣты, они никогда не въ правѣ утверждать, что, если въ концѣ апреля данная мѣстность нуждается въ 10,000 рабочихъ, то въ половинѣ юля потребность не упадетъ до 5,000 или не повысится до 15,000 людей. Допустимъ, однако, что данная мѣстность, дѣйствительно, будетъ нуждаться лишь въ такомъ числѣ рабочихъ, какое предусматривается еще съ самаго начала полевыхъ работъ; что обѣ этомъ публикуется во всеобщемъ свѣдѣніе, объявляется по волостнымъ правлениямъ и тѣмъ дѣлается извѣстнымъ для всѣхъ лицъ, желающихъ пойдти на заработокъ. Предположимъ съ тѣмъ чмѣсть, что желаютъ двинуться въ отходъ гораздо больше людей, нежели то число, которое можетъ найти себѣ работу. Какъ быть съ этими лишними 10, 20, 100 тысячами? Удерживать ихъ силой? Но кого, именно, изъ всей массы идущихъ на заработки? Совѣтовать, чтобы они оставались дома? Но на такой совѣтъ они съ полнымъ основаніемъ отвѣтятъ: „мы охотно останемся, если вы пріощите намъ здѣсь работу“. Бросить жребій? Всѣхъ *лишнихъ* будетъ настойчиво прослѣдовать такая мысль: „еслибы мы не пошли, то ушедшіе заработаютъ по 1 рублю въ день; а если мы пойдемъ, то за день больше 60 копѣекъ платить не станутъ; пойдемъ же и заработкаемъ по 60 копѣекъ день, такъ какъ дома останемся, пожалуй, совсѣмъ безъ хлѣба“. И эти лишніе пойдутъ и понизятъ для всей массы рабочую плату или же вовсе не найдутъ занятія.

Допустимъ, однако, что спросять на рабочихъ согласованъ съ предложеніемъ труда. Развѣ можно при такихъ условіяхъ считать ежегодное передвиженіе рабочихъ нормальнымъ? Развѣ нормально ставить человѣка въ зависимость отъ заработка, который обѣщаютъ ему за три-девять земель? Развѣ нормальна каждогодная потеря времени для передвиженія за 500, 1,000 верстъ въ поискахъ за работой? Развѣ, наконецъ, нормальны всѣ неудобства и лишнія, которыми пришлый людъ подвергается на мѣстѣ своей работы? По официальнымъ даннымъ, въ 1892 году 6,562,076 крестьянъ получили паспорты для отлучки съ мѣстожительства ¹⁾). Нѣть свѣдѣній, дабы изъ общей массы выдѣлить людей, отправляющихся на сельскія работы. Если даже ограничить ихъ число скромною цифрой въ два миллиона душъ, а расходъ каждого на передвиженіе въ оба конца только 15 рублями, то потери народного хозяйства опредѣляются въ 30 миллионовъ рублей деньгами, кромѣ миллионовъ рабочихъ дней, проводимыхъ передвигающимся людомъ въ дорогѣ.

Отходящій промыселъ сельскихъ рабочихъ рѣзко отличенъ отъ

иныхъ отхожихъ промысловъ. Каменщики, плотники, маляры, которыми переполнены селения Тверской, Ярославской, Костромской и другихъ губерній, имѣютъ своею специальностью такие промыслы, которыми они могутъ заниматься на своей родинѣ въ очень малыхъ размѣрахъ или же вовсе не могутъ заниматься: для плотниковъ еще есть кое-какая работа въ русскихъ деревняхъ (гдѣ почти каждый владѣетъ топоромъ), для каменщика или маляра часто вовсе нѣтъ работы. Еслибы такой каменщикъ или маляръ покинулъ свою родину и поселился въ деревнѣ же въ любомъ концѣ Россіи, положеніе дѣлъ осталось бы неизмѣннымъ: *въ города* онъ не могъ бы извлечь изъ своего промысла сколько-нибудь удовлетворительный заработка. Такимъ образомъ, самый характеръ этихъ занятій дѣлаетъ ихъ отжожими промыслами, устанавливаетъ тесную, неразрывную связь между городами и этими ремесленниками-поселенцами.

Иной принципъ лежитъ въ основаніи промысла тѣхъ крестьянъ, которые отправляются со своей родины на югъ для земледѣльческихъ работъ. Промыселъ, ради которого ониѣгаютъ многія сотни и тысячи верстъ, связанъ только съ деревней. Если они ищутъ мѣста для занятія промысломъ вдали отъ своего дома и семьи, то лишь потому, что на родинѣ ихъ крошечные надѣлы не даютъ достаточнаго дохода и даже въ теченіе лѣта не занимаютъ сполна ихъ рабочей силы. Единственno вѣрный и государственный способъ решенія задачи состоять въ томъ, чтобы навсегда передвинуть значительную часть всей этой массы сельскихъ рабочихъ въ тѣ мѣстности, куда направляются они посреди лѣта, для земледѣльческаго труда. Решеніе этой задачи относится къ области переселенческой политики.

Свѣдѣнія о платѣ сельскимъ рабочимъ за послѣднее 10-тилѣтіе прошлаго вѣка позволяютъ сдѣлать слѣдующіе выводы. Мы имѣемъ минимумъ годовой платы въ западныхъ и среднихъ губерніяхъ—отъ 35 рублей въ Волынской и 45 въ Гродненской до 60 въ Пермской, Вятской, Уфимской, Витебской и Черниговской. Средне-высокую плату находимъ въ нечерноземныхъ губерніяхъ, гдѣ фабрики, заводы, кустарные и отхожие промыслы отвлекаютъ отъ земледѣлія много рабочихъ рукъ: средняя годовая плата стоитъ на 85 рублей въ Костромской, Владимирской, Ярославской, Московской, Новгородской, Олонецкой и Эстляндской губерніяхъ. Высшую плату даютъ югъ и юго-востокъ (87 рублей въ Астраханской, 90 въ Донской, 104 въ Таврической). Такую плату получаетъ работники на продовольствіи панимателя; она стоитъ отъ 33½ до 65 рублей въ годъ. Однородную картину дастъ памъ и подсчеты платы. Во времена уборки хлѣбовъ работники получаютъ въ белорусскихъ,

литовскихъ и нѣкоторыхъ среднихъ черноземныхъ губерніяхъ, (Тамбовская, Пензенская, Казанская) отъ 45 до 60 копѣекъ, а въ южныхъ отъ 85—95 (Астраханская, Харьковская, Бессарабская), до $1\frac{1}{4}$ — $1\frac{1}{2}$ рублей (Донская, Херсонская, Таврическая). Работница получаетъ $\frac{3}{4}$ — $\frac{3}{4}$ платы мужчины. Въ губерніяхъ съ густымъ населеніемъ высшая заработка плата поднимается надъ средней не болѣе, чѣмъ на 5—10%. Въ южныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ поденная плата достигаетъ въ благопріятные годы 2— $2\frac{1}{2}$ —3 рублей, а въ отдельныхъ имѣніяхъ — даже 5 рублей, т.-е. поднимается на 200—300% выше средней. Можно установить то общее положеніе, что въ среднихъ губерніяхъ работникъ зарабатываетъ сумму, покрывающую 2 раза стоимость его продовольствія, а въ южныхъ — въ $2\frac{1}{2}$ —3 раза. Такой заработокъ долженъ быть признанъ недостаточнымъ: онъ позволяетъ мужу — работнику прокормить семью (по тому расчету, что продовольствіе жены и дѣтей стоитъ столько же, сколько мужа-работника, а плата равна двойной цѣнѣ продовольствія), но не даетъ остатковъ на покрытие другихъ потребностей.

II.

По даннымъ переписи 1897 года, общее число рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ, въ рудникахъ, на желѣзныхъ дорогахъ, въ строительномъ дѣлѣ и торговыхъ предпріятіяхъ достигаетъ 3.221.565 (мужчинъ 2.776.503—86,1%, женщинъ 445.062—13,9%). На обработку волокнистыхъ веществъ приходится 530.138, т. е. 16,5% общаго числа. Женскій трудъ представленъ всего больше въ обработкѣ волокнистыхъ веществъ (708 работницъ на 1,000 работниковъ) и въ изготошеніи одежды (270 на 1,000). Изъ общей массы работающихъ насчитывалось 167.627 дѣтей моложе 14 лѣтъ. Съ начала 80-хъ годовъ собрано довольно много свѣдѣній о бытѣ русскихъ рабочихъ.

Рабочій день отличается крайнею продолжительностью: преобладаетъ норма въ 12—14 часовъ; рѣдко работа длится 11 и 10 часовъ. Но есть промышленные заведенія (заводы фарфоровой посуды въ московскомъ фабричномъ округѣ, прадильни хлопка, шерсти и джута въ приволжскомъ), где рабочій день содержитъ 15—16 часовъ; рогожная мастерскія (въ московскомъ округѣ) и овчинно-щубная и синичечная за послѣднюю треть года (въ харьковскомъ) съ рабочимъ днемъ въ 18 часовъ. Г. Дементьевъ собралъ данные о числѣ рабочихъ часовъ на 259 фабрикахъ Московской губерніи, по сравненію съ Англіей и Сѣверной Америкой. Эти данные показываютъ, что русский рабочій поставляетъ гораздо большее количество труда, нежели англійскій и американскій. Если принять за 100 недѣльное число

рабочихъ часовъ въ Англіи, то оно будетъ равно 106—113 въ русскомъ химическомъ производствѣ, 116—136 въ ситценабивномъ, 129—141 въ бумагопрядильно-ткацкомъ, 141—146 въ чугунно-литейномъ и желѣзодѣлательномъ и 128—165 въ канатномъ. Сопоставление фабрикъ Московской губерніи съ американскими даетъ такие результаты: среди первыхъ насчитывается только 5,5%, где рабочій день состоитъ изъ 10 часовъ и менѣе, а въ Америкѣ число такихъ фабрикъ составляетъ 98%. Рабочій годъ содержитъ въ московскомъ округѣ 285 дней; кроме воскресеній, празднуется 27 дней (отъ 21 до 41 на отдѣльныхъ фабрикахъ); въ варшавскомъ округѣ, где празднуется, кроме воскресеній, только 15—21 дней, рабочій годъ содержитъ 292—298 дней. Если принять въ разсчетъ, что на англійскихъ фабрикахъ суббота является только полурабочимъ днемъ, то оказывается, что англійские фабричные работники имѣютъ больше праздничныхъ дней, нежели русскіе. Сравнивая фабрики относительно годового количества часовъ, мы получаемъ 3,484—3,588 часовъ для русскихъ фабрикъ, 3,070 для американскихъ и 2,810 для англійскихъ.

Свѣдѣнія о заработной платѣ обнимаютъ только небольшое число промышленныхъ заведеній, а потому и не позволяютъ сдѣлать общіе выводы. Въ московскомъ округѣ мѣсячная плата мужчинъ колеблется между 13 и 29 рублями, женщинъ 5—13, детей $3\frac{1}{2}$ —10. Въ привислянскихъ губерніяхъ мы находимъ плату работниковъ этихъ трехъ разрядовъ въ 9—28 рублей, 7—14 и 3—8; харьковскій округъ даетъ намъ такія величины: 8—22, 5—9 и 3—6. Высшая плата отмѣчена для машиностроительныхъ, гвоздильныхъ, стекольныхъ, водочныхъ заводовъ, а низшая—для сахароваренныхъ, лѣсопильныхъ, шерстопрядильныхъ, фарфоро-фаянсовыхъ. Жилища рабочихъ крайне неудовлетворительны. Изъ 174 заведеній, осмотрѣнныхъ около половины 80-хъ годовъ профессоромъ Янкуломъ въ Московской губерніи, только 38 имѣли для рабочихъ хорошия жилыя помѣщенія, какъ общія,—казармы, такъ и семейныя — каморки. На 10 фабрикахъ были общія спальни для всѣхъ рабочихъ. При большинствѣ заводовъ и фабрикъ вовсе не было особыхъ жилыхъ помѣщеній. Изслѣдованіе жилищъ въ варшавскомъ округѣ при сахароваренныхъ заводахъ обнаружило, что на 1 комнату приходится 5—8 душъ, на другихъ же заведеніяхъ — 3 до 6 жильцовъ. Въ жилыхъ помѣщеніяхъ при многихъ сахароваренныхъ заводахъ Сумскаго уѣзда Харьковской губерніи на душу приходится 0,94 кубическихъ саж. воздуха (0,50—1,63), а въ казармахъ (гдѣ помѣщаются безсемейные) при многихъ фабрикахъ Владимірской и Нижегородской губерній на жильца приходится только $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{10}$ куб. саж. Согласно же съ требованиями гигіиена должно быть до 2 саженъ. Вычисление бюджет-

жета расходовъ семьи работника для сахароваренныхъ заводовъ привислянскихъ губерній дало такие результаты. Семьи состоятъ изъ 4 душъ; имѣя готовую квартиру и отопленіе, она расходуетъ 243 р. 15 к. При такой затратѣ она можетъ расходовать молока на 21 к. въ недѣлю, мяса— $3\frac{1}{2}$ фунта, водки—на 20 коп. Семья находится въ благопріятныхъ условіяхъ и по размѣрамъ заработка, и по небольшому числу дѣтей. Другая семья, имѣющая почти средний заработокъ, состоитъ изъ 6 душъ (отецъ, мать и 4 малолѣтнихъ), т.-е. находится въ условіяхъ, гораздо болѣе тягостныхъ. Расходуя, при готовой квартирѣ и отопленіи, только $198\frac{3}{4}$ рублей въ годъ, она можетъ покупать еженедѣльно 2 ф. мяса и 1 ф. сала, а водку 2 раза въ годъ, всего на 40 копѣекъ. Низкая заработка платитъ значительную часть своей покупательной силы вслѣдствіе большой распространенности фабричныхъ лавокъ и высокихъ цѣнъ, по которымъ рабочий приобрѣтаетъ въ нихъ предметы потребленія. Въ отчетахъ фабричныхъ инспекторовъ мы находимъ сопоставленіе цѣнъ въ лавкахъ мелочныхъ торговцевъ и харчевыхъ лавкахъ при фабрикахъ: послѣднія продаютъ товары на 20—30—40% дороже, чѣмъ первыя. На основаніи изслѣдований о заработной платѣ, произведенныхъ въ концѣ 19-го вѣка по порученію конгресса Соединенныхъ Штатовъ, годовой доходъ семьи работника составляютъ: 3,920 франковъ въ Соединенныхъ Штатахъ, 2,599 въ Англіи, 2,423 во Франціи, 1,796 въ Бельгіи и 1,411 въ Германіи. Если опредѣлить для Россіи годовой доходъ семьи работника даже очень высокою цифрою—въ 300 рублей, то окажется, что въ 5 разъ меньше американской, въ $3\frac{1}{4}$ раза меньше англійской, въ 3 раза ниже французской. Цѣна главныхъ предметовъ потребленія въ Россіи несколько ниже, чѣмъ въ Западной Европѣ и Америкѣ (въ Англіи главные съѣстные припасы на 30—70% дороже, чѣмъ въ Россіи, а въ Америкѣ—или стоять въ одной цѣнѣ съ русскими, или дороже нашихъ только на 25—35%); но, все-таки, различіе въ вознагражденіи за трудъ чрезмѣрино велико. Благосостояніе американского работника особенно рѣзко бросается въ глаза, если мы противопоставимъ европейскимъ о жилищахъ нашихъ фабричныхъ работниковъ тотъ фактъ, что въ Сѣверной Америкѣ типичнымъ жилищемъ семьи работника считается квартира о 4—5 комнатахъ.

Скудное материальное обеспеченіе идетъ рука объ руку съ недостаточнымъ развитіемъ грамотности среди фабричныхъ рабочихъ. Отчеты фабричныхъ инспекторовъ содержать для половины 80-хъ годовъ такія свѣдѣнія о грамотности фабричного населения. Среди малолѣтнихъ рабочихъ грамотные составляли %: въ петербургскомъ фабричномъ округѣ 80,45, владимирскомъ—46,3, кіевскомъ—35,5, казанскомъ—26,7, виленскомъ—

22,28, харьковскомъ—19,4, воронежскомъ—16. На привисяческихъ фабрикахъ грамотные составляютъ 45% работниковъ, на лучшихъ московскихъ—31%. Развитію начального образованія обстоятельства неблагопріятны даже и на тѣхъ фабрикахъ, при которыхъ есть хорошо устроенные школы. Въ школѣ при одной обширной московской фабрикѣ обучалось въ 1884 году 145 дѣтей: изъ нихъ только 10 были рабочими въ той же фабрикѣ; остальные были совершенно стороннія лица. Въ другой фабричной школѣ учились дѣти преимущественно соѣдніхъ лавочниковъ и мѣщанъ. При одномъ химическомъ заводѣ въ Богородскомъ уѣздѣ Московской губерніи есть обширная школа, на содержаніе которой владѣльцы завода не жалѣютъ денегъ; однако, изъ 205 учениковъ и ученицъ только 5 работали на заводѣ. Столь познанітельная посещаемость фабричныхъ школъ дѣтьми, работающими на тѣхъ же фабрикахъ, объясняется долгимъ рабочимъ днемъ, который поглощаетъ всѣ силы малолѣтнихъ и не даетъ имъ ни времени, ни охоты посещать начальную школу. Отчетъ по московскому фабричному округу за 1882—83 годъ выдвигаетъ на видъ то обстоятельство, что малолѣтніе рабочіе даже тѣхъ фабрикъ, где хозяева даютъ полную возможность ежедневно оставлять работу на несколько часовъ и посещать школу, почти никогда не оканчиваютъ курса. На сотни учащихся фабричныхъ дѣтей едва 3—4 оканчиваютъ курсъ. Недостаточные успѣхи начального образованія среди фабричныхъ дѣтей должны быть приписаны, главнымъ образомъ, продолжительности фабричной работы.

Для посѣдніхъ лѣтъ нужно отмѣтить нѣсколько болѣе высокую плату и бѣльшее развитіе грамотности рабочихъ на самыхъ крупныхъ промышленныхъ заведеніяхъ.

Русское законодательство содержитъ рядъ положений о фабричныхъ и заводскихъ работникахъ. Въ положеніи о *наймѣ рабочихъ на фабрики и заводы* (3-го июня 1886 года), первоначально распространенному во всемъ объемѣ на 18 наиболѣе промышленныхъ губерній, воспрещается производить расплату съ рабочими, вместо денегъ, купонами, условными знаками, хлѣбомъ, товаромъ, воспрещается взимать съ рабочихъ плату за врачебную помощь, освѣщеніе мастерскихъ, пользованіе орудіями производства при работахъ для фабрики. Фабричное законодательство въ тѣсномъ смыслѣ ведетъ начало отъ закона 1-го июня 1882 года о малолѣтнихъ, работающихъ на фабрикахъ и заводахъ; этотъ законъ воспрещаетъ принимать для фабричной работы дѣтей, не достигшихъ 12 лѣтъ. Дѣти отъ 12 до 15 лѣтъ не должны работать болѣе 8 часовъ въ сутки, кроме времени на завтракъ, обѣдъ, посѣщеніе школы; рабочий день можетъ меняться между 5 часами утра и 9 вечера. Этотъ законъ

запретилъ работу малолѣтнихъ въ праздничные и высокоторжественные дни. На вышнюю администрацію было возложено составление списка производствъ, вредныхъ для здоровья, съ запрещеніемъ допускать малолѣтнихъ къ этимъ производствамъ (таковыхъ насчитывается до 40). Законъ обязалъ хозяевъ фабрикъ и заводовъ давать для посѣщенія школы не менѣе 3 часовъ въ день тѣмъ изъ малолѣтнихъ работниковъ, которые не имѣютъ свидѣтельства объ окончаніи курса, по крайней мѣрѣ, въ одноклассномъ народномъ училищѣ. Законъ 12-го іюня 1884 года о школьномъ обученіи малолѣтнихъ намѣчаетъ типы училищъ, которыя могутъ быть открываемы, и указываетъ источники, откуда могли бы быть доставляемы средства на открытие этихъ училищъ. Законъ 3-го іюня 1885 года, въ видѣ опыта, воспретилъ на 3 года женщинамъ и подросткамъ, не достигшимъ 17-лѣтняго возраста, ночную работу на хлопчатобумажныхъ, полотняныхъ и шерстяныхъ фабрикахъ. А законъ 24-го апрѣля 1890 года подтвердилъ это запрещеніе, сдѣлавъ изъ него много изъятій, а также внесъ перемѣны въ порядокъ работы малолѣтнихъ.

Для надзора за исполненіемъ фабричныхъ законовъ установленъ (1-го іюня 1882 года) фабричный инспекторатъ. Европейская Россія раздѣлена на 9 фабричныхъ округовъ: петербургскій, московскій, владимірскій, казанскій, воронежскій, харьковскій, кіевскій, віленскій и варшавскій. Каждымъ округомъ завѣдывали фабричный инспекторъ и состоявший при немъ помощникъ; первый былъ обязанъ жить въ главномъ городѣ округа, а второй—въ другомъ городѣ того же округа (например, инспекторъ петербургскаго округа живеть въ Петербургѣ, а его помощникъ—въ Ригѣ). Во главѣ всей инспекціи стоялъ главный фабричный инспекторъ. Всѣ эти должностные лица подчинены министерству финансовъ по департаменту мануфактуръ и торговли. Законъ вмѣнилъ инспекторамъ и ихъ помощникамъ въ обязанность осматривать фабрики и заводы, особенно тѣ, въ которыхъ работаютъ малолѣтніе; имѣя право производить осмотръ во всякое время дни и ночи, чинъ инспекціи обращаются къ содѣйствію полиціи, если встрѣчаются препятствія со стороны фабрикантовъ или ихъ управляющихъ. При осмотрѣ, они должны провѣрять возрастъ малолѣтнихъ рабочихъ, выяснять, не оказывается ли данное производство вредного вліянія на ихъ здоровье. Въ случаѣ нарушения закона со стороны хозяекъ, чинъ инспекціи обязанъ привлечь ихъ къ судебной ответственности. Фабричные инспектора обязаны также посѣщать школы, учрежденныя или приспособленныя для малолѣтнихъ. Не вмѣшиваясь въ преподаваніе, они должны доводить о замѣченныхъ недостаткахъ до снѣдѣнія учебнаго начальства. Закономъ 14 марта 1894 года

число фабричныхъ инспекторовъ доведено до 143, а въ 1903—до 258. Окружные фабричные инспектора переименованы въ старшихъ фабричныхъ инспекторовъ и распределены по губерніямъ, въ которыхъ действуетъ законъ 3 июня 1886 года. Помощники же фабричныхъ инспекторовъ переименованы въ фабричныхъ инспекторовъ. Сверхъ обязанностей, которыхъ лежали на нихъ раньше, имъ поручено производить освидѣтельствованіе паровыхъ котловъ. Вместо упраздненной должности главнаго фабричнаго инспектора, назначены три должности фабричныхъ ревизоровъ. Губернскія по фабричнымъ дѣламъ присутствія имѣютъ своимъ предсѣдателемъ губернатора, а членами — представителей отъ разныхъ правительственныхъ вѣдомствъ, а также отъ соображенійныхъ учрежденій по части торговли и промышленности или отъ местныхъ фабрикантовъ и заводчиковъ; присутствіи обязаны издавать постановленія о мѣрахъ, которымъ должны быть соблюдаемы для охраненія жизни, здоровья и нравственности рабочихъ во время работы, решать дѣла о некоторыхъ нарушеніяхъ закона со стороны хозяевъ, разматривать жалобы на распоряженіе чиновъ фабричной инспекціи и отмѣнять эти распоряженія, когда того требуютъ обстоятельства дѣла. 7 июня 1899 года учреждено главное по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствіе.

Положивъ начало охранѣ фабричныхъ работниковъ, наше законодательство сдѣлало значительный шагъ впередъ. Но сравненіе русскихъ фабричныхъ законовъ съ западно-европейскими показываетъ, что намъ нужно очень много, дабы достигнуть уровня, на которомъ стоять государства Западной Европы. Рабочій день мужчинъ первоначально не былъ подвергнут ограниченію со стороны закона³⁾; есть известныхъ фабричныхъ законамъ Запада предписаній, охраняющихъ женщинъ въ послѣднія недѣли беременности и первыя —послѣ родовъ. Запрещеніе ночного труда женщинъ и подростковъ ограничивается только немногими производствами. Въ Западной Европѣ фабричное законодательство даетъ намъ картину непрерывнаго движения впередъ. У насъ же законъ 24 апреля 1890 года установилъ для женщинъ, подростковъ и малолѣтнихъ менѣе благопріятныя условія, нежели тѣ, которыя были созданы законами 1882 и 85 годовъ. Мы относимъ сюда многочисленная изъятія изъ запрещенія ночного труда женщинъ и подростковъ. Законъ 24 апреля разрѣшаетъ этимъ лицамъ ночную работу въ „особо уважительныхъ случаяхъ“. Такими „особо уважительными“ случаями, когда присутствія по фабричнымъ дѣламъ, а тамъ где ихъ нѣтъ, губернатора могутъ разрѣшать женшинамъ и подросткамъ ночную работу, служатъ: продолжительная, вызванная несчастіемъ, остановка работы на фабрикѣ и усиленное поступление заказовъ передъ ярмарками;

ночная работа разрешается этимъ лицамъ и тогда, когда женщины и подростки работаютъ ночью совмѣстно съ главами своихъ семей. Установленные изыятія даютъ такой широкий просторъ для занятія женщинъ и подростковъ, что изъ нихъ только незначительное меньшинство можетъ находиться въ условіяхъ, когда, согласно съ буквой закона, имъ не должна быть разрешаема nocturnal work. Въ крупныхъ фабрічныхъ центратахъ жены и дочери обыкновенно работаютъ совмѣстно съ главами семей; изыятіе, подъ предлогомъ усиленныхъ заказовъ, можетъ распространяться на большую часть года: если фабріка производить товары для нижегородской ярмарки и самыхъ большихъ ярмарокъ южной Россіи, то время усиленныхъ заказовъ можетъ наступать 5—8 разъ въ году, и nocturnal work будетъ разрешаема съ небольшими перерывами въ теченіе почти цѣлаго года. Отмѣтимъ также неблагопріятное измѣненіе, которое вводить законъ 1890 года для тѣхъ фабрікъ и заводовъ, где примѣняется непрерывная 18-ти часовая дневная работа двумя сменами: въ такихъ заведеніяхъ малолѣтніе могутъ быть занятыми работою уже не 8 часовъ въ сутки, какъ по закону 1882 года, а 9 часовъ; ночное же время для подростковъ и женщинъ исчисляется не отъ 9 часовъ вечера и до 5 утра, какъ раньше, а отъ 10 до 4 утра. Такимъ образомъ, дозволенный рабочій день удлиняется на 1 часъ для малолѣтнихъ и на 2 часа для женщинъ и подростковъ.

Законъ 8 июня 1893 года, дополняя правила обѣя отношеніяхъ панимателей и рабочихъ, является дальнѣйшимъ и весьма значительнымъ шагомъ назадъ. Редакція 109 статьи измѣнена ютъ несгоды для рабочаго. Прежде договоръ найма прекращался въ томъ случаѣ, если, вслѣдствіе пожара, наводненія, взрыва паровика и иныхъ, тому подобныхъ несчастныхъ случаевъ, работа простоянливалась „на продолжительное время“. Новая редакція говоритъ о прекращеніи договора, если, вслѣдствіе несчастного случая, „работа простоянена въ теченіе болѣе семи дней“. Законъ, не давая определенныхъ указаний относительно срока, на который прежде должна была быть простоянена работа, дабы договоръ между сторонами потерялъ силу, очевидно, имѣлъ въ виду срокъ болѣе продолжительный, нежели 7 дней. Добавимъ, что статья 109 въ новой редакціи стоитъ въ противорѣчіи сама съ собою. Пожаръ, наводненіе, взрывъ паровика причиняютъ такое разстройство фабрічнымъ зданіямъ, что не можетъ быть и рѣчи обѣ исправлении ихъ даже въ одинъ мѣсяцъ, не говоря уже о недѣльномъ срокѣ. Ст. 109 въ старой редакціи подразумѣвала, говоря о несчастныхъ случаяхъ, такие размѣры пожаровъ, наводненій, взрывовъ паровиковъ, которые дѣлаютъ работу невозможной на долгое время, причиняютъ владѣльцю большие убытки, а

потому и оправдывают прекращение его договора съ рабочими. Эта статья въ новой редакціи вовсе не должна бы говорить о несчастныхъ случаяхъ, разъ они вызываютъ такую простоянку работы, которая только немногимъ превышаетъ 7-ми дневный срокъ: если работа будетъ возобновлена чрезъ 8—9 дней послѣ одной изъ поименованныхъ бѣдъ, то мы будемъ имѣть дѣло съ пожаромъ, который ограничивается небольшою частью фабричного зданія, съ наводненiemъ, которое не идетъ дальше небольшаго размыва фабричной плотины. Новая редакція статьи можетъ ухудшить положеніе работника: если рабочая плата имѣть наклонность понижаться, то владѣльцы фабрикъ будутъ пользоваться, какъ предлогомъ, даже самыми незначительными пожарами и весенними разливами, дабы, остановивъ фабрику на 8 дней для поправокъ, уничтожить договоръ съ рабочими, а затѣмъ паниять ихъ за болѣе дешевую плату. Въ 110 статьѣ мы также находимъ несуществовавшій прежде (теперь 2-й) пунктъ, крайне тяжелый для рабочихъ: договоръ найма можетъ быть расторгнутъ завѣдующимъ фабрикою или заводомъ „вслѣдствіе неявки рабочаго на работу болѣе двухъ недѣль сряду по уважительнымъ причинамъ“. Вникнемъ въ факты, подходящіе подъ понятіе объ „уважительныхъ причинахъ“, подумаемъ, что причиною неявки можетъ быть тяжкая болѣзнь, смерть жены или дѣтей на сторонѣ, вызвавшая продолжительную отлучку, пожаръ, разоривший хозяйство фабричного работника, вспомнимъ, что государство позволяетъ чиновнику хворать иѣсколько мѣсяцевъ, не заводя и рѣчи объ увольненіи его отъ службы, и мы скажемъ, что статья 110, въ своей новой редакціи, относится къ фабричнымъ работникамъ слишкомъ сурово. Новая редакція 145 статьи точнѣе опредѣляетъ наказанія, которымъ рабочий подвергается за прогулъ. Прежде взысканіе за прогулъ не должно было превышать трехдневную плату рабочаго, причемъ не было указанъ періодъ времени, въ теченіе которого завѣдующій фабрикой имѣть право устанавливать взысканіе за прогулъ въ этихъ размѣрахъ; буквальный смыслъ 145 статьи въ прежней редакціи не исключалъ возможности налагать такое взысканіе хотя бы 2 раза въ недѣлю, если рабочій 2 раза въ недѣлю былъ виновенъ въ прогулѣ. Новые правила опредѣляютъ сумму, не превышающую шестидневной платы, какъ вышеї размѣры взысканія въ теченіе одного мѣсяца. Однако, новая редакція 145 статьи только вѣнчаетъ образомъ умѣряетъ взысканія, которымъ рабочіе могутъ подвергаться за прогулъ: кто часто пренебрѣгть этимъ, тотъ обыкновенно предается пьянству, ибо другія обстоятельства не могутъ быть причинами частыхъ прогулокъ. Администрація благоустроенной фабрики восползаетъ 110 статьей, которая разрѣшаетъ завѣдующему фабрикой расторг-

гнуть договоръ найма, если работникъ не явился „на работу болѣе трехъ дней сряду или въ сложности болѣе шести дней въ мѣсяцъ безъ уважительныхъ причинъ“: предпочтутъ разсчитать такого работника, а не штрафовать за частые прогулы. Но эта статья оказываетъ услугу тѣмъ завѣдующимъ фабриками, которые не въ мѣру придирчивы и взыскательны: она не запрещаетъ имъ налагать на прогулившихъ рабочихъ высшую степень штрафа, даже за 1—2 прогулочныхъ дня, хотя бы обстоятельства, вызвавшія прогулъ, и не оправдывали такого строгаго наказанія. Излишня также добавка къ 146 статьѣ: согласно ей прежнею редакціей, она перечисляла въ 7 пунктахъ провинности работника, которая позволяютъ налагать на него штрафъ; эти пункты предусматриваются и несвоевременную явку на работу, и несоблюденіе охранности, и нарушеніе правилъ объ осторожномъ обращеніи съ огнемъ, и приходъ на работу въ пьяномъ видѣ, и устройство недозволенныхъ игръ, какъ пропинности, наказываемыя денежною ценой. Теперь къ этому приобщенъ 8-й пунктъ: „несоблюденіе правилъ внутренняго на фабрикахъ распорядка“. Семь пунктовъ такъ подробно перечисляются всѣ, возможныя со стороны рабочаго, нарушенія „правилъ внутренняго распорядка“, что это добавленіе совершенно излишне и можетъ дать только новый предлогъ для придирокъ со стороны завѣдующихъ фабриками. Новые правила, дабы сдѣлать взысканія еще болѣе чувствительными для рабочихъ, дополняютъ 143 статью устава о промышленности примѣчаніемъ, согласно ей которымъ работникъ подвергается за неисправную работу взысканію, налагаемому завѣдывающими фабрикой, и, сверхъ того, можетъ быть въ судебномъ порядке приговоренъ къ уплатѣ вознагражденія за убытокъ, причиненный фабриканту. Мы находимъ невыгоднымъ для рабочихъ и примѣчаніе 2 къ 110 статьѣ. Оно предоставляетъ рабочему, уволенному съ фабрики или завода на основаніи 110 статьи, право обжаловать расторженіе договора суду въ теченіе 1 мѣсяца. Мѣсячный срокъ установленъ только новыми правилами; примѣчаніе къ 110 статьѣ въ прежней редакціи ничего не говоритъ о срокѣ, въ теченіе котораго рабочій можетъ жаловаться суду. Мѣсячный срокъ слишкомъ кратокъ: очень многихъ условія домашней жизни, вмѣстѣ съ малограмотностью рабочаго и его робостью передъ присутственными мѣстами, могутъ заставить его откладывать съ подачею жалобы; часто присутствиемъ этому можетъ служить и неимѣніе денегъ, которыхъ нужно заплатить за составленіе и написаніе жалобы. Установленіе болѣе продолжительного срока, облегчая работника, не связано съ невыгодами для нанимателей: рабочій, вызвавшій расторженіе договора своимъ дурнымъ поведеніемъ, только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ подастъ жалобу. Но бо-

льше долгий срокъ облегчили бы защиту правъ тѣмъ работницамъ, которые досрочно уволены съ фабрики безъ достаточнаго къ тому основаній. Новые правила смягчаютъ кару, которую статья 1359² уложенія о наказаніяхъ (по продолж. 1890 года) угрожала завѣдующимъ фабриками и заводами, если они своими незаконными дѣйствіями (расплатой, вмѣсто денегъ, товарами, условными знаками, досрочнымъ самовольнымъ понижениемъ платы) вызвали стачку рабочихъ, прекращенную чрезвычайными мѣрами: прежде они подлежали за это аресту до 3 мѣсяцевъ и могли быть павсегда лишены права завѣдывать фабриками или заводами; теперь же это право можетъ быть отнято у нихъ не болѣе, какъ на два года. Лишеніе на два года права завѣдывать фабрикой представляется серьезнымъ наказаніемъ. Но не забудемъ, что стачки рабочихъ, побуждающія принимать чрезвычайныя мѣры, обращаться къ военной силѣ, даютъ въ результатѣ раненыхъ и убитыхъ; категорія работы для главныхъ виновниковъ беспорядка служить причиной окончательного разоренія для многихъ участниковъ. Если мы сопоставимъ степень вины этихъ людей съ виновностью завѣдующаго, который вызвалъ беспорядки своимъ незаконнымъ и часто безчеловѣчнымъ образомъ дѣйствій, то предпочтетъ не новую, а прежнюю редакцію ст. 1359³: вина завѣдующаго фабрикой можетъ быть иногда такъ велика, а послѣдствія беспорядковъ такъ тяжки, что можно оправдать отнятіе у него права когда-либо впредь завѣдывать фабрикой или заводомъ.

Слѣдуетъ указать и на другой пробѣлъ въ законѣ—необеспеченность обучения малолѣтнихъ рабочихъ. Хотя на фабричныхъ инспекторовъ возлагается наблюденіе за преподаваніемъ въ школахъ, которая предназначена для фабричныхъ дѣтей, хотя этому предмету посвящено особое положеніе, однако, не созданы нормы, способныя обеспечить успѣхъ дѣла. Обеспеченіемъ было бы повсемѣстное открытие школъ для фабричныхъ дѣтей. Но законъ не вмѣняетъ этого хозяевамъ фабрикъ въ обязанность: онъ только „представляетъ имъ открывать“ школы. Если при фабрикѣ нѣть школы, то фабричная инспекція входитъ въ соглашеніе съ мѣстнымъ учебнымъ начальствомъ относительно того, чтобы въ ближайшихъ народныхъ училицахъ преподаваніе было приспособлено для фабричныхъ дѣтей (главнымъ образомъ, относительно времени классныхъ занятій). Если нельзѧ достигнуть соглашенія, то фабричная инспекція должна приглашать мѣстное учебное начальство устроить для фабричныхъ дѣтей особая школы и для этой цѣли входитъ въ сношеніе „съ земствами, городскими или сельскими обществами, церковно-приходскими попечительствами и тѣми частными лицами, отъ которыхъ возможно ожидать содействія“

дѣлу начального образования". Статьи закона перечисляютъ лица и учреждения, къ которымъ инспекція и мѣстное учебное начальство должны обращаться съ ходатайствами обь устройствѣ для фабричныхъ дѣтей новыхъ школъ или о приспособлѣніи существующихъ; но законъ никому не вмѣняетъ въ обязанность устраивать школы этого рода. Много пожеланій, но нѣть ни одного предписанія.—Наши фабричные законы имѣли прежде и ту слабую сторону, что было крайне ограничено число лицъ фабричной инспекціи: 34 на всю Европейскую Россію. На каждого чина фабричной инспекціи приходилось отъ 1.112 до 1.465 фабрикъ и заводовъ, кроме мелкихъ заведеній; при нашемъ бездорожїи одно лицо не могло осмотрѣть болыше 200—240 заведеній въ годъ. Законъ 24 апреля 1890 года предписываетъ распространить дѣйствія правилъ о работѣ и обученіи малолѣтнихъ также и на ремесленныя заведенія, въ которыхъ будуть признано полезнымъ примѣненіе этихъ правилъ. Это постановленіе закона остается мертвою буквой уже потому, что фабричные инспектора не успѣваютъ внимательно присматриваться даже къ крупному производству. Съ увеличеніемъ числа фабричныхъ инспекторовъ дѣйствительный надзоръ за исполненіемъ фабричныхъ законовъ представляется болыше обезпеченнѣемъ, нежели то было до настоящаго времени ^{4).}.

Закономъ 2 июня и правилами министра финансовъ 20 сентября 1897 года высшая длина рабочаго дня определена въ 11½ часовъ въ сутки, а по субботамъ и наканунѣ двунадесятыхъ праздниковъ — въ 10 часовъ. Если рабочіе хотя отчасти заняты ночью, то ихъ рабочее время не должно превышать 10 часовъ въ сутки. При 18-часовой работѣ заведенія двумя сменами, число рабочихъ часовъ въ сутки можетъ быть увеличиваемо до 12 съ тѣмъ, чтобы въ среднемъ, по разсчету за 2 недѣли, рабочее время для каждого работника не превышало 9 часовъ въ сутки. Для рабочихъ, занятыхъ непрерывнымъ трудомъ, допускаются отступленія отъ этихъ нормъ; но общее число рабочихъ часовъ въ теченіе двухъ послѣдовательныхъ сутокъ не должно превосходить двадцати четырехъ.

Постановленія этого закона ослабляются двумя министерскими распоряженіями. 14 марта 1898 года министерство финансовъ разрешило завѣдующимъ фабриками, независимо отъ договора найма, вступать въ соглашеніе съ работниками о производствѣ работъ по воскресеньямъ. Второе распоряженіе того же министерства (отъ 2 июня 1903 года) имѣть своимъ предметомъ производство необязательныхъ сверхурочныхъ работъ. Когда онѣ поручаются всѣмъ рабочимъ заведенія или значительному ихъ числу, то могутъ быть допущены съ разрѣшениемъ присутствія по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ, и то

лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Если же сверхурочныя занятія поручаются отдѣльнымъ работникамъ или незначительному числу, то завѣдующій фабрикой можетъ приступитьъ къ исполненію такихъ работъ безотлагательно, подъ условіемъ немедленного увѣдомленія о томъ фабричного инспектора. Первое распоряженіе, при низкой заработной платѣ въ Россіи, облегчаетъ заключеніе договоровъ о работѣ по воскресеньямъ. Увеличивая доходъ работниковъ, воскресный трудъ можетъ въ конечномъ итогѣ понижать плату: если при воскресномъ досугѣ работникъ имѣеть 300 рублей въ годъ, то годовая плата въ 75 рублей за воскресный трудъ можетъ безъ замѣтнаго материальнаго ущерба для работника уменьшить первую цифру до 275 рублей, т. е., обезщѣнить его нормальный трудъ, тотъ, которому онъ посвящаетъ себя въ будни. Годовой доходъ семьи, вслѣдствіе воскресной работы, возрастетъ на 50 рублей; но это будетъ куплено дорогой цѣной: потерю досуга, столь важнаго работнику для тѣлеснаго отдыха и самообразованія. Второе распоряженіе употребляется терминъ „незначительное“ число рабочихъ; это можетъ получить очень широкое толкованіе: всегда можно настаивать на томъ, что 20—25% общаго числа работающихъ являются только незначительной частью цѣлаго; а въ самыхъ крупныхъ заведеніяхъ это составляетъ 200—300—500 людей и больше.

Мы считаемъ не цѣлесообразнымъ и то распоряженіе, которое предоставляетъ исключительно старшимъ фабричнымъ инспекторамъ право приглашать къ себѣ для личныхъ объясненій, владѣльцевъ промышленныхъ заведеній, служащихъ и рабочихъ. Старшій инспекторъ можетъ передать это право участковымъ только „въ особо важныхъ случаяхъ“. Нельзя признавать таковыми только какія-либо опредѣленные события въ жизни промышленного заведенія; нельзя измѣрять степень важности случившагося только числомъ лицъ — абсолютнымъ или относительнымъ, — которыхъ оно затрагиваетъ. Дѣйствіе или распоряженіе завѣдующаго фабрикой можетъ касаться только $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{20}$ общаго числа работающихъ и, въ то же время, имѣть большое принципіальное значеніе. Такимъ образомъ, разъ навсегда нельзя решить, что „считать особо важнымъ“. А жизнь не ждетъ. Старшій фабричный инспекторъ живетъ въ одномъ изъ городовъ обширнаго округа, обнимающаго 6—8 губерній. Участковый инспекторъ можетъ быть въ ближайшемъ содѣствѣ отъ промышленного заведенія, на которомъ и случилось, что-либо, дѣлающее весьма желательнымъ, и при томъ немедленно, личное объясненіе чиновъ инспекціи съ завѣдующимъ фабрикой или работниками. И вотъ, вместо того, чтобы вступить въ объясненіе, тутъ же раскрыть причину обнаружившагося недовольства, подать соѣтъ, участковый инспек-

торъ долженъ сноситься со старшимъ, ждать его прѣзда или порученія переговорить у себя на дому съ хозяиномъ фабрики, надемотриками, рабочими. На сношенія между чинами инспекціи незамѣтно уйдетъ день— другой— третій, а тѣмъ временемъ обстоятельства, вызвавшія эти сношенія, могутъ принять такой видъ, что участіе фабричного инспектора будетъ уже запоздалымъ. Мы полагаемъ поэтому, что участковый инспекторъ, какъ и старшій, долженъ имѣть право приглашать къ себѣ хозяевъ, завѣдующихъ отдѣльными частями, и рабочихъ, когда и въ томъ представится надобность.

Совѣщаніе по рабочему вопросу, созванное при министерствѣ торговли въ концѣ 1906 года, высказалось за дальнѣйшее ограниченіе рабочаго времени малолѣтнихъ. Намѣреніе ограничить рабочее время взрослыхъ мужчинъ встрѣтило сильную оппозицію; только меньшинство членовъ стояло за $10\frac{1}{2}$ часовъ, какъ высшую продолжительность рабочаго дня мужчинъ.

15 ноября 1906 года изданъ законъ, объ отдыхѣ служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ, складахъ, конторахъ, мастерскихъ, ремесленниковъ. Рабочій день ограниченъ 12-ю часами (включая 2 часа на принятіе пищи), а трактиры, распивочные, чайные могутъ быть открыты 15 часовъ. Въ исключительные дни, передъ большими праздниками, при открытии и закрытии навигаціи, во время ярмарокъ, заведенія могутъ быть открыты и дольше, но число такихъ дней должно быть не больше 40 въ годъ. За сверхурочныя работы должна быть назначаема особая плата. Работающіе во всѣхъ такихъ заведеніяхъ, если не достигли 17 лѣтъ, должны быть освобождаемы на 3 часа ежедневно для посещенія школы.

Страхование въ Россіи извѣстно только отдѣльнымъ группамъ промышленныхъ предпріатій. Работники страхуются отъ несчастныхъ случаевъ и въ коммерческихъ обществахъ и въ обществахъ взаимнаго страхованія, которыми учреждены самими промышленниками въ Ригѣ, Одессѣ, Иваново-Вознесенскѣ. Законы 15 мая 1901 года и 2 июня 1903 года будуть способствовать дальнѣйшему развитію этого дѣла.

Первый законъ распространяется на рабочихъ казенныхъ горныхъ заводовъ и рудниковъ. Согласно съ его предписаніями рабочіе, которые утратили способность къ труду на заводѣ или въ рудникахъ отъ увѣчья или другихъ поврежденій здоровья, полученныхыхъ во время или вслѣдствіе работъ, получаютъ пенсию изъ казны. Въ случаѣ смерти потерпѣвшихъ рабочихъ пенсія выдается ихъ семействамъ; размѣръ пенсіи сообразованъ со среднимъ годовымъ окладомъ жалованья пострадавшихъ. Если за увѣчью или болѣзнью слѣдуетъ полная неспособность къ труду, то пенсія опредѣляется въ размѣрѣ $\frac{2}{3}$ оклада жалованья.

Законъ 2 юна 1903 г. устанавливаетъ ответственность предпринимателей фабрично-заводской, горной и горно-заводской промышленности. Если работникъ, безъ различія пола и возраста болѣе, чѣмъ на 3 дни, утратилъ способность къ труду вслѣдствіе тѣлеснаго поврежденія при работе, то хозяинъ обязанъ вознаградить его. Если за несчастнымъ случаемъ послѣдовала смерть работника, то правомъ на вознагражденіе пользуются члены его семьи. Владѣлецъ предпріятія освобождается отъ обязанности вознаграждать рабочихъ и членовъ ихъ семействъ, только доказавъ, что причиной несчастья былъ злой умыселъ потерпѣвшаго или грубая неосторожность, которая не оправдывалась условіями производимой работы. Признавая недѣйствительными всѣ соглашенія, которыхъ предшествовали несчастному случаю и клонились къ ограниченію права работника, законъ создаетъ 2 формы вознагражденія: пособія и пенсіи.

Первые назначаются отъ дня несчастья по день восстановленія трудоспособности, вторые же—въ случаѣ потери трудоспособности навсегда. Если работникъ совсѣмъ утратилъ способность къ труду, то пенсія устанавливается въ размѣрѣ $\frac{2}{3}$ годового содержанія. Независимо отъ пособія или пенсіи, хозяинъ обязанъ возмѣстить потерпѣвшему расходы на лѣченіе. Если за несчастнымъ случаемъ послѣдовала смерть работника, то члены семейства получаютъ отъ хозяина пособіе на похороны и пенсію. На пенсію имѣютъ право вдовы, дѣти—законные и внѣбрачные,—а также родственники по восходящей линіи, братья и сестры, если они были на изѣдиненіи умершаго. Всѣми этими правами пользуются также техники, мастера, управляющіе предпріятіями, если ихъ годовое содержаніе не превышаетъ 1500 рублей. Законъ распространяетъ эти правила и на предпріятія земствъ и городовъ.

Отмѣтимъ также проектъ страхованія рабочихъ, составленный въ 1905 году. Онъ имѣеть въ виду обеспеченіе работниковъ при несчастныхъ случаяхъ, въ болѣзни и съ наступленіемъ старости. Всѣми этимъ дѣломъ завѣдуется главное управление въ составѣ министерства финансовъ при содѣйствіи мѣстныхъ чиновъ фабричной инспекціи. 1) Для страхованія на случай болѣзни учреждается вспомогательная касса при каждомъ предпріятіи, где больше 50 работниковъ; въ ней должны участвовать всѣ работники съ годовой платой не выше 1500 рублей. Капиталъ кассы образуется изъ взносовъ участниковъ (отъ 1 до 3% ихъ заработка); хозяинъ вносить сумму, равную суммѣ ихъ взносовъ. Изъ кассы выдаются пособія во время болѣзни участниковъ, на погребеніе, работницамъ—по случаю родовъ. 2) Для страхованія работниковъ отъ несчастныхъ случаевъ хозяева соединяются въ страховую товарищество. 3) Для обеспеченія работниковъ на случай старости и нетрудоспособ-

ности образуются государственные кассы. Въ нихъ участвуютъ работники и служащіе промышленныхъ предпріятій. Участники взносятъ 3% своего содержанія; хозяева—сумму, равную суммѣ, взнесенной участниками. Сверхъ того, съ каждого участника, при его зачислении, взимается единовременно 50 копѣекъ; столько же взносится за каждого его хозяинъ. Право на пенсію приобрѣтается участникомъ кассы по достижениіи 55 лѣтъ или потерей навсегда не менѣе, чѣмъ $\frac{2}{3}$ трудоспособности.

Этотъ проектъ еще не получилъ дальнѣйшаго движенія; только для промышленныхъ и техническихъ заведеній министерства финансовъ рѣшено (въ концѣ 1906 года) выдавать потерпѣвшимъ рабочимъ вознагражденіе въ размѣрѣ половины ихъ заработка.

III.

Въ 1905—6 годахъ, посредствомъ забастовокъ, русскіе работники сдѣлали крупныя завоеванія. Многіе добились 10-часового рабочаго дня. Онъ былъ введенъ въ портахъ и всѣхъ заводахъ морскаго вѣдомства, въ большей части фабрикъ и заводовъ Лодзи, Ревеля, Риги, Харькова, Сосновицъ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ. Девятичасовой день установленъ въ портовыхъ мастерскихъ морскаго вѣдомства, въ желѣзнодорожныхъ, во многихъ мастерскихъ военнаго вѣдомства, въ большей части фабрикъ и заводовъ Варшавы. Мѣстами введенъ даже 8—часовой день: въ нѣкоторыхъ типографіяхъ и сахароваренныхъ заводахъ Кіевской губерніи. Заработная плата увеличилась почти повсемѣстно на 7—15%.

Тотъ фактъ, что за послѣдніе годы русскіе хозяева легко увеличивали плату даже послѣ непродолжительныхъ стачекъ, свидѣтельствуетъ о вѣскомъ вознагражденіи рабочихъ въ русской промышленности. Стоило забастовкѣ длиться 6—7 дней, и хозяева торопились согласиться на требованія работниковъ относительно повышенія платы. И впредь, при благопріятномъ теченіи хозяйственной жизни, забастовки несомнѣнно будутъ помогать работникамъ въ дѣлѣ возвышенія платы. Но, конечно, здѣсь есть границы. Въ мелкихъ и среднихъ промышленныхъ заведеніяхъ издержки производства такъ велики, что для повышенія платы часто не представляется возможности. Очень крупное единовременное повышеніе платы, большую частію, невозможно и всегда мало вѣроятно и въ самыхъ обширныхъ предпріятіяхъ, которыхъ снабжены отличными машинами. Въ 1905 году работники одной очень большой русской фабрики, требовали такого повышенія платы, что прибавка составила бы въ 3 раза больше, чѣмъ средняя годовая прибыль послѣднихъ лѣтъ. Это не могло быть исполнено. Наиѣрное, хозяева

фабрики откажутъ бы работникамъ и въ томъ случаѣ, если бы прибавка къ суммѣ платы составила $\frac{3}{4}$ средней годовой прибыли. При самомъ началѣ каждой забастовки, предпринимаемой для повышенія платы, нужно выдвигать такія желанія, которыя могутъ быть исполнены. Лучше предъявлять почаще утвержденныя требования, нежели изрѣдка—очень крупныя. Требование рабочихъ о повышеніи платы на 40% не увѣничается успѣхомъ ни въ одной отрасли производства, взятой въ цѣломъ, и почти ни въ одномъ предпрѣятіи. Но можно быть увѣреннымъ что забастовщики, требуя увеличенія платы на 10% каждые 2 года, почти всегда достигнутъ цѣли.

Какими же шансами располагаетъ русскій пролетаріатъ для достижениія 8 часового рабочаго дня? Какъ лозунгъ, такое требование не только нормально, но и необходимо. Сутки естественно распадаются на 3 равныя части: 8 часовъ отдаются работѣ, которая составляетъ главное призваніе человѣка, 8 часовъ—сну, и 8—разнымъ другимъ отправленіямъ, обязанностямъ, занятіямъ и развлечениямъ. Наука о здоровьѣ считаетъ такое дѣленіе правильнымъ. Руководствуясь имъ, люди обезпечившихъ классовъ могутъ поддерживать въ своей жизни полную гармонію. Разъ они работаютъ 8 часовъ ежедневно, то могутъ сдѣлать очень много, каковъ бы ни былъ трудъ—научный, литературный, медицинскій, служебный, трудъ по наблюдению за торговымъ и промышленнымъ предпрѣятіемъ, дѣла благотворенія и т. д. Разъ они не страдаютъ безсонницей, то за 8 часовъ, проводимыхъ въ постели, могутъ отлично возстановлять свои силы. А послѣднихъ 8 часовъ съ избыткомъ достаетъ на то, чтобы, неторопясь, обѣдать и завтракать, гулять, читать газеты, поддерживать знакомства и еще почерпать что-либо изъ литературы для своего ума и чувства. При такихъ условіяхъ, создаются гарантіи для сохраненія здоровья до глубокой старости. Работникъ, признавая въ себѣ свободную и самоцѣльную личность, хочетъ пользоваться своими силами такъ же нормально, какъ люди имущихъ классовъ. Если они работаютъ лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ трудъ не изнурителенъ, не ведеть къ преждевременному одряхлѣнію, то и онъ стремится обеспечить себѣ условія, которыя позволяли бы ему долго сохранять здоровье и оставили бы досугъ для самообразованія и развлечений.

Итакъ, необходимо стремиться къ 8-ми-часовому дню. Я иду даже дальше этого. Я убѣжденъ, что это требование будетъ облечено, современемъ, въ другую форму. 8 часовъ, проведенныхъ въ занятіи наукой, искусствомъ, общественною дѣятельностью, даже ремесломъ нѣкоторыхъ разрядовъ, могутъ быть признаваемы лучшою частью жизни, по тѣ же 8 часовъ, затраченные на трудъ, чисто механическій, который дѣлаетъ человѣка

вѣка приданкомъ машины, отнюдь не заслуживають такого признания. Огромное большинство операций въ промышленности принадлежитъ къ этому разряду. А многія работы отличаются отталкивающимъ характеромъ; онъ тѣгостны, очень непрѣятны для зрѣнія, слуха, обонянія. Людямъ, которые заняты одной изъ такихъ работъ, естественно желать, чтобы обязательный трудъ сократился до 7 или даже до 6 часовъ. Не слѣдуетъ думать, что такое сокращеніе многихъ видовъ материальнаго труда будетъ потакать наклонности людей облыниться. Будутъ затрачивать больший досугъ на развитіе духа въ научномъ и художественномъ отношеніи, на семейную радости и, частью, на тѣ ремесленныя работы, которыя дѣлаютъ домашнюю обстановку болѣе красивой и разнообразной и позволяютъ работающему проявить изобрѣтательность, вѣрность глаза, искусство руки. Дальнѣйшія завоеванія техники дадутъ возможность идти очень далеко въ дѣлѣ сокращенія рабочаго дня. Въ высшей степени вѣроятно, что современное требованіе 8-часового дня будетъ замѣнено такой формулой: „рабочій день отъ 6 до 8 часовъ!“.

Теперь же 8-часовой день не можетъ быть осуществленъ въ Россіи по большому масштабу, т. е. въ большомъ числѣ предприятій и, по крайней мѣрѣ, для сотенъ тысячъ работниковъ. Въ Германіи рабочій день длится, обыкновенно, 10 и $10\frac{1}{2}$ часовъ; онъ не превышаетъ 9 только въ единичныхъ, особенно хорошо поставленныхъ предприятияхъ. Во Франціи и Бельгії также преобладаетъ 10-часовой день. Въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ 9-часовой день встречается уже чаще; въ этихъ странахъ мы находимъ и 8-часовой день, правда, какъ очень рѣдкое исключеніе. 8-часовой трудъ встречается значительно чаще въ австрійскихъ колоніяхъ. Вообще, рабочій день тѣмъ короче, чѣмъ успѣшность труда болѣе велика. Дабы 8-часовой день получилъ въ Россіи широкое распространеніе, необходимо такое усовершенствованіе машинъ и приспособленій, которое подняло бы промышленную жизнь нашего отечества почти до уровня, уже достигнутаго наиболѣе богатыми народами.

Посмотримъ, къ какимъ послѣдствіямъ привело бы установленіе 8-часового дня законодательнымъ путемъ, безъ должнаго вниманія къ тому, располагаетъ ли русская жизнь благопрѣятными условіями для исполненія закона. Законъ могъ бы быть выраженъ въ такой формѣ: „предписывается владѣльцамъ всѣхъ промышленныхъ предприятій производить работу черезъ 3 года по обнародованію сего закона не болѣе 8 часовъ въ сутки для каждой смены рабочихъ“. Законодатель предоставилъ бы промышленникамъ 3-лѣтній срокъ, дабы они могли приспособиться къ необычному порядку и избѣгнуть потрясеній, съ которыми связанъ рѣзкий переходъ къ новымъ условіямъ жизни.

Передъ промышленниками открывались бы два пути. Во-

первыхъ, они могли бы замѣнить свои машины самыми совершенными, какія только извѣстны современному производству. Это было бы связано съ огромными затратами, непосильными для многихъ предпрѣятій. По всей вѣроятности, многие хозяева, если бы открывался только этотъ путь, были бы вынуждены прекратить дѣло. Среди самыхъ крупныхъ предпрѣятій нашлись бы столь доходныи, съ такими запасными капиталами и такимъ выгоднымъ кредитомъ, что совершеніе этой затраты въ короткое время было бы для нихъ возможно. Но была бы настоятельная потребность и въ другомъ: въ повышеніи споровки рабочихъ, воспитаніи привычки напрягать силы, сосредоточивать вниманіе въ гораздо большей степени, нежели то дѣжалось до сихъ порь. А все это достигается очень медленно, не въ немногіе годы, а въ десятки лѣтъ. Если ткачъ привыкъ наблюдать только за двумя ткацкими станками, то не привыкнетъ смотрѣть за пятью, какія бы ни прилагались мѣры, чтобы поднять напряженість его работы. А потому можно ожидать большого повышенія усильности труда только въ слѣдующемъ поколѣніи. Англичане умѣютъ работать напряженно во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности. Однако, когда они переселяются въ Соединенные Штаты и начинаютъ работать на тамошнихъ фабрикахъ и заводахъ, то находятъ, что трудъ очень тяжелъ, что онъ требуетъ еще большаго напряженія, чѣмъ въ Англіи. Такимъ образомъ, русскіе промышленники, даже тѣ, которые обновили бы свои машины, не имѣли бы въ своемъ распоряженіи значительно болѣе производительного труда, чѣмъ теперь. Останься заработка плата, при 8-часовомъ днѣ, на ея нынѣшнемъ уровнѣ, а цѣны товаровъ безъ измѣненія—и многія промышленныя предпрѣятія оказались бы въ тяжелыхъ условіяхъ. Одни давали бы очень маленькую прибыль, другія приносили бы убытокъ. Такая перспектива заставила бы промышленниковъ избрать другой путь.

Второй путь состоить въ томъ, чтобы, вводя 8-часовой день и не понижая заработной платы, поднять цѣны товаровъ; нужно было бы повысить ихъ настолько, чтобы сохранить прежнюю прибыль или дать ей понизиться лишь слегка. Было бы не трудно достигнуть этого: стоило бы только поднять таможенные налоги гораздо выше ихъ нынѣшняго размѣра. Цѣны товаровъ туземного производства повысились бы, и вопросъ былъ бы, повидимому, решенъ благопріятно, какъ для промышленниковъ, такъ и для рабочихъ.

Но это было бы самообманомъ. Въ дѣятельности, повышеніе таможенныхъ налоговъ не было бы благопріятно для работниковъ. Вздорожаніе всѣхъ товаровъ—ситца, сукна, обуви, сахара и другихъ,—увеличивало бы расходы работниковъ и въ большой степени понижало бы покупательную силу ихъ платы.

Неизбежнымъ послѣдствіемъ этого было бы уменьшеніе запроса на многіе товары и сокращеніе многихъ предпріятій. Число безработныхъ должно было бы возрасти. Избраніе второго пути, т. е. решеніе вопроса посредствомъ возвышенія таможенныхъ налоговъ, имѣло бы неблагопріятное вліяніе на всю экономическую жизнь Россіи. Уменьшеніе количества труда и сохраненіе имъ прежней производительности или же небольшое ея повышеніе замедляло бы возрастаніе народнаго богатства. Отражаясь различно на разныхъ группахъ населенія, это сказалось бы и уменьшеніемъ средствъ въ государственныхъ, земскихъ, городскихъ кассахъ. Пришлось бы сократить расходы на многія важныя потребности населенія: на сооруженіе дорогъ, учебное дѣло и т. п.

Такими же результатами окончилось бы и введеніе 8-часового дня революціоннымъ путемъ. Подъ этимъ нужно разумѣть требованіе работниками той платы, которую они получаютъ, и готовность работать не болѣе 8 часовъ въ сутки, хотя бы хозяинъ предпріятія и не былъ согласенъ на такія условія. Представимъ себѣ, что работники по соглашенію, которое охватило множество предпріятій, приходять на фабрику въ 8 часовъ утра, прекращаютъ работу въ обѣднное время, отъ 12 до 2, и совѣтъ оканчиваются въ 6 часовъ вечера. Хозяева, стараясь избѣгнуть обостренныхъ отношеній, будутъ мириться съ этимъ недѣлю—другую—третью, будутъ доказывать работникамъ, что не могутъ согласиться на такой порядокъ, что онъ связанъ для нихъ съ убытками. Если доводы не будутъ дѣйствовать и работники наотрѣзъ откажутся трудиться больше 8 часовъ, то хозяевамъ придется подумать о выходѣ изъ такого положенія. Будетъ только одинъ выходъ: повышение таможенныхъ налоговъ. Но получится и существенная разница. Введеніе 8-часового дня законодательнымъ путемъ дало бы промышленникамъ довольно долгій срокъ, чтобы измѣнить таможенное законодательство. Прошло бы вѣсколько лѣтъ прежде, чѣмъ успѣли бы обнаружиться выгодныя послѣдствія этого; значитъ, прошло бы вѣсколько лѣтъ и до закрытия многихъ фабрикъ и заводовъ. Введеніе 8-часового дня революціоннымъ путемъ ускорило бы этотъ процессъ: многіе промышленники, зная по опыту, что перестройка таможенныхъ налоговъ требуетъ довольно продолжительного времени, что правительственный механизмъ (какъ въ старой Россіи, такъ и въ обновленной) работаетъ не быстро, поторопились бы закрыть свои заведенія. Для предпринимателей, не очень сильныхъ, такой исходъ былъ бы неизбѣженъ; только онъ и могъ бы предупредить полное крушеніе дѣла. Въ результатахъ—множество голодныхъ, полное разочарованіе относительно возможности осуществить идею 8-часового труда и готовность работать столько же часовъ, какъ раньше.

Несомненно, соглашение между культурными государствами может содействовать сокращению рабочего дня.

Для присоровления прогрессивной деятельности къ условиямъ русской жизни, люди, отстаивающіе интересы народа, должны прямо и открыто признать, что нормальный рабочій день въ русской крупной промышленности составляетъ теперь отъ 9½ до 10 часовъ. Слѣдуетъ считать то же за норму и для хорошо поставленныхъ среднихъ предпріятій. Есть единичный образцовый фабрики, гдѣ можно считать его только въ 9 часовъ. А потому, ближайшей практической задачей является требование 9-часового дня. Законодательное ограничение для 10-ю часами и пониженіе многихъ таможенныхъ налоговъ — вотъ средства, которымъ могутъ облегчить достиженіе этой цѣли. Оклады таможенныхъ податей въ настоящее время такъ велики, что удерживаютъ прибыль русскихъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій на очень высокомъ уровнѣ и замедляютъ примененіе новыхъ машинъ. Пониженіе налоговъ на заграничные товары заставило бы русскихъ предпринимателей слѣдить за техническими изобрѣтеніями болѣе внимательно. Это подняло бы успѣшность труда и облегчило бы сокращеніе рабочаго дня.

Настойчивая проповѣдь и стачки отъ времени до времени приведутъ къ 9-часовому дню и повышенію платы сравнительно съ ея инышинымъ уровнемъ. А все это проложитъ дорогу и для 8-часового дня. При рабочемъ днѣ въ 9 часовъ, промышленные предпріятія будутъ обставлены совсѣмъ иначе, чѣмъ теперь. Переходъ къ 8-часовому дню послѣ улучшений, которыхъ сдѣлаетъ промышленность для принятія 9-часового труда за норму, будетъ гораздо менѣе рѣзокъ, чѣмъ быть бы въ настоящее время. А дальнѣйшее повышеніе заработной платы создастъ для пролетаріата болѣе благопріятную обстановку, улучшить его питаніе, подниметъ тѣлесныя силы, облегчить напряженіе въ работѣ. Всѣ эти условія перенесутъ 8-часовой день въ действительность изъ царства мечты.

Русскій пролетаріатъ будетъ идти впередъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ больше будутъ развиваться союзы рабочихъ. Тенери (апрель 1907) въ Россіи насчитываютъ 359 союзовъ; они имѣютъ до 239.000 членовъ. Изъ нихъ 11 имѣютъ больше 2000 членовъ каждый.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ СЕДЬМОЙ ГЛАВѢ.

- 1) Увеличеніе числа крестьянъ, ищащихъ заработка на отхожихъ промыслахъ, доказывается, напримѣръ, такими цифрами для Кіевской губерніи: въ 1885 и 1892 годахъ было выдано паспортовъ: въ Кіевскомъ уѣздѣ 5.108 и 10.057, Черкасскомъ—7.686 и 15.820, Радомышльскомъ—2.731 и 5.596, Каневскомъ—4.896 и 12.266. За года 1899—904 изъ Курской губерніи ежегодно уходили на заработки, въ среднемъ, 254.833 души, т. е. 12,1% всего

населенія. Изъ мужчинъ рабочаго возраста 40%, ищутъ занятій на сторонѣ. Работы по сельскому хозяйству привлекаютъ къ себѣ большую часть людей, уходящихъ изъ нѣкоторыхъ уѣздовъ этой губерніи.

2) *Демократъ*. Фабрика, 90—104.

3) Въ январѣ 1894 года лодзинское отдѣленіе общества для содѣствія русской промышленности и торговли постановило ходатайствовать передъ правительствомъ объ ограниченіи рабочаго дня 10 часами въ рудникахъ, 11 часами на фабрикахъ металлическихъ издѣлій, машиностроительныхъ и рельсопрокатныхъ заводахъ и 12-ю—во всѣхъ остальныхъ за-веденіяхъ.

4) Надзоръ со стороны фабричныхъ инспекторовъ повелъ, между прочимъ, къ значительному пониженію цѣнъ товаровъ, отпускаемыхъ рабочими изъ фабричныхъ лавокъ. Товары, проданные въ сентябрѣ 1886 года изъ фабричной лавки одного завода во Владимірской губерніи за 882 р. 68 коп., стоили въ октябрѣ того же года, по цѣнамъ, утвержденнымъ фабричной инспекціей, только 703 р. 87 к.

5) Это можно прослѣдить на убыткахъ, которые Царство Польское понесло отъ забастовокъ послѣднихъ лѣтъ. Въ 1906 году, по сравненію съ 1905, производство сократилось: въ ткацкой промышленности на 40—50%, въ металлургіи Домбровскаго округа—на 50—60%, въ кожевенномъ дѣлѣ—на 25—30%, въ писчебумажномъ и химическомъ — на 20%, въ известко-обжигательномъ, кирпичномъ и цементномъ — на 20%. Обобщая цифры, опредѣляютъ сокращеніе заводской промышленности на 45%, а ремесленной — на 30%, всего на 219 миллионовъ рублей въ одинъ годъ. *Вѣсти. Финанс.*, 1907, № 2. Вліяніе забастовокъ на Варшаву выражается въ такихъ цифрахъ. Въ 1904 и 1905 годахъ въ Варшаву привезено: кирпича—5.485.000 и 2.606.000 пудовъ, цемента—1.565.000 и 1.249.000 пудовъ, хлопка—1.000.000 и 774.000 пудовъ. Изъ Варшавы вывезено: желѣзныхъ издѣлій—263.000 и 188.000 пудовъ. По варшавско-вѣнскай желѣзной дорогѣ за 1905 годъ было перевезено пассажировъ на 666.546, а грузовъ на 57.711.007 пудовъ меньше, чѣмъ за 1904. *Вѣсти. Финанс.* 1906, №№ 42 и 50.

ОТДѢЛЪ ТРЕТИЙ.

ОБМѢНЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Цѣнность.

Пособія: *Смитъ.* О богат. нар. *Рикардо.* Основ. *Милль.* Основ. *De Quincey.* Logic of political economy. 1863. *Марксъ.* Капиталъ, I. *Шторхъ.* Курсъ политической экономії. I. 1881. *Say.* Cours complet d'économie politique. B. *Hildebrand.* Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft, 1848. *Knies.* Lehre v. Werth. *Menger.* Grundsätze. *Macleod.* Principles of economical philosophy. 1872. *Bastiat.* Harm. écon. *Rössler.* Theor. d. Wertes. *Jevons.* Theorie of politic. Economy. *Walras.* Elem. d'écon. polit. 2 изд. 1899. *Böhm—Bawerk.* Kapital u. Kapitalzins, II. *Wieser.* Der natürliche Werth, 1889. *Зиберъ.* Теорія цінності і капіталу Рикардо. 1871. *Коссовскій.* Теорія денежного обращенія. 1883. *Lehr.* Grundbegriffe u. Grundlagen der Volkswirthschaft. *Его же.* Werth, Grenzwert u. Preis. Jahrbüch. f. Nationalökon. B. XIX. *Auspitz* u. *Lieben.* Untersuch. über die Theorie des Preises, 1889. *Platter.* Grundlehren der Nationalökonomie. *Stolzmann.* Die sociale Kategorie I. 1896. *Dietzel.* Die klassische Werththeorie u. des Grenznutzens. Jahrbüch. f. Nationalökon. B. LIV. *Оргенікій.* Ученіе о цінності у класиків і каноністов. 1896 и 1902. *Ehrenfels.* System der Werththeorie 2 в. 1897—98. *Тулань-Барановскій.* Основная ошибка абстрактной теорії капитализма Маркса. *Наук. Обозр.* 1899. V. *Франкъ.* Теорія цінності Маркса. 1900. VI. Дальшіші указанія на літературу см. въ книжкѣ *Залъмскію.* Ученіе о цінності, II, 1893.

Современное общество, основанное на разделении труда, состоит изъ множества самостоятельныхъ хозяйственныхъ единицъ. Оно не могло бы существовать, еслибы между отдельными производителями не было связи, выражющейся въ обмѣнѣ. Каждый членъ хозяйственной среды обыкновенно сосредоточиваетъ свои силы на одномъ какомъ либо занятии; онъ предназначаетъ для другихъ людей продукты своего труда и взамѣнъ получаетъ отъ другихъ производителей нужные ему предметы, которыхъ самъ не производить. При господствѣ натурального хозяйства, когда всѣ потребности человѣка и семьи удовлетворялись ихъ собственнымъ трудомъ, въ обмѣнѣ не было надобности; иначе—при господствѣ раздѣления труда, когда большинство производителей изготавливаетъ продукты не для

личного потребления, а съ цѣлью обмѣна. Предметомъ обмѣна является товаръ. Подъ товарами разумѣются блага, которые производятся не для личного потребления, а для потребностей другихъ хозяйствъ. Процессъ перехода товаровъ изъ рукъ производителей въ руки другихъ лицъ называется обращеніемъ товаровъ.

Мы поймемъ механизмъ обращенія товаровъ, если поближе ознакомимся съ вопросомъ о цѣнности. Раздѣленіе труда и обмѣнъ позволяютъ обществу существовать только подъ условіемъ, чтобы продукты обмѣнивались въ известномъ отношеніи; иначе хозяйственная жизнь до крайности затрудняется и сдѣлается даже невозможной. Возьмемъ, напримѣръ, столяра, портного, кузнеца: каждый изъ нихъ обмѣниваетъ свои товары на продукты другихъ производителей въ известной пропорціи. Дабы товары могли обмѣниваться одинъ за другой, они должны имѣть способность обмѣниваться, т.-е. цѣнность. Эта способность есть слѣдствіе возможности сравненія однихъ товаровъ съ другими; а возможность сравненія основывается на такихъ свойствахъ, которыя общіи всѣмъ товарамъ. Напрасно было бы искать этого свойства въ химическихъ и физическихъ свойствахъ вещей. На рынкѣ обращаются хлѣбъ, полотно, кожа, желѣзо и другие предметы, которые, по своимъ физическимъ и химическимъ свойствамъ, до того различны, что въ высшей степени трудно, а часто и невозможно отыскать общее между ними, т.-е. точку опоры, которая позволила бы сравнивать ихъ между собою. Нельзя приводить ихъ къ установленвшимся въ гражданскомъ обществѣ единицамъ измѣренія; единица для измѣренія разныхъ предметовъ, въ связи съ ихъ физическими свойствами — всѣкіе, сыпучіе, жидкіе — различны; и внутри класса съ одной и той же единицей постѣдняя не даетъ намъ точки опоры: наполь, желѣзо, индиго, золото измѣряются пудами, но никогда, при обмѣнѣ, за одинъ пудъ желѣза не дадутъ одного пуда золота.

Но всѣ товары имѣютъ два общихъ свойства: 1) Всѣ они имѣютъ полезность, удовлетворяютъ разнообразныя потребности человѣка; иѣть предмета, который, не обладанъ этимъ свойствомъ, участвовалъ бы въ обмѣнѣ. 2) Всѣ они созданы трудомъ. Каждый товаръ, для доставленія его на рынокъ, требуетъ затраты человѣческихъ силъ, каждый товаръ является воплощеніемъ человѣческаго труда. Эти два свойства даютъ возможность сравнивать разнообразныя блага. Къ какому же изъ указанныхъ знаменателей могутъ быть сведены всѣ товары — къ полезности или труду? На чёмъ можетъ быть основано то количественное отношеніе, въ которомъ они обмѣниваются? На чёмъ основывается цѣнность товаровъ?

Мы находимъ въ политической экономіи различные спо-

собы решения этого вопроса. Онь уже давно занимает умы; однако, и до сихъ поръ не все писатели согласны относительно способовъ его решения.

Прежде, чѣмъ рассматривать теорію цѣнности, нужно напомнить о характерѣ приемовъ, необходимыхъ для научного изслѣдованія предмета. Общественная жизнь представляетъ чрезвычайное разнообразіе: отдельные факты одного и того же порядка никогда не тождественны; не тождественны и отношенія между сходными явленіями. Для того, чтобы, при всемъ разнообразіи единичныхъ фактовъ, возможно было сдѣлать обобщеніе и построить теорію, необходимо изучить средній фактъ — типичный, — обладающій тѣми свойствами, при которыхъ въ наибольшемъ числѣ случаевъ происходитъ явленіе данного порядка. Только связавъ явленіе съ самыми общими, дѣйствующими на него причинами, мы имѣемъ право отмѣтить отклоненія отъ указанного типа, происходящія отъ причинъ индивидуальныхъ. Сослалася для примѣра на установленное положеніе, что каждый товаръ стоитъ известнаго количества труда. Не противорѣчить ли этому фактъ, что жемчужина рѣдкой красоты, выброшенная на берегъ морскими волнами, не стоящая людямъ труда, есть товаръ и имѣеть высокую цѣнность? Здѣсь нѣть противорѣчія: въ тысячаахъ сдѣлаются по куплю и продажу жемчужинъ, онѣ стоятъ большаго труда, а въ указанномъ нами случаѣ дѣйствуютъ индивидуальные причины. Нашъ приемъ станетъ научнымъ только въ томъ случаѣ, если мы будемъ исходить отъ средней сдѣлки по обращенію жемчужинъ и, изучивъ ее, указемъ отклоненія, объяснимъ, почему иногда предметъ имѣеть цѣнность, хотя и не стоитъ труда своему владѣльцю.

Есть нѣсколько теорій цѣнности.

1) Представителями первой теоріи являются немецко-русскій экономистъ Шторхъ и французскій Сэй. Оба стараются обосновать цѣнность на полезности предметовъ. Шторхъ говоритъ, что цѣнность есть признанная человѣкомъ полезность вещей; признаніе этой полезности служить источникомъ цѣнности. Мало такихъ предметовъ, говорить онъ, которые всегда признаются полезными, а слѣдовательно, имѣющими цѣнность, ибо нравы, обычаи и вкусы людей измѣняются. Цѣнность бываетъ *прямая* и *непрямая*. Прямая цѣнность есть признанная человѣкомъ за известными предметами способность удовлетворять тѣ или другія потребности, непрямая же — способность предмета поступать въ обмѣнъ. Прослѣдняя всегда пропорциональна первой.—Такимъ образомъ, по Шторху, цѣнность предмета измѣряется полезностью того предмета, который можно есть приобрѣстъ въ обмѣнъ за первый. Если, напримѣръ, хлѣбъ мнѣается на жгѣло, то, по мнѣнію Шторха, цѣнность хлѣба

измѣряется полезностью хлѣба. Цѣнность, слѣдовательно, зависитъ не отъ продавца, а отъ покупателя, ибо онъ оцѣниваетъ полезность приобрѣтенного предмета. Два дикаря мнѣяютъ дичь на стрѣлы; цѣнность дичи, поступающей въ обмѣнъ, измѣряется полезностью стрѣль, которая приобрѣтается владѣлецъ дичи. Какъ бы чувствуя шаткость своего основанія, Шторхъ вводить въ ученіе о цѣнности также понятіе обѣ издержкахъ производства: онъ, говоритъ онъ, опредѣляютъ крайнюю, низшую цѣнность предмета. Этимъ онъ даетъ и труду мѣсто въ обоснованіи цѣнности. Теорія, основывающая цѣнность товаровъ на ихъ полезности, не получила у Шторха своего полнаго выраженія. Сэй гораздо болѣе послѣдователенъ. Онъ признаетъ цѣнность только за хозяйственными благами, за тѣми, которые стоятъ человѣку труда. Цѣнность продукта, говорить онъ, не основывается на цѣнности производящихъ его услугъ (труда); напротивъ, она основывается на томъ свойствѣ предмета, которое дѣлаетъ его способнымъ удовлетворять потребности человѣка, т. е. на полезности. Столъ, домъ, хлѣбъ, разсуждаетъ Сэй, стоятъ такого-то количества франковъ: сумма франковъ, уплачиваемая за столъ, домъ, хлѣбъ, и служитъ показателемъ полезности этихъ предметовъ; если, напримѣръ, домъ стоитъ 1000 франковъ, то 1000 франковъ и выражаютъ степень его полезности, его способности удовлетворять известную нужду человѣка. Определенная цѣнность признается за домомъ только вслѣдствіе этого, а не потому, чтобы производство его стоило большаго количества труда. „Люди придаютъ цѣну вещамъ, которая могутъ служить для ихъ потребностей; только вслѣдствіе этого качества вещей они рѣшаются на какое-либо погартованіе для ихъ приобрѣтения, ибо никто не даетъ ничего за вещь, которая не нужна ему“¹⁾.

Шторхъ и Сэй, скажемъ мы, оцѣнивая это ученіе, подчинаютъ цѣнность чисто субъективному началу. Каждый, въ зависимости не только отъ своихъ национальныхъ особенностей, но и личныхъ качествъ, признаетъ за даннымъ предметомъ большую или меньшую важность. Трудно найти даже двухъ людей, которые согласились бы, что данный предметъ для нихъ одинаково пригоденъ. Такимъ образомъ, понятіе обѣ относительной полезности неопределенно, и научная теорія цѣнности не можетъ быть основана на немъ.

2) Теорія Шторха и Сэя получила иную формулировку и иное основаніе въ трудахъ цѣмѣцкихъ экономистовъ Бруно Гильдебранда и Книса. Они также основываютъ цѣнность на полезности, но дѣлаютъ это иначе, чѣмъ Сэй. Полезность благъ измѣряется, по ихъ мнѣнію, во первыхъ, напряженностью потребности, которую они удовлетворяютъ, и, во вторыхъ, степенью ихъ полезности. Относительно первого пункта могутъ

быть классифицированы потребности; относительно же второго — самыя блага. Классификация может быть изображена въ следующихъ таблицахъ.

A. Потребности по степени ихъ важности.

1. Въ пищѣ.
2. Въ одѣждѣ.
3. Въ жилищѣ.
4. Культурные потребности.

Прихоти.

B. Блага, удовлетворяющія эти потребности.

Предметы пищи.	одежды.
"	жилища.
"	культур. потребн.

Предметы роскоши.

Въ первомъ ряду мы имѣемъ потребности, размѣщенные по степени ихъ важности для человѣка. Четыре первыя потребности должны быть признаны наиболѣе существенными. Каждой потребности соответствуютъ известныя блага; они тѣмъ выше, чѣмъ важнѣе для человѣка потребности, которыя они удовлетворяютъ. Первое мѣсто въ ряду благъ занимаютъ предметы пищи, второе — одѣжда, третье — жилище и т. д.

Классифицируемъ предметы по ихъ полезности.

A. Предметы пищи:

1. Пшеница.
2. Рожь.
3. Ячмень.

B. Виды топлива:

1. Дрова березовые.
2. " сосновые.
3. " еловые.

Такимъ образомъ, одна и та же потребность удовлетворяется различными благами: одни изъ нихъ удовлетворяютъ ее въ большей степени, чѣмъ другія. Вотъ почему Книсъ и говорить, что блага должны быть раздѣлены на разряды соотвѣтственно сть родами потребностей, которымъ они служить, а каждый родъ — на виды по степени годности для удовлетворенія опредѣленной потребности. Отсюда онъ выводить слѣдующее положеніе относительно цѣнности благъ: чѣмъ болѣе велика полезность блага, тѣмъ болѣе велика его цѣнность. Если потребность въ пищѣ занимаетъ первое мѣсто, то и блага, удовлетворяющія эту потребность, имѣютъ большую полезность, а слѣдовательно, и цѣнность. Но, говорить Книсъ, было бы ошибочно заключать, будто одинъ фунтъ хлѣба имѣть большую цѣнность, чѣмъ одинъ фунтъ золота. При опредѣленіи цѣнности блага, нужно имѣть въ виду *не одного человѣка, а весь народъ, какъ единое цѣлое*. Въ этомъ цѣломъ есть потребности, присущія всѣмъ; одни зависятъ отъ физиологическихъ законовъ существованія, другія сложились подъ вліяніемъ вѣковой культуры и обратились въ необходимыя. Въ средѣ этого цѣлого есть опредѣленныя группы, которымъ выработали уточненная потребности, знакомыя только имъ однимъ. Вслѣдствіе этого всѣ потребности разбиваются на двѣ группы: первую составляютъ, тѣ, которыхъ имѣютъ всѣ члены общества, а вторую — тѣ, которымъ

обнаруживаются только у отдельныхъ группъ населения. Первые потребности наиболѣе существенны, а потому соответствующія имъ блага наиболѣе полезны, и запасъ этихъ благъ, чо цѣнности, превосходитъ цѣнность запаса благъ, удовлетворяющихъ потребности, менѣе полезныя. Если, говорить Кнись, на это возразятъ, что одинъ фунтъ желѣза стоитъ менѣе, чѣмъ одинъ фунтъ золота, то мы скажемъ, что при такомъ возраженіи упускаютъ изъ вида потребность всего народа, какъ цѣлаго. Если народъ имѣть 10 миллионовъ пудовъ хлѣба и 10 пудовъ кружевъ, то одинъ пудъ хлѣба удовлетворяетъ

$\frac{1}{10,000,000}$ потребности народа, а одинъ пудъ кружевъ $= \frac{1}{10}$; равные доли всего запаса удовлетворяютъ неравныя суммы потребностей, имѣющихъ неравную полезность и цѣнность. Но, сравнивая запасы разнообразныхъ благъ, которыми обладаетъ народъ, мы видимъ, что наибольшую массу цѣнностей представляютъ тѣ, которые удовлетворяютъ наиболѣе важныя потребности — пищи, одежды, т. е. которыхъ наиболѣе полезны. Запасы же тѣхъ благъ, которыхъ служатъ потребностямъ немногочисленныхъ группъ населения, имѣютъ сравнительно небольшую цѣнность. Кнись старается выяснить свою мысль ссылкою на общизвестный примѣръ, — что человѣкъ, при уменьшении его имущественныхъ средствъ, постепенно отказывается отъ потребностей, наименѣе существенныхъ, отъ роскоши, комфорта; въ случаѣ крайности человѣкъ готовъ платить груды золота за фунтъ хлѣба. Словомъ, чѣмъ больше предметъ полезенъ, тѣмъ она и болѣе цѣнна. Обратившись къ сравненію отдельныхъ видовъ благъ, мы увидимъ полное подтвержденіе установленного закона: березовый дрова настолько же превосходятъ по цѣнности осиновья, насколько даютъ больше теплорода, т. е. насколько болѣе полезны; то же можно вывести изъ сравненія пшеничнаго хлѣба со ржанымъ и т. д. Соответствіе между полезностью и цѣнностью становится тѣмъ, болѣе поднимъ, чѣмъ даѣтъ идти человѣчество въ познаніи природы. Кнись находитъ, вопреки большинству экономистовъ, что полезность и цѣнность возвышаются и падаютъ одновременно: если въ странѣ есть нормальными потребленіемъ хлѣба въ 10 миллионовъ четвертей есть только 8 миллионовъ, то полезность ихъ (т. е. отношеніе къ массѣ наличныхъ потребностей) увеличивается, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ ихъ цѣнность, и наоборотъ. Установивъ такую теорію еще въ 50 годахъ 19 вѣка, Кнись, остался вѣренъ ей и въ позднѣйшемъ своемъ сочиненіи — о деньгахъ. „Какъ известное количество труда, говорить онъ, получаетъ общественное признаніе лишь по скольку оно создаетъ полезности для другихъ, такъ и двѣ равныя единицы рабочаго времени, производящія разновидныя полезности, только тогда оцѣ-

ниваются равно, когда производить равно цѣнности полезности различныхъ родовъ⁴ ^{2).}

Это учение несостоитъ. 1) Во-первыхъ, ему противорѣчить признаніе полезности за такими предметами, которые не имѣютъ цѣнности: вода, воздухъ, солнечный свѣтъ, теплота. „Нѣтъ ничего полезнѣе воды, говоритъ Адамъ Смитъ, и, несмотря на то, за нее едва-ли что можно получить“. 2) Во-вторыхъ, хотя учение Книса и представляетъ шагъ впередъ сравнительно съ Сэмъ, такъ какъ опредѣляетъ полезность съ точки зрѣнія общественнаго признания, однако, нельзя согласиться съ возможностью сравнивать блага по ихъ родамъ. Нѣтъ основанія классифицировать предметы въ томъ порядкѣ, какъ это дѣлаетъ Книсъ. Если для человѣка существенно необходима пища, то, при известныхъ климатическихъ условіяхъ, также существенно необходима и одежда, и нѣтъ достаточного основанія считать потребность въ послѣдней менѣе важной, чѣмъ потребность въ пищѣ, какъ то дѣлаетъ Книсъ. Въ полярныхъ странахъ человѣкъ дольше можетъ переносить голодъ, нежели оставаться безъ одежды. Но если даже допустимъ, что схема Книса правильна, и тогда его положеніе, будто запасъ болѣе полезныхъ благъ превосходитъ цѣнностью запасъ менѣе полезныхъ вещей, не можетъ быть признано согласнымъ съ дѣйствительностью. Несомнѣнно, напримѣръ, что лекарство полезнѣе золота, а между тѣмъ, несомнѣнно также, что запасъ золота въ каждой странѣ имѣетъ гораздо большую цѣнность, чѣмъ запасъ лекарствъ. Фактъ, что запасы пищи превосходятъ цѣнностью запасы благъ, удовлетворяющихъ потребностямъ роскоши, объясняется тѣмъ, что на приобрѣтеніе первыхъ общество затрачиваетъ несравненно большую массу труда. Плохую поддержку оказываетъ Кнису и ссылка на большую цѣнность видовъ благъ, которые обладаютъ болѣею полезностью; березовая дрова дороже осиновыхъ, но еслибы выводъ, который дѣлаетъ отсюда Книсъ, былъ вѣренъ, то трудъ извозчика, доставляющаго на дворъ березовыя дрова, оцѣнивался бы дороже труда людей, которые привозятъ осиновыя дрова, а трудъ плотника, строящаго домъ изъ дуба—дороже работы того, кто строитъ зданіе изъ ели. Какъ известно, это не оправдывается дѣйствительностью. 3) Невѣрно также положеніе Книса, что полезность (а съдовательно, и цѣнность) предметовъ не связана неразрывно съ ихъ существомъ, а падаетъ и повышается въ прямой зависимости отъ ихъ обилія или недостатка. Нельзя согласиться съ этимъ: полезность неразрывно связана съ самимъ благомъ; нельзя сдѣлать рожь питательнѣе пшеницы и ель прочнѣе дуба. Факты измѣненія цѣнности благъ съ измѣненіемъ ихъ запасовъ могутъ быть объяснены безъ натяжекъ и въ томъ случаѣ, если мы будемъ считать полезность благъ ихъ пропорциональными

свойствомъ. Въ осажденной крѣпости пища не потому чрезъ мѣрио дорога, что измѣнилась ея полезность, но потому, что увеличеніе ея запаса сопряжено съ огромными усилиями, потерей многихъ жизней (посредствомъ вылазки) или же и вовсе невозможно. Словомъ, при такихъ условіяхъ пища дорожаетъ потому, что безконечно возрастаетъ количество труда, необходимаго для ея добыванія. 4) Большая цѣнность болѣе полезныхъ разновидностей блага (березовыя и сосновыя дрова) объясняется тѣмъ, что общество, предъявляя запросъ на виды, менѣе полезные, платить монопольную цѣну³⁾ за сорта, лучшіе удовлетворяющіе данную потребность.

3) Особая теорія цѣнности связана съ именами Бастіа и Мэкляуда. Они устраниютъ и трудъ, затраченный на производство блага, и полезность: цѣнность всякаго блага опредѣляется, по ихъ мнѣнію, отношеніемъ спроса и предложения. Бастіа, опровергая теорію, которая кладетъ въ основаніе цѣнности полезность и трудъ, самъ основываетъ ее на услугѣ: цѣнность основывается на услугѣ именно потому, что данная услуга полезна. Каждое благо имѣть цѣнность, по скольку въ немъ выражается доставленіе извѣстной услуги. Развивая свою теорію, Бастіа полонъ противорѣчій. Въ одномъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что „цѣнность блага не пропорциональна напряженности усилий, затраченныхъ на его производство“; въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что цѣнность блага (у него рѣчь идетъ о хлѣбѣ) выражаетъ услуги всѣхъ лицъ, которые участвовали въ его доставленіи на рынокъ; наконецъ, онъ говоритъ, что цѣнность пропорциональна труду, сбереженному лицомъ, которое получаетъ услугу⁴⁾; кто покупаетъ, тотъ сберегаетъ свой трудъ; иначе отъ самъ долженъ производить покупаемое благо. Разныя манипуляціи съ поднятымъ на землю алмазомъ, съ выдающимся голосомъ пѣвицы служатъ примѣрами, которыми Бастіа пытается пояснить свою теорію. Эти противорѣчія отнимаютъ у теоріи всякое научное значеніе. Кромѣ противорѣчій, теорія Бастіа имѣеть слѣдующіе недостатки: 1) она отрицаетъ за полезностью блага основаніе цѣнности и вводить не новое понятіе, а только новую редакцію стараго — полезность услуги; 2) Бастіа измѣряетъ цѣнность трудомъ, сбереженнымъ лицу, которое покупаетъ услугу. Несообразность этого утвержденія можетъ быть пояснена такимъ простымъ примѣромъ. Мне нужно платить. Когда я заказываю его портному, то плачу, положимъ, 40 рублей; но еслибы я самъ захотѣлъ сшить его, то долженъ былъ бы затратить на это гораздо болѣе времени, чѣмъ на добываніе 40 рублей; быть можетъ, оно потребовало бы столько времени, сколько нужно, чтобы заработать 200—300 рублей въ моемъ специальному занятіи. По теоріи Бастіа, портной, сберегая мнѣ 200 рублей, долженъ бы потребовать отъ меня за

платить именно этой суммы. Здесь не лишне вспомнить слова Лассала: „Развѣ правленіе желѣзной дороги требуетъ отъ потребителя за билетъ для проѣзда, за услугу, которую оно ему оказываетъ, того труда и издережекъ, которые оно сберегаетъ ему оказаніемъ услуги? Неужели оно, дѣйствительно, требуетъ отъ него въ уплату за билетъ той суммы, которую онъ затратилъ бы, путешествуя пѣшкомъ или въ экипажѣ. Какъ бы плохи были въ такомъ случаѣ дѣла желѣзныхъ дорогъ и какъ бы мало людей пользовались этими услугами“⁵). Еще примѣръ. Человѣкъ умираетъ; ему даютъ лекарство, которое спасаетъ ему жизнь; само лекарство стоитъ недорого, а услуга, имъ оказанная, стоитъ человѣческой жизни.

Теорія Бастиа лишаетъ основанія множество сдѣлокъ. Весь обмѣнъ, если принять это ученіе, становится чисто случайнымъ; теорія смѣняется два понятія—о цѣнности и цѣнѣ; упускается изъ вида, что цѣнность опредѣляется возможное отношеніе, въ которомъ блага мѣняются другъ на друга, а цѣна — дѣйствительное отношеніе, въ которомъ они обмѣниваются. Несостоятельность теоріи всего лучше характеризуется словами самого Бастиа: „Множество обстоятельствъ могутъ увеличить относительную важность услуги. Мы находимъ ее больше или менѣе великой по степени полезности ея для насъ, по тому, много-ли людей расположены оказать ее, много или мало она требуетъ труда, усилий, искусства, времени, предварительного обученія... Часто случается, что мы оцѣниваемъ услугу слишкомъ высоко, такъ какъ считаемъ ее очень полезной, тогда какъ она намъ вредна. Вотъ почему тщеславіе, нынѣшество, ошибка имѣютъ свою долю вліянія на это эластическое и подвижное отношеніе, которое мы называемъ цѣнностью“⁶).

Теорія, основывающая цѣнность на отношеніи между спросомъ и предложеніемъ, достигаетъ у Мэклиуда наибольшей определенности. Своимъ ученикамъ Мэклиудъ, по вѣрному замѣчанію русскаго экономиста Зибера, поставилъ вверхъ ногами всю политическую экономію. Онъ называетъ ее наукой только обмѣнъ. Цѣнность, говорить онъ, присуща вещамъ такъ же, какъ присуще имъ разстояніе, т.-е. она — понятіе, не связанные съ самими предметами, отвлеченнное, абстракція. Только подъ условиемъ обмѣна и можно говорить о цѣнности: она есть тамъ, где есть обмѣнъ. Отрицая значеніе труда, какъ начала, опредѣляющаго цѣнность, Мэклиудъ говоритъ: „если цѣнность создается трудомъ, то почему въ Лондонѣ участокъ земли стоитъ дорого, а въ пустынѣ онъ вовсе не имѣеть цѣнности? Равнымъ образомъ, почему единица золота, добытая въ одинъ день, не стоитъ дороже такой же единицы, добытой въ одинъ день?“ „Равнымъ образомъ, говоритъ Мэклиудъ, и полезность блага не можетъ служить основаниемъ цѣнности, такъ какъ по-

нятіе полезности очень неопределено. Понятіе о полезности неопределено, въ виду крайняго различія вкусовъ, наклонностей, привычекъ людей; полезность признается за благомъ нынче и отрицается завтра. Единственнымъ основаніемъ цѣнности служить спросъ. Спросъ на блага побуждаетъ затрачивать трудъ на ихъ производство; не трудъ есть причина цѣнности, во цѣнность есть причина труда⁷). Цѣнность сама по себѣ не существуетъ; она проистекаетъ изъ оцѣнки, которую нашъ умъ придаетъ вещамъ и которымъ выражается въ спросѣ. Чѣмъ болѣе велика спросъ на известная блага, тѣмъ выше ихъ цѣнность и наоборотъ. „При обмѣнѣ вещей, количество, вымѣненное каждымъ, измѣряетъ напряженность его желанія получить въ обладаніе продуктъ другаго“⁸). Здѣсь мы встрѣчаемъ въ иной формѣ мысль Бастіа о томъ, что оцѣнкой руководить услуга.

Спросъ, возразимъ мы Мэклианду, самъ по себѣ не выражаетъ ничего; онъ въ свою очередь основывается на большемъ или меньшемъ признаніи полезности за известными вещами. Дѣлая общую оцѣнку теорій Бастіа и Мэклинда, мы обращаемъ особенное вниманіе на то, что эти теоріи опираются на единичные случаи, которые должны быть признаны отклоненіями отъ средней сдѣлки; иногда продавецъ находится въ слишкомъ большой зависимости отъ покупателя или наоборотъ. Но если принять въ разсчетъ массу совершающихся сдѣлокъ, то влияние частныхъ силъ взаимно парализуется, и обнаруживается дѣйствіе одной общей причины—труда, какъ основанія цѣнности. Названные экономисты ссылаются на единичные, исключительные факты. Если Мэклиандъ спрашивается, почему алмазъ, поднятый на поверхности земли, стоитъ столько же, сколько алмазъ, добываніе которого стоило большей затраты труда,—или если онъ спрашивается, почему известная единица золота, добытая въ одинъ годъ, не стоитъ дороже такой же единицы, добытой въ одинъ день,—то, очевидно, онъ беретъ отдельные случаи, которые не имѣютъ общаго значенія и не даютъ права на общіе выводы. Совершенно справедливо говорить по этому поводу Зиберъ: „Мэклиандъ вырываетъ изъ дѣйствительности изолированный фактъ, разматриваетъ его вѣтъ всякой связи съ другими фактами, съ которыми онъ входитъ въ опредѣленный іерархическія отношенія и, не долго размыслия, дѣлаетъ заключеніе ко всей дѣйствительности, т. е. къ тому сложному цѣлому, отъ которого отрѣзанъ фактъ. Вопросъ не въ томъ, могутъ или не могутъ въ томъ или въ другомъ случаѣ производиться известныя операциі, а въ томъ, какъ производятся онъ вообще, среднимъ числомъ“⁹).

4. Есть еще теорія цѣнности, которую можно назвать юридической. Реслеръ является главнымъ ее представителемъ.

Возставая противъ учения соціалистовъ и считанъ подготовительной для нихъ школой учение Ад. Смита, Реслеръ пытается дать цѣнности самостоятельное основаніе. Онъ показываетъ рядомъ удачныхъ примѣровъ, что цѣнность не можетъ быть основана на полезности. Но онъ обходитъ молчаніемъ отношеніе цѣнности къ труду. По его мнѣнію, ея опредѣленіе должно быть заимствовано у юристовъ, хозяйственныя явленія должны быть приведены въ связь съ юридическимъ порядкомъ, безъ котораго они немыслимы. «Цѣнность блага есть количественная мѣра имущественной власти надъ нимъ лица». Гдѣ вѣтъ права собственности, тамъ, по мнѣнію Реслера, блага не имѣютъ цѣнности; тамъ господствуетъ полный хаосъ хозяйственныхъ отношеній. И такъ, основаніемъ цѣнности служить, по этой теоріи, известный юридический порядокъ, и блага имѣютъ цѣнность лишь по стольку, по скольку человѣкъ можетъ располагать ими: благо имѣть большую цѣнность, когда принадлежитъ лицу на правѣ собственности, меньшую же,—когда принадлежитъ на правѣ владѣнія, ибо право собственности служить наиболѣе полнымъ выраженіемъ господства лица надъ вещью.

Эта теорія ни на волосъ не приближаетъ насъ къ познанію цѣнности. Несомнѣнно, вездѣ, гдѣ есть хозяйство, есть правовой порядокъ; экономисты часто не говорятъ объ этомъ, но всегда подразумѣваютъ его. Одинъ вопросъ, и притомъ очень простой, разрушаетъ всю теорію Реслера: если цѣнность создается известнымъ юридическимъ порядкомъ, то чѣмъ же объяснить различіе цѣнности благъ, подлежащихъ имущественной власти одного лица? Почему разнятся въ цѣнности домъ, столъ, книга,—вещи, принадлежащія одному и тому же лицу на правѣ собственности? Реслеръ со своей теоріей не можетъ отвѣтить на этотъ вопросъ.

5. За послѣднее время обратила на себя вниманіе теорія цѣнности, установленная Бѣмъ Баверкомъ¹⁰). Онъ положилъ въ основу своего учения понятіе о субъективной цѣнности вещей. Авторъ даетъ намъ двойную классификацію: родовъ потребностей и конкретныхъ потребностей. Можно расположить роды потребностей по ихъ важности въ исходящемъ порядкѣ: потребность въ пищѣ занимаетъ первое мѣсто, въ одѣждѣ—второе, въ спиртныхъ напиткахъ—болѣе отдаленное и т. д. Старая теорія пошла по ложному пути: она обратила все внимание на роды потребностей, а потому не достигла полезныхъ результатовъ. Такъ какъ потребность въ пищѣ имѣеть первостепенную важность, а потребность въ украшенияхъ—сравнительно небольшую, то и было решено, что хлѣбъ, вообще, обладаетъ высокой полезностью, а алмазъ—низкой. Болѣе глубокій анализъ заставляетъ сказать тѣль: кускомъ хлѣба, который принадлежитъ мнѣ, можно удовлетворить въ извѣстномъ конкретномъ случаѣ чув-

ство голода, но нельзя устраниТЬ веъ проявленія голода въ на-
стоящемъ и будущемъ, исколькО эти проявленія, въ своей со-
вокупности, образуютъ особый разрядъ потребностей—въ пищѣ.
Вотъ почему безцѣльно измѣрять услугу, которую оказываетъ
хлѣбъ, соображеніемъ о томъ, что, въ общемъ, онъ отвѣчаетъ
на важную потребность. И въ обыденной жизни мы не па-
столько дорожимъ каждымъ кускомъ хлѣба, чтобы считать его
сокровищемъ, имѣющимъ для насъ жизненное значеніе. Итакъ,
оцѣнивая блага, мы приводимъ ихъ въ связь не съ родами
потребностей, а съ конкретными потребностями. Потребности
каждаго рода могутъ быть удовлетворены скучно, достаточно
или въ излишествѣ: и человѣкъ цѣнитъ благо согласно съ
важностью *низшей предельной потребности*, которую оно мо-
жетъ удовлетворить. Имѣя большиe запасы пищи, человѣкъ
признаетъ за ними очень малую цѣнность потому, что они не
только сполна удовлетворяютъ его голодъ, но позволяютъ ему
употреблять часть запаса на содержаніе пѣвчихъ птицъ, охот-
ничихъ собакъ, т. е. покрывать даже маловажныe потребности.
И та же пища получаетъ въ глазахъ владѣльца гораздо боль-
шую субъективную цѣнность, разъ ея количество сдѣлаетъ доста-
точно для удовлетворенія голода. Высота цѣнности измѣряется
важностью конкретной потребности, которая имѣть наимень-
ше значение среди всѣхъ потребностей, удовлетворяемыхъ изъ
данного запаса благъ. Авторъ поясняетъ свою мысль такимъ
примѣромъ. Поселенецъ, живущій въ пустынѣ, собралъ жатву,
которая дала ему 5 мѣшковъ зерна. Онь отложилъ первый мѣ-
шокъ на то, чтобы прокормить себя до слѣдующей жатвы, вто-
рой мѣшокъ послужить на то, чтобы питаться болѣе обильно и
еще лучше укрѣпить силы. Желая, посредствомъ введенія мяс-
ной пищи, сдѣлать свое питаніе болѣе разнообразнымъ, посе-
ленецъ употребить третій мѣшокъ на откармливаніе домашней
птицы. Четвертый мѣшокъ пойдетъ на винокуреніе, а пятый—
будеть употребленъ на кормъ попугаевъ, которые развлекаютъ
поселенца въ его уединеніи. Эти способы употребленія зерна
не одинаково важны для поселенца: если поддержаніе жизни,—
цѣль, для которой назначены одинъ мѣшокъ, приравнять числу
10, то потребленіе водки, выкуриваемой изъ одного мѣшка,
выразится, быть можетъ, числомъ 4, а содержаніе попугаевъ—
нижней величиной 1. Предельная полезность хлѣба измѣряется
для колониста удовольствіемъ, которое доставляетъ ему воз-
можность содержать попугаевъ. Если бы онъ потерялъ одинъ
мѣшокъ, то его здоровье не понесло бы ущерба и онъ только
долженъ былъ бы отказать себѣ въ удовольствіи употреб-
ить одинъ изъ 4 мѣшковъ на попугаевъ. Чрезъ это поднялась
бы предельная полезность каждого изъ оставшихся 4 мѣшковъ.
Обращаясь къ явленіямъ дѣйствительной жизни, Бѣмъ Баверкъ

показываетъ, какъ механизмъ обмѣна позволяютъ обмѣнѣ блаꙑа одного рода въ блага другихъ разрядовъ и чрезъ это пополниТЬ пробѣль, образовавшійся въ одномъ разрядѣ блаꙑа посредствомъ памѣренія оставленія пробѣла въ благахъ другаго разряда. Такъ, богатый человѣкъ можетъ загладить утрату теплой одежды посредствомъ небольшаго уменьшенія сбереженій, которымъ ежегодно дѣлаются изъ дохода, или посредствомъ отказа себѣ въ какой-либо прихоти; бѣдный человѣкъ долженъ, для покупки новой одежды, заложить домашнюю утварь или сократить на существенныхъ потребностяхъ. Наконецъ, при крайней бѣдности, иѣть средство приобрѣсти новую теплую одежду, и потеря старой равносильна утратѣ возможности охранить здоровье. Только въ послѣднемъ случаѣ субъективная цѣнность теплой одежды опредѣляется непосредственной продѣльной полезностью самой одежды; во всѣхъ же другихъ случаѣахъ она измѣряется предѣльною полезностью другихъ благъ, которыхъ должно было лишить себя, для приобрѣтенія новой теплой одежды. Останавливаясь на вопросѣ о томъ, чѣмъ опредѣляется цѣнность благъ, которымъ служать для различныхъ цѣлей (лѣсъ, какъ топливо и строительный материалъ, хлѣбъ, какъ материалъ для хлѣба и выпеканія), Бѣмъ Баверкъ отвѣчаетъ, что цѣнность такихъ благъ опредѣляется ихъ высшей предѣльной полезностью: если полезность груды досокъ, какъ строительного материала, равна 8, а какъ топлива равна 4, то хозяинъ употребить ихъ для цостройки, а не предназначить на топливо, где полезность ихъ менѣе велика. Переходя отъ этихъ положеній къ цѣнности въ объективномъ смыслѣ, способности къ обмѣну, Бѣмъ Баверкъ утверждаетъ, что и она опредѣляется наименѣшимъ значеніемъ, которое имѣеть благо для удовлетворенія человѣческихъ потребностей. Готовый продуктъ есть результатъ затратъ рабочей силы, материаловъ, орудій, которые, по отношенію къ первому, являются благами отдаленныхъ рядовъ. Они имѣютъ значеніе только потому, что готовый продуктъ, которымъ заканчивается производство, нуженъ для нашихъ потребностей. А такъ какъ цѣнность готоваго продукта опредѣляется низшею пользою, которую онъ доставляетъ людямъ, то послѣдняя опредѣляетъ также и цѣнность материаловъ, орудій и труда, которые были употреблены для производства этого продукта. Предположимъ, — говорить онъ, что благо A проходитъ изъ средствъ производства d_2 , эти отъ благъ третьего ряда d_3 , а послѣднія — отъ средствъ производства четвертаго ряда d_4 . Предположимъ, что средства производства безъ остатка входятъ въ конечный продуктъ и что они допускаютъ только одно производительное употребленіе. Зная, что цѣнность готоваго продукта зависитъ отъ его предѣльной полезности, мы начнемъ изслѣдованіе отъ d_4 и скажемъ:

жемъ, че имѣй мы g_1 , мы имѣли бы изъ благъ разряда А однімъ экземпляромъ меныше, т. е. наша потребность въ этихъ благахъ не была бы удовлетворена вполнѣ, т. е. исчезла бы предѣльная полезность продукта А. Итакъ, предѣльная полезность продукта А зависитъ какъ отъ него самого, такъ и отъ g_2 . Лишись мы g_2 , мы не получили бы происходящей отсюда группы g_2 и въ конечномъ итогѣ не имѣли бы одного экземпляра А, т. е. лишились бы его предѣльной полезности. Разсмотрѣніе средствъ производства четвертаго, пятаго и дальнѣйшихъ рядовъ заставитъ насть прийтіи къ тому же выводу. Эта аргументація побуждаетъ Бѣмъ Баверка установить такое общее положеніе. Отъ всѣхъ средствъ производства, принадлежащихъ къ благамъ различныхъ родовъ и послѣдовательно переходящихъ другъ въ друга, зависитъ такая же выгода, какъ отъ предѣльной полезности готоваго продукта. Отсюда онъ выводить, что не трудъ, не издержки производства опредѣляютъ цѣнность товаровъ, но цѣнность товара опредѣляетъ цѣнность вещей, изъ которыхъ и при помощи которыхъ онъ былъ произведенъ, т. е. цѣнность товара опредѣляетъ размѣры издержекъ производства. Цѣнность пшеницы опредѣляетъ цѣнность пшеничного поля, цѣнность ртути—ртутнаго рудника и т. п.

Множество фактовъ подкрѣпляютъ это положеніе. Оживленная постройка желѣзныхъ дорогъ поднимаетъ цѣны шинъ, а чрезъ нихъ дѣйствуетъ и на цѣны желѣза. Усилившійся за послѣднее время спросъ на мѣдную проволоку для проведения электричества поднялъ цѣну мѣди. Могутъ,—замѣчаетъ Бѣмъ Баверкъ,—вразбрить на это, что запасы, напримѣръ, желѣза, не представляютъ опредѣленной величины, но увеличиваются и уменьшаются въ зависимости отъ количества труда, направлennаго въ эту отрасль производства. А потому, если возросшее производство увеличиваетъ предложеніе желѣза, то падаетъ его цѣна, и за нею и цѣна желѣзныхъ издѣлій. Значитъ, издержки производства имѣютъ влияніе на цѣну продукта. Предусматривая возраженіе, Бѣмъ Баверкъ отвѣчаетъ на него такимъ образомъ. Запасы желѣза не представляютъ опредѣленной величины. Хотя количество труда, которымъ располагается данное народное хозяйство, и можетъ быть признано опредѣленной величиной, однако, количество рабочихъ силъ, употребляемыхъ въ производствѣ желѣза, измѣняется. Народный трудъ, допуская различныя назначенія, служить предметомъ, изъ-за котораго соперничаютъ всѣ существующія въ странѣ отрасли производства. Рабочія силы и направляются къ тѣмъ занятіямъ, которые въ данное время обѣщаютъ наиболѣе выгоды, такъ какъ есть запросъ на ихъ продукты. „Производство можетъ быть уподоблено исполнительному водоему съ насосами,

Изъ резервуара основныхъ производительныхъ силъ приспособленъ насторѣть къ каждой группѣ потребностей; сопирающая съ другими, каждая всасываетъ въ себя изъ этого резервуара столько силъ, сколько нужно для ея покрытия. Каждая потребность всасываетъ въ себя тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе цѣнны продукты, которые удовлетворяютъ ее¹¹). А потому не издержки производства опредѣляютъ цѣнность товара, а, наоборотъ, потребностью и цѣнностью продукта опредѣляется цѣнность средствъ производства, которыхъ послужили для его изгото-вленія.

Это ученіе есть видоизмѣненная теорія цѣнности тѣхъ ин-сателей, которые основываютъ ее на полезности предметовъ. Все, что мы выше сказали о подвижности и неустойчивости субъективной оцѣнки благъ различными людьми, примѣнимо и въ данномъ случаѣ. Вкусы и наклонности людей такъ разно-образны, что частные хозяйства, находящіяся въ сходныхъ условіяхъ, признаютъ за вещами не одну и ту же низшую пре-дѣльную годность. Богатый скряга дрожитъ надъ каждымъ рублемъ изъ своихъ миллионовъ и надъ каждой бутылкой дешеваго краснаго вина изъ своего обширнаго виннаго погреба. Щедрый богачъ придаетъ малое значеніе даже значительнымъ долямъ своего имущества. Рѣдкое кушанье или вино являются въ глазахъ гастронома важной усладой жизни: человѣкъ воз-дергный придаетъ этимъ предметамъ очень малое значеніе. Любитель старины, чтобы купить монету временъ Августа или книгу, напечатанную въ 16 вѣкѣ, часто дѣлаетъ сбереженія въ ущербъ своему здоровью и важнымъ интересамъ семьи. Всѣ эти безконечно разнообразные вкусы и настроенія никогда не позволяютъ опредѣлить среднимъ числомъ низшую годность блага для удовлетворенія потребностей. Сторонники трудовой теоріи цѣнности отмѣчали чрезвычайное разнообразіе вкусовъ, наклонностей и привычекъ людей и указывали на невозмож-ность привести ихъ къ среднему уровню. Но, считалъ изслѣдо-ваніе душевныхъ движений человѣка, отъ которыхъ и зависить субъективная цѣнность, предметомъ психологіи, а не политиче-ской экономіи, экономисты не ставили себѣ задачей ближайшее изученіе этого міра. Бѣмъ Баверкъ даетъ намъ такой анализъ. Различеніе родовъ потребностей и конкретныхъ нуждъ пред-ставляетъ интересъ для того, кто хочетъ ближе познакомиться съ движениями, происходящими въ человѣческой душѣ при воз-никновеніи потребностей, но не выясняетъ основныхъ вопросы, связанныхъ съ цѣнностью. Обстановка, въ которой Бѣмъ Баверкъ старается доказать свои положенія, не только не укрѣпляетъ довѣрія къ теоріи, но поддерживаетъ убѣжденіе, что выводы, маловажные для частнаго хозяйства, во всее не нужны для хозяйства общественнаго. Бѣмъ Баверкъ по мо-

жетъ защитить свои примѣры, гдѣ известное явленіе вырвано изъ окружающей среды, ссылкою на то, что А. Смитъ, Рикардо, Тюненъ и другіе обращались къ такому же способу аргументаціи. Они доказывали условными примѣрами именно потому, что, упрощая явленіе, изучали послѣдствія, которыхъ наступаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ руководствуется въ своей дѣятельности только одной силой—себялюбіемъ. Таковы гипотетическіе примѣры, которыми были пояснены законы ренты, цѣнности, измѣряемой трудомъ, стремленія прибыли къ одному уровню и т. д. Экономисты, которымъ принадлежитъ честь открытия этихъ законовъ, исходили изъ того (обыкновенно вѣрного) положенія, что себялюбіе движетъ человѣкомъ во всѣхъ хозяйственныхъ актахъ. Въ условныхъ примѣрахъ Бемъ Баверка мы не видимъ именно такого упрощенія. Одинокій поселенецъ изслѣдуется не съ точки зрѣнія условій, при которыхъ его трудъ наиболѣе успѣшнъ, создаетъ самую благопріятную обстановку для удовлетворенія потребностей, а съ точки зрѣнія вкусовъ и наклонностей, которыеказываются въ потребленіи. Наблюденіе одиночнаго поселенца въ его процессѣ производства могло привести къ точнымъ выводамъ, которые не легко обнаружить изученіемъ общества во всей его реальности; но одиночный поселенецъ, какъ представитель большой массы вкусовъ и прихотей, сказывающейся въ назначеніи блага на предѣльная потребности, не даетъ такихъ оснований. Въ такомъ поселенцѣ, подобно тому, какъ въ членѣ общества, мы находимъ большую подвижность вкусовъ, а потому и большую измѣнчивость предѣльной полезности. Бемъ Баверкъ обращаетъ наше вниманіе на колониста, у которого въ 5 мѣшковъ зерна послѣдній употребляется на кормленіе подугасевъ; еслибы исчезъ одинъ мѣшокъ, то осталась бы неудовлетворенной только эта, наименѣе важная изъ потребностей, для которыхъ служить хлѣбное зерно, и поселенецъ сталъ бы болѣе дорожить каждымъ изъ четырехъ мѣшковъ. Но мы можемъ—и это вполнѣ соответствуетъ дѣйствительности—ввести такія новыя условія, которыя, при уменьшенніи у поселенца запасовъ зерна, помѣшаютъ возмншенню предѣльной цѣнности хлѣба. Предположимъ, что колонистъ нашелъ среди выкинутыхъ на берегъ обломковъ корабля брошуру съ одушевленной проповѣдью полного воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ и другую, содержащую предписанія вегетаріанизма. Если онъ решится следовать этимъ совѣтамъ, то для него не будутъ нужны два мѣшка зерна, употребляемые на откармливаніе домашней птицы и винокуреніе, и предѣльная полезность зерна, при четырехъ мѣшкахъ, станетъ ниже, нежели она была раньше, когда было на лицо 5 мѣшковъ. Приводя же къ труду цѣнность благъ, которыхъ находятся въ распоряженіи одиночнаго поселенца, мы получаемъ твердую

точку опоры для суждений о томъ, какъ они классифицируютъ свои вещи по ихъ значенію для хозяйства. Ему нужны хижина, лукъ, топоръ, домашняя утварь; если на изготовление этихъ предметовъ должно быть затрачено 30, 20, 10 и 3 дня труда, то онъ будетъ наиболѣе дорожить хижиной, и, въ случаѣ пожара, приложитъ гораздо болѣе стараній, чтобы отстоять ее отъ огня, нежели къ сохраненію домашней утвари. Какъ бы ни измѣнялись вкусы поселенца, каждый часъ труда представляеть для него опредѣленную величину, во всякомъ случаѣхъ въ 5 разъ менѣшую, нежели 5 часовъ, и въ 2 раза болѣшую, чѣмъ $\frac{1}{2}$ часа. Беремъ ли мы человѣка въ состояніи полной обособленности или какъ дѣятельного члена общественной среды, мы всегда находимъ измѣнчивость въ сферѣ потребленія. Изучая общественное хозяйство, мы должны устранить измѣнчивость и отыскать постолинная отношенія. И это вполнѣ достижимо, если забудемъ для цѣлей экономического познанія „предѣльную полезность“, и будемъ имѣть дѣло просто съ полезностью, которой еще экономисты-классики отвели въ наукѣ подобающее мѣсто. Историкъ, изучая жизнь народовъ, отрѣшается отъ частностей, въ которыхъ протекала жизнь отдѣльныхъ людей, составившихъ данный народъ, и следить за развитіемъ главныхъ силъ, которая образуютъ національная особенности народа; такъ и экономистъ долженъ забыть о предѣльной полезности, ибо на ней лежитъ печать индивида, а не общественной среды, долженъ во всякомъ случаѣхъ считаться съ полезностью вообще: именно въ понятіи о ней выражается общественно признанная годность благъ служить для человѣческихъ потребностей. Бѣмъ Баверкъ не правъ, упрекая А. Смита и его продолжателей, будто, они ошибочно выднигали полезность блага вообще въ связи съ значеніемъ потребности, которую оно удовлетворяетъ, а не въ связи съ потребностью, какъ она обнаруживается въ отдѣльныхъ, конкретныхъ случаяхъ. Нѣть, именно это и доказываетъ глубину мысли экономистовъ-классиковъ сравнительно съ Бемъ Баверкомъ и другими представителями ученія о предѣльной полезности. Первые, говоря о полезности благъ вообще, какъ необходимомъ условіи цѣнности, не забывали, что имѣютъ дѣло съ общественнымъ хозяйствомъ, въ которомъ на сотни и тысячи случаевъ особенной, исклю-
тельной оцѣнки благъ людьми (значеніе воды для населенія города, осажденного непріятелемъ, или для человѣка, заблудившагося въ пустынѣ, вина—для усерднаго члена общества трезвости) приходятся миллионы и миллиарды среднихъ случаевъ, когда потребности человѣка удовлетворяются среднимъ, типичнымъ образомъ. Отдѣлан задачи психолога отъ цѣлей экономиста, эти писатели брали отъ психологіи основные посылки и, не изучая всѣхъ побужденій, которыхъ движакутъ человѣкомъ

при удовлетворении потребностей, старались отвѣтить только на коренной вопросъ политической экономіи, — какъ дѣйствуетъ человѣкъ для удовлетворенія потребностей? Сторонники же ученія о предѣльной полезности изслѣдуютъ мелочи, иенужныя для экономиста, и совершенно упускаютъ изъ вида средній типъ явленій общественного хозяйства. Общее понятіе о полезности, какъ оно давно упрачилось въ политической экономіи, дѣлаетъ излишнимъ понятіе о предѣльной полезности, достаточно для решенія всѣхъ экономическихъ вопросовъ. Всѣ различія, отмѣченныя Бѣмъ Баверкомъ, оказываютъ вліяніе на высоту рыночныхъ цѣнъ, но не даютъ руководящаго начала для средней мѣновой сдѣлки. Не имѣя возможности проходить за безконечно разнообразными субъективными настроеніями людей при оцѣнкѣ благъ, мы должны довольствоваться тѣмъ, что издавна установлено въ науцѣ, — что цѣнность могутъ имѣть только блага, т. е. вещи полезныя людямъ.

Нетрудно обнаружить ошибочность положеній автора, — что цѣнность товара опредѣляетъ цѣнность матеріаловъ, орудій, словомъ, высоту издержекъ производства. Говоря это, Бѣмъ Баверкъ имѣетъ въ виду условія, которымъ иногда представляется рынокъ. Если, по его мнѣнію, 1 аршинъ сукна стоятъ 3 рубля, вслѣдствіе низшей полезности сукна, то 3 рубля опредѣляютъ цѣнность шерсти, красокъ, топлива, долей машинъ, которыхъ были затрачены на производство этого аршина. Если цѣнность понизится до $1\frac{1}{2}$ рубля, то цѣнность матеріаловъ и долей машинъ, равная въ первомъ случаѣ x , упадетъ до $\frac{1}{2}x$. Но рынокъ представляетъ гораздо чаще другую картину: полезность, признаваемая людьми за данніемъ сукномъ, не уменьшилась, а цѣна аршина понижается до $2\frac{1}{2}$ рублей вслѣдствіе удешевленія шерсти. Тѣсная связь между готовымъ продуктомъ, сырьемъ, орудіями и приспособленіями для производства и объясняетъ повышеніе и пониженіе цѣнности продукта вслѣдствіе перемѣнъ въ положеніи труда на любой изъ ступеней всего процесса производства данного товара. Бѣмъ Банеркъ считаетъ „несомнѣннымъ“, что цѣнность печи опредѣляетъ цѣнность кирпичей, а не наоборотъ; онъ исходитъ изъ положенія, что въ основѣ цѣнности печи лежитъ признаніе людьми годности печей для удовлетворенія потребности. Будь это такъ, то сооруженіе печей было бы всегда дороже въ тѣхъ странахъ, где климатъ особенно суровъ и люди наиболѣе нуждаются въ отоплѣніи. Но дѣйствительная жизнь подсказываетъ надѣй этой теоріей: въ Россіи, не взирая на суровый климатъ и большую потребность въ печахъ, устройство печи стоитъ дешевле, чѣмъ въ Италіи, такъ какъ у насъ кирпичъ и трудъ печниковъ стоятъ дешевле. Или возьмемъ другой его примѣръ, — что цѣнность виноградниковъ, производящихъ токайское вино, опре-

дѣлается цѣнностью вина, а послѣдняя, въ свою очередь, зависит отъ полезности, которую люди признаютъ за питье. И этотъ примѣръ долженъ получить иное объясненіе. Многие охотно пьютъ токайское вино, такъ какъ оно отличается очень пріятнымъ вкусомъ и обладаетъ, въ ряду другихъ винъ, высокою полезностью. Площадь виноградниковъ, производящая это вино, не велика, а потому они имѣютъ естественную монополію и, согласно съ законами ренты, приносятъ высокую ренту своимъ владельцамъ. Пока нельзя произвольно расширить площадь виноградниковъ, доставляющихъ это вино, до тѣхъ поръ цѣнность его вышеока. Если бы въ немъ открыли новыя полезныя свойства, сравнительно съ другими винами, если бы потребленіе его увеличилось въ десятки разъ, но если бы этотъ сортъ лозы могъ быть разводимъ вездѣ, где ростеть виноградъ, то виноградники, нынѣ доставляющіе его, утратили бы свою монополію и цѣна токайскаго упала бы почти до уровня самыхъ дешевыхъ винъ. Невѣрно также и заключительное разсужденіе Бѣмъ Баверка. Вся масса труда, находящаяся въ распоряженіи общества, распредѣляется между отраслями производства, на продукты которыхъ есть запроѣсъ. Но разъ трудъ вошелъ въ данную область, цѣнность его продуктовъ опредѣляется тѣми условіями, при которыхъ онъ примѣняется. И вся исторія промышленности служить сплошнымъ доказательствомъ того, что измѣненіе цѣнности товаровъ, и почти всегда въ смыслѣ ся пониженія, есть слѣдствіе возрастающей производительности труда. — Отмѣтимъ и пріемъ, которыхъ держится Бѣмъ Баверкъ. Онь отводить много мѣста на разсужденія о томъ, что кража ватного пальто у бѣднаго человѣка ставить его въ гораздо болѣе стѣсненное положеніе, чѣмъ такое же воровство у богатаго; что писцу тяжеле истратить 30 франковъ, чѣмъ миллионеру; что нельзя цѣнить красивую картину, какъ старый холстъ; что ученый покупаетъ книги, а книгопродавецъ торгуетъ ими; что потеря одной перчатки дѣлаетъ негодной и другую той же пары; что охотникъ, если имѣть съ собой на охотѣ два хлѣбца и потерялъ одинъ, съѣдаетъ другой, а не даетъ его своей собакѣ, какъ бы она ни была голодна и т. д. Всѣ эти примѣры позволяютъ исписать много страницъ, что и дѣлаетъ Бѣмъ Баверкъ, утомляютъ читателя торжественностью и высокопарностью, съ которой авторъ преподносить давно известное или очевидно невѣрное, но вовсе не выясняютъ процессовъ, которые совершаются въ народномъ и міровомъ хозяйствѣ при производствѣ и продажѣ миллиардовъ пудовъ хлѣба, каменного угля, желѣза.

И такъ, всѣ разсмотрѣнныя нами ученія не даютъ цѣнности прочаго основанія. 6. Теоріи, основывающіе цѣнность на трудахъ, наиболѣе удовлетворительна; она наилучшимъ образомъ разъ-

ясняетъ всѣ вопросы, которые соприкасаются съ понятіемъ о цѣнности. Задача науки—привести явленія къ тому началу, которое наиболѣе объективно, наименѣе зависить отъ частныхъ, мимолетныхъ причинъ. Трудъ и есть именно такое начало. Разнообразіе и измѣняющіеся вкусы людей вносятъ въ понятіе обѣ отвосительной полезности благъ многое случайное, неустойчиваго. Но какъ бы ни измѣнялись вкусы, какъ бы ни расходились люди въ оцѣнкѣ полезности предметовъ, — эти различія не вліяютъ на трудъ, затрачиваемый на приобрѣтеніе благъ. При данныхъ условіяхъ мѣста и времени, трудъ, воплощенный въ хозяйственномъ благѣ, есть величина устойчивая, какъ бы много или мало значенія ни придавали отдѣльныя лица данному благу. Вотъ почему къ труду и должно быть сведено ученіе о цѣнности. Если бы мы захотѣли построить ученіе о цѣнности на отдѣльныхъ сдѣлкахъ, то впали бы въ ту же ошибку, которую сдѣлали вышеизвѣзванные писатели. Въ ученіи о цѣнѣ мы изслѣдуемъ отклоненія; здесь же нужно изучить типъ явленія, какъ овъ выработывается подъ вліяніемъ самыхъ общихъ причинъ, которыхъ дѣйствуютъ въ хозяйственной жизни.

Заслуга основанія цѣнности на трудѣ принадлежитъ англійскимъ экономистамъ. Мысль обѣ этомъ встрѣчается уже у многихъ старыхъ представителей англійской школы: Лока, Стюарта и другихъ; но болѣе полное выраженіе получила она у Адама Смита. По мнѣнію Адама Смита, слово „цѣнность“ употребляется въ двухъ различныхъ значеніяхъ: иногда оно выражаетъ полезность предмета, иногда же покупательную силу относительно другихъ предметовъ. Первая можетъ быть названа *цѣнностью потребленія*, вторая — *мѣновою цѣнностью*. Та и другая, думаетъ онъ, не связаны между собою. Наиболѣе полезные предметы имѣютъ часто лишь незначительную мѣновую цѣнность или вовсе не имѣютъ ея, тогда какъ, наоборотъ, тѣ, которые имѣютъ наибольшую мѣновую цѣнность, имѣютъ самую незначительную цѣнность потребленія или не имѣютъ ея вовсе. Вода и воздухъ чрезвычайно полезны (т. е. имѣютъ высокую потребительную цѣнность); они необходимы для существованія и, не смотря на то, ири обыкновенныхъ обстоятельствахъ, за нихъ ничего нельзя получить въ обмѣнѣ; напротивъ того, алмазъ, который имѣеть незначительную цѣнность потребленія, обмѣнивается на большое количество другихъ предметовъ. Обращаясь къ мѣновой цѣнности, Адамъ Смитъ считаетъ трудъ ея единственнымъ мѣриломъ. „Одинъ трудъ никогда не измѣняется въ своей цѣнности; онъ есть единственное, дѣйствительное мѣрило, посредствомъ котораго можно опредѣлять и сравнивать цѣнность всѣхъ товаровъ вездѣ и во всякое время“. Развивая частности своего ученія, Смитъ впадаетъ въ противорѣчіе. Онъ былъ бы послѣдователенъ, если бы утверждалъ, что

всѣ вещи имѣютъ болѣшую или менышую цѣнность въ зависи-
мости отъ количества труда, затраченного на ихъ производство;
а между тѣмъ онъ сбивается съ этого пути. Въ одномъ мѣстѣ
онъ говоритъ, что „дѣйствительная цѣна всякой вещи, т. е. то,
что на самомъ дѣлѣ стоитъ вещь тому, кто желаетъ пріобрѣсть
её, — это трудъ и усиленія, какія необходимо употребить для
пріобрѣтенія ея“¹²⁾; въ другомъ же мѣстѣ онъ говоритъ, что
мѣновая цѣнность вещи есть „трудъ и усиленія, которые могутъ
быть получены отъ другихъ людей при ея содѣйствії“¹³⁾.
Первое опредѣленіе рѣзко отличается отъ втораго. Не одно и
тоже — измѣрять цѣнность, положимъ, холста „трудомъ и уси-
ліями“, затраченными на его производство, и „трудомъ и уси-
ліями“, которые въ обмѣнѣ за этотъ холстъ могутъ быть пріо-
брѣтены его владѣльцемъ. Рикардо отмѣтилъ это противорѣчіе
у Адама Смита. Доказавъ, что количество труда, воплощенное
въ предметѣ, затраченное на его производство, не равнозна-
чуще съ тѣмъ количествомъ труда, которое можно купить за
этотъ вещь, Рикардо ставить положеніе, что цѣнность предмета
или количество другихъ благъ, за которое онъ обмѣнивается,
зависитъ отъ сравнительнаго количества труда, необходимаго
на его производство, а не отъ болѣшаго или менышаго возна-
гражденія, получаемаго за этотъ трудъ. Пользуясь дедуктивной
методой, Рикардо строить свое ученіе о цѣнности, которое
получило дальнѣйшее развитіе и полное выраженіе въ трудахъ
Карла Маркса.

Познакомимся первоначально съ цѣнностью, какъ общимъ
мѣриломъ хозяйственныхъ благъ.

Товары заимствуютъ цѣнность отъ труда; ея мѣрою слу-
житъ количество работы, затраченной на производство товара;
масса же труда измѣряется единицами времени, годами, мѣся-
цами, днями. Такимъ образомъ, если, напримѣръ, 1 пудъ же-
лѣза требуетъ пяти часовъ труда, то онъ будетъ обмѣниваться
на всякую вещь, которая также стоитъ пяти часовъ работы.
Если у какого-нибудь охотничьяго народа, говоритъ Смитъ,
требуется обыкновенно въ два раза болѣе времени для того,
чтобы убить бобра, чѣмъ для того, чтобы убить дикую козу,
то естественно бобръ будетъ обмѣниваться на двѣ дикихъ
козы.

Въ самой природѣ человѣка лежитъ то положеніе, что осно-
ваніемъ цѣнности служить трудъ, а мѣрою — количество вре-
мени, проведенное въ труда. Только при этомъ условіи можетъ
быть достигнуто равновѣсіе между производствомъ и потребле-
ніемъ; равновѣсіе и достигается посредствомъ приоровленія
рабочей силы къ размѣрамъ и роду потребленія. Если человѣкъ
производить самъ всѣ нужныя ему блага, то распредѣ-
лять рабочее время, примѣрно, такимъ образомъ: 4 часа за-

трачиваетъ на производство благъ, удовлетворяющихъ потребность въ пищѣ, 3 часа — на производство благъ, удовлетворяющихъ потребность въ одеждѣ, 1 часъ на блага, удовлетворяющія потребность въ жилищѣ и т. д. Этимъ способомъ человѣкъ принарываетъ трату своего труда къ своимъ потребностямъ. Въ современномъ обществѣ, где производители не потребляютъ большей части продуктовъ своего труда и где главнымъ связующимъ звеномъ между отдѣльными хозяйствами служить обмѣнъ, форма принаровленія рабочей силы измѣняется, но сущность остается та же самая. Возьмемъ нѣсколько человѣкъ, изъ которыхъ одинъ приготовляетъ пищу, другой — одежду, третій — блага, служація удовлетворенію жилищной потребности. Такъ какъ каждый изъ этихъ производителей напрягаетъ рабочую силу, чтобы удовлетворить всѣ свои нужды, то кто-либо изъ нихъ будетъ нести ущербъ, если, при ихъ обмѣнѣ благами, за основаніе обмѣна не будетъ принято количество труда, какъ мѣрило цѣнности. Каждое хозяйство должно получить отъ другихъ столько вещей, чтобы покрыть свои потребности и дать въ обмѣнъ другимъ за каждый видъ благъ лишь опредѣленное количество своихъ продуктовъ, воплощающее въ себѣ массу труда, которую человѣкъ можетъ удѣлить на каждое благо. Кто изъ своего рабочаго времени можетъ употребить на приобрѣтеніе пищи 4 часа ежедневнаго труда, тотъ можетъ безъ ущерба для своего хозяйства дать въ обмѣнъ за пищу лишь столько своихъ продуктовъ, сколько онъ изготавливаетъ въ четыре часа ежедневной работы.

Но трудъ воплощается въ различныхъ полезныхъ формахъ. Определеніе цѣнности продуктовъ различныхъ видовъ труда посредствомъ количества труда можетъ быть достигнуто приведеніемъ всѣхъ видовъ труда къ одному знаменателю: трудъ сложный, квалифицированный, приводится къ простому труду. Приравниваніе сложнаго труда простому не представляетъ ничего загадочнаго. Какъ бы ни были различны конкретные виды труда, всѣ они являются въ видѣ работы человѣческаго организма, — человѣческаго мозга, мускуловъ, нервовъ, а потому всѣ виды труда, будучи различны по формѣ, составляютъ производительное обнаруженіе человѣческихъ силъ и въ этомъ смыслѣ объединяются въ одномъ понятіи человѣческаго труда. Процессъ приравниванія сложнаго труда простому, установление тѣхъ пропорцій, въ которыхъ различные виды труда приводятся къ простому, какъ къ единицѣ своей мѣры, совершается въ обществѣ независимо отъ воли отдѣльныхъ лицъ; при этомъ устанавливаются такія отношенія, что одинъ часъ труда, напримѣръ, художника приравнивается 10 часамъ труда портного.

Было бы тщетной попыткой отыскивать постоянныя отно-

шения между различными видами труда. Весь складъ общественной жизни обуславливает эти отношения. Распределение имущества между частными хозяйствами — вотъ главный фактъ, который руководить расположениемъ различныхъ видовъ труда по ступенямъ лестницы. Подъ влияниемъ общественного мнѣнія или, вѣрно, мнѣнія тѣхъ кружковъ, которые по преимуществу пользуются видами квалифицированного труда, устанавливается убѣжденіе, что такой-то трудъ болѣе сложенъ, чѣмъ другой. Не слѣдуетъ во всѣхъ случаяхъ сводить неодинаковыя цѣнности продуктовъ труда къ различію времени, затрачиваемаго на подготовку къ данной дѣятельности. Если бы это было вѣрно,—трудъ знаменитой танцовщицы не былъ бы болѣе цѣненъ, чѣмъ трудъ великаго мыслителя, трудъ романиста-портрографа—дороже труда учителя. Воспитаніе отдельныхъ общественныхъ группъ въ данномъ народѣ, направление ихъ вкусовъ, характеръ привычекъ—все это совместно дѣйствуетъ при выработкѣ мнѣнія, что такой-то трудъ болѣе цѣненъ, нежели другой. При установлении классификаціи, то, что удовлетворяетъ суетныя влеченія, растлѣвающія наклонности, часто ставится выше нежели то, что служить материальному и духовному преуспѣянію человѣка. Еще Токвиль подмѣтилъ различіе между Франціей и Соединенными Штатами въ классифицированіи трудовъ по цѣнности. Различія между народами въ распределеніи имущества и политическомъ строѣ лежать въ основѣ этихъ различій. Но невозможность объективнаго раздѣленія видовъ труда по цѣнности не мѣшаетъ намъ признать всегда и вездѣ существование такой классификаціи, а именно она и даетъ право приводить сложный трудъ къ простому.

Если цѣнность измѣряется количествомъ времени, то можетъ казаться, что, чѣмъ искуснѣе работникъ, чѣмъ менѣе онъ тратить времени на производство продукта, тѣмъ цѣнность его товара будетъ ниже и, наоборотъ, чѣмъ менѣе ловокъ и менѣе прилежанъ работникъ, тѣмъ большую цѣнность имѣть произведеній имъ продуктъ, ибо тѣмъ болѣе затрачено рабочаго времени на его производство. Но это не такъ. Трудъ отдельныхъ производителей,—частный, конкретный трудъ, образуетъ цѣнность по стольку, по скольку онъ служить среднимъ трудомъ; только средне-необходимое время труда образуетъ цѣнность. Оно опредѣляется общественно-нормальными условіями производства и общественной средней степенью ловкости и напряженности труда. Представимъ себѣ, что въ данномъ народѣ получили широкое распространеніе усовершенствованія машины и отѣснили на задний планъ ручное производство. Тогда цѣнность товаровъ, производимыхъ худшимъ, менѣе производительнымъ способомъ, будетъ спускаться къ цѣнности товаровъ, производимыхъ при помощи усовершенствованійъ

машинъ. По введеніи ткацкаго пароваго стана изысканное количество пряжи стало превращаться въ ткань вдвое скорѣе, чѣмъ, прежде; ручная работа ткача, какъ прежде, такъ и позднѣе представляла одно и то же количество рабочаго времени; но продуктъ его индивидуальнаго рабочаго часа сталъ равенъ только половинѣ общественнаго, средне-необходимаго рабочаго часа, а потому и упала на половину своей цѣнности. Можно прослѣдить за необходимымъ рабочимъ временемъ, какъ образователемъ цѣнности, и на обратномъ примѣрѣ. Положимъ, что въ странѣ преобладаетъ ручное ткачество, а машинное только начинаетъ примѣняться. Такъ какъ большая масса потребностей удовлетворяется при помощи наименѣе производительныхъ пріемовъ работы, то трудъ, затрачиваемый въ ручномъ ткачествѣ, и будетъ образователемъ цѣнности; трудъ же, употребляемый при лучшихъ условіяхъ, какъ болѣе производительный, будетъ давать избытокъ. Въ обрабатывающей промышленности это обстоятельство поведеть къ тому, что усовершенствованные способы производства постепенно вытесняютъ способы, менѣе совершенные. Добывающая промышленность даетъ несолько иную картину; мы видимъ, напримѣръ, что хлѣбъ воздѣлывается не на одинаково плодородной почвѣ, рыба ловится въ водахъ, не одинаково єю богатыхъ и т. д. Человѣкъ не въ силахъ устранить всѣ эти различія. Цѣнность и устанавливается здѣсь тѣмъ трудомъ, который люди примѣняютъ въ условіяхъ, наименѣе выгодныхъ, но продукты котораго находятъ сбытъ. Это положеніе ясно само собою. Если, напримѣръ, общество нуждается въ одномъ миллионѣ пудъ рыбы и одна половина этого количества добывается въ рекахъ, изобилующихъ рыбой, а другая—въ рекахъ, гораздо менѣе богатыхъ, то цѣнность необходимо должна регулироваться трудомъ, употребляемымъ въ послѣднихъ рекахъ; необходимо, чтобы онъ былъ оплаченъ, ибо въ противномъ случаѣ этотъ трудъ не будетъ привлекать къ себѣ предпримчивости и потребность не будетъ удовлетворена вполнѣ. Въ цѣнности же продуктовъ, добываемыхъ при болѣе выгодныхъ условіяхъ, всегда есть излишокъ, подходящій подъ понятіе о рентѣ. Можно установить, какъ общее, то положеніе, что цѣнность образуетъ трудъ, который прилагается при менѣе благопріятныхъ условіяхъ и на продукты котораго въ обществѣ есть запросъ.

Каждое благо, поступающее въ обмѣнъ, должно обладать полезностью, а потому нельзя считать трудомъ тѣ усилия, которыя не образуютъ полезности. Работы должны происходить въ такой формѣ, которая считается необходимою; каждый изъ моментовъ труда долженъ занимать опредѣленное мѣсто среди всѣхъ работъ, производящихся въ данномъ обществѣ. Трудъ утрачиваетъ долю своего общественнаго значенія, если произ-

водимые имъ продукты превышаютъ запросъ общества; образуются остатокъ; иногда вовсе бесполезный; этотъ остатокъ, поступая на рынокъ, не имѣть цѣлесоности, а съдовательно не имѣть цѣнности. Образуетъ цѣнность такое количество рабочаго времени, въ которое производится количество продуктовъ, соотвѣтствующее запросу общества, т.-е. образователемъ цѣнности является *общественно-необходимое рабочее время*.

Общественно-необходимое рабочее время не есть постоянная величина; оно измѣняется съ каждой перемѣной въ производительной силѣ труда, а послѣдняя опредѣляется среднею степенью ловкости рабочаго, уровнемъ развитія техники, раздѣленіемъ труда и условіями виѣшней природы. Въ одинъ годъ данное количество труда выражается въ 100 пудахъ рыбы, а другой—только въ 60. „Алмазы стоятъ очень дорого, но если бы удалось опыты искусственного добыванія алмазовъ изъ угля, то цѣнность ихъ была бы ниже цѣнности кирпичей“¹⁴).

Говоря, что цѣнность товара опредѣляется количествомъ труда, мы разумѣемъ не только текущій трудъ, но и тотъ, который воплотился въ орудіяхъ производства и матеріалахъ. Рикардо даетъ намъ прекрасный примѣръ для подтвержденія этой мысли. Опредѣляя мѣновую цѣнность бумажныхъ чулокъ, говорить онъ, мы увидимъ, что она зависитъ отъ совокупности труда, потраченного для производства ихъ и доставки на рынокъ. Во-первыхъ, сюда войдетъ трудъ, потраченный на обработку земли, на которой былъ взращенъ хлопокъ; во-вторыхъ, трудъ на перевозку хлопка въ страну, где изготавливаются чулки, въ-третьихъ, трудъ прадильщика и ткача; въ-четвертыхъ, часть труда инженера, слесаря и плотника, строившихъ зданія и машины, при помощи которыхъ были произведены чулки; въ-пятыхъ, трудъ мелочного торговца и множества другихъ лицъ... Общая сумма всѣхъ этихъ разнородныхъ работъ опредѣляетъ количество другихъ предметовъ, на которые будутъ обмѣнены чулки, и подобная же оцѣнка различныхъ количествъ труда, употребленного на производство другихъ предметовъ, опредѣлить то ихъ количество, которое будетъ дано за чулки“¹⁵).

Цѣнность есть высшее отвлеченіе изъ всѣхъ актовъ обмѣна. Основаніемъ же мѣновыхъ сдѣлокъ служить *цѣль производства*. Только живой трудъ создаетъ избыточную цѣнность и прибыль. А потому, если длина рабочаго дня и напряженіе труда въ двухъ предпріятіяхъ равны, то большую избыточную цѣнность даетъ предпріятіе, гдѣ больше велика оборотный капиталъ. Вотъ что мы читаемъ у Маркса: „Капиталы въ разныхъ отрасляхъ производства раздѣляются, въ процентномъ отношеніи, различно на постоянный и оборотный; они приводятъ въ дѣйствіе неодинаковое количество труда, производятъ неравные избыточные цѣнности, а, съдовательно, и прибыли, которая состоять

въ отношении избыточной цѣнности ко всему капиталу. Если капиталы въ разныхъ отрасляхъ производства даютъ, вслѣдствіе различія своего органическаго сложенія, относительно неравныя прибыли, то слѣдуетъ, что прибыли неравныхъ капиталовъ въ различныхъ отрасляхъ производства... непропорциональны высотъ затраченыхъ въ нихъ капиталовъ... Съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію, что въ дѣйствительности, независимо отъ мелкихъ, случайныхъ, взаимно уравновѣщающихся различій, разница въ нормѣ прибыли для разныхъ отраслей промышленности не существуетъ безъ того, чтобы не разрушить всей системы капиталистического производства”¹⁶.

Этотъ анализъ заставляетъ Маркса признать, что товары обмѣниваются не по своей цѣнности, а по своей *цѣнѣ производства*; послѣдняя же равна издержкамъ производства съ пріобщеніемъ къ нимъ доли годичной средней прибыли, которая, сообразно съ условіями ихъ оборота, причисляется на весь капиталъ, затраченный въ ихъ производствѣ. Первоначально нормы прибыли въ разныхъ отрасляхъ производства неравны; но соперничество выравниваетъ различія и образуетъ общую среднюю норму прибыли. Только въ рѣдкихъ случаяхъ 2 обмѣниваемые другъ на друга товара содѣржать равныя количества труда. Средняя цѣна товаровъ обыкновенно отличается отъ цѣнности, т. е. отъ количества реализованного въ нихъ труда.

Если бы подъ цѣнностью, какъ ее даютъ Рикардо и Марксъ, разумѣть всеобщую норму для обмѣна товаровъ, то явилось бы неустранимое противорѣчіе. Но Марксъ въ своемъ ученіи о цѣнности выдвигаетъ только общее мѣрило хозяйственныхъ благъ, т. е. продуктовъ труда. Такимъ мѣриломъ можетъ быть лишь трудъ, употребляемый на ихъ производство. Пользуясь веществомъ и силами природы, человѣкъ не можетъ затратить при производствѣ благъ ничего, кроме своего труда. Есть, поэтому, полное основаніе разматривать хозяйственная блага, относительно содѣржащагося въ нихъ труда, съ общей точки зрѣнія. При этомъ не принимаются въ разсчетъ ни формы производства, которыя исторически измѣняются, ни порядокъ распределенія. Если изучать отдельнаго человѣка или все человѣчество въ связи съ запасомъ естественныхъ богатствъ, то является безусловно истиннымъ положеніе, что въ оцѣнкѣ людей равны тѣ вещи, которыя могутъ быть добыты съ равными количествами усилий.

Цѣнность, опирающаяся на трудъ, является единственно возможнымъ мѣриломъ хозяйственной сущности вещей. Съ точки зрѣнія человѣчества, которому принадлежитъ вся земля съ ея богатствами, дѣло сводится только къ труду. Блага имѣютъ цѣнность потому, что произведены, но не потому, что поступаютъ въ обмѣнъ.

Эта цѣнность, сама по себѣ, еще не является опредѣленного отношения къ обмѣну благъ.

Разъ упрочилось денежное хозяйство, предприниматели становятся во главѣ всего процесса производства. Они распоряжаются всей рабочей силой, которую поставляетъ имъ данное общество; къ нимъ поступаютъ всѣ продукты, и отъ нихъ доли продуктовъ распредѣляются между представителями другихъ классовъ. Предприниматель хочетъ получить отъ капитала, который и аходится въ его распоряженіи, наиболѣе выгода. Получать на весь капиталъ относительно не менѣе прибыли, чѣмъ получаютъ другіе — вотъ самое менѣшее, на что идетъ предприниматель: если его соѣдь, ведя предпріятіе съ капиталомъ въ 10,000 рублей, имѣть хъ прибыли, то онъ, при капиталѣ въ 30,000 рублей, хочетъ получить не менѣе 3 хъ. А такъ какъ всѣ предприниматели стремятся получить наивысшій барышъ, то въ обществѣ съ свободнымъ соперничествомъ наступаетъ уравненіе прибылей: на капиталы, затраченные въ разныхъ производствахъ, получаются равныя нормы прибыли. Съ точки зрењія предпринимателей товары обмѣниваются, какъ равноцѣнныя, если равныя капиталы, вложенные въ разныя предпріятія, даютъ равныя прибыли. Такой взглядъ понятѣй: хозяинъ влагаетъ въ свое предпріятіе только капиталъ, а потому считаетъ справедливымъ, чтобы его капиталъ принесъ прибыль, относительно равную тому, что получаютъ другіе предприниматели.

Каждая отрасль производства удовлетворяетъ опредѣленную общественную потребность. Каждый товаръ имѣеть одну опредѣленную цѣну. Отношеніе же каждого предпринимателя въ отдельности съ его издержками производства къ средней цѣнѣ товара есть его личное дѣло: иногда его положеніе болѣе благопріятно, чѣмъ положеніе среднаго хозяина той же отрасли; иногда оно менѣе выгодно. Если же разумѣть подъ цѣнностью мѣновое отношеніе, при которомъ въ среднемъ каждый получаетъ то, что ему слѣдуетъ, согласно стъ господствующимъ экономическимъ строемъ, то про капиталистическое хозяйство приходится сказать такъ: товары тогда продаются по своей цѣнности, когда въ среднемъ предприниматели разныхъ отраслей получаютъ одну и ту же норму прибыли.

Трудовая теорія цѣнности вызвала много нападокъ. Бѣмъ-Баверкъ борется съ нею усердно. Познакомимся съ доводами этого писателя.

Австрійскій экономистъ объясняетъ, почему ученіе Рикардо-Маркса о цѣнности получило широкое распространеніе. Оно ведеть свое начало отъ Адама Смита. Послѣдній не развилъ теоріи и не обосновалъ ей; она высказана имъ какъ бы мимоходомъ. Она нашла безчисленныхъ послѣдователей по двумъ

причинамъ: во-первыхъ, ее пустилъ въ оборотъ Адамъ Смитъ; во-вторыхъ, онъ поставилъ ее, какъ аксіому, безъ всякихъ попытокъ доказать. Еслибы онъ выдвинулъ въ защиту теоріи хотя немногіо доводовъ, дѣйствующихъ на умъ, то ученіе было бы подвергнуто строгой оцѣнкѣ и несостоятельность теоріи была бы обнаружена. Но онъ обращался „только къ непосредственному чувствованію“. Только „натискомъ могутъ одерживать победу подобныя ученія“. — Такое объясненіе очень наивно. Авторитетъ Адама Смита былъ величъ, но никогда не пользовался безоговорочнымъ признаніемъ современныхъ ему и позднѣйшихъ экономистовъ по всей совокупности обобщеній, которыхъ были сдѣланы шотландскимъ мыслителемъ. Вспомнимъ многочисленныя возраженія Смиту со стороны Сисмонди, Рикардо, Мальтуза и другихъ. Попытка же признать теорію популярной именно по отсутствію разумныхъ доказательствъ со стороны того, кто пустилъ ее въ оборотъ, совсѣмъ несообразна въ примѣненіи къ данному случаю. Такая сила авторитета часто наблюдается въ области вѣры. Вѣра въ учителей нерѣдко оспѣвляетъ многихъ въ наукѣ, искусствѣ, практической дѣятельности: воспринимъ учение въ существенныхъ чертахъ, послѣдователи цѣлкомъ держатся и за тѣ его части, которыя явно нелѣпы. Но критическая работа мысли идетъ безостановочно въ круга такихъ послѣдователей; за предѣлами этой среды одинъ части ученія принимаются цѣлкомъ и становятся предметомъ дальнѣйшей разработки, другія — удерживаются со значительными измѣненіями, третьи — отбрасываются. То-же выпало на долю и Адама Смита. У него были слѣпые послѣдователи, но они давно забыты. У писателей же 19 вѣка, имена которыхъ сохранились въ наукѣ, мы находимъ усвоеніе его системы съ оговорками и дополненіями, а также рѣзкую полемику по многимъ вопросамъ. Смита радуетъ отмѣна цеховъ; онъ требуетъ неограниченной свободы въ хозяйственныхъ отношеніяхъ. А соціалисты, отъ самаго начала 19-го вѣка, настаиваютъ на необходимости такъ организовать хозяйственный бытъ, чтобы свобода отдельныхъ лицъ подвергалась существенному ограничению. Развитіе фабричного законодательства, зародившагося въ первыхъ годахъ 19 вѣка, было также отрицаніемъ экономическихъ идеаловъ Смита. Казалось бы, что блестящія страницы, посвященные Смитомъ раздѣленію труда, должны были быть приняты писателями всѣхъ направлений; однако, черезъ немногіо десятковъ лѣтъ Фурье внесъ въ эту теорію существенные перемѣны: онъ призналъ разнообразіе и правильное чередование занятій однимъ изъ важныхъ условій гармонического развитія хозяйственной жизни. Такъ же было встрѣчено и ученіе Смита о цѣнности. Рикардо измѣнилъ теорію Смита и обосновалъ ее. А Сэй, предлагая измѣрять цѣнность

полезностью, также пріобрѣль послѣдователей: однимъ изъ нихъ является Бёмъ-Баверкъ. Замѣчаніе послѣдняго, что Смить вы-
сказалъ свою теорію мимоходомъ, говорилъ „чувству непосред-
ственного восприятія“, свидѣтельствуетъ въ пользу ученія Ри-
кардо-Маркса. Почему, спросимъ мы, шотландскій мыслитель,
не развивъ ученія о цѣнности, выдвинулъ его, какъ аксіому,
и связать съ трудомъ? Вѣдь, могъ онъ также не развить, а
только обронить другую теорію, напримѣръ, связать цѣнность
съ полезностью. Онъ сослался аксіоматически на трудъ, какъ
мѣрило цѣнности, именно потому, что это соотвѣтствуетъ про-
стѣйшей и непосредственной оценкѣ человѣкомъ благъ, посту-
пающихъ въ его распоряженіе.

Возраженія Бёмъ-Баверка противъ самой теоріи сведены
къ пяти пунктамъ. Мѣновая цѣнность только иѣкоторыхъ благъ,
и то по временамъ, измѣряется количествомъ труда, затрачен-
наго на ихъ производство. 1) Не связана съ трудомъ цѣнность
благъ, которые не могутъ быть воспроизведимы или, по край-
ней мѣрѣ, не могутъ быть изготовлены въ количествѣ, соот-
вѣтствующемъ запросу: статуи, картины, рѣдкія книги и мо-
неты, вина высокаго качества. Сюда же относятся участки
земли, а также тѣ многочисленныя блага, при производствѣ
которыхъ на сцену выступаетъ монополія—патентъ на изобрѣ-
тенія, авторское право и проч. 2) Исключеніе составляютъ всѣ
блага, служащія плодомъ, такъ называемаго, квалифицирован-
наго труда. Бёмъ-Баверкъ считаетъ несообразнымъ приравни-
ваніе сложнаго труда простому. Какъ бы люди ни изощрили
свой умъ, говорить онъ, въ приравниваніи одного часа квали-
фицированнаго труда многими часами простой работы, для
теоріи продуцтъ одного рабочаго дня есть, все-таки, продуктъ
однодневнаго труда. И если продуктъ однодневнаго труда вая-
теля стоитъ столько же, сколько произведенія пяти дней про-
стой работы, то срывается основное правило,—что цѣнность
благъ измѣряется количествомъ воплощенного въ нихъ труда.
3) Слѣдуетъ исключить также всѣ блага, которые произведены
ненормально дурно оплаченнымъ трудомъ. А во многихъ от-
расляхъ промышленности заработная плата стоитъ долгое время
ниже цѣннага, необходимаго для жизни. 4) Отклоненіемъ
отъ установленнаго закона служитъ и то, что блага, цѣнность
которыхъ, вообще, соотвѣтствуетъ количеству вложеннаго въ
нихъ труда, очень часто не обнаруживаются этого соотвѣтствія:
колебанія спроса и предложенія то поднимаютъ цѣнность надъ
нормальнымъ уровнемъ, то опускаютъ ниже его. И, наконецъ,
5) независимо отъ временныхъ колебаній, блага имѣютъ не
одну и ту же цѣнность, если на нихъ были затрачены равныя
количества труда, но не съ одинаковыми участіемъ постоянн-
наго и оборотнаго капиталовъ. Такимъ образомъ, заключаетъ

Бёмъ-Баверкъ, законъ, что цѣнность благъ измѣряется количествомъ вложеннаго въ нихъ труда, совершенно ложень.

Будь эти возраженія обоснованы, и закону Рикардо-Маркса быть бы нанесенъ тяжелый ударъ. Однако, доводы Бёмъ-Баверка или невѣрны, или же являются произвольнымъ толкованіемъ теоріи цѣнности, а потому и не попадаютъ въ цѣль.

Блага, которыя не могутъ быть воспроизведимы въ количествѣ, соотвѣтствующемъ запросу, всегда сохраняютъ цѣнность выше количества труда, которое было затрачено на ихъ производство. Рикардо твердо помнитъ это. Всѣ такія блага—древнія статуи, картины, вино иѣкоторыхъ сортовъ и разные другие предметы — образуютъ маленькую группу, почти незамѣтную по сравненію съ массой благъ, количество которыхъ можетъ быть увеличиваемо соразмѣрно съ возрастаниемъ запроса. Первыя блага образовали бы очень обширную группу, если бы нужно было отнести къ нимъ участки земли. Однако, для этого неѣть основаній. При рѣдкомъ населеніи и низкой культурѣ земля не стоитъ ничего. Съ развитиемъ экономической жизни она становится предметомъ купли-продажи и достигаетъ высокой цѣны. Обширныя площади, особенно участки въ городахъ или естественно выросшіе лѣса, не связаны съ трудомъ человѣка. При ихъ оцѣнкѣ, пользуются фикціей, которая приравниваетъ землю продуктамъ труда. Дома для жилья, фабричныя зданія, машины, денежныя суммы являются продуктами труда; его количество, вложенное въ эти блага, опредѣляетъ ихъ цѣнность. Эти блага, будучи даны въ ессуду, приносятъ определенный доходъ, положимъ, 4% въ годъ. И участки земли разматриваются, какъ орудія производства, и приравниваются этимъ благамъ. Такимъ образомъ, десятина вѣковаго лѣса, выросшаго безъ участія человѣка, не стоитъ въ глухихъ мѣстахъ ничего, а въ населенныхъ — ея цѣна поднимается за полстолѣтія отъ немногихъ сотенъ до тысячи рублей. И во всѣхъ случаяхъ ея цѣна отожествляется съ цѣнностью разныхъ благъ, созданныхъ трудомъ и способныхъ служить источникомъ такого дохода, какъ эта десятина. За нее платить 1000 рублей, если она можетъ давать 40 рублей годового дохода.

Второе возраженіе только выдаетъ желаніе автора исказить теорію цѣнности, основывающуюся на труде. Всѣ, принимающіе эту теорію, съ удареніемъ говорятъ о томъ, что 1 часъ квалифицированного труда приравнивается 5—10—20 часамъ простой работы. Приравниваніе первого второму не ограничивается только видами труда, которые оплачиваются многими тысячами: оно распространяется и на разнообразныя занятія, которыя, по господствующимъ воззрѣніямъ, не относятся къ высшимъ или среднимъ. Положимъ, что трудъ простаго поденщика стоитъ 300 рублей въ годъ. Сравнительно съ этимъ трудъ

столяра, слесаря, садовника является уже квалифицированнымъ: эти люди получаютъ 600—700—900 рублей въ годъ и больше. Если по цѣнности свести къ самостоятельнымъ группамъ, всѣ виды труда, распространенные въ современномъ обществѣ, то получимъ длинный рядъ: на мѣстахъ, соответствующихъ, наиболѣе цѣннымъ занятіямъ, мы найдемъ немногихъ представителей; годовой трудъ каждого изъ нихъ цѣнится въ десятки и даже сотни тысячъ рублей. Чѣмъ дальше спускаться по этой лѣстницѣ, тѣмъ больше представителей будетъ на каждомъ мѣстѣ. Въ группѣ простѣйшихъ занятій мы насчитываемъ наиболѣшее число людей. Такимъ образомъ, процессъ сравниванія отдельныхъ видовъ труда по цѣнности распространяется на сотни и тысячи занятій. Все разнообразіе видовъ дѣятельности, известныхъ данному обществу, вся практическая трудность составить сравнительныя таблицы, пзъ которыхъ тотчасъ явствовало бы, сколько часовъ простаго труда содержать одинъ часъ работы адвоката, инженера, ваятеля, всѣ перемѣны, которыя, по мѣрѣ развития общества, совершаются въ расценкѣ занятій, не колеблютъ основнаго закона: цѣнность измѣряется количествомъ труда, вложенного въ благо. Какъ паровой двигатель не страдаетъ въ своей дѣятельности отъ того, что его силу измѣряютъ силой лошади, такъ и сведеніе дорого цѣнного труда на простѣйший изъ распространенныхъ въ данной средѣ не подрываетъ теоріи цѣнности.

Такимъ же характеромъ отличается и третье возраженіе. Конечно, довольно большое количество благъ производится трудомъ, за который платятъ гораздо ниже средней нормы: сошлемся прежде всего на область кустарной промышленности въ Россіи и другихъ странахъ. Но различіе въ оплатѣ труда не мѣшаетъ отысканію средней величины. Въ издергки по производству ишеницы входитъ и плата коецамъ; въ мѣстахъ рѣдко населенныхъ, съ большими запашками — таковы, напримѣръ, южная и юго-восточная губернія Россіи — она нерѣдко поднимается до 2—3 рублей въ день. Тамъ и сямъ, при недостаткѣ или дороговизнѣ рабочихъ, воинское начальство даетъ сельскимъ хозяевамъ солдатъ для уборки жатвы. Солдаты получаютъ за свой трудъ гораздо меньше рабочихъ. Этотъ порядокъ, выгодный для хозяевъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи такую рабочую силу, не срываетъ общаго правила, — что цѣнность ишеницы опредѣляется среднимъ трудомъ, необходимымъ для совершенія всего процесса — отъ подготовленія почвы до доставки зерна на рынокъ. Понятіе о среднемъ труде среднемъ, по личнымъ свойствамъ работающихъ и ихъ техническимъ пріемамъ — и о средне-необходимомъ рабочемъ применѣ, какъ измѣрителъ цѣнности, стало неотъемлемой принадлежностью этой теоріи.

Еще более странно звучит четвертое возражение. Всё писатели, принимающие теорию ценности Рикардо-Маркса, настаивают на томъ, что цѣны часто не совпадаютъ съ цѣнностью. Свобода частныхъ хозяйствъ и служить причиной того, что цѣна часто стоитъ выше цѣнности или ниже ея. Но законъ измѣренія цѣнности трудомъ, какъ широкое обобщеніе безчисленного множества разнообразныхъ сдѣлокъ, которая совершаются въ предѣлахъ народного и міроваго хозяйства, остается во всей своей силѣ. Есть мѣновыя сдѣлки, при которыхъ цѣна почти соответствуетъ цѣнности. Если общественная власть опредѣляется вознагражденіе за трудъ извозчиковъ, посыльныхъ, аптекарей, нотаріусовъ, то можно предполагать, что установленная такса, т. е. цѣна, соответствуетъ цѣнности, которую, по господствующимъ воззрѣніямъ, имѣть трудъ людей въ этихъ занятіяхъ. Огромное большинство мѣновыхъ сдѣлокъ не имѣть такого регулятора; однако, цѣны обладаютъ устойчивостью. Въ зависимости отъ успѣховъ техники и наслоенія новыхъ общественныхъ фактовъ цѣнность благъ измѣняется, большую частью, въ смыслѣ пониженія. Наблюдая измѣненіе цѣнъ въ теченіе долгаго периода, напримѣръ, десятковъ лѣтъ, мы видимъ, что рѣзкія колебанія становятся менѣе часты и длиятся немногого времени, что цѣны тяготѣютъ къ цѣнности, какъ она опредѣляется средними условіями производства данного товара. Если товаръ поступаетъ только на внутренній рынокъ, то установителемъ его цѣны является средній трудъ въ тѣхъ мѣстахъ или на тѣхъ промышленныхъ заведеніяхъ страны, которая изготавливаетъ наибольшую массу этого товара. Цѣнность же товаровъ, поступающихъ на міровой рынокъ, опредѣляется трудомъ, направляемымъ на производство данного товара въ странахъ, которые служатъ главными поставщиками міроваго рынка. За послѣднія десятилѣтія цѣна хлѣба обнаруживаетъ наклонность къ понижению, а мяса—къ повышению. Точка, къ которой тяготѣютъ цѣны продуктовъ земледѣлія и скотоводства, является ихъ цѣнностью, опредѣляемой издержками ихъ производства въ главныхъ странахъ вывоза—Соединенныхъ Штатахъ, Австралии, Россіи, Аргентинѣ. Трудъ, затрачиваемый въ этихъ странахъ на производство разныхъ продуктовъ земледѣлія и скотоводства, въ главной своей массѣ, есть среднє-необходимый трудъ съ точки зрѣнія міроваго хозяйства, а потому онъ и опредѣляетъ цѣнность пшеницы, ржи, овса, яицъ, масла, скота. Трудъ, затрачиваемый въ Западной Европѣ на производство этихъ товаровъ, поставленъ въ менѣе благопріятныя условія; еслибы онъ опредѣлялъ цѣнность, то она была бы значительно выше. Но густо населенные страны Европы являются второстепенными производительницами этихъ продуктовъ, а потому ихъ цѣнность регулируется трудомъ, который влагаютъ въ сельское хозяйство.

ство у главныхъ производителей этихъ благъ — въ странахъ вывоза. По мѣрѣ развитія міроваго хозяйства, колебанія цѣнъ становятся менѣе рѣзкими. Поскольку монополія не держитъ цѣны долгое время на очень низкомъ уровнѣ, цѣны замѣтно тяготѣютъ къ цѣнности.

Наконецъ, пятое возраженіе Бѣмъ-Баверка излишне: какъ ограниченіе закона, что цѣнность измѣряется количествомъ труда, затраченного на благо, это возраженіе выдвинулъ Рикардо и подробно развила Марксъ.

Иногда въ основавшіи нападокъ на эту теорію лежитъ стремленіе къ истинѣ. Но сплошь и рядомъ нападающіе руководятся побужденіями, которыхъ не имѣютъ ничего общаго съ интересами науки. Боязнь, что принятіе этой теоріи поколеблѣтъ право частной собственности, какимъ оно является въ настоящее время — вотъ обстоятельство, окрыляющее многихъ экономистовъ при ихъ полемикѣ съ учениемъ Рикардо-Маркса. Если основаніемъ цѣнности служить трудъ и только одинъ трудъ, то самые остроумные софизмы не смогутъ опровергнуть строй права собственности, ревниво охраняемый современнымъ государствомъ. Эта боязнь была довольно сильна и въ первой четверти 19 вѣка, когда едва сложилась трудовая теорія цѣнности. Но за послѣднія десятилѣтія 19 вѣка она перешла въ паническій страхъ: наиболѣе крупные сторонники этого ученія — Марксъ, Энгельсъ, Лассаль — приняли участіе въ практической дѣятельности, какъ представители интересовъ четвертаго сословія, а многочисленные труды по исторіи народнаго хозяйства и права раскрыли до мелчайшихъ подробностей процессъ, который создалъ строй частной собственности. А потому затрачивается много времени и силъ для того, чтобы, нападая на трудовую теорію цѣнности, отразить удары, которые наука наносить праву частной собственности. Если бы писатели, возражающіе противъ трудовой теоріи цѣнности, были свободны отъ духа партійной борьбы, то не умалчивали бы, что еще Рикардо подвергъ трудовую теорію ограничениямъ, которыхъ вытекаютъ язъ существа дѣла. И писатели, измѣряющіе цѣнность вещей ихъ полезностью, не пошли дальше развитія тѣхъ немногословныхъ положеній, гдѣ Рикардо говоритъ о рѣдкости, какъ условіи, которое опредѣляетъ цѣнность многихъ вещей. Какъ ни отвлечена книга Бѣмъ-Баверка по изложенію, по способу доказательствъ, однако, и на ней мы замѣчаемъ влияніе партійныхъ побужденій: ученіе о цѣнности не занимаетъ въ этой книжѣ главнаго мѣста; оно является только средствомъ для того, чтобы обосновать теорію прибыли на капиталѣ и доказать, что послѣдній обладаетъ самостоятельной творческой силой. Наши замѣчанія не вызовутъ возраженій со стороны людей, знакомыхъ съ развитіемъ политической экономіи;

они припомнить, какъ много слышалось и слышится узко-партийныхъ протестовъ, а равно и горячихъ похвалъ по поводу разныхъ экономическихъ теорій.

Чему же приписать тотъ фактъ, что трудовая теорія цѣнности получила большое распространеніе, и, не понравившись эклектикамъ, подкупила наиболѣе послѣдовательныхъ экономистовъ? Только тому, что въ ея основаніе положены міровой, общечеловѣческій фактъ—рабочее время, дорогое каждому при чрезвычайныхъ различіяхъ между людьми относительно вкусовъ, наклонностей, привычекъ. Въ труда происходитъ затрата нашихъ мышцъ и нервовъ, употребленіе всѣхъ частей нашего тѣла, словомъ — трата нашего я. Тратой своего я дорожитъ человѣкъ, дѣятельный и трудолюбивый, ибо онъ хочетъ, наилучшимъ образомъ использовать свое рабочее время, создать возможно больше въ каждую его единицу. Затрата смысла имѣть большое значеніе и для лѣнтия, такъ какъ каждая минута, проведенная въ труда, укорачиваетъ его досугъ, сокращаетъ его блаженную праздность, а въ какой-то онъ и полагаетъ весь смыслъ жизни. Титотелеръ не употребляетъ спиртныхъ напитковъ; вегетаріанецъ не есть мяса; неграмотный не нуждается въ книгахъ; дикарь подъ экваторомъ не имѣть потребности въ жилищѣ. Но все—ученый и неграмотный, европеецъ и гентельменъ, трезвый и пьяница, взрослый и ребенокъ — знаютъ цѣну своего рабочаго времени, знаютъ, что два часа труда требуютъ въ два раза большей траты жизни, чѣмъ одинъ часъ такого же труда. Каждый всегда носить въ себѣ это общее мѣрило цѣнности. Человѣкъ отказывается отъ этой обычной, средней, нормальной оцѣнки только относительно вещей очень рѣдкихъ, невоспроизводимыхъ въ произвольно большомъ количествѣ.

Мы закончимъ ученіе о цѣнности разборомъ теоремъ, которые стоять въ связи съ теоріей цѣнности.

1. Измѣненія въ высотѣ заработной платы и прибыли не оказываютъ влиянія на цѣнность товара. Повышеніе каждой изъ нихъ есть результатъ перемѣны только въ распределеніи продукта между работникомъ и капиталистомъ, а потому измѣненіе одной доли, не затрагивая цѣнности, вліяетъ только на соответствующее измѣненіе другой доли. Но, по мнѣнію Милля, цѣны товаровъ въ связи съ разными долями прибыли и заработной платы въ разныхъ производствахъ измѣняются не одинаково. Если въ двухъ производствахъ прибыль понижается равномѣрно, то цѣна тѣхъ продуктовъ, которые производятся съ болѣшимъ (или болѣе прочнымъ) постояннымъ капиталомъ, понижается сравнительно съ тѣми продуктами, которые производятся съ меньшимъ (или равнымъ, но менѣе прочнымъ) постояннымъ капиталомъ. При равномѣрномъ повышении при-

были, наступает обратное действие. Причина—то, что въ цѣнности продуктовъ первого рода прибыль составляетъ большую долю. Допустимъ, что въ двухъ производствахъ, изъ которыхъ въ первомъ вовсе неѣть постояннаго капитала, цѣнность продуктовъ относится, какъ 1200:800, что въ первомъ заработкая плата составляетъ 1000, прибыль 200 единицъ, а во второмъ на долю заработной платы приходится 500, на прибыль—200 и на починку машинъ 100 единицъ. Если прибыль понизилась на 50%, то цѣнности будуть относиться, какъ 1100:700, т.-е. цѣнность продуктовъ второго рода упадетъ относительно цѣнности продуктовъ первого рода. Такъ разсуждаетъ Милль. Но это положеніе не можетъ быть принято, ибо не вѣрна посылка, изъ которой исходитъ Милль. Онъ говорить только о понижениіи прибыли и не объясняетъ, что сдѣлалось съ долей, отнявшейся отъ прибыли. Эта доля, скажемъ мы, пошла на увеличеніе заработной платы. Отъ прибыли въ обоихъ случаяхъ отпало по 100 рублей, которые поступили въ заработную плату. Вѣдьствие этого измѣнится отношеніе между прибылью и заработной платой (1100 и 100, 600 и 100), цѣнности же товаровъ останутся неизмѣнными—1200 и 800.

2. Рента, какъ утверждаютъ многіе экономисты, не входитъ въ составъ цѣнности. Это вѣрно относительно тѣхъ произведеній земли или воды, которыми устанавливается цѣнность, ибо они производятся при наименѣѣ выгодныхъ условіяхъ, чрезъ эксплоатацию худшихъ участковъ земли, рудниковъ, водъ, не дающихъ ренты. Но если вспомнимъ, что цѣнность продукта опредѣляется не только трудомъ, затраченнымъ прямо на него, но также трудомъ на изготавленіе орудій, добываніе матеріаловъ, то можно съ увѣренностью сказать, что не найдется ни одного продукта, въ составѣ цѣнности которого не входила бы рента; изъ множества разнообразныхъ трудовъ, затраченныхъ на товаръ, всегда найдется такой, который былъ обставленъ довольно благопріятными условіями, предполагающими наличность ренты. Возьмемъ пудъ неченаго хлѣба и предположимъ, что онъ приготовленъ изъ пшеницы, выросшей на землѣ, которая не даетъ ренты. Очень вѣроятно, что орудія, которыми обрабатывался участокъ земли, сдѣланы изъ металла, добытаго въ рудникѣ, который приноситъ ренту, что рента поступаетъ за участокъ, на которомъ стоитъ пекарское заведеніе и т. д. Въ цѣнности нашего пуда хлѣба будутъ и частицы этихъ рентъ. Такимъ образомъ, вышеуказанное положеніе должно быть распространено только на трудъ, который устанавливаетъ цѣнность товара.

3. Могутъ ли одновременно повыситься или понизиться цѣнности всѣхъ товаровъ? Милль считаетъ это логической несъобразностью; это, по его мнѣнію, такъ же невозможно,

„какъ изъ десятка лошадей на бѣгу не всѣ десять обскакиваютъ другъ друга“^{16).} Здѣсь онъ разумѣеть подъ цѣнностью рыночную цѣну, т.-е. отношеніе, въ которомъ, при данныхъ условіяхъ мѣста и времени, блага обмѣниваются одно на другое. Конечно, если возросла цѣна однихъ товаровъ, то, относительно ихъ, падаетъ цѣна другихъ. Но цѣнность, т.-е. способность блага обмѣниваться на другія, измѣряемая количествомъ труда, не должна быть смѣшиваема съ цѣнной. Мыслимо и возможно одновременное повышеніе цѣнности всѣхъ товаровъ, какъ результатъ уменьшенія производительности всѣхъ видовъ народного труда. При обычномъ теченіи хозяйственной жизни такое явленіе невозможно. Но послѣ опустошеній, произвѣдимыхъ продолжительными войнами и вслѣдствіе связанной съ ними отвѣчки большинства населенія отъ правильной работы, вслѣдствіе ослабленія трудовыхъ навыковъ, всѣ цѣнности могутъ возвыситься, цѣны же могутъ остаться безъ перемѣнъ или только въ слабой степени отразить на себѣ измѣненіе цѣнности. Лучшимъ показателемъ этого служитъ обѣднѣніе народа, слѣдующее за періодами долгихъ опустошительныхъ войнъ. То же скажемъ и о пониженіи цѣнности. Трудно найти періодъ, когда въ теченіе короткаго времени понизилась бы цѣнность всѣхъ товаровъ. Пониженіе же цѣнности очень многихъ разнообразныхъ товаровъ всегда слѣдуетъ за крупными техническими изобрѣтеніями и привлечениемъ на службу человѣку неизвѣстныхъ ранѣе силъ природы. Такъ было послѣ примѣненія пара къ промышленности. Еще болѣшаго нужно ожидать отъ окончательнаго поступленія электричества во власть человѣка.

ПРИМЪЧАНІЯ КЪ ПЕРВОЙ ГЛАВѢ.

- 1) *Cours complet*, I, 18.
- 2) *Kries. Das Geld*, I, 124.

3) Книгъ придаетъ большое значеніе установленной имъ классификациіи цѣнности. Классификація основывается на тѣхъ свойствахъ, благахъ, которыя побуждаютъ признавать за ними полезность и цѣнность. а) Въ однихъ благахъ мы придаляемъ особенное значеніе матеріи (твердость, мягкость, прочность, питательность); отсюда *цѣнность вещества*. б) Въ другихъ наше особенно привлекаетъ форма (изящество, красота, круглость, симметричность частей); отсюда *цѣнность формы*. в) Третьимъ мы придаемъ значеніе только въ случаѣ нахожденія ихъ въ извѣстномъ мѣстѣ, топографическому расположению благъ (полезность и цѣнность земли около городовъ, подъ нѣю пустынь, дроиъ у себя на дворѣ и отсутствіе полезности этихъ предметовъ при другихъ условіяхъ). По его мнѣнию, первую цѣнность производитъ добывающая промышленность, вторую—обрабатывающая, третью—торговля. Эта классификація усвоена многими пѣмѣцкими экономистами, однако, она совершенно бесполезна и является только упражненіемъ въ создании новыхъ терминовъ. Найдутся люди, которые высоко цѣнятъ гигантское сужно красивыхъ цѣнторы или драгоценные каменя только ради ихъ прочности и т. д. Въ общемъ же блага имѣютъ полезность вслѣдствіе

обладанія всіми тіміи свойствами, якотра необходими для удовлетворенія потребностей чоловіка: золото, тексти, обувь имають поцезність велідстнієї своєї прочності и изящства, т. е. и по свойствамъ цнностямъ, и по особливостямъ формы; участокъ земли ідь-нибудь изъ прекрасной долинѣ Кавказа или Альпъ, даже трудно доступный, можетъ иметь боляшую цнность, нежели участокъ строеваго лѣса около города. Словомъ, не помотая памъ познать цнності, эта классификація излишня.

- 4) *Harmonies économiques*, 150, 153 и 156.
- 5) *Lassalle*. *Kapital u. Arbeit*, 141—42.
- 6) *Harmon. économ.*, 146—47.
- 7) *Macleod*. *Principles*, 331.
- 8) Т. ж. 332.
- 9) *Zieber*. Теорія цнности, 135.

10) *Böhm-Bawerk*. *Kapit u. Kapitalzins*, II, 135 — 201. Джевонсъ, Вальрасъ и Менгеръ положили начало этой теоріи. Бемъ Баверкъ считаетъ то залогомъ истинности этого учения, что оно было почти одновременно и самостоятельно установлено тремя названными писателями. Еслибы авторъ припомнить, какъ много ошибочныхъ возарѣй высказывалось одновременно, напримѣръ, меркаптистами, то не видѣть бы въ этомъ залога истинности своей теоріи. — Менгеръ, вообще проницательный мыслитель, становится крайне мелочнымъ при разработкѣ теоріи Сэя-Книса. Принимая самостоятельное существование цнности потребленія (полезность), онъ ограничивается разборомъ единичныхъ исключительныхъ случаевъ дѣйствительной жизни: цнности потребленія костиля для калѣки, игрушекъ — для дитяти, средствъ образованія для юноши, средствъ пріобрѣтенія — для чоловіка зрѣлого возраста и т. д. Онъ показываетъ, какъ съ измѣненіемъ въ положеніи людей, съ возрастомъ измѣняется цнность потребленія однихъ и тѣхъ же благъ (*Grundsätze* 213 — 224). Отмѣчая только частности, придавая слишкомъ большое значеніе индивидуальнымъ на-клонностямъ, вкусамъ, прихотямъ, онъ совершенно забываетъ о мѣновой цнности, томъ началь, на которомъ зиждется весь обмѣнъ. Глубокомыслившее обдумываніе того, что имѣеться для нашихъ дѣтей болѣшую цнность потребленивіа, воіочки или барабаны, не далеко подвинетъ настъ въ познаніи законовъ обмѣна.

- 11) *Kapital u. Kapitalzins*, II, 243.
- 12) О богат. народ., I, 135.

13) Т. ж. 136. *Дж-Книнсъ* подвергъ критикѣ это положеніе Адама Смита. Различая *положительную* цнность блага подъ віяніемъ значенія, которое ему придаются независимо отъ затраченного труда (стаканъ воды для жаждущаго) и *отрицательную*, опредѣляемую трудностью получения блага, Дж-Книнсъ думаетъ, что высшая цнна можетъ подняться только до степени важности блага, которую признаетъ за нимъ покупатель, и не можетъ перейти за этотъ предѣлъ. Изъ 100 случаевъ въ 99-ти цнность опредѣляется трудностью получения блага (не производствомъ), а въ одномъ случаѣ далеко превышаетъ эту норму и опредѣляется уже степенью годности, которую покупатель признаетъ за благомъ. Алмазъ, жемчугъ имѣютъ высокую цнну потому, что за ними признаютъ высокую степень удовлетворенія извѣстныхъ потребностей. Ошибаются, по мнѣнію автора, когда приписываютъ высокую цнну рѣдкости венци, монополіи. Послѣдня не выражаетъ ровно ничего. Это такъ же вѣрно, какъ утверждать, что остиженіе венци сторожемъ есть причина ея кражи. Нужна дѣйствительная причина, а не условія, которая облегчаютъ ея дѣйствіе. (*Logic*, 268 и далѣе).

- 14) *Марксъ*. *Капиталъ*, I, 5.
- 15) *Principles*, 17.
- 16) *Marx*. *Das Kapital*, III/1, 128—131.
- 17) *Милль*. *Основанія*, 521—22.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

РЫНОЧНЫЕ ЦЕНЫ.

Пособия: тѣ же, которые указаны для предыдущей главы. Сверхъ того, смотри: Чупровъ. Полит. эконом. Neumann. Die Gestaltung des Preises, въ курсѣ Schönberg'a L. Kaiser. Der Güterumlauf in seiner Bedeutung für die Volkswirtschaft. 1888. Zuckerhandl. Theorie des Preises. 1879. Wasserrad. Preise u. Krisen. 1889. Schwierland. Gross- u. Kleinhandelspreise.—Jahrbuch. für Nationalök. u. Statistik. 1889. Дальнишія указанія на литературу. См. у Lehr'a Grundbegriffe u. Grundlagen der Volkswirtschaft.

Общее правило обмѣна состоитъ въ томъ, что товары имѣютъ наклонность обмѣниваться другъ на друга въ такомъ отношеніи, которое соответствуетъ ихъ цѣнѣ производства; при этомъ каждому производителю оплачивается стоимость производства. Но общество состоитъ изъ многихъ частныхъ хозяйствъ, которые владѣютъ своими продуктами. Каждое изъ нихъ свободно распоряжается своимъ товаромъ, и блага часто могутъ обмѣниваться другъ на друга и не пропорционально цѣнѣ производства.

Отношеніе, въ которомъ товары въ дѣйствительности обмѣниваются другъ на друга при данныхъ условіяхъ мѣста и времени, называется *рыночной ценой*. Она можетъ приближаться къ цѣнности, но можетъ и не соответствовать ей; она можетъ быть равна дѣйствительной стоимости, можетъ быть и выше и ниже ея. Вопросъ о томъ, отъ чего зависятъ колебанія рыночной цѣны, уясняется разсмотрѣніемъ самого процесса, посредствомъ которого она устанавливается.

Охраняя себя отъ неблагопріятныхъ вліяній, человѣкъ руководствуется хозяйственнымъ разсчетомъ. Люди постоянно стремятся произвести наиболѣе благъ съ наименьшою затратою труда. Въ первобытномъ хозяйстве этотъ разсчетъ отличается крайнею простотой; тамъ всѣ усилия человѣка направлены лишь на то, чтобы собственнымъ трудомъ обеспечить удовлетвореніе потребностей; его разсчетъ состоить въ приоравленіи труда къ размѣрамъ потребленія. Въ хозяйствахъ, основанномъ на обмѣнѣ благъ, разсчетъ принимаетъ другую форму. 1) Во-первыхъ, человѣкъ стремится занять такое мѣсто и избрать то занятіе, где трудъ его лучше вознаграждается. 2) Въ хозяйствахъ, основанномъ на обмѣнѣ, человѣкъ удовлетворяетъ свои потребности не лично добытыми благами, а преимущественно благами, полученными въ обмѣнѣ на собственные продукты; при обмѣнѣ продуктовъ каждый стремится продать свой трудъ по возможности дороже и купить товары другихъ дешевле. 3) Хозяйственный разсчетъ указываетъ на необходимость регулировать потребленіе не только сообразно съ производитель-

постью собственного труда, но и въ связи съ тѣмъ количествомъ товаровъ, которое можетъ быть получено въ обмѣнъ. Вотъ почему человѣкъ расширяетъ потребленіе не только съ ростомъ производительности своего труда, но и при возможности получить въ обмѣнъ товары другихъ болѣе дешево. Наличность противоположныхъ условій побуждаетъ его уменьшить потребленіе.

Эти побужденія людей вызываютъ ту борьбу интересовъ, которая именуется *соперничествомъ*. Еще Ад. Смитъ ясно изобразилъ процессъ, въ которомъ оно совершается. Онъ говорить такъ: „Рыночная цѣна каждого товара опредѣляется отношеніемъ между количествомъ, существующимъ на рынке, и требованіями тѣхъ людей, которые готовы купить его по естественной цѣнѣ, т.-е. оплатить то, чѣго стоилъ наемъ земли, капитала и труда для доставленія его на рынокъ. Послѣднихъ можно назвать дѣйствительными потребителями, а требованія ихъ—дѣйствительнымъ *спросомъ*, ибо этотъ спросъ и производить то дѣйствіе, что товаръ поступаетъ на рынокъ“¹⁾). Количество, поступающее на рынокъ, есть *предложеніе*; количество, которое желаютъ и могутъ купить, называется *спросомъ*. Отсюда мы заключаемъ, что цѣна товара опредѣляется отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ.

Когда количество какого-либо произведенія, доставленного на рынокъ, ниже дѣйствительного спроса, то не всѣ лица, готовы оплатить издержки производства товара, будутъ въ состояніи добыть потребное его количество. Многія изъ нихъ скорѣе согласятся заплатить за него дороже, чѣмъ не получить вовсе. Между ними немедленно обнаружится конкуренція, и рыночная цѣна поднимется болѣе или менѣе выше цѣны производства. Она будетъ подниматься до тѣхъ поръ, пока не уменьшится спросъ, не отпадутъ нѣкоторые изъ желающихъ приобрѣсти товаръ. Когда же количество товара, доставленного на рынокъ, превышаетъ дѣйствительное требованіе, то все оно не можетъ быть продано тѣмъ, кто согласенъ уплатить стоимость издержекъ его производства. Рыночная цѣна товара въ такомъ случаѣ упадетъ болѣе или менѣе ниже цѣны производства и будетъ понижаться до тѣхъ поръ, пока понижение не привлечетъ къ товару новыхъ покупателей. Расширеніе спроса приравниваетъ его предложенію товара и останавливаетъ дальнѣйшее паденіе цѣнъ.

Хотя рыночная цѣна всѣхъ товаровъ часто отклоняется отъ цѣны производства вверхъ или внизъ, однако, есть силы, которые стремятся привести ее къ этому уровню. Производство товаровъ, цѣна которыхъ высока, увеличивается. Въ эти отрасли притекаютъ новые производители, старые же расширяютъ свои предпріятія. Возможная прибыль соблазняетъ многихъ пред-

принимателей. При посредствѣ кредита новые капиталы легко приливаютъ къ доходнымъ отраслямъ. Въ конечномъ итогѣ предложеніе товара увеличивается, и цѣна его понижается до уровня цѣны производства или ниже. При низкой цѣнѣ происходитъ обратное явленіе: отливъ капиталовъ, сокращеніе производства, уменьшенное предложеніе и повышеніе цѣны до уровня цѣнности. Хотя можно лишь крайне рѣдко уловить моментъ, когда рыночная цѣна совпадала бы съ цѣнною производствомъ, однако, постоянно наблюдается паклонность къ уравненію. Мисль, говоря объ этомъ, очень удачно уподобляетъ рынокъ состоящему морю: море всегда стремится къ уровню, но никогда не бываетъ съ точностью на уровнѣ; поверхность его постоянно колеблется волнами и часто возмущается бурями. Довольно того, что быть, по крайней мѣрѣ, на открытомъ морѣ ни одной точки, которая была бы постоянно выше другой. Каждый пунктъ моря поочередно поднимается и падаетъ, но океанъ сохраняетъ свой уровень²⁾.

Приорованіе цѣны къ цѣнности совершаются иногда путемъ установленія такой цѣны, которая стоитъ некоторое время ниже издержекъ производства. Увеличеніе размѣровъ производства ведетъ, какъ известно, къ относительному уменьшенію издержекъ. Желѣзныя дороги, пользуясь этимъ закономъ, понижаютъ плату за перевозку людей и грузовъ въ надеждѣ, что уменьшенная плата увеличитъ ихъ перевозки. Таково, напримѣръ, пониженіе платы при выдачѣ абонементныхъ билетовъ, круговыхъ билетовъ для поездокъ на выставки, съезды, народные праздники. Пониженіе цѣны, какъ показываетъ опытъ, сдѣланный во всѣхъ государствахъ, такъ увеличиваетъ движение на желѣзной дорогѣ, что ея расходы относительно уменьшаются, а чистый доходъ возрастаетъ. Однородного образа дѣйствій держатся тѣ продавцы, которые стремятся обеспечить себѣ постоянный кругъ покупателей. Книгопродавцы продаютъ своимъ покупателямъ книги со значительной скидкой. Содер-жатели гостиницъ берутъ пониженнную плату съ жильцовъ, которые нанимаютъ комнаты помѣсячно. Во всѣхъ такихъ случаевъ понижения цѣны продавцы руководствуются разсчетомъ, что подобный образъ дѣйствій можетъ расширить ихъ сбытъ и относительно уменьшить издержки производства, т.-е. понизить цѣнность каждой единицы товара и каждой услуги въ большей пропорціи, нежели понижается цѣна.

Въ данное время и определенномъ мѣстѣ страны, при развитомъ капиталистическомъ хозяйствѣ, почти каждый товаръ имѣеть одну и ту же цѣну при всѣхъ мѣновыхъ сдѣлкахъ. Именно ее мы и называемъ *рыночной*. Но повсюду можно найти много отклоненій отъ нея. Нѣкоторые изъ нихъ—только какущіеся. Въ богато обставленномъ торговомъ помѣщеніи поку-

иначе приобретать данный товаръ за болѣе высокую цѣну, чѣмъ въ убогой лавочкѣ. Въ модной улицѣ города товары стоятъ дороже, чѣмъ на базарѣ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ разница сводится къ размѣрамъ издержекъ для продавца: на каждую единицу товара издержки падаютъ болѣею суммою для содержателей богато обставленныхъ магазиновъ въ модныхъ улицахъ города.

Мелкія, частичныя вліянія обнаруживаются тамъ и сямъ; но есть средняя рыночная цѣна; она не устанавливается сама собою: она есть плодъ высоко развитой экономической жизни. Не прошло и двухъ столѣтій съ того времени, когда промышленность была подчинена цеховымъ обычаямъ. Оберегая интересы членовъ, цехи устанавливали цѣну на ихъ издѣлія. Въ капиталистическомъ обществѣ цѣны большей части товаровъ опредѣляются помимо вмѣшательства общественной власти; они являются результатомъ свободно дѣйствующихъ силъ. Силы могутъ быть свободны только при наличии нѣкоторыхъ условій.

Первое—то, чтобы блага изготавливались, главнымъ образомъ для обмѣна. Когда каждый производить для другихъ, неизвѣстныхъ потребителей, и самъ со всѣми своими пуждами становится въ зависимости отъ другихъ, его хозяйственная дѣятельность принимаетъ строго общественный характеръ. Производство и потребление каждого члена общества приводится въ связь съ рынкомъ. Чѣмъ болѣе обширенъ рынокъ для каждого товара, чѣмъ болѣе стушевывается значеніе отдельныхъ лицъ, тѣмъ легче каждая сдѣлка приближается къ среднему общественному типу сдѣлокъ. Пока семья удовлетворяетъ собственнымъ трудомъ свои потребности, она мало зависитъ отъ окружающихъ. Мѣновые акты, которые она совершаєтъ, не занимаютъ виднаго мѣста въ ея жизни. Она едва зависитъ отъ большихъ массъ, а потому ея индивидуальные влечения получаютъ широкій просторъ. Цѣны, по которымъ она продаетъ избытки своего товара, отличаются пестротой: иначе онѣ гораздо ниже, чѣмъ были вчера. Въ такихъ мѣновыхъ сдѣлкахъ все случайно, неопределенно.

Для изученія средней цѣны необходимо и то, чтобы мѣняющиеся имѣли въ виду хозяйственныя цѣли, — веденіе промысла или потребление — и чтобы они стремились достичнуть этого съ наименьшими затратами. Несомнѣнно, при обмѣнѣ дѣйствуютъ и не хозяйственныя соображенія, но они занимаютъ подчиненное мѣсто. „Такъ, напримѣръ, не слѣдуетъ решать задачу о цѣнѣ на основаніи того, что мы наблюдаемъ, говоритъ Шлаттеръ, на базарахъ съ благотворительной цѣлью: здесь при каждой покупкѣ имѣть значеніе красота и энантность, богатство и связи благородныхъ продавцовъ, а также

тицеславіе, самохвальство, карьеризмъ и глупость покупателей; здѣсь цѣны на одну и ту же бездѣлушку колеблются между однимъ франкомъ и тысячами; а въ отдельныхъ случаяхъ здѣсь принимаются въ разсчетъ и интересы бѣдныхъ³). Довольно, при изслѣдованіи экономическихъ явлений, только упомянуть о второстепенныхъ мотивахъ. Если экономистъ попытается установить законы на основаніи всѣхъ индивидуальныхъ случаевъ, то его выводы будутъ шатки и неопределенные. Попытка вилести въ хозяйственныя разсчеты, руководящіе людьми при мѣновыхъ сдѣлкахъ, и другія побужденія, не можетъ быть одобрена: сдѣлки, при которыхъ люди руководствуются не одиними хозяйственными соображеніями, совершенно исчезаютъ во множествѣ случаевъ купли — продажи, гдѣ преслѣдуются только экономическая цѣли, гдѣ люди стремятся извлечь изъ сдѣлки всѣ выгоды, которыя она можетъ доставить. Каждый годъ отъ сельскихъ хозяевъ къ оптовымъ торговцамъ, а отъ послѣднихъ къ розничнымъ поступаютъ миллиарды пудъ пшеницы и ржи. Каждый годъ въ европейско-американскомъ мірѣ расходуются миллиарды рублей на покупку каменнаго угля, желѣза, дровъ, хлопка, шерсти, тканей и другихъ предметовъ. Каждый годъ населенію всѣхъ европейскихъ столицъ предлагается иѣсколько миллионовъ квартиръ. Подавляющее большинство этихъ сдѣлокъ заканчивается уплатой цѣны, которая для данного времени, мѣста, данныхъ условій продажи признается среднею. Развѣ въ этихъ миллиардахъ не растворяются до полной незамѣтности тѣ случаи, когда состоятельный землевладѣлецъ прощастъ крестьянамъ, пострадавшимъ отъ неурожая, муку по пониженнѣй цѣнѣ или погорѣльцамъ — броши со скидкой 50%, когда городское управление уступаетъ бѣднѣйшимъ жителямъ дрова и каменный уголь съ большой скидкой, а домовладѣльцъ отводитъ часть своего зданія подъ дешевые квартиры и взимаетъ наемную плату значительно ниже средней?!

Свобода совершающихъ мѣновые сдѣлки отъ всякаго вѣнчанаго принужденія есть также необходимое условіе, дабы рыночная цѣна установилась подъ влияніемъ хозяйственного разсчета. Такса, назначаемая общественной властью на вещи или услуги, есть рыночная цѣна; но она не слагается подъ влияніемъ началь, который, въ качествѣ основныхъ общественныхъ силъ, руководятъ мѣняющимися сторонами.

Наконецъ, рыночная цѣна предполагаетъ, что покупатели достаточно разумны, хотя немного знаютъ товары, а потому и могутъ настоять, чтобы съ нихъ взяли не дороже, чѣмъ съ другихъ. Наивно говорить о рыночной цѣнѣ въ сдѣлкахъ европейскихъ или американскихъ торговцевъ съ дикарями, которые даютъ первымъ золото и слоновую кость въ обмѣнѣ на самыя ничтожныя бездѣлушки, т. е. платить въ 10, 20 разъ дороже

цены, которая установилась бы при правильном обмене этими предметами. Самая организация торговли въ культурной странѣ облегчаетъ приобрѣтеніе товаровъ по рыночной ценѣ: о малѣйшихъ колебаніяхъ оптовыхъ цѣнъ товаровъ телеграфъ сообщаетъ немедленно во все концы свѣта; а въ развитой торговлѣ получаетъ все большее распространеніе обычай устанавливать крайнія цѣны и не давать скидокъ.

Наконецъ, возможность среднихъ, рыночныхъ цѣнъ предполагаетъ довольно много людей на сторонѣ покупателей и продавцовъ даннаго товара. Огромное большинство товаровъ такъ распространены, что покупатели являются въ значительномъ или даже большомъ числѣ. На сторонѣ же предложений часто бываетъ иначе: одно лицо или немногія, действующія по соглашенію, являются продавцами многихъ товаровъ.

Законъ рыночныхъ цѣнъ, изслѣдованиемъ котораго экономисты занимались въ теченіе двухъ столѣтій, изученъ съ достаточною ясностью и полною и не требуетъ добавокъ; но необходимо указать на ограниченія этого закона. Они происходятъ отъ того, что въ хозяйственной жизни существуютъ сферы, гдѣ вовсе нѣть соперничества или гдѣ оно очень слабо. Во-первыхъ, предложеніе не всегда соотвѣтствуетъ спросу. На рынкѣ обращается много предметовъ, предложеніе которыхъ не можетъ быть увеличено въ силу естественныхъ или искусственныхъ причинъ. Древнія книги, статуи и картины знаменитыхъ художниковъ, вина и другие предметы, доставляемые исключительно данною мѣстностью, земельные участки, которые отличаются красотою мѣстоположенія, дома въ городахъ, окружанныхъ крѣпостною стѣною, — все это предметы, предложеніе которыхъ никоимъ образомъ не можетъ быть увеличено: поэтому они могутъ быть названы естественными монополіями. Вотъ почему Рикардо въ однихъ случаяхъ основываетъ цѣнность на количествѣ труда, необходимаго на добываніе благъ, а въ другихъ — на ихъ рѣдкости. Къ этой же группѣ нужно отнести однородные товары, различающіеся по степени полезности; таковы, напримѣръ, березовый и осиновый дрова, русское и черкасское мясо, услуги адвоката, врача средняго искусства и особенно искусствъ. Хотя цѣнность этихъ товаровъ одинакова, но если общество предъявляетъ запросъ на менѣе полезные виды благъ даннаго рода, то виды болѣе полезные принадлежать къ естественнымъ монополіямъ; цѣна ихъ всегда превышаетъ цѣнность. Помимо естественныхъ причинъ предложеніе ограничивается иногда и искусственными: существуютъ такъ называемыя искусственные монополіи — табачная, лоттерейная, пороховая, карточная, которые устанавливаются государствомъ или въ его интересахъ, или же въ интересахъ различныхъ учрежденій и даже лицъ. Въ Рос-

сіи игральныя карты очень дороги, потому что ихъ производство и сбыть составляютъ монополію воспитательныхъ домовъ. Наконецъ, периодически все товары могутъ имѣть монопольную цѣну за невозможностью увеличить ихъ количество: хлѣбъ—до новой жатвы, рыба—до нового периода лова, всякий товаръ въ теченіе распутицы, бездорожья, когда нельзя доставить его въ данную мѣстность. Во всѣхъ этихъ случаяхъ рыночная цѣна товара можетъ подниматься очень высоко надъ цѣною производства. Высшимъ предѣломъ является цѣна, при которой можетъ получить сбыть все количество товаровъ. Приведемъ здѣсь примѣръ де-Квинса. Представимъ себѣ корабль въ открытомъ океанѣ. Кто-либо изъ пассажировъ захотѣлъ имѣть музыкальный инструментъ, а на кораблѣ есть только одинъ, стоящій въ Лондонѣ одинъ фунтъ стерлинговъ. Владѣлецъ инструмента будешь требовать за него 60 фунтовъ и, такъ какъ предложеніе увеличено быть не можетъ, легко получить ихъ, если на кораблѣ найдется страшный любитель музыки.

Напряженность запроса и богатство покупателей решаютъ относительно многихъ товаровъ, къ которымъ не примѣнимъ законъ рыночныхъ цѣнъ. Имѣть большое значеніе мода, эстетическій вкусъ, тщеславіе, а главное — число богатыхъ людей, выступающихъ соискателями данного товара. При этомъ цѣна теряетъ свой общественный характеръ: на нее ложится печать индивидуального вкуса. Положимъ, что открыта картина Рембрандта, не уступающая его лучшимъ произведеніямъ. Покупателями явятся только очень богатые люди, а также правительства тѣхъ странъ, где не жалѣютъ средствъ на пополненіе музеевъ. И если богачъ А., побѣдивъ соискателей, заплатилъ за картину 5 миллионовъ рублей, то нельзя сказать съ уверенностью, чѣмъ руководился онъ при столь большой затратѣ. Быть можетъ, эта картина особенно отвѣчаетъ на его художественное чувство; можетъ быть, онъ хочетъ удовлетворить свое тщеславіе сознаніемъ победы надъ соперниками. Если спросомъ на сотню бутылокъ рейнвейна 1820 года поднимаются его до баснословной цѣны, то можно предположить, что очень старое вино удовлетворяетъ гастрономическій вкусъ, а главное, тщеславіе покупателей. Отдельные случаи такихъ покупокъ могутъ быть интересны, но, даже вмѣсть взятые, они исчезаютъ въ подавляющемъ множествѣ сдѣлокъ, при которыхъ товаръ продается по средней цѣнѣ. Изученіе именно этихъ сдѣлокъ и позволяетъ намъ познакомиться съ типомъ современного обмѣна.

Съ другой стороны, есть блага, предложеніе которыхъ не можетъ быть скоро уменьшено: таковы обильные запасы земледѣльческихъ продуктовъ, дома въ городѣ; таковы многія лич-

ними услуги. Съ 60-хъ годовъ, когда въ нашемъ отечествѣ были введены новыя судебныя учрежденія, столь многія лица стали посвящать себя дѣятельности адвоката, что эта отрасль занятій переполнилась на долгое время и цѣна услугъ адвокатовъ въ среднемъ опустилась ниже ихъ цѣнности. Остается классъ товаровъ, предложеніе которыхъ бываетъ наиболѣе гибко; таковы, по преимуществу, предметы обработывающей промышленности; но и здѣсь встречаются большія препятствія къ уравненію предложенія и спроса. Препятствія заключаются въ томъ, что переходъ отдѣльныхъ производителей изъ одной отрасли въ другую всегда сопряженъ съ большими затрудненіями даже и для такихъ лицъ, занятія которыхъ не требуютъ значительного капитала. Сошлемся на гвоздарный промыселъ Тверской губерніи. Онъ еще держится, хотя машинное производство гвоздей сдѣлало ручную ковку ихъ невыгодною. Трудность отыскать иное занятіе, необходимость изученія новыхъ техническихъ приемовъ удерживаетъ промышленниковъ у стараго промысла, хотя цѣна ихъ издѣлій стоитъ гораздо ниже цѣнности. Въ тѣхъ отрасляхъ, где переходъ отъ одного рода производства къ другому сопряженъ съ измѣненіемъ формы для сложныхъ и дорогихъ постоянныхъ капиталовъ, переходъ также совершается очень медленно. Производитель долго мирился съ очень низкими цѣнами на свои продукты, ибо переходъ къ другой отрасли промышленности влечетъ за собой большія потери, связанныя съ переустройствомъ машинъ, зданій. Вотъ почему рыночная цѣна на издѣлія такихъ отраслей можетъ долго стоять ниже цѣнности. Эти же причины могутъ удерживать ее нѣкоторое время и выше цѣны производства. Гдѣ необходимъ огромный капиталъ (машиностроительное, бумагопрядильное, сахароваренное и другія производства), тамъ предложеніе товара не всегда можетъ быть быстро увеличено, за трудностью найти средства для основанія новаго предприятия данного рода.

Если существуетъ много причинъ, которыя затрудняютъ предпринимателей приноровлять предложеніе къ спросу, то не всегда довольно гибокъ и самый спросъ. Человѣкъ необходимо долженъ потреблять нѣкоторыя блага; какъ бы ни измѣнялось ихъ предложеніе, онъ предъявляетъ на нихъ приблизительно одинаковый спросъ. Таковы простѣйшіе виды пищи и другие предметы, удовлетворяющіе самыя важныя для жизни потребности, какъ, напримѣръ, топливо въ странахъ съ суровымъ климатомъ. Спросъ на простѣйшія и наиболѣе распространенные блага не подлежитъ большому расширению. Какъ бы ни быть дешевъ хлѣбъ, человѣкъ не удвоить своего потребленія; какъ бы ни понизилась цѣна дровъ, человѣкъ не будетъ потреблять удвоенное ихъ количество.

Замѣтимъ, наконецъ, что цѣны не всегда отличаются подвиж-

ностью. Разные покупатели, въ связи съ своимъ общественнымъ положениемъ, одеждой, желаніемъ торговаться или отсутствіемъ этой привычки, платить не равны цѣны за данный товаръ въ одной и той же лавкѣ. Не будемъ упускать изъ вида, что на измѣненіе цѣнъ имѣтъ вліяніе и привычка покупателей къ цѣнамъ, по которымъ раньше продавались тѣ же товары. Многіе не задаются вопросомъ, по какой цѣнѣ должны продаваться товары, а спрашиваютъ, что платили за нихъ ранѣе. Уменьшеніе издержекъ производства товара должно было бы всегда вести къ понижению цѣны; но покупатель продолжаетъ охотно платить столько, какъ и прежде. Въ сдѣлкахъ между людьми, непринадлежащими къ торговому и промышленному классамъ, цѣны часто опредѣляются привычками сторонъ. Да покупателю и невозможно изслѣдовать въ каждомъ отдельномъ случаѣ, какая цѣна соотвѣтствуетъ издержкамъ производства на данный столъ, кровать, бутылку вина или стопу чистой бумаги. Не производя тщательного вычисленія, покупатель въ большинствѣ случаевъ предлагаетъ цѣну, какую самъ платилъ раньше за подобные товары, или же платили его знакомые. Готовность многихъ платить привычную цѣну выражается, между прочимъ, въ томъ, что часто при покупкѣ не договариваются о цѣнѣ, а только ссылаются на „существующія цѣны“, т. е. извѣстныя и привычныя покупателямъ. Сошлемся для доказательства стойкости нашихъ привычекъ на то, что торговцы мясомъ долго продаютъ свой товаръ по одной и той же цѣнѣ и посль того, какъ стали покупать значительно дешевле. О постоянствѣ цѣнъ можно говорить только въ оптовыхъ оборотахъ, гдѣ участники желаютъ пользоваться всѣми выгодами соперничества и обладаютъ многочисленными средствами (биржа, корреспонденты и т. п.), дабы опредѣлить размѣры спроса и предложения. Есть и такія сферы, гдѣ соперничество бездѣйствуетъ, гдѣ цѣнность услугъ не оказываетъ вліянія на цѣну. Членскій взносъ въ разныхъ учесныхъ и благотворительныхъ обществахъ, клубахъ, собранияхъ есть величина, болѣе или менѣе постоянная; его высота опредѣляется обычаемъ и держится очень долго, велико или незначительно число желающихъ сдѣлаться членами; годичный взносъ держится на уровнѣ въ 5, 10, 15 рублей, и общество лишь въ тѣхъ случаяхъ воздерживается отъ повышенія цѣны, когда есть основаніе думать, что болѣе высокая цѣна можетъ затруднить многимъ приобрѣтеніе членства. Напомнимъ также о разныхъ формахъ государственного вмѣшательства. Общественная власть опредѣляетъ цѣны многихъ товаровъ и услугъ. Въ прошедшіе вѣка особенно часто устанавливалась такса на заработную плату и хлѣбъ. Въ настоящее время самой обширной областью является тарифъ платы за услуги желѣзныхъ дорогъ. Дабы установленная та-

рифомъ плата соответствовала цѣнности услугъ, необходимо полное покрытие всего количества труда и капитала, затрачиваемаго желѣзной дорогой на привозъ пассажировъ и грузовъ. Нерѣдко перевозочная плата держится ниже цѣнности услуги: пользуются этимъ средствомъ для облегченія перевозки малоценійныхъ грузовъ, для передвиженія на дальнія разстоянія, для доставленія удобствъ нуждающимся. То же наблюдаемъ въ таксахъ платы за услуги врачей, нотаріусовъ, адвокатовъ. Цѣна услуги приводится въ соответствіе съ размѣрами выгодъ, которыя извлекаетъ клиентъ, и съ его имущественнымъ положеніемъ. При одномъ и томъ же количествѣ труда, нотаріусъ получаетъ большую плату за оформленіе крупной денежной сдѣлки, чѣмъ за удостовѣреніе мелкой. Всѣ подобныя искусственные отклоненія цѣны отъ цѣнности могутъ быть оправданы, если общественная власть руководствуется заботой объ интересахъ бѣднѣйшихъ гражданъ. Эта забота обнаруживается во многихъ ограниченіяхъ. Общий годовой доходъ нотаріуса, вѣроятно, соотвѣтствуетъ цѣнности его труда. Если цѣна услуги ниже цѣнности при совершенніи мелкихъ сдѣлокъ, и выше—при совершенніи крупныхъ, то можно со значительнымъ вѣроятіемъ предположить, что часть платы перелагается съ бѣднѣйшихъ клиентовъ на болѣе состоятельныхъ. Равнымъ образомъ, высокіе налоги на привозные товары даютъ поводъ къ тому, что цѣна издѣлій туземныхъ производителей можетъ быть выше цѣнности; рѣзкій переходъ къ свободной международной торговлѣ оказываетъ противоположное вліяніе. Паконецъ, соглашеніе крупныхъ промышленниковъ и торговцевъ, и скупка ими товаровъ для увеличенія барыша часто ведутъ къ произвольному повышенію цѣнъ. Тогда устанавливается монопольная цѣна; личные качества монополистовъ и состояніе рынка въ данное время опредѣляютъ, насколько она поднимется надъ средней рыночной.

Все изложенное убеждаетъ, что общий законъ рыночныхъ цѣнъ испытываетъ въ действительной жизни значительные ограниченія. Но, чтобы познать ихъ и изучить размѣры ихъ вліянія, нужно установить законъ, т. е. изслѣдовать дѣйствіе самыхъ общихъ причинъ, которыхъ обнаруживаются въ большинствѣ мѣновыхъ сдѣлокъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КО ВТОРОЙ ГЛАВѢ.

1) О богат. народ., I кн., 7 глава.

2) Основанія, I, 510.

3) *Platter*, Тамъ-же, 176.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ДЕНЬГИ.

Пособія: *Д. С. Милл.* Основанія. *Schönberg.* Handbuch. *I. Jevons.* Money and the mechanism of exchange. 1876. *Knies.* Das Geld. 2-е изд. 1885. *Hildebrand.* Theorie des Geldes. 1888. *Walras.* Théorie de la monnaie. 1886. *Hertzka.* Das Wesen des Geldes. 1887. *Menger.* Das Geld въ Handwörterbuch der Staatswissenschaft. III. Т. ж. указ. на литер. вопроса. *Babelon.* Les origines de la monnaie. 1897. *Wagner.* Für bimetalliche Münzpolitik Deutschlands. 1881. *Frère Orban.* La question monétaire. 1874. *Haupt.* L'histoire monétaire de notre temps. 1886. *Tooke and Newmarch.* History of prices. *Wolowski.* La question monétaire. 1867. *Cernuschi.* L'or et l'argent. 1874. *Lacleye.* La monnaie bimétallique. 1876. *Bamberger.* Le métalargent à la fin du XIX siècle. 1894. *Schäffle.* Der Währungsstreit въ его Deutsche Kern- und Zeitfragen. 1895. *Фелдшер.* Охрана металлическихъ запасовъ. 1896. *Гурьевъ.* Реформа денежн. обращенія. 2 ч. 1896. *Ею же.* Денежное обращеніе въ Россіи въ XIX столѣтіи. 1903. *Реформа денежного обращенія въ Россіи.* Доклады и препія въ Волын. Эконом. Общ. 1896. *Лексісъ.* Производство и потребленіе драгоценныхъ металловъ. 1897. *Ею же.* Современное положеніе вопроса о валютахъ. 1897. *Houdard.* Le malentendu monétaire. 1897. *Капікаровъ.* Денежное обращеніе въ Россіи. 1898. *Brown.* The organization of gold mining business. 1899. *Robinson.* Coin, currency and commerce. 1900. *Aupetit.* Essai sur la théorie générale de la monnaie 1901. *Carlile.* The evolution of modern money. 1901. *Lahn.* Der Kreislauf des Geldes. 1902. *Helfferich.* Das Geld. 1903. *Kinley.* Money. 1904. *Knapp.* Staatsliche Theorie des Geldes. 1905. *Norton.* The depreciation of Gold. Yale Review 1906. XI. *De Foville.* La monnaie. 1907. *Дальн.* указанія на литературу въ назван. сочин. Гельфериха.

Всеобщій товаръ, называемый *денегами*, исполняетъ въ общественномъ хозяйствѣ несколько функций. 1) Прописоходятъ безчислennия сравненія цѣнностей. Установленіе отношеній между различными величинами особенно облегчается тѣмъ, что они сводятся къ какой-нибудь третьей, всѣмъ извѣстной величинѣ, которая способна служить мѣрой цѣнностей. Деньги и являются такимъ мѣромъ. 2) Хозяйство нуждается въ орудіи, посредствомъ котораго имущественная власть одного лица могла бы быть перенесена на другихъ лицъ, изъ одного мѣста въ другое и отъ одного момента времени въ другой. Потребности отдѣльныхъ хозяйствъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ настолько соответствуютъ другъ другу, чтобы каждое могло получить въ обмѣнѣ за уступаемыя блага именно то, въ чемъ оно ощущаетъ наибольшую нужду. Предлагающій къ продажѣ свой товаръ часто не можетъ найти у покупателей нужное для себя, или же и находить нужный товаръ, но въ недостаточномъ количествѣ; бываетъ и такъ, что продавецъ хочетъ теперь же сбыть свой товаръ и приобрѣсти только покупательное средство, которое онъ позднѣе обмѣняетъ на нужные ему вещи. Деньги и выступаютъ въ функции *посредника* или *орудія обмѣна*. 3) Иль этой функции денегъ развивается и третья: быть *средствомъ платежа*. Многія формы передачи цѣнностей не подходятъ подъ понятіе

о мѣновыхъ сдѣлкахъ: уплата налоговъ, имущественныхъ пени, процентовъ по ссудамъ, выдача приданаго и т. п. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ деньги становятся изъ всеобщаго орудія обмѣна общимъ платежнымъ средствомъ. 4) Развитіе хозяйственной жизни постепенно заставляетъ деньги исполнять и еще одну обязанность. Привычка сберегать запасы упрочивается все болѣе и болѣе. Одни блага (жизненные припасы) не могутъ быть долго сохранямы уже по своимъ физическимъ свойствамъ; другія могутъ быть сохранямы очень долгое время, но нельзя предугадать, какія вещи черезъ 1—2 года будутъ всего болѣе нужны данному хозяйству; и, втѣхъ, сознается особенная выгодность сбереженія денегъ, какъ всеобщаго орудія обмѣна, которое позволяетъ частному хозяйству приобрѣсти въ будущемъ то, что наиболѣе соответствуетъ его потребностямъ.

Происхожденіе денегъ теряется въ самой глубокой древности. Напрасно было бы искать изобрѣтателя или изобрѣтателей денегъ. Всего правильнѣе разсматривать ихъ возникновеніе и развитіе функций, которыя онѣ исполняютъ, какъ естественный процессъ. Этотъ процессъ былъ вызванъ безчисленными наблюденіями надъ непосредственной мѣной и острымъ ощущеніемъ неудобствъ, съ которыми она связана.

Вызванныя къ жизни потребностями оборота, деньги стали необходимою принадлежностью хозяйственнаго быта гораздо раньше того времени, когда государственная власть ввела ихъ въ кругъ своихъ заботъ. Будучи вынуждено упорядочивать вѣ-которая функции, исполняемыя деньгами, государство сдѣлало ихъ предметомъ своихъ опредѣленій. Получая подати, денежныя пени, арендные платежи за казенные земли, государство должно опредѣлить, чѣмъ такое законное платежное средство. И другая функция денегъ—служить мѣриломъ цѣнностей—нуждается въ упорядоченіи со стороны закона. Государство предписываетъ производить измѣреніе цѣнности имущества и доходовъ для взиманія налоговъ и пошлинъ. Дабы эта дѣятельность государства имѣла прочное основаніе, необходимо предварительно опредѣлить, какія деньги служить мѣриломъ цѣнностей. Какъ скоро законъ даетъ свою санкцію деньгамъ извѣстнаго вида, то онѣ становятся государственными деньгами. Этимъ самымъ не исключается употребление и другихъ денегъ; но никто не можетъ быть принужденъ къ ихъ принятию. Государственными деньгами служить въ Россіи золотыя монеты 5 и 10 рублей достоинства, рубли, копейки; но частные лица, по соглашенію, могутъ употреблять при обмѣнѣ шиллинги, франки, марки, конечно, безъ права наизнанывать кому-либо уплату этими деньгами.

На ранихъ ступеняхъ общественнаго быта орудіями обмѣна и платежныхъ средствомъ служить весьма различнообразные пред-

меты, но всегда тѣ, которые имѣютъ обще-признанную полезность. Среди многихъ видовъ денегъ наибольшее распространение имѣютъ скотъ, звѣриныя шкуры и раковины. Скотъ служить деньгами потому, что на низкомъ уровнѣ экономического развитія скотоводство является преобладающимъ промысломъ, скотъ составляетъ главное богатство, а общественные паства позволяютъ безъ труда утилизировать скотъ, полученный въ обмѣнѣ. Раковины употребляются очень охотно, какъ предметы украшеній. Напомнимъ, что въ торговыхъ сношеніяхъ Сибири съ Монголіей и теперь употребляется мало денегъ. Бійскіе купцы промѣниваютъ свои товары монголамъ, частію на скотъ и разное сырье (среди котораго сурковыя шкуры занимаютъ выдающееся мѣсто), частію на серебро. Желѣзо и мѣдь стали матеріаломъ для денегъ раньше золота и серебра. Но благородные металлы обладаютъ въ самой высокой степени свойствами, необходимыми для денегъ. Отличаясь очень большою прочностью, они могутъ быть сохранены цѣлыми тысячелѣтіемъ. Другимъ важнымъ достоинствомъ служить ихъ однородности: она избавляетъ отъ необходимости различать эти металлы по сортамъ. Дробимость до самыхъ мелкихъ долей позволяетъ пользоваться ими даже для самыхъ малоцѣнныхъ сдѣлокъ. Большое значеніе имѣетъ и высокая цѣнность благородныхъ металловъ, вслѣдствіе которой даже небольшое ихъ количество по вѣсу достаточно для совершенія очень крупныхъ сдѣлокъ. Наконецъ, благородные металлы имѣютъ цѣнность, болѣе или менѣе устойчивую. Хотя издержки производства, при добываніи золота и серебра, колеблются изъ года въ годъ, однако, до послѣдняго времени ихъ цѣнность мало измѣнялась; ежегодная добыча составляетъ небольшую долю въ общемъ запасѣ золота и серебра, которымъ располагаетъ человѣчество и даже каждое крупное народное хозяйство. Въ началѣ 1900 года общій запасъ золота и серебра въ монетѣ исчислялся для всѣхъ государствъ земного шара въ 18 миллиардовъ рублей; изъ нихъ около 2 миллиардовъ приходилось на Францію, болѣе 3 миллиардовъ на Соединенные Штаты Сѣверной Америки; Индія и Китай имѣли монеты (почти исключительно серебряной) на 2,3 миллиарда рублей. Въ исторіи денегъ можно отмѣтить только два периода, когда цѣнность благородныхъ металловъ понизилась за короткое время: такъ было въ 16 вѣкѣ послѣ прилива въ Европу большихъ массъ серебра и, частью, золота изъ американскихъ рудниковъ, и въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія послѣ открытия богатыхъ мѣсторожденій золота въ Калифорніи и Австралии.

Благородные металлы, какъ матеріалъ для денегъ, становятся особенно пригодными въ формѣ монетъ. Пока золото и серебро не чеканятся, а поступаютъ въ оборотъ брусками, кольцами,

поронкомъ, до тѣхъ порь необходимо, при каждомъ платежѣ, опредѣлять взвѣшиваніемъ ихъ количество и испытывать чистоту содержащаго ими металла. Чеканка монеты и вызвана неудобствами, которыя связаны съ необходимостью провѣрять куски металловъ. Это неудобство исчезаетъ, какъ скоро государство принимаетъ на себя чеканку и удостовѣряетъ, что кусокъ металла определенной формы и наименования заключаетъ въ себѣ такое-то количество золота или серебра и такой-то процентъ чистаго металла. Такіе куски металла и называются *монетами*. Авторитетъ государственной власти вводить монету въ хозяйственный оборотъ. Но обыкновенно монеты цивилизованныхъ народовъ обращаются и за предѣлами данного государства, у народовъ менѣе культурныхъ. Въ древней Россіи ходили нѣмецкія и голландскія монеты, у древнихъ германцевъ—римскія. Монеты чеканятся изъ благородныхъ металловъ съ примѣсью мѣди, такъ какъ въ чистомъ видѣ золото и серебро слишкомъ мягки. Примѣсь неблагороднаго металла называется *лигатурою*, а число частей благороднаго металла называется *пробою*. Благородные металлы смыщаются съ лигатурою въ пропорціяхъ, весьма различныхъ. Очень высокой пробы были тосканскіе цехины, имѣвшіе 0,999 чистаго золота, австрійскіе дукаты, содержащіе 0,986 чистаго золота. Теперь преобладаютъ сплавы, гдѣ на 10 частей приходится 9 чистаго металла и 1 лигатура. Таковы и наши серебряные рубли. Дабы монета удовлетворяла своему назначению, она должна имѣть точно определенную пробу и вѣсъ. Они удостовѣряются первоначальными испытаніями, которыми подвергаютъ каждую монету при выпускѣ изъ монетнаго двора. Граница дозволенныхъ уклоненій монеты отъ образца называется *ремедіумъ*. По договору между государствами латинскаго монетнаго союза (12 декабря 1885 года) для 20 и 10 франковыхъ монетъ ремедіумъ опредѣляется въ $\frac{2}{1000}$ относительно вѣса и въ $\frac{1}{1000}$ относительно пробы. Въ Россіи ремедіумъ допускается только для вѣса: 3 доли на 1 серебряный рубль вверхъ или внизъ. Кромѣ монеты изъ золота и серебра, которая и образуетъ денежную систему, въ употребленіе вводится *размѣнная монета*: она предназначается для мелкихъ покупокъ, доплатъ и, вообще, познательныхъ сдѣлокъ. Для размѣнной монеты употребляются малоцѣнныя металлы и сплавы,—мѣди, бронза, никель и низкоиронное серебро. Такъ какъ действительная цѣнность размѣнной монеты ниже ея нарицательной цѣнности, то ея пріемъ въ платежахъ обязателенъ только до известной, невысокой нормы, установленной закономъ.

Цѣнность денегъ зависитъ отъ издержекъ ихъ производства. Подобно тому, какъ цѣна каждого товара можетъ стоять выше его цѣнности или ниже, такъ и цѣна денегъ можетъ подня-

маться надъ ихъ цѣнностью или опускаться ниже ея. Показателемъ измѣненія цѣны денегъ служать измѣненія цѣни товаровъ: если цѣны всѣхъ товаровъ повысились, то мы заключаемъ, что цѣна денегъ упала, и наоборотъ. Какъ цѣны товаровъ, подымаясь и опускаясь, тяготѣютъ къ цѣнности, такъ замѣчаемъ мы оттѣ уравнивающій процессъ и относительно денегъ.

Съ теченіемъ времени измѣняется количество денегъ, которое нужно для каждого народного хозяйства.

Самыя крупныи перемѣны связаны съ основными явленіями, въ которыхъ выражается развитіе экономической жизни. Денежный обмѣнъ постепенно вытесняетъ натуральное хозяйство даже изъ тѣхъ сферъ, где оно держится особенно прочно; населеніе возрастаетъ; производство увеличивается; благосостояніе огромныхъ массъ поднимается; кредитныя сдѣлки становятся болѣе многочисленны и разнообразны; слагаются усовершенствованные способы платежей. Все это увеличиваетъ потребность въ деньгахъ и помогаетъ наилучшему использованію денежныхъ суммъ, которыми располагаетъ народное хозяйство. Наблюденіе долгихъ періодовъ въ экономической жизни любого народа заставляетъ свести къ перечисленнымъ даннымъ, какъ къ причинамъ, измѣненіе потребности въ деньгахъ.

Но развитіе экономического быта не представляетъ равномѣрнаго движения: даже за недолгое время, напримѣръ, за четверть вѣка, народное хозяйство переживаетъ приливы и отливы: спокойное состояніе промышленности сменяется ускореннымъ ходомъ дѣйствій, а послѣдній уступаетъ мѣсто угнетенію. Въ 19-мѣсяцѣ вѣка все отрасли сдѣлали огромные успѣхи; въ производствѣ и перевозкѣ товаровъ совершились чудеса. Но расширение предпріятій и умноженіе богатства шло не однімъ и тѣмъ же темпомъ: иногда движеніе происходило съ поразительной быстротой; по временамъ оно замедлялось. Когда оно шло ускореннымъ ходомъ, то наблюдались явленія, которые увеличиваются запросъ на деньги: возникало много новыхъ предпріятій; размѣры старыхъ расширялись; усиленный спросъ на трудъ поднималъ заработную плату; обороты съ товарами и цѣнными бумагами дѣлались болѣе оживленными; сумма цѣнъ товаровъ и услугъ повышалась, и потребность въ орудіяхъ обмѣна возрастила. Возросший запросъ удовлетворяется разными способами. Векселя, находящіеся въ обращеніи, образуютъ гораздо большую сумму, чѣмъ при ровномъ теченіи промышленности и торговли; всѣ наличныи деньги утилизируются лучше, нежели въ спокойное время: на каждый рубль своего денежнаго фонда банки производятъ больше операций посредствомъ чековъ и записей въ счетахъ своихъ клиентовъ. Если во время усиленнаго бенія экономической жизни добыча золота и серебра возрастиаетъ, то огромное количество металла обращается въ мо-

шету и увеличивает запасы денегъ. Мы наблюдаемъ все эти явленія за послѣднія 5 лѣтъ 19 вѣка. Увеличеніе суммы денегъ у культурныхъ народовъ за послѣдніе годы 19 столѣтія видно уже изъ того, что годичная міровая добыча золота опредѣлялась для 1896—1900 года почти въ 510 миллионовъ рублей, тогда какъ ни за одно изъ предыдущихъ пятилѣтій она не достигала и 350 миллионовъ. Изъ всей же годовой добычи золота $\frac{2}{3} \dots \frac{3}{4}$ обращаются въ деньги.

При угнетеніи состояніи промышленности наблюдаются противоположныя явленія. Возникаетъ мало новыхъ предпріятій; старыя съуживаются свои обороты; спросъ на трудъ ослабѣваетъ; заработка плата не удерживается на прежнемъ уровнѣ. Все это понижаетъ цѣну товаровъ и услугъ, а потому потребность въ орудіяхъ обмѣна и платежныхъ средствахъ уменьшается. Это сказывается прежде всего въ ослабленномъ пользованіи суррогатами денегъ. Въ такое время открываютъ кредитъ гораздо менѣе охотно, чѣмъ въ годы процвѣтанія промышленности. Съуженіе кредита выражается уменьшеніемъ оборотовъ съ векселями, чеками, съ переводами по книгамъ банковъ. При такомъ положеніи дѣль банки заботятся объ увеличеніи денежныхъ запасовъ: послѣдніе служатъ надежнымъ обезпеченіемъ на случай, если угнетенное состояніе хозяйства обострится еще болѣе и поколебленное довѣріе къ кредитнымъ сдѣлкамъ, какъ средствамъ платежа, подниметъ запросъ на деньги. Увеличивая запасъ денегъ, банки и частныя хозяйства видятъ въ нихъ, главнымъ образомъ, форму сбереженія цѣнностей.

При любомъ состояніи хозяйственныхъ дѣль, въ теченіе краткаго периода, напримѣръ, одного года, потребность въ деньгахъ также испытываетъ значительныя колебанія. Наибольшая сумма платежей приурочивается къ известнымъ срокамъ: проценты по государственнымъ, городскимъ облигациямъ, долгамъ акціонерныхъ обществъ уплачиваются 1—2—4 раза въ годъ. Дивиденды промышленныхъ предпріятій выдаются въ первые мѣсяцы послѣ истекшаго года. Расчеты по биржевымъ сдѣлкамъ производятся въ послѣдній день каждого мѣсяца. Именно въ эти дни усиливается запросъ на деньги и ихъ суррогаты. Сельское хозяйство даетъ Россіи главную массу товаровъ для вывозной торговли. Съ сентября начинается оптовая закупка землемѣльческихъ продуктовъ; она идетъ 3—4 мѣсяца полнымъ ходомъ; за это время—отъ сентября до половины января—русское народное хозяйство предъявляетъ наибольшій запросъ на деньги и кредитные знаки. Ярмарки уже не имѣютъ прежн资料; однако, и теперь, во время крупныхъ ярмарокъ—назовемъ прежде всего нижегородскую, — когда платежи составляютъ десятки и даже сотни миллионовъ, потребность въ деньгахъ замѣтно возрастаетъ.

Быстрота обращения денегъ не представляетъ чего-либо определенного и неизменного. Разныя группы населенія получаютъ и выдаютъ деньги неодинаково часто. Работники получаютъ плату еженедѣльно или каждая двѣ недѣли и расходуютъ ее въ тотъ же срокъ почти сполна. Въ ихъ хозяйствахъ не накапливается значительныхъ денежныхъ суммъ. Жалованье уплачивается чиновникамъ обыкновенно разъ въ мѣсяцъ; послѣднія суммы, которыя они выдаютъ передъ новой получкой жалованья, лежать безъ употребленія несколько недѣль. Если наемная плата за землю или квартиру взносится 2 раза въ годъ, то наимателъ постепенно накапливаетъ суммы для платежа, и извѣстное количество денегъ остается довольно долго въ оборотѣ.

Мы находимъ подобный же различія и между цѣлыми отдельностями народнаго хозяйства. Большая часть доходовъ землемѣльца поступаетъ осенью, послѣ уборки жатвы. Доходы отъ промышленныхъ предприятій получаются довольно равномѣрно въ теченіе цѣлаго года. Въ зависимости отъ этихъ условій одни частные хозяйства имѣютъ значительныя суммы, какъ форму сбереженія цѣнностей, другія-же держатъ очень мало. Всѣ эти различія не мѣшаютъ установить общія положенія относительно народнаго хозяйства, взятаго въ цѣломъ. Количества денегъ сравнительно съ цѣною всѣхъ совершающихся сдѣлокъ можетъ быть тѣмъ меньше, чѣмъ болѣе равномѣрно распредѣляются платежи во времени и чѣмъ болѣе многочисленны частные хозяйства, въ которыхъ поступление и выдача денегъ быстро сгѣдываютъ одно за другимъ. Страны съ густымъ населеніемъ, развитой промышленностью и оживленнымъ оборотомъ требуютъ, сравнительно съ цѣною всѣхъ совершающихся сдѣлокъ, меньше денегъ, нежели страны, рѣдко населенные, где преобладаетъ сельское хозяйство.

При данной суммѣ цѣнъ товаровъ и услугъ запасы денегъ въ частныхъ хозяйствахъ могутъ быть тѣмъ меньше, чѣмъ больше развить кредитъ. Онъ способствуетъ быстрому передвиженію денегъ изъ хозяйствъ, которымъ онъ въ данное время ненужны, туда, где въ нихъ ощущается надобность: когда упрочился обычай давать въ ссуду денежныя суммы, которыя остаются свободными хотя короткое время, частные хозяйства приобрѣтаютъ увѣренность, что можно получить посредствомъ кредита деньги, разъ онъ пушки. Эта увѣренность содѣйствуетъ уменьшенію запасовъ, лежащихъ дома безъ употребленія. Такимъ образомъ, развитіе кредита облегчило переходъ денегъ изъ рукъ въ руки и уменьшило тѣ суммы, которыя служатъ формою сбереженія цѣнностей въ частныхъ хозяйствахъ.

Нѣкоторые виды сбереженія денегъ позволяютъ наилучше использовать данную сумму. Таковы металлическіе фонды банковъ, служащіе основой для платежей чеками, для уплаты и

получений по книгамъ банковъ и для взаимныхъ расчетовъ между кредитными учреждениями. Эти обороты не делятъ денегъ излишними; всегда есть налицо значительный запасъ изъ монетъ; но устраивается необходимость передвижения денегъ; совершаются многочисленныя сдѣлки, а деньги, которые служатъ для нихъ основой, покоятся въ кладовой банка. Когда банкъ стать кассой для многихъ частныхъ хозяйствъ, то создается обстановка, при которой одна и та же сумма можетъ быть достаточна для гораздо болѣе обширныхъ оборотовъ, нежели вѣтъ такого сосредоточенія. Банкъ, производя платежи за 500 хозяйствъ и принимая доходы, которые имъ поступаютъ, можетъ обойдти гораздо меньшую суммую денегъ, нежели было бы нужно этимъ хозяйствамъ безъ такой связи между ними. Клиенты одного и того же кредитного учреждения часто уплачиваются другъ другу только посредствомъ отмѣтокъ въ книгахъ банка, безъ выдачи наличныхъ денегъ. Когда банкъ имѣть много конторъ, то его платежи наличными составляютъ почти незамѣтную величину, сравнительно съ уплатами посредствомъ списыванія со счета однихъ клиентовъ и взноса на счетъ другихъ.

Использованіе денегъ достигаетъ высшей степени во взаимныхъ расчетахъ между банками, которые погашаютъ обязательства своихъ клиентовъ. Посредствомъ разчетныхъ палатъ въ Лондонѣ, Парижѣ, Нью-Йоркѣ и многихъ другихъ городахъ (разчетные отдѣлы учреждены при конторахъ государственного банка въ Петербургѣ, Москве, Варшавѣ, Киевѣ, Одессѣ) даже разница по взаимнымъ обязательствамъ банковъ не уплачивается наличными деньгами: она покрывается отмѣтками въ книгахъ центрального банка. Такимъ служить, напримѣръ, Английскій банкъ для англійскихъ кредитныхъ учреждений, Германскій Имперскій—для германскихъ.

Кредитъ оказываетъ на деньги и другое влияніе: кредитные знаки, служа орудіемъ обмѣна и средствомъ платежей, замѣняютъ деньги при обращеніи цѣнностей. Кроме бумажныхъ денегъ и банковыхъ билетовъ, которые сами по себѣ являются деньгами, то же исполняютъ по временамъ чеки, векселя, процентныя и дивидендныя бумаги. Первичное назначение этихъ документовъ состоитъ въ томъ, что они создаютъ право требования уплаты для одной стороны и обязанность платить для другой. Разъ же они переходятъ изъ рукъ въ руки при обмѣнѣ цѣнностей, разъ торговецъ принимаетъ въ уплату за товаръ государственную процентную бумагу или вексель, выданный третьимъ лицомъ—то заступаютъ мѣсто денегъ.

Всѣми этими условіями и объясняется большая устойчивость цѣнности денегъ, легкость, съ какою цѣна денегъ приближается къ цѣнности. Придавая невѣрною теорію, которая ставить цѣны

въ зависимость только отъ количества денегъ, обращающихся въ странѣ, мы скажемъ, что *сумма денегъ, необходимая для страны, какъ орудіе обращенія, зависитъ отъ суммы цѣнъ товаровъ и услугъ, отъ быстроты обращенія денегъ и отъ развитія кредита.*

Почти съ того времени, какъ началась чеканка монеты, явилось стремление пользоваться для монеты золотомъ и серебромъ и устанавливать между обоими металлами определенное отношеніе. Уже въ древнемъ Вавилонѣ чеканились золотые и серебряные монеты; между ними установилось отношеніе, какъ 1 : 13 $\frac{1}{2}$. Двойная монетная система преобладала и у другихъ древнихъ народовъ. При такомъ порядкѣ и золотая, и серебряная монеты считаются законнымъ средствомъ платежей; участникамъ сдѣлки предоставляется на выборъ производить платежи монетами изъ того или другаго металла. Двойная система часто ведетъ къ тому, что одинъ металлъ постепенно исчезаетъ изъ оборота. Если золото дорожаетъ сравнительно съ цѣною, установленной для него монетнымъ закономъ (вмѣсто законныхъ 13 $\frac{1}{2}$ унцій серебра одна унція золота стоитъ, напримѣръ, 15 унцій серебра), то золотые монеты постепенно исчезаютъ изъ оборота: частію, они употребляются для платежей, но уже ходятъ съ лажемъ (лажемъ называется разница между нарицательной цѣнностью обесцѣнившейся монеты и ея цѣною: если за полуимперіаль, нарицательная цѣнность котораго равна 5 серебрянымъ рублямъ, даютъ 6 рублей, то 1 рубль составляетъ лажъ), частію переливаются въ слитки и вывозятся за границу или же идутъ на украшениія внутри страны. Получивъ такое назначеніе, они могутъ покупать больше серебра, нежели въ формѣ монетъ. При такомъ порядкѣ въ действительности господствуетъ одиночная, именно, серебряная монетная система. Мы находимъ въ исторіи денежного обращенія много примѣровъ этого рода. Если дорожаетъ серебро относительно золота, то становится выгоднымъ употреблять для платежей золотую монету, и серебро исчезаетъ изъ оборота. Въ исторіи не такъ много примѣровъ этого рода; однако, можно указать на денежное обращеніе Англіи въ начаѣ XVIII вѣка, когда вздорожало серебро, и изъ оборота исчезла почти вся серебряная монета. То же случилось въ 50-хъ и 60-хъ годахъ 19 вѣка въ Соединенныхъ Штатахъ: серебряная монета исчезла изъ оборота подъ вліяніемъ пониженія цѣнности золота, поступавшаго въ изобилии изъ калифорнійскихъ и австралийскихъ рудниковъ.

За послѣднее время монетная политика главныхъ государствъ представлялась въ такомъ видѣ. Въ Великобританіи и Ирландіи введена съ 1816 года золотая монетная система; золотые монеты служатъ законнымъ платежнымъ средствомъ при всѣхъ расчетахъ на сумму болѣе 40 шиллинговъ. Большая

часть английскихъ колоний усвоила монетную систему метрополії. Остъ-Индія же держится серебряной системы, единицей которой служить рупія. Франція, Бельгія, Швейцарія и Италия образовали въ 1865 году латинский монетный союзъ. Было решено держаться двойной системы съ официальное установленнымъ отношеніемъ цѣны золота и серебра, какъ 1 къ 15 $\frac{1}{2}$. Было условлено, что каждое изъ государствъ будетъ чеканить мелкую серебряную монету въ количествѣ 6 франковъ на 1 житѣя. Союзъ былъ заключенъ на 15 лѣтъ, съ оговоркой, что можетъ быть продолженъ по истеченіи срока. Въ 1868 году къ союзу примкнула Греція. Этимъ соглашеніемъ была облегчена обращаемость монетъ каждой изъ названныхъ странъ въ предѣлахъ всего союза. Германія перешла съ 1873 года къ золотой монетѣ. Это стало возможно вслѣдъ за франко-пруссской войной съ приливомъ въ Германію огромнаго количества золота—на сумму до 1 $\frac{3}{4}$ миллиарда марокъ. Къ золотой монетной системѣ перешли въ началѣ 70-хъ годовъ скандинавскія государства, въ 1897 году Японія, а въ 1900—Соединенные Штаты. Съ тѣмъ вмѣстѣ сократилась чеканка серебра. Это было предпринято даже въ странахъ двойной валюты—во Франціи и Бельгіи еще въ 70-хъ годахъ. Въ 1893 году и Остъ-Индія присоединилась къ этой мѣрѣ.

Въ Россіи монетная система была упорядочена закономъ 1 августа 1886 года. Монетной единицей признается серебряный рубль; онъ раздѣляется на 100 копѣекъ и содержитъ 4 золотника и 21 долю чистаго серебра. Золотые монеты чеканятся 10-рублеваго и 5-рублеваго достоинства. Для полноцѣнной золотой и серебряной монеты принута 900-ая пробы (900 частей чистаго металла и 100 частей мѣди). Размѣнная монета чеканится въ Россіи изъ серебра низкой пробы (48-ой или 0,500) и мѣди. Въ платежахъ между частными лицами обязательный приемъ размѣнной монеты былъ ограниченъ тремя рублями. Такимъ образомъ, формально въ Россіи господствовала серебряная монетная система; въ действительности же до поенѣдѣяния десятилѣтія прошлаго вѣка бумажныи деньги вытѣсняли монету изъ обращенія.

Въ апрѣлѣ 1895 года былъ изданъ законъ о сдѣлкахъ на золотую валюту. Законъ разрѣшилъ производить, съ согласіемъ получателя, всякие платежи золотомъ по курсу дня уплаты, и заключать всякия сдѣлки на золото: векселя, контракты, купчія крѣости, залоговая свидѣтельства, долгосрочные займы могутъ быть выражены въ рубляхъ золотомъ. До тѣхъ поръ это было запрещено. Если же по такому обязательству должникъ хотѣлъ произвести уплату кредитными билетами, то кредиторъ не могъ отвергнуть платежа, выдано золота, кредитными билетами, но расчетъ производился по курсу дня платежа.

Въ этомъ мѣропріятіи была выражена надежда примикуть современемъ къ странамъ золотой валюты. Отъ времени крымской войны въ Россіи фактически господствовала бумажно-денежная валюта; наше народное хозяйство приспособилось къ ней настолько, насколько, вообще, экономической быть может приспособиться къ такому неустойчивому орудію обмѣна, какъ неразмѣнныя бумажныя деньги. Пока кредитный рубль былъ дешевѣ отнositельно обоихъ металловъ, до тѣхъ поръ, при всѣхъ мѣрахъ, которая принимались или только намѣщались съ цѣлью возстановить цѣнность рубля, имѣлись въ виду оба металла — серебро, какъ главный материалъ для нашихъ государственныхъ денегъ, и золото, какъ доцюнительный материалъ, важный для заграничныхъ платежей и второстепенный во внутреннихъ оборотахъ. Уже давно колебалось стойкое отношеніе между обоими металлами, какъ 1 къ 13 — 15: въ начаѣ 70-хъ годовъ 19 вѣка золото было въ 18 — 20 разъ дороже серебра. Однако, трудно было угадать, что обезцѣненіе поднимется гораздо дальше. Пока серебряный рубль, понизившись въ цѣнѣ относительно золота, былъ значительно дороже кредитнаго рубля, до тѣхъ поръ достиженіе послѣднімъ паритета съ серебрянымъ представлялось крупнымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ упорядоченія денежнаго обращенія. Но за послѣднее десятилѣтіе прошлаго вѣка серебро подешевѣло въ высокой степени. Европейскій Западъ, перешедши къ золотой валюте, развила серебро, и на міровомъ рынкеѣ его положеніе уподобилось положенію бумажныхъ денегъ. Дабы остановить приливъ обезцѣнившагося серебра, которое могло ослабить притокъ золота, русское правительство ограничило въ 1893—94 годахъ пріемъ серебряныхъ рублей; этимъ оно впервые отдало предпочтеніе золоту, какъ денежному матеріалу, передъ серебромъ. Въ 1895 году были разрѣшены всякия сдѣлки на золото. Этимъ законъ, какъ бы, положилъ начало переходу отъ серебряной валюты къ золотой. Закономъ 3 января 1897 года установленъ курсъ въ $1\frac{1}{2}$ рубля кредитныхъ за 1 рубль золота, а въ концѣ 1897 года въ обращеніе была выпущена золотая монета, равная $\frac{2}{3}$ полуимперіала или 5 рублеймъ кредитныхъ. Въ 1899 году былъ изданъ новый монетный уставъ. Онъ узаконяетъ, что монетной единицей служить рубль, содержащий 17,424 долей чистаго золота. Въ сдѣлкахъ между частными лицами обязательенъ пріемъ полно-пробной серебряной монеты (въ 1 рубль, 50 и 25 копѣекъ) на сумму до 25 рублей, а неполнопробной и мѣдной — до 3 рублей. Правительственные же кассы принимаютъ эту монету на всякую сумму при всѣхъ платежахъ, кроме таможенныхъ. Переходъ къ золотой валюте не служить ручательствомъ, что достигнута устойчивость нашей денежной системы. Хотя теперь запасы золота въ Россіи велики, но нельзя быть увѣреннымъ,

что не наступить иль отлива, ибо 1) платежи за границу по государственнымъ долгамъ требуютъ большихъ суммъ, 2) добыча золота въ Россіи не превышаетъ 30 миллионовъ рублей ежегодно, 3) перевѣсъ цѣнности отпускаемыхъ товаровъ надъ цѣнностью привоза великъ, но не обнаруживаетъ наклонности къ повышенію (максимумъ въ 1891 году—328,1 миллионаовъ рублей; въ слѣдующіе годы до 1903 не болѣе 300 миллионовъ). Если же принять въ разсчетъ, что за послѣдніе года 19 вѣка нашъ разсчетный балансъ былъ благопріятенъ повышенню цѣнности бумажныхъ денегъ (въ 1890 году 258 марокъ за 100 рублей, тогда какъ цѣна фиксирована на 216 маркахъ за 100), то окажется, что принудительный курсъ въ 66½ копѣйки за бумажный рубль причинилъ населенію Россіи существенные убытки.

Перемѣны, быстро произведенныя въ денежной системѣ Россіи, оказали неблагопріятное вліяніе на русское народное хозяйство, что обнаружилось особенно ярко въ 1899 году, когда потерпѣли крушеніе маогія обширныя предпріятія и сильно понизились цѣны всѣхъ бумагъ, служащихъ предметомъ биржевыхъ оборотовъ. Такое явленіе въ значительной своей части должно быть объяснено денежной реформой, уменьшившей въ Россіи запасъ денегъ. Съ конца 70-хъ годовъ русская экономическая политика была направлена, главнымъ образомъ, па то, чтобы развить разныя отрасли туземной промышленности посредствомъ высокихъ таможенныхъ налоговъ. Эти старанія дали замѣтные результаты: въ 1890 году было 32.254 фабрики и завода, съ числомъ рабочихъ въ 1.424.700 и суммой производства въ 1.502.600.000. А въ 1897 году фабрикъ и заводовъ было уже 39.029, съ числомъ рабочихъ въ 2.098.200 и суммой производства въ 2.839.100.000 рублей. За послѣднее 10-лѣтіе увеличилось также движеніе на желѣзныхъ дорогахъ и пароходахъ. Такому расширенію оборотовъ должно было соответствовать и увеличеніе запаса денегъ въ русскомъ народномъ хозяйстве; но денежная реформа препятствовала увеличенію. Въ 1892 году на 1 жителя въ Россіи приходилось всего 17 рублей денегъ. Къ концу 1899 года всѣхъ денегъ было 2.416,2 миллиона, а въ обращеніи только 1.320,9 миллионовъ, т. е. неполныхъ 10½ рублей на жителя. Размѣры же промышленныхъ и торговыхъ оборотовъ требовали гораздо больше. Вслѣдствіе этого стала ощущаться большой недостатокъ въ деньгахъ, какъ одной изъ составныхъ частей оборотнаго капитала страны, учетный процентъ повысился и положеніе многихъ предпріятій поколебалось. Усиленное развитіе промышленности въ Западной Европѣ и Америкѣ за конецъ 90-хъ годовъ также сдѣлало недостатокъ денегъ ощутительнымъ; по тому это неудобство парализуется, какъ гораздо большими запасами денегъ (во Франціи до 70 рублей на 1 жителя, въ Бельгіи и Соединенныхъ Штатахъ

больше 50), такъ, въ особенности, развитіемъ кредита для всѣхъ общественныхъ слоевъ, что сице неизвѣстно Россіи.

Между сторонниками одиночной и двойной монетной системы (монометаллистами и биметаллистами) ведутся споры съ половины 19 вѣка; для рѣшенія вопроса важна судьба, которая ожидаетъ золото и серебро. Профессоръ Зюсъ въ своихъ сочиненіяхъ *Будущность золота* и *Будущность серебра* высказалъ мысль, что запасы золота не велики и добываніе этого металла будетъ стоить все большихъ расходовъ. Добыча золота, по чисто-физическимъ причинамъ, подлежитъ большими колебаніямъ, и запасы его уже въ настоящее время довольно скучны. Употребленіе же золота для разнообразныхъ цѣлей, кроме донегъ, не только велико, но и возрастаетъ. Кредитъ безостановочно развивается; однако, окончательное вытѣсненіе натурального хозяйства денежнымъ увеличиваетъ потребность въ металлическихъ деньгахъ, а переходъ государства съ серебряной валюты на золотую ведеть къ тому, что количество золота не будетъ способно удовлетворять запросъ. Открытие новыхъ золотыхъ пріисковъ въ Австралии, Африкѣ, Калифорніи, Сибири можетъ на короткое время измѣнить положеніе дѣлъ и даже быть причиной избытка золота, какъ то было въ 1848—52 годахъ; однако, трудно допустить, чтобы эти открытия въ полной мѣрѣ обеспечили снабженіе культурныхъ странъ золотомъ.

По изслѣдованіямъ Зюса, приростъ добычи серебра въ нынѣшнее время былъ сильно преувеличенъ. Преувеличеніе доказывается тѣмъ, что серебро было долгое время въ 15½ разъ дешевле золота и это отношеніе почти не поколебалось въ первой половинѣ 50-хъ годовъ, когда добыча золота увеличилась въ огромной пропорції. И если ежегодная добыча золота, начиная отъ 1851 года, была въ 4 раза больше, нежели въ 40-хъ годахъ, и въ 8—10 разъ больше, нежели въ 30-хъ, а золото, относительно серебра, почти не упало въ цѣнѣ, то нѣть основанія утверждать, что пониженіе цѣнности серебра болѣе, чѣмъ на половину противъ прежней стоимости, должно быть приписано, главнымъ образомъ, увеличенію добычи серебра сравнительно съ его добычей въ 60-хъ годахъ. Итакъ, самой важной причиной обезцѣненія серебра нужно считать утрату имъ главнаго мѣста въ денежнѣмъ обращеніи.

Основаніемъ для выводовъ Зюса служатъ гипотезы геологии, а потому вопросъ не можетъ быть признанъ окончательно решеннымъ. Открытие обильныхъ мѣсторожденій золота въ южной Африкѣ колеблетъ положенія Зюса, но не опровергаетъ ихъ.

Выяснимъ подробнѣе этотъ вопросъ. Главнымъ рынкомъ для серебра издавна служить Лондонъ. Тамъ отмѣчаются ежедневно, сколько пенсовъ стоять 1 унція. Чѣмъ же опредѣляется лондонская цѣна серебра относительно золота?

Представимъ себѣ, что во всемъ культурномъ мірѣ золото служить главнымъ материаломъ для денегъ, что повсюду изъ серебра чеканится только размѣнная монета и ея количество почти не измѣняется. При такомъ положеніи дѣль цѣна серебра опредѣлилась бы такъ же, какъ цѣна другихъ металловъ—олова, свинца, мѣди (но не золота): размѣрами добычи его изъ рудниковъ и размѣрами спроса на него со стороны промышленности.

Представимъ себѣ другой примѣръ, прямо противоположный: промышленность вовсе не предъявляетъ запроса на серебро, но оно служить главнымъ материаломъ для денегъ,—индійскихъ рупій. Въ этомъ случаѣ лондонская цѣна серебра зависѣла бы только отъ курса рушій.

Дѣйствительность отличается отъ того, что было предположено въ обоихъ случаяхъ: запросъ промышленности на серебро не прекратится никогда, а азіатскія государства и Мексика пользуются имъ, какъ главнымъ материаломъ для денегъ. А потому цѣна серебра въ Лондонѣ опредѣляется запросомъ и со стороны промышленности, и со стороны денежной системы нѣкоторыхъ государствъ. Первое условіе имѣть гораздо меныше влиянія, чѣмъ второе.

Предположимъ, что существуютъ только двѣ страны—Англія съ ея золотой денежной системой и Индія съ серебряной,—и что 1 унція серебра стоитъ въ Лондонѣ 60 пенсовъ. Если продавцы предлагаютъ значительное его количество по 59 пенсовъ, то покупатели начнутъ обращать его въ рушіи и употреблять для платежей въ Индіи. Курсъ рушій пѣсколько упадетъ; но онъ опредѣляется множествомъ причинъ, общимъ положеніемъ хозяйственныхъ дѣлъ, а потому одно удешевленіе серебра не можетъ имѣть на него большаго вліянія. Вздорожаніе серебра въ Лондонѣ до 61 пенса за 1 унцію поведеть къ тому, что известное количество рупій будетъ обращено въ серебро, ихъ курсъ пѣсколько повысится, но не поднимется до уровня цѣны серебра, такъ какъ зависить отъ очень многихъ причинъ. Всѣ дѣла, вытекающія изъ такого новаго сопряженія на рынкѣ (повышения или пониженія цѣны серебра) составляютъ только небольшую частицу совокупности дѣлъ, которые образуютъ хозяйственный оборотъ страны и вліяютъ на высоту курса денегъ. Такимъ образомъ между валютный курсъ является главнымъ условіемъ, которое опредѣляетъ цѣну серебра.

Въ дѣйствительности серебро служило еще недавно главнымъ материаломъ для денегъ не только въ Индіи и другихъ странахъ Азіи, но и во многихъ государствахъ Европы. Во всѣхъ странахъ, имѣвшихъ серебряную валюту, оно находило сбыть по цѣнѣ, которая подвергалась только небольшимъ колебаніямъ.

Этимъ объясняется паденіе цѣны золота относительно серебра въ началѣ второй половины 19 вѣка, когда чрезвычайно увеличилась добыча золота въ Калифорніи. Спрось на серебро былъ очень великъ. Возстаніе 1857 года принудило англичанъ вести продолжительную войну въ Индіи. Расходы на вое вызвали чрезвычайную потребность въ рупіяхъ, которыхъ покупали на английской денъги. Такъ какъ рупіи были дороги, то цѣна серебра, повышаясь, достигала $60^{1/2}$ — 62 пенсовъ за унцію.

До 1871 года отношеніе между цѣнами благородныхъ металловъ колебалось очень мало. Англія была единственной страной золотой монетной системы; было крайне трудно сразу измѣнить курсъ английской валюты относительно всѣхъ государствъ, где господствовало серебро.

Съ 1871 и, особенно, съ 1876 года положеніе дѣлъ рѣзко измѣнилось. Германія, Скандинавія, Голландія перешли къ золоту. Въ 1876 году Франція пристановила чеканку серебра, т. е. отказалась отъ двухметальной системы. Съ 1893 года перестали принимать серебро на монетные дворы Индіи. Рупія понизилась до 15 пенсовъ, а затѣмъ упала до 12—13. Обезцѣненію рупій способствовало то, что въ Индіи чрезвычайно возросла потребность въ английскихъ деньгахъ: нужно было платить процентъ по индійскому государственному долгу и железнорожнымъ займамъ (они были заключены, большою частью, въ фунтахъ стерлинговъ); нужно было платить пенсіианглійскимъ офицерамъ и чиновникамъ, служившимъ въ Индіи. Спрось на золото такъ увеличился, что обильная добыча его въ Австралии, а затѣмъ въ Африкѣ не могла удешевить его относительно серебра. Послѣднее же падало безостановочно. Въ 60-хъ годахъ 19 вѣка цѣна рупіи достигала 24 пенсовъ, а въ самомъ концѣ вѣка не поднималась выше 15—60; за унцію серебра платили не 60—62 пенса, а только 22.

Вотъ некоторые цифры. Добыча серебра отъ средняго годового количества около 905.000 килограммовъ за 1856—60 года, поднялась до 2.450.000 за 1876—80 и до 5.205.000 за 1896—900 года. Въ то же время уменьшился запросъ Индіи: за пятилѣтіе 1856—60 года она ввозила въ среднемъ по 1.077.380 килограммовъ серебра ежегодно, за 1871—75 только по 327.600, а въ 1896—900—по 1.004.200 килограммовъ. Отъ половины 50-хъ до половины 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія въ Индію передвигнулось больше серебра, нежели было добыто за то же время, а въ послѣдніе годы 19 вѣка Индія принадла менѣе 20%₀ всего количества, доставленнаго рудниками. За послѣдніе годы со стороны Индіи и Японіи снова появился крупный спрось на серебро, и цѣна его отъ $21^{11/16}$ пенса за 1 унцію въ Лондонѣ (въ 1902 году) дошла въ концѣ 1906 года до 33 пенсовъ.

Переходъ многихъ государствъ отъ соребряной валюты къ золотой долженъ быть приписанъ, главнымъ образомъ, возврату добычи золота. Оно болѣе пригодно для денегъ, нежели серебро, а потому за послѣднія десятилѣтія хозяйственныи оборотъ охотно принималъ огромныи количества золота, которыи доставлялись рудниками. Одновременно съ этимъ ослабѣвала потребность въ серебрѣ, какъ матеріала, менѣе пригодномъ для денегъ.

Все это не мѣшаетъ признавать практическую важность заѣмъ мѣропріятіями, посредствомъ которыхъ вводится валюта, возможно менѣе зависящая отъ колебаній въ добычѣ золота и серебра. Таковою можетъ служить двойная денежная система. Съ устраниемъ во многихъ странахъ серебра, какъ матеріала для денегъ, явились два невыгодныхъ послѣдствія—понижение цѣнности серебра и непостоянство его цѣнности относительно золота,—а потому возникла и двойная задача: повысить цѣнность серебра и достигнуть болѣшей устойчивости его цѣнности относительно золота. Эти двѣ цѣли могутъ быть достигнуты. Культурныи государства привыкли въ теченіе долгаго времени къ тому, что 1 фунтъ золота покупаетъ $15\frac{1}{2}$ фунтовъ серебра. Нельзя надѣяться, чтобы могло быть достигнуто это отношеніе; но очень вѣроятно, что возстановленіемъ правъ серебра его цѣнность настолько повысится, насколько она понизилась вслѣдствіе перехода нѣкоторыхъ странъ къ золотой валюте. Большая же устойчивость цѣнности серебра относительно золота можетъ быть достигнута переходомъ культурныхъ государствъ къ двойной денежной системѣ. Переходъ могъ бы быть осуществленъ двумя способами: или введеніемъ въ наиболѣе крупныхъ государствахъ свободной чеканки серебряныхъ монетъ, или же такъ, чтобы все большія культурные государства заключили договоръ о международной двойной валюте. Первый способъ, связанный съ невыгодами для государствъ, имѣющихъ золотую валюту (понижение въ нихъ цѣнности золота было бы связано съ нѣкоторымъ повышеніемъ цѣнѣнъ), вызвалъ бы серьезныи возраженія именно со стороны этихъ государствъ; они не имѣли бы гарантій, что тому же образу дѣйствій будутъ следовать и во всѣхъ другихъ странахъ. А потому возвращеніе серебру его правъ возможно только посредствомъ международнаго соглашенія. Разъ возможность этого стала бы въ принципіѣ несомнѣнной, то возникъ бы практическій вопросъ о томъ, какое должно быть установлено отношеніе между золотомъ и серебромъ. Чѣмъ ниже была бы опредѣлена цѣнность серебра относительно золота, напримѣръ, какъ 20 или 25 : 1, тѣмъ легче было бы пріостановить дальнѣйшее увеличеніе добычи серебра. Есть основаніе думать, что международное соглашеніе могло бы быть достигнуто тѣмъ легче, чѣмъ дешевле было бы оцѣ-

ено серебро. Разъ такое отношение было бы установлено, то колебания уже не были бы очень велики. Но такъ какъ колебания въ цѣнности обоихъ металловъ возможны, то слѣдовало бы провѣрять это отношение и отъ времени до времени устанавливать курсъ.

Могутъ-ли быть созданы условія для болѣе широкой обращаемости серебра въ томъ случаѣ, если золотая валюта будеть удержанна государствами, которымъ имѣютъ ее въ настоящее время? Къ этой цѣли могли бы вести мѣры трехъ родовъ: 1) Расширеніе предѣловъ, въ которыхъ серебро употребляется, какъ матеріа1ль для монетъ, а именно прикрытие серебромъ значительного количества банковыхъ билетовъ въ странахъ, которая имѣютъ золотую валюту. Къ этому могло бы быть пріобщено, какъ дополнительная мѣра, извлеченіе изъ оборота мелкихъ золотыхъ монетъ и замѣна ихъ серебряными, а также чеканка полноцѣнной серебряной монеты вмѣсто низкопробной серебриной размѣнной. Однако, все эти мѣропріятія, если бы они получили право гражданства въ странахъ золотой валюты, не могли бы открыть такое широкое поле для употребленія серебра, чтобы значительно влиять на его цѣнность. 2) Еще меньше можно разечитывать на вторую мѣру—удержаніе государствами, при золотой валюти, той серебряной монеты, которая еще сохранилась у нихъ въ оборотѣ. Нерѣдко указываются на Германію и выражаютъ пожеланіе, чтобы она не вытакивала изъ оборота серебра, которое еще сохранилось у нея. Осуществленіе этой мѣры не трудно. Но количество серебра, сохранившееся въ странахъ золотой валюты, такъ неизначительно по сравненію съ ежегодною добычей соребра, что эта мѣра не подниметъ его цѣнности настолько, чтобы страны серебриной валюты могли спокойно взирать на будущность своего денежнаго обращенія. Международное соглашеніе не можетъ быть построено на такомъ узкомъ фундаментѣ. Остается 3) третье средство: уменьшеніе потребности въ золотѣ. Кромѣ устраненія чеканки мелкихъ золотыхъ монетъ, къ этому можно было бы стремиться воавышеннемъ обложеніемъ золота, которое употребляется для украшений и, вообще, предметовъ роскоши. Но это обложение связано съ такими практическими трудностями, надаетъ на предметы, такъ легко ускользающіе отъ налога, что и отъ этой мѣры нельзя ожидать замѣтныхъ послѣдствій. Такъ какъ перечисленные средства должны быть признаны только полумѣрами, то неѣть надежды достигнуть цѣли при сохраненіи золотой валюты странами, которая уже перешла къ ней. Но неудобства гораздо легче сгладились бы съ переходомъ къ двойной валюте. Чѣмъ болѣе общее признаніе получила бы двухметальная валюта, тѣмъ болѣе устойчиво было бы отношеніе золота къ серебру и тѣмъ легче было бы

охранено серебро отъ дальнѣйшаго обезцѣненія. Мы не ошибимся, если назовемъ Англію сть колоніями единственною страной, которую не легко было бы склонить на путь биметаллизма уже потому, что она давно перешла къ золотой валютѣ, тогда какъ въ другихъ государствахъ господство золота—явление новое. Однако, за послѣдніе годы прошлаго вѣка и въ Англіи стали слышаться голоса въ пользу двойной валюты; это сказалось и въ нападкахъ, которыми со стороны вѣкоторыхъ членовъ своей партии подвергся Гладстонъ за рѣчь о монометаллизмѣ, произнесенную въ концѣ 1893 года.

Съ 70-хъ годовъ прошлаго вѣка стало являться много сторонниковъ однородной денежной системы для всѣхъ культурныхъ государствъ. Объединеніе должно выразиться въ чеканкѣ однородныхъ монетъ всѣми государствами. Для обсужденія этого важнаго вопроса собиралась международная конференція въ Парижѣ (въ 1878 и 1881 годахъ) и Брюсселѣ (въ концѣ 1892). Участники конференціи, отказываясь отъ мысли ввести международную двойную монетную систему, старались, главнымъ образомъ, выяснить способы, посредствомъ которыхъ можно было бы дать серебру больше мѣста въ денежнѣй обращеніи. Среди множества проектовъ, представленныхъ брюссельской конференціей въ виду этой цѣли, обращаютъ на себя особенное вниманіе предложения Ротшильда и Леви. Первый, дабы поднять цѣну серебра, предложилъ европейскимъ государствамъ скупать серебро на 125 миллионовъ франковъ ежегодно, подъ условіемъ, что Соединенные Штаты будутъ покупать каждый годъ на 250 миллионовъ. Скупка должна производиться до тѣхъ поръ, пока цѣна серебра не повысится на лондонскомъ рынке до 43 пенсовъ за 1 унцію (теперь унція стоитъ 33 пенса). Осуществленіе этого плана невыгодно, такъ какъ оно было бы связано для государствъ со значительными расходами. Предложеніе Леви отличается болѣею практичностью. Онъ настаивалъ, чтобы мелкія золотыя монеты и бумажныя деньги были изъяты изъ обращенія и замѣнены серебряными монетами. Этотъ проектъ признаетъ мелкими всѣ платежи, сумма которыхъ не превышаетъ $12\frac{1}{2}$ франковъ. Конечно, планъ Леви не имѣть практическаго значенія для тѣхъ государствъ, гдѣ запасъ серебряной монеты очень велика (во Франціи золотая монета составляетъ по цѣнности $\frac{5}{9}$, общей массы, а серебряная $-\frac{4}{9}$, въ Бельгіи запасы золотой и серебряной монеты почти равны по цѣнности); но принятие его можетъ быть полезно тамъ, гдѣ много золота и запасы серебра не великі; таково положеніе Германіи, скандинавскихъ странъ, где серебряная монета составляетъ только $\frac{1}{4}$ общей цѣнности, Италіи, которая имѣеть изъ серебра только $\frac{1}{12}$ части своихъ денегъ и изъогоразъ другихъ. На конференціяхъ выяснилась

невозможность осуществить эту идею въ ближайшемъ будущемъ. Но рано или поздно она будетъ проведена въ жизнь и составить большой шагъ впередъ на пути мирнаго сближенія культурныхъ народовъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Бумажные деньги.

Литература: *Ricardo. Principles*, а также, *High price of bullion. Tooke. History of prices*, 1840—1848. *Джонъ Стюартъ Милль. Основанія. Киевъ. Der Kredit, Schönberg. Handbuch III. Гольдманъ. Русскія бумажныя деньги*. 1866. *Wagner. Russ. Papierwähr.* 1867 и русскій переводъ. *Ею же. Staatspapiergefd. Reichskassenscheine*. 1874. *Hertzka. Währung u. Handel*. 1886. *Ею же. Wechselkurs und Agio*. 1894 и въ русск. переводахъ. *Ламанскій. О денеж. обращ. въ Россіи. Сборн. ст. свѣдъ*. 1853. *Безобразовъ. О извѣд. явлен. денеж. обращ. въ Россіи*. 1863. *Слодкевичъ. Бумажн. деньги въ Россіи. Киевъ. Унів. Изв. 1871. Буніс. О настоящ. пол. нашей денеж. сист. Сборн. Госуд. Знан. VIII. Кауфманъ. Обзоръ проектовъ о преобраз. кредитн. денежн. сист. Россіи*. 1878. *Ею же. Кредитные билеты, ихъ упаковка и возстановленіе*. 1888. *Исаевъ. Государ. кредит*. 1886. *Лебедевъ. Бумажные деньги*. 1890. *Семенцовскій. Нашъ вексел. курсъ*. 1891. *Никольскій. Русскія бумажныя деньги*. 1892. *Энштейнъ. Австрійскія бумажныя деньги*. 1895. *Грунвалдъ. Принудительный курсъ и возстановленіе валюты въ Италии*. 1896. *Голюбачевъ. Реформа кред. денежн. сист. Отч. Зап. 1875, IV. Жуковскій. Вліяніе бумажн. денегъ на лажь и цѣны. Вѣстн. Евр. 1881, IV. Городовъ. Возстановл. металл. обращ. Вѣстн. Евр. 1883, VIII. Колесовъ. О попыткѣ къ улучш. наш. ден. обращ. Вѣстн. Евр. 1886, XII. Судейкинъ. Денежн. пред. реформа Канкрина. Юр. Вѣстн. 1891, II. Постнакъ. Къ вопросу о вліяніи курса кредитнаго рубля на хлѣбныя цѣны*. 1896. *Мицуміна. Рус. государ. кредитъ*. 1904.

Деньги обращаются обыкновенно въ формѣ монеты, т.-е. кусковъ металла определенной формы, величины и вѣса. Необходимымъ условиемъ правильности обмѣна служить соответствие нарицательной цѣны монеты съ ея действительной цѣнностью; въ монетѣ должно заключаться количество чистаго металла, по цѣнности равное выставленной на ней цѣнѣ. [Наблюдение показываетъ, что нарицательная цѣнность монеты не всегда совпадаетъ съ действительной. Монеты, обращающиеся на рынкѣ, теряютъ вѣсь, изнашиваются, и действительная ихъ стоимость становится ниже номинальной, но это, все-таки, не нарушаетъ правильности обмѣна, такъ какъ для обращенія денегъ имѣть важность не столько материальная сторона, сколько убѣжденіе каждого, что онѣ могутъ служить платежнымъ средствомъ, хотя бы потеряли въ обращеніи долю своей стоимости, и что всѣ будуть принимать монету, хотя бы количество металла, заключенного въ ней, значительно уменьшилось.]

Въ этомъ убѣжденіи и заключается ключъ разгадки того, почему, рядомъ со звонкой монетой, на рынкѣ можетъ обращаться и большое количество бумажныхъ денегъ. Первый шагъ — употребленію бумажныхъ денегъ былъ сдѣланъ введеніемъ въ оборотъ (въ Средніе Вѣка) размѣнныхъ денегъ. Разъ въ обращеніе вошли не полноцѣнныя, испорченныя деньги, не трудно было сдѣлать и дальнѣйшій шагъ — ввести бумажные деньги. *Бумажными деньгами называются бумажные листки, на которыхъ обозначено название монеты и которые снабжены принудительнымъ курсомъ.* Ихъ выпускъ сопряженъ для государства со значительными выгодами: изготавленіе обходится дешево; ихъ легко пересыпать, а это дѣлаетъ ихъ удобнымъ орудіемъ обращенія; по введенію ихъ въ оборотъ, дорогіе товары, золото и серебро, дѣлались свободными, могутъ получить иное полезное назначеніе.

Возможность обращенія бумажныхъ денегъ основывается на увѣренности каждого, что онъ получитъ въ обмѣнъ на нихъ всѣ нужные товары. Государство вселяетъ въ гражданъ убѣженіе, что бумажные деньги такъ же могутъ служить платежнымъ средствомъ, какъ и монета, и само принимаетъ ихъ въ уплату податей и другихъ сборовъ. Дабы бумажные деньги могли обращаться по одной цѣнѣ съ металлическими, ихъ должно быть столько, сколько необходимо для потребностей оборота. Бумажные листки сами по себѣ не имѣютъ цѣнности, а заимствуютъ ее отъ звонкой монеты, выражаютъ цѣнность послѣдней. Поэтому, разъ въ странѣ является больше бумажныхъ денегъ, нежели нужно было денегъ въ звонкой монетѣ, цѣна первыхъ необходимо упадеть. Положимъ, напримѣръ, что общая сумма денегъ, потребная для оборотовъ данной страны, должна быть равна 100.000.000 рублей, и что вся эта сумма заключается въ звонкой монетѣ. Правительство выпускаетъ бумажныхъ денегъ на 50 миллионовъ рублей: количество денегъ въ странѣ увеличивается въ $1\frac{1}{2}$ раза; цѣны всѣхъ обращающихся на рынкѣ товаровъ повышаются, ибо будетъ предлагаться за нихъ больше денегъ; поднимется цѣна золота и серебра въ слиткахъ, а потому станетъ выгоднымъ обращать монету въ слитки и въ издѣлія или вывозить за границу. Такъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока общая сумма денегъ въ странѣ не уменьшится настолько, насколько она была увеличена выпускомъ бумажныхъ денегъ. Тогда цѣны понизятся до прежняго уровня, и положеніе дѣлъ будетъ минимумъ отлично отъ прежняго, что весь нужный для страны запасъ денегъ будетъ заключаться на половину въ монетѣ и на половину въ бумажныхъ листкахъ. Если поспѣшуетъ, второй выпускъ бумажекъ на 50 миллионовъ, то произойдетъ то же явленіе—повышение цѣны товаровъ, отливъ звонкой монеты за

границу и переплавка ея въ издѣлія, пока и послѣдніе 50 миллионовъ не исчезнутъ изъ оборота и сумма денегъ не упадетъ до необходимой для страны суммы, т.-е. не будетъ, равна 100.000.000 рублей. Но въ этомъ случаѣ всѣ 100 миллионовъ будутъ состоять изъ одиѣхъ бумажекъ; при довѣріи общества къ государству обмѣнъ еще можетъ не испытывать затрудненій. Предположимъ, что правительство выпускаетъ бумажныхъ денегъ еще на 50 миллионовъ рублей. Всѣдѣствіе этого въ странѣ опять будетъ деньги—больше потребнаго количества, но теперь произойдетъ уже нечто совсѣмъ иное: невозможность, отвлечь изъ оборота лишніе 50 миллионовъ бумажекъ поведетъ къ повышенію цѣни всѣхъ товаровъ и паденію цѣны бумажныхъ денегъ. Новый уровень цѣни установится на долгое время.

Переполненіе оборота бумажными деньгами ведеть за собою крупныя потрясенія въ общественномъ хозяйствѣ. Должники, заключивши заемъ въ полноцѣнныхъ деньгахъ, имѣютъ незаслуженные выгоды, если уплачиваются долгъ обезцѣнившимися деньгами. Кредиторы несутъ соответственно съ этимъ незаслуженные убытки. Довѣріе въ обществѣ подрывается, и сѣдѣлки лишаются точности и опредѣленности. Перемѣны въ цѣнѣ орудія обмѣна нарушаютъ существующіе договоры и соображенія; денежная обязательства на долгій срокъ становятся невѣрными. Выдающимся примѣромъ паденія цѣны бумажныхъ денегъ служить паденіе курса нашего рубля при Императорѣ Александрѣ I до 23 копѣекъ. Еще гораздо большему обезцѣненію подвергались бумажные деньги въ первую французскую революцію—до $\frac{1}{500}$ своей цѣны; а въ Америкѣ, во время войны южерныхъ штатовъ съ южными, цѣна бумажныхъ денегъ южныхъ штатовъ упала до $\frac{1}{1200}$ нарицательной цѣнности.

Но, дабы ближе ознакомиться съ бумажными деньгами, необходимо различать ихъ обезцѣненіе относительно звонкой монеты и относительно товаровъ. Эти оба отношенія не всегда развиваются параллельно. О первомъ можно судить по *ложу*, излишку, который платятъ бумажными деньгами при обмѣнѣ ихъ на монету (напримѣръ, 1 р. 80 к. бумажныхъ за одинъ серебряный рубль), о второмъ—по разницѣ между цѣнной товары, покупаемыхъ на бумажные деньги послѣ ихъ обезцѣненія, сравнительно съ цѣною товаровъ въ то время, когда бумажные деньги стояли на одномъ уровне—*al rai*—съ монетою или же когда въ странѣ вовсе не было бумажныхъ денегъ. Предположимъ, что четверть ржи, когда бумажный и серебряный рубли стояли *al rai*, стоила 6 рублей. Если за одинъ серебряный рубль даются 1 руб. 25 коп., то поднимется ли цѣна ржи до 7 руб. 50 коп. бумажныхъ за четверть, т. е. до высоты ложа?

Факты показываютъ, что движеніе въ обоихъ направленіяхъ не всегда совершается равномѣрно. Понижение цѣнности бумаж-

ныхъ денегъ имѣть различныя степени. Если цѣна ихъ падаетъ почти до нуля (какъ-то было съ французскими ассигнациями въ концѣ 18 столѣтія), то на ряду съ ними обращается звонкая монета; она фактически и служить деньгами, и всѣ перемѣны въ лажѣ, его повышеніе или пониженіе, немедленно отражаются на цѣнахъ товаровъ и ведутъ къ соответствующему ихъ измѣненію. Если же паденіе цѣны бумажныхъ денегъ не такъ велико, то не замѣчается указанной связи. Въ большихъ торговыхъ, портовыхъ городахъ и пограничныхъ мѣстностяхъ, ведущихъ оживленный спошненія съ заграницей, измѣненія въ лажѣ легко отражаются и на цѣнахъ товаровъ. Въ срединныхъ же мѣстностяхъ большаго государства, не находящихся въ постоянной связи съ иноземными народами, цѣны отличаются гораздо болѣе устойчивостью и мало колеблются вслѣдствіе измѣненій лажи. Въ нашихъ деревняхъ и болѣшей части городовъ цѣны важнѣйшихъ предметовъ потребленія не измѣнялись за 80-е года 19 вѣка, хотя цѣна бумажныхъ денегъ повышалась и понижалась не только изъ года въ годъ, но изъ мѣсяца въ мѣсяцъ. Можно привести еще болѣе интересный примѣръ: между 1774 и 1808 годами въ южной Россіи платили за прокормленіе крѣпостного 10 копѣекъ ассигнациями въ день, а ассигнаціонный рубль понизился за это время до 50 копѣекъ серебра.

Рикардо высказалъ мнѣніе, что цѣна бумажныхъ денегъ относительно монеты измѣняется соразмѣрно съ измѣненіемъ количества бумажныхъ денегъ. Это положеніе, встрѣтившее основательную критику Гука, должно быть признано невѣрнымъ. Факты показываютъ, что часто увеличеніе количества бумажныхъ денегъ не сопровождается паденіемъ ихъ металлической цѣны: напротивъ, она даже повышается. Данныя обѣ обращеніи бумажныхъ денегъ въ Россіи за послѣднее 20-тилѣтіе прошлаго вѣка показываютъ, что часто лажъ былъ чище въ то время, когда въ обращеніи было больше бумажныхъ денегъ. Этотъ фактъ объясняется тѣмъ, что большая потребность въ бумажныхъ деньгахъ препятствуетъ паденію ихъ металлической цѣны. Степень обезцѣненія слѣдуетъ привести въ тѣснѣшую связь, какъ съ причиной, со спросомъ на звонкую монету. Размѣры спроса часто подлежать колебанію. Усиленный спросъ предъявляется внутри страны, когда хозяйственныя кризисы или политическія события побуждаютъ частныхъ лицъ увеличивать сбереженія въ звонкой монетѣ. Но главная перемѣны въ этомъ спросѣ объясняются международными спошненіями. Склоняется балансъ заграничныхъ платежей не въ пользу страны, где преобладаютъ бумажные деньги,—и ей нужно вывозить много металла, а потому бумажно-денежная цѣна его повышается. Изъемлють, подъ вліяніемъ политическихъ особыхъ

неній, заграничные кредиторы свои капиталы изъ данной страны, и платежный балансъ еще болѣе склоняется къ невыгодѣ, еще болѣе нужно золота для высылки за границу, и еще ниже падаетъ металлическая цѣна бумажныхъ денегъ. И наоборотъ. Такъ какъ при современномъ развитіи международныхъ сношеній хозяйственная жизнь каждой страны подчиняется вліянію не только экономической, но и политической жизни другихъ народовъ, то колебанія ложа могутъ быть очень часты и рѣзки. Какой-нибудь люксембургскій вопросъ, свиданіе коронованныхъ особъ иностранныхъ державъ или парламентскія осложненія въ Западной Европѣ—факты, повидимому, малозначущіе для Россіи—оказывали вліяніе на размѣры спроса, который предъявлялся въ нашемъ отечествѣ на звонкую монету, и измѣняли металлическую цѣну бумажныхъ денегъ.

Вліяніе бумажныхъ денегъ на цѣны товаровъ бываетъ прямое и косвенное. Первое—тогда, когда вновь выпущенные бумажные деньги прямо употребляются правительствомъ на покупку товаровъ, преимущественно для военныхъ цѣлей. Спросъ на эти товары возрастаетъ, и цѣна ихъ возвышается. Прямое вліяніе на цѣны можно подмѣтить и въ тѣхъ мѣстностяхъ, где нускается въ оборотъ большой запасъ бумажныхъ денегъ: на театрѣ войны возвышенное жалованье офицеровъ и солдатъ увеличиваетъ обращеніе бумажныхъ денегъ и поднимаетъ цѣны всѣхъ товаровъ. Но нельзя сказать, чтобы усиленный выпускъ бумажныхъ денегъ тотчасъ же возвышалъ цѣны всѣхъ товаровъ во всей странѣ. Такъ могло бы быть лишь въ томъ случаѣ, если бы всѣ вновь выпущенные бумажные деньги вошли въ обращеніе: еслибы, говорить Тукъ, все количество бумажныхъ денегъ распредѣлилось въ населеніи такъ, что каждый гражданинъ, вставъ отъ сна, нашелъ у себя въ карманѣ два рубля вместо одного, то и цѣны всѣхъ товаровъ быстро поднялись бы въ соответствующемъ отношеніи. Въ дѣйствительности же далеко не вся масса выпускаемыхъ бумажныхъ денегъ немедленно поступаетъ въ оборотъ: значительныя суммы лежать праздно въ кассахъ банковъ; часто замѣчается увеличеніе этихъ запасовъ при усиленномъ выпускѣ бумажныхъ денегъ, и все это количество не оказываетъ на цѣны никакого вліянія.

Болѣе важно и сложно то вліяніе, которое мы назвали косвеннымъ. Оно дѣйствовать черезъ ложь: 1) Есть товары и личные услуги, получаемые данной страной изъ-за границы. Ихъ цѣна обыкновенно слѣдуетъ измѣненіямъ ложа, хотя было бы невѣрно утверждать, что цѣна измѣняется пропорционально съ колебаніями ложа. Если привозные товары вошли во всеобщее употребленіе или какъ окончательные продукты (чай, кофе, иностранныя вина), или какъ сырье, орудія или вспомогательные материалы (хлопчатая бумага, краски, нѣкоторыя машины) для

туземной промышленности и если эти товары не могут быть производимы внутри страны, то цена ихъ, изъ своихъ измѣнений, строго слѣдуетъ колебаніямъ лажа. Если же эти товары не вошли въ общее употребленіе и запроѣ на нихъ легко можетъ быть сокращенъ, или же они могутъ быть производимы въ данной странѣ, то повышеніе ихъ цѣны, подъ вліяніемъ лажа, производить дѣйствіе, подобное тому, какъ обложеніе этихъ товаровъ таможенными податями: они дорожаютъ на рынкѣ данной страны, съ ними начинаютъ успѣшно соперничать туземные произведения, и иностранные производители, дорожа сбытомъ въ данную страну, готовы помириться съ понижениемъ прибыли и взять цѣну, менѣе возвышенную, нежели лажа: если послѣдній составляетъ 50%, то цѣна возвысится, быть можетъ, только на 30%. 2) Измѣненія лажа дѣйствуютъ и на цѣну товаровъ, вывозимыхъ за границу. Если страна имѣетъ фактическую монополію по вывозу нѣкоторыхъ товаровъ, то производители немедленно повышаютъ цѣну съ повышеніемъ лажа, насколько это стремленіе не ослабляется усиленнымъ производствомъ товаровъ внутри страны. Если отпускаемые товары могутъ быть производимы и въ тѣхъ странахъ, куда вывозятся, то повышеніе цѣны, какъ и подъ пунктомъ 1-мъ, отстаетъ отъ возвышенія лажа. Во всѣхъ, однако, случаяхъ обезцѣненіе бумажныхъ денегъ поощряетъ вывозъ и затрудняетъ ввозъ. Оно даетъ производителямъ товаровъ какъ бы премію для заграничныхъ рынковъ и способствуетъ возникновенію въ странѣ многихъ новыхъ отраслей промышленности; нѣкоторая изъ нихъ существуютъ искусственно. На сколько ихъ поощряетъ повышеніе лажа, настолько же давить возстановленіе цѣнности бумажныхъ денегъ. Въ послѣднемъ случаѣ иноземные товары дешевѣютъ на туземномъ рынкѣ, затрудняютъ сбытъ многихъ туземныхъ издѣлій и преимущественно тѣхъ, которыхъ стали производиться подъ вліяніемъ высокой цѣны иноземныхъ продуктовъ, вызванной обезцѣненіемъ бумажныхъ денегъ. Положеніе отраслей промышленности, возникшихъ прямо для вывоза издѣлій, также затрудняется: разсчитанныя на низкую цѣнность бумажныхъ денегъ, они не могутъ такъ выгодно сбывать товары съ ея повышеніемъ. Вотъ почему именно отсюда, изъ среды искусственно возникшихъ отраслей, слышатся особенно громкіе голоса въ пользу новыхъ таможенныхъ налоговъ и покровительства отечественной промышленности. Справедливо замѣчаетъ Вагнеръ въ своемъ изслѣдованіи о *бумажныхъ деньгахъ*: „противники бумажныхъ денегъ и покровительственной таможенной системы клеймятъ шайкою себѧ любивыхъ фабрикантовъ, какъ измѣнники, предавшіеся иностранцамъ. А толпа служить имъ хоромъ“.

3) Есть, на конецъ, товары, которые производятся для внутреннаго по-

треблениј и стоять въ международной торговли; такова большая масса произведений добывающей и обрабатывающей промышленности. Лажь не действует на нихъ прямо; население привыкло къ бумажнымъ деньгамъ, и ихъ покупательная сила остается относительно этихъ товаровъ неизменною даже при измѣненіяхъ въ запросѣ на звонкую монету. Но косвенно ложь оказываетъ влияние и на нихъ. Въ большинствѣ этихъ отраслей употребляются, какъ орудія, сырье или вспомогательные материалы, и иностранные товары вымѣщаются туземными, которые начали производиться только вслѣдствіе вздорожанія первыхъ, то приобрѣтеніе такихъ товаровъ совершается по возведенной цѣнѣ, увеличиваются издержки на одной или многихъ ступеняхъ производства, а съ тѣмъ вмѣстѣ возвышается и цѣна продуктovъ. Ложь действуетъ всего слабѣе на цѣны тѣхъ товаровъ, которые производятся съ небольшимъ запасомъ постоянныхъ капиталовъ, какъ, напримѣръ, въ экстензивномъ сельскомъ хозяйствѣ, лѣсномъ, рыболовномъ промыслахъ. Нуженъ долгій періодъ времени, чтобы покупательная сила бумажныхъ денегъ относительно всѣхъ товаровъ этого класса понизилась tanto же, какъ она упала относительно звонкой монеты.

То же можно сказать и о цѣнѣ услугъ. Влияние ложа всего раньше отражается на оплатѣ услугъ лицъ, приглашаемыхъ изъ-за-границы (артисты, инженеры, техники); они выговариваются или возведенную плату сравнительно съ тою, которую приняли бы раньше, или въ металлической валюте. Внутри страны заработка плата всего легче возвышается въ тѣхъ отрасляхъ, которыхъ вновь возникаютъ или для вывоза, или для соперничества съ иностранными произведеніями на туземномъ рынке: она возвышается потому, что именно здесь усиливается запросъ на рабочія руки. Въ другихъ отрасляхъ заработка плата — вслѣдствіе наклонности современного производства увеличивать запасъ свободныхъ рабочихъ рукъ — возвышается очень туго; она отстаетъ отъ возвышения цѣны товаровъ или даже вовсе не возрастаетъ, и положеніе работниковъ становится затруднительнымъ. Столь же медленно повышается и жалованье земскихъ, городскихъ и, особенно, правительственныхъ чиновниковъ; если соперничество между соискателями не действуетъ на пониженіе платы въ этихъ занятіяхъ, то уменьшающаяся реальная плата, подъ влияниемъ обезцѣненія бумажныхъ денегъ, не уменьшаетъ соперничества, а разстройство всѣхъ финансовыхъ хозяйствъ въ такие періоды препятствуетъ повышению платы, которое казалось бы правительству, земству или городу справедливымъ и необходимымъ.

Замѣтимъ, наконецъ, что всѣ измѣненія цѣнъ, связанные съ ложью, происходятъ неравномѣрно въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ.

стахъ обширной страны. Въ мѣстахъ, ближайшихъ къ границѣ, въ пунктахъ при желѣзныхъ дорогахъ, словомъ, тамъ, гдѣ совершаются оживленные торговые обороты, лажь быстрѣе оказываетъ влияніе на цѣны, нежели въ мѣстностяхъ, отдаленныхъ отъ удобныхъ путей сообщенія, куда привозится мало заграничныхъ товаровъ и гдѣ производятся издѣлія почти исключительно для собственного потребленія. Въ этомъ отношеніи наши столицы, южная, приморская и западная пограничная губерніи представляютъ рѣзкій контрастъ съ вологодскимъ, вятскимъ или пермскимъ краями.

Гдѣ же предѣлы выпуска бумажныхъ денегъ? Книсъ и нѣкоторые другие писатели считаютъ естественнымъ предѣломъ выпуска бумажныхъ денегъ сумму налоговъ, поступающихъ государству. При установлении этого предѣла всѣ выпущенные бумажные деньги могутъ поступать той власти, которая выпустила ихъ; пріемъ ихъ обязательенъ для этой власти. Мы находимъ такое проведеніе границы совершенно произвольнымъ. Если сумма бумажныхъ денегъ и переходитъ за эти предѣлы, но цѣна ихъ стоитъ *al pari* съ монетой, то обмѣнъ не испытываетъ затрудненій, и бумажно-денежное обращеніе не причиняетъ неудобствъ.

Сумма бумажныхъ денегъ не должна выѣснить изъ страны всю монету, такъ какъ масса денегъ должна точно соответствовать потребности обращенія товаровъ. При значительномъ запасѣ металлическихъ денегъ въ странѣ, часть ихъ можетъ получить иное назначеніе, если уменьшается цѣнность обмѣниваемыхъ товаровъ или увеличивается быстрота обращенія денегъ. Но, при наличности только бумажныхъ денегъ, такого отлива быть не можетъ, ибо бумажные деньги не могутъ получить другое назначеніе. Это ведетъ къ переполненію ими рынка, понижению ихъ цѣны со всѣми невыгодными послѣствіями для хозяйства.

Выгодно-ли странѣ оставаться при бумажно-денежной системѣ безъ стараній перейти къ металлической? Ролоса въ пользу этого раздаются очень часто во всѣхъ странахъ, гдѣ былъ чрезмѣрный избытокъ бумажныхъ денегъ (Австроія, Сѣверная Америка въ 60 годахъ 19 вѣка, Россія). И этого мнѣнія держатся не одни практики: она находитъ сторонниковъ и среди теоретиковъ. Помимо узкихъ, эгоистическихъ побужденій отдѣльныхъ кружковъ, такое мнѣніе находитъ себѣ почву еще потому, что въ литературѣ есть представители рѣзко отрицательного отношенія къ бумажнымъ деньгамъ; они просматриваютъ ихъ выгоды и тѣмъ вызываютъ реакцію. Это мнѣніе находитъ себѣ поддержку и въ томъ, что иногда выцескаются бумажныхъ деньги умѣренъ и не причиняетъ странѣ крупныхъ невыгодъ, тѣмъ болѣе тогда, когда въ ней мало развиты международная сно-

шения, где особенно чувствительно обезцениение бумажных денегъ.

Не слѣдуетъ возражать противъ этого мнѣнія ссылкою на то, что металлическія деньги имѣютъ цѣнность вещества. Возможность металла быть деньгами опирается, главнымъ образомъ, на увѣренность, что монеты могутъ быть принимаемы во всѣхъ мѣновыхъ сдѣлкахъ. Но такая увѣренность служить причиной обращаемости и бумажныхъ денегъ, которыхъ не имѣютъ цѣнности вещества. Есть три главныхъ условія, дѣлающихъ металлическую валюту предпочтительнѣе бумажно-денежной. 1) Народъ не имѣть ручательства, что государственная власть всегда выпускаетъ бумажные деньги только согласно съ потребностями общественного хозяйства, что она не будетъ выпускать ихъ при всякомъ финансовомъ затрудненіи и тѣмъ создавать себѣ покупательную силу безъ всякой затраты труда. Металлическія деньги не представляются этого неудобства. Власть не можетъ увеличивать ихъ массу безъ затраты труда на ихъ пріобрѣтеніе. 2) Государство не можетъ точно опредѣлить размѣры потребности общества въ деньгахъ, а потому, даже при отсутствіи первого условія, оно можетъ выпускать ихъ сверхъ мѣры и тѣмъ колебать ихъ цѣнность. 3) Онѣ дѣйствительны только въ предѣлахъ страны, не принимаются на всемирномъ рынке и крайне затрудняютъ для государства международный обмѣнъ. Конечно, послѣднее неудобство сгладилось бы при болѣе тѣсномъ хозяйственномъ общеніи между народами; но это — дѣло, вѣроятно, не близкаго будущаго.

Обезцениеніе бумажныхъ денегъ есть крупное зло для народнаго хозяйства, а потому необходимо остановиться на мѣрахъ, содѣйствующихъ поднятію ихъ цѣнны до уровня съ монетой. Замѣтимъ, что возстановленіе ихъ цѣнности, какъ оно ни выгодно, является той необходимой для большаго операций, которая всегда мучительна; какъ задача врача — облегчить страданія, такъ и задача общественной власти — избирать тѣ средства, которые ведутъ къ цѣли съ нанесеніемъ ущерба возможно меньшему числу гражданъ. А если все общественное хозяйство выигрываетъ отъ уничтоженія ложа, то теряютъ особенно тѣ отрасли — въ лицѣ предпринимателей и работниковъ, — которыхъ возникли и могутъ держаться только при существованіи высокаго ложа. Мѣропріятія могутъ быть сведены къ слѣдующимъ четыремъ.

1. Уничтоженіе бумажныхъ денегъ, признаніе правительствомъ, что всѣ находящіяся въ обращеніи бумажные деньги ничего не стоятъ, не должны быть принимаемы въ платежъ казною или частными лицами. Такая мѣра есть вопіющая несправедливость: государственная власть должна служить гражданамъ примѣромъ точного исполненія обязательствъ, а между тѣмъ она

однимъ почеркомъ иера признаеть негодными деньги, пущенные ею въ оборотъ и ставшія всеобщимъ платежнымъ средствомъ. Есть, однако, условія, когда эта мѣра не приносить крупнаго вреда народному хозяйству: если бумажные деньги упали до $\frac{1}{500}$, $\frac{1}{1000}$ своей цѣнности, понизились почти до нуля, то никакое искусство финансового управления, никакое напряженіе платежныхъ силъ народа не могутъ возстановить ихъ цѣнность. Въ этихъ случаяхъ онъ фактически почти ничего не стоять, а потому государственная власть можетъ прибѣгнуть къ этой мѣрѣ и однимъ ударомъ покончить съ выродившимся бумажно-денежнымъ обращеніемъ. Разъ же обезцѣненіе только умѣренно, это средство должно быть безусловно отвергнуто и замѣнено однимъ изъ слѣдующихъ трехъ.

2. *Девалюація*, т.-е. пониженіе нарицательной цѣнности бумажныхъ денегъ до полнаго уничтоженія лажа, до возможности для нихъ обмѣниваться на монету *al pari*: если одинъ кредитный рубль стоить только 65 копѣекъ серебромъ, то правительство совершилъ девалюацію, постановляя, что отнынѣ бумажный рубль долженъ быть принимаемъ во всѣхъ платежахъ только за 65 копѣекъ. Для этого всѣ обращающіяся бумажные деньги замѣняются новыми, по 65 рублей за каждые 100 рублей. Эта операциѣ, испытанныя въ разныхъ государствахъ и иногда сопровождавшаяся успѣхомъ, представляется, повидимому, и теоретически совершенно правильною. Не есть-ли самообольщеніе думать, что 100 бумажныхъ рублей имѣютъ большую покупательную силу, чѣмъ 65 металлическихъ? Понесутъ ли отдельныя лица или правительство ущербъ отъ того, что фактически понизившаяся цѣнность бумажныхъ денегъ будетъ понижена и юридически? Ближайшее разсмотрѣніе этого вопроса показываетъ, что девалюація сопряжена съ двумя неудобствами: а) Съ каждымъ успѣхомъ въ развитіи международныхъ отношеній лажа пріобрѣтаетъ все большую подвижность. Правительство не въ состояніи найдти точку опоры для совершенія девалюаціи: оно признаеть нарицательную цѣнность рубля равной 65 копѣйкамъ, но нѣтъ ручательства, что черезъ мѣсяцъ онъ не будетъ стоить 60 или 70 копѣекъ. Въ первомъ случаѣ снова появится лажа, и цѣль правительства не будетъ достигнута: во второмъ — обнаружится недостатокъ въ бумажныхъ деньгахъ, способный легко соблазнить къ новому ихъ выпуску даже за предѣлы потребностей оборота. б) Вторая и гораздо большая невыгода состоить въ томъ, что девалюація особенно дурно отражается на судьбахъ тѣхъ классовъ, которые имѣютъ право на наибольшую заботливость государственной власти. Обезцѣненіе бумажныхъ денегъ обнаруживается наибольшою рѣзко-въ ихъ отношении къ монетѣ и товарамъ, виновными иль-на-

границы; оно отражается гораздо слабее на цѣнахъ многихъ туземныхъ произведений. Но если цѣны иностранныхъ медленно сгѣдуютъ за лажемъ вверхъ, то имѣютъ наклонность, поднявшись, не опускаться при движениіи лажа внизъ. Если, поэтому, вслѣдъ за девалюаціей, понизятся цѣны привозныхъ товаровъ, то туземные издѣлія, составляющія главные предметы потребленія рабочихъ классовъ, не подешевѣютъ, соотвѣтственно съ девалюаціей, а заработка плата, при стремлении техническихъ особенностей современного производства вызывать относительный излишекъ населенія и при старателъномъ использованіи предпринимателей всѣми поводами для пониженія заработной платы, понизится, и положеніе рабочихъ классовъ можетъ ухудшиться на довольно долгое время. Наконецъ, девалюація есть и потому обобоюострое оружіе, что можетъ быть совершина правительствомъ безъ напряженія силъ и при кажущемся соблюденіи всѣхъ интересовъ. А такія мѣры обыкновенно не даютъ поучительныхъ уроковъ; онѣ забываются раньше, чѣмъ успѣли изгладиться причиненные ими невыгоды.

3. Извлеченіе изъ оборота и уничтоженіе извѣстнаго количества бумажныхъ денегъ посредствомъ займовъ. Правительство заключаетъ заемъ, привлекаетъ къ себѣ бумажные деньги и предаетъ ихъ сожженію. Формально эта мѣра заслуживаетъ полного оправданія: правительство принимаетъ на себя отвѣтственность за пресыщеніе оборота бумажными деньгами, точно исполняетъ свое обязательство и возстановляетъ ихъ цѣнность. Если бы правительство стояло особнякомъ отъ гражданъ и народнаго хозяйства, то можно было бы удовлетвориться требованіями формальной справедливости. Разъ же это не такъ,—возникаетъ вопросъ о цѣлесообразности этой мѣры и ея вліяніи на народное хозяйство. Обыкновенно эта мѣра, — такъ можно принять въ теоріи совершается при слѣдующихъ обстоятельствахъ: а) лажъ высокъ, нужно извлечь изъ обращенія много бумажныхъ денегъ и заключить крупный заемъ; б) государство уже обременено долгами, его финансы разстроены, и новый крупный заемъ можетъ быть заключенъ только на невыгодныхъ условіяхъ; в) къ этому нерѣдко присоединяется скудость свободныхъ капиталовъ на туземномъ рынке. Если заключается внутренний заемъ, то очень выгодныя для кредиторовъ условія могутъ побудить многихъ капиталистовъ вынуть капиталы изъ доселѣшняго помѣщенія и направить къ новому государственному займу. Это перемѣщеніе капиталовъ ослабляетъ многія отрасли промышленности, затрудняетъ отпускную торговлю и склоняетъ платежный балансъ къ невыгодѣ данной страны, что опять имѣть наклонность колебать цѣнность бумажныхъ денегъ. Заключеніе же заграничнаго займа еще сильнѣе увеличиваетъ невыгодность платежнаго баланса, еще болѣе уваличи-

ваетъ запрѣтъ на монету и понижаетъ цѣнность бумажныхъ денегъ. Наконецъ, во всѣхъ случаяхъ новый крупный заемъ обременяетъ народъ новыми платежными тягостями. Вотъ причины, вслѣдствіе которыхъ нужно часто выскакиваться противъ этого средства. Если же условія въ данной странѣ довольно благопріятны, если ложь не высокъ и нужно извлечь изъ обращенія лишь небольшую сумму бумажныхъ денегъ, то эта мѣра можетъ быть оправдана.

4. *Совокупность экономическихъ и финансовыхъ мероприятий въ связи съ мѣрами, действующими прямо на бумажно-денежное обращеніе.* Въ этомъ случаѣ правительство не стремится возстановить цѣнность бумажныхъ денегъ однимъ росчеркомъ пера, а сосредоточиваетъ свои силы на развитіи экономическихъ средствъ страны. Какъ воздействовать на эти силы—вопрѣкъ, рѣшаемый политикой въ связи съ данными условіями времени и мѣста. Поднятіе благосостоянія сельскихъ классовъ чрезъ увеличеніе ихъ землевладѣнія, переселеніе изъ густо-населенныхъ центральныхъ мѣстностей на плодородныя и почти необитаемыя окраины, улучшеніе желѣзныхъ и водныхъ путей, поддержаніе мелкой промышленности открытиемъ для нея дешеваго кредита, содѣйствіемъ артельному производству, а крупной — чрезъ развитіе техническаго образованія—вотъ нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ мѣропріятій, способныхъ увеличить производительность труда, оживить обмѣнъ, а черезъ это и сдѣлать болѣе выгоднымъ заграничный платежный балансъ и усилить потребность въ бумажныхъ деньгахъ, какъ орудіяхъ обращенія. Рядомъ съ этимъ должны идти крупныя измѣненія въ финансахъ: правильное, наиболѣе соотвѣтствующее требованіямъ науки построеніе налоговъ, пошлинъ, пользованіе государственными имуществами, а также крайняя бережливость въ затратахъ, производительность которыхъ вызываетъ сомнѣнія. Съ тѣмъ вмѣстѣ остатки государственныхъ доходовъ надъ расходами могутъ быть съ пользою употребляемы для постепенного извлечения излишка бумажныхъ денегъ изъ оборота. При всемъ этомъ слѣдуетъ удерживаться отъ обремененія народа новыми займами, и необходима твердая рѣшимость правительства не выпускать болѣе бумажныхъ денегъ для цѣлей финансовыхъ, не создавать себѣ капиталовъ изъ ничего. Мы съ особенной настойчивостью указываемъ на рѣшительное преимущество этой мѣры предъ всѣми другими. Первая три борются съ недостатками бумажно-денежного обращенія и если побѣждаютъ его, то устраниютъ одно изъ многихъ хозяйственныхъ бѣдствій, и, конечно, далеко не важнѣйшее. Послѣдняя же мѣра, не достигаетъ такъ скоро этой цѣли, даетъ дѣятельности правительства то теченіе, которое оживляетъ все народное хозяйство, развиваетъ его; эта мѣра не только создаетъ условія для возстановленія цѣнности

бумажныхъ денегъ, но, увеличивая экономическія силы страны, даетъ возможность обойдтись, при финансовыхъ затрудненіяхъ въ будущемъ, безъ чрезмѣрныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ, или же легче поднять ихъ цѣнность, еслибы выпуски стали неизбѣжными.

Бумажные деньги были введены въ Россіи при Екатеринѣ II указомъ 29 декабря 1768 года о выпускѣ ассигнацій. Для размѣна ихъ на монету были учреждены два ассигнаціонныхъ банка—въ С.-Петербургѣ и Москвѣ. Императрица была проникнута убѣждениемъ, что выпускъ ассигнацій можетъ дать народному хозяйству такое орудіе обращенія, которое во многихъ случаяхъ доставляетъ больше удобствъ, нежели монета. Введеніе ихъ въ оборотъ было облегчено тѣмъ, что, при всякомъ платежѣ въ казну, необходимо было уплачивать 5% ассигнаціями. Но въ ассигнаціяхъ были только элементы, изъ которыхъ предстояло развиться бумажнымъ деньгамъ и бумажно-денежному долгю: онѣ не имѣли принудительного курса, не были обязательными и всеобщими платежными средствомъ; онѣ не только свободно обмѣнивались банками на монету, но банки имѣли въ монетѣ сумму, равную суммѣ въ выпущенныхъ ассигнаціяхъ. Такимъ образомъ, онѣ были первоначально—хотя аналогія и неточна—правительственными расписками на храненіе. При такомъ порядкѣ ассигнаціи были безвредны, но и бесполезны: важная выгода бумажныхъ денегъ—замѣна дорогаго товара болѣе дешевымъ—не достигалась; металль не получалъ другаго полезнаго назначенія и развѣ только, покоясь въ кладовыхъ банковъ, сохранялся отъ изнашиванія. Для повсемѣстнаго облегченія размѣна были учреждены конторы банковъ въ Новгородѣ, Псковѣ, Твери и иѣкоторыхъ другихъ городахъ.

Первый шагъ долженъ быть увлечь правительство. Разъ есть въ обращеніи бумажные листки, разъ они стоять al pari съ монетой, не естественно-ли правительству, въ случаѣ финансовыхъ затрудненій, соблазниться легкостью создать денежные средства и обратиться къ усиленному выпуску ассигнацій? Такъ и случилось. До 1786 года въ Россіи было ассигнацій только на сорокъ миллионовъ рублей; въ этомъ же году ихъ было выпущено еще на шестьдесятъ миллионовъ; изъ нихъ 33 миллиона были предназначены для ссудъ дворянству и городамъ, а остальные пошли на нужды правительства. Этотъ выпускъ сразу увеличилъ слишкомъ на 25% сумму денегъ, находившихся въ оборотѣ. Графъ Шуваловъ, главный виновникъ этого выпуска, предсказывалъ и обогащеніе казны, и улучшеніе быта дворянства, и развитіе промышленности. Императрица боялась, однако, чрезмѣрныхъ выпусковъ и тогда же постановила, что сумма ассигнацій никогда не должна превышать 100 миллионовъ рублей. Однако, къ концу ее царствованія

ихъ было въ обращеніи 150 миллионовъ. Въ 1799 году эта сумма достигла уже 210 миллионовъ.

Войны съ Наполеономъ требовали напряженія всѣхъ силъ государства. Потрясеніе хозяйственныхъ оборотовъ Европы, причиненное войнами, дѣлало невозможнымъ заключеніе иностраннѣй займовъ. Хотя изъ субсидій, которыми щедро раздавала Англія разнымъ правительствамъ для войны съ Наполеономъ, на долю Россіи пришлось болѣе $9\frac{1}{2}$, миллионовъ фунтовъ стерлинговъ, однако, эта сумма была далеко недостаточна, и увеличеніе государственныхъ долговъ, и именно внутреннихъ, было неизбѣжно. Въ 1810 году внутренніе долги были исчислены въ суммѣ 668.261.804 рублей. Главную массу долговъ составляли ассигнаціи: ихъ было въ оборотѣ на 577 миллионовъ. Въ 1812 году бумажный рубль стоилъ только $23\frac{1}{2}$ копѣекъ серебромъ.

Министръ финансовъ Канкринъ, преемникъ гр. Гурьева, направилъ все вниманіе на возстановленіе цѣнности бумажныхъ денегъ. Нельзя утверждать, чтобы раньше правительство относилось безучастно къ обезспѣченію ассигнацій. Еще въ 1810 году была учреждена комиссія погашенія долговъ, которая и должна была посредствомъ займовъ извлечь изъ обращенія ассигнацій на 100 миллионовъ рублей. Условія займовъ были выгодны для кредиторовъ; уплата правительствомъ процентовъ и капитала была обѣщана въ монетѣ, а кредиторы вносили ассигнаціями по курсу, высшему биржеваго. Но недостатокъ свободныхъ капиталовъ былъ причиной безуспѣшности этой мѣры; правительство уничтожило только 5 миллионовъ. Въ 1812 году правительство сдѣлало ассигнаціи всеобщимъ платежнымъ средствомъ по ихъ биржевому курсу и тѣмъ придало имъ важное свойство бумажныхъ денегъ. Затѣмъ, комиссіи погашенія долговъ было предписано извлекать ежегодно изъ обращенія ассигнацій на 30 миллионовъ рублей, для чего и назначалась соответствующая сумма изъ государственныхъ доходовъ. Съ этою цѣлью въ 1820 году былъ заключенъ за границей первый 5% заемъ на 40 миллионовъ рублей. Канкринъ возстановилъ цѣнность бумажныхъ денегъ въ періодъ 1839—43 года. 1-го іюля 1839 года серебряный рубль снова былъ сдѣланъ главнымъ платежнымъ средствомъ; было установлено отношеніе его къ ассигнаціонному рублю, какъ 1:3 $\frac{1}{2}$. Постепенно ассигнаціи были извлечены изъ обращенія и замѣнены по курсу государственными кредитными билетами, которыхъ до 1848 года было выдано на сумму около 230 миллионовъ рублей. Эти билеты обезпечивались всѣмъ достоинствомъ государства, и постоянный размѣръ ихъ долженъ быть поддерживаться металлическимъ фондомъ, составлявшимъ приблизительно $\frac{1}{4}$ всего выпущенного ихъ количества. Девальвациіи,

совершенная Канкринымъ, устранила бумажно-денежный долгъ, на 12 лѣтъ (1842—55). Металлическій фондъ въ размѣрной кассѣ экспедиціи былъ не только достаточенъ для непрерывнаго обмѣна, но даже принималъ въ обмѣнъ за кредитные билеты больше монеты, чѣмъ выдавалъ: въ 1846 году оять выдалъ монеты на 9,4 миллиона, а принялъ на 19,7 миллиона рублей, въ 1847 году — на 7,4 миллиона и 50,9 миллиона и т. д. Упорядоченность бумажно-денежнаго обращенія выражалась и въ вексельныхъ курсахъ: съ 1841 по 1853 годъ курсъ въ Петербургѣ на Парижъ стоялъ отъ 370 до 426 франковъ за 100 рублей.

Крымская война вызвала новые выпуски бумажныхъ денегъ: въ 1857 году ихъ сумма достигла 700 миллионовъ рублей. Для поднятія ихъ цѣны въ 1858 году было сожжено кредитныхъ билетовъ на 60 миллионовъ. Въ 1862 и 1863 годахъ государственный банкъ сдѣлалъ попытку уменьшить лажъ возобновленіемъ размѣна, но истощилъ свой металлическій фондъ, не достигнувъ цѣли. По вычислению Гольдмана, банкъ уничтожилъ билетовъ только на 45 миллионовъ рублей, а вся операция, принимая въ разсчетъ сдѣланный для этого за границей заемъ, стоила государству 107 миллионовъ; вексельный же курсъ, искусственно поднятый этой операцией, сталъ быстро опускаться.

Послѣдняя русско-турецкая война разстроила наши финансы. Неблагопріятнѣмъ при началѣ войны обстоятельствомъ была неполнота нашихъ бумажныхъ денегъ. Благодаря выгодному финансовому положенію, онѣ сохранили еще 85%, своей парицательной цѣны, но выпускъ предъ войной новыхъ 400 миллионовъ рублей повелъ къ быстрому ихъ обезцѣненію. Въ 1878 году обращалось кредитныхъ билетовъ на 1200 миллионовъ рублей, и лажъ превышалъ 40%. Дабы изѣять изъ оборота излишнія бумажныя деньги, Высочайшимъ указомъ отъ 1 января 1881 года было повелѣно государственному казначейству вносить въ государственный банкъ по 50 миллионовъ рублей въ годъ, до погашенія 400 миллионовъ кредитныхъ рублей. Первые 30 миллионовъ были соожжены въ 1883 году. Въ 1884 году было снова сожжено билетовъ на 30 миллионовъ рублей. Къ 1 января 1891 года сумма кредитныхъ билетовъ уменьшилась до 907 миллионовъ рублей. Но въ 1891 году было опять нѣсколько выпусковъ, которые довели сумму бумажныхъ денегъ до 1054 миллиона. Къ 1 января 1893 года въ обращеніи было кредитныхъ билетовъ на 1.196.295.384 рубля. За послѣдніе годы 19 вѣка, при помощи вѣнчаний заемовъ золотомъ, было совершено преобразованіе русской денежной системы, описанное въ предыдущей главѣ; съ нимъ было связано уменьшеніе суммы бумажныхъ денегъ: къ 1904 году ихъ было на 680.000.000 рублей. Подъ влияніемъ войны съ Японіей ихъ обращеніе стало

появляться: 1 января 1907 г. ихъ было въ 1,194,000,000 рублей, а золота и серебра на 765,000,000.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Кредитъ.

Литература: *Буне*. Рѣчь о кредитѣ. 1849. *Кауфманъ*. Кредитъ, банки и денежн. обращеніе 1873. *Жуковскій*. Нашъ вексельный курсъ и товари. цѣны. *Вѣстн. Евр.*, 1884. VII. *Ерошевскій*. Къ вопросу о поземельномъ кредитѣ. 1881. *Ходскій*. Поземельный кредитъ. 1882. *Cieszkowski*. Du credit et de la circulation, 1847, и русск. перев. *Knics*. Der Kredit. 1876 и 1879. *Wagner*. Der Kredit у *Schönberg'a I*. Handwörterbuch der Staatswissenschaften IV. *Goschen*. Theory of the foreign exchanges 1866. *Macleod*. Credit. 1897. *Rodbertus*. Kreditnaoth des Grundbes. 1869. *Schulze-Delitzsch*. Vorschuss und Kreditvereine. 1876. *Raiffeisen*. Die Darlehnkassenvereine. 1888. *Papr*. Der gewerbliche Kredit. 1906. *Брандтъ*. Теорія вексельн. курса. 1892. *Lippert*. Ueber die Vergleichbarkeit der Werte von internationalen Warensübertragungen. 1903. *Pallain*. Les changes étrangers et les prix. 1905. *Schaeffle*. Рядъ статей о земельномъ кредитѣ въ его Kern- u. Zeitfragen дальнѣйш. указ. на литературу см. у *Schönberg'a*, I.

Кредитъ—слово латинское. Какъ показываетъ словоизводство (*credо*), подъ этимъ терминомъ скрываются такія отношенія, где выступаютъ заемщикъ и должникъ, дача въ ссуду—стъ одной стороны и полученіе—стъ другой. *Всякая кредитная сдѣлка есть возмездное перемѣщеніе благъ, при которомъ одна сторона совершаетъ актъ въ настоящемъ, а другая—соответствующій актъ въ будущемъ*. Изъ этого определенія вытекаютъ слѣдующіе существенные признаки кредитныхъ сдѣлокъ: 1) кредитъ—сдѣлка двустороння; этимъ онъ отличается отъ всѣхъ одностороннихъ актовъ; 2) кредитъ—возмездное перемѣщеніе благъ, что отличаетъ его, напримѣръ, отъ даренія и 3) кредитъ есть такая сдѣлка, въ которой совершается неодновременный обменъ благъ; это отличаетъ ее отъ всѣхъ сдѣлокъ одновременныхъ, мѣны, купли-продажи. По содержанию кредитъ представляетъ особую форму купли-продажи и мѣны, причемъ совершается неодновременный обменъ одной цѣнности на другую. Я даю кому-либо 1.000 рублей, чтобы черезъ мѣсяцъ получить отъ него 1.000 пудъ хлѣба, или даю 4.000 пудъ хлѣба, чтобы черезъ мѣсяцъ получить 1.000 пудъ мяса. Особый видъ образуютъ тѣ кредитныя сдѣлки, когда одно лицо даетъ другому известное благо съ условиемъ возвращенія въ будущемъ этого же блага: я даю 1.000 пудъ хлѣба, чтобы черезъ мѣсяцъ получить 1.000 пудъ хлѣба же, или даю 1.000 рублей, чтобы получить 1.000 рублей. Послѣдняя форма кредита получила въ хозяйственной жизни наиболѣшее распространение.

При обособлении хозяйствъ, кредита не существуетъ. Оно всегда предполагаетъ довольно большое число частныхъ хозяйствъ, раздѣленіе труда и замѣну натурального хозяйства денежнѣмъ на многихъ пунктахъ. Въ кредитѣ одинъ актъ отдѣляется отъ другаго; въ промежутокъ, отдѣляющій актъ одного контрагента отъ акта другаго, въ кредитную сдѣлку часто вступаютъ и другія лица.

Говоря объ основаніи кредитныхъ сдѣлокъ, многіе писатели (Рау, Рошеръ, Вагнеръ) считаютъ довѣріе моментомъ, присущимъ каждой кредитной сдѣлкѣ; но это неправильно. Не научно полагать довѣріе въ основу понятія о кредитѣ: наука имѣть дѣло не съ настроениемъ духа лицъ, участвующихъ въ той или иной сдѣлкѣ, не съ условіями, которыми обставленъ хозяйственный оборотъ, а съ самою сущностью этого оборота. Довѣріе не есть необходимая принадлежность каждой кредитной сдѣлки: на практикѣ известны такія формы кредита, основаніемъ которыхъ не служить довѣріе; мы видимъ это при такъ называемомъ реальному кредитѣ—когда получение равнозначности обеспечивается для вѣрителя какимъ-либо благомъ. Шеффло, полемизируя противъ тѣхъ, кто основываетъ понятіе о кредитѣ на довѣріи, говорить, что оно, какъ нравственное начало, есть только спутникъ кредита, но не составляетъ его экономического существа¹⁾. Слѣдуетъ сказать то же и о способности кредитующагося къ уплатѣ, хотя и этому элементу нѣкоторые писатели придаютъ первенствующее значеніе. Наковецъ, многіе писатели (Дитцель, Рошеръ, Вагнеръ) говорять, что на сторонѣ вѣрителя должна быть добрая воля дать ссуду—иначе невозможно и возникновеніе кредитной сдѣлки; добрая воля вѣрителя является необходимымъ элементомъ кредита. Но это невѣрно; действительная жизнь знаетъ такія кредитные отношенія, въ которыхъ добрая воля вѣрителя не играетъ никакой роли: она отсутствуетъ въ случаѣхъ такъ называемыхъ принудительныхъ государственныхъ займовъ²⁾.

Еще въ началѣ XVIII столѣтія, въ лицѣ Джона Ло, появилось ученіе, что кредитъ не только содѣйствуетъ перемѣщенію капиталовъ, но служить силой, создающей новые капиталы. Эта теорія, развитая въ концѣ 18 столѣтія экономистомъ Пинто, подробно разработана Мэклайдомъ въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка. Кредитъ, говорить Мэклайдъ, есть право требовать определенного вида невещественного капитала; при этомъ у Мэклайда всякая кредитная сдѣлка отожествляется съ обыкновенной мѣновой сдѣлкой. Кредитная сдѣлка есть, по его мнѣнію, актъ, ничѣмъ существенно не отличающійся отъ акта купли-продажи: вѣритель даетъ материальную вещь—деньги—и получаетъ взамѣнъ вещь нематериальную—право требованія. Такимъ образомъ при каждой кредитной сдѣлкѣ происходитъ не что иное, какъ

обмѣнъ двухъ равныхъ цѣнностей, изъ которыхъ одну представляеть матеріальная вещь (деньги), а другую—не матеріальная (право). Должникъ покупаетъ деньги, вѣритель—долгъ. Элементу разновременности въ учении Мэклияуда о кредитѣ не отведено никакого мѣста. Кредитъ имѣеть созидающую силу; онъ творить капиталы. Каждый долгъ есть самостоятельный и производительный капиталъ; подобно всякому иному хозяйственному благу, онъ можетъ переходить изъ рукъ въ руки и служить для уплаты.

Можно оцѣнить эту теорію на такомъ простомъ примѣрѣ. Б долженъ А 1,000 рублей. Обезпеченіемъ долга служить вексель. А продалъ этотъ вексель третьему лицу В. Мэклиядъ говоритъ: такъ какъ право А можетъ быть продано, то оно и представляетъ самостоятельный капиталъ. Но онъ забываетъ, что когда А продаетъ свое право В, то менются только лица, имѣющія право требованія, а капиталъ остается одинъ и тотъ же,—извѣстная часть въ имуществѣ В. „На поверхностный взглядъ,—говорить по этому поводу Милль,—можетъ казаться, что А и В одновременно пользуются капиталомъ. Но если хоть немного вникнуть въ дѣло, мы увидимъ, что, когда А отдалъ свой капиталъ В, употребленіе капитала остается уже у одного В, и А не получаетъ отъ этого капитала никакой иной услуги, кроме той, что право получить этотъ капиталъ назадъ служить ему для получения въ пользованіе капитала отъ третьаго лица. Весь чужой капиталъ, которымъ дѣйствительно пользуется извѣстный человѣкъ, непремѣнно взять изъ чьего-нибудь капитала“³). Замѣтимъ въ возраженіе на теорію Мэклияуда, что, разъ должникъ оказывается несостоятельнымъ, право требованія несомнѣнно теряетъ всякую цѣнность. Оно всегда тѣсно связано съ имуществомъ должника (настоящимъ или предполагаемымъ въ извѣстный моментъ будущаго) и не имѣеть самостоятельного существованія. Не смотря на всю свою несостоятельность, теорія Мэклияуда нашла себѣ много сторонниковъ въ Англіи и Франціи, где особенно пользовалась популярностью при Наполеонѣ III.

Можно различать двѣ обширныя группы кредитныхъ сдѣлокъ. Во-первыхъ, такія, въ которыхъ разновременность актовъ со стороны участниковъ неизбѣжно вытекаетъ изъ самого характера сдѣлки: при отдачѣ вещи въ пользованіе, акть втораго контрагента—уплата равноцѣнности—можетъ или предшествовать пользованію, или слѣдовать за пользованіемъ, но не можетъ совпадать съ пользованіемъ во всѣхъ моментахъ. Во-вторыхъ, есть такія сдѣлки, которые могутъ быть, совершаляемы и въ кредитѣ, и за наличные (купли-продажи, мѣна).

Помимо этого общаго дѣленія, можно установить еще такую группировку видовъ кредита.

I. По роду обеспечения кредитъ бываетъ: 1) Личный, когда обеспеченіемъ въ полученіи равнозначности служать всѣ хозяйственные силы должника, вся его дѣятельность,— словомъ все то, что связано съ понятіемъ о личности. Сюда примыкаетъ кредитъ личный съ поручительствомъ, когда то же личное обеспеченіе представляетъ не одинъ должникъ, но и нѣсколько другихъ лицъ, поручившихся уплатить въ случаѣ его несостоятельности. 2) Кредитъ реальный, когда вѣрителю дано имущественное обеспеченіе въ какой-либо материальной цѣнности. Онъ выступаетъ въ формѣ а) закладнаго кредита, когда движимая вещь служить кредитору обеспеченіемъ Закладной кредитъ въ своемъ развитіи проходитъ нѣсколько ступеней Первоначально онъ облекается въ форму юсудныхъ кассъ, имѣвшихъ большое распространеніе въ Средніе Вѣка. Кредитомъ изъ этихъ кассъ пользуются или недостаточные классы, или богатые люди для цѣлей потребленія. Дальнѣйшей ступенью является ломбардный кредитъ; отъ первой формы закладнаго кредита онъ отличается тѣмъ, что имъ пользуются преимущественно люди, занимающіе капиталъ для производства, а обеспеченіемъ возврата юсуды служать разныя цѣнныя вещи (металлы, драгоценные каменныя, цѣнныя бумаги). По мѣрѣ развитія хозяйственной жизни, закладной кредитъ идетъ еще далѣе. Предметами, обеспечивающими полученіе равнозначности, начинаютъ служить товары, первѣко громоздкія произведенія сельского хозяйства и фабрикаты. Храненіе этихъ товаровъ вѣдается особыми учрежденіями — доками, а росписки на храненіе — варранты — обеспечиваются возвратъ юсуды учрежденію, которое открываетъ кредитъ владѣльцу товара. б) Ипотечный кредитъ образуетъ другой видъ реального кредита. И онъ принимаетъ въ своемъ развитіи разныя формы. На низкомъ уровнѣ культуры вѣритель получаетъ право владѣнія и распоряженія заложеннымъ недвижимымъ имуществомъ; позднѣе онъ получаетъ только право требованія, пріуроченное къ извѣстному имуществу кредитующагося; право же владѣнія и распоряженія имуществомъ остается за должникомъ.

II. Можно установить дѣленіе кредита по цѣлямъ, ради которыхъ совершаются кредитныя сдѣлки. Съ этой точки зренія различаютъ кредитъ для производства и кредитъ для потребленія⁴⁾. Нужно разумѣть здесь слово „производство“, какъ производство материальныхъ цѣнностей. Кредитъ для производства можетъ быть въ свою очередь раздѣленъ на двѣ группы, по роду капитала, приобрѣтаемаго въ кредитъ. Предприниматель можетъ нуждаться или въ постоянномъ капиталѣ, или въ оборотномъ. Первый обыкновенно затрачивается на долгій срокъ, а второй — на срокъ болѣе или менѣе короткій; въ зависимости отъ этого и опредѣляются условія кредита и относительно срока.

III. Третье дѣленіе основывается на срокѣ. Кредитъ бываетъ *срочный* и *бессрочный*; срочный же бываетъ *краткосрочный* или *долгосрочный*.

IV. Наконецъ, классификація кредита можетъ быть основана на личности заемщиковъ и кредиторовъ. Къ кредиту обращаются частные лица, отдельные общественные группы и государство. Поэтому и кредитъ бываетъ *частный*, *общественный* и *государственный*. Условія и формы того, другаго и третьаго не одинаковы. Общественные учрежденія нуждаются обыкновенно въ долгосрочномъ кредитѣ: они затрачиваютъ капиталы преимущественно на такія цѣли, которыя достигаются въ теченіе долгаго времени. Реальный кредитъ обыкновенно не примѣняется къ государству и общественнымъ учрежденіямъ (хотя въ исторіи мы находимъ много примѣровъ примѣненія и къ нимъ веществаго кредита): они свободно пользуются личнымъ кредитомъ въ силу своего авторитета. Члены разныхъ общественныхъ группъ предъявляютъ запросъ на кредитъ преимущественно того или другаго вида. Землевладѣльцы болѣе другихъ нуждаются въ долгосрочномъ кредитѣ, ибо затрачиваютъ капиталъ въ землю на много лѣтъ. Лица торговаго класса, при быстротѣ своихъ оборотовъ, нуждаются, главнымъ образомъ, въ краткосрочномъ кредитѣ. Наконецъ, лица, живущія трудомъ своихъ рукъ, имѣютъ надобность и въ краткосрочномъ кредитѣ, и въ долгосрочномъ; они обращаются къ послѣднему, когда нужны средства для развитія ихъ силъ, воспитанія, подготовки къ дѣятельности. Отсюда—кредитъ для ремесленниковъ, торговцевъ, заводчиковъ, сельскихъ хозяевъ, кредитъ крупный и мелкий. И какъ кредиторы, разныя общественные группы создаютъ для кредита неодинаковыя условія. Общественные учрежденія—земства, города, государство,—чаще открываютъ краткосрочный кредитъ. Они рѣдко имѣютъ такие избытки, которые могли бы давать въ ссуду на долгій срокъ. Частные лица, которыя лично ведутъ предпріятія, также не открываютъ долгосрочного кредита; наоборотъ, капиталисты, не ведущіе торговыхъ или промышленныхъ предпріятій, охотно открываютъ долгосрочный кредитъ.

Въ современномъ обществѣ большинство кредитныхъ едѣлокъ имѣть письменную форму. Документы, получаемые вѣрителями отъ должниковъ, могутъ быть названы кредитными знаками. 1) Простѣйшимъ видомъ кредитныхъ знаковъ служитъ простой *вексель*. Онъ имѣть такую форму. Должникъ А даетъ письменное обязательство уплатить кредитору Б или кому онъ прикажетъ известную сумму денегъ въ известный срокъ (часто обозначается и место уплаты). Если при этомъ Б, получивши вексель отъ А, состоить должникомъ третьему лицу В, то можетъ сдѣлать на вексель надпись, по которой и передаетъ

своему кредитору В свое право требовать уплаты отъ А. Такая передаточная надпись называется *индоссаментомъ*, ибо пишется на оборотной сторонѣ векселя (*in dosso*). Передаваемый по надписи, вексель можетъ нѣсколько разъ переходить изъ рукъ въ руки. По наступлениіи срока, платежъ производится не первоначальному кредитору, а послѣднему владѣльцу векселя. 2) *Облигациі* образуютъ другой видъ кредитныхъ знаковъ. Онѣ отличаются отъ векселя не принципіально, но лишь тѣмъ, что всегда выдаются на довольно крупную и круглую сумму и уплачиваются по известному плану погашенія занятаго капитала. Эти обязательства выдаются обыкновенно государствомъ, земствами, городами, акціонерными компаниями. Облигациі имѣютъ нарицательную цѣну капитала и снабжены листомъ купоновъ, по которымъ проценты уплачиваются въ известные сроки. Если въ нихъ обозначена личность кредитора, то онѣ называются *именными*, если нѣть — *на предъявителя*; въ послѣднемъ случаѣ кредиторомъ считается всякий владѣлецъ облигациі. 3) Третій видъ образуютъ *банковые билеты*. Банковый билетъ есть безпроцентный кредитный знакъ, выпускаемый банкомъ съ обязательствомъ уплатить предъявителю написанную на немъ сумму. Вторую группу образуютъ: 1) *переводный вексель* и 2) *чекъ*. Эти оба документа выражаютъ порученіе уплаты, которое одно лицо даетъ другому лицу или учрежденію. Эти документы соединяются не менѣе трехъ лицъ: выдающаго вексель или чекъ, принимающаго и получателя денегъ. Три лица, приоснованныя къ переводному векселю, имѣютъ особыя названія: выдающій — *трассанто*, принимающій — *акцептанть* и получающій уплату — *векселедержатель*.

Условія двоякаго рода способствуютъ развитію кредита и стѣсняютъ его: во-первыхъ, частныя, зависящія отъ лицъ, которые участвуютъ въ кредитныхъ сдѣлкахъ, и, во-вторыхъ, условія общественного быта, среди которыхъ развивается кредитъ.

Останавливаясь на первыхъ условіяхъ, мы скажемъ, что вѣрителями могутъ быть лица, имѣющія свободный капиталъ. Разъ лицо, обладающее капиталомъ, помѣщаетъ его въ собственное предприятіе, капиталъ перестаетъ быть свободнымъ. Кромѣ того, у вѣрителя должно быть желаніе дать капиталъ въ ссуду. Отсутствіе такого желанія объясняется разными обстоятельствами: или скучостью, желаніемъ имѣть капиталъ при себѣ, или намѣреніемъ лично вести предприятіе, или недовѣріемъ къ лицу, желающему воспользоваться кредитомъ. Для возникновенія кредита требуется наличность нѣкоторыхъ условій и на сторонѣ должника; наличность такихъ условій опредѣляется кредиторомъ, который прежде, чѣмъ ссудить данное

лицо, обыкновенно решаетъ следующіе вопросы: а) захочетъ ли должникъ уплатить взятую ссуду; б) если у него будетъ желаніе уплатить, то будетъ ли возможность; в) если должникъ будетъ имѣть возможность, но не захочетъ платить, то можно ли принудить его къ возврату ссуды? Въ разсчетъ принимается платежная способность должника не въ настоящемъ, а въ будущемъ, къ наступленію срока. Бѣртель соображаетъ, во многихъ-ли кредитныхъ сдѣлкахъ участвуетъ должникъ, и принимаетъ мѣры, чтобы должникъ не оказался относительно его несостоятельнымъ.

Вотъ условія на сторонѣ лицъ, участвующихъ въ кредитныхъ сдѣлкахъ. Большое значеніе имѣютъ для развитія кредита условія общественнаго быта; они затрудняютъ или облегчаютъ возникновеніе кредитныхъ сдѣлокъ. Пока господствуетъ натуральное хозяйство, развитіе кредита стѣснено, кредитныя сдѣлки малочисленны и ничтожны. Каждый ограничивается тѣсной сферой, въ которой живеть; его хозяйственная дѣятельность рѣдко переступаетъ за ея границы. Для развитія кредита необходимо раздѣленіе труда и замѣна натурального хозяйства денежнымъ. При широкомъ раздѣленіи труда, выдѣляются общественные группы, которая, обладая значительнымъ капиталомъ, не ведутъ самостоятельно предпріятій. Чѣмъ шире раздѣленіе труда, тѣмъ многочисленнѣе такія общественные группы, тѣмъ больше запасы свободныхъ капиталовъ и тѣмъ, слѣдовательно, болѣе благопріятна обстановка для развитія кредита. Многія условія, которая облегчаютъ и затрудняютъ развитіе кредита, объясняются всѣмъ характеромъ правового порядка. Такова свобода занятій и передвиженій лицъ и капиталовъ; она тѣмъ облегчаетъ распределеніе кредита, что даетъ возможность капиталь, накопленный въ одной мѣстности, помѣщать въ предпріятія, возникающія въ другой. Къ этому присоединяется широкое право частной собственности на орудія производства, содѣйствующее накопленію огромныхъ капиталовъ въ рукахъ немногихъ лицъ. Признавая неравномѣрное распределеніе имуществъ условіемъ, благопріятнымъ для развитія кредита, мы, однако, не согласны съ Книсомъ, что кредитъ развивается только тамъ, где есть богатые и бѣдные, ибо богатые не имѣютъ надобности занимать другъ у друга, а бѣдные не могутъ⁵). Дѣйствительность не оправдываетъ этого предположенія; масса бѣдныхъ людей помѣщаетъ свои скромныя сбереженія въ предпріятія миллионеровъ. Неравномѣрное распределеніе имуществъ потому облегчаетъ развитіе кредита, что создаетъ многочисленный классъ, обладающій свободными капиталами, по непосредственно не ведущій на нихъ обороты. Въ международныхъ отношеніяхъ богатыя страны являются обыкновенно кре-

диторами бѣдныхъ. Къ этому присоединяется вліяніе техники. Чѣмъ болѣе увеличиваются размѣры производства, тѣмъ чаше бываютъ недостаточны собственные капиталы предпринимателей, тѣмъ болѣе настоятельна потребность обращаться къ кредиту. Такимъ образомъ развитіе кредита стоитъ въ тѣсной связи съ экономическими, юридическими и техническими условіями.

Кредитъ служится подъ вліяніемъ всѣхъ событий, которыхъ нарушаютъ правильное теченіе общественной жизни: войнъ, междуусобій, голодовъ, эпидемій. Эти явленія настолько выбиваютъ жизнь изъ обычной колеи, что будущее становится неизвѣстнымъ, всякий хозяйственный расчетъ — неточнымъ. Но когда общественная жизнь, послѣ потрясеній, съ которыми со пряжены войны, голодъ, внутреннія усобицы, входитъ въ обычное русло, кредитъ развивается съ новою силой. И это понятно: во время потрясеній не возникли многія предпріятія, которыхъ обыкновенно образуются съ помощью кредита; разъ препятствіе устранено, — скрытая потребность въ кредитѣ обнаруживается въ полномъ объемѣ. Немаловажное значеніе для развитія кредита имѣть и стремленіе къ накоплѣнію, которое въ обществѣ проявляется иногда особенно выпукло. Если мы прослѣдимъ исторію хозяйства какого-либо народа за довольно долгій періодъ времени, то увидимъ, что это стремленіе не всегда одинаково; наиболѣе сильно проявляется оно въ эпоху оживленія отдельныхъ отраслей производства или всей промышленности страны. Всѣ спѣшать пользоваться благопріятными хозяйственными сочетаніями, расширяютъ производство, закупаютъ больше товаровъ въ кредитъ, и кредитная сдѣлки далеко выходятъ за обычные предѣлы. Будущее обманываетъ ожиданія, происходитъ крушеніе многихъ предпріятій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съуженіе кредита.

Слѣдуетъ оцѣнить вліяніе юридического порядка на развитіе кредита. Юридическія нормы вызываются экономическими строемъ; въ свою очередь, онъ оказываютъ вліяніе на хозяйственную жизнь, въ частности, и на кредитъ. Мы уже знаемъ, что а) большая или меньшая степень свободы въ промышленности отражается на развитіи кредита; б) допущеніе женщинъ къ участію въ кредитныхъ сдѣлкахъ и в) возрастъ наступленія совершеннолѣтія имѣютъ то значеніе, что большее или меньшее число лицъ получаютъ право участвовать въ кредитныхъ сдѣлкахъ. Затѣмъ имѣютъ вліяніе: г) легкость совершения кредитныхъ сдѣлокъ, простота или обиліе формальностей, дешевизна, приноровленіе правовыхъ нормъ къ потребностямъ оборота (характеръ процесса, распространеніе новыхъ видовъ кредитныхъ знаковъ).

Отдельные группы правовыхъ нормъ имѣютъ вліяніе на разные виды кредитныхъ сдѣлокъ. Закладной кредитъ въ

своемъ историческомъ развитіи особенно часто подвергался юридическимъ опредѣленіямъ. Онъ, какъ было сказано, проходитъ нѣсколько ступеней. Въ классическомъ мірѣ заложенное имущество поступало въ полное распоряженіе кредитора. Затѣмъ возникаетъ порядокъ такъ называемой „покупки ренты“; онъ замѣтно смягчаетъ прежнее сурое отношение къ должнику: для обеспечения вѣрителя ему предоставляется право получения вѣчной ренты съ заложенного имущества. Позднѣе за должникомъ было признано право выкупа. Въ Средніе Вѣка уже создаются такъ называемые *montes pietatis*—общественные ссудные дома, гдѣ на выгодныхъ условіяхъ давались ссуды подъ закладъ движимыхъ имуществъ. Эти дома, стоявшіе подъ непосредственнымъ надзоромъ общественныхъ властей, имѣли цѣлью охранять бѣдныхъ людей отъ ростовщиковъ⁶). Наконецъ, развиваются обороты съ цѣнными бумагами, ломбардный кредитъ, и созидаются нормы, которые принимаютъ въ разсчетъ и быстроту торговыхъ оборотовъ новаго времени, и рискъ и т. п. Исторія векселя также позволяетъ прослѣдить за вліяніемъ правовыхъ нормъ на развитіе кредитныхъ сдѣлокъ. Первоначально вексель, какъ показываетъ самое его название (*lettere di cambio*, *Wechselbrief*, *lettre de change*, *bill of exchange*), служилъ лишь для простаго обмѣна или перемѣщенія капитала изъ одного мѣста въ другое, представляя собою не что иное, какъ совершившееся перемѣщеніе цѣнностей; онъ еще не былъ долговымъ документомъ. Вотъ почему свѣтскія правительства и западная церковь, преслѣдуя ростовщиковъ, охраняли вексель, запрещали оспаривать получение по нему цѣнности. Постепенно развивается сурое вексельное право. Съ теченіемъ времени вексель утрачиваетъ свою первоначальную простоту. Входятъ въ обычай долгосрочные векселя, а затѣмъ, подъ видомъ вексельныхъ обязательствъ, скрываются и ссуды изъ процентовъ. Дальнѣйшій шагъ въ развитіи векселя состоялъ въ томъ, что были допущены переходъ векселей изъ одиѣхъ рукъ въ другія посредствомъ передаточной надписи. Измѣняясь, вексель сталъ важнѣйшимъ кредитнымъ знакомъ, и законъ, содѣйствуя образованію вексельного права, повліялъ на строй личнаго кредита.

Юридическія нормы о долгахъ и должникахъ занимаютъ выдающееся мѣсто. Эти нормы также оказываютъ вліяніе на развитіе кредита у всѣхъ народовъ. Гдѣ часто примѣняется нытка, тамъ, естественно, относятся сурово къ неплатѣльцамъ. Эта сурость вытекаетъ и изъ общественныхъ отношеній, какъ то можно прослѣдить на исторіи Рима (отношенія между плебеями и патриціями). На ряду съ этимъ религія (христіанство, коранъ) требуетъ болѣе гуманнаго отношенія къ должникамъ. Она основываетъ обязанность должника или-

тить долги на началахъ нравственности и не даетъ юридического обезпечения праву вѣрителя. Мягкое отношение права къ долгамъ просвѣчивается у древнихъ народовъ, а также у народовъ Европы послѣ принятия ими христіанства. Оно объясняется еще тѣмъ, что на низкомъ уровнѣ экономического развитія понятіе „кредиторъ“ было равнозначуще понятію „богатый“, а должникъ—понятію „бѣдный“ и что кредитъ въ древнемъ мірѣ и у европейскихъ народовъ служилъ преимущественно цѣлямъ потребленія, а не производства. Но уже съ половины Среднихъ Вѣковъ мягкость отношений къ должникамъ уступаетъ мѣсто другому, болѣе суровому началу. Должникамъ вмѣняется въ непремѣнную обязанность платить долги, а въ случаѣ неуплаты практикуются наказанія, состоявшія въ лишеніи свободы, отдачѣ должника кредиторамъ на отработки и ограниченіи политическихъ правъ. Только въ новѣйшее время смягчается суровость этихъ наказаній. Отношеніе законодательной власти къ процентамъ также различно въ разныя эпохи. Мы встрѣчаемъ въ исторіи или полное ихъ запрещеніе, или ограниченіе ихъ высоты. То и другое отношеніе къ процентамъ исходитъ отъ церкви и отъ государства. Стремленіе власти обуздатъ ростовщиковъ проходитъ красной нитью отъ классическихъ государствъ до новѣйшаго времени. Это воззрѣніе нашло усердную поддержку и въ теоріи. Въ XVIII вѣкѣ начинается иное теченіе. Многіе теоретики,—Локъ, Тюро, Бентамъ,—доказываютъ право кредитора располагать капиталомъ произвольно и отдавать въ рость за проценты, на условіяхъ, наиболѣе выгодныхъ для владѣльца. Однако, законодательство большинства европейскихъ государствъ продолжаетъ сохранять за собой право упорядоченія процента и только съ 50-хъ годовъ 19 столѣтія начинаютъ отмѣнять законы о процентахъ. Законодатель приходитъ къ убѣждѣнію, что въ наибольшемъ числѣ кредитныхъ сдѣлокъ участвуютъ стороны равносильные, и высота процента можетъ регулироваться естественно, безъ вмѣшательства государственной власти. Но и теперь законодатель считаетъ необходимымъ упорядочивать иѣкоторыя кредитныя отношенія; наука стоитъ на той же точкѣ зреінія. Государство вмѣшивается въ кредитныя сдѣлки, гдѣ контрагентами выступаютъ, съ одной стороны, лицо неопытное, мало-свѣдущее, часто несовершеннолѣтнее, а съ другой—алчный ростовщикъ, не отказывающійся ради наживы отъ самого крайнаго давленія на должниковъ. Отсюда—рядъ нормъ, которыя опредѣляютъ порядокъ возникновенія и дѣятельности ссудныхъ кассъ, ограничиваютъ ростовщиковъ и угрожаютъ имъ въ извѣстныхъ случаяхъ уголовной ответственностью?).

Кредитъ имѣеть вліяніе на обмѣнъ. Не будучи силою, прямъ создающею новые капиталы, кредитъ оказываетъ, однако,

могущественное влияние на хозяйственную жизнь. Прежде всего это влияние обнаруживается въ сферѣ денежного обращенія. Кредитъ сберегаетъ въ обращеніи значительную сумму денегъ и можетъ содействовать понижению ихъ цѣны. Дѣйствіе кредита на деньги особенно замѣтно при исполненіи кредитными знаками функций денегъ, какъ орудія оборота. Различные кредитные знаки—вексель, банковый билетъ, чекъ—могутъ служить орудіями обращенія; во многихъ случаяхъ они замѣняютъ деньги и вытесняютъ ихъ изъ оборота. Положимъ, что А занялъ у Б 1,000 рублей и далъ ему на эту сумму вексель на 6 мѣсяцевъ; вексель лежалъ у Б безъ употребленія до тѣхъ поръ, пока не наступилъ срокъ; тогда Б получилъ 1,000 рублей въ уплату по векселю. Въ этомъ случаѣ вексель, служа для Б гарантіей его права требованія долга, не участвовалъ въ оборотахъ и не вытеснялъ собою деньги. Представимъ себѣ другой случай. А занялъ у Б 1,000 рублей подъ вексель на 6 мѣсяцевъ. Б покупаетъ товаръ у В и, вместо денегъ, даетъ ему вексель А, сдѣлавъ на немъ передаточную надпись; В передаетъ вексель Г и т. д.; до наступленія срока платежа вексель послѣдовательно переходитъ 5—10 разъ изъ рукъ въ руки. Въ этомъ случаѣ онъ исполняетъ функцию денегъ, служить ихъ замѣстителемъ и вытесняетъ ихъ изъ обращенія. Какую же сумму денегъ вытесняетъ онъ? Многіе писатели, полагаютъ, что онъ вытесняетъ ту сумму, которая на немъ написана; однако, это не точно. Вексель въ 1,000 рублей вытесняетъ иногда 1,000 рублей, иногда же больше или меньше этой суммы. Большая дешевизна пересылки дѣлаетъ векселя болѣе удобообращаемыми, нежели деньги; съ другой стороны, вексель нерѣдко вовсе не передается или мнѣняетъ владѣльца немного разъ. Такимъ образомъ, вексель на 1,000 рублей способенъ, подъ влияниемъ первого условія, вытеснить изъ обращенія, быть можетъ, 1,200 рублей, а подъ влияниемъ втораго—500, 300, 200. Если предположить, что условія первого ряда уравновѣшиваются вторыми, то можно сказать, за невозможностью сдѣлать точное вычисленіе, что онъ вытесняетъ приблизительно сумму денегъ, которой стоитъ. Большею обращаемостью, чѣмъ векселя, обладаютъ банковые билеты, особенно тѣ, которые выпускаются крупными кредитными учрежденіями. Вексель не возбуждаетъ общаго довѣрія и не вѣрми признается въ уплату; банковые же билеты обращаются наравнѣ съ деньгами, охотно принимаются во всѣхъ платежахъ, что и ведетъ многихъ къ отожествиленію ихъ съ бумажными деньгами. Но отъ послѣднихъ они отличаются тѣмъ, что не служатъ обязательнымъ платежнымъ средствомъ.

Переводные векселя занимаютъ видное мѣсто во внутренней оптовой торговли и въ международныхъ оборотахъ. Предста-

вимъ себѣ, что петербургскій купець А купилъ у лондонскаго купца В сукна на 1,000 рублей. Другой петербургскій торговецъ—В продалъ лондонскому торговцу Г пшеницы на такую же сумму. При этихъ двухъ сдѣлкахъ купли-продажи, деньги должны быть пересланы изъ Россіи въ Англію и изъ Англіи въ Россію. Расходы на пересылку будутъ значительно уменьшены, если, вмѣсто наличныхъ денегъ, уплата будетъ совершена при помощи переводныхъ векселей. Тогда петербургскій торговецъ В выдаетъ вексель на лондонскаго купца Г и продаетъ его петербургскому купцу А. А, уплативъ по векселю и тѣмъ удовлетворивъ русскаго продавца, пересылаетъ вексель своему лондонскому кредитору Б; послѣдній обращается къ Г и получаетъ отъ него на мѣстѣ 1,000 рублей. Посредствомъ пересылки одного переводного векселя заканчивается сдѣлка между 4 лицами, и перемѣщеніе денегъ становится излишнимъ. Цѣна переводныхъ векселей мѣняется въ зависимости отъ спроса и предложения; она носитъ техническое название *вексельного курса* и, сообразно со спросомъ и предложеніемъ, то повышается, то понижается. Разсмотривая вопросъ о причинахъ измѣненія вексельного курса, въ литературѣ высказываютъ мнѣніе, что оно зависитъ отъ торгового баланса, т.-е. отъ отношенія между цѣнами товаровъ, привезенныхъ въ данную страну и вывезенныхъ изъ данной страны за границу. Излишекъ вывоза надъ привозомъ въ странѣ А склоняетъ торговый балансъ и вексельный курсъ въ ея пользу и наоборотъ. Если, напримѣръ, въ данное время Россія продаетъ Англія товаровъ на 100 миллионовъ, а Англія Россіи—на 80 миллионовъ, то торговый балансъ склонится въ пользу Россіи. Имѣя получить 80 миллионовъ, а уплатить 100 миллионовъ, Англія спрашивается на Россію векселей на 100 миллионовъ, но предложеніе векселей на Россію не превышаетъ 80 миллионовъ, а потому усиленный спросъ векселей на Россію повышаетъ ихъ цѣну въ Англіи. Въ Россіи—наоборотъ. Она спрашиваетъ векселей на Англію только на 80 миллионовъ, а ихъ предлагается на 100 миллионовъ; поэтому, цѣна ихъ понижается. Это отношеніе отражается выгодно на русскомъ вексельномъ курсѣ и неблагопріятно на англійскомъ. Въ слѣдующей табличкѣ можно представить это отношеніе, какъ отношеніе между пятью русскими и четырьмя англійскими торговцами, изъ коихъ каждый продаетъ товары на двадцать миллионовъ рублей:

С.-Петербургскіе торговцы.

A }
Б } Отпускаютъ въ совокупности
В } на 100 миллионовъ руб.
Г }
Д }

Лондонскіе торговцы.

Е }
Ж } Отпускаютъ въ совокупности
З } на 80 миллионовъ рублей.
И }

Взаимная обязательства А, Б, В, Г, Е, Ж, З, И будут, согласно съ вышеизложеннымъ, погашены двумя переводными векселями, на 20 миллионовъ рублей каждый. Однъ русскій торговецъ не найдеть лица, которое купило бы у него вексель на Англію на 20 миллионовъ. Въ Россіи имѣется одинъ лишній вексель, который и погашается высылкою изъ Англіи звонкой монеты. Тогда въ Россіи цѣна всѣхъ векселей на Англію упадетъ на сумму, покрывающую расходъ по пересылкѣ звонкой монеты. Когда спросъ на вексель равенъ ихъ предложенію, то вексельные курсы стоять *al pari*, т.-е. вексель на страну Б покупается въ странѣ А за ту сумму денегъ (согласно съ монетной системой этой страны), которая написана на вексель. 100 русскихъ рублей стоятъ $266\frac{2}{3}$ франка, и каждый вексель на 100 рублей, если курсъ стоитъ *al pari*, покупается во Франціи за $266\frac{2}{3}$ франка; если за тотъ-же 100-рублевый вексель во Франціи будетъ заплачено менѣе $266\frac{2}{3}$ франковъ, то русскій вексельный курсъ стоитъ ниже *al pari*; онъ стоитъ выше, если за тотъ же русскій вексель нужно заплатить болѣе $266\frac{2}{3}$ франковъ. Есть особые термины для обозначенія колебаній вексельного курса. Если цѣна векселей на данную страну выше *al pari*, то говоритьъ, что векселя продаются съ *преміей*, если ниже — съ *дисконтомъ*. Такъ, при курсѣ 260 франковъ за 100 рублей, вексельный курсъ стоитъ съ преміей для Франціи и дисконтомъ для Россіи. Еслибы во всѣхъ странахъ была въ обращеніи только звонкая монета, то колебанія вексельного курса были бы не велики. Они не могли бы выйтти за предѣлы издержекъ по пересылкѣ звонкой монеты или слитковъ; колебанія не могли бы превышать $1\frac{1}{2}$ — 2% вверхъ и внизъ. Но во многихъ государствахъ господствуетъ бумажно-денежное обращеніе, а это ставить вексельный курсъ въ зависимость, кроме указанныхъ причинъ, еще и отъ лажа. Разъ бумажный рубль стоитъ только 90 копѣекъ золотомъ, то, при самомъ благопріятномъ торговомъ балансѣ, вексельный курсъ въ Россіи на Францію будетъ стоять не выше 240 франковъ за 100 бумажныхъ рублей.

Не слѣдуетъ думать, что колебанія вексельного курса зависятъ отъ одного торгового баланса. Гораздо правильнѣе ставить его въ зависимость отъ платежного баланса вообще. По мѣрѣ развитія кредитныхъ отношеній, одно государство является должникомъ другихъ и по займамъ, которые заключаетъ правительство, и по капиталамъ, которые помѣщены изъ за границы въ частныя предпріятія данной страны. Сверхъ того, страна можетъ быть въ долгѣ у другихъ народовъ за пользованіе ихъ кораблями и желѣзными дорогами. Все это вызываетъ необходимость уплаты значительныхъ денежныхъ суммъ, процентовъ, погашенія капитала. Весьма возможно при этомъ,

что торговый балансъ благопріятенъ для страны, а платежный балансъ неблагопріятенъ, и ея вексельный курсъ стоитъ низко. Въ 70-хъ и 80-хъ годахъ торговый балансъ бывалъ благопріятенъ для Россіи; ей приходилось бы получать по немъ доплату въ сотню миллионовъ ежегодно. Но такъ какъ по государственнымъ долгамъ и другимъ статьямъ ей было нужно уплачивать за границу болѣе 150 миллионовъ рублей ежегодно, то платежный балансъ и вексельный курсъ склонялись часто не въ пользу Россіи.

Курсъ валюты упорядочивается самъ собою, когда его колебанія длится недолго. Продолжительные колебанія могутъ быть устранины только мѣрами сознательного противодѣйствія. Если государство обладаетъ довольно большимъ хозяйственнымъ могуществомъ, то принимаетъ мѣры для упроченія курса. При этомъ оно вмѣшиваются въ борьбу, которая происходитъ между продавцами и покупателями иностранныхъ переводныхъ векселей, и старается вліять на ихъ цѣну. Вмѣшательство государства облекается въ такія формы.

Главный банкъ той страны, деньги которой стоять ниже паритета, повышаетъ процентъ по учету векселей и ссудамъ подъ залогъ движимости. Вслѣдствіе этого въ оборотъ поступаетъ меньше банковыхъ билетовъ и меньше предъявляется ихъ для размѣна на монету. Съ тѣмъ вмѣстѣ иностранные спекулянты находятъ для себя выгоднымъ переводить въ данный банкъ свои капиталы, дабы пользоваться повышенными процентомъ. Предположимъ германскія деньги стоять ниже паритета сравнительно съ англійскими. Если Германскій Императорскій банкъ принимаетъ названныя мѣры, то создается на денежному рынку сопрѣженіе, которое вызываетъ въ Англіи спросъ на германскія средства платежа и поднимаетъ ихъ курсъ. Банкъ объясняетъ принятие такихъ мѣръ желаніемъ охранять свой запасъ монеты отъ истощенія. Въ дѣйствительности же становятся на этотъ путь, дабы достигнуть паритета вексельного курса, а достигнутый паритетъ уже самъ собою охраняетъ запасъ золота, которое поконится въ подвалахъ Банка. Эта мѣра не обходится безъ жертвъ: онъ ложатся на клиентовъ банка, которые учитываютъ въ немъ векселя и берутъ ссуды; прибыль этихъ людей уменьшается.

Другой формой воздействиія на вексельный курсъ является тотъ приемъ, котораго держался Австро-венгерскій банкъ въ Вѣнѣ. Съ 1892 года въ Австріи мечтали объ удержаніи на паритетѣ курса на Лондонъ. Но, вмѣсто 119 гульденовъ за 10 фунтовъ стерлинговъ, что соотвѣтствовало бы алрагі, платили 120—122 гульдена, т. е. курсъ былъ неблагопріятенъ для Австріи. Дабы достигнуть цѣли, банкъ сталъ затрачивать часть своего капитала для покупки векселей на Англію, чего бы

они ия стоили. Иногда покупал выгодно (по 118 гульденовъ за 10 фунтовъ стерлинговъ), но чаще — дорого, Банкъ продають векселя согласно съ паритетомъ во всѣхъ случаяхъ, когда курсъ былъ для Австріи съ дисконтомъ. Имѣя большой запасъ векселей, банкъ производить давленіе на ихъ курсъ и способствуетъ поддержанію паритета. — Эта мѣра связана съ потерями для Банка; но онъ можетъ возмѣстить ихъ посредствомъ разныхъ выгодъ, доставляемыхъ ему государствомъ за услуги этого рода.

Иного пріема держалось русское правительство въ началѣ 90-хъ годовъ прошлого вѣка. Дабы 1 рубль стоилъ въ Берлинѣ 216 пфенниговъ, русское правительство дало значительную сумму германскихъ и русскихъ денегъ одному банкирскому дому съ такимъ порученіемъ: когда рубль будетъ въ Берлинѣ ниже паритета, то банкирскій домъ обязанъ платить за него 216 пфенниговъ; если же рубль стоитъ выше паритета, то банкиръ обязанъ продавать рубль по 216 пфенниговъ. — Это было связано со многою миллионными жертвами, которая несло все русское народное хозяйство.

Чѣмъ меньше хозяйственныя силы государства, тѣмъ болѣе оно стремится достигнуть устойчиваго вексельного курса. Къ этому побуждаютъ не столько соображенія объ интересахъ торговли, сколько государственный кредитъ, необходимость заключать займы заграницей, необходимость считаться съ иноzemными кредиторами: послѣдніе хотятъ получать проценты на капиталы, ссуженные иностранному государству, въ такихъ деньгахъ, которая обладаютъ устойчивымъ курсомъ.

Итакъ, вексель, будучи средствомъ платежа, вытѣсняетъ значительную сумму денегъ изъ обращенія и такимъ образомъ замѣняетъ дорогое орудіе болѣе дешевымъ.

Чеки также замѣняютъ въ оборотѣ деньги при наличности извѣстныхъ условій. Способностью вытѣснять деньги изъ обращенія они обладаютъ въ гораздо меньшей степени, чѣмъ векселя. Чеки — краткосрочные кредитные знаки (по английскому законодательству, они дѣйствительны въ теченіе 1—2 дней). Лицо, выставляющее чекъ, обыкновенно имѣеть вкладъ на текущемъ счету въ тѣхъ учрежденіяхъ, на которыхъ выставленъ чекъ. Но со стороны чекодателя возможна и позднѣйшая уплата по чеку тому учрежденію, которое принимаетъ чекъ и производить по немъ уплату. Такъ какъ платежъ по чеку только переносится изъ одного мѣста въ другое, то чекъ вытѣсняетъ деньги въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) Если получивший чекъ успѣеть передать его третьму лицу въ уплату. 2) Если, отказываясь отъ немедленного получения денегъ въ кредитномъ учрежденіи, принимющемъ чекъ, онъ предлагаетъ записать соответствующую сумму себѣ въ кредитъ; вносятъ въ дѣлѣ

деньгъ можетъ сдѣлаться вовсе излишнею (потому, напримѣръ, что кредитное учрежденіе исполнить какое-нибудь порученіе данного лица). 3) Чеки вытѣсняютъ деньги, вслѣдствіе установившагося обычая кредитныхъ учрежденій обмѣниваться чеками. Находящіяся во многихъ городахъ разсчетныя палаты (Clearing house) имѣютъ цѣлью ежедневный обмѣнъ чековъ и другихъ кредитныхъ знаковъ между кредитными учрежденіями. Каждое учрежденіе выдаетъ другимъ выставленные на нихъ и полученные имъ чеки и принимаетъ отъ нихъ таковые же, выставленные на его имя; только разница уплачивается деньгами. Этимъ способомъ производятся огромные обороты, и вытѣсняется изъ обращенія большая сумма денегъ. Лондонская и нью-йоркская разсчетныя палаты дѣлаютъ обороты на десятки миллиардовъ ежегодно. И все это совершаются съ помощью суммы денегъ, равной 4—6%, суммы ежедневныхъ оборотовъ⁴⁾.

Кредитъ исполняетъ и другую функцию денегъ — служить для сбереженія запасовъ. При развитомъ кредитѣ сбереженіе запасовъ въ частныхъ хозяйствахъ дѣлается излишнимъ; запасы отдаются на храненіе въ кредитныя учрежденія; въ экономически развитыхъ странахъ, особенно въ Англіи, Бельгіи, Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, запасы денегъ въ частныхъ хозяйствахъ незначительны; сберегается лишь столько денегъ, сколько нужно на мелочные расходы. При такомъ положеніи дѣль банки являются настоящими резервуарами, которые привимаютъ свободные капиталы.

Всѣ эти условія ведутъ къ понижению цѣнности денегъ. Противное не можетъ быть доказано ссылкою на то, что въ XIX вѣкѣ деньги не подешевѣли. Еслибы они вздорожали, то выставленное положеніе не могло бы быть опровергнуто, ибо многократно возросла потребность въ деньгахъ: стоитъ вспомнить о современномъ расширѣніи экономическихъ оборотовъ на весь міръ, о массѣ денегъ, необходимой для уплаты наличными за проѣздъ миллионовъ пассажировъ по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ, за потребленіе въ трактирахъ и другихъ заведеніяхъ.

Кредитъ оказываетъ большое вліяніе на цѣны товаровъ. Товары могутъ быть приобрѣтаемы съ цѣлью потребленія и съ цѣлью дальнѣйшаго производства и торговли. Сообразно съ этимъ и кредитъ имѣть свою цѣлью или а) потребленіе, или б) производство. а) Первый не оказываетъ большаго вліянія на цѣны товаровъ. Пользуясь кредитомъ, потребитель можетъ увеличить спросъ на товары, но такое увеличеніе (если не предпринимается въ видахъ роскоши и мотовства) не можетъ идти дальше извѣстныхъ предѣловъ: большинству людей присуще сознаніе, что ихъ потребленіе, расширенное съ помощью кредита, не увеличивается ихъ имущества; это сознаніе сдержи-

ваетъ ихъ при пользованіи такимъ кредитомъ. Поэтому, если спросъ на предметы для потребленія и увеличивается, то это не имѣть большаго вліянія на цѣны товаровъ. б) Кредитъ, открываемый для производства, оказываетъ на цѣны товаровъ совсѣмъ иное дѣйствіе. Здѣсь человѣкъ стремится къ наживѣ, а этому стремлению нѣть границъ. Съ помощью кредита предприниматель до крайности расширяетъ производство. Торговецъ закупаетъ для перепродажи гораздо больше товаровъ, чѣмъ закупилъ бы безъ кредита. Чрезъ это спросъ на товары увеличивается; увеличиваются и ихъ цѣны. Однако, здѣсь можно замѣтить двоякое движеніе. Одни товары долгое время не могутъ быть увеличены въ своемъ запасѣ (разныхъ произведенія земли до новой жатвы, рыбы—до нового лова); другія же могутъ быть производимы въ увеличенныхъ размѣрахъ безъ значительнаго ограниченія (фабрикаты). Естественно, что скупка съ помощью кредита можетъ поднять цѣну первыхъ выше, нежели цѣну вторыхъ; сырье и вспомогательные материалы обнаруживаютъ большую наклонность дорожать, чѣмъ фабрикаты. Когда производство, расширенное съ помощью кредита, не оправдываетъ ожиданий предпринимателей, товаръ не находить сбыта, и цѣна его падаетъ. Но цѣны различныхъ товаровъ имѣютъ неравную наклонность къ понижению. Товары, могущіе удовлетворять разнообразныя потребности (хлѣбъ для пищи людямъ, корма скоту, винокуренія, сало — для производства свѣчей и мыла), не такъ рѣзко и быстро падаютъ въ цѣнѣ, какъ товары, удовлетворяющіе только одну потребность (ткани). Когда производство свѣчей стало невыгоднымъ, часть запасовъ сала можетъ пойти на увеличенное производство мыла. Фабрикаты же не могутъ получить иное назначеніе. Вліяніе кредита на производство повышаетъ и понижаетъ также цѣну труда. Широкая обращаемость векселей еще болѣе содѣйствуетъ колебанію цѣнъ. Вслѣдствіе индоссированія вексель проходитъ много рукъ и дѣлаетъ отвѣтственными всѣхъ индоссантовъ. Не платить вексел�атель въ срокъ — съ требованіемъ обращаются къ индоссантамъ, которые и вынуждены торопиться со сбытомъ товаровъ, чтобы реализировать нужную сумму; эта торопливость еще болѣе понижаетъ цѣны. Наконецъ, тому же содѣйствуетъ и развитіе учетныхъ операций: при застоѣ въ дѣлахъ, учесть сокращается, кредитъ стуживается, и производители вынуждены понижать цѣну товаровъ для ускоренія сбыта.

Какое же вліяніе оказываетъ кредитъ на производство?

По мѣрѣ развитія кредита, увеличивается богатство народа. Это явленіе убѣждаетъ, что капиталы косвенно создаются кредитомъ, хотя никоимъ образомъ нельзя согласиться съ Монтезумомъ, будто кредитъ обладаетъ творческою силой,—прямо творить капиталы. Чтобы понять, какъ создаетъ кредитъ капи-

талы, нужно разсмотреть положение для при отсутствии кредита. Въ послѣднемъ случаѣ положеніе вѣрителя и должника было бы совершенно иное, чѣмъ при распространенности кредита. Не имѣя возможности открыть кредитъ для производства, вѣритель а) или оставилъ бы свои блага безъ употребленія, б) или употребилъ бы ихъ непроизводительно, или в) самъ пустилъ бы ихъ въ оборотъ. Должникъ, не имѣя производительнаго кредита, а) или не производилъ бы, б) или производилъ бы въ меньшихъ размѣрахъ, в) или избралъ бы отрасль оборотовъ, где его собственный капиталъ былъ бы достаточенъ. Положеніе измѣняется къ лучшему, благодаря распространенію кредита для цѣлей производства: часто владѣлецъ капитала не умѣеть вести промыселъ и предпочитаетъ довольствоваться процентомъ, а должникъ, имѣя способность къ веденію предпріятія, лишнъ капитала. Потребность въ кредитѣ вытекаетъ также изъ крупныхъ размѣровъ современного производства, требующаго, чтобы предприниматель располагалъ большимъ капиталомъ. „Если бы не существовало кредита или, по общей небезопасности и по недостатку довѣрія, кредитъ былъ бы очень ограниченный, то не получили бы пользы отъ своего капитала многія лица, по своимъ занятіямъ или по недостатку нужнаго умѣнья, искусства и знанія, не могущія лично помѣщать его въ предпріятія; собранные ими запасы лежали бы праздно или, быть можетъ, растрачивались бы и уничтожались въ неловкихъ опытахъ“⁹). Всѣдѣствіе кредита, капиталъ переходитъ изъ рукъ менѣе искусныхъ въ болѣе искусные, или отъ лицъ, не желающихъ вести предпріятіе, къ лицамъ, которыхъ желаютъ этого, и получаетъ такимъ образомъ наиболѣе производительное назначеніе. Не слѣдуетъ забывать и о томъ, что, какъ скоро въ обществѣ развивается кредитъ и возникаютъ учрежденія, которыхъ облегчаютъ получение процента на капиталъ, увеличивается и наклонность къ сбереженію капиталовъ; капиталы нарастаютъ. Нужно отмѣтить и тотъ фактъ, что кредитные знаки вытесняются изъ оборота болѣе или менѣе значительное количество денегъ. Это приносить обществу ту выгоду, что въ народномъ хозяйствѣ создается известный излишекъ благородныхъ металловъ, который можетъ получить другое производительное назначеніе, и уменьшается затрата труда на открытие новыхъ рудниковъ, добываніе металловъ, словомъ, сберегается масса труда, которая можетъ быть съ пользою затрачена въ другихъ отрасляхъ. Дальнѣйшее вліяніе кредита на производство выражается въ томъ, что онъ увеличиваетъ рискъ, соединенный съ веденіемъ промышленныхъ предпріятій. Производство на занятые капиталы сопряжено со слабымъ рискомъ неудачи или малой удачи для предпринимателя вслѣдствіе того, что рискъ потерять собственное имущество уменьшается или

совсемъ устраивается. Такъ какъ акту въ настоящемъ со стороны вѣрителя соотвѣтствуетъ въ будущемъ актъ должника, то послѣдній долженъ имѣть къ истечению срока извѣстныя денежныя суммы; иначе производство, предпринятое съ помощью кредита, разрушается. Для предупрежденія этого необходимо точное согласованіе сроковъ сбыта товаровъ со сроками кредита и строгое разграничение между кредитомъ для приобрѣтенія основнаго капитала (возвращающагося медленно) и оборотнаго.

Значеніе кредита для потребленія выясняется изъ анализа кредитныхъ сдѣлокъ, которыя заключаются съ цѣлью потребленія. Многіе экономисты признаютъ этотъ кредитъ безполезнымъ или даже вреднымъ для общественнаго хозяйства, ибо капиталъ, ссужаемый для потребленія, могъ бы за это время совершить нѣсколько оборотовъ въ производствѣ. Такая точка зреінія стоить въ связи съ дѣлениемъ труда на производительный и непроизводительный, просто полезный. Это дѣление несостоитъ. Наука не должна имѣть въ виду интересы только производства; она должна признавать полезнымъ всякое явленіе въ хозяйствѣ, облегчающее удовлетвореніе потребностей; а потому во многихъ случаяхъ и кредитъ для потребленія долженъ быть признанъ полезнымъ. Лица, вступающія въ ряды адвокатовъ, врачей, чиновниковъ, сплошь и рядомъ не имѣютъ средствъ къ жизни въ первые мѣсяцы своей дѣятельности. Кредитъ, дающій имъ возможность существовать эти мѣсяцы, несомнѣнно полезенъ. Человѣкъ, богато одаренный отъ природы, получаетъ съ помощью кредита воспитаніе и подготовляется къ труду, который можетъ имѣть большое общественное значеніе; въ этомъ случаѣ кредитъ также полезенъ. Многія хозяйства, вполнѣ благоустроенные, ради удобства забираютъ на книжку у мясника, хлѣбника, книгопродаца и разсчитываются ежемѣсячно или по четвергамъ года, т.-е. пользуются кредитомъ для потребленія. Наконецъ, предположимъ, что такого кредита ищетъ человѣкъ, безусловно бѣдный, который, въ случаѣ отказа, долженъ возвратить къ благотворительности, или погибнуть. Хотя вѣритель, открывая такому лицу кредитъ, рискуетъ не получить уплаты, однако, и здѣсь кредитъ полезенъ: лучше открыть кредитъ, нежели дать человѣку погибнуть или оставить на рукахъ благодѣтелей, ибо благотворительность часто унижаетъ достоинство получающаго. Смѣшно, говорить Книсъ, упрекать фабриканта, который продаетъ чиновнику, получающему небольшое жалованье, рояль съ разсрочкой платежа: „потребительный кредитъ такого рода, остроумно замѣчаетъ онъ, во всякомъ случаѣ выдержитъ сравненіе съ производительнымъ кредитомъ, для устройства на ряду со многими другими мелочнай лавки или линиями кибика, особенно, если будемъ помнить, что именно

кредитъ для потребленія, который тогда находять посѣтители кабаковъ, наименѣе нуженъ и причиняетъ наиболѣе вреда". Потребительный кредитъ вреденъ, когда онъ открывается расточителямъ, поощряетъ роскошь, мотовство. Но тутъ же слѣдуетъ замѣтить, что производительный кредитъ также можетъ быть сопряженъ съ ущербомъ для общества: если должникъ, хотя бы сполна удовлетворилъ вѣрителя, ведеть дѣло неискусно, производить товары, ненужные обществу, то, разъ онъ развилъ это производство съ помощью кредита, кредитъ вреденъ, такъ какъ содѣйствуетъ уничтоженію известной массы цѣнностей. Только послѣ окончательного упроченія предпріятія, по одѣнкѣ его результатовъ, можно сказать, былъ-ли полезенъ кредитъ, открытый для производства.

Кредитъ имѣеть вліяніе и на распределеніе богатствъ. Пользованіе чужимъ капиталомъ позволяетъ должнику увеличить материальное довольство, если онъ опытенъ въ хозяйственныхъ оборотахъ и предпріимчивъ. Но именно въ этомъ и обнаруживается различіе между отдѣльными группами должниковъ. Лица достаточныхъ классовъ легко получаютъ кредитъ и могутъ, пользуясь имъ, въ огромныхъ размѣрахъ увеличивать свое богатство. Люди мало обеспеченые находять кредитъ только на обременительныхъ условіяхъ. Вотъ почему развитіе кредита содѣйствуетъ увеличенію имущественныхъ неравенствъ. Противовѣсомъ этому могутъ служить артельное единеніе внутри недостаточныхъ классовъ и дѣятельное участіе государства въ организаціи кредита.

Общее вліяніе кредита на хозяйство — то, что онъ, проникая во всѣ экономическія отношенія, умаляетъ самостоятельность отдѣльныхъ хозяйствъ; каждое изъ нихъ становится все въ большую зависимость отъ общественного хозяйства и міроваго. Въ натуральномъ или денежномъ хозяйствѣ мѣновыя сдѣлки предполагаютъ наличность цѣнностей; при сдѣлкахъ въ кредитъ цѣнности являются въ разное время; будущее неизвѣстно, а потому часто нельзя предусмотрѣть результаты. Каждый народъ состоить вѣрителемъ и должникомъ многихъ другихъ народовъ, и промышленный кризисъ, пеурожай, война въ одной странѣ оказываютъ вліяніе на многія хозяйства въ другой. Вліяніе становится еще болѣе сильнымъ потому, что богатыя страны помѣщаются свои капиталы у народовъ, экономически отсталыхъ. Непроизводительное основаніе предпріятій въ этихъ случаяхъ ведеть къ потерѣ капиталовъ. Самый фактъ помѣщенія капиталовъ за границею дѣлаетъ капиталистовъ склонными къ миру, ибо каждая война можетъ лишить ихъ значительной доли ихъ имущества. Развитіе кредита ведеть къ отдѣленію владѣльца благъ отъ предпринимателя. Первый только получаетъ проценты, ренту, второй ведеть предпріятіе. Пред-

пріятія, достигаю при помощи кредита особенно болѣихъ размѣровъ, получаютъ большую наклонность служиваться и расширяться. Предприниматель, поддерживая производство при помощи чужихъ капиталовъ, часто старается сберегать на всѣхъ издержкахъ, въ томъ числѣ и на рабочей платѣ. Всльдствіе этого кредитъ прямо или косвенно способствуетъ тому, что разстояніе между предпринимателемъ и рабочимъ увеличивается¹⁰⁾. По мнѣнію Кніса, при довольно высокомъ уровнѣ развитія, рентьеры, получающіе доходы безъ труда, способны поставлять обществу массу безвозмездныхъ услугъ въ сферѣ науки, искусства и общественной дѣятельности. По нашему убѣжденію, такие рентьеры составляютъ почти незамѣтное меньшинство; огромное большинство пользуется выгодами своего положенія, чтобы проводить жизнь въ праздности и роскоши.

Таковы свѣтлые и темные стороны кредита. Кредиту предстоитъ въ будущемъ значительное расширение. Но еще очень не скоро исполнится предсказаніе Гильдебранда, что денежное хозяйство будетъ вытѣснено кредитнымъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЯТОЙ ГЛАВѢ.

1) *Schaeffle. Das gesellschaftl. System*, 2 изд. 112.

2) Вагнеръ считаетъ принудительные займы государства особой формой обложки податями, съ чѣмъ согласиться нельзя. При взиманіи налоговъ, не обѣщается возвращенія равносѣнности каждому плательщику, а такое обѣщаніе лежитъ въ основѣ принудительныхъ займовъ.

3) Основанія пол. экон., II, 31.

4) Трудно провести замѣтную пограничную черту между этими видами кредита: если считать и личны услуги хозяйственными благами, то часто кредит для потребленія долженъ быть отнесенъ къ кредиту для производства (кредитъ на воспитаніе лица къ дѣятельности врача, ученаго и т. д.).

5) *Knies. Der Kredit*, I, 124.

6) Въ итальянскихъ городахъ съ половины XV вѣка.

7) Таковъ австрійскій законъ 1866 года: отмѣненіе ограниченія процента, онъ наказываетъ, какъ ростовщичество, высокие проценты, вытекающіе изъ злоупотребленія „нуждой, неопытностью, легкомысліемъ или слабоуміемъ“ заемщика. Нельзя не согласиться съ Вагнеромъ (Schönberg, 317—318), что удержаніе законныхъ процентовъ при кредитѣ для производства не можетъ быть оправдано, по ограничению ростовщиковъ и охраненіе интересовъ мелкаго люда путемъ закона необходимы, даже если бы все такія ограниченія имѣли очень малое практическое значеніе.

8) Еще въ 1872—73 годахъ въ лондонской разсчетной палатѣ было совершено оборотъ слишкомъ на шесть миллиардовъ фунтовъ, а въ нью-йоркской—слишкомъ на 30 миллиардовъ долларовъ, причемъ монеты былоплачено не болѣе $\frac{1}{200}$ всей суммы (Schönberg, 331).

9) Основ. пол. экон., II, 31—32.

10) Вліяніе кредита сказывается и въ сферѣ политической; стоитъ вспомнить политическую зависимость должниковъ отъ вѣртолетъ въ древнихъ Греціи и Римѣ и средневѣковыхъ республикахъ Италии.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Банки.

Литература: *Кауфманъ.* Кредитъ, банки. *Бингоффъ.* Краткій обзоръ исторіи и теоріи банковъ. 1887. *Яковлевъ.* Очеркъ нар. кред. 1869. *Колюхановъ.* Практич. руковод. къ устройству сельск. и ремесл. банковъ. *Буне.* Товарные склады и варранты. 1871. *Чупровъ.* Товарн. склады и ихъ знач. въ виду американ. конкурр. 1882 - 1870. *Исаевъ.* Мелк. земельн. кред. по системѣ Райфайзена. *Наблюд.* 1884, XI. *Блохъ.* Мелiorаціонный кредитъ. 1890. *Скворцовъ.* Мелiorаціонный кредитъ. *Сто.* Вѣсты. 1891, VI. *Wagner.* Beiträge zur Lehre von den Banken. 1857. *Ею же.* System der Zettelbank-politik. 2 изд. 1873. *Ею же.* Die Zettelbankreform im Deutschen Reich. 1875. *Tellkampf.* Principien des Geld- u. Bankwesens. 1866. *Fullarton.* On currency and banking. 1845. *Wolowski.* La question des banques. *Courcelle Sénèuil.* Traité théorique et pratique des opérations des banques. 8 изд. 1899. *Macleod.* Theory and practice of banking. 2 vol. 1866. *Bagehot.* Lombardstreet. 1873. *Bonamy Price.* Currency and banking. 1876. *Schaeffle.* Die Inkorp. des Hypothekarkred. 1888. *Schift.* Zur Frage der Organis. des landwirthschaftl. Kredites. 1892. *Nasse.* Die Banken въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Тамъ же дальнеїшія указанія на литературу вопроса. *Warschauer.* Physiologie der deutschen Banken. 1903. *Lindenbergs.* 50 Jahre Geschichte einer Speculationsbank. 1903. *Buchwald.* Die Technik des Bankbetriebes. 1904.

Кредитъ получаетъ организацію въ банкахъ. По мѣрѣ измѣненія общественной жизни, каждое учрежденіе измѣняется и нерѣдко становится трудно узнаваемымъ. Такія измѣненія подмѣчаемъ мы въ строеніи и дѣятельности банковъ. Банки могутъ быть раздѣлены на денежные и кредитные. Это дѣленіе станетъ понятнымъ, если затронемъ исторію банковъ. Элементы банковъ встречаются еще у древнихъ азіатскихъ народовъ, у народовъ классическихъ и въ Средніе Вѣка въ Западной Европѣ, особенно Италии. Первоначальная цѣль банковъ состояла въ томъ, чтобы хранить монету и содѣйствовать ея перемѣщенію; выдача же ссудъ еще не входила въ кругъ ихъ задачь. Денежные банки, во-первыхъ, мѣняли монету. Въ древности и въ Средніе Вѣка безопасность личности и торговыхъ сношеній не была обеспечена, и каждый торговецъ искалъ лицъ, которымъ овѣ могъ бы довѣрить деньги. Такими лицами и были банкиры. Они брали деньги на храненіе и выдавали расписки, которые были представителями хранящихся у нихъ денегъ. Этимъ достигалось и то, что торговцы имѣли надежное помѣщеніе для своихъ денегъ, и то, что парализовалось стремленіе правительствъ портить монету. Деньги, хранившіеся въ банкахъ, не участвовали въ оборотахъ и не подвергались порчу. Банки считали также своей обязанностью переводить деньги съ одного изъ своихъ вкладчиковъ на другаго, ибо многія лица пользовались услугами одного и того же банка. Переводъ денегъ по книгамъ

были сберегать расходы, поизбуждающие при переходе монеты. Ихъ денежныхъ банковъ естественно развивались кредитные. Банкиры постепенно приходили къ убеждению, что хранящиеся у нихъ деньги могутъ быть отдаваемы третьимъ лицамъ въ ссуду и что банки всегда должны имѣть налицо только известные суммы для удовлетворенія своихъ вѣрителей. Къ этой, простѣйшей формѣ ссудъ постепенно присоединились другія, изъ которыхъ и развилось сложное банковое дѣло¹⁾.

Операции банковъ раздѣляются на два разряда; первый составляютъ *пассивные* обороты, гдѣ банкъ является должникомъ, а второй—*активные*, тѣ, при которыхъ банкъ выступаетъ вѣрителемъ.

Активная операциі, т.-е. формы, въ которыхъ банкъ открываетъ кредитъ, могутъ быть сведены къ слѣдующимъ: 1) Учетъ векселей. Эта операция выражается въ томъ, что банкъ, принимая вексель, уплачиваетъ его владѣльцу написанную на немъ сумму, съ удержаніемъ въ свою пользу процентовъ, и вступаетъ во всѣ права кредитора. Учетъ векселей получила особенно широкое распространение въ 19 столѣтіи, когда обороты стали совершаться съ болѣею быстротою, и умножилось число людей, пользующихся вексельнымъ кредитомъ. Въ основаніи векселей, учитываемыхъ банками, лежатъ обыкновенно торговыя сдѣлки; векселя представляютъ цѣны купленныхъ товаровъ. Учитываемые векселя, болѣею частію, краткосрочны, выдаются на 3—6—9 мѣсяцевъ. Такъ какъ очень крупные банки часто не въ состояніи оцѣнить кредитоспособность должника, выдавшаго вексель, и кредитора, который, сдѣлавъ индоссаментъ, поручился своей подписью, то они нерѣдко требуютъ еще другой подписи. Это ведетъ къ упроченію такого порядка учета векселей, что первоначально вексель учитывается банкирской конторой, мѣстнымъ банкомъ, которымъ близко знакомъ векселедатель, а затѣмъ переучитывается ими въ центральномъ банкѣ. Послѣдній имѣеть дополнительное обезспеченіе въ подписи банкира. Учетъ купеческихъ векселей, при тщательной ихъ сортировкѣ, связанъ для банковъ съ малымъ рискомъ. — Векселя же, выдаваемые людьми, которые не принадлежатъ къ промышленному и торговому классамъ, гораздо менѣе надежны: въ основаніи ихъ не лежитъ обмѣнъ цѣнностей, а потому банки должны быть особенно осторожны при учетѣ этихъ векселей. 2) Выдача ссудъ подъ залогъ движимостей. Обезспеченіемъ ссуды могутъ служить слитки металловъ, иностранная монета, цѣнныя бумаги. По самому характеру банковыхъ оборотовъ, изъ ряда цѣнностей, которыхъ могутъ служить обезспеченіемъ, исключаются предметы роскоши и другие товары съ измѣнчивыми цѣнами. Сюда же примыкаетъ и выдача ссудъ подъ залогъ товаровъ, которые хранятся не

банками, открывающими кредитъ, а особыми товарными складами. Если сбыть товаровъ замедленъ, а купецъ или фабрикантъ нуждается въ капиталѣ для производства, то обращается къ правлению доковъ, т.-е. складовъ, хранящихъ товары. Тамъ товары подвергаются оценкѣ; оценочная опись или варрантъ вручается владѣльцу товара и служить обезпеченіемъ банку, который выдаетъ ссуду. Къ этимъ же учрежденіямъ нужно отнести элеваторы, которые служать для храненія хлѣбнаго зерна. Зерновой хлѣбъ, доставляемый въ эти хранилища, смѣшивается въ одну общую массу съ зерномъ такого же качества, и владѣлецъ хлѣба имѣеть право не на то самое зерно, которое сдалъ, а на такое же количество хлѣба того же сорта. Владѣльцу хлѣба выдается квитанція на право получения опредѣленного количества зерна. Эти квитанціи облегчаютъ и продажу хлѣба, и получение денежныхъ ссудъ. 3) *Выдача ссудъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ.* Эти обороты отличаются отъ предыдущихъ. Деньги, полученные въ ссуду, употребляются на такія цѣли, которые могутъ быть достигнуты только въ теченіе долгаго периода времени, а потому и ссуды выдаются на долгіе сроки. Подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ берутъ денежные ссуды для улучшения сельского хозяйства. Всѣ кредитныя едѣлки этого рода подпадаютъ подъ понятіе о *мелiorационномъ* кредитѣ. Осушеніе и орошеніе земельныхъ участковъ, приобрѣтеніе скота и орудій, сооруженіе построекъ—всѣ главныя формы улучшения сельского хозяйства. Денежные ссуды берутся подъ залогъ земли также для выѣзда сонаслѣдниковъ. Наблюденія показали, что очень большая часть ссудъ получаетъ такое назначеніе. Ссуды первого и втораго рода имѣютъ ту общую черту, что долгъ можетъ быть покрытъ только небольшими долями въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ. Если ссуда была употреблена на улучшеніе хозяйства, то возросшая доходность земли создаетъ новый источникъ для уплаты процентовъ по занятому капиталу и для погашенія долга. Если ссуда была взята для выѣзда сонаслѣдниковъ, то уплата долга не такъ легка, ибо хозяйство не улучшилось, не создано нового источника доходовъ; остается тотъ же доходъ, изъ котораго долгъ можетъ быть погашаемъ только очень мелкими долями. А потому, именно эти ссуды должны быть выдаваемы на возможно болѣе долгій срокъ. 4) *Активный текущий счетъ.* Должникъ можетъ брать ссуды долями до известныхъ предѣловъ и уплачивать въ неопределенные сроки. Иногда банкъ требуетъ отъ должника какое-либо добавочное обезпеченіе. 5) *Выдача ссудъ государству* занимаетъ особое мѣсто. Государство, обращаясь къ банкамъ за кредитомъ, даетъ имъ различныя привилегіи, а потому активные обороты этого рода часто имѣютъ для банковъ особенно важное значеніе. Эти ссуды, по харак-

тору должника, обыкновенно бывают долгосрочными. Они связаны со значительным риском; во время войны, когда государственные финансы испытывают затруднения, банку трудно, а иногда почти невозможно разсчитывать на своевременный возврат ссуды и даже на точную уплату процентов.

6) *Покупка и продажа ценных бумаг*. Эта операция ведется почти всеми кредитными учреждениями, за исключением самых мелких. Колебания курса ценных бумаг и покупка их на чужие капиталы делят эти обороты очень рискованными, если они принимают большие размеры. 7) *Операции движимого кредита* состоят в том, что банк затрачивает капиталы на создание разных промышленных и торговых предприятий или на поддержание и расширение старых. Эта операция отличается от всех перечисленных нами банковских оборотов. Во всех вышеуказанных банк дает капиталы взаймы; здесь же его деятельность, как у кредитора, соединяется с деятельностью основателя предприятия. Но, не руководя последним и не ответствую за неудачи, банки часто создают предприятия, которые не вызываются потребностями страны и ведут только к потерям больших капиталов.

Среди пассивных операций банковъ 1) *прием вкладов* занимает первое место. Вклады различаются по срокам на срочные и безсрочные, а первые—на долго- и кратко-срочные. Къ безсрочнымъ вкладамъ принадлежать все больше распространяющіеся, по мѣрѣ развитія торговыхъ оборотовъ, вклады на текущий счетъ (пассивный текущій счетъ). „Въ Лондонѣ даже тѣ купцы, которые ведутъ розничную торговлю, имѣютъ счетъ у банкировъ, если капиталъ или оборотъ у нихъ сколько-нибудь значителенъ; кроме безопасности и практическаго удобства (въ сбереженіи времени), они имѣютъ отъ этого еще другую выгоду, получая право дисконтировать свои векселя у банкира, между тѣмъ какъ безъ этого едва-ли бы захотѣлъ банкир дисконтировать ихъ“²⁾). Вклады могутъ быть раздѣлены также на процентные и безпроцентные. Усовершенствованіе техники вкладныхъ оборотовъ, употребление вкладныхъ чековыхъ книжекъ, выдача по вкладамъ возможно высокихъ процентовъ, открытие текущихъ счетовъ, исполненіе для вкладчиковъ разныхъ поручений за невысокую плату или даромъ ведутъ къ тому, что все свободны въ странѣ денежные суммы поступаютъ въ банки и получаютъ полезное назначение. 2) *Выпускъ банковскихъ билетовъ* состоитъ въ томъ, что банкъ выдаетъ вкладчикамъ, а также своимъ должникамъ, билеты, которые и обязуются обмѣнивать на деньги по предъявленію. Чеки и банковые билеты имѣютъ то сходство, что служатъ выражениемъ обязательства банка уплатить избѣгнутую сумму денегъ. Но между ними есть и существенное различіе. Банки, выпуская билеты, не могутъ

знать, въ чьихъ рукахъ они находятся. Поддерживая же личные сношения со своими кредиторами, которые держать въ баякъ свою кассу, банкъ знаетъ, кому онъ выдаетъ чеки. Банкъ, имѣя вклады на текущемъ счету, завѣдую расходной кассой своихъ клиентовъ, можетъ судить о размѣрахъ ихъ имущественныхъ средствъ, о томъ, насколько успѣшно они ведутъ свои промышленные и торговые обороты. Банки, занимающіеся преимущественно выпускомъ билетовъ, имѣютъ дѣло съ мало знакомыми клиентами, а потому часто подвергаются большему риску, чѣмъ первые. Между чеками и банковыми билетами есть и та разница, что именно вторые являются тѣми кредитными документами, которые приводятъ въ связь съ банками все населеніе страны; чеки, имѣя своимъ основаніемъ вклады въ кассу банка, связываютъ съ банками только болѣе состоятельные классы: уже помѣщеніе вклада на текущій счетъ предполагаетъ извѣстную зажиточность клиентовъ банка. 3) *Приобрѣтеніе капиталовъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ.* Банкъ выпускаетъ облигации или закладные листы, обезпеченные имуществомъ. Съ цѣлью привлечь къ себѣ капиталы, онъ продаетъ эти документы и становится должникомъ ихъ владельцемъ. Долги по этимъ документамъ частично погашаются въ определенные сроки. 4) *Приобрѣтеніе капиталовъ посредствомъ займовъ.*

Основное правило банковой политики состоять въ томъ, чтобы приводить въ тѣсную связь кредиторовъ и должниковъ, которые наиболѣе соответствуютъ другъ другу. Банкъ, получая, въ качествѣ вкладовъ, крупныя суммы, можетъ дробить ихъ и выдавать въ ссуду третьимъ лицамъ мелкими долями; равнымъ образомъ, получая малыя суммы, онъ можетъ соединять ихъ и выдавать крупныя ссуды. При этомъ необходимо, чтобы активныя операциіи соответствовали пассивнымъ, т.-е. чтобы обороты, посредствомъ которыхъ банкъ открываетъ кредитъ, соответствовали тѣмъ, посредствомъ которыхъ онъ его получаетъ. Краткосрочные вклады должны быть выдаваемы въ ссуду на короткій срокъ, а долгосрочные — на короткій или долгій. Это положеніе можетъ быть, однако, ограничено. Значительная часть вкладовъ „до востребованія“ можетъ быть отдаваема въ ссуду на сроки. Опытъ показалъ, что эти вклады — одни выдаются, другіе вносятся вкладчиками, — всегда составляютъ въ кассахъ извѣстную сумму. Часть вкладовъ соответственно съ этой суммой можетъ быть помѣщаема въ ссуды на сроки. Можно сказать то же и относительно краткосрочныхъ вкладовъ. А потому банкъ можетъ помѣщать часть своихъ капиталовъ на болѣе долгіе сроки, нежели средній срокъ, на который получаетъ ихъ. Положимъ, что въ теченіе года банкъ принимаетъ вкладовъ на 5 миллионовъ рублей, что ~~следній~~ срокъ, въ теченіе

по котораго вклады остаются въ распоряжении банка, составляютъ 6 мѣсяцевъ и что изъ этихъ вкладовъ годъ за годомъ въ банкѣ всегда находится сумма не менѣе двухъ миллионовъ; тогда, даже при большой осторожности въ оборотахъ, ничто не препятствуетъ банку помѣщать изъ нихъ 1 или $1\frac{1}{2}$ миллиона въ долгосрочные ссуды. Приноровление активныхъ оборотовъ къ пассивнымъ требуетъ тщательно выработанныхъ техническихъ приемовъ: нужна строгая оценка поступающихъ векселей, представляемыхъ поручителей, большая разборчивость въ оборотахъ съ цѣнными бумагами и т. п. Наконецъ, собственные капиталы банка, основной и запасный, также должны давать достаточное обеспеченіе.

Банки могутъ быть дѣлимы на категоріи по различнымъ признакамъ. Можно установить дѣленіе ихъ а) по лицу, которому принадлежитъ банкъ: тогда будемъ имѣть банки государственные, земскіе, городскіе, акціонерные, частные, взаимные и т. п. б) По активнымъ операциямъ банки будутъ дѣлиться на учетные, закладные, гипотечные и другіе. в) По операциямъ пассивнымъ — на банки эмиссионные, депозитные и другіе. г) По общественнымъ группамъ, которымъ они преимущественно открываются кредитъ, — коммерческие, ремесленные, земельные. Мы возьмемъ за признакъ дѣленія срокъ, на который открывается кредитъ. Каждый банкъ служить известной группѣ лицъ и учрежденій; нужда въ кредитѣ вызывается различными условіями; но всѣ кредитныя сдѣлки могутъ быть, по сроку, сведены къ двумъ обширнымъ группамъ: одни лица нуждаются въ кредитѣ на короткій срокъ, другія — на долгій. Сообразно съ этимъ банки будутъ дѣлиться на 1) банки *краткосрочного кредита* и 2) *долгосрочного*. Внутри каждой группы можетъ быть образовано нѣсколько видовъ.

Изъ банковъ краткосрочного кредита наиболѣе распространены: а) *коммерческие* или *депозитные*. Главная часть ихъ капитала состоитъ изъ вкладовъ частныхъ лицъ. Въ эти банки вклады поступаютъ на короткій и долгій сроки, а также до востребования. Кроме вкладовъ частныхъ лицъ, банкъ имѣть и свой капиталъ, который составляется или на акціонерныхъ началахъ, или на началахъ круговой поруки (общества взаимного кредита). Въ послѣднемъ случаѣ владѣльцы банка отвѣ чаются или всѣмъ своимъ имуществомъ, или только частью его, которая превышаетъ, напримѣръ, въ 5—10 разъ ихъ пай въ общемъ капиталѣ. Имѣя своими должниками преимущественно лицъ, ищущихъ краткосрочного кредита, эти банки совершаютъ главные активные обороты въ формѣ учета векселей. Помимо этого, они выдаютъ ссуды подъ закладъ цѣнныхъ и негромоздкихъ предметовъ (*ломбардно* дѣло), а также варранты, выдаваемыя доками. Къ числу ихъ второстепенныхъ оборотовъ

относятся операциі съ процентными бумагами, переводъ денежнъ и т. п. б) *Эмиссионные* банки образуютъ большую часть своего капитала посредствомъ выпуска банковыхъ билетовъ; въ нихъ они выдаютъ ссуды своимъ должникамъ, а сами становятся должниками каждого предъявителя билета. Сверхъ того, они совершаютъ и другія обычныя банковыя операциі.

Къ учрежденіямъ краткосрочнаго кредита относятся и в) *народные* банки. Цѣль народныхъ банковъ состоять въ томъ, чтобы облегчить доступъ къ кредиту для людей изъ мало-обеспеченыхъ слоевъ населенія. Такая цѣль можетъ быть достигнута только при *артельной организаціи* этихъ банковъ. Одно лицо, принадлежащее къ небогатому классу, рѣдко можетъ получить значительную ссуду, такъ какъ ея выдача всегда сопряжена для вѣрителя съ большимъ рискомъ. Болѣзнь, смерть и другія неблагопріятныя обстоятельства могутъ безповоротно лишить должника возможности уплатить ссуду. Поэтому лица небогатыхъ классовъ въ отдѣльности не обладаютъ кредитоспособностью. Но, тѣсно сплотившись и установивъ круговую поруку, они создаютъ кредитоспособность для каждого изъ своихъ членовъ. Такимъ образомъ, наличность круговой поруки есть главная особенность народныхъ банковъ. Капиталъ этихъ учрежденій составляется изъ паевъ членовъ, образуемыхъ мелкими ежемѣсячными взносами, изъ вкладовъ членовъ и стороннихъ лицъ и, наконецъ, изъ займовъ. Въ Германіи народные банки по характеру операций очень близко подходятъ къ коммерческимъ банкамъ; обширность оборотовъ, употребленіе векселей, спекуляція процентными бумагами — все это стало въ нихъ давно обычнымъ. Въ нашемъ же отечествѣ ихъ активныя операциі состоятъ только въ выдачѣ ссудъ; другіе банковые обороты исключаются изъ круга ихъ дѣятельности; векселя въ нихъ не употребляются ³⁾.

Банки долгосрочнаго кредита составляютъ вторую группу. Долгосрочнаго кредита ищутъ для разныхъ цѣлей, но, главнымъ образомъ, для улучшенія сельскаго хозяйства и при раздѣлѣ недвижимаго имущества между наследниками, когда одно лицо удерживаетъ за собою все имущество и, для удовлетворенія сонаследниковъ, обращается къ займу. Въ городахъ, съ ростомъ населения и съ расширениемъ торговыхъ и промышленныхъ оборотовъ, кредитъ этого рода также получаетъ широкое развитіе: къ нему обращаются для сооруженія обширныхъ зданій, устройства водопроводовъ. Во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ капиталъ затрачивается на много лѣтъ; его можно возвратить только небольшими долями, а, следовательно, уплачивать на началахъ только частичнаго погашенія. Отвѣчая на эту потребность, хозяйственная жизнь выработала особыя учрежденія, открывающія долгосрочный кредитъ. Банки долгосрочнаго

кредита принимаются двѣ формы: а) Одни организуются на началахъ круговой поруки. Группа лицъ образуетъ кредитное учрежденіе; члены связаны круговою порукою и отвѣтствуютъ всѣмъ имуществомъ. Ссуды обыкновенно выдаются только членамъ. Желая получить капиталъ въ ссуду, членъ обращается въ банкъ, который выпускаетъ закладные листы; продажа ихъ даетъ приблизительно сумму, необходимую кредитующемуся. Вслѣдствіе этой сдѣлки заемщикъ состоить въ долгу у банка и отвѣтствуетъ предъ нимъ своимъ недвижимымъ имѣніемъ. Дабы определить размѣры кредита, недвижимость члена подвергается со стороны банка специальной оцѣнкѣ. Отвѣтствия передъ владельцами закладныхъ листовъ, банкъ платить по закладнымъ листамъ проценты, погашаетъ капиталъ и служить такимъ образомъ посредникомъ между членами и кредиторами.

б) Акционерные земельные банки образуютъ вторую группу. Эти банки состоять изъ членовъ-кредиторовъ. Обезпеченіемъ каждой ссуды служить недвижимость отдельного должника. Въ литературѣ часто высказываются мнѣніе, что кредитъ, открываемый земельными банками, невыгоденъ для землевладѣльцевъ; главная невыгода состоить въ томъ, что проценты слишкомъ высоки. Ихъ пониженію всего болѣе содѣйствуетъ введеніе гипотечныхъ книгъ, которые даютъ точныя свѣдѣнія о всѣхъ земельныхъ участкахъ⁴). Къ этой же группѣ примыкаютъ получившіе довольно широкое распространеніе въ ссудные союзы по системѣ Райфайзена⁵). Они пытаются соединить кредитъ краткосрочный и долгосрочный; ими руководить соображеніе, что въ сельскомъ хозяйстве бываетъ потребность въ одномъ и другомъ. Для приобрѣтенія посѣвныхъ сѣмянъ, мелкихъ орудій, нуженъ краткосрочный кредитъ, а для крупныхъ улучшений хозяйства—долгосрочный. Всѣ члены союза Райфайзена связаны круговой порукой; необходимымъ условіемъ считается ограниченіе дѣятельности банка райономъ только одного прихода; въ этомъ случаѣ круговая порука, связывая лицъ, близко знакомыхъ другъ съ другомъ, перестаетъ быть пустой формальностью. По мысли основателя, союзы не нуждаются въ собственномъ капиталѣ, а образуютъ капиталъ изъ прибыли. Оборотные средства доставляются вкладами и займами. Строй союзовъ отличается патріархальностью. Кто-нибудь изъ состоятельныхъ и образованныхъ жителей прихода принимаетъ на себя, обыкновенно бесплатно, управление дѣлами и надзоръ. Въ банкахъ Райфайзена есть еще одна привлекательная черта: прибыль отъ банковыхъ операций обращается на образованіе запасного капитала, который, въ случаѣ закрытия банка, не дѣлится между членами, а поступаетъ на какое-либо общеполезное дѣло. Въ литературѣ было сдѣлано много нападающее на эти банки. Ихъ невыгода состоить въ томъ, что они запи-

маютъ капиталъ на короткій срокъ, а выдаютъ на долгій, до 10-ти лѣтъ, т. е. нарушаютъ одно изъ основныхъ правилъ банковской политики. Хотя до настоящаго времени не было еще дурныхъ послѣдствій отъ такого нарушенія основнаго правила, однако, легко можетъ случиться, что кредиторы банковъ потребуютъ отъ нихъ возвращенія вкладовъ, а банки не будутъ въ состояніи исполнить это. Вотъ почему и въ уставѣ этихъ банковъ вкрадось существенное противорѣчіе. Уставъ говоритъ, что желающіе возврата своего капитала должны заявить объ этомъ за четыре мѣсяца; равнымъ образомъ и самъ банкъ имѣть право требовать уплаты всякаго долга ранѣе срока, предваривъ объ этомъ должника за четыре мѣсяца. Это ставить должниковъ въ большія затрудненія при пользованіи капиталомъ и, по существу, препятствуетъ затратѣ его на тѣ улучшенія, которыя возвращаютъ капиталъ черезъ долгій срокъ. Слѣдовательно, долгосрочный кредитъ этихъ союзовъ не имѣть прочнаго основанія.

Чтобы понять характеръ *общества движимаго кредита*, нужно указать на моменты, когда предпріятіе нуждается въ долгосрочной ссудѣ. Извѣстно, что основной и оборотный капиталы необходимы для всякаго предпріятія. Въ большинствѣ случаевъ первый составляетъ собственность предпринимателя, второй же занимается въ учрежденіи краткосрочнаго кредита. Но иногда предприниматель занимаетъ и основной капиталъ. Такъ какъ этотъ капиталъ возвращается въ теченіе болѣе долгаго срока, чѣмъ оборотный, то его нельзя получить въ учрежденіяхъ краткосрочнаго кредита. Для удовлетворенія этой потребности и возникаютъ общества движимаго кредита. Оживлять и поддерживать отечественную промышленность — такова ихъ главная цѣль. Опытъ показалъ, что эти учрежденія приносятъ пользу, однако, весьма часто могутъ имѣть вредное вліяніе. Ничто не способствуетъ въ такой мѣрѣ развитію спекуляціи, какъ общества движимаго кредита. Возможность вести дѣло на капиталъ, добытый при помощи кредита, нерѣдко облазняетъ дѣльцовъ устроивать предпріятія, которыя вовсе не соответствуютъ потребности страны. Вслѣдствіе этого безплодно растратчивается много капиталовъ, увлекаются люди неопытные и довѣрчивые, и причиняются убытки и частному, и общественному хозяйству. Эти банки ведутъ, сверхъ того, и обычныя банковскія операциіи^{6).}

Мы перечислили виды частныхъ кредитныхъ учрежденій. Государство, городъ, земство также могутъ учреждать и вести банки кратко—и долгосрочнаго кредита.

Чѣмъ должно руководствоваться государство въ своемъ отношеніи къ кредиту и банкамъ? Въ литературѣ есть сторонники и централизованнаго кредита, и широкой децентрализациіи.

Трудно решать такие вопросы безусловно, категорически, въ связи съ мѣстомъ и временемъ. Сторонники децентрализованного частнаго кредита обыкновенно указываютъ на то, что новмѣшательство государства въ эту область открываетъ широкое поле для частной инициативы и облегчаетъ развитіе кредита. Сторонники же первого направленія доказываютъ, что интересы всѣхъ нуждающихся въ кредитѣ могутъ быть болѣе полно удовлетворены въ случаѣ преобладанія государственныхъ кредитныхъ учрежденій, нежели при господствѣ частныхъ. Можно найти истину въ аргументахъ обѣихъ сторонъ. Но слѣдуетъ отмѣтить несомнѣнныя выгоды, которые доставляетъ обществу государство, завѣдя самыми крупными кредитными учрежденіями. Во-первыхъ, въ государственныхъ банкахъ не такъ рѣзко оказывается стремление поддерживать именно крупный капиталъ, какъ въ частныхъ банкахъ, образуемыхъ группами капиталистовъ. Во-вторыхъ, государственное кредитное учрежденіе всегда способно уменьшить панику во время кризисовъ: оно внушаетъ больше довѣрія, чѣмъ частные банки. Такъ какъ выгоды крупныхъ кредитныхъ учрежденій сами по себѣ велики, то лучше, если ими пользуется государство, нежели акционерная компания. Поэтому мы считаемъ наиболѣе выгоднымъ такой строй кредита, когда система частныхъ, земскихъ, городскихъ банковъ увѣличивается крупными государственными кредитными учрежденіями.

Банки никогда не имѣютъ права неограниченного выпуска билетовъ. Въ литературѣ высказано мнѣніе, что вся сумма выпускаемыхъ билетовъ должна быть прикрыта равной суммой денегъ. Однако, въ этомъ нѣть надобности. Практика знакомить насъ съ тремя главными системами. I) Англійская, введенная Робертомъ Пилемъ въ 1844 году для Англійского банка и распространенная на другіе банки страны. Англійскій банкъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій; одно завѣдуется только выпускомъ билетовъ, а другое вѣдаетъ все банковыя дѣла. Банкъ можетъ выпускать билеты на 16,8 миллионовъ фунтовъ; долгъ государства банку служить ихъ прикрытиемъ. Выпускъ билетовъ сверхъ этой суммы долженъ быть сполна обеспеченъ золотомъ. Эта система неудобна потому, что стремится привести къ точной цифре выпускаемые билеты, тогда какъ потребность въ нихъ мѣняется. Поэтому дѣйствіе закона было нѣсколько разъ пропстановлено (въ 1848, 1857 и 1866 годахъ). Наконецъ, долгъ государства есть такое обеспеченіе, которое иногда не легко можетъ быть реализовано. II) Въ Америкѣ крайняя децентрализація банковъ. Ихъ всего болѣе 3.500. Каждый банкъ, находящій выпускать билеты, взноситъ подлежащему начальству налогъ государственными бумагами и выпускаетъ билеты до 90% цѣны бумагъ; сверхъ того, сумма всего пассива банка должна быть

прикрыта металлическимъ запасомъ на 25% въ большихъ городахъ и на 15% въ остальныхъ. Система представляеть неудобства вслѣдствіе трудности реализовать обезщеченіе. III) По системѣ, принятой въ Германии, размѣры выпуска билетовъ не ограничены; но билеты должны быть на $\frac{1}{3}$ прикрыты металлическимъ запасомъ, а на $\frac{2}{3}$ —надежными учтеными краткосрочными векселями. Эта система заслуживаетъ предпочтенія: 1) обезщеченіе надежно; 2) выпускъ билетовъ можетъ сообразоваться съ потребностью въ нихъ, уменьшаться и увеличиваться ⁷⁾.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ШЕСТОЙ ГЛАВѢ.

1) Вкладъ на храненіе юридически превращается во вкладъ на пользованіе. Принимамъ вклады на храненіе, мыла давали росписки, которые начали (въ Англіи съ XVII вѣка) вступать въ торговый оборотъ. Это и послужило элементомъ для выпуска банковыхъ билетовъ. Возникновенію банковъ содѣствовали не только сношенія между частными лицами, но и обязанности предъ государствомъ. Въ Римѣ *mensагій*, кроме дѣлъ съ частными лицами, исполняли разныя порученія государства относительно пробы монеты, приема денегъ и т. д. Въ Венеціи въ XII вѣкѣ были должностные лица, которые назывались *банко* и управляли государственными долгами. Отсюда развился въ концѣ XVI вѣка венецианскій банкъ, Генуэзскій банкъ, основанный въ 1407 году, наблюдавшій за государственными доходами. Такое же офиціальное значеніе имѣли возникшіе въ XVII вѣкѣ банки въ Амстердамѣ, Гамбургѣ и Стокгольмѣ. Въ послѣдній, напримѣръ, купцы вносили таможенные налоги и акцизы: доходъ дѣлился между королемъ, обществомъ и городомъ Стокгольмомъ.

2) Основ. пол. эк., II, 41.

3) Народные банки обязаны своимъ развитіемъ Шульце-Деличу, устроившему первую кредитную артель въ городкѣ Деличѣ, въ апрѣлѣ 1850 года. Въ 1898 году, число народныхъ банковъ въ Германии, доставляющихъ отчеты всеобщему союзу, достигло 962. Они имѣли 539.440 членовъ, до 180 миллионовъ марокъ паеваго и запаснаго капиталовъ и выдали въ ссуду болѣе 2 миллиардовъ марокъ. Въ 1908 г. 1.381 нар. банкъ. Движеніе распространялось особенно успѣшно въ Австріи и Италии, частію, въ Россіи.

4) Въ Россіи гипотечныя книги еще не введены; въ Западной же Европѣ онѣ существуютъ повсемѣстно. Кто хочетъ ссудить свой капиталъ подъ залогъ земельного участка, можетъ собрать всѣ необходимыя свѣдѣнія, дабы судить, насколько надежнымъ обезщеченіемъ ссуды можетъ служить данный участокъ. Въ гипотечныхъ книгахъ обозначаются: 1) имя собственника и основаніе права собственности; 2) реальныхъ тягости на имѣніи, могущія умалять цѣнность залога, и 3) долги, обеспеченныя залогомъ. Считается безспорной истиной то, что записано въ гипотечной книжѣ въ пользу тамъ же означеннаго зѣрителя. До обозначенія въ гипотечной книжѣ, собственникъ земельного участка не имѣть на него вещнаго права, а только право требовать занесеній въ гипотечную книгу. Введеніе гипотечныхъ книгъ способствуєтъ пониженію процента по земельному кредиту, ибо книги даютъ зѣрителю надежное обезщеченіе. Гипотечной системой руководятъ такія начала: *гласность* (т. е. открытый для всѣхъ доступъ къ просмотру книгъ), *специальность* (означеніе каждой недвижимой единицы отдельно) и *предпочтительность* долговъ по времени возникновенія.

5) Эти союзы возникли въ пятидесятыхъ годахъ прошлого столѣтія въ Германской Пруссіи, благодаря дѣятельности *Рафаэлена*. Въ 1889 году ихъ насчитывалось въ Германіи 487, а къ апрѣлю 1903—до 3.713.

6) Первое подобное учрежденіе было образовано въ Брюсселѣ въ 1832 году съ основнымъ капиталомъ въ 20 миллионовъ гульденовъ. Примою цѣлью этого банка, названаго „Главное Общество Нидерландовъ“, было служить развитію промышленности въ странѣ открытиемъ предпринимателямъ кредита на болѣе долгіе сроки, чѣмъ то дѣлаютъ коммерческие банки, а также участіемъ въ образованіи акціонерныхъ компаний. Особенную же известность приобрѣло общество движимаго кредита, основанное въ 1852 году въ Парижѣ Исаакомъ Переира. Исаакъ Переира, воспитанный въ идеяхъ французскихъ соціалистовъ (школы Сенъ-Симона), иссился съ величавымъ планомъ: онъ хотѣлъ въ одномъ учрежденіи объединить кредитъ частныій и государственный и своими бумагами вытѣснить изъ обращенія даже бумажныіе деньги.

7) Эммиссіонные банки имѣть въ Западной Европѣ важное вліяніе на общественное хозяйство, а потому интересно познакомиться съ мнѣніемъ такого авторитетнаго писателя, какъ Кніссъ. Кніссъ возстаетъ противъ широкой свободы возникновенія выпускныхъ банковъ. Банковые билеты гораздо ближе подходятъ къ деньгамъ, нежели другіе кредитные знаки, и имѣютъ самую тѣсную связь съ размѣрными бумажными деньгами (Голландія), особенно въ томъ случаѣ, если эти билеты снабжены принудительнымъ курсомъ. Потеря банковаго билета равносильна для владѣльца потерѣ денегъ, чего нельзя сказать о потерѣ векселя. Въ виду чрезвычайной обращаемости билетовъ, въ виду того, что они легко становятся средствами платежа, слѣдуетъ считать выпускъ этихъ билетовъ дѣломъ не частныхъ, а государственныхъ. Но Кніссъ идетъ до окончательного отрицанія банковыхъ билетовъ, какъ кредитныхъ знаковъ. Банки, выпуская билеты, открываютъ въ этой формѣ кредитъ; онъ приноситъ пользу, какъ банку, получающему проценты, такъ и небольшому кругу его должниковъ, преимущественно изъ крупныхъ промышленниковъ и торговцевъ. Огромная масса населенія—мелкіе торговцы, ремесленники, поселеніе и другіе—не извлекаютъ выгодъ изъ этого выпуска. А между тѣмъ, выпущенные билеты имѣютъ всеобщее распространеніе, являются всеобщимъ платежнымъ средствомъ. Такимъ образомъ, потребность общества въ платежномъ средствѣ (общественная потребность) удовлетворяется лишь въ той мѣрѣ, насколько велики размѣры кредита, открываемаго банками, т.-е. сколько они выпускаютъ билетовъ. Поэтому, въ хозяйствѣ могутъ быть колебанія, излишекъ билетовъ и орудій обращенія или ихъ недостатокъ. „Нужно признать непрѣпятствомъ, что количество бумажно-денежныхъ знаковъ въ общемъ оборотѣ должно измѣняться соотвѣтственно съ размѣрами потребности въ кредитѣ ограниченного числа клиентовъ эммиссіоннаго банка“. (Der Kredit, 457). Необходимо, чтобы орудіе обращенія доставлялось только государственной властью. Она должна выпускать *размѣрные бумажныіе деньги* (Geldscheine), но должна выпускать ихъ не для удовлетворенія финансовыхъ надобностей, не вместо займовъ, и не какъ ссуды (такъ обыкновенно дѣлаютъ банки), а выпускать ихъ тогда и въ такой мѣрѣ, когда и въ какой мѣрѣ это необходимо для увеличенія въ обществѣ орудій обращенія. Конечно, эти билеты должны быть во всякое время размѣниваемы на монету (П., гл. 14). Но Кніссъ не указалъ, какими признаками должна руководствоваться государственная власть при решеніи вопроса, нуждается ли общественное хозяйство въ большемъ запасѣ орудій обращенія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Кредитъ въ Россіи.

Литература. Для ознакомлениа съ потребностю сельскихъ классовъ въ кредитѣ и формами народнаго кредита см. земскіе сборники статист. свѣдѣній по Московск., Воронеж., Курск., Самар., Саратов., и др. губ. Обильный материалъ о долгахъ, обязат. кустарей передъ скупщиками содержитъ Труды комиссіи по изслѣдов. кустарн. промыслен., а также другія сочин. о кустарн. промысл. Ср. также *Абрамовъ*. Крестьян. кред. *Отч. Зап.*, 1884, I. *Сагоновъ*. Формы нар. кред. *Съв. Вѣст.* 1887, VI, VII, IX, XI, XII. *Ею же*. Ростовщичество-кулачество. 1895. *Красноперовъ*. Формы крестьян. кред. въ Самар. губ. *Юр. Вѣст.* 1891, XI. *Соболевъ*. Сельскій ростовщическій кредитъ въ Россіи. *Сборн. правоиспд.* 1, 1893. *Соболевъ*. Борьба съ ростовщичествомъ. *Съв. Вѣстн.* 1893, III. *Бѣлзоконскій*. Земство и нар. кредитъ. *Съв. Вѣстн.* 1893, VIII. Пособ. при изуч. русск. кредит. учрежд. могутъ служить: Ежегодн. русск. кред. учрежд., подъ редакц. *Иванченко*. *Судейкинъ*. Государ. банкъ. 1891. *Петлинъ*. Назнач., устройство и дѣятельн. государ. банка. 1892. *Осиповъ*. Городскіе обществ. банки въ Россіи. 1872. *Миулишъ*. Банковая политика въ Россіи. 1904. Для изученія дѣятельности дворянскаго поземел. банка пособіемъ служать его ежегодн. отчеты. См. также *Скворцовъ*. О задолжен. частн. землевлад. *Юрид. Вѣстн.* 1891, VII. *Жиличевъ*. Задолжен. частн. землевлад. въ Россіи. *Русск. Мысль*. 1892, XI. По мелкому кратко-срочн. кредиту мы имѣемъ весьма обширную литературу, которая подробнѣо сведена въ указателѣ *Межкова*, издаваемомъ отдѣльн. выпусками (изд. комитета о ссудосберегат. товарищ.). Здѣсь назовемъ слѣдующіе источники и пособія. *Отчеты* комит. о сел. ссудосберегат. товарищ. Сообщенія комитета, издаваем. отдѣльн. выпусками. Листокъ петерб. отдѣл. комитета. Хорошій материалъ содержитъ также изслѣдованія нѣкотор. отдѣльн. товариществъ, издан. комитетомъ. *Соколовскій Ссудо-сберегат. товарищ.* въ Россіи по отзывамъ литерат. 1889. *Ею же*. Дѣятельн. земства по устройств. ссудо-сберегат. товарищ. 1890. *Осиповъ*. Обзоръ дѣятельн. ссудо-сберегат. товарищ. 1893. Ср. также *С. Н. Новый типъ сельск. кредит. учрежд.* *Съв. Вѣстн.* 1889, V. По вопросу о земельн. кредитѣ для крестьянъ см. *Кн. Васильчиковъ* и *Яковлевъ*. Мелк. земельн. кредитъ въ Россіи. 1876. *Ходкій*. Поземельн. кредитъ въ Россіи. 1882. Ср. также: Мелк. долгоср. кред. для покупки крестьян. земель. *Отч. Зап.* 1878, XI. *Вороновъ*. Мелк. земел. кредитъ. *Вѣст. Евр.* 1880, X. *Ею же*. Государ. земед. кредитъ. *Вѣст. Евр.* 1884, V. *Лобачевскій*. По поводу вопроса о мелк. поземел. кред. *Отч. Зап.* 1883, III, IV, V. Для изученія крестьянскаго земельн. банка нужно пользоваться его ежегодными отчетами. Ср. также: *Личковъ*. Крестьянскій банкъ и купчія земли. *Съв. Вѣстн.* 1886, VII. *Неручевъ*. Роль крестьян. банка въ улуч. поземельн. отнош. крестьянъ. *Съв. Вѣст.* 1888, I. *Г. М. Крестьян. земел. банкъ*. *Юр. Вѣст.* 1888, II. *Ч—евъ*. Крестьянскій банкъ. *Съв. Вѣстн.* 1890, VI, VII, VIII. *Ч—евъ*. Крестьян. банкъ и его дѣятельн. *Съв. Вѣстн.* 1891, XII. *Вороновъ*. Семь лѣтъ въ крестьянскомъ банкѣ. *Вѣстн. Евр.* 1906, VIII и IX.

Во главѣ русскихъ учрежденій краткосрочнаго кредита стоитъ *Государственный банкъ*. Основанный 1 июля 1860 года, государственный банкъ получилъ, по уставу, право производить слѣдующія операции: 1) учитывать векселя и другія срочныя правительственные и общественные бумаги и иностранныя

траты; 2) покупать и продавать золото и серебро; 3) получать шантожи по векселямъ и другимъ срочнымъ денежнымъ документамъ за счетъ довѣрителей; 4) принимать вклады на храненіе, на текущій счетъ съ $\% /o$ и безъ $\%$, на сроки и до востребованія; 5) выдавать ссуды подъ залогъ процентныхъ бумагъ, золота, серебра и товаровъ; 6) переводить денежныя суммы; 7) покупать и продавать процентныя бумаги за счетъ довѣрителей; 8) производить размѣръ кредитныхъ билетовъ, крупныхъ на мелкіе, и наоборотъ, а также ветхихъ на новые; 9) обмѣнивать кредитные билеты на мелкое серебро. Въ 1894 году изданъ новый уставъ банка, значительно расширившій кругъ его оборотовъ. Банкъ имѣеть 8 конторъ, 108 постоянныхъ и 7 времененныхъ (на главныхъ ярмаркахъ) отдѣлений. Высшій размѣръ его основнаго капитала определенъ въ 50 миллионовъ рублей. Къ 1906 году суммы, выданныя банкомъ по учету векселей и ссудамъ превышали 550.000.000 рублей.

Частныя учрежденія краткосрочнаго кредита стали возникать только съ конца 50-хъ годовъ 19 вѣка. Государственный банкъ далъ толчокъ развитію этого дѣла; при учрежденіи первого акціонернаго банка — с.-петербургскаго частнаго коммерческаго — государственный банкъ взялъ $1/5$ акцій на условіяхъ, очень выгодныхъ для учреждаемаго банка. Возникновеніе акціонерныхъ банковъ было облегчено закономъ 31 мая 1872 года, который устранилъ необходимость получения каждымъ банкомъ концессіи въ законодательномъ порядке и разрѣшилъ министру финансовъ утверждать уставы акціонерныхъ банковъ, коммерческихъ и земельныхъ, и обществъ взаимнаго кредита по образцамъ уже утвержденныхъ банковъ. Наши акціонерные коммерческіе банки производятъ всѣ обычные обороты краткосрочнаго кредита. Къ 1 января 1905 года въ Россіи было 38 банковъ этого рода съ капиталами всѣхъ наименованій больше 277 миллионовъ и общей суммой вкладовъ до 802 миллионовъ рублей. Къ 60-мъ годамъ относится возникновеніе и обществъ взаимнаго краткосрочнаго кредита. Старѣйшее изъ нихъ, петербургское общество взаимнаго кредита, было основано въ 1863 году по образцу бельгійскихъ учрежденій этого рода, для вспоможенія мелкой торговли и промышленности. Вскорѣ оно стало первокласснымъ кредитнымъ учрежденіемъ и начало заниматься всѣми оборотами краткосрочнаго и даже движимаго кредита. Въ обществахъ взаимнаго кредита примѣняется ограниченная круговая порука. Кредитъ открывается отдельнымъ членамъ не въ одинаковыхъ размѣрахъ. Немодно по вступленіи, каждый членъ вносить $1/10$ часть суммы, и которой ему открыть кредитъ, и отвѣтствуетъ по всѣмъ обязательствамъ общества предъ третьими лицами на размѣръ открытаго ему кредита. Эти банки совершаютъ тѣ же обороты, какъ

и акционерные. Только члены имѣют право на получение ссуды; учитывается векселя только членовъ. Въ настоящее время въ Россіи дѣйствуетъ 217 обществъ взаимного кредита съ капиталомъ въ 50^{3/4} миллиона рублей.

Городские общественные банки занимаютъ также видное мѣсто среди нашихъ кредитныхъ учрежденій. Они были упорядочены законами 1857, 62 и 83 годовъ. Но самый типъ этихъ учрежденій возникъ гораздо раньше: первый банкъ, уставъ кото-
рого послужилъ образцомъ для положенія 6 февраля 1862 года, былъ основанъ въ 1809 году купцомъ Анифлатовымъ въ го-
родѣ Слободскомъ Вятской губерніи. Этотъ банкъ, равно какъ
и другіе того же типа, основывались для развитія промышлен-
ности своего города. Деньги были жертвуемы частными лицами;
главный жертвователь оставался пожизненно директоромъ, и
открытие кредита, а равно и отказъ въ таковомъ были дѣломъ
доброй воли, прихоти директора. До изданія первого общаго
положенія въ юлѣ 1857 года было учреждено 16 такихъ банковъ,
изъ коихъ 6 — на средства городовъ, а остальные — на капиталы,
пожертвованные частными лицами. Основные капиталы со-
ставляли 10—30,000 рублей, и только банкъ въ Томскѣ, откры-
тый въ 1843 году, былъ учрежденъ съ основнымъ капиталомъ
въ 85,000 рублей. Важнѣйшая статья положенія о городскихъ
общественныхъ банкахъ такъ нормируютъ кредитная учрежденія
этого рода. Банки учреждаются по соглашенію министерствъ
финансовъ и внутреннихъ дѣлъ при городскихъ думахъ. Отвѣт-
ственность и наблюденіе лежать на городскомъ обществѣ. Исключ-
ительно предъ нимъ обязаны отчетами о своихъ дѣйствіяхъ,
банки не зависятъ отъ администраціи и только для свѣдѣнія
представляютъ отчѣты министрамъ финансовъ и внутреннихъ
дѣлъ. Основной капиталъ, отчисляемый изъ городскихъ суммъ
или образованный изъ частныхъ пожертвованій, долженъ быть
не менѣе 10,000 рублей. Управление поручается лицамъ, вы-
браннымъ изъ городского общества, причемъ городской голова
не можетъ быть директоромъ. Банкамъ разрѣшены слѣдующіе
обороты: 1) приемъ вкладовъ до востребованія, срочныхъ до
12 лѣтъ и вѣчныхъ; 2) учетъ векселей; 3) выдача ссудъ подъ
залогъ движимостей, товаровъ, процентныхъ бумагъ и залогъ
недвижимыхъ имуществъ; 4) продажа и покупка процентныхъ
бумагъ. Обязательства банка не могутъ превышать его основной
и запасной капиталы болѣе, чѣмъ въ 10 разъ. Прибыли банка,
за покрытиемъ расходовъ и отчисленіемъ въ запасъ 10—50%,
употребляются на городскія надобности и благотворительныя
цѣли. Нормальное положеніе о городскихъ общественныхъ бان-
кахъ было существенно измѣнено закономъ 26 августа 1883 года.
Законъ усилилъ правительственный контроль надъ дѣйствіями
банковъ, запретилъ лица, которыхъ связали родственными

отношениями или какъ участники одного торгового предприятия, одновременно служить въ правлении банка; обязательства банка не должны болѣе, чѣмъ въ 5 разъ, превышать основной и запасной капиталы банка, вмѣстѣ взятые. Наконецъ, законъ требуетъ, чтобы неопределеннное ручательство городского общества по обязательствамъ банка было замѣнено удостовѣреніями городскихъ думъ, при ходатайствѣ объ основаніи банка, что городъ имѣеть такое-то свободное имущество, которое можетъ служить обезпеченіемъ цѣлости вкладовъ, ввѣряемыхъ банку. При учрежденіи банка, на это имущество налагается запрещеніе. Имѣя право выдавать ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, городскіе общественные банки соединяютъ краткосрочный кредитъ съ долгосрочнымъ. Къ началу 1905 года было 264 общественныхъ банка. Ихъ основные и зачастные капиталы достигали 45 миллионовъ рублей.

Сюда же примыкаютъ и *ссудосберегательные артели*. Они возникли въ Россіи подъ вліяніемъ движенія, вызванного въ Германіи Шульце-Деличемъ. Дѣятельность Ш.-Делича стала известна въ Россіи еще съ начала 60-хъ годовъ прошлаго вѣка, а первая ссудосберегательная артель была основана въ 1866 году помѣщикомъ Лугининымъ въ селѣ Дороватовѣ Рождественской волости, Ветлужского уѣзда, Костромской губерніи. До 1870 года артели не развивались, но въ концѣ 60-хъ годовъ вышли въ свѣтъ книги Лугинина, Колюпанова, Яковлева, посвященные вопросу о народномъ кредитѣ; они обратили вниманіе русскаго общества на ссудосберегательныя артели. Изъ земскихъ собраний новгородское губернское было первымъ, которое въ декабре 1868 года поручило управѣ представить соображенія о средствахъ для развитія сельскаго кредита: управа указала на ссудосберегательныя артели, какъ учрежденія, могущія удовлетворить эту потребность. Въ 1870 году новгородское губернское земское собраніе постановило ассигновать 14,000 рублей для выдачи основныхъ ссудъ артелямъ, и въ томъ же году въ предѣлахъ Новгородской губерніи было открыто 8 артелей. Въ то же время среди лицъ, оказавшихъ развитію этихъ учрежденій большія услуги, возникла мысль дать дѣлу болѣе прочную, постоянную организацію. Плодомъ обсужденія дѣла въ московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства и дѣятельности комиссіи, избранной для разработки вопроса, было учрежденіе въ 1871 году *комитета о сельскихъ ссудосберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ*; его главная задача состоять въ содѣйствіи образованію товариществъ и руководствѣ ими. Первоначальныя средства комитета составились изъ пособій казны въ 5,000 рублей. Для того, чтобы внести въ развитіе товариществъ иѣкоторое единство, комитетъ разработалъ образцовый уставъ. Но его же ходатайству, въ 1872 году было

разрешено артелямъ пользоваться ссудами изъ государственного банка въ размѣрахъ, превышающихъ въ 5 разъ внесенную сумму паеваго капитала.

Предназначенная удовлетворять потребность сельского населения въ краткосрочномъ кредитѣ, ссудосберегательные артели выдаютъ ссуды на срокъ не долѣе 12 мѣсяцевъ. Капиталъ образуется изъ а) паевъ, оплачиваемыхъ членами ежемѣсячно, по частямъ, и, въ большинствѣ артелей, ве превышающихъ 50—100 рублей на члена, б) запаснаго капитала, в) вкладовъ и г) займовъ, первые годы преимущественно у земствъ, которымъ выдавали ссуды на продолжительные сроки, на 6—10 лѣтъ. Эти ссуды называются основными. Цѣль этихъ артелей и принадлежность ихъ членовъ къ тому классу, который стоитъ въ обширной торговли и биржевыхъ оборотовъ, объясняютъ, почему товариществамъ не дозволяются рискованныя операции, покупка и продажа процентныхъ бумагъ, ломбардное дѣло. Дальнишими отличительными чертами являются круговая порука и право участія каждого только въ одномъ товариществѣ. Въ 1880 году дѣйствовало 902 товарищества. Но отчеты получены только по 700 товариществамъ съ небольшимъ. Въ нихъ было 183,166 членовъ, до 5 миллионовъ рублей паеваго капитала и 419,102 запаснаго. Вкладовъ и займовъ было до 6,600,000, а ссудъ выдано слишкомъ на 20^{1/2} миллионовъ. За 1904 годъ 885 товариществъ представили отчетъ. Они имѣли 16,828,000 рублей паеваго и запаснаго капитала и больше 30 миллионовъ рублей вкладовъ. Выданные ими ссуды достигали 47,617,000 рублей. Въ 934 товариществахъ состояло 370,000 членовъ. Товарищества получили наибольшее распространеніе въ Прибалтийскомъ, Южномъ и Сѣверномъ районахъ.

1 июня 1895 года утверждено положеніе объ учрежденіяхъ мелкаго кредита. Упорядочивая строеніе и дѣятельность всѣхъ мелкихъ кредитныхъ учрежденій, этотъ законъ создаетъ новый типъ — *кредитные товарищества*. Они учреждаются на суммы, ссуженные казною или государственнымъ банкомъ подъ круговую поруку участниковъ. Они могутъ быть учреждаемы также на суммы, пожертвованныя земствами, общественными и частными учрежденіями или частными лицами, или на суммы, ссуженные этими учрежденіями или лицами подъ круговую поруку членовъ. Члены кредитныхъ товариществъ, въ отличие отъ ссудосберегательныхъ, не составляютъ паевъ. Къ 1 января 1907 года было разрѣшено 1497 кредитныхъ товариществъ, а дѣйствовало 1084. Они имѣли 438,000 членовъ, 257,000 рублей собственнаго капитала и 1,850,000 занятаго; они выдали въ ссуды до 12,000,000 рублей.

Долгосрочный кредитъ началъ сосредоточиваться ст. 60-хъ годовъ въ земельныхъ банкахъ. Первымъ учрежденіемъ этого

рода является херсонский земельный банкъ, уставъ которого былъ утвержденъ въ 1864 году. Въ 1866 году было образовано общество взаимного поземельного кредита, распространявшее свои обороты на всю Россію. За нимъ постепенно возникли 11 акціонерныхъ земельныхъ банковъ; ихъ, несомнѣнно, возникло бы гораздо больше, еслибы не явилось законодательное ограничение — разрѣшать въ каждой губерніи существование только одного земельного банка; кромѣ того, въ каждой губерніи могло дѣйствовать общество взаимного поземельного кредита. Помимо коренныхъ признаковъ, которые отличаютъ общества взаимного кредита отъ акціонерныхъ банковъ, между земельно-кредитными учрежденіями обоихъ видовъ въ Россіи установились слѣдующія различія: нормальная и специальная оцѣнка земли акціонерными банками выше, нежели обществами взаимного кредита; первые выдаютъ 60% оцѣночной суммы, вторыя—только 50%. Наши земельные банки открываютъ кредитъ, почти исключительно долгосрочный, на срокъ до 58 лѣтъ. Одни банки не открываютъ вовсе краткосрочного кредита, въ другихъ онъ весьма незначителенъ, и только въ обществѣ взаимного кредита и ярославско-костромскому банку краткосрочные ссуды составляютъ 5, 6 и 7% общей суммы ссудъ. Долгосрочный кредитъ открывается подъ залогъ сельской и городской недвижимости. Исключеніями служатъ общество взаимного кредита и херсонский земскій банкъ, не выдающіе ссудъ подъ городскую недвижимость. 1 января 1906 года дѣйствовали 10 акціонерныхъ земельныхъ банковъ со складочными и запасными капиталами болѣе 110 миллионовъ рублей. Сюда же нужно пріобщить 29 городскихъ и 5 землевладѣльческихъ взаимно-кредитныхъ обществъ. Большинство послѣднихъ открываетъ кредитъ только землевладѣльцамъ-дворянамъ. Общество взаимного поземельного кредита настолько развило свои обороты, что выдало въ ссуду слишкомъ 200 миллионовъ рублей; оно было закрыто въ 1890 году.

Въ іюлѣ 1885 года былъ учрежденъ государственный дворянскій земельный банкъ для выдачи ссудъ землевладѣльцамъ-дворянамъ. Онъ открылъ свои дѣйствія въ началѣ 1886 года. Ссуды изъ дворянского банка выдаются на сроки до 66½ лѣтъ въ размѣрѣ не болѣе 60% оцѣночной суммы закладываемаго имѣнія; въ исключительныхъ случаяхъ размѣръ ссуды можетъ быть увеличенъ до 75%. Банкъ выпускаетъ закладные листы, которые продаются государственнымъ банкомъ, и заемщики получаютъ ссуды наличными деньгами. Должники уплачиваютъ по ссудамъ 4½%, въ годъ; вмѣстѣ со взносами для погашенія долга и образованія запасного капитала платежки не превышаютъ 5½% въ годъ, т. е. кредитъ изъ дворянского банка обходится заемщикамъ на 1% въ годъ дешевле, нежели изъ

частныхъ земельныхъ банковъ. Къ 1 января 1905 года дворянскимъ банкомъ было выдано въ ссуду до 1270 $\frac{1}{2}$ миллионовъ рублей.

Крестьянскій земельный кредитъ выразился первоначально въ обширной выкупной операциі. Нѣкоторыя черты отличаются ею отъ обыкновенныхъ кредитныхъ сдѣлокъ. За долгъ, обеспеченный залогомъ земли, отвѣтствуетъ только заложенный участокъ; только на него, въ случаѣ неисправности должника, обращается взысканіе; своевременное же поступление выкупныхъ платежей обеспечивается не только землей, служащей предметомъ выкупа, но и остальнымъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ должника, которое, въ случаѣ недонимокъ, можетъ быть продано, а самъ недоимщикъ отданъ на заработки. Однако, она есть видъ *распределительного* земельного кредита, содѣйствующаго переходу земли въ собственность крестьянъ. Имѣя такое специальное назначеніе, выкупной кредитъ не стремится удовлетворять каки-либо иныхъ нужды крестьянина, ни даже способствовать улучшению его сельского хозяйства. Съ тѣмъ вмѣстѣ выкупные ссуды выдаются по закону въ определенномъ размѣрѣ; кредитъ этого рода не предназначается для дальнѣйшаго содѣйствія крестьянамъ въ покупкѣ земли.

Потребность создать крестьянскій земельный кредитъ стала заявлять о себѣ въ 70-хъ годахъ. Цѣль этого кредита, какъ то настойчиво выдвигали земства разныхъ губерній и литература, состояла въ облегченіи крестьянамъ покупки земли, въ расширеніи ихъ землевладѣнія. Такъ какъ эти вопросы чаще обсуждались въ земскихъ собраніяхъ губерній съ преобладающимъ общиннымъ землевладѣніемъ, а большинство гласныхъ высказывалось за охраненіе и поддержаніе общины, то начали открывать кредитъ не юдѣльнымъ крестьянамъ, а цѣлымъ сельскимъ обществамъ. Первая попытка была сдѣлана тверскимъ губернскимъ земствомъ. Въ 1876 году крестьянамъ было выдано всего до 12.000 рублей; къ 1 декабря 1881 въ ссудахъ за сельскими обществами было всего до 42.000 рублей. Тверское земство выдавало ссуды на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Земля должна была быть приобрѣтена или цѣлымъ сельскимъ обществомъ, или же группой крестьянъ, большинствомъ на сельскомъ сходѣ; 2) большую часть въ ссуду выдавалась сумма, равная половинѣ продажной цѣны земли; по особому же соглашенію съ покупателями могло быть выдано и больше; 3) ссуда уплачивалась равными долями въ теченіе 3--4 лѣтъ. Позднѣе, согласно съ предложеніемъ управы, земское собраніе разрѣшило выдавать и отдельнымъ лицамъ ссуды для покупки земли съ тѣмъ ограничениемъ, чтобы участокъ былъ мелокъ, чтобы онъ могъ быть обработанъ силами семьи покупающаго и чтобы отъ покупки этой земли отказались ближайшія сельскія общества. Другія земства также

останавливались надъ этимъ вопросомъ. Новгородское губернское собрание 1880 года утвердило основные начала крестьянского земельного кредита. Ссуды могли быть выдаваемы сельскимъ обществамъ или отдельнымъ лицамъ, не болѣе 300 рублей на заемщика, причемъ каждый имѣть право пользоваться услугами земельного кредита только 1 разъ. Размѣръ ссуды составлялъ для частныхъ лицъ не болѣе 80% продажной цѣны, для сельскихъ обществъ — не болѣе 90%. Ссуды выдавались на срокъ отъ 1 до 12 лѣтъ. Первые случаи примѣненія началь земельного кредита, выработанныхъ новгородскимъ земствомъ, были въ Бѣлозерскомъ и Череповецкомъ уѣздахъ. Въ 1879 году тотъ же вопросъ былъ поднятъ въ ярославскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. Проектъ устава банка устроивъ кредитъ на широкомъ основаніи: онъ предлагалъ сосредоточить его въ самостоятельномъ учрежденіи и разечитывать на развитіе миллионныхъ оборотовъ. Основной капиталъ опредѣлялся въ 300,000 рублей; изъ нихъ 50,000 предназначались для выдачи ссудъ сельскимъ обществамъ и отдельнымъ хозяйствамъ на улучшеніе хозяйства, а 250,000 — только сельскимъ обществамъ, исключительно на покупку земли. Дальнѣйшее развитіе оборотовъ должно было производиться на капиталы, добытые посредствомъ выпуска облигаций и закладныхъ листовъ. Губернское земское собрание 1880 года не приняло проекта, а ограничилось ассигнованіемъ 30,000 рублей для выдачи ссудъ; въ 1881 году оно расширило кредитъ до 50,000 для губерніи за исключеніемъ суммъ, уже розданныхъ въ ссуды. Не создавъ для кредита особаго учрежденія, земство поручило управлѣніе всего дѣла. Тотъ же вопросъ поднимался и въ другихъ земствахъ, — московскомъ, смоленскомъ, псковскомъ, но безъ практическихъ послѣдствій. Многія земства, ничего не сдѣлавъ для организованія кредита, высказывались за его необходимость; считая дѣятельность земствъ недостаточною, они настаивали на участії правительства.

18 мая 1882 года издано положеніе о крестьянскомъ земельномъ банкѣ. Банкъ состоялъ въ вѣдѣніи министерства финансовъ. Наибольшее количество земли, покупаемое при содѣйствіи банка, должно быть не больше того, сколько можетъ быть обработано силами покупщика и его семьи. Ссуды не должны превышать 60% нормальной и 90% специальной оцѣнки. Онѣ выдаются на срокъ до 55 $\frac{1}{2}$ лѣтъ. Всѣ платежи заемщиковъ составляютъ не менѣе 5 $\frac{1}{4}$ % въ годъ. Въ теченіе 22 лѣтъ (1883—1904) крестьяне получили въ ссуду до 461 $\frac{1}{2}$ миллионовъ руб. и купили 7,878,771 десятину, всего больше чѣмъ губерніяхъ: Саратовской, Уфимской, Смоленской, Могилевской. Ссудами банка воспользовались 1,213,623 домохозяина съ 3,845,052 душами мужескаго пола. Итакъ, при помощи банка,

эти крестьяне приобрели до 7 десятинъ на дворь. — Банкъ покупаетъ имѣнія и за свой счетъ для перепродажи крестьянамъ. До 1905 года онъ купилъ 904.672 десятины почти на 63 миллиона рублей.

Наши кредитные учреждения страдаютъ недостатками двойного рода: 1) они не сполна решаютъ задачи, во имя которыхъ были основаны, и 2) не удовлетворяютъ потребности въ кредитѣ самой многочисленной и нуждающейся массы населенія.

Государственный банкъ, стоя во главѣ учрежденій краткосрочного кредита, былъ основанъ для „воспособленія промышленности и торговли“. Отсюда слѣдуетъ, что его дѣятельность должна быть направлена на содѣйствіе получению кредита не только крупными промышленниками и торговцами, но также средними и мелкими. Главной формой такого содѣйствія служатъ широкіе обороты по учету векселей. А между тѣмъ, эта операциѳ развивалась медленно; за десятилѣтіе 1881—90 года она увеличилась только на 23% противъ предыдущаго десятилѣтія. Развитію учетныхъ оборотовъ препятствуютъ также формальности, которыми они обставлены; дабы получить кредитъ въ государственномъ банкѣ, нужно иметь письменную рекомендацию лицъ, извѣстныхъ въ торговомъ мірѣ. Не трудно понять, почему мелкие торговцы съ большимъ трудомъ добывали такую рекомендацию. Учетный комитетъ состоялъ, кроме управляющаго и двухъ директоровъ банка, изъ членовъ отъ купечества, избираемыхъ мѣстнымъ купеческимъ обществомъ. Это малочленное собраніе не можетъ обнять всѣ отрасли народнаго хозяйства, не можетъ быть знакомо съ кредитоспособностью всѣхъ лицъ, обращающихся за кредитомъ. Все это дѣлало кредитъ въ банкѣ привилегіей богатыхъ торговыхъ людей. Это доказывается и высокой средней цѣнностью учетнаго векселя колебавшейся между 1,078 и 1,735 рублями въ банкѣ и между 1,150 и 2,290 рублями въ его конторахъ и отдѣленіяхъ. Медленно и сдержанно развивая учетную операциѳ, государственный банкъ отвлекалъ огромные капиталы на спекулятивные обороты, биржевую игру; частнымъ банкамъ и банкирскимъ конторамъ выдавались почти неограниченныя ссуды подъ процентныя бумаги. За десятилѣтіе (1880—89) онъ составили 1,058 миллионовъ рублей, а всѣ такія ссуды не стоять въ связи съ промышленностью или торговыми оборотами. Люди, занимающиеся торговлею, не берутъ ссуды подъ процентныя бумаги, такъ какъ имѣютъ возможность пользоваться вексельнымъ кредитомъ, а по учету векселей взимается низшій процентъ, чѣмъ по ссудамъ; притомъ же торговый человѣкъ всегда предпочитаетъ продать процентныя бумаги, нежели платить по ссудамъ проценты выше тѣхъ, которые приносятъ бумаги

Такимъ образомъ, выдача ссудъ способствуетъ преимущественно развитию биржевой игры, въ однихъ случаихъ бесплодной, въ другихъ случаихъ даже вредной для народного хозяйства. Торговцы и промышленники берутъ ссуды подъ товары, во именно этими оборотами государственный банкъ занимался въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ: за 30 лѣтъ (1860—89) въ ссуду подъ товары было выдано только 200^{1/2} миллионовъ рублей. Ничтожные размѣры этой полезной операции сами собою говорятъ, что здѣсь не было мѣста для поддержанія сельского хозяйства, для краткосрочнаго кредита производителямъ зерна. Очень невыгодной особенностью государственного банка служитъ и то, что онъ вполнѣ подчиненъ министерству финансовъ. Но идея онъ должна быть главнымъ учрежденіемъ для цѣлей народного хозяйства; въ дѣйствительности онъ является служебнымъ средствомъ для министерства финансовъ.

Новый уставъ государственного банка расширилъ кругъ лицъ, имѣющихъ право пользоваться кредитомъ. Отмѣтимъ въ особенности 139—146 статьи устава, которая говорятъ о кредитѣ „чрезъ посредниковъ“. Банкъ открываетъ кредитъ посредникамъ: а) для выдачи мелкимъ землевладѣльцамъ и арендаторамъ сельско-хозяйственныхъ имѣній, крестьянамъ, кустарямъ и ремесленникамъ ссудъ подъ закладъ предметовъ ихъ производства, а также ссудъ на оборотныя средства и на приобрѣтеніе инвентаря, и б) для выдачи ссудъ подъ находящіеся въ пути или предназначенные къ перевозкѣ товары. Посредниками для выдачи этихъ ссудъ могутъ быть: а) земскія учрежденія; б) частныя установленія: банки, общества взаимнаго кредита, ссудо-сберегательныя товарищества и другія учрежденія мелкаго кредита; посредниками могутъ служить также общества и товарищества на началахъ взаимности и артели, если онѣ дѣйствуютъ на основаніи уставовъ, утвержденныхъ правительствомъ, и изъявляютъ согласіе подчиниться всѣмъ правиламъ контроля за ихъ дѣятельностью по выдачѣ названныхъ ссудъ; в) посредниками могутъ быть также частныя лица, известныя банку, изъ мѣстныхъ, вполнѣ благонадежныхъ жителей. Посредниками по выдать ссуды подъ товары, находящіеся въ пути или предназначенные къ перевозкѣ, могутъ служить желѣзныя дороги, также пароходныя и транспортныя предпріятія. Кредиты въ суммѣ больше 1,000 рублей открываются частнымъ лицамъ, принимающимъ на себя посредничество, не иначе, какъ съ особаго каждый разъ разрѣшенія министра финансовъ. Посредники несутъ полную и безусловную отвѣтственность за суммы, отпущенные имъ изъ банка для выдачи ссудъ. Ссуды чрезъ посредство земствъ могутъ, съ разрѣшенія министра финансовъ, быть выдаваемы подъ условіемъ отвѣтственности посльднихъ только за цѣлостъ и сохранность залоговъ.

Если деятельность посредника по выдаче ссудь призвается не соответствующею тѣмъ цѣлямъ, для которыхъ ему былъ открытъ кредитъ, то послѣдній можетъ быть закрытъ, причемъ банкъ назначаетъ срокъ для окончательныхъ разсчетовъ съ посредникомъ.

Эти статьи даютъ, повидимому, основаніе думать, что мелкому промышленному люду открыть широкій доступъ къ кредиту. Нѣкоторые виды кредита чрезъ посредниковъ существовали и раньше: таковы, напримѣръ, ссуды, выдаваемыя чрезъ посредство желѣзныхъ дорогъ. Посредники же для доставленія кредита мелкимъ производителямъ являются новинкой. Однако, самые мелкие производители рѣдко пользуются этимъ кредитомъ. Банки и общества взаимнаго кредита, въ виду незначительности выгода, которая можетъ доставить посредничество, и большой ответственности, лежащей на посредникахъ, принимаютъ на себя эту роль только въ единичныхъ случаяхъ. Многія земства, въ виду значительныхъ хлопотъ, связанныхъ съ этимъ дѣломъ, и большой ответственности (мы находимъ, что ответственность за цѣнность и сохранность залоговъ есть полная ответственность, ибо нужно чрезвычайное легкомысліе или большая недобросовѣстность посредника, чтобы закладъ, обеспечивающій ссуду, былъ низко оцѣненъ или не ограниченъ отъ порчи или расхищенія), уклоняются отъ посредничества. Остаются ссудо-сберегательные товарищества и частныя лица. Напомнимъ, что первыя, еще отъ самаго начала своего существованія, допускались къ кредиту въ государственномъ банкѣ. По самому характеру этихъ учрежденій, ихъ посредничество можетъ выражаться только въ томъ, что они вносятъ въ свой капиталъ ссуды, полученные изъ государственного банка, и кредитуютъ своихъ членовъ изъ этого капитала, какъ и изъ другихъ денежныхъ средствъ. Такъ какъ ссудо-сберегательные товарищества и раньше имѣли доступъ къ этому источнику, то не слѣдуетъ видѣть въ ихъ посредничествѣ что-нибудь новое. Разъ не само посредничество этихъ учрежденій, то нѣть основанія ожидать новыхъ, досель неизвѣстныхъ результатовъ. А результаты дѣятельности ссудо-сберегательныхъ товариществъ общепрѣимущество: они не достигаютъ цѣли, которая связана съ ихъ существомъ, не обеспечиваютъ пользованія кредитомъ именно для тѣхъ слоевъ населенія, которые наиболѣе нуждаются въ немъ. Частныя лица могутъ быть наиболѣе полезными посредниками. Въ разныхъ уголкахъ русской земли есть люди изъ образованного класса, проникнутые горячимъ любовью къ народу, жаждущіе полезной общественной дѣятельности, всегда готовые самоотверженно идти туда, где нужда особенно велика, где потребность въ помощи наиболѣе важствительна. Такіе люди, ставъ посредниками государственного

банка, раздадши бы полученные отъ него капиталы именно тѣмъ ремесленникамъ, кустарямъ и земледѣльцамъ, которые наиболѣе нуждаются. Но, дабы эта соль земли надѣлила кредитомъ мельчайшихъ и бѣднѣйшихъ русскихъ промышленниковъ въ городѣ и деревнѣ, необходимо, чтобы ея значеніе для общественной жизни было признано правленіями конторъ государственного банка. А, вѣдь, есть много условій, и, сиау которыхъ правленія конторъ не признаютъ большинства этихъ дѣятелей подлежащими посредниками. Правленія конторъ склонны относиться ко многимъ недовѣрчиво, вслѣдствіе ихъ бѣдности, вслѣдствіе того, что они не имѣютъ обстановки, которую имущество на средства позволяютъ создать своему владѣльцу и которая служить для него основаніемъ кредитоспособности. Но въ этой группѣ есть и люди съ имуществомъ средствами, которымъ, однако, по разнымъ причинамъ, не оказывается достаточнаго довѣрія. Посредниками могутъ быть, главнымъ образомъ, землевладѣльцы съ иѣкоторыми средствами, состоятельныйные городскіе обыватели и, только въ рѣдкихъ случаяхъ, люди иного общественнаго положенія. Эти люди вполнѣ благонадежны въ томъ смыслѣ, что конторы банка могутъ быть спокойны за участіе ввѣренныхъ имъ капиталовъ. И, тѣмъ не менѣе, часто не достигается цѣль — доставленіе кредита именно мельчайшимъ ремесленникамъ и кустарямъ. Послѣднее предполагаетъ не только доброе намѣреніе, но и серьезную работу, подробное изученіе данного района (предположимъ, деревни, населеній кустарями, или части города относительно ремесленниковъ, которые живутъ въ ней) и выборъ изъ многихъ промышленниковъ именно тѣхъ, которые и наиболѣе нуждаются въ кредитѣ, и по своей добросовѣстности и рабочему искусству могутъ быть признаны надежными заемщиками. Можно ожидать выполненія такой работы только отъ людей, которые вносятъ въ это дѣло не одну аккуратность и дѣловую честность, не одно желаніе и въ этомъ направленіи *неможко* поработать для общества, но большую преданность дѣлу. Вотъ способъ раздачи ссудъ, наиболѣе удобный для посредника и, формально, правильный. Посредникъ А знаетъ кустаря X, который работаетъ съ 2—3 членами семьи и держитъ 3—4 работниковъ, знаетъ его дѣловитость, исполнительность, качества товаровъ, которые онъ изготавливаетъ, и, смыня о его желаніи взять денегъ взаймы, даетъ ему въ ссуду часть капитала, полученного изъ банка. Остальную часть капитала посредникъ распредѣляетъ между 2—3 подобными же кустарями. Такой образъ дѣйствій является наиболѣе подходящимъ для посредника, такъ какъ мастерская кустаря, имѣющіи 6—7 работающихъ, уже самимъ фактъ своего существованія, даетъ ручательство, что заемщикъ исполнитъ свое обязательство

безъ всякихъ мѣръ посужденія. Съ тѣмъ вмѣстѣ, раздача по-
средниками ссудъ такимъ заемщикамъ формально правильна,
соответствуетъ буквѣ устава государственного банка, ибо есть
основаніе относить такихъ должниковъ къ кустарямъ, по край-
ней мѣрѣ, въ обширномъ смыслѣ слова. Но такой способъ раз-
дачи ссудъ не служить къ поддержанію кустарной промышлен-
ности. Наиболѣе многочисленными и типичными заведеніями въ
кустарныхъ промыслахъ являются одиночныя или семейныя ма-
стерскія. Поддержаніе этихъ мастерскихъ и есть синонимъ
поддержанія всего кустарного производства. Выдача же ссудъ
преимущественно тѣмъ сельскимъ производителямъ, которые
имѣютъ постоянныхъ наемныхъ работниковъ, содѣйствуетъ
образованію въ средѣ кустарей аристократіи, которая напря-
гаетъ всѣ силы, чтобы отдалиться отъ собравшій по ремеслу и
приблизиться къ классу мануфактуристовъ. Къ 1 января
1906 года кустарямъ и ремесленникамъ было выдано въ ссуду
только 233.000 рублей, а разнымъ лицамъ черезъ посредни-
ковъ, преимущественно земскія учрежденія—съ небольшимъ
237.000 рублей. Итакъ, нельзя утѣшать себя надеждою, что
преобразованный государственный банкъ удовлетворяетъ нужду
въ кредитѣ именно тамъ, где она обнаруживается въ наиболѣе
острой формѣ,

Другое государственное кредитное учрежденіе, служащее
богатымъ и среднимъ классамъ—дворянскій земельный банкъ—
имѣеть очень крупный недостатокъ: неразборчивое удешевле-
ніе кредита для заемщиковъ сравнительно съ тѣмъ, чѣго
стоить пользованіе капиталами, добтыми въ частныхъ земель-
ныхъ банкахъ. Учреждая дворянскій банкъ и понижая про-
центы по ссудамъ, руководствовались желаніемъ поддержать
дворянское землевладѣніе, которое можетъ сдѣлать особенно
прочнымъ существующій нынѣ порядокъ вещей. Удешевленіе
земельного кредита могло бы способствовать этому, еслибы
дворянине землевладѣльцы осторожно пользовались своимъ пра-
вомъ, брали ссуды для улучшенія хозяйства и совершили
затраты капиталовъ въ землю съ болѣею обдуманностью. При
такой затратѣ, 5% годовыхъ, которыхъ ссуда стоять дворян-
ину-землевладѣльцу, ставить его въ очень выгодныя условія
и могутъ быть твердымъ основаніемъ для упроченія и улуч-
шенія его хозяйства. Но и ссуда изъ частнаго земельного
банка, стоящая въ годъ 6%, въ подобномъ случаѣ также не-
обременительна. Если землевладѣлецъ, хорошо изучивъ кли-
матическія и почвенные условія своего имѣнія и всю его эко-
номическую обстановку, беретъ ссуду для осушенія болотъ,
орошенія полей, покупки рабочаго или молочнаго скота, орудій,
платить по ссудѣ 6% въ годъ, то, разъ онъ умѣло и бережливо
совершаетъ эти затраты, онѣ могутъ принести ему обильные

плоды. Денежный кредитъ, созданный для дворянства-землевладельцевъ съ учреждениемъ дворянского банка, оказывавшіи своеѣмъ иное вліяніе. Какъ при креѣстномъ правѣ помѣщики, усердно пользовались кредитомъ, только изрѣдка брали ссуды для улучшения хозяйства, обыкновенно же для того, чтобы весело поѣхать, такъ и по отмѣнѣ креѣстного права землевладѣльцы пользовались ссудами изъ частныхъ банковъ для раздѣла имущества между сонаследниками, для разнообразныхъ личныхъ потребностей и только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ для улучшения хозяйства. Дворянскій банкъ, открывая кредитъ на льготныхъ условіяхъ, даетъ многимъ землевладѣльцамъ новый и сильный толчокъ относиться легкомысленно къ обремененію земли долгами. А если хороший сельскій хозяинъ, улучшающій свое хозяйство по всесторонне обдуманному плану, выносить кредитъ даже изъ 7% годовыхъ, то землевладѣлецъ, обременившій свое имѣніе ссудами, которыя окружаютъ его большими жизненными удобствами, но не создаютъ въ его хозяйствѣ новыхъ источниковъ дохода, не можетъ выдержать кредитъ и изъ 4—5%. Такой кредитъ, очень дешевый по условіямъ русского денежнаго рынка, ведетъ заемщика къ окончательному разоренію. Мы полагаемъ даже, что въ большей дорогоизнѣ кредита изъ частныхъ земельныхъ банковъ заключается причина того, что землевладѣльцы, не принадлежащіе къ дворянскому сословію, будутъ болѣе устойчивы, легче сохранять свои земли, нежели владѣльцы-дворяне. Болѣе дорогой кредитъ будетъ побуждать первыхъ осторожно пользоваться ссудами, рѣже обременять землю долгомъ только для того, чтобы удовлетворить влеченіе къ роскоши или комфорту.

Власть денежнаго капитала надъ землею выражается у насъ въ обширныхъ оборотахъ и огромныхъ доходахъ частныхъ земельныхъ банковъ и въ задолженности русского землевладѣнія. Обращаясь къ дореформенному времени, мы находимъ, что въ 1859 году сумма долговъ помѣщиковъ достигала 427 миллионовъ рублей, а число заложенныхъ ревизскихъ душъ составляло 66,3% общаго числа креѣстныхъ. Къ 1904 году было заложено больше 50 миллионовъ десятинъ; общая сумма долга превышала 1.862.000.000 рублей. Въ 1870 году въ двухъ тогда дѣйствовавшихъ земельныхъ банкахъ—херсонскомъ земскомъ и обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита—было заложено 2.119.565 десятинъ на сумму около 27 миллионовъ рублей. Итакъ, въ теченіе 34 лѣтъ площадь заложенной земли увеличилась въ 24 раза, сумма долга возросла въ 68 разъ, а средний долгъ на 1 десятину поднялся съ 12 рублей 58 коп. до 39 рублей. Картина значительно измѣняется, если разматривать задолженность по отдельнымъ губерніямъ. Оказывается, что она достигла наибольшихъ размѣровъ—заложено отъ 60 до 90%

частновладельческой земли—въ губерніяхъ мало и новороссийскихъ, юго-западныхъ и прибалтійскихъ. Къ этому нужно прибавить долгъ землевладельцевъ частнымъ лицамъ, составляющій сотни миллионовъ. Такимъ образомъ, долги нашей сельской частновладельческой недвижимой собственности превышаютъ 2 миллиарда рублей.

Размѣры задолженности русского землевладѣнія объясняютъ, почему нужно считать ошибочной идею о возможности поддерживать дворянское землевладѣніе посредствомъ дешеваго кредита изъ дворянскаго банка. Разъ открывается доступъ къ дешевому кредиту безъ различія цѣлей, для которыхъ предназначена ссуда, то во всѣхъ случаяхъ,—а они составляютъ большинство,—когда занятый капиталъ употребляется не для улучшения хозяйства, а для иныхъ цѣлей, землевладѣлецъ утрачиваетъ прочность положенія и становится въ большую зависимость отъ всѣхъ неблагопріятныхъ условій, которымъ подвергается сельское хозяйство. Кто обременилъ имѣніе долгами, но сдѣлалъ заемъ для затраты, очевидно полезной хозяйству, тотъ выдерживаетъ паденіе хлѣбныхъ цѣнъ, неурожай и скотскіе падежи, хотя бы заемъ обошелся дорого. Кто занялъ выгодно, но не затратилъ капитала съ пользою для хозяйства, тотъ не можетъ перенести убытки, причиняемые различными вліяніями со стороны вицѣнной природы или условій экономического быта. А неустойчивость нашего дворянскаго землевладѣнія доказывается сокращеніемъ площади земли, принадлежащей дворянамъ. По даннымъ, которыя относятся къ 80 мѣсяцамъ 19 вѣка, подвижность земельной собственности въ Россіи такова, что въ среднемъ вся частновладельческая земля меняетъ собственника 1 разъ въ каждые 28 лѣтъ (по свѣдѣніямъ за 1882 годъ) или въ 40 лѣтъ (данныя за 1887 годъ). Переходъ земельной собственности изъ рукъ въ руки, при различіяхъ въ частностяхъ, почти всегда даетъ результаты, сходные въ одномъ—въ уменьшеніи площади дворянского землевладѣнія. Въ Тамбовской губерніи за 20 лѣтъ (1868—87) дворянское землевладѣніе уменьшилось на 306,340 десятинъ, въ Московской губерніи за 10 лѣтъ (1867—76)—на 147,990 десятинъ, въ Ямбургскомъ, Шлиссельбургскомъ и Петергофскомъ уѣздахъ Петербургской губерніи—на 111,280 десятинъ за 20 лѣтъ (1868—87) и т. п. Сокращеніе площади дворянского землевладѣнія пошло за послѣдніе годы особенно быстро: съ 1877 до 1907 дворянѣ потеряли до 40% земли. Все сказанное заставляетъ насть сдѣлать выводъ, что дворянскій банкъ только при томъ условіи соответствовалъ бы своей идеѣ—поддержанію дворянскаго землевладѣнія, еслибы открывалъ преимущественно мелiorационный кредитъ, облегчая улучшеніе сельскаго хозяйства.

Несоответствіе строя и дѣятельности русскихъ кредитныхъ

учреждений той идеи, которая положена въ ихъ основание, является маловажнымъ недостаткомъ сравнительно съ одной изъ самыхъ темныхъ сторонъ русской экономической жизни— недоступностью дешеваго кредита для бѣднѣйшихъ классовъ населенія. Изслѣдованія, произведенныя земствомъ и частными лицами въ разныхъ губерніяхъ, обнаруживаютъ крайнюю нужду народа въ кредитѣ и чрезвычайную распространенность ростовщичества, которое поработило себѣ почти все населеніе деревни. Кредитныя сдѣлки сравнительно рѣдко принимаютъ чисто денежную форму. Гдѣ мы встрѣчаемъ ихъ, тамъ кредитъ не достигаетъ высшихъ предѣловъ тяготы для хозяйства. Съ одной стороны голое денежное ростовщичество, выдача въ ссуду 25 рублей, чтобы получить черезъ полгода 50, представляется настолько отвратительнымъ, что ростовщикъ охотно замаскировываетъ его разнообразными мѣновыми сдѣлками. Главной же причиной недостаточного развитія въ русской деревнѣ чисто денежнаго ростовщичества служитъ отсутствіе ростовщиковъ-капиталистовъ, которые не имѣли бы связи съ сельскимъ хозяйствомъ и кустарными промыслами или торговлей. Естественно поэтому, что кредитное отношеніе чаще облекается въ форму мѣны товаровъ или товаровъ на трудъ. При сдѣлкахъ этого рода высота процента не всегда выступаетъ такъ рельефно, какъ при денежной кредитной сдѣлкѣ, а сельское хозяйство, промыслы или торговые обороты, которые ведетъ ростовщикъ, также служатъ оболочкой, которая прикрываетъ его ростовщическая продѣлки. Эта оболочка не мѣшаетъ тому, что ростовщики образуютъ въ населеніи деревни особую группу, вліятельную и властную, но формально не выдѣляетъ ихъ въ особый классъ, какъ то дѣлаетъ съ городскими закладчиками и ростовщиками ихъ занятие. Кредитная сдѣлка между крестьянами и ростовщиками имѣеть такую форму, чтоолжникъ, получая деньги въ то время года, когда предстоитъ сдѣлать расходъ, напримѣръ, уплатить подати, купить сѣмена для посѣва, лошадь или корову, хлѣбъ для продовольствія семьи, обязуется возвратить долгъ тѣми продуктами, которые будутъ къ известному сроку въ его хозяйствѣ или которые особенно пригодны для заемщика по условіямъ его промысла. Хлѣбъ, пенька, ленъ, — вотъ главные продукты, которыми крестьяне расплачиваются со своими заемщиками за денежныя ссуды. Въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ крестьяне занимаются охотничимъ промысломъ, долгъ уплачивается продуктами звѣроловства: бѣлками, оленями, волками, медведями. Ссуды подъ рыбу очень распространены повсюду, гдѣ крестьяне занимаются рыболовнымъ промысломъ. Наконецъ, надѣлія кустарей также служатъ для уплаты долга. Близкая прикосновенность деревенскаго ростовщика къ сельскому хозяйству и промысламъ и по-

лученіе имъ всѣхъ этихъ товаровъ по очень низкой цѣнѣ и въ довольно большомъ количествѣ, естественно, дѣлаютъ его торговцемъ этихъ издѣлій. Если богатый крестьянинъ роздаѣтъ односельчанамъ не сколько тысячъ рублей и получитъ въ уплату сотни пудъ пеньки, льна, тысячи пудъ рыбы, то онъ, въ силу вещей, становится торговцемъ этими товарами, и его отношеніе къ должникамъ перестаетъ быть чистой связью ростовщиковъ съ ихъ клиентами, а получаетъ характеръ отношенія хозяевъ къ рабочимъ. Сама денежная ссуда становится задаткомъ, который хозяинъ въ известные сроки выдаетъ своимъ рабочимъ, чтобы сдѣлать для нихъ возможнымъ веденіе промысла или удовлетвореніе насущныхъ потребностей семьи. Если, по этому, ростовщикъ, торгующій рыбой, даетъ рыболовамъ денегъ для покупки орудій и сѣбѣстныхъ припасовъ съ обязательствомъ сдать ему весь уловъ, то выступаетъ въ роли хозяина и низводить отдельныхъ рыболововъ до роли зависящихъ отъ него работниковъ. Такимъ же является и скупщикъ слесарныхъ или столярныхъ издѣлій относительно кустарей, которымъ онъ даетъ денежные ссуды деньгами и разными товарами и обязывается доставлять ему готовыя издѣлія.

Особую группу образуютъ тѣ кредитныя сдѣлки, когда крестьянинъ, получивъ ссуду деньгами или хлѣбомъ, уплачиваетъ долгъ трудомъ. Этотъ кредитъ распространенъ повсемѣстно.

Онъ получаетъ виѣшнее выраженіе въ томъ, что крестьяне берутъ отъ землевладѣльцевъ ссуды деньгами или хлѣбомъ осенью или зимою и обязуются исполнить за это какія-либо сельско-хозяйственные работы ближайшою весною или лѣтомъ: венахать, заѣять, выкосить столько-то десятинъ, вывезти на поле заемодавца опредѣленное количество навоза и прочее.

Кредитныя сдѣлки, представляющія большое разнообразіе, бываютъ или чисто личными, или же связаны для заемодавца со специальнымъ имущественнымъ обезпеченіемъ. Сельскій ростовщикъ, открывая односельчанамъ личный кредитъ, рискуетъ несравненно менѣе, нежели городской ростовщикъ, который открывалъ бы такой кредитъ бѣдѣйшимъ слоямъ городского населенія. Послѣдній, въ силу подвижности малоимущаго городского люда, обыкновенно не имѣющаго постоянной осѣдлости, не можетъ поддерживать прочную связь со своими должниками, тѣмъ болѣе не можетъ всегда имѣть ихъ на глазахъ. Сельскій же ростовщикъ буквально держитъ въ своихъ рукахъ должниковъ односельцевъ и даже заемщиковъ изъ сосѣднихъ селеній. Онъ знаетъ ихъ достатокъ, ихъ рабочую силу и трудолюбіе; ему известно, сколько озимаго и яроваго посѣять каждый изъ нихъ, каковъ урожай; у него на примѣтѣ каждый рубль, который его должникъ получилъ отъ подсобного промысла. Онъ точно знаетъ количество ржи, овса, пеньки, которое можетъ

быть продано каждымъ изъ его клиентовъ. Такимъ образомъ, ростовщикъ, открывая личный кредитъ, хорошо знаетъ платежную силу своихъ должниковъ. Прикрепленные къ своему сельскому обществу, они уже потому стараются точно исполнить обязательства, что предвидятъ въ будущемъ не менѣе настоятельную нужду въ кредитѣ, а въ сосѣдѣ-ростовщикѣ—единственный источникъ получения есуды. Но русской деревнѣ знакомъ и реальный кредитъ. Сдѣлки этого рода облекаются въ форму запродажи скота, земледѣльческихъ орудій, избы, надворныхъ строеній, хлѣба на корню. Письменные обязательства, въ которыхъ облекаются эти сдѣлки, имѣютъ обыкновенно такую форму: „Годъ, мѣсяцъ, число. Мы, нижеподписавшіеся, крестьяне такіе-то, продали крестьянину такому-то все хоромное строеніе, а именно, одну избу съ сѣнами, дворъ и два хлѣва, три амбара, баню, одну лошадь, четыре коровы, десять овецъ, на 2 года на 4 души землю, яровое поле подъ посѣвъ сѣменемъ съ правомъ перепродажи строеній и земли другому лицу, цѣною за семьдесятъ рублей. Деньги получили всѣ сполна, а буде къ такому-то времени означенную сумму возвратимъ NN, то все прорданное строеніе, скотъ и землю мы имѣемъ право оставить за собою; строеніе и скотъ до означенного числа будутъ и должны состоять въ цѣлости, подъ нашою въ случаѣ утраты отвѣтственностью“. Не нужно долго вчитываться въ документы этого рода, чтобы признать въ нихъ одинъ изъ источниковъ нашего сельского пролетариата.

Гдѣ кредитъ выражается въ чисто денежной сдѣлкѣ, тамъ мы имѣемъ низшій процентъ. По свѣдѣніямъ, которыя покойный В. И. Орловъ собралъ о 85 случаяхъ займа въ Московскомъ уѣздѣ (за 1866—76 года), средній процентъ составилъ $35\frac{1}{2}$ годовыхъ. Иногда онъ поднимался до 100 годовыхъ. По наблюденіямъ въ Воронежской, Самарской, Саратовской и другихъ губерніяхъ проценты нерѣдко поднимаются до 150—200 годовыхъ; нужно считать очень выгодными тѣ займы, когда годовые проценты не превышаютъ 30—40. При есудахъ, гдѣ долгъ уплачивается продуктами или трудомъ, процентъ, вообще, гораздо выше. Если есуда, полученная зимою деньгами, уплачивается въ началѣ будущей осени (т.-е. черезъ 10 мѣсяцевъ) хлѣбомъ, то ростовщикъ получаетъ хлѣбъ по цѣнѣ, равной только половинѣ рыночной. Кредитъ, который открываютъ кустарямъ скупщики ихъ издѣлій, также обходится не дешевле 100%. Стоимость кредита должникамъ при отработкѣ есуды измѣряется разницѣю между цѣнами рабочихъ рукъ при зимней наемкѣ и лѣтнемъ наймѣ. Кредитныя сдѣлки этого рода выражаются въ томъ, что крестьянинъ беретъ есуду осенью или зимой и тутъ же обязуется поставить лѣтомъ определенное количество труда. Наименѣшая разница въ зарплатной платѣ

составляетъ 25—30—40%. Но многочисленныя наблюденія, сдѣланыя въ Тульской, Пензенской, Тамбовской, Полтавской, Воронежской, Курской и другихъ губерніяхъ, показываютъ, что, при зимнемъ наймѣ рабочихъ съ выдачею имъ значительныхъ ссудъ, заработка плата устанавливается на 100—150% ниже, чѣмъ при наймѣ весною. Бремя этого кредита станетъ особенно понятнымъ, если припомнимъ, что въ Германіи сельскій кредитъ изъ 36% годовыхъ считается крайней степенью давленія, которое ростовщикъ можетъ оказывать на заемодавца, или что въ Соединенныхъ Штатахъ 24—18% годовыхъ относятся къ воплощимъ проявленіямъ ростовщичества.

24 мая 1893 года изданъ законъ о преслѣдованіи ростовицкихъ дѣйствій. Согласно съ этимъ закономъ, подлежить преслѣдованію ростовщичество, образующее промыселъ. Такимъ промысломъ является отдача „въ ссуду сельскимъ обывателямъ: 1) хлѣба или другихъ припасовъ, или же 2) денегъ, подъ условіемъ уплаты денежнаго долга, частью или вполнѣ, хлѣбомъ, припасами или работой,—если для совершенія сдѣлки на чрезмѣрно обременительныхъ, не соотвѣтствующихъ мѣстнымъ обычаямъ, условияхъ онъ воспользовался крайне тягостнымъ положеніемъ заемщика“. Подвергаются наказанію также виновные въ ссудѣ капитала въ чрезмѣрный ростъ или въ обезпеченіи возврата капитала чрезмѣрной неустойкой. Наказанію подлежать ростовщики въ томъ случаѣ, если стѣсненное положеніе заемщика, извѣстное заемодавцу, заставило первого принять условія ссуды, крайне обременительныя или тягостныя по своимъ послѣдствіямъ. Признается виновнымъ также тотъ, кто, занимаясь ссудами, скрылъ какимъ-либо способомъ чрезмѣрность роста: включеніемъ роста въ капитальную сумму, въ видѣ платы за храненіе или неустойки. Наказанію подвергаются и лица, приобрѣвшія и предъявившія ко взысканію обязательства, завѣдомо для нихъ ростовщическія. Ростовщическое обязательство не имѣть силы, но заемодавецъ не лишается права на обратное полученіе дѣйствительно даннаго капитала, за вычетомъ полученныхъ платежей. 12-ю процентами въ годъ опредѣляется высшая норма дозволенного роста. Мы находимъ въ законѣ 24 мая значительную неполноту. Онъ говоритъ о хлѣбѣ и другихъ припасахъ (очевидно *сельскихъ*) и деньгахъ, какъ предметахъ ростовщическихъ сдѣлокъ, и тѣмъ съуживаетъ область наказуемыхъ дѣяній. Но предѣлы ростовщичества, какъ промысла, гораздо болѣе широки, и виды ростовщическихъ дѣйствій представляютъ такое разнообразіе, что не могутъ быть втиснуты въ тѣсныя границы, установленные первою статьею закона. Продажа лошадей, коровъ, земледѣльческихъ орудій, строительныхъ матеріаловъ съ разсрочкою платежа часто имѣть всѣ признаки ростовщического дѣйствія. Если лошадь, стоящая

20 рублей, продается, съ разсрочкою платежа на годъ, за 40, строительный материалъ, стояющій при покупкѣ за наличные деньги 25 рублей, продается за 50 при погашеніи долга въ течениіе 6—8 мѣсяцевъ; если обработываемое кустаремъ ореховое дерево продается въ кредитъ по цѣнѣ, на 50—70% превышающей рыночную, то мы имѣемъ передъ собою и кредитную сдѣлку, и чрезмѣрный барышъ, который составляетъ неотъемлемую принадлежность ростовщическихъ оборотовъ. Сплошь и рядомъ заемщикъ, покупая на такихъ условіяхъ лошадь, корову, строительные или подѣлочные материалы, находится въ „крайне“ тягостномъ положеніи, пользованіе которымъ законъ и вмѣняетъ ростовщику въ вину. Наконецъ, и *торговля земельными участками* стала за послѣднія десятилѣтія одною изъ самыхъ выгодныхъ формъ ростовщичества. Желѣзныя дороги, проведенные до окраинъ Европейской Россіи, подняли цѣну земли въ Самарской, Уфимской и Оренбургской губерніяхъ, гдѣ еще недавно продажная цѣна десятины не превышала 2—3 рублей. Осущеніе пинскихъ болотъ сдѣлало выгоднымъ веденіе хозяйства въ Полѣсьѣ, гдѣ еще 20—15 лѣтъ тому назадъ земля не имѣла никакой цѣнности. Сооруженіе сибирскаго рельсоваго пути доставить выгоды обширнымъ земельнымъ площадямъ вдоль сибирской дороги. Въ эти-то мѣста направляются земельные ростовщики для торговли земельными участками.

Итакъ, законъ 24 мая не можетъ быть распространенъ на большую часть ростовщическихъ дѣйствій. Но и относительно видовъ ростовщичества, которые предусматриваетъ законъ, редакція его не можетъ быть признана удачною. Законъ говорить о занятіи ростовщичествомъ „въ видѣ промысла“. Подъ „промысломъ“ разумѣютъ постоянное занятіе человѣка, служащее для него главнымъ источникомъ дохода. Сельскій ростовщикъ часто занимается выдачей денежныхъ ссудъ изъ высокихъ процентовъ или дачею въ долгъ хлѣба и другихъ предметовъ не какъ промысломъ, а между прочимъ, наряду съ другими занятіями, дающими тонъ его хозяйству. Слова закона „въ видѣ промысла“ мѣшаютъ признавать наказуемыми большую часть ростовщическихъ дѣйствій, ибо въ большей части случаевъ ростовщичество не составляетъ главнаго промысловаго занятія сельскихъ кулаковъ. Законъ заслуживаетъ сочувствія потому, что осуждаетъ ростовщичество. Но онъ не освободить населенія деревни отъ кулаковъ. Кредитныя сдѣлки легко скрываются отъ глазъ даже зоркой администраціи. Стоить ростовщикамъ держаться такого способа оформленія сдѣлокъ, при которомъ заемщикъ выдаетъ обязательство на сумму, превышающую ссуду, — и легко будутъ спрятаны концы. Стоить ростовщикамъ, выговаривающимъ за выданную денежнную ссуду или стѣстные припасы исполненіе долгопріемъ.

известныхъ работъ, оплачивать ихъ трудъ, вмѣсто 80 копѣекъ, 40 копѣйками въ день и воздерживаться отъ принужденія ихъ къ безвозмездной работе—и опять ростовщическое дѣйствіе будетъ затуманено до невозможности отыскать въ немъ элементы, образующіе составъ преступленія по закону 24 мая. Но особенную поддержку оказываетъ ростовщикамъ положеніе закона о наказуемости ихъ въ томъ случаѣ, если они занимаются выдачею ссуды, какъ промысломъ. Вчитавшись въ эту статью закона, деревенскіе ростовщики постараются разнообразить свои промыслы: комбинируя сельское хозяйство съ торговлей, иногда съ кустарничествомъ, они всегда будутъ имѣть видъ людей, которые только мимоходомъ выдаютъ ссуды за лихвенные проценты. Книга Каро (*Caro. Der Wucher in Galizien. 1893*) содержитъ поучительныя свѣдѣнія о вліяніи закона на сельскихъ ростовщиковъ Галиції. Образованная въ 1876 году при галицкомъ сеймѣ комиссія изслѣдовала условія сельскаго кредита. Оказалось, что правильно организованный кредитъ совершенно отсутствуетъ и что крестьяне въ лучшемъ случаѣ платить по ссудамъ 25—30% годовыхъ, но очень часто проценты доходятъ до 150—200 и 400 въ годъ. Уплата ссудъ работою на поляхъ и лугахъ имѣла въ Галиціи большое распространеніе. Тягостныя условія кредита были причиной обезземеленія и окончательного разоренія многихъ тысячъ крестьянскихъ дворовъ. Выводы комиссіи побудили галицкій сеймъ ходатайствовать предъ правительствомъ объ изданіи для Галиціи закона противъ роскошничества. Законъ, ограничивавшій 12-ю годовыми вышку, норму процента и угрожавшій ростовщикамъ тюрьмою и значительною денежной пеней, былъ изданъ 16 июля 1877 года. Первое время послѣ изданія закона, въ нѣкоторыхъ округахъ Галиціи ростовщики, какъ будто, умѣрили свои требования. Нѣкоторые ростовщики рѣшились воздерживаться отъ выдачи ссудъ даже наиболѣе кредито способнымъ крестьянамъ. Вслѣдствіе этого массы крестьянъ, чтобы пережить весну, попродали свой скотъ, хлѣбъ на корню; были случаи обращенія крестьянъ въ судъ съ просьбою оказать имъ покровительство, дабы ростовщики не лишали ихъ поддержки. Однако, вскорѣ ростовщичество стало свирѣпствовать съ прежнею и даже болѣею силой. Г. Каро перечисляетъ слѣдующіе способы обхода закона: 1) Должники стали писать въ заемныхъ обязательствахъ большія суммы, нежели то, что было получено въ долгъ. 2) Вошло въ обычай уступать ростовщикамъ пользованіе плодами заложеннаго имущества (земледѣльческими, молочными продуктами и проч.). 3) Проценты облекались въ форму скидки съ арендной платы, за которую должникъ уступалъ заемодавцу свою землю. 4) Кредитная сдѣлка стала облекаться въ форму продажи должникомъ заемодавцу имущества за сумму,

равную полученной ссудѣ, съ правомъ для должника выкупить имущество по болѣе высокой цѣнѣ. Если выкупъ не состоялся, то имущество оставалось за заемодавцемъ. 5) Нерѣдко, вмѣсто платежа процентовъ, должникъ разрѣшалъ заемодавцу пасти скотъ на своей землѣ. 6) Если ростовщикъ содержалъ лавку, то должникъ обязывался покупать въ ней все нужные товары и платить за нихъ гораздо дороже рыночной цѣны. 7) Во всей Галиції ростовщики устраивали тайные притоны, гдѣ принимали вещи въ закладъ безъ свидѣтелей и безъ выдачи расписокъ со взиманіемъ огромныхъ процентовъ по ссудамъ. Сельскій кредитъ въ Галиції началъ приближаться къ болѣе нормальнымъ условіямъ только съ 80-хъ годовъ, когда стали возникать доступные для небогатыхъ людей кредитныя учрежденія. Вліяніе закона 24 мая на русскихъ ростовщиковъ однородно съ вліяніемъ, которое имѣлъ въ Галиції законъ 16 іюля 1877 года. Ростовщичество можетъ быть ослаблено только повышеніемъ благосостоянія русской деревни.

Все изложенное выражаетъ потребность крестьянъ въ краткосрочномъ кредитѣ: въ Московскомъ уѣздѣ изъ 85 случаевъ займа 44,6%, были заключены на покупку сѣмянъ, 32,99%, на уплату податей, т.-е. для цѣлей, которымъ служить краткосрочный кредитъ. Значительная часть займовъ у ростовщиковъ заключается на покупку скота, промысловыхъ орудій, т.-е. для цѣлей, которые позволяютъ возвратить ссуду только черезъ несолько лѣтъ. Нуждаются ли крестьяне въ долгосрочномъ кредитѣ чистаго типа, для покупки земли? — на это отвѣчаетъ намъ цифра въ несолько миллионовъ безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянскихъ хозяйствъ.

Когда возникали ссудо-сберегательные товарищества, со всѣхъ сторонъ слышались предсказанія, что они достигнутъ самаго широкаго развитія и сполна удовлетворятъ потребность русскаго народа въ кредитѣ. Однако, это предсказаніе не сбылось. Число ихъ не возрастаетъ. Правда, они стали въ среднемъ болѣе крупны. Однако, выданныя ссуды составляютъ за 1902 годъ съ небольшимъ 38 миллионовъ рублей, т.-е. на душу меныше 30 копѣекъ, а на крестьянскую семью не болѣе полутора рубля; сумма, выданная за тотъ же годъ въ ссуду германскими товариществами, достигала $2\frac{1}{2}$ миллиардовъ марокъ. Это заставляетъ признать кредитъ изъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ недостаточнымъ, удовлетворяющимъ только небольшую часть этой потребности нашего сельскаго люда. Разсуждать, какъ то нерѣдко дѣлаютъ защитники ссудо-сберегательныхъ товариществъ, что доставляемыя ими выгоды измѣряются сбереженіями ихъ должниковъ на процентахъ (товарищества взимаютъ не болѣе 12% годовыхъ), а кредитъ у частныхъ капиталистовъ стоитъ въ деревнѣ не дешевле 36% годо-

выхъ, а потому на процентахъ за 38-миллионную ссуду заемщики сберегли болыше 8 миллионовъ рублей въ годъ), значить довольствоваться слишкомъ малымъ, выгодами небольшаго кружка, тогда какъ эти учрежденія должны, по своей идѣї, служить интересамъ многочисленныхъ массъ. Ближайшее изученіе товариществъ обнаруживаетъ въ ихъ кредитныхъ оборотахъ полный застой. Около товарищества образуется тѣсно сомкнутый кругъ членовъ-заемщиковъ, которые, разъ взявшись ссуду, изъ года въ годъ переписываютъ свое заемное обязательство и вносятъ товариществу только проценты. Во многихъ товариществахъ ссуды, переписываемыя на тѣхъ же самыхъ должниковъ, составляютъ 50, 60, 70% общей суммы выданныхъ ссудъ, а ссуды, выдаваемыя вновь, сокращаются. Переписка ссудъ, не позволяя товариществу расширить обороты, превращаетъ краткосрочный кредитъ въ долгосрочный. Обнаруживаются и другія отрицательныя явленія: сумма просроченныхъ ссудъ велика.

Причины малоуспѣшной дѣятельности товариществъ лежать и въ ихъ устройствѣ, и въ общихъ условіяхъ хозяйственной жизни русской деревни. Товарищества были предназначены удовлетворять потребность исключительно въ краткосрочномъ кредитѣ, который не выходитъ за предѣлы 12 мѣсяцевъ; а неимѣніе дешеваго кредита, посредствомъ котораго можно было бы удовлетворить нужды, требующія затраты капитала на довольно продолжительное время, побуждаетъ членовъ товарищества пользоваться ссудами и на такие расходы, которые позволяютъ выручить затраченный капиталъ только въ теченіе 2—3—5 лѣтъ: ссуды берутся на покупку лошадей, рогатаго скота, земледѣльческихъ орудій, постройку домовъ. Самый характеръ этихъ затратъ ведетъ къ перепискѣ ссуды въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ. Отмѣтимъ въ строѣ товариществъ и другую неблагопріятную особенность — невозможность брать, безъ поручительства, ссуду, болѣе чѣмъ въ $1\frac{1}{2}$ раза превышающую паевой взносъ. Это отталкиваетъ бѣднѣйшихъ крестьянъ отъ товарищества; такой крестьянинъ можетъ вносить пай только самыми мелкими долями; такому человѣку не легко найти и поручителя, который позволилъ бы ему получить большую ссуду. А потому, такъ называемый образцовый уставъ товариществъ не даетъ этимъ лицамъ доступа къ дешевому кредиту. Но главной причиной неуспѣшнаго развитія товариществъ служитъ слабая кредитоспособность населения нашихъ деревень. Русская деревня не представляетъ данныхъ, необходимыхъ для развитія дешеваго личнаго кредита. Кромѣ небольшаго меньшинства, поставленнаго сколько нибудь благопріятно, сельскій людъ и въ своемъ земледѣльческомъ хозяйстѣ, и въ своихъ промыслахъ, мѣстныхъ и отхожихъ, не даетъ обезпеченія для возврата ссуды.

По меньшей мѣрѣ дѣл трети поселянъ не имѣютъ достаточнаго обезспеченія отъ сельскаго хозяйства. Но и промыслы приносятъ сельскому люду столь скучный заработка, что его одна достаточна для прокормленія крестьянской семьи. Отхожие промыслы то же, что лотерея: хорошо урожай — и призные сельские рабочіе зарабатываютъ порядочные деньги; выпадь только средній урожай — и заработка ничтоженъ. Кустарные промыслы и отхожие ремесленного характера уже потому даютъ очень мало, что большинство промышленниковъ зависятъ отъ скупщиковъ и подрядчиковъ, которые умѣютъ свести къ самимъ скромнымъ размѣрамъ заработокъ подвластнаго имъ люда. Все это оставляетъ въ распоряженіи средней крестьянской семьи только то, что въ обрѣзъ необходимо для ея незатѣливыхъ потребностей. Для Россіи мы не имѣемъ статистики имущества и дохода, которая позволила бы сдѣлать точное вычисленіе. Но высота недоимокъ по государственнымъ податямъ служитъ доказательствомъ нашего положенія. Вотъ причина, въ силу которой ссудосберегательные артели не могли и не могутъ дѣйствовать въ Россіи съ тѣмъ успѣхомъ, какого отъ нихъ ожидали и какой выпадь имъ на долю въ Германіи. Иаслѣдователи русской сельской жизни часто дѣлаются нашимъ ссудо сберегательнымъ товариществамъ упрекъ, что они открываютъ кредитъ зажиточнымъ крестьянамъ, что масса населенія не извлекается изъ него никакихъ выгодъ. Казалось бы, что круговая порука, связующая участниковъ, должна служить надежнымъ обезспеченіемъ возврата ссуды даже отъ бѣднѣйшихъ заемщиковъ. Круговая порука даетъ такое обезспеченіе, но подъ условиемъ, что должники владѣютъ хотя небольшимъ имуществомъ или будутъ владѣть имъ къ наступленію срока уплаты. Бѣднѣйшіе члены германскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ представляютъ такія условия. Многіе ремесленники, фабричные работники, крестьяне, владѣющіе самыми малыми клочками земли, отъ времени до времени накапливаютъ сбереженія изъ своихъ скромныхъ заработковъ и уплачиваются ссуду. Уровень благосостоянія Германіи настолько выше, чѣмъ въ Россіи, что даже бѣднѣйшіе люди имѣютъ известную кредитоспособность. У насъ же массы крестьянъ являются хроническими недоимщиками: для нихъ 50-ти рублевая ссуда составляетъ такую сумму, которая не можетъ быть уплачена въ теченіе многихъ лѣтъ, часто, быть можетъ, въ теченіе цѣлой жизни. Пайщики ссудо-сберегательныхъ товариществъ хорошо понимаютъ это. Зная, что многіе изъ крестьянъ неминуемо будутъ неоплатными должниками, богатѣйшіе члены товариществъ стараются отгнѣнить ихъ, не выдавать имъ ссуды, не принимать въ члены. Постепенно большинство такихъ учрежденій съуживается кругъ своихъ клиентовъ и лишается всеобщаго значенія, которое свя-

зано съ самою ого идеей. Это доказывается большими числами, лишь, не принимаемыхъ въ члены товариществъ. За послѣднее 10-лѣтіе товарищества, въ среднемъ, не принимали 28—32% лицъ, желавшихъ стать членами. Конечно, бѣднѣйшіе крестьяне не осмѣливаются даже заявлять такія притязанія.

Потребности крестьянъ въ приобрѣтеніи земли служить крестьянскій поземельный банкъ. Изученіе его дѣятельности показываетъ, что онъ только въ очень скромныхъ предѣлахъ удовлетворяетъ эту потребность. Въ покупкѣ земли особенно нуждаются бѣднѣйшіе слои крестьянского люда, безземельные и малоземельные, а банкъ выдаетъ въ ссуду не больше $\frac{3}{4}$ продажной цѣны земли и заставляетъ покупщиковъ отыскивать деньги для доплаты, нерѣдко на очень обременительныхъ условіяхъ. Занимая деньги для доплаты, крестьяне платятъ за нихъ 8—10—15% годовыхъ и больше. А доплаты значительны: за 1902 г. онъ составляли въ 6 губерніяхъ больше 30 рублей на десятину, а въ двухъ (Виленской и Смоленской)—больше 40 рублей. Мы находимъ въ дѣятельности банка и другой крупный недостатокъ: она не стоять въ связи съ переселеніями. За первые годы она ограничивалась преимущественно густонаселенными губерніями. Большой спросъ на землю повелъ къ искусственному возвышению продажныхъ цѣнъ. А въ результатѣ — неисправные платежи, недоимки за многими заемщиками и переходъ къ банку значительныхъ площадей купленной земли. Эти невыгодные послѣдствія должны быть приписаны неорганизованности крестьянскихъ переселеній и искусственно поднято земельныхъ цѣнъ во многихъ губерніяхъ. Покупка земли доставляетъ приобрѣтателю несомнѣнныя выгоды, если приобрѣтеніе состоялось при нормальныхъ условіяхъ: населеніе возрастаетъ, путь сообщенія улучшаются, совершенствованіе культуры, какъ оно ни медленно, поднимаетъ доходъ земельныхъ участковъ, и покупатель оказывается въ выигрышѣ. Выигрышъ тѣмъ болѣе значителенъ, чѣмъ большую наклонность къ пониженію обнаруживаетъ рыночный процентъ, который обыкновенно кладется въ основу капитализаціи дохода и съ земельныхъ участковъ. Эти условія дѣйствуютъ такъ могущественно, что ихъ влияніе не парализуется даже уменьшениемъ цѣны земледѣльческихъ продуктовъ, которое наблюдается во всемъ культурномъ мірѣ съ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка: понижение цѣны замедляетъ ростъ земельного дохода, но не оглощаетъ его цѣликомъ и не дѣлаетъ покупателей неисправными должниками. Однако, земельные участки покупаются нерѣдко и при условіяхъ аномальныхъ. Приростъ населенія, огромный спросъ на землю со стороны малоземельныхъ крестьянъ, *многочисленная трудности, съ которыми связаны переселенія*, поднимаютъ арендную плату до уровня, при которомъ арендаторъ

тору остаются институты крохи. Продажами земли обычно соотвѣтствуетъ арендной платѣ: если она же среднемъ достигла 15 рублей за десятину, то владѣцъ не продастъ десятины дешевле 250 рублей. Здѣсь условія покупки земли становятся аномальными, такъ какъ цѣна не опредѣляется свободнымъ соглашеніемъ сторонъ, а назначается покупателю его стѣсненнымъ положеніемъ, невозможностью оставить родину и искать новой осѣдлости. Если за приобрѣтеніемъ земли при такихъ аномальныхъ условіяхъ слѣдуетъ повышение хлѣбныхъ цѣнъ, то невыгоды покупателя сглаживаются въ ближайшемъ будущемъ. Если хлѣбная цѣна остается безъ измѣненія, то покупателю нелегко покрыть долгъ: необходимость обращать въ деньги всѣ продукты съ купленного участка ведетъ къ тому, что при этихъ продажахъ значительная часть цѣны прилипаетъ къ рукамъ скупщиковъ и приобрѣтатель земли играетъ въ ничью. Если же цѣны продуктовъ понижаются, то невозможность парализовать это движеніе усовершенствованіемъ землемѣльческихъ пріемовъ,—извѣстно, что оно не можетъ быть сдѣлано съ одного удара,—очень скоро ставить покупателя земли въ безвыходное положеніе, дѣлаетъ его неисправнымъ заемщикомъ. Отчеты крестьянского банка даютъ право на такія обобщенія. За банкомъ осталось всего больше земли въ черноземныхъ губерніяхъ, именно тамъ, где, подъ влияніемъ перечисленныхъ условій, арендныя и продажныя цѣны достигли чрезмѣрной, искусственной высоты. Недоимки велики: за послѣдніе года онъ достигали 22—24% годового оклада. Съ тѣмъ вмѣстѣ и условія приобрѣтенія земли стали для крестьянъ болѣе тягостны: доплаты заемщиковъ составляли въ 1883 году только 9,9% покупной цѣны, въ 1885—16,7%, а въ 1902—26%. Чѣмъ болѣе возрастаетъ доплата покупщика изъ собственныхъ средствъ, тѣмъ труднѣе для бѣднѣйшихъ приобрѣтать землю съ помощью банка. Въ 1902 году, сравнительно съ предыдущимъ 5-лѣтіемъ, среди заемщиковъ крестьянского банка уменьшилось число безлошадныхъ (11% и 12,6%) и безземельныхъ (19% и 12,8%) и увеличилось число домохозяевъ, имѣющихъ, кроме надѣльной, и собственную землю (23% и 17,4%).

Недоступность кредита для бѣднѣйшихъ слоевъ населенія доказывается сравнительной высотою рыночного процента въ нашихъ городахъ и деревняхъ: въ столицахъ и большихъ торговыхъ городахъ учетный процентъ стоять за послѣдніе года на 5—6 годовыхъ, въ деревняхъ же его средній уровень во много разъ выше. Такой рѣзкой разницы мы не находимъ ни въ одной странѣ европейско-американского міра.

Истинно народный кредитъ можетъ быть организованъ только въ томъ случаѣ, если будетъ, призватъ, цѣлый рядъ міръ, по-

вышнавшихъ благосостояніе деревни, главнымъ образомъ, посредствомъ расширенія крестьянскихъ земельныхъ надѣловъ. Эта задача всего легче решается открытиемъ долгосрочного кредита, приближающагося къ выкупной операции, какъ она установлена при освобожденіи крестьянъ. Мелiorационный кредитъ является необходимымъ дополненіемъ выкупнаго. Большее благосостояніе сельскихъ классовъ облегчить развитіе и краткосрочнаго кредита. Мы не раздѣляемъ того мнѣнія, что государство одно должно удовлетворить всю потребность народа въ кредитѣ. Долгосрочный кредитъ, по самому существу, нуждается въ государственной организаціи. Но для развитія краткосрочнаго и даже мелiorационнаго кредита многое можетъ быть сдѣлано частными капиталами и даже частной инициативой. Необходимо только, чтобы правительство и органы самоуправленія подавали здѣсь примѣръ, способный направить въ эту сторону и частную предпримчивость. Мы почерпаемъ изъ исторіи ссудо-сберегательныхъ артелей доказательство того, насколько государственное содѣйствіе народному кредиту способно направлять въ эту сторону сбереженія частныхъ лицъ. Въ 1904 году 885 товариществъ располагали суммою вкладовъ и займовъ болѣе 35 $\frac{1}{2}$ миллионовъ рублей. Частныя лица стали только потому охотно помѣщать сюда свои сбереженія, что первоначально товарищества упрочились и развились съ помощью кредита изъ Государственного банка и отъ земствъ. И если въ будущемъ Государственный банкъ двинетъ въ деревню для развитія тамъ мелiorационнаго и краткосрочнаго кредита не сотни тысячъ или миллионы, а десятки миллионовъ рублей, то и частные банки, слѣдя за такому примѣру, будутъ открывать свои отдѣленія не только въ городахъ, но и въ селеніяхъ. Возросшее благосостояніе деревни увеличитъ кредитоспособность населенія и разовьетъ личный кредитъ, которымъ въ настоящее время пользуются только 2—3% нашего крестьянства. Конечно, такое направление кредитной политики можетъ упрочиться только посредствомъ ряда крупныхъ общественныхъ преобразованій.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Пути и средства сообщенія.

Литература: Цыгановскій. Желѣзныя дороги и государство, 1868. Чупровъ. Желѣзодор. хозяйство. 2 т. 1875 и 78. Витте. Принципы желѣзодор. тарифовъ. 1884. Георгіевскій. Финансов. отнош. государ. и желѣзодор. обществъ. Гацкитовъ. Основ. организ. тарифы. дѣла на желѣз. дорог. 1887. Нихно. Желѣзодор. тарифы. 1888. Kries. Die Eisenbahnen u. ihre Wirkungen. 1858. Reitzenstein. Die Gütentarife der Eisenbahnen. Cohn.

Untersuch. über die engl. Eisenbahnpolitik. 1871. *Eis. Ges.* Der Staat u. die Eisenbahnen. Jahrbuch für Nationalök. u. Statist. 1879. *Wagner*. Das Eisenbahnwesen als Glied des Verkehrswesens. 1877. *Sax.* Die Verkehrsmittel. 2 B. 1878—79. *Lehr*. Eisenbahnuntarifwesen u. Eisenbahnmonopol. 1879. *Fouille*. La transform. des moyens de transport. 1890. *Ancor*. Conférences sur l'administration et le droit administr. III. 1882. *Hadley*. Railroad Transportation. 1885. v. d. *Leyen*. Die nordamerik. Eisenbahn. 1885. *Ulbrich*. Das Eisenbahnuntarifwesen. 1886. *Nördling*. Die Selbstkosten des Eisenbahntransports u. die Wasserstrassenfrage. 1886. *Picard*. Traité des chemins de fer 4 vol. 1887. *Lamhardt*. Theorie der Tarifbild. der Eisenbahn. 1890. *Скворцовъ*. Влияние парового транспорта на сел. хозяйство. 1890. — Handwörterb. der Staatswissen. III v. d. *Borgh*. Das Verkehrswesen. 1894. Тамъ же дальнийш. указания на литературу. *Campredon*. Rôle économique et social des voies de communication. 1899. *Demolins*. Comment la route crée le type social. 1904. *Fischer*. Post u. Telegraphie im Weltverkehr. 1879. *Gallois*. La Poste et les moyens de communication des peuples à travers les siècles. 1894. *Knies*. Der Telegraph. 1857. *Schöttle*. Der Telegraph. 1884. Для ознакомл. ст. путами сообщ. въ Россіи см. *Головачевъ*. Исторія желѣзниц дѣла въ Россіи. 1881. *Гронскій*. Земскія жел. дор. 1881. *Блюхъ*. Влияние желѣзи. дорогъ. 1882. *Рыбаковъ* и *Благовъ*. Наши пути сообщ. 1882. *Георгіевскій*. Финансов. отнош.—Наши водян. пути сообщ. 1888. Большой матер. содержатель: Докладъ Выс. утв. ком. для изслѣд. желѣзодор. дѣла въ Россіи. Труды тарифн. комиссии и Сборн. министер. путей сообщ. Ср. также, *Жуковскій*. Желѣзи. дороги, какъ предм. эконом. Выст. Евр. 1872, I. *Бунге* Монополія желѣзодор. царства. Выст. Евр. 1876. III. *Чупровъ*. По пов. ст. Бунге „Моноп. желѣзодор. царства“. Выст. Евр. 1876. VI. *Воропановъ*. Желѣзи. дороги и казна. Слово. 1880. I. *Тороговъ*. Тарифн. конц. и желѣзи. дороги. Выст. Евр. 1889. I и II. В. Теорія крупн. концессіонер. Выст. Евр. 1891. V. *Петерсенъ*. Казна и желѣзодор. дѣло. Выст. Евр. 1891, XI. *Саловъ*. Начало желѣзодорожного дѣла въ Россіи. Выст. Евр. 1899. III, IV и V.

Способы передвижения людей, вещей и передачи известиий имѣютъ очень большое значение для хозяйственной деятельности и другихъ цѣлей общежитія. Къ способамъ сообщенія должны быть отнесены грунтовыя и шоссейныя дороги, водные пути, желѣзныя дороги, почта, телеграфъ и телефонъ. Чѣмъ болѣе развивается народное хозяйство, тѣмъ чаще передвигаются люди, тѣмъ болѣе оживлены перемѣщеніе вещей и передача известий; а это создаетъ, въ свою очередь, новые благопріятныя условія для развитія хозяйственной жизни.

Влияние средствъ сообщенія на народное хозяйство становится особенно очевиднымъ при изслѣдованіи тѣхъ первомѣнь, которымъ, благодаря имъ, подвергаются цѣны товаровъ. Въ составъ издѣржекъ производства товара входятъ значительную долю расходы на перемѣщеніе сырья и материаловъ, изъ которыхъ изготавливается товаръ, предметовъ потребленія для яницъ, участвующихъ въ производствѣ, наконецъ, затраты на привозъ самихъ товаровъ до мѣста ихъ потребленія. А потому, чѣмъ болѣе удешевляются перевозка, тѣмъ болѣе поникаются издержки производства товара и его цѣна.

По мѣрѣ того, какъ совершенствуются пути сообщенія и понижается стоимость перевозки, становится возможнымъ продавать товары на болѣе отдаленныхъ рынкахъ: понизившаяся цѣна товара расширяетъ область его сбыта. Если примемъ мѣсто производства товара за центръ круга, то скажемъ, что радиусъ круга, въ предѣлахъ котораго сбываются товары, тѣмъ болѣе удлиняется, чѣмъ лучше становятся способы перевозки. Расширение области, въ предѣлахъ которой можно сбывать данные товары, увеличиваетъ соперничество между ихъ производителями и между потребителями. Во всемъ раionѣ сбыта данного товара происходитъ уравненіе цѣнъ на него. Чѣмъ дешевле становится перевозка, тѣмъ болѣе расширяется область, въ которой совершается уравненіе цѣнъ. Большая быстрота въ передвиженіи товаровъ и передачѣ извѣстій позволяетъ производителямъ съ болѣшимъ успѣхомъ пользоваться всѣми выгодами, которые представляютъ разные рынки сбыта, направлять продукты туда, где за нихъ платить всего дороже. Эти же условія даютъ потребителямъ возможность покупать тамъ, где цѣны наиболѣе низки. Усовершенствование способовъ передачи извѣстій также доставляетъ производителямъ и потребителямъ большія выгоды: оно позволяетъ имъ своевременно знакомиться съ состояніемъ рынка, предусматривать измѣненія цѣнъ. Совместное дѣйствіе всѣхъ этихъ условій ведетъ къ большему постояннству цѣнъ въ предѣлахъ обширныхъ районовъ.

Измѣненія въ стоимости перевозки оказываютъ не одно и то же влияніе на цѣну различныхъ товаровъ. Чѣмъ цѣннѣе товаръ, тѣмъ болѣе велика его перемѣщаемость и тѣмъ меньшее значеніе имѣетъ для него удешевленная перевозка. Для товаровъ же громоздкихъ и малоцѣнныхъ удешевленіе перевозки очень важно. Первобытные пути прежнихъ временъ позволяли доставлять на отдаленные рынки только цѣнныя и негромоздкіе товары; малоцѣнныя же продукты имѣли только мѣстный сбытъ: до сооруженія желѣзныхъ дорогъ цѣнныя фабрикаты служили главными предметами мировой торговли. Перемѣщеніе дешевыхъ и общераспространенныхъ товаровъ на отдаленные рынки становилось возможнымъ только тогда, когда неурожай во много разъ возвышалъ ихъ цѣну.

Усовершенствование путей и возможность перевозить даже малоцѣнныя товары на большія разстоянія способствовали широкому развитію производства. Такъ какъ расходы на перемѣщеніе товаровъ требуютъ затраты значительной части труда и капитала, которыми располагаетъ народное хозяйство, то сокращеніе этихъ расходовъ оставляетъ свободною часть производительныхъ силъ народа. На первый взглядъ кажется, будто улучшеніе путей не способно оказывать такое влияніе: въ нихъ единовременно затрачивается столь большой капиталъ (особенно

дами сооружений и соединяя дороги, прорытые каналы), что значительная часть народного имущества сжигается на долгое время. Мы откажемся отъ такого вывода, если вспомнимъ, что, при затратѣ большаго капитала (напримѣръ, сооруженій половина желѣзной дороги, станціи, вагоновъ), сберегается огромная масса труда, которая, при перемѣщеніи товаровъ гужомъ, должна быть затрачена въ извозномъ промыслѣ. Къ этому при соединяются и тѣ крупныя сбереженія въ народномъ хозяйствѣ, который доставляетъ большая быстрота въ перемѣщеніи товаровъ, меньшая порча ихъ въ пути и проч. Улучшенные пути и потому содѣйствуютъ росту производства въ разныхъ отрасляхъ народного труда, что понижение цѣны товаровъ увеличиваетъ запросъ на нихъ, а производители, завязывая торговыя сношения съ отдаленными рынками, не могутъ такъ точно опредѣлять размѣры спроса, какъ то возможно при сбытѣ только въ ближайшемъ сосѣдствѣ. Нерѣдко предприниматели преувеличиваютъ размѣры спроса, расширяютъ производство больше, нежели то оправдывается потребностью въ данныхъ товарахъ; только рѣзкое понижение цѣни позволяетъ въ такихъ случаяхъ увеличить сбытъ товара и тѣмъ поддержать равновѣсие между спросомъ и предложеніемъ.

Увеличеніе размѣровъ производства связано съ перемѣнами въ его характерѣ. При несовершенныхъ способахъ перевозки, обмѣнъ между народами, отдаленными другъ отъ друга, ограничивается тѣми товарами, которые наиболѣе соответствуютъ естественнымъ условіямъ каждой страны. Когда способы перемѣщенія товаровъ улучшены, то трудъ можетъ быть раздѣленъ между странами болѣе детально: каждая можетъ сосредоточивать свои силы на производствѣ тѣхъ предметовъ, для которыхъ она имѣть особенно благопріятныя условія; страна можетъ получать изъ-за границы не только товары, для изгото вленія которыхъ она не имѣть особенно благопріятныхъ условій, но и тѣ, относительно которыхъ она менѣе превосходить иноzemные народы. Только при усовершенствованныхъ путяхъ можетъ ярко обнаруживаться законъ международной торговли, по которому одна страна, превосходящая другую во всѣхъ отрасляхъ труда, изготавлиющая всѣ товары съ меньшими затратами, можетъ извлекать выгоды изъ обмѣна съ другими, экономически отсталыми народами.

Подъ вліяніемъ усовершенствованныхъ путей, размѣщеніе отраслей земледѣльческой промышленности отклоняется отъ теоремы Тюнена. Различія въ плодородіи участковъ земли, многочисленность рынковъ сбыта и неодинаковые ихъ размѣры служатъ причинами того, что каждая страна и даже каждая область обширной страны даютъ въ разныхъ мѣстахъ, носа такой культуры, которые соответствуютъ одному понесу и

„изолированномъ государствѣ“ Тюнена. Усовершенствованные способы сообщенія, особенно водные пути и желѣзныя дороги, вызвали еще большую пестроту въ расположениі отдельныхъ отраслей и системъ хозяйства. При гужевой перевозкѣ огородничество, садоводство, молочное скотоводство господствовали только въ ближайшемъ сосѣдствѣ большихъ городовъ; теперь же они успѣшино развиваются везде, где для нихъ есть благоприятная естественная условія. Степень влиянія улучшенныхъ путей на обрабатывающую промышленность опредѣляется тѣмъ, велика ли цѣнность готовыхъ продуктовъ. Такъ какъ стоимость перевозки все болѣе понижается и расходы за перевозку составляютъ все менѣе значительную часть въ общей суммѣ издержекъ, то каждый районъ имѣть своими соперниками не только другія области той же страны, но и иноземныя страны и даже другія части свѣта. Вотъ почему каждый промышленный округъ долженъ сосредоточиваться на тѣхъ отрасляхъ, для которыхъ онъ имѣть наиболѣе благопріятныхъ условій. Удобство и дешевизна перевозки часто позволяютъ въ одной странѣ изготавливать изъ сырья только полуфабрикаты, тогда какъ въ другихъ странахъ заканчиваются ихъ переработку.

Эти перемѣны ведутъ за собою многочисленныя измѣненія въ строѣ торговли и ея направлениі. Быстроота перемѣщенія товаровъ ускоряетъ обращеніе капиталовъ; это понижаетъ цѣны и позволяетъ вести обширныя торговыя предпріятія съ капиталами, сравнительно небольшими. Ускоренная передача извѣстій, облегченныя личныя сношенія и удобство перевозки грузовъ дѣлаютъ излишнимъ многихъ посредниковъ въ торговыхъ оборотахъ, а это является выигрышемъ для народнаго хозяйства. Ярмарки постепенно утрачиваютъ то значеніе, которое они имѣютъ при менѣе совершенныхъ путяхъ. Первобытные пути, затруднія непрерывныя сношенія между продавцами и покупателями, заставляютъ выбирать нѣкоторыя центральныя точки, куда въ определенное время года приносятся разные товары. Какъ скоро улучшеніе путей позволяетъ продавцамъ поддерживать постоянную связь съ покупателями, то ярмарки становятся менѣе нужны. Отмѣтимъ, наконецъ, влияніе, которое имѣютъ пути на распределеніе богатствъ. Пролегая чрезъ мѣстность, которая была до того времени въ торговаго оборота, они поднимаютъ цѣнность и доходность участковъ земли, увеличиваютъ земельную ренту. Связываю глухую и отдаленную окраину съ развитыми и оживленными областями страны, пути сообщенія уничтожаютъ въ такихъ захолустьяхъ монопольное положеніе промышленниковъ и торговцевъ, позволяющее имъ наживать чрезмѣрные бармы. Облегчая вывозъ на отдаленные рынки такихъ продуктовъ, которые въ изобилии производятся въ данной странѣ и не имѣютъ

общества, пути сообщения увеличиваются въ этихъ отрасляхъ промышленности и заработка плату. Словомъ, они влияютъ уравнивающимъ образомъ на распределеніе народнаго дохода.

До второй четверти настоящаго вѣка сухопутными путями служили грунтовыя и шоссейныя дороги. Ихъ значение сознавалось еще народами древности, и римляне считали сооружение удобныхъ дорогъ для военныхъ цѣлей и торговли одной изъ самыхъ важныхъ задачъ государственного управления. Однако, до конца 18 вѣка, пока не вошло въ обычай мощеніе камнемъ, дороги были крайне неудовлетворительны. Даже въ Англіи, при сравнительно высокой культурѣ, многія дороги, соединявшия большіе торговые города, были непроходимы весной и осенью. И только шоссированіе сдѣлало дороги удобными для проѣзда во всякое время года.

Такое состояніе сухопутныхъ дорогъ на низкомъ уровнѣ культуры объясняется, почему естественные водные пути, рѣки, озера и, особенно, моря, имѣютъ очень важное значеніе для развитія гражданственности. При грунтовыхъ дорогахъ перевозка громоздкихъ товаровъ возможна только по воднымъ путямъ, а потому главныя средоточія торговли и промышленности возникаютъ на берегахъ морей, озеръ и значительныхъ рѣкъ. Исторія почти всѣхъ народовъ даетъ намъ убѣдительныя доказательства того, насколько быстрѣе развивалась хозяйственная жизнь и возростало благосостояніе въ тѣхъ странахъ, которые природа надѣлила водными путями сообщенія. Значеніе водныхъ путей еще болѣе увеличилось съ примѣненіемъ пароходства передвиженію судовъ. Отъ пароходства выиграло передвиженіе людей и грузовъ какъ по внутреннимъ водамъ, такъ еще болѣе по морямъ и океану, гдѣ пароходы не имѣютъ соперниковъ въ желѣзныхъ дорогахъ.

Ростъ техническихъ знаній постепенно привелъ къ тому, что люди, не ограничиваясь естественными водными путями, стали устраивать искусственные, прорывать каналы, углублять и направлять русла рѣкъ. Сооруженіе каналовъ было облегчено изобрѣтеніемъ шлюзовъ, которые позволили проводить каналы не только по низменнымъ и равниннымъ площадямъ, но и въ мѣстностяхъ съ наклоннымъ положеніемъ. Каналы приносятъ особенную пользу въ тѣхъ случаяхъ, когда соединяютъ бассейны разныхъ рѣкъ и дѣлаютъ гужевую перевозку между ними излишнею. Развитіе желѣзныхъ дорогъ такъ увлекло всѣ народы, что сооруженіе каналовъ и регулированіе рѣкъ пріостановилось на пѣкоторое время. Однако, и научная мысль и практика пришли за послѣднія десятилѣтія къ выводу, что водные пути могутъ во многихъ случаяхъ успѣшно соперничать съ желѣзными дорогами; вслѣдствіе этого во всѣхъ странахъ чисто неполнены, частію намѣчены многія систематической работы

по улучшенню рѣкъ и сооруженію каналовъ. Во Франціи, напримѣръ, парламентъ утвердилъ въ 1874 году смету въ 833 миллиона франковъ на проведеніе цѣлой системы каналовъ.

Изобрѣтеіе рельсовыхъ путей и примѣненіе пара на желѣзныхъ дорогахъ имѣло и имѣть очень большое влияніе на весь хозяйственныій бытъ. Перевозка удешевилась въ чрезвычайной степени: расходы на передвиженіе людей понизились до одной трети стоимости гужевой перевозки, а на передвиженіе грузовъ—до одной пятой. Въ новѣйшее время плата за перевозку нѣкоторыхъ громоздкихъ товаровъ такъ понижена, что составляетъ только $\frac{1}{10}$ стоимости перевозки гужемъ. Въ Англіи, напримѣръ, желѣзная руда и нѣкоторые другіе громоздкіе грузы оплачиваются по $\frac{1}{3}$, копѣйки за 1 тонно-километръ, что составляетъ $\frac{1}{180}$ копѣйки съ 1 пудо-версты. Желѣзная дорога въ высокой степени увеличила и быстроту передвиженія: средня скоростьѣезды на почтовыхъ лошадяхъ по шоссе не превышаетъ 7—8 верстъ въ часъ, тогда какъ на желѣзныхъ дорогахъ движение по 30 верстъ въ часъ считается очень медленнымъ. Желѣзно-дорожная перевозка имѣть и ту особенность, что можетъ удовлетворить очень большой запросъ; стоимость перевозки отличается постоянствомъ, и могутъ быть перевозимы на отородныхъ узловыхъ большія массы товаровъ. При гужевой перевозкѣ обыкновенно бываетъ такъ, что накопленіе большаго количества грузовъ и усиленный запросъ на подводы многократно увеличиваютъ перевозочную плату. Передвиженіе на желѣзныхъ дорогахъ отличается большою правильностью. Опозданіе єздовъ становится все болѣе рѣдкимъ явленіемъ. Наконецъ, юпрѣки довольно распространенному мнѣнію, будто бы єзда на желѣзныхъ дорогахъ связана съ большой опасностью для жизни, статистическая данныя утверждаютъ, что, при єздахъ въ дилижансахъ, жизнь и здоровье путешественниковъ подвергаются въ 15—20 разъ большей опасности, нежели при єздахъ по желѣзнымъ дорогамъ. Отмѣтимъ, также, что хрупкіе товары всего менѣ подвергаются порчу при перевозкѣ по желѣзнымъ дорогамъ.

Желѣзно-дорожная перевозка въ такой мѣрѣ превосходитъ гужевую, что дѣлаетъ излишними дальнѣйшія сопоставленія. Если же мы сравнимъ желѣзныя дороги съ водными путями, то увидимъ, что и одинъ и другіе имѣютъ свои достоинства и недостатки. Желѣзныя дороги представляютъ то преимущество, что движение можетъ совершаться непрерывно въ теченіе года, тогда какъ водные пути замерзаютъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ году: въ Россіи, странѣ съ продолжительной зимой, это преимущество желѣзныхъ дорогъ особенно ощутительно. Другая выгодная сторона желѣзныхъ дорогъ, сравнительно съ каналами, состоять въ томъ, что первыя могутъ быть проводимы произ-

возможно по всемъ направлениямъ; они могутъ ограничить изѣтие силою съущую силу земной густоты; прорытыя же каналы по кратчайшимъ разстояніямъ часто противостоятъ самой характеру мѣстности. Но и водные пути обладаютъ некоторыми преимуществами: они доступны для каждого судоходства, а потому между перевозочными предприятиями можетъ поддерживаться соперничество, способное понижать перевозочную плату и темъ служить на пользу потребителей. Водные пути особенно пригодны для передвиженія громоздкихъ малодѣйныхъ грузовъ, когда нѣть надобности торопиться съ ихъ доставкою и когда особенно важно понижение перевозочной платы. Впрочемъ, только на естественныхъ водныхъ путяхъ можетъ быть установлены гораздо низшая перевозочная плата, нежели на желѣзныхъ дорогахъ; на искусственныхъ водныхъ путяхъ плата не можетъ быть такъ низка уже потому, что сооруженіе ихъ стоитъ очень дорого (почти столь же дорого, какъ желѣзныхъ дорогъ).

Почта и телеграфъ, въ качествѣ способовъ передачи извѣстий, имѣютъ большое вліяніе на процессъ уравненія цѣнъ. По почтѣ и телеграфу передаются въ самые отдаленные концы свѣта свѣдѣнія о разныхъ явленіяхъ народного хозяйства: видахъ на урожай, запасовъ товаровъ на данномъ рынке, цѣнахъ. Малѣйшія измѣненія въ каждомъ, сколько-нибудь крупномъ фактѣ общественной жизни становятся чрезъ чмнного часовъ общимъ достояніемъ. Все это оказываетъ вліяніе на цѣны товаровъ въ предѣлахъ мироваго рынка. Можно дать себѣ ясный отчетъ, насколько велико это вліяніе, если припомнить, что, до сооруженія желѣзныхъ дорогъ и изобрѣтенія телеграфа, получение извѣстій изъ отдаленныхъ странъ требовало многихъ мѣсяцевъ. Усовершенствованные способы передачи извѣстій дали всѣмъ мѣновымъ оборотамъ болѣе твердое основаніе; съузилась область, въ которой господствуетъ случай; явилась возможность предугадывать многія опасности, угрожающія человѣку въ его хозяйственной дѣятельности, и предупреждать ихъ: таковы метеорологическая извѣстія, своевременно предсказывающія бури, градобитія; таковы услуги, которые оказываетъ телеграфъ въ случаѣ пожаровъ и наводненій. Не нужно также забывать, что новѣйшіе способы передачи извѣстій облегчаютъ техническое усовершенствованіе всѣхъ отраслей народнаго хозяйства. Каждое улучшеніе очень скоро становится общезнѣстнымъ; успѣхи одного вызываютъ соревнованіе во многихъ, а это усиливаетъ ритмъ хозяйственного прогресса. На разстояніяхъ не очень большихъ телефонъ исполняетъ такія же обязанности, какъ телеграфъ и оказываетъ важную услугу.

Велосипеды и автомобили—эти созданія самаго исконного времени—также могутъ имѣть вліяніе на хозяйственный бытъ,

Замѣна пѣшихъ и конныхъ разсыльныхъ велосипедистами позволяетъ сберегать время въ дѣловыхъ сношеніяхъ. Передвиженіе въ автомобилехъ, гораздо болѣе быстрое, нежели на лошадяхъ, доставляетъ иногда не менше удобствъ, чѣмъ проѣздъ по желѣзной дорогѣ, и освобождаетъ передвигающихся отъ обязательныхъ правилъ, съ которыми связана желѣзнодорожная перевозка людей и грузовъ.

Многія условія затрудняютъ для частныхъ хозяйствъ вполнѣ цѣлесообразное устройство путей и способовъ сообщенія и отводить въ этой области широкій просторъ для плодотворной дѣятельности государства. Частные хозяйства, какъ показываетъ исторія путей сообщенія за послѣднее шестидесятилѣтіе, могутъ обладать средствами для созданія самыхъ крупныхъ предприятий: частные желѣзныя дороги предшествовали государственнымъ; Суэскій каваль является плодомъ частной предпріимчивости. Но въ сферѣ путей сообщенія частное хозяйство легко пріобрѣтаетъ монополію. Въ этой области преобладаетъ постоянный капиталъ. Дорогіе пути, особенно желѣзныя дороги, будучи проведены по извѣстному направлению, исключаютъ всякую возможность соперничества и монопольно господствуютъ въ данной мѣстности. Тамъ же, где развивается соперничество между разными путями сообщенія (какъ, напримѣръ, между желѣзной дорогой и рѣкой или каналомъ), оно ведетъ къ неэкономическойтратѣ силъ. Такъ какъ пути и способы сообщенія имѣютъочень большую важность для всего народного хозяйства, то желательно планомѣрное и систематическое ихъ развитіе, которое не легко осуществимо при завѣдываніи ими со стороны частныхъ хозяйствъ. Частный предприниматель стремится къ полученію наибольшаго дохода и ирлагаетъ пути сообщенія тамъ, где можно ждать оживленныхъ торговыхъ оборотовъ, перевозки большаго числа пассажировъ и большаго количества грузовъ. Все же общественное хозяйство заинтересовано въ томъ, чтобы пути не только облегчали и усиливали уже развившееся торговое движение, но и вызывали его въ глухихъ и малонаселенныхъ мѣстностяхъ страны, тамъ, где пути сообщенія долгое время не приносятъ дохода. Только государству можно ставить такую задачу. Отмѣтимъ, наконецъ, что общественная важность путей и средствъ сообщенія требуетъ однороднаго и систематического употребленія всего дѣла; эта однородность выражается какъ въ сооруженіи системы путей (такова суть желѣзныхъ дорогъ, суть рѣкъ и каналовъ, суть почтовыхъ и телеграфныхъ станцій), такъ и въ порядкѣ пользованія путями. Только при исполненіи этихъ обоихъ условій страна можетъ извлекать крупныя выгоды изъ путей и средствъ сообщенія. Единичныя, оторванныя другъ отъ друга линіи желѣзныхъ дорогъ приносятъ гораздо меньшіе пользы, нежели сѣть дорогъ,

въ которой къ главнымъ путямъ, со всеобщимъ значеніемъ для страны, примыкаютъ боковые вѣтви, имѣющіе, главнымъ образомъ, мѣстное значеніе. Однородное же руководство движениемъ на сухопутныхъ и водныхъ путяхъ, въ почтовомъ и телеграфномъ сношенияхъ уменьшаетъ расходы. Эти цѣли не могутъ быть вполнѣ достигнуты частными хозяйствами. А потому, на государствѣ лежитъ обязанность взять большую часть путей и средствъ сообщенія (прежде всего почту и телеграфъ) въ свои руки; для тѣхъ же, которыхъ остаются въ вѣдѣніи частныхъ хозяйствъ, долженъ быть выработанъ рядъ правилъ; исполненіе этихъ правилъ должно быть обязательно при проложеніи путей и способахъ пользованія ими. Надъ всѣмъ этимъ дѣломъ долженъ быть установленъ широко - развѣтвленный контроль.

При изученіи желѣзныхъ дорогъ, какъ важнейшихъ путей сообщенія нашего времени, нужно обратить особенное вниманіе на тарифы. *Тарифами* называются расписания цѣнъ, которыхъ взимаются желѣзныя дороги за перевозку людей и товаровъ и за дополнительные услуги, связанныя съ перевозкою. Цѣны желѣзно-дорожныхъ услугъ, пріуроченные къ известной единицѣ (столько-то съ пуда и версты), называются тарифными ставками. Помимо передвиженія людей и грузовъ, желѣзныя дороги оказываютъ разныя услуги, связанныя съ перевозкою — производить нагрузку и выгрузку товаровъ, хранять грузы, доставлять кладь гужомъ со станціи желѣзной дороги до мѣста назначенія, — а потому къ тарифамъ провозной платы примыкаютъ тарифы дополнительныхъ сборовъ. Такъ какъ тарифы распространяются на плату за перевозку пассажировъ, ихъ багажа и товаровъ, то они и могутъ быть разделены на пассажирскіе, багажные и товарные. Пассажирскіе тарифы повсюду, за исключеніемъ Соединенныхъ Штатовъ, раздѣляются на 3 или 4 класса, съ подраздѣленіемъ для взрослыхъ и дѣтей. Товарные тарифы пріурочиваются къ вѣсу товара (столько-то съ пуда) или къ единицѣ груза (например, отъ головы скота), или къ единицѣ подвижного состава (столько-то отъ вагона). Тарифы или исчисляются по разстоянію (столько-то съ версты, такая-то надбавка за известное число верстъ — *поясные*), или же опредѣляются для всего пути, проходимаго грузомъ отъ мѣста отправленія до мѣста назначенія; въ послѣднемъ случаѣ они называются участковыми. Слѣдуетъ различать также тарифы внутренняго сообщенія или мѣстные, которые устанавливаются для перевозки грузовъ въ предѣлахъ желѣзной дороги, принадлежащей одному обществу, отъ тарифовъ прямого сообщенія; послѣдніе назначаются для перевозки грузовъ по линіямъ желѣзныхъ дорогъ, принадлежащихъ разнымъ обществамъ, или по желѣзнымъ дорогамъ и другимъ путямъ сообщенія.

Международные тарифы образуютъ особую группу: они распространяются на желѣзныя дороги, а также на желѣзныя дороги и водные пути двухъ или многихъ государствъ. Дифференциальными называются тѣ тарифы, при которыхъ ставка понижается съ увеличеніемъ разстоянія, проходимаго грузомъ.

При установленіи тарифовъ, можно руководствоваться коммерческимъ началомъ—стремиться къ получению наибольшей прибыли. Это начало побуждаетъ установлять перевозочную плату такой высоты, какую только можетъ вынести грузъ, если предъявляется большой запросъ на услуги желѣзной дороги. Слѣдя этому принципу, желѣзная дорога должна взимать, напримѣръ, самую высокую плату съ хлѣба, провозимаго для населенія мѣстности, которая пострадала отъ неурожая, съ сѣна, направляемаго туда, гдѣ скотъ страдаетъ отъ безкорнизы. Если же запросъ на услуги желѣзной дороги не великъ и самъ рельсовый путь испытываетъ конкуренцію со стороны рѣки, канала или другой желѣзной дороги, то коммерческое начало побуждаетъ брать весьма низкую провозную плату, лишь бы она покрывала расходы по эксплоатациі дороги и давала хотя небольшую прибыль. Тарифы, проникнутые коммерческимъ началомъ, отличаются большой пестротой и полнымъ отсутствиемъ плана. Каждый товароотправитель, перевозящій довольно много грузовъ, пользуется, при господствѣ этого начала, особыми, индивидуальными условіями перевозки. Желѣзная дорога, часто измѣняя свои тарифы, приоровляется не только къ многочисленнымъ и измѣнчивымъ условіямъ экономического быта, но и къ особенностямъ отдѣльныхъ товароотправителей.

Желѣзныя дороги Соединенныхъ Штатовъ въ значительной степени руководствуются коммерческимъ началомъ. Оно позволяетъ отдѣльнымъ желѣзнымъ дорогамъ получать очень большую прибыль, но не удовлетворяетъ требованій, которыя должны выполнять рельсовые пути въ интересахъ народного хозяйства. Зная, насколько выгодно хранить коммерческія тайны, желѣзныя дороги отрицаютъ публичность тарифовъ. Стараясь взять съ груза высшую плату, какую онъ можетъ вынести, желѣзныя дороги нарушаютъ начало равенства тарифовъ, а равенство необходимо для правильнаго развитія экономической жизни. Установляя весьма различные тарифы, желѣзныя дороги могутъ ставить однихъ предпринимателей или однѣ мѣстности въ незаслуженно выгодныя условія и быть источникомъ убытковъ для другихъ предпріятій и цѣлыхъ отраслей производства. Нельзя согласиться и съ тѣмъ, чтобы коммерческое начало, руководя установленіемъ тарифовъ, обеспечивало дешевизну перевозочной платы: для отдѣльныхъ грузовъ тарифы могутъ быть низки; но, ограничиваясь скромными барышами въ однихъ

случаихъ, желѣзныи дорога старается вознаградить себя къ другихъ. А это нерѣдко угнетающимъ образомъ действуетъ на многія отрасли производства и даже цѣлые промышленности округа. Коммерческое начало, руководя желѣзными дорогами, и тамъ не служить народно-хозяйственнымъ интересамъ, гдѣ желѣзная дорога вынуждена соперничать съ другими дорогами. Исторія сѣверо-американскихъ желѣзныхъ дорогъ свидѣтельствуетъ, что соперничество дорогъ заканчивается соглашеніемъ. Въ 1873—76 годахъ четыре главныя американскія дороги—њьюїоркская центральная, эрійская, пенсильванскія и балтиморо-огайскія вели между собой войну, которая вызвала понижение тарифовъ въ 2—3 раза противъ предыдущихъ лѣть и причинила всѣмъ дорогамъ очень большие убытки. Въ 1877 году война закончилась образованіемъ огромнаго желѣзно-дорожнаго союза, въ составъ котораго вошло 5 главныхъ и до 40 второстепенныхъ линій. Этотъ союзъ поставилъ себѣ за правило держаться однообразныхъ тарифовъ на соперничающихъ участкахъ и дѣлить грузы или доходы, поступающіе со всѣхъ станцій, которыхъ могутъ соперничать другъ съ другомъ. Союзъ распался въ 1881 году, и между линіями, входившими въ его составъ, снова началась война; затѣмъ союзъ былъ восстановленъ. Какъ бы, однако, ни было сильно соперничество между желѣзными дорогами и какъ бы по временамъ оно ни было выгодно пассажирамъ и владѣльцамъ грузовъ, желѣзодорожныя предприятия, будучи немногочисленны, легко могутъ приходить къ соглашенію; руководствуясь, при установлениі тарифовъ, частно-хозяйственными началами, они часто нарушаютъ общественные интересы.

Эти соображенія заставляютъ предпочесть такую систему тарифовъ, при которой принимаются въ разсчетъ всѣ условія общественной жизни въ данной странѣ. Такая система должна быть введена на государственныхъ и частныхъ желѣзныхъ дорогахъ; желѣзодорожныя компаніи устанавливаютъ ее только подъ всестороннимъ контролемъ государственной власти. Въ основаніи такого тарифа должны быть полагаемы не условія, въ которыхъ находится спросъ на услуги отдѣльной желѣзно-дорожной линіи или предложеніе услугъ отдѣльнымъ рельсовымъ путемъ, а отношеніе спроса и предложенія на всей желѣзодорожной сѣти данного государства. Такъ какъ желѣзныя дороги имѣютъ огромное значеніе для всего общественного быта, то руководящимъ началомъ, при установлениі тарифа, не долженъ служить разсчетъ на получение наиболѣшаго чистаго дохода даже отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, доходъ которыхъ поступаетъ въ государственную казну. Вышесказанное предполагаетъ провозной платы должна быть цѣна, покрывающая издержки самихъ желѣзныхъ дорогъ и доставляющая средний

процентъ на затраченный капиталъ. Принадлежность государству всей желѣзодорожной сѣти облегчаетъ решеніе этой задачи. Тогда эта высшая норма можетъ быть установленна не для отдельныхъ дорогъ, а для всей сѣти рельсовыхъ путей: избытки, полученные на линіяхъ, которыя находятся въ особенно выгодномъ положеніи, могутъ пополнять недоборы желѣзныхъ дорогъ со слабымъ движениемъ, гдѣ, однако, изъ соображеній общественной пользы, государство воздерживается отъ установления возвышенного тарифа. Справедливо установленіе высокаго тарифа только на тѣхъ дорогахъ, которыя удовлетворяютъ приходи зажиточныхъ классовъ, служить преимущественно для увеселительныхъ прогулокъ (царскосельская дорога, дорога на гору Риги въ Швейцаріи и нѣкоторая другія). Отъ высшей нормы, установленной для всѣхъ дорогъ, которыя имѣютъ общепрѣимущество, должны быть допускаемы многочисленныя отклоненія. Скидками съ общей провозной платы должны пользоваться тѣ лица или общественные группы, которыя или нуждаются въ такой льготѣ по недостаточности материальныхъ средствъ, или заслуживаютъ ее потому, что передвиженіе ихъ въ возможно большемъ числѣ имѣть воспитательное или научное значеніе. Соображенія первого рода оправдываютъ льготный пассажирскій тарифъ для переселенцевъ, нижнихъ воинскихъ чиновъ, учениковъ народныхъ школъ. Второй принципъ лежитъ въ основаніи тѣхъ льготъ съ провозной платы, которыми пользуются посѣтители выставокъ, ученыхъ конгрессовъ, учащіеся. И въ товарномъ тарифѣ должны быть значительныя отступленія отъ общихъ тарифныхъ ставокъ. Интересы главныхъ отраслей производства въ странѣ и важность для нихъ отдѣленныхъ внутреннихъ рынковъ или же сбыта за границу оправдываютъ установление льготныхъ тарифовъ для издѣлій этихъ отраслей. Интересы потребителей заставляютъ понижать плату за перевозку хлѣбныхъ грузовъ въ мѣстности, пострадавшія отъ неурожая.

Желѣзныя дороги имѣютъ съ небольшимъ 70-лѣтнюю исторію. Въ 1830 году въ Европѣ и Америкѣ было всего 332 километра рельсовыхъ путей; въ 1870 году длина желѣзныхъ дорогъ на земномъ шарѣ достигла 207,923 километровъ, а къ 1901 году всѣ рельсовые пути имѣли 790,125 километровъ; въ желѣзодорожную сѣть земного шара былъ вложенъ капиталъ болѣе 60 миллиардовъ рублей. Теперь въ однихъ Соединенныхъ Штатахъ до 350,000 километровъ желѣзныхъ дорогъ. Первые желѣзныя дороги были созданы въ однѣхъ странахъ частной предпріимчивостью, въ другихъ—государствомъ. Въ послѣднее же время все ярче обнаруживается стремленіе сдѣлать рельсовые пути достояніемъ государства. Въ Бельгіи изъ 4,300 километровъ желѣзныхъ дорогъ болѣе 3,800 принадлежали казнѣ.

Въ Германії изъ всей речесовой сѣти до 52,000 километровъ въ 1901 году казнѣ принаходило болѣе 45,000. Такое же тончие обнаруживается и во многихъ другихъ государствахъ.

Россія богата водными путями сообщенія. Сибирь еще мало изслѣдована въ гидрографическомъ отношеніи; въ Европейской же Россіи съ Кавказомъ мы имѣемъ до 69,000 верстъ водныхъ путей, годныхъ для судоходства и сплава; изъ нихъ только половина пригодна для судоходства. Но относительно пространства Россія бѣднѣе судоходными путями, нежели западноевропейскія страны: на 100 квадратныхъ миль пространства Франція имѣеть 135 верстъ такихъ путей, Германія 119, Италія 50, а Россія—только 35. Условія климата и рѣдкость населенія не позволяютъ намъ извлекать изъ водныхъ путей такія выгоды, какими пользуются наши западные сосѣди; однако, наши рѣки имѣютъ для народнаго хозяйства большое значеніе. Съ 50-хъ годовъ 19 вѣка пароходство стало быстро развиваться на русскихъ рѣкахъ. Несмотря на соперничество желѣзныхъ дорогъ, количество грузовъ, перевезенныхъ по нашимъ воднымъ путямъ, поднялось отъ 335 миллионовъ пудъ въ 1861 году до 2.278.415.000 въ 1903. Больше половины всего количества грузовъ было перевезено по рѣкамъ бассейна Волги, около $\frac{1}{7}$ по Невѣ, до 12% по Днѣпру. Лѣсные строительные материалы и дрова составляли, по вѣсу, около половины всѣхъ грузовъ. Водные пути Россіи страдаютъ многими недостатками. 1) Прежде всего—обмеленіе: Ока, Днѣстеръ, Днѣпръ, Волга, даже многоводная Кама съ каждымъ годомъ замѣтно мелѣются, и препятствія для судоходства становятся все болѣе значительны; лѣтомъ по верхнему теченію этихъ рѣкъ судоходство вовсе прекращается. 2) Наши водные пути не представляютъ одной цѣльной сѣти, всѣ части которой были бы связаны между собою: между отдельными рѣками нѣть усовершенствованныхъ соединительныхъ путей, каналовъ и желѣзныхъ дорогъ, а потому многія мѣстности лишены возможности сбывать громоздкіе товары (это особенно примѣнительно къ сибирскимъ рѣкамъ).

Петръ Великій относился къ воднымъ путямъ съ большою заботливостью. Онъ намѣтилъ вышневолоцкую, тихвинскую и маринскую системы каналовъ; первая была осуществлена въ его царствованіе. Послѣ Петра къ воднымъ путямъ стали относиться съ полнымъ пренебреженіемъ. Всѣ каналы въ Россіи имѣютъ 741 версту длины, а части рѣкъ со шлюзами составляютъ только 1,300 верстъ. Эти цифры незначительны при сравненіи ихъ съ данными по Западной Европѣ: Великобританія и Ирландія имѣютъ до 6,000 верстъ каналовъ, Франція—до 5,300, а маленькая Голландія—3,140. Всѣ расходы на водные пути не превышаютъ у насъ 3 миллионовъ рублей въ годъ, т.-е. менѣе 100 рублей на 1 версту судоходныхъ рѣкъ, тогда

какъ, въ Западной Европѣ на каждую версту водныхъ путей затрачиваются по 300—400 рублей въ годъ, въ Канадѣ—до $1\frac{1}{2}$ тысячи, а въ Соединенныхъ Штатахъ расходуютъ на одни изысканія болѣе миллиона рублей ежегодно. Неудовлетворительное состояніе русскихъ водныхъ путей потому является особенно чувствительнымъ недостаткомъ, что главную массу нашихъ товаровъ составляютъ громоздкія произведенія сельского хозяйства и лѣсоводства, а водные пути обладаютъ большими удобствами для перемѣщенія этихъ товаровъ.

На сооруженіе желѣзныхъ дорогъ въ Россіи затрачены очень большие капиталы. Графъ Канкринъ, изучавшій въ 40-хъ годахъ желѣзныя дороги Западной Европы, пришелъ къ заключенію, что онъ—“недугъ современности”, что постройка ихъ является безразсудною растратою капиталовъ. Прославленный министръ финансовъ оказался очень близорукимъ при оцѣнкѣ рельсовыхъ путей. Исторія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи начинается въ 1836 году учрежденіемъ акціонернаго общества для постройки 25-верстной дороги изъ Петербурга въ Царское Село и Павловскъ. Въ 1842 году было решено строить Николаевскую дорогу, которая и была открыта въ 1851 году. Эта дорога была выстроена казною. Въ 50-хъ же годахъ были сооружены Петербургско-Варшавская и Риго-Динабургская дороги, а въ 1862—63 годахъ въ совѣтѣ министровъ былъ разсмотрѣнъ проектъ 5 главныхъ линій: 1) южной отъ Москвы до Севастополя, 2) восточной — отъ Орла до Саратова, 3) западной — отъ Орла до Динабурга, 4) юго-западной и 5) юго-восточной. Эти проекты были осуществлены со многими измѣненіями въ теченіе 60-хъ и 70-хъ годовъ. Въ 1891 году приступили къ сооруженію Сибирской дороги протяженіемъ около 7,300 верстъ; она соединяетъ одинимъ непрерывнымъ рельсовымъ путемъ Владивостокъ съ нашою западной границей. Къ 1902 году въ Россіи было 55,705 верстъ желѣзныхъ дорогъ, изъ которыхъ 38,264 верстъ принадлежали казнѣ. Въ началѣ 1904 года общее протяженіе желѣзныхъ дорогъ достигло 60,000 верстъ. До 1902 года на дороги Россіи, кромѣ Финляндіи, было затрачено 5.149.000.000 рублей; каждая верста обошлась въ 56,000 рублей.—Въ 1902 году по всемъ русскимъ желѣзнымъ дорогамъ, кромѣ Финляндіи, было перевезено до $7\frac{2}{3}$ миллиардовъ пудъ грузовъ малой скорости, въ этой суммѣ 518.000.000 пудовъ дровъ и лѣсныхъ материаловъ, на половину меныше, чѣмъ по воднымъ путямъ.

Сравненіе Россіи съ другими государствами показываетъ, какъ еще недостаточна наша, абсолютно довольно большая желѣзнодорожная сѣть: на 1,000 квадратныхъ километровъ въ Россіи приходится 11 километровъ рельсовыхъ путей, тогда какъ въ Испаніи—26, Германіи—93, Великобританіи—106, Бельгіи 155.

Желѣзно-дорожнѣмъ дѣло упорядочивается вълиць уставомъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ 12 июня 1885 года и цѣлью рядомъ послѣдующихъ узаконеній. Въ уставѣ отведенъ много мѣста вопросу о тарифахъ. „Правительству, говорить законъ, принадлежитъ руководительство дѣйствіями желѣзныхъ дорогъ по установленію тарифовъ съ цѣлью огражденія интересовъ населенія, промышленности, торговли и казны“. Подчиняя тарифное дѣло правительству руководству, законъ создалъ въ вѣдѣніи министерства финансовъ 3 особыхъ органа: совѣтъ по тарифнымъ дѣламъ, тарифный комитетъ и департаментъ желѣзно-дорожныхъ дѣлъ. Вѣдѣнію первого подлежать всѣ общіе тарифные вопросы; рѣшенію втораго подлежать всѣ важнѣйшіе частные тарифные вопросы, находящіеся въ прямой связи съ потребностями населенія, промышленности и торговли; департаментъ желѣзно-дорожныхъ дѣлъ завѣдуетъ дѣлопроизводствомъ совѣта и комитета, а также разрабатываетъ предположенія и готовляетъ матеріалъ для такихъ измѣненій въ тарифахъ, которые „соответствуютъ интересамъ продовольственнымъ и торговопромышленнымъ, а также доходности желѣзно-дорожной сѣти“. Въ исторіи нашихъ желѣзныхъ дорогъ мы находимъ такую смѣну направлений. Первоначально казалось невозможнымъ развить дѣло силами только частной предпримчивости, и первымъ строителемъ явилась казна. Съ 60-хъ годовъ стали отдавать предпочтеніе частному строительству. Съ начала же 80-хъ годовъ все болѣе замѣтно обнаруживается склонность строить дороги за счетъ казны и приобрѣтать въ собственность государства частныя желѣзныя дороги. Переходъ послѣднихъ въ собственность казны совершается тремя способами: 1) Истекаетъ срокъ, на который выдана концессія, существование общества прекращается, и желѣзная дорога со всѣми постройками, подвижнымъ составомъ и всѣмъ имуществомъ поступаетъ въ казну. 2) Правительство удерживаетъ за собою право выкупить у частнаго общества дорогу до истечения срока концессіи. Условія выкупа опредѣляются уставомъ каждой желѣзной дороги. Выкупная цѣна устанавливается капитализированіемъ средняго дохода за послѣднія 5—7 лѣтъ (часто берется средній доходъ за лучшія 5 лѣтъ изъ 7), предшествующихъ выкупу. Наименѣшій срокъ, послѣ которого казна имѣть право выкупить частную желѣзную дорогу, опредѣленъ въ 15—20 лѣтъ. 3) Наконецъ, желѣзная дорога поступаетъ въ собственность казны вслѣдствіе несостоятельности ея владѣльцевъ. Въ концѣ 1894 года на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ введенъ поясной пассажирскій тарифъ, съ относительнымъ понижениемъ перевозочной платы по мѣрѣ возрастающаго разстоянія.

Изучая исторію русскихъ желѣзныхъ дорогъ, мы находимъ въ ней много слабыхъ сторонъ. Наша желѣзно-дорожная сѣть

сооружалась безъ достаточнаго знакомства съ дѣломъ и безъ той бережливости, которая необходима въ столь бѣдномъ народномъ хозяйствѣ, какъ русское, и при затратѣ огромныхъ капиталовъ, вызываемой сооруженіемъ рельсовыхъ путей.

Когда возникаетъ желѣзнодорожный вопросъ въ странѣ, то должна быть начертана цѣлая сѣть, и отдельныя линіи должны строиться согласно съ наиболѣе настоятельными экономическими потребностями государства. Выработка такого плана предполагаетъ близкое знакомство съ хозяйственнымъ бытомъ страны, производительностью отдельныхъ мѣстностей, цѣнами товаровъ, размѣрами торговыхъ оборотовъ. Россія вовсе не была изслѣдована, а потому сооруженіе многихъ линій носитъ характеръ чегото случайного, непродуманного. Было естественно начать съ Николаевской дороги, которая, связывая обѣ столицы, имѣеть большое экономическое значеніе. Затѣмъ все вниманіе было обращено на проведеніе стратегическихъ линій къ западной границѣ. Упустили изъ вида необходимость поторопиться съ сооруженіемъ рельсовыхъ путей отъ Москвы на югъ; забыли, что именно эти дороги имѣютъ наибольшее хозяйственное значеніе. Неясное представление о важности желѣзныхъ дорогъ было причиной того, что онѣ не были приведены въ связь съ водными путями. Недостаточное знакомство съ дѣломъ обнаружилось также и въ высокой стоимости многихъ линій. Верса Николаевской дороги обошлась въ 280,226 металлическихъ рублей; Рязанско-Козловская дорога стоила по 91,158 рублей кредитныхъ, хотя мѣстность, по которой проходитъ эта линія, представляетъ всѣ удобства для постройки. То же можно сказать обѣ Орловско-Витебской и многихъ другихъ. Столь крупные расходы должны быть приписаны, главнымъ образомъ, тому, что соперничество между капиталистами, которые ходатайствовали о концессіяхъ, было крайне стѣснено, и строители, вступая между собою въ соглашеніе, устанавливали очень высокую цѣну, обременительную для народнаго хозяйства.—Слабую сторону нашего желѣзнодорожнаго дѣла составляетъ также неразвитость дешевыхъ подъѣздныхъ рельсовыхъ путей, которые, стоя всего 10—12,000 рублей за версту, облегчаютъ доставку грузовъ на главныя линіи.

Желѣзныя дороги оказали замѣтное влияніе на русское народное хозяйство. Проведеніе дорогъ чрезъ южныя губерніи къ портамъ Азовскаго и Чернаго морей способствовало развитію земледѣлія въ Новороссії. Съ 70-хъ годовъ мы замѣчаемъ также усиленное добываніе каменнаго угля, торфа и ростъ желѣзодѣлательной и сталелитейной промышленности. Цѣны громоздкихъ товаровъ стали обнаруживать большую наклонность къ уравненію. Въ концѣ 60-хъ годовъ цѣна хлѣба въ западныхъ губерніахъ и балтійскихъ портахъ превышала въ 3—4

раза цѣну рѣки во внутреннихъ губерніяхъ; tempoи тихоходилю-
ю невозможно.—Не слѣдуетъ обвинять желѣзныя дороги въ
усиленномъ истребленіи лѣсовъ: правда, на нихъ сжигались до
послѣдняго времени сотни тысячъ кубическихъ саженъ, дровъ,
ежегодно; но слѣдуетъ приписать это только отсутствію лѣсо-
охранительного закона. Наконецъ, нужно освободить рельсовые
пути еще отъ одного обвиненія. Проведеніе дорогъ облегчаетъ
вывозъ хлѣба изъ тѣхъ мѣстностей, которая прежде не сбы-
вали его. Это, говорить намъ, побуждаетъ крестьянъ продавать,
больше хлѣба, чѣмъ бы они могли по размѣрамъ своихъ до-
 машнихъ потребностей. Скущники приобрѣтаютъ хлѣбъ по низ-
кой цѣнѣ, а весною продаютъ тѣмъ же крестьянамъ по высо-
кой. Такимъ образомъ, желѣзныя дороги содѣствуютъ раззо-
ренію крестьянскаго хозяйства. Фактъ наблюденъ вѣрно, но
истолкованіе его неправильно: крестьянинъ хорошо знаетъ,
сколько ему нужно хлѣба для содержанія семьи; онъ хорошо
знаетъ, какъ разорительно продавать хлѣбъ осенью, чтобы
искупать весной. Но его принуждаютъ къ этому не желѣзныя
дороги, а высокіе налоги, недостаточный земельный надѣль,
низкій уровень сельскохозяйственной техники и другія условія,
которыя лежать тяжелымъ бременемъ на его хозяйствѣ.

Мы закончимъ эту главу упоминаніемъ о рабаческихъ на-
деждахъ, которая нерѣдко связываются съ усиленнымъ соору-
женіемъ желѣзныхъ дорогъ. Такъ, напримѣръ, говорятъ, что
ово послужитъ главнымъ условіемъ всесторонняго развитія
Азіатской Россіи. Ссылаются, въ видѣ довода, на Соединенные
Штаты, гдѣ сооруженіе частой сѣти рельсовыхъ путей, будто
бы, оказалось чудеса. Безспорно, каждая желѣзная дорога, даже
невыгодная для народнаго хозяйства цѣлой страны, можетъ
принести пользу отдаленной мѣстности. Но только неразвитой
умъ способенъ приписывать желѣзнымъ дорогамъ то всесто-
ронне благотворное вліяніе на общественную жизнь, которое
можетъ быть оказано лишь цѣлой системой юридико-экономи-
ческихъ мѣроопрѣлѣй на почвѣ широкой гражданской и полити-
ческой свободы.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Торговля.

Литература: Ад. Смитъ. О богат. народовъ. Рикардо. Основанія.
Дж. Ст. Милл. Основанія. Ери. Руководство къ соціал. наукѣ. Roscher.
System. III. Lexis. Handel u Schönb erg'a, II. Lexis, Das Handelswesen. 2 ч. 1906 (Sammlung Göschen). Марксъ. Капиталъ, II. Bastable. La théorie du
commerce international. 1900. Бунаковъ. О рынкахъ. 1897. Ильинъ. Развитіе
капитализма въ Россіи. 1899. Струве. По вопросу о рынкахъ при капитали-
стич. производствѣ. Научн. Обозр. 1899. I. Скворцовъ. Къ вопросу о рын-

какъ. *Научн. Обозр.* 1899. VII. *Николай* онъ. Условія внутренняго рынка для продуктовъ крупной промышленности. *Рус. Богат.* 1899. IV. *Schmoller*. Die geschichtl. Entwicklung der Unternehmung. *Jahrbüch. für Gesetzgeb.* 1890—93 *Mataja*. Grossmagazine u. Kleinhandel. 1891. *Sombart*. Der moderne Kapitalismus. 1901. *d'Avencel*. Le mécanisme de la vie moderne. 1898. Рядъ статей о торговлѣ въ *Handwörterbuch der Staatswissenschaft*, IV. О хлѣбной торговлѣ, см. *Касперовъ*. Междунар. хлѣбн. рынокъ. 1887. *Парусъ*. Мировой рынокъ и сельскохоз. кризисъ. 1898. *Клоновъ*. Отчеты по изслѣдов. волжск. хлѣбн. торговли. 1887—90. Труды комиссіи по изслѣдов. хлѣбн. торговли въ Россіи. 1887. *Федоровъ*. Хлѣбн. торговля въ русскихъ портахъ. 1888. *Ею же*. Обзоръ междунар. хлѣбн. торговли. 1889. Матеріалы по разработкѣ тариф. росс. желѣзн. дорогъ. в. I. Тарифы на хлѣбн. грузы. 1889. *Сазоновъ*. Вопросы хлѣбн. промышлен. и торговли. 1891. *Загорский*. Торгов. обычай и биржев. прав. *Труды В. Э. О.* 1893, I. *Kohn*. Der Getreideterminhandel. 1889. *Sonnendorfer*. Die Technik des Welthandels. 1889. *Heubner*. Der Musterlagerverkehr der Leipziger Messen. 1904. Но вопросу о биржевыхъ оборотахъ, см. *Ниссановичъ*. О биржахъ. 1879. *Гамтисбериеръ*. Законодательство и биржевая спекуляція. 1887. *Proudhon*. Manuel du spéculateur à la bourse. *Michaels*. Die wirtschaftliche Rolle des Speculationshandels. Volkswirth. Schriften. II. 1873. *Gülland*. Les opérations de bourse. 1877. *Cohn*. Zeitgeschäfte. u. Differenzgesch. *Jahrbüch. f. Nationalökonom.* VII. *Courtois-sils*. Des opérations de bourse. 10 изд. 1888. *Siefried*. Die Börse u. die Börsengeschäfte. 1887. *Haupt Arbitrages et parités*. 1887. Ср. также *Головачовъ*. Биржевая игра. *Отеч. Зап.* 1875, X. *Брандтъ*. Современ. европ. биржа. *Рус. Богат.* 1893, IX. *Milles*. Die pariser Börse. 1903.

Подъ *торговлей* принято разумѣть промыслообразное занятіе покупкой и продажей товаровъ съ цѣлью полученія прибыли. Не слѣдуетъ отожествлять торговлю съ обмѣномъ въ обширномъ смыслѣ: къ послѣднему относятся и всѣ сдѣлки по купль-продажѣ, не составляющія спеціального занятія мѣняющихся сторонъ въ видахъ полученія прибыли: каждый участвуетъ въ обмѣнѣ, когда приобрѣтаетъ товары для собственнаго потребленія; производитель продаетъ свои продукты непосредственно потребителю; человѣкъ продаетъ изъ своего хозяйства предметы, когда они ненужны ему или когда онъ имѣеть надобность въ деньгахъ. Всѣ подобные акты обмѣна не поддаются подъ понятіе о торговлѣ. Торговецъ имѣеть своимъ спеціальнымъ занятіемъ покупку товаровъ для продажи ихъ по болѣе высокой цѣнѣ. Онъ не совершає преобразованія купленныхъ благъ; его роль въ народномъ хозяйствѣ ограничивается тѣмъ, что онъ доставляетъ потребителямъ товары въ такое время, въ томъ мѣстѣ и томъ количествѣ, какъ для нихъ болѣе удобно.

Торговыя дѣйствія могутъ быть сведены въ нѣсколько группъ. Если мы остановимся на предметѣ торговыя дѣйствій, то торговля можетъ быть разбита на два обширныхъ класса. 1) Торговля товарами; этотъ классъ распадается на два особыхъ вида: а) торговля товарами въ тѣсномъ смыслѣ и б) недвижимостями—домами, участками земли. 2) Второй классъ образуетъ торговля цѣнными бумагами. Сюда относятся какъ кредитные документы

всехъ видовъ, такъ и ини, зиції. Въ составѣ предметами, которыми торгуютъ представители этого класса, входятъ также благородные металлы. Различая торговыя дѣйствія по количеству товаровъ, которое составляетъ предметъ отдельныхъ сдѣлокъ, мы получаемъ оптовую торговлю и розничную. При оптовой торговлѣ товары продаются большими массами и поступаютъ обыкновенно къ розничнымъ торговцамъ, а послѣднѣе продаютъ ихъ потребителямъ. Дѣленіе торговцевъ на оптовыхъ и розничныхъ не легко примѣнить къ торговцамъ цѣнными бумагами, по самому характеру этихъ торговыхъ оборотовъ. Оптовые торговцы товарами обыкновенно ограничиваются свои обороты однимъ или немногими родами товаровъ — хлѣбомъ, чаемъ, лѣснымъ матеріаломъ. Розничные торговцы, для удобства потребителей, совершаютъ обороты съ весьма разнообразными товарами, которые отвѣчаютъ на потребности извѣстнаго класса (такова, напримѣрь, бакалейная лавка, предлагающая разные товары для удовлетворенія потребности въ пищѣ, скобяная лавка, мануфактурная и прочія). Оптовая торговля товарами отличается отъ розничной устройствомъ помѣщенія, характеромъ подготовки служащихъ и т. д. При оптовыхъ же и розничныхъ оборотахъ съ цѣнными бумагами необходимы почти одни и тѣ же условія; въ одной маленькой комнатѣ могутъ быть совершаемы и крупные обороты съ разными цѣнными бумагами и сдѣлки на очень маленькия суммы. Вотъ почему въ этой области всего правильнѣе различать оптовую и розничную торговлю не по роду оборотовъ, а по ихъ размѣрамъ. Въ географическомъ отношеніи слѣдуетъ различать внутреннюю торговлю, которая ограничивается предѣлами данной страны, и вѣнѣшнюю, охватывающую торговыя сношенія за предѣлами государства. Внѣшняя торговля, имѣя своимъ предметомъ ввозъ товаровъ изъ за границы, есть ввозная, а вывозъ — вывозная. Наконецъ, транзитная торговля обнимаетъ всѣ тѣ обороты, посредствомъ которыхъ торговецъ покупаетъ товары за границей, дабы продавать ихъ не въ своемъ отечествѣ, а въ какой-либо другой странѣ. Мировую торговлю образуетъ совокупность торговыхъ сношеній между разными странами и народами. — Укажемъ также на различіе между торговлей осѣдлой и передвижной. Въ первомъ случаѣ торговецъ имѣеть постоянное мѣстоожительство, на которомъ и занимается своимъ промысломъ. Во второмъ случаѣ онъ передвигается со своими товарами пѣшкомъ или иными способами въ предѣлахъ страны или изъ одной страны въ другую. Такова торговля развозная и разносная. Чѣмъ рѣже населеніе, чѣмъ болѣе отдалены отъ небольшихъ, разсыпанныхъ поселеній, городские центры, тѣмъ болѣе развита развозная и разносная торговля. Въ Россіи она не ограничивается тѣми мелкими торговыми

цами, которые съ предметами обычного потреблениі на лоткѣ передвигаются изъ улицы въ улицу и продаютъ свои товары: она имѣть представителями многія тысячи коробейниковъ (оффени, щетинники). Торгуетъ разнообразными товарами, иногда на значительныя суммы, они проходятъ Россію изъ конца въ конецъ и пробираются далеко на западъ, въ славянскія государства.

Въ торговлѣ преобладаетъ оборотный капиталъ, постоянный же незначителѣнъ. Крупный оптовый торговецъ часто не нуждается въ складахъ для своихъ товаровъ, такъ какъ многіе склады устраиваются казною, земствами, городами. Капиталь поперемѣнно является въ товарахъ и деньгахъ. Только небольшая часть рабочей силы, употребляемой въ торговлѣ, представлена простѣйшими, грубыми видами труда, чернорабочими (таковы упаковщики, разсыльные). Огромное же большинство, отъ старшихъ, завѣдующихъ предпріятіями, до младшихъ приказчиковъ и конторщиковъ, состоить изъ людей, для которыхъ нужна известная подготовка, по крайней мѣрѣ, начальное образованіе, а также застать специальныхъ свѣдѣній. Весь этотъ людъ примыкаетъ ближе къ среднему, нежели къ рабочему классу. Вотъ причина, въ силу которой сфера торговли открываетъ меныше простора для борьбы между нанимателями и наемниками, нежели сфера производства.

Торговый промыселъ ведется отдѣльными предпринимателями, а также обществами—полнымъ товариществомъ, товариществомъ на вѣрѣ и акционернымъ обществомъ. Каждый изъ видовъ торговыхъ предпріятій имѣть выгоды и недостатки, указанные нами выше.—Въ сфере торговыхъ оборотовъ нужно отличать одну группу, занимающую своеобразное положеніе: это — скупщики издѣлій ремесленной и, особенно, кустарной промышленности. Со всѣми другими торговцами они имѣютъ ту общую черту, что покупаютъ издѣлія для продажи ихъ съ барышемъ. Но они стоять къ производителямъ въ такихъ отношеніяхъ, что являются какъ бы ихъ хозяевами. Мелкие промышленники, работающіе со своими семьями по деревнямъ, большою частью, такъ отрѣзаны отъ рынка сбыта издѣлій и мѣста добыванія сырыхъ материаловъ для промысла, что скупщики легко принимаютъ на себя нѣкоторыя функции, отличающія хозяевъ промышленныхъ предпріятій. Не имѣя доступа къ мѣстамъ приобрѣтенія сырья, ни денежныхъ средствъ, чтобы выписывать его съ отдаленныхъ рынковъ, кустари получаютъ сырой материалъ отъ скупщика; послѣдній, въ качествѣ приобрѣтателя этихъ материаловъ и распределителя ихъ между промышленниками, исполняетъ функцию предпринимателя. Этотъ мелкій промышленный людъ обыкновенно не имѣть кредита для приобрѣтенія и обновленія орудій производства, а потому

скупщикъ, служа источникомъ такого кредита, косвенно способствуетъ приобретению производителями необходимыхъ имъ орудий; это составляетъ также функцию предпринимателя. Наконецъ, сельские кустари, въ отличие отъ крупныхъ и среднихъ промышленниковъ и даже отъ городскихъ ремесленниковъ, не поддерживаютъ прямыхъ и правильныхъ сношений съ рынками сбыта, а потому и не могутъ следить за измѣненіями въ запросѣ потребителей. И эту обязанность принимаетъ на себя скупщикъ: онъ следитъ за настроениемъ рынка, приобрѣтаетъ новые образцы издѣлій и руководитъ всѣмъ производствомъ кустарно-промышленного района. Разнообразіе функций скупщика и его свобода отъ обязанностей, которые лежатъ на владельца промышленного заведенія, дѣлаютъ его положеніе очень выгоднымъ: первое ставить кустарей въ полную отъ него зависимость и позволяетъ эксплуатировать гораздо больше, нежели то возможно для торговцевъ другихъ разрядовъ; а вторая освобождаетъ отъ риска, съ которымъ связано веденіе промышленного предприятия.

Къ торговому классу слѣдуетъ отнести представителей еще нѣкоторыхъ специальностей; таковы коммиссіонеры, маклера и агенты. Первые, исполняя порученія своихъ довѣрителей по продажѣ товаровъ, торгуютъ отъ своего имени, хотя и не за свой счетъ. Маклера вовсе не ведутъ дѣла отъ своего имени; они сводятъ продавцовъ и покупателей и являются посредниками въ тѣсномъ смыслѣ слова. Подъ агентами принято разумѣть тѣхъ представителей торгового класса, которые исполняютъ порученія отдѣльныхъ торговыхъ домовъ.

Касаясь обычаевъ, которые господствуютъ въ торговомъ классѣ, мы должны отмѣтить чрезмѣрное развитіе кредита, во все не вытекающее изъ существа торговыхъ сдѣлокъ; оно часто ведетъ къ нежелательнымъ послѣдствіямъ. Кредитные отношенія охватываютъ цѣлой сѣтью всѣхъ участниковъ торговыхъ сдѣлокъ. Розничные торговцы, соперничая другъ съ другомъ въ погонѣ за покупателями, отпускаютъ послѣднимъ товары въ кредитъ на полгода и даже на годъ. Это вынуждаетъ ихъ требовать такого же кредита отъ оптовыхъ торговцевъ, а послѣднихъ — отъ производителей. Легкомысленное отношеніе многихъ потребителей къ кредиту, надежда, что, авось, въ будущемъ найдутся средства уплатить за товары, купленные въ долгъ, побуждаетъ ихъ пользоваться кредитомъ слишкомъ широко, затягивать расплату, быть причиной несостоятельности розничныхъ торговцевъ, которая нерѣдко ведетъ къ банкротству оптовыхъ и колеблетъ промышленныхъ предприятий.

Торговля товарами каждой группы имѣть свои техническія особенности. Въ торговлѣ сырыми туземными производеніями участвуютъ всего менѣе посредниковъ: хлѣбъ, масло, молочные

продукты, разные произведения земледѣлія часто поступаютъ отъ производителей непосредственно къ розничнымъ торговцамъ. Товары, привозимые изъ-за границы, уже по отдаленности рынковъ, на которыхъ они приобрѣтаются, поступаютъ первоначально къ оптовымъ торговцамъ, а отъ нихъ—къ розничнымъ. Фабрикаты также гораздо рѣже служатъ предметомъ оптовой торговли: они, большую частью, поступаютъ отъ производителей къ розничнымъ торговцамъ.

Интересенъ вопросъ о сравнительной важности внутренняго и иноземнаго рынковъ для страны, о взаимномъ отношеніи товаровъ, вывозимыхъ за границу, и тѣхъ туземныхъ произведеній, которые потребляются внутри страны. Въ разныхъ странахъ это отношеніе не одно и то же: чѣмъ выше хозяйственное развитіе народа, тѣмъ больше значенія имѣть для него вѣнчаная торговля, тѣмъ большую массу товаровъ вывозить онъ на иноземные рынки. Вычисляютъ, что Франція вывозитъ за границу $\frac{1}{2}$, туземныхъ произведеній (по цѣнности), Германія $\frac{2}{9}$, Великобританія $\frac{3}{7}$, Бельгія болѣе $\frac{1}{3}$. Такимъ образомъ, хотя внутренний рынокъ болѣе важенъ, нежели вѣнчаный, но послѣдній имѣть большое значеніе для всѣхъ экономически развитыхъ народовъ.

Торговый оборотъ совершается при помощи разнообразныхъ приемовъ; некоторые изъ нихъ сложились очень давно и образовали целую систему. Первымъ правиломъ благоразумія служить для каждого торговца возможно дешевая покупка; знакомство съ товарами, съ главными рынками, со временемъ года, когда цѣны наиболѣе низки—вотъ условія, которые облегчаютъ решеніе этой задачи. Если товары покупаются за границей, то торговецъ въ странѣ съ обезцѣнившимися бумажными деньгами долженъ внимательно следить за состояніемъ вексельного курса и платить за приобрѣтенные товары въ такой иностранной валюте, какъ то въ данное время болѣе выгодно. Конечнымъ пунктомъ торговой сдѣлки служить продажа товаровъ по наивысшей цѣнѣ. Въ этихъ видахъ торговцы пользуются рекламиами—объявленіями въ газетахъ, на стѣнахъ, раздачей летучихъ листковъ въ бойкихъ мѣстахъ города, выставкой товаровъ въ окнахъ торговыхъ помѣщений, разсыпкой разъѣзжихъ приказчиковъ съ образцами и пр. Ярмарки занимаютъ выдающееся мѣсто среди мѣръ, которая способствуютъ развитію торговли.

На низкомъ уровнѣ хозяйственнаго развитія ярмарки имѣютъ очень большое значеніе. Неудобопрѣздные пути мѣшаютъ периодически правильному подвозу товаровъ во всѣ мѣста страны, а потому и избираются известные пункты, куда въ опредѣленное время свозятся различные товары. На нижегородскую ярмарку, самую большую на свѣтѣ, привозится това-

ровъ на 170—200 миллионовъ рублей. Цѣнность товаровъ, привозимыхъ на ирбитскую ярмарку, крещенскую и троицкую въ Харьковѣ, составляетъ также десятки миллионовъ. Вольныя ярмарки, устроиваемыя одинъ или нѣсколько разъ въ годъ, теряютъ значеніе по мѣрѣ того, какъ совершаются пути, и торговцы или потребители могутъ во всякое время запасаться нужными имъ товарами. Ярмарки, подобныя нижегородской или южно-русской, дѣлаются излишними при той густотѣ населенія, какъ въ Западной Европѣ. Но и при высокомъ хозяйственномъ развитіи сохраняютъ значеніе специальная ярмарки и еженедѣльные базары. Первые, напримѣръ, скотскія или конные ярмарки собираютъ большое количество скота, разсѣянаго по отдельнымъ хозяйствамъ, даютъ покупателю большой выборъ, избавляютъ его отъ необходимости отыскивать скотъ по многочисленнымъ деревнямъ. Базары въ извѣстные дни недѣли или передъ большими праздниками сосредоточиваютъ сѣѣстные припасы и нѣкоторые другие предметы общаго потребленія. Они полезны въ томъ отношеніи, что соперничаютъ съ мѣстными торговцами и заставляютъ ихъ понижать цѣну.

Ярмарка служить мѣстомъ съѣзда торговыхъ людей и покупателей и мѣстомъ скопления товаровъ. Биржа является особымъ центральнымъ мѣстомъ для торговыхъ сношеній. Биржей, въ тѣсномъ смыслѣ, являются такія мѣста соединенія покупателей и продавцевъ, где нѣтъ на лицо (въ отличіе ярмарки) товаровъ, предлагаемыхъ къ продажѣ. На биржахъ совершаются сдѣлки по поставкѣ данныхъ товаровъ въ извѣстное время и извѣстномъ мѣстѣ. Въ 19 столѣтіи развились специальная биржи, соединяющія людей, которые торгуютъ одними и тѣми же товарами: хлѣбомъ, шерстью; отсюда — хлѣбныя, шерстяныя биржи. Биржи, где совершаются оборотъ съ цѣнными бумагами, не нуждаются въ особыхъ помѣщеніяхъ для товаровъ.

Торговые обороты съ цѣнными бумагами представляютъ такъ много особенностей, что сложилась своеобразная техника биржеваго дѣла. Всѣ торговыя дѣйствія суть бумагами, подобно тому, какъ и съ товарами, имѣютъ цѣлью покупку по дешевой и продажу по дорогой цѣнѣ. Цѣнныя бумаги, въ зависимости отъ условій, которыя повышаютъ и понижаютъ ихъ цѣну, могутъ быть разбиты на два класса: кредитные документы и акціи. Къ первымъ принадлежатъ переводные векселя, употребляемые для платежей за границей; ихъ цѣна колеблется въ зависимости отъ того, велико или мало ихъ предложеніе. Сюда нужно отнести также обезцѣнившіяся бумажныя деньги, ибо они служатъ предметомъ оживленныхъ биржевыхъ сдѣлокъ. Ко второй группѣ относятся акціи промышленныхъ и торговыхъ предприятий; ихъ цѣны повышаются и понижаются въ зависимости отъ того, какъ велики ожидаемые биржей доходы дан-

наго предприятия въ близкомъ будущемъ. Если акція промышленного предприятия, при доходѣ 15 рублей въ годъ, стоить 250 рублей, то предположеніе, что доходъ возрастетъ до 20 рублей, поднимаетъ цѣну акцій и наоборотъ.

Торговля иностранными переводными векселями принимаетъ форму посреднической или арбитража. Для сдѣлокъ первого рода банкиръ имѣть запасъ иностранныхъ векселей, который онъ постоянно пополняетъ покупкою у тѣхъ, кому предстоитъ получать платежи изъ-за границы. Тѣмъ же, кто долженъ платить за границу, онъ или прямо продаетъ девизы (векселя на заграницу) или даетъ на своихъ иностранныхъ корреспондентъ переводные векселя на суммы, которые должны быть уплачены его клиентами, и посыпаетъ своимъ корреспондентамъ купленные девизы въ качествѣ прикрытия. Если векселя, выданные на известную страну, недостаточны, чтобы покрыть всю потребность въ платежѣ, то банкиры, которые принимаютъ на себя посредничество, восполняютъ пробѣлъ векселями на своихъ корреспондентъ, которымъ они даютъ обеспеченіе пересылкой золота или цѣнныхъ бумагъ. Лондонъ занимаетъ первое мѣсто по своему всемирно-посредническому положенію. Онъ служить посредникомъ при платежахъ между покупателями и продавцами, принадлежащими къ городамъ, которые не поддерживаются между собою прямыхъ сношеній.—Для заграничныхъ платежей, наряду съ векселями, употребляются также иностранные бумажные деньги и банковые билеты. Пока эти цѣнныя бумаги имѣютъ своимъ основаніемъ стойкую металлическую валюту, онъ не занимаютъ виднаго мѣста въ торговомъ оборотѣ. Но какъ скоро онъ служить представителями неустойчивой бумажно-денежной валюты, онъ становится излюбленнымъ предметомъ спекуляціи; измѣненія курса представляютъ нерѣдко источникъ крупнаго обогащенія для банкировъ, которые торгуютъ этими цѣнностями. Монеты иноземныхъ государствъ, въ виду измѣнений ихъ цѣнности, также стоять на ряду съ цѣнными бумагами.

Подъ арбитражемъ разумѣются всѣ тѣ торговыя обороты, посредствомъ которыхъ изыскиваются средства къ наиболѣе выгодному произведенію платежей за границей и полученню оттуда суммъ, предстоящихъ къ уплатѣ. Въ этихъ видахъ векселя и другія орудія международныхъ платежей покупаются и продаются на различныхъ биржахъ, тамъ, где то представляется въ данное время болѣе выгоднымъ.

Еще въ двадцатыхъ годахъ прошлаго вѣка векселя были единственными цѣнными бумагами, съ которыми совершились крупные биржевые обороты. Но съ тѣхъ порь разныя капитальныя цѣнности получили выдающееся значеніе. Всѣ капитальныя бумаги, приносящи доходъ (акціи, папи), должны, со-

гласно со своей природой, служить постоянными и прочими помыщением капитала. Но такъ какъ доходности ихъ измѣняется изъ года въ годъ, то цѣны ихъ испытываютъ частыи колебанія, и онѣ служатъ предметомъ оживленныхъ биржевыхъ оборотовъ. Основаніе акціонернаго общества еще не образуетъ торговой операциі; однако, часто бываетъ такъ, что учредители, доставляя на рынокъ выпущенные бумаги, тотчасъ же поднимаютъ на нихъ цѣну. При выпускѣ государственныхъ заемовъ торговъльный людъ принимаетъ уже болѣе близкое участіе. Государства, имѣющія прочный кредитъ, могутъ прямо обращаться къ публикѣ и помыщать свои заемы безъ посредничества торговцевъ. Но и такія государства, особенно при заключеніи небольшихъ заемовъ, предпочитаютъ, для сбереженія времени, поручать банкирамъ помыщеніе заемовъ. Чѣмъ слабѣе кредитъ государства, заключающаго заемъ, тѣмъ большія выгоды извлекаютъ банкиры изъ такого посредничества: они принимаютъ заемъ за свой счетъ по известному курсу, а затѣмъ помыщаютъ его на биржу по болѣе высокой цѣнѣ. Но главные биржевые обороты производятся съ цѣнными бумагами, которыя уже выпущены. Въ этихъ оборотахъ принимаютъ участіе и лица торговаго класса, и другіе владѣльцы денежныхъ капиталовъ. На биржѣ многія покупки совершаются за наличные деньги; но гораздо большая масса сдѣлокъ совершается при помощи кредита и носить характеръ спекуляціи. Владѣльцы цѣнныхъ бумагъ или денегъ помыщаютъ ихъ на текущій счетъ въ банкѣ и подъ это обезпеченіе снова покупаютъ цѣнныя бумаги, чтобы выиграть при возвышеніи ихъ цѣны. Такъ какъ покупаемыя ими бумаги не выдаются имъ на руки, а остаются въ залогѣ у того же банкира, то покупки могутъ быть производимы въ размѣрахъ, которые въ 10—20 разъ превосходятъ денежныя средства покупателя. Предположимъ, что лицо А внесло банкиру вкладъ въ 1.000 рублей. Если цѣнныя бумаги, имъ покупаемыя, отличаются солидностью, то, при помыщеніи ихъ залогомъ у того же банкира, можно купить ихъ на 10,000—20,000; онѣ сами служатъ прикрытиемъ суммы, которая за нихъ уплачена, а находящіеся на текущемъ счету 1,000 рублей служатъ для банкира дополнительнымъ обезпеченіемъ на случай паденія цѣны бумагъ ниже уровня при покупкѣ. Эти сдѣлки не связаны съ опредѣленнымъ срокомъ. Такъ какъ банкиръ имѣеть достаточное обезпеченіе открытаго кредита, то купившій цѣнныя бумаги держить ихъ до тѣхъ поръ, пока повышеніе цѣны не дѣлаетъ выгодною ихъ продажу. Повышеніе можетъ наступить черезъ нѣсколько дней, недѣль, мѣсяцевъ и даже лѣтъ послѣ покупки цѣнныхъ бумагъ.

Инымъ характеромъ отличаются срочные сдѣлки, сдѣлки „на разности“. Заканчиваюсь 30-го или 15-го числа данного мѣсяца

снца, онъ открываютъ широкое поле для крупныхъ выигрышей и большихъ убытковъ. Спекулянтъ, разсчитывая, что цѣна акціи, стоящей въ началѣ ноября 300 рублей, поднимется чрезъ иѣсколько дней до 320, покупаетъ эти акціи съ условіемъ принять ихъ 30-го ноября. Онъ заключаетъ такую сдѣлку въ надеждѣ продать эти акціи по цѣнѣ выше 300 до срока, когда долженъ принять ихъ. Эти спекулянты называются *повышательной* партіей: они выигрываютъ отъ повышенія цѣны бумагъ и заинтересованы во всѣхъ обстоятельствахъ, которые способствуютъ повышенію. Спекулянтъ *понижательной* партіи, продавалъ цѣнныя бумаги на срокъ, обязуясь сдать ихъ по 300 рублей, положимъ, 30-го ноября, надѣется, что до наступленія срока цѣна ихъ понизится, и онъ купитъ ихъ по 280. Для него выгодно пониженіе цѣны бумагъ до истечения срока. Простѣйшіе виды этихъ оборотовъ состоятъ въ томъ, что спекулянтъ, по наступленіи установленного срока, отдаетъ бумаги или принимаетъ ихъ и заканчиваетъ сдѣлку. Обороты становятся болѣе сложными, если, вмѣсто ожидаемаго повышенія, цѣна понизилась или, вмѣсто ожидаемаго пониженія, повысилась. Бываетъ и такъ, что повышеніе или пониженіе цѣны произошло, но въ меньшей степени, нежели того ожидали спекулянты; не желая понести убытокъ, разсчитывая получить выигрышъ позднѣе, напримѣръ, въ концѣ слѣдующаго мѣсяца, они отсрочиваютъ окончаніе сдѣлки. Положимъ, что повышатель купилъ акціи по 300 рублей на 30 ноября. Цѣна въ ноябрѣ не повысилась, а потому, чтобы не терять, спекулянтъ продаетъ ихъ 30 ноября банкиру по биржевой цѣнѣ, положимъ 300, и тотчасъ же покупаетъ у того же банкира на 30 декабря, въ надеждѣ, что повышеніе цѣны въ декабрѣ позволить ему продать акціи съ барышомъ. Банкиръ, купивъ у спекулянта акціи 30 ноября по 300 рублей, тотчасъ же продаетъ ему на 30 декабря не по 300, а по 305, 310, причемъ 5 или 10 рублей служатъ процентомъ банкира за 300 рублей, кредитуемыхъ на 1 мѣсяцъ. Если въ декабрѣ цѣна поднимется до 320 рублей, то спекулянту останется выигрышъ въ 10—15 рублей. Къ такому же продленію сдѣлки обращаются и понижатели. Если въ теченіе ноября цѣна не понизилась настолько, чтобы сдѣлать для нихъ выгодной покупку бумагъ, то 30-го ноября они покупаютъ бумагу у банкира, положимъ по 300, и продаютъ ему же на 30 декабря по 295, 290, въ надеждѣ, что пониженіе цѣны въ декабрѣ позволитъ имъ выгодно выкупить бумаги и сдать банкиру съ барышомъ. Такія сдѣлки нерѣдко растягиваются на иѣсколько мѣсяцевъ. Эти обороты обозначаются терминами *репорт* и *депорт*. Первый есть видъ закладнаго кредита, причемъ банкиръ, дающій деньги (покупающій цѣнныя бумаги), получаетъ эти цѣнныя бумаги въ качествѣ обезщеченія; вторая операция носить

харкеторъ даchi въ ссуду процентныхъ бумагъ до сълдуючої м'ясичной ликвидациі.

Въ экономическоj литературѣ перѣдко выказывается мнѣніе о непроизводительности торговли. Мы находимъ такое воззрѣніе у многихъ древнихъ писателей языческаго міра и отцовъ церкви. Физіократы, исходя изъ того положенія, что торговля не преобразуетъ вещества, относили торговцевъ къ непроизводительнымъ классамъ. Въ новѣйшее время мнѣніе о непроизводительности торговли нашло энергического сторонника въ лице американца Кэри. Однако, нельзя согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Торговля обнимаетъ много разнообразныхъ дѣйствій, посредствомъ которыхъ товары ставятся къ услугамъ потребителей. Торговецъ заботится, главнымъ образомъ, о доставленіи товаровъ въ опредѣленное мѣсто къ извѣстному сроку и о скопленіи въ одномъ и томъ же мѣстѣ товаровъ, которые, образуя одно систематическое цѣлое (напримеръ, предметы пищи или отдельные классы предметовъ пищи), покупаются одновременно. Такимъ образомъ, большая часть торговыхъ дѣйствій состоите въ перемѣщеніи товаровъ. Независимо отъ полезности и необходимости этихъ дѣйствій для потребителей, они должны быть отнесены къ производительнымъ и потому, что процессъ производства, въ тѣсномъ смыслѣ слова, обнимаетъ много актовъ, состоящихъ въ перемѣщеніи благъ: металлы передвигаются изъ рудниковъ на заводы, щерсть и хлопокъ—изъ овцеводческихъ хозяйствъ и плантацій на фабрики. Процессъ преобразованія вещества (или производства въ тѣсномъ смыслѣ слова) не можетъ быть выполненъ безъ передвиженія сырыхъ и вспомогательныхъ материаловъ. Процессъ производства не можетъ считаться оконченнымъ до тѣхъ поръ, пока не совершилось послѣднее перемѣщеніе продуктовъ къ потребителямъ. Поэтому торговля дѣйствія съ товарами производительны. Существо ихъ не измѣняется отъ того, ведутъ-ли ихъ производители или особый классъ—торговцы. Образованіе особыго класса торговцевъ основано на томъ же принципѣ, который проникаетъ общественное раздѣленіе труда. Запасъ денежныхъ капиталовъ въ рукахъ людей, не занимающихся промышленными дѣлами, позволяетъ имъ или вести торговые обороты, или выдавать деньги въ ссуду для веденія торговли.

Какъ въ предѣлахъ одной страны торговля способствуетъ размѣщению разныхъ отраслей производства по территории, согласно съ выгодами, которая представляютъ для промышленности отдельныя области, такъ въ отношеніяхъ между народами она позволяетъ каждому государству сосредоточиваться преимущественно на тѣхъ отрасляхъ, которая находитъ для себя наиболѣе благопріятныя условія. Англійскіе экономисты-классики установили положеніе, что два народа могутъ съ обо-

юдною выгодою обмѣниваться продуктами, если одинъ изъ нихъ во всѣхъ отрасляхъ труда стоитъ далеко впереди и если у него всѣ товары могутъ быть добываемы и изготавляемы болѣе дешево. Такъ, напримѣръ, если Англія производить дешевле, чѣмъ Россія, и сукно и полотно, то русскія полотна могутъ съ выгодою обмѣниваться на англійскія сукна, разъ Англія пользуется большимъ преимуществомъ въ производствѣ сукна, чѣмъ въ изготавленіи полотна. Со средоточивая свои силы на производствѣ сукна, она получаетъ выигрышъ; будетъ имѣть выгоды и Россія отъ сосредоточенія своего труда на изготавленіи полотна. Допустимъ, что данное количество сукна стоитъ въ Англіи 100 дней, а въ Россіи—200 дней труда, а данное количество полотна въ Англіи—125, въ Россіи же—150 дней труда: обѣ страны могутъ съ выгодою обмѣниваться этими товарами: производя для себя полотно и сукно, Англія затратила бы 225 дней труда, а Россія 350; сосредоточеніе же въ Англіи рабочихъ силъ на сукнѣ, а въ Россіи на полотнѣ дѣлаетъ для первой необходимымъ употребить только 200 рабочихъ дней, а для второй—300; оба народа сберегутъ (не считая расходовъ на перевозку) 75 рабочихъ дней. Эта выгода международной торговли, отмѣченная Рикардо и Дж. Ст. Миллемъ, связана и съ внутренними торговыми сношеніями. Многія мѣстности приуральского края (особенно Пермской губерніи) получаютъ рожь изъ Вятской, хотя первыя имѣютъ не менѣе благопріятныя условія для производства хлѣба, нежели тотъ край, который снабжаетъ ихъ. Торговые сношенія, выгодные для своихъ округовъ, могутъ поддерживаться между ними потому, что горнозаводескіе округа Пермской губерніи получаютъ крупный выигрышъ отъ сосредоточенія труда населенія на горнозаводскомъ дѣлѣ.

Развитіе торговли способствуетъ наиболѣе цѣлесообразному географическому распределенію производства въ странѣ, если не встрѣчается на пути искусственныхъ мѣръ, которыми правительство стремится дать отечественной промышленности извѣстное направление. Это не въ равной степени приложимо къ каждой отдельной странѣ и къ совокупности государствъ, связанныхъ торговыми сношеніями. Племенное единство населенія, общій языкъ, нравы и обычай облегчаютъ въ отдельной странѣ передвиженіе людей по территории и, при достаточно развитой гражданской свободѣ, побуждаютъ устроивать промышленные заведенія каждой отрасли тамъ, где то наиболѣе выгодно. Если страна обладаетъ довольно густой сѣтью путей и равномерной плотностью населенія, то торговля способствуетъ уравненію прибыли и заработной платы. Такіе результаты въ меньшей степени достигаются даже развитой международной торговлей. Капиталы передвигаются изъ одной страны въ другую довольно

легко, но люди не такъ охотно оставляютъ родину и избираютъ новую обѣдность за границей, какъ любятъ мѣстожительство въ предѣлахъ своего отечества. Политический и, еще болѣе, бытовая связи держать ихъ на родинѣ. А потому, даже при очень развитой международной торговлѣ, многое остаются у привычного занятія въ своемъ отечествѣ и примиряются со значительнымъ понижениемъ прибыли и заработной платы.

Большая часть нападокъ, которымъ подвергаются торговли и торговые классы со стороны науки и практики, можетъ быть признана умѣстною по отношенію къ розничной торговлѣ. Оптовую торговлю нельзя упрекнуть въ томъ, будто она поглощаетъ слишкомъ много силъ, будто число торговцевъ болѣе велико, нежели то было бы нужно для исполненія всѣхъ функций, которая лежать на нихъ; оно не можетъ быть слишкомъ велико уже потому, что для веденія оптовой торговли нуженъ большой капиталъ, а число людей, владѣющихъ крупными капиталами, ограничено. И по существу дѣла въ оптовой торговлѣ не можетъ быть затрачиваемо слишкомъ много капитала и личныхъ силъ: крупныя предпріятія, разъ они проложили себѣ путь въ извѣстную область, проявляютъ сильную наклонность къ монополизированію данной отрасли, къ поглощенію менѣе крупныхъ торговыхъ единицъ. Нѣть основанія обрушиваться на оптовую торговлю и за тѣ разнообразныя ухищренія и мошенническія продѣлки, которая обнаруживаются въ ней и которая по отношенію, напримѣръ, къ русской хлѣбной торговлѣ, всѣмъ извѣстны и стали общимъ мѣстомъ. Мошенническія продѣлки, гораздо болѣе распространенные въ розничной торговлѣ, нежели оптовой, не связаны съ существомъ торговыхъ сдѣлокъ; они обусловливаются уровнемъ культуры въ данной странѣ. Лицо, недобросовѣстное въ торговлѣ, будетъ недобросовѣстно и въ каждомъ иномъ занятіи.

Розничная же торговля въ значительной мѣрѣ заслуживаетъ упреки, которые дѣлаютъ торговому классу. 1) Она поглощаетъ гораздо больше личныхъ силъ и отчасти средства, нежели то было бы нужно для раздробительной продажи товаровъ. Она привлекаетъ къ себѣ весьма многихъ людей сть маленькими денежными средствами потому, что служить легкимъ занятіемъ, не требуетъ отъ человѣка большаго напряженія силъ. Лавочникъ можетъ спокойно сидѣть за прилавкомъ въ ожиданіи покупателя; даже при оживленномъ сбытѣ онъ работаетъ далеко не такъ напряженно, какъ фабричный работникъ или самостоятельный ремесленникъ. Сюда привлекаютъ многихъ соображенія и о томъ, что маленький капиталъ, доставляя относительно большой доходъ, даетъ человѣку достаточное обеспеченіе. По вычисленіямъ, которая были сдѣланы въ Парижѣ, розничные цѣны превосходятъ оптовые на 12—25%.

для молочныхъ продуктовъ, на 60%—для чаю, на 50—100% для риса и высшихъ сортовъ муки. Вследствіе этого возникаетъ множество розничныхъ лавокъ, и значительная часть рабочей силы лавковладѣльцевъ и ихъ расходовъ на помѣщеніе, отопленіе, освѣщеніе составляетъ прямую потерю для народнаго хозяйства. 2) Розничная торговля, какъ показываютъ приведенные цифры, сильно удорожаетъ товары: здѣсь стороны не равносильны. Въ оптовой торговлѣ контрагентами (таковы оптовый торговецъ и покупающій у него розничный) являются лица, для которыхъ купля-продажа служить специальнымъ занятіемъ: эти лица равно знакомы съ состояніемъ рынка, цѣнами; они и желаютъ получить отъ купли-продажи наибольшую выгода и имѣютъ для того полную возможность. Въ розничной торговлѣ продавцу-специалисту противостоитъ потребитель, поверхность знакомъ съ состояніемъ рынка и цѣнами товаровъ. При мелкихъ покупкахъ потребители достаточныхъ классовъ вовсе не цѣнятъ маленькихъ сбереженій, которыхъ могутъ быть сдѣланы. 3) Со второй темной стороной связана и третья—очень распространенная подделька товаровъ, продажа суррогатовъ вместо многихъ предметовъ настоящей добротности. Непримѣтность большинства потребителей относительно многихъ товаровъ (чай, кофе, вино, пиво) облегчаетъ поддельки и пользованіе суррогатами, а большое соперничество между розничными торговцами и трудность выдерживать борьбу при очень маломъ капиталѣ заставляетъ многихъ людей этого класса широко пользоваться такими приемами.

Въ послѣднія десятилѣтія сложились новые типы торговыхъ предпріятій, которые направлены на сокращеніе розничной торговли. Во-первыхъ, большие магазины, ведущіе розничную торговлю въ огромныхъ размѣрахъ. Въ Парижѣ, Лондонѣ, Нью-Йоркѣ, Берлинѣ и нѣкоторыхъ другихъ большихъ городахъ есть магазины, торгующіе самыми разнообразными предметами потребленія, съ годовымъ оборотомъ въ миллионы и десятки миллионовъ рублей. Такіе магазины, благодаря относительно меньшимъ расходамъ на наемъ помѣщенія, отопленіе, благодаря цѣлесообразному раздѣленію труда между приказчиками, могутъ продавать товары значительно дешевле. А продавать товары хорошаго качества побуждаетъ ихъ также сознаніе, что они могутъ поддерживать свою репутацію и сохранять за собою большое число покупателей только при добросовѣстномъ веденіи дѣла. Вторымъ типомъ служатъ потребительныя товарищества. Въ отношеніи техническомъ они представляютъ полное сходство съ первымъ типомъ, но, экономически, обладаютъ тѣмъ важнымъ преимуществомъ, что члены, связанные артельнымъ началомъ, получаютъ очень крупныя сбереженія при закупкѣ товаровъ въ складахъ потребительныхъ обществъ.

Потребительская товарищество достигли наибольшаго расширения въ Англії; иѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ многомиллионные годовые обороты. Нужно признать полезными предпрѣятія этихъ обоихъ видовъ. Какъ въ области производства мелкія промышленныя заведенія уступаютъ крупнымъ, такъ и въ области розничной торговли крупныя торговыя предпрѣятія, основанныя на коммерческомъ началѣ (акціонерные магазины) и на началѣ артельномъ (потребительскія общества), должны вытѣснить мелкую розничную торговлю. Насколько непосильна эта борьба для послѣдней, видно изъ ожесточенной вражды, съ которой во многихъ городахъ Англії, Франціи, Германіи, Италии мелкіе розничные торговцы относятся къ большимъ магазинамъ и потребительскимъ товариществамъ.

Признавая полезность торговли товарами при правильномъ, периодическомъ приобрѣтеніи ихъ и продажѣ, мы должны совсѣмъ иначе отнести къ спекуляціи. Спекуляція, образуя также видъ торговли, отличается лихорадочнымъ движениемъ. Торговцы, въ ожиданіи высокихъ цѣнъ на товаръ, закупаютъ большия его запасы и начинаютъ продавать не прежде, чѣмъ наступило рѣзкое повышеніе цѣны, которое даетъ скучицамъ барыши, далеко превосходящіе средній уровень. Всякий товаръ можетъ быть предметомъ спекуляціи: но особенно благодарное поле представляютъ для спекулятивной дѣятельности тѣ товары, которые служатъ предметами необходимаго потребленія и количество которыхъ не можетъ быть увеличено въ короткое время; хлѣбъ изстари занимаетъ между ними первое мѣсто. Такъ какъ спекулятивная закупка товаровъ искусственно вызываетъ въ нихъ недостатокъ и возвышаетъ цѣну, то она должна быть признана вредною съ точки зренія народнаго хозяйства.

Торговля цѣнными бумагами, не столь важна, какъ торговля товарами, также имѣть народнохозяйственное значеніе. Биржевые обороты суть переводными векселями, посредствомъ которыхъ совершаются заграничные платежи, становятся необходимы, какъ скоро страна примкнула къ международному обмѣну. Можно признать полезными обороты по покупкѣ и продажѣ цѣнныхъ бумагъ, насколько эти обороты содѣйствуютъ размѣщенію ихъ въ средѣ капиталистовъ. Но биржевая игра, срочные сдѣлки лишены всякаго народнохозяйственного значенія: что выигрываетъ одинъ, то проигрываетъ другой. Биржевую игру можно считать умѣренно вредной до тѣхъ поръ, пока въ ней участвуютъ только группы биржевыхъ дѣльцовъ, отставшихъ отъ серьезнаго труда или вовсе къ нему неспособныхъ. Но она приноситъ большой вредъ, имѣть развращающее вліяніе, какъ скоро привлекаетъ къ себѣ людей изъ такихъ группъ населенія, которымъ занимаются правиль-

нымъ трудомъ: удачныя биржевыя сдѣлки нерѣдко отталкиваютъ многихъ изъ нихъ отъ обычныхъ, полезныхъ занятій. Убытки, причиняемые биржевой игрой, могутъ быть ярко освѣщены напоминаніемъ о спекулятивной горячкѣ, которая господствовала въ Парижѣ въ концѣ 1895 и началѣ 1896 годовъ. Предметомъ спекуляціи были акціи африканскихъ золотопромышленныхъ обществъ. Ихъ высшій курсъ (въ октябрѣ 1895) былъ въ 10, 15, 20 разъ выше низшаго (февраль 1896). Высшій и низшій курсы акцій были: общества Watana 1.000 франковъ и 62, общества Lyonnaise Mexican—50 и 2, Black Flag—55 и 2 и т. п. Общая биржевая цѣна 176 обществъ упала съ 5.319. 249.390 на 2.079.811.641 франковъ.

Все сказанное позволяетъ установить такія общія начала для внутренней торговой политики. 1) Торговля внутри государства должна пользоваться наибольшою свободой. Требованіе свободы содержитъ въ себѣ осужденіе всѣхъ мѣропріятій, посредствомъ которыхъ правительство старается искусственно развить торговлю въ какой-либо одной области государства, съ пренебреженіемъ къ другимъ областямъ (особыя льготы, субсидіи и проч.). Требованіе свободы не примиряется также съ запрещеніемъ кому-либо вести торговое предпріятіе, разъ лицо выполнило необходимыя формальности. 2) Можно оправдать ограниченіе свободы относительно тѣхъ видовъ торговли, гдѣ обществу можетъ быть нанесенъ значительный ущербъ. Такова прежде всего скупка хлѣба. Необходимость его для всего населения, тяжелая послѣдствія, которыя влечетъ за собою недостатокъ хлѣба для бѣднѣйшихъ классовъ, возмутительная для нравственного чувства жажды наживы въ то время, когда бѣднѣйшие страдаютъ отъ голода—все это оправдываетъ вмѣшательство государства въ хлѣбную торговлю. Слѣдуетъ одобрить также известныя ограниченія торговли ядовитыми и сильно дѣйствующими веществами.—Повидимому, полезно ограниченіе и даже запрещеніе биржевой игры. Факты показываютъ, однако, что эти ограниченія не приводятъ къ цѣли: биржевые обороты съ цѣнными бумагами не оставляютъ материальнаго слѣда, а потому биржевыя сдѣлки всегда могутъ скрыться отъ преслѣдованія закона. Но государственная власть можетъ препятствовать развитию и оживленію этихъ сдѣлокъ такой финансовой политикой: а) Полнымъ воздержаніемъ отъ заключенія лотерейныхъ займовъ и запрещеніемъ такихъ займовъ въ земскихъ и городскихъ финансовыхъ хозяйствахъ, такъ какъ они служатъ любимымъ предметомъ биржевой спекуляціи. б) Помѣщеніемъ государственныхъ займовъ прямо въ публикѣ посредствомъ подписанія въ государственныхъ учрежденіяхъ: такой порядокъ способствуетъ переходу большей части облигаций государственныхъ долговъ въ руки лицъ, желающихъ прочно

помъстить сбереженія. в) Въ странѣ, гдѣ государству принадлежать самыя крупныя кредитныя учреждениа, правительство имѣть отличное средство противъ биржевой игры: отвлеченіе свободныхъ капиталовъ изъ крупныхъ торговыхъ средоточий и направлениe ихъ въ мелкіе города и поселенія для потребностей сельскаго хозяйства и мелкой промышленности. При такомъ порядкѣ замедляется переполненіе биржи процентными бумагами.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Политика внешней торговли.

Литература. *Ад. Смитъ.* О богат. народ. *Рикардо.* Основанія. *Дж. Ст. Милль.* Основанія. *Инжузъ.* Англійская свободн. торговля. 2 т. 1876 и 1882. *Sieveking.* Auswârtige Handelspolitik. 1905. *Grunzel.* System der Handelspolitik. 2 Aufl. 1906. *Въ пользу покровител. таможен. политики: List.* Das nationale System der politisch. Oekonomie. Нов. изд. 1883. *Кэрн.* Руководство къ соціальн. наукѣ. *Taussig.* Protection to young industries. 1883. *Менделевъ.* Толковый тарифъ. 3 вып. 1891. *Patten.* Les fondements économiques de la protection. 1899. *Diehl.* Kornzoll u. Socialreform. 1901. *Wagner.* Agrar-u.-Industriestaat. 2 изд. 1902. *Pöhle.* Deutschland am Scheidewege. 1902. *Въ пользу свободн. торговли* см. *Bastiat.* Les sophismes économiques. 2 т. и рус. перев. *Chevalier.* Examen du système commercial connu sous le nom de système protecteur. 2 изд. 1852. *Иванюковъ.* Лекціи. *Fawcett.* Free trade or protection. 1885. *Wells.* Practical Economics. 1887. *George.* Free trade or protection. 1886. *Sumner.* Protectionism. 1887. И въ рус. перев. *Его же.* Lectures on the History of Protection in the United States. 1888. *Исаевъ.* Народное богатство и таможен. политика. *Рус. Мысль.* 1889, V П. *Его же.* Таможенные налоги и сельское хозяйство. *Вѣстн. Знан.* 1904, VII. *Brentano.* Die Schrecken des überwiegenden Industriestaats. 1901. *Huber.* Deutschland als Industriestaat. 1901. *Mombert.* Die Belastung der Arbeitereinkommens durch die Kornzölle. 1901. *Schäffle.* Die agrarische Gefahr. 1902. *Harold Cox.* The policy of free imports. *Его же.* British industries under free trade. 1903. *Дабы ознакомиться со средними воззрѣніями* см. *Roscher.* System. III. *Lexis.* Handel u. Schönberg'a, II. *Lotz.* Die Ideen der deutschen Handelspolitik. 1892. *Poincaré.* Libre échange et protection. 1893. *Schmoller.* II. Ср. также Г. Ю. Торговый балансъ и его значение. *Вѣстн. Евр.* 1875, VI. *Головачовъ.* Свобода торговли и протекціонизмъ. *Вѣстн. Евр.* 1876, V. *Исаевъ.* Протекціонизмъ передъ судомъ новыхъ американск. экономистовъ. *Вѣстн. Евр.* 1888, XI. Для ознакомл. съ русской таможен. политикой мог. служить *Лодыженскій.* Исторія русск. таможен. тарифа. 1886. Материалы къ пересмотрю общаго таможен. тарифа по европ. торговлѣ Росс. Имперіи. 1887. Ходатайство Императорскаго Вол. Экон. Общ. обѣ измѣненій въ русск. тамож. тарифѣ. 1890. *Радицъ.* Вліяніе таможен. тарифа па промышл. Экон. Журн. 1886, XX—XXI. Z. Излишества и увлеченія протекціонизма. *Вѣстн. Евр.* 1890, XII. Иксъ. Шансами забросятъ. Экон. Журн. 1893. *Zweig.* Die russische Handelspolitik seit 1877. 1906. *О торгов. политикѣ иностр. государствъ,* см. *Schriften des Vereins für Socialpolitik.* XI-X. Die Handelspolitik der wichtigeren Kulturstaaten

in den letzten Jahrzehnten. 4. В. 1892. *Rabbeno*. The American Commercial Policy. 1895. *Franke*. Der Ausbau des heutigen Schutzzollsystems in Frankreich. 1903. *Blondel*. La politique protectionniste en Angleterre. 1904. *Schulze-Gävernick*. Britischer Imperialismus u. englischer Freihandel. 1906. *O топоровъ, договорахъ*, см. *Boite u. Les traités de commerce*. 1863. *Kenipp*. Die Handelspolitik Frankreichs seit 1868. 1883. *Schraut*. System der Handelsverträge u. d. Meistbegünstigung. 1886. *Vosberg-Rekow*. Die Handelsverträge des Jahres 1903. 1900. *Schuhmacher*. Autonomer Tarif u. Handelsverträge. 1901. *Calwer*. Arbeitsmarkt u. Handelsverträge. 1901. *Gothcin*. Der deutsche Außenhandel. 1901. *Meyer*. Die zukünftige Richtung unserer Handelspolitik. 1904. *Dietzel*. Der deutsch-americanische Handelsvertrag. 1905. *Schippel*. Amerika u. die Handelsvertragspolitik. 1906. Дальнійша указ. на литературу см. въ *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*, IV.

I.

Въ основаніи сложной системы мѣропріятій, которая стѣсняютъ свободу виѣшней торговли, лежать два факта. 1) Развличія между странами относительно климата, почвы, запаса минеральныхъ богатствъ и другихъ условій виѣшней природы, а главное, относительно трудовой силы и рабочаго искусства населения. 2) Сознаніе правительства, что наиболѣе многостороннее развитіе производительныхъ силъ туземного населенія, купленное даже цѣною значительныхъ жертвъ, облегчаетъ успѣхи хозяйства и упрочиваетъ политическое могущество.

Рѣзкія и неустранимыя различія между странами въ условіяхъ виѣшней природы, въ климатѣ и естественныхъ богатствахъ не могли бы повести къ многочисленнымъ и разнообразнымъ стѣсненіямъ виѣшней торговли, которая сохранились до настоящаго времени. Если одна страна производить чай, кофе, пряности, а другая—хлѣбъ, шерсть, холстъ и сукно, если первая изобилуетъ благородными металлами и слоновой костью, а вторая—льсомъ и рыбой, то качественная различія въ родѣ производимыхъ товаровъ велики, неустранимы: здѣсь нѣть почвы для зарожденія и развитія мысли, что все эти продукты жаркихъ странъ могутъ быть добываемы у народовъ умѣреннаго климата, а потому нѣть основаній для сложной опеки надъ виѣшнею торговлей. Товары, ввозимые изъ такихъ странъ, нерѣдко оплачиваются высокими таможенными налогами; но налоги имѣютъ исключительно финансовое значеніе,—служать для пополненія государственной казны.

Къ инымъ послѣдствіямъ приводятъ различія въ трудоспособности населения и рабочемъ искусствѣ между странами, которые пользуются приблизительно сходными условіями виѣшней природы. Если виѣшняя природа позволяетъ каждой изъ странъ, которая поддерживаетъ между собою торговыя сношенія, производить одни и тѣ же продукты добывающей и обработывающей промышленности, то не одинаково высокій уровень

общественного развития въ эпохѣ труда и знаній техническихъ знаній не позволяютъ производить эти продукты съ одинаковыми затратами труда и поставлять ихъ по одной и той же цѣнѣ на внутренний или иноземный рынокъ. Россия, Германія, Франція, Англія, Соединенные Штаты могутъ производить и производить большую часть товаровъ, которые, вообще, изготавливаются въ предѣлахъ европейско-американского міра, но каждая изъ этихъ странъ изготавливаетъ известную группу товаровъ при условіяхъ, отличныхъ отъ тѣхъ, которыми пользуется производство ихъ въ другихъ странахъ. Эти обстоятельства наводятъ на вызывають въ наукѣ и правительственныехъ кругахъ вопросъ, насколько оправдывается безпрепятственный ввозъ изъ-за границы товаровъ, которые производятся и въ данномъ государствѣ. Психологически этотъ вопросъ въ своемъ простѣйшемъ видѣ представляется вполнѣ естественнымъ. Разъ Россія не производить чаю или кофе, то русскимъ людямъ и въ голову не приходитъ, изъ соображеній о покровительствѣ туземной промышленности, радоваться затрудненію ввоза этихъ товаровъ. Но неудивительно, если правительство и населеніе страны съ неудовольствіемъ смотрятъ на ввозъ такихъ заграничныхъ товаровъ, которые изстари производятся внутри государства. Чувство солидарности между правительствомъ и промышленными классами, независимо отъ всякихъ теорій, вызываетъ желаніе удержать внутренний рынокъ за туземными производителями. А такъ какъ удержаніе за собой рынка, посредствомъ усовершенствованія промышленности, требуетъ разнообразныхъ поощрительныхъ мѣръ, для которыхъ руководящимъ кругамъ нужны развитой умъ и большая твердость воли, то обращаются къ нехитрому средству — вовсе не допускать въ страну заграничныхъ товаровъ или же затруднять ихъ ввозъ таможенными налогами.

Люди обыкновенно стараются найти разумное основаніе для неразумнаго образа дѣйствій. Въ основѣ стѣсненій, которымъ подвергается ввозъ иноземныхъ товаровъ, лежитъ только стремленіе вліятельныхъ классовъ къ наиболѣшимъ хозяйственнымъ выгодамъ. Но наука постепенно укрѣпляетъ въ обществѣ и правительствѣ убѣжденіе, что страна, для развитія своего богатства и упроченія политического могущества, должна воспитать разнообразныя отрасли производства, даже всѣ отрасли, которая мало-мальски могутъ примириться съ особенностями вѣнчайшей природы. Это убѣжденіе, слагавшееся въ литературѣ отъ временъ меркантилистовъ, имѣло вліяніе на правительства, побуждало ихъ считать высокіе таможенные налоги главнымъ средствомъ для развитія внутри страны многихъ отраслей производства. Старались поддерживать не только тѣ, которымъ укоренились изстари и достигли значительныхъ размѣръ, но и

тѣ, которые сдва зарождались, не имѣли благопріятныхъ условій для развитія и требовали много искусственныхъ мѣръ для своего упроченія.

Самой грубой формой торговой политики служить запрещеніе вывозить за предѣлы страны наличныя деньги и благородные металлы. Въ основѣ такой политики, принятой европейскими государствами съ 17 вѣка, лежало ученіе меркантилистовъ, что благородные металлы служатъ главными выражителями богатства. Это и заставило стремиться къ увеличенію ихъ запаса въ странѣ. Отсюда—теорія такъ называемаго *торгового баланса*, въ силу которого считали для страны вѣшнюю торговлю выгодною лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда цѣнность товаровъ, вывозимыхъ изъ страны, превышаетъ цѣнность ввозимыхъ, и когда за излишекъ страны ежегодно получаетъ съ иностранцевъ приплату благородными металлами.—Мнѣніе, что перевѣсь вывоза надъ ввозомъ выгодна, проискало путь нѣвѣрнаго представленія о вѣшней торговлѣ, какъ главномъ источникѣ народного богатства. Заблуждались, думая, что страна всего скорѣе богатѣеть, если получаетъ благородные металлы. Упускали изъ вида, что приливъ въ страну не золота и серебра, а разныхъ товаровъ (выражающейся въ перевѣсѣ ввоза надъ вывозомъ) можетъ доставлять народу орудія и сырье матеріалы, которые способствуютъ развитію туземной промышленности и часто могутъ болѣе прочно увеличивать народное богатство.

Грубая теорія торгового баланса постепенно уступила мѣсто теоріи *расчетнаго баланса*. Уже въ 17 вѣкѣ начинали приходить къ заключенію, что результаты одной вѣшней торговли не служатъ ручательствомъ, что страна получить отъ иноземцевъ приплату наличными деньгами или должна будетъ послать имъ благородные металлы для уплаты разницы. Будучи связана съ иноземными народами не только торговыми сношеніями, но и разнообразными долговыми обязательствами (уплата за границу процентовъ и погашенія по государственнымъ долгамъ, платежи по долгамъ промышленныхъ обществъ, платежи иностраннѣмъ желѣзнымъ дорогамъ и судамъ за перевозку товаровъ данной страны и проч.), страна можетъ имѣть благопріятный, въ смыслѣ меркантилистовъ, торговый балансъ, но невыгодный платежный балансъ и наоборотъ. Англія послужить намъ примеромъ, дабы уяснить это положеніе.—За 10-лѣtie 1893—902 годовъ средній ежегодный перевѣсь цѣнности ввоза надъ вывозомъ составлялъ въ Англіи 161 миллионъ фунтовъ стерлинговъ. Этому минусу нужно противопоставить слѣдующія статьи. 1) Платежи иностранцевъ Англіи за перевозку людей и товаровъ на английскихъ судахъ. За это время они достигали 90 миллионовъ фунтовъ въ годъ. Важность этого источника дохода видна изъ того,

что въ концѣ 1905 года вмѣстимость торгового флота всей Британской имперіи достигла 15 миллионовъ тоннъ, тогда какъ флоты Германіи и Соединенныхъ Штатовъ, занимающихъ второе и третье мѣста, имѣли въ совокупности неполныхъ 4.800,000 тоннъ.

2) Проценты и дивиденды на англійскіе капиталы, помѣщенные заграницей: для начала 20 вѣка ихъ опредѣляются суммою не менше 100 миллионовъ фунтовъ ежегодно ¹⁾). Этотъ доходъ возрастаетъ безостановочно: вычисляются, что капиталы, помѣщенные Англіей заграницей, увеличиваются ежегодно на 50 миллионовъ фунтовъ.

3) Прибыль торговцевъ, живущихъ въ Англіи, но ведущихъ дѣла заграницей: таковъ, напримѣръ, лондонскій купецъ, который покупаетъ хлопокъ въ Соединенныхъ Штатахъ и продаетъ его въ Гамбургѣ для бумагопрядильнъ материка Европы.

4) Барыши лондонскихъ банковъ отъ сдѣлокъ съ иностранцами. Лондонъ остается и до сихъ поръ главнымъ мѣстомъ оборотовъ съ переводными векселями. Векселя, написанные на фуанты стерлинговъ, играютъ въ сношеніяхъ между народами болѣе выдающуюся роль, нежели векселя на франки или марки, и доставляютъ крупную прибыль лондонскому банкирскому міру.

Китаецъ, продавшій чай въ Россію, птальянецъ, продавшій сѣру въ Соединенные Штаты, оплачиваются векселями въ англійской валють; Соединенные Штаты уплатили Испаніи за Кубу при посредствѣ лондонскихъ банковъ; чрезъ нихъ же Китай выплатилъ Японіи военную контрибуцію.

— Лондонскіе банки выручаются также значительныя суммы изъ покупки процентныхъ бумагъ для заграничныхъ клиентовъ. Германскій законъ о сдѣлкахъ на разность стѣснилъ берлинскую биржу и содѣйствовалъ оживленію этихъ оборотовъ въ Лондонѣ.

До изданія этого закона на берлинской биржѣ совершалось множество такихъ сдѣлокъ не только туземцами, но и иностранцами,—правительствами и частными лицами. Съ послѣднихъ же годовъ 19 вѣка значительная часть этихъ операций передвинулась въ Лондонъ; въ этихъ видахъ лондонскіе банки содержать многочисленныхъ агентовъ при иностраннѣхъ биржахъ; число этихъ представителей возрастаетъ съ каждымъ годомъ.

5) На улучшеніе платежнаго баланса влияетъ также усиленный притізъ иностранцевъ въ Англію. Многіе американскіе богачи ежегодно проводятъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Лондонѣ; англичане женятся на богатыхъ американкахъ и многомилліонныя приданыя, накопленныя за океаномъ, поступаютъ въ составъ англійскаго народнаго хозяйства.—Все это объясняетъ, почему англичане, не взирая на пассивный торговый, имѣютъ активный платежный балансъ, перевѣсъ ввоза благородныхъ металловъ надъ вывозомъ.

Въ 1905 и 1906 годахъ въ Англію было привезено золота и серебра ежикомъ на 11-1½ миллиона фунтовъ стерлинговъ, а вывезено на 106½ миллиона

фунтовъ. Перевѣсъ въ пользу Англіи достигалъ 8 миллионовъ фунтовъ.

Въ Россіи же мы часто наблюдаемъ въ концѣ 19 вѣка вы-годный для насъ торговый балансъ, но не выгодный платежный, и, по цѣнности, перевѣсъ вывоза благородныхъ металловъ надъ ввозомъ.

Итакъ, теорія торговаго баланса не пригодна; она не можетъ оправдать сложную систему таможенныхъ мѣропріятій.

Теперь пользуются обыкновенно другимъ доводомъ, — что закрытіе внутренняго рынка для иностраннныхъ товаровъ раз-виваетъ туземную промышленность и даетъ заработокъ мест-ному населенію.

Эти воззрѣнія были всего лучше развиты въ трудахъ Фрид-риха Листа. Онъ исходитъ изъ положенія, что страна, гдѣ трудъ населенія посвящается исключительно земледѣлію, не поль-зуется многими естественными производительными силами, ко-торая ей даровала природа. Въ странахъ умѣренного климата есть всеѣ даннныя для того, чтобы народъ развилъ обрабатывающу промышленность, торговлю и упрочилъ свою хозяйствен-ную и политическую мощь посредствомъ образованія колоній. По мнѣнію Листа, свободная международная торговля желательна; но она не пригодна до тѣхъ поръ, пока народы стоять не на одномъ и томъ же уровнѣ экономического развитія. Такъ какъ уровень не одинаковъ, то народы отсталые должны охра-нить свою промышленность таможеннымъ налогомъ отъ опере-дившихъ ихъ сосѣдей.

Сторонники покровительственной таможенной политики вы-сказываютъ также мнѣніе, что страна, оградившая свои границы таможенными заставами, можетъ быть свободна отъ кризисовъ, которые по временамъ потрясаютъ народы, участвующіе во всемирной торговлѣ. Съ легкой руки Кэри, защитники покро-вительственной таможенной политики пользуются и тѣмъ до-водомъ, что вывозъ за границу сырья равносителенъ вывозу производительныхъ силъ почвы, а потому въ странѣ должны быть развиты разныя отрасли промышленности, которая пере-работываютъ сырье. Наконецъ, выдвигается аргументъ, что вы-сокіе таможенные налоги, устранивъ соперничество извѣй, не причиняютъ никому ущерба, ибо потребители, вынужденные дороже платить за иѣкоторые товары, вознаграждаютъ себя при-бытѣ продуктовъ своего труда.

Остановимся на доводахъ американского экономиста Паттена. Онъ не хочетъ строить общую теорію покровительственной таможенной политики: онъ допускаетъ, что она не нужна для иѣкоторыхъ народовъ; но она имѣеть большое значеніе для Соединенныхъ Штатовъ. Многіе народы Европы достигли ста-тическаго состоянія; всеѣ условія ихъ жизни таковы, что

приходится только охранять приобретенное. Американцы же находятся въ состоянии динамическомъ; они могутъ подняться на болѣе высокій уровень, чѣмъ страны Старого Сибѣта; почва въ Америкѣ дѣятельна, чего почти вѣтъ въ Европѣ; рудники превосходятъ европейскіе; духъ предпріимчивости болѣе силенъ, чѣмъ у европейцевъ: а потому возможно болѣе быстрое движение впередъ. Общественный строй Соединенныхъ Штатовъ такъ своеобразенъ, что и хозяйственная политика американцевъ должна быть совсѣмъ иною, чѣмъ въ другихъ государствахъ. Протекціонисты, говорить Паттенъ, желаютъ развитія виѣшней торговли не меныше, чѣмъ фритредеры; но сторонники свободной торговли ошибаются, утверждая, что, по снятію таможенъ, страна сосредоточиваетъ свои силы на отрасляхъ, для которыхъ условія наиболѣе благопріятны; они заблуждаются, полагая, что западъ Соединенныхъ Штатовъ имѣть наиболѣе данныхъ для воздѣлыванія хлѣба, Англія же—для производства желѣза. Нѣтъ, производству хлѣба лучше соотвѣтствуетъ влажный климатъ Англіи, нежели жаркое, сухое лѣто, что бываетъ такъ часто въ Америкѣ. Соединенные же Штаты имѣютъ болѣе условій для производства желѣза, такъ какъ американская руда чище англійской. Свободная торговля усиливаетъ производство хлѣба въ Америкѣ и желѣза въ Англіи вопреки особенностямъ обѣихъ странъ.—Она давитъ на зарплатную плату: при свободномъ обмѣнѣ между народами плата опредѣляется трудомъ въ странѣ, которая прогрессируетъ всего менѣе; при этомъ повышается цѣна хлѣба и сырыхъ материаловъ, и львиная доля народнаго дохода поступаетъ владѣльцамъ естественныхъ богатствъ.

Протекціонисты, по мнѣнію Паттена, проникаютъ въ самую глубь вопроса. Они спрашиваютъ не о томъ, выгодную ли торговлю ведутъ жители страны, но о томъ, развиваются ли скрытые качества людей и почвы. Нужно считать землю пригодною для всѣхъ родовъ культуры. Когда въ странѣ воздѣлываются только хлѣбъ, то значительная часть земли, не подходя для него, остается въ забросѣ; когда же вводятся и другія растенія, то обрабатывается большая площадь, и цѣнность земли возрастаетъ. Поэтому, разнообразіе культуръ желательно. Равнымъ образомъ прогрессирующее государство не должно допускать, чтобы его граждане были навсегда лишены какой-либо промышленной способности. Теперь часть потребностей американцевъ удовлетворяется товарами иноземцевъ; но внутреннее производство могло бы отвѣтить на всѣ эти потребности; въ Соединенныхъ Штатахъ можно производить съ усіхъхомъ, и чай, и шелкъ, и сахаръ; стоитъ разъ ввести чайное дерево, и чай будетъ требовать въ Сибирской Америкѣ не болѣеихъ затратъ, чѣмъ въ любой странѣ земного шара. Культурные на-

роды обязаны ввести у себя научно обоснованные приемы труда и развить все отрасли промышленности, среди нихъ и тѣ, которыхъ ведутся теперь только въ полуцивилизованныхъ странахъ. Если это не будетъ достигнуто, то цѣны сырья будутъ повышаться и все большая часть народного дохода будетъ поступать въ собственность людей, которымъ принадлежать естественные богатства.

Разсужденія Паттена,убѣдительная на первый взглядъ, состоять только изъ звучныхъ парадоксовъ. Утверждать, что условія для воздѣлыванія хлѣба болѣе благопріятны въ Англіи, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ, значитъ дѣлать грубую ошибку. Въ Англіи урожай пшеницы слишкомъ вдвое выше, чѣмъ въ Америкѣ; это происходитъ, частію, отъ влажнаго климата, главное же, отъ интенсивности хозяйства, упрочившейся тамъ уже давно. А между тѣмъ, воздѣлываніе хлѣба выгоднѣе въ Соединенныхъ Штатахъ, Аргентинѣ, Россіи, чѣмъ въ Англіи, такъ какъ въ ней издержки производства гораздо выше. Таможенная подать на хлѣбъ не приноситъ выгода странамъ, которыхъ вывозятъ его, а только поднимаетъ ренту въ странахъ, которыхъ ввозятъ, т. е. укрѣпляетъ монопольное положеніе землевладѣльцевъ. Крайнюю наивность выдаетъ и утвержденіе, что производство желѣза болѣе выгодно въ Соединенныхъ Штатахъ, нежели въ Англіи: ограничиваясь ссылкою на большую чистоту руды, Паттенъ упускаетъ изъ вида, что развитіе каждой отрасли опредѣляется цѣлою совокупностью условій. Когда въ Англіи упрочивалась обработка желѣза, вся обстановка благопріятствовала успѣхамъ этой отрасли: и каменный уголь въ ближайшемъ сосѣдствѣ отъ желѣзной руды, и довольно густое населеніе, предъявлявшее значительный запросъ на желѣзные издѣлія, и размѣры торговаго флота, позволявшіе вывозить эти товары на міровой рынокъ, и запасъ рабочихъ рукъ, облегчавшій расширение горнозаводскаго дѣла. Въ Англіи промышленность стояла уже довольно высоко, когда Соединенные Штаты были безлюдны. Въ самомъ началѣ 19 вѣка Англія съ Уэльсомъ имѣла около 9 миллионовъ жителей, а Соединенные Штаты на площади, многократно болѣе обширной,—съ небольшимъ 5 миллионовъ, въ томъ числѣ слишкомъ миллионы негровъ. Не мудрено, что желѣзная руда Соединенныхъ Штатовъ, хотя ея качества выше англійской, поступила въ обработку гораздо позднѣе. За послѣднее же время, когда въ Сѣверной Америкѣ сложились условія, при которыхъ развивается промышленность, обработка желѣза даже опередила эту отрасль англійского производства.

Противорѣчить дѣйствительности и то утвержденіе Паттена, что свободный ввозъ иноземныхъ продуктовъ увеличиваетъ долю монополистовъ въ народномъ доходѣ страны, которая

ввозить товары изъ-за границы. Свободныи торгили по мнѣшасть заработной платы стоять въ Англіи выше, чѣмъ туда-либо въ Европѣ; безаполинный ввозъ продуктовъ иностраннаго сельскаго хозяйства понизилъ ренту въ Великобританіи; и въ понижениіи ренты и выражается уменьшеніе доли народнаго дохода, поступающей главнымъ монополистамъ—собственникамъ земли. Сѣверная Америка также служить примѣромъ, опровергающимъ доводы Паттена: нигдѣ состоянія частныхъ лицъ не достигаютъ такихъ размѣровъ, какъ въ этой странѣ; нигдѣ не упрочились столь могущественные синдикаты; нигдѣ не быть столь благопріятныхъ условій для искусственнаго возвышенія цѣнъ, для создания монополій, которая быстро увеличиваются богатство землевладѣльцевъ и капиталистовъ. Высокіе таможенные налоги служать одной изъ главныхъ причинъ этого явленія.

И общія положенія Паттена не выдерживаютъ критики. Мы согласны съ нимъ, что желательно развитіе всѣхъ дарованій, которыхъ могутъ быть у людей; но для этого неѣтъ надобности насаждать въ обществѣ всѣ отрасли промышленности, какія только существуютъ на земномъ шарѣ. Въ странѣ, где не воздѣлываются чаю, кофе, свекловицы, винограда, можетъ быть такое разнообразіе культуръ, что трудолюбіе и изобрѣтательность, примѣнительно къ сельско-хозяйственному промыслу, найдутъ себѣ широкій просторъ. Изъ безчисленныхъ отраслей обрабатывающей промышленности, знакомыхъ людямъ, въ странѣ могутъ быть не развиты многія сотни; но тѣ, которыхъ известны, могутъ служить достаточной ареной для упражненія всѣхъ дарованій. Наивно думать, что специальные пріемы труда, связанные съ каждой отраслью, вызываютъ къ жизни какія-то особыя силы людей, которая оставались бы въ оцѣнкѣ, если бы не удалось насадить въ странѣ данную отрасль производства. Будь строгое соотвѣтствіе между многочисленностью видовъ занятій въ странѣ и разнообразіемъ личныхъ качествъ населенія, мы наблюдали бы въ прошломъ и настоящемъ не то, что даетъ дѣйствительность. Франція и теперь превосходитъ Соединенные Штаты разнообразіемъ производства; между тѣмъ, энергией, предпримчивостью, изобрѣтательностью, способностью быстро осваиваться съ новымъ положеніемъ американецъ стоитъ выше француза. Русское хозяйство нашего времени гораздо сложнѣе, чѣмъ экономической быть Италии въ 15 и 16 вѣкахъ; русская таможенная политика насаждаетъ все новые отрасли промышленности; а, между тѣмъ, цѣльностью тѣлесного и духовнаго развитія венеціанецъ или флорентинецъ Эпохи Возрожденія превосходилъ среднихъ русскихъ людей 19 вѣка. Возможность обнаруживать всѣ дарованія, которая могутъ быть воспитаны въ людяхъ, зависитъ отъ многихъ условій; факты

народного хозяйства занимаютъ среди нихъ важнѣйшее мѣсто. Однако, если въ странѣ и нѣтъ довольно многихъ видовъ добывающей и обрабатывающей промышленности, народное хозяйство можетъ стоять высоко; его сложность и разнообразіе могутъ быть достаточны, дабы изошьрятьись всѣ способности, которыя, вообще, могутъ быть воспитаны въ людяхъ.

Ошибочно и то мнѣніе Паттена, будто только протекціонизмъ приводить народъ къ многосторонней экономической жизни. Это — одинъ изъ путей и, притомъ, не самый лучшій. а) Какъ скоро населеніе достигло извѣстной плотности, такъ народный трудъ, и безъ покровительственныхъ тарифовъ, направляется на разработку главныхъ естественныхъ богатствъ страны: въ сельское хозяйство вносится большее разнообразіе; являются зачатки горнаго и горнозаводскаго дѣла. Этотъ процессъ можетъ быть облегченъ денежными пособіями и разными льготами со стороны государства. б) Если частная преріимчивость обнаруживается недовольно ярко, то поддержка государства въ видѣ свободы отъ налоговъ для новыхъ отраслей, въ видѣ дешевыхъ или даже безпроцентныхъ ссудъ выдвигается на первое мѣсто. Примеры этого рода знакомы прошлому. А вотъ факты послѣднихъ лѣтъ. Въ мартѣ 1900 года въ Австріи былъ выработанъ законопроектъ, освобождающій отъ налоговъ отрасли производства, которыя еще не окрѣпли; законопроектъ предусматриваетъ также выдачу имъ субсидій и находить такой способъ покровительства болѣе нормальнымъ, чѣмъ таможенные налоги. Въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ возникла мысль развить желѣзодѣлательную промышленность передачей ей казенныхъ заказовъ по высокой цѣнѣ. При этомъ ставить, какъ необходимое условіе, чтобы заказы исполнялись изъ туземнаго желѣза съ помощью местнаго угля. До сихъ поръ населеніе этой колоніи занималось исключительно сельскимъ хозяйствомъ. Достигнувъ высокаго благосостоянія, оно можетъ дѣлать подобныя затраты. Несомнѣнно, онѣ выгодны: страна имѣть отличную желѣзную руду и обильныя залежи каменнаго угля: ихъ опредѣляютъ въ 78 миллионовъ тоннъ.

Среди американскихъ экономистовъ краснорѣчивыми сторонниками свободной внѣшней торговли являются Сомнерь, Уэльсъ и Джорджъ.

Въ кругѣ вопросовъ о протекціонизмѣ однимъ изъ важнѣйшихъ является тотъ, можетъ ли законодатель точно намѣтить отрасли, которыя нуждаются въ покровительствѣ, и предѣлы, дальше которыхъ оно оправдано быть не можетъ? Нѣтъ, законодатель бродить во тьмѣ. Пока правительство, говоритъ Сомнерь, стало на этотъ путь,—всѣ производители (благопріятно ихъ положеніе или невыгодно) находятся въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ. Но вотъ нашли нужнымъ поощрить желѣзодѣлатель-

ную промышленность и для этого обложить податью акцизную издѣлія, привозимыя изъ-за границы. Желѣзо не сырьемъ видѣ оно остается свободнымъ и даетъ дешевый материалъ для производства, которое первое стало предметомъ изысканыхъ попечений законодателя. Однако, несовершенство способовъ добыванія желѣзной руды и ея выплавки не позволяетъ туземному желѣзу соперничать съ иностраннымъ: владѣльцы рудниковъ и доменныхъ печей несутъ убытки, осаждаются правительство ходатайствами оказать имъ такую же поддержку и получаютъ приятный подарокъ—налоги на ввозимыя желѣзную руду и желѣзо не въ дѣлѣ. Теперь эти отрасли удовлетворены: рудники и заводы работаютъ на всѣхъ паraphахъ, а владѣльцы ихъ собираются съ потребителей обильную жатву. Но радость непроложительна; барыши хозяевъ каменно-угольныхъ копей достигали 20—30%, и вдругъ понизились до 8—10: изъ-за границы поставляютъ на туземный рынокъ дешевый уголь. Опять къ правительству полился потокъ ходатайствъ, въ которыхъ владѣльцы копей, заботясь прежде всего „о судьбахъ отечества, о заработкахъ бѣдного люда“, просятъ удорожить для своихъ соотечественниковъ уголь установлениемъ таможенного налога. И этимъ отказать нельзя: они такъ любятъ свое отечество и такъ заботятся о нуждахъ своихъ рабочихъ! Удовлетворяютъ и этихъ просителей, а владѣльцы желѣзодѣлательныхъ заводовъ и рудниковъ видятъ, что ихъ ликованія были преждевременны. „За что это? чѣмъ мы хуже ихъ?“ Такъ кричатъ фабриканты шерстяныхъ, шелковыхъ издѣлій, сахаровары, кожевники, портные, сапожники, парикмахеры. На повѣрку оказывается, что всѣ эти господа и не худшіе патріоты, чѣмъ владѣльцы рудниковъ желѣза и угля, и не меныше ихъ „заботятся о судьбахъ бѣднѣшихъ классовъ“. Словомъ, на сторонѣ этихъ господъ есть все, побуждающее законодателя удовлетворить ихъ ходатайство. И такъ тянется до безконечности. Но законодатель не имѣть и точки опоры при установлениі высоты налога: одинъ, ведя свой промыселъ болѣе или менѣе удачно, готовъ довольствоваться таможеннымъ налогомъ въ 20%, съ цѣны товара; промышленникъ, не столь искусный, требуетъ уже 40%²⁾.

Въ какой же мѣрѣ покровительственная политика способствуетъ развитию естественныхъ богатствъ народа? Въ отвѣтъ на это Сомнѣръ даетъ намъ такую картинку съ натуры. Положимъ, американецъ нашелъ желѣзную руду, а привозное же желѣзо не подлежитъ налогу. Американецъ начинаетъ по съ того, чтобы приобрѣсти машины, орудія и приступить къ разработкѣ руды; иѣть: онъ ёдетъ въ Вашингтонъ, направляется къ министру и заводить съ нимъ такую рѣчи. *Нашедший*, „Г. министръ, я нашелъ на своей землѣ желѣзную руду“.

„Вы приносите добрыя вѣсти: значитъ, наше отечество имѣть больше естественныхъ богатствъ, чѣмъ предполагали“. *Нашедшій*. „Да, и я хочу приступить къ разработкѣ“. *Министръ*. „Прекрасно, совѣтую вамъ не медлить; мы будемъ очень рады услыхать, что вы разбогатѣли“. *Нашедшій*. „Это возможно; но теперь я получаю доходъ отъ труда на поверхности земли и боюсь, что разработка руды дастъ мнѣ меньше, чѣмъ сельское хозяйство“. *Министръ*. „Это другое дѣло: хорошенко разсмотрите всѣ условія и не мѣниайте лучшаго промысла на менѣе выгодный“. *Нашедшій*. „Однако, я хотѣлъ бы добывать желѣзо; мнѣ кажется нецѣлесообразнымъ оставлять его въ нѣдрахъ земли, когда мы ввозимъ иностранное; хорошо бы установить налогъ на все ввозимое желѣзо; тогда я имѣль бы достаточную прибыль и могъ бы оставить сельское хозяйство, чтобы исключительно заняться разработкой открытой руды“. *Министръ*. „Вы сами не знаете, чего просите: исполнить ваше желаніе—значить установить въ вашу пользу налоги на вашихъ сосѣдей и заставить ихъ нести тотъ рискъ, который вы не хотѣли принять на себя“. *Нашедшій* (въ сторону). „Я говорилъ съ этимъ господиномъ не тѣмъ языкомъ, который необходимъ въ этихъ случаяхъ; начну съзнова (громко): г. министръ, естественные богатства страны должны быть развиваемы, нужно оказывать покровительство американской промышленности; надо избавить американского работника отъ необходимости соперничать съ дешевымъ трудомъ Европы“. *Министръ*. „Теперь я понимаю васъ: дѣльно сказано. Почему вы прямо не сказали этого? Какихъ размѣровъ налогъ нуженъ вамъ?“ — И, вотъ, въ ближайшемъ будущемъ послѣ этой задушевной бесѣды, потребитель узнаетъ, что тонна желѣза стоитъ тридцать бушелей пшеницы вмѣсто двадцати. „Почему? что случилось?“ спрашивается онъ.— „Развѣ вы не слыхали?— отвѣчаютъ ему:— въ Пенсильвaniи нашли новые рудники; мы имѣемъ новыя естественные богатства“ ³⁾).— И Сомнѣртъ, приводя этотъ остроумный разговоръ, ссылается на американскую жизнь, которая изо дня въ день приносить подобные сюрпризы ⁴⁾.

Не большее значеніе имѣть доводъ, будто протекціонизмъ поднимаетъ заработную плату. Спросите обѣ этомъ отдѣльныхъ промышленниковъ и рабочихъ, и они, имѣя въ виду только одну сторону дѣла, признаютъ за налогомъ такое влияніе. Сапожникъ скажетъ, что онъ получаетъ, благодаря налогу, большую сумму за обувь, портной—за платье; но если принять въ разсчетъ положеніе этихъ лицъ, какъ потребителей, то окажется, что они теряютъ въ той же мѣрѣ, какъ раньше выигрывали при продажѣ издѣлій: въ качествѣ покупателей, они за множество товаровъ, быть можетъ, за всѣ товары переплачиваютъ на всю сумму налога.

Протекціонисты обнаружено боятся переполненія рынка иностранными товарами. Эта наивная боязнь можетъ выражаться только улыбку. Естественно бояться эпидемій, пожара, наводнений; но какъ бояться избытка товаровъ, избытка богатства! Какъ бояться, что у меня будутъ лишніе часы, у жены моей лишнее платье, у дѣтей моихъ лишнія игрушки? Если иностранцы запрудятъ нашъ рынокъ своими товарами даромъ, то можно только поблагодарить ихъ, такъ какъ они сберегутъ намъ известное количество труда. Въ действительности этого не бываетъ: они навезутъ намъ товаровъ въ обменъ на наши товары; ввозу будетъ соответствовать вывозъ; значитъ, переполненіе нашего рынка заграничными издѣліями не можетъ сократить туземную промышленность⁵⁾.

Доводъ протекціонизма, что отказъ отъ покровительственной политики погубить промышленность Америки, принадлежитъ къ нелѣпостямъ, которымъ могутъ вѣрить только дѣти да глупцы. Если промышленность исчезнетъ съ лица земли, то что же будутъ дѣлать американцы? Подъ „гибелью промышленности“ слѣдуетъ разумѣть исчезновеніе тѣхъ отраслей, которыхъ теперь искусственно поддерживаются тарифомъ, и замѣну ихъ другими, которыхъ могутъ развиваться безъ всякихъ внешнихъ поощреній. Когда меня спрашиваютъ, удержаніе ли бы въ нашей странѣ производство стали, еслибы ввозная не подлежала налогу, я отвѣчу, что не знаю; я увѣренъ только въ томъ, что безъ обложенія мы имѣли бы гораздо больше стали.

Нельзя отстаивать протекціонизмъ и съ той точки зреянія, будто онъ необходимъ для юныхъ народовъ въ ихъ хозяйственной борьбѣ съ народами старой культуры. Преимущество въ этой борьбѣ даетъ не древность культуры, а необходимость для рынка товаровъ, которые поставляетъ данная страна. Америка, снабжающая многихъ страны пленицей и другими средствами продовольствія, хлопчатой бумагой, питающей одну изъ главныхъ вѣтвей фабричнаго труда, керосиномъ, который вытеснилъ многие освѣтительные материалы, и, наконецъ, табакомъ, этимъ общераспространеннымъ предметомъ прихоти, — Америка стоитъ на рынкѣ такъ прочно, что не можетъ завидовать какому-либо народу.

Американскіе писатели возстаютъ противъ положенія (защитающаго и нѣкоторыми современными англійскими экономистами, напримѣръ, Сиджуикомъ), будто таможенные налоги уплачиваются иностранными производителями; такимъ образомъ, они и защищаютъ туземную промышленность, и вознаграждаютъ страну за расходы, которые причиняютъ ей покровительство. Эти предположенія не соответствуютъ действительности. Если согласиться, что въ конечномъ итогѣ таможенные

налоги уплачиваются не туземцами, а иностранцами, то надо заключить, что Англия, отказавшаяся от охранительного тарифа съ 1850 года, но ввозящая свои товары въ страны съ покровительственными налогами, сама уплачиваетъ ихъ и быстро идетъ къ окончательному разоренію.

Съ особенной энергией возстаютъ названные писатели противъ положенія, что протекціонизмъ оказываетъ на гражданъ воспитательное влияніе. Получается, повидимому, такая мораль: фритредеры, совѣтующіе людямъ дѣлать то, что легче, портятъ ихъ нравственность; а протекціонисты, пріучая гражданъ къ болѣе тяжелой работѣ, дисциплинируютъ ихъ. Нѣтъ, протекціонизмъ не можетъ быть оправданъ отъ упрека въ развращающемъ влияніи, которое онъ имѣеть на массу народа. Онъ дѣлаетъ для многихъ излишнимъ достиженіе въ промыслѣ значительного искусства; онъ внушаетъ довѣріе къ монополіямъ и запрещеніямъ, вместо того, чтобы поддерживать вѣру въ свободную предпріимчивость и личную энергию. А потому, умъ людей часто направляется не на полезныя изобрѣтенія, а на составленіе въ торговлѣ и промышленности разныхъ искусственныхъ комбинацій ").

III.

Познакомившись съ возраженіями на многіе доводы протекціонистовъ, мы воспользуемся особымъ пріемомъ для оцѣнки выгодъ, которыхъ таможенное покровительство доставляетъ народному хозяйству.

Оцѣнка покровительственной политики со стороны практиковъ имѣеть всего менѣе значенія. Практики изучаютъ данное явленіе до самыхъ крохотныхъ подробностей, но никогда не приводятъ его въ связь съ рядами явленій, которыхъ его окружаютъ и на него дѣйствуютъ. Если бы хотя одна статья таможенного устава дѣйствовала только на известную отрасль производства, то люди, занятые въ этой отрасли, были бы наиболѣе свѣдущими судьями при оцѣнкѣ данного мѣропріятія. Еслибы, напримѣръ, налогъ на иностранныя машины оказывалъ влияніе только на туземное машиностроеніе, то заводчики были бы вполнѣ компетентны въ вопросѣ о степени полезности этого налога. Но эта подать имѣеть значеніе не для однихъ машиностроителей; она затрагиваетъ интересы миллиновъ сельскихъ хозяевъ, такъ какъ удороожаетъ машины, необходимыя для земледѣлія; она удороожаетъ производство для всѣхъ промышленниковъ, примѣняющихъ иностранныя машины; она имѣеть, наконецъ, значеніе для всѣхъ гражданъ, какъ потребителей, заставлять ихъ платить за товары, приготовленные при помощи болѣе дорогихъ машинъ, рубль съ четвертью, вместо одного

рубли. Такимъ образомъ, статья таможенного закона, занимавшая только 5-10 початиахъ строкъ, соприкасается съ интересами всего населения. Умъ, посвященный для заменуемаго края известной промышленной деятельности и къ тому же часто зараженный корыстными побуждениями, решительно не въ силахъ обнять все множество видій, которыхъ оказывается данный законъ. Поэтому все, что бы ни говорили промышленники въ пользу охранительныхъ тарифовъ, представляется неубѣдительнымъ.

Исторія и статистика, откуда ученые и законодатели черпаютъ свои доказательства, часто также не въ силахъ сослужить ту службу, которой отъ нихъ ожидаютъ. Умъ, даже обогащенный знаніями, но поспѣшный въ обобщеніяхъ, неправильно пользуется данными исторіи и статистики. Въ однихъ случаяхъ онъ приписываетъ явленіе одной или нѣсколькимъ причинамъ и оставляетъ безъ вниманія множество силь, которыхъ, дѣйствуя совмѣстно, произвели данный результатъ. Въ другихъ случаяхъ, говоря о рядѣ фактовъ, какъ послѣдовательнѣхъ предыдущихъ явленій, онъ забываетъ, что сходные факты совершились и тамъ, где предыдущія условія были рѣзко отличны, даже противоположны. Намъ говорять, напримѣръ, что Соединенные Штаты Сѣверной Америки развили свою промышленность вслѣдствіе охранительной политики. Въ отвѣтъ на это мы задаемъ такие вопросы. Развѣ за время дѣйствія американскихъ таможенныхъ тарифовъ не было въ жизни Соединенныхъ Штатовъ условій, которыхъ могли двинуть впередъ многие отрасли производства? Развѣ въ Соединенные Штаты не вселилось, преимущественно изъ Европы, болѣе 20 миллионовъ людей, которые принесли съ собой разнообразныя общія и техническія знанія и широко разлили ихъ во всемъ американскомъ народѣ? Развѣ законодательство не предоставляло гражданамъ широкой свободы передвиженія изъ конца въ конецъ страны для отысканія наиболѣе благопріятныхъ естественныхъ условій? Развѣ не были затрачены огромные капиталы на сооруженіе желѣзныхъ, улучшеніе водныхъ путей, столь важныхъ для народнаго хозяйства? Развѣ народное образованіе, общее и специальное, не сдѣлалось доступнымъ даже для бѣднѣйшаго гражданина? Въ этихъ вопросахъ мы выдвигаемъ цѣлый рядъ условій, которыхъ могутъ существенно влиять на хозяйственный бытъ и оставлять далеко позади себя предписанія таможенныхъ законовъ. Но, положимъ, насть убѣдили, что все эти факты имѣютъ лишь второстепенное значеніе и все развитіе промышленности въ Америкѣ должно быть сведено, какъ къ причинѣ, къ высотѣ охранительныхъ тарифовъ. Если такъ, то мы ставимъ общий вопросъ уже иного порядка. Допустимъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ найдется 10,000 отраслей промышленности, изъ ко-

торыхъ 1—2 тысячи держатся только охранительными тарифами. Быть можетъ, благосостояніе было бы выше, еслибы всѣхъ отраслей было не 10, а только 8 тысячъ. Всѣ доводы протекціонистовъ не разрѣшаютъ этого сомнѣнія. Но ученые и политики дѣлаютъ часто и другую ошибку. Ссылаясь на быстрые успѣхи странъ, которыхъ имѣютъ охранительные таможенные налоги, они забываютъ объ Англіи. Благосостояніе Англіи чрезвычайно возросло послѣ отказа отъ этой политики: отъ 1870 до 1880 года народное имущество на 1 жителя увеличилось въ Англіи съ 200 фунтовъ стерлинговъ до 242, на 10%, а въ Соединенныхъ Штатахъ — съ 185 на 190 — только на 3%.

По нашему убѣжденію, только одинъ путь приводить къ цѣли: дедуктивная оцѣнка условій, отъ которыхъ зависитъ ростъ народного богатства, и изслѣдованіе того, имѣеть ли таможенная политика влияніе на эти условія. Производительность труда зависитъ отъ условій трехъ разрядовъ: отъ характера виѣшней природы, отъ отношенія человѣка къ природѣ и отношенія его къ своему труду.

Первое условіе было много разъ всесторонне описано наукой, а потому и не нуждается въ разясненіяхъ. Скажемъ только, что его влияніе слабѣе, нежели двухъ остальныхъ. Мы знаемъ, что процвѣтанію народного хозяйства способствуютъ умѣренно-теплый климатъ, плодородная почва, близость моря, обиліе водныхъ путей; но мы имѣемъ множество доказательствъ, что страны, скудно надѣленныя дарами природы, достигли и достигаютъ высокаго процвѣтанія и даже богатства. Сошлемся на Финикію въ древности, на современную Швецію, Швейцарію, Канаду.

Во-вторыхъ, каждый народъ выигрываетъ тѣмъ больше, чѣмъ лучше извлекаетъ изъ виѣшней природы всѣ выгоды, которыхъ она можетъ доставить ему. Если немногочисленное племя заключено, какъ въ кольцѣ, на своей территоріи, если могутъственные сосѣди не даютъ ему выйтіи за ея предѣлы, то нужно признать его положеніе безвыходнымъ. Если же народу принадлежитъ обширная страна, то онъ долженъ заселить предпочтительно мѣстности, которыхъ обставляютъ его хозяйственную жизнь наиболѣе благопріятными условіями: народъ, владѣющій черноземными пустырями, дѣйствуетъ неразумно, если тѣснится на тощихъ глинистыхъ или песчаныхъ участкахъ; опять дѣйствуетъ неразумно, если, имѣя миллионы десятинъ, где успѣшио произростаютъ пшеница и виноградъ, скучивается въ мѣстностяхъ съ суровымъ климатомъ, гдѣ дозрѣваютъ только овесъ и картофель; если есть рѣки, ручьи, озера, то естественно отдать предпочтеніе этимъ мѣстностямъ передъ маловодною равниной. Съ тѣмъ вмѣстѣ, владѣя разнообразными дарами

природы, членясь обжигать ихъ, дабы обезпечить себѣ и будущимъ поколѣніемъ благопріятныя условія хозяйствства.

На низшихъ ступеняхъ общежитія члены чуждо бородиное отношение къ природѣ; при рѣдкотѣ индустриї передъ человѣкомъ разворачивается огромный и для того времени неисчерпаемый міръ материальныхъ богатствъ: лѣсамъ, звѣрямъ, птицамъ, рыбамъ, повидимому, итѣ конца. Есть ли разумныя побужденія беречь эти богатства, когда члены почти безсиленъ, чтобы пользоваться даже небольшою ихъ частицей? Но, не имѣя побужденій беречь дары природы, человѣкъ, даже при младенческомъ состояніи гражданственности, познаетъ тѣ свойства природы, которая особенно выгодны для хозяйственныхъ цѣлей, и старается приблизиться къ нимъ. Расселеніе людей на зарѣ исторіи служитъ тому доказательствомъ: понимая важность водныхъ путей, люди осѣдаютъ по берегамъ морей, рѣкъ, озеръ и тѣмъ создаютъ себѣ первое условіе культуры — удобство взаимныхъ сношеній. Въ эти же ранніе періоды человѣкъ познаетъ свойства почвы, которая особенно важны для его цѣлей. Наши предки, разсеявшись по обширной русской равнинѣ и пролагая путь въ лѣса, вырубали, выжигали и засѣвали тѣ участки, которые уже характеромъ лѣснаго насажденія обѣщаются обильно вознаграждать трудъ земледѣльца. Не менѣе разумно и цѣлесообразно отношеніе человѣка къ вѣнчаной природѣ и при зачаткахъ обрабатывающей промышленности: производства по переработкѣ металловъ, дерева, глины возникли тамъ, гдѣ для того было подъ рукою нужный матеріалъ.

Успѣхи знанія изученіе свойствъ вѣнчаной природы, которая не были известны предкамъ, позволяютъ людямъ лучше пользоваться окружающими естественными условіями. Многіе недостатки вѣнчаной природы могутъ быть исправлены, а наиболѣе драгоценныя свойства ея — сохранены. Если мы съ этихъ точекъ зреінія сравнимъ государства европейско-американскаго міра, то замѣтимъ такую особенность: страны старой культуры сдѣлали много для сохраненія естественныхъ богатствъ, а молодыя страны направляли всѣ силы на отысканіе новыхъ богатствъ, которая еще не были известны предкамъ.

Въ Западной Европѣ уже издавна стараются сохранить основы народного богатства. Прежде всего обращаютъ на себя вниманіе старинныя мѣропріятія для сохраненія лѣсовъ. Законы уже съ начала XVI вѣка ограничивали частныхъ владѣльцевъ въ пользованіи лѣсомъ; въ Баденѣ ограниченія восходятъ даже къ половинѣ XV столѣтія. Развиваясь въ теченіе вѣковъ, лѣсные законы и точно исполнялись: населеніе воспитывало въ себѣ привычки, которыхъ облегчаютъ исполненіе закона. Эти привычки бросаются въ глаза путешественникамъ, посѣщающимъ

Германію, Швейцарію, Францію; они видятъ дороги, усаженныя яблонями, грушевыми деревьями; плоды дозрѣваютъ; никто не срываетъ ихъ несвоевременно, не ломаетъ сучьевъ. Привычка сберегать лѣсъ настолько упрочилась въ Западной Европѣ, что нѣмецкому или французскому землевладѣльцу и въ голову не могло бы прийти вырубить въ 2—3 года $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{4}$ принадлежащей ему лѣсной дачи. Такую же бережливость замѣчаемъ мы въ отношеніи рыбнаго царства. Во всѣхъ европейскихъ государствахъ выработаны законоположенія, опредѣляющія ловъ рыбы. Въ 19 столѣтіи эти ограниченія обработаны въ подробные уставы, но начало имъ было положено уже давно, въ Англіи, напримѣръ, еще въ Средніе Вѣка, въ Германіи въ XVI вѣкѣ. И эти законы не остаются мертвью буквой. Мы находимъ то же въ примѣненіи и къ лѣсному царству: съ половины прошлаго вѣка (въ Германіи даже съ конца XVII столѣтія) въ Европѣ издавались законы, ограничивающіе право охоты въ то время, когда звѣри и птицы размножаются. На ряду съ этимъ принимались мѣры для истребленія вредныхъ животныхъ, напримѣръ, волковъ, которые уже давно перевелись во многихъ странахъ Европы. Упоминемъ, наконецъ, о правилахъ, которые выработались для разумнаго пользованія почвой. Они получили наиболѣе законченную форму въ Англіи, где арендаторъ обязанъ держаться извѣстныхъ хозяйственныхъ системъ, извѣстныхъ пріемовъ уdobренія земли и т. д.

Выработавъ цѣлую систему мѣропріятій по охраненію даровъ природы, государства Западной Европы не могли дать намъ за послѣднее столѣтіе картину того, какъ нужно отыскивать въ своей странѣ естественные условия, которыя наиболѣе благопріятны для хозяйственныхъ цѣлей. И это понятно: населеніе уже давно достигло значительной плотности; самые отдаленные уголки терраторій извѣстны и заселены, и нѣкоторыя страны болѣе полувѣка отдаютъ Америкѣ и Австраліи довольно большое число своихъ сыновъ.

Совсѣмъ иное находимъ мы въ Сѣверной Америкѣ. Населеніе, не превышающее 15 душъ на квадратную версту, имѣетъ предъ собой чрезвычайное обиліе земли, воды, минераловъ и не принимаетъ мѣръ для сохраненія этихъ богатствъ: они представляются неистощимыми. Этимъ объясняются, напримѣръ, отсутствіе лѣсоохранительнаго законодательства до послѣдняго времени, полная свобода для владѣльцевъ пользоваться лѣсами и истребленіе ихъ въ огромномъ количествѣ. Казенные лѣса рубятся промышленниками. Лѣсныя кражи такъ велики, что въ 1881 году было воровски вырублено болѣе 100.000 акровъ. Въ посланіи, поданномъ президенту министровъ Шурцемъ въ 1877 году, было указано, что черезъ 20 лѣтъ весь древесный запасъ Соединенныхъ Штатовъ будетъ ниже потребностей на-

селения. Такое же явление замечаем мы и относительно рыбного царства; только въ последние годы изданы законы, регулирующие ловъ рыбы. Наконецъ, та же черта проявляется и въ неразсчетливомъ пользовании землей. Имѣя собирать землю до тѣхъ поръ, пока не истощить участка; они часто не въселяютъ его, воздѣлываютъ пшеницу или майсъ, и погорѣмъ забрасываютъ и переходятъ хажиничать на новое мѣсто.

Но если американцы, владѣя огромными естественными богатствами, еще не видятъ надобности сберегать ихъ, то широко пользуются свободой для передвиженія въ предѣлахъ страны, для отысканія наилучшихъ условій хозяйства. Исторія Сѣверной Америки есть исторія постепенного разселенія по материку въ направлении отъ востока на западъ. По мѣрѣ того, какъ въ восточныхъ штатахъ населеніе становилось болѣе плотнымъ, участки земли болѣе дорогими и менѣе производительными, предпріимчивые явики подвигались на западъ, захватывали дѣвственная земли и оттесняли индѣйскія племена въ степную область, за 100-мъ меридіаномъ, въ область Кордильеръ. Подвижность американцевъ доказывается числомъ жителей отдаленныхъ штатовъ, которые родились въ другихъ штатахъ или за предѣлами Америки. Населеніе старыхъ областей, наиболѣе промышленныхъ и цивилизованныхъ, отличается довольно большою устойчивостью: число гражданъ, родившихся въ своего мѣстожительства, не превышаетъ 20—25%. Но чѣмъ далѣе подвигаемся на западъ, тѣмъ болѣй находимъ процентъ жителей, родившихся въ даннаго штата: въ Канзасѣ, Небраскѣ, Дакотѣ, Колорадо, Монтанѣ изъ всего населенія 80—84% родилось въ данныхъ штатахъ или даже за предѣлами республики. Передвиженія достигаютъ особенно значительныхъ размѣровъ въ годы кризисовъ. Безостановочному движенію въ поискахъ за новыми дарами природы соотвѣтствуетъ и американская политика относительно путей сообщенія. Въ дѣлѣ техники американцы всегда стараются усвоить послѣднее слово промышленной изобрѣтательности, а не проходить ряда посредствующихъ ступеней. Грунтовыя дороги Соединенныхъ Штатовъ были въ концѣ 18-го вѣка (когда Англія и другія страны имѣли уже много шоссированныхъ дорогъ) очень неудовлетворительны, а мѣстами даже не проѣздны; во многихъ мѣстахъ онѣ остались такими донынѣ. Однимъ изъ важныхъ условій, которымъ объясняется ихъ дурное состояніе, служитъ принятая въ Сѣверной Америкѣ система прямолинейного измѣренія земли, которая препятствуетъ прокладывать дороги кривыми линіями, сообразно съ характеромъ поверхности. Эти недостатки были съ избыткомъ заглажены быстрыми сооруженіемъ желѣзныхъ дорогъ, главныхъ путей и побочнѣхъ линій; при сооруженіи, американцы заботились не только о томъ,

чтобы связать мѣстности, уже достигшія высокой культуры, но и о томъ, чтобы облегчить передвиженіе всѣхъ желающихъ на дальний западъ, въ дѣственную и богатую природу. Въ резулѣтатѣ явилось нѣсколько вѣтвей, соединяющихъ Атлантическій океанъ съ Восточнымъ; получилась такая густота желѣзно-дорожной сѣти, что во многихъ штатахъ на 1 версту желѣзного пути приходится площадь въ 9—10 квадратныхъ верстъ. Съ изменышею заботливостью относятся американцы и къ каналамъ; еще въ 1808 г. былъ выработанъ планъ цѣлой сѣти каналовъ, который и начали быстро приводить въ исполненіе.

Наше отечество въ этихъ обоихъ отношеніяхъ стоитъ далеко отъ требованій, которыя могутъ быть предъявлены научною мыслью и неотложными нуждами дѣйствительности. Въ дѣлѣ охраненія естественныхъ богатствъ мы напоминаемъ того домохозяина, который, не задумываясь о будущности своей семьи, беззаботно проживаетъ отцовское достояніе. Прежде всего, небрежное отношеніе къ землѣ. Хозяйство ведется такъ, что силы почвы истощаются и производительность земледѣльческаго труда понижается все болѣе и болѣе. То же должно быть сказано о всѣхъ другихъ дарахъ природы. Законодательство не забывало вырабатывать нормы, которыя охраняли бы естественные богатства; отъ временъ Петра Великаго появляются цѣлые своды законовъ, ограничивающихъ истребленіе лѣса, несвоевременную охоту или рыбную ловлю. Но эти законы оставались и остаются мертвою буквой, такъ какъ не было органовъ, которые могли бы блюсти за ихъ исполненіемъ, и не было рас пространено знаній, которыя привили бы народу новыя и добрыя привычки. Всѣмъ извѣстно, что и теперь, по изданіи нового лѣсоохранительнаго закона, истребленіе лѣсовъ практикуется въ чрезвычайныхъ размѣрахъ, что въ мѣстностяхъ, наиболѣе густо населенныхъ, лѣса вырублены, что линіи желѣзныхъ дорогъ, берега судоходныхъ и даже сплавныхъ рѣкъ представляютъ картину полной безлѣсицы.

Но и въ пользованіи новыми дарами природы наше отечество представляетъ рѣзкую противоположность великому американскому государству. Въ соотвѣтствіи съ огромными площадями пустующихъ плодородныхъ земель Сѣверной Америки, мы имѣемъ обширныя пространства въ Сибири, на Кавказѣ и восточныхъ губерніяхъ Европейской Россіи. Но для русскихъ людей, которымъ живется особенно плохо, эти земли являются кладомъ, запертymъ за семью замками. Острая и настоятельная нужда въ переселеніяхъ наступила послѣ освобожденія крѣпостныхъ; съ конца 60-хъ годовъ 19 вѣка во многихъ мѣстахъ Европейской Россіи стало обнаруживаться стремленіе на востокъ. Но это движеніе могло совершаться только въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Для его упорядоченія

еділано мало и чистою предпріимчівостю, и государствомъ. Изъ неумѣлаго пользованія дарами природы произошло и полное зануленіе нашихъ рѣкъ, быстрое ихъ обмелѣніе и отсутствіе мѣропріятій, которыя поставили бы водные пути къ услугамъ народнаго хозяйства.

Эти различія обусловливаютъ различія между отдѣльными странами въ ростѣ производительности труда. Но не одно и то же отношеніе находимъ мы къ самому труду. Рабочая сила въ обширномъ смыслѣ слова, т.-е. граждане, занятые целеznымъ для общества трудомъ, можетъ быть рассматриваема съ трехъ точекъ зрѣнія: 1) съ точки зрѣнія своей тѣлесной пригодности къ труду; 2) съ точки зрѣнія умственного развитія и приоровленности къ разнообразнымъ работамъ и 3) съ точки зрѣнія нравственныхъ качествъ, преданнысти дѣлу, добросовѣтности въ его исполненіи.

1) Въ раннюю пору общежитія производство еще не достигло значительного расчлененія: главная масса труда затрачивается въ добывающей промышленности, охотѣ, рыбной ловлѣ, скотоводствѣ и земледѣліи; обрабатывающая промышленность ничтожна; тѣ отрасли, которая уже успѣли упрочиться, сохраняютъ характеръ ремесла; онѣ не дошли до мануфактуры, усиленно развивающей нѣкоторые органы работника въ ущербъ остальнымъ частямъ его тѣла. При такомъ состояніи общества въ условіяхъ труда нѣть обстоятельствъ, которые вредно вліяли бы на развитіе рабочей силы, а рѣдкость населенія и изобиліе рыбы, дичи позволяютъ даже бѣднѣйшимъ людямъ имѣть пищу, достаточную для правильнаго роста и поддержанія тѣлеснаго здоровья большинства. а) Густое населеніе, не имѣя тѣхъ даровъ природы, которые были доступны предкамъ, принуждено затрачивать на добываніе пищи главную массу своего труда. б) Этотъ трудъ былъ бы достаточенъ для обильного снабженія пищей и бѣднѣйшихъ слоевъ народа, еслибы не было огромнаго неравенства состояній и податныхъ тягости равномѣрно распредѣлялись въ населеніи. в) Возникло машинное производство, которое дѣлаетъ работника придаткомъ механизма и препятствуетъ его тѣлесному развитію. г) Въ каждой странѣ есть, однако, слои населенія, которымъ и родъ занятій, и другія условія позволяютъ развивать рабочую силу; но эту, физически лучшую часть народа захватываетъ воинская повинность, и для производительного труда остаются люди, уже менѣе пригодные.—Государственная власть можетъ препятствовать тѣлесному вырожденію гражданъ мѣрами, действующими на одно изъ указанныхъ условій. Она противодѣйствуетъ первому, если дѣлаетъ доступными населенію дары природы; это возможно только въ странахъ съ обильнымъ запасомъ низменныхъ земель; она противодѣйствуетъ условію подъ и. и., если

изолированное (Соединенные Штаты) или островное (Великобритания) положение позволяет содержать небольшое постоянное войско и темъ отвлекать меньшую силу изъ лучшей части населения. Но все государства имѣютъ широкое поле для противодействія условіямъ, означеннымъ подъ пунктами б и в. Государство можетъ задерживать возрастающее неравенство состояній цѣлымъ рядомъ экономическихъ мѣръ, а также посредствомъ податной системы, которая возлагаетъ прогрессивно большее бремя на плечи болѣе сильныхъ и оставляетъ известную норму доходовъ свободною отъ обложения. Наконецъ, законодательство о рабочихъ есть та форма, въ которую облечается прямое воздействиѳ государства на здоровье работника посредствомъ уменьшенія длины рабочаго дня, облегченія работы малолѣтнихъ и женщинъ и т. п.

а) Сопоставляя страны цивилизованного міра, мы видимъ, что милитаризмъ развивается все больше и больше; только Англія, Канада, Соединенные Штаты, Австралия имѣютъ подъ ружьемъ не 1% населения, какъ большая часть европейскихъ государствъ, а гораздо меньше. б) Податные системы представляютъ повсемѣстно большіе недостатки: повсюду центромъ тяжести служатъ подати на предметы потребленія, уплачиваемыя, главнымъ образомъ, бѣднѣющими классами; прямые налоги только въ очень слабой степени привели прогрессивное начало; тамъ, где малые доходы освобождаются отъ платежей, освобожденіе теряетъ большую часть цѣны потому, что главную тягость причиняютъ косвенные налоги, отъ которыхъ истинный плательщикъ освобождe~~ется~~ быть не можетъ. Въ этомъ отношеніи всего менѣе благопріятно положеніе Россіи: вся сумма податей въ государственныхъ финансахъ, земскихъ, городскихъ и волостныхъ, составляетъ болѣе 8 рублей на 1 жителя въ годъ. Если согласиться съ Мѣллорломъ, что въ Россіи годовой доходъ на 1 жителя не превышаетъ 55 рублей, то окажется, что налоги поглощаютъ больше $\frac{1}{7}$ — 14%. г) Государство можетъ парализовать вредныя послѣдствія чрезмѣрного машинного труда. Къ этой цѣли ведетъ законодательство о рабочихъ. До сихъ поръ фабричные законы оказали наибольшее влияніе въ Англіи, где тѣлесное здоровье населения стоитъ выше, чѣмъ въ другихъ странахъ.

2) Но, дабы трудъ былъ успешенъ, необходимо познаніе вышней природы и приворовленіе рабочей силы къ ея законамъ. Проходятъ цѣлые тысячелѣтія прежде, чѣмъ человѣкъ усвоитъ сознаніе необходимости и возможности систематически воспитывать свою рабочую силу. Овладѣвъ, въ силу безкорыстной работы теоретической мысли, некоторыми законами природы, человѣкъ хочетъ привлечь эти знанія на службу своимъ хозяйственнымъ цѣлямъ. Первоначально этимъ пользуются един-

ничные предпримчивые люди, стремящиеся выйти изъ стырой, давно проторенной колеи. Сила штута, пары, газа, электричества, бьёве совершенная машина для разнообразныхъ производствъ примѣняются отдельными промышленниками. Постепенно, благодаря недремлющей настойчивости къ подражанию, изобрѣтенія становятся достояніемъ и менѣе предпримчивыхъ людей. Но общество, уже не довольствуясь этимъ медленнымъ движениемъ, хочетъ дать широкому кругу систематическое знаніе законовъ природы, на открытие которыхъ пошли тысячелѣтія. Дать целую систему знаній въ теченіе немногихъ лѣтъ можно только посредствомъ техническаго образования въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Техническое образование, обнимающее всѣ учрежденія и всѣ знанія, которыя прямо направлены къ воспитанію рабочей силы, является дѣтищемъ 19 вѣка. Состояніе техническаго образования въ различныхъ странахъ не одинаково. Германия, развившая всего ранѣе общее образование, сдѣлала очень много для поставленія и техническаго на высоту, которой требуютъ интересы хозяйства.

Многія другія страны — Швейцарія, Бельгія, Скандинавскія земли — не отстаютъ въ этомъ отношеніи отъ нѣмцевъ. Соединенные Штаты даютъ также поучительный примѣръ. Наше отечество далеко отстало въ развитіи техническаго образования: мы имѣемъ иѣсколько высшихъ учебныхъ заведеній, мало среднихъ и почти не имѣемъ низшихъ. Вся обширная область кустарной промышленности служить доказательствомъ того, какъ мало сдѣлано для усовершенствованія рабочей силы. И до сихъ поръ, какъ въ сѣдую старину, кустари доходятъ саму чкой, путемъ наблюдений вокругъ себя и въ городѣ, къ приобрѣтенію отрывочныхъ свѣдѣній и нѣкоторому улучшенію своего рабочаго искусства.

3) Обратимся, наконецъ, въ область нравственности. Преданность дѣлу, сознаніе долга, честность въ отношеніяхъ къ соѣдямъ имѣютъ большое значеніе для всѣхъ сторонъ жизни, въ частности и въ сферѣ хозяйства. Если человѣкъ, поставленный къ дѣлу, даже грубому и мало привлекательному, сознаетъ свой долгъ, исполняетъ его, не теряясь времени даромъ, то въ данный срокъ и производить большую массу работы, и поставлять продукты лучшаго качества. Если онъ изготавливаетъ товары для обширнаго, тѣмъ бьёве, международнаго рынка, то упрочившееся довѣріе покупателей облегчаетъ ему соперничество съ другими торговцами. Наблюденія показываютъ, что народы грубые, дикие, вовсе незнакомые со сложностью цивилизованной жизни, нерѣдко отличаются привидностью, юрістью данному слову, что они не умѣютъ лгать. Такой славой пользуются, напримѣръ, многія племена Капибаса. Вспом-

нимъ при этомъ привлекательныя черты нашихъ поселянъ на суровомъ сѣверѣ, — черты, которыя получаютъ въ многочисленныхъ артеляхъ свое высшее выражение. Извѣстно также, что при широкомъ развитіи политической жизни, печати, гласности, устанавливается благодѣтельный надзоръ общества за отдѣльными членами; онъ поддерживаетъ колеблющихся и нестойкихъ въ исполненіи обязанностей и еще болѣе укрепляетъ тѣхъ, которые дорожатъ достоинствомъ человѣка. Полуцивилизациѣ создаетъ въ этомъ отношеніи особенно неблагопріятную обстановку: суровая простота жизни и прямота исчезли, но просвѣщеніе не успѣло еще воспитать сознательное отношеніе къ долгу. Сравнивая съ этой стороны различныя общества, нельзя примѣнять тотъ масштабъ, который былъ умѣстенъ при изученіи предыдущихъ условій: тамъ можно было многое точно измѣрить и вычислить; здѣсь же можно дать только общую характеристику. Англичане стоять впереди всѣхъ по энергіи труда и добросовѣстности, которая изстари упрочилась въ ихъ экономической жизни. Каждому извѣстно, что английскіе товары всѣхъ родовъ имѣютъ репутацію первоклассныхъ. Другіе народы занимаются не одинаковое положеніе. Наше отечество поставлено неблагопріятно. Мы имѣемъ каждый день случай наблюдать, какъ у насъ, вообще, недобросовѣстно относятся къ своимъ обязанностямъ, уклоняются отъ исполненія долга, затягиваютъ до безконечности работу, которая могла бы быть выполнена въ короткое время. Эта несчастная наклонность обнаруживается въ простѣйшихъ работахъ и бѣднѣйшихъ классахъ и доходить до людей, несущихъ весьма сложныя обязанности, исполненіе которыхъ обыкновенно связывается съ большими довѣремъ. Подъ вліяніемъ этого свойства чиновники уклоняются отъ своихъ обязанностей и откладываютъ свои дѣла до послѣдней возможности, заводчики и ремесленники снабжаютъ рынокъ недоброкачественными издѣліями, рабочіе требуютъ неослабнаго надзора, дабы трудъ ихъ былъ не совсѣмъ безрезультатнымъ. За этою недобросовѣстностью можно прослѣдить во всѣхъ сферахъ нашей жизни; она такъ часто и рѣзко проявлялась въ хлѣбной торговлѣ, что вела къ отказу многихъ иностранныхъ торговыхъ фирмъ покупать вѣкоторые сорта русскаго хлѣба.

Всему сказанному можно подвести такие итоги: среди многихъ второстепенныхъ условій главными силами, вліяющими на ростъ народнаго богатства, служать отношеніе человѣка къ вѣнчаней природѣ и воспитаніе тѣлесныхъ и духовныхъ силъ населенія. Чѣмъ болѣе благопріятно поставленъ народъ въ этихъ отношеніяхъ, тѣмъ быстрѣе ростетъ производительность его труда и увеличивается его богатство.

IV

Гдѣ же условия общественной жизни, посредствомъ которыхъ охранительные тарифы увеличиваютъ народное богатство?

Таможенный налогъ непосредственно только поднимаетъ цѣну товара внутри страны и, дѣлая, по крайней мѣрѣ временно, веденіе извѣстнаго промысла болѣе выгоднымъ, привлекаетъ къ нему капиталы изъ многихъ другихъ отраслей производства. Но вызвать къ жизни новую отрасль промышленности—еще не значить создать новое богатство.

1) Охранительные тарифы не побуждаютъ населеніе болѣе цѣлесообразно пользоваться виѣшнею природою. Мѣропріятія, направленныя къ охраненію даровъ природы, не стоять ни въ какой связи съ таможенными налогами; послѣдніе какъ своимъ возникновеніемъ, такъ и отмѣной не могутъ имѣть на нее какое-либо вліяніе: вслѣдъ за установлениемъ налоговъ на хлопокъ, сукно, сахаръ, машины, нельзя ожидать изданія законовъ, которые ограничивали бы потребленіе лѣсовъ или несвоевременный ловъ рыбы. Однако, возможно вліяніе таможенныхъ налоговъ на болѣе широкое пользованіе естественными богатствами, на эксплоатированіе тѣхъ даровъ природы, которые ранѣе не были извѣстны: Есть, повидимому, причины, позволяющія установить связь между этими явленіями, и факты, доказывающіе это положеніе. Априорное разсужденіе будетъ высказано въ такой формѣ: если некоторые товары, особенно сырье, удорожаются на туземномъ рынке таможенными налогами; то большая масса труда и капитала будетъ затрачена на то, чтобы добывать это сырье внутри страны; при установлении налоговъ на желѣзо, мѣдь, нефть, можетъ начаться усиленная разработка мѣсторожденій этихъ минераловъ. Факты, добытые изъ истории Россіи, Соединенныхъ Штатовъ и другихъ странъ, подкрепляютъ это положеніе. Итакъ, таможенные налоги способствуютъ усиленному пользованію естественными богатствами. Но сейчасъ же возникаетъ вопросъ: какими? Тѣми ли, которыми всего выгоднѣе пользоваться въ настоящее время? Возьмемъ хозяйство частнаго лица. У него преосходный черноземъ, обширныя дачи строеваго и дровяного лѣса, прекрасные заливные луга. Съ тѣмъ вмѣстѣ, у него есть тощая залежь глины и небольшое торфяное болотце. Приступая хозяйствничать въ своемъ имѣніи, владѣлецъ начинаетъ съ постройки усадьбы. Онъ не велитъ сложить срубъ изъ круинаго лѣса, который тутъ же подъ рукой, а выписываетъ глинокоповъ и кирпичниковъ, чтобы съ большими расходами добывать глину изъ тощаго, глубоко лежащаго слоя и дѣлать кирпичъ. Вместо того, чтобы заготовить себѣ дровъ,—это потребовало бы немногихъ дней труда—онъ выпишетъ торфяниковъ и будетъ заготовлять себѣ ихъ.

торфяное топливо. Если онъ признаеть, что эти затраты невыгодны, что онъ—только барская затѣя, то ему отвѣтить: „всякій воленъ въ своемъ добрѣ“. Если же онъ будетъ утверждать, что эти работы выгодны, то ему докажутъ, что онъ получиль бы на свой капиталъ гораздо больше, еслибы употребилъ его на покупку скота, расчистку луговъ, поднятіе черноземной нови. Разработка новыхъ естественныхъ богатствъ подъ вліяніемъ таможенныхъ налоговъ часто является для народа также только „барской затѣей“. Естественные богатства почти каждой, даже бѣдной страны очень разнообразны по своимъ физическимъ свойствамъ и по своему хозяйственному значенію. Со второй точки зреінія они представляютъ длинную цѣль, отдѣльные звѣзда которой располагаются по своей большей или меньшей важности для народа. Наиболѣе важны тѣ, пользованіе которыми доступно, требуетъ наименьшаго труда и капитала и где работа человѣка вознаграждается всего болѣе обильно. Только исчерпавъ эти богатства, человѣкъ долженъ переходить къ тѣмъ, которыхъ болѣе скудно вознаграждаютъ его трудъ. Таможенный налогъ не нуженъ для того, чтобы населеніе добывало естественные богатства, которыхъ стоять на очереди; это дѣлается помимо всякой охранительной политики. Американцамъ не нужно было протекціонизма, чтобы населеніе безостановочно шодвигалось на западъ и захватывало все новые площади плодородной земли. Русскому народу не нужно было охранительныхъ тарифовъ, чтобы заселить черноземныя степи Новороссіи и Нижнаго Поволжья или чтобы съ успѣхомъ добывать кавказскую нефть и снабжать ею западно-европейскіе рынки. На противъ, таможенная политика, дѣлая искусственно выгодною разработку естественныхъ богатствъ, до которыхъ еще не дошелъ чередъ, отвлекаетъ часть труда и капитала отъ того направленія, где дѣятельность ихъ была бы болѣе производительна, не съ точки зреінія нѣкоторыхъ предпринимателей, получающихъ теперь, быть можетъ, крупные барыши, но—что особенно важно—съ точки зреінія всего народного хозяйства.

2) Таможенные налоги не воспитываютъ тѣлесныхъ силъ населенія. Были указаны 4 группы условій, которая имѣютъ такое вліяніе. Таможенные налоги не усиливаютъ дѣйствія ни одного изъ нихъ. Охранительная таможенная политика не уменьшаетъ постояннаго войска, т.-е. не съуживаетъ размѣровъ, въ которыхъ пользуются тѣлесными силами населенія для непроизводительныхъ цѣлей. На противъ, огражденіе страны отъ со-сѣдей таможенными заставами, вызывая однородный образъ дѣйствій другихъ народовъ, поддерживаетъ неудовольствіе въ общирномъ кругѣ промышленниковъ и дѣлаетъ почву болѣе воспріимчивой и для политическихъ разногласій. Охранительные тарифы не ставятъ противовѣса и вредному вліянію ма-

шинного производства. Таможенные налоги способствуютъ искусственному развитию фабрикъ, такъ какъ поддерживается въ широкихъ размѣрахъ многоя отрасли, которыхъ быть того или вовсе не существовало бы, или переживали бы романтический или мануфактурный периодъ производства. Наше отечество всего лучше оправдываетъ это положеніе: почти все фабричное производство Россіи развилось подъ воздействиемъ таможенного законодательства; не будь охранительныхъ тарифовъ, у насъ было бы меньше фабрикъ и заводовъ, т.-е. условій, которымъ ослабляютъ тѣлесную силу населения. Но, развивая это условіе, таможенная политика не вырабатываетъ для него противоядія въ видѣ фабричныхъ законовъ: эти законы имѣютъ своимъ источникомъ широкое пониманіе государственныхъ интересовъ, тогда какъ охранительные тарифы вызываются къ жизни узкими, корыстными расчетами. Наконецъ, таможенные налоги оказываютъ и третью неблагопріятное вліяніе: они прямо способствуютъ неравенству состояній. Они содѣйствуютъ неравенству въ двойномъ отношеніи: а) поддерживая отдельные отрасли производства и возвышая въ нихъ прибыль сравнительно съ другими отраслями, они облегчаютъ образованіе огромныхъ состояній, увеличивающихъ имущественные различія между классами; б) падая на предметы первой необходимости или всеобщаго потребленія, они тяжеле ложатся на бѣдныхъ гражданъ, чѣмъ на богатыхъ или зажиточныхъ.

3) Всѣмъ известно, какъ неблагопріятны охранительные тарифы для техническаго воспитанія рабочей силы. Высокое умственное развитие и большая энергія населения могутъ быть источникомъ промышленного усовершенствованія и тамъ, где примѣняется широко развитленная таможенная система. Примерами этого служить Сѣверная Америка и (въ меньшей степени) некоторые страны Европы. Но наше отечество даетъ примѣръ, прямо противоположный. Если же мы попытаемся связать таможенные налоги, въ ихъ существенныхъ особенностяхъ, съ успѣхами техники, то увидимъ, что эти явленія исключаютъ другъ друга. Когда промышленникъ вводить новую машину, усвоиваетъ еще неизвѣстные пріемы труда, то руководствуется не идеальными побужденіями, а надеждой извлечь изъ своего занятія большія выгоды. Этотъ путь, соответствующій интересамъ и всего народнаго хозяйства, приводить къ цѣли; но онъ требуетъ напряженія ума, часто крупныхъ единовременныхъ затратъ и нерѣдко довольно большаго риска (если такое нововведеніе совершается наизуѣтъ еще большихъ усовершенствованій въ данной отрасли, которая можетъ сдѣлать невѣрными всѣ доселѣшніе расчеты). Вотъ почему промышленникъ, становясь на этотъ путь, всегда готовъ сойти съ него, если есть болѣе легкій способъ обогащенія.

А ничто не даетъ такой легкой защиты, какъ охранительный тарифъ. Если простыми словами выразить защиту, которую покровительственная система оказываетъ туземному предпринимателю, то нужно будетъ сказать такъ: „соперничество иностранной, болѣе преуспѣвшей промышленности умаляеть твою прибыль; но ты можешь спать спокойно и не заботиться ни о какихъ усовершенствованіяхъ въ своемъ производствѣ: таможенный налогъ подниметъ цѣну иностранныхъ издѣлій на 50% и тѣмъ удорожитъ и твои товары, изготовленные съ помощью допотопныхъ орудій и приемовъ труда“. Промышленникъ слѣдуетъ этому ласкающему голосу и остается при стародавнихъ орудіяхъ и приемахъ. Можно, пожалуй, возразить, что внутренній рынокъ открываетъ довольно обширное поле для соперничества и вызываетъ въ туземныхъ производителяхъ стремленіе усовершенствовать промышленность, чтобы побѣдить соцѣдей. Конечно, и при ограниченіи конкуренціи внутреннимъ рынкомъ, остаются побужденія улучшать производство, но они тѣмъ слабѣе, чѣмъ уже поле состязанія. Гдѣ товару известной страны приходится соперничать съ товарами пяти, шести, десяти иноzemныхъ народовъ, тамъ необходимо гораздо большее изощреніе ума и напряженіе воли со стороны промышленниковъ, нежели тамъ, гдѣ соперниками выступаютъ только ближайшіе соцѣди. Изъ наблюденія известно, что чѣмъ шире становится всемирный рынокъ, тѣмъ быстрѣе совершаются промышленные успѣхи у народовъ, которые служатъ главными его поставщиками: Англія и Германія, снабжающія весь міръ своими издѣліями, всего быстрѣе развиваютъ свою промышленность; главный толчекъ для систематического усовершенствованія хлѣбной торговли далъ Америкѣ сознаніе, что ей необходимо соперничать съ русскими и другими производителями на міровомъ рынке.

4) Понятно, что охранительные тарифы не могутъ способствовать развитію добрыхъ нравовъ. И въ хозяйственныхъ отношеніяхъ между людьми добрые нравы крѣпнутъ только тогда, когда правильно понимается личный интересъ. Если человѣкъ увѣренъ, что несетъ на себѣ ответственность за нарушение въ своей дѣятельности правилъ морали, что его хозяйство потеряетъ кредитъ, то онъ старается усвоить определенный образъ дѣйствій, свыкнуться съ нимъ и не нарушать его. Если производитель знаетъ, что, при дурномъ качествѣ издѣлій, будетъ побѣжденъ соперниками, то старается поддерживать достоинство своихъ товаровъ на известной высотѣ. Нѣть этой опасности,— и онъ относится къ своему промыслу небрежно. Таможенный налогъ уничтожаетъ эту опасность; онъ обязываетъ огромное большинство туземцевъ довольствоваться товарами невысокаго достоинства и даетъ производителямъ полную

возможность сбыта недоброкачественные продукты. Если мы сравним отдельные страны по этому отношению, то получим такую картину: Англия, отдававшаяся от таможенного покровительства промышленности, снабжает рынки наилучшими товарами и добросовестность английских производителей может служить примером, а русские товары, главным образомъ, потому и дурны, что производители не обещаютъ большой кругъ покупателей въ лицѣ многомилліоннаго русскаго народа.

V.

Итакъ, мы считаемъ доказаннымъ, что охранительные тарифы, насаждая отрасли промышленности, не имѣютъ вліянія на условія, которые увеличиваютъ производительность труда, а потому и не способствуютъ росту народного богатства. Попытаемся же отвѣтить на три вопроса: 1) Можетъ ли развиться въ странѣ разнообразная промышленность безъ охранительныхъ тарифовъ? 2) Какъ должно дѣйствовать государство, еще не ступившее на путь покровительственной таможенной политики? 3) Если государство уже давно идетъ по этому пути, то какія измѣненія оно должно внести въ свою торговую политику?

1) Принято думать, что охранительные тарифы необходимы для развитія промышленности. Это мнѣніе подкрѣпляется ссылкой на то, что возвышение таможенныхъ налоговъ или пристановка ввоза товаровъ изъ за границы, въ силу, напримѣръ, политическихъ причинъ, способствуетъ развитию въ странѣ разныхъ отраслей производства.

Эти приемы доказательства заставляютъ предполагать, что, безъ такихъ мѣропріятій, страна осталась бы только при отрасляхъ, направленныхъ на добываніе сырья. Не было бы бѣды, еслибы промышленность ограничивалась только этимъ и если бы за вывозимое сырье можно было выгодно покупать иностранные фабрикаты. Въ дѣйствительности такой порядокъ былъ бы невозможенъ: гдѣ много разнообразнаго сырья, тамъ естественно должны развиться разныя отрасли обрабатывающей промышленности. Въ ихъ ряду первыя мѣста принадлежать тѣмъ производствамъ, которые тѣсно примыкаютъ къ добывающей промышленности: винокуреніе, изготавленіе крахмала, сахаровареніе и т. п. Другимъ условіемъ, облегчающимъ развитіе промышленности, служатъ запасы дешеваго топлива, богатыя залежи каменнаго угля, обильные лѣса. Наконецъ, промышленность должна постепенно примиѳнуть къ рудникамъ жемчуга, мѣді и другимъ. Но исключительное господство земледѣлія обыкновенно сопряжено съ недостаткомъ капитала, и неподготовленностью рабочихъ рукъ. Эти проблемы были бы вполнѣ

няемы — даже при пассивномъ положеніи правительства — привливомъ иностранныхъ капиталовъ и иноземныхъ мастеровъ для извлечения выгодъ изъ естественныхъ богатствъ данной страны. По мѣрѣ развитія промышленности и богатства, въ наиболѣе преуспѣвшихъ странахъ освобождаются капиталы, а уменьшающаяся выгодность приложенія ихъ на родинѣ побуждаетъ передвигать часть этихъ средствъ въ страны менѣе культурныя. Этотъ процессъ совершается и теперь. Англійскіе, голландскіе, бельгійскіе, французскіе капиталы передвигаются изъ отечества въ Турцію, Персію, Египетъ, Бразилію для сооруженія желѣзныхъ дорогъ. Нѣмецкіе и англійскіе капиталисты разрабатываютъ рудники ртути въ Испаніи. Нѣмецкіе капиталисты эксплоатируютъ лѣса во многихъ русскихъ губерніяхъ. Теперь таможенная политика затуманиваетъ этотъ процессъ: когда иностранные капиталы переходятъ въ страну съ мало развитою промышленностью (напримѣръ, нѣмецкіе капиталы, передвинувшіеся въ подзинскій и сосновицкій округа), то многіе склонны приписать переходъ только повышенію прибыли, которое искусственно создается таможенными налогами. Подобный процессъ, не затѣняемый ничѣмъ, совершился бы и при полномъ отсутствіи таможенныхъ налоговъ, такъ какъ избыточные капиталы богатыхъ странъ всегда находили бы выгодное помѣщеніе у народовъ съ мало развитою промышленностью. Возникновеніе разныхъ производствъ съ помощью иностранныхъ капиталовъ ставило бы передъ туземцами примѣръ выгодности новыхъ предпріятій и вызывало бы съ ихъ стороны подражаніе. Въ сфере промышленности происходило бы то же, что совершается въ военномъ дѣлѣ: турецкія, персидскія, японскія войска обучаются нѣмецкими, англійскими, французскими офицерами; но это не мѣшало появленію искусственныхъ турецкихъ и японскихъ офицеровъ. Такъ было бы при пассивномъ отношеніи государства. Но государство могло бы ускорить это движеніе цѣлою системой мѣропріятій, которая повышали бы производительность труда туземцевъ и знакомили бы ихъ съ новыми естественными богатствами. Приглашеніе иностранныхъ мастеровъ, образованіе техническихъ училищъ, изслѣдованіе естественныхъ богатствъ на казенный счетъ и другія подобныя имъ мѣры могутъ быть вполнѣ оправданы. Мы идемъ дальше этого: мы оправдываемъ ежегодныя затраты казны на опыты съ новыми и неизвѣстными отраслями промышленности, которая подають надежду на успѣшное развитіе. Даже безслѣдная потеря нѣсколькихъ миллионовъ, ежегодно затрачиваемыхъ съ этой цѣлью, была бы гораздо болѣе легкой для народа, нежели убытки, которые онъ несетъ отъ таможенныхъ налоговъ.

2) Изъ сказанаго вытекаетъ отвѣтъ на второй вопросъ. Если государство, переживая періодъ добывающей промышленности,

еще не вступило на путь охранительных тарифовъ, то оно должно воздержаться отъ таможенного покровительства. Самою разумною политикой было бы въ такомъ случаѣ направляюще всѣхъ силъ на развитие и усовершенствование добывающей промышленности, которая составляетъ главное занятіе населения, служить почти исключительнымъ источникомъ дохода и снабжаетъ иноzemные рынки своими произведеніями. На ряду съ этимъ цѣлесообразно пользоваться иностранными капиталами для создания тѣхъ отраслей промышленности, которымъ благопріятствуютъ естественные условія, а также привлечь всѣ мѣры, способная поднять рабочее искусство населения. Идя по этому пути, государство не разовьетъ такъ скоро и такъ много разнобразныхъ отраслей промышленности, какъ то нерѣдко совершается нынѣ, но всѣ отрасли, которая возникнутъ, будутъ развиты къ выгодѣ для народнаго хозяйства, будутъ требовать отъ него всего менѣе приплать.

3) Большое практическое значеніе представляетъ третій вопросъ: что дѣлать государству, которое уже давно слѣдуетъ завѣтамъ протекціонистовъ? Именно въ такомъ положеніи находится наше отечество. У насъ въ теченіе двухъ столѣтій усердно насыждали разнообразныя отрасли производства, но дѣлали очень мало для того, чтобы упрочить условія, которые ускоряютъ ростъ народнаго богатства. На свѣтѣ явилось много фабрикъ, но большая часть, держась искусственно, не служить къ выгодѣ народа. Отмѣна всѣхъ охранительныхъ таможенныхъ налоговъ уничтожила бы многія изъ этихъ отраслей. Мы далеки отъ мысли считать исчезновеніе многихъ производствъ равносильнымъ полному раззоренію для народнаго хозяйства. Несомнѣнно, однако, что оно было бы связано съ крупными потерями для многихъ капиталистовъ и предпринимателей и затруднительнымъ положеніемъ для довольно многочисленной группы рабочихъ. Желая избѣгнуть этого потрясенія, мы не рекомендуемъ единовременной отмѣны таможенныхъ налоговъ. Но, удерживаясь отъ быстрой отмѣны, законодательство сдѣлало бы большой шагъ впередъ, если-бы принципіально осудило таможенную политику и рѣшилось не вводить новыхъ таможенныхъ налоговъ и не возвышать окладовъ старыхъ. Положительныя же мѣропріятія, которыя мы считаемъ настоятельно необходимыми, могутъ быть сведены къ 3 группамъ: 1) Законодатель долженъ понижать тарифы таможенныхъ податей, чтобы постоянно держать промышленниковъ подъ страхомъ и тѣмъ самимъ побуждать ихъ къ техническому усовершенствованію производства; тарифы должны быть низведенія до того уровня, при которомъ едва-едва возможно соперничество туземныхъ изделий съ иностранными. 2) Государству уже давно пора обратиться отъ успѣннаго насыженія обработывающей

промышленности къ поддержанію нашего исконнаго промысла— земледѣлія, на которомъ и зиждется благосостояніе Россіи. 3) Отрасли промышленности, которыхъ поддерживаются охранными тарифами, государство окажеть особенно важныя услуги въ томъ случаѣ, если напряжетъ свои силы для поднятія промышленного образованія и повышенія производительности труда. Успѣхи въ этомъ направлѣніи будутъ увеличивать жизнеспособность нашего производства и облегчать тягости, которыхъ таможенное покровительство причиняетъ народу.

VI.

Крайности таможенного покровительства смягчаются договорами. Торговые договоры между государствами имѣютъ своимъ предметомъ размѣры таможенныхъ налоговъ, взимаемыхъ съ товаровъ страны при ввозѣ ихъ въ государство, связанные договоромъ, права, предоставляемыя торговцамъ этой страны и проч. Обыкновенно въ договорѣ заносится и то условіе, что каждое государство, участвующее въ договорѣ, получаетъ отъ своего контрагента право на всѣ льготы, которыхъ предоставляются или когда-либо будуть предоставлены наиболѣе благопріятствующимъ народамъ. Договоръ связываетъ народы на продолжительное время и даетъ ихъ торговымъ отношеніямъ прочность, въ которой таѣтъ нуждается именно современная промышленность; производящая товары для неизвѣстныхъ потребителей и отдаленныхъ рынковъ. Чѣмъ болѣе продолжителенъ срокъ, на который заключенъ договоръ, тѣмъ болѣе увѣренъ производитель, что иностранній рынокъ, разъ приобрѣтенный, останется потребителемъ его товаровъ. Если, напримѣръ, русскій производитель знаетъ, что въ теченіе 10 лѣтъ во Франціи будутъ взимать неизмѣнно одинъ и тотъ же налогъ съ его издѣлій, то онъ приспособляетъ все свое производство къ этимъ условіямъ сбыта. Создавая для разныхъ отраслей промышленности неизмѣнную обстановку на много лѣтъ, торговый договоръ закрѣпляетъ связь между странами, которыхъ участвуютъ въ немъ. Односторонне установленный таможенный тарифъ, если даже даетъ значительныя льготы, не можетъ оказывать такое вліяніе. Промышленники знаютъ, что всѣ льготы, существующія нынче, могутъ быть отмѣнены завтра. Неувѣреность даже относительно ближайшаго будущаго заставляетъ производителей всегда предпочитать вывозъ товаровъ въ страну, которая связала себя съ ними торговымъ договоромъ. Нѣть основанія видѣть въ торговыхъ договорахъ торжество идеи свободной торговли; однако, они ослабляютъ протекціонистскія влѣченія. Промышленники постепенно осваиваются съ мыслью, что если товары, ввозимые изъ страны А,

которыи заключили съ иихъ отечествомъ договоры, облагавшемъ уменьшенніемъ налогомъ и съ не препятствуетъ расширению туземной промышленности, то пониженію таможенныхъ податей съ товаровъ искъ другихъ странъ также не будеъ причинять убытки туземнымъ производителямъ. Въ исторіи торговыхъ договоровъ слѣдуетъ отмѣтить метуенскій, заключенный въ 1703 году между Англіей и Португаліей, Англія бывше разрѣшено ввозъ въ Португалію шерстяныхъ издѣлій, запрещеній съ 1684 года; Англія же обязалась облагать португальскія вина налогомъ на $\frac{1}{3}$ ниже таможенныхъ податей съ винъ изъ другихъ странъ. Періодъ торговыхъ договоровъ 19 вѣка начинается въ 1860 году заключеніемъ договора между Франціей и Англіей; Франція понизила таможенные подати. Въ сїдущіе годы она заключила на такихъ же началахъ договоры и со многими другими государствами. Послѣ продолжительного перерыва, вызваннаго усиленіемъ протекціонизма, снова наступилъ періодъ договоровъ. Въ 1892 году Германія заключила на 12 лѣтъ торговые договоры съ Австро-Венгріей, Италіей, Швейцаріей и Бельгіей, въ 1894 году съ Россіей; таможенные налоги на многие товары значительно понижены этими государствами для взаимныхъ сношеній. Въ 1904—905 годахъ Германія снова заключила торговые договоры съ названными государствами и иѣкоторыми другими.

Съ торговыми договорами связаны уступки народамъ, не участвовавшимъ въ договорѣ, распространеніе льготъ, оказываемыхъ одному народу, и на многія другія государства. Германія, напримѣръ, состоитъ въ подобныхъ отношеніяхъ почти со всѣми странами земного шара; она не дѣлаетъ уступокъ только Португаліи, Канадѣ, большей части средне-и южно-американскихъ государствъ. Торговля съ этими странами не превышаетъ 4% всей вышней торговли Германіи. Сторонники свободной торговли выказываются нерѣдко противъ системы уступокъ, тожественныхъ съ тѣми, которыя оказаны „наиболѣе благопріятствуемыхъ странамъ“, такъ какъ льготы препятствуютъ понижению таможенныхъ налоговъ. Предположимъ, напримѣръ, что Германія хотѣла бы понизить налогъ для извѣстнаго товара, ввозимаго въ нее изъ страны А. Такъ какъ, вслѣдствіе означенной системы, пониженіемъ воспользуется и страна Б, товары которой могутъ быть опасными соперниками издѣлій германской промышленности, то не дѣлается пониженія и для страны А. Случается и такъ, что государство, не понижавшее своихъ таможенныхъ налоговъ, пользуется правами „наиболѣе благопріятствуемыхъ“ державъ и, при уступкахъ какому-либо государству, получаетъ значительныя выгоды безъ никакихъ жертвъ съ своей стороны. Это нерѣдко вынуждало ии долю Аргентіи, которая въ то же время понижала свои налоги

Иногда уступки приносят меньше пользы странѣ, для которой они дѣлаются, нежели для державъ, имѣющихъ право воспользоваться ими. Германия понизила для Австро-Венгрии налогъ на хлѣбъ, съ 5 до 3½ марокъ за 100 килограммовъ; это было менѣе выгодно для Австро-Венгрии, вывозящей мало хлѣба, чѣмъ для Россіи, Соединенныхъ Штатовъ и Аргентины. Австро-Венгрия понизила для Германии налогъ на яйца; это принесло послѣдней гораздо менѣе пользы, чѣмъ Россіи: въ 1899 году Австро-Венгрия ввезла изъ Германии 444 килограмма яицъ, а изъ Россіи—въ несолько сотъ разъ больше.—Всѣ доводы противъ этой системы имѣютъ второстепенное значеніе. Нельзя угадать, получить ли государство эквивалентъ за то, что даетъ какой-либо странѣ право, „наиболѣе благопріятствуемой“ державы. Многія государства держатся этого порядка, а потому могутъ поперемѣнно находиться въ положеніи, при которомъ не извлекается существенныхъ выгодъ изъ отношений со страной, получившей права „наиболѣе благопріятствуемой“ державы; въ общемъ же наступаетъ извѣстное равновѣсіе. Замѣтимъ также, что за выгоды, доставляемыя этой системой, не всѣ страны могутъ возмѣстить въ равной мѣрѣ: Россія, имѣющая высокій покровительственный тарифъ, можетъ отвѣтить понижениемъ своихъ таможенныхъ налоговъ, а Англія, держащаяся свободной торговли, не можетъ сдѣлать этого. Эта система желательна уже потому, что дѣлаетъ промышленность менѣе зависимою отъ произвола правительства, отъ частныхъ перемѣнъ въ таможенномъ законодательствѣ и смягчаетъ крайности покровительственныхъ тарифовъ.

VII.

Съ конца 50-хъ до конца 70-хъ годовъ 19 вѣка Западная Европа проходила періодъ невысокихъ таможенныхъ налоговъ; его смѣнило преобладаніе протекціонистскихъ течений.

Въ Германии, тѣ самые люди, которые до 1873 года всѣхъ громче кричали противъ таможенныхъ налоговъ, стали горячими сторонниками покровительственной политики. Сложились новые группы лицъ, заинтересованныхъ въ усиленіи таможенного покровительства: крупные помѣщики восточной Пруссіи и фабриканты западныхъ и южныхъ областей Германии. Но еще въ 1876 году эти группы не были солидарны: въ рейхстагъ поступало множество петицій отъ промышленниковъ съ просьбою удержать таможенный налогъ на желѣзо, который долженъ былъ быть отмѣненъ 1 января 1877 года, а сельские хозяева восточной Германии и приморскіе города дѣлали постановленія въ духѣ свободной торговли. Когда аграріи стали протекціонистами, то первоначально требовали немногаго: таможенной подати въ

1 марку со 100 килограммовъ привозящаго зерна, т. е., приблизительно, 5% съ цѣнъ. Помимо трудности для сельскихъ хозяевъ бороться съ Америкой и Россіей, къи съ производителями хлѣба, а для германскихъ промышленниковъ — съ английскими фабрикантами, на окончаніе протекціонизма въ Германии вліяло и то, что другіе народы были захвачены такими же теченіями. Рейхстагъ, созванный въ 1878 году, далъ большинство, склонное къ проведенію таможенной реформы. Парламентская комиссія изслѣдовала вѣдомства отрасли промышленности, главнымъ образомъ, по обработкѣ желѣза и волокнистыхъ веществъ; въ комиссию поступили отъ многихъ промышленниковъ отзывы, что покровительственные таможенные налоги необходимы. Въ концѣ 1878 года само германское правительство рѣзко осудило низкій покровительственный тарифъ, котораго Германія держалась съ 1862 года. Оно признало неумѣстнымъ покровительство отдельнымъ отраслямъ промышленности: это ставить ихъ въ привилегированное положеніе. Оно считало цѣлесообразнымъ равномѣрное поддержаніе всѣхъ отраслей и оставленіе для беспошлинного ввоза только тѣхъ сырьевыхъ матеріаловъ, которые вовсе не производятся въ Германиі (например, хлопокъ) или же производятся въ недостаточномъ количествѣ или дурнаго качества.—Таможенный тарифъ 1879 года явился плодомъ этого движенія. Онъ повысилъ почти всѣ налоги, главнымъ образомъ, тѣ, которые защищаютъ полуфабрикаты. Едва таможенное покровительство было усилено, какъ стали возрастать требованія аграріевъ и промышленниковъ. Въ 80-хъ годахъ состоялось небольшое повышеніе налога на издѣлія и весьма значительное на произведенія сельскаго хозяйства: подать на зерно была поднита до 3, а затѣмъ до 5 марокъ. Соответственно съ этимъ были повышены ставки и на многие другіе товары. Дальнѣйшее частичное повышеніе состоялось въ первыхъ годахъ текущаго вѣка. Изъ общей цѣнности ввоза въ 7,129 миллионовъ марокъ за 1905 годъ, ввозъ на 3,369 миллионовъ былъ обложенъ податью, а на 3,760 миллионовъ — свободенъ отъ налога. Налогъ составляетъ въ среднемъ 18%, съ цѣнъ обложенныхъ товаровъ.

Усиленное предложеніе американской пшеницы на французскомъ рынке обозначилось особенно рѣзко въ 1878 году; оно дало новый толчокъ протекціонистскому теченію. Французскіе сельскіе хозяева стали бояться соперничества, такъ какъ издержки производства пшеницы въ Америкѣ значительно ниже, чѣмъ во Франціи. Опасенія были тѣмъ болѣе велики, что возросшее предложеніе американского хлѣба было вызвано не мимолетными причинами, а расширениемъ площади сельскаго хозяйства. Цѣна хлѣба во Франціи падала, а плата сельскимъ рабочимъ низрѣстала: въ началѣ 90-хъ годовъ 19 вѣка поспѣдѣнія была на 5%.

выше, чѣмъ въ 1861—60 годахъ. Къ стѣсненному положенію зерноваго хозяйства присоединялась нужда среди винодѣловъ и шелководовъ: производство вина, отъ 78 миллионовъ гектолитровъ въ 1875 году, сократилось до 34 миллионовъ въ 1880 и до 24—въ 1889; эпидемія, поразившая шелковичнаго червя, увеличила соперничество китайскаго и японскаго шелка съ французскимъ. Положеніе скотоводства было значительно лучше; но съ 80-хъ годовъ, когда понизилась цѣна мяса, явилось много протекціонистовъ и среди скотоводовъ. Собственники и арендаторы крупныхъ и среднихъ имѣній были особенно усердными протекціонистами въ мѣстахъ, где господствуетъ зерновое хозяйство; мелкіе же собственники, арендаторы и половники явились усердными сторонниками покровительственной таможенной политики особенно тамъ, где всего болѣе страдали отъ паденія цѣны свинины.—Первая уступка правительства этому теченію выразилась въ томъ, что было запрещено (начало 1881 года) ввозить американскую свинину; это было мотивировано санитарными соображеніями. Изъ среды сельскихъ хозяевъ слышались громкія одобренія. Но не было недостатка и въ жалобахъ: потребители негодовали, что съ рынка отвлекалось 30 миллионовъ килограммовъ дешеваго мяса, а портовые города жаловались, что сокращеніе привоза иностраннаго товаровъ уменьшаетъ сборы съ грузовъ, поступающіе въ городскую казну. Съ 80-хъ годовъ развиваются синдикаты среди сельскихъ хозяевъ; въ 1890 году ихъ было уже 750 съ 270.000 членовъ. Синдикаты поддерживали протекціонистскія влечения. Въ 1885 году, при выборахъ въ Палату депутатовъ, было выдвинуто требование налога въ 5 франковъ со 100 килограммовъ привозной пшеницы и таможеннаго обложенія привознаго скота. Въ концѣ 80-хъ ~~годовъ~~ налоги были повышены. Новый тарифъ былъ распространенъ на Алжиръ, который образовалъ съ Франціей одно таможенное цѣлое. Введеніе нового тарифа почти совпало съ истечениемъ срока франко-итальянскаго торгового договора. Заключеніе новаго, со смягченіемъ тарифа въ пользу Италии, замедлилось, и въ 1888 году началась франко-итальянская таможенная война; она причинила обѣимъ странамъ существенный ущербъ. Въ началѣ 1892 года Франція установила двойной таможенный тарифъ: *нормальный и минимальный*. Первый выражаетъ высшій предѣлъ, до котораго населеніе можетъ быть обременено таможенными налогами; онъ примѣняется къ привозу изъ всѣхъ странъ, на которыхъ не распространяется минимальный тарифъ. Послѣднему же подлежать товары изъ тѣхъ государствъ, которые даютъ льготныя условія для ввоза французскихъ товаровъ. Таможенные налоги составляютъ, въ среднемъ, до 10% съ цѣнности资料 всего привоза, т. е. близко подходить къ германской нормѣ.

За посліднія десятиліття усілися протекціонізмъ и въ Англії, которая змінился главной твердою свободной вільшої торговли. Основой новійшему протекціонизму Англії слугує теченія християнськаго и політическаго. Главные вожди этого движенія не отрицаютъ, что и впредь народное богатство Англії можетъ возрастиать, при свободѣ вільшої торговли. Но, говорятъ они, удержаніе этого начала наносить ударъ тому, что должно быть признано міровой задачей англичанъ. Интересы одной Великобританіи, отдельно взятые, являются чимъ-то мелкими, провинциальными: центръ англійской культуры все болѣе перемѣщается въ колоніи. Каждый истинный англійскій патріотъ долженъ дорожить преуспѣяніемъ колоній; возможно болѣшее ихъ процвѣтаніе и быстрое заселеніе служить главнымъ ручательствомъ того, что будетъ обеспечено господство англо-саксонской расы и культуры. Время малыхъ государствъ уже прошло: на самостоятельное значеніе въ исторіи человѣчества можетъ разсчитывать только тотъ народъ, который сумѣеть образовать міровое царство. А міровому господству британской расы грозитъ существенная опасность: въ Канадѣ и Австралии созрѣваютъ самостоятельные народы со своими идеалами внутренней жизни и вѣнчаніи политики. Дабы союзъ колоній съ Англіей не порвался, необходимо укрѣпить его установлениемъ тѣсной связи между хозяйственными интересами метрополіи и всѣхъ частей Британской Имперіи. Таможенная реформа должна быть проведена въ виду троїкой цѣли: способствовать скорѣйшему заселенію колоній и развитію ихъ естественныхъ богатствъ; доставляя выгоды торговлѣ колоній, дѣлать ихъ склонными къ финансовой поддержкѣ морскихъ силъ Англіи; наконецъ, заграждая британскій рынокъ, замедлять хозяйственное развитие другихъ народовъ и ростъ ихъ военно-морской силы. Поощреніе народного хозяйства колоній можетъ выразиться въ двоякой формѣ: или посредствомъ выдачи вывозныхъ премій колоніямъ со стороны Англіи или же посредствомъ льготныхъ таможенныхъ налоговъ. Первый приемъ—брать изъ кармановъ англичанъ крупныя суммы и дарить ихъ колоніямъ—могъ бы вызвать раздраженіе въ обширномъ кругу. Второй же приемъ не поведетъ къ большому недовольству. — Колоніи производятъ сырье и съѣстные припасы; реформа и состояла бы въ обложеніи этихъ товаровъ таможенными податьми, при ввозѣ въ Англію; съ товаровъ изъ колоній эти налоги не взимались бы вовсе или взимались бы въ меньшихъ размѣрахъ, нежели съ товаровъ, привозимыхъ изъ заграницы. — Свою потребность въ съѣстныхъ припасахъ Англія въ большей мѣрѣ покрываетъ привозомъ изъ заграницы, нежели изъ британскихъ владѣній. За 1906 годъ на нее было ввезено до $21\frac{1}{4}$ миллионовъ квартеровъ пшеницы; только немногого болѣе

^{1/2} этого количества было доставлено колониями. То же наблюдается относительно большинства съѣстныхъ припасовъ. Такимъ образомъ налогъ, поднявъ цѣны, обременилъ бы англичанъ, какъ потребителей. Дабы уменьшить это бремя, протекціонисты обѣщаютъ сложить таможенную подать съ чаю; этотъ налогъ доставляетъ крупный доходъ казнѣ, но не имѣть значенія въ ряду охранительныхъ таможенныхъ налоговъ.

VIII.

Таможенное покровительство доведено въ Россіи до высшей степени. Еще въ концѣ первой четверти 19 столѣтія привозные товары были обложены умѣренными податями; но съ 1822-го началось ихъ повышение. Управление Канкрина русскими финансами ознаменовалось (въ концѣ 20-хъ и 30-хъ годахъ) повышениемъ таможенныхъ ставокъ, то огульно на всѣ привозные товары, то лишь на нѣкоторые предметы. Эти перемѣны предпринимались иногда съ цѣлью упорядочить доходы казны, во многихъ же случаяхъ только по требованіямъ русскихъ фабрикантовъ. Возвышение таможенныхъ податей не замедлило отразиться на нашей вѣнчайшей торговлѣ: за пятилѣтіе 1812—16 годовъ средняя цѣнность ежегодного отпуска товаровъ составляла 178 миллионовъ рублей, а привоза до $108^{3}/4$ миллионовъ; въ послѣдующіе же года, вплоть до 1844, отпускъ не превышалъ $76^{3}/4$, а максимум привоза поднимался только немногого выше 66 миллионовъ. Пониженіе таможенныхъ налоговъ, начавшись съ 1845 года, обнаружилось болѣе замѣтно въ таможенныхъ тарифахъ 1857 и, особенно, 1868 года. Ослабленіе таможенного покровительства повело къ расширению нашей вѣнчайшей торговли: въ концѣ 50-хъ годовъ цѣнность средняго ежегодного отпуска товаровъ достигла $122^{3}/4$ миллионовъ рублей, а привоза— $111^{1}/2$ миллионовъ, а въ первой половинѣ 70-хъ годовъ первая поднялась уже до 353 миллионовъ, а вторая почти до 400. Перевѣсь цѣнности привозныхъ товаровъ надъ цѣнностью отпускаемыхъ объясняется тѣмъ, что первая половина 70-хъ годовъ была временемъ усиленной постройки желѣзныхъ дорогъ и ввоза разныхъ принадлежностей желѣзодорожного дѣла. Въ теченіе 60-хъ годовъ и первой половины 70-хъ производительныя и покупательныя силы Россіи получили довольно большое развитіе: за 25 лѣтъ (съ конца 40-хъ до половины 70-хъ годовъ) цѣнность отпуска возросла на 273, а привоза—на $432^{1}/2$; обороты русскихъ фабрикъ и заводовъ, составлявшіе въ 1856 году не болѣе 204 миллионовъ рублей, достигли въ 1870 году $452^{1}/2$ миллионовъ. Съ 1877 года началось усиленіе таможенного покровительства. Прежде всего оно выразилось въ переводѣ всѣхъ таможенныхъ ставокъ изъ кредитныхъ руб-

лей на золото, а золотъ чутъ не въ скотодромъ, повышение податей на отдельные товары. 1 йуля 1891 года былъ введенъ тарифъ, имѣющий цѣлью оказывать покровительство certainмъ отраслямъ промышленности. Онъ повысилъ обложение многихъ ввозныхъ товаровъ и установилъ пошлины на иѣкоторые предметы, ввозившіеся ранѣе безпошлино. Мы дадимъ поясніе о бремени, которое наши таможенные подати возлагаютъ на потребителей, если сравнимъ ставки тарифа 1891 года съ обложениемъ соотвѣтствующихъ товаровъ въ Западной Европѣ.

Съ одного пуда взималось кошѣекъ золотомъ.

	Россія.	Франція.	Австро-Венгр.	Германія.
1) Желѣзо полосовое, сортовое, листовое, рельсы и проч.	60—100	14,3—26,6	6,6—25,3	7,6—12,7
2) Желѣзныя и стальныя издѣлія: котлы, мости, трубы, резервуары, баки, ящики . .	170—270	26,6—53	55—75	30,4
3) Серпы, косы, лопаты, разн. орудія для ремеслен.	140	49—95	50,6	50,7—76
4) Ножевый товаръ . .	1600	400—1200	210	—
5) Разные локомобили и машины	170	20—40	60—80	15—40
6) Бумажная пряжа . . .	420—1100	62—620	60,7—224	243—355
7) Бумажная ткань: суро- выя, блѣленая и крашеная. 1400—5800	250—2500	323—1410	618	
8) Бумага писчая, для типограф. и литограф. дѣла . .	240—1060	40—400	—	31
9) Обувь готовая и подго- товленная простая	4000	500—1000	300	—
10) Мѣха	660—5000	400—2000	60—500	—

Итакъ, русскій человѣкъ платить налогъ на 300—600% дороже французовъ, немцевъ и австрійцевъ при покупкѣ такихъ необходимыхъ предметовъ, какъ желѣзо, разныя желѣзныя издѣлія, ножевый товаръ, локомобили и машины; таможенная подать съ обуви ложится на русскаго даже въ 12 разъ, а съ бумаги—даже въ 34 раза болѣшимъ бременемъ, нежели на жители Западной Европы ²⁾.

Непомѣрно высокіе таможенные налоги, почти граничащіе съ запрещеніемъ ввоза иѣкоторыхъ иностраннныхъ товаровъ, не приводятъ къ цѣли, которую выдвигаютъ ихъ защитники. Тяжелый тарифъ на много лѣть уменьшилъ обороты въ нашей вѣнѣніи торговлѣ. Еще въ 1882 году цѣнность товаровъ, привезенныхъ въ Россію и вывезенныхъ отъ насъ, составляла до 1195 миллионовъ рублей; падая изъ года въ годъ, она опустилась за 1886 годъ до 830 миллионовъ; въ 1888—90 годахъ, благодаря двумъ обильнымъ урожаямъ, обороты увеличились (въ 1890 году до 702 миллионовъ рублей золотомъ), но не достигли уровня 1878 года (734 миллиона). Сокращеніе привоза иностраннныхъ товаровъ усилило производительность русскихъ заводовъ и фабрикъ, но не послужило къ выгодѣ потребителей, т.-е.

всего народа. Послѣдніе выиграли бы, еслибы подешевѣли важнѣйшіе предметы потребленія. Но наши заводчики имѣютъ огромную прибыль (по официальнымъ даннымъ, прибыль многихъ фабрикъ составляетъ 25—40% въ годъ); будучи защищены отъ иностраннаго соперничества таможенными податями, они прилагаютъ мало стараній къ усовершенствованію производства. Свѣдѣнія за 1887 годъ показываютъ, что наши промышленники не считали нужнымъ пользоваться услугами техническихъ знаній: изъ 21,810 лицъ, которыхъ управляли русскими фабриками и заводами, только 6,8% получили техническое образованіе, да и изъ нихъ болѣе $\frac{1}{3}$ были иностранцы. Ближайшее послѣдствіе этого — ничтожная производительность труда въ нашей промышленности и высокая цѣнность издѣлій. Въ концѣ XIX вѣка въ нашемъ каменноугольномъ промыслѣ на 1 рабочаго приходилась добыча отъ 5819 пудъ въ годъ (подмосковный округъ) до 7273 (въ донецкомъ); только въ домбровскомъ округѣ рабочий добывалъ съ небольшимъ 17,000 пудъ; англійскій же рабочий добываетъ 20,000 пудъ съ глубины, въ 5 разъ болѣе. Въ бумагопрядильной промышленности на 1 работника приходилось: въ Англіи 67 веретенъ, въ Швейцаріи — 55, Австріи — 42, а Россіи — только 28. Оцѣнимъ, въ видѣ примѣра, тотъ ущербъ, который причиняютъ потребителямъ желѣза высокіе таможенные налоги. Стальные рельсы покупаются русскими желѣзными дорогами по $1\frac{1}{4}$ рубля за пудъ, тогда какъ въ Англіи они стоятъ 88 копѣекъ. Сравнивая цѣны главныхъ металлическихъ издѣлій на Нижегородской ярмаркѣ отъ 40-хъ годовъ до послѣднихъ лѣтъ 19 вѣка, мы наблюдаемъ ихъ повышеніе. Въ теченіе 40-хъ годовъ цѣны полосового желѣза составляли отъ 90 до 144 копѣекъ за пудъ, котельного отъ 173 до 257 копѣекъ, стали отъ 100 до 220 копѣекъ. А для 1890—94 годовъ мы получаемъ такія цѣны: 130 до 295 копѣекъ для полосового желѣза, 153 до 600 для котельного, 150 до 480 копѣекъ для стали. Въ Соединенныхъ же Штатахъ происходило противоположное движеніе цѣнъ. Сортовое желѣзо, стоявшее въ 40-хъ годахъ 140—192 копѣйки, стоило въ 1890—98 годахъ 61—96 копѣекъ; машинные гвозди стоили 146—226 копѣекъ въ 50-хъ годахъ и 67—108 въ 90-хъ. Земство вычислило для Вятской губерніи жертву, которую приносятъ крестьяне покровительству русской желѣзодѣлательной промышленности. Было принято въ разсчетъ и то, что крестьяне, вслѣдствіе дороговизны желѣза, не примѣняютъ улучшенныхъ орудій для очистки посѣвнаго зерна и осушки хлѣба. Въ итогѣ получилось 9 миллионовъ рублей. Все это служить причиной совершенно ничтожнаго применения машинъ въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ.

Съ послѣдніхъ годовъ 19 вѣка въ нашемъ таможенномъ законодательствѣ совершились нѣкоторыя перемѣны. 1 июня

1893 года утверждено міністєрством фінансів о постанові въ Россії двойного таможенного тарифа. Этотъ законъ постановляетъ, что тарифы, со всѣми могутшими послѣдоватъ изъ немъ измѣненіями, будуть примѣнены къ товарамъ, состоящимъ произведенія почвы и промышленности тѣхъ странъ, которыя даютъ русскимъ товарамъ наиболѣе льготныя условія ввоза и транзита; къ товарамъ же, составляющимъ произведенія почвы и промышленности тѣхъ странъ, которыя не даютъ русскимъ товарамъ такихъ условій, означенный тарифъ будетъ подлежать примененію съ надбавкою 30, 20 и 15 процентовъ. 5 іюня былъ заключенъ торговый договоръ съ Франціей, понизившій пошлину на нѣкоторые ввозимые къ намъ французскіе товары; понижение составило 10—20%. 20 іюля состоялось распоряженіе министра финансовъ о повышеніи пошлинъ на 50% съ произведеній почвы и промышленности Германіи и ея віце-европейскихъ колоній. Результатомъ этихъ перемѣнъ въ Россіи явился четверной таможенный тарифъ: общій, изданный 11 іюня 1891 года со всѣми послѣдующими измѣненіями и дополненіями; *возможный*, установленный для товаровъ изъ тѣхъ государствъ, которыя не предоставляютъ Россіи право наиболѣе благопріятствующихъ странъ; *максимальный* — для Германіи и *минимальный* — для Франціи. Таможенная война съ Германіей, вызванная этими перемѣнами, длилась 6 мѣсяцевъ и привела къ торговому договору 7 марта 1894 года.

Торговый договоръ опредѣляетъ, прежде всего, что подданые каждой изъ договаривающихся сторонъ, постоянно или временно проживающіе въ предѣлахъ другой страны, имѣютъ тѣ же права, преимущества, льготы и изыятія, какія дарованы подданнымъ наиболѣе благопріятствующей державы. Рядъ статей содержитъ постановленія о мореплаваніи, судоходныхъ сборахъ, взаимномъ пользованіи желѣзными дорогами. Но центромъ тяжести договора служатъ установленные имъ оклады таможенныхъ пошлинъ. Понижение ставокъ германского тарифа составляетъ 15—20% для нѣкоторыхъ видовъ скота, мяса, сыра, кукурузы и достигаетъ 30% для пшеницы, ржи, овса и муко-мольныхъ продуктовъ изъ зерноваго хлѣба. Понижение нашихъ таможенныхъ ставокъ для различныхъ товаровъ не одно то же: для нѣкоторыхъ ставки понижены на 30—40% и болѣе (химические и фармацевтические продукты, часовые приборы и механизмы, изделия изъ камвольной пряжи, вязанныя шелковая и полушелковая издѣлія, зонтики различныхъ видовъ, нѣкоторые фарфоровыя издѣлія), даже на 110% (для бархата, лентъ и некоторыхъ сортовъ) и только на 8—10% для сыры, столярной и токарной работы, цинка, различныхъ издѣлій изъ мѣди и проч.

Отсутствіе въ договорѣ уступокъ по надѣлкамъ хлопчато-бумажной промышленности является рѣзкимъ диссонансомъ.

Оно не можетъ быть оправдано ссылкою на высокое таможенное обложение привозного хлопка. Такое обложение не мѣшаетъ нашимъ фабрикамъ въ этой отрасли доставлять огромные барыши, не мѣшаетъ ихъ владельцамъ быть богатѣйшими и самыми влиятельными людьми среди русскихъ промышленниковъ. Подобная аномалия не можетъ быть оправдана и ссылкою на то, что хлопчато-бумажное производство занимаетъ у насъ первое мѣсто и что даже малѣйшее затрудненіе могло бы отразиться на большемъ числѣ работниковъ, нежели въ другихъ отрасляхъ: въ первомъ, при заключеніи договора, было занято 211,000 человѣкъ, а всеѣ отрасли промышленности, на издѣлія которыхъ понижены таможенные пошлины, имѣли въ совокупности гораздо больше работниковъ.

По образцу торгового договора съ Германіей, Россія заключила (24 июня 1894 года) договоръ съ Австро-Венгріей. Оба договора заключены на 10-лѣтній срокъ.

Порядокъ вещей, установленный договоромъ, гораздо болѣе выгоденъ, нежели таможенная война. Потребители обѣихъ сторонъ выигрываютъ. Тотъ фактъ, что совокупность понижений, сдѣланныхъ въ германскомъ тарифѣ, касались нашего вывоза на 210 миллионовъ рублей, а уступки, сдѣланные Россіи, относились до ввоза къ намъ изъ Германіи на 49 миллионовъ, заставляетъ предполагать, что Россія выиграла больше, чѣмъ Германія. Однако, такой выводъ не могъ бы быть хорошо обоснованъ. Напротивъ, есть данные предполагать какъ разъ обратное: вывозъ Россіи въ Германію возросъ меньше, чѣмъ привозъ изъ Германіи; отъ 1891 до 1903 года послѣдний поднялся со $103\frac{1}{4}$ до 235,7 миллионовъ рублей, а отпускъ Россіи въ Германію—съ 193 на 232,4 миллиона.

Изслѣдованія, произведенныя въ разныхъ мѣстахъ Германіи, показываютъ, что ~~она~~ извлекла изъ торговыхъ договоровъ большія выгоды. По даннымъ для Вюртемберга, договоры, заключенные Германіей, не ухудшили положенія сельского хозяйства въ этомъ королевствѣ, а подняли многія отрасли промышленности: машиностроеніе, разные виды обработки металловъ, производство музыкальныхъ инструментовъ, часовъ, перстяныхъ издѣлій, химическихъ. Хлопчатобумажная промышленность не выиграла только потому, что очень развидалась въ странахъ, съ которыми Германія заключила договоръ ⁸⁾. Мы узнаемъ относительно Силезіи, что вся промышленность этой провинціи получила крупный выигрышъ отъ договора Германіи съ Россіей. Съ 1895 года наступило большое оживленіе: вся горная и горнозаводская промышленность Верхней Силезіи произвела въ 1894 году около 21 миллиона тоннъ на $243\frac{2}{3}$ миллиона марокъ, а въ 1899—слишкомъ 28 миллионовъ тоннъ на $444\frac{2}{3}$ миллиона; число рабочихъ поднялось за это время съ 102,468 до 125,000;

средняя годовая заработка плата из жалованья и премий про мышленности соединила в 1891 году 783,70 марокъ, в то 1893—922,30. Однородное движение "паблидется" и по многимъ другихъ отраслямъ".⁷⁾

Въ 1905 году Россія снова заключила торговый договоръ съ Германіей на 12 лѣтъ. Онь лишь немногимъ отличается отъ предыдущаго. Германія нѣколько подняла настрой на промышленные хлѣбъ, скотъ и масло, а Россія — на некоторые фабрикаты (бумажный и шерстянная ткань, швейная машинка и машины для обработки дерева, изделия изъ мѣди, бочарныхъ и др.).

Заключеніе торговыхъ договоровъ не внесло новыхъ привилій въ русскую таможенную политику: какъ ни былъ обременителенъ тарифъ 1891 года, въ 1900 и 1903 годахъ снова состоялось его повышение.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ДЕСЯТОЙ ГЛАВѢ.

- 1) *Schulze-Gävernitz*. Britischer Imperialismus. 246—47.
- 2) *George*. Free Trade и *Sumner*. Protectionism. 29—30.
- 3) *Sumner*. Т.-ж., 49—52.
- 4) Т.-ж., 53.
- 5) *George*. Т.-ж., 136.
- 6) *Sumner*. Т.-ж., 145.
- 7) Ср. Иксъ Шапками забросаемъ. Экон. Журн., 1893, II, 38—40 и дальше. Ср. также Проектъ заключенія объяснит. зап. И. В. Эк. Общества по вопр. о пересм. таможен. тарифа, 2—3.
- 8) *Bartens*. Die wirtschaftliche Entwicklung des Königreichs Württemberg. 1901.
- 9) *Friedrich*. Schlesiens Industrie. 1902.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ. ПОТРЕБЛЕНИЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Потребление въ собственномъ смыслѣ.

Литература. Roscher. System, I. Schönberg. I. Handwörterbuch der Staatswissenschaften, IV. Wagner. Grundlagen, II. Moffat. The Economy of Consumption, 1878. Gossen. Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs. 1888. Patten. The consumption of Wealth. 1889. Kraus. Das Bedürfniss. 1894. Lchr. Production u. Konsumtion in der Volkswirtschaft. 1895. Felix. Der moderne Reichthum. 1906. Жуковскій. Пища, какъ предметъ экономіи. Вѣстн. Евр. 1871. IX. Кроме этихъ пособій общаго характера, сюда слѣдуетъ отнести всю чрезвычайно обширную литературу по квартирному вопросу, а также изслѣдованія о бюджетѣ рабочихъ. Villermé. Tableau de l'état physique et moral des ouvriers, 1840. Mayhew. London Labour and the London Poor. 1860. Sax. Die Wohnungsverhältnisse der arbeitend. Klassen. 1889. Engels. Zur Wohnungsfrage. 1872. Engel. Die moderne Wohnungsnoth. 1873. d'Haussonville. La misère à Paris. Revue d. d. mondes, 1881. VI Reichardt. Die Grundzüge der Arbeiterwohnungsfrage. 1884. Ruprecht. Die Wohnungen der arbeitenden Klassen in London. 1884. Die Wohnungsnoth der ärmeren Klassen in deutschen Grossstädten. 1886. 30—31 В-е. Schriften des Vereins für Socialpolitik. Trüdinger. Die Arbeiterwohnungsfrage. 1888. Зибер. Квартиры. вопр. въ большихъ городахъ. Юрид. Вѣстн. 1886, I и II. Исаевъ. Большие города и ихъ взаиміе на обществѣ жизни. 1887. Fuchs. Zur Wohnungsfrage. 1904. Wolfe. The lodging house problem in Boston. 1906.—Le Play. Ouvriers européens. I. Schnapper-Arndt. Fünf Dorfgemeinden auf dem hohen Taunus. 1882. Ballin. Die Haushaltung der arbeitend. Klassen. 1888. Gruber. Die Haushaltung der arbeitenden Klassen. 1887. Hampke. Das Ausgabebudget der Privatwirtschaften. 1888. Family budgets. 1896. Hirschberg. Die sociale Lage der arbeitenden Klassen in Berlin. 1897. Zeitlin. Das Budget einer armen Frau. Die Zukunft. 1907. 12—15. Apelt. Die Konsumtion der wichtigsten Kulturländer. 1899. May. Das Verhältniss des Verbrauches der Massen. 1899. Родниц. Сахарная промышленность всего свѣта. 1899. Его же. Скотоводство и молочное хозяйство въ разныхъ государствахъ. 1899. Его же. Желѣзодѣлательная промышленность всего свѣта. 1900. Bauer. Das Konsumtionsbudget der Haushaltung, въ Handwörterb. der Staatswissenschaft. IV. Тамъ же дальнѣйшія указанія на литературу вопроса. Относительно Россіи можно найти обширный и, частью, обработанный материалъ въ отчетахъ фабрічныхъ инспекторовъ и въ земскихъ статистическихъ сборникахъ, особенно по Воронежской, Московской, Тамбовской губерніямъ. Для ознакомленія съ

крестьянскими бюджетами въ Россіи, см. также *Исаевъ. Промыслы Московской губерніи, и Цербина. Крестьянские бюджеты. Съв. Вып. 1888, IV. Весна.* Жизнь нашего воинорусского крестьянства. *Съв. Вып. 1892, VII. Опытный урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на рус. землѣ, хохольство. Операт. Марсса. 1897.* По вопросу о роскоши: *Roscher. I. Wagner. II. Schuberg. I. Dumont. Théorie du luxe. 1771. Rau. Ueber den Luxus. 1817. Herrmann. Die Laune der Pracht. 1872. Conrad. Ueber das Steigen der Lebensausprache. 1877. Baudrillart. Histoire du luxe privé et public. 1880. Lareuge. Le luxe. 1887. Его же. Elements de l'écon. polit. По напр. о потреб. промышл. Pfeiffer. Die Konsumvereine. 1869. Holyoake. History of Co-operation. 1875 и 1885. Brelay. Les sociétés de consommation. 1881. Schneider. Taschenbuch f. Konsumvereine. Crüger. Die Erwerbs- und Wirtschaftsgenossenschaften in den einzelnen Ländern. 1892. Zeidler. Geschichte des deutschen Genossenschaftswesens der Neuzeit. 1893. Trémecel. Les sociétés coopératives de consommation. 1895. Müller. Die schweizerischen Konsumgenossenschaften. 1896. Томоміта. Потребительные общества на Западѣ. 1901. Gide. La Coopération. 1906. Kaufmann. Jahrbuch des Zentralverbandes deutscher Konsumvereine, 2 В. 1906. Дальнийш. указ. въ статьѣ *Crüger'a Konsumvereine въ Handwörterb. der Staatswissensch. III. 1895.* Сообщенія петерб. отд. комит. о ссудооб. товарищ. V. 1892. VIII. 1894. Сообщенія, X. 1895. Статья *Озеровъ. С.-Петербургск. общества потребителей. Дальнийш. свѣдѣн. см. библіограф. указатель Межова.**

Цѣлесообразное потребление благъ есть конечная цѣль производства. Съ точки зрѣнія хозяйственной, работа становится безцѣльною, если она не направлена на производство благъ, которые удовлетворяютъ человѣческія потребности. Потребленіе, такимъ образомъ, постоянно питаетъ производительные процессы. Пропорція, въ которой стоитъ потребленіе отдельныхъ людей къ ихъ производству, не одна и та же. Большое значеніе имѣть полѣ: на низкихъ ступеняхъ культуры женщины, исполняя многія тяжелыя работы, больше участвуютъ въ производствѣ материальныхъ благъ, нежели въ развитомъ обществѣ. Общественные слои, которые живутъ рентами и процентами и, будучи способны къ труду, не участвуютъ въ производительномъ процессѣ прямо или косвенно, являются только потребляющею частью населения. Сюда же нужно отнести нищихъ, бродягъ, преступниковъ, способныхъ къ труду, но не желающихъ работать. Исключительно потребляющую часть населения образуютъ, наконецъ, дѣти до 15 лѣтъ, старики, больные и увѣчные. Къ производящей части населения по возрасту, нужно отнести всѣхъ достаточно здоровыхъ людей между 15 и 60 годами. Эти люди должны удовлетворить не только свои потребности, но и потребности всей не работающей части населения.

Въ качественномъ отношеніи потребности человѣка допускаются безграничное расширение. Объ этомъ свидѣтельствуетъ разнообразіе видовъ почти каждого блага, вошедшаго въ хозяйственный оборотъ. Но для некоторыхъ потребностей, особенно потребности въ пище, есть граница, которую человѣкъ не можетъ переступить относительно количества блюда. Всѣ же по-

требности, которых слѣдуетъ отнести къ прихотямъ, потребностямъ роскоши (украшеніе одежды, жилищъ и т. д.), и количественно не имѣютъ границъ. Поэтому, практически важно опредѣлить только низшій предѣлъ нуждъ и наименьший запасъ благъ, необходимыхъ для ихъ удовлетворенія. Можно говорить о низшемъ предѣлѣ потребностей одного человѣка, семьи, цѣлаго народа. Этотъ предѣлъ не одинъ и тотъ же въ разныхъ климатахъ и на разныхъ ступеняхъ культуры. Въ Россіи уровень потребностей, вообще, очень низокъ; по многому люди бѣднѣйшихъ классовъ погибли бы, еслибы имъ дать только то, чѣмъ довольствуется эскимосъ или новоземелецъ. Однако, и въ самыхъ богатыхъ странахъ большая часть населения имѣть меньше средствъ, чѣмъ нужно для физически правильного удовлетворенія потребностей. Эти недостатки рѣдко ведутъ къ смерти отъ холода и голода въ такой острой формѣ, какъ погибасть первобытный человѣкъ; но они служатъ причинами хронического истощенія, высокой смертности среди бѣдныхъ классовъ и, особенно, усиленной смертности дѣтей.

Размѣры потребления прежде всего опредѣляются хозяйственными силами семьи, ея доходомъ. Разъ доходъ семьи поднимается надъ уровнемъ необходимыхъ потребностей, то въ разныхъ общественныхъ слояхъ слагаются различные типы потребления; эти типы обусловливаются не только доходами, но и социальными и классовыми обычаями того общественного круга, къ которому принадлежитъ семья. При доходѣ однихъ и тѣхъ же размѣровъ, семьи зажиточныхъ крестьянъ, мыщанъ, чиновниковъ, офицеровъ, литераторовъ, если составъ семей одинъ и тотъ же, представляютъ своеобразные типы въ области потребления. Каждая изъ этихъ единицъ, дорожа принадлежностью къ известному кругу, часто придаетъ особенное значеніе не тѣмъ потребностямъ, которые наиболѣе важны для сохраненія жизни и здоровья, но тѣмъ, которые кладутъ на человѣка печать известного сословія или класса: чиновникъ скорѣе откажется отъ здоровой пищи, чѣмъ отъ довольно хорошаго платя, литераторъ позднеѣ всего сократить расходы на книги и т. п.

Блага, удовлетворяющія потребности людей, могутъ быть производимы въ массахъ, которыхъ опредѣляются запасами сырья и вспомогательныхъ материаловъ. Успѣхи землѣи настолько увеличили производительность труда, что до сихъ поръ человѣчество не только не испытывало недостатка въ сырьяхъ и вспомогательныхъ материалахъ, но съ каждымъ поколѣніемъ имѣло ихъ все въ большемъ и большемъ количествѣ. Однако, эти запасы подлежатъ истощенію: пласти каменнаго угля, отложившіеся въ предидущіе геологическіе періоды, не могутъ быть возобновлены; слѣдуетъ сказать то же объ источникахъ нефти,

рудникахъ, благородныхъ металловъ и т. д. Наконецъ, земля, какъ мѣсто сельско-хозяйственной деятельности человѣка, ограничена; съ разселенiemъ людей по всему земному шару наступить время, когда производительные силы почвы будутъ исчерпованы до крайнихъ предѣловъ. Вотъ, естественные границы (правда отдаленныи отъ насъ многими вѣками), за которыми не можетъ преступить человѣкъ въ развитии своихъ потребностей.

Потребности могутъ быть сведены къ двумъ основнымъ классамъ: *единоличныи*, вытекающія изъ индивидуальной природы человѣка, и *общественныи*, связанныи съ развитиемъ общечеловѣчества.

1) Среди индивидуальныхъ потребность въ пищѣ занимаетъ первое мѣсто. Физиологи опредѣляютъ нормальную потребность въ пищѣ количествомъ основныхъ элементовъ, необходимыхъ для поддержания жизни и здоровья человѣка. Ежедневная порція взрослого мужчины опредѣляется такимъ числомъ граммовъ: 118 бѣлковины, 56 жировыхъ веществъ, 500 углеводовъ и 30 минеральныхъ солей. А такъ какъ всѣ пищевые вещества содержатъ довольно много воды, то, по вѣсу, количество пищи, которое нужно принимать, значительно больше, нежели приведенные нормы. Порціи, даваемыи солдатамъ въ европейскихъ войскахъ, должны быть признаны близкими къ нормѣ необходимаго для человѣка количества пищи: правительства заинтересованы въ сохраненіи здоровыи солдатъ, а также и въ томъ, чтобы не расходовать ничего лишняго на ихъ содержаніе. Въ германскихъ войскахъ, которая составляютъ предметъ особой заботливости правительства, въ мирное время, при нахожденіи въ гарнизонѣ, солдатъ получаетъ ежедневно 750 граммовъ хлѣба, 150—мяса, 90—риса (или 120—крупъ, или 230—стручковыхъ растеній, или 1500 —картофеля) и 25 граммовъ соли. Порціи увеличиваются на маневрахъ и достигаютъ высшихъ размѣровъ въ военное время: 1000 граммовъ хлѣба, 500—мяса, 40—кофе. Среди потребляемыхъ продуктовъ некоторые не составляютъ предметовъ необходимости, но стали общераспространенными; таковы: кофе, чай, сахаръ, отчасти и вино. Размѣры потребленія этихъ предметовъ служатъ отчасти показателемъ благосостоянія данного народа. Въ то время, какъ отдельныи страны мало различаются одна отъ другой по количеству потребляемаго хлѣба, соли, разница между народами относительно потребленія этихъ припасовъ очень значительна. На 1 жителя потребляется сахару: въ Англіи 76 фунтовъ, во Франціи 24, въ Германіи 20, Россіи 9. Чай: въ Англіи—6 фунтовъ, Соединенныхъ Штатахъ— $1\frac{1}{2}$. Водки: въ Норвегіи 3,6 литра, въ Россіи и Швеціи—8,1, Голландіи 9,8, Датіи 18,9. Кофе: въ Соединенныхъ Штатахъ—9,2 фунта, Германіи—

6, Франци— $4\frac{1}{2}$ фунта: Хлопчатой бумаги; въ Великобританії и Ирландії—44 фунта, въ Германії—12, Франци—9,8, Россії—4,15 фунтовъ.

2) Потребность въ жилищѣ имѣеть также первостепенное значение не только въ физическомъ отношеніи, для защиты отъ ненастяя, но и въ отношеніи нравственному: семейная жизнь сосредоточивается у домашнаго очага, и ничто въ такой мѣрѣ не разрушаетъ ея, какъ неудовлетворительное жилище. Гигіена ставить низшимъ предѣломъ удовлетворенія потребности въ жилищѣ 2 кубическихъ сажени на 1 человѣка: такое количество воздуха необходимо для дыханія. Въ интересахъ же культурныхъ жилище должно быть достаточно для того, чтобы мужчины, женщины и дети имѣли особыя помѣщенія: общія помѣщенія для лицъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ способствуютъ половой распущенности. Большиіе города со своими почтежными домами и подвальными квартирами представляютъ особенно неблагопріятная условія для удовлетворенія этой потребности. Въ Берлинѣ, напримѣръ, около 128,000 жилищъ имѣютъ 478,000 жильцовъ и только по 1 отопляемой комнатѣ. Въ Петербургѣ въ подвальныхъ квартирахъ живетъ около 8% населенія, въ Берлинѣ—7,7%. Въ Берлинѣ въ началѣ 90-хъ годовъ было 3,376 квартиръ безъ печей. Съ потребностью въ жилищѣ связана и потребность въ топливѣ, которое способствуетъ поддержанію въ жилищѣ достаточной теплоты.

3) Потребность въ *одеждѣ* не допускаетъ провѣденій высшей границы. Даже масса населенія смотрить на одежду не только какъ на средство охранять тѣло отъ вредныхъ вліяній атмосферы, но и какъ на украшеніе; этимъ объясняется распространенная привычка ~~расходовать~~ на одежду болѣе, нежели допускаютъ имущественные силы данного лица. Низшій же предѣлъ удовлетворенія этой потребности можетъ быть установленъ согласно съ климатическими условіями: въ суровомъ климатѣ необходима одежда изъ шерстяныхъ тканей и мѣховъ, тогда какъ въ жаркихъ поясахъ можно довольствоваться и болѣе легкой.

Сопоставленіе расходовъ, которые вызываются главными потребностями, показываетъ, что пища занимаетъ первое мѣсто. Въ семьяхъ рабочихъ классовъ на пищу идетъ 60—65% всѣхъ расходовъ, въ среднемъ классѣ—55%, богатомъ—50%. На жилище съ отопленіемъ идетъ въ бѣдныхъ семьяхъ 15—20%, въ среднихъ 12—15%.

За послѣднее время собрано много данныхъ о бытѣ рабочаго класса въ Берлинѣ. Бюджетъ расходовъ показываетъ, какъ скромно удовлетворяются потребности даже тѣхъ семей, которые принадлежать къ высшимъ разрядамъ рабочаго класса. Таковы, напримѣръ, семья каменщика съ доходомъ до 1500 марокъ

въ годъ и рублика по дереву, зарабатывающаго приблизительно столько же. Эти семьи имѣютъ по 5 душъ и затрачиваются на пищу, одна 728, другая 780 марокъ. Недостаточность такихъ расходовъ явствуетъ изъ того, что прокормление германскаго солдата стоитъ казнѣ 195 марокъ въ годъ. Приравнивая 5 членовъ семьи, изъ которыхъ 2 взрослыхъ и 3 подростковъ и дѣтей, 3 солдатамъ, мы получаемъ для такой семьи 585 марокъ, какъ необходимый наименьшій расходъ на пищу. Однако, прокормление солдатъ обходится гораздо болѣе дешево, нежели то можетъ быть достигнуто отдельными семьями: въ первомъ случаѣ съѣстные припасы, топливо покупаютъ оптомъ, т.-е. дешево, а во второмъ — все нужное для хозяйства берется у розничныхъ торговцевъ въ долгъ, т.-е. дорого. Несомнѣнно, отдельные семьи покупаютъ предметы продовольствія на $\frac{1}{3}$ дороже, чѣмъ военное вѣдомство. Получается, такимъ образомъ, сумма до 800 марокъ, необходимая для того, чтобы пища 5-членной семьи была не хуже, чѣмъ содержаніе германскихъ солдатъ. Но и при такомъ расходѣ питаніе семьи скучно; извѣстно, что солдаты чувствуютъ себя на одномъ казенномъ пайкѣ впроголодь и подкармливаются на деньги, получаемыя отъ родныхъ. — Нижний расходъ этихъ семей на одежду (75—200 марокъ въ годъ) свидѣтельствуетъ, какъ скучно удовлетворяется эта важная потребность. — Въ семьяхъ гдѣ годовой заработка не превышаетъ 1000 марокъ, потребности удовлетворяются гораздо ниже, чѣмъ того требуетъ гигиена.

Потребление въ русскомъ крестьянскомъ хозяйствѣ поражаетъ своими неизначительными размѣрами. Щербина, изслѣдовавъ въ Воронежской губерніи 67 типичныхъ хозяйствъ, сдѣлала выводъ, что, при средней семье изъ 8 душъ, въ числѣ которыхъ находится 2 полныхъ работника, расходъ на каждую наличную душу достигаетъ 53 руб. 5 коп. въ годъ. Изъ этой суммы 26 руб. 78 коп. (50,5%) представляютъ стоимость предметовъ, производимыхъ въ хозяйствѣ крестьянъ, а 26 р. 27 к. (49,5%) являются денежнымъ расходомъ. Въ послѣднемъ больше 14 рублей падаютъ на потребности хозяйства (арендная плата за землю, покупной кормъ для скота) и только 12 рублей затрачиваются на личный потребности. Отсюда: 2 р. 21 коп. на одежду, 1 р. 65 коп. на водку, 49 коп. на чай и сахаръ, 45 на рыбу, 40 коп. на продукты скотоводства, 9,6 коп. на мыло.

Нѣкоторые предметы потребленія, разрушая здоровье людей, должны быть признаны вредными. Эти блага, будучи плодомъ человѣческаго труда, образуютъ богатство; но, не содѣйствуя физическому благополучію человека, ни его духовному развитію, они имѣютъ въ хозяйствѣ только отрицательное значеніе: еслибы человѣчество оставило привычку потреблять ихъ, то сберегло бы много силъ, которыя способствовали бы и благо-

успешному хозяйственному развитию. Среди этихъ предметовъ крѣпкимъ напиткамъ принадлежитъ первое мѣсто. Можетъ счи-таться спорнымъ вопросъ о томъ, полезно или, по крайней мѣрѣ, безвредно ли потребление ихъ въ самыхъ малыхъ коли-чествахъ. Несомнѣнно одно: потребленіе ихъ ведетъ въ боль-шинствѣ случаевъ къ злоупотребленію, а послѣднее разрушаетъ тѣлесное здоровье человѣка, подтачиваетъ его духовныя силы, отнимаетъ у него много времени отъ производительного труда. Прискорбныя явленія, связанныя съ пьянствомъ, такъ извѣстны, что не нуждаются въ подробнѣ описаніи. Припомнить только, что за каждыя 10 лѣтъ, вслѣдствіе пьянства, въ Соединенныхъ Штатахъ, напримѣръ, 10,000 человѣкъ оканчиваютъ самоубий-ствомъ, остаются 200,000 безвременныхъ вдовъ и около 1,000,000 сиротъ. Сюда же нужно отнести и потребленіе та-баку. Дурная привычка курить, перенятая цивилизованными народами у американскихъ дикарей, искусственно раздражаетъ нервы и разстроиваетъ здоровье. Однородное, но еще болѣе сильное вліяніе оказываетъ на человѣка потребленіе опіума, всего болѣе распространенного въ Китаѣ, но нашедшаго много любителей и въ европейско-американскомъ мѣрѣ. Цѣнность спиртныхъ напитковъ и табаку, ежегодно производимыхъ въ цивилизованныхъ государствахъ, опредѣляется 3—4 миллиардами рублей. Человѣчество выиграло бы, еслибы огромные капиталы и масса труда, затраченные въ винокуренныхъ заводахъ, та-бачныхъ плантацияхъ и фабрикахъ получили иное назначеніе.

Здѣсь же нужно коснуться вопроса о роскоши. Мы нахо-димъ въ литературѣ много различныхъ опредѣленій роскоши; большую частью, они сходны въ томъ, что признаютъ роскошью потребленіе такихъ благъ, которыхъ бесполезны для поддержанія жизни и здоровья людей и не нужны для человѣческаго бла-гополучія. Такое опредѣленіе неудовлетворительно: бѣднякъ, пропивая весь свой заработокъ, издерживается на водку, кото-рая не способствуетъ сохраненію жизни и здоровья: но никто не скажетъ, что онъ проводить жизнь въ роскоши. Понятіе роскоши относительно: неѣть основанія утверждать, что именно такія-то блага должны быть относимы къ предметамъ роскоши, такъ какъ это понятіе содержитъ представленіе не только о родахъ благъ, но и о ихъ количествѣ: фазаны и ананасы, пода-ваемые за обѣдомъ, должны быть относимы къ предметамъ роскоши; то же слѣдуетъ сказать объ одеждѣ съ бриллианто-выми пуговицами, о дорогихъ картинахъ, зеркалахъ, коврахъ, столовой утвари. Но мы должны сказать также, что человѣкъ, живущій въ домѣ о 20 комнатахъ, хотя бы просто отдѣлан-ныхъ, имѣющій для катанья 10, хотя бы и не дорогихъ лошадей, нѣсколько дюжинъ платьевъ, хотя бы и неизысканныхъ по убранству, ведетъ жизнь, полную роскоши. Поэтому, го-

раздо правильнее разуметь подъ «роскошью» потребление такихъ вещей и въ такомъ количествѣ, которымъ рѣконо отличаются отъ среднихъ распространенныхъ потребностей въ данное время и въ данномъ мѣстѣ. Если среднее жилище состоитъ изъ данномъ мѣстѣ изъ 5 комнатъ, то мы съ полнымъ правомъ назовемъ роскошнымъ жилище изъ 20 комнатъ. Если человекъ скромнаго достатка можетъ имѣть золотое обручальное кольцо, нѣсколько серебряныхъ ложекъ и золотые часы, то мы должны говорить о роскоши тѣхъ, чьи пальцы украшены драгоцѣнными перстнями, чья столовая утварь измѣряется шудами золота и серебра.

Роскошь издавна служитъ для экономистовъ и философовъ предметомъ усерднаго изученія. Столическая философія древней Греціи, отцы церкви и средневѣковые сколастики бичуютъ роскошь, какъ источникъ развращенія людей. Позднѣе роскошь подвергается безпощадному осужденію со стороны гуманистовъ, Лютера, Руссо. Но слышится не мало голосовъ и въ защиту роскоши. Многіе экономисты проводятъ мысль, что роскошь богатыхъ людей, содѣйствуя расширенію производства, даетъ бѣднымъ людямъ заработокъ¹⁾. Въ новѣйшее время, благодаря особенной склонности къ компромиссамъ, которую мы находимъ у многихъ экономистовъ-историковъ, проводится взглядъ, что варода въ состояніи здоровой культуры и роскошь не принимаетъ болѣзниенныхъ формъ²⁾.

Нужно энергически возражать противъ мнѣнія, будто бы роскошь полезна, такъ какъ она расширяетъ производство и открываетъ бѣднымъ людямъ источники для заработка. Въ основѣ этого заблужденія лежитъ стараніе одобрить существующій порядокъ вещей, отыскать выгоды и тамъ, где предъ судомъ здраваго смысла обнаруживаются только темныя стороны. Производство предметовъ роскоши уже потому открываетъ меньшее поле для заработка, нежели производство общераспространенныхъ товаровъ, что въ первомъ случаѣ (отдѣлка драгоцѣнныхъ каменьевъ, экипажей, домовъ) плата выше и на данный капиталъ можетъ быть занято меньшее число рабочихъ рукъ.

Нравственное чувство побуждаетъ стать на сторону тѣхъ мыслителей, которые осуждаютъ роскошь. Однако, мы осудимъ ее тѣмъ больше сознательно, чѣмъ рѣзче проведемъ границу между роскошью въ общественномъ потреблении и роскошью частныхъ хозяйствъ. Первая только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ вызывать противъ себя осужденіе, отъ кого бы ни исходила она — отъ общественной власти, союзовъ или отдельныхъ лицъ. Храмы, изукрашенные драгоцѣнными каменями, картинами великихъ мастеровъ, музеи, въ которыхъ сосредоточены рѣдкіе предметы искусства, библиотеки съ миллионами томовъ, театры, памятники, общественные сады, разъ эти предметы

и учреждения открыты для пользования всеми гражданами,—не должны вызывать против себя возражений, если даже они отличаются всем блеском и великолепием, которые способен изобрести человеческий умъ. Если эти учреждения открыты всем для бесплатного пользования, то и бѣднякъ можетъ проводить некоторые часы досуга въ своего убогаго жилища и получать отъ общественной роскоши известную сумму наслаждений. Пожертвование частныхъ лицъ, создающія общественную роскошь, являются наилучшою формою, въ которую, при современномъ хозяйственномъ строѣ, могутъ затрачиваться богатства. Такія затраты со стороны государства и единицъ самоуправления также могутъ быть оправданы; если сполна удовлетворяются главныя коллективныя потребности и налоги распределены довольно равномерно. Но и общественная роскошь, созидаемая на государственный, земскія и городскія средства, заслуживаетъ осужденія, если не удовлетворяются насущныя потребности. Городу неприлично строить великоколѣпный театръ, пока нѣтъ достаточнаго числа училищъ.

Главными источниками роскоши въ частномъ хозяйствѣ служатъ чувственныя влечения и тщеславіе; послѣднему принадлежитъ выдающееся място. Украшая себя дорогими нарядами, окружая себя въ домашнемъ быту дорогою мебелью, утварью, человѣкъ не столько руководствуется желаніемъ удовлетворить свои материальныя влечения или эстетическія наклонности, сколько желаніемъ выдѣлиться изъ толпы, обратить на себя всеобщее вниманіе, ~~быть~~ членомъ лучшаго, избраннаго общества. Конечно, сущность этихъ влечений объясняеть, что и человѣческое потребленіе, сложившееся подъ ихъ влияніемъ, не можетъ быть нормальнымъ. Роскошь въ частномъ хозяйствѣ является двоякимъ зломъ. Тщеславію нѣтъ границъ, и человѣкъ, преданный роскоши, направляетъ всѣ свои помыслы на то, чтобы развивать и разнообразить свое потребленіе: а потому время, которое могло бы быть посвящено духовному усовершенствованію и здоровымъ наслажденіямъ, употребляется на воспитаніе тщеславія. Во-вторыхъ, роскошь богатыхъ людей вызываетъ зависть въ бѣднейшихъ классахъ; сравненіе своей нужды съ пышностью, утехами и радостями, которыхъ выпадаютъ на долю первыхъ, дѣлаетъ для послѣднихъ особенно острымъ и болезненнымъ сознаніе собственнаго убожества. А такъ какъ чувство довольства или неудовлетворенности порождается не абсолютнымъ количествомъ благъ, которымъ располагаетъ человѣкъ, не однимъ родомъ потребностей и степенью ихъ удовлетворенія, но и сравненіемъ своей жизни съ обстановкою другихъ людей, то—можно сказать безошибочно,—съ возрастаниемъ роскоши, въ бѣднейшихъ классахъ увеличивается сознаніе ихъ несчастливой доли.

Многочисленные факты говорятъ за то, что роскоши нашего времени не только не уступаютъ роскоши посыдущихъ эпохъ древняго Рима, но превосходятъ ее, какъ по количеству расточаемыхъ благъ и ихъ разнообразію, такъ и по способности вредно вліять на окружающихъ. Исторія повѣстуетъ шамъ о пирахъ Лукулла, обѣ общирныхъ и великолѣпныхъ дворцахъ и садахъ богатыхъ и знатныхъ римлянъ. Эти факты явліяются, однако, исключеніями на общемъ фонѣ римской жизни. Роскошные римскіе ужины происходили на глазахъ рабовъ. Самое развитіе гласности и общественной жизни не делало роскоши древняго міра всенароднымъ явленіемъ. Въ настоящее время формы роскоши—балы, пикники, поѣздки на водѣ, дальняя жизнь на яхтахъ, гребной, скаковой, охотничій спорты—стали до такой степени разнообразны, что тщеславію богатыхъ людей открывается гораздо болѣе широкій просторъ и потребности роскоши могутъ быть удовлетворены не только богачами, склонными къ обжорству, не только сластолюбцами, но и людьми воздержными, разъ они имѣютъ специальную наклонность къ какому-либо спорту. Если припомнить, что нерѣдко одинъ балъ или раутъ современныхъ миллионеровъ стоитъ десятки и сотни тысячъ рублей, что за столовый сервизъ изъ стариннаго севрскаго фарфора уплачиваются сотни тысячъ, что затрачиваются десятки тысячъ на одного кровнаго рысака или скакуна, если припомнить, что нашелся американский богачъ, который, чтобы выдѣлиться даже изъ среды богатыхъ людей, построилъ замокъ на высокихъ столбахъ, то намъ будетъ неловко повторять избитые анекдоты о пирахъ Лукулла. Въ древности свидѣтелями роскоши были гости и рабы. Въ настоящее время все дѣлается для того, чтобы дать роскоши наиболѣе яркое освѣщеніе, сдѣлать ея свидѣтелями десятки и сотни тысячъ людей. Въ театрахъ, на скачкахъ, на катаньяхъ, многотысячныя массы служатъ зрителями рѣдкихъ экипажей, дорожихъ лошадей, женскихъ туалетовъ, брилліантовъ. Если въ богатомъ домѣ дается обѣдъ для немногихъ гостей, то газеты знакомятъ сотни тысячъ читателей съ убранствомъ столовой и цѣломъ тарелокъ, на которыхъ подавалось кушанье. Поэтому, въ настоящее время каждое проявленіе роскоши можетъ вызывать зависть въ несравненно болѣе обширномъ кругу, нежели то было возможно въ древности. Нельзя доказать большую культурность современной роскоши сравнительно съ роскошью древняго міра ссылкою и на то, будто теперь богатые люди въ разныхъ формахъ поддерживаютъ общественную роскошь, основываясь образцовымъ училлица, музеи, театры, сады и проч. Мы знаемъ, что наиболѣе просвѣщенные изъ богатой древности поощряли ученыхъ, поэтовъ, художниковъ, музыкантовъ. А если теперь эти явленія болѣе часты, то лишь потому, что число

богатыхъ людей болѣе велико и что состояніе какого-нибудь Ротшильда или Вандербилтъа многократно превосходитъ состоянія самыхъ богатыхъ людей древности.

Государственная власть изстари считала борьбу съ роскошью одной изъ своихъ важнейшихъ задачъ. Уже древнему Египту были знакомы законы противъ роскоши. Ликургово законодательство, возставая противъ излишествъ всякаго рода, было наиболѣе рѣзкимъ и многостороннимъ протестомъ противъ роскоши. Отъ древняго Рима чрезъ Средніе Вѣка и вплоть до конца 18 столѣтія законы противъ роскоши тянутся почти непрерывной нитью. Ограничение расходовъ на женскіе наряды, на столъ, на свадебныя циршества, запрещеніе носить дорогія ткани, шубы, опредѣленіе числа гостей, которые могли быть приглашаемы къ обѣду, ограниченіе количества серебряной утвари, расходовъ на похороны, числа лошадей, впряженыхъ въ экипажъ въ зависимости отъ званія лица—вотъ предметы этихъ законовъ. Творцы этихъ законовъ руководствовались вѣрнымъ нравственнымъ чувствомъ, что роскошь есть вредное, а потому и нежелательное явленіе; однако, стремленіе обуздить роскошь посредствомъ законовъ доказывается историческимъ опытомъ—бессильны устранить роскошь, ибо должна быть содржима цѣлая армія соглядатаевъ, которые входили бы въ дома частныхъ лицъ, врывались во всѣ мелочи семейной жизни и доносили бы начальству о нарушеніяхъ закона. Роль такихъ чиновниковъ-соглядатаевъ настолько непривлекательна и неопрятна, что нельзѧ было бы разечитывать на замѣщеніе этихъ должностей порядочными людьми, и богачамъ, склоннымъ къ роскоши, не трудно было бы расположить ихъ къ себѣ посредствомъ системы подкуповъ. Во-вторыхъ, борьба противъ роскоши, если бы даже удалось ограничить ее, не имѣть обще-экономического значенія до тѣхъ поръ, пока строй производства остается неизмѣненнымъ. Неравенство состояній создается условіями производства; его нельзѧ смягчить тѣмъ, что богатые люди ограничиваются въ формахъ и размѣрахъ потребленія.

Мы скажемъ то же и о потребленіи вещей, вредныхъ для здоровья — спиртныхъ напитковъ, опума, табаку. Прошлому знакомы мѣропріятія, которыми старались уничтожить или, по крайней мѣрѣ, сократить потребленіе этихъ предметовъ. Однако, цѣль не достигалась: въ виду самаго характера этихъ предметовъ законъ можетъ быть легко обойденъ. Нужно и потому высказаться противъ этихъ запрещеній, что не желательно идти такъ далеко въ стѣсненіи личной свободы. Въ Россіи часто высказываютъ мнѣніе, что казенная продажа вина является хорошей мѣрой противъ пьянства. Думать это—значить обыни-

пять незначительными причинами — въ данномъ случаѣ формою виноторговли — такое сложное явление, какъ пьянство. Каждыи разнообразныи формы проявленія пьянства, два обетогончества имѣютъ особенно сильное влияніе на его развитіе, бѣдность и невѣжество. А такъ какъ казенная продажа вина не влияетъ на эти условія, то и странно ожидать, что она можетъ уменьшить наклонность къ пьянству. Вѣрнымъ средствомъ противъ неумѣренаго потребленія спиртныхъ напитковъ служатъ повышение народнаго благосостоянія, просвѣщеніе, а также неустанный проповѣдь и примеръ со стороны людей, которымъ чужда эта дурная привычка ⁶⁾.

Потребленіе частныхъ хозяйствъ въ значительной степени удешевляется съ распространеніемъ потребительныхъ артелей. Цѣль этихъ артелей состоять въ томъ, чтобы, образуя крупный капиталъ изъ мелкихъ взносовъ, приобрѣтать главные предметы потребленія оптомъ, по дешевой цѣнѣ, и продавать ихъ членамъ. Денежныи отношенія артелей къ членамъ могутъ быть двоякаго рода: 1) продажа товаровъ по пониженнай цѣнѣ сравнительно съ рыночною и 2) продажа по рыночной цѣнѣ и распределеніе прибыли между членами. Въ обоихъ случаяхъ членъ артели дѣлаетъ сбереженія на расходахъ; послѣдній способъ, наиболѣе употребительный, заслуживаетъ предпочтенія, ибо артель образуетъ какъ бы сберегательную кассу, которая и даетъ каждому члену маленькое обеспеченіе. Хорошо организованные потребительныи артели удешевляютъ потребленіе своихъ членовъ на 10—15—20%. Они имѣютъ также и ту выгодную сторону, что, продавая только доброкачественные товары и всегда за наличныи деньги, не причиняютъ вреда здоровью потребителей и не раззываютъ въ нихъ опасной привычки забирать на книжку и постепенно входить въ неоплатные долги. Извѣстно, что владѣльцы лавокъ, имѣющіе покупателями преимущественно людей изъ бѣднаго класса, часто грабить въ этихъ обоихъ отношеніяхъ: продаютъ испорченные товары и охотно отпускаютъ товары въ долгъ, прикрѣплять къ себѣ покупателей и навсегда дѣлая ихъ своими должниками. Потребительныи артели, при достаточномъ развитіи оборотовъ, организуютъ промышленныи заведенія: пекарни, мельницы, сапожныи мастерскія и т. д. Многія артели, стремясь доставить членамъ еще большии выгоды, заключаютъ съ торговцами договоры объ отпускѣ артельщикамъ по пониженнай цѣнѣ тѣхъ товаровъ, которыми сами не торгаютъ.

Потребительныи артели достигаютъ высшей точки, когда скоро образуютъ союзы для совмѣстной закупки большихъ массъ товара непосредственно отъ производителей; при такой организаціи артели могутъ приобрѣтать товары по самой дешевой цѣнѣ. Въ Англіи и Шотландіи возникли артели для

100

оптовыхъ закупокъ съ годовыми оборотами болѣе 100 миллионовъ рублей. Артели учреждаются для продажи товарамъ, своимъ членамъ. Однако, нѣть основанія запрещать продажу и стороннимъ лицамъ. Опытъ показываетъ, что продажа стороннимъ лицамъ изъ артельныхъ лавокъ постепенно ведеть къ тому, что многіе случайные покупатели вступаютъ въ члены. Если артель развила свои обороты со сторонними лицами, то является уже торговымъ предпріятіемъ; въ этомъ случаѣ она уже не должна притязать на особыя податныя льготы, которыя финансовыхъ законодательства охотно предоставляютъ потребительнымъ артелямъ.

Громкіе протесты и козни торговцевъ противъ потребительныхъ артелей служить самыемъ убѣдительнымъ доказательствомъ выгоды, которая эти учрежденія доставляютъ своимъ членамъ. Съ конца 19 вѣка во многихъ германскихъ городахъ торговцы устроивали собранія, чтобы обсудить мѣры, которыя могли бы пріостановить развитіе потребительныхъ артелей. Къ министрамъ, къ депутатамъ рейхстага поступали многочисленныя ходатайства, въ которыхъ изображалась самыми мрачными красками опасность, грозящая со стороны потребительныхъ артелей. „Такъ какъ онѣ (артели),—говорится въ этихъ ходатайствахъ,—съ каждымъ годомъ возрастаютъ въ числѣ, то въ недалекомъ будущемъ, если законъ не поставитъ преградъ ихъ размноженію, средній и мелкій торговый и промышленный людъ, обнимающій сотни тысячъ душъ, окончательно раззорится“. Въ ходатайствахъ проводилась мысль, что потребительные артели должны быть стѣснены въ своихъ оборотахъ, что должно быть запрещено чиновникамъ, учителямъ, офицерамъ вступать въ члены артелей. Эта вражда доказывается, что потребительные артели являются опасными соперниками розничныхъ торговцевъ. Если число послѣднихъ уменьшится подъ вліяніемъ этого соперничества, то потребительные артели окажутъ народному хозяйству новую услугу: насчетъ уменьшения розничныхъ торговцевъ возрастетъ число людей, занятыхъ болѣе производительнымъ трудомъ.

Потребительные артели достигли наибольшаго развитія въ Соединенномъ Королевствѣ. Первое товарищество — рочдэльскихъ піонеровъ — было основано въ 1843 году. Въ 1901 году въ Великобританіи насчитывали 1,462 артели; онѣ имѣли 1.793.770 членовъ, паевой капиталъ около 220 миллионовъ рублей, продали товаровъ на $527\frac{1}{4}$ миллионовъ рублей. Въ 1898 году артели затратили на образовательная цѣли больше 521.000 рублей. Въ 1901 году къ англійской артели оптовыхъ закупокъ принадлежали 1092 артели; она продала товаровъ почти на $176\frac{1}{2}$ миллионовъ рублей. Въ Германіи потребительные артели стали возникать подъ вліяніемъ Шульце-Делича; въ 1865 году

было 157 артелей, а въ 1903 г. 1.847. Подробныи създѣнія собрали о 322 артеляхъ. Они имѣли 276.214 членовъ, продали почти на 62 миллиона марокъ. Германскія потребительскія артели еще не достигли такого высокаго уровня, на которомъ стоять англійскія, однако, и въ Германии есть очень крупный учрежденія этого рода: такова потребительская артель въ Бреславль. Въ началѣ 1903 года она имѣла 86.044 члена; вмѣстѣ съ членами семей своихъ пайщиковъ она насчитывала больше 250.000 душъ; за 1902 годъ артель продала товаровъ почти на 14 миллионовъ марокъ. Во Франціи въ 1900 году было 1.630 потребительскихъ артелей.

Потребительные общества развились въ Бельгіи очень успѣшно. Имѣ придаются важное значеніе и умѣренныя партіи, и крайнія. Бельгійскія потребительскія артели, особенно въ Брюсселе и Гентѣ, пользуются вполнѣ заслуженною славой. Пекарни, образующія главную составную часть артелей, удешевили хлѣбъ на 20--30%. Кромѣ пекаренъ, при нихъ есть и торговля каменнымъ углемъ, столярная, сапожная, портняжная мастерскія. Сравненіе бельгійскихъ артелей съ однородными частными предпріятіями обнаруживаетъ большія преимущества первыхъ для занимаемыхъ ими рабочихъ. Помѣщенія пекарней просторны, хорошо вентилированы; температура умѣренно жаркая. Рабочій день сведенъ къ 8 часамъ, а плата составляетъ 5 франковъ, тогда какъ рабочіе въ частныхъ заведеніяхъ получаютъ 4 франка за болѣе долгій день. Сверхъ того, рабочіе артелей получаютъ ежегодно до 140 франковъ добавочнаго вознагражденія. Каждое лѣто, въ теченіе 1 лѣдѣли, они пользуются вакаціей съ сохраненіемъ платы. Воспитывая въ работникахъ, которыхъ занимаютъ, чувство личного достоинства, бельгійскія артели запрещаютъ служителямъ своихъ ресторановъ принимать отъ посѣтителей „на водку“; при этомъ хорошо вознаграждаютъ трудъ служителей, даютъ имъ по $5\frac{1}{2}$ франковъ въ день. Мастерскія, основанныя бельгійскими потребительскими артелями, важны и въ томъ отношеніи, что даютъ занятіе работникамъ, которые хорошо знаютъ свое дѣло и только вслѣдствіе придирчивости хозяевъ уволены изъ частныхъ предпріятій.

До сихъ порь это движеніе не имѣло въ Россіи большаго успѣха. Въ началѣ 70-хъ годовъ у насъ числилось до 80 потребительскихъ артелей; большинство изъ нихъ существовало только на бумагѣ. Къ 1903 году насчитывалась 801 артель. Большинство имѣетъ очень скромные размѣры: капиталы не превышаютъ тысячу или немногихъ десятковъ тысячъ. Отчеты о 168 артеляхъ свидѣтельствуютъ, что ихъ накоплены и запасные капиталы не достигали $4\frac{1}{2}$ миллионовъ рублей. Они имѣли 85.556 членовъ и продали за 1901 годъ товаровъ на 26.783.276 рублей.

Въ 1898 году былъ учреждены въ Москвѣ союзы потребительскихъ обществъ; 108 артелей состоять его членами. Въ 1901 году такой же союзъ былъ основанъ въ Петербургѣ подъ именемъ кооперативного общества оптовыхъ операций. Нужно приписать слабое развитіе въ Россіи этихъ полезныхъ учрежденій только недостаточному навыку русскихъ людей къ общественной дѣятельности. Простейшій же потребительный или харчевыя артели имѣютъ у насъ широкое распространеніе: люди, работающіе совмѣстно, образуютъ артель, которая сообща нанимаетъ квартиру, покупаетъ съѣстные припасы и платить жалованье стряпухѣ; артельными дѣлами завѣдуетъ выборный староста. Харчевыя артели, будучи изстари знакомы русскому народу, возникаютъ легко, безъ всякаго письменнаго договора между участниками. Вѣковой обычай сводить въ такія артели всѣхъ безсемейныхъ рабочихъ, занятыхъ въ одномъ мѣстѣ однимъ и тѣмъ же промысломъ.

Общественные потребности образуютъ второй классъ; самый характеръ ихъ таковъ, что онѣ удовлетворяются не единолично, а собирательно. Чемъ болѣе развивается общежитіе, тѣмъ болѣе видное мѣсто занимаютъ эти потребности. Всего важнѣе потребность въ защищѣ страны отъ внѣшнихъ опасностей и охраненіи порядка внутри государства. Для достиженія этой цѣли общество должно ежегодно затрачивать известную часть своего дохода на содержаніе войска, полиціи, на устройство крѣпостей и т. д. Общественная жизнь выдвигаетъ и другіе запросы, которые удовлетворяются собирательно. Пути сообщенія служатъ однимъ изъ важныхъ условій для развитія гражданственности. Совмѣстная жизнь въ городахъ дѣлаетъ необходимыми затраты на мещеніе улицъ, освѣщеніе, снабженіе домовъ водою и т. д. Можно образовать особую группу изъ потребностей, которыхъ связаны съ возрастомъ людей или состояніемъ ихъ здоровья. Общество нуждается въ приютахъ и школахъ, дабы отвѣтить на потребности подростающаго поколѣнія; ему нужны богадѣльни, больницы для удовлетворенія потребностей людей престарѣлыхъ и больныхъ. Ростъ культуры вызываетъ разнообразные интересы, соединяющіе людей въ особый, самостоятельный группу; потребности этихъ группъ также удовлетворяются собирательно. Умственные интересы удовлетворяются библіотеками, музеями; религіозные—посредствомъ храмовъ; потребности въ развлеченіяхъ получаютъ удовлетвореніе въ театрахъ, клубахъ. Содержаніе всѣхъ этихъ учрежденій требуетъ известныхъ расходовъ.

Изученіе человѣческихъ потребностей показываетъ, что каждая группа имѣеть свои характерныя особенности. Есть потребности, безъ которыхъ невозможно продолженіе жизни; сюда принадлежитъ прежде всего потребность въ пищѣ, а для

страгъ съ суровыми климатомъ иъ одеждѣ иъ жилищѣ. Изъ потребностей общественныхъ первыя мѣста принадлежатъ потребностямъ въ безопасности извѣзъ и поддержкіи правового порядка внутри страны. Но есть потребности, безъ удовлетворенія которыхъ возможно продолженіе жизни; сюда относится, напримѣръ, потребность въ мебели, утвари, въ освѣщеніи улицъ. Нѣкоторыя всегда присущи человѣку, напримѣръ, потребность въ пищѣ; другія (например, въ зимней одеждѣ) наступаютъ періодически, въ извѣстное время года. Есть потребности, которая могутъ быть точно измѣрены: мы можемъ определить, сколько человѣкъ будетъ накормлено определеннымъ количествомъ хлѣба и мяса. Другія же наступаютъ неожиданно и принимаютъ размѣры, которые не могутъ быть точно определены: невагоды, причиняемыя градомъ, болѣзнями, землетрясеніями, пожарами, наводненіями, дѣлаютъ необходимымъ увеличеніе запасовъ разныхъ предметовъ, уничтоженныхъ этими бѣствіями. Нельзя угадать, какіе размѣры приметъ бѣствіе и сколько понадобится труда для пополненія пробѣловъ, которые оно причинило.

Изученіе потребностей въ ихъ историческомъ развитіи убеждаетъ насъ, что они измѣняются съ перемѣнами въ общественной жизни. Прослѣдимъ это на томъ, какъ удовлетворяется потребность въ пищѣ. Есть много условій, въ силу которыхъ, по мѣрѣ роста культуры, потребность въ пищѣ удовлетворяется все меньшимъ и меньшимъ количествомъ благъ. 1) При слабомъ развитіи гражданственности, люди не обезпечены въ періодически правильномъ полученіи необходимаго количества пищи: изобиліе смыкается недостаткомъ. Люди еще не научились сберегать запасы на черный день; имѣя пищу, они не уверены, что будутъ располагать ею чрезъ недѣлю—другую. Вслѣдствіе неуверенности, они пожираютъ огромныя количества, какъ бы желая на долгое время утолить голодъ. Путешественники рассказываютъ вамъ о баснословномъ обжорствѣ, которымъ, въ силу этихъ причинъ, отличаются многія дикия племена. Съ упроченiemъ гражданственности и переходомъ отъ охотничьаго и рыболовного промысловъ къ скотоводству и земледѣлію, люди научаются не только работать болѣе производительно, но и сберегать запасы; въ снабженіи общества пищею можно подмѣтить большую правильность; изобиліе не такъ часто смыкается голодомъ. Уверенный, что голодъ не угрожаетъ, человѣкъ потребляетъ меньше пищи. 2) Человѣкъ нуждается тѣмъ въ большемъ количествѣ пищи, чѣмъ болѣе велика убыль тканей; это зависитъ отъ количества исполненнаго физического труда. На низшихъ ступеняхъ общежитія исполняется наибольшое количество мышечной работы, и для восполненія убыли тканей, необходима наибольшая масса пищи. Представимъ себѣ огромное

напряжение мышцъ, которое неизбѣжно для первобытного человѣка въ его главныхъ промыслахъ,—войнѣ и охотѣ — и мы поймемъ, что 1000 людей изъ племени ирокезовъ нуждаются въ большемъ количествѣ пищи, нежели 1000 европейцевъ. Съ успѣхами гражданственности устанавливается такое раздѣленіе труда, при которомъ многіе члены общества посвящаютъ себя занятіямъ, гдѣ мышцы напрягаются лишь въ слабой степени и голодъ можетъ быть утоленъ гораздо меньшимъ количествомъ пищи. Въ этомъ направлѣніи дѣйствуетъ не только общественное раздѣленіе труда и обособленіе видовъ умственной дѣятельности, но и перемѣны въ обстановкѣ материальной работы: по мѣрѣ вытѣсненія орудій машинами, физической силѣ человѣка предъявляется все меньшій запросъ, а потому уменьшается и необходимое количество пищи: кузнецъ, работающій молотомъ, и косарь, взмахивающій косою, съѣдаются гораздо больше, чѣмъ рабочій при паровомъ молотѣ или погонщикъ лошадей при косильной машинѣ. 3) Важную роль въ этой перемѣнѣ играетъ также болѣе полное удовлетвореніе потребностей въ одѣждѣ и жилищѣ: сохраняя теплоту тѣла, оно позволяетъ человѣку обойдти меньшимъ количествомъ пищи. Эскимосскій чумъ не защищаетъ своихъ обитателей отъ холода, и они вынуждены согрѣвать себя огромнымъ количествомъ поглощаемаго жира; а жилецъ прочно устроеннаго и хорошо отопляемаго дома не нуждается въ такой усиленной работѣ желудка для поддержания теплоты своего тѣла. 4) На уменьшающемся потребленіе пищи имѣть влияніе и разнообразіе способовъ къ удовлетворенію потребностей. Человѣкъ есть не для того только, чтобы утолить голодъ, но и для того чтобы получить известное удовольствіе. При сѣрой однообразной жизни, при маломъ числѣ потребностей, человѣкъ какъ бы уходитъ цѣликомъ въ немногія изъ нихъ и старается получить отъ нихъ наибольшую сумму наслажденій: чревоугодіе имѣть для своего развитія очень благопріятную почву. Съ развитиемъ же утонченныхъ потребностей, обжорство ослабѣваетъ: наука и искусство, театръ, музыка, литература даютъ человѣку доступъ къ цѣлому ряду наслажденій, которыя уменьшаютъ наклонность людей получать наибольшую сумму удовольствій отъ потребленія пищи. Вспомнимъ Россію до отмѣны крѣпостнаго права, и мы скажемъ, что типъ обжоры, котораго обезсмертилъ Гоголь въ Пѣтухѣ, могъ вырасти всего легче въ деревнѣ и притомъ въ деревнѣ дoreформенной Россіи. 5) Среди людей образованаго класса мы находимъ еще одно условіе, которое уменьшаетъ потребленіе пищи: успѣхи физіологии и гигіи, распространяющіе убѣжденіе, что человѣку, въ интересахъ сохраненія его силы, нужно гораздо меньше пищи, нежели обыкновенно потребляется. Медленно, но безостановочно распространяются

заний о томъ, какъ составная части пищи наиболѣе важны для человѣческаго организма, какъ должны быть комбинированы эти части для того, чтобы наилучшимъ образомъ восполнить убыль тканей и доставлять наиболѣе пріятныя вкусовые ощущенія. Разъ приготовленіе пищи освободится отъ приемовъ, которые безотчетно усвоены практикою, разъ оно будетъ согласовано съ требованіями гигиены, то уменьшится количество пищи, необходимой для даннаго общества.

Потребности людей, не представляя постоянной величины, могутъ расширяться и сокращаться. Движеніе потребностей вверхъ и внизъ основывается на способности людей приправляться къ окружающей обстановкѣ. Какъ скоро совершилось такое принаоровленіе, данная обстановка становится уже необходимою, и рѣзкій переходъ къ инымъ условіямъ можетъ оказывать пагубное влияніе. Приспособленіе человѣка къ необычному образу жизни требуетъ известнаго срока; если новая потребности удовлетворяются только короткое время, то къ нимъ не создается органической привычки.

При лихорадочномъ оживленіи промышленности которое обыкновенно слѣдуетъ за тяжелыми хозяйственными кризисами, возрастаютъ покупательные средства большинства населения, и потребности расширяются. Онѣ расширяются относительно одежды и второстепенныхъ составныхъ частей пищи (вино, чай, кофе); все это не вноситъ прочныхъ улучшеній въ хозяйственный бытъ. Если же уровень благосостоянія поднимается постепенно, въ теченіе довольно долгаго времени, то дѣлаются улучшенія въ жилищѣ, домашней утвари, словомъ, улучшенія болѣе прочныя. Вотъ некоторые данные о ростѣ потребленія распространенныхъ предметовъ. Въ Англіи потребленіе на 1 жителя составляло: 138,3 килограмма пшеницы въ 1852—55 годахъ и 160,4 въ 1886—90, 100,51 англійскихъ фунтовъ мяса въ 1868 году и 121,7 въ 1891—95, 13,8 килограммовъ сахара въ 1851—55 и 35,7 въ 1891—95, 0,96 килограммовъ чаю въ 1851—55 и 2,49 въ 1891—95. Во Франціи потребленіе пшеницы на 1 жителя составляло въ 1820—29 году 117 килограммовъ, въ 1890—94—206, сахару—3,9 килограммовъ и кофе 0,61 въ 1851—55 годахъ и 11,5, 1,88 въ 1891—95. Мы наблюдаемъ однородное движеніе и въ другихъ странахъ.

Желательно, чтобы развитіе потребностей не превышало средствъ къ ихъ удовлетворенію. Желательно возможно болѣе полное удовлетвореніе потребностей, физиологически необходимыхъ, а также духовныхъ (въ школахъ, библиотекахъ, музеяхъ). Желательно возможно меньшее различіе между разными общественными слоями относительно рода и размѣра потребностей.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЕРВОЙ ГЛАВѢ.

1) Мальтусъ, считая расширение потребностей большинства людей лучшимъ средствомъ противъ чрезмѣрного населения, тѣмъ самымъ признаетъ относительную полезность роскоши.

2) Роннеръ различаетъ роскошь народовъ, которые находятся въ состоянии процветанія, и тѣхъ, которые клонятся къ упадку. У первыхъ роскошь принимаетъ формы, не имѣющія вреднаго влияния на общественный бытъ; у дрихлѣющихъ народовъ роскошь облекается въ уродливыя и вредныя формы. См. *System*, I, отдѣль о потребленіи. Общее положеніе Роннера не можетъ быть принято; но если, какъ онъ то дѣлаетъ совершенно неосновательно, относить къ роскоши значительное потребление мыла, частую перемѣну бѣлъя, распространенный обычай проходить падачъ исклучительно мѣсяцемъ въ году, что само по себѣ не образуетъ роскоши, то можно согласиться съ нимъ, что это—здорова роскошь.

3) Трезвость сдѣлала большии успѣхи въ Норвегіи: въ 1871 году потребление алкоголя составляло 5,3 литра на душу, а въ 1888—3 литра.

4) См. въ *Сборникъ материаловъ объ артелиахъ*, в. 3, петрѣвческій очеркъ петербургскаго общества „Бережливость“, харьковскихъ потребительныхъ обществъ и пѣкоторыхъ другихъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Страхование.

Литература: *Roscher. System*, I. *Schönberg. Handbuch*, II. *Réboul. Etudes sur les assurances*, 1863. *About. L'assurance*, 1895. *Saski. Die volkswirtschaftliche Bedeutung des Versicherungswesens*. 2. Aufl. 1866. *Herrmann. Theorie der Versicherung vom wirtschaftlich. Standpunkte*. 2. Aufl. 1869. *Bezold. Versicherungswesen*, 1874. *Gallus. Die Grundlagen des gesamten Versicherungswesens*. *Elster. Lebensversicherung in Deutschland*, 1880. *Emminghaus. Staatsversicherung*, 1881. *Wagner. Der Staat u. das Versicherungswesen*, 1882. *Rellstab. Der Staat u. das Versicherungswesen*, 1882. *de Courcy. De l'assurance par l'état*. 3 изд. 1882. *Riezsch. Grundlagen der Lebens-Versicherung*, 1883. *Roghé. Sterblichkeitsmessung der Versicherungsanstalten*, 1891. *Stegmann. Die Stellung des Staates zum Versicherungswesen*, 1886. *Selink. Die Natur der Versicherung*, 1887. *Lewis. Lehrbuch des Versicherungsrechtes*, 1889. *Ehrenzweig. Versicherungsrecht*, 1893. *Brämer, Herrm. и Karl. Das Versicherungswesen*, 1894. Тамъ же дальнѣйшія указания на литературу вопроса. *Reuling. Die Grundlagen der Lebensversicherung*, 1901. *Mauz. Versicherungswesen*, 1905. *Eto же. Grundzüge des Versicherungswesens*, 1906. *Eto же. Moderne Versicherungsprobleme*, 1906. *Moldenhauer. Versicherungswesen*, 1905. *Никольский. Основные вопросы страхования*, 1895. *Грассъ. О страховании посѣвовъ*, 1891. *Еличич. Докладъ по поводу проекта Грасса о страховании посѣвовъ*, 1892. Важнѣйшія указания по литературѣ о страховании рабочихъ приведены на страни 315. Для ознакомленія со страховыми дѣломъ въ Россіи могутъ служить: журналъ *Страховое Обозрѣніе и Труды съѣздовъ русск. дѣятел. по пожарн. дѣлу*. Ср. также статью *Бѣлоуницова. Страхование отъ огня въ Россіи и за границей*. *Выст. Фин.* 1893, 16. *Серебряковъ. Акционерное отъ огня страхование*. *Рус. Мысль*, 1895, IX. По народному продовольствию: *Штилевской. Мате-*

рівна два исторії народи, продовол. вч. Росії, Іан. Н. Попорос, Універс. 1874. *Каблуковъ*. Очеркъ истории русск. законод. по обезпечен. народи, продовольствію. *Юрид. Вѣст.* 1890, XII. Сборникъ статист. свед. по Москвитинской губ., X. Продовольственное дѣло. 1891. *Карташевъ*. Наше законодательство о народи, продовольствіи. *Вѣст. Евр.* 1892, II. *Блюконскій*. Земство и народное продовольствіе. *Съб. Вѣст.* 1892, III. *Сазоновъ*. Обзоръ дѣятельн. земствъ по народному продовольствію. 2 т. 1893. *Карміенъ*. Продов. дѣло и сельско-хоз. страхование. *Рус. Бог.* 1893, I. *Голубевъ*. Новая система народн. продовол. *Вѣст. Евр.* 1893, V. *Петровъ М.* Вѣковой вопросъ. *Съб. Вѣстн.* 1894, V.

Страхованіе обнимаетъ всѣ тѣ учрежденія, посредствомъ которыхъ вредный послѣдствія явлений, поражающихъ единичныя хозяйства, распредѣляются на много хозяйствъ. Это уменьшаетъ ихъ тягость для каждого отдельного хозяйства. Страхованіе всегда имѣть своимъ предметомъ опасность, которая можетъ наступить для одного лица или многихъ. Такою опасностью могутъ угрожать какъ явленія, вытекающія изъ самой природы человѣка (смерть, старость) и ослабляющія силы данного хозяйства, такъ и явленія, которая отъ времени до времени совершаются въ каждой довольно обширной группѣ, хотя не поражаютъ всѣхъ хозяйствъ, входящихъ въ ея составъ: пожары, градобитія, падежи скота, наводненія, землетрясенія. Виды страхованія столь же многочисленны, какъ разнообразны опасности, которая могутъ угрожать человѣку. Среди опасностей одни такъ велики, что ставятъ людей въ очень затруднительное и даже безвыходное положеніе (смерть домохозяина для его семьи, сильное наводненіе), другіи же причиняютъ только умѣренныя потери (выходъ въ тиражъ выигрышныхъ билетовъ). Какова бы ни была опасность, принципъ страхованія остается одинъ и тотъ же. Распределеніе убытковъ, которые падаютъ на единичныя хозяйства, совершается посредствомъ правильныхъ периодическихъ сбереженій; многія хозяйства вносятъ эти сбереженія въ капиталъ страхового учрежденія, и изъ этого капитала получаютъ уплату тѣхъ хозяйствъ, которая поражены бѣствіемъ, составляющимъ предметъ страхованія.

Правильные периодические взносы называются *страховыми преміями*. Страхователь есть лицо, которое уплачиваетъ эти взносы, дабы обезпечить себя на случай известной опасности; *страховщикъ* — лицо (физическое и юридическое), которое принимаетъ эти взносы; на него ложится обязанность удовлетворить страхователя въ томъ случаѣ, когда послѣдній понесетъ убытки отъ опасности, которая составляетъ предметъ страхованія.

Выгоды страхованія, съ точки зрѣнія частнаго хозяйства, не подлежать сомнѣнію: у кого сгорѣть домъ, тотъ можетъ выстроить новый на сумму, полученную отъ страхового учреж-

дения. Но доставляет ли страхование выгоды всему народному хозяйству? Если домъ сгорѣлъ, то народное имущество уменьшилось, примѣняется ли страхование отъ огня или оно неизвѣстно. Хотя страхование не препятствует уменьшению народного богатства въ материальномъ отношеніи, однако, имѣеть и для всего народа большую важность, такъ какъ сохраняетъ имущественные силы отдельныхъ хозяйствъ и способствуетъ скорѣйшему воспроизведенію уничтоженной части народного имущества: при страховании, вместо сгорѣвшаго дома, можетъ быть выстроенъ новый гораздо скорѣе, нежели то совершилось бы безъ страхования. Полученіе семьею капитала или дохода послѣ смерти домохозяина дѣлаетъ воспитаніе подростающихъ сиротъ семьи болѣе легкимъ, нежели то было бы возможно помимо страхования.

Въ настоящее время развиты главнымъ образомъ, слѣдующіе виды страхования. I) Страхование жизни, имѣющее нѣсколько разновидностей: а) Страхование жизни въ тѣсномъ смыслѣ, причемъ сумма, въ которой застрахована жизнь, выдается, послѣ смерти страхователя, его наследникамъ. б) Застрахование капитала на дожитіе, причемъ страхователь получаетъ капиталъ съ наступленіемъ опредѣленного события: достиженія дѣтьми извѣстнаго возраста, напримѣръ, 20, 25 лѣтъ, выхода дочерей замужъ (страхование приданаго и т. п.); в) Страхование расходовъ на погребеніе, принимающее форму взносовъ въ такъ называемый похоронный кассы. г) Страхование пожизненного дохода состоять въ томъ, что страхователь обеспечиваетъ себѣ получение пожизненного дохода съ достижениемъ опредѣленного возраста; страховыя преміи взносятся периодически или же мѣсто преміи заступаетъ единовременно взносимый капиталъ. Сюда же нужно отнести пенсионированіе чиновниковъ и страхование рабочихъ на случай старости. е) Тоннинами называется такой видъ страхования, когда съ вымираниемъ страхователей, образующихъ данную группу, тѣ, которые остаются въ живыхъ, получаютъ все болѣйший и болѣйший пожизненный доходъ. II) Страхование имущества отъ огня. III) Страхование отъ опасностей, угрожающихъ товарамъ при ихъ передвиженіи по морямъ, рѣкамъ и другимъ внутреннимъ водамъ, желѣзнымъ дорогамъ. IV) Страхование скота отъ падежа. V) Страхование посѣвовъ отъ градобитія. Къ этимъ отраслямъ примкнули за послѣднее время страхование отъ безработицы и различные, менѣе значительные виды: таково страхование отъ убытковъ, причиняемыхъ водопроводами, разбитіемъ стеколь, выходомъ въ тиражъ билетовъ, по которымъ, при тиражѣ, уплачивается цѣна ниже биржевой, и нѣкоторые другие.

Познакомимся поближе съ нѣкоторыми видами страхования. Страхование жизни принимаетъ двоякую форму: страхуется

капиталъ и доходъ. Особенности, перваго состоянія, то есть, что въ какой-либо определенный срокъ страхователь получает единовременно сумму денегъ. Во второмъ же случаѣ страхователю, если онъ дожилъ до определенного возраста, страховое учрежденіе периодически уплачиваетъ известныя денежныя суммы.

Въ послѣднее время часто примѣняется смѣшанная форма: капиталъ застраховывается такъ, что уплачивается съ наступлениемъ смерти страхователя; если же смерть не наступила, напримѣръ, до 65 лѣтъ, то выдается непремѣнно по достижениіи этого возраста.

Страхование капитала имѣеть много разновидностей, ихъ насчитываются болѣе 100. Въ однихъ случаяхъ страхователь уплачиваетъ премію въ теченіе всей жизни, въ другихъ—платежи прекращаются по истеченіи определенного числа лѣтъ; иногда страхователь принимаетъ участіе въ прибыляхъ страховаго учрежденія и т. д.—Страхование дохода также имѣеть не мало разновидностей.

Страхование небольшихъ капиталовъ и мелкихъ доходовъ образуетъ такъ называемое народное страхование; оно распространяется все больше и больше. Дабы развить его въ обширныхъ кругахъ населенія, упрощаютъ формальности; страхователей не подвергаютъ медицинскому освидѣтельствованію (какъ то дѣлаютъ при страхованиіи на крупныя суммы), разсрочиваютъ уплату премій понедѣльно, разрѣшаютъ взносить платежи посредствомъ наклейки марокъ. Этотъ видъ страхования сдѣлалъ наибольшіе успѣхи въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ.

Когда начинало развиваться страхование жизни, статистика населения, служащая для него основой, была очень несовершенна. Страховые общества, стоя лицомъ къ лицу съ неопредѣленнымъ рискомъ, очень стѣсняли страхователей, опутывали ихъ безчисленными условіями и предписаніями: стоило не исполнить какого-либо, даже очень мелкаго правила — и страхователь безповоротно утрачивалъ всѣ свои права. Произвольное взысканіе премій надъ тѣмъ, что предусматривалъ договоръ, было также не рѣдкимъ явленіемъ. Теперь же полисъ по страхованию жизни является документомъ настолько бесспорнымъ, что служить основой для разныхъ хозяйственныхъ сдѣлокъ. Этотъ полисъ представляется, сравнительно со всеми другими полисами, ту особенность, что страхователь когда-либо получаетъ отъ страхового учрежденія условленную сумму. Это право требованія можетъ быть заложено. Такимъ образомъ полисъ исполняетъ важную кредитную функцию. Залогъ совершиается у третьихъ лицъ, а также у страхового учрежденія. Послѣднее подъ закладъ полиса выдаетъ страхователю ссуду, которая,

буде не выплачена ранѣе, вычитается изъ страховой суммы, когда обществу приходится выдавать ёё. Сдѣланы попытки связать страхование жизни съ гипотечнымъ кредитомъ. Это осуществляется, какъ скоро застрахованный капиталъ, подлежащий выдачѣ въ случаѣ смерти страхователя, будетъ идти на погашеніе гипотечнаго долга.

Со страхованиемъ жизни связана возможность выкупа. Онъ состоять въ томъ, что страхователь, прекращая уплату преміи, отказывается отъ застрахованной суммы, которая была определена въ договорѣ. При этомъ онъ получаетъ отъ общества сумму, которая соответствуетъ цѣнности права, обратно выкупаемаго страховыми учрежденіемъ у страхователя.

Всестороннее знакомство со смертностью населения данной страны безусловно необходимо для правильной дѣятельности обществъ, страхующихъ жизнь. Опираясь на таблицы смертности общество страхования жизни вычисляетъ высоту премій для страхователей по возрастамъ.

Чѣмъ дольше живеть страхователь, тѣмъ больше взносовъ дѣлаетъ онъ страховому учрежденію; чѣмъ короче его жизни, тѣмъ меньше сумма его взносовъ. А страховое учрежденіе, въ случаѣ его смерти, когда бы она ни наступила, уплачиваетъ одну и ту же сумму. Чѣмъ старше возрастъ, тѣмъ болѣе велика смертность: человѣкъ 35 лѣтъ, если хотеть оставить 1000 рублей своей семье на тотъ случай, что умретъ въ течение ближайшаго года, долженъ сдѣлать меньшій взносъ, нежели 60-лѣтній, который хочетъ обеспечить своей семье такую же сумму. Но платежныя силы человѣка возрастаютъ не въ той пропорціи, какъ вѣроятіе смерти; напротивъ, въ престарѣломъ возрастѣ, и заработка, и возможность сберегать уменьшаются. А потому было бы не цѣлесообразно увеличивать ежегодно премію страхователя, который началь страховать въ молодомъ возрастѣ. Такъ какъ по каждому случаю страхования жизни высота премій опредѣляется одной и той же цифрой для всего числа лѣтъ, пока длится страхование, то и выходитъ, что за первые годы страхователь выплачиваетъ гораздо больше, нежели вызываетъ вѣроятіемъ его смерти, а въ престарѣломъ возрастѣ — значительно меньше. Это налагаетъ на страховыя учрежденія обязанность сберегать часть премій, которыхъ они ежегодно получаютъ. Образуется запасъ премій. Располагая такимъ запасомъ, страховщикъ всегда имѣть въ свое распоряженіи фондъ, который позволяетъ ему дополнить получение въ будущемъ и держать ихъ на высотѣ предстоящихъ ему платежей.—Значеніе запаса премій видно, напримѣръ, изъ того, что въ 1906 году оно составляло не менѣе 3 миллиардовъ марокъ въ германскихъ обществахъ страхования жизни.

Помѣщеніе этихъ запасовъ является дѣломъ очень важнымъ,

и для страховщиковъ, и для страхователей. Основища, приим-
лому, должны бытъ, помѣщеніе этихъ запасовъ изъ ценностей,
которыя испытываютъ возможно меныше колебаній. Участіе
страхователей въ прибыляхъ общества страхованія жизни при-
мѣняется со значительнымъ успѣхомъ. Источникомъ такъ назы-
ваемыхъ прибылей въ этихъ обществахъ служатъ, главнымъ
образомъ, тѣ суммы, которая осталася страховому учрежденію
вслѣдствіе болѣе благопріятной смертности, нежели та, по кото-
рой были исчислены преміи. Источникомъ прибыли являются
также излишки въ процентахъ, если капиталъ страхового учре-
женія приносить проценты выше предположенныхъ. Туда же
направляютъ и разные случайные доходы: суммы, которая
не были истребованы по полисамъ въ теченіе установленнаго
срока, проценты на прибыль, пока она не была выплачена и
т. д. Всего чаще распредѣляютъ прибыль по преміямъ, посту-
пающимъ отъ страхователей.

Различія высоты премій въ связи съ возрастомъ, когда человѣкъ
начинаетъ страховатъ себѣ, могутъ быть выяснены на
такомъ примѣрѣ. Предположимъ, что должны быть уплачены
1000 рублей тотчасъ послѣ смерти страхователя и не позднѣе
достиженія имъ 65 лѣтъ. Если при началѣ страхованія 5 человѣкъ
будутъ въ возрастѣ 15 — 25 — 35 — 45 — 55 лѣтъ, то ихъ
обязуютъ платить ежегодно: 20 рублей 30 копѣекъ; 25, 20; 34,
90; 55, 50 и 114, 90. Итакъ, кто начинаетъ страховатъ себѣ въ
55 лѣтъ, тотъ долженъ платить премію, почти въ 6 разъ боль-
шую, нежели начавшій страховатъ себѣ въ 15.

Страхованіе перевозокъ распадается на два обширныхъ от-
дѣла: морское и внутреннее. Морское образуетъ старинную и
очень хорошо развитую отрасль страхового дѣла. Его пред-
метомъ можетъ быть само судно, грузъ, плата за перевозку
пассажировъ или грузовъ, барышъ, котораго ожидаетъ страховатъ
отъ благополучнаго прибытія корабля въ данное мѣсто,
словомъ, каждый, допускающій денежную оцѣнку интересъ
лица, чтобы судно или грузъ остались невредимы среди опас-
ностей, которыми угрожаетъ плаваніе въ морѣ.

Страховщикъ отвѣтствуетъ за разнообразныя опасности, отъ
которыхъ можетъ пострадать судно: опасность со стороны
стихій — огня, воды, землетрясенія, взрыва, молніи, поврежденія
льдомъ, — опасность, связанныю съ войной, съ задержаніемъ
третьими лицами, если оно произошло не по винѣ страхователя,
опасность отъ морскихъ разбоевъ и разныхъ другихъ насилий;
онъ отвѣтствуетъ за столкновеніе судовъ, даже за убытки, при-
чиненные недобросовѣстностью кого-либо изъ судовой команды.

Но страховщикъ не отвѣтствуетъ за убытки страхователя, если
судно было отправлено въ плаваніе въ неудовлетворительномъ
состояніи, было нагружено выше мѣры или не было снабжено

необходимыми документами или же ущербъ произошелъ вслѣдствіе дурной упаковки, поврежденія товаровъ мышами, крысами и т. д.

Война сильно вліяетъ на морское страхование. Во время войны торговому флоту грозятъ большія опасности; а потому, при морскомъ страхованиі, часто дѣлаютъ оговорку, что страховщикъ не отвѣчаетъ за убытки, которые причинены страхователю воюющими державами.

Отмѣтимъ разнообразіе рисковъ, которые ложатся на страховщика при морскомъ страхованиі. Во-первыхъ, рискъ, связанный съ тѣхнической стороной дѣла; онъ касается самого корабля, его возраста, его устройства, его пригодности именно для данного перехода, личныхъ качествъ капитана. Затѣмъ рискъ страховщика связанъ съ погодою, временемъ года, градусомъ широты, въ которомъ находится корабль. У большинства культурныхъ народовъ собрано много статистическихъ данныхъ относительно всѣхъ этихъ условій.

Преміи обнаруживаются наклонности къ пониженію. Строить суда изъ болѣе прочнаго материала, замѣняютъ дерево желѣзомъ и сталью. Это уменьшило опасности, связанныя съ морскимъ плаваніемъ. Но и теперь преміи еще очень высоки; для парусныхъ судовъ они выше, чѣмъ для пароходовъ. Въ Средиземномъ и Сѣверномъ моряхъ преміи ниже, чѣмъ въ Атлантическомъ и Индійскомъ океанахъ. Они достигаютъ высшаго уровня для грузовъ, передвигающихся между Европой и Америкой отъ октября до апреля (4% съ застрахованной суммы).

Страхование принимаетъ различные формы: 1) *Взаимное*, причемъ страхователи и страховщики соединяются въ одномъ лицѣ. Они несутъ исключительно на себѣ рискъ отъ опасности, которая имъ угрожаетъ. Есть двѣ формы взаимного страхования: а) частная общества взаимного страхования и б) корпоративные страховыя учрежденія, обнимающія представителей извѣстнаго сословія или населенія извѣстной административной единицы: города, уѣзда, волости. Въ учрежденіяхъ взаимного страхования ответственность членовъ за убытки принимаетъ разныя формы. Члены небольшихъ союзовъ иногда не уплачиваютъ премій, а убытокъ, понесенный кѣмъ-либо изъ участниковъ, разверстывается между всѣми членами. Но чаще примѣняется такой порядокъ, что члены дѣлаютъ ежегодные взносы сообразно съ суммой, которую застраховываютъ себѣ члены, и вѣроятными убытками, которые угрожаютъ обществу. Кроме того образуется запасной капиталъ для покрытия чрезвычайныхъ потерь. Если убытокъ не покрыть изъ периодическихъ членскихъ взносовъ и запаснаго капитала, то недостающая сумма раскладывается на членовъ и взыскивается съ нихъ. Отожествляя всѣ платежи членовъ въ обществѣ взаимного стра-

хованія съ преміями, мы можемъ говоритьъ объ изменчивости этихъ премій, такъ какъ ихъ высота опредѣляется суммами, которая выданы въ вознаграждение за убытки. Сумма премії опредѣляется выданными вознаграждениями, расходами по управлению, а также отчислениями въ запасной капиталъ; образование запасного капитала цѣлесообразно и при этой системѣ.

2) Второй формой служить *перестрахование у третьихъ лицъ*; страховщики не совпадаютъ со страхователями. Это страхование всего чаще облекается въ форму коммерческихъ предпріятій на акціонерномъ началѣ. Акціонерное общество видитъ въ страхованиіи торговый оборотъ и стремится извлечь изъ него возможно больше барыша. Но третьимъ лицомъ, устанавливающимъ связь между страхователями можетъ быть и общественный союзъ—государство, земство, община,—который организуетъ и ведетъ дѣло за свой счетъ. Обыкновенно эти союзы не стремятся извлекать изъ страхования прибыль и даютъ дѣлу характеръ общественного предпріятія. Эта форма, въ видѣ частнаго, коммерческаго, акціонернаго страхования, имѣеть ту отличительную особенность, что преміи неподвижны, представляютъ точно опредѣленную величину, безъ всякой обязанности страхующихъ дѣлать какія-либо доплаты. Здѣсь мы имѣемъ передъ собою договоръ, согласно съ которымъ страховщикъ обязуется, получивъ премію, выдать, въ случаѣ понесенныхъ убытковъ, страховую сумму, хотя бы преміи, въ своей совокупности, не покрывали суммы, которая должна быть уплачена. Такъ какъ здѣсь въ конечномъ итогѣ страховые суммы выплачиваются изъ премій, то послѣднія должны быть уже предварительно опредѣлены настолько высокой цифрой, чтобы, на основаніи вѣроятности, быть достаточными для покрытия обязательствъ, которые могутъ наступить. Такое вѣроятіедается только многолѣтнимъ опытомъ, а потому эта система нуждается въ точныхъ статистическихъ данныхъ. Разъ преміи не достаточно для покрытия суммы убытковъ, то послѣдніе должны быть возмѣщаемы изъ капитала предпріятія. Частный капиталъ только при томъ условіи надолго помѣщается въ страховое предпріятіе, если оно даетъ достаточную прибыль, т.-е., если сумма, образуемая изъ премій, превышаетъ сумму убытковъ. Чѣмъ крупнѣе разница между этими суммами, тѣмъ больше барыша. Стремленіе къ наибольшему барышу образуетъ слабую сторону страховыхъ акціонерныхъ компаний и заставляетъ отдать предпочтеніе взаимному страхованию передъ промышленнымъ.

Перестрахование имѣеть много самостоятельныхъ задачъ; его обороты достигаютъ миллиардовъ и обнимаютъ весь земной шаръ. Общества перестрахования действуютъ, большую частью, въ контроля государственной власти; споры, которые

истекают изъ договоровъ о перестрахованіи, обыкновенно рассматриваются въ кругу этихъ учрежденій и решаются третейскими судами.

Германія стоитъ во главѣ всего этого дѣла; въ ней развились самыя крупныя общества перестрахованія. Въ другихъ странахъ мало обществъ, которыя имѣли бы международное значеніе. Первое мѣсто въ этой области занимаетъ перестрахованіе отъ огня: на него приходится болѣе двухъ третей всей суммы премій, которая взносится по перестрахованію въ предѣлахъ міроваго рынка. Перестрахованію перевозокъ принадлежитъ второе мѣсто.

Перестрахованіе служить средствомъ для того, чтобы риски отъ опасностей распредѣлился на очень большую площадь. Не будь перестрахованія, владѣлецъ очень цѣннаго имущества (океаническаго парохода съ грузомъ во много миллионовъ, обширной фабрики) могъ бы застраховать его только частями во многихъ страховыхъ учрежденіяхъ; иной разъ ему пришлось бы имѣть дѣло съ 15—20 страховщиками. Это до крайности усложняло бы сдѣлки по страхованию.

Отношенія между страховыми учрежденіями и обществами перестрахованія принимаютъ разныя формы. Всего чаще встрѣчаемъ тотъ порядокъ, что изъ каждого страхования перестраховываютъ на сумму, которая превышаетъ извѣстную норму: если застрахованная сумма составляетъ 500.000 рублей, то страховое учрежденіе удерживаетъ за собой страхование 125.000 и сдаетъ обществу перестрахованія на 375.000. Страховые учрежденія нерѣдко имѣютъ дѣло съ 3—4 обществами перестрахованія; тогда этотъ излишекъ—375.000 рублей—распредѣляется между ними въ извѣстной пропорціи—поровну или иначе—и каждое общество отвѣтствуетъ въ той долѣ этого капитала, которая перенесена на него.

Дабы оцѣнить государственное страхование, слѣдуетъ припомнить, что цѣлый рядъ потребностей удовлетворяется не въ предѣлахъ частныхъ хозяйствъ, а общественною властью: таковы монета, почта, частью, птицы сообщенія, банки. Не трудно доказать цѣлесообразность такого порядка и для страхованія.

Страховщикомъ, за исключеніемъ развѣ морскаго страхования, не можетъ выступать отдельное лицо, какъ по недостатку средствъ, такъ и по случайностямъ, которымъ легко могутъ подвергаться отдельные лица: поэтому, страхование сосредоточивается въ рукахъ союзовъ, искусственно образуемыхъ положительнымъ правомъ. Промышленное страхование, находящееся въ завѣдываніи специалистовъ, често пользуется и хорошими, и разными неблаговидными средствами для того, чтобы побѣдить взаимное страхование; оно нерѣдко достигаетъ этого, если обѣ формы имѣютъ одинаковое положеніе передъ закономъ.

Такая побѣда связана съ крупными невыгодами для народного хозяйства; между страховыми обществами возникаетъ соперничество; побѣда однихъ надъ другими достигается только затратою со стороны каждого общества крупныхъ средствъ, который исчезаютъ безслѣдно. Безплодные расходы (на управление, рекламы), отличающіе промышленное страхование, связаны также и со взаимнымъ, которое раздробляется между многими мелкими союзами. Сосредоточеніе страхования въ одномъ центральномъ учрежденіи ведеть къ тому, что получается наиболѣе сильное дѣйствіе съ затратою наименьшаго количества силъ. При сосредоточеніи страхования всей страны, рискъ будетъ распредѣляться не менѣе выгодно, чѣмъ при многочисленныхъ страховыхъ обществахъ. Общественное страхование представляетъ еще и ту выгоду, что упраздняетъ вопросы, очень трудные для рѣшенія: какъ долженъ относиться законъ къ страховыми обществамъ? Желательенъ ли общий законъ или концессіонный порядокъ? Какъ должно государство наблюдать за страховыми обществами? Рѣшеніе поставленной нами задачи облегчается разъясненіемъ иѣкоторыхъ основныхъ условій страхового дѣла.

1) Могутъ ли органы государства выполнять по страхованию обязанности не хуже частныхъ обществъ? На это слѣдуетъ отвѣтить утвердительно, такъ какъ въ сферѣ внутреннаго управления есть много обязанностей, сходныхъ съ обязанностями по страхованию. Строительная полиція компетентна въ вопросахъ страхования отъ огня. Лица, стоящія при пенсионныхъ кассахъ, съѣдущіи въ вопросахъ о страховании жизни. Обязанности по страхованию могутъ быть исполнены всѣми этими органами не хуже, нежели частными обществами и при томъ со значительными сбереженіями; зданія, въ которыхъ помѣщаются разныя вѣдомства, могутъ служить помѣщеніями и для страхования; чиновники въ разныхъ отрасляхъ государственной службы, за небольшую добавочную плату, могутъ производить работы и по страхованию. Внесение страховыхъ премій въ государственную казну тождественно со взиманіемъ прямыхъ налоговъ. 2) Для какихъ же отраслей страхования всего болѣе подходитъ общественная организація? Таковы страхование отъ огня и страхование жизни, особенно, лицъ необеспеченныхъ классовъ. Страхование всего легче допускаетъ государственную организацію въ тѣхъ странахъ, которая имѣютъ хорошо подготовленныхъ, трудолюбивыхъ и добросовѣстныхъ чиновниковъ. Въ этомъ отношеніи государства европейско-американского міра неодинаковы.

Государственное страхование можетъ доставить и еще иѣкоторые выгоды. Обыкновенно при страхованиіи строго проводится индивидуалистическое начало: защитники промышленного страхования настаиваютъ на томъ, что необходимо строгое клас-

сифицированіе тарифовъ премій; разъ оно проведено недовольно ярко, говоритьъ намъ, то страхование становится коммунистическимъ. Индивидуалистическое начало выражается въ томъ, что, напримѣръ, при страхованиі отъ огня, высота премій ставится въ зависимость отъ особенностей страхуемаго зданія; страхователи разбиваются на нѣсколько классовъ, причемъ члены одного класса образуютъ группу, въ предѣлахъ которой распредѣляется рискъ, несомый каждымъ представителемъ этой группы. Общественное страхование можетъ и должно подвергать этотъ принципъ нѣкоторымъ ограниченіямъ.

Строгое классифицированіе тарифа премій соотвѣтствуетъ господствующему нынѣ началу самолюбія; кто несетъ болѣшій рискъ, тотъ долженъ платить болѣе высокую премію. Кто хочетъ понизить ее при страхованиі, напримѣръ, отъ огня, тотъ долженъ лучше устроить свое жилище, сдѣлать желѣзную крышу, вмѣсто соломенной. Говоря такъ, забываютъ, что человѣкъ не одинъ виновенъ въ невзгодахъ, которыя поражаютъ его. Характеръ постройекъ стоитъ въ зависимости отъ многихъ условій: вѣковая неволя сельскихъ классовъ и привилегированное положеніе городовъ привели къ тому, что первые имѣютъ худшія постройки, нежели вторые; это не можетъ быть измѣнено съ одного удара. Государство призвано къ тому, чтобы сглаживать историческія несправедливости. Вотъ почему спра-ведливо отклоненіе отъ строгой классификаціи тарифовъ съ точки зрѣнія общаго блага вполнѣ справедливо, чтобы городъ нѣсколько приплачивалъ за деревню. Слѣдуетъ сказать то же и относительно страхованія скота; округа, которымъ особенно угрожаетъ опасность эпизоотіи, не виноваты, что занимаютъ такое невыгодное мѣсто: было бы справедливо уравненіе ихъ съ другими округами. То же примѣнімо и къ страхованию на случай старости, смерти, болѣзни. Продолжительность средней жизни зависитъ отъ общественныхъ условій; каждый живеть долго или коротко въ зависимости отъ среды, где родился, отъ занятія, которому посвятилъ себя. И здѣсь необходимо дать мѣсто уравнивающему началу: не нужно назначать слишкомъ высокія преміи для лицъ бѣднѣйшихъ классовъ; лучше возвысить преміи съ людей болѣе состоятельныхъ или же покрывать недочетъ изъ излишка отъ тѣхъ налоговъ, которые падаютъ, главнымъ образомъ, на бѣднѣйшихъ гражданъ. Это уравнительное начало можетъ быть проведено только при общественной организаціи страхованія.

Есть три способа борьбы со всякимъ бѣдствіемъ: предупрежденіе, пресѣченіе и страхование. Чѣмъ болѣе развиваются мѣропріятія двухъ первыхъ разрядовъ, тѣмъ дешевле становится страхование. Такъ какъ мѣропріятія этихъ трехъ разрядовъ преслѣдуютъ одинъ и тѣ же цѣли, то и желательно сосредо-

точение ихъ, въ одиныхъ рукахъ въ построение по единобразному плану. Предупреждение и пресечение бѣдствий лежитъ теперь на общественной власти. Общества промышленного страхования не заинтересованы въ развитіи этихъ мѣро пріятій; имъ все равно, высока или низка премія: они стремятся только къ получению наибольшей разницы. Именно этимъ объясняется, напримѣръ, отказъ акціонерныхъ обществъ страхования дѣлать взносы на улучшеніе пожарныхъ команда. Взаимное страхование уже лучше, такъ какъ пониженіе страховыхъ премій приносить участникамъ существенная выгоды. Общественное же выше частнаго взаимнаго потому, что, при первомъ, выгоды отъ уменьшения опасностей достаются всему обществу и могутъ получать наиболѣе справедливое распределеніе. Страхование, говоритъ Вагнеръ, по своей природѣ не относится къ области свободнаго оборота: оно есть общественное учрежденіе и должно быть упорядочиваемо, какъ таковое.

Частныя страховые общества должны быть предметомъ контроля со стороны государства: ихъ дѣятельность всегда связана со значительнымъ рискомъ; страхователи не могутъ въ подробностяхъ слѣдить за ихъ оборотами, и крушеніе общества, особенно общества страхования жизни, можетъ разорить десятки тысячъ людей. Соединенные Штаты даютъ убѣдительное доказательство того, что контроль государства не препятствуетъ развитію страхования: за послѣднія 40 лѣтъ въ этой странѣ издано множество законовъ, упорядочивающихъ дѣятельность страховыхъ обществъ, и всѣ виды страхования развиваются быстро и безостановочно. Во всѣхъ государствахъ страхование упорядочивается закономъ и почти повсюду находится подъ надзоромъ правительства. Въ Пруссіи одинъ отрасли страхования находятся въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, другія—въ вѣдѣніи министерства земледѣлія, третьи—министерства торговли. Страховые общества учреждаются на началахъ концессіонированія; они обязаны ежегодно печатать свои отчеты по опредѣленной программѣ. Министерство, къ вѣдѣнію котораго относится данное страховое общество, всегда имѣеть право просматривать его книги, знакомиться съ состояніемъ дѣлъ. Въ Австро-Венгріи страховые общества находятся подъ надзоромъ особаго бюро, входящаго въ составъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Законъ требуетъ, чтобы вновь учреждаемыя страховые общества имѣли опредѣленный капиталъ, запрещаетъ обществамъ страхования жизни вѣдать другія отрасли страхования. Страховые общества Соединенныхъ Штатовъ находятся подъ контролемъ правительства отдѣльныхъ штатовъ: некоторые штаты содержать на счетъ страховыхъ обществъ особиахъ комиссаровъ съ подручными чиновниками.

6-го июня 1894 года въ Россіи издано *Положеніе о надзорѣ*

за дѣятельностью страховыхъ учреждений и обществъ. Надзоръ сосредоточивается въ страховомъ комитете, который состоитъ при хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Вѣдая губернское взаимное страхование, общества взаимного страхования въ городахъ и частныхъ русскія и иностранныя (дѣйствующія въ Россіи) страховые общества, комитетъ наблюдаетъ за исполненіемъ правилъ учрежденіями и обществами, за сохранностью и правильностью помѣщенія ихъ капиталовъ, назначаетъ, въ случаѣ надобности, ревизію этихъ учрежденій. Къ этимъ общимъ обязанностямъ страхового комитета присоединяются также особыя обязанности относительно отдельныхъ разрядовъ страховыхъ учрежденій. Положеніе 6-го июня опредѣляетъ также другія стороны въ дѣятельности страховыхъ обществъ: долю капитала, которая можетъ быть отчисляема на первоначальное устройство предпріятія, размѣры запаснаго капитала, уведомленіе страхового комитета о лицахъ, избираемыхъ агентами, порядокъ производства ликвидаций и проч.

Морское страхование образуетъ наиболѣе старинную отрасль страхового дѣла; мы находимъ его зачатки еще въ 13 столѣтіи. Въ 16 и 17 вѣкахъ, съ развитіемъ міровой торговли, оно распространяется по всей Европѣ. Гамбургъ является однимъ изъ пунктовъ очень развитаго морскаго страхования: въ 1901 году сумма страхований во всѣхъ гамбургскихъ обществахъ составила болѣе 2 миллиардовъ марокъ. Въ послѣднія десятилѣтія развилась особая вѣтвь страхования, связанная съ передвиженіемъ людей — страхование отъ несчастій на желѣзныхъ дорогахъ. Страхование отъ огня, возникнувъ въ 15 столѣтіи, достигаетъ довольно высокаго уровня только къ началу 18 вѣка. Ограничиваюсь первоначально строеніями, оно распространялось въ теченіе 18 вѣка и на движимость. Въ Англіи съ конца 17 вѣка стали возникать частныя общества взаимного страхования, а съ начала 18 столѣтія — акціонерные; вторая форма одержала надъ первою полную побѣду. Въ Пруссіи общества взаимного страхования стали успѣшно развиваться съ 60-хъ годовъ 18 вѣка, акціонерный же сдѣлали большия успѣхи только съ первой четверти 19 столѣтія. Взаимное страхование отъ огня настолько упрочилось въ Германіи, что сумма страхований въ этихъ обществахъ лишь немногимъ меныше суммы страхований въ акціонерныхъ. Возникновеніе страхования жизни относится ко второй половинѣ 17 вѣка, когда была научно обоснована теорія вѣроятности и когда правильное веденіе метрическихъ записей начало давать полные материалы для вычислений вѣроятной продолжительности жизни и составленія таблицъ смертности. Первые общества страхования жизни возникли въ Англіи въ послѣдніхъ годахъ 17 вѣка. За 1904 годъ въ Германіи дѣй-

ставили 46 обществ страхования жизни; сумма, застрахованная изъ нихъ, составила 7,712 миллионовъ марокъ. Еще большие различия отъ видъ страхования въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ.

Страховое дѣло возникло въ Россіи въ концѣ 18 вѣка съ 1786 года заемный банкъ, принимая въ залогъ дома, заводы и фабрики, требовалъ, чтобы они были застрахованы въ пемъ же въ размѣрѣ $\frac{3}{4}$ оцѣнки. Акционерное страхование стало развиваться съ 1827 года, когда былъ утвержденъ уставъ первого российского общества страхования. Старѣйшія взаимныя страховыя общества (рижское и либавское) возникли въ концѣ 18 столѣтія, и только въ началѣ 60-хъ годовъ взаимное страхование стало развиваться въ Россіи повсемѣстно. Въ концѣ 1901 года въ Россіи дѣйствовали 16 акционерныхъ страховыихъ обществъ, 91 городскихъ и 6 прочихъ взаимныхъ обществъ, 34 земскихъ и 23 губернскихъ страховыихъ учрежденій. Нѣкоторыя акционерныя общества, наряду со страхованіемъ отъ огня, занимаются также и мало развитымъ у насъ страхованіемъ жизни. Въ Россіи есть и обязательное страхование строений отъ огня; первоначально оно было введено въ 1844 году для государственныхъ крестьянъ. Въ 1860 году была установлена нормальная цѣна для застрахованія домовъ: отъ 15 до 125 рублей для деревянныхъ и отъ 24 до 300 рублей для каменныхъ. Съ учрежденіемъ земства, въ ихъ вѣдѣніе было передано обязательное страхование. Оно распространяется на всѣ сельскія постройки, которыя находятся въ чертѣ крестьянской усадебной осѣдлости, если они не застрахованы въ какомъ-либо обществѣ. Строенія раздѣляются для обязательного страхованія на разряды, и для каждого разряда устанавливаются нормальные оцѣнки, единообразныя для губерній или же особыя для каждого уѣзда. Но, кроме обязательного, въ вѣдѣніи земства сосредоточивается и добровольное страхование: оно допускается для построекъ, которыя не находятся въ чертѣ крестьянской осѣдлости, по желанію ихъ владѣльцевъ и съ согласія земства. Въ концѣ 1900 года сумма страхованій отъ огня въ 13 акционерныхъ обществахъ составляла 9.088 $\frac{1}{4}$ миллионовъ рублей. Въ 7 акционерныхъ обществахъ, занимающихся страхованиемъ жизни, къ концу 1900 года была застрахована жизнь на капиталъ до 359 миллионовъ рублей. Кроме того, тремя иностранными обществами, дѣйствующими въ Россіи, было заключено страхование на сумму больше 10 миллионовъ. Распространяются и другія формы страхования жизни: на дожитіе, съ участіемъ и безъ участія страхователей въ прибыляхъ общества. Къ концу 1900 года сумма этихъ страхований въ 6 русскихъ акционерныхъ обществахъ достигла 359 миллионовъ рублей. Къ 1 аваріи 1902 года въ 97 обществахъ взаимного страхования сумма

111

страхованій отъ огня составляла болѣе 1.147.000.000 рублей. Сумма страхованій въ земствѣ составляла въ 1902 году слишкомъ 427 $\frac{1}{3}$ миллионовъ рублей по обязательному страхованию и 445 $\frac{1}{3}$ миллионовъ — по добровольному. Губернское взаимное отъ огня страхование дѣйствуетъ въ губерніяхъ, гдѣ не введены земскія учрежденія; въ 1902 году сумма обязательныхъ страхованій достигла 436 миллионовъ рублей въ 23 губерніяхъ и областяхъ. Къ 1 января 1903 въ 10 губерніяхъ Царства Польскаго страховая сумма достигала 544 $\frac{1}{3}$ миллионовъ по страхованию зданій отъ огня. Въ концѣ 1900 года въ 12 обществахъ транспорты и суда были застрахованы на сумму до 2.307 $\frac{1}{4}$ миллионовъ рублей.

II.

Обезпеченіе народнаго продовольствія и обсѣмененія полей можетъ облекаться въ своеобразную форму принудительного страхованія; при этомъ населеніе обязывается составлять правильными periodическими взносами хлѣбные запасы или денежные капиталы, или же тѣ и другіе въ извѣстной пропорціи. Какъ скоро наступаетъ неурожай, который затрудняетъ пріобрѣтеніе хлѣба для потребленія или зерна для обсѣмененія полей, то нуждающіеся получаютъ изъ этихъ запасовъ ссуду хлѣбомъ или деньгами. Получившій ссуду обязанъ возвратить ее въ теченіе извѣстнаго срока. Народное продовольствіе принимаетъ двоякую организацію: одна приближается ко взаимному кредиту, другая — къ страхованию. Если хлѣбный запасъ или денежный капиталъ принадлежитъ данной группѣ лицъ — сельскому обществу, городу, если онъ служить источникомъ для обеспеченія только этой группы, если каждый изъ членовъ дѣлаетъ взносы до нормы, которая, предположительно, можетъ сполна удовлетворить потребности отдѣльного хозяйства, то мы получаемъ организацію съ преобладаніемъ началь взаимнаго кредита. Въ основаніи этой системы лежитъ такой разсчетъ: если одному хозяйству, для продовольствія и обсѣмененія полей, могутъ понадобиться 2 четверти зерна или 10 рублей, которыхъ стоятъ эти 2 четверти, то каждое хозяйство должно до тѣхъ поръ дѣлать взносы въ продовольственный запасъ или денежный капиталъ, пока на его долю не будетъ сполна причитаться этаТЬ запасъ. Конечно, такая организація не исключаетъ для отдѣльныхъ семей возможности получить, въ случаѣ неурожая, и больше 2 четвертей или 10 рублей, но норма хлѣбнаго запаса и денежного капитала образуется по тому разсчету, что пай, составленный каждымъ членомъ, можетъ удовлетворить его нужды. Такъ какъ хлѣбные запасы и денежные капиталы, образуемые небольшою группою, напримѣръ, отдѣльнымъ селеніемъ, часто бываютъ недостаточны, такъ какъ неурожай

можетъ причинить гораздо большую нужду въ отдельной, тѣсно ограниченной группѣ, нежели средняя нужда, въ расчетѣ на которую и устанавливается величина хлѣбныхъ запасовъ и продовольственныхъ капиталовъ. то создается вторая организація: образуются натуральные запасы и денежные капиталы, принадлежащіе волости, земству, городу, государству. При составлении этихъ запасовъ, начало страхованія обнаруживается уже болѣе ярко. Когда накапливаютъ земскіе хлѣбные запасы и государственные продовольственные капиталы, то исходить изъ предположенія, что неурожай можетъ постигнуть часть губерніи или иѣкоторыя мѣстности цѣлой страны, но не все государство и даже не всю губернію, а потому не считаютъ нужнымъ образовать такой запасъ, который могъ бы удовлетворить нужду всего населенія данной губерніи, тѣмъ менѣе цѣлой страны; считаютъ излишнимъ требовать отъ всѣхъ, имѣющихъ право обращаться къ этимъ запасамъ, такихъ взносовъ, которые въ совокупности образовали бы 2 четверти или 10 рублей на душу; ловольствуютъ взносами въ 5, 10, 20 разъ меньшими. Здѣсь разница между платежами и полученіями, въ случаѣ нужды, гораздо болѣе велика, нежели при образованіи мѣстныхъ продовольственныхъ средствъ: здѣсь платежи гораздо большие напоминаютъ страховую премію.

Россія представляетъ обширное поле для изученія этого вопроса. Правительство Московской Руси принимало, во время голода, мѣры къ тому, чтобы сдѣлать хлѣбъ доступнымъ народу. Петръ Великій, указомъ 20 января 1724 года, впервые выразилъ мысль о необходимости предупредительныхъ мѣръ: „учинить, говорится въ указѣ, экономіи генерального, котораго должность первая надъ хлѣбомъ, чтобы вездѣ запасный быть, дабы въ неурожайные годы народъ голоду не терпѣть; сю должность взять изъ иностранныхъ уставовъ, и къ тому свое прибавить и предложить“. Мысль Петра была осуществлена только при Екатеринѣ II. Указомъ 10 марта 1765 года было предписано коллегіи имѣть въ запасѣ хлѣбный капиталъ для снабженія поселеній въ случаѣ нужды, а также было повелѣно завести во всѣхъ деревняхъ запасные хлѣбные магазины. Первоначально магазины были устроены въ казенныхъ селеніяхъ, а въ послѣдніе годы 18 вѣка—въ удѣльныхъ имѣніяхъ; въ 1810 году было уже до 66,000 сельскихъ магазиновъ, имѣвшихъ около $15\frac{1}{2}$ миллионовъ четвертей хлѣба.

Указомъ 14 апрѣля 1822 года былъ созданъ строй продовольственного дѣла, во многомъ сохранившійся и до нашихъ дней. Законъ ввелъ два рода мѣръ для содѣйствія населенію въ неурожайные годы: хлѣбные запасы и денежные капиталы. Мѣстныя коммисіи должны были отдавать предпочтеніе тѣмъ или другимъ, собразно съ размѣрами хлѣбной производитель-

ности губерний, съ путями сообщенія, развитіемъ хлѣбной тор-
говли, состояніемъ промышленности и съ удобствомъ содер-
жать хлѣбные магазины. Пользуясь разрѣшеніемъ закона, мѣст-
ная комиссія 40 губерний постановили о составленіи хлѣб-
ныхъ запасовъ; въ 12 губерніяхъ были введены денежные ка-
питалы. Законъ опредѣлилъ количество хлѣбныхъ запасовъ въ
2 четверти на ревизскую душу съ обязательствомъ составлять
ихъ ежегодными взносами по 4 гарнца на ревизскую душу.
Денежные капиталы должны были быть составляемы въ такихъ
размѣрахъ, чтобы на каждую ревизскую душу приходилась
сумма, достаточная для покупки 1 четверти. Было постанов-
лено образовать этотъ капиталъ ежегодными взносами по 25 ко-
пѣекъ съ души. Ссуды помѣщицкимъ престоянамъ изъ этихъ
запасовъ обезпечивались залогомъ имѣнія, а при его недоста-
точности—надежнымъ поручительствомъ. Въ 1834 году было
позданъ нынѣ действующій уставъ о народномъ продовольствіи;
онъ установилъ для всѣхъ губерній какъ хлѣбные запасы, такъ
и денежный сборъ. Первые должны состоять изъ 1 четверти
ржи или пшеницы и $\frac{1}{2}$ четверти овса или ячменя, а денежный
капиталъ долженъ состоять изъ 160 копѣекъ ассигнациями на
ревизскую душу. Тѣ и другіе должны были быть образуемы
посредствомъ постепенныхъ взносовъ. Для городовъ законъ
предписалъ собирать по 15 копѣекъ съ души въ теченіе 20 лѣтъ.
Было постановлено о выдачѣ ссудъ двоякаго рода: частныхъ,
хлѣбомъ изъ запасныхъ магазиновъ, когда нѣкоторая семья или
немногія селенія постигнуты неурожаемъ, градобитіемъ или
другимъ бѣдствіемъ, и общія, чрезвычайныя, выдаваемыя съ
разрѣшеніемъ вышаго правительства при неурожаѣ во всей гу-
берніи и неизомѣрномъ возвышенніи цѣнъ. Въ 1866 году было
постановлено, кромѣ хлѣбныхъ запасовъ или денежныхъ капи-
таловъ, принадлежащихъ сельскимъ обществамъ, образовать:
а) губернскій продовольственный капиталъ отчислениемъ 48 ко-
пѣекъ на мужскую ревизскую душу и б) общемъперскій про-
довольственный капиталъ; послѣдній образуется изъ остатковъ
бывшаго денежного сбора. Въ 1874 году было окончательно
установленъ порядокъ обращенія хлѣбныхъ запасовъ и денеж-
ные капиталы. При этомъ было преподано, въ видѣ общаго
правила, что замѣна разрѣшается лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда
земская управа найдетъ то возможнымъ. Деньги, взамѣнъ уста-
новленного количества хлѣба, вносятся по высшей изъ годо-
выхъ среднесложныхъ справочныхъ цѣнъ въ теченіе 10 пред-
шествовавшихъ лѣтъ. Тогда же было определено и порядокъ
разрѣшенія ссудъ изъ хлѣбныхъ запасовъ и денежныхъ капи-
таловъ; управа разрѣшаетъ выдачу въ такомъ раз-
мѣрѣ, чтобы, по выдачѣ, оставалось не менѣе половины уста-
новленныхъ запасовъ. Закономъ 12 июня 1900 года завѣдываніе,

народнымъ продовольствіемъ было передано управлініе о крестьянахъ.

Перемѣны, которые вводились въ организацію народного продовольствія были вызываемы сознаніемъ, что дѣйствовавшій до послѣдняго времени системы не могли, въ случаѣ неурожая, обеспечить населеніе отъ голода. Неурожай заставлялъ правительство дѣлать чрезвычайные расходы на покупку хлѣба; ссуды, выданныя крестьянамъ, возвращались медленно, а во многихъ мѣстахъ числились въ недоимкахъ длинный рядъ лѣтъ. Недостаточность запасовъ, которые находились въ хлѣбныхъ магазинахъ, и накопленіе продовольственныхъ недоимокъ побудили земство, съ первыхъ лѣтъ его существованія, поставить на очередь вопросъ о наиболѣе цѣлесообразномъ устройствѣ продовольственного дѣла. Земскіе люди держались двухъ направлений. Большинство земствъ высказывалось за повсемѣстную замѣну хлѣбныхъ запасовъ денежными капиталами. Это мнѣніе отстаивалось ссылкою на то, что капиталъ приносить проценты, что, при развитіи пароходства и желѣзныхъ дорогъ, закупка хлѣба, въ случаѣ неурожая, можетъ быть сдѣлана безъ затрудненій, что хлѣбъ заливается въ амбарахъ и портится, что значительное его количество уничтожается мышами, что надзоръ за хлѣбными магазинами требуетъ большихъ расходовъ. Меньшинство земствъ высказывалось за полезность сохраненія хлѣбныхъ магазиновъ: неудобства, связанныя съ сохраненіемъ хлѣба, по мнѣнію этихъ земствъ, невелики, потери стъ мышей незначительны, а хлѣбный запасъ имѣть ту выгоду, что, въ случаѣ неурожая, можетъ непосредственно удовлетворить нужду населенія, тогда какъ денежный капиталъ, при большомъ возведеніи хлѣбныхъ цѣнъ, слѣдующемъ за неурожаемъ, большую частью, недостаточенъ для покупки потребнаго количества. Въ пользу хлѣбныхъ запасовъ говорить, по мнѣнію этихъ земствъ, и несовершенство въ Россіи путей сообщенія, слабое развитіе желѣзнодорожной сѣти, затрудняющей подвозъ хлѣба во многія мѣстности. Различіе воззрѣй повело во многихъ губерніяхъ къ замѣнѣ хлѣбныхъ запасовъ денежными капиталами.

Какъ неурожай первой четверти прошлаго вѣка доказывали неудовлетворительность системы, основанной на образованіи однихъ хлѣбныхъ запасовъ, такъ голода въ 30-хъ, 40-хъ и особенно въ 1891—92 годахъ свидѣтельствуютъ о неудовлетворительности системы, состоящей въ образованіи хлѣбныхъ запасовъ и денежныхъ капиталовъ, или же въ замѣнѣ всѣхъ хлѣбныхъ запасовъ денежными суммами: во время послѣдняго голода были не только поглощены всѣ хлѣбные запасы и денежные капиталы, но и потребовался со стороны правительства чрезвычайный расходъ слишкомъ во 100 миллионовъ рублей, чтобы смягчить бѣдствія, причиненные неурожаемъ¹).

Внимательное отношение къ дѣлу заставляетъ сдѣлать выводъ, что причина неудовлетворительного обеспечения народа связана не со строемъ продовольственной системы, не съ натуральной или денежной формой образованія запасовъ, а съ невозможностью для русскихъ людей дѣлать, въ среднемъ, такія сбереженія, которыя отвѣчали бы размѣрамъ нужды при неурожаѣ или другихъ бѣдствіяхъ, обрушающихся на крестьянское хозяйство. Предположимъ, что потребность въ ссудахъ изъ продовольственного капитала, подъ влияніемъ разныхъ причинъ, равна 100 единицамъ; если изъ дохода хозяйствъ, дающихъ взносы въ хлѣбные магазины и денежные капиталы, можетъ бытьдержано для этихъ цѣлей только 50 единицъ, то никогда не будетъ въ наличности той массы хлѣба или суммы денегъ, которая могла бы удовлетворить обозначившуюся нужду. Невозможность будетъ выражаться въ двойкой формѣ: въ средніе годы, при недорогахъ или неурожаяхъ въ отдельныхъ мѣстностяхъ, она будетъ выражаться тугимъ поступлениемъ платежей по продовольственнымъ ссудамъ и неполнотой наличныхъ натуральныхъ и денежныхъ запасовъ; при общемъ неурожаѣ она должна выразиться въ быстромъ погашеніи всѣхъ запасовъ и необходимости отыскивать чрезвычайные источники для смягченія нужды, которую терпить населеніе ²⁾). Продовольственные системы всѣхъ родовъ будутъ становиться все менѣе удовлетворительными ³⁾), если не будутъ устранены коренные причины, которая разстроиваютъ крестьянское хозяйство. Ростъ населенія, возрастающее малоземелье, сокращеніе скотоводства и пониженіе урожайности полей оставляютъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ все меньшую долю (мы намѣренно избѣгаемъ словъ „избытокъ“ или „излишокъ“), которая могла бы быть внесена въ запасный хлѣбный магазинъ или продовольственный капиталъ, а ухудшеніе вѣнчаной природы грозить все болѣе частыми неурожаями. Такимъ образомъ, несоответствіе между жертвами, которая сельское населеніе можетъ принести для самообеспеченія въ будущемъ, и нуждой, которая отъ времени до времени угрожаетъ народу, будетъ становиться все болѣе рѣзкимъ. Оставить крестьянское хозяйство въ его нынѣшнемъ положеніи—значить осудить любую продовольственную систему на полное банкротство въ такой же мѣрѣ, въ какой это испытываютъ страховые общества, когда пожаръ уничтожаетъ цѣлый городъ, когда огонь въ немногихъ часахъ причиняетъ болѣе убытки, нежели въ средніе десятилѣтія.

Коренные мѣры, направленныя къ улучшенію крестьянского хозяйства, устранили бы много бесплодныхъ споровъ о сравнительныхъ преимуществахъ и недостаткахъ той или другой системы народнаго продовольствія. Большая производитель-

пости сельско-хозяйственного труда, понижение урожайности земли, разнообразная мифия, посредством которых наука помогает людям ослаблять грозные неурожаи, позволили бы организовать народное продовольствие на страховых началах въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Обширность Россіи, рѣдкое населеніе и невозможность создать въ близкомъ будущемъ такую сѣть желѣзныхъ дорогъ и подъѣздныхъ путей, которая равномѣрно охватила бы все государство, заставляютъ отдать предпочтеніе денежнно-натуральной системѣ продовольствія. Она могла бы выразиться въ томъ, что все населеніе вносило бы ежегодно денежную страховую премію (столько-то съ десятины), обеспечивающую страхователямъ возмѣщеніе потерь, которыхъ они несутъ отъ градобитія, неурожая, вредныхъ насѣкомыхъ; преміи, сосредоточиваясь въ вѣдѣніи губернскихъ земствъ, могли бы частію образовать денежный капиталъ, частію затрачиваться на покупку земствами же зерна съ помѣщениемъ его въ волостныхъ магазинахъ. Хлѣбные запасы, съ наступленіемъ неурожая, служили бы первымъ источникомъ для выдачи страхователямъ страховой суммы натурой; въ годы же средняго урожая хлѣбные магазины имѣли бы значение сѣмянныхъ депо: населеніе могло бы покупать въ нихъ зерно для обсѣмененія полей ⁴).

ПРИМѢЧАНІЯ КО ВТОРОЙ ГЛАВѢ.

1) Согласно съ официальными данными, къ 1 января 1892 года хлѣбные запасы были крайне незначительны. Изъ 17 губерній, наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая, въ общественныхъ запасныхъ магазинахъ Казанской губерніи было только 315,000 пудовъ хлѣба, въ Самарской—221,000, Уфимской—168,000, Тобольской—64,000, Нижегородской—48,000, Пермской—даже только 30,000 пудовъ, т. е. по 8—1 фунту на 1 душу крестьянского населенія. Общее количество израсходованыхъ общественными и працелѣтнейшими учрежденіями средствъ на помощь голодающему населенію 23-хъ губерній колеблется между 130 и 140 милл. рублей; изъ нихъ около 5 миллионовъ выдано деньгами, а на остальную сумму куплено для выдачи населенію слишкомъ 109 милл. пуд. разнаго хлѣба. На 1 октября 1902 года въ 46 губерніяхъ на лицо было 58% нормы хлѣбныхъ запасовъ и 60% нормы продовольственныхъ капиталовъ.

2) Въ февралѣ 1893 года г. Марессъ сдѣлалъ въ московскомъ юридическомъ обществѣ поучительный докладъ „О потребленіи пищи въ Россіи и за границей“. (Этотъ докладъ былъ напечатанъ въ *Русской Мысли* за 1894 г.). Руководствуясь всеподданѣйшими отчетами губернаторовъ и давними центральнымъ статистического комитета, докладчикъ вычислилъ, что въ 1870—78 годахъ въ Россіи на душу населения ежегодно оставалось для потребленія 12 и. 22 ф. зерновыхъ хлѣбовъ, а въ 1883—90 гг.—только 11 и. 35 ф. Прѣбывши сюда картофель, въ переводе его, относительно питательности, на зерно, докладчикъ сдѣлалъ выводъ, что населеніе Россіи не получаетъ 22%, нормы, необходимой для питания. Если-бы въ вычислениі г. Маресса и вкрались изъкоторыхъ неточности, то вся земская статистическая литература, подкрепленная отчетами о продовольствованіи

населенія и о крестьянскомъ хозяйстѣ изъ мѣстностіхъ, пострадавшихъ неурожаями (см. въ особенности отчеты Борнилова, Короленка, гр. Л. Н. Толстого, Эртеля), свидѣтельствуетъ, что для текущихъ потребностей крестьянской семьи остается мѣньше того, что признается нормальнымъ потребленіемъ, а потому крестьянинъ не можетъ удѣлять въ хлѣбныхъ запасахъ или денежные продовольственные капиталы столько, сколько нужно, дабы тѣмъ въ случаѣ неурожая обезпечить себя отъ нужды.

3) Это доказывается накопленіемъ крушныхъ недоимокъ по народному продовольствію: къ 1 января 1903 года недоимки въ губернскіе и областные продовольственные капиталы достигали 15, а въ имперскій—90 $\frac{1}{4}$ миллионовъ рублей.

4) Здѣсь не мѣсто начертывать болѣе подробно планъ организаціи народного продовольствія. Мы предусматриваемъ, однако, пункты, въ которыхъ она должна существенно отличаться отъ нынѣшней системы. Теперь каждый, вдумывающійся въ условія русской экономической жизни, отдаетъ предпочтеніе хлѣбнымъ запасамъ и охотно высказывается за устройство мелкихъ хлѣбныхъ магазиновъ, но возможности, въ каждомъ селеніи. При этомъ руководствуются соображеніемъ того, что неурожай часто посѣщаетъ наст., что каждый годъ отъ него страдаютъ некоторые и даже многія мѣстности Россіи, что наша хлѣбная торговля монополизирована п, при неурожаѣ, цѣны могутъ повышаться въ большихъ размѣрахъ, что значительную часть года мы страдаемъ отъ бездорожья и доставка хлѣба въ некоторые селенія и даже цѣнныя уѣзды можетъ быть чрезвычайно затруднена. Всѣ эти предположенія истинны. Считая невозможнымъ устроить цѣлесообразную систему народнаго продовольствія при нынѣшнемъ упадѣ крестьянского хозяйства, мы увѣрены, что коренное улучшеніе быта деревни (прежде всего устраненіе малоземелья) поставило бы продовольственную систему въ условія, рѣзко отличныя отъ настоящихъ: 1) Частые, почти изъ года въ годъ постигающіе насъ мѣстные неурожаи, связанные съ истощеніемъ полей, размноженіемъ вредныхъ насѣкомыхъ, съ дурной обработкой земли, дуриными сѣменами станутъ гораздо болѣе рѣдкими явленіями. Такія мѣры, какъ систематическое орошеніе, и притомъ по большому масштабу, сдѣлаютъ засухи менѣе опасными и ослабятъ даже общіе неурожаи, подобные неурожаю 1891—92 годовъ. 2) Общиі подъемъ крестьянского хозяйства будетъ идти рука объ руку съ дальнѣйшимъ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ, улучшеніемъ подъѣздныхъ путей, исправленіемъ рѣкъ. 3) Подъемъ благосостоянія крестьянъ отразится и на хлѣбной торговлѣ: менѣе зависящій отъ вѣтринного давленія, нежели въ настоящее время, крестьянинъ не будетъ продавать сть осени весь хлѣбъ, будетъ оставлять значительно большее его количество въ своемъ хозяйствѣ. Наличность въ деревняхъ многочисленныхъ, хотя и мелкихъ запасовъ хлѣба будетъ условиемъ, противодѣйствующимъ монопольному положенію торговцевъ хлѣбомъ даже при значительномъ неурожаѣ. Все, выѣстѣ взятое, въ большей пропорціи уменьшитъ запасы хлѣба, которые должны быть въ общественныхъ магазинахъ па случаѣ голода; все это позволитъ держаться въ области народнаго продовольствія не исключительно натурального, а натурально-денежнаго хозяйства. И если теперь одинъ хлѣбный магазинъ на волость ставить бы населеніе многихъ деревень въ невыгодное положеніе, то, съ наступленіемъ условій, которыхъ мы намѣтили, одинъ хлѣбный магазинъ будетъ въ состояніи удовлетворять потребность обширнаго района.

О Т Д Ъ Л Ъ П Я Т Ы Й.

КРИЗИСЫ ВЪ ОБЩЕСТВЕННОМЪ ХОЗЯЙСТВѦ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Литература: *Маркс*. Капиталъ. *Roscher*. System. III. *Jevons*. Political Economy. *Вирц*. История торговыхъ кризисовъ. 1887. *Гамменбергер*. Вѣнскій кризисъ 1873 года. 1877. *Чупровъ*. О характерѣ и причинахъ современного промышленного кризиса. 1889. *Тучин-Барановскій*. Промышленные кризисы въ современной Англіи. 1894. *Juglar*. Les crises commerciales. 1862. *Newirth*. Die Speculationskrise von 1873. 1874. *Schaeffle*. Der grosse Börsenkrach des Jahres 1873. *Tübing*. Zeitschr. 1874. *Rodbertus*. Zur Beleuchtung der sozialen Frage. 1875. *Oechelhäuser*. Die wirthschaftliche Krisis. 1876. *Brentano*. Die Arbeiter u. die Produktionskrisen. *Jahrbüch. f. Gesetzgeb. u. Verwalt.* 1878. *Nasse*. Ueber die Verhütung der Produktionskrisen. *Jahrbüch. f. Gesetzgeb. u. Verwalt.* 1879. *Giffen*. On the fall of prices of commodities. Essays in finance. 1880. *Larelye*. Der wahre Grund der seit 1873 bis jetzt anhaltend. wirthschaftl. Krisis. 1881. *George*. Progress and poverty. 1883. *Morisseau*. La crise économique. 1884. *Allard*. La crise. 1885. *Scharling*. Die jetzige Geschäftsstille u. das Gold. *Jahrbüch. f. Nationalökonomie*. *Courcelle-Seneuil*. La crise économique. *Journ. d. Econom.* 1886, VIII. *Kaufmann*. Der mitteleuropäische Zollverein. *Tübing*. Zeitschr. 1886. *Busch*. Ursprung u. Wesen der wirthschaftlich. Krisis. 1892. *Neurath*. Die wahren Ursachen der Ueberproduktionskrisen. 1892. *König*. Die Lage der englischen Landwirtschaft. 1896. *Девитсюкъ*. Сельскохоз. кризисъ во Франції. 1899. *Steinberg*. Industrie u. Ueberspeculation. 1899. *Ею же*. Die wirtschaftl. Krisis 1901. 1902. *Eherstadt*. Der deutsche Kapitalmarkt. 1901. *Ею же*. Die gegenwärtige Krisis. 1902. *Parus*. Die Handelskrisis u. die Gewerkschaften. 1901. *Pohle*. Bevölkerungsbewegung u. Wirthschaftskrisen. 1902. *May*. Das Grundgesetz der Wirthschaftskrisen. 1902. *Liefmann*. Krisen u. Kartelle Schmoller's Jahrbuch. 1902, II. *Мигулинъ*. Реформа денежн. обращ. въ Россіи и промышлен. кризисъ. 1902. *Брандтъ*. Торгово-промышлен. кризисъ, I, 1902, II, 1904. *Schmoller*. Les phases typiques des crises économiques. *Revue Economique Internationale*, 1904, I. *Sombart*. Versuch einer Systematik der Wirthschaftskrisen. Archiv. f. Socialwissenschaft. 1904, I. *Pinkus*. Das Problem des Normalen in der Nationalökonomie. 1906.

Есть много признаковъ, доказывающихъ наступление хозяйственного кризиса. Слышатся жалобы на застой въ промышленныхъ и торговыхъ дѣлахъ, на паденіе цѣнъ предметовъ роскоши и даже товаровъ, удовлетворяющихъ важнейшія потребности — хлѣба, мяса, дровъ, желѣза, сици; замѣчается сокращеніе предпріятій во всѣхъ отрасляхъ производства и неполненіе банковъ денежными капиталами; ослабѣваетъ спросъ

на трудъ и возрастаетъ избытокъ рабочихъ рукъ, которая тщетно отыскиваютъ занятія; изо дня въ день получаются свѣдѣнія о банкротствахъ среди мелкихъ промышленниковъ и крупнѣйшихъ торговыхъ фирмъ; неумолимыя цифры обнаруживаютъ сокращеніе оборотовъ по внутренней и виѣшней торговлѣ, а уменьшенное потребленіе важнѣйшихъ предметовъ доказываетъ обѣденіе народа. Всѣ эти факты знаменуютъ наступленіе хозяйственнаго кризиса. Кризисы, потрясая общественную жизнь, уже давно привлекаютъ къ себѣ вниманіе людей науки и практики. Затрачивается много умственныхъ силъ на отысканіе причины этихъ явлений и указаніе мѣропріятій, способныхъ устранить ихъ или, по крайней мѣрѣ, ослабить бѣдствія, которыхъ они вызываютъ. Но если въ характеристицѣ признаковъ кризиса замѣчается мало разногласій, то совсѣмъ иную картину представляютъ намъ ученія о причинахъ.

Часто связываютъ кризисы съ нѣкоторыми разрядами фактовъ хозяйственной жизни. Обширные размѣры кризиса 1873 года въ Германіи и Австріи создали особенно сильное побужденіе для такихъ толкованій. Многіе нападаютъ на акціонерныя общества, возникающія со спекулятивными цѣлями,—не для производства цѣнностей, удовлетворяющихъ запросъ народнаго хозяйства, а для получения барышей изъ биржевой игры. Повидимому, каждый острый кризисъ заставляетъ здѣсь, въ легкости образованія акціонерныхъ обществъ, отыскивать причины, нарушающія равновѣсіе хозяйственной жизни. Статистика служить могущественнымъ подспорьемъ для такихъ толкованій: она показываетъ, что цѣна акцій тѣхъ обществъ, которыхъ были основаны задолго до кризиса и въ виду дѣйствительной потребности производства или обращенія товаровъ, падаетъ и во время кризисовъ гораздо медленнѣе, нежели цѣна акцій тѣхъ банковъ, строительныхъ и другихъ компаний, которые возникли цѣлью спекуляціи. Другимъ пунктомъ для нападокъ служить дѣятельность эммиссіонныхъ банковъ, которые, будто бы, склонны злоупотреблять выпускомъ билетовъ, переполнять ими оборотъ, по произволу возвышать цѣны товаровъ, способствовать развитію спекуляціи и, при первомъ застое въ дѣлахъ, усиливать наступающее крушеніе. Обвиняютъ биржу, широкій доступъ къ ея операциямъ: онъ увеличиваетъ число лицъ, прикованныхъ къ спекулятивной дѣятельности, а потому и обостряетъ кризисъ. Осыпаютъ упреками рабочій классъ за то, что онъ, во время бойкаго хода промышленныхъ дѣлъ, ставить предпринимателямъ чрезмѣрныя требованія, успѣшными стачками и забастовками поднимаетъ свою плату, работаетъ мало и небрежно, вдается въ роскошь и т. п.¹). Одни писатели приводятъ кризисы въ связь съ чрезмѣрной свободой виѣшней торговли, другіе—приписываютъ ихъ протекціо-

нику или слишкомъ быстрому росту государственныхъ расходовъ²). У Рониера мы находимъ цѣлый музей причинъ, способныхъ вызывать кризисы; по параграфамъ — то крупнымъ, то мелкимъ шрифтомъ — перечисляются многочисленныя условія, которыя, отъ временъ Митридата и Сципіона Африканскаго, влекли и влекутъ за собой кризисъ: таковы эпидеміи, войны, измѣненія техники, цѣнности денегъ, перемѣна моды³). Въ ряду причинъ намъ называются и особенности въ конституціонномъ строѣ данной страны, и вліяніе plutократіи на теченіе государственной жизни, и подкупность печати⁴).

Съ тѣмъ вмѣстѣ мы находимъ стремленіе свести кризисы къ одной основной причинѣ и вокругъ нея группировать условія, способные обострить ея вліяніе. Указываются, какъ крупныя перемѣны въ производствѣ, вызывая усиленный притокъ капиталовъ къ данной отрасли, постепенно затрудняютъ въ ней сбытъ товаровъ. Приводятъ для примѣра бессемерову сталь: ея изобрѣтеніе, увеличивая прочность издѣлій, должно было быть связано съ уменьшеніемъ производства; такъ какъ этого не случилось, то цѣны пали и наступила кризисъ въ желѣзодѣлательной промышленности⁵). Но обращаетъ на себя вниманіе и другая сторона хозяйственной жизни — индивидуализированность потребленія, отсутствіе единой воли, которая упорядочивала бы его, а потому и невозможность предугадать его направление и размѣры и сообразовать съ ними производство. Кто бы ни руководилъ промышленностью, — частные предприниматели или общественная власть⁶), кризисы являются необходимымъ спутникомъ индивидуализированного потребленія. — Многіе писатели считаютъ очень важнымъ фактъ вздорожаніе золота; оно начало дорожать съ переходомъ къ золотой валюте двухъ обширныхъ государствъ — Германіи и Соединенныхъ Штатовъ — и вызвало съ 1873 года паденіе цѣны всѣхъ товаровъ, которое причинило много хозяйственныхъ бѣдствій⁷).

Говорить, наконецъ, что слѣдуетъ искать причину въ области распределенія богатствъ. Здѣсь подаются другъ другу руку сынъ старого свѣта, глубоко ученый и широко образованный Родбертусъ, и американецъ — самоучка Генри Джорджъ. По мнѣнію первого, возрастающая производительность труда сочетается съ такимъ распределеніемъ богатствъ, что заработная плата, возвышаясь абсолютно, относительно понижается; вслѣдствіе этого наступаютъ кризисы, такъ какъ покупательная сила огромнаго большинства людей не соотвѣтствуетъ развитію промышленности⁸). А Джорджъ находитъ причину въ правѣ частной собственности на землю: это право способствуетъ искусственному повышенію ренты и препятствуетъ приложению труда къ землѣ⁹).

Разногласіямъ относительно причинъ кризисовъ соотвѣт-

ствуютъ и разногласія относительно ихъ повторяемости. Большинство писателей отвергаютъ правильность ихъ повтореній. Но некоторые экономисты подмѣчаютъ періодичность появления кризисовъ и даже сводятъ ихъ къ 10-ти-лѣтнимъ цикламъ¹⁰). Джевонсъ устанавливаетъ связь между кризисами и измѣняющимся количествомъ солнечной теплоты. Большая масса солнечной теплоты даетъ превосходную жатву, наполняетъ промышленниковъ радостными ожиданіями крупныхъ барышей и усиливаетъ производство. А уменьшенное количество теплоты предшествуетъ неурожаямъ, разочарованію многихъ промышленниковъ и застою въ дѣлахъ. Такія событія совершаются приблизительно въ 10-ти-лѣтніе сроки¹¹). Наконецъ, Марксъ, проводящій на всемъ пространствѣ *Капитала* мысль о неразрывной связи частнокапиталистического производства съ кризисами, также неоднократно говорить о 10-ти-лѣтніхъ циклахъ и старается проverifyть эту правильную смысльную периодовъ на исторіи англійской хлопчатобумажной промышленности¹²).

Въ указаніяхъ средствъ для устраненія кризисовъ мы находимъ не меныше разнообразія, чѣмъ въ поискахъ за причинами. Обуздатъ акціонерную горячку; сдѣлать учредителей акціонерныхъ компаний отвѣтственными за предпріятія въ теченіе долгихъ сроковъ по ихъ образованію; строго регулировать выпуски банковыхъ билетовъ или даже устранивъ банковые билеты и оставить одну монету орудіемъ обращенія; измѣнить законодательство о биржѣ; ввести биржевой налогъ; возымѣсть таможенный подати; поднять промышленное искусство страны; уменьшить государственные расходы; развить страхование рабочихъ на случай смерти, болѣзни, старости и кризисовъ; регулировать всю промышленную жизнь со стороны общественной власти; изъять землю изъ предметовъ частной собственности...

II.

Мы считаемъ слишкомъ одностороннимъ объясненіе кризисовъ какимъ-либо однимъ условіемъ, заставившимъ о себѣ съ полной силой въ остріе кризисы 1825, 36, 57, 73, 1901—1902 годовъ. Можно согласиться, что акціонерная горячка была выражениемъ этихъ кризисовъ и способствовала ихъ обостренію; но отсюда нельзѧ слагать главную долю вины на эту форму предпріятій. Непригодность такого пріема всего лучше доказывается однородностью явлений кризиса въ разныхъ странахъ, при различныхъ отношеніяхъ закона къ акціонернымъ компаниямъ. Кризисъ 1873—75 годовъ охватилъ съ наибольшою силой Германію и Австрію, а въ нихъ положеніе акціонерныхъ компаний не одно и то же: въ первой странѣ введенъ явочный порядокъ ихъ образованія, во второй — господствуетъ концессіонный.

Когда предъ читателем проходитъ скрижали отъ полура⁶ изъ времень учредительства; когда видишь, какъ тысячи людей систематически обманываютъ легковѣрныхъ; какъ учредители играютъ комедію, въ которой „и потароуетъ, оформляющій актъ учредительства, и его писецъ, получая опредѣленный говорали, всегда изображаютъ изъ себя благородную публику“¹³); когда знаешь все это, то не вѣришь, чтобы законъ могъ устранить всѣ формы, въ которыхъ злоупотребляютъ акціонерными предпріятіями: дѣло сводится къ измѣненію нравовъ, а не той оболочки, которую пользуются дурные инстинкты людей. Отыскивать причину кризисовъ въ легкости образованія акціонерныхъ компаний — значить ограничиваться только поверхностью явленій. При этомъ остается безъ отвѣта коренной вопросъ: какія же особенности природы человѣка, или неразрывно связанные съ нимъ, или образованныя всѣмъ складомъ общественной жизни, ведутъ къ злоупотребленіямъ съ помощью акціонерныхъ компаний? И далѣе: если акціонерныя компаніи будутъ поставлены закономъ иначе, чѣмъ стояли до сихъ поръ, то нѣтъ ли къ услугамъ человѣка другихъ формъ, въ которыхъ могутъ выпльться разнообразныя злоупотребленія, сопровождающія кризисы? Поэтому, даже допуская, что, не будь известна акціонерная форма, острые кризисы не получали бы тѣхъ размѣровъ, какихъ они теперь достигаютъ, мы не можемъ объяснить этимъ продолжительный многолѣтній экономической застой. И дѣятельность государства, направленная на измѣненія въ складѣ акціонерныхъ компаний, можетъ имѣть только очень слабое вліяніе на предотвращеніе этихъ бѣдствій.

Напрасно отыскивать причины кризисовъ въ строеніи и дѣятельности эммиссіонныхъ банковъ. Законодательства относятся къ эммиссіоннымъ банкамъ не одинаково: Австрія, Голландія, Данія имѣютъ централизованный выпускъ билетовъ изъ главныхъ банковъ; Англія, Германія, Италия допускаютъ, наряду съ центральнымъ, существование и мѣстныхъ эммиссіонныхъ банковъ; наконецъ, въ Соединенныхъ Штатахъ мы находимъ самую широкую децентрализацию — болѣе 3.000 эммиссіонныхъ банковъ. Регулированіе массы обращающихся билетовъ и порядка выпусковъ также не одно и то же. Но ни широкая свобода, съ которой возникаютъ и дѣйствуютъ эти учрежденія, ни значительная стѣненія, налагаемыя закономъ, не дѣлаютъ кризисовъ невозможными. Но если бы даже въ злоупотребленіи выпусками банковыхъ билетовъ была часть причины, то какими средствами располагаетъ общественная власть, чтобы устранить ее? Какъ известно, не найденъ предѣлъ, дальше которого не должны идти выпуски билетовъ¹⁴). Согласимся, наконецъ, на устраненіе банковыхъ билетовъ и пользованіе одною монетой для обращенія. Въ странахъ, усвоившихъ билетное

обращеніе, такой порядокъ бытъ бы нѣкоторое время крайне обременителенъ; но народное хозяйство постепенно освоилось бы съ нимъ: большая быстрота обращенія денегъ, усиленное пользованіе частными кредитными документами, нѣкоторое пониженіе цѣнъ товаровъ—все это послѣдовало бы за уменьшеніемъ одного вида орудій обмѣна, а кризисы—не только хроническіе, но и острые — были бы столь же возможны, какъ и теперь: и при такомъ порядкѣ осталось бы широкое поле для злоупотребленія кредитомъ, и для чрезмѣрного производства, и для образования предпріатій, изначала лишенныхъ жизненной силы.

Когда намъ говорятъ, что война, эпидемія могутъ вызвать хозяйственный кризисъ, что известная форма государственного устройства или подкуренность органовъ печати могутъ способствовать его развитію, то, приводя въ непосредственную связь разнородныя явленія, не уясняютъ пути, которымъ идетъ указанная причина. Война, государственное устройство, испорченность публицистики—явленія одного порядка, сами по себѣ не экономической; кризисъ же — хозяйственное явленіе. И возникаетъ вопросъ: какія соединительныя звенья связываютъ эти явленія съ неблагопріятными перемѣнами въ экономіи народа.

Но, можетъ быть, правы тѣ, которые, подобно Рихарду фонъ-Кауфманну, видятъ въ кризисѣ только мѣстное явленіе и приписываютъ его неблагопріятному положенію всей Европы, сравнительно съ огромными народно-хозяйственными тѣлами, которые, въ числѣ четырехъ—Россія, Соединенные Штаты, Англия съ колоніями и Китай,—имѣютъ къ своимъ услугамъ всѣ климаты, всѣ естественные богатства? Создавая свою хозяйственную мощь, эти обширные государства могутъ окружить себя таможенными заставами въ увѣренности, что ихъ производительныхъ силъ съ избыткомъ достанетъ для удовлетворенія всѣхъ потребностей населенія. А разъ эти страны дѣйствительно занимаютъ такое выгодное положеніе и могутъ развить посредствомъ покровительственной системы всѣ отрасли промышленности, то государства Западной Европы, густо населенныя и не могущія обеспечить себя сырьими материалами, не имѣютъ достаточнаго рынка для своихъ издѣлій. Эта невыгода можетъ быть устранена только образованіемъ таможеннаго союза изъ государствъ средней Европы. Такой союзъ, создавая обширный внутренний рынокъ, обеспечить въ своихъ предѣлахъ сбыть фабrikатамъ данныхъ странъ; а сельско-хозяйственная промышленность, огражденная отъ иностраннаго соперничества высокими таможенными налогами, разовьется до такихъ размѣровъ, что вскорѣ населеніе освободится отъ необходимости ввозить сырья произведенія изъ странъ, которыхъ нынѣ ихъ поставляютъ. Образовать такой таможенный союзъ — значитъ противодѣйствовать чрезмѣрному производству и кризисамъ¹⁶⁾.

Понятно, когда группа промышленников, страстно оберегающая свои бармыши, изынаетъ къ государству о помощи и требуетъ возведенія црградъ, которая изобрѣтательная политика можетъ ставить ввозу иностранныхъ товаровъ; но не извинительно считать подъ прикрытиемъ научнаго авторитета измѣненіе таможенныхъ налоговъ средствомъ къ устраниенію кризисовъ или ихъ усиленному развитию. Если бы это было такъ, то страны, усвоившія строгую покровительственную политику,— во главѣ ихъ Россія и Соединенные Штаты,— не имѣли бы понятія о бѣдствіяхъ этого рода; а между тѣмъ, по временамъ мы видимъ и здѣсь застой въ промышленной жизни. Расширение внутренняго рынка и обособленіе отъ иностранного соперничества посредствомъ образованія таможеннаго союза не обезпечиваютъ гармоніи въ развитіи отдельныхъ отраслей производства. А разъ эта гармонія нарушена въ какой-либо отрасли и, особенно, земледѣліи, покупательная сила значительной части населенія ослабѣваетъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ затрудняется сбытъ товаровъ многихъ отраслей промышленности.

Не слѣдуетъ отыскивать причины кризисовъ въ чрезмѣрныхъ расходахъ государства на войско и флотъ. Презмѣрные государственные расходы, отнимающіе у частныхъ хозяйствъ большую массу цѣнностей, чѣмъ они могутъ удѣлять безъ ущерба для производства, препятствуютъ успешному наростанію богатствъ; но не здѣсь лежитъ причина кризисовъ. Представимъ себѣ, что государство, уменьшая до крайнихъ предѣловъ чиеленный составъ войска, распустило по домамъ 500,000 солдатъ и сократило на 100 миллионовъ расходы для военныхъ цѣлей. Ближайшимъ послѣдствіемъ этого будетъ сбереженіе народомъ значительной части его доходовъ: она распределится въ населеніи и увеличитъ его запасы для производства: на добавочные 100 миллионовъ можно будетъ производить извѣстный излишекъ хлѣба, мяса, тканей, малины и т. п. Масса рабочей силы увеличится на полмилліона рукъ, перемѣнившихъ непроизводительный трудъ на полезный. Несомнѣнно даже, что уровень благосостоянія народа повысится. Но если, до уменьшенія постояннаго войска, 5 миллионовъ работниковъ производить больше товаровъ, нежели количество, которое можетъ найти себѣ сбыть, то $5\frac{1}{2}$ миллионовъ работниковъ, при неизмѣнности хозяйственного строя, будутъ въ состояніи произвести и будутъ производить большую массу цѣнностей; нежели поглощаетъ потребленіе. Соединенные Штаты, въ дѣль расходовъ на военную силу, представляютъ рѣзкую противоположность Европѣ: ихъ постоянное войско не велико, а между тѣмъ и они страдаютъ отъ кризисовъ.

Часто высказываютъ мнѣніе, что главной причиной кризиса служитъ недостаточно высокое техническое искусство; вслѣд-

ствие этого народъ теряетъ международный рынокъ, а при не-
высокихъ таможенныхъ налогахъ—и внутренний. Мы встречаемъ
повсюду жалобы на недостатки этого рода. Бывшій первый
министръ Франціи Ферри въ одной изъ своихъ рѣчей, посвя-
щенныхъ кризису, энергически нападалъ на косность француз-
скихъ промышленниковъ. Онъ приписывалъ угнетенное состоя-
ніе производства недостатку почина въ фабрикатахъ, ихъ не-
подвижности, слѣдованію тѣмъ приемамъ, которые были усвоены
отцами и дѣдами. Глубокая ошибка промышленниковъ, по мнѣ-
нію Ферри, состоитъ въ томъ, что они склоняются на обновление
своихъ машинъ и гораздо больше ожидаютъ отъ правительства,
нежели отъ своего трудолюбія и изобрѣтательности¹⁷⁾. Сход-
ные жалобы раздаются и въ другихъ странахъ. Конечно, такія
жалобы со стороны государственного человѣка понятны и умѣ-
стны: онъ побуждаетъ соотечественниковъ не отставать отъ
сосѣдей въ развитіи техники и тѣмъ обезпечить французскимъ
товарамъ широкій сбытъ на иностраннѣхъ рынкахъ; но онъ не
раскрываютъ главной причины кризиса. Среди народовъ, зани-
мающихъ главныя мѣста на міровомъ рынкеѣ, каждому при-
надлежитъ первенствующее положеніе относительно извѣстныхъ
отраслей производства: русское льняное сѣмя, американскій
хлопокъ, англо-американская машины, французскія издѣлія изъ
шелка, австрійскія—изъ кожи не имѣютъ соперниковъ. Если бы
главная причина кризиса коренилась въ низкомъ развитіи ра-
бочаго искусства, то не страдали бы отъ застоя тѣ отрасли
промышленности каждой страны, которая занимаютъ первен-
ствующее положеніе и не имѣютъ опасныхъ соперниковъ. Однако,
во всѣхъ отрасляхъ производства, даже поставленныхъ осо-
бенно благопріятно, слышится по временамъ громкія жалобы
на застой. Вотъ почему указанная причина, препятствуя сбыту
наименѣе совершенныхъ издѣлій даннаго рода, не объясняетъ
застоя въ продажѣ тѣхъ товаровъ, которые отличаются наи-
большимъ совершенствомъ.

Инымъ характеромъ отличается указаніе на крупныя пере-
мѣны въ производствѣ, вызываемыя важными техническими
изобрѣтеніями. Къ чрезмѣрному производству товаровъ и не-
достатку сбыта могутъ быть сведены всея явленія, въ которыхъ
выражается кризисъ. Но остается безъ объясненія одинъ во-
просъ: почему же перемѣны техники обыкновенно ведутъ къ
чрезмѣрному производству? Если возможность приготовлять
сталь по бессемерову способу повысила прочность издѣлій
(стальныхъ сравнительно съ желѣзными), то предприниматели
должны были сократить производство: увеличившаяся прочность
товара значительно уменьшила то его количество, которое въ
данное время могло быть поглощено рынкомъ. Производители,
при отсутствіи единой воли, которая направляла бы промыш-

ленинство, и одного ума, который оцениваетъ бы состояніе хозяйства, не могутъ точно сообразовать предложеніе съ запросомъ; но они могутъ хотя немного считаться съ этими условиями. Почему же они пренебрегаютъ ими? Какія особенности въ строѣ современного хозяйства связываютъ крупныхъ улучшения техники съ цѣлью рядомъ хозяйственныхъ бѣдствій? Намъ не даютъ отвѣта: мы видимъ причину въ дѣйствіи, но не знаемъ, какъ она дѣйствуетъ.

Хотя въ литературѣ часто указываютъ на индивидуализированность потребленія, на отсутствіе руководящей силы, которая удерживала бы его въ известныхъ рамкахъ, а потому и на невозможность сообразовать предложеніе съ запросомъ, какъ на причину кризисовъ, однако, внимательное изученіе дѣла показываетъ, что этому факту придаютъ большее значеніе, нежели онъ заслуживаетъ. Подъ индивидуализированностью потребленія разумѣется тотъ порядокъ, при которомъ каждый, слѣдя своему вкусу, опредѣляетъ родъ и, частью, массу нужныхъ для него товаровъ. Дѣйствительная жизнь представляетъ намъ такую картину: 1) Значительная масса труда затрачивается на производство капиталовъ -- зданій, машинъ, судовъ, орудій, приспособленій для промышленности. Относительно всѣхъ предметовъ этого рода личный вкусъ потребителя — или, точнѣе, производителя, примѣняющаго эти предметы — не играетъ никакой роли: состояніе техники въ данное время опредѣляетъ, какія орудія, машины, суда должны быть изготавляемы, и какъ они должны быть приготвляемы. Слѣдуетъ сказать то же и о вспомогательныхъ для промышленности материалахъ: ужъ, конечно, изящный вкусъ предпринимателя не страдаетъ отъ того, употребляются ли въ его фабрикѣ дрова, каменный уголь или торфъ, смазываются колеса и винты механизма растительнымъ или минеральнымъ масломъ. 2) Такая же оценка должна быть дана и всей массѣ сырыхъ материаловъ, перерабатываемыхъ въ предметы потребленія: одна и та же пшеница даетъ материалъ для тонкаго пирожного на столѣ Ротшильда и имениннаго пирога у небогатаго мѣщанина; мелкій чиновникъ, зажиточный крестьянинъ кладутъ себѣ въ супъ кусокъ такого же мяса, какое подается на столъ богача подъ мурренымъ французскимъ названіемъ; изъ льна, шелка, шерсти, кожи могутъ быть сдѣланы разнообразные ткани и предметы одежды, и всѣ перемѣны вкуса потребителя ограничиваются послѣдней ступенью переработки этихъ материаловъ, не восходи до ступеней болѣе отдаленныхъ. 3) Наконецъ, остаются предметы непосредственнаго потребленія. Но и сюда нужно внести много оговорокъ. Пища человѣка, по количеству и даже способу приготовленія, мало зависитъ отъ колебаній въ индивидуальныхъ вкусахъ: количество опредѣляется требованиями

тийены, а по способу приготовления можно различить национальные, прочно держащиеся особенности, которые позволяют говорить о русской, французской, английской кухне. Казалось бы, что устройство жилищъ, приобрѣтеніе одежды и, тѣмъ болѣе, предметовъ роскоши представляютъ обширное поле, где, безъ всякихъ задержекъ, властвуетъ прихоть потребителя. И въ самомъ дѣлѣ, если отдельные лица работаютъ подчинаются модѣ, то самая мода, исходя изъ круга богатыхъ и высокопоставленныхъ группъ, мѣняется очень часто. Но какъ ничтожны колебанія въ промышленности страны, причиняемыя этими перемѣнами! Покрой одежды, рисунокъ мебели и экипажей, столовую утварь, украшения изъ драгоценныхъ камней и металловъ, часто мѣняютъ только немногочисленные группы, занимающія верхушки общежитія; огромная же масса медленно сдѣлываетъ за этими перемѣнами. Но и эти перемѣнны затрагиваютъ только тѣ отрасли производства, которыхъ окончательно приспособляютъ предметы для потребленія. Стоимость товаровъ, ежегодно производимыхъ всѣми фабриками и заводами Россіи, опредѣляется цифрою въ два съ половиной миллиарда рублей. Внимательно просматривая таблицы, мы видимъ, что наши главные производства стоять виѣ зависимости отъ индивидуальныхъ прихотей: производство вина, пива, сахара и табаку даетъ сумму въ сотни миллионовъ; кожевенное, хлопчатобумажное, льнопрядильное, суконное, чугунно-сталелитейное, машино-строительное, кирпичное производства, мельницы — также многія сотни миллионовъ. Въ перечисленныхъ отрасляхъ мы имѣемъ $\frac{3}{4}$ всей обрабатывающей промышленности Россіи; вся эта масса стоитъ виѣ зависимости отъ прихотливыхъ вкусовъ потребителей. Съ особеннымъ ударениемъ скажемъ мы то же о нашихъ главныхъ промыслахъ — земледѣліи, скотоводствѣ, лѣсоводствѣ. А если возьмемъ тѣ производства, которыхъ испытываютъ большую зависимость отъ разнѣихъ перемѣнъ моды, то получимъ такія цифры: паркетное и мебельное съ цѣнностью издѣлій меньше 3 миллиновъ, обойное съ небольшимъ $2\frac{1}{2}$ миллиона. Что значать эти цифры сравнительно съ размѣрами оборотовъ въ бумагопрядії, винокуреніи, сахароваренії? Возьмемъ виѣшнюю торговлю Франціи, которая снабжаетъ весь міръ предметами роскоши. Стоимость товаровъ, вывезенныхыхъ въ 1905 году, превышаетъ 6,300 миллионовъ франковъ. Если мы соединимъ въ одну группу всѣ ткани — бумажные, шерстяные, шелковые и льняные, — всякия бездѣлушка, подходящія подъ понятіе *articles de Paris*, разныя издѣлія изъ кожи, духи и т. д., то получимъ сумму около $1\frac{1}{2}$ миллиарда, т.-е. меньше $\frac{1}{4}$ всего вывоза. Конечно, изъ этого миллиарда только небольшая доля, можетъ быть $\frac{1}{10}$, удовлетворяетъ потребности тѣхъ классовъ населенія, которые даютъ особенный просторъ своимъ прихотямъ. Но

этому оказывается, что, быть можетъ, $\frac{1}{10}$ часть всего извода Франціи можетъ страдать отъ индивидуализированности потребленія. А такъ какъ товары, вывозимые изъ Франціи за границу, составляютъ по стоимости не болѣе $\frac{1}{7}$ части всего годичнаго производства страны и прихоть потребителей не можетъ выкинуть изъ употребленія всю массу товаровъ или значительную ея часть, то и оказывается, что, быть можетъ, только $\frac{1}{100}, \frac{1}{200}, \frac{1}{300}$ всего промышленного труда въ любой странѣ затрачивается въ томъ направлениі, которое соответствуетъ быстро измѣняющимся потребностямъ. Итакъ, можно приписывать этому условію вліяніе на нѣкоторыя отрасли промышленности, на убыточность нѣкоторыхъ предпріятій и затруднительное положеніе отдѣльныхъ группъ рабочихъ, но нѣть основанія объяснять этимъ продолжительный и упорный застой въ промышленности; мелкія причины не влекутъ за собой крупныхъ послѣдствій.

Можно ли удовлетвориться объясненіемъ, что паденіе товарныхъ цѣнъ есть неизбѣжное послѣдствіе вздорожанія золота? Вопросъ о соотношеніи между количествомъ денегъ и цѣнами товаровъ уже съ начала 19 вѣка вызываетъ въ литературѣ оживленные споры. Рикардо и его продолжатели отстаиваютъ положеніе, что перемѣны въ количествѣ денегъ ведутъ къ измѣненію въ цѣнѣ товаровъ, а Тукъ и его многочисленные последователи отрицаютъ это вліяніе. Трудность вопроса должна быть приписана не только зависимости товарныхъ цѣнъ отъ разныхъ условій, но и полной невозможности дать точное числовое опредѣленіе многимъ фактамъ хозяйственной жизни. Насколько трудно опредѣлить количество денегъ, обращающихся въ земномъ шарѣ, видно всего лучше изъ разногласій о томъ, какая часть добычи золота предназначается ежегодно для промышленныхъ цѣлей: одни оцѣниваютъ эту часть въ 500 миллионовъ франковъ, другіе—въ 250; а известный Бэджготъ, на вопросъ парламентской комиссіи о количествѣ денегъ въ монетѣ, отвѣтилъ: „я бы могъ показать цифру, но она не будетъ стоить бумаги, на которой нужно написать ее“¹⁸⁾. Но есть и гораздо большія трудности: опредѣлить быстроту, съ которой обращаются деньги, ихъ суррогаты и товары, а также исчислить стоимость тѣхъ сдѣлокъ, которыя совершаются безъ участія денегъ или кредитныхъ документовъ. Не будучи въ состояніи опредѣлить степень, въ какой каждое изъ названныхъ условій способно вліять на результатъ, мы можемъ безошибочно сказать, что увеличеніе и уменьшеніе массы золота или серебра стремится дѣйствовать на цѣны и проявить это дѣйствіе, если не будетъ парализовано другими вліяніями. Съ начальнаго 70-хъ годовъ прошлаго вѣка потребность въ золотѣ возрасла, а добыча его уменьшилась: въ 1878 году она достигла 185,847

килограммовъ, и, непрерывно понижаясь, упала въ 1884 году до 146,151, т. е. слишкомъ на 20%. Но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы было основаніе признавать этотъ фактъ единственной или даже главной причиной хозяйственнаго застоя въ 70-хъ и 80-хъ годахъ. Обращеніе кредитныхъ документовъ усиливалось за это время безостановочно. Вексельный портфель главныхъ банковъ даетъ намъ такія цифры: отъ 1874 года, когда началось паденіе цѣнъ, общій итогъ съ 6,602 миллионовъ марокъ падаетъ къ 1878 на 5,625, а затѣмъ, поднимаясь, достигаетъ въ 1885 году 7,924 миллиона, что далеко оставляетъ за собой цифру 1873 года—7,062 миллиона,—вышедшую сравнительно со всѣми предыдущими годами. Сходную картину даетъ намъ обращеніе бумажныхъ денегъ и банковыхъ билетовъ: отъ своего максимума въ 1873 году, съ 11,328 миллионовъ марокъ, обращеніе падаетъ въ 1878 до 9,674, а затѣмъ, поднимаясь, достигаетъ 10,389 миллиновъ въ 1885 году. Мы находимъ такое же движение въ оборотахъ лондонской разсчетной палаты. Съ 6,070 миллионовъ въ 1873 году, обороты упали до 4,886 къ 1879, но съ этого времени началось ихъ увеличеніе, и въ 1886 году цифра ихъ достигла 5,901 миллиона¹⁹⁾. Всѣ эти факты показываютъ, что недостатокъ золота могъ быть въ значительной мѣрѣ возмѣщенъ суррогатами денегъ. Наконецъ, есть факты, которые уже прямо противорѣчатъ разбираемому положенію. Указываются на Соединенные Штаты, какъ на страну, которая, получая изъ года въ годъ по вѣнчному торговому балансу огромное количество золота, грозитъ окончательно лишить Европу этого металла. И дѣйствительно, мы видимъ въ Соединенныхъ Штатахъ громадное увеличеніе запаса золотой монеты: съ 211½ миллионовъ доллэръ въ 1879 году запасъ поднимается до 500 миллионовъ въ 1885, т. е. увеличивается почти на 137%; во многихъ же странахъ Европы онъ уменьшается, а во Франціи и Англіи, вмѣстѣ взятыхъ, почти за тотъ же періодъ (отъ 1880 до 1885) онъ понижается съ 6,396 миллионовъ марокъ на 5,740, т.-е. на 10%²⁰⁾. Такое увеличеніе золота въ Америкѣ должно было бы повлечь за собой вознышеніе цѣнъ товаровъ, тѣмъ болѣе, что за это время сумма бумажныхъ денегъ и банковыхъ билетовъ уменьшилась только на небольшую цифру—4% (съ 2,900 на 2,783 миллиона), а обороты ньюїоркской разсчетной палаты составляли въ 1879 и 1885 годахъ почти равныя суммы (съ небольшимъ 25 миллиардовъ доллэръ). Однако, мы наблюдаемъ въ Соединенныхъ Штатахъ пониженіе цѣнъ, и не только не меныше, чѣмъ въ Европѣ, но частью и болѣе значительное. Мѣлголль береть 10 важнѣйшихъ предметовъ потребленія (шеница, масло, сырь, кофе, мясо, сахаръ, желѣзо, уголь, табакъ и хлопокъ) и за 10-лѣтній періодъ 1841—50 приравниваетъ ихъ цѣну 1,000. Цѣны, непрерывно повышаясь, до-

стигаютъ своей высшей точки въ десятилетіе 1864—70 годовъ — 1,735; затѣмъ, понижаясь, они опускаются въ З-лѣтіе между 1881 и 83 годами до 1,185, т.-е. на 31,8%, а въ съдѣующемъ 3 года товары дешевѣютъ еще больше: желѣзо, нафримбрнъ, съ 22% долларовъ за тонну въ 1883 году упало до 17% за тонну въ 1885²¹). То же самое наблюдается и относительно многихъ другихъ товаровъ. Англія даетъ намъ почти такое же измѣненіе цѣнъ. По изслѣдованію Зауэрбека, цѣны 45 товаровъ (сюда входятъ важнѣйшіе материалы и главные предметы потребленія) отъ 1867—77 годовъ понизились къ 1886 году въ среднемъ на 31%²²). Такое пониженіе товарныхъ цѣнъ въ Соединенныхъ Штатахъ могло бы быть, пожалуй, приписано привычкѣ населенія образовать денежные запасы въ монетѣ, какъ то имѣть широкое распространеніе въ Азіи²³); однако, страна, подобная Соединеннымъ Штатамъ, съ чисто развитой хозяйственной жизнью, не представляетъ удобнаго поля для развитія такой привычки. А потому, находя однородное движеніе товарныхъ цѣнъ въ странахъ, которая теряютъ много золота, и тѣхъ, которая получаютъ его въ большихъ массахъ, мы признаемъ это объясненіе неудовлетворительнымъ и считаемъ нужнымъ искать причинъ застоя промышленности въ другихъ условіяхъ хозяйственной жизни.

Мы перечислили средства, предлагаемыя противъ кризисовъ. Все сказанное объясняетъ, почему эти мѣропріятія имѣютъ значеніе только слабыхъ паліативовъ²⁴).

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЕРВОЙ ГЛАВѢ.

- 1) *Oechelhäuser*. Die wirtschaftliche Krisis. 1876, 34—81. — *Neuwirth*. Die Spekulationskrisis von 1873. 1874, 318 и дал.
- 2) *Courcille-Seneuil*. La crise économique. Journ. des Econom. 1886. VIII.
- 3) *Roscher*. Nationalökonomie des Handels u. Gewerbeleisses. 1881, 772—76.
- 4) *Schaeffle*. Der grosse Börsenkrach des Jahres 1873. Tübing. Zeitschr. 1874.
- 5) *Nasse*. Ueber die Verhütung der Produktionskrisen.
- 6) *Brentano*. Die Arbeiter u. die Produktionskrisen.
- 7) *Lareley*. Der wahre Grund der seit 1873 bis jetzt anhaltenden wirtschaftlich. Krisis. 1881.—*Allard*. La crise. 2 édit. 1885.—*Giffen*. On the fall of prices of commodities. Essays in finance. 1880.—*Scharling*. Die jetzige Geschäftsstille.
- 8) *Rodbertus*. Zur Beleuchtung der sozialen Frage. 1875, 47—54.
- 9) *George*. Progress and poverty. 1883. 190.
- 10) *Juglar*. Les crises commerciales. 1862.
- 11) *Jevons*. Political economy. 1878. 118—22.
- 12) *Марксъ*. Капиталъ. 1872, 318, 544—45.
- 13) *Schaeffle*. 19—23.
- 14) Это можно видѣть изъ ежегодныхъ измѣнений въ массѣ обращающихся билетовъ англійского и другихъ банковъ безъ всякаго вліянія на цѣни.

- 15) *Rich. v. Kaufmann.* Der mitteleuropäische Zollverein.
 16) Cp. Statistik. abstract. af. the Unit. States. 1886.
 17) *Morisscaux.* La crise économique. 1884, 25.
 18) *Larivière.* 42—45.
 19) Cp. *Neumann-Spallart.* Uebersichten der Weltwirtschaft. Jahrgang 1883—84. 456. 449.
 20) Statistical abstract of the United States. 1886, 20 и *Neum.-Spall.*
 тамъ же 428.
 21) *Mulhall.* History of prices. 1885, 7.
 22) См. *Journ. of the Statistical Society.* 1887. 180—82.
 23) Это допускает Лавелэ (53), указывая, что негры въ Америкѣ приобрѣтаютъ привычку образовывать запасы денегъ въ монетѣ.
 24) Обзоръ предлагаемыхъ мѣръ сдѣланъ въ моей статьѣ „Гдѣ лежать главные причины хозяйств. кризисовъ?“ *Вѣсти. Евр.* 1888, X и XI.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Пособія: *Bobertus.* Zur Beleuchtung... Исаевъ. Гдѣ лежать главныя причины хозяйственныхъ кризисовъ? *Вѣсти. Евр.* 1888, X и XI. *May.* Das Grundgesetz der Wirtschaftskrisen. 1902.

I.

Дабы изучить причины кризисовъ и изыскать мѣры, способыя предотвращать ихъ и заглаживать производимыя ими бѣдствія, нужно отрѣшиться отъ единичныхъ явлений, которыхъ могутъ вызывать обостреніе хозяйственного застоя, и подвергнуть оцѣнкѣ весь экономический бытъ.

Во времена, отдѣленное отъ насъ тремя и даже двумя столѣтіями, европейская жизнь не давала условій, которыя дѣлали бы возможнымъ широкое развитіе хозяйственныхъ кризисовъ. Каждое общество представляло сѣть мелкихъ единицъ, члены которыхъ, сравнительно рѣдко выступая за предѣлы своихъ союзовъ, стояли другъ къ другу въ прочныхъ, ясно опредѣлившіхся отношеніяхъ. Таково было, во-первыхъ, все населеніе деревень. Крестьянство, закрѣпощенное или уже получившее личную свободу, жило почти исключительно жизнью натурального хозяйства: большая часть предметовъ, необходимыхъ для домашняго быта, производилась въ предѣлахъ семьи; немногое поступало въ продажу, и немногое покупалось въ городѣ. Средоточіемъ этихъ мелкихъ единицъ служили помѣщичьи усадьбы, которая также переживали періодъ натурального хозяйства; все, нужное для пищи, кромѣ нѣкоторыхъ иноземныхъ товаровъ, чаю, кофе, сахару, пряностей, большая часть предметовъ одежды и утвари, изготавливались барщиннымъ трудомъ или доставлялись оброкомъ. Тѣ массы сельско-хозяйственныхъ

продуктовъ, которые оставались сверхъ личнаго потребленія помѣщика, поступали на рынокъ. Высокая цѣна ихъ позволяла расширить потребленіе покупаемыхъ товаровъ; никакъ цѣна заставляла стуживать его; но выручка болѣею или менѣею суммы изъ продажи не вносила крупныхъ измѣненій въ хозяйственный оборотъ этихъ единицъ, такъ какъ, производи почти все, нужное для жизни, они въ пріобрѣтеніи матеріаловъ и орудій не зависѣли отъ состоянія рынка. Городская промышленность, разбитая на мелкія группы, работала по цеховымъ уставамъ и правиламъ; постояннымъ рынкомъ сбыта служили для нея тѣ заказчики, которые жили въ ближайшемъ сосѣдствѣ; размѣры и характеръ ихъ запроса могли быть предсмотрѣны и точно опредѣлены. Войны, эпидеміи, чрезмѣрная податная тягости умалили отъ времени до времени доходы городскаго населения, уменьшали запросъ на ремесленный издѣліи и ставили производителей въ стѣсненное положеніе. Но эти затрудненія не были однородны съ промышленными кризисами новаго времени; не было переполненія рынка товарами, такъ какъ почти всѣ товары производились на заказъ. Уменьшеніе доходовъ потребителей уменьшало запросъ на товары, а какъ скоро положеніе заказчиковъ улучшалось, такъ увеличивался спросъ и измѣнялся къ лучшему быть производителей. Натуральное хозяйство и малые размѣры производства исключали возможность широкаго развитія кредита. Весь сельскій классъ, отъ бѣдѣйшаго крестьянина и до крупнаго помѣщика, стоялъ въ сферѣ кредитныхъ отношеній, за исключеніемъ случаевъ, когда неожиданная нужда заставляла искать займа у ростовщиковъ. Быть, такимъ образомъ, кредитъ для потребленія; кредита для производства не было, и денежныя суммы, которыхъ выручались сельскими классами отъ продажи на рынкѣ произведеній земли, поступали въ ларцы, кубышки и прятались въ потаенныхъ углахъ подваловъ. Но и въ городахъ не было широкаго поля для развитія кредита: обычай, закрѣпленный цеховыми укладомъ, удерживавъ ремесленный заведенія въ определенныхъ размѣрахъ; а самые размѣры, обыкновенно мелкие, исключали значительное пользованіе чужими капиталами. А разъ не было широко развитаго кредита, промышленность не могла выходить за предѣлы, которые ей ставилъ запросъ. Не забудемъ, однако, что уже въ далекой древности существовала международная торговля и что съ тѣхъ поръ, какъ человѣчество живетъ исторической жизнью, не легко найти страну, которая была бы, въ хозяйственномъ отношеніи, вполнѣ замкнутымъ цѣлымъ. Такимъ образомъ, была известная группа производителей, стоявшихъ лицомъ къ лицу съ отдаленными и неизвѣстными рынкамиъ. Однако, что бы ни было писано о размѣрахъ и разнообразіи международной торговли древнихъ гре-

ковъ, венецианцевъ, генуэзцевъ, ганзейцевъ, голландцевъ—размѣры торговыхъ сношений были ничтожны, сравнительно съ торговлей въ новое время ¹). Итакъ, группы населенія, поставленные въ зависимость отъ отдаленного рынка и неизвѣстныхъ потребителей, не были многочисленны. Но вѣроятность застоя въ сбыте и разоренія для производителей, снабжавшихъ иностранные рынки, была невелика еще и по другой причинѣ. При чрезвычайномъ развитіи техники во всѣхъ отрасляхъ производства, накопленіи знаній и умѣньѣ пользоваться благопріятными условіями вѣцьнай природы,—что служить характернымъ признакомъ нашего времени,—многіе народы легко выступаютъ соперниками другъ друга на міровомъ рынке; благодаря постояннымъ сношеніямъ между народами, промышленное искусство отличается космополитичностью, и въ любой странѣ капиталъ изъ года въ годъ пропикаетъ въ новую отрасль производства. Поэтому каждый народъ долженъ быть всегда готовъ встрѣтить на міровомъ рынке новыхъ и опасныхъ соперниковъ ²). Совсѣмъ иное замѣчаемъ мы въ отдаленномъ прошломъ. Слабое развитіе знаній заставляло каждый народъ сосредоточиваться на тѣхъ отрасляхъ производства, для которыхъ были на-лицо особенно благопріятныя условія; къ этимъ отраслямъ тяготѣлъ промышленный трудъ страны; въ этихъ предѣлахъ изготавливались товары для вывоза, и боязнь соперниковъ не могла быть значительна. И, вотъ, въ теченіе долгихъ періодовъ Италия снабжала международный рынокъ шелковыми тканями, Англія—шерстяными, Германія—льняными, и т. д. Воспроизведя передъ собой въ этихъ общихъ чертахъ картину хозяйственнаго быта предыдущихъ вѣковъ, мы легко поймемъ, что имъ не могли быть извѣстны тѣ продолжительные и упорные застои въ промышленности, которые отличаютъ наше время. Хронический упадокъ производства обусловливался войнами, внутренними смутами, эпидеміями, словомъ—причинами, лежащими въ сферѣ хозяйственной жизни, а острыя потрясенія, въ родѣ, напримѣръ, извѣстной тюльпаноманіи, съ которой экономисты охотно начинаютъ исторію кризисовъ, или даже кризиса Джона До, оказывали влияніе на отдельные кружки и не потрясали всего народнаго хозяйства.

Съ половины 18 вѣка въ экономическомъ строѣ стали совершаться крупныя перемѣнны. Отступленіе натурального хозяйства передъ денежнымъ повело къ закрѣплению связи между отдельными группами народа, жившими, каждая, своею особою жизнью. Не только помѣщикъ, утратившій крѣпостной трудъ, былъ приведенъ въ постоянное соотношеніе съ рынкомъ, какъ покупатель и продавецъ, но въ зависимость отъ рынка былъ поставленъ и крестьянинъ. Изъ замкнутыхъ, самоцѣльныхъ союзовъ, какими были раньше помѣщицы и крестьянскія хо-

зяйства, производившее прежде всего для удовлетворения собственных потребностей и отдававшее рынку только избытки, эти группы стали членами одной огромной единицы — всего народного или даже международного хозяйства, съ производством многих цѣнностей для обмѣна и съ пріобрѣтеніемъ на рынкѣ многихъ предметовъ, которые изготавливались ранѣе въ домашнемъ быту. Паденіе ремесла подъ напоромъ великихъ техническихъ изобрѣтений и замѣна во многихъ отрасляхъ мелкаго производства крупнымъ повели къ разложению цехового строя, къ освобожденію городской промышленности отъ путъ, которыя стѣняли ее, и къ ослабленію связи между производителями и потребителями. Техническія измѣненія выводили промышленность изъ мелкихъ мастерскихъ въ мануфактуры и фабрики, а порваніе связи между производителемъ и потребителемъ создавало еще одно условіе для безостановочного развитія крупнаго производства: пока промышленникъ можетъ обозрѣть размѣры сбыта, пока онъ поддерживаетъ ближайшую связь съ потребителями, до тѣхъ поръ онъ робко расширяетъ предѣлы своего предприятия. Онъ смотритъ на всю массу потребителей, стоящихъ вѣкруга его заказчиковъ, какъ на область, снабженіе которой закрѣплено за его соѣдями. Разъ связь производителя съ потребителемъ порывается и первый изготавливаетъ не на заказъ, а для неизвѣстнаго рынка; онъ испытываетъ сильное искушеніе расширить размѣры своихъ оборотовъ: вся масса потребителей представляется ему теперь уже не разбитою на отдельныя группы, пріуроченные къ единичнымъ производителямъ, а одиимъ обширнымъ цѣлымъ, откуда онъ можетъ привлечь къ себѣ тѣмъ большую часть, чѣмъ лучше онъ откликается на вкусы публики, чѣмъ дешевле и прочнѣе его товары. Надѣясь одержать побѣду надъ сопротивленниками, съ безостановочно расширяетъ свое предприятіе. Такъ стоитъ дѣло внутри отдельныхъ странъ. Но передъ промышленникомъ есть и другой, еще менѣе извѣстный рынокъ — рынокъ всемирный. Непрерывное усовершенствованіе путей сообщенія, созданіе во всѣхъ частяхъ свѣта колоній европейской культуры и открытие европейскимъ товарамъ доступа во многія нецивилизованныя страны, которыхъ недавно были за семью замками, соблазняютъ каждого предпримчиваго промышленника перспективой новаго обширнаго рынка и подстремкаютъ къ дальнѣйшему увеличенію производства, съ надеждой побѣдить соперниковъ, туземныхъ и иностраннѣхъ. Параллельно съ этимъ движениемъ идетъ и развитіе кредита: какъ бы ни были велики денежные запасы, они теперь могутъ быть поглощены расширяющимся производствомъ. Чѣмъ болѣе развито производство, тѣмъ легче могутъ быть оплодотворены денежные капиталы, и, вотъ, капиталъ, жадно ища помѣщенія, пред-

лается промышленности на условияхъ, все болѣе и болѣе выгодныхъ, и такимъ образомъ еще усиливаетъ склонность къ расширению производства. Параллельное развитіе общественныхъ явлений сказывается и въ той формѣ, которую все чаще принимаютъ предпріятія. Единоличные предпріятія, связанныя съ полнымъ рискомъ, часто могутъ служить преградой для расширения производства. Акционерная форма, распределенная рискъ, смыкаетъ послѣднія препятствія; она позволяетъ владельцамъ незначительныхъ денежныхъ капиталовъ участвовать въ самыхъ крупныхъ начинаніяхъ. Но акционерная форма не была бы законченной, еслибы размѣры предпріятія ограничивались только средствами участниковъ: необходимо усиливать собственный капиталъ кредитными цѣнностями, и привлеченіе этихъ цѣнностей основывается на томъ же началѣ, какъ составленіе акціонерныхъ капиталовъ: облигационные капиталы собираются путемъ публичной подписки, и владельцы самыхъ мелкихъ сбереженій могутъ поддерживать своими взносами акціонерное предпріятіе.

Итакъ, въ новое время техническія изобрѣтенія способствовали привлечению къ рынку всѣхъ слоевъ народа, замѣнѣ мелкой промышленности крупною, развитію кредита, порванію связи между производителемъ и потребителемъ; они вызвали къ жизни условия, неудержимо соблазняющія предпринимателей расширять производство. Эти перемѣны въ хозяйственномъ быту пропавели замѣтныя перемѣны въ нравахъ, которые оказываются, въ свою очередь, большое вліяніе на экономическую жизнь.

Быть можетъ, страсть къ наживѣ, стремленіе увеличить хозяйственную силу равно присущи людямъ на разныхъ ступеняхъ развитія; но такъ какъ условия для ихъ проявленія не всегда одинаково благопріятны, то человѣкъ не всегда обнаруживаетъ ихъ и совершає извѣстные дѣйствія для ихъ удовлетворенія. Въ прошломъ, повальному проявленію этой страсти мѣшала весь юридико-экономический бытъ. Сельскій классъ, сдавленный тѣсными рамками крѣпостного права, видѣлъ передъ собою помѣщика, человѣка болѣе высокаго общественного положенія, болѣе утонченаго образованія,—человѣка, окруженаго разнообразными удобствами и роскошью жизни, и привыкъ считать себя отдаленнымъ отъ него пропастью, столь глубокой, что никакія усилія не помогли бы ее переступить. Быть можетъ, онъ почти всегда завидовалъ, часто ненавидѣлъ; но это чувство, при опредѣленности всѣхъ отношеній и ограниченной гражданской свободѣ, не могло вызывать въ сельскомъ классѣ стремленія выйтіи изъ той колеи, по которой шли отцы и дѣды. Городъ со своей цеховой промышленностью ставилъ передъ младшими членами цеховъ — подмастерьями — одинъ

идеалъ: сдѣлаться мастеромъ; а достиженіе этого идеала зависѣло отъ самого человѣка, отъ его трудолюбія и рѣбечиро-
искусства. Рядовая промышленность городовъ утѣшалась
отдельными крупными торговыми и банкірскими предпріятіями,
которые требовали значительныхъ капиталовъ, переходили изъ
рода въ родъ и представлялись для ремеслевниковъ недости-
жимыми величинами. Тѣмъ полемъ, гдѣ человѣкъ могъ достич-
нуть многаго безъ труда, гдѣ жажда пріобрѣтенія могла полу-
чить широкое проявленіе, были государственная служба дво-
рианства и духовное званіе. Здѣсь можно было стать сильнымъ,
именитымъ, богатымъ не черезъ упорный трудъ, не въ силу
личныхъ заслугъ, а съ помощью интригъ, пронсковъ, неблаго-
видной конкуренціи. Такимъ образомъ, кругъ, въ которомъ
могла съ полной силой проявляться жажда улучшить свой
быть безъ труда, былъ довольно тѣсенъ. Новое время разбило
рамки, въ которыхъ прежде были втиснуты отдельныя группы
населенія. Ростъ производительности труда и богатства увели-
чилъ абсолютно и относительно число членовъ общества, не
занимающихся материальнымъ трудомъ. Помимо тѣхъ группъ,
которые исполняютъ необходимыя для страны обязанности въ
государственной службѣ, литературѣ, врачебной, адвокатской
и другихъ профессіяхъ, въ современномъ обществѣ есть зна-
чительная массы людей, живущихъ рентами малыми, а иногда
и большими; эти люди не имѣютъ опредѣленныхъ и необходи-
мыхъ для общества занятій; они часто живутъ только на тѣ
доли народнаго дохода, которая могутъ урвать безъ труда,
вслѣдствіе счастливыхъ рыночныхъ сопряженій. Большия города
служатъ главнымъ полемъ для дѣятельности этихъ группъ;
биржа служить главнымъ источникомъ ихъ доходовъ. Блескъ,
пышность, которые украшаютъ жизнь богатѣйшихъ горожанъ,
возбуждаютъ тѣмъ большую зависть, что многіе денежные ко-
роли быстро поднялись на вершины лѣстницы изъ самаго
скромнаго общественнаго положенія. Пріобрѣсти хотя неболь-
шую частицу этого блеска—вотъ лозунгъ многихъ тысячъ лю-
дей, иногда не лишенныхъ дарованій, но имѣющихъ отвраще-
ніе къ непрерывному полезному труду. Биржа служить удоб-
нымъ полемъ для легкой и быстрой наживы. Она привлекаетъ
къ себѣ массы цѣнностей, которые могутъ быть покупаемы и
продаваемы лицами, не имѣющими денегъ, чтобы покупать, и
самихъ цѣнностей, чтобы продавать. Торговля предполагаетъ
храненіе пріобрѣтаемыхъ товаровъ, устройство помѣщеній; спе-
кулиантъ же, играя на разности, всегда можетъ сказать: „все
свое вишь съ собой“. Но биржа не потому служить источникомъ
обильного обогащенія, что изъ года въ годъ представляеть
къ услугамъ желающихъ наживаги, безъ труда все большую и
большую массу бумажныхъ цѣнностей; причина лежитъ въ томъ,

что биржа служить регуляторомъ отношений между двумя огромными, обнимающими почти весь земной шаръ и мало известными величинами — производителями и потребителями, размѣры предложенія и спроса которыхъ не могутъ быть точно определены. Чѣмъ больше велика неизвестность, тѣмъ больше простора для преувеличеній, и биржа легко поддается самимъ тонкимъ и, повидимому, незначительнымъ вліяніямъ. Нѣть вопроса въ области международной политики, который не бытъ бы способенъ оказывать вліяніе на биржу и вести для однихъ къ неожиданнымъ потерямъ, а для другихъ — къ незаслуженнымъ выгодамъ. Такъ какъ факты, оказывающіе эти вліянія, не поддаются сколько-нибудь точнымъ вычислениемъ (можно ли, напримѣръ, предугадать, какое вліяніе на европейскую политику будетъ имѣть англо-французскій договоръ 1904 года, побѣда либераловъ надъ консерваторами въ Англіи, перемѣна въ особѣ монарха какой-либо изъ великихъ державъ или роспуска русской государственной думы?), то здѣсь представляется полный просторъ для догадокъ, соображеній, а также вымысловъ, намѣреннаго и даже систематического обмана. Если впечатлѣніе, произведенное даннымъ фактамъ и вымысломъ, слабо, то биржевая цѣна процентныхъ бумагъ колеблется вверхъ или внизъ, положимъ, на 2—3%; если оно сильно, то колебаніе достигаетъ 7—8—10% и болѣе. Поэтому, лица, группирующимся около биржи, прочно заинтересованы въ томъ, чтобы усиливать впечатлѣніе, преувеличивать значеніе фактовъ, а за отсутствиемъ фактовъ — прибѣгать къ обману. Но современное общество въ лицѣ тѣхъ своихъ членовъ, интересы которыхъ могутъ особенно страдать отъ вымысла, обладаетъ средствами противодействовать ложнымъ слухамъ. Вотъ почему этотъ источникъ даетъ, сравнительно, немного условій для быстрого и легкаго обогащенія и не вносить существенныхъ перемѣнъ въ состояніе народного хозяйства.

Иное вліяніе имѣютъ тѣ события, значеніе которыхъ неоспоримо велико, и еще многократно увеличивается вслѣдствіе легковѣрія большинства людей и злонамѣренности многихъ. Такими фактами служать открытие новыхъ и обширныхъ рынковъ сбыта, отысканіе обильныхъ мѣсторожденій золота, крупныя техническія изобрѣтенія, политическое преобладаніе одного государства и связанное съ нимъ материальное обогащеніе, важная внутренняя реформы въ обширной странѣ. Исторія хозяйства даетъ много примѣровъ, подкрѣпляющихъ это положеніе. Первые годы въ исторіи развитія желѣзныхъ дорогъ, калифорнское и австралийское золото, приливъ французскихъ миллиардовъ на германскій рынокъ были условіями, если не вызвавшими, то сильно обострившими кризисы 1836, 1857, 1873 годовъ. Каждыя наживы, скованная ровнымъ теченіемъ дѣлъ,

обнаруживается теперь съ постной силой; все стоящие во главѣ предпріятій и огромныи masses людей, имѣющихъ только незначительныи сбереженія, тузы денежнаго и товарнаго рынковъ и фабричныи работники, богатые землевладѣльцы и мелкіе чиновники, генералы и домашняя прислуга — все считаются себѣ тѣми избранныками, на которыхъ падутъ крупныи выигрыши отъ наступившаго оживленія дѣлъ. Кому изъ соревнователей достанутся выигрыши, обѣ этомъ никто не думаетъ, какъ не думаютъ обѣ этомъ играющіе въ карты или берущіе билетъ въ лоттерею. Всѣ поражены размѣрами даннаго явленія, и всѣ считаютъ неисчерпаемыми выгоды, которыи оно обѣщаетъ. Развѣ не довольно для сельскихъ хозяевъ, винокуровъ, сахарозаводчиковъ, владѣльцевъ каменноугольныхъ копей знать, что, напримѣръ, въ Калифорніи, въ началѣ 50-хъ годовъ, айца стоили 5 шиллинговъ за дюжину, вино — отъ 2 до 5 фунтовъ стерлинговъ за бутылку, кофе — 16 шиллинговъ за фунтъ... чтобы огромное большинство производителей старалось всѣми мѣрами расширить свои предпріятія до переполненія рынка товарами? Развѣ не довольно было знать о приливѣ въ Германію 5 миллиардовъ, изъ которыхъ $\frac{1}{4}$ поступила золотомъ, знать о чрезвычайномъ изобилии денегъ, позволившемъ государству освободить себя отъ долговъ, чтобы всколыхать все общество, раздразнить воображеніе обѣщаніемъ огромныхъ барышей и вызвать ту предпринимательскую горячку, которая завершилась крушеніемъ 1873 года?

Повременная печать служитъ могущественной силой во всѣхъ общественныхъ движеніяхъ, а въ частности и экономическихъ. Человѣкъ, привыкшій мыслить обѣ окружающемъ и сознательно давать себѣ отчетъ въ явленіяхъ, которыя происходятъ изо дня въ день, не можетъ составить даже слабое понятіе о бездѣятельности ума средняго человѣка. Весь размѣнившись на привычки слѣдовать тому образу дѣйствій, который исходить отъ авторитетныхъ круговъ, подчинивъ опредѣленнымъ шаблонамъ всѣ мелочи жизни, онъ ищетъ руководства и для своей хозяйственной дѣятельности. Если онъ мало грамотенъ или, по крайней мѣрѣ, не пріобрѣлъ навыка читать газету, то слѣдуетъ тому пути, который прокладывается его соѣдѣніемъ, дѣйствующій болѣе самостоятельно. Если онъ получилъ привычку читать газету, то она и служить для него руководствомъ. Изъ нея онъ почерпаетъ свѣдѣнія о цѣнахъ; отъ нея узнаеть онъ о выгодахъ, которыя обѣщаетъ открытие новыхъ рынковъ; она же передаетъ ему о барышахъ, доставляемыхъ такимъ-то помѣщеніемъ капитала. Поэтому разсужденіе, что „Times“ — шестая великая держава, что, какъ говорилъ Джонъ Лемуанъ при своемъ вступленіи во французскую академію, и periodическая печать получила извѣстное признаніе передъ

солнцемъ, — не пустыя фразы, а положенія, полныя глубокаго смысла. Повременная печать, подобно каплѣ, протачивающей камень, изо дня въ день дѣйствуетъ на умъ средняго человѣка и безповоротно подчиняетъ его: она пробуждаетъ въ немъ любовь къ однимъ политическимъ дѣятелямъ и вызываетъ ненависть къ другимъ; она закрѣпляетъ въ немъ известные общественные идеалы; она раздражаетъ его жажду стяжанія соблазнительными картинами того, какъ и гдѣ люди въ короткое время удвоивали свое состояніе. Эта власть повременной и, особенно, ежедневной печати надъ толпой служитъ ко благу, по скольку органы печати сосредоточиваются въ рукахъ людей мыслящихъ, просвѣщенныхъ и видящихъ въ своемъ дѣлѣ общественное служеніе: тогда образъ дѣйствій средняго человѣка, имѣющаго подобное руководство, направляется къ его личному благополучію и общественной пользѣ. Однако, подобныя явленія представляются только отрадными исключеніями; огромное большинство изданій ведется людьми, которые, по количеству и качеству знаній, непрігодны быть руководителями толпы; уровень нравственности этихъ людей таковъ, что они видятъ въ своемъ занятіи не важное общественное служеніе, а промыселъ, служащій только источникомъ дохода. Недостатокъ первыхъ условий ведетъ читателей и послѣдователей къ частымъ ошибкамъ; недостатокъ же нравственныхъ качествъ, выражаясь въ беззастѣнчивой лживости и подкупности прессы,—и чѣмъ болѣе вліятельны эти органы, тѣмъ хуже,—совершенно сбиваетъ средняго человѣка съ позиціи и толкаетъ на тѣ пути, которые ведутъ его къ потерямъ и невыгодны для всего народнаго хозяйства. Живость, безчестность многихъ изданій всегда могутъ быть доказаны множествомъ примѣровъ. Но особенно ярко выступаютъ эти качества въ эпохи политического и хозяйственнаго оживленія: въ такое время нѣкоторые лица и группы могутъ разсчитывать на исключительные выигрыши, а потому и отбрасываются послѣднія нравственные задержки, которыхъ еще дѣйствуютъ въ обычное время. Можно утверждать, что острота кризисовъ 1857 и, особенно, 1873 и 1900—1902 годовъ была бы далеко не такъ велика, еслибы вліятельные органы печати западно-европейскихъ странъ и Америки не были заинтересованы въ барышахъ многихъ предпріятій, не превозносили ихъ организаціи, не прославляли искусства въ веденіи ихъ дѣль на основаніи подтасованныхъ цифръ и не завлекали легковѣрнаго люда въ сѣти искусственныхъ дѣльцовъ. Все это дѣлали они, и все это увеличивало размѣры крушений.

Указанными явленіями можно объяснить острые кризисы. Однако, этимъ нельзя объяснить застоп въ промышленности, наступающіе среди политического мира, внѣ потрясеній народ-

наго хозяйства тяжкими неурожаями, быть новыхъ и крушихъ хозяйственныхъ фактовъ. Нередкоющими явлениями нельзя объяснить упорные хронические кризисы. Мы познаемъ причину, если остановимся на изслѣдованіи двухъ параллельныхъ течений — течения въ производствѣ цѣнностей и ихъ распределеніи.

II.

Возьмемъ за точку отправленія какой-нибудь годъ, отмѣченный въ исторіи даннаго народнаго хозяйства, какъ годъ средне-благопріятный, съ хорошими цѣнами, успѣшнымъ сбытомъ товаровъ, небольшимъ числомъ свободныхъ рабочихъ рукъ, рѣдкими банкротствами... и начнемъ отъ него нашъ анализъ.

На этотъ благопріятный годъ выпадаетъ иѣсколько крупныхъ техническихъ изобрѣтений: въ земледѣліи, машиностроительномъ дѣлѣ, хлопчато-бумажной промышленности. Улучшеніе способовъ добыванія сырья и его переработки увеличили производительность труда на $\frac{1}{3}$, такъ что 100 работниковъ могутъ произвести теперь въ теченіе года не 300, а 400 единицъ товара: холста, сукна, пшеницы, желѣза. Такой ростъ производительности труда повлечетъ за собой прежде всего понижение цѣнности товаровъ и ихъ доступность для болѣе широкаго круга потребителей. Но ростъ производительности труда дѣлаетъ желательнымъ и другое условіе: вся масса товаровъ, возросшая на $\frac{1}{3}$ сравнительно съ предыдущимъ періодомъ, должна быть потреблена. На пути къ этому могутъ стоять два препятствія: 1) родъ производимыхъ товаровъ и характеръ потребностей человѣка, и 2) недостатокъ покупательной силы въ отдельныхъ группахъ населенія. Первое препятствіе не имѣть большаго значенія: потребности людей допускаютъ количественно и качественно чрезвычайное расширение, и только потребность въ пищѣ имѣть естественные предѣлы, которые нельзя переступить. Но и здѣсь предѣлы стоять гораздо дальше, чѣмъ то обыкновенно думаютъ, когда обсуждаютъ вопросъ о застоѣ въ промышленности. Предположимъ, что разные сорта хлѣба произведены въ изобиліи; за удовлетвореніемъ потребности населенія въ пищѣ остается еще избытокъ въ 1,000,000 четвертей ржи и ячменя. Этотъ миллионъ, не говоря о цѣльсообразности накопить запасы въ виду возможныхъ неурожаевъ, не является безполезнымъ излишкомъ: онъ можетъ быть затраченъ на выкуриваніе спирта, изготавленіе пива и послужить въ другой формѣ на пользу населенія. Но предѣль потребностей въ пищѣ можетъ быть отодвигаемъ въ другомъ направлении. Положимъ, что въ избыткѣ произведены овѣсть, ячмень, картофель, что, за удовлетвореніемъ потребностей,

остается излишекъ: тогда часть труда можетъ быть направлена на производство болѣе цѣнныхъ сортовъ пищи, которые лучше удовлетворяютъ человѣка и требуютъ, для своего добываніи, болѣе массы труда. По такому переходѣ, излишекъ труда, затраченного въ земледѣліи, выразится меньшимъ числомъ рабочихъ дней. Но, за всѣми этими ограничіями, найдется естественный предѣлъ, дальше которого не могутъ быть расширяемы потребности въ пищѣ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе роста производительности труда, предметы пищи могутъ быть изготавляемы въ излишнемъ количествѣ, а въ связи съ этимъ можетъ быть излишекъ въ издѣліяхъ и тѣхъ отраслей промышленности, которая производятъ орудія труда для земледѣлія: плуги, бороны, молотилки. Можетъ оказаться излишнимъ известное количество труда, затрачиваемое на изготавленіе орудій перевозки для земледѣльческихъ продуктовъ, на добываніе желѣза и т. д. Но теперь во всѣхъ странахъ огромныя массы населенія пытаются такъ, что далеко нельзя считать достигнутымъ естественный предѣлъ въ потреблении пищи. Внѣ потребностей этого класса нельзя найти такія, которыхъ имѣли бы естественные границы: переписи большихъ городовъ обнаруживаютъ, что огромное большинство семей живетъ въ квартирахъ, не превышающихъ 1—2 комнаты, а часто и $\frac{1}{2}$ комнаты; конечно, никто изъ этой многочисленной массы не отказался бы иметь жилище въ 3—4—5 комнатъ. А для удовлетворенія потребности въ жилищѣ только до этихъ предѣловъ — они не превосходятъ того, что принято называть скромнымъ достаткомъ для среднихъ классовъ — нужно было бы удвоить, утроить массу труда, затрачиваемую въ строительномъ промыслѣ. Огромные слои населенія даже богатѣйшихъ странъ удовлетворяютъ свою потребность въ одѣждѣ лишь настолько, что имѣютъ одно приличное праздничное платье, а въ будни ходятъ почти въ рубищѣ. Кто будетъ отрицать, что удовлетвореніе этой потребности въ 2—3 раза лучше превзошло бы предѣлы желательного и необходимаго? Съ еще большою уверенностью можно утверждать это относительно убранства жилища, утвари, развлечений и т. д. Поэтому, необходимы еще значительные усилия производительности труда, чтобы въ человѣческомъ обществѣ могло накопиться больше жилыхъ домовъ, тканей, одѣжды, обуви, нежели потребность въ этихъ предметахъ.

Инымъ характеромъ отличается другое препятствіе — недостатокъ покупательныхъ средствъ. Какъ бы ни были широки потребности человѣка, какъ бы ни была велика его рабочая сила, въ обществѣ, основанномъ на обмѣнѣ, возможность удовлетворять потребности обусловливается покупательными средствами, той долей народнаго дохода, которую человѣкъ получаетъ въ свое распоряженіе. Сбыть всѣхъ изготавленныхъ

товаровъ, при возрастаніи производительности труда, можетъ совершиться безщомягтвенно только подъ условіемъ, что покупательные средства всѣхъ потребителей этихъ товаровъ возросли въ опредѣленной пропорції. Если покупательные средства отдельныхъ группъ потребителей не увеличиваются въ извѣстной пропорції, то всѣ произведенные товары не могутъ найти сбыта. Въ обществѣ съ раздѣленіемъ трудомъ одни производители изготавливаютъ необходимые предметы, поступающіе въ обиходъ всѣхъ частныхъ хозяйствъ или, преимущественно, въ обиходъ бѣднѣйшихъ классовъ; другіе производятъ исключительно предметы комфорта или роскоши. Соответственno съ производствами, налагающими на материалъ послѣднюю руку, распредѣляется трудъ и между тѣми отраслями, которые изготавливаютъ сырье и вспомогательные материалы и орудія. Производство можетъ развиваться безпрепятственно только подъ условіемъ, что поддерживается правильное соотношеніе между отраслями всѣхъ классовъ. А это осуществимо только тогда, когда всѣ предметы потребленія находять сбыта. Положимъ, что изъ всей массы ежегодно производимыхъ продуктовъ половина поступаетъ въ заработную плату, а другая половина—въ прибыль и ренту. Такое распредѣленіе осознательно выражается въ томъ, что половина всѣхъ товаровъ, по своему качеству, соответствуетъ болѣе простымъ, грубымъ потребностямъ, а другая половина—потребностямъ болѣе уточненнымъ. Или, переводя это въ денежную форму, мы скажемъ, что изъ 300 миллионовъ рублей, которыхъ стоятъ ежегодно производимые товары, 150 миллионовъ поступаютъ работникамъ, а остальные 150 миллионовъ—капиталистамъ, землевладѣльцамъ и другимъ. Если производительность труда возросла на $\frac{1}{3}$, то излишекъ въ 100 миллионовъ долженъ распредѣлиться согласно съ прежнимъ порядкомъ: 50 миллионовъ должны поступить работникамъ и 50 миллионовъ—всѣмъ остальнымъ группамъ населенія. Если распредѣленіе совершится на такихъ началахъ, то уровень благосостоянія всего народа повысится, и производство будетъ идти такъ же плавно, какъ прежде. Желательное распредѣленіе можетъ оказаться и въ другой формѣ: *цены товаровъ понизятся пропорционально тому, какъ поднялась производительность труда;* продукты, возросшіе въ количествѣ на $\frac{1}{3}$, будутъ стоить, какъ и прежде, 300 миллионовъ рублей, и изъ этихъ 300 миллионовъ половина поступитъ въ заработную плату, а половина—въ прибыль и ренту. — Представимъ себѣ иное распредѣленіе добавочныхъ 100 миллионовъ: изъ нихъ 25 миллионовъ поступятъ въ заработную плату, 75 миллионовъ—въ прибыль и ренту. Въ этомъ случаѣ благосостояніе работниковъ нѣколько понизится, капиталисты и рентьеры получатъ возможность удовлетворять свои потребности болѣе уточненными, но производить затруднение

въ сбытѣ всѣхъ произведенныхъ товаровъ. Въ излишкѣ, стоящемъ 100 миллионовъ, для потребностей работниковъ произведено товаровъ на 50 миллионовъ, но въ ихъ обходѣ поступила только половина. Другая половина составляетъ долю прибыли и ренты; но такъ какъ эта половина—товары простаго качества, удовлетворяющіе грубыя потребности, то она не найдетъ себѣ сбыта. Заѣтой въ сбытѣ этихъ товаровъ отразится и на предпринятіяхъ, которымъ производятъ товары для потребленія богатыхъ классовъ. Капиталисты, прикосновеніе къ отраслямъ промышленности, которыя изготавливаютъ простѣйшіе товары, будучи затруднены въ сбытѣ, должны сократить свое потребленіе и тѣмъ поставить въ невыгодное положеніе и многія предпріятія, которыя не производятъ для потребностей малопримущихъ классовъ. Кредитныя отношенія, опутывающія своей сѣтью все производство, быстро обнаружать критическое положеніе дѣлъ: не имѣя возможности исполнить долговыхъ обязательствъ въ срокъ, многіе становятся несостоительными должниками. Въ этотъ моментъ и начинаютъ раздаваться громкіе вошли о чрезмѣрномъ производствѣ; требуется его нормированіе; заботятся о томъ, чтобы иностранцамъ было затрудненіе доступа на туземный рынокъ и тѣмъ обеспечить сбытъ издѣлій своей промышленности; обсуждается вопросъ о необходимости поднять технику отечественного производства; проектируется выдача вывозныхъ премій и т. д. Съ другой стороны, общественное хозяйство само изъ себя выдвигаетъ условія, способствующія устраниенію застоя: вслѣдствіе крушенія многихъ предпріятій, размѣры производства съуживаются, запасы товаровъ поглощаются потребленіемъ, и хозяйственная жизнь входитъ въ свое обычное русло. Но равновѣсіе достигается лишь послѣ того, какъ многочисленныя массы работниковъ выкинуты изъ рядовъ производителей, ввергнуты въ нищету; притомъ же равновѣсіе устанавливается на непродолжительное время: новые успѣхи техники производятъ такое же дѣйствіе и снова ведутъ къ хозяйственному кризису.

Переходя отъ этого условнаго примѣра къ дѣйствительной жизни, мы должны одѣнить всѣсложнѣющія обстоятельства; они, обостряя или смягчая хозяйственныя потрясенія въ отдельныхъ странахъ или отдельныхъ отрасляхъ производства, привлекаютъ къ себѣ всеобщее вниманіе и заставляютъ однихъ не замѣтить главной причины, а другихъ—намѣренно умалчивать о ней. Частныхъ причинъ очень много; укажемъ только на болѣе могущественные. Обилие или скучность жатвы занимаетъ первое мѣсто. Это условіе потому привлекаетъ къ себѣ особенное вниманіе, что, независимо отъ важности его самого по себѣ, даетъ многимъ удобный случай приписать бѣдствіе кризиса не общественному нестроенію, а игрѣ стихійныхъ силъ или водї

Вождей. Обыкновенное скучество урожая может означать такое влияние: в то время, когда, под давлением переселенцев, условия народному хозяйству грозят застой, богатый урожай, непосредственно увеличивая покупательную силу сельских классов и косвенно — всех остальных, ведет к усиленному потреблению фабрикатов и отерочивает полное обнаружение кризиса. Скудость жатвы иметь противоположное влияние: она уменьшает покупательные средства и ускоряет обострение кризиса. Важную роль играют также те условия, которые создают для отдельных стран состояніе международного рынка, особенно в то время, когда рынок переживает крупные изменения, когда къ обмену привлекаются страны, дотолѣ въ немъ не участвовавшія. Положимъ, въ народномъ хозяйстве Россіи наступили всѣ условия, которые должны вызвать кризисъ: если въ это время для русской торговли открываются рынки Персіи, Малой Азіи, то известная масса товаровъ можетъ найти себѣ сбыть, известное число туземныхъ предпріятій, уже колебавшихся, можетъ быть спасено отъ крушения и наступление кризиса можетъ быть отдалено. Противоположный явлениія на иностранныхъ рынкахъ, затрудненіе ввоза заграничныхъ товаровъ могутъ оказывать усиливающее дѣйствіе на промышленный застой Россіи. Состояніе международного рынка, погоня государствъ, имѣющихъ развитую промышленность, за новыми колоніями, новыми покупателями, настолько привлекаютъ къ себѣ вниманіе правящихъ круговъ, промышленниковъ, повременной печати, что затѣняютъ дѣйствіе главной силы: забываютъ, что благопріятное состояніе мироваго рынка можетъ только отсрочить наступление кризиса, но неспособно предотвратить его. Предположимъ, что Россія открыла новый рынокъ для произведеній сельского хозяйства: вывозъ запасъ, который обременилъ бы туземный рынокъ, она получаетъ, замѣнивъ его, заграничные товары. Среди нихъ будутъ предметы потребления всѣхъ классовъ народа, а также орудія производства для расширенія существующихъ отраслей и для образования новыхъ предпріятій. На некоторое время наступитъ оживленіе промышленности. Но разъ международные отношенія вошли въ опредѣленное русло, не открывается новыхъ рынковъ, не ввозится новыхъ товаровъ, то иностранная торговля уже не способна влиять на замедленіе кризиса — Финансовая политика имѣть также немалое значеніе. Введение новыхъ налоговъ, обременяющихъ бѣдѣйшіе классы, еще болѣе сокращаетъ ихъ покупательные средства, стужинищетъ потребление и подрываетъ тѣ отрасли промышленности, которые не производятъ предметовъ, крайне необходимыхъ для жизни. Войны, внутреннія смуты, эпидеміи, неизѣтности будущаго также отличаютъ положеніе. Но забывать, что при этихъ признакахъ,

главную — *непараллельное движение производительности труда и распределения общественного дохода* — значит уподобляться тому врачу, который лечитъ отдельные проявления болѣзни безъ вниманія къ измѣненіямъ въ организмѣ, служащимъ главною причиной страданія.

Европейско-американскій міръ представляетъ намъ за послѣднее столѣтіе всѣ условія, перечисленныя на предыдущихъ страницахъ. Онъ переживалъ неурожай, войны, внутренняя смуты, открытие обильныхъ мѣсторожденій золота, разнообразная сочетанія въ международномъ обмѣнѣ, — словомъ, все, что обостряло кризисы. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ даетъ намъ непараллельное движение производительности труда и распределенія общественного дохода. Мы привели много примѣровъ того, какъ быстро возрастила производительность труда со временеми великихъ техническихъ изобрѣтеній 18 вѣка. Скажемъ, не боясь преувеличеній, что съ начала 8-го вѣка производительность труда возросла не менѣе, чѣмъ въ 5, 6, быть можетъ, 10 разъ.

Какую же картину даетъ намъ движеніе заработной платы? Англія представляетъ особенно интересное поле для наблюденій этого рода: точныя данныя о хозяйственномъ бытѣ восходятъ въ ней до мрака Среднихъ вѣковъ. Роджерсъ, много сдѣлавшій для исторіи народного хозяйства Англіи, рисуетъ довольно подробно бытъ рабочихъ классовъ съ половины 13-го вѣка. Отъ этой отдаленной эпохи, въ теченіе трехъ столѣтій, англійской работнику, имѣя доступъ къ землѣ, пользовался скромнымъ довольствомъ. Съ половины 16-го и вплоть до начала 18-го вѣка положеніе все болѣе ухудшалось; затѣмъ началось улучшеніе, длившееся до наполеоновскихъ войнъ; отъ этого времени оно было очень угнетеніемъ до второй четверти 19 вѣка, когда снова началось постепенное его улучшеніе. Насколько положеніе ухудшилось отъ 13 го вѣка и до конца 18-го, видно изъ того, что около 1260 года молотилыщи получали за свой трудъ $\frac{1}{18}$ вымолоченной пшеницы, а около 1760—только $\frac{1}{24}$; при молотьбѣ овса въ первомъ случаѣ $\frac{1}{14}$, а во второмъ $\frac{1}{21}$. Но некоторые отрасли промышленности имѣли и въ послѣднее время заработную плату ниже, чѣмъ въ концѣ Среднихъ Вѣковъ. Сравнивая плату каменьщиковъ около Лондона въ 1449—50 и 1887 годахъ, Роджерсъ опредѣляетъ ее для первого периода по 4 шиллинга въ недѣлю, а для втораго— $42\frac{3}{4}$; а такъ какъ цѣны главныхъ предметовъ потребленія увеличились въ 12 разъ, то для втораго периода плата, чтобы не понизиться, должна была составлять 48 шиллинговъ³). Изъ области сельско-хозяйственнаго труда мы имѣемъ такие факты: отъ 1770 до 1880 года недѣльная плата поднялась съ $7\frac{1}{4}$ на 14 шиллинговъ, а расходы на квартиру увеличились съ 8 на 24 пенса, мясо—съ $3\frac{1}{4}$

на 9 пенсовъ, маю съ 6 на 20 пенсовъ за 1 футъ¹). Цѣнзовый рядъ подобныхъ данныхъ заставляетъ Роджерса сказать, что „современную цивилизацію нужно судить не потому, что она успѣла сдѣлать, но потому, чего не сдѣляла“²). Къ фактамъ, на которые ссылается Роджерсъ, можно пріобщить и многое другихъ: мы нерѣдко находимъ упадокъ благосостоянія въ группахъ пролетаризованного крестьянства, среди кустарей и ремесленниковъ при замѣнѣ мелкой промышленности крупнымъ производствомъ. — Положеніе же рабочихъ классовъ въ цѣломъ за послѣдніе 50 лѣтъ абсолютно измѣнилось къ лучшему. Мэлголль, сравнивая заработную плату въ 1770 и 1880 годахъ, приходитъ къ заключенію, что въ разныхъ отрасляхъ промышленности она увеличилась на деньги вдвое, а по своей покупательной силѣ только на 44%³. А Джиффенъ въ своемъ изслѣдованіи о прогрессѣ рабочаго класса Англіи за вторую половину 19 вѣка опредѣляетъ увеличеніе денежной платы слишкомъ на 40%⁴.

Но оптимисты этимъ не ограничиваются. Они утверждаютъ, что народный доходъ распредѣляется болѣе равномѣрно, чѣмъ прежде, что ростъ производительности труда оказалъ болѣе услуги бѣднымъ, чѣмъ богатымъ⁵.

Всѣ заключенія этого рода построены на лескѣ.

Предположеніе, что въ Англіи доходъ отъ капитала возврощъ за вторую половину 19 вѣка въ меньшей пропорціи, нежели доходъ отъ труда, не можетъ быть принято. Данныя о подоходномъ налогѣ Англіи, приводимыя въ статьѣ Джиффена, обнаруживаютъ совсѣмъ иное: отъ 1843 до 1881 года доходъ отъ капитала, подлежащаго налогу, возросъ со 188½ миллиона на 407 миллионовъ фунтовъ, т. е. на 116%, а доходъ отъ заработной платы съ 92½--на 177 миллионовъ, т. е. на 90%⁶). Ичисление же дохода отъ заработной платы тѣхъ лицъ, которыхъ не подлежать налогу, основывается только на предположеніяхъ. Въ концѣ декабря 1887 года въ торжественномъ засѣданіи англійскаго королевскаго статистического общества предсѣдатель (онъ же и министръ финансовъ) Гошенъ произнесъ рѣчь, которая, повидимому, опровергаетъ всѣ сдѣланныя нами расчеты. Онъ показалъ, что за 10-лѣтие, съ 1877 по 86 годы, число плательщиковъ подоходнаго налога въ Англіи, относившихъ къ классу D (занимающіеся промыслами, торговлей и вольными профессіями), увеличилось почти на 60,000; по числу плательщиковъ разныхъ имущественныхъ группъ потерпѣло неоднородные измѣненія: число плательщиковъ съ доходами средними, отъ 500 до 1,000 фунтовъ въ годъ, не измѣнилось, выше 1,000 фунтовъ—уменьшилось на 2,40%; а съ побольшими доходами, отъ 150 до 400 фунтовъ, возросло на 21,1%. Число плательщиковъ, относившихъ къ классу E (государственные

чиновники, а также приказчики и надсмотрищики въ торговыхъ предпріятіяхъ), увеличилось съ 78,224 почти до 116,000, среди нихъ 104,000 имѣли доходъ отъ 150 до 400 фунтовъ въ годъ ⁹). Отсюда Гошень дѣлаетъ выводъ, что средніе доходы возросли въ большей пропорціи, чѣмъ крупные. Эти факты вовсе не служатъ признакомъ того, будто Англія ступила на путь болѣе равномѣрнаго распределенія богатствъ. Десятилѣтіе 1877—86 года представляеть всѣ данные для уменьшенія крупныхъ состояній и пониженія доходовъ. Рѣзкое паденіе цѣнъ всѣхъ товаровъ, сокращеніе прибыли во всѣхъ предпріятіяхъ до половины средняго уровня и болѣе, огромное число банкротствъ (до 1877 года въ среднемъ 8½ тысячи банкротствъ ежегодно, а съ 1879 до 84 года — болѣе 12,000) — все повело къ тому, что множество богатыхъ лицъ, имѣвшихъ въ половинѣ 70 годовъ 1000—2000 фунтовъ дохода, сохранили въ 80-хъ годахъ едва 500—1000 фунтовъ, а имѣвшіе довольство, болѣе 500 фунтовъ, спустились въ низшую группу, съ доходомъ въ 150—500 фунтовъ. Угнетеніе состояніе англійскаго хозяйства за этотъ періодъ выразилось въ томъ, что народное имущество, возраставшее за каждое 5-лѣтіе между 1860 и 1875 годами слишкомъ на 800 миллионовъ фунтовъ, увеличилось въ 1875—80 годахъ на 450 миллионовъ ¹⁰). Вотъ почему свѣдѣнія, сообщенные Гошеною, не колеблютъ нашихъ положеній.—Къ однороднымъ заключеніямъ приводить и прусская статистика подоходнаго налога за послѣднія 8 лѣтъ 19 вѣка. Мы узнаемъ изъ нея, что въ 4 года (1892—95), которые должны быть отнесены къ среднимъ, изъ общей суммы прироста къ народному доходу Пруссіи маломимущіе получили 73,48%, средніе — 19,06 и высшіе — 7,46%. Въ слѣдующее 4-лѣтіе (1896—1900), время большаго оживленія хозяйственной жизни, бѣдныя классы имѣли гораздо меньшую долю въ приростѣ народнаго дохода: только 46,38%, тогда какъ средніе получили 29,91%, а высшіе — 23,71. Эти цифры знаменательны. Заработка плата огромнаго большинства далеко не достигаетъ уровня, который соотвѣтствовалъ бы низшимъ требованиямъ гигіиенѣ. Уменьшеніе платы въ средніе годы только на 10—15% уже повергаетъ огромныя массы въ удручающую нужду. Если бы плата сразу понизилась еще больше, то положеніе работниковъ ухудшилось бы въ такой степени, что вызвало бы наклонность къ энергическому противодѣйствію. Не таковъ характеръ доходовъ, получаемыхъ отъ владѣнія землею, капиталомъ, промышленнымъ или торговымъ предпріятіемъ; рѣзкое уменьшеніе этихъ доходовъ, ослабляя процессъ накопленія среди имущихъ классовъ, причиняетъ имъ убытки, лишаетъ многихъ хозяйственной самостоятельности, но не угрожаетъ ихъ существованію. Замедленный темпъ хозяйственныхъ дѣлъ, сокращая приrostъ народнаго дохода, встрѣчаетъ менѣе

естественныхъ преградъ къ понижению ренты и прибыли, нежели къ уменьшению заработка платы, а потому онъ больше отражается на доходахъ высшихъ и среднихъ классовъ, чѣмъ на доль низшихъ. А оживленіе промышленности и торговли заглаживаетъ для состоятельныхъ людей недочеты, которые оказались въ годы застоя, и обнаруживается могущество владѣнія и хозяйствованія въ полномъ блескѣ: малоимущіе классы получаютъ скромный приростъ къ доходамъ, средніе — уже больше; а самый крупный выигрышъ достается богатымъ. Цифры прусской налоговой статистики за тѣ же 8 лѣтъ доказываютъ, что крупное имущество представляетъ громадную притягательную силу. Отъ 1893 до 1900 года, т. е. за время расцвѣта хозяйственной жизни, число плательщиковъ скромнаго достатка — съ доходомъ въ 1500—3000 марокъ — поднялось для Пруссіи отъ 5,82% до 6,24% общаго числа, т. е. примерно на 8%, тогда какъ число богатыхъ плательщиковъ, съ доходомъ отъ 30,500 до 100,000 марокъ, возросло на 26%, а число миллионеровъ — съ доходомъ болѣе 100,000 марокъ — увеличилось на 56,09%.

Развитіе сберегательныхъ кассъ и преобладаніе между вкладчиками людей съ маленькими сбереженіями, равно какъ пріобрѣтеніе акцій и государственныхъ процентныхъ бумагъ небогатыми людьми могутъ развѣ очень наивныхъ людей склонять къ выводу, что средній классъ возрастаетъ на счетъ бѣднѣвшихъ. Пролетарій не перестаетъ быть таковымъ только потому, что за много лѣтъ скопилъ 2—3 тысячи франковъ, помѣщеныхъ въ сберегательную кассу или акціи. Кто прослѣдить за напряженіемъ силъ, съ которымъ связано образование этихъ маленькихъ капиталовъ, тотъ знаетъ, что сбереженіе возможно только вслѣдствіе отказа работника отъ многаго, отвѣчающаго на важнѣйшія требования гигіиены. Каждые 10 франковъ, отнесенные въ сберегательную кассу, означаютъ сокращеніе расходовъ на пищу, жилище, одежду; а эти расходы и безъ того не достигаютъ уровня, который былъ бы необходимъ въ интересахъ здоровья. Нерѣдко бываетъ и такъ, что вклады въ сберегательной кассѣ перевѣшиваются долгомъ лавкѣ, гдѣ работники покупаютъ съѣстные припасы. Это обнаружилось, напримѣръ, весною 1899 года при стачкѣ рабочихъ въ каменноугольныхъ копяхъ Бельгіи. Даже самое мелкое сбереженіе радуетъ работника и его семью, а быть должностнымъ лавочнику вошло въ обычай; работники охотно забираютъ товары въ долгъ; они знаютъ, что торговецъ, получая отъ времени до времени уплату части долга, не будетъ съуживать кредитъ. Стачки, даже не очень продолжительныя, показываютъ, какъ скромны эти сбереженія.

Сдѣлаемъ другую выкладку. Представимъ себѣ, что работникъ той отрасли труда, гдѣ плата сравнительно высока, скоп-

пиль цѣлую тысячу рублей и пріобрѣлъ 5 акцій какого-нибудь промышленного предпріятія. Измѣнится ли положеніе его семьи настолько, чтобы можно было говорить о ея выходѣ изъ рядовъ пролетаріата?

Разъ предпріятіе идетъ успѣшно, даєтъ, положимъ, 10% дивиденда, то доходъ работника увеличится на 100 рублей въ годъ. Если для покрытия скромныхъ потребностей семьи работника нужно 600 рублей, то 100 рублей отъ акцій позволяютъ человѣку затрачивать только $\frac{1}{6}$ рабочей силы для поддержанія равновѣсія въ расходахъ. Подобная перспектива, дѣлая его нѣсколько болѣе свободнымъ, чути-чуть выдѣляетъ семью изъ рядовъ ея класса. Однако, жизнь человѣка, живущаго личнымъ трудомъ, подвергается столь многимъ случайностямъ, что такой работникъ не рискнетъ жить въ обрѣзь; онъ будетъ затрачивать всю свою силу, дабы плата была не менѣе 600 рублей; а дивиденды акцій будутъ предназначены для покрытия непредвидѣнныхъ расходовъ. А если такъ, то онъ, какъ и прежде, цѣликомъ останется въ рядахъ пролетаріата. Будетъ основаніе говорить о немъ только какъ о членѣ довольно благопріятно поставленной группы рабочихъ.

Наивно предполагать, что, въ качествѣ акціонера, работникъ можетъ пріобрѣсти хоть тѣнь хозяйственной самостоятельности. За нимъ будетъ право участвовать въ общихъ сознаніяхъ; но тамъ его голосъ будетъ заглушаться голосами членовъ, которые имѣютъ сотни акцій. Въ громкомъ хорѣ крупныхъ акціонеровъ, его голосъ вовсе не будетъ слышенъ; и онъ долженъ считать себя счастливымъ, если колесо, пущенное въ ходъ не имѣть, будетъ вертѣться хорошо и давать ему прибыль изъ года въ годъ.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что, покупая акціи, работникъ гораздо больше рискуетъ впасть въ ошибку, нежели члены состоятельныхъ классовъ: послѣдніе, стоя близко къ биржѣ, къ промышленнымъ и торговымъ дѣламъ, гораздо болѣе способны оцѣнить надежность возникающаго или уже дѣйствующаго предпріятія, нежели первые: именно такие люди, мало опытные, всего легче и становятся жертвами ловкихъ дѣльцовъ.

Какъ бы то ни было, мы стоимъ передъ двумя несомнѣнными фактами: въ теченіе 100 лѣтъ производительность труда увеличилась, по крайней мѣрѣ, въ 3 раза, а покупательные средства работниковъ возрасли только на 40—50%. Значитъ, весь избытокъ поступилъ на долю прибыли, а главное, ренты.

Сходную съ этимъ картину представляеть народное хозяйство нашего отечества. Богатство высшихъ классовъ увеличилось многократно, а низшихъ — или неизмѣнилось, или даже понизилось. Сохранившіяся описанія крестьянскихъ дворовъ 16-го вѣка заставляютъ думать, что нынѣшній крестьянинъ

имѣеть менѣе удобное жилище, чѣмъ его предки, а тотъ фактъ, что рабочему въ княженіе Василія III было довольно работать по найму 3—5 лѣтъ, для скопленія средствъ, необходимыхъ на веденіе самостоятельного хозяйства¹¹⁾, показываетъ, на сколько положеніе крестьянъ было болѣе благопріятно, чѣмъ нынѣ. Но обратимся къ труду фабричному. Въ первыхъ годахъ 19 вѣка въ Россіи было 130 поссесіонныхъ фабрикъ, на которыхъ работало около 32,000 человѣкъ. Свѣдѣнія, собранныя въ 1803 году мануфактуръ-коллегію, показываютъ, что положеніе этихъ рабочихъ было немногимъ хуже, чѣмъ положеніе современныхъ работниковъ. Рабочій день длился 12 часовъ; средній работникъ на суконныхъ фабрикахъ получалъ 60 рублей. Теперь же на фабрикахъ Московской губерніи рабочій день составляетъ 11—12 часовъ, а заработка плата на суконныхъ фабрикахъ не превышаетъ 180—200 рублей въ годъ¹²⁾. Но эта денежная плата, въ три раза большая, только въ 1½ раза превышаетъ покупательной силой денежную плату закрѣпощенного рабочаго. Отсюда слѣдуетъ, что его доходъ поднялся, быть можетъ, на 50%, а производительность труда въ Россіи сдѣлала за эти 100 лѣтъ очень большие успѣхи.

Мы приходимъ къ такимъ же выводамъ и на основаніи данныхъ о кризисѣ 1900—902 годовъ. Онъ разразился съ особенной силой въ Германіи. Примѣненіе пара и электричества сдѣлало тамъ наибольшіе успѣхи; въ этой же странѣ очень подвинулась химическая промышленность. О ростѣ производительности труда въ Германіи могутъ быть приведены такія цифры. Отъ 1872 до 1897 года во всемъ горнозаводскомъ дѣлѣ производительность работы возрасла на 63% (182 и 297 тоннъ на работника). Отъ 1895 до 1899 въ разныхъ отрасляхъ обработки желѣза успѣшность труда поднялась на 5,4%. Отъ 1873 до 1899 года въ перевозкахъ по морю она увеличилась для германского торгового флота на 44%. Въ сельскомъ хозяйствѣ той же страны отъ 1882 до 1895 года трудъ сталъ на 24% болѣе успѣшенъ. То же и въ телеграфномъ сообщеніи: прежде передавали 70—145 словъ въ минуту, теперь передаютъ до 350.

А товары не дешевѣли. Напротивъ, синдикаты, достигнувъ большаго могущества во многихъ отрасляхъ, устанавливали цѣны, которые соотвѣтствуютъ производительности труда въ давно прошлые періоды. Огромные дивиденды предприятій, соединившихся въ синдикаты, или рука обь руку съ повышениемъ цѣнъ; оно превосходило ростъ заработной платы. Отъ 1897 до 1901 года заработка плата поднялась въ Соединенныхъ Штатахъ на 16%, а цѣны въ оптовой торговлѣ—на 26%. Успѣшность труда въ предприятіяхъ, принадлежащихъ синдикатамъ, возрастаетъ быстрѣе, чѣмъ плата рабочимъ, которыхъ они занимаютъ: по даннымъ для 1900 года, работники, въ пред-

пріятіяхъ американскихъ трестовъ, получають на 12,2% больше, чѣмъ въ остальныхъ (487 и 434 доллэрівъ), а производительность труда средняго работника, занятаго въ заведеніяхъ синдикатовъ, превосходитъ на 79%, успѣшность труда въ остальныхъ предпріятіяхъ.

Таблицы Зауербека¹³⁾ показываютъ, что повышение товарныхъ цѣнъ предшествуетъ кризисамъ. Цѣны товаровъ, которые могутъ быть признаны типичными, упали съ 72 единицъ въ 1889, 90 и 91 годахъ до 61 въ 1896 году; за 5-лѣтіе 1894—98 годовъ цѣны стояли въ среднемъ на 62,4. Въ эти годы всеѣ товары находили сбытъ безпрепятственно. Въ 1899 году цѣны поднялись до 68, а въ 1900—до 75 единицъ. Особенно вздорожали уголь и желѣзо. То же было и передъ кризисомъ 70-хъ годовъ: отъ 1866 до 1872 года цѣны колебались между 96 и 102 единицами; въ 1872 онъ поднялись до 109, а въ 1873 — до 111 единицъ.

Пріобщимъ къ сказанному краснорѣчивыя цифры изъ хроники французской промышленности. Съ конца 1898 до середины 1900 года цѣны угля повысились на 10—12 франковъ за тонну; дивидендъ акціонеровъ угольныхъ копей поднялся съ 40 до 105 миллионовъ франковъ; за эти же 2 года въ запасной капиталъ было отчислено 180 миллионовъ франковъ, т. е. прибыль увеличилась въ итогѣ на 245 миллионовъ. А къ заработной платѣ—если не имѣть въ виду, что число работниковъ увеличилось на 14,000—приросло только 17 миллионовъ франковъ.

Итакъ, мы считаемъ доказаннымъ, что въ заработной платѣ работникъ получаетъ все менышую долю продуктовъ своего труда.

III.

Разъ познана основная причина общественнаго явленія, можно найти способы устранить его или смягчить влияніе, которое оно оказываетъ. Дабы отыскать средства исцѣленія, необходимо разсматривать кризисы съ двухъ точекъ зрѣнія: какъ совокупность явленій, которыхъ выражаются въ избыточномъ производствѣ товаровъ и затрудненіяхъ къ ихъ сбыту, и какъ рядъ материальныхъ лишеній и нравственныхъ страданій, которая становятся удѣломъ многихъ членовъ общества. Эти двѣ точки зрѣнія тѣмъ легче могутъ быть раздѣлены, что каждый кризисъ въ своемъ развитіи послѣдовательно проходитъ оба периода: переполненіе рынка товарами и — уже позднѣе — периодъ лишеній, которая онъ причиняетъ бѣднѣйшимъ классамъ.

Если бы кризисъ ограничивался первымъ періодомъ, то, не причиняя лишеній кому-либо изъ членовъ общества, онъ, съ точки зрѣнія благополучія людей, былъ бы явленіемъ безраз-

личнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, какая бѣда отъ того, что въ скла-
дахъ накопился миллионъ лишнихъ аршинъ сукна, миткаля,
пудъ хлопка или желѣза, если промышленники не становятся
несостоительными должниками, а работники получаютъ плату
въ неуменьшеннѣхъ размѣрахъ. Кризисъ, по скольку онъ вы-
ражается только въ этихъ явленіяхъ, будетъ возможенъ всегда:
нѣтъ такихъ условій вѣнчаній природы, такой высоты знаній,
такого общественнаго порядка, при которыхъ можно было бы
избѣгнуть чрезмѣрного производства товаровъ. Представимъ
себѣ какую-либо изъ странъ Европы достигшую чрезвычайной
высоты знаній и замѣнившую право частной собственности на
землю и капиталъ правомъ собственности государственной.
Чрезмѣрное производство возможно и при такомъ порядкѣ:
обильная жатва, крупное техническое изобрѣтеніе, которое,
дѣлаясь сразу общественнымъ достояніемъ, не позволяло бы
тотчасъ же опредѣлить размѣры, въ какихъ должно быть умень-
шено приложеніе труда въ данной отрасли — все это вело бы
къ излишнему производству. А такъ какъ кризисы въ этихъ
предѣлахъ не причиняютъ кому-либо крупныхъ неудобствъ,
то все стараніе должно быть направлено на ограниченіе кри-
зиса именно этими явленіями. Достиженіе цѣли сочетается
только съ государственной собственностью на орудія произ-
водства.

Можно теряться въ догадкахъ о частностихъ этого обще-
ственнаго строя, но не можетъ быть сомнѣнія относительно
основаній, на которыхъ, при господствѣ такого порядка, будетъ
покоиться производство цѣнностей и ихъ распределеніе. Нера-
венство вознагражденія за отдѣльные виды труда будетъ удер-
жано — равное вознагражденіе требуетъ столь высокаго уровня
нравственныхъ качествъ, что можетъ быть достигнуто развѣ
въ безконечно далекомъ будущемъ, стоящемъ за предѣлами
самой крайней прозорливости, — но, по размѣрамъ доходовъ,
не можетъ бытъ рѣзкихъ различій между богатѣйшими людьми
и бѣдѣйшими. Большая равномѣрность не только позволитъ
всѣмъ имѣть необходимое и удобства жизни, но и будетъ изъ
года въ годъ оставлять въ распоряженіи общественной власти
крупныя доли доходовъ для поддержанія членовъ тѣхъ про-
мышленныхъ группъ, которые испытываютъ невыгоды вслѣд-
ствие чрезмѣрного производства. Положимъ, что склады зава-
лены миткалемъ. Естественнымъ исцѣленіемъ отъ этого излишка
будетъ съуженіе хлопчато-бумажной промышленности въ тече-
ніе 1—2 лѣтъ, пока потребленіе не поглотить сдѣланныхъ за-
пасовъ. Разъ сокращеніе стало необходимо, то нѣкоторые изъ
участниковъ должны вовсе прекратить работу или же всѣ
должны работать меньшее число часовъ; съ уменьшеніемъ ко-
личества труда для многихъ участниковъ въ производствѣ бу-

деть связано и уменьшеннное вознаграждение. Очень вероятно, что многие, при уменьшенной платѣ, не будутъ въ состояніи удовлетворять свои потребности въ привычныхъ размѣрахъ. Тогда-то государство, приходи со своими запасными фондами на помощь этимъ людямъ, будетъ поддерживать ихъ до тѣхъ поръ, пока поглощеніе накопленныхъ продуктовъ не позволить расширить производство и привлечь къ нему большее число работниковъ. Существование запасного государственного фонда и будетъ ограничивать кризисы только накопленіемъ излишнихъ запасовъ безъ ущерба для кого-либо изъ членовъ общества. При такомъ порядкѣ и первый періодъ въ развитіи кризисовъ будетъ поставленъ въ очень тѣсные предѣлы. Введеніе новыхъ машинъ и усовершенствованіе приемовъ производства должны служить выгодамъ всего человѣчества двумя сторонами: 1) удешевлять продукты, болѣе полно удовлетворять потребности и 2) уменьшать материальный трудъ человѣка. Первая цѣль до известной степени достигается и при современномъ порядкѣ: товары становятся дешевле и доступнѣе для болѣе широкихъ круговъ населенія. Вторая же цѣль почти не достигается: не даромъ Дж. Ст. Милль, основываясь на исторіи английской промышленности, выразилъ сомнѣніе, чтобы машины облегчили трудъ хотя одного человѣческаго существа. Лицомъ къ лицу съ ростомъ производительности труда стоятъ капиталисты и работники. Послѣдніе заинтересованы въ томъ чтобы каждое улучшеніе процессовъ производства облегчало ихъ трудъ; первые же видятъ въ этихъ усовершенствованіяхъ новый источникъ прибыли. Борьба, возникающая между сторонами, оканчивается въ пользу сильнѣйшей тѣмъ, что увеличеніе производительности труда въ 2, 5, 10 разъ не ведетъ къ уменьшенію количества работы въ такой же пропорціи. Фабрічные законы дѣлаютъ еще очень мало для уменьшения количества труда согласно съ ростомъ его производительности. Можно предвидѣть, что въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи фабрічное законодательство будетъ ограничивать рабочій день мужчинъ 8 часами въ сутки. Позднѣе на очередь будетъ поставлено сокращеніе рабочаго дня до 7 и даже 6 часовъ¹¹⁾). Но это станетъ возможно только съ переходомъ орудій производства въ собственность государства. Интересы капиталистовъ, усматривающихъ въ каждомъ усовершенствованіи орудій новый источникъ прибыли, перейдутъ къ государству; тогда оно, т.-е. всѣ граждане, будутъ заинтересованы въ изготавленіи наибольшей массы материальныхъ цѣнностей. А при этомъ будетъ выступать въ яркомъ освѣщеніи и другая цѣль — сокращеніе того труда, который, по механичности своихъ операций, не дѣйствуетъ развивающимъ образомъ на духъ работника и не способствуетъ многостороннему упражненію его тѣла. Вотъ почему каждое

крупное техническое изобрѣтеніе будетъ связано не только съ умноженіемъ количества продуктовъ, но и съ сокращеніемъ труда; оно будетъ равномѣрно охватывать всѣхъ участниковъ въ данной отрасли производства и смягчать несоответствіе между потребностями и массой производимыхъ предметовъ.

И въ современномъ обществѣ есть средства, которыя могутъ смягчать бѣдствія, причиняемыя кризисами.

1) Необходимо широкое развитіе экономической статистики: она позволяетъ съ наибольшою точностью опредѣлять размѣры потребленія важнѣйшихъ и даже второстепенныхъ товаровъ и вычислять приростъ, который нуженъ каждой отрасли производства въ связи съ возрастаніемъ населенія. Быстрая обработка и опубликованіе всѣхъ этихъ данныхъ не помѣшили бы предпринимателямъ расширять обороты сверхъ мѣры, но дали бы въ распоряженіе каждого промышленника и торговца запасъ точныхъ свѣдѣній; ими руководствовались бы, по крайней мѣре, нѣкоторые члены этого класса.

2) Страхованіе отъ безработицы. Мы говорили о немъ довольно подробно въ шестой главѣ втораго отдѣла этой книги.

3) Установленіе низшаго размѣра заработной платы не имѣть прямаго влиянія на смягченіе участія людей, пострадавшихъ отъ кризиса: законъ, способствуя установлению низшаго уровня платы въ разныхъ занятіяхъ, не можетъ обязать предпринимателей занимать опредѣленное число работниковъ. И при такомъ порядкѣ кризисъ будетъ оставлять многихъ безъ занятія и средствъ къ жизни. Однако, установление низшаго размѣра платы могло бы вносить нѣкоторыя перемѣны къ лучшему въ бытъ рабочихъ классовъ, позволяло бы имъ увеличивать сбереженія. Дѣлалъ болѣе стойкою, по крайней мѣре, часть пролетариата, эта мѣра была бы способна косвенно влиять на смягченіе кризисовъ.

4) Синдикаты обостряютъ кризисы, такъ какъ имѣютъ наклонность и возможность препятствовать повышенію заработной платы и пониженію цѣнъ соразмѣрно съ ростомъ производительности труда. А потому, вполнѣ цѣлесообразенъ высокий налогъ на доходы отъ предпріятій, принадлежащихъ синдикатамъ¹⁵⁾, и затрата суммы этого налога на поддержаніе работниковъ, которые потерпѣли отъ кризиса. Увеличеніе фонда страховыхъ кассъ поступлѣніями отъ этого налога приводило бы жертвы, возлагаемыя на синдикаты, въ прямую связь съ кризисами.

5) Переселенческая политика въ широкихъ размѣрахъ: создание новыхъ хозяйственныхъ единицъ въ пустующихъ или рѣдко населенныхъ областяхъ государства.

Ежегодное переселеніе значительныхъ массъ имѣло бы могущественное влияніе на все народное хозяйство, а въ частно-

ети на кризисы. При правильномъ веденії дѣла, вся эта масса могла бы достигнуть благосостоянія, неизбѣстнаго ей на родинѣ. Переселеніе было бы процессомъ, отвлекающимъ съ рынка излишня рабочія руки и поддерживающимъ равновѣсіе между спросомъ на трудъ и его предложеніемъ. Представимъ себѣ, что наступило условіе, побуждающее къ расширенію предприятій и что усиленный запросъ на товары можетъ быть удовлетворенъ небольшимъ расширеніемъ производства. Теперь наличность большой запасной рабочей арміи позволяетъ увеличивать производство гораздо дальше дѣйствительного запроса; уменьшеніе же свободной арміи будетъ препятствовать столь быстрому рисширенію производства. Положимъ, что сдѣлаво крупное промышленное изобрѣтеніе. По закону соотношенія между ростомъ производительности труда и распределеніемъ общественного дохода, наступитъ относительно большее увеличеніе ренты и прибыли, нежели заработной платы. Безъ переселенія это вліяніе коснулось бы, напримѣръ, 30-ти миллионовъ людей, а при широко организованныхъ переселеніяхъ оно коснется только 20. Но является, повидимому, другая опасность. Занявъ плодородныя земли, переселенцы произведутъ такую массу хлѣба и другихъ продуктовъ, что значительная часть ихъ не найдеть сбыта на рынкѣ. Удовлетворяя вѣкъ связи съ рынкомъ $\frac{3}{4}$ или $\frac{4}{5}$ своихъ потребностей, они легче перенесутъ это затрудненіе, чѣмъ фабричные работники; однако, избытокъ земледѣльческихъ продуктовъ, по временамъ замѣчаемый и теперь, станетъ еще болѣе ощутителенъ и будетъ способствовать обостренію сельско-хозяйственнаго кризиса.

Это—опасность только кажущаяся. Когда отыскиваютъ средства къ устраненію, напримѣръ, въ Россіи сельско-хозяйственнаго кризиса, то имѣютъ въ виду отпускъ нашего хлѣба за границу, сѣтуютъ на недостаточность вывоза и совершенно забываютъ о первоклассномъ значеніи внутреннію рынка. Мы утверждаемъ, что если бы покупательныя силы многомилліоннаго русскаго народа были хотя на $\frac{1}{10}$ выше нынѣшняго уровня, то обнаружился бы не избытокъ, а чрезвычайный недостатокъ въ продуктахъ, производимыхъ земледѣльческимъ трудомъ. Обратимся къ такому приблизительному разсчету. Изъ 25-ти миллионовъ семей, составляющихъ русскій народъ, едва ли $2\frac{1}{2}$ миллиона настолько удовлетворяютъ свои потребности въ пищѣ, что можно не желать ея улучшенія. Остальная $\frac{3}{10}$ питаются гораздо хуже того, что было бы необходимо для поддержанія здоровья населения. Пусть каждая семья хотя немного увеличитъ свое потребленіе мяса, молока, сахару, пшеничнаго хлѣба; пусть каждая увеличитъ расходъ на пищу только 25-ю рублями въ годъ, — и внутренній рынокъ потребуетъ отъ сельского хозяйства продуктовъ на 550 миллионовъ больше сравнительно

съ массой, которую онъ теперь поглощаетъ. Возьмемъ для примѣра мясо; его потребление составляетъ въ Россіи 48 фунтовъ въ годъ на 1 жителя. Для того, чтобы Россія сравнялась съ Франціей (мы уже не говоримъ объ Англіи или Соединенныхъ Штатахъ), съ ея 74 фунтами на душу, она должна произвести ежегодно $94\frac{1}{4}$ миллиона пудъ сверхъ массы, производимой нынѣ (145.000,0 душъ \times на 26 фунтовъ), т.-е. при цѣнѣ 1 пуда мяса только въ $2\frac{1}{2}$ рубля, на сумму слишкомъ въ $235\frac{1}{2}$ миллиона. Какие же получимъ результаты, если примемъ въ разсчетъ и другія потребности и поставимъ цѣлью удовлетвореніе ихъ въ объемѣ англичанъ или сѣверо-американцевъ? Переселеніе увеличить массу сельско-хозяйственныхъ продуктовъ; но, поднимая покупательную силу внутренняго рынка, оно въ высокой степени увеличитъ и потребленіе. А потому оно послужитъ наиболѣе надежнымъ средствомъ для уравненія производства товаровъ съ запросомъ потребителей.

ПРИМѢЧАНІЯ КО ВТОРОЙ ГЛАВѢ.

1) Насколько развилась международная торговля, можно видѣть уже изъ того, какъ возрасла она въ отдельныхъ странахъ: изъ Англіи стоимость ввезенныхъ и вывезенныхъ товаровъ составляла въ 1801 г. до 40 милл. фунтовъ стерлинговъ, а въ 1906—до 1069 миллиновъ, увеличившись почти въ 27 разъ.

2) См. по этому вопросу интересную статью *Нейманн-Спальта*: „Перемѣщеніе центра тяжести всемирного хозяйства“ („Юридич. Вѣстникъ“ 1886, IX).

3) *Rogers. Six centuries of work and wages.* 1884, 172 и далѣе, 522—39.

4) *Reitzenstein и Nasse. Agrarische Zustände in Frankreich und England.* 1884, 160.

5) *Rogers.* т.-ж., 186.

6) *Mulhall* назв. соч., 133. *Giffen. Progress of the working classes in the last half century.* Journ. of the Statistic. Society, 1886, 28—91.

7) Cp. *Wolf. Kritische Würdigung des Socialismus.* 1892. *Schmoller. Was verstehen wir unter dem Mittelstand?* 1898. *Böhmer. Die Vertheilung des Einkommens in Preussen u. Sachsen.* 1898. *Bernstein. Die Voraussetzungen des Socialismus.* 1899. *Nitschke. Einkommen u. Vermögen in Preussen.* 1902.

8) Статья *Giffen'a* въ Journ. of the Statist. Soc. 1883, 618 и дал.

9) *Goschen. The increase of moderate incomes.* Journal of the Statistic. Society, 1887. Dezember.

10) *Neumann-Spallart.* т.-ж., 12 и дал.

11) *Соколовскій.* Экономический бытъ земледѣльч. населения Россіи. 1878, 27—9.

12) *Семевскій.* Крестьяне при Екатеринѣ II. 1881, 474—81. *Инженер.* Фабрич. бытъ московск. губ. 1884.

13) *Sauerbeck. On Prices of Commodities and the Precious Metals.* Journ. of the Royal Statist. Society, 1886—93—1902.

14) Тѣмъ, которые возразятъ, что такое уменьшеніе материальной работы затруднитъ удовлетвореніе всѣхъ потребностей общества, мы совѣтуемъ прочесть интересную книгу *Герихи* (*Hertzka. Die Gesetze der Sozialen Entwicklung.* 1886, стр. 57—60). Онъ вычисляетъ, что въ Австріи, если бы

промышленность усвоила технику, господствующую въ Соединенныхъ Штатахъ, изъ всего мужского населения въ рабочемъ возрастѣ отъ 15 до 50 лѣтъ, 20% производили бы всю массу цѣнностей, которая теперь производится. Книги Лоша (*Losch. Nationale Produktion u. nationale Berufsgliederung.* 1892) и Атлантикуса (*Atlanticus'a Production u. Consum im Socialstaat* 1899) содержатъ по этому вопросу много поучительныхъ данныхъ.

15) Май (*May. Das Grundgesetz der Wirtschaftskrisen*), сходясь со мной въ объясненіи причинъ хроническихъ кризисовъ, предлагаетъ законодательное ограничение прибыли синдикатныхъ предприятий; оно выскаживается за норму въ 7%. Принципиально, эта мысль вѣрна. Но есть два соображенія, въ силу которыхъ я нахожу предпочтительнымъ привлеченіе ихъ къ высшимъ окладамъ прогрессивного подоходного налога: 1) Ограничение прибыли только синдикатныхъ предприятий выдвигало бы требование, что слѣдуетъ распространить эту мѣру на предприятия и другихъ формъ, многоличныхъ и даже принадлежащія отдельнымъ хозяевамъ, а характеръ силь, которыхъ направляютъ законодательную работу въ современныхъ государствахъ, не позволяетъ разсчитывать на проведеніе такой мѣры. 2) Ограничение прибыли только для предприятий синдикатовъ вызвало бы въ этихъ союзахъ острое влечение обойти законъ, сохранить существо дѣла, но облечь его въ такую форму, чтобы признаки синдиката были затѣнены. Уменьшеніе же прибыли посредствомъ высокаго налога уже потому не можетъ вызывать такое сильное желаніе скрыть синдикатную форму, что есть надежда облегчить въ недалекомъ будущемъ бремя налога усовершенствованіемъ техники.

ОТДѢЛЪ ШЕСТОЙ. НАСЕЛЕНИЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Населеніе и средства продовольствія.

Литература. *Мальтусъ.* Опытъ о законѣ народонаселенія. 2 т. 1808. *Милль.* Основанія. *Boscher.* System, I. *Schönberg.* Handbuch, I. *Wagner.* Grundlagen, II. *Marshall.* Principles of economics. 1891. *Lange.* Arbeiterfrage. 1875 и въ рус. переводѣ. *Kautsky.* Der Einfluss der Volksvermehrung auf den Fortschritt der Gesellschaft. 1880. Ср. также *Жуковскаго.* Вопросъ народонаселенія. *Vestni. Epr.* 1871, I. Назъ сочиненій малютузіанцевъ назовемъ: The elements of social science or physical, sexual and natural religion. By a doctor of medicine. 1854 и ноздн. изд. *Drysdale.* The population question according to Malthus and Mill. 1873. *Annie Besant.* The law of population. 1878. *Eto же.* Marriage. 1884. *Stille.* Der Neo-Malthusianismus, das Heilmittel des Pauperismus. 1880. *Eto же.* Die Bevölkerungsfrage in alter u. neuer Zeit. 1889. Ср. также *Ильинъ.* Возрожденіе Малютузіанства въ современной Европѣ. Очерки и изслѣдованія. 1884, I. Ильинъ противникъ Малютуса *Godwin.* An inquiry concerning political justice, 3 ed. 1797. *Sadler.* The law of population. 2 v. 1830. *Fourier.* Le nouveau monde industriel. *Engels.* Unrisse einer Kritik der Nationalökonomie. Deutschfranzös. Jahrbüch. 1884: I и 2. *Марксъ.* Капиталь. Ср. также *Platter.* Karl Marx u. Malthus. Jahrbüch. für Natiion. Oek. u. Statistik. 1877. *Sötbeer.* Die Stellung der Socialisten zu der Malthusschen Bevölkerungslehre. 1886. *Proudhon.* Système des contradictions économiques. 2 vol. 1846. *Бэръ.* Руководство къ соціальн. наукѣ. *Spencer.* Theory of population, deducted from the general law of animal fertility. 1852. *Eto же.* Principles of biology. *Van der Smissen.* La population. 1898. *Nitti.* La population et le système social. 1897. *Fircks.* Bevölkerungslehre u. Bevölkerungspolitik. 1898. *Fahlbeck.* La décadence et la chute des peuples. 1905. Даълѣйтія указания на литературу вопроса можно найти въ Grundlagen II Wagner'a, а также очеркѣ Elster'a: Bevölkerungslehre u. Bevölkerungspolitik въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften, II. Обширный материалъ даеть литература по статистикѣ населенія, особенно труды: *Quetelet.* Sur l'homme. *Wappaus.* Bevölkerungsstatistik. *Oettingen.* Moralstatistik. *Янсонъ.* Сравнительная статистика населенія. 1893. Ср. также *Hansen.* Ein Versuch, die Ursachen für das Blühen u. Altern der Völker nachzuweisen. 1889. *Бертильонъ.* Статистика движенья населенія Франціи. 1889. Ноиціїя переписи даютъ сырой, но хорошо систематизированный материалъ.

Еще въ раннюю пору развитія экономической мысли наука и политика были проникнуты убѣжденіемъ, что законы, которымъ подчиняется размноженіе людей, содержать условія для

возрастанія народнаго богатства. При рѣдкомъ населеніи, сопутствующемъ низкой гражданственности, сношенія между людьми неоживлены, сотрудничество мало развито, и хозяйственная жизнь подвигается впередъ крайне медленно. Уже въ эту пору, даже при слабой наблюдательности, можно подмѣтить рѣзкое различіе между деревнею и городомъ. Сконченіе людей въ городахъ ведеть къ успѣхамъ промышленности, къ развитію торговыхъ оборотовъ, умноженію богатства; городъ служить исконні родиной промышленныхъ изобрѣтеній и быстрого наростанія удобствъ материальной жизни. Деревня отличается малою подвижностью: вновь нарождающіяся поколѣнія медленно прибавляютъ свой вкладъ къ тому, что унаследовано ими отъ отцовъ и дѣдовъ. Ученый и политикъ подмѣчаютъ эти различія и сводятъ ихъ къ истинной причинѣ — разницѣ въ плотности населенія. А потому, при начертаніи мѣропріятій, содѣйствующихъ росту народнаго богатства, на первое мѣсто выдвигаютъ всѣ средства, которыя усиливаютъ размноженіе людей. Отъ 16 и 17 вѣковъ, — времени зарожденія научной экономической мысли, — мы находимъ рядъ писателей, посвящавшихъ много вниманія вопросу о населеніи и, параллельно съ ними, — разнообразныя мѣры, которыми правительство старалось ускорить размноженіе людей.

Англійскій экономистъ 17 вѣка Уилльямъ Петти много говорить въ своей *Политической ариѳметикѣ* о выгодахъ, которыя доставляетъ государству густое населеніе: чѣмъ болѣе плотно населеніе, тѣмъ болѣе производительно ведется хозяйство; раздѣленіе труда можетъ сдѣлать большия успѣхи только при густомъ населеніи; только при этомъ условіи въ странѣ можетъ развиться оживленное соперничество. Подобная же мысли высказываетъ Локкъ. А Уилльямъ Тэмпль въ своихъ *Наблюденіяхъ надъ Нидерландами* приписываетъ высокое экономическое развитіе Голландіи, главнымъ образомъ, тому, что многочисленное населеніе сосредоточивается на небольшомъ пространствѣ. Маршалъ Вобанъ въ своемъ *Проектѣ королевской десятины* говоритъ, что „величие королей измѣряется числомъ ихъ подданныхъ: въ этомъ—ихъ богатство, ихъ сила, ихъ благополучіе... А потому они должны прилагать возможно больше стараний, чтобы сохранять народъ и способствовать его размноженію“. Писатели 18 вѣка, останавливаясь на этомъ вопросѣ, не только говорятъ о желательности наиболѣе быстраго роста населенія, но стараются изслѣдоввать и условія, которыя благопріятствуютъ размноженію людей. Монтескіе, посвятившій этому вопросу особую главу своей книги *Духъ законовъ*, считаетъ содѣйствіе размноженію людей одной изъ важныхъ задачъ правительства. Однако, онъ не забываетъ указать, что запасъ средствъ продовольствія имѣетъ влияніе на ростъ населенія. Прозорливый

умъ французского публициста удерживаетъ его отъ безоговорочного требование, чтобы правительства всегда принимали мѣры, содѣйствующія размноженію людей: если два лица мужскаго и женскаго пола могутъ существовать, говорить Монтескье, то обыкновенно вступаютъ въ бракъ; во многихъ мѣстахъ сама природа благопріятствуетъ размноженію; въ этихъ случаяхъ нѣтъ надобности поощрять ростъ населенія особыми законодательными мѣрами. Ту же мысль проводить и Мирабо въ своей книгѣ *Другъ людей*, которую онъ посвятилъ специальному вопросу о населеніи. Народъ составляетъ, говорить онъ, главное богатство государства. Какими способами можетъ быть пріумножаемо это богатство? Не слѣдуетъ, какъ дѣлаютъ帮忙, приписывать уменьшеніе числа жителей въ европейскихъ государствахъ безбрачію монаховъ, частымъ войнамъ и большому числу солдатъ: упадокъ земледѣлія, говоритъ онъ,— вотъ истинная причина этого явленія. Число жителей сообразуется съ запасомъ средствъ продовольствія.

Правительства 17 и 18 вѣковъ руководились такими же началами въ своихъ мѣропріятіяхъ относительно населенія. Дабы увеличить число рожденій, старались поставить безбрачныхъ въ невыгодныя условія. Занятіе нѣкоторыхъ общественныхъ должностей было предоставлено только женатымъ. Въ нѣкоторыхъ государствахъ колосстики были облагаемы особою податью. Съ тѣмъ вмѣстѣ поощряли заключеніе брака. Въ 1623 году въ Испаніи былъ, изданъ законъ, освобождавшій до 25 лѣтнаго возраста отъ всѣхъ податей тѣхъ лицъ, которымъ вступили въ бракъ между 18-ю и 25-ю годами. Законъ повелѣвалъ также устраивать особая кассы, для надѣленія бѣдныхъ невѣсть приданымъ. Во Франціи законъ 1666 года постановлялъ объ освобожденіи отъ налоговъ до 25-ти лѣтъ всѣхъ, кто вступить въ бракъ на 20 году, а также отцовъ семействъ, имѣющихъ больше 10-ти дѣтей. Сюда же относится сокращеніе траурнаго срока для вдовцовъ и вдовъ: въ 1747 году Фридрихъ II постановилъ, что вдовы могутъ вступать въ бракъ чрезъ 9 мѣсяцевъ послѣ смерти мужа, а вдовцы—черезъ 3 мѣсяца послѣ смерти жены. Правительства поощряли законодательными мѣрами и плодовитость браковъ. Упомянутый нами испанскій законъ даруетъ полную свободу отъ податей тѣмъ семьямъ, въ которыхъ есть на-лицо шестеро дѣтей мужскаго пола. Приведенный французскій законъ освобождалъ отъ налоговъ тѣхъ плательщиковъ *taille*, которые имѣли въ живыхъ не менѣе 10 дѣтей, если никто изъ послѣднихъ не поступилъ въ священники или монахи. Дворянѣ же, имѣвшіе 10 или 12 дѣтей въ живыхъ, если никто изъ нихъ не поступилъ въ духовное званіе, получали пенсию по 1,000 или 2,000 ливровъ въ годъ. Сюда же должно быть отнесено и снисходительное отношеніе ко вѣ-брачной берег-

менности. Фридрихъ II, сознавая, что главной причиной убийства незаконныхъ дѣтей служить стыдъ, связанный съ наказаниемъ за внѣбрачную связь, постановилъ отмѣнить церковное наказаніе для лицъ, совершившихъ любодѣяніе; а въ 1765 году онъ запретилъ, подъ страхомъ наказанія, упрекать женщінъ за любодѣяніе.

Стараясь способствовать этими мѣрами росту населенія, правительства привлекали къ себѣ разнообразными льготами переселенцевъ изъ-за границы. Въ 17 и 18 вѣкахъ всѣ европейскія государства держались такой политики. Отмѣтили поощрительные мѣры, которыми Фридрихъ II привлекалъ переселенцевъ въ Пруссію. Иностранные мастера принимались безвозмездно въ прусскіе цехи; торговцы, художники, промышленники, пріѣхавшіе въ Пруссію изъ-за границы, освобождались на 3 года отъ всѣхъ податей и повинностей. Многимъ переселенцамъ уступались безвозмездно участки земли, давались ссуды, строительные материалы и денежная пособія. Съ начала 18 вѣка русское правительство стало поощрять переселенія иностранцевъ, особенно земледѣльцевъ. При Петрѣ I, Елизавѣтѣ и Екатеринѣ II иностранцамъ—земледѣльцамъ—колонистамъ—отводились на окраинахъ земли для поселенія. Маніфестъ 22 юля 1763 года объединилъ отдѣльныя мѣропріятія. Онъ создалъ особое учрежденіе для завѣдыванія колоніями, обеспечилъ иностраннымъ колонистамъ свободу вѣроповѣданія, узаконилъ выдачу имъ кормовыхъ денегъ, надѣлилъ каждую семью 30 десятинаами земли, даровать податныя льготы и самоуправление. Тѣми же побужденіями руководствовались европейскія правительства, запрещая выселенія своихъ подданныхъ. Во Франції, по закону 1685 года, купцы, капитаны кораблей и другие судоходзяева наказывались денежною пенею въ 3000 ливровъ, а во второй разъ подвергались тѣлесному наказанію, если прямо или косвенно способствовали выселенію реформаторовъ, которые бѣжали изъ Франціи отъ преслѣдованій правительства. Позднѣе содѣйствие выселенію реформаторовъ наказывалось даже смертною казнью. Въ Австріи съ половины 18 вѣка издается рядъ законовъ, которыми запрещаютъ выдавать заграничные паспорта искуснымъ ремесленникамъ и художникамъ. А въ 1768 году всѣ австрійскіе подданные предостерегались отъ выселенія за границу; консуламъ же, которые приглашали выселяться, угрожали тѣлеснымъ наказаніемъ и даже смертною казнью.

Научная разработка вопроса о населеніи связывается обыкновенно съ именемъ Мальтуса. Было бы, однако, несправедливо умолчать о писателяхъ, которые еще задолго до Мальтуса, не ограничиваясь заявленіями, что народъ образуетъ главное богатство государства и что всѣ условия правительства должны служить къ увеличенію роста населенія, пытались

изучить условия, при которыхъ населеніе возрастаєтъ наиболѣе быстро.

Уже Монтецкіе и Мирабо задавались отчасти этимъ вопросомъ; большее вниманіе посвятилъ ему итальянскій экономистъ Ботеро. Слѣдуетъ указать, говорить онъ въ своей книжѣ *О причинахъ величія и процвѣтанія государства*, на то явленіе, что народъ, размножавшійся въ теченіе иѣкотораго времени довольно быстро, перестаетъ размножаться и даже уменьшается въ числѣ. Не слѣдуетъ приписывать это только войнамъ, эпидеміямъ, ибо такія бѣдствія издревле постигали человѣческій родъ. Истинная причина лежитъ глубже; она должна быть свѣдена на недостатокъ въ средствахъ продовольствія. „Производительной силѣ“ людей противостоитъ сила ихъ продовольствованія. Первая должна быть признана неизмѣнною отъ начала міра: и въ настоящее время люди столь же способны производить потомство, какъ во времена Давида и Моисея. Но продовольственная сила недостаточна, дабы содржать не-прерывно возрастающее населеніе. Ростъ населенія не имѣть бы границъ, и каждое государство было бы переполнено людьми, еслибы недостатокъ въ средствахъ продовольствія не ставилъ преграды размноженію. Венеціанецъ Ортесь изслѣдовалъ вопросъ о населеніи еще болѣе обстоятельно. Онъ исходитъ изъ положенія, что, вслѣдствіе роста населенія, въ странѣ можетъ увеличиваться запасъ полезныхъ веществъ. А число жителей зависитъ отъ производительной силы земли; народъ только тогда обеспеченнъ средствами продовольствія, когда опирается на продовольственную силу своей страны и не пугается въ произведеніяхъ иноземныхъ народовъ. Ортесь изображаетъ ростъ населенія въ геометрической прогрессії: въ теченіе 900 лѣтъ 7 человѣкъ могутъ дать потомство больше $7^{1/2}$ миллиардовъ душъ. Въ мірѣ животныхъ слишкомъ большая способность къ размноженію парализуется силами природы; у людей же разумъ долженъ служить такой противодѣйствующей силой. Когда въ странѣ число жителей приблизилось къ цифре, больше которой земля прокормить не можетъ, то должно пріостановить ростъ населенія; многие должны оставаться безбрачными; состояніе безбрачія столь же полезно и необходимо при подобныхъ условіяхъ, какъ и бракъ. Конечно, въ этомъ случаѣ въ бракъ слѣдуетъ вступить, быть можетъ, только половинѣ людей, способныхъ къ браку; однако, такое ограниченіе необходимо, дабы воспрепятствовать развитію крайней нищеты или порчи правовъ.

У этихъ обоихъ писателей мы находимъ въ зародышѣ учение Мальтуса. Еще больше поработали въ этомъ направленіи многие англійскіе экономисты. Ралей, писатель конца 16 вѣка, проводить въ своихъ сочиненіяхъ мысль о томъ, что земля не

могла бы вмѣстить всѣхъ людей, еслибы отъ времени до времени многія тысячи не погибались войнами и эпидеміями. Голодъ, болѣзни и мечь уничтожаютъ большое число людей. Многіе воздерживаются отъ вступленія въ бракъ изъ боязни, что не будутъ въ состояніи содержать своихъ дѣтей; иные женятся на старыхъ, но богатыхъ женщинахъ, и радуются, что не имѣютъ потомковъ. Тѣмъ не менѣе, люди размножаются очень быстро и всегда есть искушеніе вести войны. Во многихъ случаяхъ слѣдуетъ признать войны необходимыми: онъ могутъ быть уподоблены ревеню, который удаляетъ желчъ изъ тѣла¹). Чайльдъ, писатель конца 17 вѣка, освѣтилъ вопросъ еще ярче. Въ своей книгѣ *Новое разсужденіе о торговлѣ*, Чайльдъ ставитъ въ зависимость отъ густаго населенія развитіе торговли данного народа и высоту культуры: чѣмъ болѣе населена страна, тѣмъ она богаче. Но онъ сознаетъ, что размноженіе людей имѣеть свои границы и что во многихъ случаяхъ выселеніе изъ страны даже желательно. Великобританія, говорить онъ, не ослабѣла отъ того, что изъ нея выселилось много людей; на родинѣ большая часть изъ нихъ погибла бы отъ голода. Наше народо-населеніе, замѣчаетъ Чайльдъ, всегда будетъ соразмѣрно съ количествомъ труда, которое мы можемъ доставить ему; а потому, если въ Англіи есть работа для 100 людей, а вырастаютъ 150, то 50 должны выселиться или погибнуть.

Книга Мальтуза *Опытъ о законахъ народонаселенія* вышла первымъ изданіемъ въ 1798 году. Мальтузъ развилъ слѣдующія положенія.

Подобно растеніямъ и животнымъ, человѣкъ обладаетъ способностью къ безграничному размноженію. Каждая чета имѣеть, и способность, и вложенное въ нее природою влеченіе произвести на свѣтъ нѣсколько партъ; общество можетъ увеличиваться вдвое съ каждымъ поколѣніемъ, т.-е., по крайней мѣрѣ, каждый 25 лѣтъ. Люди и размножались бы въ такой пропорціи, еслибы этому не было препятствія въ недостаточныхъ средствахъ продовольствія. А этотъ недостатокъ проистекаетъ отъ того, что, съ ростомъ культуры, остается все меньший просторъ для увеличенія народного богатства. Люди несомнѣнно размножаются въ геометрической прогрессіи (1, 2, 4, 8, 16); средства же продовольствія увеличиваются никакъ не болѣе, чѣмъ въ прогрессіи ариѳметической (1, 2, 3, 4, 5). Это несоответствіе ведетъ къ тому, что черезъ нѣсколько поколѣній цифры обоихъ рядовъ должны рѣзко разниться другъ отъ друга. Мы не наблюдаемъ этого потому, что естественное возрастаніе населенія постепенно наталкивается на преграды, размноженіе людей всегда или искусственно, или насильственно низводится къ уровню средствъ продовольствія. Препятствія могутъ быть сведены къ двумъ классамъ: пресѣкающія дѣйствія са-

мой природы или безнравственные поступки людей съ одной стороны и предусмотрительность и осторожность человѣка съ другой. Природа задерживаетъ чрезмѣрно быстрое возрастаніе населенія посредствомъ повальныхъ болѣзней и смерти отъ голода. Войны, уничтоженіе дѣтей, стариковъ, противоестественные пороки, проституція — вотъ дѣйствія людей, которые ставятъ преграды слишкомъ быстрому размноженію въ цивилизованныхъ обществахъ и еще болѣе у дикихъ народовъ. Разумными предупредительными мѣрами служать воздержаніе отъ слишкомъ раннаго вступленія въ бракъ, воздержаніе отъ внѣбрачныхъ половыхъ сношеній, воспроизведеніе въ бракѣ лишь такого числа дѣтей, какое соотвѣтствуетъ имущественнымъ средствамъ родителей. Результаты изслѣдованія Мальтуса выражаются въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) число людей необходимо ограничивается запасомъ средствъ продовольствія; 2) число людей необходимо увеличивается, какъ скоро возрастаетъ запасъ средствъ продовольствія; 3) преграды, которые парализуютъ производительную силу человѣческаго рода и заставляютъ ее приоравливаться къ существующимъ средствамъ продовольствія, могутъ быть сведены къ нравственному воздержанію, пороку и нищетѣ. Мальтусъ подкрѣпляетъ эти положенія многочисленными примѣрами изъ исторіи древнихъ и новыхъ народовъ. Въ послѣднихъ главахъ книги Мальтусъ дѣлаетъ практическіе выводы. Онъ признаетъ безполезными или даже вредными всѣ мѣры, которыя иринимають государство, дабы содѣйствовать росту населенія. Особенно вредны законы о бѣдныхъ, упорядочивающіе общественное призрѣніе: они слагаютъ съ бѣдниковъ обязанность заботиться о потомствѣ и цѣлкомъ переносятъ на общество это бремя; все это обостряетъ нужду, а отнюдь не устраняетъ ея. Сама природа позаботилась о достаточномъ населеніи, соотвѣтствующемъ запасу средствъ продовольствія. Государству предстоитъ только благоразумными мѣрами удерживать отъ слишкомъ легко-мысленного заключенія брака, отмѣнить общественное призрѣніе и предоставить попеченіе о нуждающихся исключительно частной благотворительности. Главнымъ же средствомъ противодѣйствія легкомысленнымъ бракамъ служить распространеніе здравыхъ принциповъ въ массѣ населенія. Вотъ слова Мальтуса. „Если защищаемые мною принципы ошибочны, то я желаю отъ всей души, чтобы они были решительно опровергнуты; но если они вѣрны, то, по огромному значенію ихъ для благо-денствія человѣческихъ обществъ, невозможно, чтобы они когда-нибудь не пробились на свѣтъ, и не разлились всюду, встрѣтять ли они или не встрѣтить содѣйствіе для своего распространенія. Что касается до вліянія ихъ на высшіе и средніе классы, то, я надѣюсь, они направятъ по вѣрнѣйшему пути ихъ

усилія къ облегченію положенія бѣднаго, и укажутъ имъ что они въ состояніи сдѣлать въ этомъ отношеніи, и что находится въ ихъ власти; они убѣдять ихъ, что можно сдѣлать много добра распространеніемъ здравыхъ понятій и прочнаго образованія, поощреніемъ и вызовомъ привычекъ къ опрятности, случайными и разборчивыми вспомоществованіемъ, словомъ, всѣми благотворительными мѣрами, поддерживающими предупредительныя препятствія; но безъ этого послѣдняго условія, всякая польза, на какую они надѣются, будетъ мечтательна, а всѣ ихъ усиленія окажутся безплодными. Вообразить, что въ государствѣ старомъ и густонаселенномъ можно оказать такое пособіе, чтобы они могли вступать въ бракъ, когда имъ вздумается, и воспитывать многочисленное семейство, есть дѣло физически невозможное. Знакомство съ этими истинами удержитъ богатыхъ людей отъ разрушенія благодѣтельныхъ результатовъ собственныхъ усилий и отъ направленія своей дѣятельности къ безусловно недоступной цѣли: а потому, оно сосредоточить все ихъ вниманіе на предметахъ, согласныхъ съ ихъ благими желаніями, и дастъ имъ возможность принести больше пользы. Всеобщее распространеніе тѣхъ же истинъ между бѣдными окажетъ еще болѣе благотворное вліяніе. *Главная непрерывная причина бѣдности мало или вовсе не зависитъ отъ образа правления, или отъ неравнолѣтнаго распределенія имущества, — богатые не въ силахъ доставить бѣднымъ работу и пропитаніе; — поэтому бѣдные, по самой сущности вещей, не имѣютъ права требовать отъ нихъ работы и пропитанія; вогь какія важныя истины вытекаютъ изъ закона народонаселенія. Ясно изложенный законъ этотъ доступенъ самому слабому пониманію. Но очевидно, что между низшими классами народа всякий, разъ убѣдившійся въ этихъ истинахъ, выказалъ бы больше терпѣнія въ перенесеніи тягостнаго положенія, въ которомъ онъ можетъ очутиться. Бѣдность не вызывала бы въ немъ такого негодованія и злобы противъ правительства и высшихъ классовъ. Мы не встрѣчали бы въ немъ постоянную готовность къ неповиновѣнію и мятежу. Въ случаѣ вспомоществованія, со стороны ли общественнаго учрежденія, или со стороны частной благотворительности, онъ чувствовалъ бы больше признательности и лучшіе цѣніиъ бы его“²⁾.*

Ученіе Мальтуса нашло очень много послѣдователей среди экономистовъ. Оно не осталось безъ вліянія и на законодательство. Въ Англіи реформа законодательства о бѣдныхъ, проведенная въ 1834 году, была во многихъ отношеніяхъ выполнена согласно съ указаніями Мальтуса. Во многихъ государствахъ средней и южной Германіи были не только отмѣнены мѣры, которыми законъ поощрялъ вступленіе въ бракъ и размноженіе, но стали на прямое противоположную

точку зрѣнія. Съ 20-хъ годовъ 19 столѣтія отъ вступающихъ въ бракъ начали требовать достиженія известнаго возраста, доказательства владѣнія нѣкоторымъ имуществомъ или источникомъ опредѣленнаго заработка. Уменьшеннѣе числа браковъ и возрастшее число незаконныхъ рожденій — таковы были ближайшія слѣдствія этихъ мѣропріятій.

Въ 70-хъ годахъ прошлого вѣка въ Англіи началось усиленное движеніе, которое принято называть ново-мальтузіанскимъ. Основанная въ Лондонѣ мальтузіанская лига имѣетъ свой печатный органъ, энергически проповѣдуетъ ученіе Мальтуза и стремится полно и всесторонне обсуждать вопросъ о населеніи. Вѣроятно, первая завѣтамъ Мальтуза, лига настойчиво проводить ту мысль, что хотя безбрачное состояніе способствуетъ распутству, а рание вступленіе въ бракъ охраняетъ чистоту нравовъ, однако, какъ мужчины, такъ и женщины должны твердо помнить, что они совершаютъ тяжкое преступленіе, если производить на свѣтъ больше дѣтей, нежели могутъ содержать. Но мнѣнію крайнихъ представителей ново-мальтузіанства, есть только одно вѣрное средство для правильнаго решенія вопроса о населеніи: принятие мѣръ, предупреждающихъ зачатіе, т.-е. созданіе искусственной преграды размноженію. Глава крайнихъ ново-мальтузіанцевъ Драйедаль такъ говорилъ на международномъ медицинскомъ конгрессѣ въ Амстердамѣ (въ 1897 году): „безъ этого коренного средства всякия мѣры лишены значенія; все иные средства приносятъ въ жертву половыя наслажденія; было бы иллюзией думать, что люди согласятся на это^{2, 3)}.

Ученіе Мальтуза было встрѣчено враждебно со стороны многихъ писателей.

На него напали богословы, оптимистическому воззрѣнію которыхъ книга Мальтуза представляеть рѣзкій контрастъ. Если Мальтузъ правъ, говорили эти критики, то ошибоченъ весь планъ мірозданія: людямъ повелѣно плодиться, множиться и населять землю, а ученіе Мальтуза во многихъ случаяхъ осуждаетъ бракъ, запрещаетъ бѣдникамъ вступать въ бракъ и дѣлаетъ семейную жизнь привилегіей богатыхъ и т. д.

Критика придирилась къ арифметической и геометрической прогрессіямъ Мальтуза и тѣмъ обнаружила свою слабую сторону — воевать съ мелочами, подробностями ученія и не касаться существа дѣла. Конечно, обѣ прогрессіи не даютъ права установить законъ (и самъ Мальтузъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что далекъ отъ мысли считать прогрессіи точнымъ выражениемъ дѣйствительности). Оцѣнивая прогрессіи, можно признать первую очень близко отражающею дѣйствительность: населеніе возрастаетъ въ нѣкоторыхъ странахъ такъ быстро (особенно въ колоніяхъ), что увеличеніе въ геометрической

прогрессії должно быть признано весьма вѣроятнымъ. Вторая прогрессія — ариеметическая — вызываетъ серьезныя сомнѣнія. Возрастаніе средствъ продовольствія зависитъ отъ дѣйствія причинъ, которые не поддаются и приблизительно точному учету; трудолюбіе человѣка, успѣхи знанія и промышленныхъ искусствъ, открытие новыхъ естественныхъ богатствъ — все это условія, которые не могутъ быть заранѣе опредѣлены сколько-нибудь точно; все это условія, которые въ однихъ случаяхъ позволяютъ средствамъ продовольствія возрастать въ ариеметической прогрессіи, а въ другихъ — гораздо болѣе быстро.

Къ такимъ же результатамъ приводить и охотно поднимаемый споръ о періодѣ удвоенія населенія. Удвоивается ли населеніе, согласно съ мнѣніемъ Мальтуса, въ 25 лѣтъ, если не встрѣчается препятствій, или не такъ быстро, — это не имѣть рѣшающаго значенія для поставленнаго вопроса. Американская и австралийская колоніи представляютъ намъ данные, весьма близкія къ 25-лѣтнему періоду удвоенія. Въ Европѣ мы не находимъ такихъ данныхъ. Однако, такой періодъ удвоенія не представляетъ ничего невозможнаго: 45 рожденій и 17 смертей на 1,000 живущихъ — вотъ приблизительный ритмъ движенія населенія, при которомъ число жителей можетъ удвоиваться каждыя 25 лѣтъ.

Гораздо болѣе вѣски возраженія крупныхъ представителей соціализма, въ особенности, Маркса и Энгельса. Они приводятъ ученіе Мальтуса въ неразрывную связь съ характеромъ современного общественного порядка, съ правомъ частной собственности на орудія производства. Каждый строй производства имѣть, по словамъ Маркса, свой особый, ему одному присущій законъ населенія. Законъ Мальтуса соответствуетъ современному капиталистическому строю. Онъ является абсурдомъ, если бы мы вздумали распространить его на общественный бытъ дикарей или на жизнь кочевній, основанныхъ выходцами изъ культурныхъ странъ. По мнѣнію Маркса, только коренное преобразованіе общественного строя можетъ уничтожить бѣдствія, проптекающія изъ слишкомъ быстрого размноженія людей. Энгельсъ приходитъ въ сильное негодованіе отъ ученія Мальтуса; онъ называетъ его „отвратительной теоріей, клеветой на природу и человѣчество“. Такъ какъ каждый взрослый человѣкъ, по мнѣнію Энгельса, больше производить, чѣмъ потребляетъ, то чрезмѣрное населеніе станетъ невозможно, разъ получитъ господство такой общественный порядокъ, при которомъ будетъ большая равномѣрность въ распределеніи богатствъ. Къ соціалистамъ, которые возстаютъ противъ Мальтуса, нужно отнести и Джорджа. „Я утверждаю, говорить онъ, что при всякомъ состояніи цивилизациіи большее число людей можетъ быть лучше обеспечено, нежели меньшее. Я утверждаю,

что причиною нищеты, которую господствующая теорія приписывает чрезмѣрному населенію, служить несправедливость общества, а не скудость природы. Я утверждаю, что новые рты, которые появляются на свѣтъ съ возрастающимъ населеніемъ, требуютъ не больше пищи, нежели старые, а новыя руки, которых они приносятъ съ собою, производятъ больше . . . Я утверждаю, что въ состояніи равенства размноженіе людей всегда спосабствовало бы тому, чтобы дѣлать каждого богаче, а не бѣднѣе”¹⁾.

Многіе противники Мальтуса исходить изъ соображеній о физиологической природѣ человѣка. Таковъ прежде всего Фурье. Стой фаланстерій, въ которыя онъ хочетъ преобразовать человѣческое общество, будѣтъ такъ воздѣйствовать на физиологическую природу людей, что чрезмѣрное размноженіе станетъ невозможено. Обильная пища въ *Новомъ мірѣ* Фурье, равномѣрное упражненіе всѣхъ частей тѣла, свободныя отношенія между половами—все это будетъ ослаблять производительную силу женщинъ. Однородными соображеніями руководствуется и Кэри при своей полемикѣ съ Мальтусомъ. Обозрѣвая различныя группы въ мірѣ животныхъ, Кэри устанавливаетъ опредѣленное отношеніе между нервной и половой функциями. Мельчайшія насѣкомыя и черви кладутъ ежедневно десятки и сотни тысячъ яицъ, а акула производить очень немного; пресмыкающіяся размножаются умѣренно быстро, а высшія млекопитающія отличаются очень слабою плодовитостью. Воспроизводительная способность человѣка, подобно тому, какъ и многія другія его свойства, не можетъ быть признана постоянной величиной. Если человѣкъ спускается до уровня животнаго, то его воспроизводительная способность можетъ быть искусственно увеличена; но она уменьшается, разъ человѣкъ упражняеть всѣ свои силы. На высокой ступени общественного развитія уменьшается затрата мышечной силы людей, и нужно все меньшее количество пищи, дабы восполнить убыль вещества. Природа помогаетъ человѣку въ этомъ направлениі: жизненная сила людей все болѣе возрастаетъ въ смыслѣ дальнѣйшаго укрѣпленія мыслительной способности и все меньше — въ смыслѣ размноженія. Истинные успѣхи по пути цивилизациіи выражаются въ томъ, что все болѣе увеличивается способность людей производить запасы пищи и уменьшаются запросъ каждого человѣка на пищу и стремленіе къ размноженію.—Ученіе Спенсера о населеніи отличается наибольшою стройностью. Онъ не отрицаєтъ возможности чрезмѣрного населенія для настоящаго времени, но не допускаетъ, чтобы въ будущемъ такое состояніе было продолжительно. Онъ находитъ постоянный антагонизмъ между развитіемъ индивидуума и размноженіемъ. Если, говорить онъ, разумѣть подъ развитіемъ индивида всѣ

процессы, посредствомъ которыхъ совершенствуется личная жизнь, а къ понятію о размноженіи относятъ процессы, которые способствуютъ образованію новыхъ индивидовъ, то не трудно будетъ признать коренную противоположность этихъ процессовъ. При неизмѣнности окружающихъ условій, — климата, пищи, враговъ—высшая степень индивидуального развитія влечетъ за собою низшую степень размноженія рода и наоборотъ: успѣхи въ ростѣ, въ сложности строенія, въ подвижности связаны съ понятіемъ движениемъ въ плодовитости; успѣхи же въ плодовитости совершаются одновременно съ понятіемъ движениемъ въ ростѣ и сложности строенія. Матеріалъ, который необходимъ для развитія личности, не можетъ быть затрачиваемъ на размноженіе; а воспроизводительная дѣятельность уменьшаетъ матеріалъ, который можетъ быть употребленъ на усовершенствованіе личности. Основываясь на этомъ, Спенсеръ устанавливаетъ слѣдующія положенія. Чѣмъ мельче организмы, чѣмъ меньше употребляется матеріала для развитія личности, тѣмъ большою онъ обладаетъ воспроизводительной силой; чѣмъ менѣе сложенъ и менѣе дифференцированъ организмъ, тѣмъ болѣе велика его плодовитость; чѣмъ менѣе подвижно и дѣятельно животное, тѣмъ болѣе оно плодовито. Таковы законы размноженія животныхъ; отсюда Спенсеръ выводить и законы, которыми опредѣляется размноженіе людей. При высокой цивилизациіи можетъ быть добыта пища для большаго числа людей, нежели при низкой. Однако, чѣмъ болѣе возрастаетъ населеніе, тѣмъ большаго напряженія духовныхъ силъ требуетъ борьба за существованіе. Цивилизациія уничтожаетъ многія опасности, которыя грозятъ людямъ: опасность со стороны дикихъ звѣрей, воинственныхъ племенъ; но въ то же время цивилизациія создаетъ другую опасность—недостатокъ въ средствахъ продовольствія. Вслѣдствіе этой опасности все болѣе возрастаетъ потребность въ ловкости и разумности людей; эти качества безостановочно упражняются и возрастаютъ. Приложеніе науки и искусства къ промышленности есть не что иное, какъ затрата большаго количества умственныхъ силъ для удовлетворенія нашихъ потребностей; она въ свою очередь служитъ условіемъ дальнѣйшаго успѣха нашихъ духовныхъ силъ. Нѣть основанія, по мнѣнію Спенсера, думать, что въ будущемъ мышечная сила человѣка возрастетъ; гораздо болѣе вѣроятно дальнѣйшее развитіе духовныхъ способностей. Вслѣдствіе естественного подбора качества наиболѣе выдающихся индивидуумовъ будутъ переходить на потомковъ; нервная система будетъ все больше развиваться, а воспроизводительная сила ослабѣвать. Такой процессъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока каждая пара не будетъ производить больше 2 дѣтей; вѣроятно, въ будущемъ среднее число дѣтей на семью

будеть 2--3. Конечнымъ пунктомъ этого движения будеть наступленіе такого порядка, при которомъ продолжительность жизни будетъ наиболѣе велика, а число рожденій и смертей наименѣе значительно³⁾.

Къ перечисленыемъ противникамъ Мальтуса — всѣ они дѣлаютъ ему возраженія болѣе или менѣе общаго характера, — слѣдуетъ пріобщить Задлера. Онъ нападаетъ на Мальтуса, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія ариѳметической и геометрической прогрессій. Производительная сила земли, по мнѣнію Задлера, почти безгравично велика; трудно составить себѣ даже слабое понятіе о томъ количествѣ средствъ продовольствія, которое она можетъ произвести. Къ этому Задлеръ добавляетъ теорію, которой, впрочемъ, не доказывается, что плодовитость людей ослабѣваетъ по мѣрѣ того, какъ увеличивается населеніе.

Книга Мальтуса вызвала столь обширную литературу, что заняло бы слишкомъ много мѣста ознакомленіе со всѣми оттѣнками мнѣній, которыхъ были высказаны въ защиту его теоріи и въ опроверженіе его доводовъ. Въ массѣ того, что было высказано, наибольшую важность представляютъ выводы, которые опираются на предположеніе о весьма вѣроятныхъ перемѣнахъ въ физиологическихъ особенностяхъ человѣка. Многіе писатели негодуютъ на Мальтуса за его черствое отношеніе къ человѣчеству, за чувство удовлетворенности, которое вызываетъ въ немъ современный порядокъ вещей, за полное воздержаніе отъ критики этого порядка, за готовность примириться съ неравномѣрнымъ распределеніемъ богатствъ и за оправданіе эгоистического начала, которое господствуетъ въ нашемъ обществѣ. Это негодование умѣсто. Слѣдуетъ смягчить его, какъ скоро (такимъ пріемомъ пользуются многіе противники Мальтуса) негодующіе высказываютъ догадку, будто Мальтусъ, созидая свою теорію, руководствовался соображеніями о личныхъ выгодахъ, хотѣль поддѣлаться къ господствующей партии. Все, что намъ известно о жизни Мальтуса, не даетъ права на такое заподозрѣваніе: въ своихъ научныхъ трудахъ онъ руководствовался только стремленіемъ къ наиболѣе яркому освѣщенію изучаемыхъ фактovъ. А потому, ошибки въ его книгѣ должны быть приписаны особенностямъ его мышленія, роду материала, которымъ онъ располагалъ, наконецъ, неумѣнью отрѣшиваться отъ умственныхъ привычекъ, которыхъ укрѣпляли въ немъ условія англійской общественной жизни. Нѣть основанія объяснять эти ошибки своекорыстіемъ, желаніемъ кому-то угодить и другими низкими побужденіями.

Осуждая заподозрѣваніе относительно Мальтуса, мы, однако, вполнѣ одобляемъ нападки, насколько ихъ предметомъ служить недостатокъ критического отношенія къ устоямъ современного общества. Порицая этотъ крупный недостатокъ ума Мальтуса,

названные нами писатели во многомъ способствуютъ освѣщенню вопроса о возможности и впредь обеспечить человѣчество средствами продовольствія. Слѣдуетъ присоединиться къ положенію, что каждый періодъ въ исторіи народного хозяйства имѣть не особы законы размноженія людей, но особы, ему одному свойственный условія, которыя вліяютъ на ростъ населенія. Малая производительность труда среди народовъ, занимающихъ низшія ступени гражданственности, служитъ причиной того, что общественный строй не можетъ обеспечить отъ вымирания не только отдѣльныя семьи или группы семей, но даже цѣлья племена. Въ этомъ періодѣ власть стихійныхъ бѣдствій надъ людьми очень велика; голодъ и болѣзни производятъ опустошенія, о которыхъ нельзя составить себѣ и слабое понятіе по размѣрамъ, какими ограничиваются эти невзгоды въ европейско-американскомъ мірѣ. Современный экономический строй также имѣть своеобразныя условія, которыя могутъ существенно дѣйствовать на ростъ населения. Право частной собственности дало отдѣльнымъ лицамъ господство надъ неограниченно большими массами веществъ, созданныхъ природой. Этому праву соответствуютъ обязанности, налагаемыя государственной властью. Однако, размѣры обязанностей далеко не соответствуютъ объему правъ, которыя доставляютъ человѣку частная собственность. Говоря объ обязанностяхъ, которая налагаетъ на людей право частной собственности, мы имѣемъ въ виду расходы, связанные съ государственнымъ управлениемъ. Для покрытия этихъ расходовъ собираются материальные средства посредствомъ налоговъ. Граждане, владѣющіе большими имуществами, уплачиваютъ, абсолютно, значительныя суммы налоговъ; однако, они составляютъ относительно только небольшую часть крупныхъ имуществъ, 10 и никакъ не выше 15% дохода. Не забудемъ, однако, что очень крупная доля этихъ налоговъ затрачивается на огражденіе имущества: предупрежденіе и наказаніе преступлений противъ собственности, платежи процентовъ по государственнымъ долгамъ или на отрасли управления, которыя, поднимая цѣнность земли и облегчая основаніе промышленныхъ предприятій — пути сообщенія, каналы, пристани, — прежде всего способствуютъ быстрому росту крупныхъ состояній. Припомнить все это, мы скажемъ, что только вебольшая часть податей, облагающихъ имущество и доходы, имѣть общее значеніе и служить къ поднятію благосостоянія многочисленныхъ массъ; такое назначеніе получаютъ какіе-нибудь 5% многотысячныхъ и миллионныхъ доходовъ. Главная же часть доходовъ затрачивается собственниками по произволу, а потому и легко создается избыточное населеніе; оно составляетъ характерную особенность современного хозяйственного быта, а Мальтусъ ошибочно призналъ его закономъ человѣческой природы.

Въ главахъ о заработной платѣ и хозяйственныхъ кризисахъ мы изложили процессъ, посредствомъ котораго производится избыточное населеніе. Государственная власть остается почти равнодушною зрителницей этого процесса и въ самыхъ малыхъ размѣрахъ — они обыкновенно не идутъ дальше опытовъ—пользуется средствами, который замедляютъ теченіе.

1) Законодательству европейско-американскаго мѣра неизвѣстны нормы, которая хотя въ малой мѣрѣ затрудняли бы сосредоточеніе огромныхъ имуществъ въ собственности отдельныхъ лицъ. Напротивъ, удержавшіеся въ нѣкоторыхъ странахъ законы или обычай, надѣляющіе старшихъ въ родѣ особыми, исключительными правами, еще болѣе усиливаютъ процессъ скопленія имуществъ въ собственности немногихъ, т.-е. облегчаютъ движеніе, которое совершается подъ вліяніемъ успѣховъ техники.

2) Съ равнодушнымъ отношеніемъ законодательства къ свободному соперничеству легко уживаются разнообразныя, но мелкія и слабыя поправки, которая, не задерживая этого процесса, только формально заглаживаютъ ущербъ, наносимый слабѣйшимъ членамъ общества: этой цѣли служатъ различныя хозяйственныя и культурныя учрежденія, создаваемыя въ интересахъ бѣдныхъ классовъ. Одни изъ нихъ наполняютъ обширную область общественного призрѣнія: пріюты, богадѣльни, больницы для бѣдѣйшихъ, учебныя и иные заведенія. Другія учрежденія этого рода основываются на хозяйственномъ началѣ, на обмѣнѣ услугъ: дешевыя жилища, столовыя, купальни. Всѣ эти учрежденія доставляютъ нѣкоторыя удобства небольшому числу бѣдныхъ людей, но служить слабыми, почти незамѣтными поправками къ господствующимъ условіямъ хозяйственнаго быта. Можно съ полнымъ правомъ осудить Мальтуза за то, что онъ не обратилъ на условія общественной жизни вниманія, котораго они заслуживаютъ, и не обнаружилъ среди нихъ причинъ, которая затрудняютъ многочисленнымъ массамъ приобрѣтеніе достаточныхъ средствъ продовольствія. Отмѣтимъ здѣсь же одно изъ самыхъ крупныхъ заблужденій въ книгѣ Мальтуза,—нападки на благотворительность и упорно отстаиваемую мысль, будто англійскіе законы обѣ общественномъ призрѣніи ведутъ къ необдуманному вступлению въ бракъ и произведенію потомства, быть можетъ, осужденного увеличивать ряды пролетаріевъ. Мы воздержимся отъ подробной оцѣнки частной благотворительности и системъ общественнаго призрѣнія и спросимъ себя, можетъ ли такой, сравнительно маловажный фактъ, какъ система призрѣнія бѣдныхъ, быть въ однихъ случаяхъ причиной необдуманныхъ браковъ и быстраго размноженія людей, а въ другихъ — поддерживать благоразуміе и препятствовать чрезмѣрному росту населенія? Кандидатамъ на получение пособій отъ приходовъ и общинъ

служать члены бѣдныхъ и наименѣе просвѣщенныхъ классовъ, которымъ часто вовсе незнакомо благоразумное отношеніе къ семейному союзу. Если они, въ случаѣ безработицы, получаютъ вспомоществованіе, предназначеннѣе бѣднымъ, то могутъ разсчитывать лишь на то, что крайне необходимо для поддержанія жизни. Тамъ, где нѣтъ организованнаго общественнаго призрѣнія, эти люди, въ случаѣ безработицы, разсчитываютъ на частную благотворительность, надѣются, что она не дастъ имъ умереть съ голоду. Пока они имѣютъ занятіе, ихъ ободряетъ надежда, что заработка будетъ всегда имъ доступенъ, что имъ никогда не придется страдать отъ недостатка работы. Гдѣ же періодъ въ жизни этихъ людей, когда бы они, чувствуя свою необезпеченность, были настолько лишены надежды улучшить свой бытъ, что были бы готовы воздерживаться отъ заключенія брака? Усвоивъ привычный имъ образъ мыслей, мы должны сказать, что, субъективно, огромное большинство этихъ людей, быть можетъ, всѣ они, не имѣютъ въ своей жизни условій, которыя удерживали бы ихъ отъ легко-мысленного брака. И объективно въ жизни большинства этихъ людей нельзя найти періодъ, когда Мальтусъ и его последователи согласились бы признать заключеніе брака свое временными. Если работникъ достаточно искусенъ въ своемъ специальномъ занятіи, если онъ трезвъ и трудолюбивъ, и тогда онъ не можетъ поручиться, что сохранитъ за собою работу въ теченіе даже ближайшихъ 6 мѣсяцевъ, не говоря уже о болѣе продолжительномъ срокѣ: кризисы, поражая промышленность, не даютъ этой увѣренности; равнымъ образомъ они не позволяютъ предсказать, что работникъ, лишившійся занятія, снова найдетъ его чрезъ столько-то недѣль или мѣсяцевъ. А потому, занятія огромной массы бѣднѣвшихъ людей не представляютъ прочности; слѣдя Мальтусу, никогда нельзя одобрить заключеніе ими брака. Все, сказанное о работникахъ, можетъ быть примѣнено и къ большинству мелкихъ поселеній. Кто владѣеть 1 десятиной земли и производить продукты, составляющіе предметъ международнаго торга, тотъ не можетъ быть увѣренъ даже въ самомъ близкомъ будущемъ: если его хозяйство достигло высокой степени интензивности и десятина даетъ иѣсколько сотъ рублей ежегоднаго дохода, то соперничество виѣропейскихъ странъ можетъ понизить цѣны и на 20—30—50% уменьшить доходы мелкаго землевладѣльца. Если же признать благоразумнымъ со стороны этихъ людей заключеніе брака лишь въ то время, когда они успѣли накопить значительные вклады въ сберегательныхъ кассахъ, то поставимъ ихъ семейную жизнь въ зависимости отъ условія, которое почти неосуществимо: известно, что даже въ странахъ, где сбереженія должно велики, вклады семей бѣднѣвшихъ классовъ выру-

чаютъ въ крайней нуждѣ, но не даютъ постояннаго и прочнаго обеспеченія. Слѣдовательно, большинство жителей любой страны находится въ такихъ условіяхъ, что должно быть удерживаемо отъ заключенія брака.—Можно ли, въ виду всѣхъ этихъ фактъвъ, утверждать, что принудительное организованное общественное призрѣніе способствуетъ легкомысленному основанію семьи? Вѣдь люди, живущіе на общественный счетъ, не представляютъ особаго класса, рѣзко ограниченного отъ бѣднѣшихъ слоевъ даннаго народа. На ряду съ больными и увѣчными, мы находимъ здѣсь также членовъ рабочихъ классовъ, сельскаго, фабричнаго, ремесленнаго; находимъ людей, бывшихъ нѣкогда мелкими поселянами-собственниками или арендаторами; мы находимъ здѣсь людей, которые были раньше въ положеніи не довольно прочномъ, но жили трудами своихъ рукъ и, по свойству человѣческой души, разсчитывали на улучшеніе своей доли. Найдутся люди, которые охотно принимаютъ пособія отъ общества или частныхъ благотворителей. Но большинство тяготится этимъ и только по необходимости обращается къ приходу съ просьбою о помощи. Еслибы система общественного призрѣнія имѣла вліяніе, какое приписывается ей Мальтусъ, то мы должны были бы найти особенно ранніе браки и наибольшую рождаемость въ Англіи,—странѣ, которая имѣть уже въ теченіе трехъ столѣтій организованное общественное призрѣніе. Однако, среди европейскихъ государствъ, Англія, по числу заключаемыхъ браковъ, уступаетъ Россіи, Венгрии, Сербіи, Румыніи, которая вовсе не имѣютъ правильной системы общественного призрѣнія. Ирландія, подобно Англіи, имѣть организованное призрѣніе бѣдныхъ, однако, въ первой заключается ежегодно 4,4 брака на 1,000 живущихъ, тогда какъ во второй—8,3. И, вообще, въ Ирландіи, среди всѣхъ европейскихъ странъ, мы находимъ наименьшее относительное число браковъ. Одно изъ двухъ: или въ Ирландії благоразуміе населенія такъ велико, что его не расшатываетъ даже общественное призрѣніе, что не доказано, или послѣднее вовсе не имѣть того значенія, которое старается придать ему Мальтусъ. Утвержденіе Мальтуса становится еще менѣе убѣдительнымъ, если просмотримъ цифры рождаемости. Казалось бы, Англія должна занимать одно изъ первыхъ мѣстъ по относительному числу рожденій, однако, она занимаетъ между европейскими государствами 12-ое мѣсто; по рождаемости 30,5 въ годъ на 1,000 живущихъ (за 1888—97 года)—она уступаетъ государству даже съ такимъ привыкшимъ къ благоразумію населеніемъ, какъ Голландія, рождаемость которой (33,4 на 1,000) значительно превосходитъ рождаемость въ Англіи.

Ошибка Мальтуса состоять и въ томъ, что упорный болѣзnenный консерватизмъ побуждаетъ его оцѣнивать обществен-

ное призрѣніе только на основаніи фактovъ, которые давала англійская жизнь; онъ не задавался вопросомъ, не можетъ ли система общественного призрѣнія принять болѣе цѣлесообразную форму, нежели та, которая сложилась въ Великобританії? Онъ видѣлъ рабочіе дома „въ Лондонѣ и другихъ мѣстахъ, куда множество семействъ, умиравшихъ съ голода, отказывались обратиться, вслѣдствіе ихъ тѣсноты, нездоровости и вообще ужаснаго состоянія“ ⁶⁾). Онъ видѣлъ, что въ этихъ рабочихъ домахъ, дабы какъ-нибудь наполнить время обитателей, дѣлаютъ щетки, метелки и другія вещи; онъ понималъ, что подобныя вещи, уже вслѣдствіе простоты этихъ ремеселъ, возможности заниматься ими безъ обучения, могутъ являться на рынокъ въ количествѣ, далеко превосходящемъ запросъ, могутъ понижать цѣны и дѣлать призрѣваемыхъ бѣдныхъ опасными соперниками рабочихъ въ этихъ немудреныхъ промыслахъ. И, вотъ, онъ съ особеннымъ удовольствиемъ цитируетъ слова современныхъ ему писателей, де-Фое и Эдена: „Милостыня не есть милосердіе. На каждый мотокъ ютрокъ, ссученный бѣдными дѣтьми прихода, непремѣнно приходится ссучить однимъ моткомъ меныше какому-нибудь бѣдному семейству. На каждый кусокъ фланели, приготовляемый въ лондонскихъ рабочихъ домахъ, приготавляется кусокъ меныше въ Кольчестерѣ или другомъ мѣстѣ. Будутъ ли выходить щетки и метелки изъ дѣтской приходской фабрики или изъ мастерской самостоятельныхъ работниковъ, ихъ не можетъ быть продано болѣе, чѣмъ сколько требуется обществомъ“ ⁷⁾). Занятіе призрѣваемыхъ этими маловажными работами объясняется неудовлетворительной организацией общественного призрѣнія, нежеланіемъ и неумѣніемъ вдуматься въ дѣло и ввести среди призрѣваемыхъ работы, направленныя, преимущественно, на добываніе сырыхъ материаловъ, а потому и имѣющія большее хозяйственное значеніе: таковы все отрасли земледѣльческаго труда. Видя въ рабочихъ домахъ незначительныя отрасли—изготовленіе ютрокъ, метелокъ, корзинокъ, которое получаетъ въ свое вѣдѣніе известное количество уже существующихъ материаловъ, Мальтусъ въ известной степени правъ, когда утверждаетъ, что вещи, приготовленныя въ рабочихъ домахъ, уменьшаютъ запасы, на которыхъ можетъ быть построена промышленность фабрикъ и заводовъ. Отрѣшись онъ отъ предразсудка, будто виды работъ, которыми занимаются въ Англіи призрѣваемые, подобраны наиболѣе цѣлесообразно, онъ пришелъ бы къ убѣждѣнію, что трудъ призрѣваемыхъ можетъ быть сведенъ къ цѣлой системѣ, обнимающей разныя отрасли добывающей и обрабатывающей промышленности, что при такомъ устроеніи всего дѣла призрѣваемые, мало-мальски способные къ труду, могутъ образовать внутри общества особую, законченную группу, производящую

большую часть предметовъ необходимаго потребленія. При такой организаціи известная часть призрѣваемыхъ производила бы сырой матеріалъ, а потому потеряло бы всякий смыслъ возраженіе, будто матеріаль, переработываемый населеніемъ рабочихъ домовъ, съуживаетъ поле труда фабрікъ и заводовъ.

Но главную точку опоры тому положенію, что люди размножаются быстрѣе, нежели увеличивается запасъ средствъ продовольствія, даетъ увѣренность Мальтуса, что уже почти достигнуты высшіе предѣлы производительности труда. Онъ неоднократно вычисляетъ, что довольно 50-ти и даже 30-ти лѣтъ, дабы наличный запасъ средствъ продовольствія уже не могъ удовлетворить потребності возрастающаго населенія. Онъ говорить въ одномъ мѣстѣ своего труда⁸⁾, что Англія не можетъ прокормить безъ чрезвычайныхъ усилий въ два раза большее населеніе. Факты доказываютъ недостаточную прозорливость Мальтуса. Населеніе Соединенного Королевства опредѣлялось въ 1801 году цифрою около $16\frac{1}{4}$ миллионовъ, а въ 1902 году достигло 42 миллионовъ душъ, т. е. возрасло въ $2\frac{1}{2}$ раза. А теперь уровень потребностей англійскаго народа гораздо выше и средствъ къ удовлетворенію ихъ гораздо больше, нежели во время Мальтуса. И здѣсь, какъ по отношенію къ другимъ сторонамъ общественной жизни, Мальтусъ обнаруживаетъ недостаточную проницательность: всѣмъ извѣстно, на сколько возрасла производительность труда въ теченіе послѣдняго столѣтія. Есть, однако, факты, доказывающіе, что она и до сихъ поръ еще незначительна. Возьмемъ главную отрасль промышленности—земледѣліе. Въ Англіи средній урожай пшеницы составляетъ 13 четвертей съ 1 десятины. Допустимъ, что этотъ урожай очень высокъ. И что же? такой высокой производительности земледѣльческаго труда достигла гореть людей, $\frac{1}{45}$ части населенія земного шара, и на ключкѣ земли, который не обладаетъ особенно благопріятными условіями винѣшней природы и составляетъ лишь малую частицу обитаемой площади земли. Цифры среднихъ урожаевъ въ наиболѣе богатыхъ и промышленныхъ странахъ доказываютъ, какъ много еще должно быть сдѣлано для того, чтобы производительность ихъ сельскохозяйственнаго труда поднялась на уровень, котораго уже достигла Англія. Какое обширное поле для успѣховъ земледѣльческой техники открыто еще предѣ Россіей съ ея средними урожаями пшеницы въ самъ—3, самъ—4, передѣ Соединенными Штатами съ ихъ урожаями пшеницы въ самъ 6—и даже предѣ Франціей, где пшеница не даетъ, въ среднемъ, болѣе 8 четвертей съ десятины. Эти цифры очень низки сравнительно со среднею величиной для Англіи; но какъ скромны англійскіе урожаи при сравненіи ихъ съ жатвами, которыя получаются въ единичныхъ благоустроенныхъ хозяйствахъ, где пшеница даетъ

20 четвертей съ десятины и больше. Не забудемъ, однако, что наивысшіе и для настоящаго времени поразительные результаты получаются при очень слабомъ приложении науки къ земледѣльческому труду. Нельзя даже приблизительно указать предѣлы, которые могутъ быть достигнуты теоретическимъ знаніемъ силъ, дѣйствующихъ въ сельскомъ хозяйствѣ, и самыи прозорливый умъ не можетъ намѣтить границы, у которыхъ остановится вліяніе теоретической мысли на производительность земледѣлія. Если, поэтому, нельзя согласиться съ Годвиномъ, что земной шаръ можетъ прокормить въ миллионъ разъ больше людей, нежели въ настоящее время, то нужно смыло возражать Мальтусу, нужно настаивать, что земля, съ дальнѣйшимъ успѣхами научной мысли, будетъ способна обеспечивать благосостояніе многократно большему числу людей, чѣмъ теперь. Мы считаемъ чрезмѣрно населенными Бельгію и Саксонію съ ихъ 11—12,000 жителей на квадратную милю; мы говоримъ о ихъ населенности, имѣя въ виду степень производительности труда, которой достигли въ настоящее время некоторые народы. Нѣтъ ничего удивительного, если наши потомки будутъ считать умѣренно заселенными мѣста земного шара, со средне-благопріятными условіями вицѣней природы и при такої же населенности, какую имѣютъ нынѣ Бельгія и Саксонія.

Вотъ основанія, въ силу которыхъ мы рѣшительно отвергаемъ не только геометрическую и приометрическую прогрессію Мальтуса—эту уступку сдѣлаетъ безъ большихъ колебаній и самъ Мальтусъ — но и практическую важность для ближайшаго будущаго всего закона о населеніи. Мы утверждаемъ, что для цѣлая ряда ближайшихъ поколеній причиной чрезмѣрной населенности могутъ быть не крайняя плодовитость людей и сравнительная скучность природы, а только несовершенство общественнаго порядка, недостаточная заботливость государственной власти о томъ, чтобы строй общественной жизни соответствовалъ выводамъ многочисленныхъ и бѣднѣйшихъ классовъ народа.

Однако, можетъ наступить время, когда человѣчество используетъ всѣ силы природы, когда каждый клочокъ земли, до самыхъ отдаленныхъ приполярныхъ поясовъ сѣвернаго и южнаго полушарій, будетъ давать людямъ наибольшій запасъ пищи и другихъ сырыхъ матеріаловъ, какой онъ только способенъ производить. Возможно наступленіе времени, когда цѣлый рядъ коренныхъ преобразованій измѣнитъ весь обликъ общественной жизни и приблизитъ народы къ тѣмъ идеальнымъ условіямъ, которыи издавна живутъ въ душахъ истинныхъ друзей человѣчества. Если тогда люди будутъ увеличиваться въ числѣ, то наступить борьба за существованіе, которую Мальтусъ не считаетъ возможнымъ устранить или смягчить какими-либо обще-

ственными реформами даже въ недалекомъ будущемъ и которая, при условіяхъ, предположенныхъ нами, дѣйствительно не можетъ быть смягчена: извѣстная часть людей должна будетъ умереть отъ голода. Что предпринять, дабы и въ это время суровый законъ населенія не быть причиной преждевременной смерти очень многихъ людей? Повидимому, можетъ быть дать только одинъ отвѣтъ: благоразумное воздержаніе отъ брака и отъ произведенія потомства.

Такой отвѣтъ былъ бы слишкомъ шаблоннымъ. Не забудемъ, что, сопоставляя прогрессію увеличенія средствъ продовольствія и умноженія людей, мы работаемъ надъ малоизвѣстными и неоднородными величинами. Мы вовсе не знаемъ быстроты, съ которой способны возрастать запасы первыхъ, и мы знаемъ только высшіе предѣлы, въ которыхъ можетъ совершаться размноженіе людей. Если высшій извѣстный намъ урожай пшеницы равняется 30 четвертамъ на одной десятинѣ, то нѣтъ разумнаго основанія утверждать, чтобы дальнѣйшіе успѣхи знанія не могли поднять его до 50 четвертей. Высшій же предѣлъ второго процесса намъ извѣстенъ: его образуетъ число женщинъ, способныхъ къ дѣторожденію, періодъ, въ теченіе которого совершается дѣторожденіе, и физиологически необходимые промежутки между двумя рожденіями. Зная число здоровыхъ женщинъ въ данной странѣ, зная распределеніе ихъ по возрастамъ, мы скажемъ безошибочно, на сколько можетъ возрасти населеніе страны въ теченіе ближайшихъ 25-ти лѣтъ. Сравнивая эти оба процесса, мы замѣчаемъ между ними существенное различіе. Чѣмъ больше успѣхъ дѣлаетъ знаніе, тѣмъ дальше отодвигаются границы, у которыхъ можно предсказать окончательную пріостановку въ ростѣ производительности труда: послѣ огромныхъ успѣховъ, сдѣланныхъ естественными науками въ XIX вѣкѣ, высшій предѣлъ производительности труда представляется гораздо болѣе отдаленнымъ, нежели считали его въ началѣ прошлаго столѣтія. Крайній предѣлъ возможнаго роста населенія не былъ достигнутъ нигдѣ, а наблюденія надъ народами европейско-американскаго міра обнаруживаютъ замедленіе этого процесса. Мы замѣчаемъ, что населеніе возрастаетъ во многихъ государствахъ все болѣе медленно и что приростъ болѣе слабъ въ самыхъ промышленныхъ и культурныхъ странахъ. Для первыхъ трехъ десятилѣтій 19 вѣка мы находимъ среднюю рождаемость въ Пруссіи по 40—44 на 1.000 жителей, а за послѣдніе 30-лѣтіе (1860—90) по 37—40. Для Швеціи въ первыхъ десятилѣтіяхъ 19 вѣка рождаемость составляла 31,4—35,8 на 1.000 живущихъ, а за 30-лѣтіе 1860—90 годовъ—только 28,9—33,4. Для Бельгіи 30-хъ и 40-хъ годовъ мы имѣемъ рождаемость въ 32—33 на 1.000, а для 60-хъ и 80-хъ годовъ 29—31,8. Въ Швейцаріи она пони-

зилась съ 30—31 въ 70-хъ годахъ до 27—28—въ 80-хъ. Франція представляетъ примѣръ послѣдовательнаго и правильнаго уменьшенія рождаемости: отъ 31,5—33,2 на 1.000 въ первыя 20 лѣтъ 19 вѣка рождаемость падаетъ до 23,0 въ 1887—97. Конечно, періодъ въ 50—70—90 лѣтъ, относительно которыхъ мы имѣемъ правильную статистику населенія, слишкомъ короткъ, чтобы дѣлать какіе-либо общіе выводы; однако, уменьшающейся приростъ населения, наблюдаемый во многихъ странахъ, составляетъ уже крупный фактъ; съ которымъ нужно считаться. Для нашихъ выводовъ важенъ и другой фактъ,—что среди мало культурныхъ народовъ рождаемость болѣе велика, нежели въ странахъ высокой и старинной культуры. Изъ наиболѣе культурныхъ странъ рождаемость менѣе 30 на 1.000 жителей имѣютъ Франція, Швейцарія, Бельгія, Швеція, а также некоторые изъ штатовъ Сѣверной Америки (Вермонтъ, Коннектикутъ, Родъ-Эйландъ, Массачусетсъ). Рождаемость выше 30 и до 35 на 1.000 изъ культурныхъ государствъ имѣютъ Англія съ Шотландіей, Данія, Голландія. Больше 35 рожденій на 1.000 мы имѣемъ въ Финляндіи и Германіи. Наконецъ, страны молодой культуры—Болгарія, Сербія, Венгрія даютъ наивысшую рождаемость: первое мѣсто занимаетъ Европейская Россія съ 47,2 рождающими на 1.000 жителей. Эти различія должны быть объяснены многими причинами. Одной изъ нихъ служить, вѣроятно, племенные особенности, но не слѣдуетъ отводить имъ первенствующее мѣсто: изъ германскихъ народовъ большую рождаемость имѣютъ Германія и гораздо меньшую скандинавскіи государства; равнымъ образомъ, среди романскихъ государствъ, наряду съ малоплодовитостью французовъ, мы находимъ довольно большую рождаемость у итальянцевъ и очень высокую у румыновъ. А слабой плодовитости французовъ въ послѣднія десятилѣтія можно противопоставить послѣднюю третью 18 вѣка, когда рождаемость составляла почти 40 на 1.000. Болѣе слабую рождаемость въ странахъ высокой культуры слѣдуетъ приписать также благоразумному вступленію въ бракъ и воздержности въ супружескихъ отношеніяхъ. Этой причиной объясняютъ обыкновенно низкую рождаемость во Франціи. Но этими двумя условіями не исчерпываются причины, которымъ нужно приписать пониженіе рождаемости. Вмѣстѣ съ ростомъ культуры наступаетъ то усовершенствованіе нервной организаціи, то развитіе нервной дѣятельности на счетъ мышечной, которое ведеть къ ослабленію воспроизводительной способности человѣка. Наблюденія фактовъ этого рода были слишкомъ недостаточны; они еще не даютъ права установить общее положеніе, имѣющее характеръ закона. Однако, возраженія, которыя сдѣлали противъ закона Мальтуса Кэри и, въ особенности, Спенсеръ, должны быть признаны гипотезами, имѣющими за

себя очень многое. Можно надѣяться, что дальнѣйшіе успѣхи статистики населенія позволять обосновать эту гипотезу и обратить ее въ научное положение. Присоединяясь ко мнѣнію этихъ писателей, мы скажемъ, что ростъ населенія замедляется съ ростомъ культуры. Две причины дѣйствуютъ на замедленіе роста: 1) усиливавшаяся нервная дѣятельность людей, которая уменьшаетъ производительную способность, и 2) большее благоразуміе при заключеніи браковъ и произведеніи потомства. Трудно решить, которая изъ этихъ причинъ дѣйствуетъ болѣе могущественно; но мы можемъ сдѣлать одно важное наблюденіе: въ теченіе столь короткаго периода, какъ одно столѣтіе, размноженіе людей значительно уменьшилось, а средства продовольствія увеличилось въ большой пропорціи. Мы въправѣ заключить отсюда, что ростъ населения въ послѣдующія столѣтія будетъ совершаться еще болѣе медленно, будетъ отставать отъ возрастанія средствъ продовольствія. Очень вѣроятно, что люди повсемѣстно будутъ размножаться въ очень малой пропорціи (близкой къ тому, что мы находимъ въ современной Франції) гораздо раньше наступленія времени, когда производительность труда достигнетъ своего крайняго предѣла и человѣкъ извлечетъ изъ силъ природы все, что онъ можетъ поставить къ его услугамъ. Конечный предѣль этого движенія отдаленъ отъ насъ многими вѣками. Напрасно строить предположеніе о томъ, что должна предпринять государственная власть при наступленіи дѣйствительно чрезмѣрной населенности. Мы решительно, не въ состояніи предсказать, каковъ будетъ общественный строй европейско-американскаго міра черезъ 20—30 поколѣній. Не считая нужнымъ оцѣнивать догадки, хотя бы и остроумныя, мы можемъ намѣтить нѣкоторыя общія начала, способные поставить на правильный путь заботы государства относительно населенія.

Во-первыхъ, ученіе Мальтуса, представляя вѣкоторый интересъ для изслѣдователя-теоретика, вовсе не должно служить руководствомъ для законодателя. Содержа любопытные исторические факты и давая матеріалъ для предположеній о томъ, что ожидаетъ человѣчество въ очень далекомъ будущемъ, это ученіе не даетъ никакихъ полезныхъ указаний для политика. Послѣдній долженъ исходить изъ непоколебимаго убѣжденія, что чрезмѣрная населенность есть постоянный спутникъ современного общественнаго порядка, что она составляетъ неоспоримый фактъ не только въ Бельгіи и Саксоніи, но и въ наименѣе густо населенныхъ странахъ. Во-вторыхъ, должно упрочиться убѣжденіе, что чрезмѣрная населенность нашего времени имѣть противовѣсь во всѣхъ мѣропріятіяхъ государства и отдельныхъ общественныхъ группъ, которая уменьшаетъ неравенство состояній, препятствуетъ сосредоточенію имуществъ въ рукахъ

немногихъ лицъ и открываютъ бѣднѣйшимъ классамъ населенія доступъ къ пользованію естественными богатствами посредствомъ переселеній внутри страны и выселеній въ мало обитаемыи страны земного шара. Въ-третьихъ, законодатель долженъ отказаться отъ тѣхъ грубыхъ посягательствъ на личную свободу, которая выражаются въ запрещеніи бѣднѣйшимъ гражданамъ вступать въ бракъ. Воспитаніе въ семье, школѣ, обществѣ должно быть направлено къ тому, чтобы внушить человѣку сознаніе его обязанностей относительно производимаго имъ потомства. Всѣ эти мѣры должны иметь цѣлью вкоренить въ людей убѣжденіе, что тотъ, кто основываетъ семью, долженъ дѣйствовать осмотрительно, долженъ помнить объ обязанности содержать своихъ дѣтей. Слѣдуетъ одобрить всѣ мѣры, которые, дѣйствуя на человѣка путемъ убѣжденія, отклоняютъ его отъ слишкомъ раннаго заключенія брака, удерживаютъ отъ необузданаго удовлетворенія половой любви въ бракѣ и располагаютъ людей къ строгому воздержанію отъ внѣ-брачныхъ половыхъ сношеній. Но запретительныи мѣры со стороны законодательства являются совершенно безцѣльнымъ ограниченіемъ личной свободы. Законъ можетъ запретить заключеніе брака гражданамъ, не имѣющимъ извѣстной имуществоенной обеспеченности; онъ можетъ уменьшить число дѣтей, рожденныхъ въ бракѣ и—худо или хорошо—содержимыхъ на счетъ отца. Но онъ безсиленъ помѣшать увеличенію числа незаконнорожденныхъ, со всѣми тѣжелыми послѣдствіями, которыя самый фактъ незаконнаго рожденія влечетъ за собою для дѣтей и матерей. Мы имѣмъ убѣдительное доказательство того, что ограниченіе права вступать въ бракъ увеличиваетъ число незаконныхъ рожденій: въ Баваріи, до половины 60-хъ годовъ, число незаконныхъ составляло 21—22%, общаго числа рожденій; когда же была допущена свобода браковъ (1863 года), число незаконныхъ рожденій понизилось до 13—14%, общаго числа.

Книга Мальтуса, скажемъ мы въ заключеніе, породила обширную литературу. Мальтусъ не открылъ закона населенія; научное значеніе его труда не велико. Но нельзѧ отрицать за нимъ одну заслугу: онъ направилъ многихъ на изслѣдованіе важнаго вопроса объ условіяхъ, которыми опредѣляется размѣщеніе людей.

Какъ же отнестись къ боязни, съ которойю патріоты взираютъ иногда на слишкомъ медленный приростъ населенія въ своемъ отечествѣ? Именно въ такомъ положеніи находится Франція. При нынѣшнемъ приростѣ населенія, число жителей можетъ удвоиваться во Франціи чрезъ 236 лѣтъ, тогда какъ въ Австріи чрезъ 135, въ Германіи—98, въ Россіи—65. Многіе изъ французскихъ писателей и политическихъ дѣятелей съ большой тревогой отмѣчаютъ этотъ фактъ⁹). Они видятъ въ медленномъ ростѣ населенія хроническую болѣзнь; съ нею еще борется

этотъ богато одаренный народъ, но въ недалекомъ будущемъ она окончательно подорвть его силы.

Ничто не доказываетъ, чтобы французы имѣли большую наклонность ко вѣсемейной жизни и внѣбрачнымъ половымъ сношеніямъ, нежели многіе другіе народы: на 1,000 мужчинъ, переступившихъ за 15 лѣтъ, во Франціи ежегодно живется 48, тогда какъ въ Норвегіи—47, въ Швеціи—43, въ Нидерландахъ—41, въ Баваріи—32. Если измѣрять состояніе нравственности относительнымъ числомъ незаконныхъ рожденій, то мы найдемъ, что и въ этомъ отношеніи Франція поставлена болѣе благопріятно, нежели многія другія страны Европы: на 1,000 дѣвушекъ и вдовъ, въ возрастѣ отъ 15 до 50 лѣтъ, во Франціи приходится 17 живыхъ незаконнорожденныхъ, въ Норвегіи—19, Италии—20, Швеціи—22, Даніи—29, Баваріи—42. И такъ, причиной слабой рождаемости служать не какіе-либо пороки, а малая плодовитость французскихъ женщинъ: на 1,000 женщинъ въ возрастѣ отъ 15 до 50 лѣтъ, во Франціи рождается только 102 ребенка, въ Нидерландахъ—127, въ Пруссии—150; на каждую семью съ дѣтьми во Франціи приходится 2,6 дѣтей, тогда какъ въ другихъ странахъ Европы—4 дѣтей и болѣе.

Малая плодовитость французскихъ женщинъ происходитъ оть многихъ причинъ; среди нихъ видная роль принадлежить все болѣе укореняющейся привычкѣ населенія намѣренно ограничивать плодовитость брака. Но, не входи въ оценку причинъ и не считая возможнымъ, по крайней мѣрѣ, теперь, дать на это удовлетворительный отвѣтъ, мы заключаемъ на основаніи вышесказанного, что причиной не служить половая беспорядочность, которая ведетъ къ печальнымъ результатамъ. А разъ это такъ, то не трудно доказать, что медленный ростъ населенія не вызоветъ тѣхъ пагубныхъ послѣствій, которыя часто предсказываются Франціи.

При вынѣшнемъ пропростѣ населенія число жителей можетъ удвоиваться во Франціи чрезъ 236 лѣтъ. Предположимъ, что относительное число рожденій еще уменьшится, что населеніе Франціи застынетъ на цифре въ 40 миллионовъ. Неужели это послужить препятствиемъ для дальнѣйшаго преуспѣянія французовъ или, въ лучшемъ случаѣ, причиню того, что успѣхи французовъ, въ разныхъ сферахъ материальной и духовной жизни, будутъ совершаться медленнѣе, нежели прогрессъ другихъ народовъ Европы?

Для материальныхъ успѣховъ народа нужна значительная густота населенія. Хотя это положеніе давнымъ-давно вошло въ учебники, однако, нельзѧ доказать, чтобы страна, даже довольно рѣдко населенная, не могла достигнуть высокаго процвѣтанія. Желѣзныя дороги и успѣшное пользованіе силами электричества позволяютъ людямъ поддерживать очень оживлен-

въя сношениј и развивать разнообразные формы сотрудничества даже при рѣдкомъ населеніи. Франція, достигшая высокой культуры, имѣетъ населенность въ 78 душъ на 1 квадратный километръ; Норвегія же имѣетъ только 7 душъ. Въ общемъ уступая Франціи, Норвегія превосходитъ ее иѣкоторыми сторонами культуры: производительность пахотныхъ земель въ Норвегіи на 30—40% выше, чѣмъ во Франціи; она превосходитъ послѣднюю и состояніемъ народного образования: въ Норвегіи иѣть неграмотныхъ; во Франціи же изъ новобранцевъ призыва 1910 года до 5%, были неграмотны. Значить, и рѣдкое населеніе не помѣшило Норвегія достигнуть высокаго процвѣтанія. Но вспомнимъ о Соединенныхъ Штатахъ и Австралии, очень слабо населенныхъ. Если въ этихъ странахъ ничтожная населенность не мѣщаетъ чрезвычайному росту производительности труда и богатства, то иѣть основанія опасаться, чтобы Франція непремѣнно отстала въ хозяйственныхъ успѣхахъ отъ тѣхъ государствъ, населеніе которыхъ болѣе значительно и возрастає съ большою быстротой.

Какая же открывается перспектива для вліянія французовъ на духовную жизнь человѣчества? Вліяніе это не ослабѣвало въ теченіе двухъ столѣтій. Теперь оно менѣе велико; но иѣть основанія связывать число жителей въ странѣ съ числомъ производимыхъ ею великихъ умовъ. У Бертильона вырываются такія странныя слова: „Каковъ бы ни былъ процентъ даровитыхъ людей, никто не станетъ отрицать того, что въ населеніи въ 10 миллионовъ жителей иѣхъ найдется въ 10 разъ болѣе, чѣмъ между населеніемъ въ 1 миллионъ. Если Франція дала миру столько зиждительныхъ и благотворныхъ геніевъ, то это объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что она до послѣдняго времени была населеніемъ другихъ странъ“¹⁰). Въ отвѣтъ на это мы напомнимъ о маленькой Греции, которая за 500 лѣтъ своей исторической жизни даетъ длинный списокъ великихъ умовъ, навсегда сохранившихъ первыя мѣста въ наукѣ, искусствѣ и государственной дѣятельности. Какъ иѣть разумнаго основанія приводить число великихъ людей въ тѣсную зависимость отъ числа жителей данной страны, такъ иѣть основанія утверждать, будто вліяніе писателя опредѣляется числомъ людей, которые говорятъ на его родномъ языке. Бертильонъ глубоко заблуждается, говоря, что, „родись во Франціи новый Вольтеръ, онъ бы былъ бы понять только 40-ю миллионами людей“, говорящихъ на французскомъ языке—французовъ, бельгіцевъ, швейцарцевъ, канадцевъ,—а иѣмецкій писатель такой же величины бытъ бы понять 80 миллионами людей, говорящихъ на иѣмецкомъ языке¹¹). Иѣть, теперь положеніе не только великаго, но даже только выдающагося писателя гораздо болѣе завидно, нежели въ то время, когда писалъ Вольтеръ и писаль-

на языкѣ, родномъ для 20% всего населения Европы. Изъ всѣхъ французовъ Вольтера читало только небольшое, образованное меньшинство; французскій языкъ былъ знакомъ только высшимъ слоямъ общества за предѣлами Франціи, а низкій уровень развитія съуживалъ кругъ людей, которые могли изучать Вольтера въ переводѣ. Съ тѣхъ порь читающая публика увеличилась во Франціи въ десятки разъ, и многократно возрасло за предѣлами Франціи число людей, знающихъ французскій языкъ. Но уровень образования повысился повсюду, и вездѣ можно сотнями тысячъ и даже миллионами считать людей, которые, не зная иностранныхъ языковъ, читаютъ въ переводаѣ и усваиваютъ мысли писателя и даже виѣшнія особенности его творчества. Сближеніе между народами сдѣлало такіе успѣхи, что каждый выдающійся писатель становится общимъ достояніемъ, и его почти одновременно читаютъ во многихъ странахъ всѣхъ частей свѣта. За послѣднія десятилѣтія пробрѣли большую извѣстность и многие писатели Италии, Испаніи, даже Скандинавскихъ государствъ, пишущіе на языкахъ, которые знакомы только очень небольшой части культурнаго человѣчества.

Но главную опасность видятъ для Франціи въ томъ, что ея военная сила будетъ далеко отставать отъ вооруженной силы ея сосѣдей. Если она, при населеніи въ 40 миллионовъ, будетъ въ состояніи вооружить 1 миллионъ солдатъ, то ея сосѣдъ съ 60-ти миллионнымъ населеніемъ выставитъ $1\frac{1}{2}$ миллиона. При одной и той же степени искусства, вторая страна можетъ имѣть значительный перевѣсъ. Однако, изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы первый народъ былъ непремѣнно побѣжденъ въ случаѣ войны, или чтобы ему угрожала потеря политического значенія. Государство съ 40-миллионнымъ населеніемъ представляется огромную, быть можетъ, неодолимую силу, если воздерживается отъ авантюристской политики, заботится о развитіи внутреннихъ силъ, не стремится къ расширению территории и готово обнажить мечь только для того, чтобы отстоять цѣлостность своихъ предѣловъ. Правительство такой страны, готовое вести только оборонительную войну, можетъ, въ случаѣ этой печальной необходимости, легче вызвать симпатіи другихъ народовъ и пріобрѣсти себѣ союзниковъ. А коалиціонныи войны и есть, повидимому, форма, въ которую, преимущественно, будетъ облекаться соперничество между народами. Не даромъ за послѣднія десятилѣтія все искусство виѣшней политики измѣряется тѣмъ, насколько успѣваетъ государство въ пріобрѣтеніи союзниковъ для войны и мира. Если же войны будутъ вестись союзами государствъ, то вооруженная сила будетъ опредѣляться населеніемъ не отдельныхъ странъ, а всѣхъ, образующихъ одинъ союзъ. Большая же или меньшая легкость об-

разованія могущественнаго союза есть и будетъ дѣломъ искусства дипломатіи, достоинство которой стонть, конечно, виѣ связи съ населенностью государства.

Но мы уже слишкомъ много заботимся о могуществѣ государства, объ условіяхъ его процвѣтанія и придаемъ слишкомъ малую цѣну тому, какъ чувствуютъ себя люди, населяющіе страну, насколько обстановка ихъ жизни благопріятствуетъ ихъ счастью или хотя бы душевному равновѣсію. Слѣдовало бы становиться на эту точку зрѣнія при оцѣнкѣ всѣхъ общественныхъ вопросовъ. Нужно помнить объ этомъ и тогда, когда говорятъ о приростѣ населения. Медленный приростъ населения, связанный со слабою рождаемостью, выражается въ небольшомъ числѣ дѣтей, которое приходится за каждый бракъ. Въ какой же мѣрѣ душевному покою болѣе благопріятствуетъ малая семья, нежели семья многочленная?

Пока люди живутъ преимущественно физическою жизнью, родителей мало заботить мысль о томъ, какъ будуть воспитаны ихъ дѣти, съ какимъ материальными обезспеченіемъ и духовными развитіемъ достигнутъ они возраста, когда начинается ихъ самостоятельная дѣятельность. Ихъ болѣзни, ихъ пороки и даже смерть легко переносятся и почти немедленно забываются. Когда же человѣкъ стать тѣмъ сложнымъ, нервнымъ существомъ, какимъ даетъ его современная цивилизациѣ, между родителями и дѣтьми устанавливается множество разнообразныхъ связей, рѣшительно неизвѣстныхъ первобытной культурѣ. Смерть ребенка надолго оставляетъ въ семье неизгладимый следъ; родители переживаютъ болѣзни дѣтей съ величайшимъ душевнымъ волненiemъ; забота о томъ, чтобы обеспечить дѣтей отъ материальной нужды, съ каждымъ поколѣніемъ развивается все болѣе и болѣе; наконецъ, даже въ очень скромныхъ общественныхъ слояхъ все болѣе и болѣе крѣпнетъ сознаніе, что на родителяхъ есть извѣстныя обязанности тѣлеснаго и духовнаго воспитанія, которыхъ требуютъ много времени и труда. И чѣмъ сложнѣе становится культура, тѣмъ большій запроѣтъ предъявляетъ общество къ своимъ членамъ и тѣмъ больше нужно усилий со стороны родителей, чтобы удовлетворить этотъ запроѣтъ. Чѣмъ болѣе многочленной становится семья, тѣмъ болѣе ростутъ труды, заботы и печали, тѣмъ чаще непроявительная затрата душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, тѣмъ менѣе обеспечено душевное равновѣсіе. Итакъ, небольшое число дѣтей на бракъ считаемъ мы условiemъ, способствующимъ благополучію человѣка.

Все изложенное побуждаетъ насъ сдѣлать выводъ, что медленный приростъ населения не связанъ для Франціи и ни для какой другой страны съ тѣми прискорбными послѣдствіями, которыхъ имъ предвѣщаютъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЕРВОЙ ГЛАВѢ.

- 1) См. *Elster*. Bevölkerungswesen.
- 2) *Мальтусъ*. Опытъ о законоѣ народонас., II, —340—41.
- 3) *Elster*. Bevölkerungswesen, 521.
- 4) *George*. Progress and poverty. 1833. 99.
- 5) *Spencer*. Principien der Biologie, 1876—77. II, 450 и дал.
- 6) *Мальтусъ*. Тамъ-же, II, 78.
- 7) *Мальтусъ*. Тамъ-же, II, 74—75.
- 8) *Мальтусъ*. Тамъ-же, II, 92.
- 9) *Бертильонъ*. Статистика движенія населенія во Франціи. 1883.
- 10) Тамъ-же, 26.
- 11) Тамъ-же, 21.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Колонії и переселенія.

Литература: *Roescher*. System, 1. *Eго же*. Kolonien, Kolonialpolitik, Auswanderung. 1 изд. 1848. *Schönberg*. Handbuch, I. *Wakefield*. A View on the Art of Colonization. 1849. *Leyoyt*. L'émigration européenne, ses principes, ses causes, ses effets. 1861. v. *Gessler*. Ueber Auswanderung u. Kolonisation. *Tübing*. Zeitschr. 1862. *Kopp*. Ueber Auswanderung. 1871. *Leroy-Beaulieu*. De la colonisation chez les peuples modernes. 1874 и въ русск. переводѣ. *Moldenhauer*. Erörterungen über Kolonial- und Auswanderungswesen. 1878. *Robert*. Zur Auswanderungsfrage. 1879. *Schippel*. Das moderne Elend u. die moderne Uebervölkerung. 1883. *Paton*. State-aided Emigration. 1885. *Lord Brabazon*. State-directed Colonization, its necessity. 1885. *Earl of Meath*. State Colonization 1888. Congrès international de l'intervention des pouvoirs publics dans l'émigration et l'immigration. 1890. *Mayo Smith*. Emigration and immigration. 1890. *Santa Anna Nery*. L'émigration et l'immigration. 1892. *Philippovich*. Auswanderung u. Auswanderungspolitik in Deutschland. 1892. Герман. колониз. польск. провинц. Пруссії. Иад. канцл. коміт. министр. 1894. *Egerton*. A short history of british colonial policy. 1897. *Hamelin*. Les Concessions coloniales. 1899. *Zimmermann*. Weltpolitisches. 2 Auf. 1901. *Poulney Bigelow*. Die Völker im kolonialen Wettstreit. 1902. *Girault*. Principes de colonisation. 1904. *Cheradame*. La colonisation et les colonies allemandes. 1905. *Whitley*. The problem of the Immigrant. 1905. *Supan*. Die territoriale Entwicklung der europäischen Kolonien. 1906. *Romesh Dutt*. The economic history of India in the victorian age. 1906. *Gonnard*. L'émigration européenne au XIX siècle. 1906. *Halle*. Die grossen Epochen der neuzeitlichen Kolonialgeschichte. 1907. Дальнѣш. указанія на литературу см. въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften, I, также въ назван. книгѣ *Mayo Smith'a*. По вопросу о переселеніяхъ въ Россіи смотрите *Соловьевъ*. Исторія Россіи. *Ешевский*. Русская колонизация съверовосточн. края. *Вѣсты Евр.*, 1866, I. *Бестужевъ-Рюминъ*. О колонизации великорусск. племени. *Журн. Мин. Нар. Пром.*, 1867, VII. *Неретянковичъ*. Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ. 1877. *Его же*. Поволжье въ XVII и началѣ XVIII вѣка. 1882. *Соколовский*. Эконом. бытъ земледѣл. населения Россіи и колонизации юго-восточ. степей предъ крѣпостн. правомъ. 1878. *Багатый*. Материалы для исторіи колонизации и быта степи. окраины Москов. государ. въ XVII—XVIII ст. 1886. *Его же*. Очерки изъ исторіи колонизации и быта степи. окраины Москов. государства. 1887. *Корсаковъ*. Историч. знач. поступат. движенія великорусс. племени на востокѣ. 1889. О русскихъ переселеніяхъ

въ настоящее время. *Ядринцевъ*. Сибирь, какъ колонія. 1882. *Уманецъ*. Колониз. свободн. земель въ Россіи. 1884. *Григорьевъ*. Переселенія крестьян. въ Рязан. губ. 1885. *Романовъ*. Переселенія крестьян. Вятской губ. 1885. *Андреевичъ*. Сибирь въ XIX столѣтіи. 1889. *Гурвичъ*. Переселенія крестьянъ въ Сибирь. 1889. *Ремезовъ*. Очерки изъ жизни дикой Башкирии. 1889. *Чудновскій*. Переселенческое дѣло на Алтай. 1889. *Исаевъ*. Переселенія въ русскомъ народномъ хозяйствѣ. 1891: *Его же*. Замѣтки о нѣмецкихъ колоніяхъ въ Россіи. *Рус. Мысль*. 1894. XII. *Его же*. Переселенческое дѣло въ Россіи съ начала 80-хъ годовъ. *Слѣв. Вѣстн.*, 1895, I. *Его же*. По вопросу о колоніяхъ. *Вѣст. Знанія*, 1903, III. Алтай. 1891. *Сводъ* статист. матеріал., касающ. эконом. полож. сел. нас. Европ. Россіи. 1894. *Кауфманъ*. Хозяйственное положеніе переселенцевъ въ Томской губерніи. 2 тома. 1895. Дальнийшими пособіями могутъ служить: *Болюновъ*. Уралъ и колонизация Перм. губерніи. 1871. *Вороновъ*. Вопросъ о крестьянскихъ переселеніяхъ. *Вѣстн. Евр.*. 1876. I. *Янсонъ*. Очеркъ правительства. мѣръ по переселенію крестьянъ (во 2 пзд. книги „Путь о крестьянскихъ надѣлѣ и платежахъ“, 1881). *Гребенищиковъ*. Колонизация Южноуссурійского края. *Наблюдат.*, 1885, II. *Дакмонъ*. Переселенцы на восточн. окраинахъ. *Русск. Мысль*. 1886, IX. *Пономаревъ*. Дѣло среди переселенцевъ. *Слѣв. Вѣстн.*, 1886, IX. *Чудновскій*. Колонизаціонное значеніе сибирской ссылки. *Рус. Мысль*. 1886, X. *Г. Б.* Къ вопросу о переселеніи чрезъ посредство крестьянъ земельн. банка. *Русск. Мысль*. 1887, X. *Вороновъ*. Къ переселенцамъ. *Вѣстн. Евр.*, 1887, VI и VII. *Кулишеръ*. Механич. основы передвиженія массъ. *Вѣстн. Евр.*, 1887, VIII. *Пономаревъ*. Сибирская община и переселенія. *Слѣв. Вѣстн.* 1887, V. A. Ч. Переселеніе и переселенцы въ Уфимской губ. *Слѣв. Вѣстн.* 1887, V. B. Ф. Новый источникъ свободы земель. *Вѣстн. Евр.*, 1889, VII. *Кауфманъ*. Вліяніе переселенч. элемента на разв. сельск. хозяйства и община, жизни въ Зап. Сибири. *Слѣв. Вѣстн.*, 1891, IV. *Марусинъ*. Переселенч. движеніе на Алтай. *Слѣв. Вѣстн.*, 1891, VII. *Остафьевъ*. Переселенцы въ Сибири. *Юрид. Вѣстн.*, 1891, V и VII. *Н. И. Н.* Положеніе переселенч. дѣла и переселенцевъ въ степн. краѣ. *Слѣв. Вѣстн.*, 1892, IV. *Бодановскій*. Общество и законъ о переселеніяхъ. *Слѣв. Вѣстн.*, 1892. *Динельштедтъ*. Наша колонизация въ средн. Азіи. *Вѣстн. Евр.*, 1892, XI. *Григорьевъ*. Крестьянская колонизация въ Сырь-Дарьинской области. *Русск. Мысль*. 1893, II, V. Статьи Абрамова, Ядринцева и проф. Янжула о пересел. въ сборнике „Путь дорога“ 1893. A. A. Ч. Крестьянская переселенія въ Сибирь. *Рус. Мысль*, 1895, VIII. *Байдиславлевъ*. Хозяйственное положеніе тобольск. новоселовъ. *Рус. Ботап.* 1899, VI. *Чупровъ*. Переселенія и аграрный вопросъ. *Рус. Ботапство*. 1906, III.

I.

Какъ отдельный человѣкъ, стремясь увеличить свое благосостояніе, старается подчинить своей волѣ возможно большее благо и наибольшее число людей, такъ и правительство страны, занимающей колоніи, разсчитываетъ расширениемъ тѣрриторіи создать для себя новые источники богатства, а увеличенiemъ числа подданныхъ укрѣпить свое могущество. Золото, серебро, слоновая кость, пальмовое масло, каучукъ, кофе, какао, цѣнныя породы дерева — вотъ что находимъ мы въ длинномъ спискѣ богатствъ, которыхъ даютъ европейцамъ вѣтевропейскія колоніи.

Къ этимъ простымъ побужденіямъ, которыхъ руководятъ

завоевателями и основателями колоній отъ самой далекой древности, присоединяются, по мѣрѣ усложненія хозяйственной жизни, и разныя специальная соображенія. Раздѣленіе труда между народами и міровой обмѣнъ развиваются все больше и больше. Предъ правительствомъ каждой страны выясняется выгодность получения товаровъ изъ собственныхъ колоній. Законы другого государства могутъ связать отпускъ разныхъ товаровъ съ условіями, которыхъ выгодны для него, но тягостны для первой страны; изъ колоній же товары могутъ передвигаться въ метрополію такъ же свободно, какъ изъ одного конца страны въ другой. Выясняется и различие условій, съ которыми связанъ вывозъ. Вывозъ въ другія государства, и своими размѣрами, и степенью выгодности для продавцовъ, зависитъ отъ таможенного законодательства страны, куда направляются товары. Таможенная политика другихъ народовъ всегда можетъ причинить данной странѣ известный ущербъ; вывозъ же въ колоніи не связанъ съ этими затруднѣніями: онъ является перемѣщеніемъ товара по территории данного государства. -- Возрастающая плотность населения, развитіе эмиграціи людей и капиталовъ, обнаруживаются различія между государствами, которые имѣютъ колоніи и не имѣютъ таковыхъ.

Люди и капиталы направляются изъ странъ второй группы за границу и становятся — таково, по крайней мѣрѣ, господствующее мнѣніе — потерянными для родины. Изъ странъ же, владѣющихъ колоніями, люди и капиталы могутъ передвигаться въ колоніи и поддерживать тѣсныя сношенія съ родиной, расширять ея народное хозяйство. А потому по популяционистической соображенія занимаются въ колоніальной политикѣ все болѣе видное мѣсто. Къ этому примыкаютъ второстепенные расчеты экономического характера и побужденія военно-политической: нужно занять островъ А потому, что онъ можетъ служить отличной станціей для угля, для ремонта судовъ, область Б — потому, что она можетъ быть надежной точкой опоры въ случаѣ войны съ такимъ то государствомъ и т. п. Наконецъ, мы находимъ въ колоніальной политикѣ и общія побужденія, вытекающія изъ непрестанного соревнованія между государствами. Данная территорія во время завладѣнія ею, быть можетъ, не представляетъ никакого значенія для государства, которое присоединяетъ ее; очень вѣроятно, что на длинный рядъ лѣтъ она обѣщааетъ только расходы. Но правительство и влиятельные группы у народа А требуютъ занятія этой страны, такъ какъ „иначе ею не замедлить завладѣть государство Б“. Приобрѣтеніе Германіею ея колоній совершилось, главнымъ образомъ, подъ влияніемъ того побужденія, что, не займи ихъ

Германия, Англия не упустила бы случая распространить и на нихъ свое господство.

Колонизаторами обыкновенно выступают народы, уже достигшие довольно высокого уровня гражданственности. Страны, занимающие въ качествѣ колоній, населены народами низшей культуры или старой культуры, пришедшей въ разложение (Остъ-Индія), или же дикими племенами. И это понятно: дабы государство могло пріобрѣтать колоніи, отдаленные отъ метрополіи и, особенно, въ другихъ частяхъ свѣта, оно должно пользоваться известнымъ благосостояніемъ и политическимъ могуществомъ. Распространеніе господства на страны съ многочисленнымъ населеніемъ требуетъ значительныхъ расходовъ по снаряженію судовъ, вооруженію войска, основанію крѣпостей въ покоренной странѣ. Пока колонія не приноситъ дохода, метрополія должна имѣть средства, чтобы покрывать расходы на управление.

Итакъ, пріобрѣтая колоніи, государства руководствуются вполнѣ реальными расчетами. Но занятіе земель, принадлежащихъ народамъ низкой культуры или дикарямъ, связано съ войною, а упроченіе господства во вновь пріобрѣтенныхъ областяхъ — съ насилиями, а потому стараются прикрыть действительные побужденія пышными фразами: заявляютъ громогласно, что культурное государство завладѣваетъ территоріей данного языческаго племени, дабы „просвѣтить его христианствомъ“. Вмѣстѣ съ солдатами, чиновниками, купцами, искателями приключений въ покоренную землю направляются и миссіонеры.

Но все это не измѣняетъ положенія дѣльныхъ лицъ — миссіонеры и другіе — могутъ быть проникнуты искреннимъ желаніемъ пріобщить полудикое племя къ культурѣ; но большинство людей, направляющихся въ колоніи, или имѣть въ виду материальные выгоды, которая они могутъ доставить новымъ поселенцамъ, или же откликается на политические и хозяйствственные расчеты, побуждающіе государство пріобрѣтать колоніи, которыхъ не обѣщаютъ выгодъ въ близкомъ будущемъ.

Въ направлениі колоніальной политики нѣть ничего случайного: географическое положеніе государства, которое пріобрѣтаетъ колоніи — вотъ что имѣеть рѣшающее значеніе.

Сѣверная и Средняя Азія должна была сдѣлаться мѣстомъ колоніальной политики русскихъ. Государство бѣдное, отдаленное отъ моря и рѣдко населенное, Россія стояла въ сторонѣ отъ движенія, которое охватило народы Западной Европы еще въ концѣ Среднихъ Вѣковъ. Русскіе не могли играть роли при колонизаторскихъ начинаніяхъ испанцевъ, португальцевъ, голландцевъ, англичанъ. Но предъ нашими предками

разстилалась необозримая равнина: невысокий Уральский хребетъ отдѣляетъ Восточную Европу отъ огромныхъ азіатскихъ пространствъ, открытыхъ до Тихаго океана. Эта равнина, вотчина немногочисленныхъ дикихъ племенъ, и послужила мѣстомъ колонизаціонной дѣятельности русскихъ еще съ конца XVI вѣка.

Захватъ этихъ пустынь совершился очень быстро: только въ 1582 году Ермакъ поднесъ Ioannу Грозному западную окраину Сибири, а въ 1604 русскіе основали Томскъ, въ 1632 г.—Якутскъ, въ 1643 г. казаки проникли до Амура. Давнишній захватъ этихъ обширныхъ земель, не связанный съ какими либо серьезными затрудненіями, опредѣлилъ дальнѣйшее развитіе русской колоніальной политики. Среднеазіатскія области, составляющія больше одной шестой всей Россійской Имперіи, примыкаютъ къ Сибири. Превосходя поестественному качествомъ почвы и климатомъ, онѣ послужили предметомъ захватовъ со стороны Россіи отъ 60-хъ годовъ XIX вѣка. Приобрѣтеніе этихъ земель, облегченное ихъ смежностью съ Сибирью, представлялось соблазнительнымъ не только потому, что присоединяло къ Россіи обширныя пространства съ большими естественными богатствами, но и потому, что дѣлало положеніе Россіи болѣе выгоднымъ относительно Персіи и Индіи, если бы когда либо пришлось столкнуться съ англичанами. Выходъ Японіи къ Тихому Океану, политические и хозяйственныя успѣхи этой страны опредѣлили русскую колоніальную политику послѣднихъ 10 лѣтъ: Россія стремилась упрочить свое положеніе на азіатскомъ Востокѣ; приобрѣтеніе Манджуруіи казалось русскому правительству надежнымъ средствомъ для подчиненія Китая вліянію Россіи. Эти расчеты оказались невѣрными; тѣмъ не менѣе въ географіи нашего отечества нужно искать причины, которыя сдѣлали Россію европейско-азіатскимъ государствомъ.

Соединенные Штаты находять въ предѣлахъ Америки условія, которыя рано или поздно упрочатъ вліяніе сѣверо-американцевъ на весь материкъ. Этому способствуютъ ихъ высокая культура, предпріимчивость, богатство, непрерывность территоріи отъ Аляски до Патагоніи. Но сѣверо-американцамъ предстоитъ болѣе трудная работа, нежели та, съ которой было связано движение Россіи по безлюдной азіатской равнинѣ. Средняя и Южная Америка являются дѣтищемъ романской культуры. Соединенные Штаты достигли богатства и политического могущества лишь немногого десятковъ лѣтъ тому назадъ; въ то время на американскомъ материкѣ уже были полукультурные государства. Какъ сѣверо-американецъ съ благоговѣніемъ поѣздааетъ родину Шекспира и трепетною рукою перелистываетъ старый пергаментъ Великой Хартіи, такъ мексиканецъ или

гражданинъ Буэнос-Айреса, Рио-де-Жанейро стремится побывать на месте рождения Сервантеса и подняться по высокимъ лѣстницамъ Эскуриала. Пока южно-американскія республики боролись съ Испаніей, Соединенные Штаты были государствомъ скромныхъ размѣровъ и южные союзни смотрѣли на нихъ, какъ на друзей. Достигнувъ самостоятельности, южно-американцы стали дружественно относиться къ бывшей метрополіи и постепенно охладѣвать къ великой сѣверной республикѣ. Во время испано-американской войны 1898 года охлажденіе перешло во враждебное чувство. Другимъ препятствіемъ является для американцевъ необходимость бороться въ Южной Америкѣ съ вліяніемъ англичанъ и французъ, которые направляютъ туда свои капиталы и вовсе не сочувствуютъ успѣхамъ сѣверо-американцевъ. Однако, Соединенные Штаты имѣютъ данные, которыя могутъ облегчить имъ упроченіе въ Средней и Южной Америкѣ: близость разстоянія, помогающая побѣдить соперниковъ дешевизною товаровъ, а также руководство судьбами Кубы и Филиппинъ. Если эти новыя области Соединенныхъ Штатовъ быстро подвинутся въ развитіи благосостоянія и ополитической свободы, то испано-американскій міръ будетъ свидѣтелемъ зрелища, способнаго примирить мексиканцевъ, бразильцевъ, аргентинцевъ съ вліяніемъ Сѣверной Америки. Остается родственная Канада; если бы Англія не надѣлила ее широкими правами, то она давно слилась бы съ Соединенными Штатами; малѣйшее недоразумѣніе съ метрополіей можетъ повести къ такому сліянію.

Лозунгъ „Америка для американцевъ“ полонъ глубокаго смысла, если понимать его только въ экономическомъ значеніи, т.-е. что вся Америка представляетъ область, где капиталъ американцевъ (гражданъ Соединенныхъ Штатовъ, какъ самой богатой и развитой части Америки), ихъ рабочее искусство и предпримчивость будутъ имѣть преобладаніе надъ европейскими трудомъ, капиталомъ и товарами. Враждебное отношеніе испано-американского міра къ сѣверо-американцамъ постепенно ослабѣеть, а капиталы, накапливаемые въ Соединенныхъ Штатахъ, будутъ искать для себя помѣщенія за предѣлами страны еще большими массами, чѣмъ теперь. Средняя и Южная Америка, не уступая другимъ частямъ свѣта относительно естественныхъ богатствъ, представляетъ для колонизаціонной работы тѣ выгоды, что рѣдко населена (въ отличіе отъ странъ древней культуры—Остъ-Индіи и Египта) и отстоитъ далеко отъ Европы, направляющей туда колонизаторовъ. Когда сѣверо-американские капиталы и товары займутъ преобладающее положеніе на рынкахъ Средней и Южной Америки, то между Соединенными Штатами и другими государствами Америки будетъ возможно, во имя экономическихъ цѣлей, такое едине-

ніе, которое образуетъ тѣсно сплоченный союзъ изъ всѣхъ народовъ этой части свѣта.

Африка издавна представляла наиболѣе удобное поле для колонизаціонной дѣятельности Испаніи, Португаліи и Франціи уже въ силу своей близости къ этимъ государствамъ. Однако, европейцы обратили внимание на эту часть свѣта только за послѣднія десятилѣтія. Почти весь материкъ, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ древней культуры и береговъ, пользовался дурною славою; не было и рѣчи о естественныхъ богатствахъ Африки, какъ, напримѣръ, о дарахъ природы Азіи или Америки; а потому до Африки не было охотниковъ. Колонизаціонная дѣятельность европейскихъ народовъ получила иное направление. Даже присоединеніе Алжира къ Франціи, совершившееся въ 1830 году, не вызвало соревнованія у другихъ народовъ, не побудило другія государства расширить въ Африкѣ область господства. По западному берегу, отъ Марокко до Капа, разѣзжали торговцы невольниками и закупали негровъ для американскихъ плантаций. Когда торговля невольниками была запрещена, то весь берегъ пришелъ въ полное запустѣніе. Голландцы цѣлыхъ 150 лѣтъ поддерживали Калскую колонію, какъ главную станцію на пути къ Индіи; на расходы по управлѣнію ежегодно затрачивались миллионы; но значеніе этой колоніи было ничтожно.

Взглядъ на Африку рѣзко измѣнился только къ концу 19-го вѣка. Изслѣдователи, проникшіе въ глубь материка, укрѣпили убѣжденіе, что Африка надѣлена разнообразными естественными богатствами. Къ началу послѣдней четверти прошлаго вѣка относится отысканіе золота и алмаза. Это имѣло рѣшающее значеніе: всѣ бросились въ Африку, разсчитывая на обильную добычу.

Близкое сосѣдство Испаніи и Португаліи дѣлало именно ихъ тѣми государствами, которымъ было удобно развить въ Африкѣ колоніальную политику. Но Португалія слишкомъ мала, а могущество Испаніи въ 19 вѣкѣ такъ упало, что ей было впору заботиться о сохранившихся за нею колоніяхъ; не было силъ для приобрѣтенія новыхъ. А потому, близкое сосѣдство Африки послужило на пользу только Франціи. Завладѣніе Алжиромъ и обширными пространствами на западномъ берегу давало Франціи очень удобныя точки опоры для дальнѣйшихъ захватовъ. У нея могла явиться только одна опасная соперница--Англія. Издавна господствуя на моряхъ, Англія была меныше ограничена въ захватѣ отдаленныхъ странъ, чѣмъ какая-либо другая держава; она не упустила случая расширить свои владѣнія и въ Африкѣ. Раздѣль этой части свѣта началъ совершаться только съ 80-хъ годовъ 19-го вѣка. Къ этому времени Германія увеличила свой флотъ, расширила виѣннюю

торговлю и съ блескомъ рѣшила настоятельные вопросы европейской политики; въ германскомъ обществѣ началъ сказываться живой интересъ къ пріобрѣтенію колоній. Но только часть Африки еще не была въ крѣпкихъ рукахъ. На долю Германіи выпала тамъ довольно большая добыча, хотя далеко уступающая владѣніямъ Франціи и Англіи. Наибольшую территорію захватила Франція.

Австралія такъ отдалена отъ Европы, что должна была сдѣлаться достояніемъ народа, располагавшаго наиболѣе значительными морскими силами. Къ концу 18-го столѣтія, когда началось занятіе этого материка, такими средствами обладала только Англія, а потому Австралія и сдѣлалась исключительно англо-саксонской колоніей.

Южная Азія падавна привлекала europейцевъ. Нѣкогда въ ней дѣлали земельныхъ пріобрѣтеній всѣ государства, имѣвшія значительный флотъ: испанцы, португальцы, голландцы, французы. Съ 18-го столѣтія только Англія могла разсчитывать на большие захваты; только ей было по силамъ занять всю Индію. За послѣднія десятилѣтія и Франція, развивъ колоніальную политику въ юго-восточной Азіи, сдѣлала тамъ обширныя пріобрѣтенія.

Наиболѣе обширная колоніальная владѣнія за предѣлами Европы имѣютъ въ настоящее время слѣдующія державы:

	Кв. километровъ.	Жителей.
Англія	29.317.893	346.991.000
Россія	16.082.030	19.125.000
Франція	5.947.779	49.488.000
Германія	2.604.020	12.399.000
Бельгія (Конго)	2.382.000	19.000.000
Португалія	2.089.879	7.256.000
Голландія	2.045.648	37.878.000

Люди бѣлой расы составляютъ въ колоніяхъ незначительное меньшинство. Исключеніями являются Россія и, отчасти, Англія. Въ азіатскихъ владѣніяхъ Россіи русскіе и другіе люди бѣлой расы образуютъ не менѣе двухъ третей населения, а изъ англійскихъ колоній Австралія и Канада почти сплошь заняты бѣлыми; число ихъ довольно велико также въ Южной Африкѣ.

II.

Изучая переселенческое движение въ разныхъ странахъ и въ разныя эпохи, мы замѣчаемъ нѣсколько основныхъ мотивовъ, которые заставляютъ людей навсегда покидать родину. Прѣданность своей вѣрѣ и гоненія со стороны исповѣдниковъ господствующей религіи побуждаютъ людей предпочитать разлуку

съ родиной отступленію хотя бы оть мельчайшей буквы религіознаго толка, оть незначительного обряда. Религіозное одушевленіе проявляется и въ другой формѣ. Объятые энтузіазмомъ, люди стремятся расширить поле своей просвѣтительной дѣятельности обращеніемъ въ свою вѣру иновѣрныхъ племенъ. Если переселенцы не встрѣчаются отпора со стороны туземцевъ, то переселеніе имѣть характеръ мирнаго передвиженія; въ противномъ случаѣ религіозный фанатизмъ огнемъ и мечемъ обращаетъ туземцевъ въ новую вѣру. Религіозное одушевленіе служило двигателевой силой во многихъ переселенческихъ движенияхъ. Оно вліяло на знаменитыхъ путешественниковъ въ эпоху открытій—на Колумба, Кортеца, Пизарро; имъ были сильно окрашены переселенія квакеровъ и цуританъ изъ Англіи въ дѣственные лѣса Сѣверной Америки. Извѣстный гугенотъ Колини начерталъ планъ колонизаціи Флориды, главнымъ образомъ, для того, чтобы заранѣе приготовить пріютъ гугенотамъ. Къ тѣмъ же мотивамъ должны быть сведены передвиженія и нашихъ раскольниковъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣковъ. Съ цѣлью обращенія иновѣрныхъ совершаются такія массовые передвиженія, какъ Крестовые походы, и тѣ нашествія, результатомъ которыхъ было созданіе обширныхъ мусульманскихъ государствъ въ Азіи, Африкѣ и Европѣ. 2) Второю выдающеюся причиной служить недовольство общественнымъ порядкомъ на родинѣ. Имъ можно объяснить въ древности основаніе многихъ греческихъ колоній, въ новое время—колонизацію Исландіи, Новой Англіи, Мэриланда и др. 3) Въ эту же группу стѣдуетъ отнести и условія, содѣйствующія основанію колоній черезъ переселеніе преступниковъ. Можно говорить и объ этихъ переселенцахъ, какъ о людяхъ, недовольныхъ общественнымъ порядкомъ: первые удаляются добровольно; вторыхъ изгоняетъ правительственная власть. Это средство издавна примѣняется правительствами не только для того, чтобы наказать, но и съ цѣлью положить начало гражданственности въ земляхъ, незанятыхъ или рѣдко населенныхъ. Уже при Александрѣ Македонскомъ были колоніи ссылочныхъ изъ мятежныхъ солдатъ. Шведы въ XVII вѣкѣ пользовались для этой цѣли провинціей Ингерманландіей. Англичане отправляли ссылочныхъ въ Сѣверную Америку, а позднѣе—въ Австралію, Францію—въ Гвіану, Португалія—въ Бразилію, а потомъ—на Мозамбикъ. Всѣмъ известно, какое значеніе уже изстари имѣть Сибирь для этой цѣли. 4) Но указанныя причины заслоняются экономическими условіями. По мѣрѣ приближенія къ современной эпохѣ, дѣйствіе всѣхъ другихъ причинъ постепенно ослабѣваетъ, экономическая же причина дѣйствуетъ все болѣе могущественно. Онѣ дѣйствуютъ а) на капиталъ, вызывая не только перемѣщеніе капиталовъ, но и переселеніе ихъ владѣльцевъ.

Оказывая влияние при посредствѣ капитала, экономическая причины высылаютъ изъ отдельныхъ странъ сотни или немногія тысячи людей. Дѣйствуя же б) на трудъ, экономическая условія заставляютъ людей высылаяться большими массами. Принято называть эти условія состояніемъ *чрезмѣрной населенности*. Каково бы ни было ся числовое выражение, она всегда обнаруживается тѣмъ отличительнымъ признакомъ, что въ данной мѣстности многіе не могутъ приложить свой трудъ на обычныхъ, средне-выгодныхъ условіяхъ.

Дабы переселенія стали необходимы, должны были пройти крупные технико-экономическая и юридическая перемѣны. За изобрѣтеніемъ паровыхъ двигателей и переходомъ многихъ отраслей въ крупное производство стали все чаще обнаруживаться избытокъ рабочихъ рукъ и промышленные кризисы. Потребность въ выселеніи становилась все болѣе осязательною; ей благопріятствовали усовершенствованіе способовъ перевозки, замѣна парусного мореходства паровымъ и сооруженіе желѣзныхъ дорогъ. Число переселенцевъ изъ Европы составляетъ за 1791—810 только 120,000, въ 1811—20—114,000, въ 60-хъ годахъ уже 2.600,000, въ 70-хъ—почти 3 миллиона. А въ 80-хъ переселеніе достигло цифры еще болѣе значительной: въ 1885—700,000, а за 3-лѣтіе 1889—91 годовъ—3.300,000. Общее число душъ, выселившихся за 86 лѣтъ (1820—1905) изъ Западной Европы, превышаетъ 36 миллионовъ. Отсюда болѣе $\frac{2}{3}$ приходится на Великобританію, до $\frac{1}{3}$ на Германію, до 1.450,000 на Скандинавскія государства. За послѣдніе годы въ эмиграціонномъ движениі приняла замѣтное участіе Италия: изъ нея высыпалось ежегодно большие 300,000 (въ 1901 году 533,245, въ 1905—726,331). Франція даетъ небольшую цифру, по 7—11,000 въ годъ. Эмигранты изъ Англіи, Германіи, Италии, Скандинавскихъ государствъ направляются преимущественно (90—95%) въ Соединенные Штаты, Канаду и Австралию, переселенцы же изъ Франціи, Испаніи и Португаліи—преимущественно (50—80%) въ Южную Америку.

До 1861 года въ Россіи было мало условій, которыя вызывали бы потребность въ значительныхъ переселеніяхъ: населеніе было рѣдко; повсюду было много неистощенныхъ пустырей; земли помѣщиковъ и крѣпостныхъ составляли одну безразличную массу. Надѣланіе крестьянъ провело пограничную черту между землями обѣихъ сторонъ; въ результатѣ получилось множество малоземельныхъ и безземельныхъ, которые на родинѣ не могутъ удовлетворительно вести свое хозяйство. Крестьяне всѣхъ этихъ группъ,—получившіе четвертной надѣль, надѣль низшей нормы, словомъ, имѣющіе въ черноземныхъ губерніяхъ менѣе 2, а въ не черноземныхъ менѣе 4 десятинъ на 1 душу мужскаго пола,—составляютъ яѣсколько мил-

люновъ душъ. Но многие крестьяне, владѣющіе и большими надѣломъ, находятся въ неблагопріятныхъ условіяхъ. Старые приемы культуры истощили почву и понизили урожайность, а переходъ къ новымъ системамъ не можетъ быть совершенъ съ одного удара. Развитіе въ Россіи крупнаго пропизводства уничтожаетъ многие кустарные промыслы, поддерживающіе малоземельныхъ крестьянъ, а усовершенствованіе фабричной техники создаетъ избытокъ рабочихъ рукъ среди тѣхъ группъ населенія, которыхъ были отвлечены отъ кустарничества къ фабричному труду. Какъ скоро при такихъ условіяхъ обнаружилась большая плотность населенія, 45—50—60 душъ на 1 кв. версту въ черноземныхъ губерніяхъ, и арендная плата дошла до чрезвычайныхъ размѣровъ, до 20—25—30 рублей за десятину подъ одинъ посѣть, что вовсе не соотвѣтствуетъ производительности сельско-хозяйственного труда въ нашемъ отечествѣ, то потребность въ переселеніяхъ оказалась съ полной силой.

Мѣстами водворенія русскихъ переселенцевъ служатъ Сибирь, Кавказскій край, Самарская, Уфимская и Оренбургская губерніи, а по мѣрѣ движенія русскихъ въ Среднюю Азію — и вновь присоединенная азиатскія земли. Переселенія возросли за послѣднія 20 лѣтъ. Съ 1885 года до 1895 г. чрезъ Тюмень прошло около 400.000 душъ, а чрезъ Оренбургъ больше 65.000. За 1897—903 года въ Сибирь передвинулось всего 1,074.820 душъ (изъ нихъ 58.606 на заработки); за 1899 г. число всѣхъ, прошедшихъ въ Сибирь, достигло 223.325, а въ 1907 году, до 20 мая, прошло 330.000. Сибирская желѣзная дорога отклонила переселенцевъ съ прежняго пути; главный потокъ направляется теперь чрезъ Уфу и Омскъ. Въ Томской губерніи осѣдаетъ всего больше переселенцевъ: изъ 620.248 душъ, прибывшихъ въ Сибирь за 5 лѣтъ (1897—91), въ Томской губерніи устроились 308.204; за то же 5-ти-лѣтіе въ Акмолинской области и Енисейской губерніи водворились 86.787 и 81.612 душъ. Всего больше выселенцевъ даютъ черноземные губерніи; за послѣдніе годы увеличилось число выходцевъ изъ Сѣверозападнаго края.

Благосостояніе переселенцевъ возрастаетъ всего быстрѣе, если съ изобиліемъ неистощенной земли и лѣсовъ соединяется высокое техническое искусство и запасы капитала, перенесенные съ родины. Можно было наблюдать такія явленія уже въ древности. Милетъ, Тарентъ, Сиракузы, Агригентъ, по благосостоянію, превосходили всѣ города метрополій, за исключеніемъ Афинъ и Коринфа. Новые греческія поселенія развивались такъ быстро, что Милетъ, напримѣръ, послужилъ разсадникомъ для 70 или 80 колоній. Въ новое время особенно выдѣляется быстрый ростъ Соединенныхъ Штатовъ: ихъ насе-

ление, не составлявшее въ 1790 году полныхъ 4 миллионовъ, достигло теперь 80. Нью-Йоркъ изъ ничтожнаго городка, не считавшаго въ 1758 году и 13.000 жителей, сталъ городомъ съ населенiemъ до 4 миллиона; слѣдуетъ сказать то же и о многихъ другихъ городахъ. Въ 1830 году Калифорнія имѣла только 23.000 жителей, а теперь $1^{1/4}$ миллиона. Изъ государствъ Южной Америки Аргентина особенно выдѣляется своимъ быстрымъ развитiемъ. Одна изъ ея провинцiй — Санта-Фе — имѣла въ 1856 году 1.040 душъ, которыя обрабатывали 1.000 гектаровъ земли, а въ 1888 — 247.332; они воздѣлывали до 780.000 гектаровъ, т. е. на жителя въ 3 раза болѣе. Сельское хозяйство идетъ настолько успѣшно, что аргентинские хозяева находятъ выгоднымъ выписывать рабочихъ изъ Европы и платить имъ на обильной пицѣ по 12—15 франковъ въ день. А виѣшня торговля даетъ поразительныя цифры: за 1901 годъ итогъ превышалъ $281^{1/2}$ миллиона долларовъ, по 90 рублей на 1 жителя, тогда какъ въ Соединенныхъ Штатахъ только по 50 рублей, а во Франціи — по 82. Но во главѣ всѣхъ должны быть, безспорно, поставлены австралійскія колоніи; они являются наиболѣе богатыми странами нашего времени. Народное имущество Англіи опредѣляется суммой въ 250 фунтовъ на 1 жителя, а въ Викторіи — 305 фунтовъ, Новомъ Южномъ Валлисѣ — 323. Параллельно съ ростомъ материального благосостоянія идетъ и возвышение духовной культуры. Обязательное обученіе было введено въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки еще въ половинѣ XVII вѣка, а въ австралійскихъ колоніяхъ народное образованіе сдѣлало такіе усилія, что въ концѣ прошлаго вѣка приходилось 18 учащихся на 100 жителей (въ Пруссіи — 16, въ Англіи — 14 на 100).

И русскіе люди, переселяясь на новыя мѣста, часто достигаютъ благосостоянія, которое не было известно имъ на родинѣ. Конечно, ихъ благосостояніе должно быть измѣряемо совсѣмъ инымъ масштабомъ, нежели тотъ, который прилагаютъ къ колоніямъ, заселеннымъ эмигрантами изъ Западной Европы. Мы имѣемъ основаніе сравнивать австралійца или сѣверо-американца съ населенiemъ ихъ стаинныхъ метрополій; русскаго же новосела мы должны сравнивать съ русскимъ человѣкомъ гдѣ-нибудь въ Курской, Тамбовской и Полтавской губернії.

Алтайскій округъ привлекаетъ наибольшее число переселенцевъ. По среднему выводу для Алтайского округа, 1 дворъ имѣеть 5 лошадей и 6 головъ рогатаго скота; во всей же Европейской Россіи приходится 2, 3 и 1, 3. На одну ревизскую душу въ Европейской Россіи приходится 2—3 десятины земли, въ Алтайскомъ округѣ до 7. Изъ переселенцевъ, достигшихъ такого достатка, 30—35% имѣли на родинѣ не болѣе 1 лошади на дворъ. Изъ всей массы переселенцевъ $3/5$ имѣли на родинѣ

только по 1 коровѣ на дворъ, а на новомъ мѣстѣ такихъ было только $\frac{1}{6}$. Исторія отдельныхъ селеній позволяетъ прослѣдить, какъ быстро могутъ упрочиться переселенцы. Въ 1886 году деревня Ивановка, Верхъ-Чумышской волости, Бійского округа имѣла подъ хлѣбомъ только 23 десятины, а въ 1889—393. Деревня Чернышева, Богатольской волости, Маринского округа, Томской губерніи, возникнувъ въ 1885 году, имѣла черезъ 4 года 90 дворовъ; они продали въ 1889 году 25,000 пудъ хлѣба. Огромные успѣхи сдѣлали деревня Орлова-Розова, Алчедатской волости, Маринского округа. Ее образовали въ 1887 году курскіе крестьяне, поселенные въ числѣ 198 душъ; первый годъ они страшно бѣдствовали и даже умирали отъ голоднаго тифа, а въ 1889 году продали 5,000 пудъ хлѣба. Съ тѣмъ вмѣстѣ мы находимъ и другіе признаки хозяйственныхъ успѣховъ: развитіе машиностроенія въ Бійскомъ и Барнаульскомъ округахъ, развитіе хлѣбной торговли между Алтайскимъ округомъ и Европейской Россіей¹), вывозъ сибирской пшеницы и масла въ Западную Европу.

Однако, въ хроникѣ русскихъ переселеній есть болѣе мѣсто: большое число обратныхъ, не успѣвшихъ устроиться въ Сибири. Изъ числа переселенцевъ за 7 лѣтъ (1897—903) вернулись обратно 120,632, т. е. 12%. За послѣдніе годы, подъ влияніемъ неурожаевъ въ Сибири, число обратныхъ было особынно велико: 21% въ 1900 году и 36,1%—въ 1901.

III.

Переселенія оказываютъ могущественное влияніе на все патріонное хозяйство. Государство выигрываетъ, если, по рабочему искусству, эмигранты изъ чужихъ странъ стоять, въ среднемъ, выше туземнаго населенія; оно выигрываетъ, если переселенцы привозятъ съ собою капиталъ, превосходящій, въ среднемъ, долю, которая причитается на каждого туземца изъ народнаго имущества. Если эмигранты находятся въ противоположныхъ условіяхъ, то наносятъ ущербъ странѣ, которая принимаетъ ихъ.

При внутреннихъ переселеніяхъ, вопросъ о личныхъ качествахъ и зажиточности переселенцевъ не имѣть такой важности: кто бы ни переселялся, бѣдные или зажиточные, трудолюбивые или нерадивые къ работѣ, государство всегда выигрываетъ, если трудъ переселенцевъ поставленъ на мѣстѣ ихъ водворенія въ болѣе благопріятныя условія, нежели въ мѣстахъ ихъ прежней осѣдлости.

Оцѣнимъ доводы, которыми часто стараются доказать, что внутреннія переселенія вовсе не нужны для нашего отечества.

Многіе говорятъ, что переселенія не желательны въ Россіи, странѣ малонаселенной, что только значительная густота населенія обезпечиваетъ народу и ростъ материальнаго благосостоя-

ния, и повышение духовной культуры. Говорятъ также, что огромныя пространства Сибири, при ежегодномъ переселеніи нѣсколькихъ тысячъ крестьянскихъ семей, еще не могутъ достигнуть той плотности населенія, которая служить главнымъ залогомъ высокой гражданственности.

Какая же наименьшая плотность населенія необходима для развитія гражданственности? гдѣ предѣлъ, дальше которого возрастаніе населенности уже связано съ крупными невыгодами для народной жизни? Изученіе современного состоянія европейскихъ народовъ обнаруживаетъ тщетность попытки отвѣтить на поставленные вопросы какими-либо точными числами. Оно убѣждаетъ, что страны, которыхъ, по населенности, относятся другъ къ другу, какъ 20:1, могутъ пользоваться благосостояніемъ и стоять на высокомъ уровнѣ духовнаго развитія. Бельгія имѣеть населеніе въ 210 человѣкъ на 1 квадратный километръ, Англія въ Уэльсомъ—182, Швеція—12, Норвегія—7. Если можно согласиться, что Бельгія и Англія превосходятъ богатствомъ и духовною культурою скандинавскія государства, то было бы совершенно нелѣпымъ предположеніе, что они превосходятъ Швецію или Норвегію въ 10—20—30 разъ, т. е. хотя бы приблизительно въ той пропорціи, въ какой они превосходятъ ихъ населенностью. Въ Америкѣ и Австраліи мы находимъ весьма незначительную населенность: не больше 8—6 человѣкъ на 1 квадратный километръ.

Не будучи въ состояніи опредѣлить хотя бы приблизительными цифрами ту ишашу плотность населенія, которая необходима для общественного прогресса, мы не можемъ указать и высшій предѣлъ нормальной населенности. Въ графствѣ Миддлсексъ на 1 кв. километръ приходится 5.000 человѣкъ; въ департаментѣ Сены на такой же площади живетъ даже болѣе 30.000. Если крайний предѣлъ возможной нормальной населенности далеко не достигнутъ еще ни одной страной, то и стремленіе выселиться изъ родины не стоитъ въ какой-либо прямой связи съ плотностью населенія. Въ 1901 году изъ Англіи въ Уэльсомъ выселилось болѣе 111.000 человѣкъ; число эмигрантовъ изъ Норвегіи составило за тотъ же годъ до 13.000. Если принять въ разсчетъ, что населенность Англіи и Уэльса въ 26 разъ болѣе, чѣмъ Норвегіи, то выселеніе изъ Англіи, чтобы быть относительно равнымъ эмиграціи изъ Норвегіи, должно составлять $11.000 \times 26 = 286.000$, т. е. быть почти въ 3 раза болѣе цифры выселенія за указанный годъ. Мы получимъ еще болѣе рѣзкій контрастъ, если сравнимъ Францію и Швецію. Въ первой населенность достигаетъ 78 человѣкъ на квадратный километръ, а эмиграція даетъ меньшія цифры, чѣмъ изъ Швеціи, при населенности только въ 11 человѣкъ на 1 квадратный километръ.

Итакъ, абсолютно рѣдкое населеніе не исключаетъ необходимости эмигрировать. Шведы и норвежцы довольно большими массами оставляютъ свою родину, передвигаются въ Америку, страну иного языка, иныхъ нравовъ и обычаевъ, передвигаются, конечно, не изъ прихоти, а потому, что не могутъ создать для себя въ отечествѣ удовлетворительныя условія жизни. Если даже скандинавы, усвоившіе и въ земледѣліи, и въ обрабатывающей промышленности довольно совершенные пріемы труда и поднявшіе его производительность, чувствуютъ потребность выселяться, то тѣмъ больше понятна такая потребность въ Европейской Россіи, гдѣ населеніе гораздо болѣе густо, а техника гораздо менѣе совершенна. Плотность населенія въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи составляетъ 22,3 человѣка на 1 квадратную версту. Въ губерніяхъ же, которыя высылаютъ особенно много переселенцевъ, мы находимъ гораздо большую плотность. Въ Орловской и Рязанской губерніяхъ на 1 квадратной верстѣ живетъ уже 50 человѣкъ, въ Тульской - 52, въ Курской до 60, въ Полтавской - 63,7, въ Киевской даже 79,6. Словомъ, въ губерніяхъ, откуда направляются главные потоки переселенцевъ, населенность въ 4—6 разъ выше, чѣмъ въ Швеціи, и въ 8—10 разъ больше, чѣмъ въ Норвегіи. Но пойдемъ дальше. Наклонность выселяться проявляется, главнымъ образомъ, среди крестьянъ, которые владѣютъ малымъ надѣломъ. Чтобы определить плотность населенія въ мѣстности, занимаемой данною группой, нужно принимать въ разсчетъ только ту площадь, на которой сидитъ данное сельское общество. Какъ же велика плотность населенія на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ? Въ любой общинѣ, гдѣ по выкупному договору, заключенному 40 лѣтъ тому назадъ, приходилось по 3 десятины на 1 ревизскую душу, теперь приходится не болѣе 2 десятинъ на 1 душу мужскаго пола или не болѣе 1 десятины на 1 жителя вообще. А это составляетъ уже 100 душъ на 1 квадратную версту — населенность, гораздо большая, чѣмъ во Франціи. Но плотность населенія достигаетъ огромныхъ размѣровъ на земляхъ тѣхъ общинъ, которыя получили надѣль сиротскій или низшей нормы: тамъ мы найдемъ на 1 квадратной верстѣ 300—400 душъ, т. е. въ 1—2 раза больше, нежели въ Бельгіи, которая изстари справедливо гордится своей земледѣльческой культурой.

Мы считаемъ, поэтому, доказаннымъ, что во многихъ мѣстностяхъ Россіи густота населенія и несовершенство техники дѣлаютъ переселенія необходимыми. Постараемся же выяснить, насколько они могутъ содѣйствовать материальному и духовному прогрессу Сибири и Средней Азіи.

Сибирскія губерніи населены очень рѣдко: на 1 квадратную версту приходится отъ 0,1 жителя въ Приморской области,

до 2,6 въ Томской губернії. Однако, населеніе Тобольской, Томской губерній, и даже Забайкальской области значительно гуще, нежели западныхъ территорій Соединенныхъ Штатовъ—Колорадо, Орегонъ и Невада. А въ некоторыхъ округахъ Тобольской губернії (Тюменскій, Ишимскій, Ялуторовскій, Курганскій) населеніость достигаетъ уже 6—8—14 душъ на 1 квадратную версту, чего не имѣть ни одна изъ территорій Соединенныхъ Штатовъ. При столь рѣдкомъ населеніи успѣхи культуры возможны, если новоселы осѣдаютъ значительными деревнями: въ довольно большой группѣ уже возможно далеко идущее раздѣленіе труда. При такомъ поселеніи, ближайшія къ усадебной осѣдлости земли могутъ быть полемъ для развитія болѣе или менѣе интенсивнаго хозяйства, а отдаленныя—лѣса, выгоны—должны служить тѣмъ даровымъ, доступнымъ фондомъ, который будетъ выручать въ черный день и удовлетворять нужды нарождающихся поколеній. Все это побуждаетъ насъ сказать, что рѣдкость населенія сама по себѣ не послужить препятствиемъ для культурныхъ успѣховъ русского востока.

Противники переселеній нерѣдко говорить, что легкая возможность оставить старыя земли и промѣнять ихъ на новые, дѣственныя, способна только увеличивать небрежность русского земледѣльца, его нежеланіе усвоить болѣе совершенные приемы труда; а при такихъ условіяхъ окончательно остановятся успѣхи сельскаго хозяйства. Несостоятельность этого взгляда можетъ быть доказана, какъ справками съ хозяйственной исторіей Западной Европы и Сѣверной Америки, такъ и общими соображеніями. Для средняго типичнаго хозяина естественно, благоразумно и необходимо прежде всего отыскивать въ собственномъ имѣніи лучшіе клочки и изъ нихъ извлекать доходы съ помощью старинныхъ приемовъ, всѣмъ извѣстныхъ и не требующихъ большихъ затратъ, и уже позднѣе переходить къ сложнымъ и дорогимъ нововведеніямъ; такъ и для цѣлаго народа ближайшую и простѣйшую задачу составляетъ планомѣрное размѣщеніе по территории и занятіе тѣхъ земель, которыхъ обѣщаютъ обильно вознаграждать трудъ переселенцевъ. Замѣтимъ также, что $\frac{9}{10}$ всей массы русскихъ переселенцевъ не въ состояніи способствовать успѣхамъ земледѣлія на своей родинѣ; имъ подъ силу только самое экстенсивное хозяйство.

Многіе видѣть въ переселеніяхъ условіе, способное поднять заработную плату сельскихъ рабочихъ и уменьшить выгодность сельскаго хозяйства для крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ, пользующихся наемнымъ трудомъ. Такая перспектива нерѣдко вызываетъ пожеланія, чтобы переселенія совершились въ возможно скромныхъ размѣрахъ, и чтобы государство не содѣствовало массамъ передвигаться на востокъ, въ болѣе благопріятныя условія жизни. — Уже не говоря объ узкости и

неправильности взгляда, при которомъ важный общественный вопросъ разсматривается съ точки зрѣнія частнаго хозяйства, слѣдуетъ замѣтить, что опасенія этого рода вовсе не обоснованы. Ежегодное число переселенцевъ не превышаетъ 300,000 душъ. Приростъ населенія 50 губерній Европейской Россіи опредѣляется цифрою болѣе 1 миллиона, изъ котораго болѣе 900,000 приходится на населеніе деревень. Въ тѣхъ 17—20 губерніяхъ, которыхъ даютъ значительное число переселенцевъ, ежегодный приростъ сельского населенія составляетъ гораздо болѣе 400,000 душъ; а выселается не больше 50% годичного прироста²⁾.

Отливъ такого числа переселенцевъ не можетъ имѣть вліянія на повышеніе платы сельскимъ рабочимъ въ Европейской Россіи вообще, но возможно повышеніе въ отдельныхъ волостяхъ и даже уѣздахъ. Губерніц, поставляющая переселенцевъ, не въ равной степени участвуютъ и будутъ участвовать въ этомъ процессѣ, а потому изъ нѣкоторыхъ уѣздовъ могутъ быть выселенія, превосходящія ежегодный приростъ, тогда какъ изъ другихъ губерній они далеко не будутъ достигать его. Повышеніе заработной платы, еслибы оно вслѣдствіе этого наступило въ уѣздахъ первой группы, не только не будетъ опасно для хозяевъ, пользующихся наемнымъ трудомъ, но даже должно быть признано желательнымъ.

Какъ ни низка плата русскимъ сельскимъ рабочимъ, она иногда тяжела для нашихъ сельскихъ хозяевъ. Каждый знаетъ, что у насъ, при огромной длины рабочаго дня, наемный трудъ менѣе производителенъ, нежели въ Западной Европѣ. И причина этого лежитъ какъ въ тѣлесной хилости дурно питающагося русскаго работника, такъ и въ вяломъ отношеніи нашихъ сельскихъ хозяевъ къ ихъ занятію, въ слѣдованіи стародавнимъ приемамъ земледѣльческой культуры, которые рѣшительно не соответствуютъ измѣнившимся условіямъ нашего экономического быта. Все это служить причиной бездоходности многихъ крупныхъ и среднихъ хозяйствъ и позволяетъ Америкѣ и Австралии успѣшно соперничать съ нами на всемирномъ рынке, хотя ихъ сельскіе рабочіе получаютъ плату въ 3—4 раза выше, нежели наши. Но и въ предѣлахъ нашего отечества мы имѣемъ широкое поле для наблюденія, что самая низкая плата не есть въ то же время плата, наиболѣе выгодная для сельскаго хозяина. Рабочая плата въ прибалтийскихъ и привислянскихъ губерніяхъ стоитъ, вообще, на 30—40—50%, выше платы въ средней Россіи, а именно въ этихъ губерніяхъ хозяйство поставлено наиболѣе удовлетворительно, именно изъ нихъ всего реже слышались жалобы на беспомощное положеніе землевладѣльцевъ. Плата сельскихъ рабочихъ стоитъ всего ниже въ сѣверско-блорусскомъ Полесьѣ и среднихъ черноземныхъ губерніяхъ, и именно въ этой

полосъ сельское хозяйство наиболѣе отстало сравнительно даже съ тѣмъ, что представляетъ сѣверная Россія. Напротивъ, въ южно-русскихъ губерніяхъ плата стоитъ въ $1\frac{1}{2}$ -2 раза выше, чѣмъ вознагражденіе труда въ средней Россія; въ иные годы недостатокъ рабочихъ рукъ еще болѣе повышаетъ эту плату, однако, въ этихъ губерніяхъ хозяйство болѣе доходно, нежели въ мѣстностяхъ съ низшей рабочей платой. Извѣстная часть этого явленія можетъ быть приписана плодородной почвѣ южной Россіи; но важной причиной служить также усовершенствованія въ приемахъ труда, которыхъ замѣчаются именно въ этихъ губерніяхъ. Примѣненіе къ сельскому хозяйству паровыхъ двигателей и разнообразныхъ машинъ встрѣчается наиболѣе часто въ губерніяхъ Бессарабской, Екатеринославской, Подольской, Херсонской. Поэтому, небольшое повышение платы, еслибы оно дѣйствительно произошло, доставить даже выгоду хозяйствамъ, примѣняющимъ наемный трудъ. Это обстоятельство дасть землевладѣльцу новый толчокъ къ тому, чтобы разстаться съ устарѣлой колеей и перейти къ системамъ хозяйства, болѣе соответствующимъ условіямъ внутренняго и международного рынковъ, а потому и болѣе выгоднымъ. Вотъ почему переселенія, рассматриваемыя даже съ такой узкой точки зрѣнія, не представляются противными интересамъ крупнаго сельского хозяйства.

Перейдемъ, однако, на почву права. Намѣренно оставляя въ сторонѣ нужды переселяющихся, мы сравнимъ сталкивающіеся частные интересы и постараемся вывести изъ нихъ нѣкоторая руководящія начала для политики переселеній.

Землевладѣлецъ Курской, Полтавской, Рязанской губерній привыкъ платить сельскимъ рабочимъ по 40—50 копѣекъ въ день. Онъ опасается, чтобы выселенія не подняли поденной платы до 70—80 копѣекъ. Положимъ, что государственная власть считаетъ переселенія въ интересахъ самихъ переселяющихся излишними и смотритъ на нихъ, какъ на явленіе, допустимое лишь подъ условіемъ, чтобы крупное и среднее сельское хозяйство не несло материальныхъ убытковъ. При такой точкѣ зрѣнія было бы послѣдовательно не разрѣшать переселеній или съзиживать ихъ размѣры, еслибы всѣ крупные и средніе сельские хозяева Россіи раздѣляли эти опасенія. Однако, мы видимъ совсѣмъ иное: въ Оренбургской, Уфимской, восточной части Самарской губерніи и многихъ другихъ рѣдконаселенныхъ мѣстностяхъ землевладѣльцы жалуются на необеспеченность своихъ хозяйствъ рабочими руками, на чрезмѣрно высокую плату, на крайнюю трудность хозяйствовать съ правильнымъ разсчетомъ. Эти хозяева платятъ по 70—80—100 копѣекъ въ день и дороже и жалуются, что такія цѣны слишкомъ высоки. Эти хозяева жаждутъ, чтобы ихъ районы привлекали возможно боль-

шее число переселенцевъ, способныхъ, по ихъ убѣждению, понизить заработную плату и сдѣлать веденіе хозяйства болѣе выгоднымъ. Если государство приводитъ переселеніе въ связь съ интересами сельскихъ хозяевъ, пользующихся наемнымъ трудомъ, то какія имѣеть оно основанія для предпочтенія выгодъ полтавскихъ, рязанскихъ или курскихъ землевладѣльцевъ интересамъ землевладѣльцевъ въ Оренбургской и Уфимской губерніяхъ?

Посмотримъ на другую сторону дѣла. Землевладѣлецъ Тульской, Орловской, Киевской губерній привыкъ сдавать свои пашотные и сѣнокосныя земли въ аренду по 18—20—25 рублей за десятину въ годъ. Онъ боится переселеній, такъ какъ, думаетъ онъ, арендная плата понизится на 20—30—40 процентовъ. Но землевладѣлецъ Уфимской и Оренбургской губерній, Новозуенского и Николаевскаго уѣздовъ Самарской губерніи сдается землю въ наемъ по 5—3 р. за 1 десятину. Перейдемъ въ Сибирь на казенные земли: тамъ мы найдемъ еще болѣе низкую арендную плату—въ 30, 20, 10, 5 копѣекъ за десятину. Затрудненіе переселеній, дабы поддерживать арендныя цѣны на ихъ настоящемъ уровне, не можетъ быть оправдано экономической земли на восточной окраинѣ Европейской Россіи или въ Сибири и по качеству почвы, и, нерѣдко, по свойствамъ климата, въ которомъ лежать, отличаются не менѣею производительностью, чѣмъ земли густонаселенныхъ мѣстностей Европейской Россіи, а потому и нѣть основанія, чтобы онъ были въ 5, 10, 20 разъ рѣже населенными, чѣмъ земли великороссийскихъ или малорусскихъ губерній. Еще труднѣе было бы отыскать юридическое оправданіе для такого образа дѣйствій. Почему тульский землевладѣлецъ находится въ лучшемъ правѣ, нежели землевладѣлецъ самарскій или оренбургскій? Почему боязнь понизить арендную плату первого съ 20 рублей за десятину на 18 рублей должна перевѣшивать желаніе поднять арендную плату, получаемую вторымъ, съ 2 на 5 рублей за десятину? Столь же трудно доказать правильность такого образа дѣйствій въ виду несомнѣнного ущерба, который онъ долженъ наносить казнѣ. Чѣмъ болѣе съуживаются переселенія, тѣмъ болѣе вероятно, что громадныя площади казенныхъ земель будутъ приносить только ничтожный доходъ, а наибольшая масса этихъ земель останется и вовсе необитаемою. А такое отношеніе, рѣзко противорѣча общепринятой поговоркѣ, что „казенная копѣйка въ водѣ не тонетъ и на огнѣ не горитъ“, выражало бы непростительное предпочтеніе частныхъ выгодъ интересамъ государственной казны.

Все сказанное побуждаетъ насъ установить слѣдующія положенія: 1) широкое развитіе переселеній могло бы причинить крупнымъ и среднимъ сельскимъ хозяевамъ только самые не-

значительныя, скоро преходящія невыгоды, исчезающія съ улучшениемъ земледѣльческой техники 2) такая политика доставила бы замѣтныя выгоды крупнымъ и среднимъ землевладѣльцамъ въ рѣдко населенныхъ мѣстностяхъ, куда направляются переселенцы, и, наконецъ, 3) она увеличила бы доходность казенныx земель, на которыхъ водворяются переселенцы.

Отстранивъ главныя возраженія, мы считаемъ нетруднымъ доказать, что переселенія способны приносить и, частію, приносятъ большія выгоды и государственному казначейству, и всему народному хозяйству Россіи, и что материальное содѣйствіе переселенцамъ является одною изъ самыхъ производительныхъ затратъ государственной казны.

На родинѣ поселянинъ обрабатываетъ свой крохотный двухъ-десятинный надѣль; его изба подгнила и покосилась; онъ—хронический недоимщикъ по примымъ податямъ; онъ платить абсолютно мало косвенныхъ налоговъ, такъ какъ потребляетъ мало вина и вовсе не знаетъ чаю, сахару, пива. Почти не покупая мануфактурныхъ товаровъ, онъ не открываетъ новаго рынка отечественнымъ фабрикамъ и заводамъ. Не доѣдая и не допивая, онъ производить то малокровное, тщедушное поколѣніе, которое изъ года въ годь поставляетъ все больший процентъ людей, непригодныхъ къ отбыванію воинской повинности. Если благопріятныя условія хозяйства на новыхъ мѣстахъ позволять каждой семье переселенца расширить ежегодную покупку разныхъ товаровъ на 15⁰ рублей, а освобожденіе многихъ земельныхъ надѣловъ увеличить покупательную силу каждого двора, оставшагося на родинѣ, только 50 рублями, то, въ среднемъ, семья, устроившаяся на востокѣ, откроетъ нашимъ фабрикамъ и заводамъ рынокъ на лишнихъ 200 рублей въ годь. Вотъ ежегодный приростъ, который можетъ получить отъ каждой переселившейся семьи русское народное хозяйство. Въ этой суммѣ, по крайней мѣрѣ, 40 рублей, т.-е. 20%, составлять долю государственной казны.

Противъ переселеній изъ Европейской Россіи въ Сибирь возражаютъ еще потому, что такая политика, будто бы, позволяетъ нѣмцамъ занимать наши юго-западныя окраины и постепенно совершать мирное завоеваніе нашего отечества. Въ случаѣ войны съ Германіей онѣмченная западная граница послужила бы для врага очень удобнымъ мѣстомъ стоянки. Однако, статистическія данныя убѣдительно доказываютъ, что губерніи со значительной площастью земли въ рукахъ нѣмцевъ или вовсе не выдѣляютъ изъ себя переселенцевъ, или выдѣляютъ только крайне малочисленныя группы. Можно, поэтому, установить положеніе, что вопросъ о переселеніяхъ русскихъ крестьянъ на востокѣ не стоитъ ни въ какой связи съ иммиграціей иностранцевъ, главнымъ образомъ, нѣмцевъ, въ западныя

части Европейской России. Не слѣдуетъ смѣшивать чисто хозяйственныи интересы средней России, которая даетъ востоку наибольшее число переселенцевъ, и политическія соображенія, связанныя со вселеніемъ нѣмцевъ въ наши западныи пограничныи губерніи. Первыи потребности могутъ быть удовлетворены правильно упорядоченной переселенческой политикой; оплотъ же противъ прилива иностраннныхъ подданныхъ на западныи окраины можетъ быть поставленъ облегченіемъ условій кредита изъ отдѣленій крестьянскаго земельнаго банка, дѣйствующихъ на Волыни, въ Подоліи и Новороссии, и расширениемъ надѣловъ малоземельныхъ крестьянъ въ южныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ.

IV.

Переселенія являются столь крупными фактами общественной жизни, что государство не можетъ относиться къ нимъ безучастно. Правительство страны, откуда совершается эмиграція, имѣть очень слабыи побужденія оказывать материальное содѣйствіе гражданамъ, которые навсегда выселяются за предѣлы отечества и какъ бы становятся потерянными для родины. Однако, чувство гуманности заставляетъ требовать отъ государства охраны и этихъ людей: бѣдные, малограмотные, поверхности знакомые съ отдаленнымъ краемъ, который выбираютъ для поселенія, легковѣрные, эти люди всегда могутъ сдѣлаться добычею тѣхъ ловкихъ промышленниковъ, которые занимаются перевозкою эмигрантовъ и устроеніемъ ихъ на новыхъ мѣстахъ. Вотъ соображенія, которыя за послѣднія десятилѣтія побуждаютъ европейскія правительства заботиться объ эмигрантахъ. И правила, установленныи въ нѣкоторыхъ государствахъ относительно выселенцевъ, распространяются какъ на подданныхъ, такъ и на чужеземцевъ, только проѣзающихъ данную страну.

Попытки правильно организовать переселенія относятся въ Англіи къ 1830 году. По почину Уэйфильда, было основано колонизаціонное общество, которое поставило себѣ цѣлью направлять переселенцевъ въ колоніи. Основныи начала системы Уэйфильда состояли въ томъ, чтобы обеспечить колоніи достаточнымъ числомъ рабочихъ рукъ, чтобы, переселившись работники въ колоніи, преиятствовать самостоятельному веденію ими хозяйства въ теченіе 2—3 лѣтъ. Эта цѣль могла быть достигнута посредствомъ продажи земли по высокой цѣнѣ. Творецъ проекта походилъ изъ убѣждениія, что только развитіе частно-капиталистического производства обеспечиваетъ процвѣтаніе колоній. Дѣятельность колонизаціоннаго общества была непродолжительна и неудачна. Но изъ него выработа-

лось учреждение, облегчившее вмѣшательство государства въ переселенія: въ 1837—40 годахъ была учреждена управа переселеній въ колоніи (colonial land and emigration board). На нее было возложено распространеніе точныхъ свѣдѣній о колоніяхъ, покупка свободныхъ земель и перевозка переселенцевъ. Въ первыя 10 лѣтъ своей дѣятельности она перевезла въ Австралію больше 100,000 душъ, изъ нихъ значительное число на казенный счетъ. Около того же времени возникло нѣсколько частныхъ обществъ для перевозки эмигрантовъ въ Канаду. Хотя правительство ограничивалось выдачею материальныхъ пособій для переселенія въ австралійскія колоніи и сдѣлало только эти переселенія предметомъ своего ближайшаго руководства, однако, подчинило надзору эмиграціонной управы всѣ корабли, перевозящіе переселенцевъ. За 8 лѣтъ (1847—54) правительство переселило въ Австралію больше 207,000 душъ, затративъ на это около 3½ миллионовъ фунтовъ стерлинговъ, которые были выручены отъ продажи земли въ колоніяхъ. Съ конца 50-хъ годовъ стали съуживаться дѣятельность эмиграціонной управы и уменьшаться средства, которыя правительство отпускало на переселенія; въ 1873 году управа была закрыта. Въ 1886 году въ Лондонѣ было основано правительственное справочное переселенческое бюро; оно собираетъ подробныя свѣдѣнія о разныхъ сторонахъ жизни колоній, дѣлаетъ описанія, печатаетъ краткія общедоступныя руководства для переселенцевъ и старается дать имъ широкое распространеніе. Есть также нѣсколько десятковъ частныхъ обществъ, содѣйствующихъ переселенцамъ указаніями и материальными пособіями. Надзоръ за пароходами, которые перевозятъ переселенцевъ, упорядоченъ законами 1855, 1863 и 1872 годовъ. Онъ распространяется на всѣ корабли, которые идутъ въ мѣста, лежащія за предѣлами Европы (кромѣ побережій Средиземного моря). При торговыхъ упправахъ состоять особыя должностныя лица — commissioners of emigration — и цѣлый рядъ подчиненныхъ имъ агентовъ. Ни одинъ корабль съ переселенцами не имѣеть права выйти изъ гавани до тѣхъ поръ, пока не получить удостовѣренія, что былъ освидѣтельствованъ коммиссіонеромъ, и пока владѣлецъ судна не внесъ установленного залога. Лица, промышляющія перевозкой переселенцевъ, и ихъ агенты вносятъ залоги и получаютъ концессію на занятіе этимъ дѣломъ.

Законы о переселенцахъ, изданные въ нѣкоторыхъ германскихъ государствахъ, заслуживаютъ особаго вниманія. Остановимся на гамбургскомъ законодательствѣ, которое должно быть признано во многихъ отношеніяхъ образцовымъ. Первые попытки законодательного упорядоченія переселенческаго дѣла восходятъ къ 1836 году. Правительство вольнаго города Гам-

бурга, богатаго и торгового, поняло, что ростъ эмиграціоннаго потока чрезъ Гамбургъ послужить развитию его торгового флота; правительство поняло, что эмигранты изъ разныхъ странъ будутъ тѣмъ охотнѣе предпочитать Гамбургъ другимъ портамъ, чѣмъ больше будетъ приложено стараний для обеспечения переселенцамъ личной и имущественной безопасности. Постепенно развивааясь, гамбургское законодательство о переселенческомъ дѣлѣ было завершено закономъ 14 января 1887 года.

Во главѣ управления переселенческимъ дѣломъ стоитъ переселенческая управа изъ 6 членовъ: 2 сенаторовъ и 3 членовъ торговой палаты. Управа подвѣдомственно справочное бюро; оно обязано, по требованію переселенцевъ, давать имъ всякаго рода указанія, защищать ихъ отъ убытокъ, которые они могутъ понести. Лица, состоящія при бюро, исполняютъ полицейскій обязанности; они не должны допускать агентовъ по переселенческому дѣлу уже на вокзалахъ вступать въ спошненія съ эмigrantами. При бюро есть врачи, которые свидѣтельствуютъ выселенцевъ, осматриваютъ постоянные дворы, где они останавливаются, и суды, на которыхъ они выѣзжаютъ изъ Гамбурга. Есть также особые надсмотрщики, обязанные наблюдать за тѣмъ, чтобы суда, перевозящія переселенцевъ, были въ полной исправности. Право заниматься переселенческимъ промысломъ связано со многими условіями. Эти лица должны иметь постоянное жительство въ Гамбургѣ, быть германскими подданными. Власти даютъ имъ концессію по представлению залога въ 20,000 марокъ и доказательства того, что они могутъ располагать судами для передвиженія переселенцевъ. Отправители переселенцевъ получаютъ разрешение заниматься своимъ промысломъ только для точно обозначенныхъ странъ или мѣстностей. Принимать переселенцевъ на ночлегъ дозволено только хозяевамъ постоянныхъ дворовъ, которые имѣютъ специальное разрешеніе. Подробныя правила опредѣляютъ обязанности хозяевъ этихъ дворовъ относительно ночлега и харчей переселенцевъ, сбереженія ихъ вещей и денегъ, мѣръ предосторожности отъ огня. Всѣ эти постоянные дворы находятся подъ неослабнымъ полицейскимъ надзоромъ. Если отъездъ переселенцевъ отсрочился не по ихъ винѣ, то отправитель, обязавшійся перевезти эмигранта, долженъ платить денежную цену за каждый просроченный день, считая отъ дня, когда по договору должно было состояться отиѣздъ. Отправители переселенцевъ выдаютъ имъ письменныя условия на немецкомъ языке, а для чужестранцевъ—стъ переводомъ на языкъ, который они знаютъ; въ договорѣ прописывается имя переселенца, званіе, возрастъ, плата за переѣздъ, время отиѣзда изъ Гамбурга, мѣсто назначенія и проч. Другой эк-

земпляръ договора представляется переселенческой управѣ. Подробныи правила опредѣляютъ, въ какомъ состояніи должны быть суда, перевозящія переселенцевъ: вмѣстимость кають, количество провіанта на каждого переселенца, вентиляція, запасы воды для питья, даже число душъ, на которыхъ долженъ приходиться 1 фонарь—все предусмотрѣно этими правилами. Каждое судно, перевозящее больше 50 переселенцевъ, имѣть врача, который долженъ безвозмездно подавать пассажирамъ помощь. Исполненіе правилъ обеспечивается тѣмъ, что всѣ суда находятся подъ наблюденіемъ надсмотрщиковъ, которые могутъ во всякое время посѣщать и осматривать ихъ. Нарушеніе закона и распоряженій относительно переселенцевъ наказывается денежной пеней до 1.500 марокъ или тюремнымъ заключеніемъ до 1 года. Переселенческая управа принимаетъ подъ свое покровительство переселенцевъ тотчасъ по ихъ прибытіи въ Гамбургъ. Должностныи лица, уполномоченные отъ этой управы, встречаютъ переселенцевъ на вокзалахъ и вручаютъ каждому такое, напечатанное на 7 языкахъ объявленіе: „Выселенцы получаютъ безвозмездно защиту и совѣтъ въ бюро гамбургской переселенческой управы“. Уполномоченные управы не дожидаются, чтобы переселенцы обращались къ нимъ за содѣйствіемъ, а посыпаютъ ихъ на постоянныхъ дворахъ, разузнаютъ, не нужно ли имъ чего-нибудь и оказываются содѣйствіе. Всѣ эти мѣры очень полезны: ими объясняется отличное санитарное состояніе переселенцевъ, бѣдущихъ чрезъ Гамбургъ: въ 1887—89 годахъ изъ Гамбурга выѣхало на судахъ около 150,000 душъ; изъ нихъ въ дорогѣ умерли 128, т.-е. меньше $\frac{1}{10} \%$.

Государство, принимающее переселенцевъ, заинтересовано въ томъ, чтобы они не понижали въ странѣ уровня благосостоянія и культуры. А такимъ пониженіемъ угрожаетъ притокъ многочисленныхъ малокультурныхъ массъ, которая, принеся собою дешевый трудъ, уменьшаютъ заработную плату въ своемъ новомъ отечествѣ и оставляютъ многихъ туземныхъ работниковъ безъ занятія. Такимъ же нежелательнымъ приобрѣтеніемъ являются для страны и выселенцы слабаго здоровья, престарѣлые, увѣчные. Государство, охраняя интересы своего населенія, въ правѣ принимать мѣры, ограничивающія вѣзѣдъ такихъ людей. Соединенные Штаты долгое время находились въ подобномъ положеніи. Съ конца 50-хъ годовъ туда ежегодно прибывали многія тысячи китайцевъ, привозившихъ дешевую рабочія руки. А европейская эмиграція доставляла Америкѣ не только дешевый трудъ ирландцевъ, поляковъ, венгровъ, но и престарѣлыхъ, увѣчныхъ, умалишеннѣхъ, которыхъ охотно, на собственный счетъ, отправляли въ Соединенные Штаты многія англійскія и швейцарскія общины.

Все это побудило издать въ 80-хъ годахъ нѣсколько ограничительныхъ законовъ. Ими постановляется высылать обратно тѣхъ переселенцевъ, которые, прибывъ въ Америку, должны лечь бременемъ на общественное призрѣніе; запрещается ввозить въ Соединенные Штаты рабочихъ на основаніи договора, заключенного съ вими до прибытія ихъ въ Америку. Китайцамъ вовсе запрещено переселяться въ Америку.

Сравнивая колоніи западно-европейскихъ народовъ съ окраинными областями Россіи, куда направляются наши переселенцы, мы замѣчаемъ сходныя черты; но есть одно крупное различие, которое дѣлаетъ положеніе Россіи болѣе выгоднымъ. Англія, Франція, Голландія отдалены отъ своихъ колоній океаномъ, и затраты, совершаemыя западно-европейскими народами, являются для метрополіи гадательно полезными. Политическая связь между сторонами, какъ показываетъ исторія Соединенныхъ Штатовъ, не отличается большой прочностью; весь запасъ и личныхъ силъ, и материальныхъ средствъ, которыхъ европейскія страны отдаютъ своимъ колоніямъ, онъ расточаются, быть можетъ, для того, чтобы создать себѣ могущественныхъ соперниковъ. Но все, что Россія сдѣлаетъ для своихъ внутреннихъ переселеній, уже по тѣсной географической связи Европейской Россіи съ русскими владѣніями въ Азіи, послужить къ увеличенію нашего благосостоянія и укрепленію нашего могущества. Великой равнинѣ, перерѣзанной невысокимъ Уральскимъ хребтомъ, сама судьба предназначила быть единымъ государствомъ. Вотъ почему еще въ Россіи можно требовать отъ государства особенного вниманія къ нуждамъ переселенцевъ.

Въ Россіи переселенческое дѣло упорядочено закономъ 13 июля 1889 года. Онъ разрѣшилъ переселяться на казенные земли Европейской Россіи, въ Тобольскую и Томскую губерніи, въ области Семирѣченскую, Акмолинскую и Семипалатинскую. 20 апреля 1892 года законъ былъ распространенъ на Енисейскую и Иркутскую губерніи. Нужно отмѣтить слѣдующія выгодные стороны этого закона: 1) Онъ не нарушаетъ формы землевладѣнія, которая стала для переселяющихся привычно. Ст. 9 предоставляетъ переселенцамъ опредѣлить на сельскомъ сходѣ о принятіи подворного или общинного порядка пользованія землею; тѣмъ самымъ законъ выражаетъ бережное отношеніе къ такому важному факту народной жизни, какъ строй землевладѣнія. 2) Законъ даетъ переселяющимся существенные льготы. Наемная плата за земли, отводимыя переселенцамъ, не должна быть выше платежей, взносимыхъ бывшими государственными крестьянами селеній, находящихся въ одинаковыхъ сельско-хозяйственныхъ условіяхъ съ землями, на которыхъ водворяются переселенцы. Переселенцы освобождаются отъ

всѣхъ сборовъ, которые причитаются казнѣ: въ Европейской Россіи въ течевіе двухъ лѣтъ, а въ Азіатской—въ теченіе трехъ: для послѣднихъ въ теченіе втораго трехлѣтія сборы и платежи опредѣляются въ половинномъ размѣрѣ. Отбываніе воинской повинности отсрочивается первымъ на два года, вторымъ—на три. До окончательного перечисленія переселенцы имѣютъ право пользоваться ссудами для продовольствія и обсѣмененія полей на тѣхъ же условіяхъ, какъ и мѣстные крестьяне. Съ переселенцевъ слагаются числившияся за нимъ на мѣстѣ выселенія недоимки по казеннымъ и мірскимъ сборамъ, а также продовольственнымъ ссудамъ. 3) Законъ постановляетъ (ст. 16), что если земля, на которой возникъ поселокъ, отведена для большаго числа переселенцевъ, то всѣ, кто возвращается въ этомъ поселеніи послѣ образованія изъ него сельского общества, входятъ въ его составъ безъ испрошеннія приемныхъ приговоровъ. Это положеніе закона предупреждаетъ столкновенія между старожилами и переселенцами, проискающей, главнымъ образомъ, изъ того, что старожилы привыкли считать себя исключительными владельцами всей земли, которая тяготѣеть къ нимъ, хотя бы она была достаточна для поселенія вдесятеро большаго числа крестьянъ. Дѣлая въ такихъ случаяхъ приемные приговоры излишними, законъ тѣмъ самимъ уничтожаетъ условіе, которое послужило въ Алтайскомъ округѣ источникомъ раззоренія для многихъ новоселовъ. 4) Мы придаємъ значеніе и тому, что земля доступаетъ къ переселенцамъ не въ собственность, а только въ безсрочное пользованіе съ запрещеніемъ отчуждать участокъ или обременять его долгами. Это положеніе закона ставить исклучительную преграду для развитія сельского пролетаріата и удерживаетъ за государствомъ первое право на отведенную землю. Если съ теченіемъ времени болѣе совершенные приемы земледѣльческаго труда и большая плотность населенія возвысятъ цѣнность и доходность этихъ земель, а число душъ въ данномъ поселеніи не увеличится, то государство будетъ въ правѣ открыть новымъ переселенцамъ доступъ на эти земли съ понижениемъ нормы надѣла.

Но въ законѣ 1849 года есть и крупные недостатки. 1) Надѣль переселенцевъ оставляется сельскому обществу, и на послѣднее перелагаются выкупные платежи, а равно недоимки по казеннымъ, земскимъ и мірскимъ сборамъ. Въ мѣстахъ, где доходность земли превышаетъ сумму сборовъ всѣхъ наименований, это требованіе не можетъ причинить ущерба односельчанамъ выселенцевъ; но тамъ, где земля неплодородна, сельское общество прямо страдаетъ отъ выселенія своихъ членовъ. Въ послѣднемъ случаѣ казнѣ слѣдовало бы принимать на себя потери, которыхъ падаютъ теперь на сельское общество. 2) Переселенія не приводится въ связь съ малоземельемъ кре-

стянъ, бесплодиемъ почвы и другими отличительными признаками дурного состояния хозяйства, а ставится въ полную зависимость отъ усмотрѣнія мѣстной администраціи. Дабы переселенія не наталкивались на препятствія, желательно определеніе условій, при которыхъ мѣстная администрація обязана особенно тщательно и полно изслѣдовывать хозяйство крестьянъ, ходатайствующихъ о разрѣшении переселиться. Въ рядѣ главныхъ условій должны быть поставлены: малый надѣль, менѣе 2 десятина на одну наличную мужскую душу въ черноземныхъ губерніяхъ и менѣе 3%, — въ губерніяхъ нечерноземныхъ, очень бесплодная почва, кочковатыя болота, песчаные насыпи, большая распространенность отхожихъ промысловъ, и именно для сельско-хозяйственныхъ работъ, такъ какъ эти отходы промысловъ свидѣтельствуютъ объ особенно дурномъ положеніи сельского хозяйства въ данномъ районѣ. 3) Законъ не говоритъ о кредитѣ переселенцамъ, который является краеугольнымъ камнемъ для успѣшиаго развитія всего дѣла. Главными условіями ссудъ переселенцамъ должны быть: а) долгосрочность, ибо ссуды будуть затрачиваться на тѣ статьи, которыхъ образуютъ въ хозяйствѣ постоянный капиталъ; б) отсрочка начата погасительныхъ платежей на 5—6 лѣтъ, итъ тому времени, когда переселенцы уже успѣли нѣсколько устроиться на новыхъ мѣстахъ; в) для бѣднѣйшихъ желательны безпроцентные ссуды. Добавимъ къ этому указаніе на необходимость усиленныхъ работъ по изслѣдованию и обмежеванію земель, отводимыхъ переселенцамъ. 5) Къ этому примыкаетъ цѣлый рядъ мѣръ попеченія о переселенцахъ, находящихся въ пути. Упорядоченіе медицинской помощи, устройство бараковъ, бань, хлѣбопекаренъ въ главныхъ мѣстахъ скопленія переселенцевъ, назначеніе новыхъ пунктовъ для конныхъ ярмарокъ, дабы облегчить переселенцамъ пріобрѣтеніе лошадей по недорогой цѣнѣ, строгій контроль надъ пароходами, которые перевозятъ ихъ, вотъ главныя мѣры, могущія ежегодно спасти не одну сотню жизней. Въ этомъ направленіи до сихъ поръ сдѣлано еще очень мало. Переселенцы отправляются въ путь съ ничтожными средствами, кочуютъ по Сибири и часто не могутъ устроиться въ теченіе многихъ лѣтъ. Указанныя нами мѣры въ такой же степени вызываютъ чувствомъ человѣколюбія, какъ и разумнымъ хозяйственнымъ разсчетомъ.

Закономъ 19 сентября 1906 года кабинетскія земли Алтайскаго округа переданы въ собственность казны для водворенія переселенцевъ.

ПРИМЪЧАНІЯ КО ВТОРОЙ ГЛАВѢ.

1) Лѣтомъ 1894 года статистикъ г. Кауфманъ изслѣдоватъ много переселенческихъ поселковъ въ Маріинскомъ и Томскомъ округахъ и нашелъ мѣстами признаки очень быстраго роста.

2) Въ правительственнонмъ изданіи — *Сводъ данныхъ, касающихся экономического положения сельского населения Европейской Россіи* — избытокъ рабочихъ опредѣленъ для 50 губерній цифрою въ 2.704,755 душъ взрослыхъ мужчинъ. „Эти лица, читаемъ мы въ *Сводѣ*, повидимому, могли бы оставить мѣста своего жительства безъ ущерба для сельскаго хозяйства на ихъ родинѣ“ (стр. XI). Съ женщинами и малолѣтними это населеніе, не имѣющее занятія, составить до $6 \frac{1}{4}$ миллионовъ.

3) Лѣтомъ 1894 года на пароходахъ, возвившихъ переселенцевъ отъ Тюмени до Томска и Павлограда, умирало, въ теченіе 12—15 дней, $3\frac{1}{2}$ — $7\frac{1}{2}\%$.

ОТДѢЛЪ СЕДЬМОЙ.

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Литература: Для ознакомлениѧ съ противниками государственнасо-
вьшательства смотрите *J. B. Say*. *Compt complet d'économie politique*. *Senior*.
Outlines of politie. *Econ. Dumoyer*. *Liberté du travail*, 1845. *Bastiat*. *Harmo-
nies économiques* и другіе сочиненія. *Garnier*. *Traité de l'économie politique*.
1860. *J. Simon*. *La liberté*. 1859. *Rentzsch*. *Staat u. Volkswirthschaft*. 1863.
Spencer. *Manversus state*. 1884. Среди. мѣсто занимаетъ *Ad. Смить*. О бо-
гатствѣ народовъ. *Дж. Ст. Миль*. Основанія. *P. Duprat*. *De l'état, sa place
et son rôle dans la vie des sociétés*. 1852. *Laveleye*. *Elements d'écon. polit.*
Jevons. *The State in relation to Labour*. 1888. *Leroy-Beaulieu*. *L'état moderne
et ses fonctions*. 1889. Съ воззрѣніемъ сторонниковъ неограниченного вь-
шательства государства въ хозяйственную жизнь можно познакомиться
изъ сочиненій: *Louis Blanc*. *Organisation du travail*. 1840. *Rodbertus*. *Zur
Belenchtung*. *Ею же*. *Das Kapital*. *Ею же*. *Kleinere Schriften*. *Ею же*.
Изслѣдованія въ націонал. экономіи классической древности (рус. перев.).
Engels. *Ursprung der Familie*. *Ею же*. *Dühring's Umwälzung*. *Lassalle*.
System der erworbn. Rechte. 1859, а также многія рѣчи и статьи. *Schaeffle*.
Quintessenz des Socialismus. 1877, и поздн. издан. Изъ современ. экономист.
изд. особенно: *Schaeffle*. *Bau u. Leben des social. Körpers*. 1878, IV.
Wagner. *Grundlagen des Volkswirthschaft*. II. Ср. также: *Lange*. *Die Ar-
beiterfrage*. *L. u. Stein*. *Verwaltungstlehre*. *Escher*. *Politik*. *Holtzendorff*.
Politik. Дальнѣйшия указанія на литературу у *Kautz'a*. *Theorie der National-
ökonomie*, IX глава и *Wagner'a*. *Grundlagen*, II.

Со второй половины прошлаго столѣтія въ экономической
литературѣ рѣзко обозначаются два направлениѧ. Сторонники
одного проводятъ мысль о вредѣ государственного вмѣшатель-
ства въ народно-хозяйственную жизнь. Представители втораго
держатся убѣжденія, которое краснорѣчиво выражено съ слѣ-
дующихъ словахъ нѣмецкаго полицейста Берга: „Правитель-
ственная власть подобна добродѣтельному генію, заботливо вы-
равнивающему стезю, по которой должны ступать его питомцы;
она очищаетъ воздухъ, который они вдыхаютъ въ себя; она
охраняетъ грады, веси и дворы, въ которыхъ они живутъ, и
улицы, по которымъ они передвигаются; она защищаетъ поля,

которая они обрабатывают; она оберегает ихъ жилища отъ огня и наводненія, а ихъ самихъ отъ болѣзни, нищеты, невѣжества, суевѣрія и безнравственности; не будучи въ состояніи предупредить всѣ несчастные случаи, она старается облегчить ихъ послѣдствія и дать пріютъ каждому, нуждающемуся въ помощи. Ея зоркій глазъ вездѣсущъ; она всегда протягиваетъ намъ руку помощи; она невидимо окружаетъ насть своими неустанными заботами”¹).

Сторонники ограниченія государственной опеки надъ общественнымъ хозяйствомъ имѣютъ физіократовъ своими прародителями; одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ писателей этой школы, Тюрго, ставъ французскимъ министромъ, не замедлилъ осуществить свое научное убѣждѣніе отмѣной цеховъ, которая и ознаменовала его кратковременное управление министерствомъ. Принято думать, что учение о нѣвмѣшательствѣ государства въ народно-хозяйственную жизнь, внесенное въ науку физіократами, получило законченную форму подъ перомъ Адама Смита и, распространившись по Европѣ, повело къ тому крайнему, страстному отрицанію полезности правительственного воздействиія на хозяйство, которое мы находимъ у цѣлой школы экономистовъ въ первой половинѣ 19 вѣка. Такое мнѣніе выдаетъ недостаточное знакомство съ книгою о *Богатствѣ народовъ*. Изъ труда Адама Смита можно привести отрывки, въ которыхъ шотландскій мыслитель безшоворотно порицааетъ правительственное вмѣшательство: онъ — противникъ ограниченій свободы труда, вытекавшихъ изъ цехового строя, противникъ искусственныхъ цѣнъ, которыя выражаются въ таксахъ, установленныхъ правительственою властью, противникъ покровительства туземной промышленности посредствомъ таможенныхъ налоговъ на иностранные товары. Но отъ этого еще очень далеко до ученія о полномъ равнодушіи государства къ хозяйственной жизни народа. Кто внимательно прочтетъ 1 главу V книги труда Смита, тотъ пойметъ, что авторъ отводить для дѣятельности государства довольно широкій просторъ. Важнейшими обязанностями государства является, по мнѣнію Смита, поддержаніе мира извѣнѣ и порядка внутри страны. Это дѣлаетъ необходимыми расходы на военную силу, полицію, судебныя учрежденія. „Третью обязанность государства составляетъ устройство и содержаніе такихъ учрежденій, которыя, будучи въ высокой степени полезны для многихъ людей, никогда не даются такого барыша, чтобы одинъ человѣкъ или нѣсколько лицъ могли покрыть сдѣланныя затраты, а потому и нельзѧ ожидать отъ отдѣльныхъ лицъ устройства и содержанія такихъ учрежденій. Въ разные периоды общественнаго развитія исполненіе этой обязанности требуетъ весьма различныхъ расходовъ”²). Сюда должны быть отнесены

разных учреждений, способствующая развитию торговли и народного образования. Поэтому, устройство дорогъ, мостовъ, каналовъ, гаваней должно быть предметомъ государственныхъ заботъ. Развивая эту мысль, Смитъ говоритъ и о томъ, какъ должно быть организовано завѣдываніе этими сооруженіями, какія изъ нихъ должны находиться въ управлении должностныхъ лицъ, назначаемыхъ государствомъ, и какія могутъ быть оставлены въ завѣдываніи частныхъ лицъ. Къ этому присоединяется также забота государства объ учрежденіяхъ и мѣроприятіяхъ, которые содѣйствуютъ развитию отдельныхъ отраслей торговли. Останавливаясь на условіяхъ веденія торговли въ иностраннѣхъ государствахъ и, особенно, среди народовъ, недостигшихъ культуры, Смитъ доказываетъ необходимость защиты для этихъ торговцевъ. Считая во многихъ случаяхъ полезною дѣятельность частныхъ обществъ по развитію иностраннѣй торговли, онъ советуетъ давать на нѣсколько лѣтъ монополіи обществамъ, которые развиваются торговлю съ отдаленными и нецивилизованными народами.—Смитъ придаетъ также большое значеніе заботамъ государства о народномъ образованіи. Онъ не сочувствуетъ завѣдыванію со стороны государства высшими учебными заведеніями; въ нихъ учить многому, что не нужно; учителя, получая опредѣленное жалованье, прилагаютъ къ дѣлу мало старанія. Еслибы не было государственныхъ университетовъ, то не преподавали бы тѣхъ знаній, за которыхъ нѣть запроса. Иное дѣло — народное образование. Состояніе общества можетъ быть таково, что необходимы заботы правительства, дабы большинство людей не впало въ полное одичаніе. Раздѣленіе труда въ своемъ крайнемъ развитіи приводить общество къ такому состоянію, что огромная масса бѣднѣйшихъ гражданъ, будучи занятаго всю жизнь какой-либо однобразной работой, не можетъ упражнять свои способности. Уровень культуры падаетъ очень низко, и заботы государства становятся необходимыми. А потому, государство должно устраивать народныя школы. Оно можетъ поощрять обученіе бѣдныхъ дѣтей преміями и сдѣлать обязательнымъ посещеніе школы, подвергая известнымъ испытаніямъ каждого, кто желаетъ заниматься промысломъ. Адамъ Смитъ указываетъ на пользу, которую доставляетъ государству распространеніе народного образования. „Но если бы, говорить онъ, государство не извлекало никакихъ выгодъ изъ обученія низшихъ классовъ, то оно должно было бы обратить все свое вниманіе, дабы они не остались совсѣмъ безъ просвѣщенія“ ³⁾.

Джонъ Стюартъ Милль также возлагаетъ на правительство довольно много обязанностей. Высоко цѣня личную свободу, Милль возстаетъ противъ такого государственного вмѣшательства, когда правительство предписываетъ людямъ дѣлать то

или другое или приказывает нещремъю дѣлать известнымъ способомъ. Но есть другое вмѣшательство... „когда оно (правительство) даетъ совѣты и обнародуетъ свѣдѣнія или когда, оставляя частнымъ лицамъ пѣти къ известной общеполезной цѣли частными ихъ силами, не вступалось въ нихъ дѣйствія, но не вѣбрало дѣла исключительно ихъ заботѣ, оно, рядомъ съ частными учрежденіями, устраиваетъ собственное учрежденіе для той же цѣли... Учреждать школы—одно дѣло, а требовать, чтобы никто не могъ становиться преподавателемъ безъ разрѣшенія правительства—другое дѣло. Национальный банкъ или правительственный фабрика могутъ существовать безъ всякой монополіи противъ частныхъ банковъ и фабрикъ... Правительство можетъ содержать штатъ гражданскихъ, инженеровъ, оставляя каждому свободу становиться частнымъ инженеромъ“⁴⁾. Перечисляя предметы государственныхъ заботъ, Милль выскакивается за учрежденіе государствомъ начальныхъ школъ, за организованное общественное призрѣніе, за участіе государства въ переселеніяхъ, за передачу разныхъ предметовъ городского благоустройства въ вѣдѣніе органовъ мѣстного управления...

Рѣзкое отрицаніе правительственного вмѣшательства въ хозяйственную жизнь явилось протестомъ противъ порядка, который господствовалъ на материкѣ Европы. Въ Англіи было меньше условій, благопріятныхъ для этого протesta. Историа обеспеченнія гражданской свободы и политическихъ права высшихъ и среднихъ сословій были причиной того, что англичане имѣли гораздо болѣе широкій просторъ для частной инициативы, нежели граждане другихъ государствъ Европы. Въ 18-мъ столѣтіи, Англія еще не сбросила съ себя всѣхъ цутъ, которыхъ завѣщали ей предыдущія поколѣнія: однако, ея населеніе пользовалось гораздо большею личною свободой, нежели на материкѣ Европы: крѣпостное право давно отошло въ область переданій; цеховой строй еще существовалъ, но рядомъ съ нимъ развилась разнообразная и далеко переросшая его крупная промышленность. Франція была именно тою страной, где протестъ противъ воздействиія правительства на хозяйственный бытъ народа долженъ былъ выражаться въ наиболѣе рѣзкой формѣ. Опека правительства, входившаго въ мелочи частно-хозяйственной жизни, стала невыносима. Французские экономисты, враждую, отъ времени физіократовъ, съ этимъ попечительствомъ, не могли смягчить свой приговоръ относительно правительства уже и потому, что оно было представлено такими ничтожными лицами, какъ оба послѣдніе Людовика. Развѣтвленная административная дѣятельность и безчисленная армія чиновниковъ на каждомъ шагу вредили интересамъ гражданъ, мѣшиали осуществленію самыхъ полезныхъ начинаній; къ тому же въ правительственномъ механизмѣ не было людей, дѣлajиia

которыхъ хотя на короткое время оживляютъ народную жизнь и признаются, какъ благо, болѣе или менѣе многочисленной массой населения. Чѣмъ могла вызывать въ мыслящихъ и любящихъ родину французахъ правительственная дѣятельность отъ конца 17-го и до конца 18-го столѣтія? Ничего, кромѣ досады, негодованія и горечи. Это чувство нашло себѣ мѣсто и въ экономической литературѣ. Сэй, Мерсье де-ла Ривьеръ, а позднѣе Гарнье, Донуайе, Бастиа и многіе ихъ послѣдователи должны были договориться до полнаго отрицанія за государствомъ права на вмѣшательство въ хозяйственный бытъ народа. Именно такими особенностями правительственной дѣятельности можно объяснить исповѣданіе вѣры этихъ писателей, выразившееся въ словахъ Мерсье де-ла Ривьера: „собственность, безопасность и свобода—вотъ и весь общественный порядокъ“. Мы идемъ еще дальше при объясненіи причинъ, которыя создали въ экономической наукѣ направлѣніе, возлагающее на государство только охрану личности и собственности въ тѣсномъ смыслѣ слова: мы смотримъ на всѣ ученія этого рода, какъ на реакцію противъ чрезмѣрного вмѣшательства правительственной власти, а также противъ крайностей въ ученіяхъ коммунистовъ и соціалистовъ, требующихъ воздействиія общественной власти на всю область народнаго хозяйства. Эти требованія вызываютъ въ памяти страницы изъ жизни предыдущихъ вѣковъ, напоминаютъ, какъ часто вмѣшательство государства было неудачно, и становятся причиной незаслуженно рѣзкаго протеста даже со стороны такихъ сильныхъ умовъ, какъ, напримѣръ, Спенсеръ⁵⁾.

Второе направлѣніе, призывающее государства къ дѣятельному вмѣшательству въ хозяйственный бытъ народа, не умирало въ экономической литературѣ, несмотря на горячую проповѣдь сторонниковъ первого направлѣнія; но оно получило отъ соціалистовъ много новыхъ питательныхъ соковъ. Разъ соціалисты не ограничиваются, подобно Джорджу, требованіемъ, чтобы государство оставило широкое поле для частной инициативы и только изъятіемъ земли изъ предметовъ частной собственности поставило гражданъ на путь здороваго хозяйственнаго развитія, разъ они возлагаютъ на государство обязанность устроить общество производство и руководить имъ, то правительственной власти отводить очень широкія права; во многихъ отношеніяхъ эти права далеко выходятъ за предѣлы, которыхъ держится даже самое властное правительство. Развличаешь по планамъ общественного преобразованія, соціалисты сходятся въ одномъ: имъ всѣмъ присуща идея государства, властившаго и объединяющаго всю совокупность хозяйственныхъ явлений. Эта идея выражается у сень-симонистовъ въ государственномъ банкѣ, который владѣеть орудіями труда, упорядочиваетъ произ-

водство, приводить предложение въ строгое соотвѣтствіе съ запросомъ. Эта идея, воплощаясь въ классъ общественнаго кредита Бюшеза, получила наиболѣе яркое выраженіе въ производительныхъ товариществахъ Луи-Бланы и Лассалля. На государство возлагается обязанность доставить рабочему орудія производства; государство приобрѣтаетъ посредствомъ займовъ капиталы и устраиваетъ общественные мастерскія; оно устанавливаетъ лѣстницу должностей въ мастерскихъ и руководитъ ими; оно охраняетъ новые принципы, на которыхъ будетъ построено распределеніе дохода между участниками производства. Полномочія государства только какъющимся образомъ съуживаются въ будущемъ, когда въ промышленности окрѣпнетъ новый порядокъ. Луи-Бланъ, предоставляемъ позднѣе управление товариществами самимъ рабочимъ, хочетъ свести дѣятельность государства только къ наблюденію за установленнымъ порядкомъ вещей; однако, уже само проведеніе этой реформы связано съ крайними ограниченіями частной предпріимчивости и личной свободы въ хозяйствѣ. Идея всемогущаго государства сопутствуетъ и Родбертусу въ его замыслахъ о точномъ опредѣлении долей прибыли, ренты и заработной платы въ общей массѣ произведенныхъ товаровъ и обѣ общественныхъ складахъ, откуда каждый получалъ бы нужные ему продукты сообразно съ числомъ часовъ, проведенныхъ въ общемъ труде. Вотъ какими словами выражаетъ Ласаль идею о всемогуществѣ государства: „Государство есть единство личностей въ одномъ нравственномъ цѣломъ, единство, умножающее въ миллионы кратъ силы всѣхъ личностей, вступившихъ въ это единеніе, въ миллионы кратъ увеличивающее индивидуальныя силы каждой изъ нихъ. Слѣдовательно, цѣль государства не въ томъ, чтобы охранять личную свободу и собственность индивидуума; нѣть, цѣль государства въ томъ, чтобы соединенiemъ индивидуумовъ доставить имъ возможность достигать ступеней существованія, недостижимыхъ для одинокой личности, дѣлать ихъ способными приобрѣтать такую сумму просвѣщенія, силы и свободы, которая не мыслима для отдельного индивидуума. И такъ, цѣль государства — *положительно развивать и постепенно совершенствовать человека*“⁶).

Всѣ эти ученія оставили въ экономической наукѣ глубокій следъ. Въ настоящее время тамъ и сямъ еще слышны отголоски ученій Сэн и Бастіа, еще есть писатели, которые стараются свести къ наименьшимъ размѣрамъ функции государства въ народномъ хозяйствѣ; но подавляющее большинство остается вѣрнымъ второму направлению⁷.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЕРВОЙ ГЛАВѢ.

- 1) *Handbuch des deutschen Polizeirechtes*. 1799. I. стр -1.
 - 2) О борьбѣ народовъ, V книга, 1.
 - 3) Тамъ же.
 - 4) Основанія политич. экон., II, 470.
 - 5) Брошюра *Спенсера*: *The man versus the state*, изъ которой на русскій языкъ переведена одна глава „Грядущее рабство“, не имѣть научнаго значенія.
 - 6) *Лассаль*. Сочиненія, 1870, I, 25—26.
 - 7) *Stein*. Lehrbuch der Finanzwissenschaft. 2 изд. 1871, 6. *Wagner*. Grundlagen. II, 883 и дал.
-

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Пособія. Исаевъ. О предѣлахъ государствен. вмѣшательства. *Русс. Мысль*, 1890, VIII. *Исаевъ*. Вопросы соціологии. 1906 *Menger*. Neue Staatslehre. 1908.

I.

Не трудно доказать, что сторонники крайняго ограниченія правительственной дѣятельности не даютъ себѣ отчета въ обязанностяхъ, которыя возлагаются на государство. Возьмемъ за точку отправленія излюбленныя слова этихъ людей, что весь общественный порядокъ сводится къ свободѣ, собственности и безопасности—и покажемъ, что въ такую формулу могутъ быть облечены, какъ немногочисленныя и несложныя задачи государства, такъ и обширная дѣятельность законодательства и управления, обнимающая всѣ стороны общественной жизни. Все зависитъ отъ идеала, который руководитъ наукой и политикой при истолкованіи этого афоризма.

Никто не станетъ оспаривать положеніе, что безопасность есть необходимое условіе для успѣховъ народнаго хозяйства. Не можетъ быть спора и о томъ, что такая безопасность извѣнъ: каждый разумѣеть подъ этимъ защиту отъ внѣшнихъ враговъ, сохраненіе цѣлости государства съ помощью военной силы. Каковы бы ни были дальнѣйшія послѣдствія вражескаго нашествія, ближайшія послѣдствія неудачной войны невыгодны для всего населения: сокращеніе производства уменьшаетъ доходы землевладѣльцевъ, капиталистовъ, предпринимателей и оставляетъ безъ заработка огромныя массы бѣдныхъ людей; неудачная война часто налагаетъ на весь народъ тяжелое бремя въ видѣ контрибуціи. А потому, призываю государство охранять безопасность извѣнъ, мы требуемъ отъ него такой законодательной, исполнительной и судебнай дѣятельности, посредствомъ которой оно получаетъ возможность располагать

военной силой, достаточной для защиты отъ виѣшнихъ враговъ. Можетъ быть споръ о постоянномъ войскѣ и милиціи, о томъ, велико ли должно быть войско мирнаго состава, нужны ли крѣпости въ такихъ-то мѣстахъ, какой наиболѣе выгодный способъ заготовки венецей для военнаго вѣдомства, но не можетъ быть разногласія относительно полномочій государства, связанныхъ съ введеніемъ войны и заключеніемъ мира.

Совѣтъ иначе слѣдуетъ отнести къ истолкованію термина „безопасность“ во внутренней жизни государства. На низкомъ уровнѣ гражданственности подъ нею разумѣются только то состояніе общества, когда убийства, разбой и грабежи не угрожаютъ мирнымъ гражданамъ на каждомъ шагу, и когда перевозка товаровъ по дорогамъ не связана съ большими опасностями. Но какъ потребности людей расширяются относительно пищи, одежды, жилища, духовныхъ наслажденій, такъ, съ ростомъ гражданственности, люди становятся гораздо болѣе требовательными и относительно безопасности, которую они хотятъ обеспечить себѣ и плодами своего труда. Наши предки жили грубой, однообразной жизнью; грубы и однообразны были и формы, въ которыхъ нарушалась ихъ безопасность. Грубымъ формамъ нападенія должны были соотвѣтствовать и простыя формы защиты: таковыми и явились тѣ системы предупредительныхъ и карательныхъ мѣръ государства, которыя выражались въ несложныхъ уголовныхъ и полицейскихъ сводахъ отдаленныхъ вѣковъ и несложной дѣятельности органовъ полиції. Но съ развитіемъ общества и опасности, угрожающей людямъ, стали безконечно болѣе разнообразны. Вошедшіе въ человѣческій обиходъ новые факты принесли съ собою и новыя опасности, не имѣющія ничего подобнаго себѣ въ жизни нашихъ предковъ. Возьмемъ, напримѣръ, развитіе кредита. Пока кредитные отношенія не развиты, до тѣхъ поръ неѣть опасностей, связанныхъ для людей съ подделькой кредитныхъ документовъ. Разъ кредитъ получалъ всеобщее распространеніе, возникаетъ и новый видъ преступленій—подделька векселей,—и обязанность государства охранять людей отъ этой опасности посредствомъ особыхъ мѣропріятій. Пока производство переживало періодъ ремесла, до тѣхъ поръ жизни и здоровью людей не угрожали опасности, которая влечетъ за собой неосторожное обращеніе съ машинами, невнимательный осмотръ паровыхъ котловъ. Для устраненія этой опасности также потребовалось вмѣшательство государства, которое установляетъ обязательныя правила относительно размѣщенія машинъ, введенія предохранительныхъ снарядовъ и наблюдаетъ за исполненіемъ этихъ правилъ. Торговая сношенія постепенно выработали биржу, а она создала неизвѣстныя раньше формы, посредствомъ которыхъ люди могутъ въ немногихъ днѣй и часахъ терять свое имущество; и го-

государство сознавало, что нужно пойти на встречу этой новой опасности и подчинить жизнь биржи такимъ правиламъ, которые уменьшаютъ опасность. Ростъ народонаселенія удорожаетъ съѣстные припасы, а успѣхи техники облегчаютъ ихъ поддѣлку, позволяютъ придавать вещамъ внѣшность, которая дѣлаетъ ихъ очень сходными съ хорошими товарами, хотя они по своимъ качествамъ уступаютъ последнимъ, а во многихъ случаяхъ даже разрушительно дѣйствуютъ на здоровье людей. Является, такимъ образомъ, опасность, съ которой государство борется посредствомъ санитарно-полицейскихъ мѣропріятій. Возрастаящая густота населенія и увеличеніе доходности земли соблазняютъ неразумно обращаться съ почвой, истреблять лѣса. Государство идетъ на встречу этой бѣдѣ, старается предупредить ея наступленіе, издаетъ лѣсоохранительные законы. Къ приведеннымъ примѣрамъ можно прибавить и много другихъ. Изъ всего сказанного мы сдѣлаемъ такой выводъ: расширение дѣятельности государства во имя достиженія безопасности необходимо именно потому, что большее разнообразіе жизни выдвигаетъ новые опасности. Тѣмъ, кто возстаетъ противъ многихъ ограничительныхъ мѣръ государства въ области промышленности, торговли, биржевой спекуляціи, въ области пользованія естественными богатствами страны, можетъ быть данъ такой простой отвѣтъ: потерявший 1,000 рублей страдаетъ въ равной мѣрѣ, украденія ли они карманымъ воромъ, отяты ли на большой дорогѣ, вымандены ли биржевымъ дѣльцомъ; человѣкъ, пролежавшій некоторое время въ постели отъ болѣзни, страдаетъ въ равной мѣрѣ, потерпѣлъ ли онъ отъ насилия грабителей, отъ взрыва парового котла на фабрикѣ, отъ потребленія испорченной рыбы. Можно спорить о томъ, въ какой мѣрѣ зламъ воли была причиной вреда или убытковъ, понесенныхъ человѣкомъ; можно требовать въ однихъ случаяхъ строгихъ кара, а въ другихъ—только незначительныхъ взысканій; но несомнѣнно одно: если государство принимаетъ мѣры, дабы предупреждать опасности одного рода, то нѣть основанія относиться безучастно къ опасностямъ другаго рода.

На это можно сдѣлать, повидимому, еще то возраженіе, что человѣкъ гораздо легче способенъ самъ предупредить невлагоды, которые приносить съ собою усложняющаяся общественная жизнь, нежели защититься отъ опасностей, которыхъ, выражаясь въ насилии надъ лицомъ и имуществомъ, издавна служатъ предметомъ государственныхъ заботъ. Однако, нельзя доказать это положеніе: какъ недостаточны силы и средства частныхъ лицъ, чтобы прекратить разбои и грабежи на большой дорогѣ, такъ массы людей, несущихъ скромныя сбереженія въ банкѣ, трудно защититься отъ убытка, который могутъ причинить имъ рискованные обороты банкрской ковторы или же—такъ

трудно имѣть специальные знанія, необходимыя для того, чтобы отличить доброкачественный товаръ отъ испорченного или поддельного. А есть опасности, съ которыми отдельными лицами труднѣе бороться, нежели съ самыми грубыми наспѣшими въ періоды кулачного права. При достаточной физической силѣ и мужествѣ, торговцы и возчики могутъ охранить свои товары отъ разграбленія на большой дорогѣ. Но одинъ человѣкъ или группа людей безсилны оградить своей скотъ, если новальная болѣзнь свирѣпствуетъ въ населеніи и большинство держится образа дѣйствий, который распространяетъ заразу. Отдельные лица не могутъ охранить свои поля отъ вредныхъ насекомыхъ, если цѣлый край держится такихъ пріемовъ земледѣльческаго труда, которые способствуютъ ихъ размноженію.

Слово „свобода“ можетъ также вызвать очень разногласія. Когда говорятъ объ обязанности государства обеспечить личную свободу гражданъ, то имѣютъ въ виду несходныя вещи. Сплошь и рядомъ подъ этимъ разумѣется такой правовой порядокъ, который, будучи формально однимъ и темъ же для всѣхъ гражданъ, доставляетъ немногимъ крупные выгоды, а большинству — почти никакихъ, ибо оно не имѣетъ условій, необходимыхъ для пользованія свободой. Конечно, гражданская свобода обнимаетъ такія права, которыхъ имѣютъ общечеловѣческое значеніе, независимыя отъ времени и мѣста, важныя для каждого, каковы бы ни были его имущественные средства и положеніе. Во главѣ этихъ правъ стоитъ свобода вѣры, устнаго и печатнаго слова. Но гражданская свобода выражается и въ такихъ формахъ, которыхъ доставляютъ членамъ общества далеко не одинаковыя выгоды. Такова, напримѣръ, свобода передвиженія. Это право имѣть большую цѣнность; но бѣднѣйшие граждане часто извлекаютъ изъ него очень мало выгоды. Владѣніе имуществомъ позволяетъ человѣку пользоваться этимъ правомъ и избирать любое мѣсто осѣдлости. Бѣднѣйшие классы извлекаютъ изъ этой свободы очень мало пользы: нужны уже нѣкоторыя материальныя средства, дабы на время передвижнуться за нѣсколько сотъ верстъ отъ своей родины; чтобы переселиться за нѣсколько тысячъ верстъ и обзавестись самымъ скромнымъ хозяйствомъ на новомъ мѣстѣ, нужно имѣть не только право на свободное передвиженіе, но и капиталъ, собственный или полученный въ ссуду. Возьмемъ свободу договора. Владѣніе имуществомъ позволяетъ извлечь изъ этого права все выгоды, которыхъ человѣкъ стремится достигнуть въ своей хозяйственной дѣятельности. Землевладѣлецъ сдаетъ свою землю въ аренду безъ всякаго стѣсненія относительно личности съемщика, срока и проч. Предпринимательанимаетъ рабочихъ тамъ, тогда и на такихъ условіяхъ, какъ представляется наиболѣе выгоднымъ. Но членъ

бѣднѣйшаго класса извлекаетъ изъ права свободнаго договора только ограниченныя выгоды: продавая свой трудъ, онъ почти всегда вынужденъ принимать условия, которыя предлагаются ему. Право свободнаго передвиженія еще не даетъ возможности избрать такое мѣсто осѣдлости, которое обѣщаетъ наиболѣе выгодъ, а потому земледѣлецъ платить за арендованіе 1 десятины 20 рублей въ годъ, хотя бы производительность почвы и способы веденія хозяйства не оправдывали арендной платы болѣе 10 рублей; право свободнаго передвиженія еще не даетъ возможности отправляться туда, где наемная плата ниже. Свобода выбора занятія имѣть не равное значеніе для членовъ достаточныхъ и бѣднѣйшихъ классовъ. Первые могутъ дать дѣтямъ подготовку, которой требуетъ любой родъ труда, могутъ извлечь изъ этого права всѣ выгоды, которыя оно, вообще, можетъ доставить. Вторые же фактически ограничены въ выборѣ занятія: ихъ дѣтыма открыты только наиболѣе простые виды труда, которые вовсе не требуютъ подготовки. Право избрать занятіе съ выполнениемъ только немногихъ формальностей облегчаетъ богатымъ людямъ основаніе огромныхъ предпринятій; отсутствіе же цеховыхъ или полицейскихъ стѣсненій, замѣна разрѣшительного порядка явочными еще не сдѣлаютъ ни одного работника хотя бы мелкимъ самостоятельнымъ промышленникомъ. Поэтому, при внимательномъ анализѣ, требование возможно широкой гражданской свободы содержитъ: 1) требование такихъ правъ, которыя имѣютъ общечеловѣческое значеніе (свобода вѣры и слова) и 2) такихъ, которыя позволяютъ имущимъ классамъ создать особенно выгодное положеніе и не имѣютъ реальнаго значенія для бѣднѣйшихъ. Требование, чтобы государство обеспечивало гражданамъ наибольшую личную свободу, получаетъ всеобщее значеніе только тогда, когда къ нему присоединяется дополнительное требование — относительно созданія условій, которыя позволятъ и бѣднѣйшимъ классамъ извлекать выгоды изъ этой свободы. Сошлемся, въ видѣ примѣра, на свободу выбора занятія: она можетъ получить реальное значеніе для бѣднѣйшихъ лишь въ томъ случаѣ, если 1) начальное образованіе всеобще, обязательно и безвозмездно. 2) если въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ есть довольно большое число стипендій для наиболѣе способныхъ юношей, прошедшихъ начальную школу. Только при такомъ порядкѣ бѣдность не служить преградою въ выборѣ и сложнаго труда тѣмъ лицамъ, которыя пригодны къ призваніямъ, требующимъ многолѣтней подготовки. Итакъ, государство можетъ обеспечить всѣмъ гражданамъ наибольшую личную свободу, если цѣлый рядъ экономическихъ и культурныхъ мероприятій сдѣлаетъ ее благомъ и для бѣднѣйшихъ классовъ.

Требуя, чтобы общественная власть охраняла „собственность“,

противники вмѣшательства государства въ хозяйственную жизнь народа также употребляютъ терминъ, которому не можетъ быть дано какое-либо одно определенное содержаніе. Сэй и экономисты его школы разумѣютъ подъ „собственностью“ право частной собственности того склада, какой оно пришло въ европейско-американскомъ мірѣ. Однако, даже поверхностное отношеніе къ дѣлу убѣждаетъ, что охрана права частной собственности, какъ оно сложилось въ новѣйшее время, не можетъ сдѣлать гражданскую свободу благомъ для всего народа. Неограниченное право частной собственности имѣть своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ поглощеніе мелкихъ имуществъ крупными и низведеніе все большаго числа людей на тотъ уровень матеріальной обеспеченности, где личная свобода, не подкрепляемая разнообразными государственными мѣропріятіями, имѣть очень малое значеніе. Дабы обеспечить бѣднѣйшимъ классамъ достиженіе ихъ жизненныхъ цѣлей, становится необходимымъ все большее развитіе дѣятельности государства. Умноженію государственныхъ задачъ и росту государственныхъ расходовъ препятствуетъ начало пропорциональности, которое послѣдовательные защитники права частной собственности всегда кладутъ въ основаніе податныхъ системъ. Пропорциональное начало въ налогахъ, при необходимости брать изъ маленькихъ имуществъ и доходовъ только небольшую долю, не позволяетъ возлагать на крупныя имущества и доходы такое бремя, какое они могутъ вынести безъ труда. Если изъ дохода въ 300 рублей налогъ береть только 5%, то возлагаетъ на плательщиковъ очень тяжелое бремя; если онъ береть 5% изъ дохода въ 50,000 рублей, то причиняетъ незначительную тягость. А въ результатѣ — крайняя скудость средствъ, которыя государство можетъ затрачивать на решеніе культурныхъ задачъ. Такимъ образомъ, слишкомъ строгая охрана права частной собственности дѣлаетъ государство служебнымъ средствомъ для относительно все меньшаго числа гражданъ. Подъ напоромъ этого сознанія въ законодательство современныхъ государствъ вошли начала, которыя противорѣчатъ неограниченному праву частной собственности: прогрессивность въ налогахъ, сравнительно высокое обложение имуществъ, переходящихъ къ лицамъ, которыя не связаны съ прежнимъ собственникомъ близкими узами родства, свобода отъ налоговъ для самыхъ мелкихъ доходовъ¹). А разъ сдѣланы одни ограниченія, то почему не сдѣлать дальнѣйшихъ? Если наука и законодательство признаютъ прогрессивность обложения справедливою, то почему не дать ей гораздо болѣе яркаго выраженія? Почему, во имя общаго блага, не перестроить права собственности? Почему не внести въ наследственное право новыхъ началь, которыхъ на многихъ пунктахъ съживали бы волю наследодателя? Мы присоединимся

къ положенію, что государство обязано охранять собственность. Но мы разумѣемъ подъ строемъ собственности не только то, что господствуетъ въ Европѣ въ началѣ 20 вѣка, не то, что служить классовымъ или сословнымъ интересамъ, а подвижные нормы права, измѣняющіяся, все болѣе приспособляющіяся къ требованіямъ, которыхъ выдвигаетъ идея о благѣ всего народа.

II.

Познакомимся съ важнейшими формами, въ которыхъ государство можетъ воздѣйствовать на экономическую жизнь народа.

1) Отношеніе закона къ устному и печатному слову имѣть наиболѣе общее вліяніе. Свобода слова имѣть великое значеніе. Свобода печати, служа всеобщему преусѣпленію людей, оказывается равномѣрно благотворное вліяніе на всѣ стороны общественной жизни. Правдивая, беспристрастная и всесторонняя оцѣнка государственныхъ мѣръ, принимаемыхъ въ интересахъ народного хозяйства, обыкновенно содѣйствуетъ такому ихъ направленію, при которомъ они могутъ быть наиболѣе выгодны для населения. Поставленъ ли на очередь вопросъ о расширеніи крестьянского землевладѣнія, обѣ упроченіи дворянской земельной собственности, о развитіи фабричнаго, желѣзодорожнаго, акціонернаго законодательства, о мѣстностяхъ страны, куда всего болѣе цѣлесообразно направить переселенія, обѣ отрасляхъ промышленности, которымъ казна можетъ вести съ наибольшимъ успѣхомъ — участіе печати имѣть огромную важность. Значеніе свободной печати для успѣшности народного труда можетъ обнаружиться и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда должностные лица, поставленные государствомъ, земствомъ, городомъ, нерадивы, неумѣлы, когда они не исполняютъ законовъ, заставляютъ гражданъ терять много времени на хожденіе по дѣламъ, когда они, по недоразумѣнію или излишнему служебному рвению, превышаютъ власть. Всё это отнимаетъ у частныхъ лицъ много рабочаго времени и умаляетъ производительность труда. Въ подобныхъ случаяхъ печать приносить тѣмъ больше пользы, чѣмъ болѣе широко ея право разоблаченія недостатковъ администраціи. Свобода печатнаго слова еще болѣе нужна тогда, когда чиновничество не только небрежно въ исполненіи служебныхъ обязанностей, но имѣть наклонность ко взяточничеству; при такой наклонности, администрація находитъ тысячи предлоговъ вмѣшиваться въ хозяйственную жизнь частныхъ лицъ, создавать ненужныя стѣсненія, давать законамъ слишкомъ широкое толкованіе и нарушать правильность народного труда. Именно здѣсь разоблаченія печати могутъ приносить наибольшую пользу и предотвращать многочисленныя злоупотребленія.

2) Свобода образованія союзовъ также имѣть большую важность. Чѣмъ болѣе сложными и разнообразными становятся потребности людей, тѣмъ болѣе крѣпнетъ сознаніе, что ни частная лица въ одиночку, ни правительство или органы самоуправлениія не въ состояніи удовлетворить всѣ возникающія нужды. Для многихъ изъ нихъ необходимы свободно возникающіе союзы. Хозяйственная жизнь выигрываетъ, если въ странѣ могутъ легко и свободно слагаться разныя ученія и практическія общества. Народное хозяйство получаетъ прямые выгоды въ тѣхъ случаяхъ, когда свободно возникаютъ общества, преисполнущія экономическая цѣли; косвенно же хозяйственнымъ успѣхамъ народа способствуютъ всѣ союзы, которые развиваются общее и техническое образованіе, борются съ пьянствомъ и пр. Свободная дѣятельность такихъ обществъ, доброжелательное отношеніе правительства ко всякимъ союзамъ, преисполнущимъ хозяйственная и культурные цѣли, имѣть, поэтому, первостепенное значеніе.

3) Очень важна также свобода передвиженія людей въ предѣлахъ страны, отсутствіе паспортныхъ ограничений. Прикрѣпленность человѣка къ его постоянному местожительству, трудность перехода изъ одного мѣста въ другое, обязательность паспорта, сложная формальности и значительные расходы, связанные съ его получениемъ,— все это имѣть прямое влияніе на производительность народного труда. Только въ рѣдкихъ случаяхъ люди по прихоти оставляютъ привычную осѣдлость. Въ современномъ обществѣ немногочислены и тѣ люди, которые навсегда или на продолжительное время покидаютъ родину потому, что ихъ не удовлетворяютъ условия духовной жизни: политический порядокъ, религиозная нетерпимость. Огромное большинство оставляетъ свою родину потому, что хозяйственная дѣятельность находится въ невыгодныхъ условіяхъ и новое мѣсто или навсегда, или на долгое время обѣщаетъ для работы болѣе благопріятную обстановку.

Но необходимо и ближайшее внимательство государства въ разныя области экономической жизни.

Являясь представителемъ длиннаго ряда поколѣній, государство должно заботиться о томъ, чтобы условия внѣшней природы не измѣнялись къ худшему и даже улучшались. Эти заботы выражаются въ поддержаніи свойствъ климата, благопріятныхъ для населенія, въ сохраненіи неистощимыми производительныхъ силъ почвы, въ контролѣ надъ пользованіемъ тѣми естественными богатствами, которыхъ не могутъ быть воспроизведены, въ защите суши отъ наводненія со стороны морей и рекъ, въ охраненіи лѣсовъ отъ неправильныхъ рубокъ и въ обльсеніи значительныхъ пространствъ, особенно, по склонамъ горъ. Государство можетъ съ большимъ успѣхомъ

действовать также при осушении болотъ и орошении степей. Вся эта дѣятельность можетъ быть названа борьбою съ неблагопріятными условіями вѣнчайшей природы. Для исполненія этой сложной обязанности, которую такъ пренебрегали въ прошедшемъ, государство должно бороться, какъ съ нѣкоторыми силами вѣнчайшей природы, не легко допускающими контроль, такъ и съ алчностью или непредусмотрительностью настоящаго поколѣнія. Не одно государство можетъ исполнить эти важныи обязанности; но оно никогда не должно относиться къ нимъ равнодушно.

Государство имѣть разнообразныи обязанности и въ сфере производства. На правительство лежитъ слишкомъ много функций первостепеной важности, чтобы завѣдывать различными отраслями производства и упорядочивать всѣ ихъ техническии особенности. Пусть же тысячи разновидностей промышленности и торговли останутся въ исключительномъ или хотя преобладающемъ вѣдѣніи гражданъ. Но вся производительная жизнь общества представляетъ двѣ стороны, которыя требуютъ неослабныхъ заботъ государства и часто усиленнаго внимательства. Таковы, во-первыхъ, всѣ тѣ отрасли хозяйства, которыя имѣютъ всеобщее значеніе и своимъ услугами все болѣе входятъ въ обычный жизненный обиходъ всѣхъ гражданъ: монетное дѣло, страховое, почтовое, главные пути сообщенія. Всеобщее значеніе этихъ отраслей, особенная важность избѣгать въ этихъ сферахъ поддѣлокъ и даже мелкихъ ошибокъ и неточностей дѣлаютъ нецѣлесообразнымъ предоставление этихъ производствъ вѣдѣнію частныхъ хозяйствъ; а сравнительная техническая простота этихъ отраслей, законченность типовъ и достаточное ихъ совершенство облегчаютъ завѣданіе ими даже со стороны такого тяжеловѣснаго механизма, какимъ является государство. Вотъ почему эти отрасли или совсѣмъ изъемлются изъ вѣдѣнія частныхъ хозяйствъ, и ведутся исключительно государствомъ, или же ведутся и государствомъ, и частными хозяйствами съ размежеваніемъ областей въ интересахъ всего общества. Отмѣтимъ, во-вторыхъ, черту, общую всѣмъ производствамъ: небольшой сравнительно кучкѣ землевладѣльцевъ, капиталистовъ и предпринимателей противостоять многочисленная масса рабочихъ. Представимъ себѣ, что алчность и невѣжество людей, обузданная государственною властью относительно пользованія лѣсами или почвою, будутъ имѣть широкій просторъ въ сфере пользованія наемнымъ трудомъ: и наступить полное тѣлесное вырожденіе многихъ десятковъ миллионовъ людей, быть можетъ, большей части населенія. Такимъ образомъ, въ этой области должны быть открыты широкій просторъ для регулирующей дѣятельности государства.

Имѣеть ли государство задачи въ сферѣ распределеній багатствъ? И факты, и априорныя заключенія заставляютъ думать, что пауперизмъ, порождаемый всѣмъ общественнымъ строемъ, имѣеть очень слабый противовѣсъ въ присущихъ людямъ чувствахъ дружелюбія. Чѣмъ бы ни говорили о личной виновности огромной массы бѣдняковъ, о заслуженности нищеты, о возможности для большинства измѣнить къ лучшему свою долю, — изученіе хозяйственнаго быта любой страны въ прошломъ и настоящемъ обнаруживаетъ совершенно иные причины пауперизма: юридическій порядокъ, закрѣпляющій право собственности на землю въ рукахъ меньшинства населенія, техническія особенности производствъ, способствующія ихъ концентрації въ рукахъ немногихъ, временами острый и всегда хроническій избытокъ рабочихъ рукъ, низкая заработка плата, системы налоговъ, большую тяжестью падающихъ на бѣдныхъ, чѣмъ на богатыхъ, — вотъ главныя причины того, что въ каждой странѣ 3—5% населения должны быть занесены въ списки нищихъ. Вся масса нищихъ, которымъ, чтобы только не умереть сть голодомъ, нужны сотни миллионовъ въ годъ, имѣеть къ своимъ услугамъ, кроме отдельныхъ лицъ, истинно гуманнѣхъ, кошельки и всѣхъ остальныхъ согражданъ; но эти кошельки развязаны лишь настолько, чтобы человѣка не упрекали въ крайней скверности. А для этого нужно очень немного: аккуратно дѣлать небольшіе членскіе взносы въ одно или иѣсколько благотворительныхъ обществъ. Факты показываютъ, что частная благотворительность недостаточна, а априорное заключеніе убѣждаетъ, что она и не можетъ быть достаточна. И государственное вмѣшательство, направленное въ эту область, получаетъ полное оправданіе. Оно оправдывается юридически, ибо законъ, организуя общественное призрѣніе, только въ небольшой степени умаляетъ рядъ блестящихъ побѣдъ, которая эгоизмъ одерживалъ и одерживаетъ надъ начальами дружелюбія. Общественное, принудительно-организуемое призрѣніе должно быть одобрено и въ хозяйственномъ отношеніи, такъ какъ оно больше смягчаетъ пауперизмъ, нежели то подъ силу частной благотворительности. Намъ говорятъ, что общественное призрѣніе, установленное закономъ, уменьшаетъ наклонность людей къ благотворительности, а факты свидѣтельствуютъ, что ни одна страна не можетъ соперничать съ Англіей по размѣрамъ частной благотворительности и разнообразію формъ, которая она принимаетъ; а между тѣмъ въ Англіи общественное призрѣніе получило законченную форму раньше, чѣмъ въ другихъ странахъ. Особый классъ образуютъ тѣ нуждающіеся, которые способны къ труду, но невыгоднымъ порядкомъ владѣнія и производства пріурочены къ самой скучной долѣ народнаго дохода и самому скучному удо-

влетворенію потребностей. Общественный процессъ самъ по себѣ съ трудомъ вырабатываетъ формы, которыя помогли бы многочленной безземельной массѣ стать землевладѣльцами или массѣ фабричныхъ работниковъ достигнуть самостоятельности посредствомъ соединенія въ товарищества. И здесь государство имѣть цѣлый рядъ важнѣйшихъ обязанностей: утилизировать свободныя казенные земли для надѣлекъ ими нуждающагося люда, развить долгосрочный кредитъ для выдачи ссудъ на приобрѣтеніе земли, а краткосрочный — для выдачи ссудъ артельницмъ предпрѣтіямъ, оказывать материальное содѣйствіе переселенцамъ и т. д. Всѣ эти мѣры, уменьшая безработицу, поднимаютъ уровень благосостоянія бѣднѣйшихъ гражданъ и тѣмъ благотворно вліяютъ на распределеніе богатствъ.

Государство обязано воздѣйствовать и на народное образованіе. Наибольшее возвышеніе уровня народного образованія необходимо, дабы съ каждымъ поколѣніемъ увеличивалась и власть человѣка надъ вѣтшнею природой и, въ его душѣ, власть лучшихъ стремлений надъ животными влечениями. Одна частная предпримчивость не можетъ удовлетворить потребность въ учебныхъ заведеніяхъ. Милліонеръ, получившій вкусъ къ наукѣ и искусству, всегда склоненъ пожертвовать или завещать крупный капиталъ въ пользу пасторовскаго института, университета, высшаго специального училища и, пожалуй, средней школы, т. е. учрежденій, которыхъ служатъ духовнымъ нуждамъ преимущественно людей богатыхъ и зажиточныхъ. Эти заведенія болѣе величественны, болѣе замѣтны, а потому и способны окружить гораздо большими блескомъ имена жертвователей или завѣщателей, нежели народныя школы. Частная предпримчивость способна иногда удовлетворить потребность общества въ ученыхъ учрежденіяхъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; но она оставила бы очень большой пробѣлъ въ среднихъ и, особенно, низшихъ училицахъ. А такъ какъ большинство изъ тѣхъ, кто нуждается въ начальныхъ и даже среднихъ школахъ, не въ состояніи сами обеспечить удовлетвореніе этой потребности, то на государство и лежитъ обязанность имѣщательства въ дѣло народного образованія, всего болѣе, низшаго. Даже въ странахъ съ могучею личной инициативой, каковы Англія, Соединенные Штаты, Австралія, народное образованіе обязано государству своими главными успѣхами. А всякий, знакомый съ русской жизнью, согласится, что еслибы не энергическая дѣятельность земства и городскаго самоуправления, то нашъ народъ и до сихъ поръ быль бы въ томъ непроницаемомъ мракѣ, который 40 лѣтъ назадъ царилъ въ русскихъ деревняхъ и даже городахъ. Отчеты фабричныхъ инспекторовъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, насколько недостаточна въ этой области дѣятельность однихъ частныхъ

липъ. Если фабриканты такъ мало дѣлаютъ для облегченія малолѣтнимъ рабочимъ доступа къ начальному образованію, то нѣть данныхъ предполагать, чтобы въ другихъ слояхъ нашего общества нашлось довольно богатыхъ и благотворительныхъ людей, способныхъ хотя въ слабой степени удовлетворить эту потребность русской жизни.

Обширная сфера потребленія богатствъ представляетъ ту область, где вмѣшательство государства наименѣе цѣлесообразно. Мой сосѣдъ — богатъ онъ или бѣдентъ, просвѣщенъ или невѣжественъ — не страдаетъ отъ того, что у меня въ домѣ заведенъ опредѣленный порядокъ относительно пищи, одежды, развлечений; ему безразлично, какого рода образованіе я даю моимъ дѣтамъ, какую часть дохода я проживаю. Пока потребленіе не принимаетъ формъ, вредныхъ своей безнравственностью, до тѣхъ поръ слѣдуетъ оставить его въ сторонѣ отъ вмѣшательства государственной власти. Нужно преслѣдовать роскошь не законами противъ роскоши, а преобразованіями общественнаго строя, которыя смягчаютъ неравенство въ распределеніи богатствъ.

III.

Располагаетъ ли государство достаточно подготовленными силами, чтобы, принявъ на себя столь разнообразныя обязанности, благотворно вліять на хозяйственную жизнь? Противники государственного вмѣшательства находятъ въ существѣ государства иѣсколько слабыхъ сторонъ, которыхъ мы и сдѣляемъ предметомъ разсмотрѣнія²⁾.

Первая слабая сторона государства состоить въ томъ, что оно лишено духа изобрѣтательности. Но развѣ не то же слѣдуетъ сказать и о любой группѣ людей, образующихъ колективную единицу? Клубъ, акціонерная компанія, политическое, ученое, религіозное общество не въ большей степени обладаютъ даромъ изобрѣтательности, чѣмъ государство. Всѣ эти колективные лица лишены изобрѣтательности не только въ сложныхъ вопросахъ науки и искусства, но даже въ мелочахъ повседневной жизни. Обогащаются науку не ученыя общества, а отдѣльные ихъ члены; все же общество служитъ средою, которая воспринимаетъ новыя идеи и способствуетъ ихъ дальнѣйшему распространенію. Творцами новыхъ и оригинальныхъ политическихъ программъ служатъ не политическія общества во всемъ составѣ, а отдѣльные ихъ члены. Даже такая ничтожная повинка, какъ измѣненіе параграфа въ уставѣ клуба, относительно, напримѣръ, танцевъ, картижной игры, исходить отъ отдѣльныхъ членовъ и только подвергается критикѣ со стороны остальныхъ. Новое вѣроученіе, новая научная мысль, новый художественный образъ, новая форма общежитія, новые способы производства не создаются волею закона, но не создаются и распоря-

жениемъ, исходящимъ отъ частныхъ союзовъ, а творятся единичными умами подъ влияниемъ то свободно, то безоговорочно действующихъ духовныхъ силъ. Государственная власть всегда имѣеть передъ собой столько научныхъ и философскихъ идей, что даже величайший законодатель можетъ быстро провести въ жизнь только небольшую частицу изъ этого, почти неисчерпаемаго запаса. Различие между государствомъ и частными союзами сводится лишь къ тому, въ какой мѣрѣ они могутъ поощрять изобрѣтательность и пользоваться ея плодами. Лучшее, чѣмъ гордится человѣчество (не говоря уже о всей области нравственныхъ началъ) въ сферѣ научныхъ идей и художественныхъ образовъ, возникло помимо всякаго воздействиія государства или какого-либо отдельного лица и частнаго учрежденія; однако, поощреніе можетъ вызывать много второстепенныхъ изобрѣтеній, очень важныхъ для обогащенія науки, искусства и увеличенія удобствъ материальной жизни. Разнообразныя мѣры поощрения, денежная и почетная награды, стипендіи, постоянное содержаніе, позволяя многимъ даровитымъ людямъ всецѣло посвятить умъ той или другой работе, содѣйствуютъ изобрѣтеніямъ. Постоянное пользованіе услугами людей, обладающихъ изобрѣтательнымъ умомъ,—такова общая форма, въ которую облекается поощреніе изобрѣтательности. Въ этихъ обоихъ отношеніяхъ нельзя отдать предпочтеніе ни государству, ни частнымъ обществамъ. Еще въ древнемъ Римѣ знатные и богатые граждане поощряли ученыхъ и поэтовъ; и теперь во многихъ странахъ, особенно въ Англіи и Америкѣ, частные лица щедрыми дарами содѣйствуютъ развитию науки и искусства; на службѣ промышленныхъ компаний мы находимъ превосходныхъ инженеровъ, технологовъ, банковскихъ дѣятелей и т. п. Но много подобныхъ же примѣровъ даетъ намъ отношеніе государства къ изобрѣтательнымъ умамъ. На службѣ у государства, въ германскихъ, напримѣръ, университетахъ, можно найти лучшихъ представителей современной науки. Многіе первостепенные художники занимали и занимаютъ въ разныхъ странахъ официальное положеніе. Наконецъ, превосходнымъ практическимъ дѣятелямъ въ сферѣ частной предпринимчивости можно противопоставить великихъ государственныхъ людей съ творческимъ умомъ: Кольбера, Роберта Пilla, Гладстона, Кавура, Гарденберга. Нѣть также основанія утверждать, будто частные союзы легче, нежели государственная власть, даютъ свое одобреніе плодамъ человѣческой изобрѣтательности и вводятъ ихъ въ свой обычный обиходъ. Чѣмъ болѣе возвышенны сферы, къ которымъ относится изобрѣтательность, тѣмъ для нея труднѣе получить признаніе, тѣмъ долѣе влияние ограничивается только тѣсными кружками лучшихъ людей. Переидемъ въ область тѣхъ изобрѣтений, которыхъ, ося-

зательно увеличивая удобства жизни, без труда признаются полезными со стороны многихъ, а иногда и всѣхъ людей: таковы усовершенствованная орудія производства, предметы домашнаго обихода или общественнаго потребленія, способы освѣщенія улицъ, водоснабженія, научныя приспособленія и т. д. И въ этой области частная предпріимчивость не всегда опережаетъ дѣятельность государственного механизма. Часто ссылаются, напримѣрь, на то, что первыя желѣзныя дороги были созданы частными компаніями, а телефоны были раньше введены въ употребленіе частными предпріятіями, нежели правительствомъ. Мы противопоставимъ этому быстрое введеніе всѣхъ усовершенствованныхъ приспособленій въ физическихъ кабинетахъ, химическихъ лабораторіяхъ, клиникахъ германскихъ университетовъ, которые въ этомъ отношеніи, быть можетъ, не имѣютъ соперниковъ. Но есть еще болѣе выдающійся примѣрь: военное дѣло, къ устроенію котораго правительство относилось и относится съ большою заботливостью, нежели къ другимъ отраслямъ дѣятельности. Зорко присматриваются ко всѣмъ изобрѣтеніямъ въ этой области и такъ же торопятся ввести ихъ, какъ предприниматель спѣшитъ замѣнить старые ткацкіе станы станами новой системы. Почти безостановочное стремленіе къ усовершенствованію военнаго дѣла не ограничивается крѣпостями, оружіемъ, разрушительными снарядами, но распространяется и на способы ухода за ранеными, ихъ перевозки, хирургическую часть: Многое въ области хирургіи было изобрѣтено и впервые примѣнено въ военномъ вѣдомствѣ и уже оттуда получило дальнѣйшее распространеніе. Укажемъ также на почтовое дѣло. Эта часть удерживается въ исключительномъ вѣдѣніи государства; однако, она усваиваетъ новинки техники и быстро прогрессируетъ. А потому, скажемъ мы, въ отсутствіи духа изобрѣтательности, поощреніи и усвоеніи изобрѣтеній нельзѧ искать условій, которыя давали бы преимущество частнымъ союзамъ сравнительно съ государствомъ.

Вторая слабая сторона государства — та, что оно лишено въ своихъ стремленияхъ постоянства, которое обеспечивало бы постепенность прогресса и дѣлало бы невозможными рѣзкие скачки отъ увлеченія однѣми функциями къ увлечению другими, отъ излишней заботливости объ однѣхъ задачахъ народной жизни къ чрезмѣрному попеченію о другихъ. „Причастіе къ насилию и принужденію; причастіе къ безграничной индивидуальной свободѣ; причастіе къ публичнымъ работамъ или какому-либо виду публичныхъ работъ, желѣзнымъ дорогамъ, каналамъ, памятникамъ; причастіе къ религіи; причастіе къ народному образованію; причастіе къ свободной торговлѣ; причастіе къ протекціонизму... Увлеченіе принимаетъ тысячи формъ, которыя послѣдовательно овладѣваютъ народомъ“³⁾. Эта

черта отличаетъ государство независимо отъ формы правлениія. Въ неограниченной монархіи перемѣна главы государства или его всемогущихъ министровъ обыкновенно влечетъ за собой и перемѣну въ цѣлой системѣ управлениія по отношенію къ одному вѣдомству, или ко многимъ, или даже ко всѣмъ основнымъ отраслямъ управлениія. Таково же положеніе дѣлъ въ монархіяхъ съ парламентарнымъ устройствомъ и въ республикахъ. Въ лихорадочномъ порывѣ къ творчеству вовсе не принимаются въ разсчетъ потребности общества или отдѣльныхъ классовъ, а создается учрежденіе, которое отвѣчаетъ на запросъ минуты, на господствующее, модное теченіе. Дабы общественная жизнь какъ можно рѣже подвергалась ненужной ломкѣ, государство не должно чрезмѣрно умножать свои задачи; оно должно оставлять возможно широкую область для личного почина.

Это положеніе кажется убѣдительнымъ; однако, ближайшее сопоставленіе государства съ отдѣльными лицами и группами людей показываетъ, что и послѣдняя заслуживаютъ упрека, который дѣлаютъ государству. И отдѣльные общественные группы, поддаваясь теченіямъ, которыхъ исходить отъ руководящихъ круговъ или отдѣльныхъ лицъ, подчиняютъ свой жизненный обиходъ новымъ формамъ, охотно разстаются со старыми и даже подвергаютъ ихъ полному пренебреженію и забвению. При рѣдкомъ населеніи, въ глухихъ укромныхъ деревушкахъ жизнь отличается устойчивостью, но съ переходомъ къ городу, и, особенно большому городу, устойчивость уступаетъ мѣсто чрезвычайной подвижности. Она обнаруживается во всемъ, отъ мелочей и до важнѣйшихъ сторонъ частной и общественной жизни. Какъ бы платье нового покроя ни было неудобно, нецѣлесообразно и даже неизящно, почти всѣ усвоиваются его, спѣша разстаться со старымъ, которое, быть можетъ, гораздо больше соответствовало требованіямъ здоровья, удобства и изящества. То же скажемъ и о другихъ принадлежностяхъ домашнаго обихода. Не меньшая порывистость обнаруживается въ сферѣ производства. Капиталъ крупныхъ промышленныхъ предприятій можетъ получать другое назначеніе только съ потерей значительной части своей цѣнности, а потому остается долгое время въ одной и той же отрасли производства. Но свободныя денежныя средства отдѣльныхъ лицъ легко и часто меняютъ свое помѣщеніе, причемъ многіе владельцы не относятся сознательно къ степени выгодности новаго торгового или промышленного дѣла, а дѣйствуютъ такъ только потому, что иѣсколько лицъ имѣли въ данномъ предприятіи крупный и соблазнительный успѣхъ. Можно наблюдать эти явленія на каждомъ шагу. Такъ, въ 70-хъ годахъ въ средней полосѣ Россіи явилась мода на крахмальные и спичечные заводы, которые развились въ такомъ количествѣ, что стали продавать свои издѣлія прямо

въ убытокъ. То же можно сказать о погонѣ за сложными и дорогими землемѣльческими машинами; въ нашемъ отечествѣ мы замѣчаемъ такую погоню въ первой половинѣ 60-хъ годовъ. Рвение скоро ослабѣло, и большая часть машинъ была сложена въ амбары, чтобы никогда уже впредь не служить своимъ владельцамъ. Мы наблюдаемъ такія смѣны и въ духовной жизни народовъ. Припомнимъ, что въ нашемъ отечествѣ 60-е годы 19 вѣка были временемъ увлечения естественными науками, 70-ые и 80-ые были временемъ полнаго торжества экономической науки. Въ это время появилось много переводовъ иностранныхъ писателей, довольно много работъ, вышедшихъ изъ подъ пера русскихъ ученыхъ, цѣлый рядъ экономическихъ изысканій, выполненныхыхъ - правительственными учрежденіями, и отличное организованіе земской статистики за какія-нибудь 8—10 лѣтъ. 90-ые годы также внесли въ наше умственное движение новую струю: вопросы философскіе начали привлекать къ себѣ все большее вниманіе; изящная словесность и литературная критика, затѣненная въ теченіе двухъ десятилѣтій, опять начали входить въ кругъ интересовъ каждого образованного человѣка. Всѣ эти теченія, исключая другъ друга, давали и даютъ культурѣ ума извѣстную односторонность и вліяютъ на подготовленность поколѣній 60-хъ, 70-хъ, 80-хъ и 90-хъ годовъ и къ практической дѣятельности. Картина такихъ смѣнъ въ умственныхъ теченіяхъ, изъ которыхъ каждое относится къ другимъ съ извѣстнымъ отрицаніемъ, даетъ намъ право сказать, что непостоянство, часто рѣзкие переходы отъ одного направления къ другому вовсе не служатъ отличительною чертою политики; мы встрѣчаемъ ихъ во всѣхъ сферахъ общественной жизни.

Третьей невыгодною особенностью государства считаются невозможность составлять такой удачный подборъ чиновниковъ, какъ то дѣлается въ частныхъ обществахъ или предпріятияхъ. Этотъ недостатокъ приводить въ связь съ неустойчивостью положенія чиновника, съ необходимостью для него имѣть не только извѣстныя техническія знанія, подготовку къ служебной дѣятельности, но и политическая и религіозная убѣжденія определенной окраски. Въ республикахъ и при парламентарномъ устройствѣ господствующее большинство приноситъ съ собой и новыхъ людей. Отодвигаются назадъ не только лица, занимавшія высшіе посты на государственной службѣ, но и чиновники втораго, третьаго, десятаго разряда. Обязанные своимъ возвышениемъ партіи, прежде господствовавшей, а нынѣ побѣженной, эти тысячи должны теперь стушеваться, чтобы уступить мѣсто побѣдителямъ. А среди лицъ, вытѣсняемыхъ изъ рядовъ, очень многіе отличаются высокими достоинствами чисто дѣловаго характера; тѣ, кто замѣняютъ ихъ, часто не имѣютъ такой подготовки. Что наблюдается въ республикахъ

и монархіяхъ съ парламентарнымъ устройствомъ, то еще въ большей степени извѣстно неограниченнымъ монархіямъ: здѣсь смѣна высшихъ лицъ, стоящихъ во главѣ управлениія, часто ведеть къ передвиженію и многихъ служащихъ, которые занимаютъ среднія и даже низшія ступени іерархической лѣстницы. Масса чиновничества, не чувствуя себя связанныю на долгое время со своими служебными постами, не работаетъ съ тою энергией, которая была бы желательна, а часто не отличается и добросовѣстностью: гдѣ положеніе не обеспечено, тамъ нужно хотя нажиться. А потому, во всѣхъ дѣйствіяхъ общественной машины нѣть ни желанной быстроты, ни возможной добросовѣстности и бережливости.

Упреки часто направляются въ эту сторону. Но наблюдение разныхъ правительственныйыхъ механизмовъ заставляетъ ограничить ихъ, а анализъ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ или общественныхъ группъ позволяетъ нерѣдко и въ нихъ найти много материала, вызывающаго такие упреки.

Если обобщить всѣ высказанные положенія, то можно установить такую формулу: въ дѣятельности частныхъ лицъ или группъ оцѣнивается исключительно служба дѣлу, а не лицамъ, а въ государственномъ механизме часто придается большее значение службѣ лицамъ, нежели дѣлу. Это положеніе примѣнительно ко всѣмъ случаямъ, когда дорожатъ человѣкомъ не за его трудолюбіе или знаніе специальности, а за опредѣленная политическая убѣжденія или вѣрованія. Нѣть основанія утверждать, чтобы во всѣхъ государствахъ положеніе чиновниковъ не отличалось прочностью: въ Германіи, напримѣръ, чиновники поставлены прочно; дѣловитость цѣнится очень высоко и относится довольно терпимо къ политической окраскѣ убѣждений, а тѣмъ болѣе къ вѣроисповѣданію; въ Англіи смѣна либерального министерства консервативнымъ вовсе не ведетъ къ тому, чтобы чиновники, назначенные первымъ, были массамиувольняемы отъ должностей. Но эта сторона дѣла получить болѣе яркое освѣщеніе, если выяснить характеръ причинъ, заставляющихъ въ однихъ случаяхъ цѣнить, главнымъ образомъ или даже исключительно, дѣловые способности человѣка, а въ другихъ — придавать большое значеніе разнообразнымъ свойствамъ ума и воли, которая не имѣютъ ничего общаго со специальными знаніями и навыками. Будемъ ли мы разматривать государство или свободные соединенія гражданъ, мы не впадемъ въ ошибку, поставивъ съ одной стороны все лица, которые имѣютъ своимъ назначеніемъ упорядочиваніе и собираніе доходовъ, а по другую — тѣхъ, которые оказываютъ услуги исполненіемъ иныхъ функций. Въ отношеніяхъ отдѣльного хозяина или частнаго общества, какъ работодателей, къ лицамъ этихъ обѣихъ категорій можно подмѣтить большое различіе,

проистекающее отъ того, что негодность первыхъ гораздо болѣе ешутительна, нежели вторыхъ. Разъ лицо, управляющее торговымъ или промышленнымъ дѣломъ, дѣйствуетъ успѣшно, и предпріятіе даетъ доходъ, то хозяинъ охотно мирится съ разнообразными недостатками этого лица. Аналогичное отношеніе вызываютъ и лица, стоящія во главѣ финансового управления: оцѣнивается техническая пригодность назначаемаго, съ полнымъ безразличіемъ къ его нравственнымъ свойствамъ, честности, гуманности, патріотизму. Область финансового управления всегда была именно тою, ради которой самая аристократическая правительства заставляли молчать свои сословные предразсудки. Не то наблюдается въ сфере услугъ, полезные результаты которыхъ труднѣе поддаются оцѣнкѣ. Въ этихъ сферахъ гораздо чаще одерживаетъ побѣду мнѣніе, что нужно дорожить не только дѣловитостью лица, но и его симпатичностью, характеромъ, „образомъ мыслей“ и даже наружностью. Часто такое мѣрило примѣняется нами при выборѣ врачей, воспитателей, адвокатовъ, домашней прислуги и т. п. То же самое находимъ и въ разныхъ отрасляхъ государственного управления, за исключениемъ вѣдомства финансовъ. Если, основываясь на этомъ, мы, напримѣръ, поставимъ въ упрекъ государственному учебному заведенію, что въ немъ многіе учителя обязаны своимъ назначеніемъ не талантамъ или познаніямъ, а кумовству, то, конечно, каждый, сколько-нибудь близко наблюдавшій частныхъ учебныхъ заведеній, знаетъ, что и тамъ, многіе изъ преподавателей далеко не блещутъ ни талантами, ни трудолюбиемъ, что они обязаны сохраненіемъ своего поста отнюдь не личнымъ достоинствамъ, а условіямъ иного рода. Упрекая государственную власть за то, что люди со скучнымъ юридическимъ образованіемъ занимаютъ высокіе посты въ судебномъ вѣдомствѣ, а врачи съ ничтожною медицинскою подготовкой ставятся во главѣ обширныхъ медицинскихъ учрежденій, мы не должны забывать, что очень часто плохіе юристы и врачи, разъ они имѣютъ пріятныя манеры, тактъ, знакомства, пользуются огромнымъ успѣхомъ въ публикѣ. А почему? Не трудно быть судьей въ вопросѣ о томъ, доходно ли данное предпріятіе, благопріятно ли заключенъ финансовый годъ въ государственномъ хозяйствѣ. Гораздо труднѣе судить о пользѣ или вредѣ, принесенныхъ преподавателемъ, врачемъ, судьеи, администраторомъ. Здѣсь люди обманываются гораздо чаще; здѣсь одни намѣренno, другіе чистосердечно даютъ подкупать себя разными дѣйствительными или воображаемыми качествами, которыя, однако, вовсе не связаны со специальнымъ занятіемъ. Такимъ образомъ, нѣть достаточныхъ оснований ссылаться на эту особенность государственного механизма и во имя ея требовать съуженія государственной дѣятельности.

Государству дѣлаютъ и четвертый упрекъ. Оно, говорять, стоитъ въ соперничества, которое служитъ въ частныхъ отношеніяхъ плодотворной силой и источникомъ усовершенствованія. Есть соперничество и между государствами; но оно касается только двухъ областей—военной и дипломатической. Для всѣхъ же другихъ отношеній, для всего внутреннаго управления оно имѣть къ своимъ услугамъ принудительную власть, которая становится особенно могущественной вслѣдствіе финансового верховенства. Какъ бы дурно ни была ведена отрасль управлениія—разъ государство не имѣть соперниковъ, оно можетъ заржавѣть въ старой колѣ и все же будетъ завѣдывать даннойю отраслью.

Въ этомъ упрекѣ много правды. Государство заслуживаетъ его тѣмъ меныши, чѣмъ меныше областей закрыто для частной предпримчивости и отдано въ исключительное вѣдѣніе правительственной власти.

IV.

Чьимъ же интересамъ служить вмѣшательство государства въ общественную жизнь? Интересы людей нашего времени представляютъ пеструю картину. Каждый, даже небольшой кружокъ имѣть свои расчеты, связанные съ занятіями его членовъ или другими сторонами ихъ жизни. Каждое ремесло имѣть нужды, во многомъ несходныя съ нуждами другихъ отраслей. Члены каждой такъ называемой свободной профессии требуютъ, чтобы законодатель посвятилъ ей рядъ нормъ, которые не нужны для представителей другихъ профессий. Въ зависимости отъ мѣстныхъ условій и члены одной и той же группы имѣютъ разныя потребности: землевладѣльцы одной области страны нуждаются въ осушеніи обширныхъ площадей, другой—въ орошениі, третьей—въ облѣсеніи. Дѣятельностью своихъ центральныхъ и мѣстныхъ органовъ государство относится болѣе или менѣе одинаково ко всѣмъ такимъ нуждамъ. Если взять даже ведолгій періодъ—10—15 лѣтъ—то можно найти разныя мѣры, служащія групповымъ потребностямъ каждого кружка. Въ нынѣшнемъ году были осушены болота въ западныхъ областяхъ страны и можно съ большой степенью вѣроятнаго предположить, что въ ближайшіе годы такія же работы будутъ выполнены въ восточныхъ, сѣверныхъ и южныхъ областяхъ; если въ нынѣшнемъ году государство облегчило доступъ однихъ округовъ къ земельному кредиту, то, весьма вѣроятно, въ ближайшіе годы оно сдѣлаетъ то же и для другихъ. Это объясняется возможностью для представителей законодательной власти болѣе или менѣе равномѣрно поддерживать интересы разныхъ группъ. Стоитъ депутатамъ отъ восточныхъ округовъ государства заявить въ парламентѣ, что въ ихъ округахъ должно быть про-

изведено осушение болотъ на счетъ казны, какъ депутаты изъ южныхъ и западныхъ округовъ начнутъ требовать, чтобы правительство обратило внимание на представляемыя ими мѣстности и также нашло средства для осушительныхъ работъ въ этихъ областяхъ. Если въ составѣ городской думы нашлись люди, напоминающіе объ интересахъ одного ремесла, то, навѣрное, въ близкомъ будущемъ тамъ найдутся гласные, готовые отстаивать выгоды ремесленниковъ другихъ разрядовъ.

Мы находимъ то же въ государствѣ съ неограниченнымъ правлѣніемъ. Если на него могутъ дѣйствовать члены извѣстной общественной группы, связанные по своимъ интересамъ съ областью А, то будутъ услышаны голоса членовъ той же группы изъ областей Б, В, Г.

Съ другой стороны, члены неограниченного правительства, поскольку они заботятся объ общественныхъ дѣлахъ, вовсе не заинтересованы въ томъ, чтобы предпочесть такую то часть страны или профессіональныя потребности такой-то группы, чтобы, напримѣръ, въ случаѣ неурожая поддерживать продовольственными ссудами только 2—3 изъ 20 потерпѣвшихъ округовъ, или поставить въ исключительно выгодныя условія 1—2 отрасли промышленности съ полнымъ безразличіемъ къ остальнымъ, или способствовать расширению крестьянского землевладѣнія только въ одной губерніи. Особыя условія, въ которыхъ находится давная группа или мѣстность, могутъ вести къ исключеніямъ: округа съ рѣдкимъ населеніемъ, промыслы, въ которыхъ помѣщены не большия капиталы и занято не много людей, привлекаютъ къ себѣ вниманіе общественной власти города Позднѣе, чѣмъ густо населенный области и отрасли производства, гдѣ вложены сотни миллионовъ. Но такія отклоненія зависятъ отъ особыхъ условій, а потому не колеблютъ общаго правила. Вліянія, исходящія отъ отдѣльныхъ лицъ и могущественныхъ кружковъ, если они вызываютъ усиленную дѣятельность государства относительно какой-либо мѣстности или общественной группы въ ущербъ другимъ округамъ и группамъ, создаютъ дѣйствительныя исключенія; но они не могутъ быть настолько часты, чтобы подорвать общее правило.

Выше групповыхъ,—профессіональныхъ различій между многочисленными кругами,—стоитъ общія различія; они сводятся къ владѣнію, какъ своему первоисточнику. Члены сотенъ и тысячъ группъ, исходные между собой профессіонально, соединяются по владѣнію въ немного классовъ. Старинное дѣленіе людей на богатыхъ, средне-достаточныхъ и неимущихъ не утратило значенія. Слѣдуя ему, мы можемъ установить, какъ бесспорное положеніе, что государство должно проявлять особенную заботливость о неимущихъ. Въ какой

же мѣрѣ современное государство отвѣчаетъ на это требование?

Личный составъ органовъ законодательной власти опредѣляетъ и характеръ законодательной дѣятельности. Средній человѣкъ поступаетъ обыкновенно такъ, какъ ему подсказываютъ его лично семейные интересы. Онъ готовъ удѣлить часть своего времени и материальныхъ средствъ на дѣла дружелюбія, но направляетъ свои старанія, главнѣйшѣ, къ тому, чтобы доставить наибольшее обеспеченіе себѣ и членамъ своей семьи. Влияя на законодательство, средній человѣкъ не отрѣшаются отъ особенностей, которыя отличаютъ его въ частной жизни; но онѣ выражаются въ иной формѣ: какъ частный человѣкъ, онъ думаетъ непосредственно о своихъ интересахъ; какъ лицо, воаѣтствующее на изданіе законовъ, онъ заботится о нихъ косвенно, чрезъ посредство интересовъ своего класса. Онъ сознаетъ или хотя чувствуетъ, что законъ, въ данное время не нужный для него, наиболѣе выгоденъ ему, если соотвѣтствуетъ интересамъ класса, къ которому онъ принадлежитъ. Представимъ себѣ, что состоятельный помѣщикъ участвуетъ въ обсужденіи законопроекта относительно содѣствія государства землевладѣльцамъ. Можеть быть, въ данное время онъ поставленъ такъ благопріятно, что не нуждается въ сторонней поддержкѣ; но, въ качествѣ крупнаго земельного собственника, онъ склоненъ голосовать за такое построеніе закона, которое было бы выгодно прежде всего крупнымъ землевладѣльцамъ, т. е. членамъ его класса.

Какова бы ни была форма правленія, личный составъ органовъ законодательной власти опредѣляетъ, въ чьихъ интересахъ издаются законы. И исторія права любой страны, и современная дѣятельность убѣждаютъ, что на теченіе законодательства имѣли и имѣютъ влияніе богатые и, частію, средніе классы. Отклоненія отъ этого общаго правила являются рѣдкими исключеніями. Излишне пояснить, что такой порядокъ неизбѣженъ при конституціонномъ строѣ, когда избирательное право связано съ значительнымъ имущественнымъ цензомъ: при этомъ право посыпать представителей въ парламентъ принадлежитъ почти исключительно членамъ богатаго и средняго классовъ. Но и всеобщее избирательное право въ конституціонной монархіи и республикѣ не устраниетъ того, что въ парламентѣ только меньшинство представляетъ интересы неимущихъ. Богатые и средніе классы влияютъ на выборы разными средствами и помогаютъ своимъ членамъ получить голоса не только отъ богатыхъ и среднеобеспеченныхъ, но и отъ неимущихъ. 1) Посредствомъ застрашиваній землевладѣлецъ обеспечиваетъ себѣ голоса рабочихъ, арендаторовъ, заводчикъ—голоса рабочихъ; правительство, производя

давление на чиновниковъ, побуждаетъ ихъ голосовать за депутатовъ, которые поддерживаютъ его законопроекты, а послѣдніе доставляютъ выгодаы прежде всего состоятельнымъ классамъ. 2) Подкупы избирателей также даютъ имущимъ не мало голосовъ изъ среды бѣднаго люда. 3) Посредствомъ агитаций богатые и средніе классы внушаютъ избирателямъ мысль, что только они безкорыстно заботятся о бѣднѣйшемъ населеніи, только они ясно понимаютъ, куда должна быть направлена дѣятельность законодателя для удовлетворенія потребностей неимущихъ. Эти мѣры ведутъ къ тому, что сотни тысячъ и миллионы бѣдныхъ людей посылаютъ въ парламентъ представителя, который принадлежитъ къ другому общественному слою: одни избиратели позволяютъ застраивать себя, другіе — подкупить; многихъ увлекаютъ премкія обѣщанія. Наконецъ, миллионы бѣднѣйшихъ гражданъ совсѣмъ не ходятъ на выборы, то за неимѣніемъ времени, то по равнодушію къ политической жизни, то вслѣдствіе невѣжества, непониманія важности этого дѣла.

Представительство интересовъ имущихъ классовъ не ограничивается депутатами, которые прямо связаны съ владѣніемъ: заводчиковъ, торговцевъ, помѣщиковъ, домовладѣльцевъ поддерживаютъ и многие депутаты, принадлежащіе къ либеральнымъ профессіямъ — врачи, адвокаты, журналисты, профессора; сюда же примыкаютъ служащіе въ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ, маклера, агенты и т. д. Сплошь и рядомъ эти люди и рожденіемъ, и степенью обезпеченности принадлежатъ къ неимущимъ; но, вкусиивъ прелестъ лучшей материальной обстановки, стараются проникнуть въ высшіе общественные слои: адвокатъ — пріобрѣтеніемъ клиентовъ среди богатыхъ людей, врачъ — выгодной практики, писатель — сотрудничествомъ въ богатыхъ органахъ печати, все они — вступлениемъ въ родственную связь лично или чрезъ посредство дѣтей съ членами богатыхъ классовъ. Все это приводить къ такимъ послѣдствіямъ: на выборахъ большая часть голосовъ подана неимущими гражданами, а число ихъ представителей въ парламентѣ не превышаетъ $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{5}$ общаго числа ⁴⁾.

При правлениі монархическомъ неограниченномъ состоятельныхъ классы также вліяютъ на законодательство. Проектъ закона вырабатывается въ типи канцелярій. Онь намѣчаются въ виду назрѣвшей потребности какой либо общественной группы. А заявлять о своихъ нуждахъ, часто напоминать о нихъ можетъ всего легче группа, принадлежащая къ богатому или, по крайней мѣрѣ, среднему классу. При такомъ строѣ государства, свобода печати ограничена; но и при стѣсненіи печати, состоятельные классы все же гораздо свободнѣе могутъ освѣщать свои потребности, чѣмъ неимущіе. Первымъ доступ-

ны также разные способы письменного и личаго ходатайствованія предъ правительствомъ. Лица, посылаемыя съ ходатайствами, уже въ силу своей принадлежности къ вышнимъ или хотя среднимъ классамъ, говорять такимъ языкомъ и имѣютъ такую вѣщность, что встрѣчають радушный приемъ въ высшихъ кругахъ правительства. А потому, при зарожденіи мысли о какихъ либо перемѣнахъ въ законодательствѣ, правительство уже испытываетъ на себѣ вліяніе имущихъ. Это вліяніе не ослабѣваетъ и въ теченіе всѣхъ работъ, которыя производятся надъ законопроектомъ отъ низшихъ канцелярій до высшихъ установлений, гдѣ законъ обсуждается членами вышаго правительства и получаетъ окончательную редакцію. Служилый классъ пополняется, болѣею частію, изъ высшихъ и среднихъ слоевъ; высшіе чины или принадлежать къ землевладѣльческой аристократіи, или стоять въ ближайшихъ къ ней отношеніяхъ. Такой составъ чиновничества объясняетъ, почему законопроекты, направленные къ поддержанію и возвышенію крупнаго и средняго землевладѣнія, получаются, при своемъ переходѣ въ высшія инстанціи, черты, еще болѣе благопріятныя членамъ этого класса.

Проекты законовъ, служащи интересамъ капиталистовъ, могутъ не встрѣтить такой поддержки, но не встрѣчаютъ и преградъ, которыя сдѣлами бы послѣднюю редакцію менѣе благопріятною для состоятельныхъ классовъ, чѣмъ быть законопроектъ въ своемъ первоначальномъ видѣ. Каждое же мѣропріятіе, намѣченное въ интересахъ неимущихъ, рискуетъ, при своемъ движеніи отъ низшихъ чиновъ къ вышнимъ, встрѣтить неблагосклонный приемъ и потерять нѣкоторыя характерныя особенности, выгодныя для слабѣйшихъ членовъ общества.

Не забудемъ также, что въ государствѣ съ неограниченнымъ правленіемъ чиновничество образуетъ особый классъ, со специальными интересами, отличный отъ всѣхъ другихъ общественныхъ группъ. Стремясь къ наибольшему расширению и укрѣпленію своихъ правъ, бюрократія заботится объ увеличеніи числа должностныхъ лицъ и умноженіи ихъ функций; стремясь къ наибольшему материальному самообеспеченню, она старается повышать жалованье, награды и т. д. Всѣ законы, которые направлены къ этимъ цѣлямъ, могутъ идти въ разрѣзъ съ интересами всѣхъ гражданъ, стоящихъ въ круга бюрократіи, какъ бѣднѣйшихъ, такъ и состоятельныхъ. Однако, законы этого рода, если они совсѣмъ не вызываются необходимостию и служатъ выгодамъ только чиновниковъ, причиняютъ косвенно болѣшій ущербъ неимущимъ, чѣмъ состоятельнымъ: отъ лишней опеки, которую ведеть за собою создание новой должности, богатому легче уйтти, нежели малоимущему, а содержаніе новыхъ чиновниковъ, въ виду склада современныхъ

финансовыхъ системъ; преобладанія косвенныхъ налоговъ надъ прямымъ, ложится главною тягостью на бѣднѣйшихъ.

Что наблюдается въ движениі законодательства, то можетъ быть подмѣчено и въ дѣятельности единицъ самоуправлѣнія. Въ составѣ органовъ распорядительной власти города большинство принадлежитъ обыкновенно къ состоятельныймъ классамъ: а потому среди мѣроопріятій по городскому управлѣнію преобладаютъ тѣ, которые особенно выгодны для людей богатыхъ и средняго достатка.

Если бы заботы объ интересахъ своего класса неограниченно господствовали въ дѣятельности законодателей, въ распоряженіяхъ по городскому и общественному хозяйству, то положеніе неимущихъ было бы совсѣмъ безнадежно, и они имѣли бы очень мало данныхъ даже для слабаго движенія впередъ. А между тѣмъ движеніе совершается, не быстро, но все же замѣтно. Это объясняется совокупностью условій, препятствующихъ проведенію въ законодательствѣ и управлениіи только тѣхъ началъ, которые соответствуютъ интересамъ исключительно имущихъ классовъ.

1) Умноженіе потребностей государства, взятаго въ цѣломъ, приводить правительство любой страны къ убѣждению, что есть уровень, ниже которого не должны опускаться неимущіе классы. Разъ этотъ уровень понизился, то государство можетъ быть затруднено въ исполненіи функций, которыхъ сдѣлались необходимыми вслѣдствіе усложнившейся жизни. Крайнее обѣднѣніе страны, накопленіе недоломокъ угрожаютъ фінансамъ государства и выдвигаютъ на очередь мѣры въ пользу неимущихъ. Распространеніе болѣзней, вслѣдствіе которыхъ вырождается населеніе, возрастаніе процента новобранцевъ, негодныхъ къ отбыванію воинской повинности, угрожаютъ государству повышеніемъ боевой готовности и вызываютъ принятие санитарныхъ мѣръ и организованіе врачебной помощи для бѣдныхъ. Развитіе промышленности, расширение рынка, соперничество туземныхъ производителей съ иностраннными побуждаютъ заботиться объ усовершенствованіи и удешевленіи товаровъ. А такъ какъ рабочіе, прошедши школу, поставляютъ трудъ лучшаго качества, то среди руководящихъ общественныхъ силъ обнаруживается готовность къ насажденію грамотности въ народѣ.

2) Въ составѣ внутренней политики входятъ мѣры, которые принимаются ради интересовъ цѣлой страны или же состоятельныхъ классовъ, но приносятъ выгоды и неимущимъ. Желѣзная дорога, перерѣзывающая часть территоріи, служить прежде всего крупнымъ и среднимъ земельнымъ собственникамъ, вблизи владѣній которыхъ она проходитъ; но она можетъ быть полезна и тѣмъ мелкимъ сельскимъ хозяевамъ, которыхъ

нельзя отнести даже къ среднему классу. Государство производитъ осушение болотъ на обширной площади. Львиную долю пользы получаютъ при этомъ крупные землевладѣльцы; но осушение поднимаетъ благосостояніе и мелкихъ, болота которыхъ обращаются въ луга; оно можетъ быть выгодно и для сельскихъ рабочихъ: увеличивая запросъ на коецовъ, оно поднимаетъ плату. Въ городахъ особенно высокой смертностью отличаются кварталы, где живутъ бѣдные люди. Но эти очаги заразныхъ болѣзней имѣютъ влияніе и на улицы, населенные состоятельными семьями: тифъ, дифтеритъ, скарлатина уносятъ и отсюда не мало жертвъ. И, втѣ, члены городского управления, заботясь объ охраненіи здоровья лицъ своего класса, настаиваютъ на мѣрахъ къ оздоровленію домовъ и улицъ, въ которыхъ живутъ неимущіе.

3) Неимущіе классы выигрываютъ, когда ихъ интересы совпадаютъ съ выгодами какой-либо группы имущихъ. Въ странѣ, поставляющей мѣровому рынку произведения сельского хозяйства, землевладѣльцы и всѣ потребители выигрываютъ отъ понижения таможенныхъ налоговъ на привозные фабрикаты. Если, поэтому, сельскіе хозяева добиваются, изъза личныхъ интересовъ, пониженія таможенныхъ податей, то побѣда приноситъ пользу огромнымъ массамъ населенія.— Когда фабричные законы только зарождались, промышленники были убѣждены, что лхъ выгодаы обеспечены тѣмъ больше, чѣмъ длинаѣ рабочій день. Теперь же предприниматели, умудренные опытомъ, знаютъ, что умѣренное сокращеніе рабочаго дня препятствуетъ крайнему истощенію работниковъ, а потому выгодно и для хозяевъ: вслѣдствіе этого мелкія улучшенія въ фабричномъ законодательствѣ проходятъ безъ большихъ затрудненій.

4) Не всѣ группы имущихъ извлекаютъ выгоды изъ однихъ и тѣхъ же мѣропріятій. Интересы землевладѣльцевъ и капиталистовъ часто бываютъ не сходны, иногда противоположны. Если различія особенно рѣзки, а одинъ изъ этихъ классовъ очень заинтересованъ въ данномъ мѣропріятіи, то стараются облегчить его проведение уступками неимущимъ: уступки привлекаютъ на его сторону рабочихъ, умѣжаютъ число голосовъ.

5) Члены богатыхъ классовъ дѣлаютъ бѣднѣйшимъ уступки потому, что онѣ сами по себѣ не велики, не имѣютъ замѣтнаго влиянія на условія материальной жизни тѣхъ, кто пхъ дѣластъ, ни на совокупность правъ, которыми они обладаютъ. Чѣмъ больше влияютъ на движение законодательства представители крупнаго землевладѣнія или крупнаго капитала, тѣмъ съ большимъ вѣроятіемъ можно предположить, что неимущіе получатъ уступки. Чѣмъ сильнѣе влияніе средне-состоятельныхъ классовъ, тѣмъ меньше данныхъ разсчитывать, что бѣднѣйшимъ будутъ оказаны льготы: человѣкъ средняго достатка болѣе

цѣпко, нежели богатый, держится за каждый рубль, который будетъ взять изъ его дохода, дабы неимущіе получили какую либо выгоду или были освобождены отъ какой нибудь тягости. Къ этому, главнымъ образомъ, должно быть сведено различіе между податными системами Англіи и Пруссіи съ одной стороны и Франціи съ другой. Первая уже давно стала страною крупнаго землевладѣнія и капитала; во второй за послѣдніе десятилѣтія, на ряду съ крупными земельными собственниками, сложился и классъ богатыхъ промышленниковъ и торговцевъ. Вліяніе обоихъ классовъ на законодательство облегчило введеніе и удержаніе Англіей подоходнаго налога со значительными льготами для малыхъ доходовъ, а въ Пруссіи—преобразованіе подоходной подати съ прогрессивнымъ началомъ и установление поимущественного налога. Эта особенность экономической жизни обѣихъ странъ содѣйствовала значительному развитію прямыхъ налоговъ. Во Франціи, странѣ преимущественно мелкой промышленности и торговли, средній классъ имѣть очень большое вліяніе на законодательство: этому можно приписать, что общий подоходный налогъ много лѣтъ отвергался парламентомъ и косвенные налоги крайне обременительны.

6) Возрастаніе солидарности среди неимущихъ дѣлаетъ ихъ болѣе стойкими, облегчаетъ имъ борьбу изъ-за классовыхъ интересовъ. Упроченіе среди нихъ постоянныхъ союзовъ внушиаетъ господствующимъ убѣжденіе, что необходимы значительные уступки, которые связаны иногда съ существенными материальными жертвами для землевладѣльцевъ и капиталистовъ и съ распространениемъ на бѣднѣйшихъ той совокупности правъ, которою пользовались раньше только состоятельные граждане.

Не слѣдуетъ забывать, что вліятельныя общественные группы имѣютъ въ своей средѣ людей, проникнутыхъ дружелюбiemъ, готовыхъ дѣйствовать безкорыстно, вопреки интересамъ своего класса. Обыкновенно эти люди остаются въ меньшинствѣ, безъ возможности осуществить свои добрыя намѣренія. Если же, при законодательной работе или дѣятельности органовъ управления, наступаютъ условія, благопріятныя для неимущихъ (согласно съ тѣмъ, что перечислено выше подъ шестью пунктами), то старанія альтруистовъ получаютъ большое практическое значеніе: самоотверженная настойчивость этихъ людей способствуетъ тому, что вліятельные классы, побуждаемые силой вещей къ уступкамъ въ пользу бѣднѣйшихъ, дѣлаютъ больше, нежели дѣлали бы безъ участія дружелюбцевъ въ ихъ средѣ.

ПРИМѢЧАНІЯ КО ВТОРОЙ ГЛАВѢ.

1) Сюда можно пріобщить и другія теченія въ современномъ законодательствѣ: ограничнія владѣльцевъ въ пользованіи ихъ лѣсами, отношеніе государства къ желѣзнымъ дорогамъ, банкамъ, ростовщичеству и проч.

2) Ср. Spencer. *The man versus the State* и *Leroy-Beaulieu. L'Etat moderne et ses fonctions*.

3) *Leroy-Beaulieu*, назв. сочин. 63.

4) Русское народное представительство, какимъ оно было въ Государственной Думѣ первого и втораго созыва, является, повидимому, отклонениемъ отъ среднаго типа. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что численная сила крайнихъ партій и сочувствіе большинства многимъ истинно демократическимъ проектамъ должны быть объяснены такими специальными условіями. 1) *Безправіемъ населенія*; оно дѣлаетъ непримиримыми врагами старого порядка всѣй даже многихъ людей имущаго класса; оно заставляетъ ихъ забывать на время о различіяхъ между собственными интересами и интересами неимущихъ и подавать голосъ за мѣры, которыхъ выгодны именно послѣднимъ. 2) *Тяжелой правителстvenной опекой*; она мѣшала воспитанію политическихъ навыковъ вообще, въ частности и среди состоятельныхъ классовъ. Введеніе конституціи застало ихъ врасплохъ; они не имѣли времени образовать сильныя политическія партіи, способныя вліять на избирателей. 3) *Необычайною остройтой земельного вопроса и общераспространеннымъ убийденіемъ* (сго укрѣпляетъ уже самій фактъ 25-лѣтняго существованія Крестьянскаго банка), что *миллионы крестьянъ должны бытъ щедро надѣлены землею*. Вліяніе этихъ условій постепенно ослабѣть, и характеръ народнаго представительства Россіи приблизится къ тому, что видимъ на Западѣ.

ОТДЕЛЪ ВОСЬМОЙ.

ВЛИЯНИЕ МИРОВАГО ХОЗЯЙСТВА НА ЭКОНОМИЧЕСКІЙ БЫТЬ НАРОДОВЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Литература. Разнообразные статистические сборники содержать неисчерпаемый сырой материалъ. Много материала даютъ также журналы и газеты общеэкономические, а равно и посвященные вопросамъ о внешней торговли, таможенной политикѣ, колоніяхъ. Затѣмъ назовемъ: *Dietzel. Weltwirtschaft u. Volkswirthschaft*. 1900. *Elo же. Die Theorie von den drei Weltreichen. Nation*. 1900. №№ 30 – 34. *Handels- u. Machtpolitik. Reden u. Aufsätze*. 2 в. 1900. *Leo. Entwicklungstendenzen im Welthandel*. 1901. *Huber. Deutschland als Industriestaat*. 1901. *Lotz. Zolltarif, Socialpolitik, Weltpolitik*. 1902. *Brandt. Die Zukunft Ostasiens*. 1903. *Becker. Der argentinische Weizen im Weltmarkte*. 1903. *Röhrbach. Deutschland unter den Weltvölkern*. 1903. *Vauderlip. Amerikas Eindringen in das europäische Wirtschaftsgebiet*. 1903. *West. Hie Europa, hie Amerika!* 1904. *Tille. Der Wettbewerb weisser u. gelber Arbeit*. 1904. *Wirth. Weltgeschichte der Gegenwart*. 1904. *Dehn. Weltwirtschaftliche Neubildungen*. 1904. *Chapman. Foreign competition*. 1904. *Neufeld. Die führenden National-Exportämter*. 1905. *Amerika. Seine Bedeutung für die Weltwirtschaft*. 1906. *Waltershausen. Das volkswirtschaftliche System der Kapitalanlage im Auslande*. 1907. *Kobaltsch. Internationale Wirtschaftspolitik*. 1907. *Poinsard. Comment se prépare l'unité Sociale du monde*. 1907.

I.

Мировая торговля достигла широкаго развитія. Въ 1830 году міровой оборотъ по виѣшней торговлѣ (считая ввозъ и вывозъ) составлялъ неполныхъ 4 миллиарда рублей, въ 1850—до $8^{1/2}$ миллиардовъ, а за 1901 годъ онъ опредѣлился суммою больше 35 миллиардовъ. Итакъ, за 70 лѣтъ онъ увеличился, по крайней мѣрѣ, въ 9 разъ. Въ оборотахъ виѣшней торговли первыя мѣста принадлежать народамъ старой культуры. Великобританія, по прежнему, идетъ во главѣ. Въ 1903 году ея ввозъ почти достигалъ 543 миллионовъ фунтовъ стерлинговъ, а вывозъ— $360^{1/2}$ миллионовъ; Германіи принадлежитъ второе мѣсто: за 1901 годъ весь ея оборотъ по виѣшней торговлѣ достигъ

10.726 $\frac{1}{2}$ миллиона марокъ; 5.967 миллионовъ приходятся на ввозъ и 4.759 $\frac{1}{2}$ миллионовъ на вывозъ. Соединенные Штаты заняли третье мѣсто: въ 1901 году они ввезли товаровъ почти на 880 $\frac{1}{2}$ миллионовъ долларовъ и вывезли слишкомъ на 1.465 $\frac{1}{2}$ миллионовъ долларовъ. Затѣмъ сдѣдуєть Франція съ оборотами до 9 миллиардовъ франковъ. Укажемъ также на Бельгію и Швейцарію, сдѣлавшія большіе успѣхи: за 1901 годъ общий оборотъ иностраннѣй торговли Бельгіи превысилъ 4 миллиарда франковъ, а Швейцаріи поднялся до 2 миллиардовъ. Внѣшняя торговля Россіи дала въ 1901 году 729.565,000 рублей по вывозу и 523.288,000 по ввозу. Такимъ образомъ на перечисленныя страны падаетъ болѣе половины оборотовъ по міровой торговлѣ.

Помимо народовъ, которые издавна занимаютъ видныя мѣста на міровомъ рынке, за послѣднее время въ международныхъ торговыхъ сношеніяхъ принимаютъ живое участіе государства, которыхъ еще полвѣка тому назадъ почти или вовсе не выходили за предѣлы своей территории. Еще въ 70-хъ годахъ 19 вѣка Аргентина не появлялась на міровомъ рынке, какъ страна вывоза. Ея населеніе было незначительно, и она ввозила хлѣбъ. Въ 1876 году она впервые вывезла около 5,000 тоннъ хлѣба; въ 1885 году вывозъ хлѣба достигъ уже 170,000 тоннъ, а въ 1901 цѣна вывезенныхъ ею произведеній сельскаго хозяйства превысила 162 миллиона долларовъ; въ этой массѣ было болѣе 2 миллионовъ тоннъ пшеницы и маиса. Въ 60-хъ годахъ вывозъ изъ Австраліи былъ ничтоженъ; въ 1880 году англійскіе порты получили отъ нея только 400 бараныхъ тушъ. А за 1901 годъ обороты одного Нового Южнаго Уэльса по ввозу и вывозу достигли 57 миллионовъ фунтовъ стерлинговъ, Викторіи — слишкомъ 37 $\frac{1}{2}$ миллионовъ фунтовъ. — До 70-хъ годовъ 19 вѣка Японія жила жизнью натуральнаго хозяйства. Появившись на міровомъ рынке, она быстро развila свои обороты: ея ввозъ поднялся отъ 138 $\frac{2}{3}$ миллионовъ іенъ въ 1895 году до 282,2 миллиона въ 1901, а вывозъ отъ 136.186,328 іенъ до 266 $\frac{1}{2}$ миллиона. То же нужно сказать о Мексикѣ, Бразиліи, Чили, Остѣ-Индіи и т. д.

Міровой рынокъ такъ привлекаетъ народы молодой цивилизациі, что, по цѣнности внѣшнеторгового оборота, причитающагося, въ среднемъ, на жителя, они занимаютъ первыя мѣста. Для 1901 года цѣнность вывоза Великобританіи составляла 6 фунтовъ, 14 шиллинговъ, 7 пенсовъ, а цѣнность ввоза — 12 фунтовъ, 10 шиллинговъ, 11 пенсовъ на 1 жителя. Для Бельгіи и Швейцаріи эти цифры значительно выше, а для иѣкоторыхъ странъ Нового Свѣта онѣ гораздо выше: въ Аргентинѣ за 1901 годъ цѣнность ввоза достигла 27 фунтовъ стерлинговъ, а вывоза — 35 фунтовъ на душу; въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ эти цифры составляютъ 18 и до 20 фунтовъ стерлинговъ на

1 жителя; въ Викторії онѣ равнялись 16 и $16\frac{1}{2}$ фунтамъ стерлинговъ¹).

По участію въ міровой торговлѣ, народы могутъ быть разбиты на три группы. Первую образуютъ тѣ, которые вывозятъ преимущественно произведенія добывающей промышленности. Количество фабрикатовъ, отпускаемыхъ этими странами, или совсѣмъ незначительно, или, по крайней мѣрѣ, далеко уступаетъ, массѣ, продуктовъ сельского хозяйства. Во вторую группу должны быть отнесены страны, которые поставляютъ міровому рынку, главнымъ образомъ, издѣлія обрабатывающей промышленности. Нужно образовать третью группу изъ странъ, которая вывозятъ большія массы сырья и фабрикатовъ.

Россія идетъ во главѣ странъ первой группы. За 1896—98 года вывозъ изъ Россіи фабрикатовъ составляетъ только 4% общей цѣнности вывезенныхъ товаровъ. Цѣнность вывезенныхъ жизненныхъ припасовъ равнялась 58,2%, животныхъ — 2,3%, сырья и полуобработанныхъ матеріаловъ — 35,5%. Фабрикаты, даже вмѣстѣ съ полуобработанными товарами, составляютъ, по цѣнности, не больше 10% всего русскаго вывоза.

Такова же виѣшняя торговля большинства странъ Нового Свѣта. Аргентина вывозить, главнымъ образомъ, скотъ и птицу. Австралійскія колоніи даютъ міровому рынку много шерсти. Къ этой же группѣ примыкаютъ Остъ-Індія, Канада, Бразилія и многія другія, а изъ европейскихъ странъ — Балканскій полуостровъ, Венгрия.

Соединенные Штаты служатъ типичнымъ представителемъ третьей группы. Сырье занимаетъ въ ихъ отпускѣ главное мѣсто, однако, вывозится и много фабрикатовъ. За 1902—903 годъ въ вывозъ Соединенныхъ Штатовъ цѣнность сырья достигла 70%, а фабрикатовъ — слишкомъ 30%. Послѣдняя цифра показываетъ, что Соединенные Штаты уже получили для міроваго рынка значеніе страны, которая вывозитъ издѣлія обрабатывающей промышленности.

Въ составъ второй группы входятъ государства Стараго Свѣта, прежде всего Англія; за 1900 годъ цѣнность вывезенныхъ ею издѣлій собственнаго производства достигла почти $291\frac{1}{2}$ миллионовъ фунтовъ стерлинговъ. Добывающая промышленность Англіи даетъ міровому рынку много каменнаго угля. Составляя въ цѣнности вывоза 15%, уголь могъ сдѣлаться столь важной статьей отпуска только для страны, широко развившей обрабатывающую промышленность. Богатыя залежи угля благопріятствовали росту фабрикъ и заводовъ; высокое состояніе техники увеличивало производительность труда и при добываніи каменнаго угля; именно оно и облегчило Англіи обильное снабженіе міроваго рынка этимъ топливомъ.

Германія принадлежитъ второе мѣсто въ этой группѣ. Если

возьмемъ ея вывозъ желѣза и издѣлій изъ него, машинъ и инструментовъ, химическихъ и алтекарскихъ товаровъ и красокъ, москательныхъ и кондитерскихъ издѣлій, хлопчатобумажныхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ, то получимъ уже больше половины германского отпуска за 1901 годъ. Каменный уголь и руда разныхъ сортовъ—вотъ главные виды сырья, вывозимаго Германіей; по цѣнности это составляетъ примѣрно 10% всего отпуска. Франція, Бельгія, Швейцарія, по характеру своей виѣшней торговли, относятся также къ этой группѣ.

Страны, которые вывозятъ, главнымъ образомъ, сырье, получаютъ изъ-за границы произведений обрабатывающей промышленности. Если народъ снабжаетъ міровой рынокъ фабрикатами, то жизненные припасы и сырье для промышленности образуютъ главную составную часть его привоза изъ-за границы.

Старанія правительства насадить фабрики дѣлаютъ сырье и вспомогательные материалы, не добываемые въ данной странѣ, важными статьями привоза: Россія ввозить много хлопчатой бумаги, Соединенные Штаты—шерсть, шелкъ. Въ цѣнности товаровъ, привозимыхъ въ Россію изъ-за границы, фабрикаты, главнымъ образомъ, машины, составляютъ $\frac{2}{7}$, а сырье и вспомогательные материалы для русскихъ фабрикъ и заводовъ—до $\frac{4}{7}$; первое мѣсто среди этихъ предметовъ занимаютъ хлопокъ-сырецъ и металлы не въ дѣлѣ.

Виѣшняя торговля каждого народа имѣть свои особенности. Страна вывозить тѣмъ болѣе однообразные товары, чѣмъ болѣе однообразна ея природа и чѣмъ менѣе развито населеніе. Это обнаруживается особенно рѣзко въ отпускѣ тѣхъ странъ, которыхъ вывозятъ произведения добывающей промышленности. Чѣмъ болѣе развивается переработка сырья, тѣмъ меньше зависить трудъ населенія отъ виѣшней природы и тѣмъ болѣе разнообразнымъ становится вывозъ. Кофе преобладаетъ въ отпускѣ Бразиліи; вывозъ кофе изъ Гватемалы превышаетъ 85% всей цѣнности отпуска. Нѣсколько однообразенъ вывозъ и богатыхъ странъ Нового Свѣта: Аргентину и Австралію, съ преобладаніемъ скота въ вывозѣ первой и шерсти въ отпускѣ второй. Въ Соединенныхъ Штатахъ соединились условія, которыхъ могутъ дѣлать вывозъ разнообразнымъ: разнообразіе даровъ природы, и разностороннія дѣятельность населенія. И мы находимъ въ отпускѣ этой страны 7 группъ предметовъ съ вывозомъ по каждой слишкомъ на 50 миллионовъ долларовъ: предметы продовольствія съ пшеницей во главѣ, хлопокъ-сырецъ, металлы съ ихъ издѣліями, дерево въ сыромъ и обработанномъ видѣ и нѣкоторые другие.

Вывозъ главныхъ народовъ Европы отличается, вообще, разнообразіемъ. Къ Россіи это примѣрно всего меньше. За послѣднія 10 лѣтъ на міровомъ рынке появился русские товары, которые

прежде вывозились въ небольшомъ количествѣ (яйца, нефть и ея продукты, коровье масло). Но главный предметъ вывоза образуютъ 4 хлѣба — рожь, пшеница, овесъ и ячмень; они даютъ, по цѣнности, не меньше половины русскаго отпуска. Сравнительно съ началомъ 19 столѣтія русскій вывозъ послѣднихъ лѣтъ не отличается большимъ разнообразіемъ. Официальные данные за два трехлѣтія (1802—804 и 1896—98 года) представляютъ русскій отпускъ въ такомъ видѣ: въ общей цѣнности вывоза составляли: жизненные припасы 19,4 и 58,2%, сырье и полуобработанные материалы — 70,1% и 35,5, животные — 2,1 и 2,3, издѣлія — 8,4 и 4,0. Вотъ что мы читаемъ въ этихъ цифрахъ: 1) Россія отпускаетъ за границу огромныя количества жизненныхъ припасовъ; русскій народъ питается очень скучно, а потому значительная часть вывозимыхъ предметовъ пищи не является избыткомъ для населенія. 2) Россія вывозить меньше сырыхъ и полуобработанныхъ материаловъ, нежели въ началѣ 19 вѣка; она сама перерабатываетъ больше, но уровень, достигнутый ею въ этой области, еще такъ низокъ, что, относительно, она даетъ міровому рынку даже меньше издѣлій, чѣмъ прежде.

Вывозъ странъ, наиболѣе подвинувшихся въ развитіи промышленности, отличается большимъ разнообразіемъ. Въ германскомъ отпускѣ за 1901 годъ мы находимъ 18 группъ товаровъ съ цѣнностью по каждой слишкомъ на 100 миллионовъ марокъ. Эти 18 группъ представляютъ важнѣйшіе отдылы обрабатывающей промышленности. То же находимъ и въ Бельгіи. Разнообразіе будетъ отѣнено еще рѣзче, если припомнить, что кофе въ вывозѣ изъ некоторыхъ американскихъ странъ, шерсть у Австралии, скотъ у Аргентины, 4 группы хлѣбовъ у Россіи составляютъ 50% цѣнности отпуска и больше. Въ странахъ высоко развитой промышленности цѣнность вывозимыхъ товаровъ по какой-либо изъ главныхъ группъ рѣдко превышаетъ 10—20%.

Во вѣнѣній торговлѣ почти каждой страны съ теченiemъ времени происходятъ крупныя перемѣны: 1) Вслѣдствіе роста населенія уменьшается вывозъ продуктовъ сельского хозяйства; значительную часть того, что вывозилось раньше, удерживаютъ дома для продовольствія и развитія туземной промышленности. 2) Открываются неизвѣстныя ранѣе естественные богатства, которыхъ и даютъ народу новые предметы для вывоза. 3) Въ странѣ, уже отпускающей за границу много фабрикатовъ, возникаютъ новые отрасли, и вывозъ становится болѣе разнообразнымъ. Еще въ 40-хъ и 50-хъ годахъ 19 столѣтія вывозъ сырья изъ Соединенныхъ Штатовъ совсѣмъ затѣнялъ отпускъ другихъ товаровъ: за 1847—1856 года хлопокъ-сырецъ составлялъ 50% отпуска, хлѣбъ въ зернѣ и мясо — до 20%. А за 1900 годъ

первый составляетъ меныше 20%. Нефть и ея продукты дѣлаются съ 70-хъ годовъ крупной статьей вывоза, фабрикаты, не составлявшіе въ 50-хъ годахъ и 10%, даютъ теперь болѣе 30% цѣнности. Слѣдуетъ сказать то-же и о Германіи. Еще въ 50-хъ годахъ 19 вѣка Германія вывозила хлѣбъ; только съ 60-хъ она стала быстро обращаться въ страну съ преобладаніемъ промышленности надъ сельскимъ хозяйствомъ. Даже въ 70-хъ годахъ вывозъ пшеницы изъ Германіи превышалъ ввозъ. Такъ, въ 1860, 70. и 75 годахъ было ввезено пшеницы: 241,308 и 499,000 тоннъ; за тѣ-же годы вывозъ ея достигалъ: 452,483 и 570,000 тоннъ. А позднѣе мы имѣемъ такія цифры: за 1889 годъ ввозъ въ 516,000 тоннъ соотвѣтствовалъ вывозу въ 0,7 тысячи тоннъ, а за 1900 годъ ввозъ достигъ 13 миллионовъ двойныхъ центнеровъ, а вывозъ—только 3 миллиона. Ввозъ и вывозъ сырыхъ матеріаловъ представлены въ Германіи такими цифрами: за 1880 годъ 3,944,000 тоннъ и 3,635,000 тоннъ, а за 1899—34,635,000 и 25,299,000, т. е. въ 1880 году потребность германской промышленности во ввозномъ сырѣ опредѣлилась только 309,000 тоннъ, а въ 1899—9,336,000 тоннъ; она увеличилась почти въ 30 разъ. Во вѣнѣній торговлѣ Великобританіи также наблюдаются существенныя перемѣны. Въ концѣ 18 вѣка главнымъ предметомъ ея отпуска были шерстяныя издѣлія, составлявшія, по цѣнности, почти $\frac{1}{3}$ всего вывоза. Позднѣе важнѣйшими предметами стали хлопчатобумажныя издѣлія и жѣлѣзо. Теперь главный мѣста принадлежать хлопчатобумажнымъ издѣліямъ и каменному углю.

Какъ велико участіе народовъ въ снабженіи міроваго рынка разными товарами? Точное вычисление этого связано съ неодолимыми трудностями. По даннымъ ²⁾ для послѣднихъ годовъ 19 вѣка (1893—98), вывозъ пшеницы изъ Соединенныхъ Штатовъ составлялъ 38% всего вывоза этого хлѣба на міровой рынокъ; Россія вывозить 31%, Аргентина—6%, Британская Индія—3%. Для нѣкоторыхъ другихъ товаровъ подсчетъ даетъ также результаты. Великобританія занимаетъ первое мѣсто по снабженію міроваго рынка пивомъ (50,8%), тканями (44,8), пряжей (43,1), металлическими издѣліями (36,8). По вывозу сахара Германія идетъ во главѣ: она доставляетъ міровому рынку 24,6 всего вывозимаго количества. Въ отпускѣ спирта первое мѣсто принадлежитъ Франції (43,2%). Германія и Франція, дающія міровому рынку только 16,5 и 17,8 и 17,5 и 6,9 всего вывозимаго количества тканей и металлическихъ издѣлій, еще далеко отстоять отъ Великобританіи ³⁾.

Не разъ дѣлали попытки опредѣлить также относительное количество товаровъ, которые изъ всей массы продуктовъ данной отрасли страны отдаетъ міровому рынку. Согласно съ вычислѣніями Мэлголла для 1894 года, Великобританія вывозить,

по цѣнности, 23% всѣхъ своихъ продуктовъ. Германія — 13%, Франція — 12%, Соединенные Штаты — 6%, Дания — 27%, Россія — 7% ⁴). Для вѣкоторыхъ родовъ вывозимыхъ товаровъ могутъ быть приведены еще такія данныя. Количество пшеницы, вывозимой изъ Россіи, составляетъ 30% всего сбора пшеницы. Соединенные Штаты вывозятъ 33—35% ⁵). Цѣнность вывозимыхъ изъ Германіи издѣлій относительно цѣнности годового продукта составляетъ: 20,4% въ желѣзодѣлательной промышленности, 33,8% въ химической, 37,4% въ стекольной, 42,9% въ кожевенной, 51,7 въ гончарной. Въ среднемъ, цѣнность вывозимыхъ изъ Германіи фабрикатовъ составляетъ 22,6% всей цѣнности фабрикатовъ, которые производятъ въ этой странѣ. По переписи 1895 года, въ промышленности и торговлѣ Германіи занято 7,3 миллиона людей; значитъ, 1,7 миллиона работали для вывоза. За 1895—97 года обработкою волокнистыхъ веществъ въ Германіи было занято 745.880 рабочихъ. Каждый произвѣдилъ на 3,687 марокъ въ годъ. Чтобы изготовить товары для вывоза (ихъ цѣнность составляетъ 589.344,000 марокъ) нужно круглымъ числомъ 160.000 рабочихъ ⁶).

Между товарами, вывозимыми изъ разныхъ странъ, мы находимъ, помимо различій, и значительныя сходства. Многіе народы поставляютъ міровому рынку одинаковые продукты сельского хозяйства; то же наблюдается и въ отпускѣ фабрикатовъ. Машины, хлопчатобумажные ткани, шерстяные издѣлія, продукты химического производства вывозятся изъ Англіи, Германіи, Бельгіи, Швейцаріи, за послѣднее время, изъ Соединенныхъ Штатовъ. Это ведеть къ оживленному соперничеству. Народъ, соперничая съ иноземцами у себя дома, старается оградить туземную промышленность таможенными налогами. Каждый народъ, развившій виѣщую торговлю, соперничаетъ и за предѣлами своей территории. Для состязанія на міровомъ рынке особенно напрягаютъ силы тѣ народы, которые еще недавно развили свою промышленность. Сѣвероамериканцы и германцы проявляютъ наибольшую энергию. Недавно происходило въ Египтѣ соревнованіе между англійскими и американскими строителями локомотивовъ. Англійские заводчики обязались изготовить локомотивы для египетскихъ желѣзныхъ дорогъ въ 48—90 недѣль, а американские въ 12—35 недѣль ⁷). Примѣромъ пораженія Англіи служитъ и то, что анатолійская желѣзная дорога строилась изъ германского желѣза. Американцы все больше проникаютъ въ англійскія владѣнія и страны, подчиненные англійскому верховенству: въ Остъ-Індіи мосты строятся изъ американского желѣза; мостъ чрезъ Атбару, где англичане одержали побѣду надъ магдистами, сооруженъ американскими рабочими и изъ американского желѣза. Сирія ближе къ европейскимъ производителямъ, чѣмъ къ Соединеннымъ

Штатамъ, но съвероамериканцы сдѣлали тамъ большиe усилѣя: къ нимъ поступаютъ изъ Сирии заказы на машины, разныя желѣзныя и стеклянныя издѣлія, пиво и т. д. Отъ 1898 до 1900 года ввозъ стекла и стеклянныхъ издѣлій въ Британскую Индию поднялся съ 6,6 до 7,7 миллионовъ рупий, при чёмъ ввозъ англійскихъ товаровъ остался безъ измѣненія, а увеличился ввозъ австрійскихъ и бельгійскихъ. Въ Коломбо на островѣ Цейлонѣ идетъ напряженное соперничество по сбыту бумаги и канцелярскихъ принадлежностей между производителями Англіи, Германіи, Франціи и Австро-Венгрии⁵⁾.

Желаніе завладѣть новыми рынками, охватывая всѣ круги, прикосновенные къ крупной промышленности и вывозной торговле, сказывается въ усиленныхъ поискахъ за агентами и разъѣзжими приказчиками для самыхъ отдаленныхъ уголковъ. Германскіе торговцы отыскиваютъ агентовъ для продажи посуды и кухонной утвари въ Салоникахъ, соломенныхъ шляпъ, щетокъ, желѣзныхъ и кожевенныхъ издѣлій — въ Австралии, церковной утвари, спиртныхъ напитковъ, трубокъ, писчей бумаги — въ Бразилии, ламповыхъ горѣлокъ — въ Перу, музыкальныхъ инструментовъ — въ Чили, перчатокъ — въ Аргентинѣ, сунокъ изъ Геры и разныхъ тканей изъ С. Галлена — въ Мексикѣ, кожевенныхъ товаровъ и желѣзныхъ орудій — въ Палестинѣ и т. д.

За послѣдніе годы совершилось расширение мироваго рынка. Открылся доступъ къ народамъ, которые были раньше отрѣзаны отъ культурнаго міра, и улучшилось сообщеніе со странами, которыхъ уже ранѣе были известны. Въ 1898 году стала свободнымъ доступъ изъ Египта въ Суданъ; сдѣгалось возможно плаваніе вверхъ по Нилу до экватора и оживилась торговля въ направлениі къ Кордофану и Хартуму. Упрочиваются сношенія съ Абиссиніей: въ ней строятся 2 желѣзныя дороги. Онѣ открываютъ для торговли площадь въ нѣсколько десятковъ тысячъ квадратныхъ миль. Обширныя работы по орошению, выполненные въ Египтѣ подъ руководствомъ англичанъ, уже успѣли оживить эту страну. Въ западной части Африки Франція строить желѣзную дорогу для соединенія судоходныхъ частей Сенегала и Нигера. Эта дорога откроетъ для торговли область до 2.000,000 квадратныхъ верстъ. Усилившаяся за послѣдніе годы постройка желѣзныхъ дорогъ въ Южной Америкѣ, во французской Гвианѣ, на Мадагаскарѣ имѣть также большое значеніе. Ожидается огромныхъ выгодъ отъ багдадской дороги. Она свяжетъ съ міровымъ рынкомъ площадь въ 1.500,000 квадратныхъ верстъ съ населеніемъ въ 20 миллионовъ. Производительность этой области можетъ быть очень велика: полагаютъ, что она сдѣлается одной изъ главныхъ поставщиковъ пшеницы для міроваго рынка; воздѣлываніе хлопчатой бумаги также можетъ достигнуть большаго развитія; нефтяная богатства Вави-

лонії, будто-бы, во много разъ превосходятъ русскіе запасы нефти. Багдадская дорога будетъ главнымъ путемъ для торговыхъ сношеній съ Индіей и приблизить послѣднюю къ Европѣ. Напомнимъ также о проникновеніи европейско-американской торговли въ глубь Китая.

Важность усовершенствованныхъ путей и сокращенія перевозки общезвестны. Чѣмъ лучше обставилъ себя народъ въ этомъ отношеніи, тѣмъ вѣрнѣе обеспечилъ онъ себѣ побѣду на міровомъ рынкѣ. Предъ Соединенными Штатами открывается блестящая перспектива. Порты Англіи отстоятъ теперь отъ Китая, Японіи, Австраліи на 2.700 миль ближе, чѣмъ Нью-Йоркъ. Прорытіе Панамского канала сдѣлаетъ путь изъ восточныхъ гаваней Соединенныхъ Штатовъ до Востока Азіи короче, чѣмъ изъ гаваней Европы, и американцы получать важныя преимущества надъ своими соперниками въ торговлѣ на обширномъ рынке восточной Азіи.

II.

Мировая торговля имѣеть многостороннее влияніе на хозяйственную жизнь народовъ, которые участвуютъ въ ней. Народъ можетъ лучше приюровить свой трудъ къ естественнымъ богатствамъ страны. А интересы хозяйства требуютъ, чтобы главная масса труда туземцевъ направлялась туда, где ему наибóльше способствуютъ вицьшая природа и условія общественной жизни.

Аргентина занимаетъ первое мѣсто среди странъ, вывозящихъ скотъ на міровой рынокъ. Даже бѣглое знакомство съ нею приводить къ заключенію, что все благопріятствуетъ тамъ скотоводству. Необозримыя равнины, перерѣзанныя рѣчками, позволяютъ, уже въ силу своей безлюдности, пріобрѣсти за ничтожную плату десятки тысячъ десятинъ. Умѣренный расходъ на покупку земли даетъ пріобрѣтателю возможность окружить владѣнія прочной проволочной изгородью и тѣмъ уменьшить до самыхъ малыхъ размѣровъ текущія затраты на уходъ за скотомъ: довольно одного человѣка, дабы наблюдать за исправностью изгороди; разъ скотъ привыкъ настись въ своихъ границахъ, то довольно двухъ пастуховъ для 10.000 гектаровъ. Невелика и подготовка, которой требуютъ отъ этихъ людей: искусно владѣть арканомъ и ножемъ, умѣло выбирать животныхъ для продажи и покупки, отъ времени до времени давать владѣльцу отчетъ. Въ Аргентинѣ скотъ даже лучшей породы проводить на пастбищѣ круглый годъ; нѣть скотныхъ дворовъ; не нужно заготовлять кормъ на зиму ⁹). А потому понятно, что населеніе Аргентины тѣмъ лучше прилагаетъ свой трудъ, чѣмъ больше силь посвящаетъ скотоводству.—Равнины Австраліи однообразны. На обширныхъ пространствахъ почва не на-

столько плодородна, чтобы стоило посвящать земледѣлію главную массу труда: малое количество выпадающего дождя (внутри материка оно не превышает 200—400 миллиметровъ) и полное бездождіе въ теченіе добрыхъ двухъ третей года дѣлаютъ земледѣліе еще менѣе надежнымъ занятіемъ. Но эти равнинны, сухія, местами солончаковыя, тамъ и сямъ поросшія эйкалиптомъ, служить превосходными пастищами для овецъ. Мериносы, ввезенные въ Австралію изъ Испаніи въ концѣ 18 вѣка, отлично освоились съ новой родиной и сдѣлали австралийскія колоніи главными поставщиками шерсти на міровой рынокъ¹⁰). За послѣднія 12 лѣтъ засухи уменьшили скотоводство Австраліи; но и теперь шерсть служить однимъ изъ важнейшихъ предметовъ вывоза, а для нѣкоторыхъ колоній—главнымъ. И такъ, Австралія выигрываетъ, посвящая овцеводству большое количество труда.—Иллюденосы равнинны южной Россіи; Венгрии, Соединенныхъ Штатовъ, много лѣтъ дающія обильные жатвы безъ удобренія, какъ-бы судьбою предназначены на то, чтобы производить много зерна для вывоза. Зарождающееся народное хозяйство Бразиліи и нѣкоторыхъ другихъ странъ Южной и Средней Америки можетъ развиться особенно успѣшно, если населеніе сосредоточить большое количество труда на плантацияхъ кофе, въ Боливіи и Конго—на эксплуатированіи каучуковыхъ лѣсовъ, въ сѣвероамериканскихъ и русскихъ бассейнахъ нефти—на добываніи этого материала для внутренняго потребленія и вывоза. Продукты сельского хозяйства могутъ быть производимы даже при неблагопріятныхъ условіяхъ; разные металлы и минералы могутъ быть добываемы во многихъ странахъ. Но народы,участвующіе въ міровомъ хозяйстве, достигаютъ тѣмъ лучшихъ результатовъ, чѣмъ больше силъ посвящаютъ отраслямъ труда, для которыхъ находятся подъ рукой обильныя естественные богатства.

Это положеніе примѣнно и къ обрабатывающей промышленности. Въ условіяхъ, особенно благопріятныхъ для ея развитія, находятся страны, которые изобилуютъ топливомъ, именно, минеральнымъ—каменнымъ углемъ, нефтью; таково положеніе Англіи съ залежами каменного угля, Германіи—съ богатыми силезскими и вестфальскими копами, Бельгіи—съ бассейномъ Шарльруа, Россіи—съ углемъ на Донцѣ и нефтью на Кавказѣ. Еще болѣе велики богатства Соединенныхъ Штатовъ. Развъ въ странѣ есть разные металлы и минералы, лѣсъ, то трудъ ея населенія можетъ достигнуть большаго разнообразія. При отсутствіи топлива и желѣза странѣ трудно подняться до успѣшнаго соперничества съ народами, которые обладаютъ этими данными. Возьмемъ для примѣра Италію. Ни энергичный частный починъ, ни усилия государственной власти не могутъ развить въ ней столь разнообразную промышленность, какъ въ

Англії, Германії, Бельгії, Соединенныхъ Штатахъ. Италия не имѣть минерального топлива. Желѣза она добываетъ всего на 5 миллионовъ франковъ въ годъ. Но это не мѣшаетъ Италии развить и обрабатывающую промышленность, особенно въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ продукты цѣнны, гдѣ нуженъ изящный вкусъ. Мягкій климатъ дѣлаетъ въ ней трудъ, *ceteris paribus*, болѣе дешевымъ, чѣмъ во многихъ другихъ странахъ Европы. И мы видимъ, что въ обработкѣ шелка она достигла высокаго совершенства: цѣнность шелка, вывозимаго въ разныхъ видахъ изъ Италии, превышаетъ $\frac{1}{3}$ всей цѣнности ея заграничного отпуска.

Выгоднымъ посльствіемъ міровой торговли является также разнообразіе товаровъ, вошедшихъ въ потребленіе культурныхъ народовъ. Привыкнувъ всегда имѣть подъ рукой многіе предметы, неизвѣстные предкамъ, мы не придаемъ значенія легкости, съ какою получаемъ ихъ въ наше распоряженіе. Мы забываемъ, что возможность получения этихъ товаровъ обезпечивается международнымъ обмѣномъ, а дешевизна есть слѣдствіе усовершенствованій, которыя пролагаютъ себѣ путь и въ организацію міровой торговли. Подумаемъ о невзгодахъ, которые наступили бы, если бы міровая торговля сократилась на половину, т. е до размѣровъ, которые имѣла въ 60-хъ годахъ 19-го вѣка. Для странъ, ввозящихъ главные жизненные припасы, посльствія такого сокращенія были бы роковыми: наступило бы чрезвычайное вздорожаніе этихъ товаровъ, острая нужда для обширныхъ круговъ населенія и голодная смерть для бѣднѣйшихъ. Съ тяжкими посльствіями было бы связано большое уменьшеніе ввоза сырыхъ матеріаловъ, переработываемыхъ главными отраслями промышленности страны, напримѣръ, большое сокращеніе ввоза хлопка и шерсти въ Англію: закрытие фабрикъ, безработица и бѣдствія огромныхъ массъ наступили бы очень скоро. Крупнымъ недочетомъ было бы уменьшеніе привоза и тѣхъ предметовъ, которые, не будучи необходимыми, стали привычными для всего населенія культурныхъ странъ, или служать матеріаломъ для отраслей, возникшихъ недавно, но уже нашедшихъ обширный кругъ потребителей: таковы чай, кофе, какао, каучукъ. Эти и многіе другие предметы вошли въ обходъ культурныхъ народовъ только потому, что страны низшей цивилизациіи и тропическихъ поясовъ были привлечены къ правильному международному обмѣну.

Міровая торговля смягчаетъ колебанія въ хозяйственной жизни народовъ. Какую область явленій мы бы ни взяли, мы видимъ тѣмъ болѣе колебаній, чѣмъ она уже, чѣмъ меныше число явленій. Рождаемость, смертность, брачность, преступность испытываютъ за данный періодъ гораздо меныше колеб-

баний въ обширной странѣ, чѣмъ въ ея отдельныхъ округахъ. То же наблюдается относительно фактовъ хозяйства, добычи металловъ или минераловъ, улова рыбы, обилия жатвы, цѣнъ. За 6-ти-лѣтній періодъ (1892—97) разница между наименьшимъ и наибольшимъ урожаями хлѣба составляетъ для всей Европы 35%, а для отдельныхъ странъ гораздо больше: для Россіи 50%, Румыніи — 58%, Англіи — слишкомъ 60%. Рѣзкія различія въ урожаяхъ по отдельнымъ странамъ смягчаются міровой торговлей. Слѣдуетъ сказать то же о цѣнахъ: чѣмъ болѣе замкнута страна, тѣмъ болѣе колеблются въ ней цѣны продуктовъ сельского хозяйства. Въ Англіи, подъ влияниемъ континентальной системы, происходило такое движеніе цѣнъ: одинъ квартеръ пшеницы стоилъ въ среднемъ 68 шиллинговъ за 1791—1800 годъ и 95½ шиллинга за 1811—20; а въ отдельные годы этого 10-лѣтня цѣна была: 108 шиллинговъ въ 1811, 118 — въ 1812 и 120 — въ 1813 году. Народное хозяйство развивается тѣмъ болѣе правильно, чѣмъ менѣе испытываетъ колебаній въ снабженіи привычными предметами потребленія, материалами для переработки и въ цѣнахъ. Только при этихъ условіяхъ возможны планомѣрное распределеніе труда между разными отраслями и расчетъ относительно результатовъ, которые могутъ быть достигнуты каждой хозяйственной единицей за данный періодъ.

Оживленныя сношенія между народами облегчаютъ передвиженіе капиталовъ изъ богатыхъ странъ въ бѣдныя. Такое передвиженіе выгодно и для страны, которая отпускаетъ свои капиталы, и для народа, который получаетъ ихъ. Избытокъ въ накопленіи наступаетъ тогда, когда всѣ отрасли промышленности болѣе или менѣе переполнены, когда новая затрата капитала обѣщаетъ мало выгодъ и основаніе новыхъ предпріятій или расширение старыхъ свидетельствуетъ о большомъ рисковъ. При такомъ положеніи дѣлъ народъ выигрываетъ, если часть его накопленій уходитъ за границу. Для странъ, экономически неразвитой, притокъ капиталовъ изъ-за границы очень полезенъ: онъ позволяетъ эксплуатировать въ странѣ такія богатства, къ которымъ безъ заграничныхъ средствъ не было бы доступа. Пояснимъ это примѣромъ. Предположимъ, что въ Англіи накопилось 50 миллионовъ фунтовъ стерлинговъ, которые въ ближайшемъ будущемъ не могутъ быть употреблены съ большой выгодой. Владѣльцамъ, желающимъ удержать ихъ на родинѣ, придется затратить эти капиталы только съ очень малой выгодой, напримѣръ, построить нѣсколько линий желѣзныхъ дорогъ чисто мѣстного значенія, пріобрѣсти десятокъ другой пароходовъ, совершающихъ рейсы между Англіей и Новымъ Свѣтомъ. Такое размѣщеніе капиталовъ можетъ принести пользу для народнаго хозяйства Англіи; но если вновь построена

желѣзная дорога обслуживаетъ только очень тѣсный районъ, новые пароходы двигаются по линіи, где фрахты уже низки, предпріятія созданы въ отрасляхъ, где получается очень малая прибыль, то и для самой Англіи была бы болѣе полезна затрата этихъ капиталовъ за границей. Употребленіе этихъ средствъ на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, напримѣръ, въ Аргентинѣ, связывая съ міровымъ рынкомъ миллионы десятинъ плодородной земли, удешевляетъ жизненные припасы для всѣхъ странъ, которыхъ захвачены въ сѣть международныхъ сношеній. Болѣе выгодно, нежели удержаніе дома, употребленіе этихъ капиталовъ на прорытіе Суэзскаго, Панамскаго перешейка: это сокращаетъ путь, проходимый товарами, и даетъ многомилліонныя сбереженія для всѣхъ народовъ, участвующихъ въ міровой торговлѣ. Конечно, невозможенъ даже приблизительно точный учетъ того, насколько выгоды, доставляемыя помѣщеніемъ европейскихъ капиталовъ въ Бразиліи, Австраліи, Египтѣ, перевѣшиваютъ выгодность затраты капиталовъ въ странѣ, где совершилось ихъ накопленіе. Предпочтительность того или другаго выясняется владельцами капиталовъ; ихъ выгоды часто соотвѣтствуютъ интересамъ туземныхъ рабочихъ и всего міроваго хозяйства.

Отливъ сбереженій изъ богатыхъ странъ къ бѣднымъ народамъ способствуетъ уравненію процента. Въ странахъ первой группы пониженіе процента пріостанавливается; у народовъ же, которые получаютъ капиталы изъ-за границы, процентъ понижается. Въ половинѣ 19 вѣка въ странахъ, богатыхъ капиталами—Англіи и Голландіи—учетный $\frac{1}{2}\%$ стоялъ на $3\frac{1}{2}$ годовыхъ; въ странахъ, тогда еще бѣдныхъ, — Соединенныхъ Штатахъ, Австраліи — онъ былъ не ниже 8; такова была его высота даже въ самыхъ оживленныхъ торговыхъ центрахъ. Въ Россіи процентъ стоялъ еще выше. Съ тѣхъ поръ народы старой культуры перемѣстили за границу много миллиардовъ, и въ высотѣ процента наступило замѣтное уравненіе: въ Англіи, Голландіи, Бельгіи процентъ не понизился; въ Германіи, которая съ тѣхъ поръ развила свою промышленность, процентъ понизился почти до уровня Англіи и Голландіи; въ Соединенныхъ Штатахъ, Австраліи, Россіи учетный процентъ при крупныхъ сдѣлкахъ, не связанныхъ со значительнымъ рискомъ, стоитъ не выше 5 и даже $4\frac{1}{2}$ годовыхъ.

Для 1900 года быть сдѣланъ приблизительный подсчетъ германскимъ капиталамъ, помѣщеннымъ за границей. Опредѣляются ихъ общій итогъ цифрою не менѣе 20 миллиардовъ марокъ; изъ нихъ до $12\frac{1}{2}$ миллиардовъ помѣщены въ иностраннѣхъ государственныхъ и городскихъ займахъ. На промышленные предпріятія за границей иѣмцы затратили $7\frac{1}{2}$ миллиардовъ. Эти капиталы размѣщены такъ: 400 миллионовъ помѣщены

щены въ Турции (Европейской, Азиатской и Египте); изъ нихъ 230 миллионовъ пошли на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ. Въ южной Африкѣ, не считая германскихъ колоній, вложено 960 миллионовъ, большую частью, въ Трансвааль. Въ другихъ странахъ Африки вложено до 40 миллионовъ. Азія, кромѣ Турецкихъ владѣній, получила отъ вѣмцевъ 700 миллионовъ; изъ нихъ 300 миллионовъ приходятся на Китай и 60 на Японію. На материкѣ Австралии вѣмцы затратили 500 миллионовъ марокъ и до 70 миллионовъ на австралийскихъ островахъ, преимущественно, гавайскихъ. Сумму германскихъ капиталовъ, помѣщенныхъ на материкѣ и островахъ Средней Америки, опредѣляютъ въ 1.250 миллионовъ марокъ; изъ этой суммы приходится всего больше на Мексику. Южная Америка получила 1.700 миллионовъ, изъ нихъ до 600 Аргентина и до 600 Бразилія. Въ Соединенныхъ Штатахъ насчитываются 2 миллиарда марокъ германскихъ капиталовъ и въ Канадѣ—25 миллионовъ ⁽¹⁾). Для 1898 года опредѣлили въ 4 миллиарда фунтовъ стерлинговъ сумму англійскихъ капиталовъ за границей; четвертая часть этого вложена въ сѣвероамериканскія цѣнныя бумаги. Считаютъ, что къ концу 1902 года общій итогъ французскихъ капиталовъ въ Россіи достигать 7 миллиардовъ франковъ. Изъ этой суммы причитается больше 6 миллиардовъ на русскіе государственные займы и облигациіи желѣзныхъ дорогъ, 792 миллиона франковъ на промышленныя и торговыя предпріятія; оставшее помѣщено въ недвижимости и банкахъ. Капиталъ французовъ въ русской промышленности и торговль распредѣляется по районамъ слѣдующимъ образомъ: на сѣверѣ Россіи — 25 миллионовъ франковъ, въ среднихъ губерніяхъ—242 миллиона, южной Россіи — 30 миллионовъ и Польши — 180 миллионовъ. Бельгійскихъ капиталовъ насчитывается въ Россіи 500 миллионовъ франковъ; съ ихъ помощью основано 148 предпріятій ⁽²⁾). И американскій капиталъ направляется за границу; мѣстами онъ вытесняетъ англійскій. Это наблюдаются всего чаще въ Мексикѣ, где американцы основали много банковъ и развили горное дѣло.

Страны, бѣдныя капиталами, также дѣлаютъ небольшія помѣщенія заграницей. За послѣдніе годы Корея привлекала капиталы изъ Россіи и Японіи. Синдикатъ японскихъ капиталистовъ приобрѣлъ право строить въ Кореѣ желѣзныя дороги и разрабатывать минеральные богатства; корейское правительство дало японцамъ также концессію на устройство станцій для китобойного промысла. Японцы разрабатываютъ и пріиски золота. Японскіе капиталисты дѣствуютъ въ Кореѣ настолько успѣшно, что англійские, американскіе и германскіе капиталы находять тамъ мало приложения ⁽³⁾).

Есть много интересныхъ примѣровъ того, какъ капиталы,

накопленные въ Европѣ, оплодотворяютъ промышленную жизнь новыхъ странъ. Еще 30 лѣтъ тому назадъ народное хозяйство австралійскихъ колоній было въ зачаточномъ состояніи. Но туда двинулись англійскіе капиталы, частью, въ государственные займы, частью—въ разныя предпріятія. Приливъ особенно усилился съ 80-хъ годовъ. Въ 1880 году весь государственный долгъ 7 австралійскихъ колоній достигалъ 90 миллионовъ фунтовъ стерлинговъ, а въ 1895—превышалъ 218 миллионовъ. Большая часть этихъ капиталовъ была употреблена на учрежденія, связанныя съ народнымъ хозяйствомъ. Новый Южный Уэльсъ имѣлъ въ 1895 году больше $62\frac{1}{2}$ миллионовъ фунтовъ долга; онъ затратилъ изъ нихъ болѣе $39\frac{3}{4}$ миллиона на желѣзныя дороги, около $3\frac{3}{4}$ миллиона на порты, и пароходство, до $7\frac{1}{2}$ миллиона на водопроводы и канализацию и т. д. Мы находимъ то же и въ другихъ колоніяхъ. Такія затраты позволили развить австралійское народное хозяйство и доставили Австраліи видное мѣсто на міровомъ рынке. То-же пережила и Аргентина. Отъ конца 70-хъ до 1895 года въ Аргентинѣ было помѣщено болѣе 463 миллиона долларовъ иностраннѣй капиталовъ. Въ 1873 году тамъ было только 1104 километра желѣзныхъ дорогъ, а въ 1900—до 20.000 километровъ¹⁴⁾. И въ Австраліи, и въ Аргентинѣ часть капитала была затрачена безъ достаточной осторожности: желѣзныя дороги строились не довольно обдуманно; многія предпріятія обманули ожиданія учредителей. Это вызвало даже кризисъ. Но помощь, принесенная иностраннѣими капиталами, была очень велика: не будь ихъ, эти страны и теперь находились бы въ полуздикомъ состояніи.

Русская промышленность представляетъ также обширное поле для наблюдений этого рода. Отъ самаго начала 19 вѣка русское правительство старалось водворить чугуноцлавильное производство на югѣ Россіи. Попытки были безуспѣшны до начала 70-хъ годовъ, когда за дѣло взялся англичанинъ Юзъ, который образовалъ для этого въ Лондонѣ общество съ капиталомъ въ 300.000 фунтовъ. Сходна съ этимъ исторія и Кривого Рога. Дѣло стало на торную дорогу только въ 1880 году послѣ учрежденія въ Парижѣ французскаго общества криворожскихъ рудъ съ капиталомъ въ 5 миллионовъ франковъ. По слѣдамъ этого общества направились французскіе и белгійскіе капиталисты и въ короткое время развили металлургію въ южной Россіи¹⁵⁾. Сооруженіе русской желѣзнодорожной сѣти было возможно только подъ условіемъ прилива капиталовъ изъ-за границы.

Говоря о помѣщении свободныхъ капиталовъ за границей, не рѣдко предполагаютъ, что всѣ доходы съ нихъ возвращаются къ народу, который вывезъ ихъ. Разсуждаются, напримѣръ, такъ: вывозъ Германіи за предѣлы Европы оцѣнивается въ

876.200.000 марокъ, а цѣнность товаровъ, привезенныхъ изъ виѣвропейскихъ странъ — въ 1.625.100.000 марокъ. Разница можетъ быть покрыта поступлениемъ въ Германію доходовъ на германскіе капиталы, помѣщенные виѣ Европы. Конечно, разница можетъ быть покрыта, и даже съ избыткомъ. Но не слѣдуетъ думать, что всѣ предпріятія, основанныя на германскіе капиталы, сохраняютъ связь съ Германіей и высылаютъ свои доходы. Многія предпріятія націонализируются въ странѣ, гдѣ основаны; таковы, прежде всего, капиталы, помѣщенные въ лѣсное хозяйство и горное дѣло, а также многіе капиталы, вложенные въ желѣзныя дороги: если желѣзная дорога, сооруженная въ Россіи на французскія деньги, переходитъ, по истечении срока, въ собственность государства, то весь помѣщенный въ нее капиталъ (акціонерный) перестаетъ существовать для Франціи. Бываетъ и такъ, что предпріятія, возникшія за границей, становятся во враждебныя отношенія съ однородными предпріятіями страны, которая дала капиталы для первыхъ: нѣмцы основали въ Южной Америкѣ огромныя пивоварни, которые смотрятъ непріязненно на ввозъ англійского и германскаго пива.

Помѣщеніе капиталовъ за предѣлами странъ, гдѣ совершилось ихъ накопленіе, создаетъ развѣтвленную сѣть кредитныхъ отношеній; она охватываетъ большую часть земного шара и позволяетъ говорить о международномъ капитализмѣ. Развитіе новыхъ изобрѣтеній подъ охраной патентовъ выработало для него своеобразную форму. Дабы извлечь изъ патента выгоды въ разныхъ странахъ, одна и та же фирма начинаетъ во многихъ государствахъ одинаковыя предпріятія. Германская электротехническая промышленность можетъ служить такимъ примеромъ. Крупные предприниматели этой отрасли основываютъ однородные заводы въ Германіи, Австріи, Англіи, Франції, Россіи и распредѣляютъ между собою сбыть на міровомъ рынке: германскія фабрики снабжаютъ Среднюю и Южную Америку, отчасти южную Африку и восточную Азію; предпріятія, учрежденные въ Австріи, продаютъ свои издѣлія на Балканскомъ полуостровѣ; изъ Англіи произведенія этого рода вывозятся въ англійскія колоніи. Мы находимъ то же и въ машиностроеніи. Фабрика газовыхъ двигателей въ Кельнѣ, принадлежащая фирмѣ Дейцъ, тѣсно связана съ однородными фабриками въ Вѣнѣ, Парижѣ, Миланѣ, Люттихѣ, Копенгагенѣ, Філадельфіи. Вслѣдствіе этого дейцкій газовый двигатель известенъ всему міровому рынку; повсюду онъ является национальнымъ произведеніемъ. Предпріятія этого рода равнодушны къ перемѣнамъ въ таможенномъ тарифѣ, если они: какаются газовыхъ двигателей въ странахъ, гдѣ у нихъ есть фабрики¹⁶⁾.

Міровое хо́зяйство усиливаетъ вліяніе, которое оказываютъ ростъ населенія и успѣхи народнаго труда на отдаленіе города отъ деревни и развитіе большихъ городовъ. Пока промышленность и торговля почти не выходятъ за предѣлы страны, города возрастаютъ медленно. Чѣмъ болѣе экономическая жизнь народа вплетается въ міровой обмѣнъ, тѣмъ быстрѣе ростутъ города, тѣмъ обширнѣе становятся ихъ размѣры. Страна, снабжая міровой рынокъ фабрикатами и увеличивая ввозъ произведеній сельского хозяйства, сокращаетъ приложеніе труда къ землѣ, освобождаетъ множество людей въ деревнѣ, направляетъ ихъ къ промышленности и торговли. Города служатъ главными средоточіями этихъ занятій, а потому къ нимъ и притягиваются огромныя массы сельского люда. Страны, сдѣлавшіяся поставщиками фабрикатовъ для мірового рынка, даютъ обширное поле для изученія этого процесса. Англія 17 вѣка была страною преобладающаго сельскаго хозяйства. Въ теченіе 18 вѣка ея промышленность сдѣлала большия успѣхи; съ конца 18 столѣтія она стала много работать для мірового рынка, и отъ этого времени мы наблюдаемъ быстрый ростъ ея городскаго населения по сравненію съ сельскимъ. Въ 1700 году въ Англіи и Уэльсѣ насчитывали съ небольшимъ бъ миллиономъ жителей, которые распредѣлялись такъ: 2,788,000 въ промышленныхъ округахъ и 2,359,000 въ сельскихъ. Въ 1891 году населеніе первыхъ поднялось почти до 21 миллиона, т. е. увеличилось въ 9 разъ, тогда какъ вторыхъ до 6,569,000 — менѣе, чѣмъ въ 3 раза. Теперь въ городахъ живеть 77%, а въ деревняхъ — 23. Въ 1801 году, въ городахъ съ населеніемъ больше 20,000 было 16,94% общаго числа жителей, въ 1851 — уже 35%, въ 1891 — 54,58% а въ 1901 — 58%. Приростъ населенія этихъ городовъ идетъ особенно быстро съ 1821 года, по мѣрѣ возрастающаго участія Англіи во всѣхъ торговыхъ сношеніяхъ (отъ 1801 до 1821 число горожанъ увеличилось съ 16,94 до 20,82 общаго числа, а отъ 1821 до 1841 слишкомъ вдвое больше — съ 20,82 до 28,90). Въ Германіи этотъ процессъ совершился еще быстрѣе. Въ 1800 году жители городовъ Пруссіи составляли 26,42% всего населенія, въ 1840 — 28,04%. Возрастаніе пошло особенно быстро за послѣднюю третью 19 вѣка: въ 1871 году въ городахъ Германіи жило уже 36,1%, а въ 1900 — 54,3%. Къ этому же времени относится быстрый ростъ большихъ городовъ Германіи: въ 1843 году въ городахъ съ населеніемъ больше 50,000 жили 3,5% общаго числа жителей, а въ 1900 — 21,9%; а самые крупные города, съ населеніемъ больше 100,000, имѣли въ 1871 году 5,34% общаго числа, а въ 1900 — 16,36%¹⁷). Мы наблюдаемъ то же и въ другихъ странахъ, вывозящихъ преимущественно фабрикаты.

Города быстро ростутъ и въ странахъ, которыхъ вывозятъ,

главнейше, продукты сельского хозяйства. Соединенные Штаты имѣютъ огромные города; число ихъ жителей быстро увеличивается (отъ 1890 до 1900 года въ Нью-Йоркѣ почти на 1 миллионъ, въ Чикаго на 600.000 и т. д.). Есть большие города въ Австралии, Южной Америкѣ, Россіи. Здѣсь этотъ процессъ долженъ быть объясненъ, частью, тѣмъ, что на ряду съ сельскимъ хозяйствомъ развивается (Соединенные Штаты, Россія) и фабричная промышленность, частью, тѣмъ, что возрастающій сбыть сельско-хозяйственныхъ продуктовъ на міровой рынокъ вызываетъ потребность все въ болѣе крупныхъ средоточіяхъ: такими являются торговые города, города, образующіе узель для многихъ желѣзнодорожныхъ линій. Массы людей, связанныхъ съ торговлей и перевозочнымъ промысломъ, съ нагрузкой и выгрузкой товаровъ, осѣдаютъ въ такихъ городахъ; вокругъ нихъ возникаютъ разныя промышленныя и торговые заведенія, которая отвѣчаютъ только на мѣстный спросъ. Къ такому типу должны быть отнесены большие города Австралии, Южной Америки, некоторые города Россіи и Соединенныхъ Штатовъ. Миннеаполисъ, Ростовъ-на-Дону, Либава и многие другіе служатъ представителями этого типа. Въ странахъ новой культуры, особенно въ Южной Америкѣ и Австралии, гдѣ промышленность мало развита, росту городовъ и городскихъ жителей насчетъ сельскихъ способствуетъ и форма веденія сельского хозяйства. Преобладаютъ большія земельныя владѣнія; крестьянская земельная собственность, столь распространенная въ Старомъ Свѣтѣ, мало известна. Крупные размѣры хозяйства и всеобщее примѣненіе машинъ позволяютъ обходиться, относительно, съ небольшимъ числомъ рабочихъ; хозяйство настолько упрощается, что многие, для которыхъ оно служить главнымъ занятіемъ (владѣльцы земли съ семьями и группы рабочихъ) проводятъ въ городахъ значительную часть года и имѣютъ тамъ постоянную осѣдлость.

Съ развитіемъ міроваго хозяйства увеличению городовъ способствуетъ и возрастающая подвижность людей. Помимо коренного населения, въ каждомъ большомъ городѣ изъ года въ годъ увеличивается число людей, которые остаются тамъ короткое время. Разѣзжие приказчики съ образцами товаровъ, съ планами новыхъ торговыхъ едѣлокъ, посѣщають самыя отдаленные мѣста земного шара: въ Буэнос-Айресѣ, Санть-Яго, Шанхаѣ, Коломбо слышатся языки главныхъ культурныхъ народовъ. Съ повышеніемъ культуры возрастаютъ любознательность и любопытство людей. Облегченные и удешевленные способы передвиженія, прямо зависящіе отъ міроваго хозяйства, направляютъ во всѣ концы свѣта огромныя массы путешественниковъ, которые дѣлаютъ большие города мѣстами болѣе или менѣе продолжительной стоянки. Сюда стекаются также пытом-

цы высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Ростъ благосостоянія и тщеславія побуждаетъ множество родителей избирать именно большие города мѣстомъ воспитанія дѣтей. Развитіе міроваго хозяйства ведеть также къ учрежденію новыхъ государственныхъ должностей, которыя представлены наибольшимъ числомъ лицъ именно въ большихъ городахъ: чиновники таможней, должности, связанные съ надзоромъ за портами, служащіе на желѣзныхъ дорогахъ и т. д. А это привлекаетъ сюда многихъ съ надеждой пристроиться на службѣ. Приливъ всѣхъ этихъ людей ведеть къ увеличенію числа ремесленниковъ и торговцевъ, домашней прислузы, къ основанію гостиницъ, типографій, газетъ и т. д. Если городъ достигъ значительныхъ размѣровъ, скажемъ, 100.000 жителей, то представляетъ уже разныя привлекательныя стороны; къ нему стремятся многіе въ расчетѣ ва удобства жизни и удовольствія. Какъ центръ потребления, онъ занимаетъ все болѣе видное мѣсто.

Ростъ новѣйшихъ городовъ имѣть своеобразныя особенности. Писатели 17 и 18 вѣковъ еще не уяснили себѣ законовъ, по которымъ развиваются большие города. Одни изъ нихъ, какъ Зюсемильхъ, приписывали это промыслу Божію, который возвеличиваетъ селенія и города или же уменьшаетъ ихъ процвѣтаніе. Иногда, какъ Юсти, они считали возможнымъ увеличить городъ подъ условіемъ, чтобы новымъ поселенцамъ были предоставлены исключительныя выгоды¹⁶). И прошлому знакомы большие города: въ концѣ Среднихъ Вѣковъ нѣкоторые города Италіи, Испаніи, Франціи, Германіи достигали, вслѣдствіе торговли, значительныхъ размѣровъ. Еще большие города знали древній міръ. Но огромное населеніе Рима, а позднѣе—Константинаополя, было слѣдствіемъ политической централизации. Она привлекала къ этимъ средоточіямъ избытки частныхъ хозяйствъ со всѣхъ концовъ обширнаго государства; а около безчисленныхъ чиновниковъ, землевладѣльцевъ, капиталистовъ съ ихъ рабами группировались многія тысячи черни, стекавшейся отовсюду на содержаніе государства и богатыхъ гражданъ. Письмо Сенеки къ матери, въ которомъ философъ перечисляетъ побужденія, направляющія людей въ Римъ со всѣхъ концовъ свѣта, стало классическимъ. Оно является отличной характеристикой для древняго міра, но не исчерпываетъ всѣхъ условій, которыя способствуютъ росту городовъ нашего времени. Сенека говоритъ, что въ Римъ стекаются люди со всѣхъ концовъ земли; у однихъ онъ отмѣчаетъ честолюбіе и стремленіе къ государственнымъ должностямъ, у другихъ—влечениіе къ городской жизни и роскоши, у третьихъ—жажду наживы, облегчаемой въ большихъ городахъ разными личными преимуществами человѣка, красотой, краснорѣчіемъ, у иныхъ—любовь къ научнымъ занятіямъ. Эти побужденія остаются и те-

перъ во всѣй силѣ. Но Сенекѣ не былъ извѣстенъ толькъ при-
токъ людѣй въ города, который вызывается именно развитіемъ
мироваго хозяйства. Потерпіи значительное уменьшеніе виѣш-
нія: торговли Гамбурга, Антверпена, Бордо, Либавы, Ростова-
на-Дону—и за юемного жѣть, они, по богатству и числу жите-
лей, упали-бы до неизнаваемости. Въ этихъ и многихъ дру-
гихъ городахъ созидающей силой служить то, что связано съ
мировой торговлей; все осталъное имѣть второстепенное зна-
ченіе. Рѣзкое сокращеніе виѣшней торговли повело бы въ
подобныхъ городахъ къ упадку, наблюдалемому, напримѣръ, въ
Брюгге съ его 53-хъ тысячамъ населеніемъ: никогда, подъ
влияніемъ виѣшней торговли, онъ имѣть болыше 300.000 жи-
телей.

Отливъ населенія изъ деревень въ города связанъ также со
влияніемъ мироваго хозяйства на земледѣліе странъ старой куль-
туры. Развитіе пароходства и удешевленіе морскихъ перево-
зокъ, сооруженіе желѣзныхъ дорогъ въ странахъ юной куль-
туры, рѣдкое населеніе и обширныя площади плодородныхъ
пустующихъ земель облегчили доставку продуктовъ сельскаго
хозяйства въ Европу со всѣхъ концовъ земнаго шара. Отсюда—
пониженіе цѣнъ этихъ продуктовъ на мировомъ рынкѣ и за-
трудненія для сельскихъ хозяевъ въ странахъ старой куль-
туры, гдѣ производство хлѣба обходится дорого. За 75 лѣтъ—
отъ 1786 до 1860 года, цѣна пшеницы въ Англіи только два
раза (въ 1835 и 1851 годахъ) падала ниже 10 фунтовъ стер-
линговъ за тонну. По пятилѣтіямъ же въ теченіе этого періода
она колебалась между 11 фунтами 16 шиллингами въ 1786—90
годахъ и 21 фунтомъ 18 шиллингами въ 1811—20. Отъ 60-хъ
годовъ цѣна пшеницы обнаруживаетъ наклонность къ пониже-
нію, сперва медленно, только въ отдѣльные годы, а съ начала
70-хъ годовъ — болѣе быстро. Въ 1878 году тонна стоила
11 фунтовъ 12 шиллинговъ; съ тѣхъ порь цѣна, все болѣе
понижаясь, ни разу не поднималась до этого уровня. За 9-ти
лѣтній періодъ (1881—89) цѣна тонны стояла на 9 фунтахъ
б шиллингахъ, а затѣмъ опустилась еще ниже ¹³⁾.

Такое паденіе цѣнъ должно было потрясти сельское хозяй-
ство. Комиссія, назначенная англійскимъ парламентомъ въ
1894 году, обнаружила упадокъ сельскаго хозяйства почти во
всѣхъ мѣстахъ Соединеннаго Королевства. Возьмемъ для при-
мѣра положеніе дѣль, которое соперничество заокеанскихъ
странъ создало въ Линкольншире. Это графство считается
житницей Англіи (согл county); оно имѣть плодородную
почву, высоконтензивное хозяйство. Пути сообщенія въ Лин-
кольншире очень хороши; уже съ 1846 года желѣзныя дороги
перерѣзываютъ его во всѣхъ направленияхъ. Всѣ, даже незначи-
тельный проселочныя дороги находятся въ отличномъ состояніи.

Въ 1893 году подъ зерновыми хлѣбами въ Линкольнширѣ было до $\frac{1}{3}$ всей земли, тогда какъ для Великобританіи площадь подъ ними не превышаетъ $\frac{1}{8}$ всего пространства. Высокому состоянію культуры способствуетъ и то, что арендныя отношенія предстаиваютъ большую устойчивость. Арендованіе многихъ имѣній остается 200—300 лѣтъ въ одной и той-же семье, а это тѣсно связываетъ наимателя съ интересами хозяйства. Довольно свободные въ распоряженіи имѣніемъ, арендаторы не склоняются на улучшенія: въ концѣ 19 вѣка въ Линкольншире примѣнялось на 300% больше искусственныхъ удобрений, чѣмъ въ половинѣ столѣтія. И, вотъ, при столь благопріятныхъ условіяхъ, стали замѣчаться затрудненія сельскихъ хозяевъ, съ 1875 года подъ вліяніемъ ряда неурожаевъ, а съ 1882—вѣдѣстіе пониженія цѣнъ. Уменьшеніе денежнаго дохода отъ земли достигло огромныхъ размѣровъ: 1 экръ подъ пшеницей давалъ въ 1873—77 годахъ 9 фунтовъ 6 шиллинговъ 8 пенсовъ ежегодно, въ 1883—87 годахъ 6 фунтовъ 1 пенсъ, а въ 1894—только 3 фунта 7 пенсовъ. Воздѣлываніе ячменя стало еще болѣе убыточнымъ: за тотъ же періодъ денежная выручка съ 1 экра подъ ячменемъ упала съ 9 фунтовъ 13 шиллинговъ 1 пенса до 2 фунтовъ 14 шиллинговъ. Въ послѣдніе изъ означенныхъ годовъ издержки производства пшеницы составляли 6 фунтовъ 18 шиллинговъ, а ячменя—5 фунтовъ 10 шиллинговъ съ 1 экра. Понижение цѣнъ шерсти потрясло скотоводство и т. д. Словомъ, всѣ культуры стали убыточными, или, по крайней мѣрѣ, гораздо менѣе выгодными, чѣмъ въ 70-хъ годахъ 19 вѣка.

Такое положеніе дѣль не замедлило отразиться на высотѣ арендной платы и продажныхъ цѣнъ земли. Отъ конца 70-хъ до 1894 года арендныя цѣны въ крупныхъ имѣніяхъ понизились на 20—30—50%. Во многихъ случаяхъ арендаторы оставляли имѣнія, и владельцамъ приходилось удерживать ихъ въ собственномъ управлѣніи и вести хозяйство въ убытокъ. Продажныя цѣны упали еще въ большей пропорціи. Вотъ нѣкоторые примѣры. Одно имѣніе въ 125 экровъ съ отличной пшеничной почвой, стоявшее въ 1856 году 7.800 фунтовъ, было продано въ 1894 за 1.560 фунтовъ, то-есть съ потерей въ 80%. Имѣніе въ 461 экръ, стоявшее въ 1885 году 30.000, было продано въ 1892 за 6.000 фунтовъ; на немъ быть гипотечный долгъ въ 16.000 фунтовъ: заемодавцы потеряли больше половины. Подобныхъ примѣровъ можно найти очень много. Все это поставило сельскихъ хозяевъ, особенно мелкихъ, въ очень тяжелое положеніе. Плата рабочихъ поколебалась не много: недѣльный заработокъ, достигавшій въ концѣ 30-хъ годовъ 19 вѣка 14 шиллинговъ, составлять въ 90-хъ годахъ $13\frac{1}{2}$ шиллинговъ. Цѣна пшеницы упала за этотъ періодъ почти до $\frac{1}{3}$, однако,

сельские рабочие были потому удручены кризисомъ, что уменьшилось поле для примѣненія ихъ труда; многие не могли найти занятія ²⁰).

Собрано также много свѣдѣній, доказывающихъ уменьшеніе выгодности сельского хозяйства въ Германіи. Ввозъ продуктовъ сельского хозяйства въ эту страну покрываетъ уже больше ¹, внутренняго потребленія; такой дефицитъ образовался за послѣднія 30 лѣтъ. Не взирая на интензификацію земледѣлія и защиту его таможенными налогами, оно стало менѣе выгодно. По даннымъ для нѣсколькихъ имѣній провинціи Саксоніи, урожай ржи поднялся за 30 лѣтъ (1860 — 69 и 1890 — 99) съ 8,56 до 13,41 центнеровъ, урожай пшеницы — съ 9,39 до 16,23, а расходы на моргенъ увеличились съ 33,11 до 110,70 марокъ. Особенно возросли расходы вслѣдствіе примѣненія искусственныхъ удобрений: подробныя записи по тремъ имѣніямъ провинціи Саксоніи показываютъ, что въ 1860 — 65 годахъ искусственные удобрения для 1 моргена стоили 0,60 марокъ ежегодно, а въ 1879 — 30,65 марокъ ²¹). По вычислѣніямъ для 11-лѣтняго периода (1887—97), крупное сельское хозяйство въ Саксеніи — Веймарѣ оказывается немногого выгоднѣе мелкаго; однако, подъ влияніемъ низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ, всѣ хозяйства — мелкія, среднія и крупныя — находятся въ стѣсненномъ положеніи. Нормальная рента — въ 3% съ цѣнъ земли должна была бы составлять съ 1 гектара 70,92 марокъ для мелкихъ хозяйствъ, 52,45—58,66 марокъ для среднихъ и 47,68 для крупныхъ; а она равняется только 46,87, 8,38—25,86 и 9,14 марокъ. Въ среднемъ рента должна бы достигать 57,43, а она даетъ только 22,56 марокъ ²²).

Все это станетъ понятно, когда вспомнимъ о цѣнѣ земли въ разныхъ странахъ. Десятина пашни или луговъ стоитъ въ Англіи, Бельгіи, Саксоніи, на Рейнѣ 1500 — 2000 рублей, во Франціи 800 — 1200, въ средней и восточной Германіи 500—800 рублей, въ черноземныхъ губерніяхъ Россіи 150 — 250 рублей, въ Соединенныхъ Штатахъ 150—250, въ Южной Америкѣ и Австраліи — 50 рублей и дешевле. Сельское хозяйство стоитъ въ Западной Европѣ гораздо выше, чѣмъ въ Россіи и за океаномъ, но разница въ цѣнѣ не можетъ быть парализована техническими усовершенствованіями, которыхъ уже примѣняются въ земледѣліи густонаселенныхъ странъ. Какъ ни велики улучшенія, они не устраняютъ большихъ различій въ издержкахъ производства хлѣба между Англіей и Соединенными Штатами или Германіей и Россіей. Такимъ образомъ, давление заокеанского и русского земледѣлія на западноевропейское сельское хозяйство понижаетъ цѣну земли у народовъ старой культуры и поднимаетъ ее въ странахъ, вывозящихъ хлѣбъ.

Міровое хозяйство имѣетъ вліяніе на заработную плату.

Желѣзныя дороги облегчили передвиженія людей. Переселенія совершились всегда, но только за послѣднія десятилѣтія, и при движениі большихъ массъ, они стали производиться по законченному плану. Правильная колонизація Сибири началась только съ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка. Массовая передвиженія представляютъ одну изъ сторонъ мироваго хозяйства; по мѣрѣ его развитія, они ставятся въ условіи все болѣе благопріятныхъ и являются съ характеромъ, отличнымъ отъ того, какой имѣли еще въ первой половинѣ 19 вѣка. Желѣзныхъ дорогъ было мало, перевозка моремъ — дорога и медленна, а потому переселенцы изъ Стараго Свѣта въ Новый покидали родину на всегда. Съ постройкой желѣзныхъ дорогъ и удешевленіемъ перевозки черезъ океанъ увеличилось число выселенцевъ. Кромѣ тѣхъ, которые навсегда покидаютъ родину, большія массы передвигаются изъ страны въ страну для временныхъ работъ. Многія тысячи итальянцевъ щадятъ въ Аргентину на 6 недѣль, только для уборки жатвы, въ Германію, Швейцарію, Францію—для сельскохозяйственныхъ и другихъ работъ. Сельскіе рабочіе изъ Галиціи, Привислянского края. Литвы направляются въ имѣніи германскихъ помѣщиковъ. При оживленіи промышленности, въ разсчетѣ на болѣе высокую плату многіе рабочіе передвигаются изъ деревень въ города. Это наблюдалось въ Германіи въ концѣ 90-хъ годовъ. Въ 1899 году изъ одной Познани на западъ Германіи двинулось 60.000 рабочихъ, преимущественно сельскихъ; они должны были быть замѣнены русскими. 31 декабря 1899 года на горныхъ промыслахъ въ округѣ Дортмундъ насчитали 200.000 рабочихъ, среди нихъ 70.000 пришлыхъ поляковъ.

Передвиженіе людей для временныхъ занятій повышаетъ плату въ тѣхъ мѣстахъ, откуда отливаютъ работники, и понижаетъ или препятствуетъ повышенію тамъ, куда они направляются. Плата сельскимъ рабочимъ въ польскихъ и литовскихъ губерніяхъ, вообще, очень низкая, вѣсколько повысилась за послѣдніе годы. Хозяева этихъ губерній жалуются на вздорожаніе рабочихъ рукъ; германскіе сельскіе хозяева имѣютъ дешевый трудъ въ пришлыхъ литовскихъ и польскихъ рабочихъ: плата сельскимъ рабочимъ восточной Пруссіи повысилась очень мало, главнымъ образомъ, вслѣдствіе притока людей изъ-за границы.

Пролетаріатъ относится къ этимъ явленіямъ совсѣмъ иначе, чѣмъ землевладѣльцы и капиталисты. Что послѣдніе находять для себя выгоднымъ, въ томъ работники видятъ нарушеніе своихъ интересовъ. Это слышится въ заявленіяхъ аграріевъ съ одной стороны и представителей пролетаріата съ другой. Первые нерѣдко говорять въ рейхстагѣ или прусскомъ ландтагѣ о желательности привлечения сельскихъ рабочихъ изъ-за границы,

изъ странъ, гдѣ плата ниже, чмъ въ Германіи, а представители пролетаріата возстаютъ противъ мѣръ, бросающихъ на рынокъ трудъ новыхъ соперниковъ туземнымъ рабочимъ. Относительно же работниковъ, которые приходятъ въ Германію по собственному побужденію, представители пролетаріата требуютъ такой платы и такого содержанія, какъ для туземныхъ рабочихъ²³).

Развитіе міроваго хозяйства увеличиваетъ взаимную зависимость между народами. Рѣзкое уменьшеніе ввоза того сырья, которое перерабатывается фабриками данной страны, ставитъ десятки тысячъ ея рабочихъ въ безвыходное положеніе и разоряетъ многихъ предпринимателей. Европейскія страны, особенно Англія, знаютъ это по опыту. Главнымъ поставщикомъ хлопчатой бумаги для міроваго рынка служатъ Соединенные Штаты. Война Сѣверныхъ Штатовъ съ Южными такъ сократила производство хлопка въ Америкѣ, что въ 1861—65 годахъ ежегодный ввозъ его въ Англію составлялъ 864.730.000 англійскихъ фунтовъ, а въ 1856 — 60 — 1.128.890.000 фунтовъ. Столь большой недостатокъ матеріала для главной отрасли англійской промышленности повергъ множество рабочихъ въ крайнюю нужду. Если бы Соединенные Штаты были теперь вынуждены въ такой же пропорціи уменьшить снабженіе міроваго рынка хлопкомъ, то затрудненія для хлопчатобумажной промышленности захватывали бы гораздо большую площадь, чмъ тогда: теперь, кромѣ Англіи, эта промышленность является важной отраслью народного труда въ Германіи, Швейцаріи, Бельгіи, Россіи. Теперь Соединенные Штаты перерабатываютъ несолько больше хлопка, чмъ Англія, а европейскій материкъ — на 30% больше Великобританії²⁴). Слѣдуетъ сказать то же о другихъ крупныхъ статьяхъ міровой торговли: большое сокращеніе отпуска шерсти Австраліей поставило бы предприятия, перерабатывающія шерсть, въ очень тяжелое положеніе. Значительное уменьшеніе вывоза хлѣба изъ Россіи и Соединенныхъ Штатовъ не замедлило бы отразиться на положеніи миллионовъ и миллионовъ людей: вздорожаніе главныхъ жизненныхъ припасовъ ухудшило бы потребленіе неимущихъ; уменьшивъ ихъ покупательную силу, оно затруднило бы сбыть товары во всѣхъ отрасляхъ промышленности.

Можно, поэтому, сказать, что крупныя события въ странахъ, которые принимаютъ большое участіе въ міровой торговлѣ, имѣютъ замѣтное влияніе на экономическую жизнь многихъ другихъ народовъ; связаны ли эти явленія съ дѣйствіемъ сильнѣйшей природы (неурожай) или относятся къ соціальнымъ вѣсомъ смыслѣ (война, внутренняя междуусобія), они уменьшаютъ количество продуктовъ, доставляемыхъ міровому рынку и отражаются далеко за предѣлами страны, гдѣ совершились.

Взаимная зависимость между народными хозяйствами возрастает безостановочно; особенно чувствительна она для тѣхъ странъ, связь которыхъ съ міровымъ рынкомъ отлипается однобразиемъ. Бразилія вывозить, преимущественно, кофе; иѣкоторыя вестъ-индійскія колоніи — тростниковый сахаръ. Неурожай, коснувшійся главнаго продукта вывоза, ставитъ такую страну въ тяжелое положеніе. Напротивъ, тѣ народныи хозяйствама, которые поставляютъ міровому рынку разные товары, находятся въ болѣе выгодныхъ условіяхъ: сокращеніе ввоза по одной-двумъ статьямъ можетъ оставить отпускъ другихъ важныхъ предметовъ неуменьшеннымъ, а потому и не произвести замѣтнаго потрясенія въ торговыхъ оборотахъ этой страны.

Взаимную зависимость народныхъ хозяйствъ нерѣдко признаютъ тяжелымъ бременемъ. Въ каждой странѣ есть узкіе патріоты, которые считаютъ положеніе своего отечества тѣмъ болѣе благопріятнымъ, чѣмъ меныше оно зависитъ отъ другихъ народовъ, чѣмъ, относительно, большая доля внутренняго потребленія покрывается продуктами туземнаго производства. Эти патріоты находятъ подъ рукой аргументы въ пользу выгодности производить у себя всѣ товары, отъ земледѣльческихъ машинъ до щегольскихъ шляпъ и отъ миткаля до затѣйливыхъ игрушекъ, разсчитанныхъ на спросъ немногихъ сотенъ семей. Но они разсыпаются особенно усердно цвѣты краснорѣчія, когда рѣчь идетъ объ опасностяхъ, грозящихъ странѣ, которая ввозить много жизненныхъ припасовъ. Приводятся разные аргументы въ пользу того, что этотъ ввозъ можетъ быть пагубнымъ для народа. Ограничимся оценкой наиболѣе вѣскаго, — что, въ случаѣ войны, ввозъ жизненныхъ припасовъ можетъ уменьшиться или даже совсѣмъ прекратиться, и народъ, потребляющій привозныя средства продовольствія, будетъ поставленъ въ безвыходное положеніе. Такъ ли это?

Предположимъ, что Германія ведеть войну съ однимъ изъ соѣдніихъ государствъ. Каковъ бы ни былъ исходъ войны для Германіи, всѣ пути ввоза не могутъ быть заперты. Если отрѣзаны пути для ввоза хлѣба изъ Россіи, то останется возможность привоза чрезъ австрійскую границу, Швейцарію, Гамбургъ, чрезъ гавани Голландіи и Бельгіи. За послѣднєе время фрахты такъ низки, что привозъ хлѣба даже кружными путями можетъ поднять цѣну лишь очень немного. Предположимъ, что, вслѣдствіе войны съ Россіей, Германія могла бы получить изъ нашего отечества только малое количество хлѣба: дефицитъ былъ бы покрытъ усиленнымъ привозомъ изъ другихъ странъ, вывозящихъ хлѣбъ. Такой результатъ былъ бы тѣмъ болѣе неизбѣжнымъ, что Россія, поставляя Германіи больше половины ввозимаго послѣднею количества хлѣба, должна была бы продать его въ другомъ мѣстѣ, напримѣръ, въ Англіи;

всѣдѣствіе этого сдѣлалась бы свободною часть хлѣба, приходящаго изъ Соединенныхъ Штатовъ, Аргентины. Освободившаяся часть и была бы ввезена въ Германію.

Однако, въ случаѣ войны съ 3—4 державами пріостановилась бы доставка хлѣба въ Германію чрезъ всѣ границы. Исходъ такой войны не подлежитъ сомнѣнію: Германія, какъ самостоятельное государство, должна была бы погибнуть. Уже неизбѣжность такого исхода умаляетъ важность того факта, что было бы затрудненіе ввоза хлѣба въ Германію: если бы столь тяжелая война застала Германію при полномъ покрытии потребностей населенія хлѣбомъ туземнаго производства, то положеніе не было бы лучше, нужда населенія не была бы менѣе остра, чѣмъ въ первомъ случаѣ. Войска непріятеля, со всѣхъ границъ вторгшіяся на эту страну, опустошили бы ея поля, наложили бы руку на ея хлѣбные запасы, нарушили бы правильное занятіе сельскимъ хозяйствомъ и заставили бы народъ испытать всѣ ужасы несчастной войны²⁵⁾) Такъ всегда бываетъ съ населеніемъ государства, одолѣваемаго внѣшними врагами, и такъ было еще на днѣхъ съ маленькимъ свободолюбивымъ народомъ южной Африки.

Обращаясь отъ предположеній къ дѣйствительности, мы видимъ, что возрастающая взаимная зависимость между народами ни разу не была связана съ тяжелыми послѣдствіями, какія нами допущены въ гипотетическомъ примѣрѣ. Отъ половины 19 столѣтія велись войны во всѣхъ концахъ свѣта; въ которыхъ изъ нихъ отличались большой ожесточенностью и продолжительностью; но міровая торговля важнѣйшими жизненными припасами рѣдко испытывала на себѣ ихъ вліяніе. Одной изъ большихъ войнъ послѣдняго времени была русско-турецкая и, однако, оборотъ съ хлѣбомъ въ міровой торговлѣ былъ болѣе великъ въ 1878 году, чѣмъ въ 1877 (6,763,5 миллионовъ марокъ и 6,214,9 миллионовъ). Какъ развивалась внѣшняя торговля изъ десятилѣтія въ десятилѣtie, такъ, съ небольшими колебаніями, увеличивалось и количество хлѣба, вывозимаго на міровой рынокъ. Международная торговля испытала застой только въ періодъ наполеоновскихъ войнъ: отъ 1780 до 1800 года ея обороты увеличились на 116 миллионовъ фунтовъ стерлинговъ, а отъ 1800 до 1820 — только на 39 миллионовъ (186, 302 и 341 миллионовъ²⁶⁾) фунтовъ для означенныхъ годовъ). Время наполеоновскихъ войнъ всего болѣе соответствуетъ приведенному условному примѣру. Мы полагаемъ, что всеобщая свалка, охватившая тогда Европу, составляетъ послѣдній актъ военной исторіи протекшихъ временъ. Во-первыхъ, условія не тѣ, чтобы человѣкъ, съ сильной волей и завоевательными стремленіями, могъ поднять нѣсколько культурныхъ народовъ на общую войну. А, во-вторыхъ,—это мы считаемъ несомнѣн-

нымъ,—если бы въ войнѣ участвовало несолько большихъ государствъ и она своими относительными размѣрами напоминала то, что пережила Европа въ началѣ 19 вѣка, то ея продолжительность была-бы, все-таки, не велика: и современные способы передвиженія войска, и характеръ новѣйшаго оружія и вліяніе на общественныя дѣла со стороны классовъ, заинтересованныхъ въ мирѣ, содѣйствовали-бы ея окончанію въ короткій срокъ. За это ручается исходъ войнъ 1866 и 1870 годовъ. Успѣхи германскаго оружія были такъ велики, что побѣдительница могла больше опустошить побѣжденныя страны, больше унизить ихъ, связать заключеніе мира съ болѣе тяжелыми условіями, нѣжели тѣ, которыхъ вынали на долю Австріи и Франціи. По сравненію съ разгромомъ австрійскихъ и французскихъ военныхъ силъ, результаты не могутъ быть названы чрезмѣрно тяжелыми для побѣжденныхъ: удаленіе Австріи отъ германскаго союза не ослабило ея, а отторженіе Эльзасъ-Лотарингіи отъ Франціи, и 5-ти миллиардной контрибуціи только немного ослабили Францію. Итакъ, призракъ всеобщей войны не настолько реаленъ, чтобы во имя этого считать зависимость отъ другихъ странъ тягостною для народа, вводящаго главные жизненные припасы.

Мы считаемъ разните міровыхъ сношеній и возрастаніе взаимной зависимости между народами необходимой формой, въ которой оказывается движение людей впередъ. На низшихъ ступеняхъ развитія, где люди бродятъ мелкими группами по необозримымъ пространствамъ или осѣдаютъ небольшимъ числомъ семей, человѣкъ зависитъ только отъ членовъ этого союза—рода, общины. Нити, связывающія людей, не идутъ дальше близайшаго сосѣдства. Илемя, осѣвшее на Днѣпрѣ или Дунаѣ, не пытывается ни малѣйшаго вліянія отъ судьбы, которая переживаетъ маленькое государство на Рейнѣ, въ Галліи или Испаніи. Долголѣтіе, коротко-ли существуютъ эти кучки людей, достигаютъ-ли они значительной политической силы или исчезаютъ съ лица земли.—все это не отзывается далеко за границами ихъ владѣній. Но зависимость каждого отъ немногихъ идетъ рука обь руку, съ тѣжкой зависимостью отъ вѣнчаной природы. Говорить о томъ, какъ, при низкой культурѣ, люди зависятъ отъ урожая въ своей ближайшей окрестности, какъ часто они страдаютъ отъ голода, какія опустошенія производятъ болѣзни въ ихъ рядахъ, — значитъ повторять то, что извѣстно вѣдьмъ. Къ этой зависимости присоединяется и другая—большинства, состоящаго на положеніи рабовъ или крѣпостныхъ, отъ меньшинства. Чѣмъ болѣе разнообразны становятся отношенія между людьми, чѣмъ больше площадь, которую охватываетъ хозяйственная дѣятельность, тѣмъ болѣе ослабѣваетъ порабощеніе человѣка вѣнчаной природой и условіями жизни въ ближайшемъ сосѣдствѣ. Ши-

рою раздѣленный трудъ и непрерывный обмѣнъ между народами обезпечиваютъ человѣку гораздо больше довольства и свободы, нежели то состояніе замкнутости, которое навсегда отошло въ область исторіи. Взаимная зависимость народовъ позволяетъ имъ созидать предпріятія и поддерживать учрежденія, важныя для множества людей и размѣрами превосходящія то, что возникаетъ въ отдѣльныхъ странахъ для потребностей только туземнаго населенія. Мировое хозяйство не имѣть единой руководящей власти и не представляетъ единаго цѣлого въ томъ смыслѣ, какъ народное; однако, это не мѣшаетъ совершенію актовъ, важныхъ для всего міра. Прорытіе Сuezскаго перешейка—фактъ огромнаго мироваго значенія—могло совершиться только потому, что вѣнчая торговля уже достигла большаго развитія и предъявила запросъ на начинанія, служащія интересамъ многихъ народовъ. Припомнимъ Всемірный Почтовый Союзъ—внѣ его остаются только дикія или полудикія страны Азіи и Африки—и признаемъ, что лишь „взаимная зависимость“ между народами могла создать учрежденіе, столь правильно и однородно дѣйствующее во всѣхъ концахъ земнаго шара.

Повторяю, параллельно съ развитіемъ мироваго хозяйства возрастаетъ свобода народовъ отъ условій, которыя дарованы имъ виншней природой и исторіей. Одинъ новѣйший писатель вычисляетъ, что $\frac{2}{3}$ людей, занятыхъ въ германской промышленности, вполнѣ или отчасти зависятъ въ своей работе отъ привознаго сырья; а въ половинѣ 19 столѣтія германское народное хозяйство стояло еще „на собственныхъ ногахъ“²⁷⁾. Спросимъ, однако, не ограничиваясь боевыми эпитетами, лучше-ли живется этимъ людямъ, зависящимъ отъ заграницы, чѣмъ жилось ихъ предкамъ 300, 200 или хотя бы 100 лѣтъ тому назадъ, когда были очень несложны экономическія связи, соединившія Германію съ другими народами? И мы будемъ вынуждены отвѣтить, что потомки живутъ лучше предковъ: жилища первыхъ лучше, пища—болѣе обильна, одежда—болѣе соответствуетъ климату; духовныя потребности, столь скучныя еще 3—2 поколѣнія тому назадъ, охватили все населеніе страны. На мѣстѣ тупаго подчиненія существующему порядку явилось сознательное требование новыхъ и лучшихъ формъ жизни. И если положить на одну чашу вѣсовъ призракъ страшной, еще небывалой войны, могущей прекратить ввозъ жизненныхъ припасовъ и сырыхъ материаловъ изъ-заграницы, а на другую — тѣ реальныя невзгоды, среди которыхъ люди жили столѣтіе тому назадъ — низкій уровень благосостоянія, крайнее невѣжество, произволь сильныхъ міра,—то вторая чаша далеко перетянетъ первую.

Не является ли мировое хозяйство современаго типа лишь кратковременнымъ періодомъ въ экономической исторіи? Не-

рѣдко слышатся голоса, что народы, вывозящіе сырье, постепенно разовьютъ свою промышленность, а возросшее въ этихъ странахъ населеніе будетъ оставлять для вывоза мало продуктовъ сельского хозяйства ²⁸). Это положеніе не можетъ быть принято, по крайней мѣрѣ, для цѣлаго ряда ближайшихъ десятилѣтій. 1) Страны, бывшія еще недавно поставщиками только сырыхъ продуктовъ для мироваго рынка, начинаютъ вывозить и фабрикаты; назовемъ, прежде всего, Соединенные Штаты. Однако, увеличивается количество и вывозимаго ими сырья. Не слѣдуетъ забывать, что Соединенные Штаты имѣютъ еще очень рѣдкое населеніе: если даже исключить Аляску и территорію индійцевъ, оно не достигало въ 1900 году 20 душъ на квадратную версту. Очень рѣдко населеніе большей части сѣверныхъ и южныхъ центральныхъ штатовъ (въ Миннесотѣ живутъ 9,68 на квадратной верстѣ, Небраскѣ—6,16, Техасѣ—5,15, Ю. Дакотѣ—2,29, С. Дакотѣ—1,99), а они и служатъ главными производителями пшеницы. Въ Калифорніи, которая такъ развила сельское хозяйство, на квадратной верстѣ живетъ только 4,20 человѣкъ. Допустимъ, что населеніе Соединенныхъ Штатовъ удвоивается каждыя 30 лѣтъ, что и для будущаго сохранитъ такой же періодъ удвоенія: и все-таки, въ этой странѣ долго будетъ возможно дальнѣйшее расширеніе площади сельскаго хозяйства. То-же предстоитъ Южной Америкѣ, Австралии. Данія имѣетъ довольно густое населеніе — 62,9 на квадратную версту, — а вывозить, главнымъ образомъ, продукты скотоводства и птицеводства (въ 1901 году изъ общаго вывоза на 408.600.000 кронъ, цѣнность живыхъ животныхъ, свинины, сала, масла и яицъ составляла больше 280 миллионовъ). Въ Индіи на 1 квадратную версту приходится 73,5 жителей (1901 годъ), а отпускъ пшеницы увеличивается: за 1884—88 года было вывезено въ среднемъ 58.108.000 пудъ, въ 1899—60.524.000 пудъ. Соединеннымъ Штатамъ нужно около 100 лѣтъ, чтобы достигнуть такой плотности населенія, какъ въ Индіи. Поэтому, можно смѣло предсказать, что Соединенные Штаты еще долго сохранятъ значеніе страны, вывозящей продукты земледѣлія и скотоводства. 2) Не забудемъ, что многія европейскія страны имѣютъ большую плотность населенія: въ Уэльсѣ она въ 15 разъ больше, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Бельгіи — почти въ 24 раза, въ Германіи — слишкомъ въ 10 разъ. Какъ ни густо населеніе въ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ государствахъ Европы, оно продолжаетъ возрастать. И если эти страны уже давно не могутъ обойдтись сырыми продуктами собственного производства, то для будущаго это становится еще менѣе вѣроятнымъ. 3) Можно предположить, что современемъ ярко обнаружатся два процесса: а) въ странахъ густо населенныхъ, вслѣдствіе уменьшенія рождаемости и усиленія эми-

грації, населеніе достигнетъ почти неподвижнаго состоянія; б) большиe успѣхи земледельческой техники позволять прокармливать на данной площади гораздо больше людей, чѣмъ теперь, позволять, напримѣръ, Германіи обходиться безъ ввоза съѣстныхъ припасовъ. Эти оба процесса еще не приведутъ къ полному перевороту въ характерѣ международной торговли. в) Населеніе всѣхъ европейскихъ странъ можетъ долго возрастиать безъ того, чтобы эмиграція поглощала большую часть избытковъ сравнительно съ настоящимъ или ближайшимъ будущимъ. По переписи 1900 года, на квадратной верстѣ въ Германіи жило 118,36 души, въ Бельгії 260,92, въ Голландії 177,32, въ Саксонії 319. Нѣтъ основанія утверждать, что населенность Германіи не можетъ подняться на уровень уже достигнутый Голландіей или даже Бельгіей и Саксоніей. Еще въ 1841 году плотность населенія въ Англіи и Уэльсѣ была больше, чѣмъ теперь въ Германіи: 120,12 на квадратной верстѣ. Хотя за послѣднія десятилѣтія 19 вѣка изъ Соединенного Королевства выселилось до $6^{1/2}$ миллионовъ людей, однако, къ 1901 году населенность увеличилась слишкомъ на 100%. Есть, поэтому, основаніе для вывода, что въ Германіи населенность будетъ увеличиваться еще долгое время. в) Усовершенствованія земледельческой техники, какъ бы они ни были велики, не приведутъ густо населенныхъ странъ къ возможности довольствоваться продуктами туземнаго сельскаго хозяйства, потому что они не устранитъ, пожалуй, и не уменьшатъ разницы въ издержкахъ производства. Наблюденіе показываетъ, что новыя орудія и технические приемы, введенные въ одной странѣ, примѣняются вскорѣ послѣ того и у другихъ народовъ европейско-американскаго міра. Если-бы, поэтому, улучшеніе земледѣлія въ Европѣ позволило получать съ данной площади вдвое болѣйший урожай, то однородныя мѣры, принятые за океаномъ, дали бы въ Соединенныхъ Штатахъ и Аргентинѣ болѣе избытковъ для вывоза. А такъ какъ улучшенія не устранили-бы разницы въ цѣнѣ земли и рентѣ, то густонаселенной Европѣ было бы выгодно покупать за границей продукты сельскаго хозяйства.

ПРИМѢЧАНИЯ.

- 1) *Mulhall. Dictionary of Statistics. 1899. Keletie. Statesman's Yearbook, 1901. Calwer. Handel u. Wandel. 1902.*
- 2) *Радицъ. Производство и потребление пшеницы. 1900.*
- 3) *Huber. Deutschland als Industriestaat. 1901. 91.*
- 4) *May. Die Wirtschaft in Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft. 1901. 113*
- 5) *Радицъ. Т. ж.*
- 6) *Calwer. Arbeitsmarkt u. Handelsverträge. 1901.*

- 7) *Economist*, 5 апреля 1902.
 8) *Export*, 1902, №№ 4, 6, 28.
 9) *Daireaux. République Argentine*. 1889.
 10) *Леруа-Боне*. Новые англо-саксонские общества. 1898, 66—74.
 11) *Export*, 1900, №№ 15 и 39, 1901, 5.
 12) *Journal officiel* за ноябрь 1902.
 13) *Export*, 1900, 27.
 14) *Брандтъ*. Иностранные капиталы. I. 1898. 98—187.
 15) *Брандтъ*. Т. ж. II. 1899. 106—36.
 16) *German. Internationale Organisationen der Grossindustrie. Neue Zeit*.
 1902. 2.
 17) *Goldstein. Berufsgliederung u. Reichthum*. 1897. 1—16. *Sombart. Der moderne Kapitalismus*. 1902. II. 176—86.
 18) *Bücher. Die Entstehung der Volkswirtschaft*. 2 Aufl. 1898. 378.
 19) *Mulhall. T. ж.* 481.
 20) *König. Die Lage der englischen Landwirtschaft*. 1896. 99—189.
 21) *Pöhle. Deutschland am Scheidewege*. 1902.
 22) *Huschke. Reinertragsberechnungen*. 1902.
 23) Такое заявление было сделано въ реихстагѣ социалпестомъ Гаазе въ маѣ 1899.
 24) *May. T. ж.* 194.
 25) *Dietzel. Weltwirtschaft u. Volkswirtschaft*. 1900.
 26) *Juraschek. Uebersichten der Weltwirtschaft. Jahrgang 1885—89* и
Mulhall. T. ж. 128.
 27) Статья *Voigt'a* въ Сборнике Handels u. Machtpolitik. 1900.
 28) *Pöhle. T. ж.*

К О Н Е Ц Ъ.